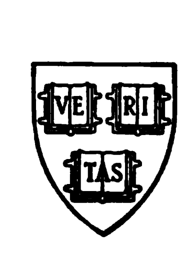

VE
RI
TAS

ИЗВѢСТІЯ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО

ВЪ НѢЖИНѢ.

ТОМЪ XIX.

СОДЕРЖАНІЕ.

НѢЖИНЪ,
Типо-Лит. М. В. Глезера соб. д.
1901.

ОТЧЕТЫ

о состоянiи

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО

за 1899—1900 и 1900—1901 учебные годы.

НѢЖИНЪ
Типо-Литографiя М. В. Глезера
1901.

Печатается по постановленію Конференціи Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко.

Директоръ Ф. Гельбке.

ОТЧЕТЪ

о состоянии Историко-Филологическаго Института Кн. Безбородко

за 1899—1900 учебный годъ.

Въ личномъ составѣ Института произошли слѣдующія измѣненія:

Приказомъ Г. Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія отъ 28 августа 1899 г. наставникъ студентовъ и преподаватель Института магистръ русской исторіи *М. И. Лилеевъ*, по выслугѣ 25 лѣтъ, уволенъ отъ первой изъ означенныхъ должностей съ оставленіемъ въ должности преподавателя. Тѣмъ же приказомъ на должность наставника студентовъ назначенъ бывшій приватъ-доцентъ Университета св. Владиміра магистръ греческой словесности *Б. Ф. Бурзи*.

Приказомъ Г. Попечителя Харьковскаго Учебнаго Округа отъ 4 сентября 1899 г. наставникъ студентовъ и преподаватель теоріи словесности *А. П. Кадлубовскій* перемѣщенъ въ Харьковскую 3-ю гимназію на должность учителя древнихъ языковъ.

Приказомъ Г. Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія отъ 22 сентября 1899 г. на должность наставника студентовъ и преподавателя назначенъ преподаватель Курскаго реальнаго училища *В. И. Рѣзановъ*.

Приказомъ Г. Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 9 ноября 1899 г. на должность преподавателя нѣмецкаго языка назначенъ преподаватель Выборгскаго реальнаго училища *Р. А. Теттенборнъ*.

Приказомъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 29 іюля 1900 г. наставникъ студентовъ *Н. С. Кирилловъ*, согласно прошенію, по болѣзни, уволенъ отъ занимаемой имъ должности.

Состоявшій членомъ Правленія Института ординарный профессоръ М. Н. Сперанскій вновь избранъ Конференціею на должность члена Правленія на 1 годъ, съ 4 іюня 1900 года. Въ Библіотечной Коммиссіи состояли до 14 декабря 1899 г. профессора Добіашъ, Бережковъ, Турцевичъ, Покровскій и Брокъ и преподаватель Лилеевъ, а затѣмъ профессора Пискорскій, Покровскій и Брокъ и преподаватели Бурзи и Рѣзановъ.

Ординарный профессоръ *М. Н. Сперанскій* Совѣтомъ Императорскаго Университета св. Владиміра удостоенъ 29 октября 1899 г. ученой степени доктора русскаго языка и словесности.

Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ св. Станислава 2-й степени Инспекторъ Института и. д. экстраординарнаго профессора *Г. Б. Малевинскій*.

Утверждены въ чинахъ: экстраординарный профессоръ *В. К. Пискорскій*—коллежскаго совѣтника, и наставникъ студентовъ преподаватель *В. И. Рѣзановъ*—коллежскаго ассесора.

Къ началу 1899/1900 учебнаго года состояло студентовъ въ I курсѣ—28, во II курсѣ—12, въ III курсѣ—17, въ IV курсѣ—28, всего 85 студентовъ. Въ началѣ отчетнаго года на III курсъ перемѣщенъ 1 студентъ Императорскаго С.-Петербургскаго Историко-филологическаго Института; уволены, согласно прошеніямъ, въ отчетномъ году: изъ I курса 11 студентовъ (одинъ по болѣзни, шесть для поступленія въ университетъ, четверо по семейнымъ обстоятельствамъ); изъ III курса—1 студентъ (для поступленія въ университетъ).

По результатамъ окончательныхъ и переводныхъ испытаній въ маѣ и іюнѣ 1900 года—удостоены званія учителя гимназіи всѣ 28 студентовъ окончившихъ курсъ, въ томъ числѣ 10 классиковъ, 7 словесниковъ и 11 историковъ; переведены изъ III курса въ IV 17 студентовъ (4 классика, 5 словесниковъ и 8 историковъ); одинъ студентъ словеснаго отдѣленія, не выдержавшій переводнаго испытанія по одному предмету, переведенъ по ходатайству Конференціи передъ Г. Попечителемъ Кіевскаго Учебнаго Округа; на III курсъ переведены всѣ 12 студентовъ II курса; изъ I во II курсъ переведены 15 студентовъ; двое оставлены на второй годъ въ I курсѣ; изъ нихъ одинъ уволенъ, согласно прошенію.

28 августа 1900 г. скончался отъ горловой чахотки студентъ III курса Сергѣй Корбелецкій.

Къ началу 1900/1 учебнаго года заявили о своемъ желаніи поступить въ Институтъ 52 молодыхъ человѣка, въ томъ числѣ 3 бывшихъ студента Института, 8 студентовъ университетовъ, 30 воспитанниковъ гимназій и 11 воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Приняты въ I курсъ: по аттестатамъ зрѣлости 6 воспитанниковъ состоящей при Институтѣ гимназіи и 18 воспитанниковъ другихъ гимназій, послѣ повѣрочныхъ испытаній по древнимъ и русскому языкамъ—4 воспитанника гимназій, и по особому, установленному для воспитанниковъ духовныхъ семинарій испытанію зрѣлости въ Институтской гимназіи—8 воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Всего принято 37 студентовъ.—Такимъ образомъ къ началу учебныхъ занятій въ 1900/1091 году состояло въ Институтѣ студентовъ: въ I курсѣ—38, во II курсѣ—15, въ III курсѣ—11, въ IV курсѣ—17, а всего 81 студентъ.

Всѣ 28 студентовъ окончившихъ въ отчетномъ году курсъ Института получили назначенія на учительскія должности. Преподавателями древнихъ языковъ назначены: *Александрюкъ*—въ Сѣдлецкую гимназію, *Вильвильевичъ*—въ Вѣрненскую гимназію, *Гунтъ*—въ Старобѣльскую гимназію, *Доль*—въ Бѣлоцерковскую гимназію, *Лукинъ*—въ Ставропольскую гимназію, *Невзоровъ*—въ Асхабадскую прогимназію, *Нефедовъ*—въ Красноярскую гимназію, *Стефаньевъ*—въ Батумскую гимназію, *Сухановъ*—въ Олонецкую гимназію, *Татариновъ*—въ Лодзинскую гимназію, *Андріевскій*—въ Полангенскую прогимназію, *Барадулинъ*—въ Радомскую гимназію, *Олигеръ*—въ Пермскую гимназію и *Солнцевъ*—въ с.-петербургскую гимназію Мая. Должности преподавателей русскаго и латинскаго языковъ получили: *Имшенецкій*—въ Корочанской гимназіи, *Симоновскій*—въ Луганской гимназіи, *Стегайло*—въ Самаркандской прогимназіи и *Слѣпцовъ*—въ Маріупольской гимназіи. Преподавателями русскаго языка и словесности назначены: *Державинъ*—въ Батумскую гимназію, *Деревенко*—въ Одесскую Ришельевскую гимназію, *Музыченко*—въ Одесскую 4-ю гимназію, *Петровъ*—въ Красноярскую учительскую семинарію и *Сафайловъ*—въ митавскую гимназію Карлгофа. Преподавателемъ русскаго языка, словесности и педагогики назначенъ *Панебратцевъ*—въ Омскую женскую гимназію. Преподавателями русскаго языка и исторіи назначены: *Горицкій*—въ Благовѣщенскую (Оренб.

губ.) учительскую семинарію, *Гордіенко*—въ Хабаровскую женскую гимназію, *Егоровъ*—въ Ставропольскую гимназію и *Заболотскій*—въ Варшавскую 5-ю мужскую гимназію.

Преподаваніе въ Институтѣ въ отчетномъ году, по отдѣльнымъ предметамъ, состояло въ слѣдующемъ.

По *Закону Божію*—законоучитель священникъ *А. В. Лобачевскій* излагалъ въ III курсѣ Нравственное Богословіе (при 2 лекціяхъ въ недѣлю).

По *философіи*—и. д. экстраординарнаго профессора *Г. В. Малеванскій* студентамъ I курса (при 2 лекціяхъ) читалъ Логику, студентамъ II курса Психологію (при 2 лекціяхъ) и въ III курсѣ изложилъ Исторію новой философіи (при 2 лекціяхъ).

По *педагогикѣ*—преподавателемъ *М. И. Лилеевымъ* въ III курсѣ преподана Гимназическая педагогика (при 2 лекціяхъ) и въ IV курсѣ Исторія Педагогики (при 2 лекціяхъ).

По *греческой и римской словесности*—преподаватель *А. И. Шнукъ* руководилъ студентовъ I курса въ чтеніи авторовъ (при 8 лекціяхъ) и въ переводахъ съ русскаго языка на латинскій (при 1 лекціи) и на греческій (при 1 лекціи); объяснены были Югурта Саллюстія (при 2 лекціяхъ), избранныя элегіи Овидія (при 2 лекціяхъ), рѣчи Лисіи κατὰ Φίλωνος и περὶ τοῦ σηκοῦ (при 2 лекціяхъ) и трагедія Еврипида Ἄλκηστις (при 2 лекціяхъ): на томъ же курсѣ ординарнымъ профессоромъ *А. В. Добіашемъ* изъ греческаго синтаксиса сравнительно съ латинскимъ изложенъ былъ отдѣлъ о глаголѣ (при 2 лекціяхъ). На II курсѣ профессоромъ *Добіашемъ* была объяснена 12-я пѣснь Одиссеи (въ I полугодіи) и главы XVI—XXVIII діалога Платона Фэдонъ (во II полугодіи) (при 3 лекціяхъ); имъ же прочитанъ краткій очеркъ исторіи филологіи (при 2 лекціяхъ) и преподано изъ греческаго синтаксиса сравнительно съ латинскимъ ученіе о падежахъ и предлогахъ (при 2 лекціяхъ); проф. *Добіашъ* руководилъ также студентовъ II курса въ переводахъ съ русскаго языка на греческій (при 1 лекціи); и. д. экстраординарнаго профессора *И. Г. Турцевичъ* на II курсѣ объяснялъ рѣчь Цицерона pro Balbo и избранныя стихотворенія Катулла (при 3 лекціяхъ) и велъ грамматическія упражненія по латинскому языку (при 1 лекціи). Въ классическомъ отдѣленіи III и IV курсовъ, сводно, ординарнымъ профессоромъ *С. Н. Ждановымъ* изложена исторія греческой литературы

(при 3 лекціяхъ); тѣхъ же студентовъ профессоръ *Ждановъ* руководилъ въ семинарскихъ занятіяхъ по комментированію Иліады Гомера (при 2 лекціяхъ). Проф. *Добіашъ* на классическомъ отдѣленіи III и IV курсовъ, сводно, объяснялъ хоры трагедіи Софокла Аяксъ (при 2 лекціяхъ) и велъ переводы съ русскаго языка на греческій (при 1 лекціи). Студентамъ—классикамъ III курса проф. *Ждановымъ* преподаны курсы метрики (при 1 лекціи) и греческой эпиграфики (при 1 лекціи). Римскую словесность на классическомъ отдѣленіи III и IV курсовъ, сводно, преподавалъ экстраординарный профессоръ *А. А. Брокъ*: изложена исторія римской литературы архаическаго и цицероновскаго періодовъ (при 3 лекціяхъ), и объяснена комедія Плавта Pseudolus (ст. 1—307) (при 2 часахъ); тѣхъ же студентовъ профессоръ *Брокъ* руководилъ въ переводахъ съ русскаго на латинскій языкъ (при 1 лекціи). На словесномъ и историческомъ отдѣленіяхъ III и IV курсовъ, сводно, *Директоръ Института* (при 2 лекціяхъ) объяснялъ «Солона» Плутарха (въ I полугодіи) и трагедію Эсхила Прометей (во II полугодіи) и (при 1 лекціи) руководилъ упражненіями въ переводахъ съ русскаго на греческій языкъ. На тѣхъ же курсахъ проф. *Туриевичъ* толковалъ письма Сенеки къ Луцилію (при 2 лекціяхъ), и проф. *Брокъ* велъ упражненія по латинскому языку (при 1 лекціи).

По *русской словесности*—ординарнымъ профессоромъ *В. В. Качановскимъ* въ I и II курсахъ, сводно, преподанъ церковно-славянскій языкъ (при 2 лекціяхъ), ординарнымъ профессоромъ *М. Н. Сперанскимъ* въ I курсѣ изложена исторія русской словесности до XVI в. (при 2 лекціяхъ) и во II курсѣ исторія русской словесности съ XIV по XIX в. (при 2 лекціяхъ). Въ словесномъ отдѣленіи III и IV курсовъ, сводно, профессоръ *Качановскій* читалъ курсы по славянскимъ нарѣчіямъ (изложены нарѣчія болгарское и сербское) (при 2 лекціяхъ) и о южнославянскомъ эпосѣ въ связи съ русскимъ (при 1 лекціи). Тѣмъ же студентамъ профессоромъ *Сперанскимъ* изложена Исторія русской литературы XVIII и XIX вв. (при 2 лекціяхъ). Въ словесномъ отдѣленіи III курса проф. *Сперанскій* руководилъ семинарскими занятіями по разработкѣ спеціальныхъ вопросовъ изъ исторіи русской словесности (при 2 лекціяхъ), и въ томъ же отдѣленіи IV курса проф. *Качановскій* велъ педагогическій семинарій по славянскому и русскому языкамъ (при 1 лекціи).

По предмету *теоріи словесности*—преподаватель *В. И. Рѣзановъ* изложилъ студентамъ словеснаго отдѣленія III и IV курсовъ, сводно,

эпическую поэзію грековъ, германцевъ, кельтовъ и французовъ (при 2 лекціяхъ).

По *всеобщей исторіи*—на I и на II курсахъ и. д. экстраординарнаго профессора *А. И. Покровскій* (при 4 лекціяхъ на каждомъ курсѣ) излагалъ древнегреческую исторію. Экстраординарный профессоръ *В. К. Пискорскій* читалъ студентамъ историческаго отдѣленія III и IV курсовъ, сводно, средневѣковую исторію отъ IX до конца XIII вѣка (при 2 лекціяхъ) и студентамъ историкамъ IV курса новую исторію отъ Вестфальскаго мира до второй половины XVIII вѣка (съ общимъ введеніемъ) (при 2 лекціяхъ). Въ историческомъ отдѣленіи III курса проф. *Пискорскій* руководилъ практическими занятіями по изученію исторіи французскихъ городовъ въ средніе вѣка (при 2 лекціяхъ).

По *русской исторіи*—ординарнымъ профессоромъ *М. Н. Бережковымъ* въ I курсѣ преподана исторія кіевскаго времени и начальное время Московскаго государства (при 2 лекціяхъ), во II курсѣ—русская исторія съ XVI по XVIII в. (при 2 лекціяхъ). Студентамъ историческаго отдѣленія III курса преподаватель *М. И. Лилеевъ* читалъ исторію царствованія Императрицы Екатерины II (при 2 лекціяхъ). На историческомъ отдѣленіи IV курса проф. *Бережковъ* далъ обзоръ русскихъ мемуаровъ XVIII вѣка и источниковъ для исторіи Петра Великаго; въ связи съ этимъ курсомъ велись практическія занятія студентовъ по изученію означенныхъ памятниковъ (при 2 лекціяхъ).

По *географіи*—преподавателемъ *И. А. Сребницкимъ* изложены въ историческомъ отдѣленіи III курса исторія развитія географіи и современная ея постановка и общее землевѣдѣніе (при 2 лекціяхъ); въ историческомъ отдѣленіи IV курса преподаны избранные отдѣлы изъ географіи Россіи (при 1 лекціи).

По *французскому* языку—у преподавателя *Л. Н. Мишеля* студенты I курса читали комедію Мольера «Les femmes savantes» (при 2 лекціяхъ), и студенты II курса—статьи изъ Faguet, Études littéraires du dix-huitième siècle (при 2 лекціяхъ).

По *нѣмецкому* языку—во второмъ полугодіи подъ руководствомъ преподавателя *Р. А. Теттенборна* студенты I курса читали и переводили статью о Сократѣ изъ *Weissenfels* «Cicero's philosophische Schriften» (при 2 лекціяхъ), и студенты II курса—III и V лекціи изъ *M. Müller*, «Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache» (при 2 лекціяхъ).

Въ теченіи отчетнаго года по каждому предмету акроаматическаго преподаванія было до трехъ *собесѣдованій* преподавателей со студентами по преподаннымъ отдѣламъ предметовъ.

Домашнія занятія студентовъ, кромѣ приготовленія переводовъ съ древнихъ языковъ и на древніе языки, состояли въ слѣдующемъ.

1) Студенты всѣхъ курсовъ занимались домашнимъ *чтеніемъ древнихъ авторовъ*. Студенты I курса прочли подъ руководствомъ преподавателя Шнука II и VII книги Ἑλληνικά Ксенофонта, діалоги Лукіана Ἐνύπνιον, Προμηθεύς и Βίων πρᾶσις, I и II книги De bello civili Цезаря и Cato Major sive de senectute Цицерона. Студенты II курса прочли подъ руководствомъ проф. Добіаша пять рапсодій Одиссеи (I, II, VI, VII и VIII) и подъ руководствомъ Директора Института—XXV-ю книгу Ливія и III пѣснь Энеиды Вергилія. Для руководства домашними чтеніями устраивались собесѣдованія—на I курсѣ еженедѣльно, на II—разъ въ 2 недѣли, поочередно по греческому и по латинскому языку; провѣрка домашнихъ чтеній производилась въ концѣ каждаго полугодія и состояла въ письменномъ или устномъ переводѣ и комментированіи отрывковъ изъ прочитаннаго. Студенты III и IV курсовъ, подъ наблюденіемъ Директора Института и профессоровъ Добіаша, Жданова, Турцевича и Брока, сами избирали себѣ для домашняго чтенія то или другое произведеніе греческой и римской литературъ и каждое полугодіе представляли письменные рефераты на основаніи прочитанныхъ ими сочиненій; провѣрка домашнихъ чтеній производилась въ теченіи каждаго полугодія посредствомъ собесѣдованій со студентами, съ каждымъ изъ студентовъ отдѣльно.

2) Студенты первыхъ двухъ курсовъ писали и къ концу учебнаго года представили профессору Покровскому курсовыя сочиненія по греческой исторіи.

3) Студенты старшихъ курсовъ составляли рефераты по предметамъ ихъ семинарскихъ занятій: классики III и IV курсовъ—по греческой словесности, словесники III курса—по исторіи русской литературы, IV курса—по славянской филологіи и по разбору учебниковъ славянскаго и русскаго языковъ, историки III курса—по всеобщей исторіи и IV курса—по русской исторіи.

4) Студенты IV курса писали и представили преподавателю Лилееву рефераты по исторіи педагогики.

5) Студенты IV курса писали кандидатскія сочиненія. Профессору Жданову представили сочиненія студенты *Гунтъ* на тему: «Героини Софокла», *Доль*: «Рѣчи Лисія какъ источникъ для знакомства съ общественнымъ и частнымъ бытомъ Аѳинъ», *Невзоровъ*: «Эврипидъ какъ мыслитель», *Нефедовъ*: «Политическія идеи Платона по его трактату «Государство», и *Сухановъ*: «Жизнь и литературная дѣятельность Исократа». Представленныя профессору Турцевичу сочиненія написаны были на слѣдующія темы: студента *Александрюка*: «Очеркъ діэтетики Римлянъ», студента *Лукина*: «Комиціальное законодательство въ Римѣ» и студента *Стефанпъева:* «Очеркъ развитія краснорѣчія въ Римѣ въ республиканское время». Профессору Броку представлены были работы: *Вильвильевича*: «Надгробныя надписи у древнихъ римлянъ», и *Татаринова:* «Мотивы поэзіи Тибулла». Профессору Качановскому писали студенты: *Деревенко* на тему: «Возрожденіе болгарской литературы въ концѣ XVIII в. и трудъ іеромонаха Паисія», *Музыченко:* «Очеркъ быта южнорусскихъ болгаръ-колонистовъ и матеріалъ для его объясненія», *Петровъ:* «Болгарскія пѣсни о Момчилѣ», и *Слѣпцовъ:* «Мотивы русскихъ и сербскихъ историческихъ народныхъ пѣсенъ и отраженіе въ нихъ народнаго міросозерцанія». Профессору Сперанскому писали студенты: *Державинъ* на тему: «Изъ исторіи русскаго просвѣщенія XVI вѣка—Степенная книга (матеріалы для ея изслѣдованія)», *Заболотскій:* «Процессъ творчества Н. В. Гоголя въ эпоху созданія перваго тома Мертвыхъ Душъ» и *Сафайловъ* на тему: «Русскій ложноклассицизмъ и его отношеніе къ западному». Профессору Бережкову представили сочиненія: *Андріевскій:* «Путешествіе Герберштейна въ Москву», *Гордіенко:* «Шертныя грамоты, какъ источникъ для исторіи дипломатическихъ сношеній Крымскаго ханства съ Московскимъ государствомъ въ XVI и XVII вѣкахъ», *Горицкій:* «Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго», *Имшенецкій:* «О воеводскомъ управленіи, по Котошихину», *Панебратцевъ:* «Характеръ отношеній Москвы къ Крыму при Іоаннѣ III» и *Стегайло:* «Максимовичъ, какъ историкъ Малороссіи». Представленныя профессору Пискорскому диссертаціи написаны были на слѣдующія темы: студента *Барадулина:* «Тюрго какъ мыслитель и государственный дѣятель, по его сочиненіямъ» и студента *Солнцева:* «Отношенія великаго курфюрста Фридриха Вильгельма Бранденбургскаго къ земскимъ чинамъ по вопросу объ акцизномъ налогѣ». Профессору Покровскому представлены были сочиненія студентовъ: *Егорова:* «Экономическое состояніе собственной Эллады въ эллинистическую эпоху», *Олигера:* «Политико-теоре-

тическій элементъ въ изображеніяхъ вліянія роста римскаго владычества на бытъ римлянъ у римскихъ писателей (до времени имперіи)» и *Симоновскаго:* «Организація греческихъ колоній и клирухій».

Практическія занятія студентовъ IV курса преподаваніемъ въ состоящей при Институтѣ Гимназіи велись въ слѣдующемъ порядкѣ. Съ начала октября до начала ноября студенты IV курса для ознакомленія съ методами преподаванія и съ гимназическими программами посѣщали, въ часы, оставленные свободными отъ лекцій, по особому росписанію, уроки въ Гимназіи наставниковъ-руководителей (по греческому языку I. В. Добіаша, по латинскому языку А. Ѳ. Абрамова, по русскому языку И. Н. Михайловскаго и по исторіи и географіи И. А. Сребницкаго). Въ первой половинѣ ноября были устроены, подъ предсѣдательствомъ Директора и при участіи профессоровъ Института, 4 общія бесѣды, на которыхъ наставники-руководители сообщали студентамъ общія педагогическія и дидактическія указанія и толковали гимназическіе учебные планы; изъ этихъ 4 бесѣдъ двѣ посвящены были преподаванію греческаго и латинскаго языковъ, одна—преподаванію русскаго и церковно-славянскаго языковъ и словесности и одна—преподаванію исторіи и географіи. Съ 6 ноября до 12 февраля студенты давали пробные уроки, подъ ближайшимъ руководствомъ наставниковъ-руководителей и въ присутствіи Директора, Инспектора, профессоровъ и преподавателей Института. Каждымъ студентомъ даны были, въ присутствіи его товарищей по отдѣленію, 6 пробныхъ уроковъ. Студенты классическаго отдѣленія дали по 3 урока греческаго языка, по 2 урока латинскаго языка и по 1 уроку русскаго языка; каждымъ студентомъ словеснаго отдѣленія даны 4 урока русскаго и церковно-славянскаго языковъ и словесности и по 1 уроку греческаго и латинскаго языковъ; каждый студентъ-историкъ далъ 2 пробныхъ урока по исторіи, 2 по географіи и 2 по древнимъ языкамъ. Для детальнаго обсужденія отдѣльныхъ данныхъ студентами уроковъ каждый изъ наставниковъ-руководителей устраивалъ разъ въ недѣлю частное собесѣдованіе; когда такимъ образомъ были разобраны всѣ данные студентами уроки, каждый въ отдѣльности,—были устроены еще 4 общихъ бесѣды наставниковъ-руководителей со студентами, тѣмъ же порядкомъ, какъ и бесѣды предъ началомъ пробныхъ уроковъ.

Конференція Института имѣла въ отчетномъ году 24 засѣданія.

Фундаментальная библіотека Института состоявшая въ началѣ отчетнаго года изъ 22335 названій въ 53455 томахъ, пополнялась покупкою книгъ по предложеніямъ профессоровъ и преподавателей и присылкою изданій русскихъ и иностранныхъ ученыхъ учрежденій и обществъ и учебныхъ заведеній, преимущественно въ обмѣнъ на „Извѣстія Института". Въ числѣ пріобрѣтеній библіотеки, какъ особенно цѣнныя, слѣдуетъ отмѣтить: 1) экземпляръ Коронаціоннаго Сборника 1896 г., по Высочайшему Государя Императора повелѣнію препровожденный въ библіотеку Института, и 2) рукописный сборникъ богословскаго и историческаго содержанія XVIII вѣка, подаренный въ библіотеку окончившимъ въ настоящемъ году курсъ студентомъ Горицкимъ. Къ 30 августа 1900 г. въ фундаментальной библіотекѣ института состояло 22677 названій въ 54920 томахъ.—Въ студенческой библіотекѣ къ началу 1900/1901 учебнаго года было 829 названій въ 6495 томахъ.

По поводу исполнившагося 14 сентября 1900 года 25-лѣтія со дня открытія Института Князя Безбородко, Конференціею издана была ***памятная книжка***, содержащая біографическіе словари 1) почетныхъ попечителей, директоровъ, профессоровъ и преподавателей Института и наставниковъ-руководителей Институтской Гимназіи и 2) воспитанниковъ, окончившихъ въ немъ курсъ за означенный періодъ времени. Составленіе и редактированіе біографическихъ словарей возложено было на особую коммиссію, въ составъ которой вошли профессора А. В. Добіашъ, М. Н. Сперанскій и И. Г. Турцевичъ.

Также ко дню 25-лѣтней годовщины изданъ XVIII-ый томъ ***Извѣстій Института***, въ составъ котораго вошли Отчетъ о состояніи Института за 189⁸/₉ учебный годъ и слѣдующія статьи:

Законоучителя свящ. А. В. Лобачевскаго: „Научная цѣнность христіанскаго знанія" (вступительная лекція).

Проф. В. К. Пискорскаго: „Начало академической свободы въ Западной Европѣ" (актовая рѣчь).

Проф. М. Н. Бережкова: „Объ одной историко-политической запискѣ временъ присоединенія Крыма".

Проф. С. Н. Жданова: „Homerica".

Препод. Б. Ф. Бурзи: „Неизданное письмо Фр. Авг. Вольфа".

Проф. И. Г. Турцевича: „Обращенія къ императору провинціальныхъ сеймовъ, городскихъ и другихъ обществъ въ первые три вѣка римской имперіи".

Проф. А. В. Добіаша: „Н. А. Лавровскій".

Описаніе рукописей библіотеки Института. Подъ ред. проф. М. Н. Сперанскаго.

Проф. В. В. Качановскаго: „Изъ исторіи сербской литературы".

Проф. А. В. Добіаша: „Что такое филологія, и каково ея значеніе?"

Внѣ „Извѣстій" профессора и преподаватели напечатали слѣдующіе труды:

Законоучитель свящ. А. В. Лобачевскій: „А. С. Пушкинъ какъ христіанинъ" (въ Ш т. Сборника Историко-филологическаго Общества при Институтѣ Князя Безбородко).

Проф. А. В. Добіашъ: „Взглядъ Лемана на педагогику" (тамъ же).

Проф. С. Н. Ждановъ: „Критическія и просодическія замѣтки" (продолженіе) (въ Филолог. Обозрѣніи).

Проф. М. Н. Бережковъ: «Еще нѣсколько словъ о Лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго» (въ Ш т. Сборника Общества).

Проф. В. В. Качановскій: 1) Разборъ издаваемыхъ археографическою коммиссіей Науковаго Товаріства імени Шевченка «Памятки українсько-руськоі мови и литературы» (Кіевская Старина 1900 г., январь). 2) Разборъ сочиненія «Péninsule balcanique, esquisse historique, ethnographique, philologique et littéraire», cours libre professé à la Faculté des lettres de l'Université de Montpellier, par Léon Lamuche, Paris 1899 (въ Историч. Вѣстникѣ, 1900 г., мартъ). 3) Разборъ изслѣдованія «England in the age of Wycliffe by George Macaulay Trevelyan» London 1899 (тамъ же, 1900 г., іюль); 4) Разборъ сочиненія Ферд. Гёзика, Życie Jul. Słowackiego na tle współczesnej epoki. Biografia psychologiczna, т. I—III (въ Журналѣ Мин. Нар. Просв., 1900 г., апрѣль); 5) Очеркъ литературной дѣятельности Адама Мицкевича.

Проф. М. Н. Сперанскій: 1) Друзья и враги Пушкина въ литературѣ (въ Ш т. «Сборника» Общества); 2) Н. Н. Харузинъ (некрологъ) (тамъ же); 3) Одно изъ примѣненій закона переживанія старины (въ Сборн. въ честь В. Ѳ. Миллера); 4) Къ исторіи слав. перев. Евангелія, II—III (въ Русск. Фил. Вѣстн. 1900 г., № 1—2);

5) Přehled knižek lidového čteni (въ Sborn. Národop. musea v Praze, VI); 6) Загребская рукопись на Владислава граматика (въ Сборн. болг. Мин. Н. Пр., т. XVI—XVII); 7) Изъ исторіи отреченныхъ книгъ. Ш. Лопаточникъ (въ Пам. Общ. Люб. древн. письм., CXXXVII); 8) Замѣтки въ Věstnik'ѣ slovanských starozitnosti (v Praze).

Проф. В. К. Пискорскій: 1) «Состязанія поэтовъ въ Каталоніи» (въ III т. Сборника Историко-филологич. Общества); 2) статьи по всеобщей исторіи въ «Энциклопедич. Словарѣ» Брокгауза и Ефрона.

Преподаватель И. А. Сребницкій: «Пушкинъ и русская исторія» (въ III томѣ Сборника Общества).

Наставн.-руководитель И. Н. Михайловскій: «О нѣкоторыхъ анонимныхъ произведеніяхъ русской литературы конца XVII и начала XVIII столѣтій» (въ III т. Сборника Общества).

Наставн.-руководитель І. В. Добіашъ: Краткая этимологія греческаго языка съ практическими упражненіями. Ч. І. Имена.

---

18 сентября 1899 года въ селѣ Кочеткѣ близъ Харькова скончался попечитель Рижскаго Учебнаго Округа Н. А. Лавровскій. Конференція поручила профессору А. В. Добіашу и преподавателю И. А. Сребницкому присутствовать на похоронахъ перваго директора Института и возложить вѣнокъ на его гробъ.

Въ виду того, что 21 февраля 1902 года исполнится 50 лѣтъ со дня смерти Н. В. Гоголя, Конференціею 24 апрѣля 1900 г. образована коммиссія, состоявшая изъ профессоровъ М. Н. Сперанскаго, М. Н. Бережкова и А. И. Покровскаго, для обсужденія предварительныхъ мѣръ по устройству празднованія юбилея великаго русскаго поэта, воспитанника нѣжинской Гимназіи Высшихъ Наукъ.

Въ состоящемъ при Институтѣ *Историко-филологическомъ Обществѣ* въ отчетномъ году числились одинъ почетный и 66 дѣйствительныхъ членовъ. Предсѣдателемъ Общества въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1900 г. избранъ былъ профессоръ Института А. В. Добіашъ, товарищемъ предсѣдателя— завѣдывающій Институтской Гимназіею А. Ѳ. Абрамовъ, секретаремъ— наставникъ-руководитель Институтской Гимназіи И. А. Сребницкій (до апрѣля 1900 года состояли въ означенныхъ должностяхъ: Директоръ

Института Ф. Ф. Гельбке, профессоръ М. Н. Бережковъ и профессоръ А. А. Брокъ).

Общество имѣло 6 засѣданій. Въ засѣданіяхъ читаны были слѣдующія сообщенія: *И. Н. Михайловскимъ*—«О нѣкоторыхъ анонимныхъ произведеніяхъ русской литературы конца XVII и начала XVIII стол.»; *В. К. Пискорскимъ*—«Состязанія поэтовъ въ Каталоніи»; *М. Н. Бережковымъ*—«Еще нѣсколько словъ о Лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго»; *В. Р. Фохтомъ*—«P. Dolabella и Cn.. Lentulus»; *А. В. Добіашемъ*—«Взглядъ Лемана на педагогику»; *В. И. Рѣзановымъ*—«Л. Н. Майковъ какъ ученый»; *М. Н. Сперанскимъ*—«Н. Н. Харузинъ».

Въ отчетномъ году вышелъ въ свѣтъ III томъ Сборника Общества; въ составъ этого тома, кромѣ отчетовъ и протоколовъ Общества, вошли статьи дѣйств. членовъ Общества М. Н. Бережкова, А. В. Добіаша, А. И. Кадлубовскаго, А. В. Лобачевскаго, И. Н. Михайловскаго, В. К. Пискорскаго, М. Н. Сперанскаго, И. А. Сребницкаго и В. Р. Фохта.

Отчетъ

о состоянiи Историко-Филологическаго Института Кн. Безбородко въ Нѣжинѣ

за 1900—1901 учебный годъ.

Въ личномъ составѣ Института произошли слѣдующiя измѣненiя:

Преподаватель нѣмецкаго языка Р. А. Теттенборнъ распоряженiемъ Г. Попечителя С.-Петербургскаго Учебнаго Округа 9 сентября 1900 г. назначенъ на должность преподавателя въ С.-Петербургскую Ларинскую гимназiю.

Приказомъ Г. Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенiя отъ 30 октября 1900 года на должность наставника студентовъ назначенъ надзиратель состоящей при Институтѣ гимназiи Е. И. Кашпровскiй.

Ординарный профессоръ М. Н. Сперанскiй уволенъ 8 ноября 1900 г. Конференцiею, согласно прошенiю, отъ должности члена Правленiя, на каковую должность тогда же избранъ Конференцiею ординарный профессоръ М. Н. Бережковъ.

10 апрѣля 1901 года скончался ординарный профессоръ церковнославянскаго и русскаго языка и славянскихъ нарѣчiй В. В. Качановскiй, состоявшiй профессоромъ Института съ 1 сентября 1888 года.

Высочайшимъ приказомъ, послѣдовавшимъ 2 iюля 1901 г., экстраординарный профессоръ Института магистръ римской словесности А. А. Брокъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ Института по римской словесности.

Высочайшимъ приказомъ, послѣдовавшимъ 2 августа 1901 г., экстраординарный профессоръ Института магистръ всеобщей исторiи В. К.

Пискорскій назначенъ ординарнымъ профессоромъ Института по всеобщей исторіи.

Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству, послѣдовавшимъ 2 августа 1901 года, ординарный профессоръ по каѳедрѣ греческой словесности, докторъ греческой словесности, дѣйствительный статскій совѣтникъ С. Н. Ждановъ, за выслугою срока, согласно прошенію, уволенъ отъ службы съ пенсіей и мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

Высочайшимъ приказомъ, послѣдовавшимъ 10 августа сего года, наставникъ студентовъ и преподаватель Института, магистръ греческой словесности Б. Ф. Бурзи назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ Института по греческой словесности.

Всемилостивѣйше пожалованы: орденомъ св. Анны 1-ой степени Директоръ Института Ф. Ф. Гельбке, а орденами св. Владиміра 4-ой степени ординарные профессора А. В. Добіашъ и С. Н. Ждановъ.

Къ началу 1900—1901 учебнаго года состояло въ Институтѣ студентовъ: въ I курсѣ 39, во II курсѣ 15, въ III курсѣ 11, въ IV курсѣ 17, а всего 82 студента; сверхъ того, въ началѣ означеннаго учебнаго года, былъ принятъ въ III курсъ, согласно распоряженію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, 1 студентъ Императорскаго С.-Петербургскаго Историко-Филологическаго Института. 21 октября 1900 года скончался студентъ IV курса Ефремъ Чугункинъ. Въ теченіе отчетнаго года уволенъ, согласно прошенію, одинъ студентъ III курса для поступленія въ университетъ.

По результатамъ окончательныхъ и переводныхъ испытаній въ маѣ и іюнѣ 1901 года—1) удостоены званія учителя гимназіи всѣ 16 студентовъ IV курса, въ томъ числѣ 4 классика, 4 словесника и 8 историковъ; 2) переведены изъ III курса въ IV 10 студентовъ (2 классика, 3 словесника и 5 историковъ), а одинъ студентъ, по болѣзни не державшій переводныхъ испытаній, оставленъ на второй годъ въ III курсѣ; 3) въ III курсъ переведены всѣ 15 студентовъ II курса; 4) изъ 39 студентовъ I курса переведены во II курсъ 38, а одинъ студентъ I курса, не додержавшій переводныхъ испытаній, уволенъ изъ числа студентовъ Института, согласно прошенію, для поступленія въ университетъ.

Къ началу 190¹/₂ академическаго года заявили о своемъ желаніи поступить въ Институтъ 37 молодыхъ людей. Приняты въ I курсъ: 1) по аттестатамъ зрѣлости, безъ повѣрочныхъ испытаній, 17 воспитанниковъ

гимназій (въ томъ числѣ 7 воспитанниковъ гимназіи при Институтѣ); 2) по аттестатамъ зрѣлости и послѣ повѣрочныхъ испытаній по русскому и древнимъ языкамъ, изъ 5-и, подвергавшихся означеннымъ испытаніямъ воспитанниковъ гимназій,—4; 3) по установленному для воспитанниковъ духовныхъ семинарій испытанію зрѣлости въ Институтской гимназіи—трое воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Такимъ образомъ, въ настоящее время состоитъ въ Институтѣ студентовъ:

въ I курсѣ	24,
во II курсѣ	38,
въ III курсѣ	16,
въ IV курсѣ	10,
а всего	88 студентовъ.

Окончившіе курсъ въ іюнѣ отчетнаго года получили назначенія: *Басаргинъ*—въ Витебскую гимназію преподавателемъ древнихъ языковъ. *Савичъ*—въ Кишиневскую 1-ю женскую гимназію преподавателемъ русскаго языка. *Филиппов*—въ Аккерманскую женскую гимназію преподавателемъ исторіи и географіи. *Чижевскій*—въ Керченскій Институтъ благородныхъ дѣвицъ учителемъ русскаго языка и словесности. *Гостевъ*—въ Борисоглѣбскую гимназію учителемъ русскаго языка. *Знаменскій*—въ Благовѣщенскую гимназію учителемъ русскаго языка. *Терентьевъ* занимаетъ въ одной изъ частныхъ гимназій г. Кишинева должность учителя русскаго языка. *Тумановъ*—въ Слуцкую гимназію учителемъ русскаго языка и словесности. *Вашкевичъ*—въ Читинскую учительскую семинарію учителемъ русскаго языка. *Красинъ*—въ Роменскую женскую гимназію учителемъ исторіи и географіи. *Кукаркинъ*—учителемъ исторіи и географіи въ Нижегородскій Дворянскій Институтъ Императора Александра II. *Лучко*—въ Люблинскую женскую гимназію преподавателемъ русскаго языка и совесности и исторіи и географіи. *Миртовскій*—воспитателемъ въ Глуховскую гимназію. *Плотницкій*—воспитателемъ въ Бѣлоцерковскую гимназію. *Сухановъ*—въ Елатомскую гимназію преподавателемъ древнихъ языковъ и *Юферовъ*—воспитателемъ въ Полтавскую гимназію.

Окончившій въ 1900 году курсъ Института, преподаватель русскаго языка и словесности Варшавской 5-ой гимназіи Заболотскій Петръ прикомандированъ къ Императорскому Варшавскому Университету для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ русскаго языка и словесности.

Содержаніе преподаннаго въ Институтѣ по отдѣльнымъ предметамъ въ отчетномъ году было слѣдующее.

По Закону Божію—законоучитель священникъ А. В. Лобачевскій на III курсѣ читалъ (при 2 часахъ въ недѣлю) основное и догматико-апологетическое богословіе.

По философіи и. д. экстраординарнаго профессора Г. В. Малеванскимъ на I курсѣ (при 2 лекціяхъ) прочитанъ курсъ логики; на II курсѣ (также при 2 лекціяхъ въ недѣлю) по психологіи сдѣланъ обзоръ первичныхъ психическихъ феноменовъ; студентамъ III курса (при 3 часахъ въ недѣлю) изложена исторія философіи древней и новой.

По педагогикѣ—преподаватель М. И. Лилеевъ излагалъ на III курсѣ (при 2 лекціяхъ) гимназическую педагогику, а на IV курсѣ (также при 2 лекціяхъ) исторію педагогики.

По греческой и римской словесности—а) На I курсѣ ординарный профессоръ А. В. Добіашъ объяснилъ часть »Апологіи Сократа« Платона и 450 стиховъ изъ трагедіи Еврипида »Электра« (при 4 лекціяхъ), а изъ курса сравнительнаго синтаксиса греческаго и латинскаго языковъ преподалъ теорію временъ, видовъ и наклоненій глагола, въ связи съ устными и письменными упражненіями студентовъ въ переводахъ съ русскаго языка на греческій (при 2 лекціяхъ). Тѣмъ же студентамъ преподаватель А. И. Шнукъ объяснялъ Записки Цезаря о гражданской войнѣ (при 2 лекціяхъ) и избранные отрывки изъ »Fasti« Овидія (при 2 лекціяхъ); кромѣ того преподаватель Шнукъ упражнялъ студентовъ этого курса въ латинской грамматикѣ (при 2 лекціяхъ). б) На II курсѣ профессоръ Добіашъ (при 2 лекціяхъ въ недѣлю) излагалъ изъ сравнительнаго синтаксиса древнихъ языковъ отдѣлъ о падежахъ, предлогахъ и нарѣчіяхъ и читалъ (также при 2 лекціяхъ въ недѣлю) исторію филологіи, начиная съ византійскаго періода и кончая Бёкомъ. На томъ же курсѣ профессоръ А. А. Брокъ (при 4 лекціяхъ въ недѣлю) читалъ и объяснялъ рѣчь Цицерона in Verrem de signis (въ 1-мъ полугодіи) и избранныя оды Горація (во 2-мъ полугодіи) и руководилъ студентовъ въ переводахъ съ русскаго на латинскій языкъ. На томъ же курсѣ преподаватель Шнукъ (при 4 лекціяхъ) интерпретировалъ XXII рапсодію Иліады (въ 1-мъ полугодіи) и діалогъ Платона »Протагоръ« (во 2-мъ полугодіи) и руководилъ грамматическими занятіями студентовъ посредствомъ переводовъ съ русскаго языка на греческій. в) Студенты классическаго отдѣленія III и IV курсовъ (сводно) подъ руководствомъ ординарнаго профессора С. Н. Жданова читали трагедію Эсхила „Агамемнонъ" и

комедію Аристофана „Лягушки“ и упражнялись въ переводахъ съ латинскаго языка на греческій (при 3 часахъ въ недѣлю). Студентамъ-классикамъ III курса профессоръ Ждановъ читалъ курсъ метрики (при 1 лекціи). И. д. экстраординарнаго профессора И. Г. Турцевичъ на классическомъ отдѣленіи III и IV курсовъ объяснялъ сатиры Ювенала (при 2 часахъ), велъ переводы съ русскаго языка на латинскій (при 1 часѣ) и прочиталъ по римскимъ древностямъ (при 2 лекціяхъ въ недѣлю) курсъ о населеніи римскаго государства въ республиканскій періодъ, о римскомъ гражданствѣ и о народныхъ собраніяхъ. На томъ же отдѣленіи профессоръ Турцевичъ руководилъ студентовъ въ семинарскихъ занятіяхъ по комментированію XLII книги Ливія (при 2 лекціяхъ). Тѣмъ же студентамъ преподаватель Б. Ф. Бурзи излагалъ греческую эпиграфику (при 1 лекціи) и аѳинскія государственныя древности (при 2 лекціяхъ). г) На словесномъ и историческомъ отдѣленіяхъ III и IV курсовъ (сводно) ординарный профессоръ Ждановъ объяснялъ рѣчь Демосѳена πρὸς Λεπτίνην и велъ упражненія въ переводахъ на греческій языкъ (при 3 лекціяхъ), а профессоръ Брокъ (также при 3 лекціяхъ) толковалъ студентамъ избранные отрывки изъ Лукреція и письма Плинія и велъ грамматическія упражненія въ переводахъ съ русскаго языка на латинскій.

По русской словесности—а) Ординарный профессоръ В. В. Качановскій на I курсѣ преподавалъ старославянскій языкъ (при 2 лекціяхъ), на II курсѣ—исторію русскаго языка (при 2 лекціяхъ), а на словесномъ отдѣленіи III и IV курсовъ—славянскія нарѣчія (при 2 лекціяхъ). Студентовъ словеснаго отдѣленія IV курса проф. Качановскій руководилъ въ семинарскихъ занятіяхъ по славянской филологіи и по дидактикѣ русскаго и церковно-славянскаго языковъ (при 1 лекціи). б) Ординарнымъ профессоромъ М. Н. Сперанскимъ на I курсѣ прочитанъ обзоръ главнѣйшихъ явленій исторіи русской словесности древняго періода до половины XIII вѣка, съ введеніемъ въ исторію русской словесности (по 2 лекціи въ недѣлю); на II курсѣ преподаватель В. И. Рѣзановъ изложилъ исторію русской литературы съ XVI вѣка до начала XIX вѣка (при 2 лекціяхъ). На словесномъ отдѣленіи III и IV курсовъ профессоръ Сперанскій читалъ спеціальный курсъ о легендѣ и апокрифѣ въ старой русской литературѣ (при 2 лекціяхъ); онъ же велъ семинарій по исторіи русской словесности на словесномъ отдѣленіи III курса (при 2 часахъ въ недѣлю).

По предмету теоріи словесности преподаватель В. И. Рѣзановъ читалъ студентамъ словеснаго отдѣленія III и IV курсовъ (сводно, при

2 лекціяхъ въ недѣлю) исторію развитія драмы до конца XVII вѣка.

По всеобщей исторіи—и. д. экстраординарнаго профессора А. И. Покровскій на I курсѣ (при 3 часахъ въ недѣлю) излагалъ греческую исторію, на II курсѣ (также при 3 часахъ)—римскую исторію. Экстраординарнымъ профессоромъ В. К. Пискорскимъ на историческомъ отдѣленіи III и IV курсовъ (сводно) изложена исторія среднихъ вѣковъ отъ V вѣка до эпохи Карла Великаго (при 2 часахъ), а на историческомъ отдѣленіи IV курса (также при 2 часахъ)—исторія новаго времени до половины XVII вѣка. Студентовъ—историковъ III курса профессоръ Пискорскій руководилъ въ семинарскихъ занятіяхъ, посвященныхъ изученію памятниковъ древне-германскаго права (leges barbarorum, при 2 часахъ въ недѣлю).

По русской исторіи—ординарный профессоръ М. Н. Бережковъ на I курсѣ (при 2 лекціяхъ) далъ обзоръ исторіи Кіевскаго періода и начальной поры Московскаго государства, а на II курсѣ, (при 2 же лекціяхъ) изложилъ русскую исторію отъ Іоанна III до Петра Великаго включительно. Студентамъ-историкамъ III курса преподаватель М. И. Лилеевъ читалъ спеціальный курсъ по исторіи царствованія Екатерины II, Павла I и частью Александра I (при 2 лекціяхъ въ недѣлю). Въ историческомъ отдѣленіи IV курса профессоръ Бережковъ излагалъ (2 часа въ недѣлю) русскую исторіографію XVIII и XIX вѣковъ; въ связи съ тѣмъ велись практическія занятія студентовъ по этому же предмету.

По географіи преподавателемъ И. А. Сребницкимъ—студентамъ-историкамъ III курса преподанъ (при 2 лекціяхъ) курсъ общаго землевѣдѣнія и слѣдующіе отдѣлы: метеорологія и климатологія; снѣга и льды; геологическая дѣятельность воды и атмосферы. Студентамъ историческаго отдѣленія IV курса (при 1 лекціи) изложены 1) методика географіи и 2) изъ страновѣдѣнія Европы—описаніе Альпійской области и Итальянскаго полуострова.

По французскому языку—студенты I курса, подъ руководствомъ преподавателя Л. Н. Мишеля (при 2 лекціяхъ въ недѣлю), читали статьи изъ Nouvelle chrestomathie française A. Анспаха и студенты II курса (также при 2 лекціяхъ)—статьи изъ Faguet, Etudes littéraires du dix-huitième siècle.

По нѣмецкому языку—въ 1-мъ полугодіи занятій не было по незамѣщенію должности преподавателя нѣмецкаго языка, а во 2-мъ полугодіи занятіями по нѣмецкому языку руководилъ Директоръ Института; студенты

II курса читали статьи изъ христоматіи Коха, а I курса—статьи изъ христоматіи Фрейтага (2 лекціи въ недѣлю на каждомъ курсѣ).

Въ теченіе отчетнаго года по каждому акроаматическому курсу было до трехъ собесѣдованій преподавателей со студентами по преподаннымъ отдѣламъ предметовъ.

Домашнія занятія студентовъ, кромѣ приготовленія переводовъ съ древнихъ языковъ и на древніе языки, состояли въ слѣдующемъ:

1) Студенты всѣхъ курсовъ занимались домашнимъ чтеніемъ древнихъ авторовъ. а) Студенты I курса подъ руководствомъ профессора Добіаша прочли IV книгу Анавазиса Ксенофонта и часть Апологіи Сократа Платона, а подъ руководствомъ преподавателя Шнука III книгу Исторіи Александра Великаго Курція Руфа и діалогъ Цицерона Лэлій. Студенты II курса прочли подъ руководствомъ преподавателя Шнука XIX, XXIII и часть XXIV рапсодіи Иліады и XVI, часть XIX и XXIII рапсодіи Одиссеи, а подъ руководствомъ профессора Брока XXII книгу Ливія и IV пѣснь Энеиды Вергилія. Для руководства домашними чтеніями устраивались собесѣдованія—на I курсѣ еженедѣльно, на II-мъ—разъ въ двѣ недѣли, поочередно по греческому и по латинскому языку; провѣрка домашнихъ чтеній производилась въ концѣ каждаго полугодія и состояла въ письменномъ переводѣ и комментированіи отрывковъ изъ прочитаннаго. б) Студенты III и IV курсовъ, по указаніямъ профессоровъ Добіаша, Жданова, Турцевича и Брока сами избирали себѣ для домашняго чтенія то или иное произведеніе греческой и римской литературъ и каждое полугодіе представляли письменные рефераты на основаніи прочитанныхъ ими сочиненій; провѣрка домашнихъ чтеній производилась въ концѣ каждаго полугодія посредствомъ собесѣдованій съ каждымъ изъ студентовъ отдѣльно.

2) Студенты I курса писали профессору Сперанскому семестровыя сочиненія по исторіи русской словесности.

3) Студенты II курса писали профессору Покровскому курсовыя сочиненія по римской исторіи.

4) Студенты старшихъ курсовъ составляли рефераты по предметамъ ихъ семинарскихъ занятій: классики III и IV курсовъ—по римской словесности, словесники III курса—по исторіи русской литературы, IV курса—по славянской филологіи и по разбору учебниковъ русскаго и

церковно-славянскаго языковъ, историки III курса—по всеобщей исторіи и IV—курса по русской исторіи.

5) Студенты IV курса представили преподавателю Лилееву курсовыя сочиненія по педагогикѣ.

6) Студенты IV курса писали кандидатскія сочиненія. Профессору Добіашу представили сочиненія студенты *Савичъ* на тему „Педагогическія идеи Платона" и *Чижевскій* на тему „Психологическій пробѣлъ въ сочиненіи Darmesteter'a «la vie des mots»". Профессору Жданову студентъ *Басаргинъ* представилъ „Введеніе къ Панегирику Исократа". Профессору Броку студентъ *Филипповъ* представилъ диссертацію на тему „Ученіе Лукреція о возникновеніи человѣческаго рода, о его первоначальномъ естественномъ состояніи и о дальнѣйшемъ его постепенномъ культурно-историческомъ развитіи". Профессору Сперанскому представлены были диссертаціи студентовъ: *Гостева*—„Мотивы въ лирическихъ стихотвореніяхъ А. С. Пушкина", *Знаменскаго*—„Литературная дѣятельность Кантемира и ея отношеніе къ обществу его времени". *Терентьева*—„Гоголь, какъ литературный критикъ" и *Туманова*—„Общественно-литературное значеніе дѣятельности Новикова, Радищева, Челищева и кн. Щербатова" Профессору Бережкову представили диссертаціи студенты: *Красинъ*—на тему „Прибыльщики Петровскаго времени", *Кукаркинъ*—„О внутреннемъ бытѣ вѣчевого города Пскова въ XIV и XV вѣкахъ, по Псковской судной грамотѣ", *Лучко*—на тему „Черты мѣстнаго земскаго самоуправленія въ Московскомъ государствѣ по губнымъ и уставнымъ грамотамъ XVI и XVII вв.", *Плотницкій*—на тему „Объ отношеніи Карамзина къ Курбскому, автору Исторіи великаго князя Московскаго" и *Сухановъ*—на тему „Сущность критическихъ примѣчаній Болтина на книгу Леклерка". Профессору Пискорскому представили сочиненія: *Вашкевичъ*—„О средневѣковыхъ коммунахъ во Франціи", *Миртовскій*—„Рейхлинскій споръ" и *Юферовъ*—„Зависимые земледѣльческіе классы во франкскомъ государствѣ въ VIII и IX вв.".

Практическія занятія студентовъ IV курса по преподаванію въ состоящей при Институтѣ гимназіи велись тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ 1899—1900 учебномъ году.

Съ разрѣшенія Г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа 8 февраля 1901 года въ Институтѣ былъ устроенъ студенческій вечеръ, программа

котораго состояла изъ вокально-музыкальной части, чтенія стихотвореній и реферата студента IV курса Туманова »О первыхъ повѣстяхъ М. Г. Короленка«.

Конференція Института имѣла въ отчетномъ году 22 засѣданія.

Фундаментальная библіотека Института, состоявшая въ началѣ отчетнаго года изъ 22677 названій въ 54920 томахъ, пополнялась покупкою книгъ по предложеніямъ профессоровъ и преподавателей и присылкою изданій русскихъ и иностранныхъ ученыхъ учрежденій и обществъ и учебныхъ заведеній, преимущественно въ обмѣнъ на „Извѣстія Института". Въ настоящее время въ фундаментальной библіотекѣ состоитъ 23015 названій въ 56035 томахъ. Въ студенческой библіотекѣ до начала отчетнаго года было 829 названій въ 6495 томахъ, нынѣ въ ней имѣется 925 названій въ 6780 томахъ.

Внѣ „Извѣстій" профессорами и преподавателями Института напечатаны слѣдующіе труды:

Профессоръ С. Н. Ждановъ—1) Просодическія и критическія замѣтки—въ Филологическомъ Обозрѣніи и 2) Къ Менандровой Περικειρομένη—въ Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщ. 1901 г., кн. 7.

Профессоръ М. Н. Бережковъ—Жизнь священника Алексѣя Ефимовича Казанцева, составилъ архіепископъ Евгеній Казанцевъ, издалъ проф. М. Бережковъ. Нѣжинъ. 1900.

Проф. В. В. Качановскій—нѣсколько рецензій на сочиненія по славянской филологіи, въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. и въ Историческомъ Вѣстникѣ.

Профессоръ М. Н. Сперанскій—Изъ исторіи отреченныхъ книгъ, III: Лопаточникъ (въ Памятникахъ Общества Любителей Древней Письменности).

Профессоръ В. К. Пискорскій—1) Крѣпостное право въ Каталоніи въ средніе вѣка (Кіевъ 1901) и 2) статьи по всеобщей исторіи въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза-Ефрона.

Преподаватель В. И. Рѣзановъ—Памяти Л. Н. Майкова. Филолог. Записки. 1901 г.

Въ состоящемъ при Институтѣ Историко-филологическомъ Обществѣ въ отчетномъ году состояло 1 почетный и 60 дѣйствительныхъ членовъ. Составъ бюро слѣдующій: Предсѣдатель—А. В. Добіашъ, товарищъ предсѣдателя—А. Ѳ. Абрамовъ; Секретарь—И. А. Сребницкій, товарищъ—М. Н. Сперанскій; Казначей—И. Н. Михайловскій, товарищъ Б. Ф. Бурзи; Библіотекарь—Е. И. Кашпровскій, товарищъ—В. К. Пискорскій.

Общество имѣло въ отчетномъ году 8 открытыхъ засѣданій, въ томъ числѣ одно торжественное въ годовщину основанія Общества. На засѣданіяхъ читали.

И. Г. Турцевичъ: О центрахъ провинціаловъ въ Римѣ въ императорскую эпоху.

А. А. Брокъ—о новомъ thesaurus linguae latinae.

С. Н. Ждановъ—О Менандрѣ по вновь найденнымъ папирусамъ.

М. И. Лилеевъ—О Погодинѣ, какъ ученомъ.

М. Н. Сперанскій—Изъ первыхъ лѣтъ Нѣжинской Гимназіи Высшихъ Наукъ.

Онъ же—изъ русскаго фольклора.

В. Р. Фохтъ—изъ нумизматики.

А. В. Добіашъ—три доклада о дѣятельности состоящей при Обществѣ археологической коммиссіи, а именно: за время отъ 1 іюня по 1 октября, отъ 1 октября по 1 марта и отъ 1 марта по 15 августа. Означенная археологическая коммиссія организована при Обществѣ по случаю принятія на себя послѣднимъ задачи собирать археологическій и этнографическій матеріалъ для XII археологическаго съѣзда, имѣющаго быть въ авг. 1902 г. въ г. Харьковѣ. Въ составъ коммиссіи вошли, кромѣ предсѣдателя и секретаря Общества—настоятель Нѣжинской Богоявленской церкви священникъ Александръ Александровичъ Величковскій, учитель деревни Чешуекъ, Мглинскаго уѣзда, Семенъ Андроновичъ Гатцукъ, агентъ по страхованію имуществъ отъ земства Яковъ Александровичъ Гужовскій, преподаватель Глуховской гимназіи Александръ Никифоровичъ Малинка, исправникъ Нѣжинскаго уѣзда Виталій Николаевичъ Фальковскій и дѣйствительные члены Общеста: М. Н. Бережковъ, И. Л. Дейкунъ, Е. И. Кашпровскій, М. И. Лилеевъ, В. К. Пискорскій, В. И. Рѣзановъ и М. Н. Сперанскій. Коммиссія имѣла въ отчетномъ году 22 засѣданія. До настоящаго времени собрано 175 номеровъ археологическихъ и этнографическихъ матеріаловъ для съѣзда а именно: 15 номе-

ровъ новоизданныхъ печатныхъ брошюръ, 7 номеровъ старинныхъ рукописей, 89 номеровъ рукописныхъ статей и 64 номера разныхъ вещей частью археологическаго, частью же этнографическаго характера.

ОПИСАНІЕ РУКОПИСЕЙ

БИБЛІОТЕКИ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО

ВЪ г. НѢЖИНѢ

(ОКОНЧАНІЕ).

СОСТАВЛЕНО

М. СПЕРАНСКИМЪ.

НѢЖИНЪ
Типо-Литографія М. В. Глезера
1901

Печатается по постановленію Конференціи Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко.

Директоръ Ф. Гельбке.

Предисловіе.

ПОПРАВКА.

Въ описаніе рукописей Института, вошедшее въ настоящій XIX т. его Извѣстій, проникла, вслѣдствіе недосмотра составителя описанія, крупная ошибка, которая здѣсь и исправляется: описанная подъ № 114 (стр. 24) рукописная латинская піитика 1731 года приписана (въ рукописи имени нѣтъ) *Исаіи* Трофимовичу, ректору Коллегіума (1632—1638 г.). На дѣлѣ же авторомъ піитики долженъ быть сочтенъ Трофимовичъ *Ѳеофанъ*, бывшій преподавателемъ піитики въ Кіевской Академіи въ 1729 г. (*Житецкій*, »Энеида Котляревскаго«, Кіевъ, 1900 г., стр. 19), тогда какъ Исаія Трофимовичъ былъ преподавателемъ философіи, позднѣе богословія (*Н. Петровъ*, Кіевская Академія во второй половинѣ XVII в., Кіевъ, 1895, стр. 9, а не просодіи или піитики, которыя преподавались Антоніемъ Пацевскимъ и Сильвестромъ Коссовымъ (тамъ же, стр. 10) во время ректорства Исаіи Трофимовича.

М. Сперанскій.

[1]) Помѣщены вслѣдъ за описаніемъ институтскихъ рукописей и отмѣчаются послѣ номера знакомъ: „Общ.“.

Предисловіе.

Настоящимъ выпускомъ заканчивается описаніе рукописей, принадлежащихъ библіотекѣ Института; сюда вошли рукописи, не попавшія въ первую часть описанія, напечатаннаго въ XVIII т. Извѣстій Историко-филологическаго Института, рукописи, поступившія въ теченіе 1899 и 1900 годовъ, а также рукописи Историко-филологическаго Общества при Институтѣ, находящіяся на храненіи въ библіотекѣ Института[1]). Помимо обычнаго указателя въ концѣ выпуска, въ настоящемъ предисловіи помѣщаются: а) дополненія и поправки къ описанію рукописей, изданному раньше, и б) сравнительная таблица сигнатуръ настоящаго описанія и прежнихъ обозначеній рукописей за все время ихъ странствованій изъ библіотеки въ библіотеку; эта таблица можетъ оказаться не безполезной для справокъ, такъ какъ нѣкоторыя рукописи извѣстны уже въ литературѣ, но еще подъ прежними обозначеніями. Кромѣ того, означенная таблица нагляднѣе покажетъ исторію собранія: изъ нея ясно виденъ составъ коллекціи С. П. Шевырева (при рукописяхъ изъ нея въ прежней сигнатурѣ стоитъ „Шев."), коллекціи Гимназіи высшихъ наукъ, унаслѣдованной Лицеемъ, передавшимъ въ свою очередь коллекцію Историко-филологическому Институту (эти рукописи передъ № имѣютъ буквы, чаще всего: „C. J.", рѣже: „F. J.," „G. J."), наконецъ коллекціи проф. Ф. Ричля (при сигнатурѣ: „R."); рукописи, гдѣ при сигнатурѣ прибавлено „1875", унаслѣдованы Институтомъ, при его открытіи, отъ Лицея (ихъ впрочемъ, не много, если не считать рукописей, принадлежавшихъ Гимназіи высшихъ наукъ); наконецъ, безъ всякихъ отмѣтокъ — одинъ номеръ — приращенія собранія уже самого Института.

---

[1]) Помѣщены вслѣдъ за описаніемъ институтскихъ рукописей и отмѣчаются послѣ номера знакомъ: „Общ.".

Дополненія. **№ 15** (Опис., стр. 34 слѣд.). Въ рукописи есть записи, отчасти намѣчающія ея исторію: а) л. 1 при переплетѣ: «Сия книга попа Тита Семенова» (скоропись XVII в., повторена два раза); б) л. 2 при переплетѣ: «Сия книга глаголемая попа Тита Семенова» (также XVII в.); в) л. 2 об. при переплетѣ: «Сия книга глаголемая праздники 1759 году писалъ Іванъ Леонтьевъ сынъ Ушаковъ» (рука современная датѣ); г) тамъ-же: «Димитровскія вотчины села Далматова» (скоропись Петровскаго времени); д) тамъ-же: «Книга Іринея Мамонова» (XVIII в.); е) л. 275 об. (полустерта и оборвана):... златаѹстъ прода по ......къ ѳедоро снъ ке.....лаеѵ снѹ михаи.... а пописа по третьякъ.... рѹкою лѣ ҂з. о. ѳ.го (7079—1571); ж) тамъ-же (также стерта и оборвана): Сию кнгѹ златаѹстъ дала.... ѳедорова до кексова....на по дѹше мѹжа своео.... попѹ михаилѹ ѡцѹ ео дшевномѹ лѣ ҂з. ч. е (7095—1587).

№ 24 (Опис., стр. 50). На передней доскѣ переплета внутри зачеркнутая запись новаго письма: «Въ Зарайскомъ. Купецъ Сергей Дорофеичъ Крупениковъ».

№ 34 (Опис., стр. 72). Южно-русскіе тексты «Александріи» существуютъ также въ рукоп. XVIII в., принадлежащей В. В. Каллашу (въ Москвѣ), также въ Ц.-Археол. Музеѣ при Кіевской Духовн. Акад. (См. Н. И. Петрова, Описаніе рукоп., I, 106), Рум. Муз. (въ Москвѣ). Объ этихъ текстахъ см. замѣтку В. В. Каллаша—Кіевская Старина 1887 г., X, 377.

№ 54 (Опис., стр. 98). Рукопись—подарокъ гр. А. Г. Кушелева-Безбородка: протоколы совѣта Гимназіи высшихъ наукъ по ученой части, 1823 г. 29 Дек. (л. 192 об.).

№ 71 (Опис., стр. 113). Исторія Углича (конечно, съ указанными цензурными исключеніями) по нашему экземпляру издана въ Ярославлѣ въ 1844 году.

№ 75 (Опис., стр. 116). Книга „Liber honoris“ предполагаетъ существаваніе „Liber dedecoris“, куда заносились проступки учащихся, каковая и существовала въ Гимназіи высшихъ наукъ; см. протоколы Гимназіи высш. наукъ 1822 г., л. 151; ср. Н. А. Лавровскій, Гимн. высш. наукъ, стр. 131.

№ 79 (Опис., стр. 118). Подарокъ гр. А. Г. Кушелева-Безбородка; см. протоколы совѣта по ученой части Гимн. высш. наукъ, 1823 г. 29 дек. (л. 192).

№ 80 (Опис., стр. 118). Подарокъ автора; см. архивъ Гимн. высш. наукъ, за 1824 г., связка 12, л. 238 об.

№ 85 (Опис., стр. 119). Исторія рукописи объясняется документомъ архива Лицея кн. Безбородко—бумагой попечителя Кіевскаго округа отъ 1833 г. 25 мая, за № 874: „Препровождая при семъ **правила и формы,** по коимъ составлены каталоги книгъ **библіотеки Волынскаго Лицея,** предлагаю Вашему В-ію принять оныя къ руководству, на основаніи предложенія моего отъ 14 апр. за № 620, при составленіи каталоговъ подвѣдомственнаго Вамъ Лицея, съ тѣмъ, чтобы по снятіи съ тѣхъ правилъ копіи и засвидѣтельствованіи всѣми членами совѣта оставить **оную** при дѣлѣ Лицея, а **подлинные возвратить** мнѣ не позже 15 числа будущаго Іюня мѣсяца". № 85—подлинникъ, а не копія.

Таблица [1]).

1.	242	Шев.	522—III, 1.	16
2.	245	„	П. 541—III, 2.	
3.	243	„	П. 540— »	
4.	248	„	П. 737—III, 6.	
5.	253	„	П. 526—III, 1.	
6.	249	„	П. 521— »	
7.	252	„	П. 551—III, 2.	
8.	251	„	П. 543— »	
9.	250	„	П. 542— »	
10.	254	„	П. 548— »	
11.	267	„	П. 527—III, 1.	
12.	268	„	П. 530— »	
13.	271	„	П. 523— »	
14.	272	„	П. 550—III, 2.	
15.	270	„	П. 539— »	
16.	269	„	П. 534— »	
17.	264	„	П. 528—III, 1.	
18.	258	„	П. 525— »	

[1]) Сигнатуры, соединенныя знакомъ —, на рукописяхъ пишутся въ видѣ дроби, напр. П. 541—III, 2 = $\frac{\text{П. 514.}}{\text{III, 2.}}$ Цифры въ крайнемъ лѣвомъ столбцѣ—номера настоящаго описанія.

19.	255 Шев.	П. 524—III, 1.	
20.	258 „	П. 529— »	
21.	259 „	П. 474— »	А. 37—I, 2.
22.	260 „	П. 531— »	
23.	261 „	П. 535—III, 2.	
24.	266 „	П. 736—III, 6.	Почетн. Гражд. И. Н. Царскаго № 298[1]).
25.	263 „	П. 544—III, 2.	
26.	№ 3307—1875	№ 3307—А. 14—I, 1.	
27.	274 Шев.	П. 553—III, 2.	
28.	257 „	П. 536— »	
29.	265 „	П. 547— »	
30.	262 „[2])	П. 537— »	
31.	58 „	П. 691—III, 5.	
32.	278 „	П. 538—III, 2.	А. 44, I. 2.
33.	593 „	А. 42—I, 2.	
34.	№ 3302—1875	№ 3302—А. 15—I, I.	
35.	592 Шев.	А. 40—I, 2.	
36.	№ 2437—1875.	V, 56 2183, 2179	А. А. 3.
37.	3261 Шев.	А. 31—I, 2.	
38.	№ 3313—1875—А. 4—I, 1.	4214	F. J. № 2184.
39.	№ 3312—1875.	№ 3312—А. 1—I, 1.	C. J. № 4.
40.	3134 Шев.	А. I, 1.	
41.	№ 3306—1875—А. 16—I, 1.	16.	C. J. № 12.
42.	3136 Шев.	А. 41—I, 2. 41.	
43.	№ 3315—1875	А. 25— »	C. J. № 17.
44.	№ 3314—1875	А. 25— » 1.	№ 17.
45.	4131.	№ 2185.	
46.	276 Шев.	П. 755—III, 7. 755.	
47.	277 „	П. 532—III, 2.	
48.	№ 3309—1875	А. 13—I, 1.	C. J. № 9.
49.	№ 3320—1875	А. 2— »	C. J. 14.
50.	3133 Шев.	А. 30—I, 2.	
51.	№ 3318—1875	3318—А. 3—I, 1.	

---

[1]) Еще сигнатура на рукописи: Изъ библ. И. Н. Царск. III, № 34 Катал. 1836 г.

[2]) Въ рукоп. ошибочно: 264 Шев.

52	14013.			
53.	2131 Шев.	A. 39—I, 2.		
54.	№ 3305—1875	A. 27— »		C. J. № 8.
55.	№ 3301—1875—A. 21—1, 7—5	A. 5—I, 7.		C. J. № 3.
56.	№ 3302—1875	A. 22—I, 2.		C. J. № 7.
57.	2132 Шев.	A. 35—I, 2—10.		
58.	14012.			
59-65.	№ 3303	A. 28—I, 7—(1?).		
66.	3300	A. 18—I, 7—7.	№ 18.	C. J. № 2.
67.	5384	A. 29—I, 2.		
68.	№ 3311—175	A. 11—I, 1.		C. J. № 5.
69.	№ 3310—1875	3310—A. 6—»	6	C. J. № 19.
70.	3139 Шев.	A. 33—I, 2.		
71.	3262 „	E. 1213—VIII, 4.		
72.	3263 „	A. 32—I, 2.		
73.	№ 3308—1875	A. 5—I, 1.		
74.	3138 Шев.	A. 38—I, 2.		
75.	15743.			
76.	2207 Шев.	A. 36—I, 7—4.		
77.	10185	A. 44—I, 2.		
78.	№ 3321—1875.	A. 26—I, 2.	4233	G. J. № 1308.
79.	3322	A. 24—I, 2.		C. J. № 15.
80.	№ 3323—1875			C. J. № 11.
81.	15744.			
82.	15745.			
83.	15746.			
84.	15747.			
85.	15748.			
86.	15749.			
87.	№ 3325—1875.	3325—A. 19—I, 1.		
88.	15750.			
89. 90.	2339 Шев.	A. 34—I, 7—8.		
91 a—d.	4951.	B. 1706—III, 1.		
91 e—f.	R. 4091.	B. 2017—XIV, 1.		
91 g	6686	Г. 1262—VI, 1.		
91 h—i	4482	B. 1733—III, 2.		
91 k—l	R. 6414	Д. 1356—VIII, 2.		

91 m	R. 3777.	B. 829—IX, 4.		
91 n				
91 o	R. 6376.	Г. 1485—VIII, 3.		
91 p	R. 5041.	Д. 1223—IX, 6.		
91 q—r	R. 4184.	Г. 1682—I, 8.		
92	R. 6676.	B. 1669—XII, 9.		
93	4598.	Г. 681—VII, 5.		
94	R. 4604.	Д. 1252—IX, 5.		
95				
96	4616.	B. 1303—XI.		
97.	6846.	B. 1715—III, 1.		
98.	3042 Шев.			
99.	15751.			
100.	247 Шев.	П. 546—III, 2.	10.	
101.	246 „	П. 545— »		
102.	15752.			
103.	15753.			
104.	3135 Шев.	A⁹/43—I, 7.		
105.	15754.			
106.	15755.			
107.	№ 3319—1875.	A. 10—I, 1.		
108.	№ 3317—1875.	3317—A 12—I, 1.		C. J. № 13.
109.				
110.	9611	A. 43—I, 2.		
111.				
112.				
113.	15756.			
114.	№ 3324—1875	3324—A. 17—I, 1.		C. J. № 1.
115.	5382.	A. 20—I, 1.		
116.	1363 Шев.			
117.	1947 Шев.			

98. Евангеліе 1118—1128 г. Восемь фотографическихъ, въ натуральную величину, раскрашенныхъ снимковъ изъ Юрьевскаго евангелія (Синод. библ. № 1003) XII в. (между 1118—1128 годами). Всего четыре листа съ оборотами: 88, 89, 90 и 211.

Л. 88 данъ въ снимкѣ у И. И. Срезневскаго: Древніе памятники русскаго письма и языка, изд. 2-е (Спб. 1898), № 16; подробно описано евангеліе у арх. Амфилохія, Подробное описаніе Юрьевскаго евангелія (М. 1877). Ср. Г. А. Воскресенскаго, Характеристическія черты четырехъ редакцій ев. отъ Марка (М. 1896), стр. 33—34 (здѣсь и вся литература объ этомъ текстѣ).

На л. 88—90 об. помѣщается текстъ ев. Луки III, 19—IV, 36; V, 1—3.

На л. 211—211 об.—Матѳ. XII, 19—21; I, 1—18.

Изъ собранія С. П. Шевырева.

99. Апостолъ—тетръ. Рукоп. въ листъ на 225 листахъ, полууставъ XVI вѣка. Рукопись—плохой сохранности, но еще въ началѣ XIX в. она была тщательно и бережливо реставрирована на основаніи Московскаго печатнаго апостола Невѣжи (7105—1597 г.), послѣсловіе котораго также списано реставраторомъ. Въ старой части рукописи киноварь употреблена въ заглавіяхъ отдѣльныхъ посланій (вязь) и въ текстѣ при обозначеніи чтеній. Заглавныя буквы (киноварныя) очень просты. Въ добавленіяхъ реставратора (л. 4) грубая заставка краснымъ, желтымъ и зеленымъ по чернымъ контурамъ. Реставратору цѣликомъ принадлежатъ листы: 2—5, 204—205, 209—210, 214—225; частью: 5 об.—10, 200, 202—203, 206—208, 211—213, при чемъ онъ добавлялъ на подклеенныхъ кускахъ недостающій текстъ. Исторія рукописи объясняется многочисленнымиприписками:

1) л. 1: а) (полууставомъ новымъ) лѣта ≠ЗТМД (7344—1836) недѣля мясопустная, знамя послѣдняго конранта; б) Сія книга Усьяновской Вѣденьской волости села; в) Сия богодухновенная книга, называемая апостолъ, веденпской волости нижняго конца крестьянина гаврила попова куплена въ городе каргополе плачено 10 ру. 1821 го.

2) л. 224 об.: Вельской округи крестьянина Андрѣя Корабицына.

3) л. 225: (полууставъ новый) Вопросъ: кто блаженъ мужъ. Отвѣтъ.—Вопросъ: что два мирянина приходили къ великому господину и просили у него дару дороже миру. А онъ далъ даръ дороже всего царства.

4) л. 225 об. а) Сия книга Вѣльской Округи Усьяньской Веденьской волости Нижняго конца крестьянина; б) Сия книга Вологоцкой губерни Вельскаго округа Бестужевскаго волостнаго правленія Бережаскаго общества Вѣрюжевской Вѣденской цѣркви казеново крестьянина Андрѣя Лукина Карабіцына со(бс)твепая его Корабицына.

5) На внутренней сторонѣ второй доски переплета: а) Переплѣталъ сию книгу Стѣпанъ Гавриловъ Г. Поповъ 180(0) года марта 18 дня; б) И подписалъ сию книгу крестьянинъ Игнатій Карабицынъ 1850 году марта 25 дня.

6) л. 224—224 об. Послѣсловіе реставратора (новый полууставъ): «Вы же, отцы и братія, чада евангелія и сынове свѣта, елико васъ Богомъ избраннаго стада правителіе и учителе святыя и непорочныя и христіянскія вѣры церковная чета, святыя соборныя апостольскія церкви пастыри и наставницы овцамъ заблуждшимъ дому израилева и Божія церкви добрѣ хранящe со всяцѣмъ цѣломудріемъ и чистою верою; да аще кому случится в сию богодухновенную книгу проникнути, прочитати или преписовати, и вы, Господа ради, не клените, но паче Бога молите за мя грѣшнаго и нѣпотребнаго раба, писавшаго сию книгу апостолъ тетръ, будетъ гдѣ опись или недопись, и вы, Бога ради, исправляйте, а меня грѣшнаго прощайте, понеже трудолюбствова человѣкъ грѣшенъ, и писа рука (не?) верна, да и вы сами отъ всемогущаго Бога милости сподобитеся во вся вѣки аминь.

— А переплеталъ и подписывалъ сию книгу апостолъ тетръ многогрѣшный [Стефанъ] Георгій Тимофіевъ сынъ Поповъ.—Слава давшему намъ милость и показавшему намъ свою благодать во вся вѣки аминь».

М. б. первая половина послѣсловія—списокъ Георгія Попова съ стараго послѣсловія самой рукописи?

Правописаніе русское, съ кое-какими, повидимому, мѣстными особенностями: а) и вм. ѣ, е: прилипитисѧ 12, свидительствоують 24 об., ериси 53, книди = е, 23 об.; б) обратно ѣ вм. и: вѣдеста (= видѣста) 25 об.; г) о вм. а: прилогахоу 12, въпрошахоу 23, зорѧ 42 об.; д) о вм. е: нашолъ 19, чотыри 29, нашого 33 об.; е) смѣны ѧ и е: мартвыхъ 29 об., колѧбаще 36 об., 36 об., ѿрасѧ (= е) 38; ж) смѣна оу и в: вчити 13, оуне 31 об. Въ основѣ списка лежитъ текстъ болгарскій: а) смѣна ѧ и ѫ въ русскомъ отраженіи: имѧщимъ 18 об., ею = еѧ 34 об., съблюдаю (= ѧ) 33 обор., свидѣтелствоую (= ѧ) 43, приносѧщію (= ѧ) 12 об.; б) смѣна ѧ и ѣ: седѧ (= ѣ) 22, садѧ 27 об., оусмарѣ (gen.) 24; в) смѣна оу и о: соублюденіе 12 об., свидѣтелствоеть 43. Попадается ѫ довольно часто правильно, но чаще неправильно: сѫдъ 51 об., единѫ (acc. sg.) 52, сѫ 21 об., сѫще 25, слоужбѫ (acc. sg.) 27 об.;—соборѫ (dat.) 30, расѫждаѧ 25 об., дрѫгы 23 об., нарицающѫ (dat.) 51 об., ногѫ (dual.) 23 об.

Оригиналъ былъ, повидимому, съ архаизмами: етеръ 16, но списанъ крайне небрежно: оумроша = оумрь(ъ)ша. 31 об.; ıаке = ıа въ (13), ѿверже = ѿверзе 19 об.

По чтеніямъ текстъ ближе къ поздней (XV—XVII в.) редакціи, нежели къ древнимъ; въ чтеніяхъ масса ошибокъ. Въ графикѣ особенностей мало; въ общемъ и письмо крайне небрежно; встрѣчаются: є широкое, употребляющееся всегда правильно, какъ замѣна ѥ; очное о — не только въ словѣ очи, но и обрѣзаніе 24 об., осми 21 об.; з—стараго типа.

Л. 1. Дѣянія апостоловъ.

Л. 59. Соборное посланіе Іакова.

Л. 64 об. Соборное посланіе Петра, первое.

Л. 70 об. Соборное посланіе Петра, второе.

Л. 74 об. Соборное посланіе Іоанна, первое.

Л. 80. Соборное посланіе Іоанна, второе.

Л. 81. Соборное посланіе Іоанна, третье.

Л. 81. Посланіе Іуды.

Л. 83 об. Посланіе ап. Павла къ Римлянамъ.

Л. 104 об. » » къ Коринѳянамъ, первое.

Л. 124. » » » второе.

Л. 137 об. » » къ Галатамъ.
Л. 144. » » къ Ефесянамъ
Л. 150 об. » » къ Филиппійцамъ.
Л. 155 об. » » къ Колоссянамъ.
Л. 161. » » къ Солунянамъ, первое.
Л. 165 об. » » » второе.
Л. 168 об. » » къ Тимофею, первое.
Л. 174 об. » » » второе.
Л. 178 об. » » къ Титу.
Л. 181. » » къ Филимону.
Л. 182 об. » » къ Евреямъ.
Л. 197. Сказаніе извѣстно главамъ (антифоны).—Указатель.
Л. 202. Прокимны.
Л. 206. об. Соборникъ 12 мѣсяцамъ.
Л. 215. Прокимны и указатель чтеній „на всяку потребу".
Л. 219. об. Прокимны и аллилуаріи воскресные.
Л. 228. об. пустой.
Л. 223. Послѣсловіе Невѣжи (Каратаевъ, изд. 2-е, стр. 276—7).
Л. 224. Послѣсловіе реставратора.
Переплетъ—доски въ кожѣ. Подарена проф. М. Н. Сперанскимъ.

100. Служба и житіе Александра Свирскаго. Рукоп. въ 8 д. л. на 194 листахъ, полууставъ съ киноварью XVII вѣка. На внутренней сторонѣ передней доски переплета скорописью запись: „҂АѰ (1700) году сентября А҃-го сия книга житие преподобнаго отца нашего Александра свирскаго чюдотворца Григорья Костентина сына мамалахова подписалъ своею рукою".

Л. 1—пустой.

Л. 2. Мц҃а авгꙋста въ л҃ дн҃ь памѧть преподобнаго ѿц҃а нашего александра свирскаго, чюдотворца. творимъ бдѣніе. на малѣй вечерни. стрыⷯ, на. д҃. гласъ. д҃. поⷣ. ꙗко добла въ мчⷭ҇нцѣхъ. воздержаніемъ страсть плотьскꙋю оумертвилъ еси.

См. выше № 29, л. 184 (Описаніе, стр. 62).

Л. 53 и 54 пустые.

Л. 55 Мц҃а авгꙋста въ тридесѧтый дн҃ь. на памѧть иже во ст҃ы ѿтцъ нашихъ архіепископъ константина града. Александра и Іѡанна и павла новаго. Житіе и подвизи и еже ѿчасти чюдесъ ѿц҃а нашего

александра свѣрскаго новаго чюдотворца, иже бысть во ѡбласти великаго нова града. Списано иродїѡномъ игꙋменомъ тояже честныя ѡбители, оучникомъ стаго.—Молю же оубо преподобство ваше.

См. тамъ же, л. 203 (стр. 62—63). Сравнительно съ № 29 лишнія чюдеса:

Л. 129. Чюдо, ѕ-е ѡ нѣкоемъ члцѣ хотящемъ ѿ имѣнїи своихъ преподобномꙋ вдати.—Прїиде в монастырь нѣкїи человѣкъ именемъ григорїе из нѣкїе веси глется пимо езеро.

Л. 131. Чюдо, з-е семꙋ же подобно.—Изыде ѡ преподобнемъ александре по всемꙋ слава.

Л. 155. об. Чюдо стаго александра ѡ нѣкоемъ мꙋжи просившемъ плода чревꙋ его.—Бѣ же члкъ нѣкїи ѿ града корѣльскаго именемъ іаковъ.

Л. 157. Чюдо сватаго ѡ нѣкоемъ юноши разслабленꙋ рꙋкꙋ имꙋщꙋ, како исцѣлѣ оу гроба стаго.—Ниже сїе молчанїемъ стаго чюдо да покрыется.

Л. 158 об. Чюдо ѡ женѣ имꙋщи болѣзнь велїю, како исцелѣ матвами стго.—Повѣда намъ нѣкотораꙗ жена болярскаꙗ родꙋ.

Л. 161. Чюдо ѡ мꙋжи бѣснꙋющемся, како исцелѣ во ѡбители стаго.—Приведоша к монастырь стыя живоначальныя троицы и чюдотворцꙋ александрꙋ человѣка именемъ геѡргія.

Л. 164. Видѣнїе игꙋмена иродїѡна, како видѣ преподобнаго ѡца александра и макарїя митрополита. і ѿ црькви стаго николы на вратѣхъ.—Иногда же оубо во единъ ѿ днїи вечерꙋ глꙋбокꙋ сꙋщꙋ и тмѣ належащи велицѣ ꙗко и к полꙋнощи бяше смиренномꙋ мнѣ иродїѡнꙋ.

Л. 167. Слово похвално преподобномꙋ ѡцꙋ нашемꙋ александрꙋ чюдотворцꙋ свѣрскомꙋ.—Памать праведникꙋ с похвалами бываетъ.

Рукопись въ кожаномъ переплетѣ и доскахъ.

101. Служба и житіе Макарія Желтоводскаго. Рукоп. въ 4-ку на 115 листахъ, полууставъ конца XVII вѣка, съ киноварными заголовками и заглавными буквами.

Л. 1. Мца іюля, въ ке. оуспенїе стыя анны мтре стыя бца; и памя сты же алимпиады і еѵпраксїи; в той же днь оуспенїе прпбна ѡца нашего макарїя желтоводскаго и оунженска чюдотворца.—Вечё. блже мꙋжь.

на гй вовл. стры. гла. к. по. кими по. Гй дажь ми изыкъ свѣтлогласенъ.

Л. 16. Мца юлѧ к ке днь житие и жизнь. і Ѿчасти чюде его препо бнаго Ѿца нишего макарим жетовоскаго, оунженска чюдотворца.— Что оубо похвала блговѣрию и что ино оутвержение разве еже вѣдати, и внимати млрдию бжію.

Житіе новой редакціи, сь 16-ю чудесами (въ старшей—десять), изъ коихъ одиннадцатое помѣчено 1615 годомъ: во второе же лѣто блгочтивыѧ державы православнаго гдрѧ цря и великаго кнзѧ михайла фео ровича (л. 100 об.). См. В. О. Ключевскаго, Житія святыхъ, какъ истор. ист., стр. 324; ср. Барсуковъ, Агіогр., стл. 335 и сл.

Рукоп. въ мягкомъ кожаномъ переплетѣ; при передней коркѣ два листа съ какими то денежными записями, скоропись XVII вѣка.

102. Сборникъ старообрядческій. Рукопись въ 8 д. л. на 349 л., полууставъ съ киноварью разныхъ рукъ конца XVII—нач. XVIII вѣка. Рукоп. сильно истрепана, листовъ многихъ не хватаетъ въ концѣ и въ срединѣ. Судя по счету тетрадей, рукопись состоитъ изъ двухъ: л. 1—216 и 217—349.

Л. 1. Сказаніе Івана златоустаго о молитвѣ Ісусовѣ, еюже онъ самъ молилься, еже есть сія: Господи Ісусе Христе, помилуй мя грѣшнаго, скончевая: аминь.—Аще кто сію молитву требуетъ ея по вся дни безпрестані по первомъ лѣте вселится въ него Христосъ.

Л. 16. О крестномъ знаменіи, отъ свидѣтельствъ божественныхъ писаній, еже отъ различныхъ книгъ и отъ иконныхъ изображеній собрано вкратце —Первое. Въ лѣто отъ созданія мира по ҂з. въ м. Максимъ Грекъ пишетъ во своей книгѣ во главѣ .м., ейже начало сице: Сказаніе како знаменоватися крестнымъ знаменіемъ.

Л. 18. Второе увереніе. Острожской печати выдано въ лѣто ҂зрѕ (7106—1598) во изложеніи о православной вѣре.—л. 19 об. Третіе увереніе въ кніге о вѣрѣ правой глава д. о знаменіи креста образъ листъ од напечатано.—л. 21 об. Четвертое, въ книге міние четье печатной въ декабрской четвертѣ года мѣсяца өевраля въ ік день, въ житіи святаго Мелетія архіепископа антіохиіскаго, листъ хча.—л. 22 об. Пятое увереніе (оттуда же).—л. 23. Шестое увереніе о томъ же (изъ Стоглава).—л. 23 об. Седьмое увѣреніе о томъ же (изъ Стоглава).— л. 25. Восьмое увереніе (изъ Өеодорита).—л. 25 об. Девятое ув. (изъ

Дамаскина).—л. 26. Десятое ув. (изъ Большаго Катихизиса московской печати въ четверть).—л. 26. Одинадцатое ув. (изъ «другаго» Катихизиса большаго).—л. 26. Двѣнадцатое ув. (изъ книги «Сынъ церковный»).—л. 26 об. Тринадцатое ув. (изъ Хронографа).

Л. 27. Книга тактиконъ, правило пк҃.—Крещенію и къ поклономъ и къ молитвѣ и къ посту не нудить.

— Книга Севаста Арменопула, глава ѕ҃.—Вопросъ. Добро ли есть грехи исповѣдати... и отвѣтъ.

Л. 28 об. Икономъ.—Аще кій инокъ воздержанія ради сыръ и яица не хощетъ... ясти.

— Отъ патерика Иерусалимскаго,—Рече старецъ: подобаетъ бегати отъ всехъ творящихъ беззаконіе.

Л. 29 об. Преподобнаго Іосифа Волоцкаго отъ слова д҃-го— Егда же кто возбраняетъ заповѣди Господни творити.

Л. 30. О семъ чти въ Прологу, новопечатныхъ во рне (155--1647)мъ году.—Греческой патриархъ Парѳеніи, иже въ Царѣ-градѣ (казненъ султаномъ за просьбу о исправленіи книгъ).

Л. 30 об.—32 об.--пустые; заняты частью безпорядочными записями: «написася въ богохранимомъ градѣ Москвѣ въ лѣто ҂зн (7050—1542) отъ сотворенія мира. ҂з при царя Иоаннѣ Васильевичѣ», къ рукописи не относящимися.

Л. 33. Книга Катихизисъ большей, нарицаемая Бесѣдословія, избрана отъ божественыхъ писаній, еvангельскія проповѣди і апостольскихъ ученій, и святыхъ богоносныхъ отецъ, въ вопросѣхъ и отвѣтехъ, рекше во образѣ хотящаго разумѣти и во образѣ могущаго разумъ дати.—Глава первая. Вопросъ. Понеже наша вся мудрость христіанская въ семъ предлежитъ.

Выписки: изъ 2-й главы (л. 34 об.), 7-й (л. 35 об.), 64 (л. 36 об.); затѣмъ: изъ Бесѣдъ апостольскихъ, листъ оули (л. 38), л. ҂кмк. (л. 38 об.), изъ Іоанна Лѣствичника слово 1-е л. ді (л. 38 об.), книги Іосифа Волоцкаго сл. 14-го (л. 39), Маргарита, сл. 2-е л. г҃ (л. 41 об.), Бесѣдъ къ Тимоѳею 1-й л. ҂кфа (л. 43), Максима Грека сл. 11-е (л. 43 об.), Кирилловой книги, л. рѕі (л. 44), изъ Хронографа (л. 44 об.), Соборника л. ѱкд (л. 45), книги Григорія Богослова (л. 45)[1]), опять изъ Катихизиса, гл. 4-я (о вѣрѣ, л. 47 об.), Нила Сорскаго (л. 58 об.)

[1]) Послѣднія три выписки о философѣ Платонѣ.

Л. 60 об. пустой.

Л. 61. Предисловіе или сказаніе отъ божественныхъ писаніихъ, яко подобаетъ испытати писанія, а не простѣ скитатися, да не впадемъ въ ересь разумоборную і иныхъ еретиковъ.—Всесилный убо и всемогій Богъ, иже вся премудростію своею сотворяетъ.

Далѣе опять выписки: къ Солуняномъ зачало сҁч, Бесѣды апостольскія, листъ ҂ѯсчл (л, 64), Никонъ, сл. к. (л. 64 об.), Максимъ Грекъ, глава ои (л. 65), Бесѣды апостольскія, листъ, ҂кѿмз. (л. 66 об.), л. ҂атлд (л. 68. об.), Соборникъ, печатный московскій, л. 30-й (л. 70), Никонъ сл. 2-е (л. 71 об.), Книга Кирилъ, Зиновія, гл. 37 (л. 72 об.), Маргаритъ, л. ок. (л. 76), Іосифа Волоцкаго сл. 14 (л. 76 об.), Кириллъ Іерус., л. ті (л. 77). Книга о вѣрѣ л. д (л. 77), Маргаритъ, сл. 3 (л. 78).

Л. 79. Къ Солуняномъ, зачало сҁе. Бесѣда четвертая.—И нынѣ одержащее вѣсте.

Л. 87. об. Мѣс. февраля въ 25 день иже во святыхъ отца нашего Тарасія, патріарха Константина града.—Тарасій святый родися въ Констянтинѣ градѣ.

Л. 103 об. (безъ заглавія). Два брата по плсти пріидоста жити въ монастырь нѣкій (о послушаніи и молитвѣ).

Л. 105. Посла нѣкто старецъ ученика своего почерпьсти воду (вода по молитвѣ поднялась).

Л. 105. об. Братъ вопроси старца глаголя: аще жительствую со братіями и вижду вещь неподобну.

Л. 106. Рече старецъ: вѣруйте ми, чада, яко претерпѣвый досаду Христа ради безъ труда спасется.

Л. 106 об. Бѣ нѣкій нѣкогда покляся безмолвствова.

Л. 107. Изъ патерика скитскаго глава лѕ., о инокѣ, како пріятъ пресвитерства санъ отъ нѣкоего епископа еретика суща и видѣ ангелы Божія по обѣ страны поставляюща его.—Старецъ нѣкій добродѣтеленъ и святъ, егда сотворити ему божественая литургія, і ангелы зряще.

Л. 108. об. Бесѣды листъ ха.—Случаетъ бо ся убо начальствукщимъ быти злымъ и скверныъ.

Л. 109 об. Изъ минеи четіихъ, житіе и страданіе святаго священномученика Діонисія ареопагита, мѣс. октябрія въ 3 день.—Сей святый Діонисіи ареопагитъ, егда посаженъ бысть въ тимницу къ Рустику.—Выписка.

Л. 110. Мѣсяца того же въ 15 день житіе и страданіе преподобномученика Лукіяна, презвитера великія Антіохіи.—Сей святый Лукіянъ, егда всаженъ бысть въ темницу, въ нейже различная претерпѣ страданія.... Выписка.

Л. 112 об. Кормчая, листъ ѕ҃л҃ въ предисловіи. Правила святыхъ славныхъ и всехвальныхъ апостолъ.

Мелкія выписки съ ссылкой на Матѳея Властаря (л. 2) и Кириллову книгу (л. 372).

Л. 113. О томъ же: православнымъ христіаномъ брадъ не брити. Требникъ, листъ х҃л҃і.—По сихъ паки рцемъ і ина нѣкая преславная, яже содѣяшася въ нынѣшняя времена.

Л. 120. Тако же и святый Епифаній пишетъ, укаряя евхитъскую ересь, въ книзѣ своей Понаріи (на полѣ: Никонъ л҃з.).—Чюжде бо есть соборныя церкве[1]).

Л. 121. Такоже і апрѣля въ 14 день на память святыхъ мученикъ Антонія і Иоанна и Евъстафія, пострадавшихъ въ Литвѣ во градѣ Вилнѣ отъ Олгерда князя.—Тамо бо въ мученіи ихъ пишетъ, еже и начало сіе по благочестіи показаша, еже не послушаша князя, повелѣвша брити брады; тако и скончашася по Христѣ (все).

Л. 121 об. Тако же и въ мученіи святаго священномученика Исидора пишетъ, иже пострада отъ безбожныхъ нѣмецъ во Юриевѣ градѣ Ливонскомъ, егда святый, обличая мучители, глаголаше: увы прелести вашея... О томъ же брадобритіи.

Л. 122 об. Тако же и въ соборномъ собраніи рече блаженныя памяти великаго господина Филарета, патріарха Московъскаго и всея Русіи, и съ нимъ всего освященнаго собора великія Русіи, еже о крещеніи латинъ, отъ ересей приходящихъ, пишетъ тамо сице.—Проклинаю богоненавидимую блудолюбнаго образа прелесть... еже остругати браду.

Л. 127 об. Служебникъ, листъ т҃и. Послѣдованіе о причащеніи святыя воды великаго освященія на Богоявленія.—Егда нѣсть лѣть кому причаститися святыхъ і животворящихъ пречистыхъ Христовыхъ таинъ, пълоти и крови.

Не дописано.

---

[1]) Л. 120 об. зачеркнутъ съ надписью на верху: „сія черно".

Л. 129. Аөанасія Александрѣ(й)скаго ко Антіоху князу. Вопросъ: Есть-ли пособіе умершимъ душамъ еже по нихъ памети творятъ... Толкованіе: Велико пособіе умершимъ душамъ.

Л. 130. Сія написахомъ игумена Анастасія, горы Синайскія.— У многихъ слышахъ отъ васъ глаголющихъ: горе мнѣ, како могу спастися?

Далѣе выписки: Анастасій Синайскій о покаяніи (л. 131), Повѣсть душеполезна (о врагахъ спасенія, л. 132), Вопросы и отвѣты (первый: Како глаголютъ, яко не имамы брани блудныя, л. 134), Слово отъ Старчества (аввы Аөанасія о гоненіи, л. 134 об.), Кормчая правило 17 (о яденіи съ погаными), 127 о жреніи идоломъ до крещенія), 16 (скотоложство), 19 (о дѣвствѣ), 22, 23 (о убійствѣ) (л. 136), Правила иже въ новой Кессаріи: 4, 5, 19, 10, 16, 17, 19, 29, 50, 52 (л. 138 об.), Правила соборовъ (л. 141 об.), воскресное евангеліе въ первую недѣлю поста (слово 5-е, толкованіе, л. 148), Кириллова книга (л. 152), Кормчая (л. 158), Требникъ, л. пѕ҃ (л. 154), Маргаритъ, л. сп҃д (л. 154 об.), Кириллова кн., л. тн҃и (л. 154 об.), Соборникъ, л. ѱн҃а (л. 155) Никона Черног., слово ки҃ (л. 155).

Л. 161. Книга о правой вѣре. Свидѣтельства о причащеніи пречистыя крове Сына Божія. Глава 6-я, листъ н҃ на обороте.—Премудрость Божія превѣчная.

Далѣе выписки: изъ нея-же (л. 165 об.), Катихизиса малаго (л. 168), Бесѣдъ Златоуста (л. 170 об.), Ефрема Сирина (л. 171.), Кирилла Іерус., л. 34, 69, 78 (л. 171 об.), Соборника (слово 1. Злат. о пречистыхъ тайнахъ, л. н҃а.—л. 173). Апоксалипсиса (о Иліи и Енохѣ, л. 179), Зерцала душезрительнаго (л. 181), Синаксаря (о антихристѣ, л. 181 об.), Благовѣстника (о Иліи и Енохѣ, л. 183), Іоанна Дамаскина (л. 184), Минеи служебной (л. 184 об.).

Л. 185. Выписано изъ минѣи старописьменныя Макарьевскія, изъ мѣсяца августа, послѣ всѣхъ чиселъ.—Слово святаго Козмы презвитера на еретики препрѣніе и поученіе отъ божественныхъ книгъ, въ немъже пишетъ сице.—Бысть попъ именемъ Богомилъ, а по истинѣ Богу не милъ.

Л. 196 об. Никонъ Черныя горы отъ слова 2-го заповѣдей Господнихъ, раздорници и еже и словоискателе ересь, р҃г. — Иже славу свою ищущеи, правдѣ же Божіи не повинующеся.

Л. 197 об. Книга библія, листъ 4.—О еже испытати писанія со страхомъ Божіимъ.

Л. 198. Исъ кніги препод. отца нашего Нила Сорскаго.—Нѣцы же ни слышати хотятъ, яко есть благодать въ нынѣшнее время.

Л. 168 об. Благовѣстникъ, евангеліе отъ Луки, зачало 107, листъ 224, въ толку.—Аминь глаголю вамъ, яко не преидетъ родъ сей.

Л. 199 об. Книга кормчая, писменая, Іоанна Китрошьскаго священнѣйшаго, на латыни, глава 31.—Еже убо инозаконныхъ латыньскихъ преданій соблюдатися.

Л. 201. Преп. отца нашаго Феодорита о пречистыхъ тайнахъ, како самому себѣ причастить наединѣ по совѣту отца своего духовнаго нужди ради.—И нынѣ великія ради нужды идѣже нѣсть іерея при смерти.

Порядокъ молитвъ.

Л. 202. Инъ уставъ кому въ борзѣ причастіе дати.—Глаголи псаломъ 50-й.

Л. 202. об. Инъ уставъ, како подобаетъ причастіе болному въ борзѣ дати страха ради смертнаго.—Аще ли священникъ близъ не будетъ, и есть часть святыхъ таинъ, то веземъ инокъ да даетъ.

Л. 206. Исповѣданіе предъ Господнимъ образомъ.—Исповѣдаюся азъ многогрѣшный...

Входитъ въ предъидущую службу.

Л. 208. О святѣмъ причащеніи. Вопросъ Кипріяна мниха, живущаго во святѣй горѣ Аѳоньстѣй. Отвѣтъ Еѳимія, патріарха трапезонскаго.—Паки же вопросилъ еси, понеже въ пустыни святѣйшаго мѣста сего живуща.

Л. 214 об. Ино вопрошеніе о святѣмъ причащеніи.—Вопроси убо Лука святый Стирійскій митрополита коринѳскаго.

Л. 216. Ино сказаніе горы Синайскія.—Скитяне же сами себѣ причащаху запаснымъ причащеніемъ.

Л. 217. Книга Соборникъ. Въ недѣлю мясопустную. Блаженнаго Ипполита папы римскаго и мученика слово о скончаніи мира и о антихристѣхъ и о второмъ пришествіи Господа нашего Ісуса Христа.—Понеже убо блаженніи пророци очи намъ быша сокровенныхъ видѣніе намъ являюще.

Л. 269. Книга Соборникъ. Въ недѣлю мясопустную преподобнаго отца нашего Паладія мниха слово о второмъ пришествіи Христовѣ и

о страшномъ судѣ и о будущей муцѣ и о умиленіи души.—Нынѣ исповѣждься, душе[1]).

Л. 316. Собраніе отъ святыхъ писаній о памяти усопшихъ, и яко умершимъ вельми пользуютъ, яже по нихъ бываемыя милостыни. Правило святыхъ апостолъ Петра и Павла.—Творити усопшимъ третины во псалмѣхъ и въ молитвахъ[2]).

Далѣе выписки изъ: Катихизиса большаго л. 56 (л. 316 об.), Нравоученія 3-го къ Филипписіямъ л. 1881 (л. 321).

Л. 325 об. О младенцахъ отшедъшихъ вѣрныхъ и о невѣрныхъ, изъ Антіоховыхъ вопросовъ.—Вопросъ: Камо отходятъ умирающеи вѣрныхъ младенцы... Отвѣтъ: Господу глаголющу: оставите дѣти приходити ко мнѣ.

Л. 326. Отъ тріоди постныя въ суботу мясопустную, въ синоксари[3]).—Вѣдати же и се должно, яко крещеніи младенцы пищи насладятся.

Л. 326 об. Поемъ на молебнѣ: Иже крестомъ ограждаеми....—Поемъ Богородице на молебне: Владычице, пріими молитву рабъ своихъ.

Л. 327. (иная рука) Выписано изъ письменной Кормчей книги: Правило Никиѳора, патріарха Константинопольскаго и Арменопольскаго въ канонѣхъ краткихъ, сѣченіе 4-е, титла 2-я, сѣченіе 5-е, глава первая. Зри въ книгѣ третій Соборъ.—Повелитъ христіанину приходящему и хотящему креститися прежъ поститися.

Л. 328 об. запись: Сія книга Чуровскаго посада купца Карпа Петрова Кутьина 1822-го года.

Л. 329. Подобаетъ вѣдати, како кадити іерею или діякону. Уставъ печатный, глава 10, листъ 32.—Первѣе станетъ предъ святою трапезою и творитъ крестъ кадиломъ.

Выписки.

Л. 335. Выписано изъ минѣи четьи старописменныя изъ мѣсяца Іюля въ 31 день, а минѣя брана изъ казны Государевы съ печатнаго двора. Посланіе о еретицѣхъ стриголницѣхъ, а послано во Псковъ въ лѣто 6925 (1417) индикта 9-го.—Посланіе патріарха Антонія Царяграда о новгородскихъ и псковскихъ стриголниковъ, рекше вземшихъ на

---

[1]) Позднѣе приписано: слово 4-е.

[2]) На полѣ: правило 14, листъ 28.

[3]) На полѣ: листъ 44 на оборотѣ.

ся собою достоинства учительства, а не отъ Бога или отъ болшаго святителя поставльшихъ во учители.—Патріархъ Антоній милостію Божіею и архіепископъ Коньстантинаграда, новаго Рима и вселенскій патріархъ.

Ср. Акты историческіе, I, № 6; См. (о подложности грамоты) Русск. ист. библ., VI, 211. Послѣ л. 341 нѣтъ 9 листковъ.

Л. 342. (безъ начала) повелѣ игуменъ извращи псомъ на снѣдь, послѣди же молитвами святаго Антонія и Өеодосія и прочихъ святыхъ положеныхъ въ пещерѣ той.

Л. 344 об. Посланіе Фотія митрополита всея Русіи во Псковъ о еретицѣхъ стриголницѣхъ, въ лѣто 6 тысящъ 920, индикта девятаго, изъ того-же посланія пониже.—О пошлинѣ, колико отъ поставленія взимати.—Сего ради правила, еже о поставленіи священническомъ...

Ср. Русск. ист. библ., VI, 371.

Л. 346 об. О изгнаніи стригольниковъ отъ православныхъ.—И аще, чада моя, тіи окаянніи зовомыи стриголницы ходяще въ суете ума своего и не обратятся.

Тамъ-же, стл. 373.

Л. 348. О стриголницѣхъ отца себѣ на небесѣхъ нарицающихъ.—А какъ ми пишете о тѣхъ помраченіихъ.

Л. 349. О казнѣхъ и о заточеніи стриголникохъ.—И которіи тіи стриголници отъ своего заблужденія не имуть чистѣ вѣровати.

Л. 349 об. О живущіихъ съ женами безъ благословенія.—А которіи не по закону живутъ съ женами, безъ благословенія поповскаго понялися.

Обрывается съ концомъ рукописи.

Рукоп. въ разбитомъ переплетѣ: доски и кожа. Подарена студент. Института Вл. Даниловымъ.

103. Сборникъ. Рукоп. въ 4 д. л. на 317 листахъ (по счету въ рукописи 323[1])) третьей четверти XVIII в., скоропись разныхъ рукъ; съ л. 65 об. идетъ новая рука въ перемежку съ первой, съ л. 156 опять иная рука. Въ рукописи много листовъ осталось пустыми: лл. 9, 9 об., 10 об., 22—26 об., 127 об.—129 об., 144 об.—155, 185 об.—197 об., 205, 205 об., 262 об.—319 и 320 об.

[1]) При счетѣ листовъ опущены: л. 8 и лл. 157—162.

Л. 1. Канонъ Николаю Чудотворцу.—Гласъ к҃. песнь а҃.—Во глубине посла иногда фараонитское воинство.

Л. 10. (Въ заставкѣ цвѣточнаго характера, черное съ желтымъ) Канонъ преподобному Сергію, игумену, радонежскому чудотворцу.—(л. 11) Гласъ 8 песьнь 1.—Вооружена фараона погрузи.

Л. 27. Мѣс. декемврія въ «6» день житіе и жизнь и отчасти сказаніе о чюдесехъ иже во святыхъ отца нашего Николая, архіепископа, Миръ ликійскихъ чюдотворца.—Мудра убо нѣкая вещь бываетъ.

Л. 32 об. Сказаніе о трехъ дѣвицахъ.—Отъ селѣ убо лѣпо еже и почасти сказати добро(дѣ)тели святаго.

Л. 36. О шествіи святаго Николая въ Палестину.—Некогда случися святому отцу Николаю изыти въ Палестину.

Л. 39. О поставленіи во епископство святаго отца Николая.—По премногу убо Вышніи промыслъ устрояя.

Л. 42. О велицемъ же отце Николаи, како темницу пріятъ и много зла претерпе отъ христоненавистныхъ мучителей.—Преспевающе убо въ словеси и прочая речемъ.

Л. 44. Сказаніе о трехъ мужахъ, како святый Николай избавилъ ихъ отъ напрасныя смерти.—Нѣкогда убо мятежъ воста по велицей Фригіи.

Л. 47. Чюдо святаго отца Николая о трехъ воеводахъ, како ихъ отъ смерти избавилъ.—Послани же воеводы иже съ нимъ на позоръ.

Л. 52 об. Чюдо святаго отца Николая, како избави корабль отъ потопа.—Некогда убо карабленицы отъ Египта шествіе сотворяюще.

Л. 54 об. О преставленіи святаго отца Николая чюдотворца.—И тако святый Божій угодникъ велики архіереи Николай поживе.

Л. 55 об. О погребеніи святаго отца Николая и о чюдеси его, како корабль избави отъ бѣсовскаго умышленія.—Собѣритеся, отцы, просветите церковъ, притецыте, священницы.

Л. 59 об. Похвала иже во святыхъ отцу нашему и въ чюдесехъ великому Николаю, архіепископу Мирскому чюдотворцу.—Кто тя возможетъ отъ человѣкъ земныхъ похвалити.

Л. 65 об. Мѣсяца маія въ «9» день сказаніе повести, еже о пренесеніи честныхъ мощей иже во святыхъ, отца нашего Николая, архіепископа града Мира.—Присно убо въ памяти имѣти Бога добро и зело благо.

Л. 73. Похвала на пренесеніе честныхъ мощей святаго отца Николая архіепископа, еже изъ Мира града въ Баръ градъ.—Во истинну убо едина добродѣтель достойна есть.

Л. 76 об Повесть о чюдеси святаго отца Николая иже о Агрикове сыне Василіи.—Не мню праведно ниже достойно.

Л. 81 об. Чюдо о Христофоре іереи, како святы Николай избави отъ посеченія меча.—Въ древнихъ убо временехъ Аравитянинъ бысть.

Л. 83 об. Чюдо о некоемъ срацыне, егоже святы Николай изъ темницы исхити.—Чюдно убо показуется слово.

Л. 87 об. Чюдо о трехъ иконахъ святаго отца Николая.—Праведно убо мню и сіе изъглаголати.

Л. 92 об. Чюдо о Петре нѣкоемъ военачальнице, егоже святы Николай исъ темницы избави.—Многажды убо намъ и скорби къ лучшей жизни.

Л. 97. Чюдо о некоемъ мужи Димитріи, егоже святы Николай избави отъ потопленія.—Добро есть божественное писаніе всемъ проповедати.

Л. 99 об. Чюдо о некоемъ детище утопшемъ, егоже святы Николай жива сохрани.—Кто убо слышавъ и не подивится.

Л. 103 об. Чюдо святаго отца Николая о муже, утопшемъ въ мори. —Имже по кончине (не) забывая паству.

Л. 106. Чюдо святаго отца Николая о неповиннемъ отроце въ татбѣ.—Ино чюдо хощу вамъ сказати.

Л. 111. Чюдо святаго Николая о Половчине, сотворшееся во граде Кіеве.—Во граде Кіеве некто бяше человѣкъ целомудренъ.

Л. 117. Чюдо святаго Николая о ковре.—Понеже убо слышахомъ святаго Духа.

Л. 122. Чюдо святаго чюдотворца Николая о обнищавшемъ монастыре, егоже обогати златомъ.—Бе некіи человѣкъ богатъ зело.

л. 125. Чюдо святого отца Николая о юноши Николаи же именемъ. —Ино чюдо поведати хощу вамъ. Юноша бе некто именемъ Николай.

Л. 130. О начале древняго славенскаго народа и о наречіи или прозвищи его.—Безначална родителя и творца.

Изъ Синопсиса, стр. 1—5, 7—27 (по изд. 1798 г.); послѣдняя глава (о Асколду и Диру) не дописана; глава о Цимбрахъ (печ. изд., стр. 18) носитъ заглавіе: «О Половцахъ, Печенѣгахъ, Ятвазехъ и Цымбрахъ», и по началу отличается отъ печатнаго.

Л. 156. Слово въ день явленія чудотворныя иконы пресвятыя Богородицы во граде Казане....... проповеданное св(і)яжскимъ архимандритомъ Димитріемъ Сеченовымъ въ придворной церкви въ Москве 1742 года іюлія во 8 день.—Помышляя удивляюся.

См. Сопиковъ, Опытъ библіографіи, I, 209 (№ 1181).

Л. 198. Чюдо святаго Василія о прелщенномъ отроце.—Еллади иже въ преподобнеи памяти самовидецъ и служитель бывъ.

Л. 206. Мѣсяца декабря въ 21 день мученіе святыя великомученицы Ульянеи въ Никомидіи.—Царствующу Максиміану и кумиробѣство держащимъ.

Л. 219 об. Мѣсяца генваря въ 1 день преставленіе преподобнаго отца нашего Павла, иже пречестенъ монастырь созда во̂ славу святыя Троицы иже на Комелѣ.—Сей убо преподобный отецъ нашъ Павелъ родися отъ благородну родителю и благочестиву отъ преименитаго и славнаго града Москвы.

Л. 250. Мѣсяца генваря въ 16 день житіе преподобнаго отца нашего Іоанна Кущника.—Житіе благоугодно и бѣзскверно мужа праведна и совершенна.

Л. 319 об. Молитва безъ заглавія: Владыко, Царю, помилуй падшаго, возведи угрязнувшаго въ кале.

Л. 320. Счетъ 1766 г. за сентябрь: 1. Платокъ желтой....

Л. 321. Счетъ того же 1766 г.: Посуды бѣлой. Блюдъ болшихъ плоскихъ 3, среднихъ плоскихъ 2.

Л. 322. Отрывочныя записи объ овсѣ и т. д.

Л. 323. Записи: Демьянъ Герасимовъ сынъ Лисянскій, Леонтей Осиповъ сынъ Чебвинъ(?), Иванъ Ѳедоровъ сынъ У....(?).

Рукопись безъ переплета. Подарена бывшимъ студ. Института С. В. Горицкимъ, 25 Іюня 1900 г.

104. Столбецъ. Столбецъ на 9 склейкахъ: опись межамъ и челобитная Аѳанасія, Яковлева сына, Ленина на стременнаго конюха Ивана, Матвѣева сына, Володимерова о пустыни Митюринъ Торусскаго уѣзда, Слигицкаго стана; челобитья 185—187 годовъ (1677—1679 г.). По склейкамъ скрѣпа дьяка Васьки Сафонова. Начала нѣтъ.

105. Столбецъ. Опись помѣстій Григорія Жекулина 1700 года—отрывокъ на трехъ склейкахъ, безъ начала и конца. Отъ преподавателя Института В. И. Рѣзанова.

106. Столбецъ. Дѣло о передачѣ на прожитокъ дѣвицѣ Татьянѣ Андреевнѣ Строниловой помѣстій отъ Семена Ладоженскаго въ Володимерскомъ, Юрьевскомъ, Боголюбовскомъ уѣздахъ и въ Кривцовѣ, тридцати четей въ селѣ Малаховѣ. Дѣло кончилось въ Москвѣ 7200 (1692) года октября 27. Скрѣпа дьяка Ивана Векентьева. Дѣло подлинное, но въ плохой сохранности: начало утрачено, правая сторона столбца сгнила. Склеекъ 12 и четыре клочка.

Отъ преподавателя Института В. И. Рѣзанова.

107. Списокъ всему генералитету и бригадирамъ іюля къ 1-му числу 1794 года. Рукопись въ листъ 39 листахъ.

Въ спискѣ отмѣчается годъ поступленія на службу каждаго лица, годъ состоянія въ предпослѣднемъ чинѣ, годъ полученія имъ настоящаго. Первымъ записанъ Генералъ-Фельдмаршалъ графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, за нимъ П. А. Румянцевъ-Задунайскій. Въ послѣдней графѣ отмѣчаются иныя званія даннаго лица: Разумовскій—«сенаторъ, Е. И. В. генералъ-адъютантъ, дѣйствительный камеръ-геръ, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку подполковникъ, академіи наукъ президентъ. Въ отпуску».

Въ спискѣ карандашомъ отмѣчены позднѣйшія измѣненія.

Экземпляръ въ зеленомъ шолковомъ переплетѣ, повидимому, подносный; изъ библіотеки Гимназіи высшихъ наукъ (Н. I. № 364).

108. Собраніе указовъ и реляцій. Большинство статей печатныхъ, рукоп. въ листъ, XVIII в., всего съ печатными 45 листовъ.

Л. 1. Объявленіе королевское по случаю учиненнаго Россіею нападенія на области Его Величества. Переводъ (1757 г.) съ печатнаго.

Л. 3. Отвѣтъ со стороны Ея Импер. Величества всероссійской.

Л. 5. Манифестъ Анны Іоанновны о полушкахъ, 1750 г. 10 окт.

Л. 6. Манифестъ Елизаветы I о винномъ налогѣ, 1749 г. 15 дек.

Л. 10. Манифестъ ея же о бѣглыхъ крестьянахъ, 1754 г. 13 мая.

Л. 17. Маниф. ея же о рожденіи Павла Петровича, 1754 г. 7 окт.

Л. 18. Указъ ея же о мѣдныхъ грошахъ, 1756 г. іюля 14.

Л. 19. Ея же указъ о таможенныхъ пошлинахъ, 1760 г. янв. 5.

Л. 20. Указъ ея же о бѣглыхъ изъ войскъ, 1759 г. окт. 28.

Л. 21. Ея же указъ о мѣдныхъ копѣйкахъ 1757 г. апр. 8.

Указы на л. 5—21—печатные въ Петербургѣ, частью въ Кіевопечерской лаврѣ, гражданскимъ, частью славянскимъ шрифтомъ.

Л. 22. Реляція фельдмаршала С. Ѳ. Апраксина отъ 20 авг. 1757 г. о битвѣ при Эгерсъ-Дорфѣ.

Л. 24. Реляція фельдмаршала Бутурлина изъ Старгарда въ Помераніи отъ 15 окт. 1757 года.

Л. 26. Реляція гр. Апраксина изъ Гросъ-Камина, 1757 г. авг. 18.

Л. 27. Реляція генерала Фермора изъ Кенигсберга, 1758 г. янв. 11.

Л. 28. Реляція его же съ поля битвы при Фирстенфельдѣ, 1758 года авг. 18.

Л. 29 об. Реляція генерала гр. Салтыкова съ поля битвы при Балцихѣ, 1759 г. іюля 12.

Л. 30. Реляція о битвѣ при Франкфуртѣ отъ гр. Салтыкова, 1759 года 2 авг.

Л. 32. Реляція гр. Румянцева изъ Колберга, 1761 г. дек. 8.

Л. 38. Указъ имп. Елисаветы объ освобожденіи Малороссіи отъ сборовъ въ пользу войскъ, 1755 г. апр. 2.

Л. 39. Указъ имп. Екатерины II о подрядахъ на вино, 1765 г. окт. 29.

Л. 40. Манифестъ ея же о ревизіи раскольниковъ, 1764 г. дек. 5.

Л. 41—42. Манифестъ ея же о соляныхъ и винныхъ сборахъ, 1765 г. авг. 1.

Л. 43. Манифестъ ея же Малороссійскому народу о разведеніи табаку, 1763 г. февр. 11.

Л. 44. Указъ Елизаветы Петр. о крестьянахъ и подушномъ сборѣ, 1760 г. окт. 12.

Л. 45. Указъ ея же о выдѣлкѣ юфти, 1755 г. февр. 24.

Съ л. 24 до конца все печатное.

109. Бумаги Николая Кукольника. Нѣсколько тетрадей, поступившихъ въ Инст. отъ гр. Г. А. Милорадовича, отобравшаго ихъ изъ бумагъ дяди гр. С. Гр. Милорадовича, воспитанника 1-го выпуска (1826 г.) Гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ[1]). Сюда же относятся и слѣдующія три связки. Въ настоящей связкѣ всѣ бумаги помѣчены именемъ Николая Кукольника, содержатъ или его автографы, или принадлежали ему. Всего 77 листовъ (въ листъ и въ четвертку).

а) л. 1—6 (въ листъ). *Обозрѣніе исторіи:* краткое введеніе и перечень съ годами главныхъ событій всемірной исторіи. Въ концѣ запись:

---

[1]) См. Извл. изъ протоколовъ конференціи И-а за 1880—81 г., отъ 31 Авг. (Изв. И а, VII, 61); ср. Лицей кн. Безбородко, изд. 2-е, стр. CXXX.

«Конецъ содержанія исторіи, сдѣланной Николаемъ Кукольникомъ, въ С. П. Бургѣ 1810, кончено марта дня въ 12 часовъ по полуночи. Νικολᾶος Κουκολνικ».

б) л. 7—8 (въ листъ). *Нещастная дружба* (повѣсть): Алоиза и Эрастъ друзья—любовники, сентиментальный разсказъ; повѣсть исправлена карандашомъ, внизу подпись: «Похвально. Николай Кукольникъ».

в) л. 9—28 (въ четверку). *Мои упражненія*. Николая Кукольника. 1809: 1) «Нѣсколько словъ Пожарскаго къ воинамъ передъ сраженіемъ», запись: «сочинено въ классѣ», въ концѣ: «Ник. Кук. 18 марта 1809»; 2) «Сыны славы и великолѣпія не могутъ быть сынами добродѣтели», разсужденіе; 3) Элегія: «Ударилъ часъ, друзья, простите»; исправлено иной рукой; внизу той же рукой, что въ б): «Хорошо». 4) *Мои упражненія*, часть III. Николая Кукольника 1809 и 1810 года: «Утренное размышленіе» (съ нѣмецкаго изъ Галлера). 5) «Нѣчто о наукахъ и просвѣщеніи (противу Руссо)», 6) «Нѣчто о риѳмахъ», 7) «Смерть Сенеки (подражаніе Дю-Пити)», 8) «Осіянъ» (изъ Sulzner Allgemeine Theorie der schönen Künsten), 9) «Нѣсколько словъ надъ гробомъ достопочтеннаго наставника нашего Г-на Метлина, прочтенныя въ церкви Смоленскія Богородицы ноября 1809 года»; въ концѣ—«Надпись надъ гробомъ Г-на Метлина».

г) л. 29—34 (четвертка). «*Примѣчанія къ поэзіи 1809 года*». Николая Кукольника: 1) «Утро, гимнъ Клеантовъ», 2) «Гимнъ Богу», 3) «На взятіе Варшавы». На оборотѣ каррикатуры: «чертъ раздвоился, чертъ озлобленый».

д) л. 35—38 (восьмушка). *Планъ для россійской исторіи*. Николая Кукольника. Не окончено.

е) л. 39—52 (четвертка). *Краткая исторія стихотворства*. Николая Кукольника 1809 года. Запись: «исправить»; дѣйствительно, исправлена той же рукой, что въ б): послѣ разсказа о началѣ поэзіи, ея краткая исторія у Евреевъ, древнихъ народовъ, народовъ Европы, кончая Россіей, съ замѣчаніемъ, что «Кантеміръ и Тредьяковскій всегда будутъ жить въ нашихъ сердцахъ»; послѣднимъ отмѣченъ Херасковъ (ркп. Герасковъ).

ж) л. 53—58 (четвертка). *Духовныя стихотворенія* 1807 г. Николая Кукольника: 1) «Божественная любовь»—Вышеславцева 2) «Подражанія псалма 49»—И. Димитріева, 3) «Псаломъ 48»—его-же.

з) л. 59—77 (четвертка). *Выписки изъ лучшихъ россійскихъ авторовъ*, какъ то: изъ Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Княжнина, Державина, Дмитріева, Боброва и Озерова. Въ Спб. 1810. Николая Кукольника: 1) «Яйцо (притча)»—А. Сумаракова, 2) «Сонетъ»—его-же (?), 3) «Торжественное вдохновеніе ночи» — С. Боброва, 4) «Сердечный подарокъ», 5) «Гласъ новолѣтія»—его-же, 5) «Первый часъ года, къ другу И.»—его-же, 6) «Стихи Г-на Волтера на его поѣздку»—его-же, 7) «Муравей и Зерно» —Хемницера, 8) «Ода на поднесеніе Его Величеству великаго магистерства 1798 г.»—Державина, 9) «Волы въ пастушьемъ платьѣ»—М. Ломоносова, 10) «Горшки»—Сумарокова.

110. Собраніе выписокъ и переводовъ. Рукописи (въ листъ и четвертку) поступили отъ Г. Милорадовича съ остальными; повидимому, идутъ изъ училища Правовѣдѣнія (есть одинакіе почерки) и также могутъ быть изъ бумагъ Ник. Кукольника. Всего листовъ 187.

а) л. 1—7 (четвертка). *Стихи Г-на Карамзина.* 1809. «Опытная Соломонова мудрость, или мысли, выбранныя изъ Эклезіяста».

б) л. 8—16 (листъ). *Выписки изъ разныхъ авторовъ*: 1) «Людмила (русская баллада)»—В. А. Жуковскаго, 2) «Къ жителямъ Остзейскихъ провинцій (по поводу нашествія Наполеона, грозящаго и Россіи)»—Коцебу, 3) «Китаецъ въ Петербургѣ (переводъ съ Манжурскаго)»—сатира неизвѣстнаго времени, 4) «Щука и Котъ»—басня Крылова.

в) л. 17—20 (листъ). *О Россійскихъ историкахъ.*—Перечень писавшихъ и изслѣдовавшихъ русскую исторію съ короткими замѣтками, съ Нестора (по Татищеву и Шлецеру) и до Карамзина, о которомъ сказано: «Теперь всякъ съ крайнимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ Россійской исторіи отъ исторіографа Г-на Карамзина, нѣсколько уже лѣтъ сочиненіемъ оной занимающагося, по рѣчамъ однихъ, многія части, а по сказанію другихъ, и всѣ уже до новѣйшихъ временъ кончившаго».

2) л. 21—27 (четвертка). 1) Планъ комедіи (въ одномъ дѣйствіи —зачеркнуто) «Разборчивая мать» (дѣйствующія лица: Альбертъ, Берта, Робертъ, Вильменъ) со ссылками на книгу; конецъ (дѣйств. 2-е) писанъ карандашомъ; 2) «Письмо къ пріятелю, или безпристрастный зритель нѣкоторыхъ(?).... 1786»—стихотвореніе сатирическаго характера, безъ имени автора.

д) л. 28—35 (четвертка). *О стихотворствѣ, къ Пизонамъ* (изъ Горація)—стихотворный переводъ.

е) л. 36—53 (четвертка). *Переводъ съ французскаго* 1810-го года Іюня 3-го дня. Николая Рюмина. С.-Петербургъ: 1) «Нравоучительное повѣствованіе. Пастушка въ Альпійскихъ горахъ» (исправлено: «Альпійская пастушка»); 2) «Рѣчь на предложенный (испр.: заданный) вопросъ Дижонскою академіею: Служило ли возстановленіе наукъ и художествъ къ исправленію нравовъ?»—Обѣ статьи исправлены иной рукой. Въ концѣ какія-то ариѳметическія выкладки, рисованныя лица.

ж) л. 54—57 (листъ). *Отвѣтъ, который Симонидъ сдѣлалъ* одному государю, потребовавшему у него опредѣленія Бога, весьма славенъ. (изъ Словаря Бэйля, article Simonide).

з) л. 58—81 (листъ). *Спиноза* (изъ Словаря Бэйля). «Конецъ Спинозы Г. Беля, окончено 7 Сентября 1812 года въ 11-мъ часу ночи».

и) л. 82—106 (листъ). *Переводы изъ Вольтера:* 1) «Нѣчто о трагической любви», 2) «Предисловіе къ трагедіи Катилина», 3) «Нѣчто о Аталіи Расиновой» (не изъ Вольтера?), 4) «Нѣчто о таинствахъ древнихъ народовъ», 5) «О вѣрѣ квакеровъ», 6) «Исторія вѣры квакеровъ» (изъ Рейналя), 7) «Сокращеніе исторіи кавалеровъ храма» (не изъ Вольтера).—Переводы съ поправками.

і) л. 104—117 (листъ). 1) *Изъ Вольтера:* «О епической поэзіи»; 2) «Пропов. въ день пасхи о торжествѣ вѣры» (конца нѣтъ). Въ текстѣ поправки.

к) л. 118—134 (листъ). *Исторія графа Л.*, ч. I и II.—Сентиментальная повѣсть съ разными ужасами. Переводъ не конченъ, обрывается на 2-й главѣ II части.

л) л. 135—156 (листъ). *Разговоръ о смерти*, изъ Энгеля.

м) л. 157—165 (листъ). *Письмо архіеп. Фенелона* къ Людовику XIV, касательно правленія сего государя, въ 1695 году написанное.—1812 года Сентября 30 дня.

н) л. 166—171 (листъ). *Махіавель* (переводъ изъ энциклопедіи Бэйля, Histoire, T. III, P. II). Кончено: «11¼ часовъ въ ночь Марта 31, 1813 года въ Санктпетербургѣ». Затруднявшія переводчика слова остались въ текстѣ безъ перевода.

о) л. 172—177 (листъ). *Избранныя мѣста изъ Шатобріяна* (изъ его Génie du christianisme): 1) Водопадъ Ніагары, 2) Краснорѣчіе христіанъ, 3) Нынѣшніе народы. *Изъ Руссо* (Emile): 1) О воспитаніи, 2) Безсмертіе души, 3) Тотъ же предметъ, 4) Угрызеніе, 5) Умѣетъ разстаться съ состояніемъ, которое насъ оставляетъ, и остаться человѣкомъ вопреки судьбѣ. Изъ *Шатобріона* (оттуда же): 1) Вѣра и безбожіе, 2) О угрызеніи совѣсти.

п) л. 178—187 (листъ). *Выписки* изъ разныхъ источниковъ: 1) О Богѣ (tirée de Sacres trad. par M. le marquis d'Argens), 2) Сравненіе Расина съ Вольтеромъ (изъ Spectateur Francais, по Вѣстнику Европы 1812 г. № 4.), 3) Краткое извѣстіе о жизни и дѣлахъ Вашингтона, 4) Прокламація Петра Великаго передъ сраженіемъ Полтавскимъ, 5) Изъ Système de la nature.

111. Собраніе бумагъ юридическаго характера. Поступили вмѣстѣ съ бумагами Николая Кукольника. Бумаги всѣ въ листъ и четвертку. Всего 208 листовъ.

а) л. 1. *Программа* къ окончательному открытому испытанію юношества въ Высшемъ училищѣ Правовѣденія въ наукахъ юриспруденціи[1]). Генваря 29 дня 1809 года.

б) л. 2—3. *Опредѣленіе закона.*—Опредѣленія различныхъ ученыхъ, начиная съ Платона и кончая Блакстономъ.

в) л. 4—5. *Записка о наслѣдственномъ правѣ.*

г) л. 6—17 (четвертка). *О священномъ нравѣ.*—Сводъ литературы и законовъ.

д) л. 18—25 (четвертка). *Краткое обозрѣніе исторіи римскаго законодательства.* 1813 года. Конспектъ, обрывается на II гл. (время царей).

е) л. 26—32. *Краткое обозрѣніе естественнаго права.* Конспектъ, конца нѣтъ.

ж) л. 33—150. *Теорія россійскаго частнаго права.* Конспектъ; введеніе—исторія права (л. 33—55); всего 312 параграфовъ; на поляхъ карандашныя замѣтки позднѣйшаго времени.

з) л. 151—159. *О бракѣ*—разсужденіе неизвѣстнаго автора.

и) л. 160—166. *О наслѣдованіи по завѣщанію*—разсужденіе неизвѣстнаго автора; л. 161 наверху надпись карандашомъ: «можно читать».

і) л. 167—174. *Разсужденіе о давности по римскимъ законамъ.*— Василія Синявскаго; л. 167 на верху помѣта: «читать». Въ текстѣ поправки чернилами иной руки.

к) л. 175—189. *Разсужденіе о расторженіи брака по римскому праву.*—Ивана Васильева.

л) л. 190—202. De legatis, lege Falcidia et ademtione legatorum. —Өедоровскаго.

---

[1]) Училище учреждено въ 1805 г. при Коммиссіи составленія законовъ, курсы его составлены въ 1809 году, а въ 1816 г. оно закрыто.

м) л. 203—208. *Слова, употребляемыя въ судопроизводствѣ по губерніямъ Польскимъ.*—Списокъ словъ латинскихъ, нѣмецко-польскихъ (съ русской транскрипціи) и русскихъ съ переводомъ и толкованіемъ. Въ рукописи поправки карандашомъ.

112. Собраніе различныхъ бумагъ. Бумаги поступили вмѣстѣ съ предъидущими, содержатъ переводы съ польскаго и нѣмецкаго и выписки по естественнымъ наукамъ, въ листъ, частью въ четвертку. Всего 90 листовъ.

а) л. 1—12. *Рѣчь, говоренная ректоромъ Виленскаго университета,* во время начатія годоваго курса въ ономъ университетѣ послѣ каникулъ 1811 года 15 Сентября (въ день вступленія на престолъ Александра I). Съ польскаго; нѣкоторыя выраженія остались безъ перевода, переведены позднѣе поправлявшимъ.

б) л. 13—26. *Рѣчь въ похвалу Ивана Кохановскаго,* соч. Нѣмцевича.—Поправки въ текстѣ, качества перевода тѣже. Вверху, рядомъ съ заглавіемъ, приписано: «Ломоносову».

в) л. 27—33 (четвертка). *О нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ гальванизма* (изъ Gilberts Annalen der Physik, ч. 8, 9).

г) л. 34—52 (четвертка). *Разсужденіе о причинахъ землетрясенія.*—Григорія Русанова.

д) л. 53—61. *Примѣчанія къ физической географіи* (о вулканахъ).

е) л. 62—90 (четвертка). Сельскаго домоводства часть пятая.—*О содержаніи лѣсовъ.*—Съ польскаго подлинника перевелъ Ѳома Петрушевскій.

113. Сборникъ. Рукопись въ 4 д. л. на 94 листахъ, часть которыхъ осталась пустыми, скоропись XVIII в.. Книга, повидимому, была гдѣ-то на Балканскомъ полуостровѣ: въ переплетѣ (кожа) вклеенъ отрывокъ изъ югославянской (сербской) старопечатной книги XVI ст.. Писана руп. съ киноварью и заставками: на л. 2. чернилами, л. 59 об. киноварью, л. 60 и 80 киноварью же и красками (въ старинномъ стилѣ).—Заглавныя буквы киноварью, довольно искусно.

л. 1. Περὶ συντάξεως γραμματικῆς κατὰ τὰ ὀκτὼ μέρη τοῦ λόγου.—Ἐνετίῃσιν αψλε (1735) παρὰ Ζοσιμα τοῦ μοναχοῦ τοῦ εκ Σμήρνης.—(л. 2). Τοῦ σοφωτατου καὶ λογιωτάτου μεγάλου ῥήτορος ἰατροῦ τε, ἤδη δὲ τοῦ ἐξ ἀπορρήτων αὐτέντου καὶ αὐτοδυναμου πρέσβεως τῆς κραταιᾶς βασιλείας Ὀτμάνων κυρίου Ἀλεξάνδρου τοῦ ἐκ Κωνσταντινοπόλεως.

Περὶ συντάξεως γραμματικῆς κατὰ τὰ ὀκτὼ μέρη τοῦ λόγου.— Κεφάλαιον ᾽α-τον. Περὶ τῶν προτακτικῶν ἄρθρων.—Χρώμεθα τοῖς προτακτικοῖς ἄρθροις εἰς δήλωσιν διωρισμένου τινὸς πράγματος...

На поляхъ мелкимъ почеркомъ поясненія. Гл. 2-я—περὶ ὑποτακτικῶν ἄρθρων, 3—περὶ συμφωνίας οὐσιαστικοῦ μετὰ τοῦ ἐπιθέτου, 4—π. συντάξεως διαφόρων ὀνομάτων οὐσιαστικῶν, 5—π. μεταβατικῆς συντάξεως τῶν κτητικῶν ὀνομάτων, 6—π. τῶν κτητικῶν ὅσα δοτικῇ συντάσσεται, 7—π. κτητικῶν ὅσα αἰτιατικὴν ἀπαιοῦσιν, 8—π. συντάξεως τῶν συγκριτικῶν ὀνομάτων, 9—π. συντάξεως τῶν ὑπερθετικῶν ὀνομάτων, 9—π. συντάξεως τῶν προσωπικῶν ῥημάτων. Всѣхъ главъ 35; послѣдняя: περὶ τῶν ἐγκλυτικῶν.

л. 48 об.—59 чистые.

л. 59 об. Χρηστοήθεια τὸ παρὸν ὀνομάζεται σύγγραμμα, χρηστότητα ἠθῶν καὶ κοσμιότητα τρόπου ὑποτιθέμενον, μετενήνεγκται δὲ ὑπό τινος ἐκ τῆς λατινίδος φωνῆς εἰς ἁπλῆν· ἣν μετοχετούσατο αὖθις εἰς ἑλληνικὴν ὁ τῆς (ἐν) Κωνσταντινοπόλει σχολῆς τῶν γραμματικῶν μαθημάτων καθηγητής· ἃ μὲν προσθεὶς, ἃ δὲ ὑφελόμενος, τοῦ ἁπλοῦ ἀτελοῦς καὶ ἀκοσμήτου τυγχάνοντος καταγλαΐσας δὲ ἐκεῖνος τῷ κάλλει τοῦ ἑλληνικοῦ χαρακτῆρος, ναὶ μὴν καὶ κοσμήσας ποικίλως τῇ προσθήκῃ τῶν νοημάτων εἰς φῶς ἤγαγε, καὶ τοῖς φιλολόγοις καὶ ἀναγινώσκουσιν αὐτὸ, ἔχουσιν ἐντεῦθεν ῥιθμίζειν καὶ τὰ ἤθη κοσμεῖν πολλὰς ὑπιθήκας ἐνέθηκεν, ᾧτινι καὶ οἱ ἐντυγχάνοντες τὸν ἄνδρα θαυμαζόντων, τῷ τε ὕψει τῆς φράσεως καὶ τῇ τοῦ λόγου ἰδέᾳ καὶ δι᾽ εὐφήμου γλώσσης ὅτι μάλα ἀγόντων.

л. 60. Χρηστοήθεια ᾽Αντωνίου τοῦ Πάνω τοῦ βυζαντίου, πάνυ ὠφελιμωτάτη καὶ ἀναγκαιοτάτη.—Τιμιώτατον μὲν τῶν ἐν ἀνθρώπῳ μερῶν ἡ ψυχή.

л. 81. Γνῶμαι μονόστιχοι κατὰ στοιχεῖον ἐκ διαφόρων ποιητῶν, συντεθεῖσαι παρὰ Μανουὴλ τοῦ Χρυσολωρᾶ.—Εἰς ἀγαθοὺς ἄνδρας.—᾽Ανὴρ δὲ χρηστὸς χρηστὸν οὐ μισεῖ ποτε.

Рукопись пожертвована преподавателемъ Института А. И. Шнукомъ.

114. Піитика Исаіи Трофимовича. Рукоп. въ 4 д. л. на 218 л., красивое письмо XVIII в. съ изящными рисоваными буквами, писана въ 1731 г., какъ видно изъ записи на л. 218 об.: Haec omnes explicationes ex prosodia perdictatae sunt (a) reverendo patre Trofimowycz at perscriptae propria mea manu Ioannis Czarnysz, anno Domini 1731 jannuario 2. Finis et laus Deo. Amen. Т. о. это—копія лекцій по просодіи Исаіи Трофимовича (ок. 1635), читанныхъ въ Кіевской Духовной Академіи (тогда еще Могилянскимъ Коллегіумѣ).

На л. 144 об. въ красивой виньеткѣ изображеніе св. Епифанія въ архіерейскомъ облаченіи съ надписью вверху: sanctus Epiphanius, и подписью внизу иной рукой, нежели остальная рукопись: Pro hoc annali labore Deus Ter-Optimus maximus aeterno solvat praemio hic vero per longaevum vitae servum benedicat benedictione bonitatis suae, det juxta cor tuum et omne in bonis consilium tuum repleat. Magister Epiphanius Adamacki.

Другія, болѣе позднія записи: 1) по листамъ 1--23: „Сія книга принадлежитъ господину помѣщику коллежскому регистрьтору Ивану Максимовичу 1812 года, сентября 18 дня, осталась мнѣ отъ батюшки моего губернскаго регистратора Степана Максимовича". 2) по л. 27—34: „Сія книга принадлежитъ господину прапорщику Максимовичу 1823-го года мѣсяца". 3) по л. 41—58: Jn Bibliothecam Niznensis (sic) Principis Besborodko Lycei hic liber anno MDCCCXXXIII Calendis Maii dono est datus a linguae germanicae praeceptore Guilielmo Theoderide Dombrovski. 4) На лл. 74 об., 115 об., 123 об., 89 об., 200 об.—записи тогоже Максимовича; изъ нихъ заслуживаютъ вниманія: „Чортъ по тытулѣ[1]),—когда нѣтъ ничево въ шкатулѣ. Прапорщикъ Максимовичъ 1-ый. Служба его нещасная". (л. 123 об.); „24-го (sic) числа проты святой великомученицы Варвары сопъ мнѣ поснился: судына дочь въ розодраной зъ трепапыми волосами и разорономъ (?) тло..." (л. 200 об).

Л. 1. Ob meliorem sensuum verborumque notitiam porrigitur tibi, neopoeta, intelligentia troporum figurarumque, quae prout praetiosi uniones ad caesaream diadem̃am carique adamantes ad decorandam purpuram ita ad ornandam tam solutam quam ligatam orationem sunt proficua ac necessaria.—Qr: Quid sit tropus? R:—Tropus est verbi et orationis a significatione propria ad impropriam cum virtute et proxima similitudine translatio.

Ученіе о тропахъ и фигурахъ въ вопросахъ и отвѣтахъ.

л. 17. Proloquium.—Antequam proposita vestra intentis coronetis vobis castalidum nimirum digni efficiamini fonte suadet vobis sacer ab heliconea caucaseae duritiei rupe deorum praestans Apollo ingeniis vestris exundantia de Tullianis fontibus gustare flumina.

Введеніе въ изученіе періодовъ, стихосложенія (просодія), посланій и т. д. Все расположено по главамъ, навываемымъ каждая „rivus", и параграфамъ, каждый съ названіемъ „torrens". Всѣхъ rivi четыре:

---

[1]) Въ другихъ мѣстахъ онъ отмѣчалъ, когда (1818, 1820) онъ получалъ чины.

л. 17 об. Rivus I-mus: de quo promanat notitia periodorum et partium illas constitutivarum; подраздѣленій 6.

л. 36. Rivus 2-dus: in quo manat notitia universae artis poeseos nempe carminum, tam in commui, quam particulari; подраздѣленій 13; кромѣ правилъ просодіи здѣсь рядъ образчиковъ, сборникъ темъ, эпиграфовъ (въ алфавитномъ порядкѣ: л. 62, torrens 10-mus, volvens copiam substantivorum per alphabetum) и т. д.

л. 89. Rivus 3-tius: in quo manat notitia periodorum improprie dictarum seu irregularium et chriae cum sua divisione; подраздѣленій 6 (тутъ, между прочимъ (torrens 5-us, л. 108 об.) значеніе именъ по алфавиту, напр. Andreas signiticatur vir fortissimus, Anna—gloriosa, Elias—Dominus Deus).

л. 114. Rivus 4-tus: in quo manat notitia epistolarum in variis materiis, tam moderno saeculo, quam praeterito servientium; подраздѣленій 6; образцы писемъ на разные случаѣ по латыни, по польски и частью по русски (одно, л. 135), частью въ стихахъ.

л. 145 (въ виньеткѣ изъ цвѣтовъ). Jn primo Parnassi gradu ob faciliorem ejusdem ad culmen ascensum subministratur subsidium series nempe sententiarum ex variis authoribus collecta in lucrum Roxolanae junventuti, per alphabetun exposita. Цитаты—выписаны большею частью изъ древнихъ авторовъ; позднѣе между строкъ кое-гдѣ приписанъ русскій ихъ переводъ.

л. 190 Compendium carminum diversorum laboris domestici.

Вирши на польскомъ и русскомъ языкахъ.

л. 190. Carmina composita haec ex occupatione in laudem s. Chrisostomi de nativitate: Wybrane ducha swętego na czynie.

л. 194 об. Carmina sclavonica, composita etiam ex ocupatione Sancti Joanni Chrisostomae: Блаженніе святаго уста Іоанна.

л. 196 об. Carm. comp. haec saphica etiam ex occ. de resurectione Christi: Jak niegdyś w raju posłuchawszy węża.

л. 197. C. haec comp. sunt peanus ex hac prepositione: „Autumnus est laudandus“: Przyzna to prawdzie, okrąg swiata cały.

л. 197 об. Eadem carmina versa ex polonicis: Исповѣсть въ правду, весь такъ сіе дѣло.

л. 198. Carm. haec comp. sunt ex hac expositione: „Pulchra ut luna, clara ut sol“: Niewiem do czego uczęsniczkę nieba.

л. 199. Carm. haec comp. sunt per casus ex hac prepositione: «Humilitas ubique dominat“: Pokora wszędzie na swiecie kroluie.

л. 200 об. Haec carm. comp. sunt per adjuncta: Quis, quid, ubi, quibus auxiliis, cur, quomodo, ex hac prepositione: „Vita humana est plena miseriis": Gdzie kolwiek tyl(ко) oczy obrucimy.

л. 202. Haec carm. sunt comp. per casus ex hac prepositione: „Hiems semper in principio est instabilis": Koźdy to wprawdzie przyzna po swoim rozsądku.

л. 203. Hae explicationes ex prosodia.—Quid est prosodia? Prosodia est carminum accentuumque notitia. Краткое руководство въ вопросахъ и отвѣтахъ.

Переплетъ—доски и кожа.

115. Лекціи по римскому праву и космографіи. Рукоп. въ 4 д. на 404 лл., писана скорописью двумя руками въ первой четверти XVII в. Содержитъ два курса профессорскихъ лекцій по латыни. Первая рука—небрежная скоропись (повидимому, запись прямо со словъ) съ массой сокращеній, вторая рука аккуратнѣе; обѣ руки идутъ въ перемежку, вторая рука преобладаетъ во второмъ курсѣ, въ первомъ не встрѣчается.

Первый курсъ, безъ отдѣльнаго заглавія, юридическаго содержанія, второй, съ рядомъ чертежей, частью киноварью, по космографіи.

л. 1. Ad titulum de jurisdictione omnium judicum digestis.—Cum praefationes nos ad lectionem propositae materiae perducant et cum etiam (?) reperimus evidentiorem praebeant intellectum ut ait juriscousultum Caius in lege 1 ff. de origine juris.

Курсъ, по римскому праву. Въ концѣ (л. 301 об.): Finis impositus fuit 28 Martii A(nno) 1615.

л. 302—303 пустые.

л. 304. Иной рукой: Tractatus de universo, autore Domino C. Christophorino Consiliario Ducis Lotaringiae professore Almae Universitatis Mussipontanae. 1615. 9 Martii[1]).

л. 304 об. пустой.

л. 305. Brevis tractatus de universo.—Ut quae a pluribus prolixe de natura universi tradi solent, paucis intelligantur, notandum est praeter coelum et Deum.

Главы этого трактата: De Deo (л. 323 об.), De creatione mundi (л. 332 об.), De creatione angelorum (л. 339), De mundo visibili (л. 349 об.), De luna (л. 364), De ecclipsi (л. 366 об.), De iis quae spectantur

[1]) Mussipontum—теперь Pont-a-Mousson, на Мозелѣ; въ немъ университетъ основанъ въ 1572 г., просуществовалъ около двухъ столѣтій.

in elementis (л. 367 об.), De iis quae apparent in suprema regione aeris (л. 372), De iis quae videntur fieri supernaturalia (л. 375 об.), De iis quae.... apparent vel fiunt in suprema aeris regione (л. 377 об.), De cometis (л. 378), De saxo e coelo cadente (л. 379 об.), De iis quae in 2-a aeris regione gignuntur (л. 380), De iis quae fiunt in media aeris regione (л. 383), De pruina (л. 383 об.), De elemento aquae (л. 383 об.), Septem rationes, quibus probatur salsugo (?) ob permixtionem partium terrae ambustarum (л. 386), De multiplici mari et ejus profunditate (л. 388), De nonnulis piscibus marinis (л. 388 об.), De terra (л. 391), De generatione metallorum (л. 392), Methodus discurrenti de quacunque re (л. 393).

Въ концѣ запись писавшаго: Finis Laus Deo optimo eiusque genetrici 13 Aprilis.

Переплетъ—кожа съ золотымъ тисненіемъ; на внутренней сторонѣ передней корки переплета запись: „Его Высокопреподобію Отцу Андрею Хойнацкому въ память отъ уважающаго его и преданнаго ему священника Аристарха Маркевича. 18IX/1975 года“.

Отъ о. Хойнацкаго рукопись поступила въ Институтъ.

116. Тетрадка словъ изъ драмъ Шекспира. Рукоп. въ 8 д. л. на 16 листахъ, въ два столбца, писана рукой С. П. Шевырева.

Содержитъ выборку англійскихъ словъ съ французскимъ, иногда съ русскимъ, переводомъ изъ драмъ: »Тимонъ«, »Буря«, »Юлій Цезарь«, при чемъ подчеркивались слова созвучныя по англійски и по русски; напр. nostril—ноздря, taile—тылъ, twill-pant—тюльпанъ, peony—піонъ, vineyard—виноградъ, shell—шелуха, to whit—визгъ и т. д.

Поступила съ библіотекой С. П. Шевырева.

117. Н. В. Гоголь. Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями. С.-П-Б. 1847.

Печатный экземпляръ, принадлежавшій С. Шевыреву. На выходномъ листѣ автографъ Н. В. Гоголя: „Милому Дому Шевыревыхъ отъ ихъ друга“.

Въ текстѣ рядъ карандашныхъ помѣтъ и замѣтокъ къ тексту, сдѣланныхъ рукою С. П. Шевырева.

118 (Общ.). **Сборникъ.** Рукоп. XVII в. южнорусской скорописи въ 4 д. на 239 листахъ, съ киноварными заглавіями.

Л. 1 (подъ заставкой чернилами). Духовныя приклады и душеспасительныя повѣсти, новопреведенныя отъ Великаго зерцала.

Всего 113 повѣстей. По составу списокъ Зерцала вполнѣ совпадаетъ съ № 96 (3215) Тверскаго Музея (см. М. Сперанскій, Описаніе

рукописей Тверскаго Музея (М. 1891), стр. 117—126), но имѣетъ первыя 6 главъ, пропавшія въ Тверской рукописи, именно:

л. 1. О непостижимствѣ пресвятыя Троицы, како Августинъ, епископъ Гиппонскій, отъ нѣкоего явившагося ему отрочати научися.—Егда святый Августинъ нача писати о пресвятѣй Троицы.

л. 2. О милосердіи Божіи троичною благодатію надъ грѣшникомъ.—Благочестивы нѣкоего родителя чада, братія себе, вдани быша въ Парижу.

л. 6 об. О величествѣ славы имене святыя Троицы и возгореніи монастыря.—Извѣстуетъ Петръ наставникъ обители Клуипаку.

л. 7 об. О союзѣ любви: како нѣкая жена не убоявшися смертныя бѣды о имени святыя Троицы мужа исцѣли.—Егда Робертъ британскій имѣя войну.

л. 8. О орачѣ Неополского кралевства и иже о имени Іисусъ Христовѣ въ море ввержеся.—Ратай нѣкій на приморіи оря.

л. 8 об. О нѣкоемъ воинѣ, иже о имени пресвятыя Богородицы избавися отъ удавленія слуги демона.—Нѣкій воинъ честный имѣя при народномъ пути града своего положеніе.

Сравнительно съ оглавленіемъ списковъ втораго разряда Зерцала (см. *П. В. Владиміровъ*, Великое зерцало (М. 1884), стр. 59 прилож.) нашъ списокъ содержитъ главы:

1, 2, 4, 3, 5—39; 46—62; 64, 63, 65—73; 40—42, 188—191. 43, 44, 74, 75—89, 91, 92, 95—98, 100—104 192, 193, 99, 106, 109, 107. Кромѣ того послѣ главы 64 (Владимірова) находимъ: «О постѣ, яко Полемонъ святый въ день великій воскресенія съ елеомъ не хотѣ вкусити.—Въ пресвѣтлый день и великій воскресенія Господа нашего Іисуса Христа рече Полемонъ отецъ къ Пахомію» (л. 58). Этой главы въ спискѣ П. В. Владимірова—нѣтъ.

л. 120. Выписано изъ новопреведеныя книги Великаго зерцала.—Оглавленіе.

л. 127 об.—128 пустые.

л. 128. об. Книга Ездры ҃і—рукой XVIII вѣка. Въ концѣ (л. 132) запись: Sia kniha kuplena u horodu arhanhelskaho. A prozital»

л. 132 об.—136 об. пустые.

л. 137. Книга глаголемая Пчела.—Сказаніе.—Перечень главъ Пчелы (71 глава).

л. 139. Рѣчи избранны отъ Божественнаго Христова благовѣстія и отъ святыхъ апостолъ и отъ богоносныхъ святыхъ отецъ писаніи и отъ различныхъ мудрыхъ мужей и отъ прежнихъ еллинскихъ философъ.

Пчела старой редакціи; см. Древнерусская Пчела, В. Семенова (Спб. 1893); въ текстѣ есть отличія, довольно частныя, отъ печатнаго изданія.

л. 239 об. Полустертая запись 1751 г.

л. 240--241 (не относящіяся къ рукописи). Печатная «Дідаскалія, альбо наука, которая ся первѣй изъ устъ священникомъ подовала....» Сильвестра Коссова. Изд. Кутеинское, 1653 года.

Вся рукописи въ кожѣ и доскахъ.

119 (Общ.). **Молитвы**. Рукоп. въ 5 д. л. на двухъ листкахъ разной бумаги, разныхъ рукъ начала XIX в.

л. 1. Молитва Іерусалимская.—Іисусе Христе, сыне Бога истиннаго помоси (sic) мнѣ.... Молитва, найдена въ гробѣ Господа нашего Іисуса Христа; дѣйствія ея суть.... отъ несчастной смерти для женщинъ.

л. 2. Молитва, когда громъ бываетъ.—Святъ, святъ, святъ...

л. 2 об. Тропарь Казанской пресвятѣй Богородицѣ.—Заступница усердная, мати Господа вышняго.

120 (Общ.). **Сборникъ** апокрифовъ. Рукоп. въ 4-ку на 26 листахъ, письмо 20-хъ годовъ XIX ст.; въ языкѣ мало-руссизмы.

л. 2. Сонъ Богородицы.—Спала еси пресвятая Богородица во святомъ градѣ Вихфліемѣ іудейстемъ и пріиде къ ней Господь.

Въ концѣ (л. 3 об.)—„о сылѣ листа".

л. 3 об. Заговоръ безъ заглавія: Остережи меня грешнаго отрока отъ всякого злово дни.

л. 4. Епистолія о недѣлѣ: а сей листъ найденъ въ земли Британской на горе Оливной предъ образомъ Архистратигомъ святимъ Михаиломъ..... Самъ же называюсь Іисусъ Христосъ, сынъ Бога живаго, приказываю вамъ и обьявляю сылу Божества своего, дабы день недельни святили.

Весьма любопытная версія.

л. 7. Новая статья: Аще кто сонъ пресвятія Богородицы будетъ въ домѣ своемъ содержать... (см. выше). Всѣ обѣщанія разположены по по пунктамъ, но въ числѣ ихъ (6-е) и запись: а печатовали сей Сонъ пресвятія Богородицы восемъ патріярховъ своими печатьеми во градѣ Іерусалимѣ...; 7-е о крестѣ: Крестъ животворящій, крестъ хранитель, крестъ царей держава...; 8-е, въ молитвѣ упоминается въ числѣ иныхъ: страстотерпцы Христовы Григорій, Димитрій и Никита, Христовы мученики, Козьма и Даміанъ...; въ 11-мъ Димитрій Солунскій.

Далѣе объясняется, какихъ святыхъ надо поминать въ разныхъ случаяхъ (въ плѣну- арх. Михаила, при водномъ потопленіи—ангела хранителя, при громѣ—еванг. Матеея и Марка, при отправленіи въ путь —Зосиму и Савватія).

л. 11. Свитокъ Іерусалимскій (какъ пунктъ 18-й).—Послушайте› людіе, моего божественнаго священнаго писанія и наказанія моего...

Въ числѣ запрещеній (л. 17) читается: о горе д(ѣл)ающимъ *куни сребро* свое въ лихву.

л. 19. И азъ (=Изъ?) тагожъ свитка слава о мукахъ, показанныхъ Пресвятой Богородицы отъ архангела Михаила.—Покажи, мнѣ игдѣ мучаться многи народи, игдѣ тьма кромѣчная...

л. 24 об. О двѣнадцати пятницахъ. - 1-я пятьница на первой недѣли великаго поста; кто сію пятницу чтитъ, тотъ наглою смертію не умретъ.

Обрывается на одинадцатой пятницѣ.

121 (Общ.). **Сборникъ** Рукопись въ 4 д. л. на 55 и 67, листахъ западная скоропись XVIII в.

Въ рукоп. записи: 1) (листъ припереплетѣ): „Списано съ подленого печатного полского 1781 году Генваря 16 день, въ Бѣлорусіи въ мѣстечку Кобринѣ"; 2) (л. 67) «Въ наказѣ написано: никто не можетъ толковать законъ, кромѣ самого законодавца».

Содержитъ двѣ статьи:

1) л. 1—52. Ключъ прогностикарскій, си естъ, правдивое обяснене словъ и прозваній невирозумленнихъ, коихъ астрологове в календарахъ и прогностикахъ своихъ уживаютъ, а черезъ тое государства, городи и особи певніе разумѣютъ, з прибавкомъ солнечнаго всходу и заходу и практики хозяйской, на меридіянахъ преизраднихъ княжествъ: великого княжества Литовского и Пруского, а напередъ ихъ столечній городъ Вилно и Гданскъ, до которихъ на 30 миль околично одлеглость мѣста, какъ то Жмудзкіе, Северскіе и Черниговскіе княжества, такожъ Куяви, Поморщина и протч. и протч., безъ значной описи списоваться могутъ всякого дня, на сколко сотъ почти наступающихъ лѣтъ служацій. Опять за дозволенемъ власти духовной для вигоди до накрученя часовъ разнихъ передрукованы в Супраслѣ в друкарни в. в. отецъ Базиліяновъ 1756 года.

л. 53—55 пустые.

2) л. 1—66 об. (втораго счета). Столъ доволный, сі естъ господскій либо и худопахолскій, такожъ способъ готованя разныхъ кушанъ ведлугъ разныхъ смаковъ и уподобанья, сморя такъ на богатихъ, яко и убогихъ прозбовъ—чрезъ родовитого *Станислава Черненкого*, Его Каролевского Величества секретаря, а Его Сіятельства Господина Александра Михайловича Любомирского, воеводи Краковского, Сандомирскаго, Заторского, Неполомскаго, Любачевскаго, Рицкого и протч. старости, поваря написаній въ Вилне, в друкарни Академіи Ксензовъ езуитовъ 1731 году.

Рукопись въ кожаномъ переплетѣ.

122 (Общ.). **Книга протокольная.** Рукоп. въ листъ на 17 л., скоропись XVIII в.: «Книга протоколная отпускаемымъ з сотенъ второй полковой Нѣжинской сотнѣ правленія в разніе места пысменнимъ дѣламъ 1761 году з генвара мѣсяца».

Отпускная книга съ обозначеніемъ №№ дѣлъ, краткаго ихъ содержанія и чиселъ отпуска. Записаны дѣла (числомъ 252), кончая 25 іюня 1761 года.

Указатель.

Названія и имена, отмѣченныя « »,—заглавія сочиненій; предлоги, которыми начинаются названія и заглавія, въ алфавитъ не приняты.

А. Брокъ.

Религія Лукреція.

Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ Института Князя Безбородко 14 сентября 1900 г.

НѢЖИНЪ.
Типо-Литографія М. В. Глезера.
1901.

Печатано по постановленію Конференціи Историко-филологическаго Института Князя Безбородко. Директоръ Ф. Гельбке.

Количество біографическихъ данныхъ о тѣхъ античныхъ писателяхъ, которые не принимали участія въ политическихъ событіяхъ и внѣшняя жизнь коихъ не отразилась въ ихъ произведеніяхъ, обыкновенно не соотвѣтствуетъ тому значенію, которое приписываетъ имъ судъ потомства, но стоитъ въ зависимости отъ того, насколько современники съумѣли ихъ оцѣнить. Римскій поэтъ Лукрецій стоялъ совершенно въ сторонѣ отъ политики; достоинствъ его поэмы никто изъ современниковъ не оцѣнилъ и никто не упоминаетъ объ ея авторѣ[1]). Онъ могъ сказать своимъ римлянамъ то, что Демокритъ сказалъ аѳинянамъ: Я къ вамъ пришелъ, но никто не узналъ меня. Этимъ объясняется, что біографическія свѣдѣнія объ одномъ изъ геніальнѣйшихъ римскихъ поэтовъ весьма скудны и не соотвѣтствуютъ идейному богатству его поэмы и значенію ея не только въ исторіи римской литературы, но и въ исторіи новой философіи. Титъ Лукрецій Каръ родился въ началѣ послѣдняго вѣка до Р. Хр. въ сѣверной Италіи, въ области кельтовъ (быть можетъ, былъ родомъ кельтъ[2]). Онъ раздѣляетъ участь другихъ избранниковъ музъ: онъ прожилъ лишь сорокъ лѣтъ или немногимъ больше. Любовный напитокъ повергъ его въ душевную болѣзнь, и свою поэму о природѣ онъ писалъ въ свѣтлыя минуты, свободныя отъ ужасной болѣзни. Не успѣвъ отдѣлать своего творенія, Лукрецій наложилъ на себя руку и умеръ въ 55 году. Издана была его поэма или Квин-

---

[1]) Что Маркъ Цицеронъ и его братъ Квинтъ познакомились съ поэмой Лукреція лишь послѣ его смерти, можно заключить сопоставляя извѣстіе Доната о времени смерти поэта (55 г., не 53!) съ замѣткой Цицерона (ер. ad Quint. fr. II 9, 3), относящейся къ началу 54-го года. См. прим. 2 на стр. 4.

[2]) Эта остроумная и интересная гипотеза недавно предложена Марксомъ (Neue Jahrbücher f. d. Klass. Altert. 1899 (III), 534 слѣд.)

томъ Цицерономъ или его братомъ, знаменитымъ ораторомъ[1]). Вотъ все, что мы знаемъ о Лукреціи[2]).—Всеобщій интересъ ученыхъ издревле

---

[1]) По всей вѣроятности Маркомъ Цицерономъ, по крайней мѣрѣ Іеронимъ (т. е. Донатъ или Светоній) имѣлъ въ виду его, а не Квинта Цицерона, иначе онъ не могъ бы опустить praenomen.

[2]) Наши свѣдѣнія о Лукреціи основаны на слѣдующихъ трехъ мѣстахъ, изъ которыхъ первыя два восходятъ, вѣроятно, къ Светонію:

1) Hieronym. Chron. ad a. Abrah. 1922.=a. a. Chr. 95 (secundum cod. Amandinum): Titus Lucretius poeta nascitur, qui postea amatorio poculo in furorem versus cum aliquot libros per intervalla insaniae conscripsisset, quos postea Cicero emendavit, propria manu se interfecit anno aetatis XLIIII.

Вѣроятно рожденіе Лукреція нужно отнести не къ 95-му году, а къ 96-му, что подтверждается замѣткою въ одномъ глоссаріи (cod. Monacens. lat. 14429): Titus Lucretius poeta nascitur sub consulibus anno XXVII ante Virgilium. Указаніе, что поэтъ достигъ 44-лѣтняго возраста, основано на ариѳметической ошибкѣ Іеронима или Доната; см. статью Маркса въ Rhein. Mus. 1888, 136 слѣд.

2) Donati vita Vergili (Sueton. rel. p. 55 Reiffersch.): (Vergilius) initia aetatis Cremonae egit usque ad virilem togam, quam XVII anno natali suo accepit isdem illis consulibus iterum duobus, quibus erat natus evenitque ut eo ipso die Lucretius poeta decederet.

Опять ошибка: Вергилію въ 55-мъ году до Р. Хр., когда консулами были тѣ же лица, что въ 70-мъ, именно Помпей и Крассъ, было 15 лѣтъ, а не 17. Обрядъ одѣванія мужской тоги не былъ приноровленъ къ опредѣленному возрасту; въ тѣхъ немногочисленныхъ данныхъ республиканскаго времени, которыя приводитъ Marquardt (Pvivatleben der Römer I 125—130), замѣчается колебаніе между 14- и 16-лѣтнимъ возрастомъ. Предположеніе Савиньи, Гушке и Бэкинга, которые считаютъ вѣроятнымъ, что мужская тога одѣвалась по исполненіи 17-ти лѣтъ, не подтверждается извѣстными намъ фактами. Въ виду этого нужно считать 55-ый годъ за годъ смерти Лукреція. См. также упомянутую статью Маркса.

3) Cic. ad. Quint. fr. II 9, 3: Lucretii poemata, ut scribis, ita sunt: multis luminibus ingenii, multae tamen artis. Sed quom veneris. Virum te putabo, si Sallustii Empedoclea legeris, hominem non putabo. Такъ,

возбуждало сообщеніе хронографа отца церкви Іеронима объ умственномъ разстройствѣ и о самоубійствѣ несчастнаго поэта. Если взвѣсить извѣстіе Іеронима въ связи съ міровоззрѣніемъ поэта, поскольку послѣднее выражено въ его поэмѣ, то едва ли можно будетъ усомниться въ достовѣрности преданія.

по моему мнѣнію, нужно читать это мѣсто. Марксъ (Berl. Philol. Wochenschr. 1891, 834 сл.) правильно возстановилъ вторую часть, выдѣливъ эллиптическую фразу «sed quom veneris»; но я не могу согласиться съ его толкованіемъ первой части, въ которой онъ счелъ нужнымъ вставить «non» передъ «multis luminibus ingenii», что уже предлагали Ветторн (Victorius), Эрнести, Лахманнъ и Фаленъ (index lection. acad. Berolin. 188$^1/_2$); того же мнѣнія Лео (Plautinische Forschungen, 37). Я не высокаго мнѣнія о Цицеронѣ какъ эстетикѣ и литературномъ критикѣ и не вполнѣ соглашаюсь съ Норденомъ, который по поводу даннаго мѣста высказываетъ мнѣніе, что Цицеронъ любилъ и умѣлъ цѣнить ingenia поэтовъ (Antike Kunstprosa I 182); этого нельзя, конечно, доказать ссылкою на слова Силія Прокула (Plin. epist. III 15, 1) «M. Tullium mira benignitate poetarum ingenia fovisse», еще менѣе словами самого Цицерона, который въ рѣчи за Сестія (58, 153) увѣряетъ: poetae quorum ego semper ingenia dilexi. Однако никоимъ образомъ я не могу допустить, чтобы Цицеронъ не замѣтилъ того, что наиболѣе бросается въ глаза при чтеніи поэмы Лукреція, именно «lumina ingenii», которыя свѣтятся во всѣхъ частяхъ не строго техническаго характера. Поэтому я считаю невозможнымъ приписать Цицерону сужденіе non multis luminibus ingenii. Коньектура же Бергка (Opuscula I 428) «[non] multae tamen artis» удачно отвергнута Марксомъ (l. l.) простымъ указаніемъ на то, что Цицеронъ о поэтахъ въ родѣ Эннія судилъ не такъ, какъ Горацій или Овидій; извѣстно, напримѣръ, какъ онъ относился къ «cantores Euphorionis». Если, такимъ образомъ, оставить два положительныхъ сужденія «multis luminibus ingenii» и «multae artis», то едва ли необходимо измѣнить «tamen» въ «etiam», какъ полагали Везенбергъ и Кубикъ (De M. Tullii Ciceronis poetarum latinorum studiis, Prag. 1887, 106; Schanz, Gesch. d. röm. Litt. I^2 § 93). Норденъ (l. l.), считающій «tamen» вполнѣ умѣстнымъ, далъ прекрасное объясненіе этого мѣста; впрочемъ я долженъ сказать, что приведенныя имъ слова Сенеки (Controv. praef. I 17) «memoria ei natura quidem felix, plurimum(!) tamen arte adjuta» не состa-

Лукрецій былъ восторженнымъ поклонникомъ Эпикура и темою для дидактической поэмы, посвященной знатному Сулланцу Меммію, избралъ одну изъ частей эпикурейскаго ученія, именно физику, несмотря на то, что въ этой дисциплинѣ основатель эпикуреизма обнаружилъ менѣе всего оригинальности, перенявъ цѣликомъ и почти безъ измѣненій атомистику Демокрита, одного изъ величайшихъ греческихъ философовъ. Сущность атомистики Эпикура и Лукреція заключается въ слѣдующемъ.

Вселенная состоитъ изъ двухъ элементовъ: матеріи и пустого пространства. Матерію составляютъ безконечно маленькія невидимыя тѣльца —атомы, которые не отличаются между собою качественно, а только по формѣ и величинѣ, и не имѣютъ ни цвѣта ни запаха ни ощущенія. Эти атомы искони вѣковъ движутся по неизмѣримому пространству космоса, равномѣрно и параллельно другъ другу. Но когда то, *случайно* (въ этомъ заключается пробѣлъ системы!), призошли уклоненія отъ прямой линіи. Естественно, что самыхъ слабыхъ уклоненій атомовъ въ сторону было достаточно, чтобы привести къ столкновеніямъ атомовъ между собою, слѣдствіемъ же столкновеній явились всевозможныя сплетенія и соединенія атомовъ въ многочисленныхъ комбинаціяхъ. Образовались тѣла различныхъ формъ и качествъ, одни одаренныя способностью ощущенія, другія безъ ощущенія; при этомъ вопросъ, какимъ образомъ тѣла, состоящія изъ неимѣющихъ ощущенія атомовъ, получаютъ фундамен-

---

вляютъ полной аналогіи къ фразѣ Цицерона «multis luminibus ingenii, multae tamen artis». Но, въ самомъ дѣлѣ, нужны ли тутъ стилистическія аналогіи? Цицеронъ хотѣлъ сказать, что мы находимъ у Лукреція и φύσις и ἄσκησις.

Надежда Массона (Academy 1894 г., № 1155 и Berl. philol. Wochenschr. 1895, 285) и Радингера (Berl. philol. Wochenschr. 1844, 1244) на увеличеніе нашего скуднаго матеріала пріобщеніемъ къ нему біографическихъ свѣдѣній о Лукреціи, которыя рукою гуманиста Girolamo Borgia приписаны къ Венеціанскому изданію Лукреція 1492 года, не оправдались. Біографія эта не представляетъ для насъ никакого интереса, такъ какъ Borgia не имѣлъ въ своемъ распоряженіи другихъ источниковъ кромѣ вышеприведенныхъ. См. особ. замѣчанія Woltjer'а въ Berl. philol. Wochenschr. 1895, 317 и Mnemosyne N. S. 23, 222.

тально важное качество—ощущеніе, остается невыясненнымъ,—главный пробѣлъ атомистической теоріи Эпикура. Изъ несмѣтнаго числа сформировавшихся тѣлъ сохранились лишь тѣ, которыя—опять же случайно—оказались цѣлесообразными. Такимъ путемъ образовались безчисленные міры, возникли земля и море, растительное и животное царства, такимъ же образомъ возникъ и человѣкъ. Слѣдовательно, и человѣкъ также состоитъ исключительно изъ матеріальныхъ атомовъ и его душа и духъ, состоящія изъ самыхъ легкихъ и подвижныхъ круглыхъ атомовъ, такъ же матеріальны, какъ и тѣло. Поэтому душа человѣка смертна, точно такъ же, какъ его тѣло, и одновременно съ физическою жизнью тѣла прекращается физическая жизнь души.

Ясно, что въ этой системѣ телеологическому принципу нѣтъ мѣста; во всемъ, что происходитъ, нѣтъ разумнаго основанія, есть только слѣпая природная необходимость; нигдѣ нѣтъ вліянія какой нибудь силы, находящейся внѣ матеріи, внѣ атомовъ и ихъ сочетаній. Это ученіе—полнѣйшій, абсолютный монизмъ; помимо пустого пространства существуетъ только матерія. Что можетъ быть грубѣе этого голаго антителеологическаго матеріализма? Гдѣ найти тему менѣе пригодную для ищущей идеаловъ души благороднаго поэта? Неужели поэтъ вообще можетъ быть матеріалистомъ, поэтъ, имѣющій дѣло съ идеями, лежащими въ основаніи всѣхъ явленій? Мы прямо ставимъ вопросъ: можетъ ли поэтъ не вѣрить въ существованіе безсмертной души человѣка? Можетъ ли поэтъ быть безъ религіи, быть атеистомъ?[1]) Вѣдь слѣдовало бы, предположить, что

[1]) Въ одномъ изъ недавно изданныхъ писемъ нѣмецкаго поэта Геббеля (Friedrich Hebbels Briefe herausgegeben von Rich. Mar. Werner, 1901) мы находимъ слѣдующія слова: «... Ich stehe durchaus in keinem feindlichen Verhältniss zur Religion, wie sie selbst sehr richtig bemerken; *das ist auch bei einem Dichter*, und sie erklären mich für einen solchen, *nicht recht möglich*, *wenn er anders den Namen verdient* und nicht zu der französischen Zwittergattung gehört, denn Religion und Poesie haben einen gemeinschaftlichen Ursprung und einen gemeinschaftlichen Zweck, und alle Meinungsdifferenzen sind darauf zurückzuführen, ob man die Religion oder die Poesie für die Urquelle hält.....» (изъ письма Геббеля къ А. Пихлеру отъ 11 мая 1851 г.).

атомистическій матеріализмъ ведетъ неуклонно и къ атеизму и что о религіи эпикурейцевъ не можетъ быть рѣчи, такъ какъ телеологія необходимый элементъ всякой религіи. На дѣлѣ же мы находимъ и у Лукреція и у Эпикура боговъ. Великій подвигъ Эпикура, неутомимо превозносимый римскимъ поэтомъ, открылъ Лукрецію глаза: передъ его взорами разступаются стѣны вселенной; онъ видитъ, какъ въ пустомъ пространствѣ происходитъ міровая жизнь; ему предстаютъ боги и ихъ мирныя жилища, которыхъ вѣтры не касаются, тучи не орошаютъ дождями и снѣгъ не искажаетъ, надъ ними простирается вѣчно ясный, безоблачный эѳиръ, широко разливая свѣтъ. Природа имъ все доставляетъ и ничего никогда не умаляетъ ихъ мира.[1]) Мы видимъ, Лукрецій воспроизводитъ гомеровское описаніе мѣстопребыванія блаженныхъ боговъ[2]). Въ другихъ мѣстахъ своей поэмы Лукрецій какъ нельзя болѣе опредѣленно объясняетъ, что

---

[1]) Lucr. III 14—24 Lachm.:
Nam simul ac ratio tua coepit vociferari
Naturam rerum, divina mente coorta,
Diffugiunt animi terrores, moenia mundi
Discedunt, totum video per inane geri res.
Apparet divom numen sedesque quietae,
Quas neque concutiunt venti nec nubila nimbis
Aspergunt neque nix acri concreta pruina
Cana cadens violat semperque innubilus aether
Integit, et large diffuso lumine rident:
Omnia suppeditat porro natura, neque ulla
Res animi pacem delibat tempore in ullo.

[2]) ζ 41—46:
Ἡ μὲν ἄρ' ὣς εἰποῦσ' ἀπέβη γλαυκῶπις Ἀθήνη
Οὔλυμπόνδ', ὅθι φασὶ θεῶν ἕδος ἀσφαλὲς αἰεὶ
Ἔμμεναι. Οὔτ' ἀνέμοισι τινάσσεται οὔτε ποτ' ὄμβρῳ
Δεύεται οὔτε χιὼν ἐπιπίλναται, ἀλλὰ μάλ' αἴθρη
Πέπταται ἀνέφελος, λευκὴ δ' ἐπιδέδρομεν αἴγλη·
Τῷ ἔνι τέρπονται μάκαρες θεοὶ ἤματα πάντα.

Это заимствованіе гомеровскаго описанія Олимпа мы приписываемъ самому Лукрецію, который въ своихъ эпикурейскихъ источникахъ не нашелъ изображенія мѣста жительства боговъ.

эти боги въ силу своего естества, недоступнаго чувственному вѣпріятію и едва постижимаго нашему разуму, наслаждаются вѣчной жизнью въ безмятежномъ спокойствіи, далеко отстраненные отъ человѣческихъ дѣлъ и чуждые имъ, не подверженные ни печали ни опасностямъ, сильные врожденною имъ силою; они нисколько не нуждаются въ насъ и остаются равнодушными къ нашимъ заслугамъ, равно какъ и къ нашимъ согрѣшеніямъ. [1]) Представленіе, будто боги — руководители космоса, просто суевѣріе. Во первыхъ, кто въ состояніи руководить безграничной вселенной и держать въ своей десницѣ мощныя бразды міроправленія, вращать всѣ небеса и эѳирнымъ огнемъ согрѣвать всѣ плодоносныя земли? Кто можетъ быть во всякое время во всѣхъ мѣстахъ, тучами затемнять землю и сотрясать громомъ ясныя поляны неба, метать молніи и разрушать свои собственные храмы; затѣмъ, удаляясь въ пустыни, неистово бросать стрѣлы, которыя часто минуютъ виновныхъ и убиваютъ неповинныхъ и недостойныхъ кары? Да, и откуда эти боги могли бы почерпнуть свѣдѣнія о силахъ природныхъ, кто имъ далъ образцы того, что они должны были сотворить? Но, во вторыхъ, даже если бы они были въ состояніи управлять космосомъ, что могло бы ихъ вдругъ — въ ту пору, когда возникали міры — побудить отказаться отъ своего исконнаго и блаженнаго покоя и промѣнять его на дѣятельность? Такое представленіе было бы нелѣпымъ [2]). — Лукрецій особенно подчеркиваетъ то, что

---

[1]) Lucr. II 646—651 L.

Omnis enim per se divom natura necessest
Immortali aevo summa cum pace fruatur
Semota ab nostris rebus seiunctaque longe:
Nam privata dolore omni, privata periclis,
Ipsa suis pollens opibus, nil indiga nostri,
Nec bene promeritis capitur neque tangitur ira.

Ср. также VI 58 L.: Nam bene qui didicere deos securum agere и II 1093 сл. (см. слѣд. прим.).

[2]) Lucr. II 1093—1104.

Nam pro, sancta deum tranquilla pectora pace
Quae placidum degunt aevom vitamque serenam,
Quis regere immensi summam, quis habere profundi

священныя жилища боговъ не находятся «въ какой нибудь части вселенной».[1]) Но гдѣ именно блаженные боги живутъ, нашимъ поэтомъ не поясняется. Однако мы по другимъ источникамъ знаемъ, что согласно ученію Эпикура боги живутъ въ пространствахъ, находящихся между мірами (μετακόσμια).[2]) Оставляя въ сторонѣ апорію, вызываемую вопросомъ, откуда

Jndu manu validas potis est moderanter habenas,
Quis pariter caelos omnis convertere et omnis
Ignibus aetheriis terras suffire feracis,
Omnibus inve locis esse omni tempore praesto,
Nubibus ut tenebras faciat caelique serena
Concutiat sonitu, tum fulmina mittat et aedis
Saepe suas disturbet et in deserta recedens
Saeviat, exercens telum, quod saepe nocentes
Praeterit exanimatque indignos inque merentes?

Lucr. V 165—169 L.

quid enim inmortalibus atque beatis
Gratia nostra queat largirier emolumenti,
Ut nostra quicquam causa gerere adgrediantur?
Quidve novi potuit tanto post ante quietos
Inlicere ut cuperent vitam mutare priorem?

Cf. Epicuri epist. III 123; epist. I 76; sentent. I; Epicurea ed. H. Usener p. 240 sqq.

[1]) Lucr. V 146—154 L.

Illud item non est ut possis credere, sedes
Esse deum sanctas in mundi partibus ullis.
Tenvis enim natura deum longeque remota
Sensibus ab nostris animi vix mente videtur;
Quae quoniam manuum tactum suffugit et ictum,
Tactile nil nobis quod sit contingere debet:
Tangere enim non quit quod tangi non licet ipsum.
Quare etiam sedes quoque nostris sedibus esse
Dissimiles debent, tenues pro corpore eorum.

Ст. 154—въ рукописяхъ: de corpore; Ламбинъ: pro corpore; Лахманнъ: tenuest si corpu' deorum.

[2]) Hippolytus philosoph. 22, 3 (p. 572 Diels): Καθῆσθαι γὰρ τὸν θεὸν ἐν τοῖς μετακοσμίοις οὕτω καλουμένοις ὑπ' αὐτοῦ· ἔξω γάρ τι τοῦ

же Эпикуръ могъ знать что либо о существованіи боговъ[1]), отмѣтимъ то, что, несмотря на отсутствіе какой бы то ни было связи этой теологіи съ основами ученія Эпикура, его послѣдователи продолжали проявлять интересъ къ ученію о богахъ и даже разработали нѣкоторые детальные вопросы; такъ они разсуждали о томъ, какъ живутъ боги и на какомъ языкѣ говорятъ[2]). И такимъ образомъ къ совершенно отвлеченному пред-

κόσμου οἰκητήριον τοῦ θεοῦ ἔθετο εἶναι λεγόμενον τὰ μετακόσμια. Ἥδεσθαι δὲ καὶ ἡσυχάζειν ἐν τῇ ἀκροτάτῃ εὐφροσύνῃ, καὶ οὔτε αὐτὸν πράγματα ἔχειν οὔτε ἄλλῳ παρέχειν.— Seneca de benef. IV 19: Tu denique, Epicure, deum inermem facis, omnia illi tela, omnem detraxisti potentiam et, ne cuiquam metuendus esset, proiecisti illum extra mundum. Hunc igitur intersaeptum ingenti quidem et inexplicabili muro divisumque a contactu et a conspectu mortalium non habes quare verearis. Nulla illi nec tribuendi nec nocendi materia est; *in medio intervallo* huius et alterius caeli desertus sine animali, sine homine, sine re ruinas mundorum supra se circaque se cadentium evitat non exaudiens vota nec nostri curiosus.— Quintil. instit. VII 3, 5: Nam qui id neget, deum esse spiritum omnibus partibus immixtum, non hoc dicat, falsam esse divinae illius naturae appellationem? Sicut Epicurus, qui humanam ei formam locumque inter mundos dedit.—Cf. Cic. de divin. II 40; de nat. deor. I 18; de fin. II 75; [Epicuri] epist. ad Pythoclem ap. Laert. Diogen. X 89.

[1]) Epicur. epist. ad. Menoeceum ap. Laert. Diog. X 123: Θεοὶ μὲν γὰρ εἰσίν· ἐναργὴς γὰρ αὐτῶν ἐστιν ἡ γνῶσις.—Cic. de nat. deor. I 43: Solus enim (Epicurus) vidit primum esse deos, quod in omnium animis eorum notionem inpressisset ipsa natura. Quae est enim gens aut quod genus hominum, quod non habeat sine doctrina anticipationem quandam deorum? quam appellat πρόληψιν Epicurus; I 44: Cum enim non instituto aliquo aut more aut lege sit opinio constituta maneatque ad unum omnium firma consensio, intellegi necesse est esse deos, quoniam insitas eorum vel potius innatas cognitiones habemus; de quo autem omnium natura consentit, id verum esse necesse est; esse igitur deos confitendum est. Cf. Sext. Empir. adv. dogmat. III 25 (Usener, Epicurea p. 238).

[2]) Эпикуреецъ Филодемъ написалъ монографію Περὶ τῆς τῶν θεῶν διαγωγῆς, фрагменты которой сохранились въ Геркуланскихъ папирусахъ (Vol. Hercul. VI); ср. col. XIII (Usener, Epicurea frg. 356): οὐ γὰρ μᾶλλον

ставленію о трансцендентальныхъ богахъ эпикурейцы подъ вліяніемъ полемики съ другими философскими школами присоединили антропоморфическій элементъ. Однако они при этомъ не впали въ ошибку, которая могла бы стать роковою для всей ихъ доктрины: они не уменьшили разстоянія, отдѣлявшаго по эпикуровому ученію боговъ отъ міроздания; между стройною системой эпикурейскаго міровоззрѣнія и ихъ теологіей никакой связи никогда не было установлено, что понятно при необыкновенномъ консерватизмѣ и устойчивости эпикурейскаго догмата. Совсѣмъ иное дѣло Богъ деистовъ. Хотя и онъ не участвуетъ въ міроуправленіи, но онъ сотворилъ вселенную, вложилъ силу въ матерію, установилъ условія развитія міра, и затѣмъ отстранился отъ непосредственнаго руководства имъ. У деистовъ признаніе стоящаго внѣ міра мудраго духа, источника всего бытія, имѣетъ раціональное основаніе и составляетъ непремѣнное условіе всей метафизической системы. У Эпикура же и Лукреція блаженные боги не участвуютъ ни въ созданіи міровъ ни въ управленіи ими. Эти боги просто рудиментъ старой народной вѣры. Эпикуръ не могъ вполнѣ исторгнуть изъ своей груди всѣ тѣ религіозные элементы, которые окружали его всюду и были связаны со всѣми воспоминаніями дѣтства. Только человѣкъ самаго крайняго радикализма рѣшится стать совершенно внѣ окружающаго его общества, отречься отъ всѣхъ тради-

---

εὐδαίμονας καὶ ἀδιαλύτους νοήσομεν μὴ φωνοῦντας [μη]δ' [ἀλ]λήλοις διαλεγομένους, ἀλλὰ τοῖς ἐνεοῖς ἀνθρώποις ὁμοίους; col. XIV: καὶ νὴ Δία γε τὴν Ἑλληνίδα νομιστέον ἔχειν αὐτοὺς διάλεκτον ἢ μὴ πόρρω—καὶ μόνο[ν] οἴδαμεν γεγονότας θ[ε]οὺς Ἑ(λλη)νίδι γλώττῃ χρωμένους.—Sext. Empir. adv. dogm. III (math. IX) 178. 179: Τὸ μὲν οὖν λέγειν ἄφωνον τὸν θεὸν τελέως ἄτοπον καὶ ταῖς κοιναῖς ἐννοίαις μαχόμενον. Εἰ δὲ φωνᾶέν ἐστι, φωνῇ χρῆται καὶ ἔχει φωνητικὰ ὄργανα, καθάπερ πνεύμονα καὶ τραχεῖαν ἀρτηρίαν γλῶσσάν τε καὶ στόμα. Τοῦτο δὲ ἄτοπον καὶ ἐγγὺς τῆς Ἐπικούρου μυθολογίας. Τοίνυν ῥητέον μὴ ὑπάρχειν τὸν θεόν. Καὶ γὰρ δὴ εἰ φωνῇ χρῆται, ὁμιλεῖ· εἰ δὲ ὁμιλεῖ, πάντως κατά τινα διάλεκτον ὁμιλεῖ. Εἰ δὲ τοῦτο, τί μᾶλλον τῇ Ἑλληνίδι ἢ τῇ βαρβάρῳ χρῆται γλώσσῃ; καὶ εἰ τῇ Ἑλληνίδι, τί μᾶλλον τῇ Ἰάδι ἢ τῇ Αἰολίδι ἢ τινι τῶν ἄλλων; καὶ μὴν οὐδὲ πάσαις· οὐδεμιᾷ τοίνυν..... —Cic. de nat. deor. I 94.—См. R. Hirzel, Untersuchungen zu Ciceros philosophischen Schriften I (Leipzig 1877), 172 слѣд.

цій и отождествить свои религіозныя убѣжденія съ философскими теоріями, расходящимися съ первыми. Эту истину подтверждаетъ вся исторія философіи, которая дастъ намъ не мало примѣровъ подобной двойственности. Я здѣсь имѣю въ виду не теорію о двоякой истинѣ, впервые формулированную на порогѣ эпохи возрожденія: эта теорія (которая въ сущности была еще до Помпонація) не народилась въ душахъ, искренно привязанныхъ къ христіанству, а должна разсматриваться какъ средство защиты противъ гнета средневѣковаго христіанско-аристотелевскаго міровоззрѣнія. Не говорю я и о понятіи государственной религіи, возникшемъ въ XVII столѣтіи въ Англіи какъ плодъ сухого раціонализма и политическихъ доктринъ. Нѣтъ, если Эпикуръ вмѣстѣ со своими соотечественниками съ усердіемъ приносилъ жертвы олимпійскимъ богамъ и съ благоговѣніемъ принималъ участіе въ традиціонныхъ культовыхъ обрядахъ, то этимъ выражалось его невольное стремленіе найти удовлетвореніе врожденнымъ каждому человѣку религіознымъ требованіямъ души. Поэтому нужно искать другихъ аналогій, чѣмъ упомянутыя теоріи о двоякой истинѣ и о государственной религіи. Мы видимъ, какъ восторженный пантеистъ Джордано Бруно не только передъ инквизиціоннымъ трибуналомъ въ Римѣ призналъ существованіе трансцендентнаго личнаго Бога христіанства, но и въ теченіе всей своей скитальческой жизни стремился къ примиренію съ католической церковью. Онъ написалъ въ Венеціи книгу, если и не ортодоксальную, но во всякомъ случаѣ одобренную правовѣрнымъ монахомъ, онъ даже во Франціи, гдѣ по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи не стѣсняли свободы его убѣжденій, неоднократно думалъ о возвращеніи въ лоно церкви; онъ не считалъ себя въ правѣ присутствовать на богослуженіи въ виду того, что былъ отлученъ отъ церкви. Веселовскій[1]) называетъ отношенія Бруно къ католичеству „какими то поэтически-дѣтскими". Онъ искалъ пищи для своихъ религіозныхъ влеченій въ традиціонныхъ формахъ религіи, къ которой онъ принадлежалъ по рожденію и воспитанію, несмотря на то, что онъ въ силу са-

---

[1]) Въ біографическомъ очеркѣ «Джордано Бруно», въ Вѣстникѣ Европы 1871 г., дек., стр. 624.

мыхъ искреннихъ философскихъ убѣжденій не могъ признавать истинъ христіанскаго міровоззрѣнія. Слѣдовательно, Джордано Бруно на ряду со своей пантеистической теологіею удержалъ христіанскій монотеизмъ, такъ же, какъ матеріалистъ Лукрецій не отрицалъ существованія безсмертныхъ, блаженныхъ боговъ. Впрочемъ, исторія философіи доказываетъ, что атеизмъ, который долженъ былъ бы съ самаго начала стать ингредіентомъ ученія матеріалистовъ, во всей наготѣ нашелъ выраженіе лишь въ XVIII вѣкѣ. Ламеттри былъ первымъ, который въ своемъ сочиненіи «Человѣкъ —машина», въ 1747 году, устранилъ совершенно религію, хотя и относительно него нужно сказать, что онъ не отрицаетъ *возможности* существованія Бога. И только въ анонимномъ сочиненіи, озаглавленномъ „Système de la nature“, которое вышло въ 1770 году и авторомъ котораго былъ баронъ Гольбахъ, открыто проповѣдуется атеизмъ.

Если, въ виду сказаннаго, у Лукреція насъ не будетъ поражать деистическій элементъ, то этимъ все-таки не ограничивается сфера религіи у него. При чтеніи чудной поэмы римскаго матеріалиста гораздо болѣе страннымъ покажется другое явленіе. Тотъ же самый поэтъ, который осмѣиваетъ народную религію и власть олимпійцевъ, довольно часто упоминаетъ то боговъ народной вѣры вообще, то отдѣльныхъ представителей Олимпа, особенно Венеру и Музъ. Къ самымъ энтузіастическимъ эпизодамъ поэмы о природѣ мы, не колеблясь, причислимъ стихи, посвященные хвалѣ основателя эпикуреизма. Эпикуръ представляется намъ одною изъ самыхъ свѣтлыхъ личностей античнаго міра. Ни одинъ архегетъ философской школы не пользовался среди своихъ учениковъ такимъ безграничнымъ уваженіемъ и такою благоговѣйною любовью, какъ Эпикуръ. Его адепты обожали его, Лукрецій его обоготворяетъ. Бо́льшую часть шести пѣсенъ, изъ которыхъ состоитъ его поэма, онъ начинаетъ съ хвалы Эпикура. Онъ не находитъ словъ, чтобы достойно воспѣть его великій подвигъ,—разрушеніе суевѣрія и изобличеніе обмановъ народной религіи. Эпикуръ научилъ познавать истинную сущность вселенной и тѣмъ даровалъ блаженство жалкому роду человѣческому, вздыхавшему дотолѣ подъ гнетомъ суевѣрнаго страха. „Право, онъ былъ богомъ“, восклицаетъ восторженный поэтъ. Съ бо́льшимъ правомъ его слѣдуетъ звать богомъ, чѣмъ Венеру, Вакха или Геркулеса: его дары прекраснѣе тѣхъ, которые даны человѣчеству божествами земли и плодородія, его подвигъ

затемняетъ славу Геркулеса![1]) Само собою очевидно, что здѣсь предста-

---

[1]) Lucr. V 1—13 L.

Quis potis est dignum pollenti pectore carmen
Condere pro rerum maiestate hisque repertis?
Quisve valet verbis tantum, qui fingere laudes
Pro meritis eius possit, qui talia nobis
Pectore parta suo quaesitaque praemia liquit?
Nemo, ut opinor erit mortali corpore cretus.
Nam si ut ipsa petit maiestas cognita rerum,
Dicendum est, deus ille fuit, deus, inclyte Memmi,
Qui princeps vitae rationem invenit eam quae
Nunc appellatur sapientia, quique per artem
Fluctibus e tantis vitam tantisque tenebris
In tam tranquillo et tam clara luce locavit.
Confer enim divina aliorum antiqua reperta....

Lucr. V 49—54 L.

Haec igitur qui cuncta subegerit ex animoque
Expulerit dictis, non armis, nonne decebit
Hunc hominem numero divom dignarier esse?
Cum bene praesertim multa ac divinitus ipsis
Immortalibu' de divis dare dicta suërit
Atque omnem rerum naturam pandere dictis.

Такую же восторженную похвалу мы находимъ въ началѣ I, III и VI пѣсенъ; я указываю особенно на чудные стихи I 62 слѣд.; III 1 слѣд. (III 15: divina mente coorta; VI 7: divina reperta). Гейнце въ своемъ прекрасномъ комментаріи къ III пѣсни Лукреція (Лейпцигъ 1897 г.) приводитъ въ видѣ поясненія первыхъ стиховъ третьей пѣсни слова Колота (Vol. Herc.[2] I 123): [οὐ] γὰρ τὰς [τ]υχούσας ὑπὲ[ρ αὐτοῦ] φωνὰς Κωλώτης ἀνηγό[ρευσεν] ἀλλ' ἀνταξίας· «Ἡ πάρει, Τιτάν, τὰ σχ[ότη πά]ντα [ἐκ]δη[λῶν]». Ср. также Usener, Epicurea, frg. 141. По поводу приведеннаго мною стиха V 8 Гейнце говоритъ (стр. 51): «Es ist bekannt, dass auch hierin die Tradition der Schule fest stand, und dass Epikur selbst diese Ueberchwänglichkeiten, wenn er sie auch als ἐπιθυμήματα ἀφυσιολόγητα, d. h. als dem Geiste seiner Lehre widersprechend erkannte, höchstens mit gutmütigem Spott zurückgewiesen hatte».—Usener (Wiener Studien X [1888], 185) говоритъ объ отношеніи къ Эпикуру его учениковъ: «Die Begeisterung

вленіе Лукреція о богахъ, къ числу которыхъ поэтъ присоединяетъ Эпикура, уже не то, что изложенное раньше ученіе о блаженныхъ богахъ. Но мнѣ могутъ замѣтить, что въ данномъ случаѣ, въ возгласѣ «онъ былъ богомъ», нужно усмотрѣть лишь поэтическую метафору. Все же, думается мнѣ, достоинъ упоминанія фактъ, что Лукрецій какъ поэтъ не отрекается совершенно отъ тѣхъ традиціонныхъ воззрѣній, противъ которыхъ онъ какъ философъ ратуетъ съ ожесточеніемъ и ненавистью. По меньшей мѣрѣ можно отмѣтить нѣкоторую наивную непослѣдовательность, не лишенную психологическаго интереса.

То же самое нужно сказать и о молитвахъ, возносимыхъ Лукреціемъ къ музамъ, покровительницамъ поэтовъ. Великая надежда на похвалу острымъ ѳирсомъ поразила его сердце и наполнила его грудь восторженною любовью къ музамъ. И вотъ, влекомый этой любовью, онъ смѣло проникаетъ въ царство піерійскихъ богинь, идетъ по непротоптаннымъ тропамъ, черпаетъ изъ источниковъ, къ которымъ никто не прикасался, собираетъ невиданные цвѣты и вьетъ своему челу вѣнецъ, какимъ музы еще никого не увѣнчивали[1]). Поэтъ всецѣло проникся убѣжденіемъ, что онъ взялъ на себя непомѣрно трудное дѣло, трудное какъ вслѣдствіе неподготовленности римскаго общества къ отвлеченному мышленію, такъ и въ виду того, что его родной языкъ былъ еще совершенно неприспособленъ къ философской терминологіи. Поэтому Лукрецій молитъ музу Калліопу, которую онъ называетъ утѣшеніемъ людей и отрадою боговъ, руководить имъ, чтобы онъ могъ получить вѣнецъ неувядаемой славы.[2])

---

steigerte sich zu einer *Verehrung, die nahe an die Grenze der Vergöttlichung streifte und diese Linie in einzelnen Fällen,* wie bei Kolotes... *sogar überschritt».* Въ изданномъ C. Wotke въ Wiener Studien (vol. x) сборникѣ Эпикуровскихъ *Κύριαι δόξαι* сентенція подъ № 32 гласитъ: *Ὁ τοῦ σοφοῦ σεβασμὸς ἀγαθὸν μέγα τῷ σεβομένῳ ἐστί.*

1) Lucr. I 921—950 L.

2) Lucr. VI 92—95 L.

Tu mihi supremae praescripta ad candida calcis
Currenti spatium praemonstra, callida musa
Calliope, *requies hominum divomque voluptas,*
Te duce ut insigni capiam cum laude coronam.

Конечно, мы согласимся, что это говоритъ поэтъ Лукрецій, а не философъ матеріалистъ. Большинство читателей будутъ даже склонны приравнять Лукреція съ псевдоклассическими эпиками, какъ римскими, такъ и новыми, которые, подражая классическому первообразу Гомеру, вносили миѳологическіе элементы греческаго эпоса въ римскій скептическій или въ христіанскій романтическій міръ. Большинство читателей вспомнитъ миѳологическую обстановку такихъ произведеній, какъ Лузіады Камоэнса, который подъ вліяніемъ Вергилія вводитъ весь Олимпъ въ высоко-художественный разсказъ о мореплавателѣ Васко-де-Гама и ставитъ своего героя, его удачи и неудачи въ зависимость отъ воли языческихъ божествъ, изображаетъ любовь Венеры къ герою эпопеи, во введеніи обращается къ нимфамъ рѣки Тахо, умоляя ихъ о томъ, чтобы онѣ вдохновили его. Не можетъ быть, конечно, сомнѣнія, что у геніальнаго португальскаго поэта эти миѳологическія черты не находятся ровно ни въ какой связи съ его міровоззрѣніемъ и его религіозными убѣжденіями. Не то мы скажемъ о Лукреціи. Упоминаніе боговъ, въ которыхъ онъ какъ правовѣрный эпикуреецъ пересталъ вѣровать, не можетъ быть низведено на степень чисто поэтическаго элемента[1]). Это намъ яснѣе всего покажетъ преисполненное величественной красоты введеніе къ поэмѣ о природѣ, гимнъ въ честь Венеры. Вотъ его начало. «Родительница энеадовъ, отрада людей и боговъ, благодатная Венера, ты подъ скользящими по небосклону свѣтилами наполняешь жизнью море, по которому мчатся корабли, и плодоносную землю; по твоему мановенію все живое

---

[1]) Бернайсъ въ комментаріи къ первой пѣсни Лукреція видитъ въ обращеніи къ Венерѣ исключительно поэтическій пріемъ (Jac. Bernays, Gesammelte Abhandlungen, herausgegeben v. H. Usener II, стр. 1): «Sane ubi Epicuream doctrinam explicat Lucretius longe removet deos a rebus humanis secundum Epicuri decreta, qui providentiam negavit deosque neque habere negotia neque facessere statuit. Verum isto philosophico decreto impediri se poeta non patitur, quo minus ubi poetice loquendum sit, linguae poeticae i. e. mythologicae obsequatur, sicut etiam in sexto libro ex communi poetarum consuetudine *callidam Musam Calliopen* invocat v. 93». Едва ли это противорѣчіе можетъ быть оправдано простою «libertas poetica», на что однако рѣшается Бернайсъ.

зарождается и видитъ свѣтъ солнца. Куда ты приходишь, тамъ утихаютъ вѣтры, расходятся небесныя тучи, тебѣ чародѣйка земля шлетъ въ даръ прелестные цвѣты, тебѣ улыбается гладь морская и укрощенное небо сіяетъ блескомъ солнца»[1]). Когда наступаетъ весна (продолжаетъ поэтъ) и вѣетъ зефиръ, тогда обитательницы воздуха птицы возвѣщаютъ пришествіе богини, которая чародѣйственной силою увлекаетъ за собою всю тварь. «Ты одна», восклицаетъ поэтъ, «управляешь всѣмъ естествомъ, ты—виновница всей жизни, безъ тебя ничего не рождается на Божій свѣтъ. Поэтому я хочу тебя имѣть союзницей въ своемъ дѣлѣ, когда я буду нашему Меммію излагать природу всего сущаго»[2]).—Немного найдется у лучшихъ поэтовъ всемірной литературы стиховъ, которые поэтическою, божественною красотою и силою религіознаго чувства могли бы состязаться съ Лукреціевымъ гимномъ, который я не имѣю возможности привести цѣликомъ; а, навѣрно, его никто не станетъ сравнивать съ избитыми мотивами, служащими вступленіемъ пресловутыхъ псевдо-классическихъ поэмъ[3]).—Лукреційй тутъ воспѣваетъ не богиню любви Венеру, а Венеру, богиню производительной силы природы; ту восточную Афродиту—Астарту, которая по существу совпадаетъ съ Великою Матерью боговъ и людей, съ Реей—Кибелой. Помимо содержанія гимна, такое толкованіе существа Лукреціевой Венеры подтверждается еще другими соображеніями. Лукрецій посвящаетъ свою поэму Меммію, человѣку извѣстному намъ, и притомъ исключительно съ отрицательной стороны. Человѣкъ великосвѣтскій, безнравственный, неразборчивый на средства и

---

[1]) Lucr. I 1 слѣд.

[2]) Lucr. I 21—24:

Quae quoniam rerum naturam sola gubernas,
Nec sine te quicquam dias in luminis oras
Exoritur neque fit laetum neque amabile quicquam,
Te sociam studeo scribendis versibus esse q. s.

[3]) Такъ объясняетъ начало Лукреціевой поэмы ограниченный схоліастъ Порфиріонъ (ad Horat. epist. I 20,1): receptum est et principia et fines in omnibus libris nullius legis formula contineri, unde sic Lucretius incipit primum Epicureae sectae librum. Это мѣсто Порфиріона привлечено Бернайсомъ (Opusc. II 1).

грубый, онъ враждебно относился къ родной литературѣ и смотрѣлъ на нее съ презрѣніемъ, вдобавокъ—разрушитель знаменитаго дома Эпикура въ Аѳинахъ, высокочтимой святыни эпикурейцевъ. Однимъ словомъ, какъ адресатъ поэмы Лукреція—самое неподходящее лицо, какое только можно придумать[1]). Но интересно то, что Венера была богиней—покровительницей Гая Меммія и его брата, какъ мы знаемъ изъ монетъ, выбитыхъ по ихъ инипіативѣ. Согласно предписанію Дельфійскаго оракула, Сулла посвятилъ золотую сѣкиру, символъ воинской власти, и золотой вѣнокъ Афродитѣ, почитаемой въ городѣ Афродизіадѣ въ Каріи. Суевѣрный Сулла всѣ свои блестящіе успѣхи и побѣду надъ Миѳрадатомъ приписывалъ содѣйствію одной этой богини; поэтому онъ сталъ называть себя Эпафродитомъ и всѣ его сторонники, къ которымъ принадлежали и Мемміи, приняли культъ азіатской богини плодородія и всеродительницы Афродиты. Это совпаденіе дѣлаетъ въ высшей степени вѣроятнымъ предположеніе, что вступительный гимнъ обращенъ къ этой именно богинѣ Венерѣ, олицетворявшей производительную силу природы[2]).

Однако, если только на одномъ этомъ гимнѣ основывалась бы попытка поставить на религіозную почву отношенія поэта къ богинѣ природы, то съ полнымъ правомъ можно было бы противоставить мнѣніе о чисто поэтическомъ характерѣ гимна и сослаться на громадное значеніе традиціонности въ поэтическихъ мотивахъ римской литературы.

Но мнѣ кажется, что не трудно найти въ поэмѣ о природѣ еще цѣлый рядъ указаній на *религіозный* элементъ, скрывающійся подъ покровомъ матеріалистическаго отрицанія божественной силы въ природѣ, особенно въ пятой пѣсни, которая даетъ намъ интересный эскизъ космогоніи и антропологіи. «Сама земля рождаетъ всю тварь»; она называется всеро-

---

[1]) Характеристику Гая Меммія на основаніи всего имѣющагося въ нашемъ распоряженіи литературнаго и эпиграфическаго матеріала мы находимъ въ статьѣ Фр. Маркса «Der Dichter Lucretius» (N. J. f. d. Klass. Altert. III, 1899, 536 слѣд.)

[2]) Объ Афродитѣ и ея «божественныхъ синонимахъ» ср. статьи Aphrodite, Astarte, Kybele, Meter въ миѳологическомъ словарѣ Рошера и статью Aphrodite въ энциклопедіи Паули-Виссова; см. также статью Маркса, упомянутую въ предыдущемъ примѣчаніи.

дительницей. «Земля по заслугѣ получила имя матери, такъ какъ все создано изъ земли». И еще разъ поэтъ энергично повторяетъ ту же мысль: «Да, съ полнымъ правомъ землѣ присвоено имя матери, такъ какъ вѣдь она создала человѣческій родъ и всѣхъ животныхъ». «И какъ женщина, удрученная годами, въ старости, земля отдыхаетъ»[1]).—Поэтъ не могъ довольствоваться абстракціею земли—всематери или природы, иначе онъ и не заслуживалъ бы имени истиннаго поэта. И вотъ, онъ ужъ прямо представляетъ ее себѣ какъ личность; природа отверзаетъ уста, она говоритъ съ человѣкомъ, жалующимся на жестокую необходимость смерти, упрекаетъ его въ безразсудствѣ: Что ты, смертный человѣкъ, предаешься горькой скорби? Что ты вздыхаешь и плачешь о смерти? Если твоя жизнь была пріятна, если ты съумѣлъ насладиться ею, то отчего ты не уходишь, насытившись жизнью, какъ сытый гость уходитъ съ пира? Если же не научился доселѣ пользоваться жизнью, то не научишься хотя бы прожилъ цѣлыя столѣтія.—А старцамъ, которые никакъ не могутъ равнодушно разстаться съ жизнью, природа издаетъ суровый приказъ: уйти со сцены и уступить мѣсто младшимъ поколѣніямъ[2]).—

---

[1]) Lucr. V 234—235:
quando omnibus omnia large
Tellus ipsa parit naturaque daedala rerum.
Lucr. V 795—796:
Linquitur ut merito maternum nomen adepta
Terra sit, e terra quoniam sunt cuncta creata
Lucr. V 821—827:
Quare etiam atque etiam maternum nomen adepta
Terra tenet merito, quoniam genus ipsa creavit
Humanum atque animal prope certo tempore fudit
Omne, quod in magnis bacchatur montibu' passim
Aëriasque simul volucres variantibu' formis
Sed quia finem aliquam pariendi debet habere,
Destitit ut mulier spatio defessa vetusto.
[2]) Lucr. III 931 sqq.:
Denique si vocem rerum Natura repente
Mittat et hoc alicui nostrum sic increpet ipsa:
«Quid tibi tanto operest, mortalis, quod nimis aegris

Такъ неоднократно прорывается противъ воли философа Лукреція представленіе о *личной* божественной силѣ природы. А чтобы не осталось

Luctibus indulges? quid mortem congemis ac fles?

. . . .

944 Nam tibi praeterea quod machiner inveniamque
Quod placeat, nil est: eadem sunt omnia semper.
Si tibi non annis corpus iam marcet et artus
Confecti languent, eadem tamen omnia restant,
Omnia si perges vivendo vincere saecla,
Atque etiam potius, si numquam sis moriturus»—
950 Quid respondemus, nisi iustam intendere litem
Naturam et veram verbis exponere causam?
955 Grandior hic vero si iam seniorque queratur
952 Atque obitum lamentetur miser amplius aequo,
953 Non merito inclamet magis et voce increpet acri:
«Aufer abhinc lacrimas, balatro, et compesce querellas.

. . . .

963 Iure, ut opinor, agat, iure increpet inciletque.

Если Бернайсъ правъ, то уже самъ Эпикуръ подъ часъ былъ недалекъ отъ олицетворенія природы; одинъ изъ фрагментовъ Эпикура (Usener, Epic. frg. 469) возстановляется имъ (и Узенеромъ) въ такомъ видѣ: *γάρις τῇ μακαρίᾳ Φύσει, ὅτι τὰ ἀναγκαῖα ἐποίησεν εὐπόριστα, τὰ δὲ δυσπόριστα οὐκ ἀναγκαῖα.* Вполнѣ я согласенъ съ Гейнце, который (l. l. 176) замѣчаетъ: «Und bei Lucrez ist es nicht als *willkürlich* gewähltes Kunstmittel zu betrachten, wenn ihm hier die Natur zur mahnenden, strafenden Meisterin des Menschengeschlechts wird: hinter den unwandelbaren, todten Gesetzen, die die Materie erhalten und bewegen, sucht sein tief poetisches Gefühl eine lebendige Kraft, und an zahlreichen Stellen seines Gedichtes, wo er die schaffende oder zerstörende Thätigkeit der Natur schildert, meint man vom verborgenen Wirken einer persönlichen Allmacht reden zu hören». Гейнце при этомъ ссылается на сочиненіе Селлара «Roman poets of the Republik» (1863 г., стр. 273 слѣд.), которое къ сожалѣнію не было въ моемъ распоряженіи. Также я не могъ пользоваться монографіей Биндзейля Quaestiones Lucretianae, въ которой разсматривается вопросъ о томъ, какъ Эпикуръ представлялъ себѣ природу; см. Rud. Hirzel, Untersuchungen zu Ciceros philosophischen Schriften I 98.

сомнѣнія относительно устанавливаемой нами связи между безымяннымъ божествомъ природы и той дивной сіяющей богиней Венерою, хвалѣ которой поэтъ посвятилъ начало свой поэмы, онъ самъ въ одномъ мѣстѣ первой пѣсни[1]) какъ бы отождествляетъ Венеру съ землею, присвоивая первой ту силу, которую онъ, какъ мы видѣли, въ другихъ мѣстахъ приписываетъ землѣ. Желая доказать одно изъ важнѣйшихъ положеній атомистики, что ничто не погибаетъ, что матерія вѣчна, онъ спрашиваетъ: если бы время уничтожало всю матерію, изъ чего тогда *Венера* производила бы снова на свѣтъ породы живыхъ существъ? Очевидно, Венера здѣсь является въ роли всематери земли! Поэтому мы въ правѣ будемъ сказать, что и въ гимнѣ въ честь Венеры въ началѣ поэмы свѣтится искра религіознаго отношенія къ божественному существу. Скажу прямо: въ поэмѣ Лукреція среди антирелигіозныхъ эпикурейскихъ догматовъ сіяетъ небесный лучъ, пустота антителеологическаго матеріализма заполняется представленіемъ о мудрой производительной силѣ, тождественной съ природою; другими словами, матеріалистъ Лукрецій сильно приближается къ пантеистическимъ воззрѣніямъ стоиковъ, нашедшимъ поэтическое выраженіе въ гимнѣ Клеанѳа, одного изъ вождей стоицизма, въ честь Зевса. Отъ самаго крайняго атеизма до религіи только одинъ шагъ. Даже въ «системѣ природы» Гольбаха авторъ, старающійся обстоятельно обосновать тезисъ о несуществованіи Бога, не съумѣлъ удержаться на своей атеистической точкѣ зрѣнія; и у него сама природа выступаетъ и обращается съ рѣчью къ человѣческому роду. «Подъ конецъ природа и ея дѣти—добродѣтель, разумъ и истина—признаются *истинными божествами*, которымъ однимъ подобаетъ ѳиміамъ и *боготвореніе*» «Такимъ образомъ, говоритъ Ланге, историкъ матеріализма, «Система природы» послѣ разрушенія всѣхъ религій въ поэтическомъ полетѣ сама

---

[1]) Lucr. I 225—229:
Praeterea quae cumque vetustate amovet aetas
Si penitus peremit consumens materiem omnem,
Unde animale genus generatim in lumina vitae
Redducit Venus, aut redductum daedala tellus
Unde alit atque auget generatim pabula praebens?....

превращается въ религію»[1]).—Подобное явленіе замѣчается и у основателя позитивизма Огюста Конта, который, присоединивъ въ старости къ свой позитивной философіи позитивную религію, хотѣлъ ввести культъ человѣчества, даже іерархически организованный.

Космологическія представленія, лежащія въ основаніи пантеизма новаго времени, заимствованы не изъ ученія стоиковъ, но изъ положеній, которыя были выработаны атомистами и получили поэтическое выраженіе въ произведеніи Лукреція. Родоначальникомъ пантеизма въ XVI вѣкѣ былъ землякъ Лукреція Джордано Бруно. Такъ же, какъ Лукреций,—глубоко поэтическая личность съ пламенною фантазіей, такъ же, какъ Лукреций,—несчастный человѣкъ, не нашедшій до конца жизни разрѣшенія своихъ сомнѣній и не добившійся полной ясности и опредѣленности міровоззрѣнія и примиренія своихъ философскихъ убѣжденій съ религіозными. Философія Бруно составляетъ синтезъ различныхъ и даже разнородныхъ элементовъ. Съ одной стороны на него повліяло ученіе пантеистическаго мистика Николая Кузанскаго, съ другой стороны—физическія ученія эпикурейцевъ, съ которыми онъ познакомился въ изложеніи Лукреція, и замѣчательное сочиненіе Коперника о революціяхъ небесныхъ сферъ. Къ этимъ элементамъ присоединяется еще пантеистическое ученіе стоиковъ объ эѳирѣ—огненномъ духѣ вселенной. Вліяніе Лукреція чувствуется всюду у Джордано Бруно; оно было сильнѣе, чѣмъ вліяніе стоиковъ, никогда не вышедшихъ за узкіе предѣлы геоцентрической физики; ученіе Лукреція о безконечности міровъ, столь хорошо сочетавшееся съ открытіемъ Коперника, имѣетъ большее значеніе для системы Бруно, чѣмъ міровая душа стоиковъ. Джордано Бруно въ своихъ дидактическихъ поэмахъ и діалогахъ нерѣдко примыкаетъ непосредственно къ римскому поэту, у котораго онъ заимствовалъ важныя положенія и даже детальные аргументы, служащіе ихъ обоснованіемъ[2]). Эта

---

[1]) А. Ланге, Исторія матеріализма и критика его значенія въ настоящемъ. Перев. п. ред. Вл. Соловьева, I 240.

[2]) Дильтей (Archiv f. Gesch. d. Philosophie VIII, 1900) приводитъ слѣдующія параллели: Lucret. I 868—983=Giordano Bruno De l'infinito, Opp. ital. II p. 4 (Wagner); Lucr. I 998—1001 et 1006—1007=G. Bruno l. l., p. 5; Lucr. II 1067—1076=G. Bruno l. l., p. 101. Въ послѣднемъ мѣстѣ Бруно прямо ссылается на Лукреція.

связь пантеиста съ Лукреціемъ можетъ до нѣкоторой степени служить подтвержденіемъ нашего мнѣнія, что Лукреціи былъ недалекъ отъ пантеистическаго направленія.

При этомъ однако не слѣдуетъ упускать изъ виду, что міросозерцаніе *поэта* будетъ имѣть совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ однородное *научное* міровоззрѣніе философа. Пантеизмъ поэта, который видитъ во всѣхъ явленіяхъ природы божественную силу, который чуетъ присутствіе Бога во всѣхъ предметахъ и отождествляетъ его съ природою, не то, что пантеистическая спекуляція, интеллектомъ доходящая до своихъ метафизическихъ положеній. Пантеизмъ Спинозы наиболѣе отдаленъ отъ поэтическаго пантеизма. Одинокій Спиноза былъ чуждъ природѣ, онъ не зналъ ея, какъ избѣгалъ вообще соприкосновеній съ внѣшнимъ міромъ и съ людьми. И, если на Спинозу и оказалъ вліяніе Джордано Бруно, то не видно прямого отношенія между Спинозой и величайшимъ поэтомъ—пантеистомъ Гете, хотя самъ Гете считалъ себя спинозистомъ и въ старости дѣйствительно сильно приблизился къ Спинозѣ въ своихъ воззрѣніяхъ на природу[1]). Но въ молодости рѣшающее вліяніе на него

[1]) Goethe, Wahrheit und Dichtung, Buch XIV: «Glücklicherweise hatte ich mich auch schon von dieser Seite, wo nicht gebildet, doch bearbeitet und in mich das Dasein und die Denkweise eines ausserordentlichen Mannes aufgenommen, zwar nur unvollständig und wie auf den Raub, aber ich empfand davon doch schon bedeutende Wirkungen. Dieser Geist, der so entschieden auf mich wirkte, und der auf meine ganze Denkweise so grossen Einfluss haben söllte, war *Spinoza*...... Die alles ausgleichende Ruhe Spinozas kontrastierte mit meinem alles aufregenden Streben, seine mathematische Methode war das Widerspiel meiner poetischen Sinnes- und Darstellungsweise, und eben jene geregelte Behandlungsart, die man sittlichen Gegenständen nicht angemessen finden wollte, *machte mich zu seinem leidenschaftlichen Schüler, zu seinem entschiedensten Verehrer*». Ссылки на другія мѣста сочиненій Гете мы находимъ въ статьѣ Bernh. Suphan'a, помѣщенной въ сборникѣ «Festschrift zu der zweiten Säcularfeier des Friedrichs-Werderschen Gymnasiums zu Berlin» (1881 г.), стр. 161.—Объ отношеніи Гете къ Спинозѣ такъ выражается E. Caro, La philosophie de Goethe (Paris 1866), p. 60: «S'il relève

имѣлъ энтузіастическій пантеизмъ Шефтсбери, съ которымъ онъ познакомился благодаря Гердеру. Въ своихъ Страсбургскихъ эфемеридахъ Гете полемизуетъ противъ Спинозы и, что весьма знаменательно, защищаетъ доводы Джордано Бруно[1]). Впрочемъ, въ ту пору онъ еще и не зналъ даже сочиненій Спинозы, а когда познакомился въ 1783 году, не особенно увлекался чтеніемъ. Своеобразную натурфилософію Веймарскаго кружка поэтовъ мы, пользуясь Кантовскимъ терминомъ, назовемъ сочетаніемъ Спинозизма съ теизмомъ.—Едва ли можно будетъ отказать въ аттрибутѣ нѣкоторой правдоподобности мнѣнію, что гимнъ Венерѣ въ поэмѣ Лукреція проистекъ изъ направленія, родственнаго тому, которое вдохновило Шефтсбери и Гете написать свои гимны природѣ. Лукрецій увлекался мыслью, что природа - всеблагая мать, всеродительница, виновница всего раціональнаго и закономѣрнаго бытія, Шефстбери восторгался природою, въ которой все отличается такой гармоническою завершенностью и божественною красотою, а Гете въ продолженіе всей своей жизни неустанно искалъ Бога въ природѣ, in herbis et lapidibus[2]).

Исходною точкой философіи Лукреція была ненависть къ народной религіи. Римская религія въ ту пору утеряла всякое содержаніе; культовые обряды убили живую религіозность и остался одинъ пустой формализмъ,

---

dans une certaine mesure de Spinoza, c'est par inspiration plutôt que par le système. Il est de sa famille bien plus que de son école».

[1]) Briefe und Aufsätze von Goethe aus den Jahren 1766—86, herausgegeben v. A. Schöll, стр. 101 слѣд. На стр. 103 этого изданія записокъ Гете мы читаемъ слѣдующую profession de foi: «Separatim de Deo, et natura rerum disserere difficile et periculosum est, eodem modo quam si de corpore et anima seiunctim cogitamus. Animam nonnisi mediante corpore, Deum nonnisi perspecta natura cognoscimus; hinc absurdum mihi videtur, eos absurditatis accusare, qui ratiocinatione maxime philosophica Deum cum mundo coniunxere». (Цитата мною заимствована изъ упомянутой въ предыдущемъ примѣчаніи статьи Suphan'a, стр. 171).

[2]) О взаимоотношеніяхъ между пантеизмомъ Джордано Бруно, Шефтсбери и Гете см. содержательныя разсужденія Дильтея въ Archiv für Geschichte der Philosophie, 1900 г.

который не могъ удовлетворять даже людей средняго уровня, а въ душахъ людей, подобныхъ Лукрецію, долженъ былъ возбудить отвращеніе къ самой этой религіи. Лукрецій не видитъ вокругъ себя людей счастливыхъ, всѣ одержимы страхомъ передъ смертью. Смерти никому не избѣжать, отъ смерти никому не уйти. Не ушли отъ нея ни добродѣтельный Анкъ Марцій, ни могущественный царь Ксерксъ, ни доблестный Сципіонъ, наводившій нѣкогда ужасъ на Кареагенъ. Спятъ вѣчнымъ сномъ и другъ музъ Гомеръ и Эпикуръ, мудрѣйшій изъ всѣхъ смертныхъ[1]). Итакъ, ни добродѣтель, ни могущество, ни слава не спасаютъ отъ смерти; умираютъ вдохновенные поэты и пророки.—Но отчего всѣ люди *боятся* смерти? Потому, отвѣчаетъ Лукрецій, что религія внушаетъ имъ суевѣрный страхъ передъ наказаніями въ аду и отравляетъ ихъ фантазію представленіями о страшилищахъ тартара. Велика, поэтому, по убѣжденію Лукреція, заслуга Эпикура, исторгнувшаго перунъ изъ десницы Зевеса, снявшаго съ человѣческой души угнетавшую ее вѣру въ безсмертіе и страхъ передъ смертью[2]). Этимъ, дѣйствительно объясняется то большое распространеніе, какое могъ получить и получилъ на самомъ дѣлѣ эпи-

---

[1]) Lucr. III 1024 sqq.

[2]) Трудно сказать, что́ Лукрецію представлялось болѣе важнымъ: разрушеніе вѣры въ боговъ или устраненіе страха передъ смертью. Значительная часть третьей пѣсни посвящена доказательству, что душа и духъ смертны, что въ моментъ смерти прекращается ихъ индивидуальная жизнь и прерывается самосознаніе; ср. ст. 830—842:

Nil igitur mors est ad nos neque pertinet hilum,
Quandoquidem natura animi mortalis habetur.
Et vel ut ante acto nil tempore sensimus aegri,
Ad confligendum venientibus undique Poenis
Omnia cum belli trepido concussa tumultu
Horrida contremuere sub altis aetheris oris,
In dubioque fuere utrorum ad regna cadendum
Omnibus humanis esset terraque marique,
Sic, ubi non erimus, cum corporis atque animai
Discidium fuerit, quibus e sumus uniter apti,
Scilicet haut nobis quicquam, qui non erimus tum,

куреизмъ, при всемъ его несовершенствѣ. Это та же сила, которая кроется въ ученіи Будды. Или чѣмъ другимъ объясняется необычайно великій и быстрый успѣхъ буддизма, если не тѣмъ, что основатель его своимъ волшебнымъ Nirwana снялъ съ души милліоновъ ужасное, подавлявшее ихъ бремя страха передъ смертью и вѣчнымъ возмездіемъ въ загробной жизни? Шопенгауеръ даже называетъ смерть геніемъ вдохновителемъ или музагетомъ философіи[1]).

Но на этомъ отрицательномъ результатѣ, разрушеніи кумировъ, душа Лукреція не могла успокоится. Старые боги устранены, но кто станетъ на ихъ мѣсто? Эпикуръ замѣнилъ ихъ живую {силу природною необходимостью. Но научный терминъ, могъ ли онъ быть воплощеніемъ

Accidere omnino poterit sensumque movere,
Non si terra mari miscebitur et mare caelo.

Необходимость устраненія страха передъ «Ахеронтомъ», въ которомъ Лукрецій видитъ одну изъ главныхъ причинъ человѣческихъ ошибокъ и преступленій, неоднократно подчеркивается поэтомъ; я ограничиваюсь одною цитатой—III 35—40:

Hasce secundum res animi natura videtur
Atque animae claranda meis iam versibus esse,
Et metus ille foras praeceps Acheruntis agendus,
Funditus humanam qui vitam turbat ab imo,
Omnia suffundens mortis nigrore, neque ullam
Esse voluptatem liquidam puramque relinquit.

Вообще нѣтъ вовсе подземнаго царства и страшилищъ Тартара III 1013—1019:

Qui neque sunt usquam nec possunt esse profecto:
Sed metus in vita poenarum pro male factis
Est insignibus insignis, scelerisque luella
Carcer et horribilis de saxo iactu' deorsum,
Verbera, carnifices, robur, pix, lammina, taedae;
Quae tamen etsi absunt, at mens sibi, conscia factis,
Praemetuens adhibet stimulos torquetque flagellis....

[1]) Schopenhauer, Die Welt als Wille und Vorstellung, Ergänzungen Kap. 41: «Der Tod ist der eigentliche inspirirende Genius oder der Musaget der Philosophie, weshalb Sokrates diese auch θανάτου μελέτη definirt hat. Schwerlich sogar würde, auch ohne den Tod, philosophirt werden».

объекта религіозныхъ потребностей? Разсуждая теоретически, Лукрецій думалъ, что наука можетъ замѣнить религію. Онъ горько ошибся, какъ и до и послѣ него милліоны алчущихъ душъ: наука никогда не дастъ отвѣта на религіозные запросы, зарождающіеся въ душѣ каждаго человѣка [1]). Разсудочно, путемъ научной аргументаціи Лукрецій дошелъ до отрицанія божественной силы въ себѣ и въ природѣ; но всѣ чувства твердили ему, что Эпикуръ неправъ. Этотъ внутренній голосъ не умолкаетъ и вовлекаетъ его въ ужасную борьбу; въ ожесточеніи нападаетъ онъ на боговъ, на религію, рабомъ коей онъ себя чувствуетъ. Лукрецій ненавидитъ этихъ боговъ, какъ своихъ враговъ. Эта ненависть выдаетъ его и доказываетъ, что онъ не освободился изъ подъ владычества боговъ. Въ окружающей природѣ онъ чувствовалъ могущественную матеріальную силу. Физика Эпикура, которую избралъ онъ предметомъ своей дидактической поэмы, давала поводъ поэту, интересовавшемуся явленіями природы, не отрываясь созерцать ее и выражать на словахъ свою къ ней любовь, одну изъ наиболѣе выдающихся чертъ въ его характерѣ. Лукрецій смотрѣлъ на природу и ея явленія какъ художникъ, увлекался красотой ландшафтовъ и восторгался величіемъ метеорологическихъ явленій. Мы замѣчаемъ въ немъ способность схватывать цѣлое въ рядѣ одновременныхъ явленій и изображать его въ отдѣльныхъ яркихъ картинахъ, Леонардо да Винчи сказалъ: художникъ долженъ быть сыномъ природы, а не внукомъ ея. Лукрецій былъ художникъ. Онъ черпаетъ непосредственно изъ первоисточника. Его картинки можно назвать эскизами съ натуры, и, если онѣ съ технической стороны не вполнѣ отдѣланы, но за то онѣ отзываются свѣжестью и свободой отъ академической рутины. При такой близости къ природѣ не могло не осуществиться въ немъ тому, что Цицеронъ намъ передаетъ изъ Аристотеля. Представимъ себѣ, говоритъ Аристотель, что есть люди, которые всегда жили подъ землей въ хорошихъ и великолѣпныхъ жилищахъ, украшенныхъ статуями и всѣми предметами роскоши и счастливой жизни; представимъ себѣ, что они никогда не выходили на по-

---

[1]) Краснорѣчивымъ подтвержденіемъ этой истины могутъ служить мысли, развиваемыя современными французскими писателями; см. трудъ А. Н. Гилярова, Предсмертныя мысли XIX вѣка во Франціи (Кіевъ 1901 г.), стр. 99 слѣд.

верхность земли, но что до нихъ дошла молва о томъ, что есть какая то божеская власть и сила. Положимъ, что вдругъ разверзлась бы земля и они вышли бы сюда на нашу землю. Что они скажутъ, когда вдругъ увидятъ землю и моря и небо и познаютъ дѣйствіе солнца, которое рождаетъ день, распространяя по всему небу свѣтъ? Что они скажутъ, когда ночь окутаетъ земли мракомъ и они увидятъ все небо засѣянное и украшенное звѣздами и смѣны луннаго свѣта, то возрастающаго, то убывающаго, и восходы и заходы всѣхъ этихъ свѣтилъ, наконецъ неизмѣнно опредѣленные на вѣки пути ихъ? Навѣрно, они рѣшатъ, что есть боги и что весь величественный міръ есть ихъ твореніе[1]).

Да, по истинѣ, чья душа открыта для всего прекраснаго, кто видитъ безконечное богатство и дивную красоту природы, тотъ не можетъ удовлетвориться какою-нибудь атомистическою теоріей, тотъ долженъ слышать въ вѣчной жизни природы «хвалебный гимнъ отцу міровъ». Дидро правъ, что крыло бабочки или глазъ какого-нибудь комара достаточны для того, чтобы окончательно разбить атеиста[2]).

Такимъ образомъ, вполнѣ понятно, что Лукрецій, который умомъ и чувствомъ созерцалъ природу, долженъ былъ, исходя изъ матеріализма, дойти до пантеизма или приблизиться къ нему. Нельзя безъ глубокаго интереса слѣдить за борьбою благороднѣйшаго поэта изъ за міровоззрѣнія, видѣть, какъ онъ, чувствуя отвращеніе къ окаменѣвшей народной религіи, нашелъ у Эпикура оружіе для борьбы противъ боговъ этой религіи;

---

[1]) Cicero de nat. deor II 37,95.

[2]) Въ Pensées philosophiques; см. Ланге, Исторія матеріализма, перев. п. ред. Соловьева, I, 85.—Ив. Ивановъ (Вопросы философіи и психологіи, 1900 г., кн. 52, стр. 267) говоритъ о Ж. Ж. Руссо: «Самъ Руссо далеко не всегда чувствовалъ себя твердымъ въ своей вѣрѣ. Разсказываютъ о слѣдующемъ его признаніи. Иногда въ глубинѣ кабинета, склонивши голову на руки, въ ночной темнотѣ Руссо готовъ былъ уступить идеямъ матеріалистовъ. Но настроеніе совершенно мѣнялось при восходѣ солнца, при блескѣ утренняго пейзажа: солнце, разсѣевая туманы ночи, въ то же время разсѣевало мракъ и на душѣ философа. Онъ обрѣталъ вѣру въ Бога, преклонялся передъ нимъ до земли.» (Mémoires de M-me d'Epinay).

какъ онъ съ увлеченіемъ отдался эпикуреизму, но вскорѣ почувствовалъ гнетъ атеизма, проистекавшаго изъ этого ученія, какъ онъ инстинктивно, ища исхода изъ его мрака, склонялся къ поэтическому пантеизму; наконецъ, какъ онъ, сломленный борьбой, умеръ безвременно, не успѣвъ проникнуть ко свѣту, не успѣвъ и закончить своей поэмы.

Но каковы бы ни были недостатки поэмы о природѣ, она какъ памятникъ душевной борьбы истиннаго поэта никогда не будетъ забыта:

Carmina sublimis tunc sunt peritura Lucreti,
Exitio terras cum dabit una dies.

Ив. Турцевичъ.

ОБРАЩЕНІЯ КЪ ИМПЕРАТОРУ

провинціальныхъ сеймовъ, городскихъ и другихъ обществъ

въ первые три вѣка

РИМСКОЙ ИМПЕРІИ.

Приложеніе.

НѢЖИНЪ
Типо-Литографія М. В. Глезера.
1901.

Печатается по постановленію Конференціи Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко.

Директоръ Ф. Гельбке.

Предисловіе.

Въ настоящемъ общемъ приложеніи мы даемъ собраніе императорскихъ посланій, главнымъ образомъ рескриптовъ—провинціальнымъ сеймамъ, городскимъ и другимъ обществамъ; при нѣкоторыхъ рескриптахъ мы приводимъ также и прошенія, которыми они были вызваны и съ которыми вмѣстѣ дошли до насъ. Кромѣ самыхъ текстовъ посланій и рескриптовъ мы приводимъ нѣкоторыя мѣста разныхъ источниковъ, гдѣ они упоминаются.

Когда Генель составлялъ свой Corpus legum ab imperatoribus Romanis ante Justinianum latarum (напеч. въ 1857 г.), императорскихъ рескриптовъ, сохранившихся въ видѣ надписей, было очень мало; теперь ихъ имѣется значительно больше, но пока не имѣется общаго свода ихъ, что очень затрудняетъ пользованіе ими[1]). Мы старались заполнить въ нѣкоторой мѣрѣ этотъ пробѣлъ для времени, котораго касается наша работа.

Въ нашемъ собраніи мы, конечно, не достигли абсолютной полноты—это уже потому, что нѣкоторыя изъ найденныхъ въ послѣднее время надписей еще не появились въ печати; изъ того же, что уже опубликовано, надѣемся, мы собрали по крайней мѣрѣ все то, что имѣетъ какое-нибудь значеніе.

---

[1]) Liebenam, Städteverwaltung im röm. Kaiserreiche, стр. 474: Da ich des knappen Raumes halber selbst eine Uebersicht aus meinen Sammlungen solcher Urkunden zurückstellen muss, möchte ich wünscheu, dass recht bald von anderer Seite wenigstens die inschriftlich erhaltenen Kaiserbriefe..., soweit sie sich auf städtische Angelegenheiten beziehen, gesichtet und bearbeitet werden.

Мы даемъ не новую recensio, а только перепечатку текстовъ, указывая, откуда каждый нами заимствованъ; кое-гдѣ помѣщаемъ краткія примѣчанія. Нѣкоторые изъ приведенныхъ текстовъ неподлинны или не вполнѣ подлинны; мы однако приводимъ и ихъ, такъ какъ только изъ сравненія съ подлинными можно опредѣлить степень ихъ подлинности или неподлинности, да и самыя фальсификаціи, именно древнія, представляютъ для насъ извѣстный интересъ.

Матеріалъ мы расположили, насколько было возможно, въ хронологическомъ порядкѣ.

Императорскіе рескрипты провинціальнымъ сеймамъ, городскимъ и другимъ обществамъ.

Caesarum est in senatu quae e re sunt suadere, populum de plerisque negotiis in contione appellare, ius iniustum corrigere, *per orbem terrae litteras missitare,* reges exterarum gentium compellare, *sociorum culpas edictis coercere, benefacta laudare, seditiones compescere, feroces territare.* Omnia ista profecto verbis sunt ac litteris agenda.

Фронтонъ.

Августъ.

1. Lebas-Waddington, 441.

a. Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ θεοῦ Ἰουλίου
υἱὸς ὕπατός τε τὸ τρίτον καθεσ-
ταμένος Μυλασέων ἄρχουσι βου-
λῆι δήμωι χαίρειν. εἰ ἔρρωσθε, κ[α]-
λῶς ἂν ἔχοι καὶ αὐτὸς δὲ μετὰ τ[οῦ]
στρατεύματος ὑγίαινον. κα[ὶ πρό]-
τερον μὲν ἤδη περὶ τῆς κατ[ασχού]-
σης ὑμᾶς τύχης προσεπέ[μφατέ]
μοι καὶ νῦν παραγενομένω[ν τῶν]
πρεσβευτῶν Οὐλιάδ[ου...

b. .... ς πῶν πολεμίων πταῖσαι καὶ κρατη[θεί-
σης τῆς πόλεως πολλοὺς μὲν αἰχμαλώτο[υς
ἀποβαλῖν πολίτας, οὐκ ὀλίγους μὲν φονευθε[ν-
τας, τινὰς δὲ καὶ συνκαταφλεγέ(ν)τας τῇ πόλε[ι,
τῆς τῶν πολεμίων ὠμότητος οὐδὲ τῶν
ναῶν οὐδὲ τῶν ἱερῶν τῶν ἁγιωτάτων ἀ-
ποσχομένης. ὑπέδιξαν δέ μοι καὶ περὶ
τῆς χώρας τῆς λελεηλατημένης καὶ τῶν

ἐπαυλέων τῶν ἐμπεπρησμένων ὥστε ἐμ
πᾶσιν ὑμᾶς ἠτυχηκέναι. ἐφ' οἷς πᾶσι συνέ-
Ἰνων ἀτυχήματα] ταῦτα πάσης τειμῆς καὶ χάρι-
τος καὶ εὐνοίας ὄντας ἀξί]ους ὑμᾶς πε-
(πονθέναι) . . . .

2. I. Gr. I. M. Aeg., 174.

Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ Θεοῦ υἱὸς Σεβαστὸς ἀρχιερεὺς ὕπατος τὸ δωδέκατον ἀποδεδειγμένος καὶ δημαρχικῆς ἐξουσίας τὸ ὀκτω‹ι› καιδέκατον Κνιδίων ἄρχουσι βουλῇ δήμῳ χαίρειν. Οἱ πρέσβεις ὑμῶν Διονύσιος β' καὶ Διονύσιος β' τοῦ Διονυσίου ἐνέτυχον ἐν Ῥώμηι μοι καὶ τὸ ψήφισμα ἀποδόντες κατηγόρησαν Εὐβούλου μὲν τοῦ Ἀναξανδρίδα τεθνειῶτος ἤδη‹ι›, Τρυφέρας δὲ τῆς γυναικὸς αὐτοῦ παρούσης περὶ τοῦ θανάτου τοῦ Εὐβούλου τοῦ Χρυσίππου. Ἐγὼ δὲ ἐξετάσαι προστάξας Γάλλωι Ἀσινίωι τῶι ἐμῶι φίλω τῶν οἰκετῶν τοὺς ἐνφερομένους τῆι αἰτία διὰ βασάνων, ἔγνων Φιλεῖνον τὸν Χρυσίππου τρεῖς νύκτας συνεχῶς ἐπεληλυθότα τῆι οἰκία τῆι Εὐβούλου καὶ Τρυφέρας μεθ' ὕβρεως καὶ τρόπωι τινὶ πολιορκίας, τῆι τρίτηι δὲ συνεπηιγμένον καὶ τὸν ἀδελφὸν Εὔβουλον, τοὺς δὲ τῆς οἰκίας δεσπότας Εὔβουλον καὶ Τρυφέραν, ὡς οὔτε χρηματίζοντες πρὸς τὸν Φιλεῖνον οὔτε ἀντιφραττόμενοι ταῖς προσβολαῖς ἀσφαλείας ἐν τῆι ἑαυτῶν οἰκίαι τυχεῖν ἠδύναντο, προστεταχότας ἑνὶ τῶν οἰκετῶν οὐκ ἀποκτεῖναι ὡ[ς ἴ]σως ἄν τις ὑπ' ὀργῆς οὐ[κ] ἀδίκου προήχθηι, ἀλλὰ ἀνεῖρξαι ἀνασκεδάσαντα τὰ κόπρια αὐτῶν, τὸν δὲ οἰκέτην σὺν τοῖς καταχεομένοις εἴτε ἑκόντα εἴτε ἄκοντα, αὐτὸς μὲν γὰρ ἐνέμεινεν ἀρνούμενο[ς], ἀφεῖναι τὴν γάστραν [καὶ] Εὔβουλον ὑποπεσεῖν, δικαιό-[τ]ερον ἂν σωθέντα [τοῦ ἀ]δελφοῦ· πέπονφα δὲ ὑμεῖν καὶ α[ὐ]τὰς τὰς ἀνακρίσεις. ἐθαύμαζον δ'ἄν, πῶς εἰς τόσον ἔδεισαν τὴν παρ' ὑμεῖν ἐξετασίαν τῶν δούλων οἱ φ[εύ]γοντες τὴν δίκην, εἰ μή μοι σφόδρα αὐτοῖς ἐδόξ[ατε] χαλεποὶ γεγονέναι καὶ πρὸς τὰ ἐναντία μισοπόνη[ροι], μὴ κατὰ τῶν ἀξίων πᾶν ὁτιοῦν παθεῖν ἐπ' ἀλλο[τρίαν] οἰκίαν νύκτωρ μεθ' ὕβρεως καὶ βίας τρὶς ἐπεληλ[υθό-

των καὶ τὴν κοινὴν ἁπάντων ὑμῶν ἀσφάλει[αν ἀναιρούντων ἀγανακτοῦντες, ἀλλὰ κατὰ τῶν καὶ [ὅτε ἠ]μύνοντο ἠτυχηκότων. ἠδικηκότων δὲ οὐδὲ[ν].
ἀλλὰ νῦν ὀρθῶς ἂν μοι δοκεῖτε ποιῆσαι τῆι ἐμῆι π]ερὶ(?)τούτων γνώμηι προνοήσαντες καὶ τὰ ἐν τοῖς δημ[οσίοις]
ὑμῶν ὁμολογεῖν γράμματα. ἔρρωσθε.

3. C. I. G., 2222 (въ постановленіи намѣстника Азіи)... Αὐτοκράτορος θεοῦ υἱοῦ Σεβαστοῦ τὸ ὄγδοον ὑπάτου τὴν ἐπιστολὴν πρὸς [Χ]είους γράφοντος....

4. Plutarchus, Reg. imp. apophth. 13: Τοῦ δὲ Ἀθηναίων δήμου ἐξημαρτηκέναι τι δόξαντος, ἔγραψεν ἀπ' Αἰγίνης Οἴεσθαι μὴ λανθάνειν αὐτοὺς ὀργιζόμενος, οὐ γάρ ἂν ἐν Αἰγίνῃ διαχειμάσειν. ἄλλο δὲ οὐδὲν οὔτε εἶπεν αὐτοὺς οὔτε ἐποίησε.

Dio Cass. Dind. V p. 144 (epit. Xiph.): τὰς δὲ πρεσβείας τάς τε παρὰ τῶν δήμων καὶ τὰς παρὰ τῶν βασιλέων ἀφικνουμένας τρισὶ τῶν ὑπατευκότων, ἐπέτρεψεν (Августъ въ старости), ὥστε αὐτοὺς χωρὶς ἕκαστον καὶ διακούειν τινῶν, καὶ ἀπόκρισιν αὐτοῖς διδόναι, πλὴν τῶν ὅσα ἀναγκαῖον ἦν τήν τε βουλὴν καὶ ἐκεῖνον ἐπιδιακρίνειν.

Тиберій.

5. Paton and Hicks, The inscript. of Cos, № 25.

Τιβέριος καῖσαρ, θ[εοῦ Σε]βασ[τοῦ]
υἱός, Σεβαστός, δημ[αρχικ]ῆς ἐ-
ξουσία[ς] τὸ ἑπτακαι[δέκατ]ον, αὐτο-
κράτωρ τὸ ζ'. Κῴων ἄρχ[ουσι β]ουλῇ [δή-]
μῳ χαίρειν· ἀποδόντων μοι τῶν ὑ-
μετέρων πρέσβεων τό τε ψήφισμ[α] ὑ-
μῶν, καὶ ἃς ὑπέθεσθε αὐ[τ]οῖς (π)ρὸ[ς ἐ-]
μὲ ἐντολάς, τῆς μὲν διαθέσεω[ς ὑ-
μᾶς τῆς πρὸς ἐμαυτὸν ἐπαιν[ῶ.
δι]εκ(ε)ίμη(ν) δὲ καὶ πρότερον [πρός]
τε τὴν ὑμ[ετέραν]

Калигула.

6. C. I. G. G. S., I, 2711.

Αὐτοκ]ράτωρ Σεβαστὸς Καῖσαρ, θεοῦ Σεβαστοῦ ἔ[κγ]ονος, Τιβερίου Καί[σαρος υἱωνὸς, ἀρχιερεὺς, δημαρχικῆς ἐξουσίας, Ἀχαιῶν καὶ Βοιω-

τῶν καὶ Λοκρῶν καὶ Φωκέων καὶ Εὐβοέων τῷ κοινῷ χαίρειν. ἀναγνοὺς τὸ δο]θέ[ν] μοι ὑπὸ τῶν ὑμετέρων πρεσβευτῶν ψήφισμα ἔγνων ὅτι οὐδεμίαν ὑπ]ερβολὴν ἀπελίπετε τῆς εἰς ἐμὲ [προθυμ]ίας καὶ εὐσεβείας ἰδίᾳ τε ἕκασ]τος θυσάμενοι ὑπὲρ τῆς ἐμῆς σωτηρίας, καὶ κοινῇ ἑορτάσαντες κα]ὶ τειμὰς ἃς ἠδύνασθε μεγίστας ψηφισάμενοι, ἐφ' οἷς ἅπασι ἐπαινῶ ὑμ[ᾶς καὶ ἀποδέχομαι, καὶ μεμνημένος τῆς ἐκ παλαιῶν χρόνων ἐπιφα]νείας ἑκάστου τῶν Ἑλληνικῶν δ[ήμω]ν ἐῶ ὑμᾶς συνισταμένους. τῶν ἀ[νδριάντων, οὓς ἐψηφίσασθέ μοι, τὸ πολὺ πλῆθος, ἐὰν ὑμεῖν δοκῇ, ἀφε]λόντες ἀρκέσθητε τοῖς Ὀλυμπίασι καὶ Νεμέᾳ καὶ Πυθοῖ καὶ Ἰσ[θμοῖ τεθησομένοις, ὅπ[ως . . . .]σθε καὶ ἑαυτοὺς ἧττον ἀνα]λώμασι βαρυνεῖ[τε. ἀπέδωκάν μοι τὸ ψήφισμα πρεσβευταί, ὧ]ν τὰ ὀνόματα ὑπ[ογέγραπται. εὐτυχεῖτε. ἀρχιπρεσβευτὴς Μέν-[αν]δρ[ο]ς Λευκίου [. . . . . Ἀχαι]ῶ[ν] δὲ Θεόπομπος Ἀριστο]δάμου, Ἀριστ . . . . ος Ἐπιδίκο[υ], Τιμόξενος Τ]ειμοξέν[ο]υ, . . . λ . . . . , δαμος Τειμανδρίδου], Μηνοφάνης . . . . . , ... δου, Βοιωτῶν δὲ Ἐπαμινώ]νδας Ἐπαμινώνδ[ου . . . . , ...]νων, Ἡράκλειτος Ὀλυμ]πίωνος, Φωκέων [δὲ . . . . , Εὐβο]έων δὲ Ἀριστόδικος . . . . φου, Λοκρῶν δὲ . . . . , ... ης Ἀναξιδότου. ἐδόθη πρὸ] δεκατεσσάρων καλανδῶν Σεπτεμβρίων ἐν Ῥώμῃ.

Клавдій.

7. **Ephem. epigr., II, стр. 16.**

Τι Κλαύδιος Καῖσαρ Γερμανικός, ἀρχιερεύς, δημαρχικῆς ἐξουσίας, ὕπατος τέταρτον, αὐτοκράτωρ...

Μυτ[ι]ληναίων ἄρχουσι

τὸν ἐμὸν οἶκον [...εὐ]σέβειαν

8. **Ioseph. Flav., Antiqu., XX, 1,2:** Κλαύδιος Καῖσαρ Γερμανικός, δημαρχικῆς ἐξουσίας τὸ πέμπτον, ὕπατος ἀποδεδειγμένος τὸ τέταρτον, αὐτοκράτωρ τὸ δέκατον, πατὴρ πατρίδος Ἱεροσολυμιτῶν ἄρχουσι βουλῇ δήμῳ, Ἰουδαίων παντὶ ἔθνει χαίρειν. Ἀγρίππα τοῦ ἐμοῦ, ὃν ἐγὼ ἔθρεψα καὶ ἔχω σὺν ἐμαυτῷ εὐσεβέστατον ὄντα, προσαγαγόντος μοι τοὺς ὑμετέρους πρέσβεις, εὐχαριστοῦντας ἐφ' ᾗ πεποίημαι τοῦ ἔθνους ὑμῶν κηδεμονίᾳ καὶ αἰτησαμένων σπουδαίως καὶ φιλοτίμως τὴν ἱερὰν ἐσθῆτα καὶ τὸν στέφανον ὑπὸ τὴν ἐξουσίαν ὑμῶν εἶναι, συγχωρῶ, καθὼς ὁ κράτιστος καί μοι τιμιώτατος Οὐιτέλλιος ἐποίησε: συγκατεθέμην δὲ τῇ γνώμῃ ταύτῃ πρῶτον μὲν διὰ τὸ ἐμαυτοῦ εὐσεβὲς καὶ τὸ βούλεσθαι ἑκάστους κατὰ τὰ πάτρια θρησκεύειν, ἔπειτα εἰδὼς ὅτι καὶ αὐτῷ

βασιλεῖ Ἡρώδῃ καὶ Ἀριστοβούλῳ τῷ νεωτέρῳ, ὧν τὴν πρὸς ἐμαυτὸν εὐσέβειαν καὶ τὴν πρὸς ὑμᾶς γιγνώσκω σπουδήν, πάνυ χαριοῦμαι ταῦτα ποιήσας, πρὸς οὓς ἔστι μοι πλεῖστα φιλίας δίκαια κρατίστους ὄντας κἀμοὶ τιμίους. ἔγραψα δὲ περὶ τούτων καὶ Κουσπίῳ Φάδῳ τῷ ἐμῷ ἐπιτρόπῳ. οἱ τὰ γράμματα κομίζοντες Κορνήλιος Κέρωνος, Τρύφων Θευδίωνος, Δωρόθεος Ναθαναήλου, Ἰωάννης Ἰωάννου. ἐγράφη πρὸ τεσσάρων καλανδῶν Ἰουλίου ἐπὶ ὑπάτων Ῥούφου καὶ Πορπηίου Σιλουανοῦ.

9. Apollon. Tyan. ep. νγ'. Κλαύδιος Τυανέων τῇ βουλῇ. Ἀπολλώνιον τὸν ὑμέτερον πολίτην Πυθαγόρειον φιλόσοφον καλῶς ἐπιδημήσαντα τῇ Ἑλλάδι καὶ τοὺς νέους ἡμῶν ὀφελήσαντα τιμήσαντες ἀξίαις τιμαῖς, αἷς πρέπει τοὺς ἀγαθοὺς ἄνδρας καὶ ἀληθῶς προισταμένους φιλοσοφίας, τὴν εὔνοιαν ἡμῶν ἠθελήσαμεν ὑμῖν δι' ἐπιστολῆς φανερὰν γενέσθαι. ἔρρωσθε.

Неронъ

10. Athen. Mittheil., XX, стр. 387 и сл.

Ἐπ' ἱερέ]ως Δ[ιογέ]νευς, πρυτανίων τῶν σὺν
Μενεκλεῖ τῷ Ἀ[ρ]χαγόρα, γραμμα[τε]ύοντος
βουλᾶς Νεικασιμάχου Διαφάνου καθ' ὑ(οθεσίαν δὲ) Ἀρχεδάμ(ου).
Ἁ] ἐπιστολὰ ἁ ἀποσταλεῖσα ὑπὸ Νέρωνος
Κλαυδίου Καίσαρος Πεταγειτνίου κζ'.
Νέρων] Κλαύδιος θεοῦ Κλαυδίου υἱός, Τιβερίου Καίσ[α]-
ρος Σεβαστοῦ ἀπόγονος, Καῖσαρ Σ[εβ]αστὸς Γερμανι-
κὸς ἀρχιερεὺς δημαρχικῆς ἐξουσίας αὐτοκρά-
τωρ Ῥοδίων ἄρχουσι βουλῇ [δή]μῳ χαίρειν.
Οἱ πρέσβεις ὑμῶν οὓς ἐπὶ τῇ ψευδῶς ἐπι[σ]τολῇ
πρὸς ὑμᾶς κομισθείσῃ τῷ τῶν ὑπάτων ὀνόματι
ταραχθέντες πρός με ἐπέμψατε, καὶ τὸ ψήφισμα [ἀ]-
πέδοσαν καὶ περὶ τῶν θυσιῶν ἐδήλωσαν ἃς ἐνετε[ί]-
λασθε αὐτοῖς ὑπὲρ τῆς πανοικίου μου ὑγείας καὶ
τῆς ἐν τῇ ἡγεμ[ο]νίᾳ διαμονῆς ἐπιτελέσαι τῷ κατ' ἐ-
ξοχὴν παρ ἡμεῖν τειμωμένῳ Διὶ Καπετωλίῳ
περὶ τ' ὧν ἐπεστάλκειτε αὐτοῖς πρὸς τὴν τῆς πόλεως
δημοκρατίαν διαφερόντων ἐνεφάνισαν διὰ Κ[λαυ]-
δίου Τειμοστράτου τοῦ ἀρχιπρεσβευτοῦ σπου-
δαίῳ πάθει τοὺς ὑπὲρ ὑμῶν ἐπ' ἐμοῦ ποιησαμένων
λόγους—ἀνδρὸς κ[ἀμ]οὶ ἐπὶ τῷ κρατ[ί]στῳ διὰ τὴν ἀνανέω-
σιν τῶν πρὸς ὑμᾶς αὐτῷ δικαίων ὑπαρχόντων γνωρί-

μου καὶ παρ' ὑμεῖν ἐν τοῖς ἐπιφανεστάτοις καταριθμουμένου. Ἐγὼ δ' οὖν ἀπὸ τῆς πρώτης ἡλικίας εὐνοϊκῶς πρὸς τὴ[ν πό]λιν ὑμῶν δι[ακείμενος . . . .

. . . .

11. Ios. Flav. Ant. Jud. XX, 8,9: οἱ ἐν τῇ Καισαρείᾳ δύο πρῶτοι Σύρων Βοῦρον (παιδαγωγὸς δὲ οὗτος ἦν τοῦ Νέρωνος τάξιν τὴν τῶν Ἑλληνικῶν ἐπιστολῶν πεπιστευμένος) πείθουσι πολλοῖς χρήμασι αἰτήσασθαι παρὰ τοῦ Νέρωνος αὐτοῖς ἐπιστολὴν ἀκυροῦσαν τὴν τῶν Ἰουδαίων πρὸς αὐτοὺς ἰσοπολιτείαν καὶ Βοῦρος τὸν αὐτοκράτορα παρακαλέσας ἐπέτυχε γραφῆναι τὴν ἐπιστολήν.

12. Jos. Flav. B. Jud. II, 14,4: ἐν δὲ τούτῳ οἱ Καισαρέων Ἕλληνες, νικήσαντες παρὰ Νέρωνι τῆς πόλεως ἄρχειν, τὰ τῆς κρίσεως ἐκόμισαν γράμματα.

13. Philostr., V. Apoll. IV, 33: ἐπιστολὴ ἐκ βασιλέως Λακεδαιμονίοις ἧκεν ἐπίπληξιν ἐς τὸ κοινὸν αὐτῶν φέρουσα, ὡς ὑπὲρ τὴν ἐλευθερίαν ὑβριζόντων, ἐκ διαβολῶν τοῦ τῆς Ἑλλάδος ἄρχοντος ἐπέσταλτο αὐτοῖς ταῦτα. οἱ μὲν Λακεδαιμόνιοι ἀπορίᾳ εἴχοντο καὶ ἡ Σπάρτη πρὸς ἑαυτὴν ἤριζεν, εἴτε χρὴ παραιτουμένους τὴν ὀργὴν τοῦ βασιλέως εἴτε ὑπερφρονοῦντας ἐπιστέλλειν. πρὸς ταῦτα ξύμβουλον ἐποιοῦντο Ἀπολλώνιον τοῦ τῆς ἐπιστολῆς ἤθους.

Ioannes Antioch. (Fragm hist. Gr. Ed. Müller, IV, стр. 575): Ἀγριππίνη ἔς τε τὰ συνέδρια ἐφοίτα, ταῖς τε πρεσβείαις ἐχρηματίζε, καὶ ἐπιστολὰς δήμοις καὶ ἄρχουσι καὶ βασιλεῦσιν ἐπέστελλεν.

Флавіи.

14. C. I. L., X, 8038.

Imp. Caesar Vespasianus Augustus
magistatibus et senatoribus
Vanacinorum salutem dicit.
Otacilium Sagitam, amicum et procuratorem meum, ita vobis praefuisse,
ut testimonium vestrum mereretur,
delector.
De controversia fininm, quam habetis cum Marianis, pendenti ex
is agris, quos a procuratore meo
Publilio Memoriale emistis, ut
finiret Claudius Clemens procu-

rator meus, scripsi ei et mensorem
misi.
Beneficia tributa vobis ab divo
Augusto post septimum consula-
tum, quae in tempora Galbae reti-
nuistis, confirmo.
Egerunt legati
Lasemo Leucani f. sacerd(os) Aug(usti),
Eunus Tomasi f. sacerd(os) Aug(usti).
C. Arruntio Catellio Celere, M.
Arruntio Aquila cos. IIII idus Octobr.

15. C. I. L., II, 1423.
Imp. Cae. Vespasianus Aug. pon-
tifex maximus, tribuniciae
potestatis VIII, imp. XIIX, consul
VIII, p. p. salutem dicit IIII viris et
decurionibus Saborensium.
Cum multis difficultatibus infirmita-
tem vestram premi indicetis, per-
mitto vobis oppidum sub nomine meo, ut
voltis, in planum extruere. vecti-
galia, quae sub divo Aug. accepisse dici-
tis, custodio; si qua nova adicere vol-
tis, de his procos. adire debebitis; ego
enim nullo respondente constitu-
ere nil possum. Decretum vestrum
accepi VIII ka. August., legatos dimi-
si III Ka. easdem. valete.
II viri C. Cornelius Severus et M. Septi-
mius Severus publica pecunia in aere
incideruut.

16. C. I. L. IX, 4420.
Imp. Caesar divi Vespasiani f.
Domitianus Augustus
pontifex max., trib. potest., imp. II.,
cos. VIII designat. VIIII. p.p. salutem dicit
IIII viris et decurionibus Faleriensium ex Piceno.
Quid constituerim de subsicivis cognita causa

inter vos et Firmanos ut notum haberetis
huic epistulae subici iussi.
P. Valerio. Patruino . . . . cos.
XIIII k. Augustas.
Imp. Caesar divi Vespasiani f. Domitianus
Aug. adhibitis utriusque ordinis splen-
didis viris cognita causa inter Fale-
rienses et Firmanos pronuntiavi quod
suscriptum est.
Et vetustas litis, quae post tot annos
retractatur a Firmanis adversus
Falerienses, vehementer me monet,
cum possessorum securitati vel mi-
nus multi anni sufficere possint,
et divi Augusti diligentissimi et in-
dulgentissimi erga quartanos suos
principis epistula, qua admonuit
eos, ut omnia subsiciva sua collige-
rent et venderent, quos tam salubri
admonitioni paruisse non dubito;
propter quae posessorum ius confirmo.
valete. d. XI k. Aug. in Albano,
agente curam T. Bovio Vero,
legatis P. Bovio Sabino
P. Petronio Achille, d. d. p.

17. B. C. H., VI, стр. 451.

Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ θεοῦ Οὐεσπασια[νοῦ υἱὸς Δομετιανὸς] Σε-
βαστὸς [ἀρχιερεὺς μέγιστος, δημαρχικῆς ἐξουσίας τὸ., αὐτο-
κράτωρ
τὸ κα, ὕπατος τὸ ιε, τειμητὴς διὰ β[ίο]υ, πατὴρ πατρίδος,
Δελφῶν ἄρ[χουσι χαίρειν. γενομένου
τοῦ Πυθικοῦ ἀγῶνος ἀκολούθως το[ῖς ἀ]μφικτυονικοῖς νόμοις,
φυλα.....
ται ἀκολούθως τῇ προαιρέσει μου ἔγραψ......ἀνθυπάτῳ...
λα]τρείας ἀξίους κρε....

18. Plin. epist X, 65 (71): Magna, domine, et ad totam provinciam pertinens quaestio est de condicione et alimentis eorum, quos vocant θρεπτούς. in

qua ego auditis constitutionibus principum, quia nihil inveniebam aut proprium aut universale, quod ad Bithynos ferretur, consulendum te existimavi, quid observari velles..... recitabantur autem apud me edictum divi Augusti ad Anniam pertinens, recitatae et epistulae divi Vespasiani ad Lacedaemonios et divi Titi ad eosdem, dein ad Achaeos, et Domitiani ad Avidium Nigrinum et Armenium Brocchum proconsules, item ad Lacedaemonios, quae ideo tibi non misi, quia et parum emendata et quaedam non certae fidei videbantur et quia vera et emendata in scriniis tuis esse credebam.

?

19. Die Inschriften von Pergamon, II, 272.

Fragm. A.... αὐτοκράτ]ωρ τὸ . . . . . .
Περγαμη]νῶν ἄρ[χουσι, βουλῇ, δήμῳ χαίρειν
. . . . ο]ὔ[τ]ε ἀτελ . . . .
α или ὑ[πὸ τοῦ τ[ε . . . .
... λε?υ]κοῦ...ου πάλ[αι (или πάλ[ιν]
... τῆς συγκλήτου κ]εχωρωκυ[ίας. . . . .
.... ει ὁ πρεσβευ[τὴς . . . .
ἔρρωσθ[ε
κ[ο]μισθὲν δι[ὰ
Fragm B. ἔρρωσθε.
Αὐτοκράτωρ] Καῖσαρ Νέρουας . . . .
. . . . ικ]ός, [αρχιερεὺς μέγιστος

Καῖσαρ Νέρουας . . . . . ικὸς можетъ быть Нерва или Траянъ. Посланіе, стоящее вначалѣ, принадлежитъ, кажется, Нервѣ или даже нѣсколько древнѣе. Въ императорскихъ посланіяхъ перваго вѣка, которыхъ, правда, сохранилось очень немного, мы находимъ ἄρχουσι, βουλῇ, δήμῳ χαίρειν, а въ посланіяхъ Траяна, Адріана и слѣдующихъ императоровъ—τοῖς ἄρχουσι καὶ τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ χ.

Траянъ.

20. Die Inschriften von Pergamon, 269.

Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ θεοῦ Νέρουα υἱ]ὸς Νέρουας Τραιανὸς Ἄριστος Σεβαστὸς Γερμανικὸς Δακικός, ἀρχ]ιερεὺς μέγιστος, δημαρχικῆς

ἐξουσίας τὸ ι, αὐτοκράτωρ τὸ..., ὕπα]τος τὸ ϛ', πατὴρ πατρίδος, Περγαμηνῶν τῆι βουλῆι καὶ τῶ]ι δήμωι χαίρειν.
Ἐλθούσης ὑμῶν πρεσβεείας, ἀποδεξάμ]ενος αὐτῆς τό τε ἀξίωμα καὶ τὰ συγγράμματα, περὶ πάντων ἃ ἐν αὐτ]οῖς ἠξιώσατε συγκατεθέμην . . . . μ]ε[τ]άσχοιτε, ἐπιτρέπω οὖν ὑμῖν . . . . λόντων (или ἄλ[λον τῶν) ἐν ἀγοραίοις . . . . τῶν θεωριῶν ὡρισμένον . . . . ὁρῶ [δ]ὲ καὶ τὰς ὑπὸ

?.

21. Ross, Inscr. gr. ined. II., n. 122. Amorgos . . . . . . lapis e Monoae ruderibus . . .

λη καὶ . . . .
πολλῶν. . . . . . .
λιν κα[ὶ] παρα . . .
θη ἐπιφανῶ(ς) . . . . .
ηαῖον δῆμον . . . . . .
δὲ τῆς πρὸς τὸν [Αὐτοκράτορα? . .
εὐνοίας μάλιστα . . . .
θεὸν Σεβαστὸν ὃς [. . . . .]
διατρείψας παρ' ὑμε[ῖν πολλῶν ἀγαθῶν?]
καὶ φιλανθρώπων ἔτ[υχε . . . . . .]
τα. ὅθεν καὶ τῷ ψηφίσ[ματι τῷ ὑμετέρῳ ἐνέ-]
τυχον ἡδέως καὶ το[ῖς πρέσβεσι τοῖς παρ ὑμῶν]
Θεοπόμπῳ Ἀνοκν [. . . . . . .]
στράτῳ ἐχρημάτισα [καὶ πᾶσαν ὑμῖν ἐλευ-]
θερίαν καὶ αὐτονομί[αν . . . . ὅσην]
παρὰ τῶν πρόσθεν Α[ὐτοκρατόρων ἐλάβε-]
τε ἐβεβαίωσα ἐ[. . . .

Θεὸς Σεβαστός здѣсь, какъ и вообще—Августъ, divus Augustus, а не Адріанъ, какъ полагалъ Россъ. Мы полагаемъ, что это рескриптъ Адріана или одного изъ его ближайшихъ предшественниковъ: по схемѣ онъ подходитъ къ нѣкоторымъ рескриптамъ Адріана, а напоминаніе императору о посѣщеніи Аморга Августомъ и имена (греческія) депутатовъ говорятъ, можетъ быть, за болѣе раннее время. Срв. примѣчаніе къ № 19.

Адріанъ.

22. Die Inschriften von Pergamon, 274.

'Αγαθῇ τύχῃ.
Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ θεοῦ
Τραϊανοῦ Παρθικοῦ υἱὸς,
θεοῦ Νερούα υἱωνὸς,
Τραϊανὸς Ἁδριανὸς Σεβαστὸς
δημαρχικῆς ἐξουσίας
συνόδῳ τῶν ἐν Περγάμῳ
νέων χαίρειν.
Ἐπιγνοὺς ἔκ τε τῶν γραμμά-
των καὶ διὰ τοῦ πρεσβεύον-
τος Κλαυδίου Κύρου τὴν χα-
ρὰν, ὅσης ἐφ' ἡμεῖν ὡμολογεῖτε
μετειληφέναι, ἡγούμην
σημεῖα ἀγαθῶν ἀνδρῶν
τὰ τοιαῦτα εἶναι.
Εὐτυχεῖτε.
Προ γ' |ἰδῶν Νοεμβρ(ίων)
ἀπὸ Ἰουλιο|πόλεως.
Κλαύδιος Κῦρος ἀπέδωκα
τοῖς περὶ Οὐλπιανὸν Ἀσκληπιά-
δην γραμματεῦσι τῶν νέων.
Ἐπὶ γραμματέων Μ(άρκου) Οὐλπίου
Ἀσκληπιάδου Λουπιανοῦ
Φλαβίου Σεκούνδου,
Ἅλυος τοῦ Ἅλυος Κελεριανοῦ.

23. Oesterr. Mittheil., XX, стр. 66.

Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ θεοῦ Τραϊανοῦ [Παρθικοῦ
υἱὸς, θεοῦ Νέρούα υἱωνός Τραϊανὸς [Ἁδριανὸς
Σεβαστὸς ἀρχιερεὺς μέγιστος δημ[αρχικῆς
ἐ]ξουσίας ὕπατος τὸ β' Ἀστυπαλ[αιέων τοῖς
ἄρχο]υσι καὶ τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ χαίρ[ειν.
Καὶ πα]ρὰ τοῦ πρεσβευτοῦ ὑμῶν Πε[τρωνίου τοῦ
Ἡρακ]ῶντος καὶ ἐκ τοῦ ψηφίσμα[τος ὑμῶν
ἔμαθον] ὅπως ἥσθητε διαδεξαμέν[ου ἐμοῦ

τὴν πατ]ρῴαν ἀρχήν. Ἐπαινέσας δ[ὲ
—ως τὴν ἐλευθερίαν ὑ[μῖν-]

24. I. G. I. M. Aeg., 176.

Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ, θεοῦ Τραϊανοῦ Παρθικ[οῦ υἱός, θεοῦ Νέρουα υἱωνός, Τραϊανὸς Ἁδριανὸς Σεβαστός, ἀρχιερεὺς μέγιστος, δημαρχχικῆς ἐξουσίας, ὕπατος τὸ β', Ἀστυπαλαιέων ἄρχουσι καὶ τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ χαίρειν. ἐντυχὼν ὑμῶν τῷ ψηφίσματι, ὅτι μὲν ἀπορεῖν φατε καὶ οὐ δύνασθαι τελεῖν τὸ ἐπαγγελτικὸν ἀργύριον ἐμάνθανον· οὐ μὴν ὁπόσον τε τοῦτο οὐδε εἴ πότε αὐτὸ ἤρξασ-
[θε. . . . .].
. . . .

25. B. C. H. VI, стр. 453.

Αὐ]τοκράτωρ Καῖσαρ θεοῦ Τραϊανοῦ Παρθικοῦ υἱός, θεοῦ Νερούα υἱω]νός, Τραϊανὸς Ἁδριανὸς Σεβαστός, ἀρχιερεὺς μέγιστος, δημα]ρχικῆς ἐξουσίας τὸ β, ὕπατος τὸ β, ἀποδεδειγ[μένος τὸ] γ, Δελφῶν τῇ πόλει χαίρειν· καὶ εἰς τὴν ἀρ. . . . .
. . . . . τῆ]ς πόλεως καὶ εἰς τὴν τοῦ κατέχοντος α. . . . . .
. . . . ἀναφορῶν, ἡγοῦμαι δικαίας, ὑμᾶς

26. Hermes, IV, стр. 179.

Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ], θεοῦ Τραϊ[α]νοῦ Παρθικοῦ υἱό[ς, θεοῦ Νερούα υἱ]ωνός, Τραιανὸς Ἁδριανὸς Σεβαστός, ἀρχιερεὺς μέ]γιστος, δημαρχικῆς ἐξουσίας τὸ δ', ὕπατος τ]ὸ γ', Ἐφεσίων τῇ γερουσίᾳ χαίρειν·
. . . . Μόδεστος κράτιστος εὖ ἐποίησεν τὰ δικ[ασθέντα καταν]είμας ἐν τῇ κρίσει. Ἐπεὶ δὲ πολλοὺς ἐδηλώσατε σφ[ετερίζ]εσθαι χρήματα ὑμέτερα οὐσίας τῶν δεδαν[εισμένων κ]ατέχοντας, οὐ φάσκοντας δὲ κληρονομεῖν, τοὺ[ς δὲ κα[ὶ αὐτοὺς χρεώστας ὄντας, πέπομφα ὑμῶν τὸ ἀν[τίγραφον τοῦ ψηφίσματος Κορνηλίῳ Πρείσκῳ τῷ κρατίστῳ ἀνθυπάτῳ, ἵνα, εἴ τι τοιοῦτον εἴη, ἐπιλέξηταί τινα, ὃς κρινεῖ τε τἀμφισβητούμενα καὶ εἰςπράξει πάντα, ὅσα ἂν ὀφείληται τῇ γερουσίᾳ. Ὁ πρεσβεύων ἦν Κασκέλλιος [ὑπα]τικός, ᾧ τὸ ἐφόδιον δοθήτω, εἴ γε μὴ προῖκα ὑπέσ[χετ]ο πρεσβεύσειν. Εὐτυχεῖτε. Πρ[ὸ] ἑ Κ[αλανδῶν] Ὀκτωβρίω[ν].

Γραμματεύοντος Π]οπλίου Ῥουτειλίου Βάσσου.

Вмѣсто [ὑπα]τικός слѣдуетъ читать Π[ον]τικός (Dittenberger, Syll.², 386.).

27. C. I. G., 2347 e. Весьма плохо сохранившіеся отрывки посланія Адріана городу Сиру (Συρίων τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ) 135 года.

28. Heberdey, Opramoas, № 59.: . . . . ἐφ' οἷς αἱ πόλ[εις ἐμαρτύρη]σαν αὐτῷ ἐπὶ θεοῦ Ἀδρια[νοῦ, ὁ δὲ θε]ὸς Ἀδριανὸς ἀντέγραψεν.

29. B. C. H., XI, стр. 111.

Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ θεοῦ Τραϊανοῦ Παρθ[ι-
κοῦ υἱός, θεοῦ Νερούα υἱωνός, Τραϊανὸ[ς
Ἀδριανὸς [Σεβαστός], ἀρχιερεὺς μέγιστος, δ[η-
μαρχικῆς ἐξουσίας [τ]ὸ ιά, ὕπατος τὸ γ',
Ἀδριανοπολειτῶν Στρατονικέων τοῖς ἄρχ[ου-
σι καὶ τῆι βουλῆι καὶ τῶι δήμωι χαίρειν.
Τ]οῖς ἐπισταλεῖσιν ὑ[φ'] ὑμῶν ἐντυχών, ἔ-
μαθ]ον ὅτι [χ]άρι[ν ἐ]πίστασθε Ἀουιδίῳ [Κ]ου[ιή-
τ]ωι τ]ῶι κ[ρα]τίστωι ὡς εὖ ποιήσαντι ὑμᾶς
δ]ι[ὰ] τὸν τῆς ἀν[θ]υ[π]α[τ]είας χρόνον. ['Ε-
πρέ]σ[β]ευ[σεν] Κάνδιδος Ἰουλιανός.
Εὐ]τυχεῖτε. γ' ἰδῶν φεβρουαρίων. ['Απ-
ὸ Ῥ]ώ[μης. Κά]νδιδος Ἰουλιανὸς [ἀ-
π]έ[δωκα τὴν ἐπιστολὴν Δολλίῳ Ῥου[στ-
ικῷ [ἄρχοντι τ]ῇ [πρὸ] α' ἰδῶν μαΐων ἐν
τῇ ἐκκλησίᾳ.

30. B. C. H., XI, стр. 112.

Α]ὐτοκράτωρ [Καῖσαρ θεοῦ] Τραϊανοῦ Παρθι-
κοῦ υἱός, θ[εοῦ Νε]ρούα υἱωνός, Τραϊανὸς Ἀ-
δριανὸς Σεβαστὸς], ἀρχιερεὺς μέγιστος, δη-
μαρχικ[ῆς ἐξουσ]ίας τ[ὸ] ιά, ὕπατος τὸ γ', [Ἀ-
δ]ριανο[πολειτῶν Στρατο]νικέων τοῖς ἄρχο[υσ-
ι καὶ τῆι βουλῆι καὶ τῶι δήμωι χαίρειν.
Ἐ]νέτ[υ]χο[ν τῶι πεμ]φ[θέντι ὑφ']ὑμῶν, δι' οὗ Κλ[αυδ-
ίωι Κανδίδωι Ἰουλ[ιανῶ]ι χάριν ἐπίστασ[θε ἐ-
πὶ τῇ] φιλοτιμίᾳ περὶ τὴν πόλιν. Ἐπ[ρ]έ[σβευσε-
ν] Ἀπολλώνιος Φιλίππου. Εὐτυχεῖτ-
ε. γ' ἰδῶν φεβρουαρίω[ν]. Ἀπὸ Ῥώμης.
Ἀ]πολλώνιος Φιλίππ[ου ἀπ]έδωκα τὴν [ἐπισ-
τ]ολὴν Δολλίῳ Ῥουσ[τικῷ ἄρ]χοντι τῇ [πρὸ
ά] ἰδῶν [μαΐων ἐν [τῇ ἐκκλησίαι.

31. Dittenberger, Sylloge, 387 (2 изд.).

Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ θεοῦ Τραϊαν[οῦ
Παρθικοῦ υἱὸς, θεοῦ Νερούα υἱωνὸ[ς,
Τραϊανὸς Ἁδριανὸς Σεβαστὸς, ἀρχ[ιε-
ρεὺς μέγιστος, δημαρχικῆς ἐξο[υσί-
ας τ(ὸ) ιά, ὕπατος τ(ὸ) γ', Ἁδριανοπ[ο-
λ]ειτῶν Στρατονεικέ[ων] τοῖς ἄρχ[ου-
σι καὶ τῆι βουλῆι καὶ τῶι δήμωι χαίρειν.
Δίκαια ἀξιοῦν μοι δοκεῖτε καὶ ἀναγκαῖα ἄ[ρ-
τι γεινομένῃ πόλει· τά τε οὖν τὰ ἐ[κ
τῆς χώρας δίδωμι ὑμεῖν καὶ τὴν οἰκίαν Τι[β.
Κλαυδίου Σωκράτους τὴν οὖσαν ἐν τῆ[ι πό-
λει ἢ ἐπισκευαζέτω Σωκράτης ἢ ἀποδό-
τ]ω τινὶ τῶν ἐπιχωρίων ὡς μὴ χρόνωι [καὶ ἀ-
μελ(ε)ίαι καταριφθείη. Ταῦτα ἐπέσταλκα καὶ [τῶι
κ]ρατίστωι ἀνθυπάτωι Στερτινίωι Κουαρ[τίνωι
καὶ τῶι ἐπιτρόπωι μου [Πο]μπηίωι Σεου[ήρωι.
Ἐπρέσβευ[σε]ν Κλ. Κάνδιδος, ᾧ τὸ ἐφόδι[ον
δοθήτω, εἰ μὴ προῖκα ὑπέσχηται.
εὐτυχεῖτε. καλάνδαις Μαρτίαις ἀπὸ [Ῥώ-
μ]ης. Κλ(αύδιος) Κάνδιδος ἀπέδωκα τὴν ἐπιστ[ο-
λ]ὴν Λολλίῳ Ῥουστικῷ ἄρχοντι τῇ πρὸ α' ἰ[δῶν]
Μαΐων ἐν τῇ ἐκκλησίαι.

32. Dittenberger, Sylloge, 388.

Αὐ[το]κράπωρ Καῖσαρ, θεοῦ [Τραϊανοῦ]
Παρθ[ι]κοῦ υἱός, θεοῦ Νέρ[ο]υα [υἱ]ων[ός,
Τραϊα[ν]ὸς Ἁδριαν[ὸ]ς Σεβασ[τός, ἀρχιερε[ὺς]
μέγισ[το]ς, δημαρχ[ικῆ]ς ἐξουσί[ας] τὸ ι]γ', ὕπατος τὸ (γ')
πατὴ[ρ πατ]ρίδος, Ἐφ[εσί]ων [τ]οῖς ἄ[ρ]χουσι καὶ τῆι β]ουλῆι χαίρειν·
Λ. Ἔ[ρ]αστος καὶ πολ[ε]ίτης ὑ[μ]ῶν [ε]ἶναί φ[ησιν κ]αὶ πολλ[άκις
πλ(εῦ)σαι τ[ὴ]ν θάλασ[σαν καὶ ὅ]σα ἀπὸ τού[του δυν]ατὸς
χρήσιμ[ο]ς γενέσ[θαι τῆι πατρ]ίδι, καὶ τοῦ ἔθν[ους τ]οὺς ἡ[γ]εμόνας
ἀεὶ δι[α]κομίσαι,] ἐ[μ]οὶ δὲ δ[ὶς] ἤδη συ[νέπλευ]σεν
τὸ μὲν πρῶτον εἰς Ῥόδον ἀπὸ τῆς Ἐ[φέ]σου κο[μιζ]ομένῳ,
νῦν δὲ ἀπὸ Ἐλευσῖνος πρὸς ὑμᾶς ἀφικ[ν]ουμέν[ωι, βούλ]εται[ι]
δὲ βουλευτὴς γενέσθαι· κἀγὼ τ[ὴν] μὲν [δοκι]μασία[ν ἐφ'] ὑμεῖν
ποιοῦμαι, εἰ δὲ μηδὲν ἐνποδών [ἐστι καὶ δοκεῖ τῆς τι]μῆς ἄξ[ι]ος,

τὸ ἀργύριον, ὅσον διδόασιν οἱ βουλεύοντες, [δώσω τῆς ἀρχαι]ρεσίας [ἕ]νεκα.
εὐτυχεῖτε.

33. Oesterr. Mittheil., стр. 66 и сл.
[Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ θεοῦ]
Τραϊανοῦ Παρθικοῦ υἱὸ[ς
θεοῦ] Νερούα υἱωνὸς
Τραϊανὸς Ἀδριανὸς Σεβαστὸς
ἀρχιερεὺ]ς μέγιστος δ[ημαρχι-
κῆς ἐξουσίας τὸ ιγ', ὕπατος τὸ γ' πα-
τὴρ πα]τρίδος Ἀστυπαλ[αιέων τοῖς
ἄρχουσι καὶ τῇ βουλῇ [καὶ τῷ δή-
μῳ χα]ίρειν. Καὶ τὴν πρεσβείαν
ὑμῶν] ἀπεδεξάμην δι' ἧ[ς προσηγο-
ρ]εύσατέ με ἐπιβαίνοντα [τῆς
Καρίας καὶ τὰ ἐπεσταλμένα ἀπέ-
δω]κεν Πετρώνιος Ἡρα[κῶν·
εὐτυχεῖτε. Πρὸ ε καλ. . . .
ἀπὸ Λαοδι]κείας τῆς ἐπὶ Λύκῳ.

34. I. G. S. I., 1054 b.
Ἀγαθῇ τύχῃ.
Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ θεοῦ Τραϊανοῦ υἱός,
θεοῦ Νέρουα υἱωνός, Τραϊανός, Ἀδριανός, Σεβαστός, ἀρχιερεὺς
μέγιστος, δημαρχικῆς ἐξουσίας τὸ ιη', ὕπατος τὸ γ',
πατὴρ πατρίδος συνόδῳ ξυστικῇ τῶν περὶ τὸν
Ἡρακλέα ἀθλητῶν ἱερονεικῶν στεφανειτῶν χαίρειν.
Καὶ τόπον, ἔνθα βούλεσθε, κελεύσω δοθῆναι ὑμεῖν καὶ οἴκημα
ὡς τὰ γράμματα ἀποτίθεσθαι τὰ κοινὰ καὶ εἰ τῶν διπλῶν τὴν
μεταποίησιν ἀνανκαίαν νομίζετε, τοῦτο ἐφ' ὑμεῖν ἐστιν.
ἐπρέσβευεν Οὔλπιος Δομεστικός. εὐτυχεῖτε.
πρὸ γ' νωνῶν Μαΐων ἀπὸ Ῥώμης.

35. Lebas-Wadd., p. II., s. IV., 243 d. Рескр. городу Гиееею.
διατιθέ]ναι κατὰ τὴν ἀξίαν κατ-
έγραψα Τινείῳ Σα]κέρδωτι τῷ κρατίστῳ
ἀνθυπάτῳ ἵνα. . . . . . . διορθ]ῶται τὰ περὶ αὐτῶ[ν] μοι δο-
χθέντα. Ὁ πρεσβεύων ἦν ὁ δεῖνα] Ἡνιόχου, ᾧ τὸ ἐφόδιον
δοθήτω, εἴγε μὴ προῖκα ὑπέσ[χετο τὴν πρεσβείαν
ὑπολαμβάνειν· Εὐτυχεῖτε].

36. C. I. A. III, 31.

[Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ, θεοῦ Τρ]αϊανοῦ Παρθι[κοῦ υἱός,
θεοῦ Νέρουα υἱωνός], Ἁδριανὸς Σ[εβαστός, ὕπα-
τος τὸ.., δημαρχικῆς] ἐξουσί[ας] τὸ [.., ἀρχιερεύς,
πατὴρ πατρίδος τῇ ἐξ Ἀρείο[υ β[ουλῇ καὶ τῇ βουλῇ τῶν Φ καὶ
τῷ δήμῳ τῷ Ἀθηναίων [χαίρειν].

37. C. I. A. III, 34. Незначительные отрывки импер. посланій. Диттенбергеръ: In fronte lapidis putaverim complures easque brevissimas epistulas Hadriani aut alicuius ex proximis eius successoribus esse ad technitas Dionysiacos datas.

38. C. I. A. III, 35. 36. Диттенбергеръ: Tituli eius, qui antecedit (34) tam similes, ut suspicer eiusdem lapidis esse. . . . . Certe id manifestum est, etiam hic haberi complures Hadriani epistulas ad synodum technitarum datas.

39. C. I. A. III. Add. et corrig., 34 a b. Незначительные отрывки двухъ посланій Адріана.

40. Die Inschriften von Pergamon, 273.

Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ Τραϊανὸς Ἁδριανὸς Σεβαστὸς θεοῦ Τρ[αϊανοῦ
υἱός. . . . . ἀρχιερεὺς μέγι]στος, δη-
μαρχικῆς ἐξουσίας τὸ., ὕπατος τὸ., Περγαμηνῶν τοῖς ἄρχουσι καὶ τῇ
βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ. . . . . τ]ας αἰτί-
ας. . . . .]ες

41. B. C. H., XXI, стр. 162.

οι λειτουργήτωσαν· οἱ δὲ κεκτημένοι ταῖς τῆι
[πόλει ἐ]πιβαλλομέναις λειτουργίαις ὑπεύθυνοι ἔστωσαν· τίνα
[δὲ δεῖ τρ[όπον στόρνυσθαι τὰς ὁδούς, κοινῷ διατάγματι ἐδήλωσα·
[κε]λεύω καὶ Ἀντάνους συντελεῖν ὑμεῖν εἰς τὰ ἀναλώματα,
τὸ τρίτον συμφέροντας· ἡ δὲ συνεισφορὰ γενέσθω ἀπὸ
τῶν ἐν Μακεδονίᾳ ὄντων Ἀντανῶν. Εὐτυχεῖτε.

Πρὸ ιγ' καλανδῶν Ἰουνίων—ἀπὸ Δυρραχίου.
Παῦλος Καιλίδιος Φρόντων ἀγορανομήσας, πρεσβεύσας εἰς Δελφοὺς ἐπὶ
τὸν Πύθιον, ἀργύριον ἐπιδοὺς τῆι πόλ[ει]ι εἰς σείτου ἀγορασίαν, σεῖτον
ἐν σπάνει παραπωλήσας, γυμνασιαρχήσας ἐκ τῶν ἰδίων, εἰκόνων
ἀναθέσεως καὶ ἀνδριάντων ἀξιωθεὶς ὑπὸ τοῦ βουλευτηρίου διὰ
δόγματος, ταμιεύων καὶ πολιταρχῶν, γυμνασιάρχης [δὲ] ἀποδεδει-
[γ]μένος καὶ τῆς πόλεως καὶ τοῦ Λυγκηστῶν ἔθνους καὶ υἱὸς
πόλεως διὰ δογμάτων τὴν στήλην ἀνέθηκεν ἐκ τῶν ἰδίω[ν].

Первая часть надписи есть часть посланія какого то императора—вѣроятно, Адріана—городу Гераклеѣ (?) въ Македоніи. Издатель надписи говоритъ: On peut croire que c'est une lettre d'Hadrien. En 124/125 Hadrien suit la via Egnatia depuis Thrace jusqu' à Dyrrachium (Dürr, p. 51). On a la preuve de son passage en Pélagonie (CIL, III, 485 c.) et à Dyrrachium (Mission de Macedoine, n: 172=CIL. III, 709).

42. Dig. V, I, 37: *Idem* (Callistratus) *libro quinto cognitionum.* Si de vi et possessione quaeritur, prius cognoscendum de vi quam de proprietate rei divus Hadrianus τῷ κοινῷ τῶν Θεσσαλῶν Graece rescripsit.

43 a. Mos. et Rom. leg. coll. XI, 7. *Ulpianus libro octavo de officio proconsulis, sub titulo de abigeis.* De abigeis puniendis ita divus Hadrianus rescripsit concilio Baeticae: „Abigei cum durissime puniuntur, ad gladium damnari solent: puniuntur autem durissime non ubique, sed ubi frequentius est hoc genus maleficii; alioquin et in opus, et nonnunquam temporarium damnantur. Ideoque puto, apud vos quoque sufficere genus poenae, quod maximum huic maleficio inrogari solet, ut ad gladium abigei dentur; aut si quis tam notus et tam gravis in abigendo fuit, ut prius ex hoc crimine poena adfectus sit, hunc in metallum dari oportere".

43 b. Dig. XLVII, 14, 1: *Ulpianus libro octavo de officio proconsulis.* De abigeis puniendis ita divus Hadrianus concilio Baeticae rescripsit: „abigei cum durissime puniuntur, ad gladium damnari solent. puniuntur autem durissime non ubique, sed ubi frequentius est id genus maleficii alioquin in opus et nonnunquam temporarium dantur".

44. Dig. L, 7, 5: *Marcianus libro duodecimo institutionum* . . . . . Si legatio de primoribus viris desideret personas et qui ordine vocantur inferiores sint, non esse obseruandum ordinem divus Hadrianus ad Clazomenios rescripsit.

45. Dig. L, 9, 5: *Callistratus libro secundo de cognitionibus.* Quod semel ordo decreverit, non oportere id rescindi divus Hadrianus Nicomedensibus rescripsit nisi ex causa: id est si ad publicam utilitatem respicit rescissio prioris decreti.

46. Philostr., V. soph. I, 25: αἰτιωμένης δὲ αὐτὸν (Полемона) τῆς Σμύρνης, ὡς πολλὰ τῶν ἐπιδοθέντων σφίσιν ἐκ βασιλέως χρημάτων ἐς τὸ ἑαυτοῦ ἤδὺ καταθέμενον, ἔπεμψεν ὁ αὐτοκράτωρ ἐπιστολὴν ὧδε ξυνκειμένην. „Πολέμων τῶν ἐπιδοθέντων ὑμῖν χρημάτων ὑπ' ἐμοῦ ἐμοὶ τοὺς λογισμοὺς ἔδωκεν."

47. Dio Cass., epit. l. LXIX, 23: (Адріанъ) οὕτως γε ἥκιστα φονικὸς ἐγένετο ὥστε καὶ προσκρουσάντων αὐτῷ τινων ἀρκοῦν νομίζειν τὸ ταῖς πατρίσιν αὐτῶν αὐτὸ τοῦτο γράφειν, ὅτι αὐτῷ οὐκ ἀρέσκουσιν.

48. Dio Cass. Dind. V., 203.: Ὅτι Ἀλεξανδρέων στασιασάντων οὐκ ἄλλως ἐπαύσαντο, ἕως οὗ ἐπιστολὴν Ἀδριανοῦ ἐδέξαντο ἐπιτιμῶσαν αὐτοῖς. οὕτω που πλέον ἰσχύσει αὐτοκράτορος λόγος τῶν ὅπλων.

Антонинъ Пій[1])

49. Heberdey, Opramoas, № 37:

Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ θεοῦ [Ἀδριανοῦ υἱός, θεοῦ Τραϊανοῦ Παρθικοῦ υἱωνὸ]ς, θεοῦ Ν[έρου]α [ἔ]γγονος, Τίτος Αἴλιος Ἀδ[ρι—
ανὸς Ἀντωνεῖνος Σεβαστ[ός, ἀρχιερεὺς μέγιστος, δημαρχικῆς ἐξο]υσίας τὸ. β., [ὕ]πατος [τὸ. β., πα]τὴρ πα—
τρίδος, Μυ[ρέ]ων τοῖς ἄρχο[υσι καὶ τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ χαίρειν.......]δη... εγν . . . ναιμ [. . . Ὀπραμό]ου τοῦ
Ἀ]πο[λ]λωνίου, ὡς φιλότειμος[. . . . . ἔ]μαθον ἐ[ξ ὧ]ν ἐψηφίσ[ατε]. ἐπρέσβευε[ν
Κλαύδιος Π[. . . . . . . Εὐτυχεῖτε . . . . . ἀπὸ Ῥώμης. Ἀνα]γέγραπ[ται ἐ]πὶ ἀρχ[ι(ερέως) Ἰά]σονος τοῦ
[Νειχοστράτου . . . .]

50. Heberdey, Opramoas, № 38.

Αὐτοκρά]τωρ Καῖσαρ θεοῦ Ἀδριαν[οῦ] υἱὸς, θεοῦ Τραϊανοῦ Παρ]θικοῦ υ[ἱ]ωνός, θεοῦ Νέρουα ἔγγονος,
Τίτος Αἴλ]ιος Ἀδριανὸς Ἀντωνεῖνο[ς] Σεβαστό[ς], ἀρ[χιερεὺς μέ]γιστος, δημαρχικῆς ἐξουσίας τὸ. γ., [ὕπα-
τος τὸ]. γ., πατὴρ πατρίδ[ο]ς, Τλωέων τοῖς ἄ[ρχουσι καὶ τῇ] βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ χαίρειν· οὐκ ἀπε[θαύ-
μασα ὑμ]ᾶς Ὀπραμόα μαρτυρεῖν ἐπιδόντι π[έντε μ]υριάδας τῇ πόλει· ἔτι καὶ διὰ τοῦτο προθυμοτέ[ρους

---

[1]) Capitol., Anton. P., 7: nec ullas expeditiones obiit nisi quod ad agros suos profectus est ad Campaniam, dicens gravem esse provincialibus comitatum principis etiam nimis parci et tamen ingenti auctoritate apud omnes gentes fuit, cum in urbe propterea sederet ut undique nuntios medius utpote, citius posset accipere. Aristides, or. XIV Dind. I., стр. 336: . . . οὐδὲν δεῖ φθείρεσθαι περιιόντα (императору) τὴν ἀρχὴν ἅπασαν, οὐδ' ἄλλοτε ἐν ἄλλοις γιγνόμενον τὸ καθ' ἕκαστον βεβαιοῦσθαι, ὁπότε σφίσι τὴν γῆν πατοίη. ἀλλ' εὐμάρεια πολλὴ καθημένῳ πᾶσαν ἄγειν τὴν οἰκουμένην δι' ἐπιστολῆς αἱ δὲ μικρὸν φθάνουσι γραφεῖσαι καὶ πάρεισιν ὥσπερ ὑπὸ πτηνῶν φερόμεναι.

ἡγεῖσ]θε τοὺς πολεί[τ]ας ὑμῶν ἔσεσθαι τ[ῶ]ν [καλῶν(?) τοῦ] ἐ[π]αίνου χάριν.
Ἐπρέσβευεν Λικίννιος Ποπέλ[λιος. (?)
Εὐτυ]χεῖτε. Πρὸ. ζ. [κ]αλ(ανδῶν) Δ[ε]κεν[β(ρίων) ἀ]πὸ Ῥώμης. Ἀνα]γέγραπ-
ται ἐπὶ ἀρχι(ερέως) Ἰουλίου Ἡλιοδώρου Παν[ήμου . . .

51. I. G. G. S., I, 2870 II.

Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ, θεοῦ Ἀδριανοῦ υἱός,, θεοῦ Τραϊανοῦ Παρθι-
κοῦ υἱωνός, θεοῦ Νέρουα ἔκγονος, Τίτος Αἴλιος Ἀδριανὸς Ἀντωνεῖνος Σεβασ-
τός, ἀρχιερεὺς μέγιστος,
δημαρχικῆς ἐξουσίας τὸ γ', ὕπατος τὸ γ', πατὴρ πατρίδος, Κορωνέων τοῖς
ἄρχουσι καὶ τῇ βουλῇ καὶ τῷ δή-
μῳ χαίρειν. Καὶ τοῦ θεοῦ πατρός μου δικαίως μεμνημένοι καὶ τῆς ἐμῆς ἀρ-
χῆς κατὰ τὸ προσῆκον
ἐπησθημένοι καὶ ὑπὲρ τοῦ υἱοῦ μου προθύμως συνηδόμενοι πρέποντα Ἕλλη-
σιν ἀνθρώποις ποιεῖ-
τε. ἐπρέσβευεν Δημήτριος Διονυσίου, ᾧ τὸ ἐφόδιον δοθήτω, εἰ μὴ προῖκα ὑπέσ-
χετο. εὐτυχεῖτε.

52. Heberdey, Opramoas, № 40.

Αὐτο]κράτωρ Καῖσαρ θ[ε-
οῦ Ἀ]δριανοῦ υἱός, θε-
οῦ Τ]ραϊανοῦ Παρθικοῦ
υ]ἱωνός, θεοῦ Νέρουα
ἔγγονος, Τίτος Αἴλιος
Ἀδριανὸς Ἀντωνεῖ-
νος Σεβαστός, ἀρχιε-
ρεὺς μέγιστος, δημαρ-
χικῆς ἐξουσίας τὸ. ς.,
αὐτοκράτωρ τὸ. β., ὕ-
πάτος τὸ. γ., πατὴρ
πατρίδος, τῷ κοινῷ
τῷ Λυκίων χαίρειν·
Ὀπραμόας Ἀπολλω-
νίου εἰ πρὸς μίαν πό-
λιν ἦν πεφ[ιλοτειμη-
μένος, εἰκότως ἐτύν[χα-
νεν μαρτυρίας πα[ρ' ἐ-
κείνης μόνης· ἐπεὶ δ[ὲ
πολλαῖς πόλεσιν, ὡ[ς
ἐπιστέλλετε, συν[βέ-
βληταί τι εἰς ἐπανό[ρ-
θωσιν τῶν ὑπὸ τοῦ
σεισμοῦ πεπονηκό-
των, προσῆκον ἦν τὸ ἔ-
θνος αὐτῷ μαρτυρ[ῆ-
σαι. Ἐπρέσ‹υ›σβευεν Εὐ-
πόλεμος Εὐπολέμο[υ.
Εὐτυχεῖτε· Πρὸ. ι.
. . . . Ὀκτω[ν-
[βρίων ἀπὸ Ῥώμης. Ἀνα-]
[γέγραπται ἐπὶ ἀρχι(ερέως)]
. . . .
. . . .

53. I. G. S. I., 1055 b.

Ἀγαθῇ τύχῃ.
Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ θεοῦ Ἀδριανοῦ υἱός,
θεοῦ Τραϊανοῦ Παρθικοῦ υἱωνός, θεοῦ Νέρουα

ἔγγονος, Τίτος Αἴλιος Ἀδριανὸς Ἀντωνεῖνος
Σεβαστός, ἀρχιερεὺς μέγιστος, δημαρχικῆς ἐξουσίας
το ς'., αὐτοκράτωρ τὸ β'., ὕπατος τὸ γ'., πατὴρ πατρίδος συνόδῳ
ξυστικῇ τῶν περὶ τὸν Ἡρακλέα ἀθλητῶν ἱερονεικῶν στεφα-
νειτῶν χαίρειν.

Ἐκέλευσα ὑμεῖν ἀποδειχθῆναι χωρίον, ἐν ᾧ καὶ τὰ ἱερὰ κατα-
θήσεσθε καὶ τὰ γράμματα πρὸς αὐταῖς ταῖς θερμαῖς ταῖς ὑπὸ
τοῦ θεοῦ πάππου μου γεγενημέναις, ὅπου καὶ μάλιστα τοῖς
Καπιτωλείοις συνέρχεσθε. εὐτυχεῖτε. ἐπρέσβευεν
Οὔλπιος Δομεστικὸς [ὁ ?] ἐπὶ βαλανείων μου.
ἐγράφη πρὸ ιζ' καλ. Ἰουν. ἀπὸ Ῥώμης Τορκουάτῳ καὶ Ἡρώδῃ ὑπάτ.

54. Heberdey, Opramoas, № 41.

Αὐτ[οκράτωρ Καῖσαρ, θε-
οῦ Ἀδρι[ανοῦ υἱός, θε-
οῦ Τραϊα[νοῦ Παρθικοῦ
υἱωνός, θε[οῦ Νέρουα
ἔγγονος, Τί[τος Αἴλιος
Ἀδριαν[ὸς Ἀντωνεῖ-
νος Σεβ[αστός, ἀρχιε-
ρεὺς μέγ[ιστος, δημαρ-
χ]ικῆς ἐ[ξουσίας τὸ. ζ.,
[αὐτοκράτωρ τὸ. β., ὕ-[
[πατος τὸ. γ., πατὴρ]
[πατρίδος κτλ.
Forsetzung des Briefes fehlt.
ἀπὸ Ῥώμης. Ἀν]α[γέγ]ρα-
πται ἐπὶ ἀρχι(ερέως) Κλαυ(δίου)
Ἀντιμάχου Παν]ήμου

55. Die Inschriften von Pergamon, 275.

Α[ὐτοκράτωρ Καῖσαρ θεοῦ Ἀδρια-
νοῦ υ[ἱ]ός, θε[οῦ Τραϊανοῦ Σεβαστοῦ
υἱωνός, θεοῦ Ν[έρουα ἔγκονος Τίτος
Αἴλιος Ἀδριαν[ὸς Ἀντωνεῖνος Σε-
βα[σ]τός, ἀρχι[ερεὺς μέγιστος, δη-
μαρχικῆς ἐ[ξουσίας τὸ., ὕπα-
τος τὸ γ', πα[τὴρ πατρίδος, τοῖς
ἐν Περγά[μῳ νέοις? χαίρειν·
Πρὸ ε' (od. ς') κα(λανδῶν) |Σ[ε]πτεμ|[βρίων|
ἀπὸ Κα|[πύ]ης·
Καὶ τὰ ἄλλα . . . .
εἵνεκα σ . . . .
τη σὺν ε-(oder συνε-) . . . .
ὑπὲρ τῆς [. . . . . οὐκ ἀ-
γνωμο[ν . . . .

56. Die Inschriften von Pergamon, 276.

[. . . . . Περγα-

μ]ην[ῶν τοῖς ἄρχουσι καὶ τῇ
βο[υλῇ καὶ τῷ δήμῳ·
Ἡ προθυ[μία, ἣν . . . .
τέ μοι π. . . . .
ἀποδε[ίκνυτε? . . . . ἵ-
να δὲ κ[αὶ . . . .
τε γὰ[ρ . . . .
καὶ ἐμ[. . . . . ἀγῶ-
νας . . . .
θήσ[ειν? . . . .
. . . .

Френкель: Fabricius bemerkt, dass die Schrift von Nr. 276 und 277 der von Nr. 275 sehr ähnlich sei; auch diese beiden Erlasse dürften von Antoninus Pius herrühren.

57. Die Inschriften von Pergamon, 277.

Fragm A.

. . . .
. . . . δημα]ρχικῆς [ἐξουσίας τὸ . . .
. . αὐτοκ]ράτωρ τὸ [-, ὕπατος τὸ-,
πατὴρ πατ]ρίδος, Πε[ργαμη-
νῶν τοῖς ἄρχου]σι καὶ τῇ
βουλῇ καὶ τῷ] δήμῳ·
. . . . . αὐτοκράτ]ωρ μηκ[έτι-

Fragm. B.

ἄλλου
β]ουλοίμ[ην ἄν?
-α παν-

Френкель къ № 280: Die Nummern 269. 273—276. 279 zeigen, dass es unter Traian und seinen Nachfolgern Sitte war, die kaiserlichen Erlasse auf umrahmten Tafeln zu veröffentlichen. Von einem kaiserlichen Erlass stammen daher gewiss auch das vorliegende Bruchstück u. Nr. 281. 282.

58. Greek inscriptions in the British Museum, III, 2, № CCCCLXXXIX.

Αὐτο[κράτωρ Καῖσαρ θεοῦ Ἀδ]ριανοῦ
υἱός, θεο[ῦ Τραϊανοῦ Παρθικοῦ υἱων]ός,
θεοῦ Νερ[ούα ἔκγονος, Τίτος Αἴλιος Ἀδρι]ανὸς
Ἀντωνεῖν[ος Σεβαστὸς ἀρχιερεὺς μέ]γιστος,
δημαρχικῆ[ς ἐξουσίας τὸ.., αὐτοκράτωρ τὸ β',]ὕπατος

τὸ γ', πατὴρ πα[τρίδος, Ἐφεσίων τ]οῖς [ἄρχουσι καὶ τῇ] βουλῇ
καὶ τῷ δή]μῳ χαίρ[ειν.

Περγαμηνο[ὺς ἀπεδε]ξάμην ἐν τοῖς π[ρὸς ὑμᾶς γρ]άμμασιν χρησαμένο[υς το]ῖς ὀνόμ[α]σιν οἷς ἐγὼ χρῆσθαι τὴν πόλιν τὴν ὑμετέρα[ν ἀπ]εφ[η]νάμην· οἶμαι δὲ καὶ Σμυρναίους κατὰ τύχην παραλ[ελ]οιπέναι ταῦτα ἐν τῷ περὶ τῆς συνθυσίας ψηφίσματι, τοῦ λοιποῦ δὲ ἑκόντας εὐγνωμονήσειν ἐὰν καὶ ὑμεῖς ἐν τοῖς πρὸς αὐτοὺς γράμμασιν ὃν [π]ροσήκει τρόπον καὶ κέκριται τῆς πόλεως αὐτῶν [φαίνησθ]ε μεμνη-μ]ένοι. Τὸ ψήφισμα ἔπεμψεν Σουλπίκιος Ἰου[λια]νὸ[ς ἐπίτ]ροπός μου.

Εὐτυχεῖτε.

Τὸ δὲ ψήφισμα ἐποίησεν γραμματεύων Πο. Οὐήδιος Ἀν[τωνε]ῖνο[ς.

59. Greek inscriptions in the British Museum, III, 2, № CCCCXCI.

Αὐτοκράτω]ρ Καῖ[σα]ρ θ[εοῦ Ἀδ]ρι[ανο]ῦ
υἱὸς, θεοῦ Τραι]ανο[ῦ Παρθ]ικοῦ υἱω]νός,
θεοῦ Νερούα ἔ]κγον[ος Τίτος] Αἴλιο[ς Ἀδρι]ανός
Ἀντωνεῖνος Σεβαστό[ς, ἀρχιερεὺ]ς μέγιστος, δη]μαρ-
χικῆς ἐξουσίας τ]ο η', αὐτοκράτωρ τ]ὸ β', ὕπατος τὸ δ',
π]ατὴρ π[ατρίδος, Ἐφεσί]ων τοῖ[ς ἄ]ρχουσι κ[αὶ τῇ] βουλῇ καὶ [τῷ
δήμῳ χ]αίρε[ιν. τὴν φιλοτιμίαν ἥ[ν φιλοτιμ[εῖται
πρὸς ὑμᾶς Οὐήδιος] Ἀντωνεῖνος ἔμαθον οὐχ οὕτω[ς ἐ]κ
τῶν ὑμετέρω[ν γραμ]μάτων ὡς ἐκ τῶν [ἐκ]είνου· βουλόμε-
νος γὰρ παρ' ἐμοῦ τυχεῖν βοηθείας [εἰς τὸ]ν κόσμον τῶν
ἔργων, ὧν ὑμεῖν ἐπηγγείλατο, ἐδήλ[ωσεν ὅσα κα]ὶ ἡλίκα οἰ-
κοδομήματα προστίθησιν τῇ πόλ[ει, ἀλλ' ὑμ]εῖς ο[ὐκ] ὀρ-
θῶς ἀποδέχεσθε αὐτόν· κἀγὼ καὶ συ[νέλαβον α]ὐτὸ[ς ὅσ-
α ᾐτήσατ[ο] καὶ ἀπεδεξάμην ὅτι [οὐ] τὸν [πολλῶν τῶ]ν πο-
λιτευομένων τρόπον οἵ τοῦ [παρ]αχρῆ[μα εὐδοκιμ?]εῖν χά-
ρ]ιν εἰς θέα[ς κ]αὶ διανομὰς καὶ τὰ τῶ[ν ἀγώνων θέματα? δαπαν]ῶ[σιν?
τὴ]ν φιλ[οτιμ]ίαν, ἀλλὰ δι' οὗ πρὸς τὸ [μέλλον συνοίσει?, σ]εμνο-
τέραν ποιή]σειν τὴν πόλιν προῄρ[ηται. τὰ γράμματα ἔπε]μψεν
Κλ. Ἰουλιανὸς ὁ κράτιστος ἀνθ[ύπατος. Εὐτυχεῖτ]ε.

60. **Serta Harteliana, стр. 4.**

Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ θεο[ῦ
Ἀδριανοῦ υἱός, θεοῦ Τραϊανοῦ
Παρθικοῦ υἱωνός, θεοῦ Νέρουα
ἔγγονος, Τίτος Αἴλιος Ἀδριανὸς
Ἀντωνεῖνος Σεβαστός, [ἀρχ]ιερεὺς

μέ[γι]στος, δημαρχικῆς ἐξουσίας
τὸ η', αὐτοκράτωρ τὸ β', ὕπατος τὸ [δ',[1])
πατ[ὴρ] πατρίδος τῷ [κ]οινῷ τῶ Λ[υ]κ[ίων
χαίρειν.
ΟΙΣΗΦΡΟΝ-ΙΣΑΥ...ΔΙ . ΟΙΝ . . ΗΝΠ . . .
Ἰάσονος τοῦ λυκιάρ[χου]. Ο . . . . .
ΕΙΣΟΣΟΝΗΘΗΘ . . . . . ΕΛΩ . . .
τεκμηρίοις τοῖς [ἐπεσταλμέ(?)]νοί[ς
ὑφ' ὑμῶν [π]ρὸ[ς] ἡμ[ᾶ]ς.
Ἐπρέσβευεν Λικίννιος Φρόντων
Εὐτυχεῖτε. Πρὸ . . . .
Σεπτεμβρ(ίων) ἀπὸ [Ῥώμ(?)ης.

61. Heberdey, Opramoas, № 42.

[Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ θε-]
[οῦ Ἀδριανοῦ υἱός, θε-]
[οῦ Τραϊανοῦ Παρθικοῦ]
[υἱωνός, θεοῦ Νέρουα]
[ἔγγονος, Τίτος Αἴλιος]
[Ἀδριανὸς Ἀντωνεῖ-]
[νος Σεβαστός, ἀρχιε-]
[ρεὺς μέγιστος, δημαρ-]
[χικῆς ἐξουσίας τὸ. θ.,]
[αὐτοκράτωρ τὸ. β., ὕ-]
[πατος τὸ. δ., πατὴρ πα-]
τρίδος] τῷ κ[οι]νῷ [τ]ῷ [Λυ-
κ]ίων [χ]αίρειν· μέμ[νη-
μαι ὧν καὶ πρότερον [ἐ-
πεστεἰλατε Ὀπραμ[όα
τῷ λυκιάρχ[η] μαρτυ-
ροῦντες, ὡς [κα]ὶ τὰ ἄλ-
λα προθυμουμένῳ
περὶ τὸ ἔθνος καὶ ταῖ[ς
ὑπὸ τοῦ σεισμοῦ πε[πο-
νημέναις πόλε[σι]ν [ἐκ-
τε[νῶ]ς [πεφιλοτειμημέ-
ν[ῳ . . . .
. . . .
[. . . . . Τὸ ψήφισμα ἔπεμ-]
ψεν Οὐοκώνιος Σ[άξας
ὁ κράτιστος. [Εὐτυχεῖ-
τε. Πρὸ [. . . . . Φε-
βραρίω[ν ἀπὸ Ῥώμης. Ἀνα-
γέγρ[απται ἐπὶ ἀρχι(ερέως) Λι-
κιν[νίου Στασιθέμιδος.

62. Greek inscriptions in the British Museum, III, 2, № CCCCXCII.

Αὐτοκράτω[ρ Καῖσ]αρ, θ[εοῦ
Ἀδριανοῦ υ[ἱ]ὸς, [θ]εοῦ Τ[ραιανοῦ
Π[αρ]θικοῦ [υ]ἱωνός, θεοῦ [Νερ-
ούα ἔκγονος Τ[ίτος Αἴνιος Ἀ]δριανός
Ἀντωνεῖνος Σεβασ[τός, ἀ]ρχιερεύς

[1]) У Гебердея и Калинки τὸ [β'.

μέγιστ[ος, δ]ημαρχικῆ[ς ἐξ]ουσίας τὸ
ιγ', αὐτο[κρ]άτω[ρ τ]ὸ [β', ὕπατο[ς τὸ δ'
πατὴρ πατρ[ίδος Ἐφεσίων τοῖς
ἄρχουσι καὶ τῇ β[ουλῇ καὶ]τῷ δήμῳ
χαί[ρειν.]
εἰδότι μοι δηλο[ῦτε τὴν φιλ]οτι[μίαν
ἣν Οὐή[δ]ιος Ἀντ[ω]ν[εῖνος] φιλοτιμεῖ-
ται πρὸς ὑμᾶς ὅ[ς] γε κα[ὶ τὰς] παρ' ἐμοῦ
χάριτας εἰς τὸν [κόσ]μον ἁ[πάσ]ης πό-
λεως [κα]τέθετο·
τ]ὸ ψήφισ[μα ἔπ]εμψεν Φλ . . . . .
. . τι [. . . . . ἐπίτρο]πος . . [Εὐτυ]χεῖ[τε.

63. Heberdey, Opramoas, № 44.

Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ θεοῦ Ἀδρι[ανο]ῦ υ[ίό]ς, θεοῦ Τραϊανοῦ [Παρθικοῦ υἱωνός, θεοῦ Νέρουα ἔγγονος, [Τίτο]ς Αἴλιος Ἀδριανὸς Ἀν[τωνεῖ-νος Σεβαστός, ἀρχιερεὺς μέγ[ιστος], δημαρχικῆς ἐξουσία[ς τὸ. ιγ., αὐτοκράτωρ τὸ. β., [ὕπα]τος τὸ. δ., πατὴρ π[ατρίδος τῷ κοινῷ τῷ Λυκίων χαίρειν· [Ἔμαθον] καὶ πρὸς ὅσας πόλεις [ἐπο-λειτεύσατο καὶ ἐν καιρο[ῖ]ς τί[σιν Ὀπραμ]όας Ἀπολλωνίου δ . . . . ο . . . . . κοιν]ῇ τε πεποί[ηται. Τὸ ψ]ήφισμα ἔπεμψε Ῥου[πί-λιος Σεουῆρος, ὁ] κράτιστ[ος τοῦ ἔθνους ἡ]γεμ[ώ]ν. [Εὐτυχ]ε[ῖτε. Π]ρὸ . . . . . . Δ[εκεμβρί(?)ων [ἀπ]ὸ Ῥώμης. Ἀναγ]έγραπται ἐ]πὶ ἀρχι(ερέως) Μ[εττ]ίου [Ἀ]ν[δ]ροβίο[υ . . . . .] . κα.

64. Heberdey, Opramoas, № 46.

Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ θεοῦ Ἀδριανοῦ υἱός, θεοῦ Τραϊανοῦ Παρθικοῦ υἱωνός, θεοῦ Νέρουα ἔγγο[νος,] Τίτος Αἴλιος Ἀδριανὸς Ἀντωνεῖνος Σεβαστός, ἀρχιε[ρ]εὺς μέγιστος, δημαρχικῆς ἐξουσίας τὸ.ιδ., αὐτοκράτωρ [τὸ.β.,], ὕπατος τὸ. δ., πατὴρ πατρίδος Λι-μυρεῦσι τοῖς ἄ[ρχου]σι καὶ τ[ῇ] βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ χαίρειν Ὀπραμ[όαν Ἀπολ]λ[ω]νίου φιλο[τ]είμ[ω]ς κεχρῆσθαι ταῖς πόλεσιν ὑπὸ τον . . . . νι. αν τῷ σει[σμῷ πε]πονημέ[ν.] παλ . . . . εστα. . . . . . οτ . . . . λιο . . . . . α . . ον . . . και . . υς λ . . . . ος ἐνχειρίσαντος αὐτῷ Ῥο[υπι]λ[ίου Σεουήρου τοῦ κ]ρατίστ[ο]υ πρεσβευτοῦ μου δεξίως ἐξ ἰ[δί]ας κ[αὶ ἐξ ὧν ὑμεῖς ν]ῦν ἐπεστείλατε. Τὸ ψήφισμα ἔπεμ-ψε Ῥ[ο]υπίλ[ιος Σεουῆρο]ς ὁ κράτιστος τοῦ ἔθνους ἡγεμών. Εὐτυ-χεῖ[τ]ε. [Πρὸ. α. εἰδῶ(?)ν Φεβρ(αρίων) ἀπὸ Ῥώμης. Ὑποτέτακται ἐπὶ ἀρχι(ερέως)] Ἀντιχάρου δίς, Περειτίου.κθ.

65. Heberdey, Opramoas, № 47.

Αὐτοκ[ράτωρ Καῖσαρ θεοῦ] Ἀδριανοῦ υἱός, [θ]εοῦ Τραιανοῦ Παρθικοῦ υἱω[νός, θεοῦ Νέρουα ἔγ]γονος Τίτος Α[ἴ]λιος Ἀδριανὸς Ἀντωνεῖνος Σεβ[αστός, ἀρχιερεὺς μέ]γιστος, δημαρ[χ]ικῆς ἐξουσίας τὸ. ιδ., αὐ[τοκράτωρ τὸ. β., ὕπ]ατος τὸ[. δ.], πατὴρ πατρίδος Κορυδα[λλέων τοῖς ἄρχουσι καὶ] τῇ βουλῇ κα[ὶ τ]ῷ δήμῳ χαίρειν· τίν[α τρόπον καὶ πάλιν(?) Ὀπραμόα]ς Ἀπολλωνίου φιλοτει[μεῖτ]αι [π]ε[ρὶ ὑ]μᾶς, ἔμαθον ἐξ ὧν ὑμεῖς μοι ἐπε]στείλατε. ὡς δὲ καὶ πρὸς τὰς ἄλλας ἐφιλοτείμησε πόλεις τὰς τῷ] σεισμῷ πεπονηκυίας, μ[εμ]αθήκειν ἐκ τῶν ὑπ' ἐκείνων ἐψηφισμένων. Τ]ὸ ψήφισμα ἔπεμψε Ῥο[υ]πίλιος Σεουῆρος ὁ κράτιστος τοῦ ἔθνου]ς ἡγεμών. Εὐτυχεῖτε. Πρὸ. α. [ε]ἰδῶν Φεβρ(αρίων)(?) ἀπὸ Ῥώμης. Ὑποτέτ]ακται ἐπὶ ἀρχι(ερέως) Ἀντι-
[χ]άρους δίς,

Ξα]νδικοῦ. ς.

66. Heberdey, Opramoas, № 48.

Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ θεοῦ Ἀδρι]ανοῦ υἱός, θεοῦ Τραϊανοῦ Παρθικοῦ υἱωνός, θεοῦ Νέρουα ἔγγονος] Τίτος Αἴλιος Ἀδριανὸς Ἀντωνεῖνος Σεβαστός. ἀρχιερεὺς μέγιστ]ος, δημαρχικῆς ἐξουσ[ί]ας τὸ. ιδ., αὐτοκράτωρ το. β., ὕπατ]ος τὸ. δ., πατὴρ πα[τρ]ίδος Νεισέων τοῖς ἄρχουσι καὶ τῇ βουλῇ καὶ] τῷ δήμῳ χαίρειν· [ὡς κ]αὶ πρὸς τὴν ὑμετέραν πόλιν Ὀπραμόας Ἀ]πολλωνίου φιλό[τειμος
γέγον[εν κ]αὶ π[ρ]ὸς ἄλ[λ]ας [πολλὰς πόλεις], ἐμάνθανον ἔκ τε ὧν [ἐ]κεῖναι αἱ πόλεις ἐπέστειλάν μοι καὶ ἐξ [ὧ]ν ὑμεῖς γεγράφφατε. Τὸ ψήφισμα ἔπεμψε Ρουπίλιος Σεουῆρος ὁ κράτιστος τοῦ ἔθνους ἡγεμών. Εὐτυχεῖτε. Πρὸ. α. εἰδῶν Φεβρ(αρίων) ἀπὸ Ῥώμης. Ὑποτέτακται ἐπὶ
ἀρχι(ερέως) Ἀντι[χά]ρου δίς, Ξανδικοῦ· κη.

67. Heberdey, Opramoas, № 49.

Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ θεοῦ Ἀδριανοῦ υἱός, θεοῦ Τραϊανοῦ Παρθικοῦ υἱωνός, θεοῦ Νέρουα ἔγ[γ]ονος, Τίτος Αἴλιος Ἀδριανὸς Ἀντωνεῖνος Σεβαστός, ἀρχιερεὺς μ[έγ]ιστος, δημαρχικῆς ἐξουσίας τὸ. ιδ., αὐτοκράτωρ τὸ. β., ὕπατος [τ]ὸ. δ., πατὴρ πατρίδος τῷ [κ]οινῷ τῶν Λυκίων χαίρειν· καὶ ἐ[ξ ὧν πρότ]ερόν μοι ἐπεστείλατε [Ὀπ]ραμόα Ἀπολ[λω]νί[ου] μαρτυρο[ῦντες, τὰ εὖ] πεπολειτευμένα α[ὐτῷ περὶ ὑμᾶς ἠπισ[τάμ]ην. Τὸ ψ[ήφισμα ἔπεμ]ψε Ῥουπίλιος Σεο[υῆρος ὁ κράτι]στος το[ῦ ἔθ]νου[ς ἡγεμών. Εὐτυχεῖτε.] Πρὸ. ις. κ[αλ(ανδῶν) . . . .
ἀπὸ Ῥώμης.] Ἀν[αγ]έγρα[πτ]αι ἐπὶ [ἀρχι(ερέως) Ἀντιχάρου δίς
Πανήμου . .

68. Heberdey, Opramoas, № 50.

Αὐτοκρά[τωρ] Καῖσαρ [θ]εοῦ Ἀδριανοῦ υἱός, [θεοῦ] Τραϊα]νοῦ Παρθικ[οῦ] υἱωνός, θεοῦ Νέρουα ἔγγονος, Τίτος Αἴλ[ιος Ἀδρι]ανὸς Ἀντων[εῖ]νος Σεβαστός, ἀρχιερεὺς μέγιστος, δημα[ρχικῆς ἐ]ξουσίας [τὸ]. ιδ., αὐτοκράτωρ τὸ. β., ὕπατος τὸ. [. δ.[1]), πα]τὴρ πατρί[δος] Γαγατῶν τοῖς ἄρχουσι καὶ τῇ βουλῇ καὶ τῷ δ[ήμῳ] χαίρειν. εἰκότ[ως Ὀ]πραμόα Ἀπολλωνίου μαρτυρεῖτε βαλανεῖ[ον ὑ]μεῖν κατασκ[ευά]ζοντι ἐντελὲς καὶ ταῦτα πρὸς πολλοῖς οἷς [καὶ ἄλλα]ις πόλε[σιν φ]αίνεται πεποιηκώς. Τὸ ψήφισμα ἔπεμψε Ῥου[πίλιος Σεουῆρος [ὁ κρ]άτιστος τοῦ ἔθνους ἡγεμών. Εὐτυχεῖτε. [Προ. α. ?. εἰδ[ῶν] Φεβρ(αρίων) ἀπὸ Ῥώμης. Ὑποτέτακται ἐπὶ ἀρχι(ερέως) [Ἀριστάνδρου δ]ις, Δύστρου. κζ.

69. Heberdey, Opramoas, № 51.

Α[ὐτοκράτωρ] Καῖ[σα]ρ [θεοῦ Ἀδριανοῦ υἱός], θεο[ῦ] Τραϊανο[ῦ Παρθικοῦ υἱ]ω[ν]ός, θεοῦ [Νέρουα ἔγγονος, Τίτος Αἴλιος Ἀδριανὸς Ἀντωνεῖνος Σεβαστός, ἀρ[χιερεὺς μέγιστος, δημαρχικῆς ἐξουσίας τὸ . ., αὐτοκράτωρ τὸ [. β., ὕπατος τὸ. δ . . πατὴρ πατρίδος τῷ κοινῷ τῶν Λυκίων [χαίρειν . . . .
ἐδήλου πολλάκι[ς . . . .
πόλεις πεπολειτ[ευ . . . .
κἀκεῖνον περὶ ὑμ[ᾶς . . . . , ... τὸ ψήφισμα ἔπεμψεν [Αἴλιος(?) Προ . . . . . . ὁ κράτιστος τοῦ ἔθνους ἡγεμών. Εὐτυχεῖτε. Πρ[ὸ . . . . ἀπὸ Ῥώμης. Ἀναγέγραπται ἐπὶ ἀρχι(ερέως).

. . . .

70. I. G. G. S. I, 2870.

I. [. . . . . δί]καιον, ὁπότε οὐκ [ἐ]πείθεσθε τοῖς κριθεῖσιν, ἀλλὰ εἰσῄετε εἰς τὴν ἐκείνων χώρα[ν] κἀκείνους [ε]ἰς τὸ μὴ περ[ι]ορᾶν ὑμᾶς νέμοντας τρέπεσθαι. πόσον δέ ἐστιν τὸ ὀφειλόμ[ε]νον τέλος ἢ τίνα εἰσιν ἃ κατεσχήκασιν ὑμῶν Κορωνεῖς ἐνέχυρα, Ἀριστώνυμος ὁ αὐτὸς κρινεῖ. εὐτυχεῖτε.

II. См. у насъ выше, № 51.

III. Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ, θεοῦ Ἀδ[ρι]ανοῦ υἱός, θεοῦ Τραιανοῦ Παρθικοῦ υἱωνός, θεοῦ Νέρουα ἔκγονος, Τί-

---

[1]) У Гебердея β.

τος Αἴλιος Ἁδριανὸς Ἀντων[εῖ]νος Σεβαστός, ἀρχιερεὺς μέγιστος, δημαρχικῆς ἐξουσίας τὸ ιη', αὐτοκράτωρ τὸ β', ὕπατος τὸ δ', πατὴρ πατρίδος, Κορωνέων τοῖς ἄρχουσι καὶ τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ χαίρειν. Τῆς ἀποφάσεως ἣν ἐ[π]οιησάμην μεταξὺ ὑμῶν καὶ Θισβέων ἀπόγραφον ὑμεῖν ἔπεμψα, ἐπέστειλα δὲ καὶ Μεστρίῳ Ἀρισ[τ]ωνύμῳ ἀπομετρῆσαι τὰ πλέθρα Θισβεῦσιν, ἃ προσέταξεν αὐτοῖς ὁ θεὸς πατήρ μου παραδοθῆ[ναι], τῆς δὲ ἔξωθεν χώρας εἴ τινα Θισβεῖς ἐπιμένοιεν πείθοντες ὑμᾶς, δώσουσι μὲν νόμιον τέλ[ος, ἂν] δὲ καὶ ἀποδῶσιν, ὅσον ἂν ὑπὲρ τοῦ χρόνου τοῦ παρελθόντος ὀφ[εί]λειν αὐτοὺς κριθῇ, δηλονό[τι] ὑμεῖς τὰ ἐνέχυρα αὐτοῖς ἀποδώσετε? ἐπρέσβευον Αἴλιος Γλύκω[ν] καὶ Διονύσιος Διονυσοδώρου, [οἷς τὸ] ἐφόδιον δοθήτω, εἰ μὴ προῖκα ὑπέσχηνται. εὐτυχεῖτε.

71. Lebas-Wadd., III., 866.

Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ θεοῦ Ἁδριανοῦ υἱὸς θεοῦ Τραϊανοῦ Παρθικοῦ υἱωνὸς θεοῦ Νέρβα ἔκγονος Τίτος Αἴλιος Ἁδριανὸς Ἀντωνεῖνος Σεβαστὸς ἀρχιερεὺς μέγιστος δημαρχικῆς ἐξουσίας τὸ κ. αὐτοκράτωρ τὸ β. ὕπατος τὸ δ. πατὴρ πατρίδος τῷ Πανελληνίῳ χαίρειν· οἱ πρὸ ὑμῶν Πανέλληνες Οὔλπιον Εὐρυκλέα ἀπεδέξαντο ὡς ἐπιεικῆ ἔμαθον ἐκ τῶν ὑπ' αὐτῶν ἐπεσταλμένων. εὐτυχεῖτε. πρὸ μιᾶς Καλανδῶν Δεκεμβρίων. ἀπὸ Ῥώμης.

72. C. I. G., 3176. B.

Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ, θεοῦ Ἁδριανοῦ υἱός, θεοῦ Τραϊανοῦ Παρθικοῦ υἱωνός, θεοῦ Νερούα ἔγγονος, Τίτος Αἴλιος Ἁδριανὸς Ἀντωνεῖνος Σεβαστός, ἀρχιερεὺς μέγιστος, δημαρχικῆς ἐξουσίας τὸ κα', Αὐτοκράτωρ τὸ β', ὕπατος τὸ δ', πατὴρ πατρίδος, συν-

ὁδῷ τῶν ἐν Σμύρνῃ μυστῶν χαίρειν.

. . . .

73 a. Euseb., Hist. eccl., IV, 13. [Nic. H. E. III, 28.] «Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ Μάρκος Αὐρήλιος Ἀντωνῖνος Σεβαστὸς, Ἀρμένιος, ἀρχιερεὺς μέγιστος, δημαρχικῆς ἐξουσίας τὸ πέμπτον καὶ δέκατον, ὕπατος τὸ τρίτον, τῷ κοινῷ τῆς Ἀσίας χαίρειν. ἐγὼ μὲν οἶδα ὅτι καὶ τοῖς θεοῖς ἐπιμελές ἐστι μὴ λανθάνειν τοὺς τοιούτους· πολὺ γὰρ μᾶλλον ἐκεῖνοι κολάσαιεν ἂν τοὺς μὴ βουλομένους αὐτοὺς προσκυνεῖν ἢ ὑμεῖς. οὓς εἰς ταραχὴν ἐμβάλλετε, βεβαιοῦντες τὴν γνώμην αὐτῶν ἥνπερ ἔχουσι, ὡς ἀθέων κατηγοροῦντες. εἴη δ' ἂν ἐκείνοις αἱρετὸν τὸ δοκεῖν κατηγορουμένους τεθνάναι μᾶλλον ἢ ζῆν ὑπὲρ τοῦ οἰκείου θεοῦ. ὅθεν καὶ νικῶσι, προϊέμενοι τὰς ἑαυτῶν ψυχὰς, ἤπερ πειθόμενοι οἷς ἀξιοῦτε πράττειν αὐτούς· περὶ δὲ τῶν σεισμῶν τῶν γεγονότων καὶ γινομένων οὐκ ἄτοπον ὑμᾶς ὑπομνῆσαι, ἀθυμοῦντας μὲν ὅταν περ ὦσι, παραβάλλοντας δὲ τὰ ὑμέτερα πρὸς τὰ ἐκείνων. οἱ μὲν οὖν εὐπαρρησιαστότεροι γίνονται πρὸς τὸν θεὸν, ὑμεῖς δὲ παρὰ πάντα τὸν χρόνον, καθ' ὃν ἀγνοεῖν δοκεῖτε, τῶν τε θεῶν καὶ τῶν ἄλλων ἀμελεῖτε καὶ τῆς θρησκείας τῆς περὶ τὸν ἀθάνατον, ὃν δὴ τοὺς Χριστιανοὺς θρησκεύοντας ἐλαύνετε καὶ διώκετε ἕως θανάτου. ὑπὲρ δὲ τῶν τοιούτων ἤδη καὶ πολλοὶ τῶν περὶ τὰς ἐπαρχίας ἡγεμόνων καὶ τῷ θειοτάτῳ ἡμῶν ἔγραψαν πατρί, οἷς καὶ ἀντέγραψε μηδὲν ἐνοχλεῖν τοῖς τοιούτας, εἰ μηδὲν φαίνοιντο περὶ τὴν τῶν Ῥωμαίων ἡγεμονίαν ἐγχειροῦντες. καὶ ἐμοὶ δὲ περὶ τῶν τοιούτων πολλοὶ ἐσήμηναν, οἷς δὴ καὶ ἀντέγραψα, κατακολουθῶν τῇ τοῦ πατρὸς γνώμῃ. εἰ δέ τις ἐπιμένοι τινὰ τῶν τοιούτων εἰς πράγματα φέρων ὡς δὴ τοιοῦτον, ἐκεῖνος ὁ καταφερόμενος ἀπολελύσθω τοῦ ἐγκλήματος, καὶ ἐὰν φαίνηται τοιοῦτος ὤν, ὁ δὲ καταφέρων ἔνοχος ἔσται δίκης. προετέθη ἐν Ἐφέσῳ ἐν τῷ κοινῷ τῆς Ἀσίας.»

73 b. Iustini Opera (appendix). Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ Τίτος Αἴλιος Ἀδριανὸς Ἀντωνῖνος Σεβαστὸς Εὐσεβής, Ἀρχιερεὺς Μέγιστος, δημαρχικῆς ἐξουσίας τὸ κα', ὕπατος τὸ δ', Πατὴρ πατρίδος, τῷ Κοινῷ τῆς Ἀσίας χαίρειν. Ἐγὼ ᾤμην ὅτι καὶ τοὺς θεοὺς ἐπιμελεῖς ἔσεσθαι μὴ λανθάνειν τοὺς τοιούτους· πολὺ γὰρ μᾶλλον ἐκείνους κολάσοιεν, εἴπερ δύναιντο, τοὺς μὴ βουλομένους αὐτοῖς προσκυνεῖν, οἷς ταραχὴν ὑμεῖς ἐμβάλλετε καὶ τὴν γνώμην αὐτῶν, ἥνπερ ἔχουσιν, ὡς ἀθέων κατηγορεῖτε, καὶ ἕτερά τινα ἐμβάλλετε, ἅτινα οὐ δυνάμεθα ἀποδεῖξαι. εἴη δ' ἂν ἐκείνοις χρήσιμον τὸ δοκεῖν ἐπὶ τῷ κατηγορουμένῳ τεθνάναι, καὶ νικῶσιν ὑμᾶς προιέμενοι τὰς ἑαυτῶν ψυχάς, ἤπερ πειθόμενοι οἷς ἀξιοῦτε πράσσειν αὐτούς. Περὶ δὲ τῶν σεισμῶν τῶν γεγονότων καὶ γινομένων οὐκ εἰκὸς ὑπομνῆσαι ὑμᾶς ἀθυμοῦντας, ὅτανπερ ὦσιν, παραβάλλοντας τὰ ὑμέτερα πρὸς τὰ ἐκείνων, ὅτι εὐπαρρησιαστότεροι ὑμῶν γίγνονται πρὸς τὸν θεόν. καὶ ὑμεῖς μὲν ἀγνοεῖν δοκεῖτε παρ' ἐκεῖνον τὸν χρόνον τοὺς

θεοὺς καὶ τῶν ἱερῶν ἀμελεῖτε, θρησκείαν δὲ περὶ τὸν θεὸν οὐκ ἐπίστασθε, ὅθεν καὶ τοὺς θρησκεύοντας ἐξηλώκατε καὶ διώκετε ἕως θανάτου. Ὑπὲρ τῶν τοιούτων καὶ ἄλλοι τινὲς τῶν περὶ τὰς ἐπαρχίας ἡγεμόνων τῷ θειοτάτῳ μου πατρὶ ἔγραψαν, οἷς καὶ ἀντέγραψε μηδὲν ἐνοχλεῖν τοῖς τοιούτοις, εἰ μὴ φαίνοιντό τι ἐπὶ τὴν ἡγεμονίαν Ῥωμαίων ἐγχειροῦντες· καὶ ἐμοὶ δὲ περὶ τῶν τοιούτων πολλοὶ ἐσήμηναν, οἷς δὴ καὶ ἀντέγραψα, τῇ τοῦ πατρός μου κατακολουθῶν γνώμῃ. Εἰ δέ τις ἔχει πρός τινα τῶν τοιούτων πρᾶγμα καταφέρειν ὡς τοιούτου, ἐκεῖνος ὁ καταφερόμενος ἀπολελύσθω τοῦ ἐγκλήματος, κἂν φαίνηται τοιοῦτος ὤν, ἐκεῖνος δὲ ὁ καταφέρων ἔνοχος ἔσται τῇ δίκῃ.

73 c. Rufinus, Hist. eccles., IV, 13 Cacciari. Imp. Caesar. Marcus Aurelius Antoninus Aug. Armenicus Pont. Max. Trib. Pot. XV. Cos III. universis simul plebibus Asiae S. Ego quidem non ambigo etiam diis ipsis curae esse, ne quis noxius lateat; multo enim magis illis convenit punire eos, qui ipsis immolare nolunt, quam vobis; sed vos confirmatis eorum, quos persequimini, sententiam, quam de vobis habent, dicentes vos impios et sine deo esse. Unde et optabilius habent animam ponere pro deo suo et mortem libenter amplecti, quam vobis talibus acquiescere et in vestrae religionis iura concedere. De motibus autem terrae, qui vel facti sunt vel etiam nunc fiunt, absurdum non erit maerorem vestrum iusta commonitione solari, quoniam quidem comperi, quod in huiuscemodi rebus ad illorum invidiam communes casus transfertis. in quo illi quidem maiorem fiduciam accipiunt apud deum, vos autem in omni tempore, quo de talibus ignoratis, caeteros quidem deos negligitis, cultum vero immortalis dei, quem Christiani colunt, expellitis et deturbatis usque ad mortem cultores illius observantiae persequentes. Super quibus plurimi ex provinciis iudices etiam venerabili patri nostro scripserant. quibus rescriptum est ab eo, ut nihil omnino molestiae huiuscemodi hominibus generarent, nisi forte arguerentur aliquid adversus Romani regni statum moliri. sed et mihi ipsi de his quam plurimi retulerunt, quibus ego paternam secutus sententiam pari moderatione rescripsi. Quod si quis persistit hominibus absque ullo crimine movere negotia, ille quidem, qui delatus pro hoc nomine fuerit, absolvatur, etiamsi probetur id esse, quod ei obicitur, Christianus. Is autem, qui crimen obtendit reus poenae ipsius, quam obiecit, existat.—Proposita Ephesi publice in conventu Asiae.

Рескриптъ Антонина Пія сейму пров. Азіи о Христіанахъ многократно обсуждался въ ученой литературѣ; см. A. Harnack, Das Edict (*sic*) des Antoninus Pius (Texte u. Untersuch. z. Gesch. d. altchrist. Liter. herausgg. v. Gebhardt u. Harnack, XIII B.).

74. Greek inscr. in the British Museum, III, 2, № CCCCXCIII.

Αὐτοκράτ[ωρ Καῖ]σαρ θεοῦ Ἀδ[ρ]ιανο[ῦ υἱός,
θ]εοῦ Τραϊα[νοῦ] Παρθικοῦ υ[ἱω]ν[ός,
θεοῦ [Ν]ερο[ύα ἔ]κγ[ο]νος, [Τίτος Αἴλιος
Ἀδριανὸς Ἀντωνε[ῖνος Σε]βαστ[ὸς, ἀρχιερ]εὺς
μέγιστος, δημαρχικῆς ἐ[ξουσί]ας τὸ., αὐτοκ[ράτωρ] τ[ὸ].,
ὕπατος τ]ὸ δ', πατ[ὴρ πα]τρίδ[ος, τοῖς ἐ]πὶ τῆς Ἀ[σίας Ἕλ-
λησιν χαίρ]ε[ι]ν· κα[λὸν] μὲν . . . .
Ἐφεσίων καὶ σεμν[ὸν . . . . τοι-
αύτῃ πόλε[ι· φί]λον γ[ὰρ ἴσ]ως π[. . . . . ὥσπερ
ἀνδράσιν τοῖς ὑπε[ρέχου]σιν ο[ὕτω . . . .
κ]αὶ ἐπὶ ταῖς πόλεσίν [ταῖ]ς προεχ[ούσαις . . . .
π . . . . η . . εἰκὸς ἡσθῆναι τῇ τε ὀ[νομασθείσῃ? ἐν τοῖς
πρ[οτέροι]ς Ἐφεσίοις μεγαλοψυχίᾳ [καὶ τοῦ Ποπλίου Οὐη-
δίου Ἀ]ντωνείν[ου ε]ὐεργεσί[ᾳ ἐν τῷ παρόντι χρόνῳ? κ]αὶ ἐ[γ-
ὼ συν]έπραξα αὐτ[ῷ καὶ σ]υνέλα[βον ὡ]ς αὔξοντι τὸ κά]λλος
τῆς [πόλεως] καὶ κό[σμον] τῆ[ς Ἀσίας?
Τὸ ψήφισμα ἔπ[εμψε]ν Ποπίλλ[ιος Πρ]εῖσκος ὁ [κρά]τισ-
το[ς ἀνθύπα[τος. [Ε]ὐτυχεῖτε.

Срв. выше рескрипты Ефесянамъ, № 59 и 62. Ваддингтонъ (Fastes des. prov. asiat., № 147) полагалъ, что Попиллій-Прискъ могъ быть проконсуломъ Азіи лишь въ самое послѣднее время правленія Антонина Пія.

75. Между Дельфійскими надписями есть отрывки, принадлежащіе, по видимому, посланіямъ Ант. П. Дельфійцамъ. B. C. H., XX, стр. 724: A Antonin semblent appartenir trois fragments (Inv. 3722 et BCH, VI, p. 454) relatifs à la composition des fêtes et en particulier aux concours dramatiques.

76. Mos. et Rom. leg. coll., XI, 6: *Paulus libro singulari de poenis paganorum sub titulo de abigeis dixit.* Cum durius abigei damnantur, et ad gladium traduntur: itaque divus Pius ad concilium Baeticae rescripsit.

77 a. Dig. I, 8, 4: *Marcianus libro tertio institutionum.* Nemo igitur ad litus maris accedere prohibetur piscandi causa, dum tamen villis et aedificiis et monumentis abstineatur, quia non sunt iuris gentium sicut et mare: idque et divus Pius piscatoribus Formianis et Capenatis rescripsit.

77 b. Cod. Iustin. I, 8, 4: *Martianus libro tertio institutionum.* Nemo igitur ad litus maris accedere prohibetur piscandi causa, dum tamen villis et aedificiis et monumentis abstineatur, quia non sunt iuris gentium

sicut et mare: idque et divus Pius piscatoribus Formianis et Capenatis rescripsit.

78. Dig. VIII, 3, 16: *Callistratus libro tertio de cognitionibus.* Divus Pius aucupibus ita rescripsit: οὐκ ἔστιν εὔλογον ἀκόντων τῶν δεσποτῶν ὑμᾶς ἐν ἀλλοτρίοις χωρίοις ἰξεύειν.

79. Dig. XXVII, I, 6: *Modestinus libro secundo excusationum*, 2: Ἔστι δὲ καὶ ὁ ἀριθμὸς ῥητόρων ἐν ἑκάστῃ πόλει τῶν τὴν ἀλειτουργίαν ἐχόντων, καὶ αἱρέσεις τινὲς προσκείμεναι τῷ νόμῳ, ὅπερ δηλοῦται ἐξ ἐπιστολῆς Ἀντωνίνου τοῦ Εὐσεβοῦς γραφείσης μὲν τῷ κοινῷ τῆς Ἀσίας, παντὶ δὲ τῷ κόσμῳ διαφερούσης, ἧς ἐστιν τὸ κεφάλαιον τοῦτο ὑποτεταγμένον· «Αἱ μὲν ἐλάττους πόλεις δύνανται πέντε ἰατροὺς ἀτελεῖς ἔχειν καὶ τρεῖς σοφιστὰς καὶ γραμματικοὺς τοὺς ἴσους. αἱ δὲ μείζους πόλεις ἑπτὰ τοὺς θεραπεύοντας, τέσσαρας τοὺς παιδεύοντας ἑκατέραν παιδείαν· αἱ δὲ μέγισται πόλεις δέκα ἰατροὺς καὶ ῥήτορας πέντε καὶ γραμματικοὺς τοὺς ἴσους. ὑπὲρ δὲ τοῦτον τὸν ἀριθμὸν οὐδὲ ἡ μεγίστη πόλις τὴν ἀτέλειαν παρέχει.» И ниже (7): Περὶ δὲ τῶν φιλοσόφων ἡ αὐτὴ διάταξις τοῦ Πίου οὕτω λέγει· «Φιλοσόφων δὲ οὐκ ἐτάχθη ἀριθμὸς διὰ τὸ σπανίους εἶναι τοὺς φιλοσοφοῦντας· οἶμαι δὲ ὅτι οἱ πλούτῳ ὑπερβάλλοντες ἐθελονταὶ παρέξουσιν τὰς ἀπὸ τῶν χρημάτων ὠφελείας ταῖς πατρίσιν· εἰ δὲ ἀκριβολογοῖντο περὶ τὰς οὐσίας, αὐτόθεν ἤδη φανεροὶ γενήσονται μὴ φιλοσοφοῦντες.»

80. Dig. XXVII, 1, 17: *Callistratus libro quarto de cognitionibus.* Iliensibus et propter inclutam nobilitatem civitatis et propter coniunctionem originis Romanae iam et senatus consultis et constitutionibus principum plenissima immunitas tributa est ut etiam tutelae excusationem habeant, scilicet eorum pupillorum, qui Ilienses non sint: idque divus Pius rescripsit.

81. Dig. XLVIII, 6, 5: *Marcianus libro quarto decimo institutionum* . . . . . Si de vi et possessione vel dominio quaeratur, ante cognoscendum de vi quam de proprietate rei divus Pius τῷ κοινῷ τῶν Θεσσαλῶν Graece rescripsit. Срв. № 42.

82. Dig. XLVIII, 3, 3: *Ulpianus libro septimo de officio proconsulis.* Divus Pius ad epistulam Antiochensium Graece rescripsit non esse in vincula coniciendum eum, qui fideiussores dare paratus est nisi si tam grave scelus admisisse eum constet, ut neque fideiussoribus neque militibus committi debeat, verum hanc ipsam carceris poenam ante supplicium sustinere.

83. Dig. XLVIIII, I, 1: *Ulpiaus libro primo de appellationibus*: . . . . Quaesitum est, an adversus rescriptum principis provocari possit, forte si

praeses provinciae vel quis alius consuluerit et ad consultationem eius fuerit rescriptum: est enim quaesitum, an appellandi ius supersit. quid enim, si in consulendo mentitus est? de qua re extat rescriptum divi Pii πρὸς τὸ κοινὸν τῶν Θρᾳκῶν, a quo ostenditur provocari oportere. verba rescripti ita se habent: Ἐὰν ἐπιστέλλῃ τις ἡμῖν ἃ διὰ καὶ ἀντιγράφωμεν ἡμεῖς ὁτιοῦν, ὑπάρξει τοῖς βουλομένοις ἐπικαλεῖσθαι πρὸς τὴν ἀπόφασιν. εἰ γὰρ διδάξαιεν ἢ ψευδῶς ἢ οὐχ οὕτως ἔχειν τὰ ἐπεσταλμένα, οὐδὲν ὑφ' ἡμῶν εἶναι δόξῃ προδιεγνωσμένον, τῶν ὡς ἑτέρως ἔχουσι τοῖς γραφεῖσιν ἀντεπεσταλκότων.

84. C. I. L. V., 532 (постановленіе думы города Тергеста о honores Фабію-Северу), 40: ex proximo vero, ut manifestatur caelestibus litteris Antonini Aug(usti) Pii, tam feliciter desiderium publicum apud eum sit prosecutus impetrando, uti Carni Catalique attributi a divo Augusto rei publicae nostrae, prout qui meruissent vita et censu per aedilitatis gradum in curiam nostram admitterentur ac per hoc civitatem Romanam apiscerentur и пр.

85. Euseb.. Hist. eccles IV, 26, 10: (изъ апологіи Мелитона) ἀλλὰ τὴν ἐκείνων (Нерона и Домиціана) ἄγνοιαν οἱ σοὶ (Люція Вера) εὐσεβεῖς πατέρες ἐπηνωρθώσαντο, πολλάκις πολλοῖς ἐπιπλήξαντες ἐγγράφως, ὅσοι περὶ τούτων νεωτερίσαι ἐτόλμησαν. ἐν οἷς ὁ μὲν πάππος σου Ἀδριανὸς πολλοῖς μὲν καὶ ἄλλοις, καὶ Φουνδανίῳ δὲ τῷ ἀνθυπάτῳ, ἡγουμένῳ δὲ τῆς Ἀσίας, γράφων φαίνεται, ὁ δὲ πατήρ σου, καὶ σοῦ τὰ σύμπαντα διοικοῦντος αὐτῷ, ταῖς πόλεσι περὶ τοῦ μηδὲν νεωτερίζειν περὶ ἡμῶν ἔγραψεν, ἐν οἷς καὶ πρὸς Λαρισσαίους καὶ πρὸς Θεσσαλονικεῖς καὶ Ἀθηναίους καὶ πρὸς πάντας Ἕλληνας.

86. C. I. L. III, 781. Exemplum epistulae (Севера и Каракаллы) ad Heraclitum. Quamquam Tyranorum civitas originem dati beneficii non ostendat, nec facile, quae per errorem aut licentiam usurpata sunt, praescriptione temporis confirmentur, tamen, quoniam divi Antonini parentis nostri litteras sed et fratrum imperatorum cogitamus . . . . ex pristino more nihil mutari volumus.

Маркъ Аврелій, Люцій Веръ и Коммодъ.

87. C. I. G., 3176 A.

Μάρκος Αὐρήλιος Καῖσαρ, Αὐτο-
κράτορος Καίσαρος Τίτου Αἰλίου
Ἀδριανοῦ Ἀντωνείνου Σεβαστοῦ
πατρὸς πατρίδος υἱός, δημαρχι-
κῆς ἐξουσίας, ὕπατος τὸ β' συνό-

δῳ τῶν περὶ τὸν Βρεισέα Διόνυσον
χαίρειν.
Εὔνοια ὑμῶν, ἣν ἐνοδείξασθε συν-
ησθέντες μοι γεγγηθέντος υἱοῦ, εἰ καὶ
ἑτέρως τοῦτο ἀπέβη, οὐδὲν ἧττον φα-
νερὰ ἐγένετο. τὸ ψήφισμα ἐπέγραψεν[1])
T. Ἀτείλιος Μάξιμος ὁ κράτιστος ἀνθ-
ύπατος καὶ φίλος ἡμῶν. ἐρρῶσθαι ὑ-
μᾶς βούλομαι. πρ(ὸ) ε Καλ. Ἀπρειλ. ἀπὸ
Λωρίου.
τὴν ἐπιγραφὴν ποιήσαντος Μ. Ἀντω-
νίου Ἀρτεμᾶ δωρεὰ[ν]? ταμιεύοντος
Σουλπικίου Ῥουφείνου.

88. Dig. XLVIII, 19, 26: *Callistratus libro primo de cognitionibus.* Crimen vel poena paterna nullam maculam filio infligere potest: namque unusquisque ex suo admisso sorti subicitur nec alieni criminis successor constituitur, idque divi fratres Hierapolitanis rescripserunt.

89. C. I. G., 1319.

. . . .
. . . . ς Ἀντωνίνου Σε[βαστοῦ
. . . . Τραιανοῦ Παρθικοῦ . . . . .
. . . . . δημαρχικῆ]ς ἐξουσίας τὸ β', ὕπατ[ος
. . . . ειν, ἐνετύχομεν οἷς ἐπεστεί[λ . . . . .
. . . . ὑπὲρ ὧν τετ[υ]χηκέναι παρ' αὐτῶν . . . . .
. . ερει οὕτως ἔχει, ἀποδεχόμεθα καὶ τ . .
ὑμε[τέ]ραν ὁμολογίαν τῆς χάριτος . . . . . .
ον δοθήτω, εἰ μὴ προῖκ[α] ὑπέσχηται ε . . . . .
Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ [θε]οῦ Ἀντωνίνου υἱός, [θεοῦ Ἀδρι-
ανοῦ υἱωνός, θεοῦ Τραϊανοῦ Παρθικοῦ ἔγγ[ονος, θεοῦ Νέρβα ἀπόγονος, Μ.
Αὐρήλιος Ἀντωνεῖνος Σεβαστός
Γερμανικός, Σαρματικὸς ἀρχιερεὺς μέγισ[τος, δημαρχικῆς ἐξουσίας τὸ λά, ὕπατος
τὸ γ', πατὴρ πατρίδος, καὶ Αὐτοκράτωρ Καῖ[σαρ Λ. Αὐρ. Κόμμοδος, Αὐτο-
κράτορος Καίσαρος Ἀντωνίνου Σεβαστοῦ υἱός, θεοῦ Ἀντωνίνου
υἱωνός, θεοῦ Ἀδριανοῦ ἔγγονος, [θεοῦ Τραϊανοῦ Παρθικοῦ ἀπόγονος, Γερμανι-
κός, Σαρματικός,

---

[1]) Вмѣсто ἐπέγραψεν (строка 11) въ оригиналѣ должно было быть ἔπεμψεν, какъ видно изъ сравненія этого рескр. съ №№ 58, 59, 61 и слѣд.

δημαρχικῆς ἐξουσίας τὸ β', ὕπ[ατος, πατὴρ πατρίδος,
. . ν ἐφ' ὑμεῖν ὁ . . . .
. . . καὶ . . . .
. . . .
. . . . Λακεδαι[μ . . . . .
. . . . . . σα . . . . . .

90. Aristides, or. XXI Dind. v. I, стр. 432: οἱ δὲ (Маркъ Аврелій и Коммодъ) τοσαύτην ἄρα τὴν ἐγρήγορσιν παρέσχοντο ὥστ' ἔφθησαν ἡμᾶς (Смирну) ἀνιστάντες, πρὶν ἐξελθεῖν τὸν ἐροῦντα πρὸς αὐτοὺς ἃ πεπόνθαμεν. ὀργάνοις δὲ θειοτάτοις ἅμα καὶ λαμπροτάτοις ἐχρήσαντο, λόγοις μὲν παραμυθησάμενοι καὶ δείξαντες . . . . ὅσον τι χρῆμα ἡ μουσικὴ τῇ βασιλικῇ προσγενομένη· χορηγίαν δὲ πᾶσαν παρασχόμενοι πρός τε τὴν τῶν συμβεβηκότων θεραπείαν καὶ προσέτι ἑτέρων κόσμων περιβολήν. καὶ οὐδὲ τοῦτ' ἀπέχρησεν, ἀλλ' . . . . χρημάτων τε πόρους ἀπεδείκνυσαν καὶ τοὺς φιλοτιμησομένους ὑπ' ἐλπίδων ἐκήλουν καὶ εἰς χειρῶν βοήθειαν ἐκάλουν καὶ ἐπηγέλλοντο βουλομένους, οὐκ ἐθελοντὰς δὲ οὐκ ἐνοχλήσειν, κἂν αὐτίκα πρὸς τούτοις ἕτερόν τι βουλώμεθα, λέγειν ἐκέλευον, ὡς χαριούμενοι.

91. C. I. A. III, Add. et corr., 39 a. Вторая половина надписи представляетъ начало посланія Марка Аврелія и Коммода Аѳинянамъ(?).

92. C. I. A. III, 40. Начало рескрипта Коммода Аѳинянамъ. Въ концѣ отрывка читаемъ: ἐξ ὧν οἱ ὑμέτεροι πρέσβεις ἤγγελλον, ἀσμένως ἑώ[ρακα].

93. C. I. A. III, 41. Отрывокъ импер. посланія Аѳинянамъ-тоже, по видимому, Коммода.

94. Bruns, Fontes iuris Rom. [6], I, стр. 244.

Col. 1. . . . . (*Paucae tantum literae supersunt.*)

Col. 2. . . . . [*Procuratoris tui intellegis praevaricationem*], quam non modo cum Allio Maximo adv[*er*]sario nostro, sed cum omnibus fere [*con*]ductorib(us) contra fas atq(ue) in perniciem rationum tuarum sine modo exercuit, ut non solum cognoscere per tot retro annos instantibus ac supplicantib(us) vestramq(ue) divinam subscriptionem adlegantibus nobis supersederit, verum etiam hoc eiusdem Alli Maximi [*c*]onductoris artibus gratiosissimi [*an*?]imo indulserit, ut missis militib(us) [*in e*]undem saltum Burunitanum ali[*os nos*]trum adprehendi et vexari, ali[*os vinc*]iri, nonnullos cives etiam Ro[*manos*] . . virgis et fustibus effligi iusse[*rit*, *scilic*]et eo solo merito nostro, qu[*od, euntes*] in tam gravi pro modulo me[*diocritat*]is nostrae tamq(ue) manifesta [*iniuria im*]ploratum maiestatem tu[*am*, *immodesta*] epistula usi fuissemus. Cu[*ius nostrae in*]iuriae

evidentia, Caes(ar), [*inde profec*]to potest aestimari qu[*od*] . . . . . quidem, quem maiesta . . . . . . [*ex*]sistimamus vel pro . . . . . t omnino cognos . . . . . plane gratificati . . . . . mum invenerit . . . . . . nostris quibus . . . . . bamus cogni . . . . . beret inte . . . . . tare operas . . . ret ita tot pe . . . . . . ieri . . . .

(*deficiunt quaedam*).

Col. 3. . . . . [*Idque co*]mpulit nos miserrimos homi[*nes iam rur*]sum divinae providentiae [*tuae suppl*]icare. Et ideo rogamus, sacratissime imp(erator), subvenias. Ut kapite legis Hadriane, quod supra scriptum est, ademptum sit ius etiam pro(curatoribus), nedum conductori, adversus colonos ampliandi partes agrarias aut operar(um) praebitionem iugorumve: et ut se habent littere proc(uratorum), quae sunt in tabulario tuo tractus Karthag(iniensis), non amplius annuas quam binas aratorias, binas sartorias, binas messorias operas debeamus itq(ue) sine ulla controversia sit, utpote cum in aere inciso et ab omnib(us) omnino undiq(ue) versum vicinis nost[*ris lecto legis capite ita sit*] perpertua in hodiernum forma pra[*e*]st[*it*]utum et proc(uratorum) litteris, quas supra scripsimus, ita conf[*ir*]matum. Subvenias, et cum homines rustici tenues manuum nostrarum operis victum tolerantes conductori profusis largitionibus gratiosissimo impares aput proc(uratores) tuos simu[s], quib(us) [*pe*]r vices succession(is) per condicionem conductionis notus est, miserearis ac sacro rescripto tuo non amplius praestare nos, quam ex lege Hadriana et ex litteras proc(urátorum) tuor(um) debemus, id est ter binas operas, praecipere digneris, ut beneficio maiestatis tuae rustici tui vernulae et alumni saltuum tuorum n(on) ultr(a) a conductorib(us) agror(um) fiscalium inquietem[ur]

(*deficiunt quaedam*).

Col. 4. [*Imp. Ca*]es. M. Aurelius Commodus An[*toni*]nus Aug(ustus) Sarmat(icus) Germanicus maximus Lurio Lucullo et nomine aliorum. Proc(uratores) contemplatione disciplinae et instituti mei ne plus quam ter binas operas curabunt, ne quit per iniuriam contra perpetuam formam a vobis exigatur. Et alia manu: Scripsi. Recognovi.

Септимій-Северъ и Каракалла.

95. B. C. H., VI, 453. Начало посланія Септимія-Севера Дельфійцамъ.

96. Lebas-Wadd., III, 874.

Αὐ]τοκράτωρ Καῖσαρ, θεοῦ Μ[άρκου) Ἀ[ντωνεί-
νου Εὐσεβοῦς, Γερμανικοῦ, Σ[αρματικοῦ υἱός,
θεοῦ Κομμόδου ἀδελφός, θε[οῦ Ἀντωνείνου
Εὐσεβοῦς υἱωνός, θεοῦ Ἀδριαν[οῦ ἔγγονος, θε-
οῦ Τραϊανοῦ Παρθικοῦ καὶ θεοῦ Ν[ερούα ἀπό-
γονος, Λούκιος Σεπτίμιος Σεούηρος, Εὐσε-
βής, Περτίναξ, Σεβαστός, Ἀραβικός, Ἀδιαβηνι-
κός, ἀρχιερεὺς μέγιστος, δημαρχικῆς ἐξουσί-
ας τὸ γ', αὐτοκράτωρ τὸ η', ὕπατος τὸ β', πατὴρ
πατρίδος Αἰζανιτῶν τοῖς ἄρχουσι καὶ τῇ
βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ χαίρειν·
Τὴν ἡδονήν, ἣν ἐπὶ τοῖς κατωρθωμένοις
ἔχετε καὶ ἐπὶ τῷ τὸν υἱόν μου Μάρκον Αὐρή-
λιον Ἀντωνεῖνον ἐπιβαίνειν ἀγαθῇ τύχῃ
τῶν τῆς ἀρχῆς ἐλπίδων καὶ τετάχθαι μ[ετὰ
τοῦ πατρός, φανερώτατα ἔγνων δι[ὰ
τοῦ ψηφίσματος καὶ ἥσθην ὅτ[ι δη-
μ]οσίαν ἠγάγετε ἑορτὴν καὶ ἐθύ[σατε το]ῖς ἐγχωρ-
ίοις θεοῖς θυσίας χαριστ[ηρ]ίους, [πό-
λις ὄντες ἔνδοξος καὶ ἐκ παλαιο[ῦ Ῥω-
μαίων ἀρχῇ χρήσιμος. τὴν νείκην δὲ
ὡς εἶδον ἐπὶ μαρτυρίᾳ τῶν κατωρθωμ[έ-
νων ἐλθοῦσαν μετὰ τοῦ ψηφίσματος,
ἀπέπεμψα τὸ [γ]ρ[ά]μμα[1]) ὑμεῖν παρὰ τοῖς
ἐγχωρίοις θεοῖς ἐσ[ό]μενον.
Ἐπρέσβευον Κλαύδιος Καμπανὸς Φλα-
ουιανός, Κλαύδιος Ἀπολλινάριος Αὐ-
ρηλιανός, Φιλότιμος Μηνοφίλου, Κλαύ-
διος Πασί[τ]εχνος, Βείθυς Δημητρίου,
Αὐρήλιος Κάτ[υ]λλος, Μηνόφιλος Φ[ι-
λίππου, Φίλιππος Μηνοφίλου. Μεν[ε-
κράτην δὲ Μειλήτου ἔφασαν
ἀπο]λυθ[ῆν]αι. οἷς τὸ ἐφόδιον ἀπο-
[δοῦναι . . . . προ]ῖκα ὑπέσχηνται.

---

[1]) Подъ τὸ γράμμα, полагаемъ, слѣдуетъ разумѣть изображеніе Ники, а не посланіе, какъ думалъ Ваддингтонъ.

97. C. I. G., 3178.
Οἱ θειότατοι Αὐτοκράτορες Σεούηρος καὶ Ἀντωνεῖνος Καίσαρες Σμυρναίοις. Εἰ Κλαύδιος Ῥουφῖνος ὁ πολείτης ὑμῶν, ὁ διὰ τὴν προαίρεσιν, ᾗ σύνεστιν ἐπὶ παιδείᾳ, καὶ τὸν ἐν λόγοις συνεχῆ βίον τὴν προκειμένην τοῖς σοφισταῖς κατὰ τὰς θείας τῶν προγόνων ἡμῶν διατάξεις ἀτέλειαν τῶν λειτουργιῶν καρπούμενος, ὑμῶν αὐτὸν ἑκουσίῳ ἀνάγκῃ προκαλουμένων ὑφέστη τὴν στρατηγίαν κατὰ τὸ πρὸς τὴν πατρίδα φίλτρον· τὴν γοῦν εἰς τὰ ἄλλα μένειν ἀπραγμοσύνην ἀνείκητον αὐτῷ δικαιότατόν ἐστιν. οὐ γὰρ ἄξιον τῷ ἀνδρὶ τὴν εἰς ὑμᾶς φιλοτειμίαν γενέσθαι ζημίαν, καὶ μάλιστα ταύτην ὑμῶν αἰτούντων ὑπὲρ αὐτοῦ τὴν χάριν. Εὐτυχεῖτε.
Ἐπρέσβευον Αὐρ. Ἀντωνεῖνος καὶ Αἴλιος Σπηρᾶτος.

98. Cod. Iust. VI, 2, 2: *Idem A. A.* (Северъ и Каракалла) *negotiatoribus.* Incivilem rem desideratis, ut agnitas res furtivas non prius reddatis, quam pretium fuerit solutum a dominis. curate igitur cautius negotiari, ne non tantum in damna huiusmodi, sed etiam in criminis suspicionem incidatis. P. P. III k. Dec. Cilone et Libone conss.

Dig. I, 16, 4: *Idem* (Ульпіанъ) *libro primo de officio proconsulis*...... quaedam provinciae etiam hoc habent, ut per mare in eam provinciam proconsul veniat, ut Asia, scilicet usque adeo, ut imperator noster Antoninus Augustus ad desideria Asianorum rescripsit proconsuli necessitatem impositam per mare Asiam applicare καὶ τῶν μητροπόλεων Ἔφεσον primam attingere.

99. Между Дельфійскими надписями есть два посланія Дельфійцамъ Септимія-Севера и Каракаллы и одно—Каракаллы, но пока не напечатаны. B. C. H., XX; стр. 727: Lettres de Sevère et de Caracalla (Inv. 880, 3800) l'une relative à l'autonomie de Delphes. Lettre de Caracalla (Inv. 3627, 3530).

100. Die Inschriften von Pergamon, II, 283. Начало посланія Каракаллы Пергамцамъ.

Александръ-Северъ.

101. Dig. XLVIII, I, 25: *Paulus libro vicesimo responsorum.* Αὐτοκράτωρ Ἀλέξανδρος τῷ κοινῷ τῶν ἐν Βιθυνίᾳ Ἑλλήνων. Ἐκκαλεῖσθαι μὲν πῶς ἄν τις κωλύοιτο ὑπὸ τῶν δικαζόντων, οὐχ ὁρῶ, ὁπότε ἔξεστιν τὴν ἑτέραν ὁδὸν τρεπόμενον ταὐτὸ ποιεῖν καὶ θᾶττον πρός με ἀφικνεῖσθαι. ὕβρει δὲ καὶ

βίᾳ χρῆσθαι πρὸς τοὺς ἐκκαλουμένους καὶ φρουρὰν στρατιωτικὴν περιιστᾶν καὶ ἁπλῶς εἰπεῖν ἀποφράττειν αὐτοῖς τὴν δεῦρο ἄνοδον ἀπαγορεύομεν τοῖς ἡγουμένοις τῶν ἐθνῶν. καὶ πεισθήσονται ταύτῃ μου τῇ προρρήσει, εἰδότες ὅτι τοσοῦτόν μοι μέλει τῆς τῶν ἀρχομένων ἐλευθερίας, ὅσον καὶ τῆς εὐνοίας αὐτῶν καὶ πειθοῦς.

102. Scr. h. Aug., Alex. Sev., 49: cum Christiani quendam locum qui publicus fuerat occupassent, contra popinarii dicerent sibi eum deberi, rescripsit melius esse ut quemadmodumcunque illic deus colatur quam popinariis dedatur.

Гордіанъ III.

103. Dittenberger, Sylloge², 418.

Bona fortuna. | Fulvio Pio et Pontio Proculo cons(ulibus) XVII kal(endas) Ian(uarias) descriptum et | recognitum factum ex libro libellorum rescriptorum a do|mino n(ostro) M. Antonio Gordiano Pio Felice Aug(usto) et propo|sitorum Romae in porticu thermarum Traianarum in verba q(uae) (infra) s(cripta) sunt, | dat(um) per Aur(elium) Purrum mil(item) coh(ortis) pr(aetoriae) p(iae) f(idelis) Gordianae > Proculi | convicanum et conpossessorem.

Αὐτοκράτορι Καίσαρι Μ(άρκῳ) Ἀντωνίῳ | Γορδιανῷ Εὐσεβεῖ Εὐτυχεῖ Σεβ(αστῷ) (δ)έησις | παρὰ κωμητῶν Σκαπτοπαρηνῶν τῶν καὶ | Γρησειτῶν· ἐν τοῖς εὐτυχεστάτοις || σοῦ καιροῖς κατοικεῖσθαι καὶ βελτι|οῦσθαι τὰς κώμας ἤπερ ἀναστάτους | γίγνεσθαι τοὺς ἐνοικοῦντας πολλά|κ(ις) ἀντέγραψας· ἔστιν γε καὶ ἐπὶ τῇ τῶν ἀνθρώπων σωτηρίᾳ τὸ τοιοῦτο καὶ ἐπὶ || τοῦ ἱερωτάτου σου ταμείου ὠφελείᾳ. | ὅπερ καὶ αὐτοὶ ἔννομον ἱκεσίαν | τῇ θειότητί σου προσκομί(ζ)ομεν, εὐ|χόμενοι ἱλέως ἐπινεῦσαι ἡμεῖν | δεομένοις τὸν τρόπον τοῦτον. Οἰκοῦ||μεν καὶ κεκτήμεθα ἐν τῇ προγεγραμ|μένῃ κώμῃ οὔσῃ εὐεπ(η)ρ(ε)άστῳ διὰ τὸ | ἔχειν ὑδάτων θερμῶν χρῆσιν καὶ κεῖ|σθαι μέσον δύο στρατοπέδων τῶν ὄν|των ἐν τῇ σῇ Θράκῃ· καὶ ἐφ' οὗ μὲν τὸ || πάλαι οἱ κατοικοῦντες ἀόχλητοι | καὶ ἀδιάσειστοι ἔμενον, ἀνενδεῶς | τούς τε φόρους καὶ τὰ λοιπὰ | ἐπιτάγματα συνετέλουν· ἐπεὶ δὲ κατὰ καιροὺς εἰς (ὕ)β(ρ)ιν προχωρεῖν τινες καὶ βιάζεσθαι || ἤρξαντο, τηνικαῦτα ἐλαττοῦσθαι | καὶ ἡ κώμη ἤρξατο. ἀπὸ γε μειλίων | δύο τῆς κώμης ἡμῶν πανηγύρεως | ἐπιτελουμένης διαβοήτου οἱ ἐκεῖσε | τῆς πανηγύρεως εἵνεκεν ἐπιδημοῦν||τες ἡμέρας πεντεκαίδεκα ἐν τῷ | τόπῳ τῆς πανηγύρεως οὐ καταμέ|νουσιν, ἀλλ' ἀπολιμπάνοντες ἐπέρ|χονται εἰς τὴν ἡμετέραν κώμην | καὶ ἀναγκάζουσιν ἡμᾶς ξενίας || αὐτοῖς παρέχειν καὶ ἕτερα πλεῖστα εἰς | ἀνάλημψιν αὐτῶν ἄνευ ἀργυρίου χο|ρηγεῖν· πρὸς δὲ τούτοις καὶ στρατιῶται | ἀλλαχοῦ πεμπόμενοι καταλιμπά|νοντες τὰς ἰδίας ὁδοὺς πρὸς ἡμᾶς πα||ραγείνονται καὶ ὁμοίως κατεπείγουσιν | παρέχειν αὐτοῖς τὰς

ξενίας καὶ τὰ ἐπι|τήδ(ε)ια μηδεμίαν τιμὴν καταβαλόντες· | ἐπιδημοῦσι δὲ ὡς ἐπὶ τὸ πλεῖστον | διὰ τὴν τῶν ὑδάτων χρῆσιν οἵ τε ἡγού||μενοι τῆς ἐπαρχ(ε)ίας, ἀλλὰ καὶ οἱ ἐπί|τροποί σου· καὶ τὰς μὲν ἐξουσίας συ|ν(εχ)έστατα δεχόμεθα κατὰ τὸ ἀναγκαῖον, | τοὺς (δὲ) λοιποὺς ὑποφέρειν μὴ δυνάμε|νοι ἐνετύχομεν πλειστάκις τοῖς ἡγε||μόσι τῆς Θράκης, οἵτινες ἀκολούθως | ταῖς θείαις ἐντολαῖς ἐκέλευσαν ἀοχλή|τους ἡμᾶς εἶναι· ἐδηλώσαμεν γὰρ μη|κέτι ἡμᾶς δύνασθαι ὑπομένειν, ἀλ|λὰ καὶ νοῦν ἔχειν ἐγκαταλιπεῖν καὶ τοὺς | πατρῴους θεμελίους διὰ τὴν τῶν | ἐπερχομένων ἡμεῖν βίαν· καὶ γὰρ | ὡς ἀληθῶς ἀπὸ πολλῶν οἰκοδεσπο|τῶν εἰς ἐλαχίστους κατεληλύθα|μεν, καὶ χρόνῳ μέν τινι ἴσχυσεν || τὰ προστάγματα τῶν ἡγουμένων | καὶ οὐδεὶς ἡμεῖν ἐνόχλησεν οὔτε || ξενίας (αἰτή)ματι οὔτε παροχῆς ἐπι|τηδείων, προϊόντων δὲ τῶν χρόνων | πάλιν ἐτόλμησαν ἐπιφύεσθαι ἡ||μεῖν πλεῖστοι ὅσοι (τ)ῆς ἰδιωτ(ε)ίας ἡμῶν καταφρονοῦντες. ἐπεὶ οὖν οὐ|κέτι δυνάμεθα φέρειν τὰ βάρη | καὶ ὡς ἀληθῶς κινδυνεύομεν ὅπερ | οἱ λοιποὶ (ὧ)δε καὶ ἡμεῖς προλιπεῖν || τοὺς προγονικοὺς θεμελίους, τού|του χάριν δεόμεθά σου, ἀνίκητε | Σεβαστέ, (ὅ)πως διὰ θείας σου ἀντιγρα|φῆς κελεύσῃ(ς) ἕκαστον τὴν ἰδίαν πο|ρεύεσθαι ὁδὸν καὶ μὴ ἀπολιμπάνοντας || αὐτοὺς τὰς ἄλλας κώμας ἐφ' ἡμᾶς | ἔρχεσθαι μη(δ)ὲ καταναγκάζειν | ἡμᾶς χορηγεῖν αὐτοῖς προῖκα τὰ | ἐπιτήδ(ε)ια, ἀλλὰ μηδὲ ξενίαν αὐτοῖς | παρέχειν οἷς μή ἐστιν ἀνάγκη—ὅτι || γὰρ οἱ ἡγούμενοι πλεονάκις ἐκέ|λευσαν μὴ ἄλλοις παρέχεσθει ξε|νίαν εἰ μὴ τοῖς ὑπὸ τῶν ἡγουμέ|νων καὶ ἐπιτρόπων πεμ|πομένοις εἰς ὑπηρεσίαν, ἐάν (τ)ε || βαρ(ώ)μεθα, φευξόμεθα ἀπὸ τῶν | οἰκείων καὶ μεγίστην ζημίαν τὸ | ταμεῖον περιβληθήσεται— ἵνα | ἐλεηθέντες διὰ τὴν θείαν σου | πρόνοιαν καὶ μεῖνα(ντε)ς (ἐ)ν || τοῖς ἰδίοις τούς τε ἱεροὺς φόρους | καὶ τὰ λοιπὰ τελέσματα παρέχειν | δυνησόμεθα· συμβήσεται δὲ | τοῦτο ἡμεῖν ἐν τοῖς εὐτυχεστά|τοις σου καιροῖς, ἐὰν κελεύσῃς || τὰ θεῖά σου γράμματα ἐν στήλῃ ἀναγραφέντα δημοσίᾳ π(ρ)ο|κεῖσθαι, ἵνα τούτου τυχόντες | τῇ τύχῃ σου χάριν ὁμολογεῖν | δυνησόμεθα, ὡς καὶ νῦν κα . . .||ώμενοι σοῦ ποιοῦμεν. |

Διογένης ὁ Τύριος ὁ π[ραγμα|τικὸς ἀπὸ θείας φιλανθρω|πίας ἐπὶ τὴν ἔντευξιν ταύ|την ἐλήλυθεν· δοκεῖ δὲ || μοι θεῶν τις προνοήσασθαι | τῆς παρούσης ἀξιώσεως· τὸ γὰρ τὸν θειότατον αὐτο|κράτορα περὶ τούτων πέμ|ψαι τὴν ἰδίαν γνῶσιν ἐπὶ || σέ, δ[ν] ᾔδε[ι] ἤ[δ]η φθάσαντα | περὶ τούτου καὶ προγράμ|μασιν καὶ διατάγμασιν | δεδωκέναι, τοῦτο ἐμοὶ δο|κεῖ τῆς ἀγαθῆς τύχης ἔργον || εἶναι. ἥ(ν) δὲ ἡ ἀξίωσις· Ἡ κώ|μη ἡ τοῦ βοηθουμένου στρα|τιώτου ἐστ(ὶν) ἐν τῷ καλλί|στῳ τῆς πολειτ(ε)ίας τῆς ἡμε|τέρας τῶν Παυταλιωτῶν || κειμένη, καλῶς μὲν τῶν ὀρῶν | καὶ τῶν πεδίων ἔχουσα, | πρὸς δὲ τούτοις καὶ θερ|μῶν ὑδάτων λουτρὰ οὐ μό|νον πρὸς τρυφὴν ἀλλὰ καὶ || ὑγείαν καὶ θεραπείαν | σωμάτων ἐπιτηδειότατα, | πλησίον δὲ καὶ πανήγυρις | πολλάκις μὲν ἐν τῷ ἔτει | συναγομένη, περὶ δὲ (κ)α(λ)(άνδας) || Ὀκτωμβρίας καὶ εἰς πεντε-

καίδεκα ἡμερῶν ἀγ[ομένη]· | συμβέβηκεν τοίνυν τὰ δοκοῦν|τα τῆς κώμης ταύτης πλεον|εκτήματα τῷ χρόνῳ περι||εληλυθέναι αὐτῆς εἰς ἐλ[ατ|τ]ώματα· διὰ γὰρ τὰς | προειρημένας ταύτας | προφάσεις πολλοὶ πολλά|κις στρατιῶται ἐνεπιδη||μοῦντες ταῖς τε ἐπιξενώ|σεσι καὶ ταῖς βαρήσεσιν | ἐνοχλοῦσι τὴν κώμην· | διὰ ταύτας τὰς αἰτίας πρό|τερον αὐτὴν καὶ πλουσι(ω)||τέραν καὶ πολυάνθρωπον | [μᾶλλον] οὖσαν νῦν εἰς ἐσχά|την ἀπορίαν ἐληλυθέναι. | ἐπεὶ τούτων ἐδεήθη|σαν πολλάκις καὶ τῶν ἡγου||μένων, ἀλλὰ καὶ μέχρις τι|νὸς ἴσχυσεν αὐτῶν τὰ | προστάγματα, μετὰ δὲ | ταῦτα κατωλιγωρήθη | διὰ τὴν συνήθειαν τῆς || τοιαύτης ἐνοχλήσεως· | διὰ τοῦτο ἀναγκαίως κατ|έφυγον ἐπὶ τὸν θειότατον | [αὐτοκράτορα . . . .]

Imp(erator) Caesar M. Antonius Gordianus Pius Felix Aug(ustus) vikanis per Pyrrum mil(item) conpossesǀsorem: Id genus quaerellae praecibus intentum ante iustitia praesidis | potius super his quae allegabuntur instructa discinge quam rescripto principali | certam formam reportare debeas. Rescripsi. Recognovi. Signa.

104. Cod. Iust. III, 3, 1: Imp. Gordianus A. Vicanis. Procuratori nostro non vice praesidis agenti dandi iudices inter privatas personas non competere facultatem manifestum est: et ideo si, ut adlegatis, inter privatas personas is cuius meministis arbitros dandos putavit sententia ab eis prolata nullo iure subsistit. PP. k. Febr. Attico et Praetextato conss.[1]).

Филиппы.

105. Roem. Mittheil., XIII, стр. 232.

'Αγαθῇ Τύχῃ.

Jmp. Caes M. [*Iul. P*]hil[*ippus Aug.*] et [*M.* I*ul. Philippu*]s n[o]bi[*l*]issimus Caes. M. Au[*relio Egleto*

[1]) Въ юридическихъ источникахъ трудно выдѣлить всѣ императорскіе рескрипты пров. сеймамъ и разнаго рода обществамъ, такъ какъ нерѣдко не указывается, кому рескриптъ былъ адресованъ. Приведемъ здѣсь еще одинъ импер. рескриптъ,—вѣроятно, какой-то universitas Iudaeorum, именно Cod. Iust. I, 9, 2:

. . . . 'Ο κράτιστος τοῦ ἔθνους ἡγούμενος ταῖς σωματικαῖς | Ροπ. 3, 8. ὑπηρεσίαις τῇ τῆς θρησκείας ἡμέρᾳ, καθ' ἣν ἀργεῖν εἰώθατε, μὴ ἐνοχλεῖσθαι ὑμᾶς προνοήσει.

per] Didymum L.....IVGENERVM: «Proco[*n*]sul E. G. perspecta fide eorum quae [*scribis, ne* qui[[*d*]] iniuriose geratur, ad sollicitudinem suam revocabit». XÆ.

(§ 1) Αὐτοκράτορι Καίσαρι Μ. Ἰουλίῳ Φιλίππῳ εὐσεβεῖ εὐτυχεῖ σεβ. κ[αὶ Μ. Ἰουλίῳ Φιλίππῳ ἐπιφανεστάτῳ Καίσαρι δέησις παρὰ Αὐρηλίου Ἐγλέκτ[ου ὑπὲρ τοῦ κοινοῦ τῶν Ἀραγουηνῶν παροίκων καὶ γεωργῶν τῶν ὑμετέρων, [πρεσβείας γενομένης δαπάνῃ δήμου κοινο [[ῦ Τ]]ο...τεανῶν Σοηνῶν τῶν κατὰ Φρυγίαν τόπων, διὰ Τ. ΟΥ[ινίου? Διδύμου στρατιώτου. (§ 2) Πάντων ἐν τοῖς μακαριωτάτοις ὑμῶν καιροῖς, εὐσεβέσ[τατοι καὶ ἀλυπότατοι τῶν πώποτε βασιλέων, ἤρεμον καὶ γαληνὸν τὸν βίον διαγ[ομένων πονηρίας καὶ διασεισμῶν πε[π]αυμένων μόνοι ἡμεῖς ἀλλότρια τ[ῶ]ν εὐτυχεστάτων καιρῶν πάσχοντες τήνδε τὴν ἱκετεί[αν ὑ]μεῖν προσάγομεν ἐχέ[γγυοι τοῦ δικαίου τῆς δεήσεως ἐν τούτοις. (§ 3) Χωρίον ὑμέτερόν ἐσμεν ἱερώτατ[ον καὶ ..... μος ὁλόκληρος οἱ καταφεύγοντες καὶ γεινόμενοι τῆς ὑμετέρας [βοηθείας ἐνδεεῖς, διασειόμεθα δὲ παρὰ τὸ ἄλογον καὶ παραπρασσόμεθα ὑπ' ἐκείνων ο[ὓς ἥκιστα ἀδικεῖν τὸν πλησίου ὀφίλει. (§ 4) Μεσόγειοι γὰρ τυγχάνοντες καὶ μίτε παρὰ στρατά[ρχου μήτε παρὰ... πώποτέ τι παθόντες νῦν πάσχομεν ἀλλότρια τῶν ὑμετέρων μακαριωτάτων καιρῶν [: πιέζουσι γὰρ ἡμᾶς οἱ πεμφθέντες εἰς τὸ Ἀππιανῶν κλῖμα παραλιμπάνοντες τὰς λεωφόρους ὁ[δούς, προσέτι δὲ στρατιῶται καὶ δυνάσται τῶν προυχόντων κ[ατ]ὰ τὴν πόλιν [Καισαριανοί τε ὑμέτεροι ἐπεισε[ρ]χόμενοι καταλιμπάνοντες τὰς λε[ωφόρους ὁδούς.... ἀπὸ τῶν ἔργων ἡμᾶς ἀφιστάντες καὶ τοὺς ἀροτῆρας βοᾶν [τολμῶντες τὰ μὴ ὀφειλόμενα αὐτοῖς παραπράσσουσιν καὶ συνβαίνει ο[ὐ τὰ τυχόντα ἡμᾶς ἐκ τούτου ἀδικεῖσθαι διασειομένους περὶ ὧν ἀπ' ἀ[ρχῆς ἡμῖν ἔγραψε τὸ Σόν, σεβαστέ, Μέγεθος ὁπότε τὴν ἔπαρχον διεῖπε[ς ἐξουσίαν ἅτε ἄλλα ἐκέλευσας Καῖσαρ γεινόμενος καὶ ὅπως περὶ τούτων ἐκεινίθη σοῦ ἡ θε[ία ἀντιγραφὴ ἡ τοῖς ὑπομνήμασιν ἐντεταγμένη: «Quae libello conplexi esti[*s ut examinet praesidi mandavi* qui da[[*b*]]it operam ne d[*iu*]tiu‹*i*›s querell[*is locus sit*».

(§ 5) Ἐπειδὴ οὖν οὐδὲν ὄφελο[ς ἡ]μεῖν ἐκ ταύτης τῆ[ς ἀντιγραφῆς ἐγένετο, συμβέβηκεν δὲ ἡμᾶς κατὰ τὴν ἀγροικίαν τὰ μὴ ὀφει[λόμενα παραπράσσεσθαι εἰς τὴν κώμην ἐ-

πενβαινό[ν]των τινῶν καὶ συμπατούντων ἡμᾶς [παρὰ τὸ δίκαιον, ἐπειδὴ θ' ὑπὸ τῶν Καισαριανῶν οὐ τὰ τυχόντα δι[ασ]είεσ[θαι ἡμᾶς συνέβη ὥστε τοὺς καρποὺς
πιπρά]σκεσθαι καὶ τὰ χωρία ἐρημοῦσ[θ]αι καὶ . . . αν . . . . .
. . . . . ς καὶ οὐ παρὰ τ[ῶν ἔν]δον κατοικούντ[ων μόνον ἀλλὰ καὶ . . . .
. . . . δυνάμενα . . . ταυτι . . ει . . . .
. . . . (piccole lettere non leggibili) . . . . . .

Децій-Траянъ и сынъ.

106. Lebas-Wadd., III, 1624.

Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ [Γάϊος Μέσσιος Κύϊντος Τραϊανὸς
Δέκιος], εὐσεβής, εὐτυχής, Σεβαστός, δημαρχικῆς
ἐξουσίας τὸ γ', ὕπατος τὸ β', ἀποδεδειγμένος τὸ τρίτον,
πατὴρ πατρίδος, ἀνθύπατος, καὶ [Ἑρέννιος Τραϊανὸς Δέ-
κιος Καῖσαρ], ἀρχιερεὺς μέγιστος, δημαρχικῆς ἐξουσίας
τὸ πρῶτον, ὕπατος ἀποδεδειγμένος, Ἀφροδεισιέων τοῖς
ἄρχουσιν καὶ τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ χαίρειν.
Εἰκὸς ἦν ὑμᾶς καὶ διὰ τὴν ἐπώνυμον τῆς πόλεως θεὸν καὶ
διὰ τὴν πρὸς Ῥωμαίους οἰκειότητά τε καὶ πίστιν ἡσθῆναι
μὲν ἐπὶ τῇ καταστάσει τῆς βασιλείας τῆς ἡμετέρας,
θυσίας δὲ καὶ εὐχὰς ἀποδοῦναι δικαίας· Καὶ ἡμεῖς δὲ
τήν τε ἐλευθερίαν ὑμεῖν φυλάττομεν τὴν ὑπάρχουσαν
καὶ τὰ ἄλλα δὲ σύμπαντα δίκαια, ὁπόσων παρὰ τῶν πρὸ ἡ-
μῶν αὐτοκρατόρων τετυχήκατε, συναύξειν ἑτοίμως
ἔχοντες ὑμῶν καὶ πρὸς τὸ μέλλον ἐλπίδας.
ἐπρέσβευον Αὐρήλιοι Θεόδωρος καὶ Ὀνήσιμος.
Εὐτυχεῖτε.

Мнѣніе Бека (C. I. G., 2745.), что это рескриптъ Діоклеціана и Максиміана—286 года, было опровергнуто Ваддингтономъ, который далъ и обосновалъ выше приведенное чтеніе. Срв. статью Моммзена De Diocletiani collegarumque nominibus erasis, примѣч. 1. (Ephem. epigraph. I., стр. 124.)

Валеріанъ, Галліенъ и Салонинъ.

107. Scr. hist. Aug., Trig. tyr., 3: Si quis Postumi meritum requirit, iudicium de eo Valeriani ex hac epistula, quam ille ad Gallos misit,

intelliget: «Transrhenani limitis ducem et Galliae praesidem Postumum fecimus virum dignissimum severitate Gallorum, praesente quo non miles in castris, non iura in foro, non in tribunalibus lites, non in curia dignitas pereat, quicunque suum et proprium servet, virum quem ego pro ceteris stupeo, et qui locum principis mereatur iure, de quo spero, quod mihi gratias agetis. quod si me fefellerit opinio quam de illo habeo, sciatis nusquam gentium repperiri qui possit penitus adprobari. huius filio Postumo nomine tribunatum Vocontiorum dedi, adolescenti, qui se dignum patris moribus reddet».

108. C. I. L. III, 184.

Imp. Caesar
P]ublius Licin-
nius Valerianus
pius felix Aug(ustus) et imp.
Caesar Publius Licinius
Gallienus pius fel(ix) Aug(ustus) et Licin-
nius Cornelius Saloninus
Valerianus nobilissimus Caesar
Aurelio Mareae [e]t aliis.
Regum antiqua beneficia consuetu-
dine [e]tiam insecuti temporis pro-
bata is qui provinciam regit remota
violentia part[i]s adversae incolumia
vobis manere curabit.
Ἐπιστολὴ Ἀντιόχου βασιλέως.
Греческій текстъ (16 строкъ).
Ψήφισμα τῆς πόλεως πεμ[φ]θὲν θεῷ Αὐγούστῳ.
Греческій текстъ (7 строкъ). Затѣмъ:
Οἱ κάτοχοι ἁγίου οὐρανίου Διὸς τῆς ὑπὸ τῶν Σε-
βαστῶν εἴς τε τὸν θεὸν εὐσεβείας καὶ τὸν τόπον [ἐ]λευ[θ]ε-
ρ]ίας· τὴν θείαν ἀντιγραφὴν ὑπὸ πάντων προσκυν[ηθησο]μένην [ἀνα-
γραφῆναι προς]έταξαν.

109. Euseb., Hist. eccl., VII, 13: . . . μοναρχήσας ὁ παῖς (Валеріана) σωφρονέστερον περὶ τὴν ἀρχὴν διατίθεται, ἀνίησί τε αὐτίκα διὰ προγραμμάτων τὸν καθ' ἡμῶν διωγμόν, ἐπ' ἐλευθερίας τοῖς τοῦ λόγου προεστῶσι τὰ ἐξ ἔθους ἐπιτελεῖν δι' ἀντιγραφῆς προστάξας, ἥτις τοῦτον ἔχει τὸν τρόπον· «Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ Πούπλιος Λικίννιος Γαλλιηνός, εὐσεβής, εὐτυχής, σεβαστὸς Διονυσίῳ καὶ Πίννᾳ καὶ Δημητρίῳ καὶ τοῖς λοιποῖς ἐπισκόποις. τὴν εὐεργεσίαν

τῆς ἐμῆς δωρεᾶς διὰ παντὸς τοῦ κόσμου ἐκβιβασθῆναι προσέταξα, ὅπως ἀπὸ τόπων τῶν θρησκευσίμων ἀποχωρήσωσι. καὶ διὰ τοῦτο καὶ ὑμεῖς τῆς ἀντιγραφῆς τῆς ἐμῆς τῷ τύπῳ χρῆσθαι δύνασθε, ὥστε μηδένα ὑμῖν ἐνοχλεῖν. καὶ τοῦτο ὅπερ κατὰ τὸ ἐξὸν δύναται ὑφ' ὑμῶν ἀναπληροῦσθαι ἤδη πρὸ πολλοῦ ὑπ' ἐμοῦ συγκεχώρηται· καὶ διὰ τοῦτο Αὐρήλιος Κυρήνιος, ὁ τοῦ μεγίστου πράγματος προστατεύων, τὸν τύπον τοῦτον τὸν ὑπ' ἐμοῦ δοθέντα διαφυλάξει». ταῦτα ἐπὶ τὸ σαφέστερον ἐκ τῆς Ῥωμαίων ἑρμηνευθέντα γλώττης ἐγκείσθω. καὶ ἄλλη δὲ τοῦ αὐτοῦ διάταξις φέρεται, ἣν πρὸς ἑτέρους ἐπισκόπους πεποίηται, τὰ τῶν καλουμένων κοιμητηρίων ἀπολαμβάνειν ἐπιτρέπων χωρία.

Максиминъ, Константинъ и Лициній.

110. Oesterr. Mittheil., XVI, стр. 93.

Quamcunque munific]entiam vol[etis pro hoc vestro pio
proposito pet]ere iam nunc ho[c facere et accepisse
vos credere li]cet impetraturi e[am sine mora quae
in omne aevum t]am nostram iuxta deos i[mmortales pie-
tatem testabi]tur quam vero condigna pra[emia vos es-
se a nostra cl]ementia consecutos liberis ac po[steris
[declarabit].

Τοῖς σωτῆρσιν] παντὸς ἀνθρώπων ἔθνους καὶ γένους
σεβαστοῖς Καί]σαρσιν Γαλερ. Οὐαλερ. Μαξιμείνῳ καὶ
Κωνσταντείνῳ] καὶ Οὐαλερ. Λικιννιανῷ Λικιννίῳ. Παρὰ τοῦ
Λυκίων καὶ Π]ανφυλίων ἔθνους δέησις καὶ ἱκεσία. Ἔργοις ἀπο-
δεδωκότων τ]ῶν θεῶν τῶν ὁμογενῶν ὑμῶν φιλανθρωπίας
πᾶσιν, ὦ θειό]τατοι βασιλεῖς, οἷς ἡ θρησκεία μεμέληται
αὐτῶν ὑπὲρ τῆ]ς ὑμῶν τῶν πάντα νεικώντων δεσποτῶν
αἰωνίου σω]τηρίας, καλῶς ἔχειν ἐδοκιμάσαμεν καταφυγεῖν
πρὸς τὴν ἀθά]νατον βασιλείαν καὶ δεηθῆναι τοὺς πάλαι
μανικοὺς Χρι]στιανοὺς καὶ εἰς δεῦρο τὴν αὐτὴν νόσον
διατηροῦντά]ς ποτε πεπαῦσθαι καὶ μηδεμιᾷ σκαιᾷ τινι και-
νῇ θρησκείᾳ] τὴν τοῖς θεοῖς ὀφειλομένην παραβαίνειν.
Τοῦτ' ἂν εἰς] ἔργον ἀφίκοιτο, εἰ ὑμετέρῳ θείῳ καὶ αἰωνίῳ
νεύματι π]ᾶσιν κατασταίη ἀπειρῆσθαι μὲν καὶ κεκωλῦσθαι
ἐξουσία]ν τῆς τῶν ἀθέων ἀπεχθοῦς ἐπ[ι]τηδεύσεως
πάντας δὲ τ]ῇ τῶν ὁμογενῶν ὑμῶν θεῶν θρησκείᾳ σχολά-
ζειν ὑπὲρ] τῆς αἰωνίου καὶ ἀφθάρτου βασιλείας ὑμῶν, ὅπερ

нія къ нему съ поздравленіемъ и, какъ обыкновенно дѣлалось, въ то-же время просила его и о разныхъ правахъ и привилегіяхъ,—писалъ сначала о томъ, что́ установили относительно ἀτέλεια лицъ такихъ-то профессій его предмѣстники (»Ὁμοίως δὲ τούτοις ἅπασι«), въ частности его отецъ, Адріанъ, а затѣмъ самъ подтверждалъ прежнія положенія, касавшіяся этого предмета, отчасти дополняя ихъ и измѣняя. Вѣроятно, у Модестина не было подъ рукою полнаго текста этого посланія, часть его онъ нашелъ въ одномъ источникѣ, другую—въ другомъ. Вѣдь онъ сначала приводилъ часть посланія Антонина названному сейму, въ которой говорится м. пр. и о философахъ; а ниже говоритъ, что изъ посланія того-же императора слѣдуетъ, что и философы пользовались извѣстною льготою; въ приводимомъ же имъ отрывкѣ рѣчь идетъ объ эдиктѣ Адріана. Еще ниже въ томъ-же сочиненіи Модестинъ опять говорилъ о постановленіи Антонина о льготахъ для лицъ тѣхъ-же профессій, именно (Dig. XXVII, 1, 6, 10): Τοὺς μέντοι ἄγαν ἐπιστήμονας καὶ ὑπὲρ τὸν ἀριθμὸν καὶ ἐν ἀλλοτρίᾳ πατρίδι διατριβὰς ποιουμένους εἶναι ἀλειτουργήτους Παῦλος γράφει, λέγων τὸν θειότατον Ἀντωνῖνον τὸν Εὐσεβῆ οὕτω κεκελευκέναι. Мы полагаемъ, что и Павелъ имѣлъ въ виду то-же посланіе Антонина сейму Азіи.

119. Inscript. antiqu. orae septentr. ponti Euxini, IV, № 71: Π[ρό]εδροι Χερσονασειτᾶν τ[ῶ]ν ποτὶ τᾷ Ταυ|ρικᾶι εἶπαν. Ἐπειδὴ τοὶ εὐσεβέστατοι πα|τέρες Ἡρακλεῶται οἰκείωι πάθει τὰν ὑπὲρ | τᾶς ἀμετέρας σωτηρίας ἐποάσαντο φρον|τίδα πάσαι σπουδᾶι καὶ πάσᾳ φιλοστοργίᾳ | κεχρασμένοι γνασί(α)ι πρεσβείαν τε ποτὶ τὸν [θε]ὸν ἁμῶν καὶ δεσπόταν Αὐτοκράτορα Τῖτον Αἴλι[ον] | Ἀδριανὸν Ἀντωνεῖνον ἱκετεύουσαν ἐξέ|πενψαν ὑπὲρ ἁμὲς ἐν οὐδενὶ ὀλιγωρή|σαντες, τάς τε θείας ἀποκρίσεις καὶ τὰς | εὐμεναθείσας εὐεργεσίας ἠξίωσαν | δι' ἀνδρῶν ἐπισαμοτάτων Ἡρακλείδου | Μνησθέος καὶ Πρόκλου Μέμνονος διαπε[ν]ψάμενοι δ' ἀλλους ποάσασθαι εἰς τὸ φανε|ρὸν αὐτῶν τὰν καλοκαγαθίαν γενέσθαι, ἁμὲ[ς] πασσυδὶ ταῖς πρεπούσαις ἀμείψα|σθαι καθᾶκον ἐψαφίσμεθα и пр.

?

120. C. I. A., III, 20. Диттенбергеръ: prior (titulus) a synodo aliqua profectus .... videtur epistula ad imperatorem data esse .. Alter titulus .. continuit .. sine dubio responsum ab imperatore ad illam synodi techniticae epistulam datum ... nomen imperatoris ... sive casu sive de industria deletum. Omnino quae agnoscuntur haec sunt: [Αὐτοκράτωρ . . . . τῇ] συνό[δῳ τῶν περὶ Διόνυσον τεχνιτῶν χαίρειν . . . . ἀποφ]αίνετε καὶ ὑμεῖς . . . . |

τοὺ[ς] Ἀδριάνεια νικήσαντας καὶ ἆθ]λα λαβόντας? ἐκ | τῆς συνόδου τῆς περιπο[λ]ιστικῆς, μετέχειν ἔστω κ[αθ]ὼς βουλομένοις?] ἐστὶν καὶ ὑμῖν, π[αρ]ὰ τὰ ὑπ' ἐμοῦ σ . . . . Videtur igitur hac epistula dici de privilegiis quibusdam, quorum participes esse iubeantur ei ex technitarum Dionysiacorum numero, qui in Hadrianeorum certaminibus vicissent. Qua de re conf. nr. 32., ubi epistulam imperatoriam plane similis argumenti habes. Ex Hadrianeorum commemoratione iure colligitur titulum Hadriano neque antiquiorem esse posse neque multo recentiorem videri, ita ut imperator ille aut Hadrianus aut Antoninus Pius esse videatur.

?

121. C. I. A., III, 32. Отрывокъ посланія неизвѣстнаго императора,- по всей вѣроятности, Аѳинянамъ. Диттенбергеръ: imperator, puto, ad civitatem aliquam scribit, ut quicunque ex technitarum Dionysiacorum synodo certamine quodam oecumenico (fortasse Panhellenia.. aut Hadrianea) vicissent, ii etiam ad omnes illius urbis ludos necessario admitterentur; at qui non victores ex iis processissent, eorum nulli his ludis interesse licere . . . . Tum imperator indicat se id, quod decreverit, synodo indicaturum esse . . . .; civitas autem, si quis decreto non stetisset, quid de ea re faciendum decreverit, se certiorem ut faciat. Deinde quae adiungit imperator, iis sine dubio respondet ad locos quosdam epistulae ab illa civitate ad se datae, qua cives et indicaverant, se statuas quasdam ei collocandas decrevisse et gratias egerant propter pecuniarum distributiones eius iussu factas. Срв. предыд. №.

Маркъ Аврелій и Люцій Веръ.

122. Dig. L, 6, 6(5): *Callistratus libro primo de cognitionibus*, 6. Licet in corpore naviculariorum quis sit, navem tamen vel naves non habeat nec omnia ei congruant, quae principalibus constitutionibus cauta sunt, non poterit privilegio naviculariis indulto uti idque et divi fratres rescripserunt in haec verba: *Ἦσαν καὶ ἄλλοι τινὲς ἐπὶ προφάσει τῶν ναυκλήρων καὶ τὸν σῖτον καὶ ἔλαιον ἐμπορευόμενον εἰς τὴν ἀγορὰν τοῦ δήμου τοῦ Ῥωμαϊκοῦ ὄντων ἀτελῶν ἀξιοῦντες τὰς λειτουργίας διαδιδράσκειν, μήτε ἐπιπλέοντες μήτε τὸ πλέον μέρος τῆς οὐσίας ἐν ταῖς ναυκληρίαις καὶ ταῖς ἐμπορίαις ἔχοντες. ἀφαιρεθήτω τῶν τοιούτων ἡ ἀτέλεια.*

Такое предписаніе императоръ вообще могъ дать намѣстнику провинціи, сейму или городу. Но о намѣстникѣ въ данномъ случаѣ нельзя

думать въ виду языка рескрипта; слѣдовательно, это былъ рескриптъ какому-то сейму или городу восточной половины имперіи. Хлѣбъ доставлялся въ Римъ при имперіи главнымъ образомъ изъ Египта и вообще Африки, рѣдко напр. изъ Херсонеса, оливковое масло—главнымъ образомъ изъ Африки и Испаніи. Въ доставкѣ этихъ предметовъ въ Римъ принимали участіе судовладѣльцы не только Италіи, Испаніи и Африки но также—Греціи, Малой Азіи и Сиріи.

123. Dittenberger, Sylloge[2], 408: . . . . α καὶ | [μυστηρίω]ν κεκοινηνηκώς, | ὥστε ἐξ ἐκείνου δικαίως ἂν εἴην ὁμολογῶν καὶ τὸ || Εὐμολπίδας εἶναι. ἀναλαμβάνω δὲ καὶ τὴν τοῦ ἄρχοντο[ς] προσηγορίαν, καθὰ ἠξιώσατε, | ὡς τά τε ἀπόρρητα τῆς κατὰ τὰ | μυστήρια τελετῆς ἐνδο[ξό]|τερόν τε καὶ σεμνότερον, | εἴ γέ τινα προσθήκης ἐπιδέ|χοιντο, τοῖν θεοῖν ἀποδοθεί|η καὶ διὰ τὸν ἄρχοντα τοῦ τῶν | Εὐμολπιδῶν γένους ὃν προ||εχειρίσασθε, αὐτός τε μὴ δο|κοίην, ἐγγραφεὶς καὶ πρότε|ρον εἰς τοὺς Εὐμολπίδας, | παραιτεῖσθαι νῦν τὸ ἔργον | τῆς τιμῆς, ἣν π[ρὸ τ]ῆς ἀρχῆς || ταύτης ἐκαρπωσάμην. | ἔρρωσθε.

Это—рескриптъ τῷ τῶν Εὐμολπιδῶν γένει—по всей вѣроятности, Люція Вера (Диттенбергеръ).

?

124. Inscript. ant. orae sept. ponti Eux., IV, № 81. (Срв. C. I. L, III, 13750.). Цѣлая серія документовъ, касающихся *πορνικὸν τέλος* **въ Херсонесѣ (Таврическомъ),—по мнѣнію Домашевскаго, времени имп. Коммода. Приводимъ здѣсь бóльшую часть этой длинной надписи.**

I.

. . . ουλ . .

. . . οις ευδ . . .

. . (*rasura*) Εὐτυχ . . . .

. . . σωφρο?]σύνης καὶ τῆς κοσ[μιότητος? . . .

. . . 'Ατειλί]ῳ Πρειμιανῷ χειλιαρχῃ κ[αὶ Οὐαλερίῳ Μαξίμῳ >Ρ< . .

. . . . ὅπως μὴ προφάσει τούτων ει . . . .

. . . . τῆς αὐ]τοκρατορικῆς ἀντιγραφῆς καὶ τῆς τῶ[ν . . . .

. . . . προτε]θῆναι δημοσίᾳ, ὅπως πᾶσιν φανεραὶ εἶεν . . . .

. . . . γρα]μμάτων καὶ ἐκ τούτων ἴστε ὅτι οὐδὲν νεωτερισθήσε[ται . . . .

II.

. . . . ψ]ήφισμα πρός με ἀπεστείλατε, οὗ τὸ ἀντίγραφον ὑποταγῆναι ἐκ[έ]λευσα . . . . 'Ατ]ειλίῳ Πρειμανῷ χειλιάρχῃ

καὶ Οὐαλερίῳ Μαξίμῳ >P<. καὶ νῦν δὲ | [. . . . . . . ταῦτα τ]ὰ γράμματα ὁμοίως προτεθῆναι φροντίσατε. Ἐρρῶσθαι ὑμᾶς εὔχομαι.

III.

[. . . . . . . γράμμασι βασιλικ]οῖς καὶ ὑπομνήμασιν πιστεύοντες ὑπατικῶν καὶ ἀποφάσεσιν | χει[λιαρχῶν . . . .]ν τοῦ τέλους τοῦ πορνικοῦ πολλὴν ἀμεριμνίαν ἐθαρροῦμεν ἔχειν | [. . . . . τῆς πο]λειτικῆς ἐπιτειμίας ἐχομένων καὶ ἡ τῶν βασιλευόντων ἐκύρωσεν | [. . . . . καὶ ἡ τῶν ἀποφηναμένων ἠσφαλίσατο γνώμη μετὰ τοῦ μηδὲν ἐπικοι|[νοῦσθαι? . . . . .]ι τὰ ἡμέτερα δίκαια· ἐπεὶ δὲ παρακεινεῖν τὰ οὕτως ἀσφαλῶς ὁρισθέντα οἱ νῦν | . . . . ἐφ' οἷς κωλύονται ἀδίκως καὶ βιαίως τινὰ πράττοντες, ἀλλὰ καὶ δι' ἐν | . . . . τὴ[ν ἀξίωσιν φανερὰν σοι ποιῆσαι ἐπὶ σὲ πεποιήμεθα τὸν εὐεργέ|την | . . . . ἡμεῖν τὴν ἀσφάλειαν τὴν τῶν δεδωρημένων καὶ τῶν κεκριμένων | . . . . α[ς]· ὑπέρθεσιν δὲ τῆς μηνύσεως τῶν βιαζομένων ἡμᾶς οὐδεμί|[αν . . . .]εσθαι κατ' ἀρχὰς ὑπὸ τῆς σῆς φιλανθρωπίας τοὺς ἐπὶ τοῖς καινοῖς | [. . . . . π]ερὶ τοῦ πράγματος τούτου ἀρχῆθεν ἐπιζήτη(σ)ις γενομένη καὶ θε—| [. . . . . τὴν πρ]ος τοὺς βασιλέας ἡμῶν δέησιν φανερὰν σοι πεποιήκαμεν καὶ τὴν | [. . . . . τῶν συμφ]ερόντων ἡμεῖν γραμμάτων προετάξαμεν καὶ τὰ ὑπομνήματα τὰ|[τῶν ὑπατικῶν καὶ τὴν ἀπόφασι]ν τὴν τοῦ χειλιάρχου, ἐπειδὴ καὶ τάξιν ταύτην ἔλαβεν ἀπὸ τῶν δωρησα[μένων . . . . γνώμη]ν περὶ τούτου ἀποφήνασθαι κελευσθέντα χειλίαρχον περιορισθέν|[τ . . . .]κηδεμόνα σε γενόμενον φυλάξειν μὲν τὰ μετὰ τυσαύτης καὶ σκέψεως | [καὶ . . . .]αι ἐπὶ τόποις τοῖς εἰς τοῦτο τὸ τέλος ἀνήκουσιν. εὐλογίστως δὲ προσήσεσθαι | . . . . δέησιν, ἧς οὐδὲν ἀναγκαιότερον ἀνθρώποις καὶ βίου σώφρονος γνωρίζουσι | [τὸ χρήσιμον καὶ ἠθῶν] εὐχομένοις φυλάσσεσθαι σεμνότητα.

IV.

Τίνα ἐπέστειλα Ἀτειλίῳ Πρειμι|[ανῷ καὶ τοῖς ἄλλοις περὶ τοῦ πορνικοῦ τέλ]ους, ὑποταγῆναι ἐκέλευσα προνοῶν μήτε ὑμᾶς παρὰ τὰ δεδογμένα ἐνοχλεῖ|[ζεσθαι μήτε τοὺς ἡμεῖν ὑπηρ]ετοῦντας ὑπερβαίνειν τὸν περιγεγραμμένον ὅρον.

VII.

E(xemplum) e(pistulae). Quid ad decretum Chersonessitanorum rescripserim c[o|gnoscetis ex iis quae . . . .] es subici praecepi, et rursum admoneo caveatis, ne sub obtentu h[uius | modi inquisitionis milites ordinata]m iam pridem placitam ac cust(o)ditam cum dispendio vestrae exsist[ima|tionis . . . . i]nquietent vel innovare quid temptent.

Упоминаемый въ началѣ надписи императорскій рескриптъ могъ быть адресованъ или городу Херсонесу, или намѣстнику провинціи. Въ своемъ прошеніи, или псефизмѣ (?) (IV), Херсонесцы говорятъ м. проч. о *γράμματα βασιλικά*, какъ основаніи извѣстныхъ ихъ правъ, указываютъ на то, что эти права ἡ βασιλευόντων ἐκύρωσε (ἀντιγραφή? διάταξις?) и что они посылали (или собирались послать) прошеніе императорамъ; вѣдь, конечно, здѣсь рѣчь идетъ о Римскихъ императорахъ. Домашевскій полагаетъ, что всѣ посланія этой надписи, кромѣ „epistula consularis" (въ началѣ надписи), суть императорскія. Съ нимъ соглашается теперь и акад. Латышевъ; а прежде (см. Матеріалы по археологіи Россіи, № 9, стр. 43.) онъ считалъ всѣ эти посланія посланіями намѣстника провинціи (Нижней Мезіи) - по нашему мнѣнію, совершенно основательно. Херсонесцы могли обращаться по вопросу о πορνικὸν τέλος и къ императору—прямо или черезъ посредство намѣстника; это и само по себѣ не невѣроятно, и видно изъ надписи; но мало вѣроятнымъ представляется намъ, чтобы императоръ писалъ столько разъ по этому одному дѣлу; уже поэтому вѣроятнѣе, что это—посланія намѣстника провинціи. Далѣе, въ пользу этого мнѣнія, кажется, говорятъ и такія выраженія: *καὶ ταῦτα τὰ γράμματα ὁμοίως προτεθῆναι φροντίσατε*.. и-rursum moneo caveatis. Въ императорскихъ рескриптахъ провинціальнымъ сеймамъ, городскимъ и другимъ обществамъ обыкновенно находимъ дату, указанія, откуда императоръ писалъ, кто доставилъ ему псефизму, и т. п.; ничего этого мы не находимъ въ предполагаемомъ императорскомъ рескриптѣ (II) нашей надписи, хотя въ немъ стоитъ Ἐρρῶσθαι ὑμᾶς εὔχομαι, слѣдовательно, конецъ рескрипта приводится въ полномъ видѣ. Отсутствіе названныхъ указаній въ посланіяхъ Римскихъ провинціальныхъ властей, наоборотъ,—обыкновенно и характерно для нихъ. Акад. Латышевъ высказалъ предположеніе, что, можетъ быть, и этотъ рескриптъ Херсонесцамъ, оканчивающійся словами Ἐρρ. ὑ. εὐχ, принадлежитъ тому-же намѣстнику Мезіи (времени Септимія-Севера) Тертуллу, отъ котораго мы имѣемъ посланіе городу Тирасу, оканчивающееся словами Ἐρρῶσθαι ὑμᾶς καὶ εὐτυχεῖν πολλοῖς ἔτεσιν εὔχομαι. Къ этому мы можемъ прибавить, что вообще Ἐρρῶσθαι ὑμᾶς εὔχομαι характерно для посланій провинціальныхъ намѣстниковъ, въ нихъ его мы находимъ *почти всегда* (иногда Ἐρρ. ὑ. βούλομαι)[1], а въ императорскихъ посланіяхъ—крайне рѣдко, и то въ посланіяхъ или письмахъ

[1]) См. у насъ № 113, а также C. I. G., 3835, Iahreshefte d. Oesterr. Arch. Instit., III, стр. 1. и особенно Heberdey, Opramoas, passim.

болѣе частнаго характера, въ другихъ же обыкновенно стоитъ Εὐτυχεῖτε, рѣже-Ἔρρωσθε (см. выше). Въ нашей надписи послѣ предполагаемаго императорскаго рескрипта слѣдуетъ текстъ прошенія не императору, а намѣстнику. Въ этомъ прошеніи Херсонесцы говорятъ о своемъ прошеніи (одномъ) πρὸς τοὺς βασιλέας; въ виду этого, можетъ быть, мы бы должны ожидать рескрипта не одного императора, а двоихъ? По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ мы полагаемъ, что, если въ нашей надписи было императорское посланіе городу, то развѣ въ началѣ ея, гдѣ сохранились только части словъ.

Септимій-Северъ и Каракалла.

125. Dig. L, 7,5(4): *Marcianus libro duodecimo institutionum*, 1. Sed et eos, quibus ius postulandi non est, legatione fungi non posse et ideo harena missum non iure legatnm esse missum divi Severus et Antoninus rescripserunt.

По всей вѣроятности, такое неподходящее лицо было послано депутатомъ къ императорамъ (срв. Свет., Aug.,44.) и они въ своемъ рескриптѣ соотвѣтствующему городу или сейму м. проч. указали на это.

126. C. I. A., III, 42. Начало посланія Коммода или Каракаллы. См. также 43.

?

127. C. I. A. III, 18. [Ἐπὶ στρατη]γ[ο]ῦ τῶν Ἀχαιῶν Πο. Ἐγνατίου Βραχ[ύλλου(?), ἔδοξε τῷ κοινῷ τῶν Ἀχαιῶν· ἐπεὶ | πρεσβεία ἐ]πέμφθη πρὸς τὸν θειότατον Α]ὐτοκράτορα Μ. Αὐρ. Ἀντωνεῖνον Σεβαστὸν καὶ | ἱκέτευσαν α]ὐτὸν οἱ Ἀχαιοὶ προσδέξασθαι τὰς τειμ[ὰς τὰς ἐψηφισμένας, καὶ ἔδοξεν αὐτοῖς | ἀναστῆσαι σ]τήλας ἐνγεγραμμένον ἐχούσας τὸ περὶ τῶν [τειμῶν ψήφισμα, ὁ δὲ θειότατος | Αὐτοκράτω]ρ τινὰς μὲν προσήκατο τῶν τειμῶν τῶ[ν ἐψηφισμένων, τινὰς δ'οὔ· δεδόχθαι τὴν | ὑπὸ τοῦ Αὐτ]οκράτορος Ἀντω[νείνου σταλεῖ]σαν ἐπιστολ[ὴν ἀναγράψαι...]

О времени, которому принадлежитъ эта псефизма, Диттенбергеръ говоритъ: Quae res quo tempore facta sit, ex imperatoris nomine non satis certo definitur. Nam non omnino dubitatione vacat Antonini nomen quod v. 6. supplevi; et ut certum sit, tamen fere centum annorum (138—222) spatinm relinquitur, interiectis sane nonnullis annis. Accuratius res definitur P. Egnatii nomine, nam homines in provincia nobiles plerumque aut imperatorum aut provinciae praesidnm nomina gentilicia gerere solent, a quibus aut ipsi aut eorum maiores civitatem Romanam acceperunt. Atque

Egnatios scimus duos imperatorum aetate liberis civitatibus provinciae Achaiae praefuisse, Egnatium Proculum Commodo, L. Egnatium Victorem Lolliannm Severo aut Caracalla imperante (Eph. epigr. I p. 248). Quare cum Commodus vix nudo nomine 'Αντωνεῖνος appellari possit, Severus autem id nomen omnino non gesserit, aut Caracalla aut Elagabalus est ille Antoninus, quem habemus in decreto.

?

128. C. I. A. III, Add. et corr., 39 a. Отрывокъ рескрипта двухъ императоровъ городу или сейму. Можетъ быть, это рескриптъ Севера и Каракаллы, едва-ли болѣе поздняго времени.

χαίρειν
[Τοῖς πρέσβεσι]ν ὑμῶν ἐντυχόντες ἐπεὶ καὶ τοῖς ἄ[λλοις
τῷ συν]εδρίῳ πρὸς τὴν χορηγίαν τῶν διανο[μῶν
τὰς μ]ὲν οὖν εἰκόνας, ἃς ἡμῶν τε αὐτῶν καὶ [. . ἀναστῆσαι ἐψηφίσασθε
τῆς ἡμε]έρας, γνώμης συνιέντες βούλεσθε χα . . . .
[ἃς] προτομὰς καλοῦσιν, καὶ συνμέτρου . . . .
συνόδων εἰσκομίζειν ἔνθα ἂν βο[υλ . . . .
. . στημα τῶν ἡμετέρων ὀνομάτων
οὖν τὰ (-οῦντα?) ἐπίφθονα οἰκοῦντες ἐν ἀπ
τ'ἂν εἴη μᾶλλον ἡμε[ῖ]ν κεχαρισμέ[νον]
Κουαδρᾶτος ὁ ἐπίτροπος ἡμῶν

Александръ-Северъ.

129. Cod. Iust. XI, 40(39), 1: *Imp. Alexander A. quattuorviris et decurionibus Fabraternorum.* Cautiones servorum publicorum ita demum firmam securitatem debitoribus praestant, si curatorum adsignantium vel eorum quibus exigendi ius est auctoritate subnixae sunt. Cum autem is qui exsolvisse dicitur solam scripturam actoris suscipientis pecuniam promet, ea tantum defensio consuevit admitti, si quod exsolutum est rationi rei publicae profecisse doceatur. Sane curator vester, si fraude servi constiterit effectum, ut interciperentur a curatore illatae a debitoribus quantitates, de peculio eius quod eo modo deest restituet.

М. Лилеевъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ РАСКОЛА НА ВѢТКѢ И ВЪ СТАРОДУБЬѢ XVII—XVIII вв.

ВЫПУСКЪ II.

НѢЖИНЪ,
Типо-Лит. М. В. Глезера соб. д.
1091 г.

Печатано по постановленію Конференціи Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко

Директоръ *Ф. Гельбке.*

ГЛАВА VIII.[1])

О «проискѣ» старообрядческаго архіерейства Вѣтковскими и Стародубскими раскольниками въ XVIII вѣкѣ.

Вѣтковцы въ XVIII в. заботились не только о пропагандѣ раскола по разнымъ русскимъ окраинамъ, градамъ и весямъ, но и о болѣе прочной постановкѣ устроенной ими на Вѣткѣ церкви. Черный попъ Ѳеодосій утвердилъ здѣсь бѣглопоповщину, но она скоро оказалась недостаточно обоснованной и неудовлетворительно для лучшихъ и мыслящихъ старообрядцевъ разрѣшавшей вопросъ о церкви и спасеніи человѣка при посредствѣ этой церкви. Дальнѣйшимъ шагомъ была мысль о томъ, чтобы объединить все старообрядчество болѣе прочнымъ іерархическимъ началомъ и господствующей церкви противопоставить свою собственную, независимую и канонически правильно устроенную церковь. Вся задача сводилась къ тому, чтобы найти «правильнаго архіерея», который былъ бы достоинъ «возрастить корень древле-православной іерархіи». Многіе при этомъ боялись строгихъ неизбѣжныхъ преслѣдованій со стороны русскаго правительства, и тогда-де послѣдуетъ не только „конечное оскудѣніе священства, но и совершенное истребленіе старой вѣры". Другіе же, наоборотъ, въ самостоятельной старообрядческой церкви, съ тремя чинами духовной іерархіи, со святителями во главѣ, видѣли какъ прочное осно-

---

[1]) Первыя 7 главъ напечатаны въ XIII—XIV томахъ «Извѣстій Историко-Филологическаго Института князя Безбородко»,—вышли и отдѣльной книгой.

ваніе для дальнѣйшаго существованія старообрядчества, такъ и надежное средство поставить устроенную ими на Вѣткѣ церковь такъ, чтобы она являлась дѣйствительной митрополіей всѣхъ ревнителей русской церковной старины. На Вѣткѣ и въ Стародубьѣ, въ первой половинѣ XVIII в., какъ потомъ и во второй, когда раскольники замѣтно здѣсь устроились, освоились съ мѣстными условіями жизни и сравнительно благоденствовали, сильнѣе чѣмъ гдѣ-либо сознавалось, что старообрядчество безъ трехчинной іерархіи не есть еще истинная церковь; хорошо понимали, что церковь безъ епископа не церковь, а только «самочинное сборище», при посредствѣ которой и спасеніе невозможно. Вотъ почему именно здѣсь, въ средоточіи тогдашней поповщины, началось усиленное и дѣятельное исканіе архіерейства, какъ въ первой, такъ и во второй половинѣ XVIII в.

Слѣдуетъ однако замѣтить, что мысль о старообрядческомъ архіерействѣ начала пробиваться у отдѣлившихся отъ православной церкви раскольниковъ очень рано, по нѣкоторымъ указаніямъ еще при жизни Павла Коломенскаго, единственнаго русскаго епископа, до конца жизни пребывшаго на сторонѣ ревнителей стараго церковнаго обряда.[1]) Извѣстно также, что въ 80-хъ годахъ XVII в. мечтали о поставленіи «особаго патріарха или епископа» и Донскіе раскольники [2]). Точно также извѣстно, что поволжскіе раскольники-поповцы сознавались Питириму Нижегородскому, что «безъ церкви нельзя быть, а церковь не можетъ быть безъ епископа». Особенно эта послѣдняя мысль стала безпокоить совѣсть мыслящихъ и начитанныхъ въ святоотеческой письменности старообрядцевъ тогда, когда къ исходу XVII в. стали вымирать священники, оставившіе господствующую церковь при самомъ появленіи Никоновскаго *Служебника*. Относительно Вѣтки есть указаніе, что здѣсь дѣйствовали попы стараго по-

---

[1]) Іона Курносый: Ист. о бѣгств. свящ., напеч. Г. В. Есиповымъ въ прилож. ко II т. его *Раск. дѣлъ XVIII ст.*—Мельниковъ: Ист. оч. поповщ. стр. 24—28, примѣч.

[2]) Ист. о бѣгств. священствѣ *Іоны Курносаго*.—Дополн. къ Акт. истор. т. XII, № 17, стр. 180.

священія до 1708 г. [1]) Потомъ и на Вѣткѣ, какъ и во всей поповщинѣ, „нужды ради“ стали принимать поповъ «новаго рукоположенія», но крещенія «стараго», т. е. крещенныхъ въ три погруженія по Іосифовскимъ книгамъ. Скоро старообрядцамъ-поповцамъ пришлось брать бѣглыхъ поповъ и такихъ, которые были крещены въ три погруженія и не по Іосифовскимъ книгамъ. Одного при этомъ остерегались ревнители церковной старины, чтобы переходившіе къ нимъ попы были рукоположены архіереями великороссами, а не малороссами, заподозрѣнными въ отступленіи отъ православія, въ особенности относительно практиковавшагося иногда въ Малороссіи „обливательнаго крещенія“, которое, по понятіямъ старообрядцевъ, есть крещеніе еретическое, а крещеніе еретическое «нѣсть крещеніе, но паче оскверненіе». Вмѣстѣ съ тѣмъ возникъ вопросъ, какъ принимать поповъ, переходящихъ въ расколъ отъ господствующей церкви: перекрещивать-ли ихъ, какъ еретиковъ, или мѵропомазывать, какъ схизматиковъ, или ограничиться одною «исправою» съ проклятіемъ ересей. Все это давало обильное поле для множества толковъ, споровъ, словопреній, при чемъ старообрядцы воочію убѣждались, что безъ епископа церковь не церковь, что бѣглые ихъ попы суть не законные и для спасенія христіанскаго сомнительные. Подъ вліяніемъ такихъ убѣжденій старообрядцы пришли къ мысли объ исканіи бѣгствующихъ отъ православной церкви архіереевъ, т. е. они рѣшились искать между православными епископами такого, который, подобно бѣглымъ попамъ, согласился бы, подъ условіемъ извѣстнаго чиноприятія, вступить въ старообрядчество и совершалъ бы у нихъ всѣ „архіерейскія дѣйства“. «И таковой убо нуждѣ новорукоположенными іереи на многая лѣта простирающейся», говоритъ стародубскій историкъ раскола XVIII вѣка Иванъ Алексѣевъ, «восхотѣша народы изъ сего новопріятія извинутися, токмо да посвященъ имъ будетъ какой либо

---

[1]) Облич. на протоіерея Андрея Большія Охты,—ркп. Хлудов. библ. № 302, л. 243. Кто былъ на Вѣткѣ послѣднимъ попомъ стараго крещенія и посвященія—неизвѣстно. Ѳеодосій, бывшій священноинокъ стараго посвященія, умеръ несомнѣнно позже 1708 г. О другихъ священникахъ стараго посвященія въ началѣ XVIII в. на Вѣткѣ нѣтъ указаній. Возможно здѣсь одно предположеніе, что упомянутый Ѳеодосій съ 1708 г. прекратилъ церковное служеніе «за немощь конечныя старости...»

отъ новыхъ епископовъ, и сей по древнимъ да хиротонисаетъ имъ іереевъ». [1]) «Но ни великороссійскіе, ни малороссійскіе архіереи», по справедливому замѣчанію извѣстнаго изслѣдователя русскаго раскола, П. И. Мельникова, «ни въ какомъ случаѣ не согласились бы исполнить такую просьбу раскольниковъ. Они были довольно обезпечены, а въ случаѣ согласія на просьбу старообрядцевъ имъ предстояло бы по меньшей мѣрѣ кончить жизнь на Соловецкомъ островѣ или въ Рогервикѣ. Оставалось обратиться къ православнымъ архіереямъ заграничнымъ, которые, не зная русскаго языка и не разумѣя хорошо въ чемъ состоитъ образовавшійся въ русской церкви расколъ и что такое значатъ слова «старый обрядъ» и «древлее благочестіе», могли посвятить старообрядцамъ архіерея» [2]). Послѣдніе и остановились на этой мысли.

Первая попытка осуществленія этой мысли относится къ самому началу XVIII в. Такъ по крайней мѣрѣ ставитъ вопросъ П. И. Мельниковъ въ своихъ „Историч. очеркахъ поповщины". По его словамъ, поповщинскія общины рѣшились послать на Востокъ, къ Грекамъ, хорошаго человѣка, искуснаго въ церковныхъ уставахъ, чтобъ онъ извѣдалъ, какова на самомъ дѣлѣ вѣра у Грековъ и можно-ли отъ нихъ принять епископа, при чемъ выборъ палъ на старца *Леонтія*. Послѣдній въ своихъ паломническихъ путевыхъ запискахъ о цѣли своего путешествія во св. градъ Іерусалимъ кратко высказывается такъ: «Се писахъ мѣста сія святая и путь сей, не возносяся, ни величаяся путемъ симъ, яко что добро сотворивъ, но любве ради сихъ святыхъ мѣстъ, *и понужденъ нѣкіими отцы и братіею*». Кто были эти отцы и братія, и изъ какихъ побужденій они вынуждали Леонтія отправиться въ столь отдаленное путешествіе,—на это нѣтъ опредѣленныхъ указаній какъ въ путевыхъ запискахъ самого старца Леонтія, такъ и въ другихъ тоговременныхъ источникахъ. Не приводитъ ихъ и авторъ «Историческихъ очерковъ поповщины». Такъ-ли дѣло было, какъ предполагаетъ П. И. Мельниковъ,

---

[1]) Ист. о бѣгствующ. свящ. Ив. Алексѣева. Лѣт. рус. лит. Н. С. Тихонравова, т. IV, отд. III, стр. 63—64. Срав. у Журавлева: Ист. изв. о раск. III, стр. 22; IV, стр. 103—104.

[2]) Мельниковъ, П. И. Ист. оч. поповщины. I, 52.

или нѣтъ—сказать, конечно, трудно, за неимѣніемъ прямыхъ или хоть косвенныхъ указаній въ нашихъ источникахъ: но несомнѣнно то, что вѣсти, привезенныя старцемъ Леонтіемъ съ Востока, были не утѣшительны для старообрядцевъ. Его личныя наблюденія надъ нравами, обычаями, религіозностью и благочестіемъ Грековъ, привели его къ очень невыгоднымъ заключеніямъ о ихъ благочестіи. «Греки, писалъ онъ, непостоянны, обманчивы, только малые христіане называются, а и слѣду благочестія нѣтъ. Да и откуда имъ благочестія взять? Грекамъ книги печатаютъ въ Венеціи, такъ они по нимъ и поютъ, а Венеція папежская, а папа главный врагъ христіанской вѣры. Каковы имъ не пришлютъ книги, такъ они по нихъ и поютъ. И такъ малымъ чѣмъ разнились съ папежцы. А что пьютъ, ѣдятъ, то все съ ними вмѣстѣ; а въ церковь, мы сами видѣли, что папежцы къ грекамъ ходятъ, а греки къ папежцамъ: такъ не далеко до соединенія... Всѣ нравы у грекъ и поступки внѣшніе—все басурманскіе, а что прежніе ихъ бывали христіанскіе, такъ у нихъ отнюдь и слѣду нѣтъ... *А духовной чинъ у грекъ хуже простова народа*: крестятся срамно сильно; какъ войдетъ въ церковь, а рукою махаетъ, а самъ то на ту сторону, то на другую озирается, что коза... Патріархъ греческій по вся годы церкви отдаетъ на откупъ, а беретъ за церковь по двѣсти талерей и полтораста, и что годъ, то переторжка: кто больше дастъ, тому и отдаетъ. У нихъ и митрополитъ митрополита ссаживаетъ: далъ лишнее, да и взялъ епархію. Такъ у нихъ много безмѣстныхъ митрополитовъ и поповъ, таскаются по базару, живутъ въ Царьградѣ, да собакъ бьютъ, ходя по улицамъ... А митрополиты греческіе въ церквахъ зѣло неискуссны: все смѣются и съ греками говорятъ со стороны на сторону и пѣнія не слыхать. А самъ, что коза, назадъ оглядывается, кричитъ по церкви: зѣло не хранятъ чина своего церковнаго; наши посельскіе попы лучше ихъ митрополитовъ». Сильно смущаетъ нашего паломника и то, что «патріархи и митрополиты и всѣ духовные играютъ въ карты и шахматы», что «табакъ пьютъ и во грѣхъ того не ставятъ», что «патріархи, митрополиты и попы усы подбриваютъ и гуменцовъ (простриженное на головѣ мѣсто, на макушкѣ) себѣ не простригаютъ, но нѣкакъ странно снизу кругомъ подголяютъ до полголовья, какъ ѳбисы махометанскіе...» Словомъ, старецъ Леонтій не нашелъ на Востокѣ такого православія, о какомъ мечтали наши ревнители „древляго благочестія“. Не-

удивительно, что долго потомъ старообрядцы указывали на слова *„Леонтія Москвитянина“*, что греки «ни близъ де христіанства не хранятъ», что «греческія власти (архіереи) у себя въ келіи *красиковъ* (красавчиковъ) держатъ» и т. п., какъ, напр., въ старообрядческомъ рукописномъ *Цвѣтникѣ* XVIII в., въ 8-ку, принадлежавшемъ прежде Добрянскому мѣщанину Петру Тихонову Головневу, а потомъ П. И. Мельникову [1]).

Стояла-ли въ какой-либо связи эта первая попытка отыскать старообрядческаго архіерея при посредствѣ греческихъ архіереевъ съ Вѣткой и ея позднѣйшими стремленіями, на это нѣтъ никакихъ указаній. Несомнѣнно одно, что Вѣтковскіе раскольники находились въ сношеніяхъ съ Москвой и сосѣдними съ нею мѣстностями и въ первой четверти XVIII в., какъ показываютъ факты, приведенные нами въ IV гл. нашего изслѣдованія относительно вліянія Вѣтковскихъ проповѣдниковъ раскола на Москву и сосѣднія съ нею мѣстности. Дѣло доходило до того, что одинъ изъ Московскихъ священниковъ, служившій при церкви Николая Чудотворца на Пескахъ, что за Смоленскими воротами, Ѳедоръ Матвѣевъ, былъ сосланъ въ 20-хъ годахъ XVIII в. въ Соловки за то, что отклонялъ своихъ прихожанъ отъ исправленія требъ у православныхъ священниковъ. Онъ же имѣлъ у себя требникъ *съ припискою* въ чинѣ исповѣди вопроса: «не бривалъ-ли по еретически брады?» и хранилъ въ дароносицѣ двоевѣрные *дары;* одни бѣлые и подлинно, по его словамъ, освященные, и другіе смуглые, *привезенные съ Вѣтки* [2]). При-

---

[1]) Подробности о старцѣ Леонтіи и его путевыхъ запискахъ см. въ нашей ст.: «Къ вопросу объ авторѣ путешествія во св. землю (1701—1703 гг.) Московскомъ священникѣ Іоаннѣ Лукьяновѣ или старцѣ Леонтіи». (Отт. изъ IX кн. «Чт. въ истор. общ. Нестора Лѣтописца. Кіевъ. 1894 г.»), а также въ I в. нашего изслѣдованія—„Изъ ист. раск. на Вѣткѣ и въ Старод. XVII—XVIII вв.“, стр. 244—256. Срав. замѣчанія о томъ же проф. С. Т. Голубева въ рецензіи на I вып. нашего соч., представленнаго на четвертое соисканіе преміи Г. Ѳ. Карпова. Чт. въ Имп. Общ. Ист. и Древ. Росс. при Моск. унив. за 1898 г., стр. 25—30. Есть и отдѣльная брошюра: «Отчетъ о четвертомъ присужденіи преміи Г. Ѳ. Карпова Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. при Моск. Унив. М. 1898 г. Пыпинъ, А. Н. Ист. рус. лит. Спб. 1898. Т. II, стр. 257, 267—268.

[2]) Есиповъ: Раскол. дѣла XVIII ст. т. I, стр. 239—242, 247—249, 251—253, 258—260. Оп. док. и д., хран. въ арх. св. Син. т. VI, стр.

близительно въ концѣ перваго или самомъ началѣ второго десятилѣтія XVIII в. и самъ старецъ Леонтій былъ принятъ на Вѣткѣ священникомъ Іовомъ, подъ именемъ священноинока *Леонтія*, и былъ седьмымъ изъ числа принятыхъ послѣднимъ, согласно свидѣтельству Лѣтописи Вѣтковской церкви Я. С. Бѣляева (л. 21 об.). Это былъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ старообрядческихъ пропагандистовъ раскола въ Москвѣ, Калугѣ и сосѣднихъ съ ними мѣстностяхъ. Бывалъ онъ и въ Стародубьѣ и живалъ въ слободѣ Зыбкой (нынѣшнемъ г. Новозыбковѣ), какъ показывалъ Зыбковскій войтъ Михайла Мартыновъ стародубскому православному миссіонеру Іосифу Рѣшилову, и Мартыновъ имѣлъ его, Леонтія, отцомъ своимъ духовнымъ. (Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Син. т. I, ст. 585, примѣч.).

Не смотря на многіе труды и старанія, старообрядцамъ долго не удавалось «сыскать чинъ епископскій». Не удовлетворяясь дѣйствительнымъ положеніемъ вещей въ своихъ общинахъ, въ утѣшеніе-ли себѣ, въ подкрѣпленіе-ли колеблющихся, старообрядцы пустили въ ходъ свою досужую фантазію, и уже въ послѣднихъ годахъ XVII в., по словамъ П. И. Мельникова, «распустили слухъ, что хотя они и не имѣютъ въ Россіи епископа, но есть на землѣ мѣста сокровенныя, Богомъ спасаемые грады и обители, гдѣ твердо и нерушимо соблюдается «древлее благочестіе» и епископы правовѣрные сіяютъ какъ солнце». Эту правовѣрную церковь Христову съ богопреданнымъ священствомъ и епископами, благодаря своей фантазіи, они находили гдѣ-то на Востокѣ, не умѣя, впрочемъ, точно указать мѣста ея нахожденія. На этой основѣ мало по малу обосновался другой слухъ, что «не всѣ восточные патріархи отъ притѣсненія турецкаго ослабѣли въ правовѣріи и исказили вѣру Христову латинскою и кальвинскою ересями, что патріархъ Антіохійскій съ подвѣдомственными ему церквами, непреложно и нерушимо хранитъ святоотеческія правила, преданія и обряды во всемъ, и твердо содержитъ «древлее благочестіе».

21, 564—565. Т. I, стр. 91, 178—179, 185, 332—333, 343—344, 395—398. Т. II, № $\frac{1112}{492}$, ст. 415—416. Полн. собр. пост. и расп. по вѣд. правосл. испов. Т. I, ст. 58—59, 72—75, 308. Сравн. I в. «Изъ ист. раск. на Вѣткѣ и въ Starод. XVII—XVIII в.», стр. 223—244, 255—256.

Почему именно старообрядцы отнесли это крѣпкостоятельство въ святоотеческихъ правилахъ, преданіяхъ и обрядахъ именно къ Антіохійскому, а не другому патріарху, Мельниковъ, между прочимъ, объясняетъ тѣмъ, „что Арсеній Сухановъ, не бывъ въ Антіохіи, ничего не говорилъ о ней". Съ другой стороны, Антіохійскій патріархъ Макарій два раза былъ въ Москвѣ и даже проѣзжалъ Волгой, жилъ нѣкоторое время въ Желтоводскомъ Макарьевѣ монастырѣ, вокругъ котораго расколъ въ то время былъ въ полномъ разгарѣ, и раскольники могли видѣть и видѣли, что «патріархъ Божія града Антіохіи» не соблюдаетъ ихъ излюбленныхъ обрядовъ. «Такъ», говорили старообрядцы, Макарій дѣйствительно отступилъ отъ православія, «это вѣрно; но Господь не допустилъ его до „Божія града", да не внесетъ въ него разврата и еретическаго ученія: на пути онъ злою смертію издше, и благочестіе сіяетъ въ Антіохіи по прежнему". Слухъ объ антіохійскомъ патріархѣ, нерушимо и непреложно сохраняющемъ «древлее благочестіе», былъ принятъ за неоспоримую истину не только поповщинскими общинами, но и безпоповщинскими [1]).

Въ связи съ образовавшейся легендой о нерушимомъ сохраненіи святоотеческихъ преданій и обычаевъ въ патріархатѣ Антіохійскомъ надо поставить и широко распространившееся въ старообрядческомъ мірѣ XVIII вѣка рукописное путешествіе безпоповщинскаго монаха Марка изъ скита Топозерскаго, Архангельской губерніи, Кемскаго уѣзда. Оно озаглавливается такъ: «*Путешественникъ, сирѣчь маршрутъ въ Опоньское царство, писанъ дѣйствительнымъ самовидцемъ, инокомъ Маркомъ Топозерской обители, бывшимъ въ Опоньскомъ царствѣ. Его самый путешественникъ*». Время написанія этого путешествія точно неизвѣстно; распространеніе же его среди старообрядцевъ относится по всей вѣроятности ко второй половинѣ XVIII в. Въ своемъ путешественникѣ безпоповщинскій старецъ разсказываетъ, что ходилъ онъ въ Сибирь, добрался до Китая, перешелъ степь Гоби и дошелъ до «Опоньскаго царства», что стоитъ на океанѣ-морѣ, называемомъ «Бѣловодіе», на семидесяти островахъ. Искавъ съ большимъ терпѣніемъ древляго благочестія на Востокѣ, Марко нашелъ его будто-бы въ Японіи, извѣщенный о томъ

---

[1]) Мельниковъ: Ист. оч. поп. Стр. 38—39.

«христоподражателями древляго благочестія св. соборныя и апостольскія церкви». «Въ восточныхъ странахъ съ великимъ нашимъ любопыствомъ и стараніемъ, говоритъ онъ, искали древляго благочестія православнаго священства, которое весьма нужно ко спасенію, съ помощію Божіею и обрѣли асирскаго языка 179 церквей, имѣютъ патріарха православнаго, Антіохійскаго поставленія, и четыре митрополита. А Россійскихъ до сорока церквей, тоже имѣютъ митрополита и епископовъ, асирскаго поставленія Отъ гоненія римскихъ еретиковъ много народу уклонилось въ тѣ самыя восточныя страны, а Россіяне во время измѣненія благочестія уклонились изъ Соловецкія обители и изъ прочихъ мѣстъ. Много народу отправлялось кораблями Ледовитымъ моремъ и сухопутнымъ путемъ. Богъ наполняетъ сіе мѣсто. А кто имѣетъ сомнѣніе, то поставляю Бога во свидѣтеля нашего: имать приноситися безкровная жертва до второго пришествія Христова. Въ томъ мѣстѣ приходящихъ изъ Россіи пріимаютъ первымъ чиномъ; крестятъ совершенно въ три погруженія, желающихъ тамо пребыть до скончанія жизни. Бывшіе со мною два инока согласились вѣчно остаться: приняли св. крещеніе. И глаголютъ они: „вы всѣ осквернились въ великихъ и разныхъ ересяхъ антихристовыхъ, писано бо есть: изыдите изъ среды сихъ нечестивыхъ человѣкъ и не прикасайтеся имъ... Въ тамошнихъ мѣстахъ татьбы и воровства и прочихъ противныхъ закону не бываетъ. Свѣтскаго суда не имѣютъ; управляютъ народы и всѣхъ людей духовныя власти. Тамо древа равны съ высочайшими древами. Во время зимы морозы бываютъ не обычные съ разсѣдинами земными и громы съ землетрясеніемъ не малымъ бываютъ. И всякіе земные плоды бываютъ: родится виноградъ и сорочинское пшено... А оные Опоньцы въ землю свою никого не пущаютъ и войны ни съ кѣмъ не имѣютъ: отдаленная ихъ страна. Въ Китаѣ есть градъ удивительный, яко подобнаго ему во всей подсолнечной не обрѣтается. Перва у нихъ столица—*Кабанъ*». [1]).

---

[1]) Ibid. Стр. 39—44. Собственно о Топозерскомъ скитѣ см. «Топозерскій скитъ. Очерки Арханг. губ.» К. Соловцова. Арханг. Губ. Вѣд 1861 г., сентябрь. Прушакевичъ «Сказаніе о Топозерскомъ скитѣ», Арх. Губ. Вѣд. 1868 г., № 63. Подробности о старообрядческихъ маршрутахъ или путникахъ XVIII-го и начала XIX в. см. въ ст. А. П. Ща-

нова: «Земство и расколъ», напечат. въ журналѣ «Время». Здѣсь онъ, между прочимъ, говоритъ о томъ, что «въ эпоху распространенія и развитія раскола, образовались у старообрядцевъ свои особыя пути-дороги, помимо трактовыхъ, общихъ, въ родѣ дорогъ, указанныхъ въ раскольничьихъ маршрутахъ, или въ родѣ такъ называемой *сиротской дороги*, проложенной въ XVIII в. бѣглыми гонимыми старовѣрами по Саратовской степи къ Уралу» (стр. 277). Тутъ же онъ приводитъ выдержку изъ маршрута или путника «въ какую-то азіятскую, невѣдомую страну». При ближайшемъ ознакомленіи съ этой выдержкой оказывается, что это тотъ же путникъ въ Опоньское царство, но повидимому другой редакціи, чѣмъ путникъ Марка Топозерскаго. Вотъ этотъ маршрутъ: „На Екатенбурхъ, на Томскъ, на Барнаулъ, вверхъ по рѣкѣ Катурнѣ на Красной Яръ, деревня Ака, тутъ часовня и деревня Устба. Во Устбѣ спросить страннопріимца Петра Кирилова, зайти на фатеру. Тутъ еще множество фатеръ. Снѣговыя горы: оныя горы на 300 верстъ, отъ Алама стоятъ во всемъ видѣ. За горами Дамасская деревня; въ той деревнѣ часовня; настоятель схимникъ Іоаннъ. Отъ той обители есть ходъ 40 дней съ роздыхомъ, чрезъ Кижискую землю, потомъ четыре дни ходу къ Татанію, тамъ восѳонское государство; живутъ въ губѣ океяна моря: *мѣсто нызываемое бѣловодіе* и озеромъ Ловѣ, а на немъ 100 острововъ, а одинъ островъ есть... верстъ, а на нихъ горы, а въ горахъ живутъ о Христѣ подражатели Христовой церкве, православные христіяне. И съ тѣмъ прошу желающихъ православныхъ христіанъ; прямымъ образомъ, безъ всякой лести васъ увѣряемъ всѣхъ православныхъ христіанъ, желающихъ послѣдовать стопамъ Христовымъ. А тамъ не можетъ быть антихристъ, и не будетъ. И во ономъ мѣстѣ лѣса темные, горы высокія, разсѣдлины каменны; а тамъ народъ именно, варварствъ никакихъ нѣсть и не будетъ, а ежели бы всѣ китайцы были христіяне, то бъ и ни едина душа не погибла... Любители Христовы, грядите вышеозначенною стезею!... Отъ пана гонимы изъ своея земли, отлучилися пятьсотъ лѣтъ и пріискивали имъ мѣсто два старца; *церквей сирскихъ* (асирскихъ)... *сущихъ христіанскихъ... Россійскихъ церквей 44, и христіанскіе у нихъ митрополиты занялись отъ сирскаго патріарха. И отлучилися отъ своихъ мѣстъ отъ численія Никона патріарха, а приходъ былъ отъ Зосимы и Савватія, святыхъ Соловецкихъ чудотворцевъ, кораблями чрезъ Ледовое море.* И такимъ образомъ, отцы посылаеми, проискивали отъ Изосимы и Савватія. *Сей же памятникъ писалъ самъ, тамо былъ, и писалъ имъ свое многогрѣшное иное* (имя?) *Михаилъ своею рукою, и о Христѣ съ бра-*

Въ нашей исторической литературѣ первымъ высказался объ этомъ безпоповщинскомъ произведеніи XVIII в. *П. И. Мельниковъ*. Онъ находилъ, что въ Китайскихъ владѣніяхъ, собственно въ приамурской области, издавна селились бѣглые изъ Сибири раскольники, и это считалъ не

тіею своею писалъ вамъ". (Стр. 277—278). Кто этотъ Михаилъ - неизвѣстно. Неизвѣстно и то, откуда извлекъ А. П. эту выдержку.

Кромѣ того, существуютъ особые народные заговоры и молитвы „*въ путь идущимъ и назадъ идущимъ*". Молитвы эти употребительны какъ у раскольниковъ, такъ и въ извѣстной средѣ у православныхъ. Молитва *въ путь идущимъ*: „Господи Боже нашъ, въ путь шествовати угоднику своему Якову устрои его, рабу своему (имя рекъ) сопутствуй, раба своего, Владыко, изми отъ искушенія, разбойника, разбойства, всякаго навѣта, и въ ширѣ и близко пространства. Устави прежде всякаго творяща промыслъ по заповѣдемъ твоимъ, исполни житіе небесныхъ благъ, бывши тамо, возвратиться благоволи: яко твое есть царство, сила и слава, Отца и Сына и св. Духа. Аминь". *Молитва назадъ идущимъ:* «Господи Владыко, Боже отецъ нашихъ, тя просимъ, тебя съ милосердіемъ, якоже бѣ изволилъ самъ взыти съ угодникомъ твоимъ Моисеемъ во свѣтѣ. Люди твоя избра, Израильтяне извѣда въ земли чуждой, такожде и нынѣ самъ иди съ рабомъ твоимъ (имя рекъ), самъ своихъ сохрани, ихъ день и нощь, якоже укрѣпилъ Іисуса Навина, образомъ и крестомъ съ молитвою...» (Ibidem, стр. 278). О народныхъ заговорахъ въ Петровское и послѣпетровское время см. дѣло св. Синода, № 211—269, по словесному доношенію присланнаго изъ Вышняго суда капитана Бредихина, о разсмотрѣніи заговорныхъ, волшебныхъ и раскольническихъ писемъ, травъ и кореньевъ, найденныхъ у содержащагося подъ арестомъ бывшаго Новгородскаго „ландрихтера" Ивана Иванова Мякинина. Къ сожалѣнію, самыя письма сожжены. Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Син. т. V. (Спб. 1897 г.), стр. 361—366. О «*заговорѣ при отправленіи въ путь*» см. въ *Сборн. заговоровъ* Имп. Публич. Библ. XVII в., (О. Ш. № 185), и въ Сборн. той же библіотеки XIX в., об. 24 (О. XVII. № 46). Оба сборника были пріобрѣтены отъ помощника директора Л. Н. Майкова. См. Отч. Имп. Публ. Библ. за 1889 г. Спб. 1893, стр. 141—142.

подлежащимъ никакому сомнѣнію, такъ какъ объ этомъ производилось нѣсколько дѣлъ, не приводя однако никакихъ документальныхъ указаній. Что же касается Японскихъ старообрядцевъ, то относительно ихъ, на сколько это извѣстно, говорилъ лишь одинъ Марко Топозерскій, да поселянинъ Томской губерніи Бобылевъ, подавшій о нихъ въ 1807 г. особую записку въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ послѣдней онъ писалъ, что на морѣ-океанѣ, въ Бѣловодьѣ, живутъ старообрядцы, русскіе подданные, ушедшіе туда во время церковныхъ раздоровъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Тамъ, говорилъ Бобылевъ, они имѣютъ *своихъ епископовъ*, священниковъ и церкви, въ которыхъ служатъ по стариннымъ книгамъ, при крещеніи младенцевъ и при бракѣ ходятъ по солонь, молятся двуперстнымъ сложеніемъ, книгъ, напечатанныхъ при патріархѣ Никонѣ и послѣ него, не принимаютъ, за государя и за войско молятся. Когда дошелъ до нихъ слухъ, что Государь Александръ Павловичъ позволилъ старообрядцамъ строить церкви по старому закону, то они изъявили желаніе вѣрно служить Его Величеству, нести всѣ тягости и повинности, и испрашивали за оставленіе отечества прощенія. Живутъ они, по увѣренію Бобылева, въ трехъ мѣстахъ; къ нимъ надо ѣхать по дорогѣ изъ Бухтерминской волости, Алтайскаго округа, черезъ Китайскую границу: въ одномъ мѣстѣ ихъ слишкомъ тысяча душъ, въ другомъ—до семи сотъ, а въ Бѣловодьѣ болѣе полумилліона. Дани никакому государству не платятъ. Бобылевъ вызывался отправиться къ нимъ и исполнить все, что ему будетъ приказано, для того, чтобы тѣ старообрядцы возвратились въ русское подданство. Правительство приняло предложеніе Бобылева. Ему дали 150 руб. и приказали явиться къ Сибирскому генералъ-губернатору, отъ котораго онъ долженъ былъ получить дальнѣйшія приказанія. Но Бобылевъ къ генералъ-губернатору не явился и пропалъ безъ вѣсти. Доходили до правительства и позже слухи о множествѣ русскихъ старообрядцевъ и церквей въ Японіи, какъ и о нѣсколькихъ епископахъ и даже патріархѣ; но слухи слухами такъ и остались, и русскіе старообрядцы не были открыты въ Японіи. Возможно, конечно, что Сибирскіе раскольники могли пробираться на Курильскіе острова, а оттуда въ Японію, какъ по своимъ торговымъ дѣламъ, такъ и для поселенія тамъ; но патріархъ старообрядческій въ Японіи и митрополиты и 179 старообрядческихъ церквей, по всей вѣроятности, плодъ изобрѣта-

тельной способности старца Топозерскаго Марка, какъ повидимому совершенно справедливо замѣтилъ въ свое время П. И. Мельниковъ [1]).

---

[1]) Ibidem, стр. 44. О сношеніяхъ русскихъ людей съ Китаемъ и Японіей, см. *Зап. о Китайской границѣ*, составл. въ 1846 г. совѣтникомъ пограничнаго правленія *Сычевскимъ:* Сношенія Россіи съ Китаемъ политическія и торговыя съ конца XVII в. по 1769 г. Сообщ. *В. Н. Басниnъ.* Чт. въ общ ист. и древн. росс. 1875 г., II, 1—292. Срав. „Вѣдом. о Китайской землѣ и глубокой Индѣи", составл. стольникомъ и воеводой Тобольскимъ *П. И. Годуновымъ* въ 1669 г. и изд. С. О. Долговымъ въ Пам. древн. письмен. 1899 г., CXXXIII, 14 и д. *Описаніе о Японѣ*, содержащее въ себѣ три части... Печ. въ Спб. при Акад. наукъ 1734 г. Первая часть содерж. «Изв. о Японѣ и о винѣ гоненія на христіанъ», 2-я —«Ист. о гон. на христіанъ», а 3-я—«Изслѣд. странствов. Генриха Гагенара въ Восточную Индію», сочин. чрезъ Франц. Карона. Подроб. объ изд. у Губерти—I, № 19 и у *Острог лазова*—въ Рус. Арх. за 1892 г. № 3, стр. 406—407. О Японіи въ кн. *Колотыгина*—Спб. 1817 г. О попыткахъ торгов. снош. съ Японіей въ XVIII и XIX ст. Морск. Сборн. 1869 г., по Иркут. и Охот. архив. О снош. русскихъ съ Японіей, съ коп. разн. донес. о путеш. кап. *Головина*: Вѣст. И. Р. геогр. общ., журн. общ. за 1852 и 1853 гг. Историч. мат. о снош. европейцевъ съ Японіей, *И. С. Сельскаго* (Зап. Сибир. отд., т. IV). Зап. путеш. *Лаксмана* въ Японію. Сѣв. Арх. 1822 г., ч. 1, № 3. Рус. Арх. 1865 г., стр. 805—851. Докум. снош. съ Японіей 1791 г. Арх. кн. Воронцова, т. XXIV. Акты о снош. Росс. съ Японіей въ XVIII—XIX вв., собр. *В. Н. Бергомъ.* Сѣв. Арх. 1826 г., ч. XXII, №№ 14 и 15. Сравн. Лѣт. зан. Арх. Ком., в. VI, стр. 133. Геннади, I, стр. 83. «Рус. старообрядцы въ Китаѣ» (Восточ. Обозр. 1884 г., № 38). Въ ст. этой приводится въ подлинникѣ рукоп., находящаяся въ Ташкентскомъ Музеѣ и содержащая въ себѣ любопытныя данныя о томъ, какъ Сибирскіе старообрядцы—капиталисты сооружали цѣлыя предпріятія для отысканія своихъ единовѣрцевъ въ Кашгарѣ и какія тщательныя свѣдѣнія собирали о нихъ. Ркп. относится къ 1800 г. Срав. «По вопросу о старообрядцахъ въ восточномъ Туркестанѣ» Я. Безукладникова. «Туркест. Вѣст.» 1873 г., № 47. По *Космографіи* 1670 г., изд. общ. древ. письм., Спб. 1878—1881 гг., славнымъ по торговлѣ городомъ въ Японіи былъ г. *Оссакая*: „къ тому городу изъ разныхъ окрестныхъ государствъ съ

Тотъ же изслѣдователь подмѣтилъ черты сходства между «патріархомъ асирскаго языка, что въ Опоньскомъ царствѣ, по «Путешественнику» Марка Топозерскаго, и легендарнымъ Іоанномъ Пресвитеромъ, могущественнымъ царемъ христіанскаго государства въ Средней Азіи, легенда о которомъ въ древнюю русскую письменность проникла подъ именемъ «Сказанія объ Индѣйскомъ царствѣ». И тотъ идругой первосвященники, и тому и другому подсудны всѣ мірскія дѣла. Тамъ свѣтскаго суда не имѣютъ, говоритъ Марко, управляютъ народы и всѣхъ людей духовныя власти, и преступленій тамъ нѣтъ. Совершенно тоже и въ царствѣ Іоанна Пресвитера. Далѣе вся обстановка таинственной земли Опоньской: эти земныя разсѣдины, эти необычайные морозы, при которыхъ однако ростутъ и виноградъ и рисъ, эти землетрясенія и безпрестанные громы и молніи—все это такъ сходно, если не совсѣмъ похоже на средневѣковыя европейскія сказанія о таинственныхъ земляхъ отдаленнаго востока[1]).

разными товары пріѣзжаютъ, ярмонки и торговли великіе бываютъ"... О городѣ *Бунгумъ* тамъ же замѣчено, что тамъ живетъ «*много христіанъ*»... (Гл. О).—А. А. Титовъ. Сибирь въ XVII в. Сборн. старинныхъ рус. статей о Сибири и прилегающихъ къ ней земляхъ. Съ приложеніемъ снимка со старинной карты Сибири. Изд. Г. Юдинъ. М. 1890 г.

[1]) Ibid. стр. 45. Сказаніе о пресвитерѣ Іоаннѣ весьма распространено на Западѣ и у насъ. На Западъ оно проникло въ эпоху Крестовыхъ походовъ. Въ основаніи слуха о царѣ-пресвитерѣ лежалъ дѣйствительный фактъ успѣха несторіанскаго христіанства среди племенъ Средней Азіи, записанный у Абуль-Фараджа; легендарный же элементъ сказанія о царствѣ, полномъ всѣхъ благъ міра, и о царѣ-священникѣ, идущемъ на защиту христіанъ отъ невѣрныхъ, создался благодаря угнетеніямъ восточныхъ христіанъ турками и сарацинами. Въ царствѣ этомъ, по краткой *Космографіи* (см. предисловіе къ указанной выше *Космографіи* 1670 г.), «вѣра евангелицкая, толико жъ горды имѣютъ нравы, аще пріѣзжіе гости, кои ихъ вѣры не учнутъ вѣровати, и они у нихъ на главахъ бумажные шлыки зажигаютъ, и оттого изгораютъ» (стр. 23). Литература о пресвитерѣ І. весьма обширна какъ иностранная, такъ и русская. Assemani, Bibl. orientalis; Moshemii, Hist. Tartarorum ecclesiastica; G. Oppert, Der presbyter Johannes in Sage u. Geschichte (B., 1870); Zarncke, Der Priester Johannes (L., 1776); Брунъ, Странствов. царя-

Не смотря на всю фактическую несообразность разсказа Марка Топозерскаго и Томскаго поселянина Бобылева о старообрядческомъ «патріархѣ асирскаго языка» въ Японіи и многочисленныхъ тамъ старообрядческихъ церквахъ, русскіе старообрядцы не сомнѣвались въ ихъ дѣйствительности и вѣрили, что есть у нихъ своя іерархія, хотя и оторванная отъ нихъ дальностію разстоянія. Увѣренность раскольниковъ въ дѣйствительности японской іерархіи повела въ концѣ концовъ къ тому, что въ XVIII и началѣ XIX в. появились у нихъ самозванцы-попы, ходившіе якобы за посвященіемъ въ Опоньское царство и даже показывавшіе ставленныя грамоты отъ небывалыхъ архіереевъ, собирая мзду за исправленіе требъ отъ легковѣрныхъ. Увѣренность эта продолжается и доселѣ. Во второй половинѣ XIX в. появился даже архіепископъ, получившій хиротонію въ Бѣловодьѣ. Именно въ 80-хъ годахъ прошлаго XIX в. представителемъ «Бѣловодской» іерархіи служилъ нѣкто *Аркадій*, выдававшій себя за архіепископа, получившаго хиротонію въ Бѣловодьѣ, въ Опоньскомъ царствѣ, отъ Мелетія, патріарха Славяно-Бѣловодскаго, Индостанскаго, Индійскаго и пр. и пр. Въ статьѣ «Церков. Вѣд.» 1889 г., № 24, стр. 686—689: «Новоизобрѣтенная іерархія у раскольниковъ» приведены любопытныя выдержки изъ двухъ ставленныхъ грамотъ Аркадія: краткой, подписанной патріархомъ Мелетіемъ и 4 митрополитами «сирскаго языка», и пространной, подписанной, кромѣ п. Мелетія, «царемъ и кралемъ Камбайскаго царства», 38 митрополитами, 30 архіепископами, 24 епископами, 38 архимандритами и 28 игуменами. *Г. Ив. Никифоровскій* въ Христ. Чт. 1890 г. (нояб.-дек.) въ ст.: «Къ матеріаламъ для характеристики современнаго раскола

пресв. I. (Зап. Новор. унив., т. V); Путеш. генуэзцевъ вокругъ Африки въ царство попа Ивана (Вѣст. И. Р. Геогр. Общ. 1859 г., кн. 5); Н Баталинъ, Сказ. объ Инд. царствѣ (Воронежъ, 1876), Семеновъ, Землевѣдѣніе Азіи (Спб. 1856 г.); Пыпинъ, А. Н., Очеркъ стар. пов. и сказокъ; В. Бартольдъ, О христ. въ Туркестанѣ въ до-монгольскій періодъ (Зап. Вост. отд. И. Р. Археол. Общ., т. VIII, в. I—II). «Сказ. о Инд. царствѣ и чудесахъ въ той земли» переписывалось еще въ XVIII в. См. Сборн. Имп. Публ. Библ. (Q. XV. № 90). Отч. Имп. П. Б. за 1889 г. Спб. 1893 г. стр. 27.

(Бѣловодская іерархія»), стр. 689—694, сообщилъ чинъ пріятія въ «Бѣловодское» согласіе приходящихъ изъ церкви великороссійской, изъ безпоповщины, бѣглопоповщины и толка «австрійскаго», заимствованный имъ изъ небольшой рукоп. тетрадки, принадлежавшей самому Аркадію и потомъ отобранной отъ него. Въ основу Аркадіева чинопріятія положенъ такъ назыв. „второй чинъ": Аркадій принимаетъ приходящихъ къ нему изъ православія и раскола *чрезъ мѵропомазаніе*. Чинъ начинается анаѳематствованіемъ прежде всего «Никоніанской ереси», затѣмъ безпоповщинской, Бѣлокриницкой, бѣглопоповщинской... За «отреченіемъ» отъ ересей въ чинѣ слѣдуетъ пространное исповѣданіе вѣры, въ коемъ особенно примѣчательны заключительныя слова: „прежде бывшихъ восточныхъ патріарховъ: Константинопольскаго, Антіохійскаго, Александрійскаго, Іерусалимскаго и настоящаго святѣйшаго Славяно-Бѣловодскаго, Остъ-Индскихъ, и Японскихъ, и Англо-Индійскихъ островов (затѣмъ между строкъ: «Индостана и Камбайскаго царства, Америки и Хили, Магелланскія земли и Патагоніи), и отъ него поставленныхъ, по благодати св. Духа, митрополитовъ, и архіепископовъ, и епископовъ, и отъ нихъ поставленныхъ священниковъ (пріемлю и имъ) въ послушаніи и въ повиновеніи пребуду до смерти". Рядъ предварительныхъ церемоній, предшествующихъ мѵропомазанію, заканчивается въ чинѣ вопрошеніями «святителя», на которыя должны отвѣщевать поступающіи подъ духовное водительство «Бѣловодской» іерархіи. Здѣсь исключительное почти вниманіе удѣлено «Никоніанамъ», которые, какъ видно, не даютъ покоя поборникамъ древляго благочестія даже въ странахъ Патагонскихъ и Магелланскихъ... «Проклинаеши ли и отрицаеши ли нововведенный расколъ и ересь отъ Никона, и повелѣніемъ царя Петра Перваго и отъ него установленнаго Синода?.. Отрицаешилися и проклинаеши ли—съ еретики, и отступники, и расколоучители, и съ ереси начальники, и съ жиды, и съ Агаряны, съ Латынниками, и Люторанами, Калвинами и Гусистами, и Агликанами, и Арменами, и Персами, и Аріянами, и съ Коптами, и съ Яковитами, и Павликіянами и Северіянами, Македоніянами и прочими еретики, и съ идолопоклонниками, и съ непросвѣщенными св. крещеніемъ, и съ язычниками, и со псы, и кошки,—еже съ тѣми съ единаго сосуда ясти и пити?.. Отрицаелишися и проклинаеши ли новаго ученія, новаго толкованія, новыхъ книгъ и всякія хулы, яже пи-

шутъ на Христа и на вся христіяны, и хулы на Бога, яже пишутъ, и учатъ, что нѣсть Бога... и единороднаго Сына и животворящаго Духа... и Пресв. Богородицы... и св. ангелъ... и св. пророкъ и апостолъ..., и что Богъ не сотворилъ неба и земли, сего видимаго свѣта, и что сіе твореніе не Богомъ сотворено—небо и земля, и свѣтъ и тьма, солнце и луна, и звѣзды, и свѣтъ, и стихіи, трава и крины, и цвѣты, и древіе лиственная, горы и холмы, и море, и озера водная, и блата, и рѣки, и птицы пернатыя, и рыбы морскія, и звѣріе, и скоты, и гады, и зміи, и кони, волове, и овца,— просто рещи—всяка тварь; но злословятъ, что якобы сія вся не Богомъ же сотворено, но нѣкоею природою самопроизвольно. Что человѣкъ первый не Богомъ сотворенъ, но произошелъ отъ нѣкоего дикаго звѣря: обезьяна, и что сей видимый міръ, или свѣтъ сотворенъ 11 тысящъ или болѣе 13-ти т. лѣтъ, и всеміарнаго потопа не было, и что Господь нашъ І. Х. не сходилъ съ небесъ для спасенія рода человѣческаго..., что І. Х. былъ простъ человѣкъ и могъ (все) сотворить ученостію и мечтаніемъ, и тѣмъ могъ къ себѣ обратить другихъ... *И сія хулы, яже развратно пишутъ и учатъ, что солнце стоитъ, а земля ходитъ, и громы и молнія бываютъ отъ нѣкоего, по ихъ толкованію, електричества*, *и что якобы туча съ тучею сходится и отъ того бываетъ молнія и громъ.* Еще всѣ учатъ, и беззаконно толкуютъ, что не будетъ воскресеніе мертвыхъ..., но душа по разлученіи отъ тѣла восходитъ въ воздухъ, а тѣло предается тлѣнію... Еще же блядословятъ, что душа отъ человѣкъ по смерти... переходитъ во птицы и звѣри, и во псы, и скоты, а послѣди паки къ вновь рождаемому человѣку возвращается... Еще злорѣчатъ, что св. Евангеліе—умышленіе для обузданія человѣка, такоже и вѣра, и установленіе церкви; что нѣсть на земли... мощей, нетлѣнно почивающихъ, но вся ложна, и что по смерти святіи не молятся Богу и не ходатайствуютъ о грѣшныхъ и не творятъ святіи по представленіи чудеса...» [1])

---

[1]) Краткія сообщенія о „Бѣловодской іерархіи“ появлялись въ печати и раньше указанныхъ выше, напр., въ Совр. Изв. 1881 г., № 246; въ Правосл. Собесѣд. 1881 г., № 12. стр. 345—346; въ Руков. для сельскихъ пастырей 1864 г., т. III, № 44, ст.: „Мнѣніе бѣловодскихъ раскольниковъ о спасеніи“. Ср. «Расколъ въ Перм. губ.», Вруцевича.

«Увеличенію и разнообразію раскольническихъ толковъ о „сокровенныхъ» епископахъ «древляго благочестія», по словамъ П. И. Мельникова, не мало помогала и народная фантазія. Пошли по народу толки о невиданныхъ городахъ и монастыряхъ, колокольный звонъ которыхъ будто бы слышенъ въ тихія лѣтнія ночи. Пошли толки о Млевскихъ монастыряхъ (въ Вышневолоцкомъ у., Тверской губерніи), о невидимомъ градѣ Китежѣ, о старцахъ горъ Архангельскихъ или Кирилловыхъ и Жигулевскихъ (въ Нижегородской, Симбирской и Самарской губ.)» и т. п. Ко всѣмъ этимъ и подобнымъ имъ мѣстамъ народная фантазія, подъ вліяніемъ раскола, пріурочивала и пріурочиваетъ еще «архіереевъ древляго благочестія». Такъ, извѣстный старообрядчествующій авантюристъ первой половины XIX в., *Константинъ Константиновичъ Колычевъ*, побывавшій на своемъ долгомъ вѣку почти во всѣхъ русскихъ европейскихъ и азіятскихъ раскольническихъ общинахъ и нѣкоторыхъ заграничныхъ, по происхожденію новгородъ-сѣверскій регистровый товарищъ, бывшій студентъ или вольный слушатель Московскаго университета по медицинскому факультету въ концѣ XVIII в., въ началѣ 30-хъ годовъ, уже 70-лѣтнимъ хромымъ старикомъ разсказывалъ въ старообрядческомъ Лаврентьевѣ монастырѣ, Гомельскаго уѣзда, чудныя повѣсти о невидимыхъ градахъ и монастыряхъ, о славномъ озерѣ Свѣтлоярѣ, о Бѣловодьѣ или Опоньскомъ царствѣ, куда будто бы самъ ходилъ. Онъ увѣрялъ, что самъ видалъ старообрядческіе монастыри и великія лавры, и не только епископовъ и митрополитовъ, но даже самого патріарха антіохійскаго, цѣло сохранившаго «древлее благочестіе». Былъ я, разсказывалъ онъ, за Египтомъ, живутъ тамъ старообрядцы русскаго языка, въ области, нарицаемой Емакань, тамъ у нихъ истинная вѣра сіяетъ какъ солнце: много церквей и монастырей, много св. мощей и чудотворныхъ иконъ. Есть тамъ и епископы истинно-древлей православной вѣры: молятся и благословляютъ въ два перста, аллилуію сугубятъ и служатъ на 7 просфорахъ. А то еще

Отеч. Зап. 1883 г., №№ 6 и 7. Авторъ, указывая на секту Сухорѣцкой, гов., что она вѣруетъ «въ существованіе церкви въ какой-то Бѣловодіи, до которой еще никто не достигалъ». О стремленіи Сибирскихъ старообрядцевъ въ „Бѣловодію“ говоритъ и г. Благовѣщенскій, авторъ ст. въ «Рус. Курьерѣ» 1881 г., №№ 11 и 15: „Староверы въ Сибири“.

на Черной горѣ, за Сербской землей, гдѣ подвизался Никонъ Черныя Горы и писалъ Уставъ, извѣстный подъ его именемъ, тамъ есть свой «древляго благочестія» епископъ, онъ и землею правитъ по закону церковному, а не гражданскому. Такимъ образомъ и Черногорскаго владыку Колычевъ сдѣлалъ въ своихъ разсказахъ старообрядцемъ. Разсказывалъ Колычевъ и *„про стрѣльцовъ“*, будто бы ушедшихъ изъ Россіи отъ гоненій за старую вѣру *въ Персію* и тамъ доселѣ будто бы соблюдающихъ ее ни въ чемъ неизмѣнно и имѣющихъ своихъ епископовъ, зависящихъ отъ п. Антіохійскаго [1]).

[1]) Подробныя свѣдѣнія о Колычевѣ въ Рус. Вѣстн. за 1867 г., февраль ст. П. И. Мельникова: «Ист. очерки поповщ. XIV. Лаврентьевъ монастырь». Стр. 653—662. Курса въ Московскомъ университетѣ Колычевъ не кончилъ, потому что диплома не имѣлъ, но лѣчилъ и даже составилъ себѣ извѣстность среди старообрядцевъ удачнымъ лѣченіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ собиралъ библіотеку и былъ прославленъ въ средѣ раскольниковъ за умнаго и ученаго человѣка. Въ качествѣ Кіевскаго купца, которымъ онъ сдѣлался по обращеніи въ поповщинскій расколъ, онъ сталъ печатать старообрядцамъ книги съ 1805 г. въ м. Яновѣ, Литинскаго у., Подольской губ. Купленная имъ старообрядческая типографія раньше тайно дѣйствовала въ г. Махновкѣ, Кіевской губ. Для старообрядцевъ въ Яновѣ печатались: *Страсти Христовы*, *Житіе Василія новаго*, *о лжеучителяхъ*, *Аввы Доровея*, *поученія I. Златоуста*, *Псалтирь*, *Часословъ*, *Евангеліе*, *Шестодневъ*, *Толковыя Евангелія*, *Канонники*, *Ефремъ Сиринъ*. Въ выходахъ книгъ обыкновенно выставлялось мѣсто печатанія и первоначальныя буквы имени, отечества и фамиліи Колычева (К. К. К.) и купца Дм. Өедорова (Д. Ө.), давшаго средства на покупку типографіи. Дѣло шло довольно бойко: съ 1805 по 1817 г., за 12 лѣтъ, Колычевымъ переслано въ Москву до 48 т. экземпляровъ разныхъ книгъ. Колычевъ не ограничивался только печатаніемъ книгъ для старообрядцевъ: онъ печаталъ вѣнчики и разрѣшительныя молитвы, какъ старообрядцамъ, такъ и православнымъ священникамъ; печаталъ книги и для католиковъ на польскомъ языкѣ. Всѣ эти книги были издаваемы съ цензурнаго разрѣшенія отъ Виленскаго университета. Въ іюлѣ 1817 г. Яновская типографія была запечатана; тогда онъ переѣхалъ изъ Янова въ селеніе Майданъ Почапи-

Еще до 1830 г., по словамъ Мельникова, ходилъ между старообрядцами слухъ о благочестивомъ Персидскомъ царствѣ. Колычевъ говорилъ

нецкій, и здѣсь снова завелъ типографію съ однимъ станкомъ, сгорѣвшую 23 окт. 1821 г. Послѣ того Колычевъ занимался болѣе лѣченіемъ, собираніемъ травъ и приготовленіемъ лѣкарствъ, которыхъ при обыскѣ въ 1822 г. нашлось у него нѣсколько шкафовъ. Не разставался при этомъ и съ полюбившимся ему печатнымъ дѣломъ: въ 1822 г. онъ въ третій разъ завелъ тайную типографію, и въ томъ же году отправилъ въ Москву съ купцомъ Избушкинымъ 1 т. книгъ и 6 т. букварей. Въ 1823 г., согласно съ мнѣніемъ Московскаго архіеп. Филарета и тогдашняго министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицина. всѣ типографскія принадлежности и старообрядческія книги, отобранныя у Колычева въ Майданѣ Почапинецкомъ и прежде того въ Яновѣ, были истреблены; арестованныя же библіотека и медикаменты возвращены. Послѣ того Колычевъ отправился въ Турцію къ Некрасовцамъ, думая тамъ заняться тайнымъ печатаніемъ; но послѣдніе о новопечатанныхъ книгахъ и слышать не хотѣли и грозили нововводителя «намочить», т. е. въ куль да въ воду. Во время турецкой войны 1828 г. онъ вышелъ въ Россію, разсчитывая въ Лаврентьевѣ манастырѣ устроить четвертую тайную типографію; попытка однако не удалась, не смотря на сочувствіе повидимому къ дѣлу настоятеля монастыря и нѣкоторыхъ иноковъ. Тогда Колычевъ снова принялся за лѣченіе, не отказываясь и отъ посильнаго вознагражденія штофами и бутылками. Но тутъ случилась слѣдующая скандальная исторія. Однажды привезли къ сѣдому какъ лунь врачу двухъ молодыхъ дѣвушекъ; одну 14 л. съ ракомъ на груди, другую 17 л. съ бѣльмомъ па глазу. Обѣ были помѣщены въ кельѣ сѣдаго и хромаго врача. Онъ началъ ихъ пользовать. Черезъ нѣсколько времени родители той и другой жаловались игумену и братіи, что старый врачь обѣимъ дѣвушкамъ сдѣлалъ насиліе, и потребовали отъ монастыря значительнаго денежнаго вознагражденія, грозя въ противномъ случаѣ судебнымъ преслѣдованіемъ. Тогдашній игуменъ Михаилъ поспѣшилъ удовлетворить обиженныхъ изъ монастырской казны, по общему приговору соборныхъ старцевъ; а сластолюбиваго стараго врача изгнали изъ монастыря, задержавъ все его имущество для пополненія суммы заплоченной монастыремъ. Колычевъ ушолъ въ Москву, гдѣ онъ жилъ до конца сороковыхъ годовъ, питаясь подаяніемъ, переходя изъ дома въ домъ, и

только про «стрѣльцовъ», будто-бы живущихъ въ Персіи, какой-то досужій языкъ прибавилъ, что тамъ у этихъ «стрѣльцовъ», у сей «благочестивой Христовой рати небрѣемой» пребываютъ не только истинные старой вѣры епископы, бояре и вои, но даже самъ царь древле-благочестивый, прямой потомокъ царя Михаила Ѳеодоровича Романова. Между прочимъ, въ письмѣ, отправленномъ изъ Стародубья на Керженецъ какой-то грѣшной инокиней Е. къ игуменьѣ Комаровскаго скита Екатеринѣ, писанномъ въ іюнѣ 1830 г., читаемъ слѣд.: «Еще же повѣдаю вамъ, матушка, какъ Христосъ хранитъ непорочну невѣсту свою, св. церковь, по неложному своему обѣщанію, что пребудетъ съ нами на землѣ до скончанія вѣка. Истинные свидѣтели отъ нашихъ христіанъ подъ клятвою увѣряютъ, что въ Персидкой землѣ много обрѣтается нашихъ древлеблагочестивыхъ христіанъ, бѣжавшихъ изъ России отъ огнепальнаго гоненія Никона патріарха. Идѣ же св. мученикъ Іяковъ за Христа пострадавый (зри о семъ въ Прологѣ подъ 27 ноября), тамъ нынѣ благочестіе сіяетъ, яко свѣтило. Не точію священнаго чина иноковъ исполнена страна та, но и епископы древле-благочестивые въ ней есть, имѣютъ даже царя своего, благовѣрнаго и христолюбиваго. Егда Никонъ патріархъ возвѣя на церковь всемрачную бурю и ересей море великое и пространное на Россійское царство испусти, царь же Алексій Михаиловичъ и весь синклитъ

умеръ 90 л. отъ роду, совершенно почти выживъ изъ ума. Подробности о старообрядческихъ типографіяхъ см. въ приложеніи къ ст. Мельникова: «Лаврентьевъ монастырь». Тамъ напечатана имъ «Записка о старообрядскихъ типографіяхъ въ Клинцахъ, Махновкѣ, Яновѣ и Майданѣ Почапинецкомъ (стр. 673 — 698). О Клинцовскихъ типографіяхъ см. въ «Опис. старой Малорос.» А. М. Лазаревскаго, стр. 463—465. О Клинц. типографіи см. также дѣло Черниг. гражд. и уголов. Палаты въ М. А. М. Ю. за 1799 г., на 41 л. О «невидимомъ градѣ Китежѣ» и оз. Свѣтлоярѣ (Макар. у., Нижегор. губ.) см. ст. К. А. Гацискаго: «У невидимаго града Китежа» (посвящ. автору «Francais et Russes» Альфреду Рамбо) въ Др. и Нов. Росс. 1877 г., № 11, стр. 267—278. Тамъ же разсказано и содержаніе «Китежскаго лѣтописца», письменно увѣковѣчившаго легенду о «невидимомъ градѣ Китежѣ» на Свѣтлоярѣ и обращающагося за Волгой во множествѣ списковъ. Мельниковъ: Ист. оч. поповщ., стр. 46—47.

и вся вои во слѣдъ онаго отца ересемъ пошли, тогда убо старѣйшій царевичъ, царя Алексія Михаиловича сынокъ, не восхотѣлъ отступити отъ истинно древней православной вѣры и крѣпко утвердися въ староцерковномъ благочестіи. И воздвиже на него царь гнѣвъ свой и томленъ бысть царевичъ во единой отъ царскихъ палатъ, яко въ темницѣ, обаче ни поколебати, ни ослабити его, ни къ своимъ волемъ преклонити не возмогоша. И бѣжа тотъ старѣйшій царевичъ, съ благочестивыми стрѣльцами и съ казаками, за море, въ Персидскія страны и пріятъ бысть персидскимъ царемъ набожно (?), испроси у него земли ради населенія сѣ тѣми стрѣльцами и казаками. И устроилъ тамо благовѣрное царство и *пріятъ отъ антіохійскаго патріарха, благочестива суща, митрополита и епископовъ, священный же и иноческій чинъ.* и доживе до старости, устрояя царство, честнѣ животъ свой скончa, на царство же Персидское благослови сына своего старѣйшаго. И до дней нашихъ царскій благочестивый корень тамо не изсяче. Аще и не пространно царство, обаче по Спасову словеси: „не бойся малое стадо“, благочестіемъ сіяюще, яко до Никона патріарха вся Россія сіяла, то малое царство пребываетъ десницею Господнею прикровенно. И выходу оттуда благочестивымъ христіанамъ въ наши мѣста нѣтъ, приходящихъ же туда нашихъ христіанъ съ великою радостію пріемлютъ. Тако сіяетъ сокровенная Божія церковь, чистая и непорочная невѣста Христова, и такое Божіимъ милосердіемъ соблюдается царство то благочестивое по писанію, яко имать быти церковь до скончанія вѣка и врата адовы не одолѣютъ ю. Истинно извѣщаю вамъ, матушка, пречестная инокиня Екатерина, что нѣкіе отъ нашихъ христіанъ ходили въ Еросалимъ поклонитися живоносному гробу Господню и св. мѣстамъ спасительныхъ страстей Христовыхъ и доходили до того мѣста, и въ томъ безъ сумнѣнія подъ клятвою утверждаютъ». Такимъ образомъ память о самозванцѣ царевичѣ Алексѣѣ Алексѣевичѣ, бывшемъ у Стеньки Разина, ходившемъ и въ Персію, воскресла въ средѣ старообрядцевъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ XIX в. Любопытно, что изданная въ 1831 г., во время распространенія толковъ о мнимомъ персидскомъ царѣ изъ дома Романовыхъ, книжка Берха „Царствованіе царя Алексѣя Михайловича“, въ которой едва-ли не въ первые въ русской печати говорилось о самозванцахъ-царевичахъ Алексѣѣ и Симеонѣ Алексѣевичахъ (I 261 и 279), разошлась въ значительномъ

количествѣ экземпляровъ среди старообрядцевъ. Въ любомъ скитѣ или монастырѣ старообрядческомъ можно было найти эту книгу, какъ и у многихъ частныхъ лицъ изъ старообрядцевъ. До 30-хъ годовъ прошлаго вѣка раскольники не толковали о персидскомъ царствѣ, на сколько извѣстно (стр. 660—662).

Съ 1833 г. между старообрядцами распространялись такъ назыв. *Iерусалимскiя письма*, приводимыя П. И. Мельниковымъ цѣликомъ въ указанной выше статьѣ о Лаврентьевѣ монастырѣ (стр. 668—672). Въ одномъ изъ нихъ говорится, что «древлее благочестiе и св. непорочная вѣра Христова неблазненно соблюдается на о. Кипрѣ, идѣже православный благочестивый архiепископъ, со епископы и со всѣмъ освященнымъ и мнишескимъ чиномъ непреткновенно вѣру соблюли и преданiя, святыми отцы заповѣданныя, крѣпко хранятъ. И тотъ Кипрскiй архiепископъ ни подъ цареградскимъ, ни подъ ерусалимскимъ и ни подъ которымъ патрiархомъ не состоитъ; отъ того отъ самаго и сохранилъ вѣру и праведное житiе, не преткнувся ни на какую ересь или новшества. Будучи въ томъ дѣлѣ самовиддами увѣрены, на Ѳоминой недѣлѣ пошли мы во градъ Іоппiю, чая отплыть въ Кипръ. Но сѣдши въ корабль греческiй... Греки обманомъ привезли насъ во ину страну, въ великiй градъ Александрiю, во Египетскую страну. Въ Александрiи не обрѣтохомъ благочестiя, ниже въ Каирѣ. И увидѣхомъ во ономъ градѣ, что въ землѣ Ѳиваидской, глаголемой Емакань, благочестивая Христова вѣра, отъ самихъ апостолъ насажденная и напоенная, сохраняется. По великой рѣцѣ Нилу, обширностiю и широтою яко наша Волга, плыли мы много дней... до мѣста Емакань. Тамо люди благочестивы: молятся въ два перста и благословляютъ якоже и Христосъ, аллилуiю сугубятъ, а третiе: Слава тебѣ Боже возглашаютъ; крестятъ въ три погруженiя..., а не поливательно. Монастырь, въ немъ же насъ, странныхъ, христолюбцы, спаси ихъ Богъ, милосердно упокоили, и одежду намъ дали и всѣмъ довольны на обратный путь отпустили, стоитъ при древахъ и источникахъ и вельми красуется, будетъ *съ нашъ Криволучный* (на Иргизѣ). Братiи триста человѣкъ, а по пустынямъ и въ колибахъ подвизащихся таковое же, сказываютъ, число. Игуменъ зѣло старъ и сѣдинами благоукрашенъ, милостивъ и держитъ братiю строго, въ послушанiи. По истинѣ, въ томъ монастырѣ живутъ земные ангелы, небесные же человѣцы. И священнаго чина у

нихъ довольно—іереевъ и діаконовъ. И сказывали намъ иноки того монастыря, что въ ихъ Емаканской землѣ три благочестивые епископа и полное освященіе. И пребыхомъ въ томъ монастырѣ три недѣли, увѣдихомъ и увѣрихомся яко церковь Божія не изсяче, аще и великими бурями ересей и новшествъ повсюду побораема, по неложному обѣтованію Христа Спаса, яко церковь святая пребудетъ до скончанія вѣка и врата адова не одолѣютъ ю». Въ другомъ Іерусалимскомъ письмѣ, составленномъ какимъ-то Молдавскимъ старообрядцемъ, Матвѣемъ Сидоровымъ, находятся собственно три сказанія о мнимыхъ старообрядческихъ епископахъ. Въ первомъ сказаніи рѣчь идетъ о старообрядцахъ, жившихъ на Багдатѣ рѣкѣ, въ области, именуемой *Емаканъ,* въ пяти стахъ верстахъ отъ Египта, въ числѣ 5 т. человѣкъ, имѣвшихъ трехъ епископовъ и «поповъ изобильно», и что тѣ старообрядцы-христіане говорили Сидорову: «Когда у васъ належитъ душевный гладъ и ежели царь вашъ позволитъ, то мы вамъ отправимъ епископа и священниковъ къ душевной пользѣ. А у насъ христіанская вѣра и св. соборная апостольская церковь яко солнце сіяютъ... Еще свидѣтельствуемъ вамъ, что есть христіане между землею Турскою и Персидскою при р. Курѣ, именуемые «стрѣльцы». Во второмъ сказаніи рѣчь идетъ о христіанахъ, жившихъ въ Сербской землѣ и «зовомыхъ *Филиппы* (вѣроятно Филипоны, Пилипоны, какъ звали и зовутъ старообрядцевъ въ юго-западной Россіи, въ австрійскихъ, турецкихъ и румынскихъ владѣніяхъ), «и ихъ два села большія, яко великіе грады: въ тѣхъ двухъ селахъ два епископа православныхъ и древнихъ». Въ третьемъ сказаніи рѣчь идетъ опять о стрѣльцахъ, жившихъ на Бѣломъ морѣ (архипелагѣ) на о. Карабузовѣ двумя селами и имѣвшихъ двѣ церкви и поповъ. А поповъ они брали изъ другого острова, отъ монастыря Семнскаго, „и той монастырь близь Океана". Распространеніе этихъ писемъ важно въ томъ отношеніи, по словамъ П. И. Мельникова, что старообрядцы по всѣмъ захолустьямъ узнали изъ нихъ, что за границей есть христіане „древляго благочестія". До того многіе изъ нихъ не знали о существованіи заграничныхъ единовѣрцевъ или имѣли о нихъ самое смутное понятіе... Еслибы Іерусалимскія письма не были благовременно распространены, еслибы посредствомъ ихъ старообрядцы не узнали, что и внѣ Россіи можетъ существовать и существуетъ ихъ «древлее благочестіе», по всей вѣроятности, появленіе въ австрійскихъ

предѣлахъ бѣлокриницкой іерархіи было бы встрѣчено ими съ крайнимъ недовѣріемъ. Они бы единогласно возопили тогда, что это новшество, ничто иное, какъ ловушка въ Латинскую ересь, какъ и говорили нѣкоторые, не смотря на торжественное на всю Россію возвѣщеніе властей бѣлокриницкихъ: «да не смущается сердце ваше, вѣруйте, яко можетъ Богъ и изъ камени чада Авраамовы воздвигнути, можетъ и въ чуждѣй благочестія странѣ свѣтильникъ свой поставити» (Ibidem.).

Болѣе положительнымъ и практичнымъ путемъ въ вопросѣ о «проискѣ» старообрядческаго архіерейства пошли представители Вѣтковской поповщины въ первой и второй половинѣ XVIII в. Пользовавшіеся сравнительно съ прочими русскими раскольниками большой свободой и безопасностью, а потому имѣвшіе и больше возможности и удобства обсудить свое положеніе, они также пришли къ мысли о необходимости имѣть своего самостоятельнаго старообрядческаго епископа, чтобы сохранить „древнія рукоположенныхъ обычаи“ и установить подобающій церковный порядокъ. Весьма естественно, что къ этимъ соображеніямъ у Вѣтковскихъ поповцевъ примѣшивалось и другое соображеніе: они хотѣли прочно обставить и утвердить силу и вліяніе своей Вѣтки среди русскаго старообрядства, справедливо полагая, что если въ ней поселится старообрядческій епископъ, то она будетъ вліятельна и богата.

По свидѣтельству историка стародубскаго поповщинскаго раскола Ивана Алексѣева, первая попытка Вѣтковцевъ пріобрѣсть себѣ епископа относится къ 1730—1731 г., когда они порѣшили отъискать себѣ архіерея не въ предѣлахъ православной Россіи и не у Грековъ, а въ Яссахъ, у Молдавлахійскаго митрополита. Есть однако нѣкоторое основаніе относить первую попытку Вѣтковцевъ къ отысканію себѣ епископа въ Яссахъ къ болѣе раннему времени, чѣмъ къ 1730—1731 г., указываемому Иваномъ Алексѣевымъ. Именно есть извѣстіе, что въ 1722—1723 гг. «по совѣту всѣхъ раскольщиковъ, которые обрѣтаются за границею, ѣздили въ Турецкую землю, а имянно: изъ слободы Вылева, которая при самой границѣ, раскольническіе учители, четыре человѣка: Яковъ Григорьевъ, Тимоѳей Аѳанасьевъ, Дмитрій Тимоѳеевъ, Степанъ Ефремовъ, а иные съ Вѣтки и изъ монастыря, по совѣту всѣхъ же тамошнихъ жителей. А за какимъ оные дѣломъ ѣздили, того невѣдомо». Такое извѣстіе привезъ стародубскому миссіонеру, іеромонаху Іосифу Рѣшилову, обратившійся изъ раскола Иванъ

Бѣляевъ, котораго Рѣшиловъ посылалъ въ 1724 г. «за границу, въ Польшу, на Вѣтку, ради свѣдомства раскольниковъ [1]). Такимъ образомъ, въ этомъ извѣстіи нѣтъ прямого указанія, за чѣмъ эти раскольническіе учители изъ Вылевой слободы и съ Вѣтки ѣздили въ Турецкую землю. Но, принимая въ соображеніе, что Вылева слобода въ то время была центромъ Діаконовщины, а Вѣтка съ своимъ монастыремъ—центромъ собственно Вѣтковскаго поповщинскаго толка, и что Діаконовцы и Вѣтковцы въ то время только въ вопросѣ о «проискѣ» архіерейства и были солидарны между собою, во всемъ же остальномъ смотрѣли другъ на друга какъ на еретиковъ, или, по выраженію современника, «междуусобныя брани воздвизаше, въ Еллина другъ друга вмѣняше», какъ мы подробно говорили о томъ въ VI главѣ нашего изслѣдованія, можно не безъ основанія съ этимъ совмѣстнымъ участіемъ Вѣтковцевъ и Діаконовцевъ связываютъ намѣченную нами цѣль. Косвенное подтвержденіе той же цѣли даетъ и «*Сказаніе о старовѣрцахъ, живущихъ въ землѣ Молдавской, како призваны были со всей Молдавы въ Яссы предъ господаря, и како вопрошены были о вѣрѣ и како отвѣщали ему, и въ кая лѣта пріидоша жити на Волощину, при господарѣ Михаилѣ, а при митрополитѣ Георгіи всея Молдавы. А осаживалъ Тимоѳей Алексѣевичъ, по реклу Соболевъ, а въ постриженіи нареченъ Тихонъ, въ лѣто 7232*». Такимъ образомъ и здѣсь нѣтъ прямого указанія, по какому поводу въ это время раскольники были вопрошены о вѣрѣ; но едва ли только по поводу ихъ поселенія, такъ какъ послѣднее относится къ болѣе раннему времени, чѣмъ 1722—1723 г., какъ мы видѣли въ IV главѣ нашего изслѣдованія, говоря о начавшихся сношеніяхъ Вѣтки съ Волоскими и задунайскими раскольками (стр. 259—264). Упоминаемый въ «Сказаніи» господарь Михаилъ—это извѣстный Михаилъ Раковица, властвовавшій попеременно въ Молдавіи и Валахіи, начиная съ 1704 по 1726 г. включительно, а митрополитъ Георгій—тотъ самый, который 22 іюля 1724 г. хиротонисалъ извѣстнаго іеромонаха *Епифанія Ревуцкаго*, въ санъ епископа Чигиринскаго и Украинскаго, по подложной грамотѣ Кіевскаго архіепископа Варлаама Вонато-

---

[1]) Доношеніе I. Рѣшилова св. Син. о томъ, отъ 3 ноября 1724 г. Полн. собр. пост. и расп. по вѣдом. прав. испов. Росс. имп. т. IV, № 1376, 239.

вича (Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Син. т. IV, 481—483). Кромѣ того, въ извѣстномъ раскольническомъ сочиненіи объ учрежденіи Бѣлокриницкой іерархіи, написанномъ въ 1861 г. и весьма распространенненномъ между поповщинскими старообрядцами, прямо и рѣшительно утверждается, что первыя попытки отыскать себѣ епископа были у старообрядцевъ въ царствованіе Петра I, и что для того они обращались въ Молдавію и Грецію. Сочиненіе это озаглавливается такъ: «Сказаніе вкратцѣ о первоначальномъ учрежденіи нынѣ существующей въ нашей древнеправославной церкви священной іерархіи и увѣреніе въ дѣйствительности оной сомнѣвающихся» [1]).

О попыткѣ 1730 - 1731 г. довольно подробно и обстоятельно разсказываетъ Иванъ Алексѣевъ. По его свидѣтельству, въ то время въ Молдавіи находилось уже не малое количество поселившихся тамъ старообрядцевъ. Чрезъ своихъ Молдавскихъ единовѣрцевъ представители Вѣтковской поповщины и вошли въ сношеніе со «всея Молдавіи преосвящен-

[1]) О времени поселенія рус. старообрядцевъ въ нынѣшней Румыніи и Турціи см. изслѣдованіе Романскаго преосвящ. *Мелхиседека*, хорошо знакомаго съ языкомъ и рус. литературою: Lipovenismuin adica schismatici seu razcolnici... eretici rusesci. Bucuresci. 1871. Стр. 31, 99. *О сказаніи о староверцахъ въ земли Молдав.*—наше опис. ркп. Черн. сем. библ., стр. 166—167. О господарѣ Михаилѣ Раковицѣ см. у Палаузова, С. Н. Румын. госп. Валахія и Молд. въ историко-политич. отнош. Спб. 1859 г., стр. 122, 136. О м. Георгіи ср. указаніе, сдѣлан. проф. Е. Е. Голубинскимъ въ «Крат. оч. ист. прав. церкв. Болг., Серб. и Рум.» М. 1871, стр. 361. Ср. также: Goelert, I. Die Lipowaner der. Bukowina въ «Sitzungsberichten der phil.—hist. Classe» Вѣнской Акад. Наукъ 1863 г., Т. 41, p. 479. «Статистич. свѣдѣнія о раскольникахъ (Липованахъ) въ Молдо-Валахіи (Румыніи)» изъ книги—«Рус. раскольники» Мелхиседека, «епископа нижняго Дуная». Кишенев. епарх. Вѣдом. 1873., 66.—«Наши раскольники въ Румыніи и отнош. къ нимъ Румынскаго правит.» П. Сырку Христ. Чт. 1878 г., № 5—6. Ст. составлена по изслѣдов. преосвящ. Мельхиседека: «Липованство, т. е. русскіе схизматики или раскольники и еретики». Букарештъ. 1871 г. (на румын. языкѣ). Егоже: «Наши рск. въ Румыніи и взглядъ на нихъ Румын. общ.» Христ. Чт. 1880 г., № 6.

нымъ митрополитомъ и экзархомъ Сочавскимъ и всего Поморія архіереемъ Антоніемъ», обѣщавъ ему за поставленіе старообрядческаго епископа построить для него въ Яссахъ каменную церковь. По свидѣтельству того же источника, Ясскій митрополитъ Антоній былъ «удобо приступенъ» къ мѣстнымъ раскольникамъ и даже входилъ съ ними въ разглагольствія о вѣрѣ, благодаря чему Молдавскіе старообрядцы, по совѣту и наставленію Вѣтковскихъ учителей, и обратились къ нему съ дерзновенной просьбой о томъ, «да посвятитъ имъ отъ нихъ человѣка во епископа». И «митрополитъ на се соизволи и повелѣ подати доношеніе, кое поданное явѣ сотворено бысть Господарю и совѣтникомъ его. И вси радостно соизволяху на то». Это происходило въ 1730 г. Въ концѣ того же года или самомъ началѣ слѣдующаго 1731 г., послѣ того, какъ Молдавскіе раскольники сообщили Вѣтковскимъ объ успѣхѣ начатаго дѣла, на Вѣткѣ былъ созванъ по этому поводу соборъ изъ духовныхъ и мірскихъ лицъ; на этомъ соборѣ были и выборные представители отъ діаконовскаго толка, въ то время значительно усилившагося на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ. Предсѣдательствовалъ на этомъ соборѣ Вѣтковскій игуменъ *Власій Грибинъ*, не имѣвшій священнаго сана. Общимъ соборнымъ совѣтомъ рѣшено было избрать кандидата во епископы и послать его для посвященія въ епископскій санъ въ Яссы. Кандидатомъ былъ избранъ Вѣтковскій инокъ *Павелъ*, экономъ Покровскаго монастыря, иночествовавшій уже около 30 лѣтъ, и немедленно былъ отправленъ въ Яссы вмѣстѣ съ выборными представителями отъ вѣтковскаго и діаконовскаго согласій. По прибытіи въ Яссы уполномоченные подали «отъ всего собора» грамоту Молдавскому господарю, «да повелитъ митрополиту отъ Вѣтки посланнаго человѣка посвятити во епископа». Но случилось такъ, что въ это время какъ разъ прибылъ въ Молдавію Константинопольскій патріархъ *Паисій II*, въ духовную юрисдикцію котораго входила Молдавія, и Молдавскій митрополитъ дѣло о старообрядческомъ епископѣ, какъ не бывалое дотолѣ, представилъ на судъ вселенскаго патріарха. Въ свою очередь и Вѣтковскіе уполномоченные обратились къ тому же патріарху за разрѣшеніемъ вопроса о старообрядческомъ епископствѣ, хорошо понимая всю выгоду такого шага, въ случаѣ благопріятнаго отношенія патріарха къ ихъ дѣлу о поставленіи для нихъ епископа. Патріархъ Паисій II не нашелъ возможнымъ единолично разрѣшить предложенный ему вопросъ,

хотя въ принципѣ и одобрилъ желаніе Вѣтковскихъ раскольниковъ имѣть своего законнаго архіерея, обѣщавъ черезъ переводчика, по возвращеніи въ Константинополь, посовѣтоваться о ихъ дѣлѣ съ другими патріархами и прислать отвѣтъ въ Яссы. Черезъ нѣкоторое время обѣщанный отвѣтъ былъ дѣйствительно присланъ на имя Молдавскаго митрополита Антонія. Это были, по словамъ Ивана Алексѣева, двѣнадцать пунктовъ или статей, принятіе которыхъ старообрядческимъ кандидатомъ во епископа вселенскіе патріархи поставляли непремѣннымъ условіемъ, и составлены эти статьи или пункты были «въ такомъ разумѣ, да хотяй ставитися исповѣданіе дастъ новотворные догматы хранити и въ ихъ спасеніе вѣровати и прочихъ сему научити». Неизвѣстно съ точностію, какіе эти были «новотворные догматы»; но, по всей вѣроятности, это были—трехперстное крестное знаменіе и пятипросфоріе, а главное—соблюденіе общенія съ церковію православною... Такимъ образомъ, очевидно, патріархъ Паисій соглашался исполнить просьбу Вѣтковскихъ раскольниковъ, если только поставленный для нихъ епископъ дастъ клятвенное обѣщаніе во всемъ послѣдовать ученію православной церкви, т. е. подъ условіемъ отреченія отъ раскола. На этомъ собственно на этотъ разъ и остановилось дѣло о поставленіи старообрядческаго епископа; раскольники не могли принять епископа на предложенныхъ имъ условіяхъ, такъ какъ принятіе послѣднихъ было бы равносильно полному соединенію ихъ съ православною церковію, что очевидно во все не соотвѣтствоваго намѣреніямъ Вѣтковскихъ инициаторовъ этого дѣла. При такихъ обстоятельствахъ и Молдавскій митрополитъ, прежде такъ расположенный къ старообрядцамъ, совершенно измѣнилъ свое къ нимъ отношеніе. Когда Діаконовцы послѣ Вѣтковцевъ стали просить митрополита о переводѣ съ греческаго языка присланныхъ изъ Константинополя 12 пунктовъ, онъ «возмнѣ шпирство нѣкое отъ нихъ быти, яростно ихъ отсла отъ себе. Они же познавше лукавый Вѣтковскихъ подлогъ, скрышася отъ лица митрополита, да не бѣднѣе ихъ животъ погибнетъ. И на томъ преста взысканіе то»[1]).

---

[1]) Ив. *Алексѣевъ*. Лѣт. рус. лит. т. IV, стр. 64. Іеромонахъ *Виталій* въ своемъ сочиненіи «О церкви и о старообрядцахъ» (ркп. Кіев. дух. Ак. Аа., 128, л. 75, Макарьевская) разсказываетъ объ этой попыткѣ такъ: «Живущіе за границею Вѣтковскаго и Діаконовскаго согласія

Единственнымъ документальнымъ источникомъ о сношеніяхъ Вѣтковскихъ раскольниковъ съ Молдавскимъ митрополитомъ и Константинопольскимъ патріархомъ по дѣлу о поставленіи для нихъ епископа въ 1730—1731 г.,—источникомъ, подтверждающимъ и дополняющимъ разсказъ Ивана Алѣксѣева,—является прошеніе, поданное Вѣтковскими уполномоченными патріарху Паисію II. Оно было найдено въ 1866 г. нѣкоторыми изъ старообрядческихъ епископовъ у Ясскихъ раскольниковъ, а потомъ было напечатано въ 1870 г. съ руководящими замѣчаніями съ современнаго его написанію списка извѣстнымъ знатокомъ раскола Н. И. Субботинымъ въ Душеполезномъ Чтеніи (№ 1, стр. 26—44). Въ этомъ прошеніи «великороссійскаго царства, православія греческаго, восточныя церкви сынове, обитающіи въ Польскомъ королевствѣ, Покровскаго монастыря... смиренный игуменъ Власій и прочіи священноиночествующіи и иночествующіи, и народи православніи многія тысящи» прежде всего оправдывали себя предъ вселенскимъ патріархомъ «отъ великороссійскихъ новосѣдѣльныхъ синодовъ ложно наносимыхъ оглашеній» и клеветъ на нихъ. Далѣе въ прошеніи утверждалось, что только они, «кромѣ всякаго прилога лукаваго», имѣютъ «вѣру греческую, отъ престола Константинопольскаго великимъ княземъ Владиміромъ Кіевскимъ пріятую»; что только они «чины и уставы церковные неотмѣнно содержатъ, якоже древле въ книгахъ греческихъ пріяхомъ»; что только они «главные артикулы каѳолическія церкви, сице и прочіе церковные догматы соблюдаютъ и Богословію вселенскихъ патріарховъ безъ премѣненія содержатъ». Представляя далѣе исповѣданіе своей вѣры, представители Вѣтковской поповщины стараются какъ можно ярче поставить на видъ, что они отвергаютъ ученіе всѣхъ еретиковъ, осужденныхъ вселенскими соборами, которыхъ и перечисляютъ поименно, съ показаніемъ лжеученія каждаго изъ нихъ, и что наоборотъ «древнія преданія св. апостолъ и св. отецъ усердно

имѣли соглашеніе о поставленіи епископа въ Яссахъ. Но при семъ каждая сторона желала, чтобъ изъ своей собратіи выбрать человѣка къ таковому поставленію, въ чемъ завели между собою споръ. Затѣмъ прервали таковое соглашеніе, обвиняя Діаконовскіе въ неустойкѣ Вѣтковскихъ, каковое происхожденіе видно изъ письма, писаннаго отъ діаконовскаго монаха Марки къ Вѣтковскому иконописцу Федору Козмину, именуемому философу».

соблюдаютъ», какъ научились отъ древнихъ православныхъ учителей восточной св. церкви. Относительно «новоумышленныхъ преданій», несогласныхъ съ восточною церковію, а именно прежде всего «латинскихъ и всего запада, кальвинскихъ и люторанскихъ, иже Богословію древнюю премѣнили, о исхожденіи св. Духа отъ Отца и Сына приложили, и прочее преданіе святыхъ премѣнили,—о постахъ и объ опрѣсночномъ служеніи и о постриженіи брадъ и прочемъ ихъ новосмышленіи»,—они ограничиваются только замѣчаніемъ, что весьма того премѣненія не пріемномъ, которое противствуетъ древнему греческому преданію». О «новосмышленіяхъ» собственно Великороссійской церкви Вѣтковцы писали, что послѣдняя приняла якобы «латынскіе и люторскіе обычаи, а отъ святой восточной церкви, окормляемой вселенскими патріархами, въ ученіи и преданіяхъ» уклонилась, тогда какъ они, глаголемые старообрядцы, истинные послѣдователи освященныхъ древностію преданій и порядковъ церковнаго управленія. Въ такихъ внѣшнихъ новоперемѣнахъ петровскаго времени, какъ ношеніе нѣмецкаго платья, бритье бородъ, въ особенности же учрежденіе св. Синода вмѣсто патріаршества, они видѣли несомнѣнные признаки еретичества, отступленія отъ древнеправославной церкви и даже признаки временъ антихриста. Въ особенности представители Вѣтковской поповщины обращали вниманіе патріарха на то, что «въ великой Россіи патріаршескій престолъ имѣти не восхотѣша», но «бискупскій синодъ въ молебныхъ диптахъ вписаша», и что «*нынѣ великороссійстіи мнози Господа и купечестіи люди въ кальвинскіе обычаи снидоша, въ посты святые... не брегутъ, среды и пятки не хранятъ, мяса ядятъ,* и о сей слабости синодальные не возбраняютъ, но паче и сповзоляютъ, и симъ небреженіемъ народомъ великороссійскимъ въ нѣмецкую слабость врата отвориша, яко не точію народъ простолюдиновъ, но и церковныхъ причетниковъ въ одѣяніе кальвинское облекоша и брады имъ по нѣмецки обриша. А иже кто ихъ повелѣнію (синодальныхъ) противенъ и образъ христіанскій на себѣ нерушимъ носитъ,—и тѣхъ при церквахъ не погребаютъ, но на кладбище бусурманское относятъ, и въ гнойныхъ мѣстахъ, аки скотовъ, со многимъ руганіемъ пометаютъ: таковое поруганіе вашему (патріаршему) благочестію сотворяютъ»[1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Вѣтковцы указыва-

[1]) Въ царствованіе Петра II раскольники про св. синодъ и его распоряженія въ своихъ пророчествахъ говорили слѣд.: „Антихристовы

ли, что учрежденіе синода собственно есть дѣло оскорбительное и преступное въ отношеніи къ церкви греческой, что церковь великороссійская тѣмъ будто

страсти—исповѣдныя всенародныя тричастныя книги умершимъ, новорожденнымъ (метрическія книги), и нашимъ россійскимъ государствомъ овладѣютъ еретики, и *что нынѣ синодъ, то антихристовъ престолъ*, и будетъ князь великій императоромъ вторымъ, и при немъ сыщется истинная вѣра предъ Богомъ и будетъ людямъ жить добро, но не долго. Вып. изъ тайныхъ дѣлъ въ Государств. Архивѣ. Соловьевъ, Ист. Росс. XIX, стр. 194. Были недовольные синодомъ и среди православныхъ. Въ Стародубѣ поручикъ Игнатій Архиповъ, состоявшій въ подчиненіи у коменданта Пашкова, въ разговорахъ съ стародубскимъ войтомъ Яковомъ Андреевымъ про Рѣшилова «говорилъ злую рѣчь непотребными словами на все освященное собраніе св. Синода... и тѣмъ прикончалъ, что—де ни единой персонѣ съ духовности, но и черному псу не иму вѣры... П. соб. пост. и р. по вѣд. прав. испов. IV, стр. 169, ст. 1. Были недовольны учрежденіемъ св. Синода и нѣкоторые изъ правосл. архіереевъ, напр. Амвросій Юшкевичъ; см. его предположеніе о высшемъ церковномъ управленіи, составленное имъ вмѣстѣ съ Арсеніемъ Мацѣевичемъ и представленное Государынѣ Елизаветѣ Петровнѣ въ 1742 г. Въ докладѣ его о мѣрахъ ослабленія раскола 1744 г. сказано (Демидова №№ 659, 660), что раскольники всего болѣе защищаются тѣмъ въ своемъ упорствѣ, что синодальное управленіе «отъ единаго образца протестантскаго взято». Обз. рус. дух. лит. Изд. III, кн. II, стр. 314.—Извѣстно, что петровскія нововведенія, имѣвшія своею цѣлью ввести русскаго человѣка въ формы европейскаго общежитія, на столько скоро привились, что уже въ первой половинѣ XVIII в. отразились даже во внѣшнихъ формахъ жизни московскаго духовенства. Къ 29-му сентября 1729 г. относится слѣд. любопытное распоряженіе: «По его И. В. указу и по приказанію св. правит. синода духовной дикастеріи членъ Серапіонъ, архим. Знаменскій, приказалъ московскимъ протопопамъ и сороковымъ старостамъ поповскимъ сказать указъ съ подпискою, чтобы всѣхъ церквей священники и діаконы ходили и въ бесѣдахъ сидѣли въ скуфьяхъ и гуменцы были всегда у нихъ вычищены, понеже скуфія и гуменца знакъ священства, и носили бъ шапки образцовыя, а въ шляпахъ, такожъ и въ нѣмецкихъ камзолахъ и въ прочихъ неприличному священному чину одеждахъ отнюдь бы не ходили». Ко-

бы презрѣла вселенскихъ патріарховъ „и въ вѣчномъ ихъ послушаніи быть не захотѣла". О прежнихъ доказательствахъ мнимаго отступленія великороссійской церкви отъ древняго православія и благочестія—двуперстіи,

---

пія этого указа, по свид. С. М. Соловьева, внесена въ журналы Верховнаго Тайнаго Совѣта. Такъ какъ повтореніе указа послѣ не встрѣчается, то можно думать, что имъ прекращена была попытка нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ приравниваться въ одеждѣ къ мірскимъ людямъ. Ист. Рос. XX, стр. 459, примѣч. 239. Недаромъ Вѣтковцы въ вышеуказанномъ прошеніи Константинопольскому патріарху Паисію II въ 1731 г. писали, что синодальные члены небреженіемъ о церковныхъ обрядахъ и обычаяхъ «въ нѣмецкую слабость врата отвориша, яко не точію народъ простолюдиновъ, но и церковныхъ причетниковъ въ одѣяніе кальвинское облекоша и брады имъ понѣмецки обриша». Въ Стародубьѣ распространялись въ ближайшее послѣ-петровское время воззрѣнія и прямо антицерковныя. Такъ, синодальный подканцеляристъ Петръ Дан. Буйнаковъ доносилъ св. Синоду, что 3-го декабря 1725 г., въ квартирѣ Почепскаго управителя Андрея Гудовича, Почепскій обыватель Андрей Бороновскій говорилъ ему, Буйнакову, что онъ, Бороновскій, съ помянутымъ Гудовичемъ слышали отъ «служителя дому его высококняжеской свѣтлости (кн. Меншикова) Евстихея Изволова объ изглашеніи секретаремъ Ѳедоромъ Зеленымъ слѣд. богомерзкихъ и хулительныхъ, касающихся еретичества словъ: а) отъ образа де Богородична, назыв. Тихвинскія, чудеса всѣ, что ни есть преданныя св. церкви къ почтенію, онъ не имѣетъ, и тѣ-де чудеса всѣ, что изображено, почитаютъ де напрасно; б) праотца Адама называлъ мужикомъ простымъ; в) святителя и чудотворца, великаго угодника Божія Николая—простымъ же мужикомъ, и г) про св. Георгія говорилъ: онъ де былъ пономарь Егорка, а мужики-де его стали звать св. Георгій, да Георгій, и отъ того времени его, Егорку, почли всѣ во святые и нынѣ почитаютъ. Такъ же и другія многія хулительныя слова онъ, Зеленый, говорилъ». Слѣдствіе по этому дѣлу производилъ архіеп. Нижегородскій и Алаторскій Питиримъ. 8 апрѣля 1728 г. Ѳедоръ Зеленый на допросѣ сказалъ, что «никакихъ хулительныхъ о св. угодникахъ Божіихъ словъ никогда никому не говаривалъ, и св. образа ихъ почиталъ». О дальнѣйшемъ ходѣ изслѣдованія по этому дѣлу свѣдѣній у насъ не имѣется. Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Синода. Т. V (1725 г.). Спб. 1897 г., стр. 616—617.

сугубой аллилуіи и имени Іисусъ—говорится здѣсь только между прочимъ, именно по поводу „клеветной книги *Пращицы* новоизданной о ложномъ Мартиновомъ *соборѣ*", *объявленномъ* „новоумышленнымъ россійскимъ синодомъ". Раскольники не хотѣли быть учениками „незнаемаго" исторіей и древними книгами еретика Мартина. Обращаясь въ заключеніе къ изложенію причинъ, побуждавшихъ ихъ искать епископа, Вѣтковскіе представители поповщины объясняли свою просьбу о епископѣ не желаніемъ организовать свою церковь сообразно каноническимъ правиламъ, не желаніемъ избавиться отъ внутреннихъ церковныхъ затрудненій учрежденіемъ самостоятельной іерархіи, такъ какъ не было въ ихъ церкви „единаго вышняго члена, рекше епископа", а совершенно внѣшними условіями, именно: укоризнами и поношеніями за неимѣніе епископства, претерпѣваемыми „отъ езувитовъ и прочихъ иновѣрныхъ", а равно и желаніемъ какъ можно удобнѣе защититься отъ латинской уніи. Въ этихъ видахъ они просили Константинопольскаго патріарха, какъ раньше Молдавскаго митрополита, чтобы онъ *посвятилъ имъ во епископа эконома Покровскаго монастыря инока Павла*, жившаго на Вѣткѣ около 30 лѣтъ въ монашескомъ образѣ, который „просвѣщалъ бы родъ христіанскій божественными тайнами и настоятель былъ бы во общей обители нашей и прочимъ скитскимъ отцемъ, иже западныхъ расколовъ весьма себя хранятъ, и за православіе отеческаго преданія души свои полагаютъ".

Это прошеніе представителей Вѣтковской поповщины имѣетъ дѣйствительную историческую важность не только въ томъ, что оно первое документальное свидѣтельство о сношеніяхъ старообрядцевъ съ Ясскимъ митрополитомъ и патріархомъ Константинопольскимъ о поставленіи для нихъ епископа въ 1730—1731 г., но и въ томъ, что оно ясно показываетъ ихъ тогдашнюю лукавую неискренность въ отношеніи греческой церкви и ея представителей, какую они проявили и потомъ черезъ сто слишкомъ лѣтъ, при учрежденіи Бѣлокриницкой старообрядческой іерархіи. Въ самомъ дѣлѣ, представители Вѣтковской поповщины изъявили полное желаніе и рѣшительную готовность принять епископа отъ руки патріарха Константинопольскаго; о православіи греческой говорили какъ о неповрежденномъ и самихъ себя признавали вѣрными чадами этой церкви, а въ особенности вселенскаго патріарха, котораго всячески старались задобрить.

Послѣдняго называютъ «верховнѣйшимъ пастыремъ и вселенскимъ правителемъ св. восточныя церкви, столпомъ и свѣтиломъ всего міра, праотцемъ великороссійскихъ святителей и патріарховъ» и пр., а себя «св. восточной церкви сынами, непогрязненными западныхъ расколовъ напоеніемъ, но при греческой церкви правопребывающихъ...» Но это свидѣтельство о православіи греческой церкви и полномъ съ нею согласіи было только лукавымъ маневромъ, употребленнымъ съ іезуитскою цѣлью, для того, чтобы только склонить патріарха къ поставленію для нихъ епископа. Извѣстно, что гораздо раньше первой половины XVIII в. русскіе старообрядцы считали греческую церковь утратившею благочестіе, поврежденною ересями, а самихъ себя далеко не согласующимися съ нею въ богословіи и въ преданіяхъ, какъ, напр., видно изъ путевыхъ записокъ старца Леонтія; а потому если теперь они и выставляли себя строгими блюстителями православія и вполнѣ солидарными съ греческою церковію, то тѣмъ самымъ только прикрывали свои дѣйствительныя отношенія къ православію и православной церкви. Да и въ самомъ прошеніи явственно отличали они «древнее православіе», «древнія греческія книги», «древнее восточныя святыя церкви преданіе» отъ какого-то новаго благочестія, новыхъ греческихъ книгъ, новаго восточной церкви преданія, находя въ то время неудобнымъ относить эти «новшества» къ современной греческой церкви. Достаточно ясно выразилось отношеніе Вѣтковскихъ старообрядцевъ къ православной церкви вообще въ рѣзкихъ отзывахъ о русской церкви, которую они считали уклонившеюся въ латынскіе, люторскіе и кальвинскіе обычаи и отдѣлившеюся отъ іерархическаго единства со вселенскими патріархами, а въ особенности въ нежеланіи получить епископа на тѣхъ же условіяхъ, относительно исповѣданія вѣры и іерархическаго союза съ вселенскою церковію, на какихъ даются они вообще православнымъ паствамъ. Очевидно, что всѣ разглагольствія Вѣтковскихъ старообрядцевъ о святости греческой церкви и «сыновнемъ почтеніи патріаршимъ вселенскимъ ѳронамъ», какъ выражаются они, были со стороны ихъ простымъ обманомъ, съ цѣлью добиться желаемаго.

Прошеніе Вѣтковскихъ старообрядцевъ Константинопольскому патріарху о поставленіи епископа въ указанномъ нами спискѣ помѣчено 5-мъ мая 1731 г. Къ этому прошенію прежде всего подписались: Покровскаго монастыря игуменъ Власій съ братіей, еклезіархъ монахъ Зосима и до-

местикъ схимонахъ Филаретъ; потомъ Введенской обители строитель Лаврентій и Тихвинской обители строитель Авраамій съ братіями. Любопытно, что въ числѣ подписавшихся нѣтъ ни одного лица изъ мѣстныхъ мірянъ-старообрядцевъ.

Отмѣтимъ и другую любопытную бытовую подробность, которую узнаемъ только изъ этого прошенія. Оказывается, что хлопотать въ Яссахъ о пріобрѣтеніи епископа Вѣтковцы начали съ державнаго на то дозволенія шляхетнаго владѣльца Вѣтки—пана Халецкаго, старосты Рѣчицкаго, что онъ принималъ дѣятельное участіе въ ихъ предпріятіи и снабдилъ ихъ «просительнымъ листомъ», который они и доставили по принадлежности. Очевидно, для Халецкаго было выгодно „отечески пещись“ о возвышеніи старообрядческой обители на его землѣ...

Въ слѣдъ за этой неудачной попыткой пріобрѣсти старообрядческаго епископа изъ-за границы послѣдовала и другая, нисколько не похожая на первую, хотя и одинаковая съ нею по результату. Вѣтковцы и Діаконовцы на этотъ разъ соединились съ безпоповцами поморскаго согласія и рѣшились дѣйствовать коллективно, общими силами, въ такомъ важномъ, съ ихъ точки зрѣнія, дѣлѣ, какъ устроеніе старообрядческой церкви, не имѣвшей доселѣ «перваго вышняго члена, рекше епископа». Кромѣ устройства старообрядческой церкви, инициаторы этой второй попытки стремились вмѣстѣ съ тѣмъ остановить дальнѣйшее дробленіе и распаденіе старообрядческаго раскола на толки и разгласія, а образовавшіеся уже толки и разгласія сплотить и привести въ полное согласіе между собою, подъ верховенствомъ епископа древляго благочестія. Такова была внутренняя подкладка соглашенія, каковое состоялось будто бы на этотъ разъ въ Стародубьѣ, какъ утверждаетъ П. И. Мельниковъ (стр. 87), не указывая источника. Но умудренные горькимъ опытомъ старообрядцы однакоже хорошо понимали, что избраніе епископа изъ той или другой старообрядческой фракціи непремѣнно повлечетъ за собою взаимныя ссоры, споры и непріятности; понимали хорошо по первому неудачному опыту и то, что невозможно получить и за границей хиротонію для раскольника, къ какому бы толку онъ ни принадлежалъ. Въ этихъ видахъ на соединенномъ стародубскомъ соборѣ поповцевъ съ безпоповцами пришли къ тому же рѣшенію, которое удалось старообрядцамъ осуществить столѣтіемъ слишкомъ позже, при учрежденіи Бѣлокриницкой старообрядческой іерархіи.

Именно старообрядцы рѣшились отыскать для себя на Востокѣ черезъ выборныхъ представителей какого-либо безудѣльнаго епископа, котораго по надлежащей раскольнической «исправѣ» можно было признать за святителя всѣхъ старообрядцевъ. За осуществленіе этого важнаго для старообрядцевъ дѣла взялся главнымъ образомъ извѣстный поморецъ Михаилъ Ивановичъ *Вышатинъ*, ошибочно называемый Мельниковымъ *Витатинымъ*, другъ и единомысленникъ Андрея Денисова, одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ и авторитетныхъ людей среди тогдашнихъ старообрядцевъ всѣхъ согласій. Это былъ, по словамъ П. И. Мельникова, одинъ изъ самыхъ ученѣйшихъ людей, какіе только были въ расколѣ съ самаго начала его. Много онъ странствовалъ и по Россіи, и въ чужихъ краяхъ, много видѣлъ, много зналъ и обладалъ небыкновеннымъ даромъ привлекать и искренно привязывать къ себѣ людей, какихъ бы религіозныхъ убѣжденій они ни были (стр. 88).

Въ «Историческомъ Словарѣ» Павла Любопытнаго Вышатинъ характеризуется, болѣе впрочемъ риторически, чѣмъ исторически, какъ «славный житель въ Выгорѣціи, Березовскаго скита, мужъ ученый, знатныхъ талантовъ, вѣдущій греческій и латинскій языки»; какъ «примѣрный ревнитель благочестія, твердаго и геройскаго духа и строгой жизни; разительный писатель о бытіи послѣдняго времени и антихриста, знатный объяснитель догматовъ благочестія и рѣдкій нравоучитель ближнихъ. Онъ не разъ торжественно поражалъ возникавшее тамъ пагубное бракоборство,,. *Онъ, по духу тогдашняго времени, убѣдился отъ старѣйшинъ своея церкви долговременно странствовать по Палестинѣ и тамъ искать Христовой хиротоніи*, но все было тщетно. Мужъ былъ тщательный въ созиданіи церкви и ревностный обличитель враговъ ея,, посвятившійся благу оной; онъ былъ искуснѣйшій писатель св. иконъ и священныхъ предметовъ нравственыхъ, какъ и нынѣ гласятъ тамъ о высотѣ его талантовъ; любитель мира, тщательный снискатель священныхъ предметовъ древности, украшавшій многія святилища своимъ благолѣпіемъ. Его любовь къ ближнимъ, чистота сердца, вѣдѣніе священнаго писанія и ліющееся краснорѣчіе удивляли Выгорѣцкую лавру и всѣ окружающія оную скиты, и они увѣнчивали его славою и честію вездѣ». Таковъ былъ, по словамъ Павла Любопытнаго, главный иниціаторъ и руководитель второй неудачной старообрядческой попытки пріобрѣсти себѣ загра-

ничнаго епископа, умершій въ 1732 г., 65 лѣтъ отъ роду, (род. въ 1667 г.), во время своего заграничнаго странствованія съ указанною цѣлью. Умеръ онъ въ Галицкомъ городкѣ Кутахъ, въ небольшомъ раскольническомъ монастырѣ, незадолго передъ тѣмъ построенномъ на тогдашней польско-молдавской границѣ [1]).

---

[1]) *О Вышатинѣ* см. у *Мельникова*. Истор. оч. поповщ. стр. 88—89. «Каталогъ или Библіотека старовѣрческой церкви» и «Историческій Словарь старовѣрческой церкви» *Павла Любопытнаго*, изд. и напечат. О. М. *Бодянскимъ* въ Чт. общ. ист. и древн. Росс. М. 1863 г. Срав. Раскольники и острожники Ливанова, т. IV, приложеніе (Спб. 1873 г.). *Поповъ*, А. Опис. ркп. библ. А. И. Хлудова. М. 1872 г. стр. 590. Извѣстны два посланія къ Вышатину Андрея Денисова: 1) «Благодарственное посланіе къ М. И. Вышатину съ прочими о общей пользѣ съ нравоученіемъ»; 2) «нравственное и ободряющее посланіе *путешествующему брату Вышатину ради церковной и благочестивой пользы*, о хиротоніи». Указанія на эти посланія Денисова († 1 марта 1730 г.) см. у П. Любопытнаго (Чт. въ общ. ист. и древн., стр. 10—11). Кромѣ того въ Императорской Публичной Библіотекѣ имѣется полууставная рукопись XVIII в., на 334 л., въ 8-ю д. л. (О. 1. № 257), представляющая сочиненіе Вышатина, озаглавленное такъ: „Книга драгоцѣнный бисеръ о сотвореніи свѣта, о паденіи же Адамовѣ, и о царствованіи грѣха и упраздненіи его, о слугахъ Антихристовыхъ, и о самомъ господинѣ ихъ, и о изряднѣйшихъ правовѣрныхъ сложеніяхъ: о святѣй церкви, о второмъ пришествіи Христовѣ, о страшномъ судѣ, о мукахъ же и о царствіи небеснемъ, отъ божественнаго писанія вкратцѣ избрано». О сочинителѣ рукописи даетъ понятіе слѣд., интересная для насъ въ данномъ случаѣ приписка, на одномъ изъ неисписанныхъ бѣлыхъ листковъ рукописи, писанная другою рукою, чѣмъ сама рукопись: «Сія книга, собранная изъ свящ. писанія Михаиломъ Ивановымъ Вышатинымъ, въ 1729 году, маія 10, который былъ современникъ и собесѣдникъ Андрею Діонисьеву, *и посыланный въ Грецію для изысканія состоящей тамъ въ неповрежденномъ благочестіи церковной іерархіи, и проживавшій не малое время въ Молдавіи*, и наконецъ имѣвшій постоянное пребываніе въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Выгорѣцкой пустыни, въ Березовской пустыни». Кстати замѣтимъ, что указанное сочиненіе Вышатина состоитъ изъ молитвы, предисловія къ читателю, оглавленія, стиховъ или виршей къ читателю,

Есть основаніе полагать, что Вышатинъ, отправившись на Востокъ въ преклонныхъ лѣтахъ, искренно вѣрилъ въ возможность установить въ старообрядчествѣ архіерейство, а посланія Андрея Денисова даютъ основаніе полагать, что и Выговскіе руководители безпоповщинскаго раскола раздѣляли мысль авторитетнаго и вліятельнаго Вышатина.

инаго предисловія къ читателю же и самаго текста сочиненія. Текстъ состоитъ изъ 40 главъ, изъ нихъ первая о сотвореніи свѣта, 9-я о отступленіи юнитовъ, 10-я о отступленіи Россіянъ, 11-я о прореченіи россійскаго отступленія, о россійскихъ еретикахъ, о ересяхъ въ россійской церкви, о клятвахъ и запрещеніяхъ на новопродерзанія и еже не пріимати новостей; о похвалѣ непріимшимъ новопреданія и злыхъ пастырей отлучившимся; обличеніе на хвалящихся и глаголющихъ яко исправляемъ (?); о прочитаніи книжномъ и о ползѣ его; о гоненіи на христіянъ; о правѣ мучительства, еже колико несогласенъ Христову благовѣстію; послѣдняя, 40-я глава, о славѣ святыхъ, о царствіи небесномъ. См. Отч. Имп. Публич. Библ. за 1876 г. Спб. 1878 г., стр. 82—84. Указанія на эту вторую попытку Вѣтковцевъ „снискать себѣ чинъ епископскій“ см. у Журавлева, Полн. ист. изв. ч. IV, стр. 104—105; у іеромонаха *Виталія* въ сочиненіи *О церкви и о старообрядцахъ»* (рук. Кіев. дух. Акад. Аа, 128), гл. IV, лл. 75 об. и 81. Здѣсь говорится: «Вѣтковскаго и Діаконовскаго и безпоповскаго поморскаго согласія, возъимѣвъ предпріятіе, отправили съ каждаго ссекта (?) по одному человѣку въ Грецію отъискивать епископа, но не искали, изъ коихъ поморской Михайло Вишатинъ заграницею умре, а прочіи возвратились во своя си. Слѣпой не всякъ видитъ, какъ только можно быть тому, чтобъ у нихъ епископъ могъ угодить имъ всѣхъ разныхъ толковъ сектамъ, что они всѣ между собою весьма несогласные, а такъ и безъ епископа въ случаяхъ между ими въ преніяхъ, вступая въ озартъ, всякъ себя въ своемъ суевѣріи застаивая, бываютъ частыя драки и побои» (л. 81). Срав. Опис. нѣкот. соч., напис. рус. раскол. Ал. Б. (ровковича, впослѣд. архіеп. Одесскій Никаноръ), стр. 269.—Куты или Кутъ, гдѣ умеръ Вышатинъ, находится на Галицкомъ берегу р. Черемоша, текущаго въ Прутъ и составляющаго границу съ Буковиной. Противъ Кута, на буковинской сторонѣ Черемоша, г. Вишница. Это неподалеку отъ знаменитой нынѣ Бѣлой Криницы, тогда еще не существовавшей. Въ Кутахъ остались ученики Вышатина, ѣздившіе съ нимъ. Вѣтковцы и

Одновременно съ попыткой поповщины и безпоповщины совмѣстными силами найти на Востокѣ какого-либо безъудѣльнаго епископа, главнымъ инициаторомъ которой былъ Вышатинъ, Вѣтковцы, не дождавшись результатовъ поѣздки послѣдняго на Востокъ съ ихъ уполномоченными, рѣшились еще разъ самостоятельно послать кого-либо изъ своихъ въ Яссы къ митрополиту Антонію для посвященія во епископа. Выборъ палъ на монаха *Варлаама*, жившаго въ то время въ Спасовой слободѣ, болѣе извѣстнаго подъ именемъ бѣглаго попа Василья Кондратьева Казанскаго, рукоположеннаго по однимъ указаніямъ Астраханскимъ архіереемъ Лаврентіемъ Горкой, кровнымъ малороссіяниномъ, слѣд., съ точки зрѣнія раскольниковъ, обливанцемъ, по другимъ—Казанскимъ митрополитомъ Тихономъ, уроженцемъ Нижняго-Новгорода. Сначала, по отпаденіи отъ православной церкви, онъ довольно долго дѣйствовалъ по священнически въ Казани и былъ главою поволжскаго поповщинскаго раскола, откуда и получилъ прозваніе Казанскаго. Не поладивъ здѣсь съ вліятельными «мірскими правителями», господствовавшими во всѣхъ старообрядческихъ общинахъ и управлявшихъ ихъ дѣлами, онъ оставилъ Казань, предавъ проклятію своихъ недоброхотовъ, и ушелъ на Керженецъ. Та же причина заставила его переселиться съ Керженца на Уралъ. Какъ на Керженцѣ, такъ и на Уралѣ, по тѣсной связи послѣдняго съ Керженцемъ, онъ былъ заподозрѣнъ въ полученіи своего священнаго сана отъ архіерея-обливанца. Притакихъ обстоятельствахъ произошло его первое появленіе на Вѣткѣ. Здѣсь къ вопросу объ обливанствѣ относились уже гораздо терпимѣе, чѣмъ гдѣ-либо среди старообрядцевъ. Живя между Малороссіянами и Бѣлоруссами, Вѣтковцы видѣли,

Стародубцы воротились по его смерти «во своя си», а поморцы изъ любви къ учителю не хотѣли разстаться съ его могилой. Впослѣдствіи видѣлся съ ними здѣсь безпоповщинскій писатель Алексѣевъ, авторъ сочиненія *Тайна брака*. Авторъ «Опис. соч., писан. раскольниками, вышеуказанный А. Б. смѣшалъ двухъ Ивановъ Алексѣевыхъ—автора *Ист. о бѣгств. священ.* и автора *Тайны брака*, принявъ два разныя лица за одно. Такая же ошибка перешла въ Энциклопедическій Словарь въ ст. покойнаго *Н. Я. Аристова:* „Алексѣевъ. П.“. Любопытный въ своемъ «Историч. слов. старовѣрч. церкви» увѣряетъ, что Вышатинъ умеръ въ Палестинѣ. Чт. въ общ. ист. и древ. 1863 г. № 1, стр. 157.

что тамошніе православные священники при крещеніи не поливаютъ, а именно крестятъ въ три погруженія. Во всякомъ случаѣ, у Вѣтковцовъ была въ то время сильная партія, невѣрившая уже въ обливанство Малороссіянъ и Бѣлоруссовъ, какъ и Грековъ. Съ представителями послѣдней партіи на Вѣткѣ и сошелся попъ Василій, очаровалъ ихъ своимъ умомъ и опытностію, знаніемъ свящ. писанія и учительными дарованіями. Благодаря этой партіи, попъ Василій скоро выдвинулся на Вѣткѣ, и былъ посланъ игуменомъ Покровскаго монастыря, какъ мужъ учительный и истинный пастырь душъ человѣческихъ, въ Москву, находившуюся въ то время подъ полнымъ духовнымъ вліяніемъ Вѣтковскаго Покровскаго монастыря. Дѣятельность его въ Москвѣ и ея окрестностяхъ видимо была успѣшна, такъ какъ онъ здѣсь скоро разбогатѣлъ, или, какъ выражается Іона Курносый, «наполни чпагъ серебромъ и златомъ». Возвращеніе его снова на Вѣтку, гдѣ онъ и постригся въ монашество съ именемъ Варлаама, какъ разъ совпало съ временемъ усиленной агитаціи Вѣтковскихъ чернцовъ и поповъ обзавестись своимъ старообрядческимъ епископомъ. Варлаамъ самъ сталъ во главѣ агитировавшихъ и какъ учительный и краснорѣчивый монахъ былъ отправленъ въ Яссы къ митрополиту Антонію, въ качествѣ кандидата на епископство. Варлаамъ поѣхалъ въ Яссы съ своими собственными и Вѣтковскими деньгами. Надѣясь на воздѣйствіе этихъ денежныхъ средствъ, онъ не хотѣлъ смирить своего нрава и передъ митрополитомъ, говорилъ съ нимъ властно, пускался въ многоглаголаніе, вообще велъ себя, по выраженію Іоны Курносаго, «съ бойствомъ и велерѣчіемъ». Тѣмъ не менѣе митрополитъ принялъ прошеніе Варлаама и подарки, привезенные Варлаамомъ и Вѣтковцами, и даже назначилъ день хиротоніи. Наканунѣ этого дня между митрополитомъ и Варлаамомъ происходилъ такой разговоръ:

— Знаю, что ты изъ раскольниковъ, говоритъ Антоній. Но когда я посвящу тебя во епископа, какъ ты будешь меня разумѣть? Благочестивъ я или нѣтъ?

Варлаамъ, какъ искусный старообрядческій словопритель, уклончиво отвѣчалъ:

— Твое благочестіе съ тобой пребудетъ, а я въ чемъ стою, то со мной.

Антоній сообразилъ смыслъ рѣчи Варлаама и въ раздраженіи закричалъ:

— Такъ ты меня благочестивымъ не хочешь не только разумѣть, но даже назвать! Фельдшера сюда!—Явившемуся фельдшеру приказано было обрить кандидату во епископа бороду и волосы на головѣ. Мало того, митрополитъ посадилъ его въ тюрьму и угрожалъ рудниками и оковами. По позднѣйшему свидѣтельству іеромонаха Виталія, поплатились бородами и Вѣтковскіе спутники Варлаама, но не были посажены вмѣстѣ съ нимъ въ тюрьму. Они-то потомъ и постарались освободить Варлаама изъ рукъ Молдавскаго митрополита, обращаяеь къ разнымъ Ясскимъ властямъ и прося похлопотать ихъ за злополучнаго Варлаама у митрополита. Это имъ не дешево стоило, такъ какъ въ Яссахъ, какъ и вездѣ въ то время, безъ подарковъ дѣло необходилось. Освободившись изъ тюрьмы, Варлаамъ съ пустымъ чпагомъ убѣжалъ изъ Молдавіи и не малое время скрывался въ скитахъ у заграничныхъ раскольниковъ, пока не отросли у него борода и волосы. Пріѣхавши на Вѣтку, Варлаамъ и бывшіе съ нимъ спутники, предъ соборомъ изъ духовныхъ и мірянъ, разсказали все, что съ ними случилось въ Яссахъ. Не похвалили Варлаама Вѣтковцы за безтактные его разговоры съ митрополитомъ и его многоглаголаніе. «Ты все дѣло испортилъ», сказали они ему въ заключеніе.

Скандальный исходъ послѣдней попытки не обезкуражилъ Вѣтковцевъ: они немедленно выбрали новаго кандидата во епископа и опять послали въ Яссы. Кто былъ этотъ третій кандидатъ—неизвѣстно; въ нашихъ источникахъ онъ не названъ по имени. Какъ изъ попытки 1730—1731 г. съ инокомъ Павломъ, такъ изъ попытки съ Варлаамомъ, Вѣтковцы ясно видѣли, что дѣлу ихъ отъ того больше успѣха нѣтъ, что Ясскій митрополитъ затрудняется посвятить имъ во епископа раскольника. Вотъ почему на этотъ разъ Вѣтковцы наказывали новому кандидату исполнять всѣ обряды, не принятые старообрядцами, и называть себя принадлежащимъ къ великороссійской церкви, лишь бы только получить желаемое архіерейство. «Послѣ исправу примешь и проклянешь ересь», говорили они послѣднему кандидату во епископы. «Хоть присягу прими, а не дѣлай такъ, какъ Варлаамъ: грѣхъ твой на всю церковь беремъ». Такъ успокоивали совѣсть смутившагося при этомъ кандидата во епископа.

И эта третья Вѣтковская попытка не имѣла успѣха въ Яссахъ. Какъ разъ въ это самое время усилились толки о поливательномъ кре-

щенія у Грековъ и вообще въ заграничныхъ православныхъ церквахъ. Эти толки вызвала изданная Θеофаномъ Прокоповичемъ книга: «*Истинное оправданіе правовѣрныхъ христіанъ, крещеніемъ поливательнымъ во Христа крещаемыхъ*» (Спб. 1724 г.). [1]) Теперь опять заго-

[1]) Полное заглавіе соч.: «*Истинное оправданіе правовѣрныхъ христіанъ, крещеніемъ поливательнымъ во Христа крещаемыхъ; неправедно же и злобно, аки бы таковое ихъ крещеніе неважное было, невѣжами порицаемыхъ: многими доводами, отъ священныхъ писаній, древнихъ учителей и історій церковныхъ, отъ разсужденія силы св. сего христіанскаго тайнодѣйствія и его съ таинствомъ евхаристіи сораэсужденія, и отъ многихъ и различныхъ обстоятельствъ ясно показанное.* (На оборотѣ). *Напечатано въ царствующемъ Санктъ-Питербурхѣ повелѣніемъ імператорскаго священнѣйшаго Величества Петра великаго, отца отечества, імператора и самодержца Всероссійскаго. Благословіемъ же святѣйшаго правительствующаго всероссійскаго Сгнода ҂аѱкд, мца генваря въ єі день.* Въ 4⁰, на лист. Было напечатано и «*въ Москвѣ того же ҂аѱкд, мца марта въ л день*». Вторичное крещеніе погруженіемъ, при вступленіи въ православіе тѣхъ, кто крещенъ поливательно, установлено въ «*Потребникѣ иноческомъ*», издан. въ Москвѣ 1637 г. Въ 1644 г. по этому поводу былъ споръ, возникшій вслѣдствіе пребыванія въ Москвѣ Вольдемара, принца датскаго, и непризнаніе дѣйствительности крещенія поливательнаго внесено въ печатный сборникъ, изд. въ Москвѣ 1648 г. (Слов. Дух. писателей, II, 73—74; Обозр. славяно-русской библіографіи, № 503; Опис. книгъ Царскаго, стр. 252—256). При Петрѣ вопросъ рѣшили иначе, и въ старообрядческихъ сборникахъ XVIII в. встрѣчаются статьи противъ такого рѣшенія, что, вѣроятно, и побудило правительство издать «Ист. оправданіе». Въ одной ркп. Публич. Библіотеки (въ 8⁰, № 1261) читаемъ: «въ великороссійскія церкве митрополіяхъ, въ Кіевстѣй и словенстѣй тайна св. крещенія, яко въ погруженіи, тако во обливаніи за едино и дѣйствуется и пріемлется, еже показуется въ книгахъ печати кіевскія...; но древлеправославныя церкве отъ писанія святого зрится, яко отъ св. апостолъ и св. отецъ три погруженія въ крещеніи предашася, обливанія же нигдѣ же видѣти повелѣно, но паче запрещено...» Затѣмъ идутъ ссылки и обычныя толкованія буквы св. писанія, при чемъ не забыто указаніе и на «Пращицу» Питирима, гдѣ дѣйствительно есть мѣсто, направленное противъ крещенія обливаніемъ.

ворили въ старообрядческомъ мірѣ, даже и на Вѣткѣ, что въ Малороссіи и у Грековъ есть поливательное крещеніе, когда архіепископъ Ѳеофанъ,

---

Заключеніе статьи таково: «новопечатныя книги непогруженна Христа отъ Предтечи, но облита исповѣдующе, несогласуютъ древлецерковнымъ, а понеже не согласуютъ таковымъ св. мужамъ, убо и мудрствованіе ихъ о семъ намъ сомнительно является...» Въ предисловіи къ «Ист. оправданію» Ѳеофанъ Прокоповичъ употребилъ всю силу своего дарованія противъ учителей раскольническихъ, невѣжества и особенно не нравившейся ему закоснѣлости ихъ. Имена главныхъ начальниковъ сектъ, попадающіеся въ этомъ предисловіи, достаточно ясно показываютъ, на кого мѣтилъ онъ въ своемъ предисловіи. Объясняя, почему нолуграмотные люди всегда берутся за толкованіе св. писанія, Ѳеофанъ говоритъ: «когда слоговъ книжныхъ изучатся, и честь и писать могутъ, помышляютъ, что уже все получили и не осталося, чтобы имъ еще познать подобало: не вѣдая, какое пространное есть поле Ветхаго и Новаго Завѣта писаніе и коликаго труда требуетъ къ прочитанію своему..., къ изслѣдованію и проницанію всѣхъ своихъ главизнъ и силы ихъ. Какой же къ тому и номощи искать надлежитъ изъ книгъ многихъ древнихъ и новыхъ учителей богословскихъ, изъ толкованій и исторій и прочихъ пособствующихъ дѣлу сему писаній! И мнѣніе таковыхъ невѣжей подобное весьма есть легкому мнѣнію дѣтскому: якоже бо малые отроки, а еще сельскіе, бѣгая близь села своего и видя, что будто небо сошлося и совокупилося съ землею за недалекимъ лѣсомъ, помышляютъ, что тамъ-то и конецъ міра.... Тако и невѣжливые чтецы, или книжники, сколько до ихъ рукъ пріидетъ нѣкіихъ тетрадей и то неискусно сошитыхъ, по большей же части смѣха достойныхъ, напр., проповѣдей Аввакумовыхъ, сказокъ о двѣнадцати пятницахъ, притворныхъ откровеній, чудесныхъ ложныхъ повѣстей, суетныхъ нѣкіихъ преданій и прочіихъ басней. Сіи они, писаньяшки получивше, помышляютъ, что уже получили и обняли всѣ предѣлы мудрости и дошли до самого дна богословія... Вина таковой продерзости есть киченіе, и чванство, и желаніе славы учительской. Сія вина не особь дѣйствуетъ, но вышеупомянутой первой сопослѣдствуетъ. Помышляя бо бездѣльникъ о себѣ, что мудръ есть, желаетъ, дабы и всѣ тожъ о немъ думали и, яко премудра, славили и почитали... Того ради никакова въ разговорѣ съ людьми не упуститъ случая, въ которомъ бы мощно ему, какъ ворону, голосъ испустить. Писаніе толковати тщит-

самъ сущій поливанецъ, защищаетъ и похваляетъ таковое, св. отцами не преданное, крещеніе, Эта книга, какъ извѣстно, соблазняла и право-

ся, отъ книгъ будто отеческихъ, которыхъ не бывало, свидѣтельства произноситъ, но и безъ всякаго свидѣтельства своимъ умысломъ... поучаетъ -- что вѣрити, что хранити и чего блюстися подобаетъ. И видя простолюдины, что угодны къ прельщенію, а не имѣя самъ довольнаго къ пресыщенію ни ума, ни слова (какъ то имѣли еретики Арій, Некторій, Евналій и пр.), во утвержденіе басенъ своихъ часто, ово лицемѣрно воздыхая, ово гордо поднимая бровь (кажется бо ему, что такъ мудріи дѣлаютъ); часто сихъ между разсказами своими рѣчей употребляютъ: великое дѣло богословіе! не всякъ постизаетъ глубину богословіи! не всякъ знаетъ силу св. писанія! и проч. симъ подобная. Се же того рода повторяетъ, дабы слышащіи помышляли, что онъ тое все до дна знаетъ, а онъ—что есть писаніе, и что богословіе—такъ не вѣдаетъ, какъ подземный кротъ о дневномъ свѣтѣ!.. Наше домашнее зло вящше всѣхъ древнихъ устрашаетъ насъ. Что бо се видимъ въ Россіи нашей? Самые крайніе невѣжи, не пастыріе, учителіе христіанстіи, но слѣпые вожди и таковые глупцы, которые и млека апостольскаго, т. е. первыхъ христіанскаго ученія начатковъ (млекомъ бо оные нарицаетъ Павелъ) не вкусили, а именно Аввакумъ распопъ, Лазарь, Никита и прочіе возопили въ народѣ, яко пьяные или бѣшеные, безумнымъ кликомъ; наплели безъ числа суевѣрій и неслыханныхъ преданій и весьма христіанству странныхъ, а отечеству нашему студныхъ и срамотныхъ догматовъ. Что же сдѣлалося, не получили вѣроятія? О стыденія твоего Россіе! Такъ многое число вѣрующихъ и вослѣдовавшихъ себѣ получили, что мѣста не обрящемъ, гдѣ бы оныхъ льстецовъ не были наслѣдники и ученики, ово тайные, ово же и явные, которые хотя и сами отнюдь не знаютъ, что пріемлютъ и что отмещутъ и на чемъ основаны стоятъ, однако же стоятъ на пути погибельномъ, аки бы обаянные. И, понеже уже не вчера расколъ сей начался, внемли себѣ, благочестивый читателю, коликое душъ число слѣпымъ, да злобнымъ упрямствомъ симъ погибло и погибаетъ. Толикое же въ народѣ нашемъ душепагубнаго бѣдства, аще который пастырь не видитъ, не дремлетъ онъ, но твердо спитъ, аще же видитъ и нерадитъ, весьма онъ духовнаго чувства, яко разслабленный, лишился».. *Пекарскій, П.* Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Вел. т. II. Спб. 1862 г. Стр. 610—613. Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Син. Т. III, ст. 432.

славныхъ, а еще болѣе раскольниковъ. Соблазнился ею и новый Вѣтковскій кандидатъ во епископа, и по прибытіи въ Яссы сталъ прежде всего разыскивать какъ крестятъ въ Молдавіи, у Грековъ: въ три погруженія или поливательно? Откуда родомъ митрополитъ Антоній и какъ онъ крещенъ? Вѣрно или не вѣрно сказали ему, что Ясскій митрополитъ крещенъ поливательно? Не желая получить хиротоніи отъ обливанца, онъ возвратился на Вѣтку и объяснилъ, почему онъ особенно и не хлопоталъ о архіерействѣ. Не понравилось это объясненіе на Вѣткѣ, такъ какъ оно шло въ разрѣзъ съ давнишнимъ, усерднымъ желаніемъ Вѣтковскихъ старообрядцевъ имѣть своего епископа. «Они слышавши, прискорбни бѣша», говоритъ Іона Курносый въ своей «Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ» [1]).

П. с. п. и р. по вѣд. правосл. исповѣд. Т. III, № 1089. стр. 131. Какъ относились раскольники къ указанной книгѣ Ѳеофана Прокоповича см. въ «Подмётномъ письмѣ 1727 г.», напечатанномъ въ приложеніяхъ къ ст.: «Ссылка кн. Меньшикова» (Отеч. зап. 1861 г., № 1 и 2, стр. 3, а также въ раскольничьемъ трактатѣ перой половины XVIII в.: «Изъявленіе, чесо ради сомняемся о новодѣйствуемомъ нынѣ въ Россіи крещеніи и для чего крещенія, по новопечатнымъ книгамъ совершаемаго, не пріемлемъ». Ркп. Имп. Публ. Библ (О. 1. №: 319). См. Отч. Имп. Пуб. Биб. за 1889 г. Спб. 1893 г. Стр. 162, лл. 15—30 об. Этотъ же обширный трактатъ упоминается въ «Обстоятельпомъ опис. славяно-россійскихъ рукописей, хранящихся... въ библіотекѣ... графа Ѳ. А. Толстова, Строева и Калайдовича, стр. 517 (эта рукопись принадлежитъ нынѣ Имп. Публич. Библіотекѣ, Q. 1. № 345) и въ «Опис. ркп. библіотеки А. И. Хлудова, сост. А. Поповымъ, стр. 530. Срав. въ Сборн. раскольническомъ (Цвѣтникѣ) XVIII в., въ 8 д. л., Императорской Публич. Библ., л. 87 и д. опроверженіе по вопросу о крещеніи изъ книги «*Оправданіе крещеніемъ поливательнымъ во Христа крещаемыхъ, Синодомъ сочиненной в лѣто 1724 г.*» О. 1. № 415.

[1]) *Іона Курносый*, авторъ второй „*Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ*", напеч. въ наибольшей своей части Г. В. Есиповымъ: „Раскол. дѣла XVIII" (т. II, въ приложеніи, стр. 177—189). Недостающій у Есипова конецъ исторіи Іоны Курносаго пересказанъ Мельниковымъ въ его «Историч. очеркахъ поповщины», ч. I. М. 1864 г. и статьяхъ его въ

То, о чемъ долго думали и мечтали и чего такъ усиленно искали Вѣтковскіе старообрядцы, осуществилось наконецъ легко и удобно для нихъ, въ лицѣ дѣйствительнаго епископа, хотя и обманнымъ образомъ сдѣлавшагося таковымъ. Въ то время, какъ Вѣтковцы тщетно и съ большими издержками хлопотали предъ Ясскимъ митрополитомъ и Константинопольскимъ патріархомъ о поставленіи старообрядческаго епископа, Московскіе старообрядцы-поповцы, находившіеся въ то время въ тѣсномъ общеніи съ Вѣтковскими, наткнулись на готоваго епископа въ самой Москвѣ. То былъ столь извѣстный въ исторіи поповщинскаго раскола епископъ *Епифаній*, именуемый епископомъ Чигиринскимъ и Украинскимъ, который принялъ епископскій санъ въ Волощинѣ у Молдавскаго митрополита Георгія 22-го іюля 1724 г. [1]). По своему общественному положе-

Русскомъ Вѣстникѣ за 1864—1867 гг. О послѣднихъ двухъ попыткахъ Вѣтковцевъ пріобрѣсть себѣ епископа, мы находимъ болѣе полныя указанія только у Іоны Курносаго; ни Иванъ Алексѣевъ, ни протоіерей *Журавлевъ* о нихъ не говорятъ вовсе. Нѣкоторыя краткія указанія впрочемъ находятся относительно Варлаама въ вышеуказанномъ рукоп. сочин. монаха Виталія—„О церкви и старообрядцахъ". Именно здѣсь говорится о попыткѣ Варлаама слѣд.... «По совѣту всѣхъ отправленъ бысть изъ *Спасовой слободы* іеромонахъ Варлаамъ съ прочими въ Яссы же для постановленія во епископа и просили м—та да освятитъ. Но когда же узнано объ умыслѣ ихъ, что оне подходятъ коварно и не согласны со св. соборною Грекоросс. церковію, то приказано было задержать таковыхъ снискателей и сдѣлать насмѣшку надъ ними такову: Варлааму, ставленнику тому, остричь бороду и волосы на головѣ, понеже безбрадый, аки евнухъ; а тѣмъ бороды, чтобы прочимъ неповадно. Однако Русь могуча: познавше то, скоро убѣжали». Л. 81 и об. Особенно важно для исторіи архіерейства у старообрядцевъ «*Письмо соборнаго старца, перевѣйшаго во время собранія или соборованія о нужныхъ случаяхъ засѣдателя*». Ч. 1, стр. 91—93...

[1]) По свидѣтельству Ивана Алексѣева, Епифаній, бывшій раскольническимъ архіереемъ на Вѣткѣ „лѣта 7242" (Брат. Слово 1889 г., № 7, стр. 511), получилъ санъ епископа отъ Молдавскаго митрополита Георгія 22-го іюля 1724 г. Эта дата согласно принимается протоіереемъ Журавлевымъ, въ его «Полн. историч. изв. о древ. стригол. и новыхъ

нію въ южно-русской церкви это былъ «бискупъ хлопской вѣры», какъ пренебрежительно называли уніаты и уніатскіе епископы православныхъ «бродячихъ архіереевъ», появлявшихся отъ времени до времени въ южно-русскихъ и западно-русскихъ областяхъ Польши среди православнаго сельскаго и городскаго населенія. Обыкновенно такіе архіереи бродили по православнымъ приходамъ и монастырямъ для отправленія богослуженія, иногда даже съ разрѣщенія уніатскихъ архіереевъ. Къ этимъ «бродячимъ архіереямъ» принадлежалъ и Епифаній, попавшійся въ началѣ 1733 г. въ Москвѣ въ руки старообрядцевъ и сдѣлавшійся первымъ старообрядческимъ на Вѣткѣ епископомъ, не смотря на то, что ему, какъ южноруссу, болѣе или менѣе тронутому образованіемъ, были въ сущности противны русскіе церковные отщепенцы-раскольники. Трагическимъ характеромъ вообще отзывается судьба этого русскаго монашествующаго авантюриста первой половины XVIII в.

Епифаній, въ мірѣ Евстафій Яковлевъ Ревуцкій, изъ казаковъ Лу-

---

раскол.», изд. 1855 г., ч. III, стр. 20; преосвящ. Макаріемъ, авторомъ „Ист. рус. раск.", стр. 301; П. И. Мельниковымъ, Ист. оч. поповщ. Ч. 1, стр. 103 и 105; проф. Ивановскимъ въ его „Руков. по ист. и облич. старообр. раск." Казань. 1887 г. Стр. 143. Г. Стрѣльбицкій, авторъ „Ист. рус. раск." (Одесса, 1889 г.), утверждаетъ, и вполнѣ повидимому несправедливо, что Епифаній былъ рукоположенъ во епископа 22 іюля 1722 г. (стр. 163).—Источниками о Епифаніѣ служатъ оффиціальные документы, собранные отчасти еще въ XVIII в. Главнѣйшіе изъ нихъ были напечатаны протоіереемъ А. І. Журавлевымъ въ его „Полн. ист. изв. о раскол." Изд. VI, М. 1890 г., ч. III, стр. 181—192. Тѣ же самые документы находятся и въ указываемомъ уже не разъ рукоп. соч. монаха Виталія „О церкви и старообрядцахъ", гл. 14, стр. 81—93. Въ полномъ видѣ дѣло Епифанія иллюстрируется въ издаваемыхъ св. Синодомъ „Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Син." и „Полн. соб. пост. и распор. по вѣд. правосл. испов.", которыми мы главнымъ образомъ и пользуемся въ данномъ случаѣ. Кромѣ того, въ Моск. арх. Мин. Ин. дѣлъ, въ такъ назыв. „новыхъ малороссійскихъ дѣлахъ", находится «прошеніе монаха (разстриги) Епифанія о прощеніи вины, освобожденіи изъ подъ стражи и увольненіи по обѣщанію его». Св. 69, 1727 г., № 8/2.

бенскаго полка, стало быть чистокровный малороссіянинъ, родился около 1685 г. и первоначальное воспитаніе получилъ въ г. Пирятинѣ, Полтавской губерніи; монашество принялъ «въ святой Софіи» отъ митрополита Варлаама Ясинскаго и черезъ нѣсколько времени посвященъ былъ въ іеромонахи. При митр. Іоасафѣ Кроковскомъ онъ занималъ игуменство Маньковское и Козелецкое, а при архіепископѣ Варлаамѣ Вонатовичѣ—Скельское, и пользовался такою благосклонностью послѣдняго, что сдѣланъ былъ экономомъ архіерейскаго дома и какъ человѣкъ знающій толкъ въ приказныхъ дѣлахъ, завѣдывалъ канцеляріею архіепископа. Недолго, впрочемъ, ему пришлось занимать довольно видное и вліятельное положеніе въ обширной и въ то время Кіевской епархіи; именно онъ скоро былъ обвиненъ монахами Козелецкаго монастыря въ растратѣ 240 руб. монастырскихъ денегъ и въ расхищеніи монастырскаго имущества, а монастырскою коровницею—въ незаконномъ прижитіи съ нею ребенка. Виновникъ такого соблазна, по запрещеніи священнослуженія, былъ преданъ суду, исходъ котораго могъ плохо окончиться для виновнаго монаха [1]).

---

[1]) Іона Курносый поводъ къ обвиненію Епифанія и первоначальный исходъ его дѣла передаетъ такъ: «за непорядки, пьянство и за растлѣніе насильно чистыя дѣвы изъ священства и экономства своими обливанцами извержена бывша, и по изверженіи, по сердцу сказующа на своихъ важное дѣло, изловленъ, и, сидѣвъ долго, приговоренъ къ розыску, и поспѣшившу милостивому указу отъ розыску и сѣденія свобожденъ». Мельниковъ, Ист. оч. поповщ. 1, 96, примѣч. Въ дѣлѣ св. синода объ учиненіи монаху Епифанію Яковлеву Ревуцкому наказанія плетьми и объ отсылкѣ его въ Соловецкій монастырь, отъ 8 января 1733 г., выставлено слѣд. 8 винъ за Епифаніемъ: 1) Будучи онъ Кіевской епархіи, въ Козелскомъ монастырѣ забралъ монастырской казны 240 руб., и родственникамъ своимъ раздавалъ монастырское иждивеніе. 2) Зъ дѣвкою явился въ блудодѣяніи. 3) Взялъ изъ Кіев. губ. Канц. пашпортъ о пропустѣ ево на заставѣ черезъ караулъ, будто до Триполья, для осмотрѣнія домовой вотчины, и проѣхавъ оной караулъ, бѣжалъ за границу Лядскую. 4) За Днѣпромъ будучи въ г. Сорокѣ, вымысломъ написалъ своеручно письмо, будто отъ Кіевск. архіерея къ Ясскому Митрополиту, чтобъ онъ посвятилъ ево во епископы, и имя-

Въ виду этого, прежде окончанія начавшагося дѣла, въ началѣ іюня 1724 г., по отъѣздѣ архіепископа Ванатовича изъ Кіева для обозрѣнія епархіи, Епифаній, получивъ обманомъ изъ Кіевской губернской канцеляріи пашпортъ для проѣзда будто бы до Триполья, съ цѣлью осмотра архіерейскихъ вотчинъ, бѣжалъ «заграницу лядскую», задумавъ сдѣлаться «бродячимъ архіереемъ». Въ Умани онъ открылъ свою тайную мысль тамошнему намѣстнику и знакомымъ священникамъ, что ѣдетъ въ Волошскую землю «за благословеніемъ» на епископію Чигиринскую и Украинскую. «Бродячіе епископы», вслѣдствіе ненормальныхъ условій тогдашняго положенія православныхъ подъ польскимъ владычествомъ, покровительствовавшимъ уніи, были такимъ обыкновеннымъ явленіемъ, что мысль Епифанія сдѣлаться такимъ архіереемъ никого не удивила. Уманскіе священники не только одобрили намѣреніе Епифанія, но и исходатайствовали чрезъ Уманскаго намѣстника у Львовскаго епископа Аѳанасія Шептицкаго письменное дозволеніе на невозбранное поставленіе священ-

---

немъ ево подъ тѣмъ письмомъ подписался и печать Софійскую нарисовалъ и вырѣзалъ, то письмо самъ воровски запечаталъ; также и др. фальшивая письма писалъ же. 5) Въ томъ же году написалъ ложныя на св. Син. клеветы: 1, все-де духовенство на Украйнѣ желаетъ по прежнему м-та, а св. Синодъ, невѣдомо ради какихъ причинъ, убавилъ чести митрополіи Кіевской и учинилъ архіепископство; 2) запретили во всей Россіи за патріарховъ молитися и почитать ихъ; 3) а наипаче отъ Син. установлено Кіев. архіерею ѣздить къ Москвѣ па годовую священнослуженія чреду, а въ Кіевѣ для поставленія поповъ быть не кому; 6) пріѣхавъ въ Яссы, вышепомянутому м-ту своеручно написанное письмо подалъ, и тѣмъ м-томъ, по тому письму, во епископа на Украйну и въ Чигиринъ онъ, въ 724 г. іюля 22, посвященіе получилъ. 7) отъѣхавъ отъ того м-та изъ Яссъ, на Украйнѣ бывъ, посвятилъ во іеродіаконы и попы больше 14 чел. 8) Будучи въ Волоской землѣ, писалъ ко Львовскому и Володимірскому епископамъ (уніатамъ) письма, представляя себя подъ ихъ протекцію, и просилъ о позволеніи житія въ ихъ епархіяхъ, для посвященія въ попы». П. с. п. и р. по вѣд. прав. испов. т. V, № 1642. Т. VIII, № 2674, стр. 2.

никовъ во всей Украйнѣ [1]). Не ограничиваясь согласіемъ этого епископа и для большей очевидности и достовѣрности своего ходатайства, Епифаній въ Бессарабскомъ городкѣ Сорокахъ составилъ подложную грамоту къ Ясскому митрополиту отъ имени Кіевскаго архіепископа и представилъ ее потомъ по адресу съ приложеніемъ фальшивой Софійской печати и трехъ патентовъ на вышесказанныя игуменства. Грамота эта составлена съ знаніемъ и пониманіемъ тогдашняго политическаго положенія Украйны и того недовольства, которое затаенно дѣйствительно существовало давно противъ отношеній русской власти къ южно-русскому духовенству, именно со времени отчисленія Кіева и Малороссіи изъ вѣдѣнія Константантинопольскаго патріарха, и особенно усилилось со времени учрежденія св. Синода. Именно Епифаній отъ лица Кіевскаго архіепископа писалъ: «нарочно писалъ я къ преосвященному епископу Лвовскому, объявляя поведеніе Украйны, которая прежде была подъ вѣдѣніемъ Кіевской епархіи, а когда Императорское Величество отдалъ во владѣніе королю Польскому, тому уже лѣтъ съ тридцать, въ другомъ случаѣ сказано—тринадцать и, кажется, вѣрнѣе, знатные города: Бугуславъ, Лисянку, Корсунь Бѣлую Церковь, Хвастовъ и прочіе города и села и Чигиринъ, гдѣ въ прежніе годы были епископы Кіевскіе, то вся та Украйна, не имѣя своего пастыря, пребываетъ безчинно, и въ ней много явилось неосвященныхъ поповъ, а которые отъ священнослуженія отлучены— священнодѣйствуютъ по прежнему [2]). И это отъ того, что Львовскій епископъ запре-

[1]) Въ экстрактѣ дѣла о Епифаніи, сдѣланномъ въ канцеляріи св. Син., по этому поводу сказано: «Привезли къ нему, Епифанію, дому онаго Лвовскаго епископа съ Немирова отъ архидіакона письмо..., что ежели онъ, Епифаній, можетъ получить благословеніе на Чигиринскую епископію, то невозбранно будетъ во всей епархіи Лвовской, Украинской и повѣтѣ Уманскомъ прилучающихся въ попы посвящать»... Ibidem.

[2]) Въ первомъ случаѣ здѣсь разумѣется договоръ 1686 г. съ Польшею, напечатанный еще въ XVIII в. въ десятитомномъ сборникѣ Туманскаго. Заглавіе сборника: «Собраніе разныхъ записокъ и сочиненій, служащихъ къ доставленію полнаго свѣдѣнія о жизни и дѣяніяхъ государя императора Петра Вел.». Изд. трудами и иждивеніемъ Ѳедора Туманскаго. Спб. 1787—1788 гг. Договоръ напечатанъ въ X т. Нѣкоторыя указанія о ходѣ изданія см. у Державина, Сочиненія, изд. Акад. Наукъ, V, 574, 662, 660. *Шмурло, Е.* Петръ Вел. въ рус. лит. Спб. 1889 г. стр. 83.

тилъ всѣмъ ставленникамъ принимать священство отъ великороссійскихъ и малороссійскихъ архіереевъ, а велѣлъ имъ приходить для этого во Львовъ, куда они однако нейдутъ, какъ за дальностію пути, такъ наипаче ради опрѣсночнаго служенія, предпочитая на свою пагубу совершать священныя тайны безъ посвященія. О таковомъ нестроеніи и распутствѣ самозванныхъ поповъ писалъ я къ епископу Львовскому, прося его здраваго совѣта, а его преосвященство хотя и не вручилъ мнѣ вѣдомствомъ тѣхъ поповъ, однакожъ, чтобъ не было между Императорскимъ Величествомъ и королемъ Польскимъ нарушенія договоровъ, позволилъ посвятить на епископію іеромонаха и послать въ Чигиринъ, гдѣ прежде епископы живали. И по тому епископа Львовскаго согласію посвятить епископа въ Кіевѣ невозможно, понеже отъ св. Синода не токмо во епископа посвятить, но и въ монахи во всей Малой Россіи постригать запрещено. Того ради смиренно молю, да благоволите сего свидѣтельствованнаго законника нашого, святософійскаго іеромонаха Епифанія посвятить во епископа и дать ему патентъ за подписью своей руки и наименовать епископомъ, Чигиринскимъ и Украинскимъ; а ежели въ Яссахъ обрѣтается патріархъ какой изъ Палестины греческой, то бъ и митрополитомъ его посвятить и бѣлый клобукъ ему дать, понеже, невѣдомо для какихъ причинъ, св. Синодъ, унявъ чести митрополіи Кіевской, перевелъ ее на архіепископію и запретилъ во всей Великой и Малой Россіи молиться за патріарховъ и не почитать ихъ. А мы съ духовенствомъ желаемъ, по прежнему, на Украйнѣ митрополита, и какъ онъ, Епифаній, въ близости будетъ жить отъ Кіева, то всегда можетъ присутствовать въ домѣ нашемъ при ду-

---

Еще въ началѣ 1711 г. чрезвычайный и полномочный посолъ польскій, Воловичъ, маршалъ Литовскій, объявилъ въ Москвѣ царскимъ министрамъ, между прочимъ, и такія требованія, чтобъ отданы были Польшѣ украинскія крѣпости: Бѣлая Церковь, Хвастовъ, Браславль, Немировъ, Богуславъ, какъ и города на правомъ берегу Днѣпра: Чигиринъ, Каневъ, Трахтемировъ, Мошны, Сокольница и др., стоящіе теперь пустыми. Позже, подъ вліяніемъ новой грозящей войны въ Турціей, заключенъ былъ договоръ съ Польшей, обезпечивающій опасность съ этой стороны, именно въ 1713 г. Ист. Рос. Соловьева, т. XVI, стр. 64 и д.

ховныхъ дѣлахъ, а во время нашего отъѣзда въ Москву на годовую чреду священнослуженія, замѣнитъ насъ въ Кіевѣ»[1]).

Грамота эта датирована 28 мая, а 22-го іюля того же 1724 г. Молдавскій митрополитъ Георгій въ сослуженіи съ епископами: Романскимъ Аѳанасіемъ и Гусскимъ Орестомъ въ Ясскомъ каѳедральномъ соборѣ возложилъ на Епифанія омофоръ. При отпускѣ митрополитъ Георгій снабдилъ новопоставленнаго епископа Чигиринскаго и Украинскаго обычною «ставленою» грамотою, «съ словеснымъ приказаніемъ, что ежели онъ присягнетъ на унію, то будетъ анаѳема, а ежели подвергнется гоненію, то бъ перемѣнитъ епархію». Съ 15-го августа Епифаній принялся за исполненіе своихъ епископскихъ обязанностей, прежде всего въ Лысянкѣ, по прошенію тамошняго игумена, онъ посвятилъ въ приходской церкви двухъ монаховъ—одного въ іеромонаха, а другого—въ іеродіакона; въ Богуславѣ поставилъ одного попа и одного іеродіакона. «И какъ узнали, что онъ епископъ, понасылали къ нему ставленниковъ изъ разныхъ мѣстъ,

---

[1]) Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Син. Т. IV, № 476/217, стр. 482—483. Интересно, что архіеп. Варлаамъ самъ писалъ въ 1725 г. въ св. Синодъ о разрѣшеніи постригать въ монашество студентовъ безъ трехлѣтняго искуса, по причинѣ оскудѣнія монаховъ, по доношеніямъ ректора коллегіума Богоявленскаго братскаго монастыря, іером. Іосифа и Свято-Никольскаго Пустынно-Кіевскаго монастыря иг. Христофора. Первый доносилъ, что 11 изъ его «пановъ дисципуловъ», оканчивающихъ богословское «четверолѣтное» ученіе, желаютъ „въ чинъ монашества“, но только смущаются трехлѣтнимъ монастырскимъ искусомъ и запрещеніемъ изъ св. Син. постригать въ монашество, прося вмѣнить имъ за искусъ постоянное, въ продолженіе 12 и болѣе лѣтъ, обученіе, «понеже *зѣло великое оскуденіе литератовъ въ нашихъ обителяхъ кіевскихъ обрѣтается*». Оба ходатайства б. уважены св. Синодомъ; относительно же указа отъ 28 января 1723 г. о запрещеніи постригать въ монашество Синодъ объяснилъ, что онъ относится къ великороссійскимъ монастырямъ, а не малороссійскимъ, такъ какъ въ тамошніе монастыри опредѣлено посылать на пропитаніе отставныхъ солдатъ, а въ малороссійскіе монастыри солдатъ не посылаютъ. Оп. док. и д., хран. въ арх. св. Син. Т. V, стр. 106—109. Ср. Полн. собр. пост. и расп. по вѣд. прав. исп. Росс. имп. Т. V, № 1490. Характеристика Варлаама Вона-

которыхъ онъ и посвятилъ больше десяти человѣкъ». Протоіерей Журавлевъ первый пустилъ въ оборотъ извѣстіе, что въ это время Епифаній познакомился съ раскольниками, которые, нуждаясь въ священникахъ, просили его посвятить избранныхъ ими лицъ,—извѣстіе, неоправдываемое оффиціальными данными и невѣроятное само по себѣ, хотя и часто повторяемое нашими историками раскола. Посвященные Епифаніемъ ставленники въ Лысянкѣ и Богуславѣ были православными южно-русскими людьми, а не великороссійскими раскольниками [1]).

товича мастерски сдѣлана г. Е. Крыжановскимъ въ ст.: «Ѳеофанъ Прокоповичъ и Варлаамъ Вонатовичъ». (Тр. Кіев- Дух. Ак. 1861 г., апрѣль, стр. 279 и д.). Это былъ человѣкъ простой, неученый, чуждавшійся всякаго общества и любившій только уединеніе и подвижническія занятія. На Кіевской каѳедрѣ Вонатовичъ не только чуждался общества, но и рѣдко допускалъ къ себѣ подчиненныхъ, сдалъ всѣ дѣла по епархіи консисторіи и сносился съ нею единственно чрезъ своего писаря, такъ что сами члены консисторіи рѣдко могли его видѣть. Писаремъ, ворочавшимъ всѣми дѣлами по Кіевской епархіи, былъ нѣкоторое время у Вонатовича и Епифаній Ревуцкій.

[1]) Журавлевъ. Полн. ист. изв. о раскол. Ч. III, стр. 27. Мельниковъ—Ист. оч. поповщ. Ч. I, стр. 103, говоритъ, что на Украйнѣ Епифаній, разумѣется, «не даромъ», въ продолженіе какого-нибудь мѣсяца поставилъ раскольникамъ 14 поповъ и дьяконовъ. Тоже повторяетъ за Мельниковымъ и проф. Ивановскій въ своемъ «Руков. по ист. и облич старообр. раскола». Казань. 1887 г., стр. 143. *Платонъ Аѳанацковичъ*, еп. Будимскій, въ своей „*Повѣсти краткой и достовѣрной о раскольницѣхъ, на соблазнъ и позоръ правосл. нашея восточ. церкве въ сія послѣдняя времена прошибающихся*" (Будимъ, 1848 г.), разсказываетъ, что раскольники, не обрѣтая нигдѣ православныхъ іерарховъ, которые бы пожелали воспріять жезлъ пастырства надъ ними, «отриновенніи и прогнанніи отвсюду, умыслиша наконецъ восхитити лестію и обманою, еже прямо получити не можаху—се како то: Калогера нѣкоего, развратника и піяницу, златомъ многимъ купивше и, посылаютъ во страну Молдаво-Валахійскую во градъ Іасси къ митрополиту тамо священноначальствующему, ему же и писаніе нѣкое лживое, аки бы отъ православнаго митроп. Кіевскаго въ Россіи, составиша и препоручиша, да онаго лстеца посвятитъ во епископа въ нѣкій градъ Кіевскія области... Изшедшій

Не долго однако Епифанію пришлось дѣйствовать по епископски въ юго-западныхъ областяхъ тогдашней Польши. Чтобы не навлечь на себя непріятностей со стороны мѣстныхъ уніатскихъ архіереевъ, онъ принужденъ былъ, назвавшись «странствующимъ епископомъ, идущимъ до Кіева», обратиться къ уніатскому архіепископу Владимірскому Кишкѣ и епископу Львовскому Шептицкому съ просьбою «о протекціи и дозволеніи жить на Украйнѣ и ставить поповъ». Въ отвѣтъ на эту просьбу коммиссаръ Владимірскаго архіепископа, Овручскій архимандритъ, прислалъ въ Лисянку къ Епифанію своего законника, «который крѣпко держалъ его цѣлую недѣлю подъ арестомъ, и до тѣхъ поръ не отпускалъ, пока онъ не явилъ ему своей ставленой грамоты». «Въ яковомъ гоненіи», говоритъ далѣе Епифаній, «по нуждѣ моей, переписалъ на бланкетѣ грамоту, называючися Гусскимъ Волошскимъ епископомъ, а не Чигиринскимъ, а тую грамоту спалилъ, боячися, же бы не усиливали присягати на унію и за то не подпасти проклятію митрополитанскому; а какъ законникъ отъѣхалъ до официала, то онъ, ради благочесгія, ушелъ до Кіева». Въ концѣ сентября того же 1724 г. Епифаній былъ уже въ Кіевѣ, и, предъявивъ Кіевскому архіепископу Варлааму Вонатовичу, „предстателю паствы словесныхъ овецъ, учителю, отцу и пастырю“, ставленую грамоту, составленную имъ въ Лисянкѣ и писанную на турецкой бумагѣ малороссійскими литерами, просилъ отпустить его за Днѣпръ, въ Скельскій монастырь, гдѣ прежде онъ игуменствовалъ. Однако Вонатовичъ, не смотря на свое прежнее покровительство Епифанію, «видя его не епископа, а бѣглеца быти», по совѣту съ Кіевскимъ губернаторомъ княземъ Ив. Юрьевичемъ Трубецкимъ и «съ духовнымъ консисторомъ своимъ, велѣлъ взять его въ хлѣбню на цѣпь», гдѣ Епифаній и сообщилъ вышеизложенныя свѣдѣнія о пріобрѣтеніи имъ епископства, подписавъ свое

обаче на ловитву сей окаянный лжепастырь, именовавшійся *Епифаній*, невозможе утвердитися нигдѣже, не точію въ державѣ Россійстѣй, но ниже и во странахъ Полскихъ и Турскихъ, идѣже расколницы живяху... сице принужденъ бѣ калогеръ Епифаній сей скитатися, бѣгая отъ страны въ страну и крыяся во пристанищахъ расколническихъ, дондеже ятъ бысть яко скитница и возмутитель, и въ заточеніе вверженъ, идѣже злохудожную душу свою злѣ испусти“. Стр. 13—14.

показаніе такъ: «недостойный епископъ Епифаній Яковличь, бренною рукою» [1]).

Прежде донесенія св. Синоду о дѣлѣ Епифанія, Кіевскій архіепископъ запросилъ грамотой Молдавскаго митрополита, и послѣдній отвѣтилъ, что дѣйствительно Епифаній хиротонисованъ имъ въ санъ епископа, но не Гусскаго, а Чигиринскаго, и хиротонія учинена «не ради мзды и пріятія даровъ», а вслѣдствіе принесенной Епифаніемъ братской грамоты его, Кіевскаго архіепископа [2]). Въ такомъ смыслѣ Варлаамъ Вонатовичъ и донесъ о Епифаніи св. Синоду. Послѣдній потребовалъ его «для надлежащаго розыска» въ С.-Петербургъ. 12-го сентября 1725 г. Епифаній лишенъ сана и монашества и отосланъ въ юстицъ-коллегію. 16-го іюня 1726 г., вслѣдствіе особаго ходатайства вице-президента св. Синода архіепископа Ѳеофилакта Лопатинскаго, съ Высочайшаго соизволенія, св. Синодъ постановилъ: «означеннаго разстригу Евстафія, для поминовенія блаженныя и вѣчно достойныя памяти Императорскаго Величества (Петра I) и для многолѣтняго здравія Ея Императорскаго Величества отъ розыска и наказанія учинить свободна, а... за его важныя вины, на волю его не освобождая, послать его въ Соловецкій монастырь и содержать тамъ до

---

[1]) Сажанье *на цѣпь*, при современномъ взглядѣ на вещи, кажется чѣмъ-то дикимъ, жестокимъ, тяжелымъ наказаніемъ. Въ древней Руси, какъ и въ началѣ XVIII в., сажанье на цѣпь было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ; это было даже не наказаніе, а первая исправительная мѣра. Вездѣ, по всей Россіи, въ деревняхъ, въ городахъ, въ приказахъ, канцеляріяхъ, при первомъ «противномъ» поступкѣ, сейчасъ сажали на цѣпь. Это было такъ общепринято, что даже въ присутственныхъ мѣстахъ, въ случаѣ грубости или пьянства какого-нибудь подъячаго или копииста, секретарь безъ всякаго дальнѣйшаго разговора сажалъ его на цѣпь—до повинной или до протрезвленія. Въ монастыряхъ православныхъ и старообрядческихъ это было также общеупотребительно.

[2]) Хиротонія дѣйствительно обошлась Епифанію очень не дорого. Онъ далъ митрополиту «два куля (мѣха) себерчатые, да денегъ 50 талерей, а прочимъ его служителямъ монахамъ давалъ на рясы мухояру, чтобы старались у него митрополита». Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Син. Т. IV, ст. 483.

смерти неисходно...» Но и этотъ сравнительно въ ту пору мягкій приговоръ не приводился въ исполненіе почти цѣлый годъ. 30-го іюня 1727 года разстрига Евстафій ходатайствовалъ предъ св. Синодомъ о возвращеніи ему монашескаго чина; Синодъ разрѣшилъ ему быть простымъ монахомъ и именоваться по прежнему Епифаніемъ, и ради того же поминовенія Петра I велѣно было возвратить ему клобукъ и камилавку. Въ Соловки Епифаній былъ отправленъ въ самомъ концѣ 1727 г., и пробылъ тамъ года полтора съ небольшимъ. 26-го іюня 1729 г. онъ въ толпѣ богомольцевъ оставилъ негостепріимный для него Соловецкій островъ и отправился на другой конецъ тогдашней Россіи, гдѣ хотѣлъ пробраться за польскую границу, но былъ снова схваченъ. Въ сентябрѣ того же года онъ былъ схваченъ именно на форпостѣ у Каневскаго перевоза черезъ Днѣпръ и представленъ въ Переяславскій архіерейскій домъ, гдѣ и сознался въ бѣгствѣ изъ Соловецкаго монастыря и въ намѣреніи тайно пробраться въ Польшу. Изъ Переяславскаго ареста Епифаній черезъ мѣсяцъ ушолъ за Днѣпръ въ Корсунь и Лисянку, началъ здѣсь переговоры „съ ктиторами церковными и мѣщанами“ о томъ, чтобы ему, Епифанію, быть Украинскимъ архіереемъ, и даже ѣздилъ съ двумя Лисянскими монахами съ просьбою о томъ къ Львовскому уніатскому архіерею Аѳанасію Шептицкому. Послѣдній «уговаривалъ его присягнуть на унію, съ обѣщаніемъ архіерейства, и назначилъ ему для прожитія Креховскій монастырь, гдѣ онъ и жилъ почти цѣлый годъ». Въ началѣ 1731 г. Епифаній опять очутился въ лѣвобережной Украйнѣ, гдѣ былъ снова схваченъ 20-го февраля въ одной изъ вотчинъ Густынскаго монастыря, отправленъ въ оковахъ въ Кіевскій архіерейскій домъ, а отсюда доставленъ въ Московскую Синодальную Канцелярію, гдѣ и содержался съ ноября 1731 г. по 6-е февраля 1733 г. Здѣсь-то онъ впервые и познакомился съ старообрядцами-поповцами, предложившими ему перейти къ нимъ и поселиться у нихъ на Вѣткѣ въ тамошнемъ старообрядческомъ монастырѣ. Здѣсь Московскіе и Вѣтковскіе раскольники, когда Епифаній согласился быть архипастыремъ всего старообрядства, учили непривычнаго южноруса своимъ старымъ обрядамъ, чтобы послѣ, когда будетъ священнодѣйствовать на Вѣткѣ, не произвелъ какого-либо несвойственнаго старообрядству соблазна

Въ Синодальной Канцеляріи Епифаній показалъ, что „хотя онъ и

многократно былъ склоняемъ Львовскимъ епископомъ Шептицкимъ на унію, однако не принялъ оной и поѣхалъ снова въ Лисянку, а оттуда въ Москву, *съ намѣреніемъ просить у св. Синода милостиваго въ винахъ своихъ прощенія;* но на дорогѣ, въ с. Поддубновкѣ, поймалъ его Густынскаго монастыря игуменъ Гавріилъ Леопольскій и отослалъ въ Кіевъ, откуда его взяли въ Москву. По отрѣшеніи св. Синодомъ неправильно восхищеннаго имъ, Епифаніемъ, епископскаго сана, во всемъ оном своемъ бѣгствѣ ни по архіерейски, ни по іеромонашески нигдѣ онъ не служилъ, и епископомъ себя не называлъ; а что нѣкоторыя въ Переяславлѣ, до архіерейскаго служенія принадлежащія, вещи при немъ были, а именно: омофоръ луданный, желтаго цвѣта, митра суконная, красная, съ серебряною выставкою, и служебникъ, то тѣ вещи не съ такимъ намѣреніемъ онъ возилъ съ собою, чтобъ по архіерейски служить, но для того, чтобы ихъ отдать въ Польшѣ въ который-нибудь монастырь». Въ заключеніе Епифаній заявилъ, что сказалъ онъ «сущую правду». Тѣмъ не менѣе поведеніе его въ арестантскомъ отдѣленіи при Синодальной Канцеляріи, или по тогдашнему названію «въ бѣдности», даетъ поводъ сомнѣваться въ справедливости его показанія о томъ, что будто бы, во время своего бродяжничества по правобережной и лѣвобережной Малороссіи, онъ не служилъ ни по архіерейски, ни по іеромонашески. Именно 2-го іюня 1732 г., содержавшійся вмѣстѣ съ Епифаніемъ подъ арестомъ, бывшій архимандритъ Казанскаго Спасопреображенскаго монастыря Питиримъ «извѣтомъ» объявилъ, что «монахъ Епифаній, пришедъ къ нему съ ножомъ въ рукѣ, бранилъ его, Питирима, называлъ собакою и говорилъ, якобы онъ, Питиримъ, съѣлъ Казанскаго архіерея, и что лучше бы ему умерсть, чѣмъ честь его, Епифанія, испразднить; онъ же, Епифаній, приходящихъ къ нему всякаго чина людей благословляетъ и отправляетъ въ епитрахили часы, по должности *священнической*». Епифаній по существу «извѣта» ни въ чемъ не сознался, заявивъ только, что когда Питиримъ въ происшедшемъ между ними спорѣ назвалъ его «жидомъ», то и онъ, въ отвѣтъ на это, назвалъ Питирима «людоѣдомъ», въ виду того, что Питиримъ арестанту іеродіакону Александру «переломилъ ребро», а дьячка Андрея Волостковскаго „билъ въ шею". На допросѣ же и на очныхъ ставкахъ обвиняемаго съ обвинителемъ и свидѣтелями выяснилось, что Епифаній вышеприведенныя слова о Казанскомъ

архіерей Сильвестръ дѣйствительно говорилъ и приходящихъ къ нему людей благословлялъ. «Объ этой новой продерзости» Епифанія Синодальная Московская Канцелярія сообщила вѣдѣніемъ отъ 13-го іюня, св. Синоду, который 8 января 1733 г. постановилъ: «онаго монаха Епифанія Яковлева, по учиненіи ему въ Москвѣ жестокаго плетьми наказанія, отослать, на его коштѣ, въ Соловецкій монастырь, за крѣпкимъ карауломъ, и тамъ содержать всегда скована, отнюдь не выпуская изъ монастыря». О таковомъ опредѣленіи было сообщено Московской Синодальной Канцеляріи вѣдѣніемъ, отъ 9-го января. 13-го февраля, „при крѣпленіи протокола отъ 8-го января", первенствующій членъ Синода, архіепископъ Новгородскій Ѳеофанъ Прокоповичъ, заявилъ св. Синоду, что назначенное Епифанію наказаніе не соотвѣтствуетъ степени его вины; ибо монахъ этотъ не только не вразумился прежде оказанною ему милостію, но, „уничтожа и презря" оную, бѣжалъ изъ Соловецкаго монастыря, а потому заслуживаетъ тяжкаго наказанія. Синодъ согласился съ мнѣніемъ своего вліятельнаго члена, и 27-го февраля постановилъ: „Синодальное 8-го января о вышеупомянутомъ монахѣ Епифаніѣ опредѣленіе отмѣнить, и его, Епифанія, паки въ Московскую синодальную канцелярію возвратить и, по возвращеніи, за продерзости его, монашескаго сана лишить и, съ прописаніемъ всѣхъ винъ его, отослать въ свѣтскій судъ, для ссылки въ Сибирскіе горные заводы въ вѣчную работу [1]).

Прежде чѣмъ состоялось послѣднее опредѣленіе св. Синода о Епифаніи, Московская Синодальная Канцелярія приводила въ исполненіе первое: Епифаній былъ наказанъ плетьми и отправленъ въ Соловки 6-го февраля подъ карауломъ двухъ солдатъ—Николая Лупандина и Семена

[1]) О ходѣ дѣла Епифанія въ 1733 г. см. Полн. соб. пост. и расп. по вѣд. правосл. испов. Т. VIII (1733—1734 гг.). Спб. 1898 г. № 2674, объ учиненіи монаху Епифанію Яковлеву Ревуцкому наказанія плетьми и объ отсылкѣ его, на своемъ коштѣ, въ Соловецкій монастырь, для содержанія всегда скованнымъ и безъ выпуска изъ монастыря, отъ 8-го января, и № 2693, отъ 22 февраля, объ отмѣнѣ прежняго синодальнаго и замѣнѣ онаго лишеніемъ монашества и отсылкою Епифанія къ свѣтскому суду, для ссылки въ Сибирскіе горные заводы на вѣчную работу. Опис. д. и д., хран въ арх. св. Син. Т. IV, ст. 492.

Честнаго, а 17-го февраля былъ отбитъ отъ конвоя „воровскими людьми", какъ показали названные солдаты и Ярославскаго Яму ямщикъ Иванъ Малыгинъ въ Ярославской провинціальной канцеляріи 18-го февраля „извѣтомъ въ допросахъ и съ очныхъ ставокъ". Именно они показали, что наканунѣ, 17-го февраля, колодника старца Епифанія отбили у нихъ воровскіе люди въ Коломинскомъ лѣсу (а не Коломенскомъ, какъ въ „Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Синода", т. IV, ст. 493, и у преосв. Макарія въ „Ист. рус. раск.", стр. 302), при чемъ били ихъ и увѣчили и 12 руб. прогонныхъ денегъ отняли [1]). Между тѣмъ другой ямщикъ, 14-лѣтній Дмитрій Ивановъ «въ разспросѣ и съ очной ставки» показалъ, что «объявленнаго де колодника означенные солдаты Лупандинъ съ товарищемъ везли нескованнымъ и отпустили своею волею, а воровскихъ людей они не видали». Показаніе послѣдняго относительно того, что Епифаній на пути въ ссылку не былъ закованъ, какъ требовалось данной изъ Синодальной канцеляріи инструкціей, подтвердили сотникъ и староста д. Рѣшетниковой, въ которой ночевали солдаты вмѣстѣ съ Епифаніемъ наканунѣ его бѣгства. Солдатъ и ямщиковъ, какъ водится, отправили въ Сыскной Приказъ «для подлиннаго слѣдствія»; но и здѣсь на пыткѣ первые трое говорили тѣ же рѣчи; Честной же на пыткѣ и умеръ. Дмитрій Ивановъ отказался здѣсь отъ прежняго своего показанія, заявивъ, что давалъ таковое «изъ заустрастія», а того монаха подлинно отбили воровскіе люди, и это послѣднее утверждалъ «съ троекратнаго битья плетьми».

Результаты слѣдствія о бѣгствѣ Епифанія изъ подъ караула изложены въ указѣ св. Синода епархіальнымъ архіереямъ, отъ 30-го марта 1733 г., о поискѣ во всѣхъ монастыряхъ и пустыняхъ и присылкѣ въ Синодъ колодника старца Епифанія. Здѣсь же описываются и его примѣты: «А ростомъ оный Епифаній приземистъ, толстъ, въ лицѣ широкъ, блѣденъ, глаза сѣрые, волосы на головѣ и бородѣ черные, съ сѣдиною, борода широкая и продолговатая».

О томъ, при какихъ обстоятельствахъ попалъ Епифаній въ руки

---

[1]) Деревня Коломнино, по имени которой назыв. лѣсъ, вправо отъ большой Ярославско-Вологодской дороги, на границѣ Ярославскаго и Романовскаго уѣздовъ. Лѣсъ и волокъ начинаются верстахъ въ 18 отъ Ярославля. Мельниковъ, Ист. оч. поповщ. 1, ст. 114—115.

раскольниковъ и потомъ очутился на Вѣткѣ, разсказываетъ онъ самъ въ письмѣ съ Вѣтки къ Кіевскому архіепископу Рафаилу Заборовскому, отъ 30-го марта 1734 г. Между прочимъ здѣсь онъ писалъ: «возвѣсти о мнѣ окаянномъ свят. правительствующему Синоду, о неизглаголанномъ бѣдствіи моемъ и странничествѣ, и что подъяхъ отъ разбойниковъ, и то еще сохранилъ мене Господь Богъ отъ наглой смерти; и быеніе немилостивое отъ нихъ претерпѣлъ и рани, и до нынѣ стражду въ болѣзни той и дыхати не могу, и насилу до церкви изъ келіи перейду, и такъ начаюся, что сія болѣзнь до кончини моея случися мнѣ. И то еще послалъ мнѣ Богъ человѣка изъ Москвы, за мною ѣхалъ путемъ, и увѣдалъ о моемъ окаянствѣ, якого я чину человѣкъ, и тимъ разбойникамъ огласивъ мою персону, теди они перестали мя быти и мучити. А сіе мнѣ прилучилося за градомъ Переяславлемъ, за рѣкою Волдою, перейхавши уже верстъ больше тридесяти; и оттоли везли мене связаннаго днемъ и ночу у саняхъ рогожами прикрытаго, и тако подъяхъ неизглаголанія бѣди больше двохъ недѣль; а когда завезли мене на Полѣся и, обнаживши, оставили мя въ нощи при двохъ келіяхъ, идеже пустинники, старци русскіе, живутъ, съ которыми старцами прежилъ я тамо недѣль болше десятка, въ пустинѣ той. Приспѣвшу же празднику Преображенія Господня единъ отъ нихъ, ради исповѣди и причастія, пошелъ на Вѣтку, и тамошней братіи извѣстилъ о мнѣ, теди они вѣтковскіе старцѣ, безъ откладу того жъ времени, пріехавши у тую пустиню, насиліемъ узяли мене, идеже и донынѣ жію на Вѣтки, и по надлежащой моей нуждѣ, чего и ненавижду, тое содѣловаю и *литургисати убѣжденъ*. Пожалуй, Бога ради, сотвори милость со мною; промисли о мнѣ, понеже кончина житію моему уже при дверехъ стоитъ. Благоволи свободити меня оттуду, да на своемъ обѣщаніи и животъ мой скончаю. А кто же сіе писаніе преосвященству вашему донесетъ, буди ко мнѣ и къ нему благостію своею милосердъ. Азъ же за благодѣяніе ваше долженъ молити Бога, Той да сохранитъ тя отъ всѣхъ враговъ твоихъ на лѣта многа. Еще же и о сей моей крайней нуждѣ молю преосвященство ваше: ежели изволите по мене посилати на Вѣтку якого человѣка, тотъ посланній да явится первѣе мнѣ самому секретно. А ежели ощутятъ сго, или старцѣ тамошніе или граждане, то и путіе неизслѣдованни будутъ, албо же во внутреннюю пустиню завезутъ мя, или отраву дадутъ, а я уже и безъ того

велми немощію обложенъ есмь отъ убыйства разбойническаго, отчего усѣхъ васъ и въ далніе часы да сохранитъ Господь Богъ» [1]).

Такъ писалъ съ Вѣтки «дознаному благодѣтелеви» своему, Кіевскому архіепископу Рафаилу Заборовскому, «недостойный рабъ и богомолецъ, старецъ Свято-Соѳѣйскій Кіевскій, Епифаній Іяковлевичъ Ревуцкій», какъ онъ подписался на письмѣ, о томъ, какъ онъ попалъ на Вѣтку и въ какомъ положеніи находился тамъ. Письмо это отчасти дополняетъ и уясняетъ намъ тѣ обстоятельства, при которыхъ Епифаній попалъ на Вѣтку, какъ и обращавшіяся по этому поводу свѣдѣнія въ нашей литературѣ, довольно подробно изложенныя главнымъ образомъ П. И. Мельниковымъ въ его «Истор. очеркахъ поповщины» (стр. 113—119), на основаніи документальныхъ данныхъ, не всегда однако же точно. Такъ, по словамъ Епифанія въ письмѣ къ Кіевскому архіепископу, онъ прожилъ въ пустынѣ около Вѣтки «недѣль болше десятка», а затѣмъ около 6-го августа 1733 г. взятъ былъ «насиліемъ на Вѣтку», гдѣ и жилъ до написанія письма архіепископу Рафаилу Заборовскому, т. е. до 30-го марта 1734 г., и даже *литургисати убѣжденъ*. Этимъ указаніемъ исправляется та неточность, допущенная Мельниковымъ, категорически утверждающимъ, что первоначально Епифаній жилъ «болѣе года» не въ самой Вѣткѣ, а въ какой-то пустынькѣ, бывшей не подалеку, и что въ эту пустыньку, провѣдавъ о привезенномъ изъ Ярославля архіереѣ, приходили къ нему старообрядцы и допытывались: кто онъ такой, откуда, какого града былъ епископъ, и слыша его малороссійское произношеніе, тотчасъ же спрашивали: «А тебя какъ крестили? Обливали или погружали въ три погруженія?» (Стр. 119—120).

Съ другой стороны, изъ письма Епифанія къ Кіевскому архіепископу Рафаилу Заборовскому оказывается, что и къ послѣднему Епифаній стоялъ въ довольно близкихъ отношеніяхъ, какъ и къ прежде бывшему архіепископу Варлааму Вонатовичу, несомнѣнно покровительствовавшему Епифанію, и велъ съ нимъ переписку раньше 30-го марта

---

[1]) Письмо приложено къ дѣлу св. Синода о мѣрахъ къ привлеченію бѣглаго чернеца Епифанія Ревуцкаго къ возвращенію въ Кіевъ изъ с. Вѣтки, для отсылки его въ св. Синодъ. Полн. собр. пост. и расп. по вѣд. св. Синода. Т. VIII, 1733—1734 гг. Спб. 1898 г., № 2833, стр. 276—277.

1734 г. Именно въ началѣ письма о своихъ отношеніяхъ къ архіепископу Рафаилу Епифаній говоритъ: „*Неоднократно уже пишучи до вашего преосвященства о неизглаголанной моей нуждѣ*, но обаче вашего архіерейскаго любезного отвѣту и утѣшенія презѣльному желапію моему отъ многихъ временъ отнюдъ не получилемъ, о таковомъ неизвѣстіи, или реку презрѣніи вашомъ, непщую тако: якобы ваше преосвященство, будучи во изобиліи славы своея, въ презорство ко мнѣ бѣдному сихъ временъ преложися... Сицевое непщеваніе о вашемъ преосвященствѣ неразумѣваю, понеже естественній характеръ на вашемъ преосвященствѣ возбраняетъ мы сицеваго помишленія непщевати. Второе же и разсужденіе обрѣтающееся во главѣ вашой воспящаетъ мы, яко отъ сихъ обою извѣстенъ есмь, иже во благообразномъ смиренномудріи и любви Божественной соестественнѣ ко всѣмъ являешъ, и сицевимъ смиреніемъ послушствующія мудрости благородія вашего, человѣка всякаго аки магнитъ къ себѣ привлекаешь. Мене же паче всѣхъ окаяннаго и далече сущаго и страннаго твоею милостію одолжилъ еси памятовати...; о семъ *во истинну благодару Господа Бога моего, яко у таковаго въ любомудріи величайшаго учителя сподобихься словесъ наказанія полезнихъ слушати, и знаемъ быти въ любвѣ преосвященства вашего*, о чемъ хочай въ нуждѣ моей и въ гоненіи, но зѣло услаждаюся, и *ваше непреложное и спрежде бывшое въ Петербурху ко мнѣ окаянному, и окованному нищетою и желѣзами, милосердіе твое благое незабвенно и на памяти есть*, за что по премногу благодарствую... И, аще Богъ изволитъ, радъ былъ я отъ всея души и отъ всего помишленія моего само и постаено преосвященство ваше видѣти...» Въ доношеніи св. Синоду, отъ 4-го сентября 1734 г., преосвященный Рафаилъ, донося Синоду о полученіи на его имя письма отъ Епифанія, отъ 30-го марта того же года, какъ равно и духовникомъ каѳедры Кіевософійской, іеромонахомъ Іяковомъ, категорически отрицалъ болѣе раннюю переписку съ собой Епифанія. Именно св. Синоду архіеп. Рафаилъ писалъ: „Да онъ же старецъ Епифаній въ писаніи своемъ, на имя мое писанномъ, изобразилъ же многократно будто до мене о своихъ нуждахъ писалъ, то онъ, Епифаній, ложно на мене нынѣшнего тое въ писаніи своемъ написалъ...“, ничего не говоря о другихъ намекахъ Епифаніева письма на счетъ близкихъ отношеній между ними. Возможно, конечно, что при тог-

дашнихъ неудобствахъ для сношеній съ частными лицами, письма Епифанія не были получены преосвящ. Рафаиломъ; но врядъ-ли возможно заподозривать искренность Епифанія въ данномъ случаѣ. Вообще это былъ человѣкъ повидимому простодушный, безхитростный.

По словамъ преосвященнаго Рафаила, первое извѣстіе о томъ, что Епифаній оказался въ старообрядческомъ притонѣ—на Вѣткѣ, онъ получилъ 12-го іюля 1734 г. отъ Добрянскаго раскольника—слобожанина, Игнатія Кузьмина, называемаго въ документахъ въ другихъ случаяхъ и Иваномъ Кузьминымъ, бывшаго на Вѣткѣ по своимъ дѣламъ и разсказывавшаго по возвращеніи оттуда о встрѣчѣ тамъ съ Епифаніемъ и о томъ, что служитъ онъ тамъ въ монастырѣ обѣдни въ саккосѣ и омофорѣ. Такъ Кузьминъ показывалъ въ Кіевской духовной консисторіи «сказкою со свидѣтельствомъ». А 27-го августа того же года и самъ Епифаній объявилъ о мѣстѣ своего пребыванія вышеприведеннымъ письмомъ къ Кіевскому архіепископу Рафаилу Заборовскому, написаннымъ имъ на Вѣткѣ еще 30-го марта. Сущность этого письма сводилась къ просьбѣ о ходатайствѣ со стороны Кіевскаго архіепископа, своего «благодѣтеля», предъ св. Синодомъ о свободномъ пребываніи его по прежнему «въ каѳедрѣ Свято-Софійской», какъ формулировалъ эту просьбу преосвящ. Рафаилъ въ своемъ доношеніи св. Синоду, по поводу вышеприведеннаго письма Епифанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Епифаній разсказывалъ, что на Вѣтку попалъ не своею волею, а «насиліемъ» взятъ Вѣтковскими старцами изъ какой-то полѣсской раскольнической пустыни, куда онъ былъ завезенъ разбойниками, отбившими его отъ караульныхъ солдатъ въ Коломинскомъ лѣсу, видимо съ согласія того человѣка, который изъ Москвы ѣхалъ за Епифаніемъ «путемъ» и огласилъ его «персону» разбойникамъ, переставшимъ тогда, по его словамъ, «мя бити и мучити». По поводу доношенія Кіевскаго архіепископа Рафаила о письмѣ и мѣстопребываніи Епифанія на Вѣткѣ, св. Синодъ, указомъ отъ 28-го октября, предписывалъ преосвящ. Рафаилу: «вышеозначеннаго бѣглеца, нынѣ въ Полской области, въ подданствѣ Халецкаго, въ селѣ Вѣткѣ въ монастырѣ обрѣтающагося, чернца Епифанія призвать въ Кіевъ, какимъ наилучше самымъ секретнымъ образомъ, съ пристойнымъ благосклоннаго къ нему снисхожденія обнадеживаніемъ, или какъ его преосвященство въ ономъ призывѣ его заблагоразсудитъ, токмо бъ на Вѣткѣ въ монастырѣ, въ которомъ онъ нынѣ жительство имѣетъ, обрѣ-

тающіеся черницы и другіе Халецкаго подданные о томъ его призываніи никакъ извѣстны быть не могли; да и онъ бы, Епифаній, никому тамо не разглашалъ, и оттолѣ, какъ возможно, чтобъ выѣхалъ въ Кіевъ къ его преосвященству тайнымъ же образомъ, безъ всякаго опасенія и сумнительства. Когда же, по тому призыву, оной чернецъ, оттолѣ въ Кіевъ къ его преосвященству прибывъ, явится, тогда, обобравъ у него всякія письма (ежели какія явятся) и прочей скарбъ и, описавъ и запечатавъ, а его, Епифанія, заковавъ въ ножныя крѣпкія кандалы (чтобъ онъ, Епифаній, какъ и напередъ сего чинивалъ, утечки съ дороги учинить не могъ), прислать со всѣмъ скарбомъ, подъ добрымъ и крѣпкоосторожнымъ конвоемъ, въ свят. правит. Синодъ». Получивъ этотъ синодскій указъ, архіепископъ Рафаилъ затруднялся исполненіемъ его, въ особенности потому, что не зналъ, какъ назвать Епифанія. Назвать архіереемъ онъ находилъ неприличнымъ и опаснымъ: «ибо можетъ быть, что онъ, отъ своихъ суевѣрцевъ въ сумнительствѣ обрѣтаяся о поставленіи во епископа, по великой своей хитрости и коварству, единого требуетъ того, чтобъ ему, получивъ письмо, съ написаніемъ титлы архіерейской, свидѣтельствовать себѣ быти архіерея и тѣмъ похваляться, что и въ Кіевъ его призываютъ,—а не написать въ письмѣ къ нему титлы архіерейской,—онъ придетъ въ сумнительство о своей надеждѣ и посланному къ нему изъ Кіева можетъ сдѣлать своимъ коварствомъ какую нибудь бѣду».

Изъ дѣла св. Синода 1734 г. «о поимкѣ въ селѣ Вѣткѣ, чрезъ посредство возвращающихся изъ Данцига войсковыхъ командъ, чернеца Епифанія, посланнаго подъ началъ въ Соловецкій монастырь за присвоеніе себѣ обманомъ епископскаго сана», видно, что Кіевскій архіепископъ Рафаилъ Заборовскій, получивъ первое извѣстіе отъ добрянца Игнатія Кузьмина о мѣстопребываніи Епифанія на Вѣткѣ, обратился къ Кіевскому генералъ-губернатору графу фонъ-Вейбаху съ требованіемъ, «дабы отъ его сіятельства указомъ было предложено, кому надлежитъ, чтобъ помянутой старецъ Епифаній былъ присланъ въ Кіевъ, для отсылки въ св. прав. Синодъ. И противо де писанія его преосвященства въ отвѣтъ отъ его сіятельства генералъ-губернатора, какое получилъ писаніе при томъ доношеніи его преосвященство, копія сообщена, въ которой объявлено: о присылкѣ де въ Кіевъ къ его преосвященству, для отсылки въ св. Синодъ, обрѣтающагося въ селѣ Вѣткѣ, бѣжавшаго изъ подъ караула, по-

сланнаго въ подначальство въ Соловецкой монастырь, черница Епифанія. указа ему, генералу-аншефту послать не къ кому, понеже та Вѣтка оттуду въ далномъ разстояніи отстоитъ. Чего де ради писано отъ него, генерала-аншефта, въ Государственную Военную Коллегію, объявляя вышеписанные резоны: не повелитъ-ли оная Коллегія, по возвращеніи нынѣ обрѣтающагося при Гданскѣ корпуса въ Россію, маршируя по способности, помянутаго старца Епифанія во означенномъ селѣ Вѣткѣ взять, и въ св. правит. Синодъ привести»[1]. Въ томъ же смыслѣ высказался и св. Синодъ. Послѣдній, не имѣя возможности своими средствами уничтожить во всякомъ случаѣ вредную для православной церкви попытку старообрядцевъ—образовать у себя іерархическое устройство съ епископомъ во главѣ, въ лицѣ извѣстнаго уже намъ Епифанія Ревуцкаго, природнаго малороссіянина, торжественно принятаго на Вѣткѣ и опредѣленнаго „на архіерейское дѣйство", обратился къ Военной Коллегіи съ такимъ же предложеніемъ, какъ и графъ Вейсбахъ: «не повелитъ-ли она обрѣтающемуся при Гданскѣ корпусу, при возвращеніи его въ Россію, маршируя по способности, помянутаго старца Епифанія въ означенномъ селѣ Вѣткѣ взять и въ св. Синодъ привести«. Въ свою очередь Военная Коллегія сообщила просьбу Синода Кабинету, который и отвѣтилъ, что Вѣтка находится въ дальнемъ разстояніи отъ пути слѣдованія корпуса, а потому большую команду послать туда трудно, малую же опасно; «ибо тамошніе жители могутъ за того старца стоять и командѣ весьма противиться»[2]. Такъ отвѣчалъ Кабинетъ на предложеніе св. Синода Военной Коллегіи, не упомянувъ ни однимъ словомъ о правительственныхъ мѣрахъ, уже выработанныхъ и Высочайше апробованныхъ противъ зарубежныхъ бѣглецовъ и раскольниковъ. Именно, 31-го іюля 1734 г. былъ Высочайше апробованъ министерскій докладъ объ общихъ мѣрахъ силою возвратить русскихъ бѣглецовъ въ отечество изъ-за польскаго рубежа, въ томъ числѣ и съ Вѣтки. Еще раньше того ко всѣмъ отправленнымъ въ то время въ Польшу командирамъ русскихъ войскъ посланы были указы, чтобы они всячески подъ рукою навѣдывались о россійскихъ бѣглецахъ,

---

[1]) Полн. соб. постан. и расп. по вѣдом. правосл. испов. Росс. имп. Т. VIII. Спб. 1898 г., № 2827, стр. 269—270.

[2]) Опис. док. и д., хранящ. въ арх. св. Синода, т. IV, стр. 595.

гдѣ и въ какихъ именно мѣстахъ они живутъ, и при томъ давалось знать, что если послѣдніе по публикованнымъ всемилостивѣйшимъ манифестамъ не возвратятся, то, чтобы при выходѣ русскихъ войскъ изъ Польши, они были выгнаны силою и выведены въ Россію. Теперь, согласно министерскому докладу, снова было подтверждено особыми указами тѣмъ же командирамъ, чтобы они о тѣхъ бѣглецахъ всячески старались доподлинно развѣдать, гдѣ и въ какихъ мѣстахъ и у кого больше они обрѣтаются, и въ томъ развѣдываніи съ крайнею осторожностью поступали, чтобы бѣглецы о томъ не могли дознаться и разойтись въ разныя мѣста внутрь Польши и къ Турецкой границѣ. По намѣченному плану дѣйствій предполагалось всѣхъ русскихъ бѣглецовъ, находящихся въ Польшѣ и Литвѣ, съ женами и дѣтьми и со всѣмъ ихъ имуществомъ вывести единовременно, при возвращеніи русскихъ войскъ изъ предѣловъ Польши. Въ то время въ Польшѣ находились два корпуса русскихъ войскъ: одинъ изъ нихъ стоялъ въ Литвѣ, другой на Волыни; первый долженъ былъ выводить бѣглецовъ къ Ригѣ и Смоленску, второй—къ Кіеву и другимъ тамошнимъ мѣстамъ по способности. Волынскому русскому корпусу поручалось захватить тѣхъ русскихъ бѣглецовъ, которые поселились въ Волынскомъ Полѣсьи, а равно и тѣхъ, которые жили между Днѣпромъ и Днѣстромъ. Относительно собственно Вѣтковскихъ раскольниковъ предполагались иныя мѣры. На Вѣтку и въ другія не подалеку отъ нея находившіяся русскія раскольничьи слободы проектировалось отправить особую команду, независимо отъ находившихся въ Польшѣ русскихъ войскъ, отъ Кіевскаго генералъ-губернатора Вейсбаха: „понеже другія войска отъ нихъ обрѣтаются въ дальнемъ разстояніи“. Эта послѣдняя команда должна была открыть свои дѣйствія нѣсколько раньше выхода изъ Польши россійскихъ войскъ, въ виду близости къ русской границѣ Вѣтковскихъ слободъ. По собраннымъ въ то время Сенатомъ свѣдѣніямъ, общее количество русскихъ поселенцевъ-раскольниковъ на Вѣткѣ и въ другихъ близь ея находившихся слободахъ опредѣлялось въ нѣсколько тысячъ дворовъ. Прежде открытія дѣйствій противъ Вѣтковскихъ раскольниковъ, Кіевскому генералъ-губернатору поручалось «подъ рукою въ томъ надлежащее учрежденіе и предуготовленіе учинить, и къ тѣмъ мѣстамъ подъ другими претексты полкамъ приближаться такимъ образомъ, чтобъ оныя всѣ мѣста, въ которыхъ тѣ бѣглецы жилища имѣ-

ютъ, вдругъ войсками окружены и они забраны и выведены были въ Россійскую сторону». Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствующей командѣ поручалось, прежде вывода съ Вѣтки раскольниковъ, совершенно раззорить ихъ заграничныя жилища, чтобы имъ впредь прибѣжища къ поселенію не было. А бѣглецовъ предписывалось забирать „съ женами ихъ и съ дѣтьми и со всѣми пожитками, и со скотомъ и съ хлѣбомъ, сколько на ихъ лошадяхъ поднять будетъ можно“, и по приведеніи въ русскіе города ихъ переписать, „чьихъ они вотчинъ и которыхъ уѣздовъ и сколь давно бѣжали“ (П. С. З. № 6609).

Въ началѣ 1735 г. было приступлено къ фактическому осуществленію Высочайше апробованныхъ мѣръ къ возвращенію въ отечество русскихъ бѣглецовъ изъ-за Польскаго рубежа, въ томъ числѣ и съ Вѣтки. Въ то время Польша была такъ слаба, что ближайшіе ея сосѣди, Австрія и Россія, не считали нужнымъ въ подобныхъ случаяхъ съ ней церемониться и входить въ какія-либо дипломатическія сношенія. Въ самомъ началѣ 1735 г., по распоряженію Кіевскаго генералъ-губернатора графа фонъ-Вейсбаха, организованъ былъ особый военный отрядъ, состоящій изъ пяти полковъ: драгунскаго Азовскаго полка, двухъ козацкихъ и двухъ тысячныхъ: Стародубскаго и Черниговскаго. Цѣль дѣйствій этого отряда состояла въ томъ, чтобы «очистить Вѣтку» и сосѣднія съ нею слободы, населенныя великороссійскими бѣглыми людьми, преимущественно раскольниками. Начальство надъ этимъ военнымъ отрядомъ было поручено полковнику Азовскаго драгунскаго полка Якову Григорьевичу Сытину, стоявшему съ своимъ полкомъ въ Стародубѣ. Съ конца февраля полковникъ Сытинъ приступилъ къ выполненію возложеннаго на него порученія относительно выгонки Вѣтковскихъ раскольниковъ, и перешелъ Польскую границу. Полки Сытина со всѣхъ окружныхъ мѣстъ двинулись къ Вѣткѣ и другимъ близь ея находящимся раскольническимъ слободамъ, положеніе которыхъ было хорошо извѣстно Сытину, по собраннымъ о нихъ напередъ свѣдѣніямъ. Чтобы замаскировать настоящую цѣль похода, внезапно и разомъ захватить всѣхъ слобожанъ безъ изъятія, былъ нарочно невѣрно объявленъ солдатамъ походъ въ Бѣлую Церковь, чтобы они раньше времени не разболтали настоящей цѣли похода. Хитрость удалась; Вѣтковскіе слобожане даже и не догадывались, что опасность для нихъ близка и неизбѣжна. Вѣтка дѣйствительна была окружена внезапно, а слобожа-

не, захваченные въ расплохъ, не оказали и не могли оказать никакого сопротивленія; къ церкви Вѣтковскаго Покровскаго монастыря былъ приставленъ немедленно военный караулъ, какъ и къ кельямъ Вѣтковскихъ старцевъ. По словамъ Іоны Курносаго, только одному Епифанію предоставлена была нѣкоторая свобода, и съ нимъ будто бы обращались на первыхъ порахъ какъ съ дѣйствительнымъ епископомъ; мало того, по тому же свидѣтельству, при первой встрѣчѣ даже якобы самъ полковникъ Сытинъ подошелъ къ Епифанію подъ благословеніе и ободрилъ пораженнаго внезапностію событіи старообрядческаго епископа милостію русской императрицы. Простодушный Епифаній повѣрилъ словамъ полковника, перекрестился и сказалъ съ низкимъ поклономъ Сытину: „Слава Богу! Благодарю нашу всемилостивѣйшую государыню и въ вѣкъ долженъ за нее Бога молить.“ Это было рано утромъ 1-го марта 1735 г. Вскорѣ послѣ того Епифанія подъ конвоемъ, состоявшимъ изъ Азовскихъ драгунъ, подъ командой поручика, отправили въ Кіевъ. Дорогой обращались съ нимъ хорошо; поручикъ и солдаты называли его не иначе какъ преосвященнымъ. Добродушный Епифаній искренно полюбилъ поручика, и дорогой откровенно разговаривалъ съ нимъ о своемъ житьѣ-бытьѣ у раскольниковъ, со слезами благодарилъ императрицу за то, что приказала она его выручить, по его выраженію, изъ того вертепа, въ которомъ онъ былъ два года, яко Даніилъ во рвѣ львиномъ. Бѣднякъ былъ и въ самомъ дѣлѣ увѣренъ, что войска приходили въ Вѣтковскія слободы единственно „для его выручки“. Въ первыхъ числахъ марта привезъ его поручикъ въ Кіевъ. Здѣсь Епифанія посадили въ крѣпость, „въ желѣзахъ“. Тутъ только увидалъ онъ, что не жить ему „свободно“ при софійской кафедрѣ, на что онъ такъ сильно надѣялся. Такое разочарованіе до того потрясло больнаго старика, что онъ слегъ въ постель и уже не вставалъ. Марта 31-го написалъ онъ послѣднее письмо къ архіепископу Рафаилу. Испрашивая разрѣшеніе на принятіе св. таинствъ, Епифаній писалъ: „хотя онъ жилъ на Вѣткѣ по нуждѣ и всегда за карауломъ, однако вѣру, преданную отъ Христа апостоламъ...и синодомъ утвержденную, содержалъ и нехулилъ; съ Вѣтковцами вмѣстѣ не ѣдалъ.“ Послѣднее желаніе Епифанія было удовлетворено архіепископомъ. Послѣ исповѣди, причащенія и маслоосвященія Епифаній умеръ 1-го апрѣля, и погребенъ при церкви св. Ѳеодосія въ кіевопечерской крѣпости

«простолюдиннымъ погребеніемъ, по выраженію монаха Виталія. Такъ окончилась многомятежная жизнь Епифанія, исходившаго русскую землю отъ Дуная до Бѣлаго моря и пересидѣвшаго въ десяти тюрьмахъ, не считая пустыньки и Вѣтки. по замѣчанію П. И. Мельникова.[1])

Долго и послѣ смерти Епифанія св. Синодъ производилъ разслѣдованіе о его »архіерейскомъ дѣйствѣ« на Вѣткѣ. Въ какомъ направленіи происходило это разслѣдованіе, показываетъ Синодскій указъ, отъ 21 іюля 1735 г., архіепископу Рафаилу Кіевскому и Галицкому. Особенно интересовали св. синодъ два вопроса, а именно: 1, »въ каковомъ именно дѣйствіи онъ, Епифаній, будучи на Вѣткѣ, обрѣтался? 2, и кто имяны, по каковому чиноположенію рукоположены имъ діаконскій и священническій чинъ«[2])? Въ 1736 г. всѣ болѣе видные изъ захваченныхъ на Вѣткѣ во время »первой выгонки« расколоучителей, вмѣстѣ съ захваченнымъ вѣтковскимъ мѵромъ, книгами, иконами, церковной утварью, были высланы въ

---

[1]) Ист. оч. поповщ. 1, 187. Мельниковъ и Журавлевъ относятъ смерть Епифанія къ 1-му іюня, а разгромъ Вѣтки къ 1-му апрѣля. На самомъ дѣлѣ Вѣтка захвачена русскими войсками 1-го марта, а Епифаній умеръ 1-го апрѣля. Инокъ Виталій, согласно съ ходомъ дѣла выселенія съ Вѣтки раскольниковъ, говоритъ, что 1 марта »чернецъ Епифаній на Вѣткѣ пойманъ, и марта въ первыхъ числѣхъ привезенъ въ кіевопечерскую крѣность, гдѣ и содержится подъ карауломъ въ желѣзахъ«, что вскорѣ по привозѣ въ Кіевъ онъ »занемогъ и по просьбѣ его чрезъ опредѣленнаго отъ его преосвященства духовника марта 31 дня исповѣданъ и св. таинъ пріобщенъ и масломъ освященъ», а 1-го апрѣля умеръ, какъ и доносилъ въ св. синодъ кіевскій архіепископъ. Стр. 86 об. Тоже подтверждается и оффиціальными документами. 10 апрѣля 1735 г. архіепископъ Рафаилъ доносилъ св Синоду, что »самозванецъ, еп. Епифаній«, пойманный на Вѣткѣ полковникомъ Сытинымъ, въ первыхъ числахъ марта привезенъ въ кіевопечерскую крѣпость, въ которой и умеръ 1-го апрѣля, напутствованный таинствами елеосвященія, покаянія и причащенія, и »простолюдинскимъ погребеніемъ« при церкви преподо. Ѳеодосія въ кіевопечерской крѣпости погребенъ. Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Син. IV. 495.

[2]) Журавлевъ, А. І. Полн. изв. о раск. ч. III, стр. 192. Мон. Виталій, л. 91 об.

св. синодъ. По большей части это были тѣ Вѣтковскіе иноки, которые принимали самое дѣятельное участіе въ пріемѣ Епифанія на Вѣткѣ какъ старообрядческаго епископа, и надѣялись, что отъ него у нихъ на Вѣткѣ »корень епископства возрастетъ«. Осенью 1736 г. Вѣтковскій казначей Павелъ, сидѣвшій за синодальнымъ карауломъ вмѣстѣ съ Высокопетровскимъ архимандритомъ Аввакумомъ Львовымъ, Торопецкимъ Небинскимъ архим. Аврааміемъ и Ниловскимъ игуменомъ Аврааміемъ же, горько жаловался своимъ духовно-чиновнымъ сотоварищамъ по несчастью на своего бывшаго Вѣтковскаго епископа Епифанія. Все у нихъ было мирно и спокойно за рубежомъ, пока не пришелъ этотъ бѣглецъ Епифаній, чуть ли и не обливанецъ. »Приняли его—нажили бѣды: нашли русскіе офицеры и солдаты, все забрали и церковь сожгли. Епифаній уже умеръ, да и насъ погубилъ[1]).

Таковы оффиціальныя данныя о пребываніи Епифанія на Вѣткѣ въ качествѣ старообрядческаго епископа и послѣдующей его судьбѣ.

Обратимся теперь къ старообрядческимъ извѣстіямъ о пребываніи Епифанія на Вѣткѣ и отношеніи къ нему Вѣтковскихъ иноковъ и мірянъ.

На первыхъ порахъ на Вѣткѣ были рады случайно попавшемуся къ нимъ дѣйствительному епископу, хотя и обманнымъ образомъ получившему Вѣтковскій игуменъ Власій и всѣ тамошніе священноиноки и рядовые старцы сочувственно относились къ водворенію у нихъ Епифанія, такъ какъ надѣялись черезъ него тѣснѣе скрѣпить съ Вѣткой какъ мѣстныхъ старообдядцевъ, такъ и старообрядцевъ внутреннихъ русскихъ областей, особенно московскихъ и поволожскихъ. Происходившіе въ то время на Вѣткѣ такъ называемые »Діаконовскіе споры«, о которыхъ у насъ рѣчь была въ VI главѣ нашего изслѣдованія (стр. 405—458), значительно пошатнули духовный авторитетъ Вѣтковскихъ отцовъ. Діаконовщина въ это именно время значительно усилилась на счетъ Вѣтковскаго толка какъ на самой Вѣткѣ и сосѣднихъ съ нею слободахъ, такъ и въ

---

[1]) Х. И. А. № 20556. Дѣло о высылкѣ Вѣтковскихъ расколоучителей въ С.-Петербургъ. Опис. акт. арх. Маркевича, №№ 15 и 16. *Чистовичъ, И.* Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время. Сборн. статей, чит. въ отд. рус. яз. и слов. И. Ак. Н. т. IV, стр. 663. Здѣсь Епифаній ошибочно названъ архимандритомъ, которымъ онъ никогда не былъ.

Стародубьѣ. Были и другія вожделѣнія у Вѣтковцевъ болѣе нцзменнаго характера: одни, какъ игуменъ Власій, Варлаамъ Казанскій, казначей Павелъ разсчитывали на то, что при своемъ Вѣтковскомъ епископѣ они непремѣнно будутъ поставлены въ старообрядческіе епископы, »да корень епископства возрастетъ«; другіе мечтали о священствѣ и соединенномъ съ нимъ вліятельномъ положеніи среди слобожанъ; наконецъ третьи были довольны и тѣмъ, что при архіереѣ монастырь ихъ больше прославится и разбогатѣетъ отъ приношеній какъ изъ внутренней Россіи, такъ и отъ зарубежныхъ раскольниковъ. Но были и недовольные водвореніемъ Епифанія на Вѣткѣ, особенно среди тамошнихъ вліятельныхъ міpянъ. Многіе изъ нихъ боялись, дѣйствительно-ли онъ епископъ и не обливанецъ ли. По свидѣтельству позднѣйшаго старообрядческаго »*Сказанія о первоначальномъ учрежденіи нынѣ существующей въ нашей древнеправославной церкви священной іерархіи*«..., написаннаго за границей, въ пресловутой Бѣлой Криницѣ, въ 1861 г., недовольство Епифаніемъ возникло на Вѣткѣ при самомъ его появленіи, такъ что многіе не хотѣли признавать Епифанія за епископа, за что ихъ мучили и подъ колоколню сажали.[1]) Какъ бы то ни было, первый вопросъ—о епископствѣ Епифанія—рѣшался легко: для этого довольно было навести справки въ Кіевѣ и Яссахъ, что въ короткое время и сдѣлали посланные туда съ Вѣтки »вѣрные люди«. Не такъ легко рѣшался второй вопросъ, относительно котораго Вѣтковцы такъ и не могли узнать ничего положительнаго, кромѣ личнаго удостовѣренія самаго Епифанія, что онъ не обливанецъ. По словамъ Іоны Курносаго, Епифаній еще въ Москвѣ наученъ былъ такъ отвѣчать о формѣ его крещенія. »Когда будутъ тебя вопрошать: како крещенъ, обливанъ-ли или погруженъ, то скажи: „погруженъ"; а вопросятъ: ты какъ вѣдаешь? Скажи: малыя дѣти, на улицѣ играя, „утопленникомъ" дразнили, и отецъ и мать сызмаленька дразнили „утопленникомъ"[1]).

---

[1]) Субботинъ, Н. И.: Происхожденіе Бѣлокриницкой іерархіи, стр. 23, примѣчаніе.

[1]) Ист. оч. поповщ. ч. I, стр. 120. Вопросъ о томъ, обливанъ-ли Епифаній, или въ три погруженія крещенъ, былъ самымъ важнымъ для старообрядцевъ, такъ какъ въ первомъ случаѣ его слѣдовало вновь крестить по практикѣ старообрядческой; вновь же крестившійся, по правиламъ вселенскихъ соборовъ, хиротоніи не сохраняетъ.

Вопросъ о времени пріема Епифанія на Вѣткѣ рѣшается нашими историками раскола обыкновенно согласно свидѣтельству Ивана Алексѣева, по словамъ котораго онъ былъ торжественно принятъ на Вѣткѣ въ старообрядчество 6-го августа, въ день Преображенія Господня, 1734 г. Иванъ Алексѣевъ въ данномъ случаѣ дѣло представляетъ такъ, что Епифаній послѣ того какъ былъ отбитъ раскольниками въ Коломинскомъ лѣсу, до пріема пробылъ десять недѣль „въ нѣкіихъ пустынькахъ", т. е. приблизительно значитъ время съ конца мая по 6-е августа. Но онъ ошибается ровно на одинъ годъ, такъ какъ Епифаній по вполнѣ удостовѣреннымъ даннымъ былъ отбитъ не въ 1734 г., а въ 1733 г. Изъ свѣдѣній же, доставленныхъ 12-го іюля 1734 г. архіепископу Кіевскому Рафаилу Заборовскому о пребываніи Епифаніи на Вѣткѣ, оказывается, что Епифаній раньше іюля 1734 года уже служилъ по архіерейски на Вѣткѣ въ саккосѣ и омофорѣ, что очевидно было невозможно раньше его »исправы« и пріема въ старообрядство. На этомъ основаніи можно съ большою вѣроятностью утверждать, что онъ былъ принятъ 6-го августа 1733 г., а не 1734 г., какъ до сихъ поръ единогласно увѣряли насъ наши историки раскола, и что слѣдовательно онъ епископствовалъ на Вѣткѣ слишкомъ полтора года, а не нѣсколько только мѣсяцевъ, какъ до сихъ поръ полагали. Съ этимъ утвержденіемъ вполнѣ согласуется и то указаніе Ивана Алексѣева, автора извѣстной »Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ«, что Епифаній на Вѣткѣ *„безъ великаго испытанія на архіерейское дѣйство былъ опредѣленъ."* Мнѣніе же П. И. Мельникова, что »справки« о личности Епифанія собирались »бобѣе года«, основанное только на невѣрномъ утвержденіи Ивана Алексѣева, что Епифаній былъ принятъ на Вѣткѣ 6-го августа 1734 г., совершенно не мирится съ указанными данными и является вполнѣ голословнымъ.[1])

При появленіи Епифанія на Вѣткѣ былъ созванъ соборъ въ тамошнемъ Покровскомъ монастырѣ подъ предсѣдательствомъ игумена Власія, не имѣвшаго священнаго сана. На соборѣ засѣдали священники и

[1]) Лѣтоп. рус. литерат. и древности, издав. Н. С. Тихоправовымъ, т. IV, отд, III, Ист. о бѣгств. свящ. Ив. Алексѣева (†1755 г.), стр. 65. Ист. оч. поповщ. 1, 121—123. Ивановскій, Н. И. Руковод. по ист. и облич. старообр. раскола. Ч. I, стр. 144—146.

рядовые старцы съ нѣкоторыми изъ наиболѣе вліятельныхъ и сочувствующихъ дѣлу мірянъ. Изъ священниковъ и иноковъ въ то время наиболѣе выдававшимися были: черный попъ Іовъ, одинъ изъ самыхъ главныхъ расколоучителей и проповѣдниковъ старообрядства на Вѣткѣ, старшее тамъ духовное лицо, Макарій Артемьевъ, сынъ Поповъ, Варсонофій, Варлаамъ Казанскій, монахъ Серапіонъ, жившій въ пустынѣ, черный дьяконъ Герасимъ, пономари—Исаія и Савва, казначей Павелъ и уставщикъ Зосима. На Вѣтковскомъ соборѣ разсуждали главнымъ образомъ о томъ, какъ и какимъ чиномъ принять Епифанія, и рѣшили: принявъ Епифанія, по исправѣ и проклятіи всѣхъ ересей, требовать, чтобы онъ рукоположилъ другаго епископа, „да корень епископства возрастетъ". Торжественное принятіе Епифанія было назначено на 6-е августа. Въ самый Преображеньевъ день черный попъ Іовъ Тимофеевъ, 80 л., привелъ передъ литургіей Епифанія къ «исправѣ». Самое „дѣйство" исправы происходило такъ: послѣ обычнаго старообрядческаго „начала" (семь поклоновъ), Іовъ поставилъ Епифанія предъ церковію, „откровенну главу имуща", и повелѣлъ ему „исповѣдатися явѣ и отрицатися, и укоряти, и проклинати богомерзскую вѣру, въ ней же былъ, и вся законы ихъ и обычаи, въ нихъ же совратишася и осквернишася". По тогдашней старообрядческой формулѣ „исправы", которую читали въ XVIII в. принимаемые въ расколъ бѣглые отъ великороссійской церкви попы, Епифаній, въ присутствіи всего Вѣтковскаго духовенства и огромномъ стеченіи народа, проклиналъ „отрекшихся Ісуса и почитающихъ его равноухимъ, вѣрующихъ во Іисуса и св. аллилуію тройственну четверящихъ". Точно также проклиналъ„ творящихъ развратно св. крещеніе, аще и во имя Отца и Сына и св. Духа глаголютъ, но обаче крещаютъ водою во едино погруженіе, а трижды не погружаютъ, иніи же только обливаютъ водою, и почитающихъ всякое омываніе крещеніемъ, а въ трехпогрузительномъ нужды нѣсть". Проклиналъ не крестящихся „въ два перста, якоже и Христосъ", и творящихъ „нѣкое благословеніе пятію персты, а Христомъ преданное двуперстное почитающихъ отъ нѣкоего черта изданнымъ". Проклиналъ и „богоненавидимую и блуднаго образа прелесть, еже остризати браду, но и всегда поощряющихъ остригати брады своя, и усы притинати постригалы и бритвами". Въ заключеніе исправы принимаемый епископъ прочелъ символъ вѣры „весь до конца трижды, *Гос-*

поди помилуй сто“, покаряяся и прилагаяся благочестивому преданію св. отецъ. Затѣмъ Епифаній введенъ былъ въ олтарь Покровской церкви игуменомъ Власіемъ и инокомъ Варлаамомъ Казанскимъ, и, не выходя изъ церкви, соборнѣ отслужилъ какъ епископъ первую литургію по старопечатнымъ книгамъ[1]).

По словамъ инока Виталія, Епифаній, »получа паству Вѣтковцевъ, часто въ Покровской церкви литургисалъ, и поставилъ имъ въ то время 12 поповъ, всѣхъ черныхъ, по числу двунадесяти апостоловъ Христовыхъ, по вкусу бо ихъ: монашество любятъ..., и нѣсколько діяконовъ, также чтцовъ и пѣвцовъ, и весь причетъ церковный, по ряду завелъ. Тамо бывшій Епифаній, за неимѣніемъ мура, для новокрещенныхъ новое сварилъ (л. 87). На Вѣткѣ всѣ духовныя лица радовались и много гордились тѣмъ, что имѣютъ наконецъ своего святителя и архипастыря. „Нельзя теперь про насъ сказать, что церковь наша хрома: всѣ три чина имѣемъ: и честное діаконство и боголюбивыхъ іереевъ и самого преосвященнаго епископа“, говорили они. Вѣтковцы уже мечтали о томъ, что имъ удастся сдѣлать Епифанія архипастыремъ всего старообрядства, объединить черезъ него «все христіанство древляго благочестія», какъ открывенно писали они въ Москву, на Керженецъ, въ Тверь, Торжокъ, Казань и другія мѣста. Однако начавшіяся сношенія по этому поводу между Вѣткой и старообрядцами внутренней Россіи привели еще къ большему ихъ раздѣленію между собою. Керженскіе, поволжскіе и уральскіе старообрядцы прежде другихъ отказались признать Епифанія за епископа

---

[1]) Формула исправы, которую въ XVIII в. читали принимаемые въ расколъ бѣглые отъ великороссійской церкви попы и въ 1733 г. Епифаній, нерѣдко приводится въ старообрядческихъ сборникахъ. Приведена она цѣликомъ и въ неразъ уже цитованномъ сочиненіи П. И. Мельникова изъ рукоп. Сборника конца XVIII в., писаннаго на Иргизѣ. Въ концѣ XVIII или началѣ XIX в. на Иргизѣ составлена была новая исправа, значительно отличающаяся отъ прежней Вѣтковской. Объ иргизской исправѣ см. Рус. Вѣст. 1866 г., № 5, стр. 15—16. Ср. Дѣло департамента общихъ дѣлъ минист. внут. дѣлъ 1838 г., № 96, лл. 4—9. Срав. также въ Сборн. для ист. старообрядчества, изд. Н. Поповымъ, т. 1, ст. 6, *Чинъ оглашенія входящимъ въ «Православную вѣру.»*

старообрядства и писали Вѣтковцамъ, что они „къ совѣту ихъ приставши, яко Богу неугодну, не токмо не спасительну, но и народодушепагубну отказашась не соизволивше“, подозрѣвая Епифанія въ обливанствѣ (Іона Курносый). Сомнѣнія и разногласія относительно Епифанія были и въ другихъ раскольничьихъ общинахъ; только Тверскіе и Тульскіе старообрядцы оказались безусловно согласными съ Вѣткой въ пріемѣ Епифанія. Убѣдить Московскихъ старообрядцевъ въ правильности архіерейства Епифаніева и такимъ образомъ подчинить Вѣткѣ вліятельную и богатую Московскую раскольничью общину былъ посланъ съ Вѣтки извѣстный уже намъ инокъ Варлаамъ Казанскій, бывшій и теперешній кандидатъ на епископство, имѣвшій большой вѣсъ у Московскихъ и подмосковныхъ старообрядцевъ. Въ Москвѣ и около Москвы Варлаама знали и уважали какъ священника строгой, подвижнической жизни, какъ человѣка горячо преданнаго старымъ обрядамъ и «древнему благочестію», вдобавокъ еще учительнаго, „преизящно философіею и мудростію христіанскою украшеннаго“. Въ Москвѣ Варлаамъ водилъ съ собою попа Епифаніева поставленія, служилъ съ нимъ всенощныя и молебны по домамъ старообрядцевъ, всегда поминалъ на ектеніяхъ епископа Епифанія и горячо порицалъ, даже проклиналъ тѣхъ, кто выражалъ сомнѣніе въ правильности Епифаніева архіерейства и поставленныхъ имъ поповъ. Все это однако мало помогало дѣлу. И въ Москвѣ, и въ Гуслицахъ явились сумнящіеся и зазирающіе Вѣтковцевъ; начали толковать даже о томъ, сохранилось—ли уже на Вѣткѣ «древлее благочестіе, не пошли-ли старообрядцы за рубежомъ широкимъ путемъ никоніанства»? Главнымъ противникомъ Епифанія въ Москвѣ и въ Гуслицахъ (приблизительно въ 80 в. отъ Москвы) явился извѣстный уже намъ Вѣтковскій инокъ—старецъ Аѳанасій, жившій тамъ съ первыхъ лѣтъ существованія Вѣтки въ качествѣ уставщика. Онъ прежде другихъ «возсвидѣтельствовалъ» и находилъ, что Епифаній „новыхъ догматовъ человѣкъ“, нарушитель „уставной службы“ въ Вѣтковской Покровской церкви и т. п. Появившись въ Москвѣ и Гуслицахъ, Аѳанасій разсказывалъ о „злочиніи церковномъ“ на Вѣткѣ, называлъ Епифанія „вѣдомымъ обливанцемъ“, а поповъ его поставленія прямо называлъ «волками». Еще большій соблазнъ произвело то обстоятельство, что пылкій Варлаамъ Казанскій, недовольный разсказами престарѣлаго Вѣтковскаго уставщика про Епифанія и его дѣйства

на Вѣткѣ, разъ почти публично въ Гуслицахъ избилъ его палкой за то, что онъ осмѣлился учить его духовныхъ дѣтей неходить къ попамъ Епифаніевымъ и называлъ ихъ волками, какъ и самого Епифанія. Скоро молва о томъ распространилась по Москвѣ и по всей Гуслицкой волости, какъ и по другимъ мѣстамъ, и вездѣ поселяла еще большее сомнѣніе въ правильности Епифаніева архіерейства[1]).

Что касается самой Вѣтки, то тамъ на первыхъ порахъ Епифаній пользовался повидимому нѣкоторымъ вліяніемъ. По словамъ инока Виталія, вскорѣ послѣ своего торжественнаго вступленія на Вѣтковскую паству, „Епифаній началъ было поступать съ Вѣтковцами должнымъ началу порядкомъ; но какъ старообрядцы мужики больше имѣютъ привычку властвовать надъ духовенствомъ своимъ, нежели покарятися, то и несносно имъ показалось». Далѣе тотъ же Виталій разсказываетъ, что уставщика Зосиму «Епифаній *за венерскую страсть плетьми наказалъ, а другимъ за піянство и прочіе пороки строгость оказывалъ, чрезъ что отъ страстныхъ самовольцевъ тѣхъ не малую злобу и негодованіе навлекъ на себя*». Въ числѣ этихъ «самовольцевъ», особенно злобно и ненавистно относившихся къ Епифанію, Виталій называетъ казначея Павла и вышеупомянутаго уставщика Зосиму, въ особенности перваго, которые «отъ того времени искали случая, какъ бы то пастырю своему несчастіе учинить, что и сотворили не въ долгомъ времени[2]).

---

[1]) Гуслицкій промышленный раіонъ обнимаетъ мѣстность, лежащую по рр. Гуслицѣ, Нерской и ихъ притокамъ, въ Богородскомъ и Броницкомъ уѣздахъ Москов. губ. и въ сосѣднихъ съ ними: Егорьевскомъ у. Рязан. губ. и Покровскомъ у. Владим. губ. и заключаетъ въ себѣ пространство въ 20 слишкомъ квадратныхъ верстъ. Жителей въ этомъ раіонѣ болѣе 20 т., изъ нихъ половина раскольниковъ. Главное средоточіе гуслицкаго раскола составляютъ приходы Крестовоздвиженскій и Запонорскій. Здѣсь раскольники составляютъ почти сплошное населеніе, тогда какъ прочіе гуслицкіе приходы состоятъ на половину изъ православныхъ и раскольниковъ. Расколъ здѣсь поддерживаютъ и распространяютъ не столько раскольническіе попы, сколько богатые фабриканты, въ особенности богачи Морозовы...

[2]) Въ вышеуказанномъ прошеніи Константинопольскому патріарху Паисію II монахъ Зосима подписался: *«еклезіархъ монахъ Зосима»*.

Интриганы, хорошо зная поведеніе своего епископа, рѣшились искусить его и уличить въ неисполненіи положенныхъ правилъ принятаго имъ старообрядчества. Виталій такъ разсказываетъ объ этой интригѣ. „Епифаній имѣлъ у себя въ ногѣ жестокую болѣзнь, которую ничѣмъ не могъ излечить. Тогда келейники ево выдумали къ погибели ему способъ такой: они обдарили лекаря, который, жидовинъ будучи, ево лечилъ, чтобъ тотъ присовѣтовалъ Епифанію, по причинѣ неисцѣльной болѣзни, постную пищу ему оставити и употреблять скоромную, что и дѣлаютъ иногда по медицынскимъ примѣчаніямъ. Почему Епифаній, не зная такова подлога, а при томъ ни мало угождалъ старинцемъ своимъ, на то согласился. Тогда предатели, изготовя больному вареную курицу, на обѣдъ подали, а за келіею нѣсколько пусторевнителей—стариковъ собрали, чтобъ тѣми преступленіе Епифаніево открыть и удобнѣе ево сана и чести лишить. Епифаній какъ только принялся за кушаніе, а подозрители оные, вшедше въ келію, безчестно въ томъ ево обличили, и за то отъ должности ему отказали» (лл. 87—88). Нѣсколько иначе разсказываетъ о томъ же самомъ казусѣ Іона Курносый. Въ его разсказѣ, во первыхъ, вовсе не фигурируетъ лекарь—жидовинъ, при помощи котораго по Виталію соблазненъ былъ Епифаній, а только келейникъ—бѣлецъ, взявшійся какъ бы про себя припасти „жареную курочку“, а не вареную. Во—вторыхъ, по разсказу Іоны Курносаго, когда вошли «пусторевнители», казначей Павелъ съ другими старцами, по знаку келейника—искусителя, въ келію Епифанія, занятаго запретнымъ лакомымъ блюдомъ, то только посмотрѣли на трапезу епископа, и ничего не сказавъ вышли, будто за надобностію какою приходили, да не во время. А Епифаній, по словамъ Іоны Курносаго, какъ скоро они ушли, такъ пенялъ келейнику.

— Что бы тебѣ дверь—то запереть, а ты не заперъ.

А келейникъ его, какъ малаго ребенка, успокоиваетъ:

— Ничего, владыко святый. Ты вѣдь больше ихъ,—они тебѣ не указъ.

По словамъ Іоны Курносаго, казначей Павелъ съ прочими свидѣтелями соблазнительной трапезы Вѣтковскаго епископа не пустили дѣла въ огласку, продолжая далѣе слѣдить за нимъ, на сколько онъ привер-женъ къ старообрядству. Черезъ того же келейника—соблазнителя, вошедшаго въ довѣріе Епифанія, попало въ ихъ руки письмо послѣдняго

къ кіевскимъ его родственникамъ, въ которомъ онъ писалъ, „какъ раскольники его обольстили, и какъ разбоемъ на пути отнятъ, и какъ въ Польшу его препроводили; и привезли до своихъ *еретическихъ вертеповъ*, гдѣ церковь ихъ и раскольническій монастырь и слобода жителей раскольниковъ. Учинили меня раскольники епископомъ, и поставилъ имъ по ихъ просьбѣ двѣнадцать поповъ и шесть дьяконовъ, чего душа моя раскольниковъ изъ младенчества ненавидила. Они же меня и возненавидѣли и держатъ подъ карауломъ. И не иное что помышляю себѣ отъ нихъ, токмо какъ смерти[1]»). Такъ Вѣтковцы узнали, что Епифаній и перешелъ къ нимъ не по убѣжденію, и въ качествѣ старообрядческаго епископа считаетъ ихъ раскольниками и еретиками.

Чѣмъ дальше жилъ Епифаній на Вѣткѣ, тѣмъ больше увеличивалось число его противниковъ. И не мудрено: онъ былъ совершенно чуждъ раскольниковъ, не могъ освоиться съ ихъ воззрѣніями, образомъ жизни и привычками, совершенно разъединявшими его съ новой его паствой. Онъ не только не обнаружилъ приверженности къ старообрядству, не только не хотѣлъ свыкаться съ уставами старообрядцевъ и ихъ понятіями («ни мало угождалъ старинцемъ своимъ», по словомъ Виталія), но тяготился и длинными церковными службами, строгимъ соблюденіемъ постовъ, старообрядческою моралью и внѣшнимъ только соблюденіемъ обрядности. По разсказу Іоны Курносаго особенно вооружались Вѣтковцы на Епифанія за то, что онъ позволилъ себѣ назвать обливательное крещеніе «благочестивымъ». Дѣло было такъ; два уніата, жившіе по сосѣдству съ Вѣткой, перешли въ расколъ, и, какъ обливанцы, по старообрядческой практикѣ, перекрещены были старообрядческимъ попомъ въ три погруженія. По этому поводу Епифаній высказался передъ перекрещенными: «Благочестивое крещеніе отложили, раскольничьимъ крестились во второе. А первое то вамъ развѣ не крещеніе было»? Въ виду этого толки о обливанствѣ Епифанія усилились и на Вѣткѣ и скоро сдѣлались всеобщимъ убѣжденіемъ.

Не менѣе соблазняло Вѣтковцевъ и старообрядцевъ другихъ фракцій и то, что Епифаній, по словамъ Виталія, «на вопросы безпоповцевъ и Вѣтковцевъ о Россійской церкви, и о триперстномъ сложеніи, о ново-

[1]) Истор. оч. поповщ. 133—138.

печатныхъ книгахъ и проч., публично отвѣщалъ: «все свято и все православно» (л. 93).

Убѣдившись, что Епифаній «новыхъ догматовъ человѣкъ, Вѣтковцы, говоритъ Иванъ Алексѣевъ, «чувство пріявше, за Епископа его не почтоша и отъ ставленныхъ имъ грамматы начаши отбирати. Увѣдавъ же то прочіе попы, отбѣгоша съ грамматами въ разная мѣста, и донынѣ въ великой чести священная дѣйствуютъ» (ibid. стр. 65). Противники Епифанія стали называть его сущимъ еретикомъ, волкомъ, зашедшимъ въ овчарню Христову. Главнымъ противникомъ Епифанія среди Вѣтковскихъ слобожанъ былъ нѣкто Заверткинъ, недавній выходецъ съ Уральскихъ заводовъ, ревнитель „древняго благочестія" и почитатель уставщика Аѳанасія. Онъ не стѣснялся всенародно съ своими сторонниками порицать Епифанія и Вѣтковскихъ отцовъ, державшихся еще принятаго ими епископа. Были и такіе слобожане, которые были преданы Епифанію. «И бысть, говоритъ Іона Курносый, матежъ и молва на Вѣткѣ не мала: сталось раздѣленіе между собою у нихъ даже до драки». Были и случаи увѣчья и даже смертоубійства между сторонниками и противниками Епифанія на Вѣткѣ. Дѣло дошло до того, что Заверткинъ и его сообщники грозили убить Епифанія, если онъ станетъ служить въ старообрядческой Покровской церкви: «за волосы его, пса, вытащу изъ св. алтаря, убью до смерти, только смѣй онъ служить», кричалъ на улицахъ Заверткинъ. Увидѣли и Вѣтковскіе отцы, что они не дѣло сдѣлали, добывъ себѣ съ такими хлопотами и большими издержками не хорошаго епископа, и въ концѣ концовъ «отлучили его отъ церковнаго священнодѣйствія до общаго всѣхъ отецъ соборнаго разбирательства.....»[1])

---

[1]) Между прочимъ въ «Мирномъ соборномъ положеніи» (п. 1) Епифановцевъ съ Вѣтковцами 13-го іюля 1780 г. сказано такъ: «ради примиренія и истинныя любви Христовой друъ ко другу, бывшаго покойнаго еп. Епифанія, пріятаго на Вѣткѣ всѣмъ обществомъ и рукоположенныхъ имъ, Епифаніемъ, священниковъ, положили мы въ правосудіе Божіе; *понеже отцами на Вѣткѣ, егда его, Епифанія и рукоположенныхъ имъ священниковъ, отъ церковнаго священнодѣйствія отлучили до общаго всѣхъ отецъ соборнаго разбирательства, тогда вскорѣ здѣлалась гонка, и до днесь тако осталось безъ разбирательства...* А о бывша-

Не только на Вѣткѣ между слобожанами были сторонники Епифанія, но и въ другихъ сосѣднихъ мѣстахъ, населенныхъ раскольниками, напр. въ м. Гомелѣ. Это мѣстечко, нынѣ уѣздный и довольно большой городъ Могилевской губерніи, въ 30 в. отъ Вѣтки, тогда было уже довольно значительно населено великороссійскими раскольниками. Гомельскіе раскольники и численностію и богатствомъ даже превосходили собственно Вѣтковскихъ. Но Вѣтка до того времени преимуществовала и передъ Гомельской раскольничьей общиной и передъ другими, ей подобными, своею церковію, и была по тому какъ бы метрополіей всего русскаго поповщинскаго старообрядства. Когда на Вѣткѣ появился свой старообрядческій епископъ, богатые Гомельскіе раскольники, по его благословенію, устроили и у себя церковь во имя Преображенія Господня, во всемъ подобную Вѣтковской, и даже мечтали о томъ, чтобы сдѣлать свой Гомель резиденціей старообрядческаго епископа. Душою этой послѣдней мысло повидимому былъ извѣстный уже намъ Варлаамъ Казанскій, пользовавшійся въ Гомелѣ большимъ вліяніемъ и авторитетомъ: онъ жилъ въ Спасовой слободѣ, предмѣстьѣ Гомеля. Когда Вѣтковцы стали чуждаться поповъ и дьяконовъ Епифаніева рукоположенія, Гомельскіе раскольники приняли ихъ и усиленно звали самого Епифанія къ себѣ, предлагая за него Вѣтковцамъ значительную потому времени сумму денегъ. «Не надо намъ никакихъ тысячъ», говорили Вѣтковцы, «а Епифанія—обливанца не отдадимъ, грѣха на себя не примемъ; соблазна въ васъ не усилимъ, сказано бо въ свящ. писаніи: «горе тому человѣку, имъ же соблазнъ въ міръ пріидетъ; унѣе тому человѣку да обѣсится камень жерновый о выю его и ввержится въ море.» И подъ такою клятвою самаго Господа І. Х. быть мы не хотимъ и обливанца еретика вамъ въ пастыри не отдадимъ». Видимо Вѣтковцамъ не хотѣлось разстаться съ давно лелѣянною ими мыслію—подчинить все русское и зарубежное старообрядство своему духовному вліянію и власти. Вражда по этому поводу между

го онаго Епифанія дѣлахъ, ехами произносимыя омышленію подлежащихъ, чрезъ которыя многолѣтно происходили между нами свары съ обоихъ сторонъ, всякъ защищая свою сторону, дѣлалось о немъ препираніе, нынѣ мы вмѣнили быть за неполезное и христіанству вредное...» Лѣт. Вѣтк. церкви Я. Ст. Бѣляева, ркп. нашей библ., л. 94 об.

Вѣтковскими и Гомельскими старообрядцами доходила нерѣдко до того, что сопровождалась и серьезными драками между ними, и Вѣтковцы держали злосчастнаго Епифанія въ кельѣ, какъ въ тюрьмѣ, боясь, чтобы онъ не ушолъ въ Гомель. Въ началѣ 1735 г. отношенія между соперниками были таковы, что Гомельскіе старообрядцы рѣшились вооруженною рукою захватить Епифанія на Вѣткѣ и привести въ Гомель, чтобы онъ въ наступающій великій четвертокъ (3-го апрѣля 1735 г.) сварилъ въ ихъ церкви мvро, какъ слѣдовало по уставу. 30-го марта, въ вербное воскресенье, собрались Гомельцы большой толпой и пошли на Вѣтку, чтобы вырвать Епифанія оттуда силою; но натолкнулись какъ разъ на полки Сытина, только что начавшіе приводить въ исполненіе Высочайше апробованный еще въ 1734 г. Министерскій докладъ о мѣрахъ къ возвращенію изъ за польскаго рубежа русскихъ бѣглецовъ, въ томъ числѣ съ Вѣтки и Гомеля. По словамъ Іоны Курносаго, въ это время Гомельская старообрядческая церковь, освященная по всей вѣроятности Варлаамомъ Казанскимъ и названная Преображенской, была будто бы перевезена въ Стародубье по р. Сожу и поставлена въ 2 в. отъ слободы Клинцовъ; при ней, съ устройствомъ другой церкви во имя Николая Чудотворца, образовался Николопустынскій старообрядческій монастырь, долгое время бывшій вмѣстѣ съ слободой Клинцами центромъ Епифановскаго толка въ Стародубьѣ. Эта—то перевезенная изъ Гомеля Преображенская церковь и была будто бы первою старообрядческою церковію въ стародубскихъ раскольничьихъ слободахъ, если придавать вѣру разсказу указаннаго старообрядческаго историка конца XVIII в. О перевозкѣ ея изъ Гомеля и о поставленіи около слободы Клинцовъ тотъ же Іона Курносый разсказываетъ такъ: Ону церковь сломаше, по совѣту неправильныхъ поповъ своихъ (т. е., по мысли историка, рукоположенныхъ Епифаніемъ), Іоакима (въ другомъ мѣстѣ называетъ его бѣлымъ попомъ) и священноинока Матвѣя, склавше плотами, по той же рѣцѣ (Сожу) приплавивше къ слободѣ, поставиша, какъ и на мѣстѣ стояла. И приспѣвшу времени священія, Іоакимъ попъ повелѣ священи сыну своему духовному Матвѣю. Онъ собравъ соборъ отъ обливанцевъ Епифаніева согласія, какъ и онъ, Матвѣй, и съ ними оную церковь освятилъ и сталъ въ ней служить и пречистыя тайны совершать». Оба указанные попа, бѣлой и черной, вышли вмѣстѣ съ церковію изъ Гомеля и были рукопо-

ложены Епифаніемъ на Вѣткѣ. Никольская церковь была устроена рядомъ съ Преображенскою; но въ какомъ именно году—точно неизвѣстно. Лѣтописецъ Вѣтковской церкви Бѣляевъ подъ 1782 г. замѣчаетъ, что «октября 4-го освящена церковь въ Клинцахъ, называемая въ Пустынькахъ, во имя преображенія Господня» (л. 183 об.), и только. Въ связи съ сказаннымъ о ней Іоной Курносымъ эти извѣстіе лѣтописца надо понимать повидимому такъ, что на мѣсто сгорѣвшей старой Гомельской церкви была выстроена новая и освящена 4-го октября 1782 г. Протоіерей Журавлевъ также довольно неопредѣленно говоритъ, что въ Никольскомъ-Пустынскомъ настырѣ было двѣ церкви—Преображенская и Никольская (стр. 280), и не дѣлаетъ никакихъ указаній о времени ихъ основанія. Преображенская церковь въ концѣ XVIII в. и началѣ XIX в. была красивой пятиглавой церковью, съ хорошенькой колокольней, щеголявшей боевыми часами. Строителемъ Никольской церкви былъ игуменъ Никола, родившійся въ 1700 г. и умершій въ 1809 г., какъ гласитъ надпись на одномъ изъ памятниковъ на кладбищѣ Никольскаго монастыря. «Въ 1809 году умеръ игуменъ Никола, бывшій Никита Игнатьевъ (Матвѣевъ?), донской козакъ, родившійся въ 1700 г.; жилъ 109 лѣтъ, а игуменомъ былъ 65 лѣтъ.» Впрочемъ хронологическія указанія надгробнаго памятника значительно разногласятъ съ показаніями Ревизкой Сказки 1795 г., находящейся въ Клинцовской Ратушѣ, гдѣ о игуменѣ Преображенской пустыни Николѣ замѣчено: «Никола, въ бѣличествѣ Никита Матвѣевъ Поляковъ, 78 лѣтъ»[1]). Послѣднимъ попомъ Епифаніева поставленія въ

[1]) Преображенская церковь сгорѣла въ 1835 г., а Никольская въ 1880 г.; послѣ въ трапезной устроена другая, также въ честь Николы, по старообрядческому именованію святителя. Въ 1850 г. обозрѣвавшій Старообрядческіе старообрядческіе монастыри извѣстный ученый статистикъ *К. И. Арсеньевъ* писалъ о Николо-Пустынскомъ монастырѣ: «Монастырь Никольскій, въ 2-хъ верстахъ отъ Клинцовъ, не пользуется никакимъ уваженіемъ окрестныхъ жителей; въ немъ живетъ 6 монаховъ и 12 бѣльцовъ, дряхлыхъ и увѣчныхъ, отъ 60 до 90 лѣтъ, одинъ только инокъ 46 лѣтъ и обличенъ въ блудной жизни и прижитіи дѣтей; другой, казначей монастыря, обманываетъ убогихъ стариковъ и употребляетъ монастырскіе доходы преимущественно на свое семейство въ посадѣ Клинцахъ. Монас-

Клинцахъ былъ попъ Іяковъ, дожившій здѣсь до глубокой старости, именно до 1780 г., а не до 1790 г., какъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ Мельниковъ (ст. 149). Онъ пользовался значительнымъ духовнымъ вліяніемъ не только среди мѣстныхъ слободскихъ Епифановцевъ, но и среди зарубежныхъ почитателей злосчастнаго перваго старообрядческаго епископа, и даже большимъ уваженіемъ, чѣмъ самъ Епифаній епископъ «древляго благочестія», какъ замѣчается въ одномъ мѣстѣ Вѣтковской лѣтописи. Извѣстно, что попы, Епифаніева поставленія во второй половинѣ XVIII в. пѣвали по немъ панихиды и считали даже его мученикомъ, крѣпко стоявшимъ за старую вѣру. Извѣстно и то, что еще въ концѣ XVIII в. Калужскіе купцы Епифаніева толка присылали въ Клинцы милостыню, а въ бытность свою въ Клинцахъ служили здѣсь панихиды по Епифаніи и Іяковѣ, и даже болѣе по послѣднемъ, чѣмъ по первомъ. По словамъ лѣтописца Я. Бѣляева, Епифановскій попъ Іяковъ пользовался среди Епифановцевъ такимъ же положеніемъ, какъ слободскіе попы Вѣтковскаго согласія—Іяковъ Климовскій и болѣе извѣстный Михаилъ Калмыкъ, которые были въ слободахъ «за великихъ архіереевъ», и «весьма имъ фортуна служила: по доброй тысещи въ годъ приходило». По его же словамъ, «какъ въ слободахъ, такъ и заграницею монастыри и скиты были болѣе Епифанова секту, также и въ городахъ—въ Калугѣ, въ Бѣлевѣ и «въ прочихъ мѣстахъ тысещъ до 10,000 находилось»...

Почитавшіе память Епифанія, принимавшіе поповъ его рукоположенія и представлявшіе Епифанія великомъ святителемъ, положившимъ

тырь этотъ походитъ болѣе на богадѣльню, чѣмъ на обитель иноковъ». Историч. оч. поповщины. 1, 149—150. Срав. отзывъ о немъ же протоіерея Т. А. Верховскаго: Стародубье. 1, 148--149. Въ бытность въ монастырѣ лѣтомъ 1889 г. мы нашли тамъ иг. Харлампія, простаго добродушнѣйшаго старичка, и трехъ монаховъ; служеніе полное и довольно чинное. Настоятель выбирается выборными попечителями, которыхъ тамъ 8; обыкновенно выбирается въ игумены родственникъ кого либо изъ попечителей. По внѣшнему виду монастырь видимо находится въ сильномъ упадкѣ. Нѣтъ въ монастырѣ ни собранія книгъ или рукописей, ни замѣчательныхъ въ какомъ либо отношеніи иконъ и тому подобныхъ предметовъ.

душу свою за овцы своя, мученикомъ, страдальцемъ за «древнее благочестіе и за старый обрядъ“, были извѣстны подъ именемъ *Епифановцевъ* или *Епифановщины*.[1]) Противники Епифанія, напротивъ, приравнивали его къ Арію еретику, и общенія съ епифановцами не имѣли. Еще сильнѣе были укоры со стороны безпоповщинскихъ раскольниковъ, напр. Ивана Алексѣева, стародубскаго старообрядческаго историка, автора первой «Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ“. Многіе, самые горячіе приверженцы Епифанія и поставленныхъ отъ него поповъ, стыдились чрезъ нѣкоторое время сознаваться, что они принадлежали къ согласію Епифановщины. Въ извѣстномъ раскольническомъ сатирическомъ произведеніи конца XVIII в.: «*Альфа и Омега въ седмитолковомъ Апокалипсисѣ прореченная, отъ него же нѣчто на исправленіе прорекъ сущимъ во Асіи Малороссійской*», написанномъ въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII в., заключается между прочимъ слѣдующій укоръ Вѣткѣ. «Ангелу Вѣтковскія церкви напиши: вѣмъ твоя дѣла, яко ни студенъ еси, ни теплъ, сего ради изблевати тя имамъ, зане егда держался еси благочестія лавры Кіева и догматовъ Аввакумовыхъ, то стяжалъ еси себѣ епископа и владыку, и пожалъ еси, идѣже не сѣялъ. Но егда вознесся еси паче Капернаума, то и низпалъ еси, яко же блудница оная Вавилонская, отъ вина же ея любодѣянія упишася Никоніане и языцы мнози. Но и ты исполнилъ еси мѣру ихъ, чего ради отнята бысть благодать твоя и переселена бысть во обитель Климовскую (намекъ не на перенесеніе первой раскольнической Вѣтковской Покровской церкви 1735 г. въ

---

[1]) Ист. оч. поповщ. 1, 149—150. Въ нѣкоторыхъ старообрядческихъ синодикахъ попадается имя Епифанія записаннымъ рядомъ съ именемъ еп. Павла Коломенскаго и др. Лѣтоп. Вѣт. церкви—ркп. нашей библ., лл. 85, 94—98, 138 и др. О послѣднихъ попахъ Епифаніева поставленія въ Клинцахъ—*Іяковѣ и Борисѣ*—лѣтописецъ замѣчаетъ: «наконецъ къ смерти Іяковъ и Борисъ священники спились весьма»: Послѣдній, какъ и Іяковъ, до смерти прожилъ въ Клинцахъ, и передъ смертью «постригся и посхимился и наречено ему имя Боголѣпъ». Постригся въ Покровскомъ монастырѣ и погребенъ тамъ у праваго клироса со священники», а былъ «сынъ духовный о. Іякова» См. «Вѣроятное слышаніе о Клинцахъ» —Лѣт. Вѣтк. церкви, л. 138.

стародубскую слободу Климову, какъ полагаетъ Мельниковъ. стр. 153, а второй, послѣ выгонки раскольниковъ при Екатринѣ II). яже есть новый Іерусалимъ. И ты убо притецы и припади къ сосуду моему избранному, Михаилу блаженному (попу Михаилу Калмыку, жившему въ Климовскомъ Покровскомъ монастырѣ), да спасешися отъ недуга своего и исцѣлѣеши. Имѣяй уши слышати, да слышитъ"[1]). Не менѣе рѣзко отзывался о Епифаніи и попахъ епифановскихъ Іона Курносый въ концѣ XVIII в. „Нынѣшніе епифаняне попы и послѣдующіе имъ, и понынѣ изчезнувшу Епифанію въ отступленіи, вѣру къ нему мертвому душою и тѣломъ, яко аріане Арію, въ проходѣ пораженну, главу въ порты забиту, вѣру храняху, сице епифаняне къ Епифанію. А понеже отцы наши (т. е. Керженскіе) до прієму Епифаніева Вѣтковскихъ поповъ согласія отказашеся, и причастія ихъ служенія пріимати отрекошася, и во время требованія совѣта къ пріятію Епифанія отказашася, и общимъ совѣтомъ положиша ѣздящимъ въ Москву къ попамъ Московскимъ подъ руку ко благословенію не ходити и во время служенія ихъ за службу молитися не ходити, ни съ дѣтьми ихъ духовными ни ясти, ни пити, ни молитися, якоже и было, и быти неотложно сему узаконенію держану твердую быти. Но понеже, яко же пишется, пастыремъ о овцахъ небреженіе и людское ко священникомъ непокорства належаніе, зане вси по своей волѣ ходятъ, особливо здѣшній народъ, не хощетъ время плачевное признавати—время опасное, сѣтовное. Пользовахомся священствомъ, священниками, священноиноками, и иноками честными и инокинями,

---

[1]) Мельниковъ, ibid., стр. 152—153. См. *Альфу и Омегу* въ рукоп. Кіев. дух. Акад. Высокопреосвящ. Макарія (о. 4°. 93) въ приложеніи къ *Синаксарю Богоспасаемаго монастыря Покровскаго Климовскаго, нареченнаго въ преселеніи Вавилонскомъ, сирѣчь изъ Вѣтки, новопечерскимъ кіевскимъ, о страдальческихъ подвигахъ православныхъ христіанъ*» (лл. 19—21). У Мельникова относительно Вѣтковской церкви мѣсто изъ Альфы и Омеги приведено съ неисправнаго списка, отъ чего встрѣчаются неясности, напр. «посѣялъ еси, идѣже не сѣялъ» вм. «пожалъ еси, идѣже не сѣялъ». Синаксарь вмѣстѣ съ Альфой и Омегой напечатанъ В. Кельсіевымъ въ 2 вып. его «Сборн. правит. свѣдѣній о раскольникахъ». Лондонъ. 1861 г., стр. 221—244.

глубокою старостію и сѣдинами и разумомъ духовнымъ украшенными, егда быша священноинокъ Никифоръ, священноіерей Іоаннъ..., но много разнства видится отъ тогда бывшихъ священниковъ и отъ сущихъ нынѣ. Тіи сами не хотяще своя души погубити, знавше премѣну благочестія, оставляюще приходы, приходяще ко священноинокомъ, священникомъ и инокомъ, хотяще токмо при нихъ спасти своя души, а не паствити, учитися, а не учити; и по усмотрѣнію отецъ умоляеми, народныя ради пользы и принуждаеми нужды ради спасительная исправлять и не хотяще; а нынѣшнихъ посылають искати, яко на положенное и припасенное. Сыскавъ умоляемъ: «поѣдемъ, речемъ имъ: видно скудное житіе твое, у насъ и тысящи нажить можешь». И привезши соборуемъ: како исправимъ. И аще мы во глубокой старости ищемъ ихъ по подобію, яко по чужимъ житницамъ не зерны, но охоботіе и паздеріе собираемъ, а младыя дѣти гдѣ получати будутъ и сыскивати, что не отъ обливанцевъ? Всѣ говоримъ: «невозможно безъ попа быти; Господь не умираетъ и священство его не престаетъ». Подлинно у епифановщины не престанетъ. Почто престать? Вся вселенная полна поповъ, не токмо поповъ, но и большаго чина всякаго полна вселенная, церковнаго причта»[1]).

---

[1]) Ibidem, стр. 153—155. Инокъ Виталій въ указанномъ его трудѣ «о достоинствѣ Епифаніева лжеименованія» говоритъ слѣдующее: 1) «былъ сей Епифаній природы малороссійской и въ самомъ Кіевѣ рожденъ; 2) бѣжалъ онъ изъ Кіева по причинѣ похищенныхъ денегъ и монастырскаго имѣнія отъ законнаго за то взысканія; 3) явной былъ прелюбодѣй; 4) епископство обманомъ получилъ, и не для старообрядцевъ; 5) получа оное, искалъ убѣжища латинскаго исповѣданія отъ епископовъ унѣятскихъ; 6) пойманъ и законно священства и монашества лишенъ и тѣлесно наказанъ; 7) таковаго ростригу старообрядцы на пути украли, и бывши простолюдина мужики на Вѣткѣ принудили архіерействовать; 8) сіе Вѣтковцы сдѣлали безъ согласія, а онъ и не былъ отнюдь къ тому расположенъ, зная себя, что лишенъ законно и до послѣдняго чина; 9) онъ, живучи на Вѣткѣ, искалъ въ Кіевѣ возвратитися, о чемъ тайно и преосвященному писалъ; 10) на вопросы безпоповцевъ и вѣтковцевъ о Россійской церкви и о триперстномъ сложеніи, о новопечатныхъ книгахъ и пр., онъ отвѣчалъ: «все свято и все православно». Вотъ святитель былъ и свѣтъ старообрядцемъ! Еще же

Между тѣмъ въ австрійско—буковинской старообрядческой литературѣ второй половины XIX в., или такъ назыв. Бѣлокриницкой, Епифанія представляютъ великимъ святителемъ, мученикомъ и страдальцемъ за «древлее благочестіе» и старый обрядъ, ни мало не соблазняясь его обливанствомъ, такъ много смущавшимъ старообрядцевъ XVIII в. Авторъ «*Сказанія вкратцѣ о первоначальномъ учрежденіи нынѣ существующей въ нашей древнеправославной церкви священной іерархіи и увѣренія въ дѣйствительности оной сомнѣвающимся*», написаннаго въ 1861 г., сторонникъ Бѣлокриницкой или австрійской старообрядческой іерархіи (съ 1846 г.), такъ разсказываетъ о Епифаніи какъ старообрядческомъ епископѣ. «Рукоположенный въ Молдовлахіи Ясскимъ митрополитомъ Антоніемъ въ 1724 г., епископъ Епифаній обратился въ нашу православную вѣру, и по общему всѣхъ Вѣтковскихъ христіанъ согласію, принятъ былъ въ Покровскомъ монастырѣ, что на Вѣткѣ, священникомъ Іовомъ, въ лѣто 7232. И по принятіи, еп. Епифаній совершилъ божественную литургію и отправлялъ святительскую должность: онъ рукоположилъ до 14 человѣкъ въ священнослужители, то-есть въ попы и дьяконы. Но какъ только разнесся объ этомъ слухъ, то вдругъ на сего православнаго епископа наведено было со стороны правительства строжайшее преслѣдованіе, онъ былъ взятъ и послѣ разныхъ изнурительныхъ послѣдствій скончался въ Кіевѣ. Рукоположенные же имъ священники дѣйствовали даже до конца жизни» (Ibidem, стр. 151—152).

Таковы оффиціальныя и старообрядческія извѣстія о первомъ Вѣтковскомъ старообрядческомъ епископѣ XVIII в., Епифаніи Ревуцкомъ.

Соблазнительная для старообрядцевъ исторія Епифаніева архіерейства не остановила ихъ стремленія устроить свою старообрядческую церковь и іерархію такъ, чтобы она являлась дѣйствительною митрополіею для всѣхъ ревнителей русской церковной старины, чтобы она сдѣлалась истинною церковію съ трехчинной іерархіей, съ самостоятельнымъ епископомъ во главѣ, который бы совершалъ у нихъ всѣ «архіерейскія дѣйства».

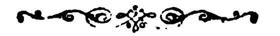
Епифаній былъ болѣе согласенъ къ папежемъ и унѣятомъ, нежели къ старообрядцемъ. Видно имъ такой и нада, абы поповъ болѣе наставилъ, и нынѣ у нихъ есть пословица: «хотя чортъ, дабы попъ». Правда священномученникъ Купріанъ пишетъ: «не возмѣтаетъ вѣтръ пшеницы, но плевелы». Стр. 92 об.—93 об.

М. И. Мандесъ.

ЗАДАЧИ ИСТОРІИ АНТИЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРЪ

вступительная лекція,

читанная въ Нѣжинскомъ историко-филологическомъ Институтѣ князя Безбородко 9 Октября 1901 года.

НѢЖИНЪ.
Типо-Литографія М. В. Глезера.
1901 г.

Печатано по постановленію Конференціи Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко.

Директоръ Ф. Гельбке.

Задачи исторіи античныхъ литературъ

вступительная лекція, читанная профессоромъ М. И. Мандесомъ въ Нѣжинскомъ историко-филологическомъ Институтѣ князя Безбородко 9 октября 1901 года.

М.М. Г.Г.

Исторія древнихъ литературъ и въ древности и въ эпоху возрожденія возникла изъ практическихъ потребностей. Когда, въ александрійскую эпоху, вслѣдствіе крупныхъ измѣненій въ государственной и общественной жизни, и, главнымъ образомъ, въ языкѣ, произведенія классической литературы перестали быть непосредственно понятными, явилась естественная потребность въ ихъ объясненіи. Эта потребность вызвала къ жизни дѣятельность ученыхъ, направлявшихъ свои силы на толкованіе Гомера, Софокла, Аристофана—всѣхъ тѣхъ представителей древней литературы, которые уже въ то время составили кругъ «классиковъ», писателей, на изученіи которыхъ основывалось общее литературное образованіе эпохи. Помимо непосредственнаго толкованія словъ, писателя явилась необходимость изслѣдовать тотъ родъ литературы, къ которому относились его произведенія, изучить его жизнь, установить хронологію его сочиненій, отличить подлинныя и поддѣльныя—собрать все то, что можетъ быть узнано о немъ, что должно быть о немъ сообщено, чтобы *ввести* въ его пониманіе и изученіе.

То же повторилось и въ эпоху возрожденія и слѣдовавшіе за нимъ вѣка изученія древности. Древніе писатели опять выступили въ роли классиковъ, теперь еще болѣе далекихъ, еще менѣе понятныхъ, еще настоятельнѣй требовавшихъ объясненія. Новая наука пошла по слѣдамъ

древней— опять собирались всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя могли имѣть отношеніе къ читаемому писателю.

Когда появилась потребность въ систематизаціи этихъ свѣдѣній, всѣ эти разрозненныя замѣтки, всѣ эти »введенія« къ отдѣльнымъ писателямъ были соединены въ одинъ сводъ, расположенный либо въ хронологическомъ порядкѣ, либо по родамъ и видамъ литературы. Этотъ то сводъ и былъ тѣмъ, что получило названіе исторіи литературы. Исторія литературы начала свое существованіе, какъ нѣкоторый реперторій полезныхъ свѣдѣній, относящихся къ писателямъ опредѣленнаго по тому или другому принципу круга.

И этотъ характеръ реперторія остается и до сихъ поръ присущимъ исторіи литературы вообще и исторіи античныхъ литературъ въ особенности—въ большей или меньшей мѣрѣ она никогда не сможетъ отъ него освободиться.

Исторія литературы въ сложной системѣ дисциплинъ, посвященныхъ изученію древности, всегда занимала и будетъ занимать центральное положеніе. Наше знакомство съ древностью основывается прежде всего и главнымъ образомъ на литературныхъ памятникахъ. Въ настоящее время все большее значеніе пріобрѣтаетъ изученіе вещественныхъ памятниковъ древности, надписей, папирусовъ, но свидѣтельства всѣхъ этихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ только тогда пріобрѣтаютъ значеніе, только тогда могутъ быть вполнѣ осмыслены, когда они объясняются хотя бы одной строчкой литературнаго источника, вносящаго въ нихъ внутреннюю связь, одухотворяющаго ихъ истинной жизнью.

Естественно, что всѣ отдѣльныя дисциплины, занимающіяся древностью, обращаются къ исторіи литературы съ своими требованіями, своими запросами. Историкъ государственной и культурной жизни Греціи требуетъ отъ историка литературы, чтобы онъ объяснилъ ему процессъ образованія Гомеровскихъ поэмъ, чтобы онъ раскрылъ предъ нимъ тѣ условія, подъ вліяніемъ которыхъ выработался трудъ Θукидида; историкъ философіи желаетъ имѣть хронологію произведеній Платона, археологъ требуетъ указаній относительно состава, значенія, характера сочиненій Павсанія, Плинія, Филострата, даже врачъ—теоретикъ является съ требованіемъ объяснить ему Гиппократа и Галена—историкъ литературы не можетъ и не долженъ отказываться дать отвѣтъ на эти вопросы, потому

что никто лучше его не можетъ этого сдѣлать; онъ долженъ обращать свой трудъ на изслѣдованіе такихъ литературныхъ явленій, которыя быть можетъ не имѣютъ значенія съ его спеціальной точки зрѣнія, не имѣютъ того значенія, которое онъ вынужденъ имъ придавать съ точки зрѣнія чуждой его спеціальнымъ цѣлямъ. И опять таки исторія литературы превращается въ реперторій всевозможныхъ свѣдѣній, имѣющихъ большее или меньшее отношеніе къ памятникамъ литературы.

Такъ оно было, такъ оно есть, быть можетъ, такъ оно всегда будетъ—съ этимъ необходимо мириться. Но и мирясь съ этимъ, все таки печальнымъ положеніемъ, историкъ литературы не имѣетъ права уклоняться и отъ другой, болѣе глубокой задачи. Онъ долженъ точно выяснить себѣ, въ чемъ заключаются спеціальныя задачи той науки, которой онъ отдаетъ свой трудъ и свои силы, гдѣ та область, въ которой его наука перестаетъ играть служебную роль, въ которой она становится самостоятельной дѣятельностью, въ себѣ самой носящей свои цѣли, сама себѣ опредѣляющей свои задачи, свои принципы, свои методы. Онъ долженъ задать себѣ вопросъ: что же такое »исторія литературы«—и отвѣтивши себѣ на этотъ вопросъ, долженъ помимо обычнаго, весьма полезнаго, но весьма мало научнаго реперторія, построить на основаніи тѣхъ принциповъ, которые вытекаютъ изъ даннаго имъ опредѣленія, строгую научную систему науки, съ полнымъ правомъ имѣющей особенное самостоятельное существованіе.

Область правильныхъ систематическихъ занятій, имѣющихъ своимъ объектомъ литературныя произведенія, велика и обширна—исторія литературы охватываетъ только нѣкоторую и наименѣе значительную часть этой области. Къ сожалѣнію, эта область настолько мало успѣла еще объединиться, сознаніе ея особности, ея отношенія къ спеціальной части ея—исторіи литературы—такъ мало выяснилось, что часто на исторію литературы переносятъ требованія, которымъ можетъ удовлетворять либо вся эта область, либо какая нибудь особая часть ея, что въ русскомъ языкѣ нѣтъ даже слова, которымъ можно было бы опредѣлить ее. Въ Германіи въ настоящее время все чаще употребляется съ этой цѣлью терминъ »Litteraturwissenschaft«—литературовѣдѣніе—sit venia verbo; я не могу считать этого термина вполнѣ охватывающимъ все то содержаніе, которое я старался указать—далеко не все, что входитъ въ область на-

шихъ занятій литературой, можетъ и должно быть wissenschaft—наукой.

Мы можемъ смотрѣть на литературное произведеніе съ двухъ коренныхъ образомъ отличающихся точекъ зрѣнія—съ точки зрѣнія оцѣнки (werthbegrift)—и съ точки зрѣнія факта.

Съ первой точки зрѣнія мы ставимъ себѣ по существу вопросъ: хорошо или не хорошо съ той или другой точки зрѣнія, въ тѣхъ или иныхъ видахъ и цѣляхъ данное произведеніе. Отвѣтъ на этотъ вопросъ всегда въ большей или меньшей мѣрѣ вытекаетъ изъ субъективныхъ побужденій. Наша точка зрѣнія привносится нами въ наше отношеніе къ произведенію, не вытекаетъ изъ него, наши цѣли суть наши цѣли—они могутъ быть и не цѣлями произведенія. Даже тогда, когда мы себѣ поставимъ вопросъ о томъ, достигаетъ ли произведеніе той цѣли, которую оно само себѣ ставитъ, мы нашу *оцѣнку*, нашъ приговоръ: хорошо или нехорошо ставимъ въ зависимость отъ нашего субъективнаго отношенія къ тому спеціальному предмету, которому посвящено произведеніе. Мы можемъ, конечно, поступать различнымъ образомъ—можемъ подходить къ каждому отдѣльному произведенію, какъ къ таковому, и давать ему оцѣнку на основаніи того впечатлѣнія, которое это отдѣльное произведеніе, какъ таковое, на насъ производитъ. Мы можемъ вмѣсто этого подходить къ нему съ предварительно составленной сознаваемой или несознаваемой нами системой правилъ, но тогда эта система правилъ будетъ восходить къ объединенному въ нашемъ опытѣ ряду оцѣнокъ, которыя, каждая въ отдѣльности, все таки субъективны.

Эта первая дѣятельность есть дѣятельность, которую мы называемъ »критикой« въ современномъ смыслѣ слова. Какъ уже сказано, она можетъ относиться къ одному произведенію и къ ряду произведеній—можетъ имѣть цѣлью непосредственно оцѣнку даннаго произведенія, но можетъ и сводить въ систему всѣ отдѣльныя наблюденія, или даже строить цѣлую систему независимо отъ какихъ бы то ни было наблюденій—послѣднее, конечно, только теоретически—систему правилъ, на основаніи которыхъ должны съ одной стороны оцѣниваться литературныя произведенія, съ другой писаться новыя, желающія получить одобрительную оцѣнку. Эту систему правилъ, предписывающихъ тотъ или другой способъ употребленія богатствъ языка, тотъ или другой способъ расположенія матеріала, компо-

зиціи, характеристики, выбора сюжета, я назвалъ бы, за неимѣніемъ другого подходящаго слова, »императивной«—императивной стилистикой, реторикой, поэтикой.

Поясню мою мысль примѣромъ.

Въ прежнее время, когда латинскій языкъ еще занималъ теперь утраченное положеніе если не литературнаго, то ученаго языка Европы, существовала настоятельная необходимость выучиться писать хорошо по латыни. Сообразно вкусамъ и взглядамъ эпохи вырабатывалось извѣстное опредѣленіе того, что слѣдуетъ считать »хорошею« латынью — и на основаніи этого опредѣленія, по существу своему, конечно, вполнѣ субъективнаго, выработывался рядъ правилъ, которыя имѣли цѣлью учить этой »хорошей« латыни. Правила являлись приказами—отъ степени подчиненія имъ зависѣла та или другая оцѣнка написаннаго; этотъ-то сводъ правилъ, эту стилистику я и позволяю себѣ называть »императивной стилистикой«—само собой понятно что такихъ »приказывающихъ« стилистикъ могло быть—да и было въ разное время—нѣсколько.

Но возможна и совершенно другая постановка вопроса. Отказавшись отъ критерія »хорошаго и нехорошаго«, мы можемъ отнестись къ изучаемому нами литературному произведенію съ другой точки зрѣнія—точки зрѣнія факта. Основнымъ вопросомъ является вопросъ о томъ, что представляетъ собой изслѣдуемый нами, съ точки зрѣнія нашихъ вкусовъ, взглядовъ, теорій безразличный фактъ. Мѣсто примѣрки факта по неизбѣжно субъективному мѣрилу цѣнности занимаетъ его вполнѣ объективный анализъ. Каковы особые признаки даннаго литературнаго произведенія, въ силу какихъ причинъ появились отмѣченныя его особенности, въ какой связи отдѣльныя его особенности находятся между собой— вотъ тѣ задачи, которыя мы себѣ ставимъ. Задачи эти вполнѣ научны— мы не цѣнимъ, а объясняемъ. Эта сторона посвященной изученію литературныхъ произведеній дѣятельности можетъ быть названа герменевтикой въ широкомъ смыслѣ слова. И тутъ, какъ и въ области того, что мы назвали критикой, мы можемъ примѣнять нашъ анализъ къ отдѣльному произведенію, которое тогда будетъ само себѣ цѣлью, но мы можемъ и стремиться къ созданію извѣстной системы; собирая рядъ однородныхъ литературныхъ произведеній, мы можемъ выслѣживать ихъ общіе признаки, характеризовать ихъ именно какъ общіе извѣстной

группѣ признаки, выяснять причины ихъ наличности и общности, устанавливать взаимоотношеніе такихъ отдѣльныхъ групповыхъ признаковъ, выводить законы этихъ взаимоотношеній. Мы получимъ тогда рядъ эмпирическихъ наблюденій, устанавливающихъ законы пользованія богатствами языка, расположенія матеріала, пріемовъ характеристики, выбора сюжета—законы, которые *дѣйствуютъ* въ предѣлахъ изучаемой области, дѣйствуютъ фактически, хотя бы они и представлялись намъ въ высокой степени нежелательными. Мы не даемъ ни правилъ оцѣнки ни правилъ дѣятельности—мы устанавливаемъ фактъ. И наша новая система будетъ системой стилистики, риторики, поэтики—но стилистики, риторики, поэтики строго фактической, совершенно свободной отъ всякаго „императивнаго" элемента.

Возвратимся для поясненія нашей мысли къ раньше приведенному примѣру латинской стилистики. Рядомъ съ той стилистикой, которую мы раньше характеризовали, какъ сводъ правилъ о томъ, какъ слѣдуетъ писать полатыни, можетъ быть и есть уже (укажу на стилистику Шмальца) другая, ставящая себѣ вопросъ о томъ, какъ *писали* по латыни, какими характерными особенностями отличается латинскій стиль въ ту или другую эпоху и во всѣ эпохи развитія римской литературы, въ какомъ взаимоотношеніи находятся эти особенности, въ какой зависимости они находятся и отъ особенностей языка, и отъ характера автора, и отъ характера эпохи и отъ многихъ другихъ причинъ. Эта стилистика не имѣетъ практической цѣли *обученія*, она имѣетъ теоретическую цѣль *изученія*.

До сихъ поръ мы либо разсматривали отдѣльное литературное произведеніе, либо дѣлали такъ сказать продольный разрѣзъ черезъ рядъ литературныхъ произведеній, разсматривая ихъ какъ сосуществующія—, но мы можемъ и должны разсматривать ихъ и въ своего рода поперечномъ разрѣзѣ, не въ ихъ сосуществованіи, а въ ихъ преемственности, задавая себѣ вопросъ о томъ, въ какой преемственной послѣдовательной связи они находятся, почему они именно въ этой связи находятся, каковы законы этой связи. Наша задача уже не ограничивается объясненіемъ отдѣльныхъ литературныхъ произведеній, не ограничивается системой герменевтики,—она сводится къ построенію исторіи развитія литературы, объясненію послѣдовательнаго появленія ступеней этого развитія, къ соз-

данію системы исторической смѣны отдѣльныхъ явленій—исторіи литературы, той спеціальной наукѣ, опредѣленіе которой составляетъ нашу непосредственную цѣль. Эта потребность системы естественно выдвигаетъ на первый планъ вопросъ о тѣхъ объектахъ, которые должны войти въ систему; если мы хотимъ выяснить себѣ историческую смѣну литературныхъ явленій, мы должны знать, что считать такимъ литературнымъ явленіемъ.

Вопросъ о томъ, что такое литературное произведеніе, вовсе не такъ простъ, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Въ настоящее время мы въ пескахъ Египта находимъ цѣлую массу греческихъ папирусовъ. Среди нихъ есть цѣлая серія квитанцій, выданныхъ Птолемеевскими арендаторами податей плательщикамъ—есть ли такая квитанція литературное произведеніе? Конечно изслѣдователь литературы можетъ съ великой радостью встрѣтить находку такой квитанціи для какой нибудь аккадійской литературы, почти не имѣющей памятниковъ, потому что будетъ надѣятся добиться благодаря ей какихъ нибудь важныхъ съ точки зрѣнія его спеціальныхъ задачъ выводовъ, какихъ онъ безъ нея не могъ бы получить,—но это сдѣлало бы нашу квитанцію отличнымъ матеріяломъ для исторіи литературы, не сдѣлавъ ея ея объектомъ. Мы имѣемъ отъ древности цѣлый рядъ декретовъ—народъ и совѣтъ аѳинскій признаютъ такого то другомъ и благодѣтелемъ, ибо онъ оказалъ такія-то услуги—есть ли этотъ декретъ литературное произведеніе? Благодарственная надпись хорега—драгоцѣнный матеріялъ для историка литературы, но становится ли она благодаря этому литературнымъ произведеніемъ? Надгробная надпись: Такой-то родился тогда то, скончался тогда то и т. д.—не есть литературное произведеніе—это легко признаютъ всѣ. А надпись, составленная Симонодомъ? Тутъ вопросъ перестанетъ быть такимъ простымъ.

Повторяю, вопросъ о томъ, что считать литературнымъ произведеніемъ, въ высокой мѣрѣ сложенъ и труденъ; я не взялся бы теперь дать на него вполнѣ опредѣленный отвѣтъ. Но для нашей спеціальной цѣли вопросъ этотъ можетъ быть упрощенъ. Намъ нѣтъ нужды опредѣлять, что такое литературное произведеніе вообще—намъ нужно только знать, что можно считать литературнымъ произведеніемъ съ точки зрѣнія историка литературы, какія изъ многочисленныхъ произведеній слова должны соста-

влять объектъ *его* изслѣдованія, какія имѣютъ для него значеніе. На эти упрощенные вопросы мы можемъ, мнѣ думается, дать отвѣтъ—тотъ или другой, въ зависимости отъ того, какъ мы будемъ смотрѣть на существо исторіи литературы и ея задачи.

Наиболѣе популярное опредѣленіе исторіи литературы гласитъ: исторія литература есть исторія политическихъ, общественныхъ, религіозныхъ, философскихъ и т. д. идей, поскольку они выразились въ словѣ.

Какъ ни широко это опредѣленіе, какъ ни симпатична цѣль, которую оно ставитъ изслѣдователю, едвали можно назвать его правильнымъ.

Исторія политическихъ, общественныхъ, религіозныхъ, философскихъ, идей—но обладаетъ ли историкъ литературы достаточными средствами для того, чтобы разработать эти идеи, не придется ли ему искать объектовъ—а объектами будутъ именно идеи—въ областяхъ совершенно выходящихъ изъ сферы его компетенціи. Едва ли есть какое нибудь явленіе, въ которомъ, какъ солнце въ малой каплѣ водъ, не отразились бы эти идеи, охватывающія все, о чемъ мыслитъ человѣкъ. Историкъ литературы не имѣетъ средствъ—, какъ историкъ литературы,—для того, чтобы изслѣдовать теченіе хотя бы религіозныхъ идей, отразившихся и въ конструкціи языка, и въ образахъ миѳа, и въ обрядахъ религіознаго ритуала, и въ складѣ вѣрованій человѣка и во всемъ укладѣ его психической жизни, его міровоззрѣніи, его личной, общественной, политической жизни. Говорятъ: по скольку они выразились въ словѣ—но разъ дѣло въ самихъ идеяхъ, то это ограниченіе не имѣетъ смысла. Ученный изслѣдователь долженъ использовать весь матеріялъ, долженъ использовать его всѣми средствами, которыя могутъ быть въ его распоряженіи; если я долженъ дать исторію идей, я *долженъ* ее дать, я не могу сказать, что данный источникъ для меня не обязателенъ—всякій для меня обязателенъ.

Но если мы и допустимъ, что историкъ литературы обладаетъ всѣми тѣми средствами, которыхъ требуетъ отъ него указанная нашимъ опредѣленіемъ задача, опредѣленіе отъ этого не выиграетъ. Исторія политическихъ идей имѣетъ свои специальные законы, такіе же законы присущи и развитію идей и общественныхъ и религіозныхъ и этическихъ и философскихъ—и изученіе ихъ относится къ области спеціальныхъ наукъ, вѣдающихъ имен-

но эти идеи. Между ними, этими специальными науками, и распадется содержание того, что объединяютъ подъ имененъ исторіи литературы— для нея не останется специальной задачи—, а стало быть она и перестанетъ быть особой наукой.

Можетъ ли имѣть исторія литературы свой специальный объектъ изслѣдованія. отличный по существу отъ объектовъ отдѣльныхъ наукъ, вѣдающихъ всѣ тѣ идеи, о которыхъ мы раньше говорили, имѣетъ ли она право на названіе самостоятельной науки?

A. Boekh въ своей системѣ филологическихъ дисциплинъ отличаетъ, между прочими науками:

Geschichte der Enzelwissenschaften—Darstellung des Ideenstoffes in seiner Vereinzelung.

Litteraturgeschichte—Darstellung der Verbindung von Ideenstoff und Sprachform.

Здѣсь не мѣсто входить ни въ подробный анализъ системы Бека, ни въ оцѣнку приведенныхъ его опредѣленій. Но въ основѣ и въ корнѣ мысли Бека даютъ намъ вѣрный ключъ къ рѣшенію занимающаго насъ вопроса.

Аристотель различалъ специальныя науки вродѣ напримѣръ медицины или геометріи отъ наукъ формальныхъ, общихъ, каковыми являются въ его системѣ діалектика и риторика. Медицина имѣетъ дѣло съ здоровымъ или больнымъ человѣкомъ, физика съ тѣмъ или другимъ по опредѣленному принципу выдѣленнымъ изъ ряда другихъ явленіемъ природы, государственная наука съ жизнью государства—всѣ они имѣютъ опредѣленный объектъ, опредѣленный, выражаясь языкомъ Бѣка, Ideenstoff.—Діалектика и риторика имѣютъ дѣло и съ здоровымъ и съ больнымъ человѣкомъ, и съ явленіями внѣшней природы, и съ государственной жизнью—словомъ со всѣмъ, что можетъ входить въ область человѣческой мысли, человѣческой рѣчи, они не имѣютъ опредѣленнаго объекта, опредѣленнаго Ideenstoff—и все таки они имѣютъ свою особую специальную задачу, дающую имъ право на самостоятельное научное существованіе—они изучаютъ не самые объекты, а пріемы мышленія безотносительно къ тому объекту, на который оно направлено, пріемы доказательства и убѣжденія, они суть науки о формахъ нашего мышленія.

Такой же формальной наукой является наука о литературѣ. Литература не имѣетъ опредѣленнаго объекта, ибо все, что существуетъ въ мірѣ, можетъ составлять ея объектъ; она есть извѣстная связь идейнаго содержанія съ словесной формой, извѣстный пріемъ, которымъ это идейное содержаніе облекается въ форму человѣческой рѣчи, опа есть форма. Исторія литературы является такимъ образомъ исторіей литературныхъ формъ, тѣхъ способовъ, которыми производится та Verbindung von Ideenstoff und Sprachform, о которой говоритъ Бёкъ.

Такимъ образомъ, исторія литература пріобрѣтаетъ свое особое содержаніе, независимое отъ всей той многосложности идей, которыя перерабатываетъ литература—я говорю о независимости теоретической; она имѣетъ свои спеціальныя задачи, свои спеціальные законы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшается и вопросъ о томъ, что должна считать литературнымъ произведеніемъ исторія литературы—въ своихъ спеціальныхъ цѣляхъ; если она изслѣдуетъ развитіе формъ, то въ кругъ ея занятій входятъ только тѣ произведенія слова, которыя представляютъ собой извѣстную ступень въ этомъ развитіи, которыя для этого развитія имѣютъ значеніе. Каждое произведеніе, представляющее собой особый способъ соединенія »идейнаго содержанія« съ «словесной формой» важно для историка литературы, будетъ ли то поэма или надгробпая надпись.

Я не говорю этимъ ничего новаго—историки литературы всегда и неизмѣнно обращали самое усиленное вниманіе на писателей, вся заслуга которыхъ сводится къ созданію новыхъ формъ. Горгій очень немного внесъ въ тотъ запасъ идей, которыми жили греки—и не въ нихъ его значеніе, но онъ создалъ художественную прозу, онъ создалъ новую художественную форму—и для историка литература онъ имѣетъ неизмѣримое, до сихъ поръ не оцѣненное въ достаточной мѣрѣ, значеніе. Ливій Андроникъ даже и не создавалъ новыхъ формъ, онъ только пытался—и очень неудачно пытался—приспособить для пользованія римлянъ формы греческой литературы—онъ справедливо считается отцомъ римской литературы. Малербъ былъ составителемъ поздравительныхъ стихотвореніи на высокоторжественные случаи; идейное содержапіе его произведеній—за немногими исключеніями—равняется нулю; но онъ создалъ французскій классическій стихъ, онъ создалъ художественную форму такъ называемой ложноклассической поэзіи—и Буало списываетъ его

долгожданное появленіе въ французской литературѣ, какъ эпоху въ ея развитіи, какъ зарю ея будущаго совершенства. Даже жалкій и ничтожный Тредьяковскій занимаетъ свое и весьма почетное мѣсто въ исторіи русской литературы -- занимаетъ его, какъ одинъ изъ создателей тѣхъ литературныхъ формъ, въ которыхъ протекало дальнѣйшее развитіе русской литературы.

Но что такое литературная форма? Я не намѣренъ давать здѣсь исчерпывающаго опредѣленія этого понятія—я хочу только показать, какъ далеко вглубь литературнаго произведенія идетъ его изученіе съ точки зрѣнія правильно понимаемой формы.

То, что мы называемъ видами литературныхъ произведеній, есть только разная форма соединенія идейнаго содержанія съ словеснымъ выраженіемъ. Теоретически одинъ и тотъ же Ideenstoff можетъ вылиться въ различныя формы—можетъ быть выраженъ и въ эпической и въ лирической и въ драматической формѣ, можетъ быть обработанъ въ томъ или другомъ изъ многочисленныхъ видовъ, на которые распадаются указанныя основныя литературныя формы. Каждый изъ этихъ видовъ имѣетъ свои очень разнообразныя подраздѣленія—наша терминологія далеко еще не исчерпала всего этого разнообразія. Мы употребляемъ слово трагедія—но какъ сильно разнится форма античной трагедіи отъ формы трагедіи Корнелевской, отъ формы трагедіи Шекспировской, отъ той формы, которую трагедія получила въ рукахъ нѣмецкихъ новоклассиковъ. Но и въ предѣлахъ каждой изъ этихъ группъ нѣтъ единообразія. Композиція и стиль ранней Эсхиловской трагедіи сильно отличаются отъ композиціи и стиля Орестеи; она очень далека отъ той формы трагедіи, которую мы имѣемъ у Еврипида. Трагедія Сенеки гораздо ближе къ трагедіи Корнеля, чѣмъ къ „Семи противъ Ѳивъ“ Эсхила; каждый литературный видъ терпитъ многочисленныя и глубоко проникающія измѣненія—виды возникаютъ одинъ изъ другого, переходятъ одинъ въ другой. Повторяю, наши дѣленія слишкомъ неглубоко захватываютъ безконечное разнообразіе нашего литературнаго матеріяла. Мы говоримъ объ эпосѣ, лирикѣ, драмѣ—они не появились готовыми; нѣкогда существовалъ ихъ синкретизмъ, изъ котораго они постепенно выдѣлились, нѣкогда существовалъ ихъ синкретизмъ съ другими искусствами. Музыка, пляска, слово—все это было слито, все это только постепенно раздѣлялось и еще очень

поздно не раздѣлилось окончательно. Большіе или меньшіе остатки этого первоначальнаго синкретизма и искусствъ и видовъ мы замѣчаемъ въ отдѣльныхъ видахъ искуства, большая или меньшая степень наличности этихъ остатковъ создаетъ то безконечное разнообразіе формъ, которое далеко выходитъ за предѣлы нашихъ традиціонныхъ схемъ. Большее или меньшее присутствіе лирическаго элемента въ драмѣ, большая или меньшая роль въ ней хора—вотъ тѣ существенные признаки, которые отличаютъ различныя ступени формальнаго развитія ея; этотъ лирическій элементъ имѣетъ и свою жизнь и свои законы. Какъ строить лирическія партіи, въ какое отношеніе ставить ихъ къ партіямъ драматическимъ, въ какой мѣрѣ сохранять за ними ихъ чисто лирическій характеръ, въ какой мѣрѣ ставить ихъ въ органическую связь съ развитіемъ дѣйствія—все это вопросы, отъ различнаго рѣшенія которыхъ зависитъ и различіе въ формахъ трагедіи.

Но этимъ различіемъ »видовъ«, этимъ различіемъ внѣшнихъ—только до извѣстной степени внѣшнихъ—формъ выраженія »идейнаго содержанія«—вовсе не исчерпывается область явленій, обнимаемыхъ понятіемъ литературной формы.

Литературное произведеніе есть фактъ въ высшей степени своеобразный. По существу оно не имѣетъ реальнаго существованія. Реально существуетъ только извѣстный матеріялъ—папирусъ, пергаментъ, бумага, кирпичъ, камень, покрытый тѣми или другими знаками. Этотъ реальный предметъ не есть литературное произведеніе. Литературное произведеніе есть произведеніе слова; какъ таковое оно есть явленіе того же типа, къ которому принадлежитъ и языкъ. И языкъ реальнаго существованія не имѣетъ. Существуетъ только нѣкоторая способность, нѣкоторый психическій укладъ, проявляющійся тѣмъ или другимъ сочетаніемъ звуковъ; языка нѣтъ—есть отдѣльно произносимые звуки и ихъ сочетанія. Слово рождается, когда мы его произносимъ, оно умираетъ, когда мы его произнесли. Оно существовало до его произнесенія, какъ извѣстное психическое движеніе въ говорящемъ, оно послѣ произнесенія продолжаетъ существовать, какъ извѣстный психическій результатъ въ слушавшемъ его. Такой же психическій актъ есть и литературное произведеніе. И оно безпрестанно рождается и умираетъ, оно живетъ во внѣ только въ тотъ моментъ, когда его—употреблю широкое выраженіе—исполняютъ,

существуя до того въ душѣ исполняющаго, послѣ того въ душѣ слушающаго. Оно есть психическій актъ—двойной актъ воспріятія—воспріятія творца, воспріятія того, кто его слушаетъ. Но для слушателя оно есть актъ воспріятія уже воспринятаго и переработаннаго, для творца актъ воспріятія внѣшняго міра. Литературное творчество есть актъ воспріятія и возсозданія воспринятаго—литературная форма есть форма воспріятія, есть словесное выраженіе этой специфической формы воспріятія.

Такой формой воспріятія является прежде всего сюжетъ.

Каждый человѣкъ воспринимаетъ міръ своимъ своеобразнымъ способомъ, каждый человѣкъ соединяетъ свои его индивидуальностью образованныя воспріятія въ извѣстныя группы и комплексы представленій, невѣдомымъ для насъ психическимъ путемъ видоизмѣняющія основныя воспріятія. Въ душѣ нашей образуются извѣстныя созданія, являющіяся нашимъ индивидуальнымъ добромъ, нашимъ индовидуальнымъ способомъ видѣть міръ. Мы можемъ видѣть отдѣльныя вспышки гнѣва отдѣльныхъ лицъ, мы можемъ мыслить отвлеченное понятіе гнѣва, мы можемъ представлять себѣ гнѣвающагося Ахилла—все это будутъ только различныя формы, которыми наша душа перерабатываетъ наши воспріятія внѣшняго міра—и все это можетъ явиться сюжетомъ воспроизведенія нашихъ представленій, называемаго литературнымъ произведеніемъ. Нашъ Ideenstoff ищетъ себѣ формы—мы даемъ ее въ томъ или другомъ сюжетѣ. Этотъ сюжетъ можетъ быть намъ данъ, можетъ быть нами созданъ—въ томъ или другомъ случаѣ наша творчески-формирующая дѣятельность по существу одна и та же, разнится она по степени своего примѣненія.

Творцу Иліады сюжетъ былъ данъ, но онъ только въ его душѣ принялъ ту форму, въ которой мы его воспринимаемъ, онъ уже представлялъ его себѣ опредѣленнымъ образомъ, въ опредѣленной формѣ, онъ сталъ формой *его* представленія; сюжетъ, разсказывавшій о мести Ореста, былъ данъ и Эсхилу и Софоклу и Еврипиду—каждый изъ нихъ переработалъ его, для каждаго изъ нихъ онъ обратился въ форму *его* представленія—мы видимъ, въ какія различныя формы онъ отлился у каждаго изъ трехъ трагиковъ. Демосѳену былъ данъ тотъ рядъ фактовъ, который составляетъ сюжетъ его рѣчи противъ Неэры, но эти факты стали его душевнымъ имуществомъ, они переработались въ его сознаніи, соединились, расположились, сгруппировались въ его сознаніи—они были возсоз-

даны имъ въ томъ видѣ, въ какомъ создались въ его душѣ. И тамъ, гдѣ самые факты созданы творцомъ—какъ рѣдки эти случаи во всемірной литературѣ—процессъ этого образованія только напряженнѣй—Ideenstoff Сервантеса долженъ былъ искать себѣ непосредственно новой формы, онъ непосредственно, безъ помощи уже существующей формы, долженъ былъ отлиться въ живое представленіе новаго сюжета—не здѣсь мѣсто говорить, насколько вліяли на выработку этого представленія другія уже готовыя формы пластическихъ сюжетовъ, другія уже отлившіяся представленія. По существу, повторяю, всѣ эти процессы сходны, сходны и въ поэтическомъ и прозаическомъ произведеніи.

Несомнѣнно, литература служитъ выраженіемъ и философскихъ и религіозныхъ и общественныхъ и многихъ другихъ идей. Сознательно или безсознательно, съ цѣлью или безъ нея, творецъ всегда выражаетъ ихъ, но онъ выражаетъ ихъ либо во видѣ разсужденія—здѣсь можно до извѣстной степени говорить объ отсутствіи сюжета—либо въ видѣ живыхъ фактовъ, образовъ и т. п. Идея можетъ быть одна, этихъ фактовъ, этихъ сюжетовъ можетъ быть много, *теоретически* могутъ быть выбраны самые различные сюжеты для выраженіи этой общей идеи - можетъ быть нѣсколько формъ ея выраженія.

Если мы ближе вдумаемся въ понятіе литературной формы, то мы увидимъ, что оно обнимаетъ и многіе другіе отличительные признаки литературнаго произведенія.

Литературное произведеніе есть всегда или почти всегда изображеніе жизни. Но жизнь, какъ она есть, не можетъ быть изображаема ни въ пластикѣ, ни въ словѣ. Новѣйшее натуралистическое, даже самоновѣйшее импрессіонистки—натуралистическое направленіе только думаетъ, что оно изображаетъ жизнь неизмѣнной. Литературное произведеніе—кинематографъ немыслимо—стоитъ только подумать, сколько моментальныхъ снимковъ пришлось бы сдѣлать только для того, чтобы воспроизвести хотя бы одинъ день. Жизнь состоитъ изъ безконечнаго множества мельчайшихъ событій и событьицъ, сосуществующихъ или слѣдующихъ одно за другимъ въ полномъ, по крайней мѣрѣ, кажущемся безпорядкѣ. Изобразить ихъ всѣ значило бы создать полную путаницу, путаницу безполезную—къ чему намъ изображеніе жизни, когда мы видимъ самую жизнь?—но и невозможную; описаніе дня заняло бы наше

вниманіе больше, чѣмъ на день, ибо описаніе каждаго момента было бы продолжительнѣй самаго момента. Всякое искусство вынуждено дѣлать выборъ изъ подлежащаго описанію матеріала. Одинъ и тотъ же матеріалъ можетъ послужить предметомъ описанія для художниковъ, совершенно различно смотрящихъ на задачу выбора подлежащихъ воспроизведенію сторонъ этого матеріала—у каждаго изъ нихъ описаніе одного и того же объекта выйдетъ другимъ, приметъ другую форму. Тотъ или другой способъ такого выбора есть та или другая форма литературнаго произведенія.

Я думаю, что то, что мы называемъ литературнымъ направленіемъ, въ значительной, по крайней мѣрѣ, степени сводится къ такой разности выбора, что и понятіе литературнаго направленія есть только видовое понятіе родоваго понятія литературной формы, думаю, напримѣръ, что къ такому отличію формы можно въ значительной мѣрѣ свести отличіе между двумя наиболѣе существенно различающимися, наиболѣе важными литературными направленіями, двумя полюсами, между которыми найдутъ себѣ мѣсто, ближе то къ одному, то другому, всѣ извѣстныя намъ направленія всемірной литературы—я говорю о направленіяхъ классическомъ и реалистическомъ. По существу отличіе это можно выразить, какъ отличіе между искуствомъ централизованнымъ и децентрализованнымъ; чтобы объяснить эти странно звучащіе, не вошедшіе въ общее употребленіе термины, позволю себѣ прибѣгнуть къ примѣру изъ области далекаго отъ литературы рода искусства—архитектуры.

Предъ нами Дрезденскій Цвингеръ, характерный образчикъ стиля рококо. Художникъ задался цѣлью произвести на васъ извѣстное впечатлѣніе—онъ и производитъ его рядомъ частностей; вся громадная поверхность зданія состоитъ изъ безконечнаго числа разнообразнѣйшихъ отдѣльныхъ, каждый собой дѣйствующихъ орнаментовъ, завитушекъ, изгибовъ—каждая точка, каждая линія, каждая частичка украшена возможно болѣе самостоятельнымъ отъ другихъ точекъ, частичекъ образомъ, каждая стремится произвести на васъ свое, самостоятельное впечатлѣніе. Общее впечатлѣніе должно складываться именно въ васъ—художникъ самъ не централизовалъ ни своей орнаментики, ни желаемаго имъ впечатлѣнія.

Сравните съ этимъ совершеннѣйшее изъ произведеній ренессанса —

Римскую Cancelleria. Здѣсь нѣтъ ни одной точки, которая, привлекая ваше вниманіе къ себѣ, отвлекала бы его отъ цѣлаго, нѣтъ роскошной орнаментировки отдѣльныхъ частей, нѣтъ частей, которыя выскакивали бы изъ общей рамки; здѣсь все просто, строго, отдѣлано лишь настолько, чтобы способствовать общему впечатлѣнію, здѣсь нѣтъ ничего, что было бы излишне для него, этого общаго впечатлѣнія, которое является какъ результатъ совокупнаго гармоничнаго, централизованнаго въ одномъ направленіи дѣйствія отдѣльныхъ частей.

Стиль ренессанса—стиль централизованнаго искусства, стиль рококо—стиль искусства децентрализованнаго. Ренессансъ отбрасываетъ все не ведущее непосредственно къ цѣли, рококо, иногда забывая о цѣли, съ любовью разрабатываетъ каждую частность.

Тоже—конечно mutatis mutandis—можно сказать о классическомъ и реальномъ—во всѣхъ ихъ многочисленныхъ разновидностяхъ—направленіяхъ литературы.

Классицизмъ отбрасываетъ все то, что не нужно непосредственно для его цѣли. Изображая извѣстный житейскій конфликтъ, онъ начисто отбрасываетъ всѣ безчисленныя случайности, которыя въ дѣйствительной жизни своей неразрывной сѣтью оплетаютъ каждую изъ вступающихъ въ этотъ конфликтъ силъ. Въ жизни и борются не силы, а люди, а люди находятся среди всѣхъ условій реальной жизни. Уваженіе къ матери и долгъ мести борются въ Орестѣ—но въ немъ есть не только одни эти чувства: Орестъ и ѣстъ, и спитъ, и одѣвается, и путешествуетъ, совершаетъ рядъ дѣйствій, не относящихся къ тому, которое создаетъ трагедію, переживаетъ рядъ чувствъ, не имѣющихъ отношенія къ тѣмъ, конфликтъ которыхъ желаетъ изобразить поэтъ. Федра не есть одна только преступная страсть—она царица, супруга, мать, госпожа, она существо со всѣми потребностями бреннаго человѣческаго тѣла, человѣкъ, живущій среди всѣхъ тѣхъ условій, которыя создаетъ обыденная человѣческая жизнь. Поэтъ классикъ отбрасываетъ всѣ эти неизбѣжно присущія реальной человѣческой жизни черты, онъ, какъ анатомъ нервъ, отпрепарировываетъ ту страсть, или тѣ страсти, которыя желаетъ изобразить, концентрируетъ на ихъ изображеніи всю силу своего таланта, устраняетъ изъ своего изображенія все то, что могло бы отвлекать отъ этихъ именно изображаемыхъ имъ сторонъ жизни—и великая тайна

поэтическаго генія заключается именно въ томъ, что мы получаемъ впечатлѣніе не мертвой схемы, не отвлеченнаго изображенія чувства мести, чувства половой страсти, а живые, захватывающіе насъ образы Ореста и Федры.

Поэтъ реалистъ поступитъ иначе; онъ изобразитъ—конечно въ выборѣ—тѣ условія реальной жизни, среди которыхъ развивается и Орестъ и Федра, изобразитъ и Ореста и Федру во всѣхъ сторонахъ ихъ характера, обратитъ вниманіе на каждую изъ нихъ; онъ не сосредоточится на одномъ изображеніи страсти, а выработаетъ всѣ детали жизни, среди которой эта страсть разыграется, онъ дастъ живыя фигуры—не болѣе, не менѣе живыя, чѣмъ тѣ, которыя создаетъ классикъ. Результатъ будетъ одинъ и тотъ же—разниться будетъ только процессъ, которымъ получится одинаковое въ томъ и другомъ случаѣ впечатлѣніе, способъ, которымъ дѣйствовали оба художника, форма, въ которую облекли общій Ideenstoff оба художника—облекли не строго намѣрено; оба разно представляютъ себѣ свой общій Ideenstoff—разница формъ изображенія есть разница формъ представленія реалиста и классика*).

Художникъ изображаетъ гнѣвнаго отца, мстящаго неблагодарнымъ дѣтямъ.

Софоклъ повѣтствуетъ намъ о несчастномъ Эдипѣ, проклинающемъ дѣтей; мы только объ этомъ и узнаемъ—всѣ тѣ мелочи обыденной жизни, среди которыхъ онъ въ этотъ моментъ находится, оставлены въ сторонѣ; одно душевное движеніе, одно во всей его наготѣ, возстаетъ предъ нами, не разсѣиваемое, не оттѣняемое ничѣмъ этому душевному движенію посторонним.

Лиръ оскорбленъ своими дочерьми; поэтъ не скупится и на описаніе того антуража, среди котораго развивается страсть несчастнаго старика, но старается и не отвлекать деталями нашего вниманія отъ центральнаго факта этой страсти. Но онъ вводитъ новый способъ, новую форму; онъ дѣйствуетъ, такъ сказать, на два фронта—и прямымъ описаніемъ страсти Лира и обратнымъ оттѣненіемъ ея на фонѣ про-

*) Я употребляю эти термины не потому, что считаю ихъ вѣрными, а потому, что они вошли въ употребленіе; разъясненіе неправильности ихъ отвлекло бы меня отъ моей непосредственной задачи.

тивоположныхъ настроеній; рядомъ съ Лиромъ онъ изображаетъ комичнаго шута, веселыя шутки котораго только рельефнѣй обрисовываютъ высокій трагизмъ положенія. У древняго всѣ силы дѣйствуютъ по одному направленію, всѣ струны настроены въ одинъ тонъ—Шекспиръ настраиваетъ ихъ различно; гармонія все таки получается.

Того же гнѣвнаго отца изображаетъ и великій современный поэтъ-реалистъ. „Степной король Лиръ" также проклинаетъ своихъ дѣтей, какъ и его предшественникъ на британскомъ престолѣ, какъ несчастный Өиванскій слѣпецъ—, но мы узнаемъ и о томъ, каковъ былъ его ростъ, его лицо, волосы, одежда, знаемъ, какой запахъ онъ носитъ съ собой, знаемъ его, какъ дворянина, помѣщика, хозяина, знакомимся съ его квартирою, его дрожками, его конемъ, его казачкомъ, знакомимся съ его дочерьми, мужемъ одной изъ нихъ, претендентомъ другой—узнаемъ весь антуражъ обыденной деревенской жизни мелкопомѣстнаго барина. Предъ нами цѣлая масса деталей реальной жизни, цѣлая масса частностей, отвлекающихъ отъ изображенія страсти; художникъ не сконцентрировалъ всѣхъ силъ своего таланта на ней—и великая тайна его великаго поэтическаго дара въ томъ, что мы все таки получаемъ одно общее цѣльное впечатлѣніе.

Тутъ одинъ общій Ideenstoff, но три различныхъ направленія, три различныхъ литературныхъ формы.

Если все вышесказанное вѣрно, то вѣрно и то, что изслѣдованіе формы литературнаго произведенія вовсе не скользитъ по его поверхности, а очень, и очень глубоко проникаетъ въ его суть, что исторія литературы, изслѣдуя исторію литературныхъ формъ, касается въ очень значительной мѣрѣ самого существа изучаемыхъ ею литературныхъ явленій.

Но возможна ли исторія литературы? Имѣютъ ли литературныя формы свою исторію?

Недостаточно одного факта смѣны литературныхъ формъ для того, чтобы мы считали себя вправѣ строить исторію этихъ формъ; исторія возможна только тогда, когда подлежащіе историческому построенію факты находятся не въ одной только случайной временной, но и въ необходимой причинной связи. Существуетъ ли такая причинная связь между смѣняющими другъ друга явленіями въ сферѣ литературныхъ формъ, смѣняетъ ли только одна форма другую, или одна порождаетъ другую?

Несомнѣнно, что каждая литературная форма обладаетъ такими свойствами, которыя опредѣляютъ собой либо вполнѣ, либо отчасти слѣдующую за ней во времени и зависящую отъ нея по принципу причинности форму. Это ясно a priori, это доказывается изученіемъ фактовъ.

Созданіе новой формы есть дѣло высшей изобрѣтательности; каждый новый пріемъ дается только съ большимъ трудомъ. Но разъ этотъ новый пріемъ найденъ, за него съ радостью ухватываются, какъ за готовое средство, наиболѣе легко служащее своей цѣли. Мы не достаточно анализировали литературныя формы, чтобы въ полной мѣрѣ оцѣнить этотъ законъ въ области литературныхъ явленій, но исторія пластическихъ искусствъ даетъ намъ рядъ аналогій, какъ нельзя лучше разъясняющихъ его значеніе. Когда художникъ впервые научился искусству изображать руки не плотно прижатыми къ тѣлу, это было великимъ открытіемъ—и этимъ открытіемъ воспользовался цѣлый рядъ преемниковъ мастера—творца; созданная имъ форма воспроизводилась изъ поколѣнія въ поколѣніе. Невѣдомый намъ мастеръ разрѣшилъ проблемму изображенія бѣгущаго человѣка при помощи высоко безобразнаго пріема, технически называемаго Knielauf—и этотъ пріемъ находитъ себѣ въ теченіе долгихъ лѣтъ подражателей. Задача изображенія летающаго существа впервые—для насъ впервые—разрѣшена въ Никѣ Архемора—и слѣды этого разрѣшенія задачи мы находимъ и въ Никѣ Пеонія и даже въ Никѣ Самоѳракійской, какъ ни далеки эти совершенныя произведенія искусства отъ полудѣтской статуи Архемора.

Разъ созданныя форма становится традиціей, на ней учатся поколѣнія, къ ней привыкаютъ и художникъ и тотъ, для кого работаетъ художникъ; всякое нововведеніе является измѣненіемъ этой традиціонной формы, на ней основаннымъ, къ ней примѣняющимся—различныя смѣняющіяся формы являются развитіемъ извѣстныхъ первоначальныхъ типовъ, направленіе, въ которомъ происходитъ это измѣненіе, опредѣляется—конечно не исключительно—свойствами этихъ первоначальныхъ типовъ.

Литературная форма измѣняется постепенно и послѣдовательно, она рождается, измѣняется, живетъ и умираетъ. Мы можемъ слѣдить эту жизнь, можемъ создать исторію этого развитія. Нѣтъ ничего поучительнѣй, какъ слѣдить за ходомъ развитія напримѣръ французскаго эпоса—

слѣдить за тѣмъ, какъ на почвѣ первоначальныхъ кантиленъ выростаетъ героическая поэма, какъ отдѣльныя поэмы сближаются между собой въ силу закона циклизаціи, какъ германская поэзія chansons des gestes сближается съ бретонской поэзіей романовъ, какъ она, постепенно разлагаясь, переходитъ въ прозаическій романъ, какъ изъ пѣсни франкскаго эделинга она становится романомъ французскаго рыцаря и кончаетъ свое существованіе въ качествѣ народной книги французскаго буржуа и въ видѣ лубочной книжки попадаетъ въ корзину русскаго офени. Изъ лирическихъ пѣсенъ греческихъ хоровъ выростаетъ греческая трагедія—отъ полулирической трагедіи Эсхила мы переходимъ къ сильно драматической трагедіи Еврипида—и ея форма преображается въ форму комедіи Менандра—, выросшей изъ Еврипидовской трагедіи, а вовсе не изъ старой комедіи Аристофана.

Вглядимся въ послѣдній примѣръ. Почему произошло это послѣднее измѣненіе, почему въ результатѣ движенія, въ началѣ котораго стоитъ Прометей, является „хвастливый воинъ" съ своимъ многочисленнымъ потомствомъ, къ которому принадлежатъ и „Мнимый больной" Мольера и „Севильскій цирульникъ" Бомарше и даже и „Недоросль" и „Горе отъ ума" и „Ревизоръ" и „Бѣдность не порокъ"

Греческая трагедія создалась въ періодъ высокаго героическаго подъема духа. Еще не не окончились греко-персидскія войны, когда горсть грековъ совершила невѣроятное. Старыя традиціи оставались еще нетронутыми, старыя вѣрованія въ боговъ и героевъ, поддерживавшіе грековъ въ годину бѣдствій, вели еще ихъ къ побѣдамъ. Эту силу героическаго духа, вѣрящаго въ великое и совершившаго великое, и вылили греки въ формѣ своей трагедіи.

Но времена измѣнились, измѣнилось и настроеніе греческаго мира, измѣнились взгляды, убѣжденія, вѣрованія. Мѣсто грандіозныхъ концепцій Эсхила замѣнили новыя, болѣе философскія, но менѣе возвышенныя идеи Эврипида—и эти новыя идеи, влагаясь въ старую форму »высокой« трагедіи, становились съ ней въ противорѣчіе—новое содержаніе не ладило съ формой—форма разложилась и приспособилась къ новымъ идеямъ.

Форма не есть явленіе случайное. Только чисто теоретически можно сказать, что одно и то же содержаніе можетъ отлиться въ ту или другую

призвольно выбираемую форму. Фактически каждое содержаніе стремится, если можно такъ сказать, къ одной опредѣленной формѣ, не мирясь ни съ какой другой; это фактъ, который отлично знаетъ всякій художникъ, который извѣстенъ всякому, кто внимательно изучалъ произведенія литературы и искусства.

Если это такъ, то каждая данная литературная форма стоитъ подъ вліяніемъ не только предшествующей литературной формы, но и подъ вліяніемъ тѣхъ идей, которыя въ ней выражены—а такъ какъ исторія философіи, религіи, общественной жизни, показываютъ намъ, что идеи, составляющія объектъ этихъ наукъ съ одной стороны, составляющіе содержаніе литературныхъ произведеній съ другой, имѣютъ свою исторію, развиваются не въ случайной временной, а въ необходимой причинной связи, то ясно, что и литературныя формы имѣютъ свою исторію, опредѣляющуюся не только одними самимъ формамъ присущими свойствами, но и вліяніемъ тѣхъ идей, которыя въ данныхъ формахъ выражаются. Для уясненія этой исторіи, стало быть, недостаточно изученія однихъ формъ, нужно и изученіе идей—съ той только особенностью, что это послѣднее является не цѣлью, какъ въ спеціальныхъ наукахъ, а средствомъ, служащимъ основной цѣли исторіи литературы— изученію исторіи развитія литературныхъ формъ.

Въ этой двусторонней задачѣ исторіи литературы и лежитъ объясненіе того высокого общеобразовательною значенія, которое всегда и съ полнымъ правомъ ей приписываютъ. Литература есть главная носительница всѣхъ тѣхъ идей, которыя выработывало человѣчество—изученіе литературы является посредникомъ между идеями нынѣшняго и идеями прошлаго, исторія литературы является сокровищницей всего того, что пережито и передумано человѣчествомъ.

Развитіе и совершенствованіе формы есть не что иное, какъ борьба за соотвѣтствіе между содержаніемъ и внѣшнимъ его выраженіемъ. Полное соотвѣтствіе этихъ двухъ началъ есть прекрасное. Литературная форма въ ея совершенныхъ моментахъ есть идея въ ея прекрасномъ выраженіи. Исторія литературы есть наука, показывающая, какъ создается эта совершенная форма, какъ создается прекрасное—, какъ является безобразное. Она изслѣдуетъ законы, для нея равно важны и высокое и низкое, и прекрасное и безобразное—, она знакомитъ и съ тѣмъ и съ другимъ,

она объясняетъ и то и другое—изучающему остается сдѣлать выводы; она вводитъ его въ храмъ высокаго и прекраснаго—ему остается войти въ него.

Литературѣ древнихъ принадлежитъ свое высоко почетное мѣсто въ наукѣ исторіи литературы—и какъ наукѣ и какъ общеобразовательному предмету. Древніе создали литературныя формы, древніе высоко цѣнили совершенныя формы, древнія литературы больше, чѣмъ всѣ литературы современныхъ древнимъ и послѣдующихъ народовъ, сумѣли найти то соотвѣтствіе между формой и содержаніемъ, которое составляетъ красоту. Древняя литература вводитъ насъ въ царство высшей изъ всѣхъ идей—идеи чистой человѣчности, чистой оцѣнки человѣка, какъ человѣка въ наиболѣе высокихъ проявленіяхъ его дѣятельности, древняя литература нашла для этой высшей изъ идей наиболѣе совершенную форму. Проникнуться этой идей, научиться наслаждаться той совершенной красотой, въ сіяніи который проявилась она въ произведеніяхъ древняго искусства—вотъ та высокая награда, которая ждетъ всякого, кто всѣмъ сердцемъ отдается изученію древнихъ литературъ; объяснить возникновеніе этой совершенной и прекрасной формы, объяснить тѣ пути, которыми она создавалась, развивалась, видоизмѣнялась, падала и возраждалась въ новой формѣ, вотъ та высокая цѣль, которую ставитъ себѣ наука исторіи античныхъ литературъ.

М. Н. Сперанскій.

Памяти

В. В. Качановскаго.

Проф. Историко-филологическаго Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ.

НѢЖИНЪ
Типо-Литографія М. В. Глезера.
1901.

Печатается по постановленію Конференціи Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко.

Директоръ Ф. Гельбке.

11-го апрѣля 1901 г. въ Нѣжинѣ скончался послѣ продолжительной болѣзни ординарный профессоръ Института *Владимiръ Васильевичъ Качановскiй*, занимавшiй въ теченiи двѣнадцати слишкомъ лѣтъ (съ 1-го сентября 1888 г.) въ Институтѣ каѳедру церковно-славянскаго языка, исторiи русскаго языка и славянскихъ нарѣчiй. Не приводя бiографическихъ данныхъ о покойномъ, такъ какъ еще за годъ до смерти онъ самъ сообщилъ ихъ въ печати[1]), а также не перечисляя многочисленныхъ и разнообразныхъ трудовъ умершаго слависта, какъ отмѣченныхъ подробно имъ же самимъ въ той же автобiографiи, мы считаемъ себя обязанными помянуть В. В. Качановскаго, только какъ ученаго и профессора-преподавателя, дать посильную оцѣнку этой дѣятельности, насколько такая оцѣнка возможна въ настоящее время[2]). Еще воспитанникомъ Варшавскаго университета началъ онъ свою ученую дѣятельность, получивъ золотую медаль, еще студентомъ 3-го курса, за сочиненiе по сербской исторiи (1875); эта же сербская исторiя заключила и его двадцатипятилѣтнюю ученую дѣятельность: «Исторiя Сербiи съ половины XIV до конца XV вѣка» (1899) была послѣдней крупной по объему его научной работой, долженствовавшей стать его докторской диссертацiей, до защиты которой дожить ему не довелось. Двадцатипятилѣтнiй перiодъ жизни покойнаго ученаго полонъ былъ дѣятельностью: въ этомъ убѣждаютъ уже тѣ двѣсти слишкомъ статей, большихъ и маленькихъ, которыя

---

[1]) Ист.-Фил. Инст. кн. Безбородко. 1875—1900 (Нѣжинъ 1900), стр. 31—38.

[2]) Ср. краткую замѣтку проф. М. Н. Бережкова по поводу кончины В. В. Качановскаго («Кiевлянинъ», 1901 г., № 106).

составляютъ списокъ его ученыхъ трудовъ. Списокъ этотъ въ тоже время говоритъ не только о плодовитости автора, но также и о разнообразіи этой дѣятельности: въ этомъ перечнѣ мы найдемъ труды по всѣмъ областямъ изученія славянства: не только по исторіи, но и по языкамъ, не только по литературѣ, но и древностямъ, археологіи; въ этомъ же спискѣ мы встрѣтимъ яркіе слѣды интереса покойнаго профессора не къ одной либо какой излюбленной славянской народности: здѣсь есть труды и замѣтки и по церковно-славянской старинѣ и по языкамъ, литературѣ и исторіи любой славянской народности. Все это должно говорить несомнѣнно о разносторонности не только интересовъ, но и познаній В. В. Качановскаго. Присматриваясь же ближе къ этому длинному ряду статей, мы можемъ уловить и нѣкоторую внѣшнюю и отчасти внутреннюю связь въ этой пестрой вереницѣ заглавій: большинство работъ небольшаго объема, которыми наполненъ списокъ, стоитъ въ связи съ дѣятельностью покойнаго въ качествѣ ученаго критика, считавшаго своимъ долгомъ отзываться печатно на всякое явленіе въ жизни славянства, стоющее, по его мнѣнію, вниманія; съ внѣшней стороны эта дѣятельность объединялась тѣми изданіями, въ которыхъ трудился скончавшійся; такими изданіями были преимущественно: «Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», гдѣ съ 1877 года и почти до кончины печаталъ В. В—чъ, «Критическое Обозрѣніе», гдѣ въ 1879 г. помѣщалъ онъ свои статьи, и особенно «Вѣстникъ Славянства», журналъ имъ самимъ основанный и издававшійся (о чемъ скажемъ нѣсколько словъ ниже), наконецъ «Историческій Вѣстникъ», гдѣ началъ сотрудничать онъ не задолго до смерти. Это уже чисто внѣшнее обстоятельство, взятое вмѣстѣ съ несомнѣнной наклонностью къ критикѣ, дѣлаетъ для насъ вполнѣ возможнымъ и правильнымъ раздѣленіе ученыхъ трудовъ покойнаго проф. Качановскаго на двѣ группы: рецензіи, критическія статьи преобладающія въ спискѣ трудовъ В. В—ча, и работы «положительнаго» (если такъ можно выразиться условно) характера, т. е. такія, гдѣ надъ критикой чужаго труда беретъ перевѣсъ разработка самостоятельно поднятыхъ и самостоятельно же разрѣшаемыхъ вопросовъ, разработка, введеніе въ общій оборотъ новыхъ идей, новыхъ матеріаловъ. Чтобы долго не останавливаться на первой группѣ работъ В. В—ча, коснемся ихъ слегка: мы будемъ правы, поступая такимъ образомъ, потому что извѣстна

сравнительная цѣнность въ научной литературѣ работъ того и другого характера, извѣстно значеніе тѣхъ и другихъ для оцѣнки научной дѣятельности человѣка. Это будетъ въ особенности справедливо по отношенію къ Качановскому: большинство его рецензій, помѣщавшихся въ указанныхъ журналахъ, содержитъ по преимуществу изложеніе содержанія тѣхъ или другихъ выдающихся работъ, преимущественно вышедшихъ на иноземныхъ, въ томъ числѣ славянскихъ языкахъ; это изложеніе то здѣсь, то тамъ сопровождаютъ замѣтки критическаго характера, вносящія либо поправки, либо, рѣже, дополняющія сказанное, либо, чаще всего, отвергающія высказанное въ излагаемой работѣ. (ср. въ перечнѣ номера: 3, 4, 7, 8, 9, 10, 11, и т. д.). Въ этомъ значеніе и заслуга этой стороны дѣятельности покойнаго Качановскаго: какъ обладавшій разнообразными интересами, широко понимавшій задачи изученія славянства, онъ знакомилъ насъ съ цѣлымъ рядомъ трудовъ иногда объективно, иногда присоединяя свою окраску, освѣщеніе. Еще нагляднѣе эта сторона дѣятельности покойнаго стала для насъ, когда началъ онъ издавать свой «Вѣстникъ Славянства» (съ 1888 года): всѣ вышедшія 11 книжекъ этого небольшого изданія, можно сказать, проникнуты этимъ направленіемъ, если не считать сравнительно немногихъ работъ и замѣтокъ такъ называемаго «положительнаго» характера. Оно и понятно: журналъ этотъ въ силу условій (которыхъ касаться здѣсь не мѣсто) для издателя и редактора сталъ средствомъ для того, чтобы дѣлиться съ своими немногочисленными читателями тѣми мелкими наблюденіями, которыя чуть не на каждомъ шагу являются у человѣка, занимающагося въ мало еще изѣданной области славистики, особенно если этотъ ученый отличается той широтой пониманія своихъ задачъ, какую мы отмѣтили; поэтому въ «Вѣстникѣ Славянства» мы встрѣтимъ рецензіи и справки и по исторіи инославянской, и русской, и по языкамъ славянскимъ и по литературѣ, и по современности (ср. № 160, 159, 168, 172, 177, 188, 206 и 7. д.).

Но эта черта ученой дѣятельности Качановскаго, невольно заставляя его разбрасываться въ своихъ работахъ, отнимая много времени и трудовой энергіи, отразилась тяжело на всей его дѣятельности: чѣмъ глубже онъ уходилъ въ свой «Вѣстникъ Славянства», тѣмъ рѣже и рѣже работы его въ другихъ направленіяхъ попадаются въ спискѣ его трудовъ, тѣмъ болѣе и болѣе эти работы перестаютъ носить цѣльный

характеръ, пріобрѣтая все чаще и чаще характеръ случайности. А заглянувши въ біографію покойнаго, мы въ этомъ убѣдимся еще болѣе: съ 1883-4 годовъ покойный Влад. В—чъ не выѣзжалъ изъ Россіи, дѣля время между Казанью и Нѣжиномъ, городами, которые не могутъ похвалиться обиліемъ свѣжаго матеріала для славянскаго ученаго; съ другой стороны напечатанныя имъ послѣднія работы: о Кормчей, апокрифич. молитвы (№№ 213, 214), сербскія полемическія соч. противъ латинянъ (Изв., т. XVIII),—ясно показываютъ, что авторъ ихъ пользуется неизданнымъ матеріаломъ, собраннымъ на мѣстѣ; иначе сказать: въ своихъ послѣднихъ работахъ «положительнаго» характера онъ долженъ былъ до извѣстной степени основываться на матеріалѣ, собранномъ еще въ первую половину своей дѣятельности, во время своихъ путешествій за границу и по Россіи, но до сихъ поръ не использованномъ ни самимъ собирателемъ, ни другими учеными. Это наблюденіе находитъ себѣ подтвержденіе и при изученіи упомянутой выше «Исторіи Сербіи въ XIVв и XVв вв.» (Изв. Инст., т. XVII.): она въ значительной своей долѣ представляетъ новую переработку раннихъ работъ автора, когда онъ былъ, такъ сказать, еще у самыхъ источниковъ своего матеріала: въ эту работу вошли цѣликомъ почти: «Сербскія житія и лѣтописи, какъ источникъ исторіи южныхъ славянъ» (№ 1; ср. Ист. Серб. гл. I, II.), «Византійскіе лѣтописцы....» (№ 3; ср. тамъ же, гл. VI), «Хорватскія лѣтописи» (№ 21; ср. гл. III); «Къ вопросу о литерат. дѣятельности Евѳимія» (№ 38); и «Новыя данныя для изученія литер. дѣят. Евѳимія» (№ 41; ср. гл. IV) и др. Констатируя такимъ образомъ измѣненіе характера научной дѣятельности проф. Качановскаго въ сторону «рецензій», этимъ самымъ мы обязываемся повнимательнѣе присмотрѣться къ той «положительной» его дѣятельности, которая должна главнымъ образомъ освѣтить намъ его дѣятельность, какъ ученаго, двигавшаго впередъ наше славяновѣдѣніе. Какъ было уже сказано, дѣятельность В. В. Качановскаго въ этомъ направленіи падаетъ на первую половину его ученой жизни. Дѣйствительно, въ это время (1876—1888) созданы и изданы имъ тѣ труды, которые выдвинули его, какъ ученаго, дали ему имя. Для удобства ознакомленія и оцѣнки этихъ трудовъ, удобнѣе всего разсмотрѣть ихъ, распредѣливши сочиненія покойнаго ученаго по тѣмъ славянскимъ національностямъ, коимъ они посвящены. Конечно,

остановимся только на наиболѣе крупныхъ и характерныхъ изъ его трудовъ. Начнемъ съ его работъ по болгарской исторіи и литературѣ (спеціальныхъ трудовъ по ц.-славянскому яз. и литературѣ, особенно выдающихся, не находимъ, если не считать изданія нѣсколькихъ текстовъ, восходящихъ отчасти въ своей исторіи къ этой эпохѣ болгарской народности, напр. № 37, 43, 121, и статей «по поводу», о коихъ рѣчь была выше). Этой народности посвящены наиболѣе выдающіеся и крупные по значенію труды Вл. В—ча: 1) «Nekolika spomenika za srbsku i bugarsku povjest (Starine jugosl. Akad., XII), гдѣ издано впервые нѣсколько важныхъ матеріаловъ для темной исторіи богомильства; 2) «Грамота Константина Асеня Зографскому монастырю» (Вѣст. Слав., III; ср. № 65); 4) «Славянскій списокъ описанія чудесъ Димитрія Солунскаго» (Христ. Чт. 1883, X; ср. № 39); 5) наиболѣе важны открытія Вл. В—ча въ области матеріаловъ для изученія эпохи патр. болгарскаго Евѳимія: а) «Къ вопросу о литературной дѣят. болгарскаго патр. Евѳимія» (Христ. Чт. 1887, II—III; № 38), б) «Новыя данныя для изученія литературн. дѣятельности патр. Евѳимія» (тамъ же, 1883, III—IV; № 41), в) «Новооткрытые на Аѳонѣ труды болгарск. патр. Евѳимія» (Вѣстн. Слав., III—IV, № 65). Грамота Асеня въ изданіи В. В. Качановскаго является въ болѣе полномъ и исправномъ видѣ, нежели до сихъ поръ въ изданіи И. И. Срезневскаго (Свѣд. и зам., LXXXI, 14) и ранѣе Шафарика, 1851 г.); новооткрытые же труды Евѳимія—изданіе по рукописи XIV в. литургіи, молитвъ патріарха—составляютъ приложеніе къ статьѣ о «Новыхъ данныхъ для изученія дѣят. Евѳимія», «Къ вопросу объ литературной дѣятельности....». Въ этихъ же послѣднихъ статьяхъ изданы съ соотвѣтствующими замѣтками: посланіе Евѳимія къ митр. Анѳиму, посланіе его же къ мниху Кипріану, проложное житіе Іоанна Рыльскаго, составленное Евѳиміемъ на основаніи полнаго житія—памятники, до тѣхъ поръ не бывшіе извѣстными—и посланіе къ Никодиму, изданное раньше, но крайне неисправно и неумѣло, при томъ по плохому списку. Во второй брошюрѣ по списку Зографскаго мон. имъ впервые частью изданъ, частью описанъ текстъ литургій, писанный и проредактированный тѣмъ же Евѳиміемъ; здѣсь же нѣсколько интересныхъ соображеній о судьбѣ патр. Евѳимія послѣ плѣненія его турками. Труды эти и особенно открытые новые матеріалы составляютъ неотъемлемую заслугу покойнаго ученаго.

Той же болгарской литературѣ, но уже иной ея области, именно народной болгарской поэзіи, посвященъ и другой трудъ В. В. Качановскаго; это—«Памятники болгарскаго народнаго творчества» (Вып. I: Сборникъ западно-болгарскихъ народныхъ пѣсенъ, съ словаремъ. Спб. 1882 г.—изъ XXI тома Сборн. отд. рус. яз. и слов. И. А. Н.). Чтобы нѣсколько яснѣе представить себѣ это собраніе и оцѣнить точнѣе трудъ собирателя, не лишнее будетъ сравнить, хотя бы по объему, изданное В. В—чемъ собраніе съ иными того же рода. Болгарская народная поэзія, особенно пѣсни, собранныя прямо изъ устъ народа, долгое время не имѣла своихъ работниковъ, какъ сербская, имѣвшая своего Вука Караджича, или русская, такъ обильно собиравшаяся Гильфердингомъ, Кирѣевскимъ, Рыбниковымъ и др.. Первое, небольшое собраніе (всего на 63 страницахъ) вышло, правда, еще въ 1842 г. (Ив. Богоева); за нимъ слѣдуетъ немного болѣе обширное собраніе Юрія Венелина (изд. Безсоновымъ въ 1855 г.), куда вошло цѣликомъ и собраніе Богоева, а также сербо-болгарскія пѣсни изъ извѣстныхъ «Додатковъ» къ С.-Петербургскимъ сравнительнымъ словарямъ (Вѣна 1822) В. Караджича—собраніе не критичное, далеко не всегда соблюдавшее научныя требованія. (ср. Теодоровъ, Българска литература (Пловд. 1896.), стр. 11); слѣдующимъ сборникомъ, охватившемъ только «женскія пѣсни» являются «Народне песме македонски бугара» С. И. Верковича (Београд., 1860, стр. 373), внушающія достаточно сомнѣній относительно правильности и даже подлинности пѣсенъ, какъ и позднѣйшее издѣліе того же собирателя, извѣстная «Веда словена, български народни пѣсни отъ прѣдисторично прѣдхристиянско доба» (Београд 1874 и Спб. 1881,—545 и 583 стр.). Хронологически слѣдовавшимъ и по значенію первымъ научнымъ собраніемъ пѣсенъ, при томъ значительнымъ по объему (542 стр.), являются извѣстныя «Български народни пѣсни», собранныя братьями Миладиновыми (Загребъ 1861). За ними и хронологически, и по объему стоятъ непосредственно пѣсни, собранныя В. В. Качановскимъ, ставшія почти единственнымъ крупнымъ источникомъ для ознакомленія съ народной болгарской поэзіей до 1889 г., когда редакція болгарскаго «Сборника за народни умотворения, наука и книжнина» (Журн. мин. нар. просв. въ Болгаріи) начинаетъ усиленно собирать пѣсни, отводя имъ значительную часть втораго отдѣла всякаго тома: сборникъ Миладиновыхъ вскорѣ по выходѣ сталъ библіографической

рѣдкостью и только въ 1891 г., будучи перепечатанъ (въ Софіи), является опять общедоступнымъ пособіемъ. Подобно сборнику Миладиновыхъ, и сборникъ Качановскаго впервые даетъ свѣжій матеріалъ, собранный согласно съ научными требованіями. Присоединенный къ пѣснямъ словарь является также одной изъ раннихъ попытокъ огруппировать словарныя данныя для народной болгарской рѣчи опредѣленной мѣстности[1]. Если со стороны точности передачи звуковъ болгарскаго языка сборникъ В. В. Качановскаго теперь является уже устарѣвшимъ (ср. Теодоровъ, ук. соч., 12), то по своему содержанію онъ и до сихъ поръ не утрачиваетъ своего значенія, а въ началѣ 80-хъ годовъ истекшаго столѣтія не могъ не быть выдающимся явленіемъ и подавно. Дополняя обзоръ трудовъ В. В. Качановскаго по болгарской литературѣ, упомянемъ еще объ одномъ его предпріятіи, оставшемся однако не законченнымъ: въ 1883 г. покойный ученый, по его собственнымъ словамъ (автобіографія, стр. 32), командированъ былъ за границу для собиранія матеріаловъ для словаря болгарскаго языка. Имъ, дѣйствительно, собранъ былъ обширный матеріалъ на карточкахъ, матеріалъ этотъ онъ началъ уже обрабатывать при помощи проф. М. С. Дринова[2], но до обнародованія своего труда и до окончанія его даже въ рукописи не довелъ[3]. Поводомъ къ подобной работѣ, а равно какъ и къ заграничной поѣздкѣ покойнаго, было, несомнѣнно, совершенно ясное сознаніе въ необходимости подобнаго словаря, до тѣхъ поръ отсутствовавшаго въ научной литературѣ[4]. Причину же, почему это трудное, но полезное предпріятіе было оставлено В. В. Качановскимъ, указать трудно. Весьма возможно, что причиной этого было то, что подобный же трудъ, предпринятъ былъ еще въ 1878 г. другимъ, также

---

[1]) Болѣе ранняя попытка, это словоуказатель при изданіи П. Безсонова, указанномъ выше.

[2]) Послѣднее извѣстно мнѣ по личному сообщенію самого М. С. Дринова.

[3]) Въ бумагахъ покойнаго В. В-ча нашелся цѣлый сундучокъ карточекъ для этого словаря.

[4]) Ср. предисловіе *П. А. Лаврова* къ Словарю А. Л. Дювернуа (М. 1889 г.). стр. II—III. См. *М. С. Дринова*. О болгарскомъ словарѣ Дювернуа (Спб. 1892), стр. 1—9.

теперь также уже покойнымъ, славистомъ профессоромъ Московскаго у-та— А. Л. Дювернуа (†1886), за три года до В. В. Качановскаго также посѣтившимъ для этихъ же цѣлей Болгарію. Повидимому, В. В. Качановскій ничего не зналъ о предпріятіи А. Л. Дювернуа. Въ 1885-мъ же году вышелъ изъ печати 1-й выпускъ Словаря Дювернуа. Появленіе его не могло не заставить задуматься В. В—ча о судьбѣ своей работы, которая за два года со времени ея начала, разумѣется, далеко продвинуться не могла даже въ чернѣ; а передъ нимъ было начало труда товарища по наукѣ уже въ печатномъ видѣ. За первымъ выпускомъ Словаря Дювернуа быстро слѣдуютъ остальные, при томъ обрабатываемые не единолично, а группой русскихъ ученыхъ и болгарскихъ уроженцевъ (ср. предисловіе П. А. Лаврова, стр. VIII—IX). Силы и лучшія условія оказались не на сторонѣ В. В. Качановскаго: онъ и прекратилъ свою работу надъ словаремъ, отвлеченный, вѣроятно, также и новымъ предпріятіемъ иного уже рода, но также требовавшимъ энергіи и времени: съ 1888 г. начинаетъ выходить «Вѣстникъ Славянства». Обобщая все сказанное о занятіяхъ В. В. Качановскаго по болгарской литературѣ и языку, мы, несомнѣнно, должны признать, что эти труды, занимая видное мѣсто, пожалуй, самое видное, въ его дѣятельности, въ тоже время вполнѣ даютъ ему право занять не послѣднее мѣсто и въ ряду ученыхъ славистовъ. Это право В. В. Качановскаго становится въ нашихъ глазахъ еще болѣе прочнымъ, если мы взглянемъ на труды его въ области сербской письменности, хотя, кажется, по значенію они не могутъ быть поставлены на равнѣ съ его работами по болгарской литературѣ. Сербская народность интересовала покойнаго главнымъ образомъ, какъ историка. Нѣкоторые изъ его трудовъ по исторіи Сербіи были уже упомянуты выше; наиболѣе крупный по объему и значенію, какъ представляющій объединеніе и переработку раннихъ работъ, представляетъ, несомнѣнно, первый томъ «Исторіи Сербіи съ половины XIV до конца XV в.» Трудъ этотъ посвященъ сложному и запутанному вопросу по исторіи сербскаго царства за самое смутное и неясное для историка время—періоду разложенія стараго сербскаго царства и первыхъ десятилѣтій послѣ покоренія Сербіи турками. Особенно сложнымъ и труднымъ представляется изученіе этого времени главнымъ образомъ потому, что мѣстные источники для него крайне скудны: это большею частью краткія перечневыя лѣтописи, состоящія изъ погодныхъ

отрывочныхъ записей, носящихъ часто случайный характеръ, немногія житія кралей, отчасти замѣнявшія лѣтописи въ нашемъ смыслѣ слова; сюда присоединяются еще болѣе отрывочные матеріалы отъ сосѣднихъ народовъ, касавшихся событій сербскихъ мимоходомъ, б. ч. тогда, когда на это наталкивали самыя событія, путешествія иноземцевъ, проходившихъ по Балканскому полуострову, и т. п. Разобраться въ этомъ матеріалѣ, извлечь изъ него данныя для исторіи Сербіи и составило цѣль и содержаніе труда В. В. Качановскаго. На сколько удачно выполненъ имъ этотъ трудъ, покажетъ критика; пока же можно съ увѣренностью сказать, что, не смотря на недочеты, отъ которыхъ не свободенъ данный трудъ, какъ и всякій другой, столь сложный и посвященный столь темному вопросу, «Исторія Сербіи» В. В. Качановскаго заслуживаетъ вниманія уже потому, что стремится объединить, собрать въ одно много лѣтъ накоплявшійся матеріалъ по исторіи Сербіи, разбросанный по массѣ мелкихъ журналовъ, русскихъ, славянскихъ и иноязычныхъ (ср. Изв. Отд. рус. яз. и слов. И. А. Н., IV, 2, стр. 1112—1119). Старосербской же исторіи и литературѣ посвященъ послѣдній печатный трудъ ученаго: «Изъ исторіи сербской литературы» (Изв. Инст., XVIII); здѣсь, останавливаясь на полемич. сочиненіяхъ противъ латинянъ и еретиковъ, обращавшихся въ сербской письменности (эти тексты здѣсь и напечатаны), авторъ мимоходомъ касается любопытнаго вопроса о вліяніи русской литературы на сербскую черезъ болгарскую; тексты даютъ кое-какія дополненія, не особенно, впрочемъ, существенныя, къ тому, что до сихъ поръ было извѣстно по трудамъ А. Н. Попова, А. С. Павлова и др. Къ той же области сербской письменности слѣдуетъ отнести, кромѣ нѣсколькихъ замѣтокъ историческаго характера (№ 34, 35, 37, списка трудовъ), нѣсколько изданій: апокрифич. молитвъ (№ 36, 213) отрывковъ изъ Кормчей (№ 214), текста Физіолога, впрочемъ болѣе исправно и ранѣе уже изданнаго въ Казани (№ 121 въ «Вѣстн. Слав.», X.; ср. изданіе въ Зап. Каз. У-а, 1893 г.)[1]. Къ области сербо-далматинской литературы XVIII в. относится и магистерская диссертація В. В. Качановскаго: «Неизданный дубровницкій

[1]) Въ изд. В. В. Качановскаго текстъ отнесенъ къ XIV—XV в., у А. Александрова къ XVI в. (что и правильнѣе); въ изд. В. Качановскаго текстъ не допечатанъ до конца.

поэтъ А. М. Глегевичъ» ч. I, II. (Спб. 1883) и замѣтка «Дубровницкіе отголоски о Петрѣ Великомъ. Значеніе дубровницкаго писателя А. М. Глегевича» (Спб. 1881). Въ виду существующей по вопросу объ этой работѣ критики и полемики (ср. № 59, списка) подробнѣе касаться этого труда нѣтъ надобности.

Этими трудами, причисливъ къ нимъ рядъ мелочей, сообщаемыхъ попутно въ рецензіяхъ и замѣткахъ «по поводу», наполняющихъ въ значительной степени «Вѣстникъ Славянства», мы можемъ и ограничить нашъ обзоръ тѣхъ трудовъ В. В. Качановскаго, которые мы условно назвали «положительными». Конечно, въ виду сказаннаго нами о критической дѣятельности покойнаго ученаго, нашъ обзоръ былъ бы неполонъ, если бы мы не коснулись еще разъ его дѣятельности, какъ ученаго критика. Не входя въ подробности, а только пробѣгая списокъ рецензій, написанныхъ въ теченіи слишкомъ двадцати лѣтъ въ разныхъ журналахъ, прежде всего въ «Вѣстникѣ Славянства», мы выносимъ впечатлѣніе, что покойный профессоръ былъ не только разностороннимъ ученымъ, но и внимательно слѣдилъ, на сколько позволяли его положеніе и обстоятельства его службы, за ходомъ славяновѣдѣнія: въ той или другой формѣ онъ отмѣчалъ, рядомъ съ мелочами и случайными фактами, большую часть выдающихся явленій въ области русской исторіи и литературы и славяновѣдѣнія. Не мало мѣста въ этихъ замѣткахъ занималъ посильный разборъ учебной литературы, по скольку она входила въ кругъ его занятій въ качествѣ преподавателя Института: имъ отмѣчался печатно, а затѣмъ въ видѣ отзывовъ сообщался въ аудиторіи цѣлый рядъ учебниковъ по русскому, славянскому языкамъ (№№ 54, 58, 62, 68, 71, 76, 92, 94, 104, 105, 106 и т. д.). Заканчивая обзоръ научной дѣятельности В. В. Качановскаго, мы, несомнѣнно, должны признать за нимъ выдающееся мѣсто въ негустыхъ рядахъ русскихъ славистовъ, особенно принимая во вниманіе его труды по болгарскому языку, исторіи и литературѣ, въ тоже время, будучи безпристрастны въ оцѣнкѣ этой дѣятельности, должны подчеркнуть то, что имя въ наукѣ стяжалъ В. В. Качановскій главнымъ образомъ въ первую половину своей научной дѣятельности своими «положительными» трудами. Характируя же точнѣе покойнаго ученаго, мы на основаніи приведеннаго выше краткаго обзора его трудовъ, а также списка всѣхъ его работъ, должны причи-

сить его къ той группѣ ученыхъ славистовъ, которые не разграничивали, какъ это замѣчается часто теперь, областей литературы и исторіи, но въ тоже время такихъ, которыхъ симпатіи лежали на сторонѣ этихъ двухъ отраслей славяновѣдѣнія, а не на сторонѣ лингвистической разработки данной науки: труды по языку въ ряду занятій покойнаго Качановскаго занимаютъ мѣсто весьма скромное и по объему, и по значенію. Такое со отношеніе между областями славистики въ трудахъ В. В—ча понятно: онъ готовился въ слависты еще въ то время, когда въ самой славистикѣ спеціально-лингвистическія изученія были лишь въ зачаткахъ, а кромѣ того, онъ по своему направленію примкнулъ къ школѣ проф. В. В. Макушева, который и былъ его учителемъ. Вліяніе Макушева сказалось на Вл. В—чѣ даже въ частностяхъ: тоже тяготѣніе къ историческимъ изученіямъ, тоже тяготѣніе къ юго-славянству, въ частности къ южному сербству, въ области литературы, тоже второстепенное значеніе, которое учитель и и ученикъ придавали изученіямъ чисто литвистическимъ, наконецъ тоже отношеніе къ сравнительному языкознанію, ограничиваемому преимущественно областью санскрита (этотъ языкъ слушалъ, по указанію Макушева, Качановскій у Коссовича въ С.-Пбскомъ у-ѣ). Эта послѣдняя черта замѣтна была особенно въ лекціяхъ покойнаго профессора.

Скажемъ, наконецъ, нѣсколько словъ и о лекціяхъ покойнаго въ Институтѣ: на сколько можно было судить о нихъ, главнымъ образомъ, на экзаменахъ, покойный, слѣдуя скромной по требованіямъ и довольно мало дающей у насъ простора ученому программѣ славяновѣдѣнія, въ лекціяхъ старался передать слушателямъ необходимое, ставя въ тѣсную связь свои работы и наблюденія, печатавшіяся имъ въ журналахъ, съ содержаніемъ лекцій и даже какъ будто подчиняя свои печатныя работы тѣмъ требованіямъ, часто практическаго характера, которыя ставилъ себѣ профессоръ, а ему ставила институтская программа. Ознакомленіе съ матеріаломъ данной отрасли славяновѣдѣнія, съ практическими пособіями, полезными для слушателей, будущихъ учителей, составляли основное содержаніе чтеній профессора Качановскаго.

Поминая на страницахъ изданія высшаго учебнаго заведенія одного изъ его дѣятелей, помянемъ его добрымъ словомъ за ту пользу и то добро, которыя онъ, насколько былъ въ силахъ, вносилъ въ общее дѣло высшаго нашего образованія.

Извѣстія Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко

ТОМЪ I—XVIII.

Содержаніе неоффиціальныхъ отдѣловъ.

I ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.)

Очеркъ государственной дѣятельности и частной жизни Перикла. *П. И. Люперсольскаго.*—Философскіе этюды А. А. Козлова. *Н. Я. Грота.*—Анализъ составныхъ частей славянскаго слова съ морфологической точки зрѣнія. *А. С. Будиловича.*—О землѣ Половецкой. *Н. Я. Аристова.*—Замѣтка о текстѣ русскихъ былинъ. *Н. А. Лавровскаго.*—Изслѣдованія въ области греческаго мѣстоименія. *А. В. Добіаша.*

II ТОМЪ. (распроданъ).

Сновидѣнія, какъ предметъ научнаго анализа. *Н. Я. Грота.*—Нѣсколько поправокъ къ тексту Горація. *Г. Э. Зенгера.*—Первобытные славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ, по даннымъ лексикальнымъ. I, 1. *А. С. Будиловича.*

III ТОМЪ (распроданъ).

Дипломатическія сношенія и борьба Императора Александра I съ Наполеономъ. *П. И. Люперсольскаго.*—Состояніе образованія въ Россіи въ царствованіе Александра I. *Н. Я. Аристова.*—Гимназія высшихъ наукъ Князя Безбородко въ Нѣжинѣ (1820—1832 г.). *Н. А. Лавровскаго.*—Рѣчь М. Туллія Цицерона о консульскихъ провинціяхъ *Р. А. Фохта.*—Патмосскія схоліи къ Демосѳену. *И. В. Никитина.*—Первобытные Славяне. I, 2. *А. С. Будиловича.*

IV ТОМЪ. Вып. I. (Ц. 75 к.)

Заговоръ графовъ Петра Зринскаго и Франца Франкопана. *А. С. Будиловича.*—Историко-литературный разборъ поэмы Ивана Гундулича

„Османъ" *Р. Ѳ. Брандта.*—Еще нѣсколько замѣтокъ о трудныхъ мѣстахъ у Горація. *Г. Э. Зенгера.*

IV ТОМЪ. Вып. II. (распроданъ).

Психологія чувствованій. I. *Н. Я. Грота.*

V ТОМЪ. (распроданъ).

Политическая и литературная дѣятельность Цицерона. *П. А. Адріанова.*—Психологіи чувствованій. II. *Н. Я. Грота.*—Начертаніе славянской акцентологія. *Р. Ѳ. Брандта.*

IV ТОМЪ. (Ц. 2 р. 50 к.)

Къ біографіи Н. В. Гоголя. *Н. А. Лавровскаго.*—Гоголь, какъ національный русскій поэтъ-художникъ. *И. А. Сребницкаго.*—Первобытные Славяне. П, 1. *А. С. Будиловича.*—Еще по поводу вопроса о психологіи чувствованій. *Н. Я. Грота.*—Новыя догадки о порченныхъ чтеніяхъ у Горація. *Г. Э. Зенгера.*—Критическія замѣтки. О знакахъ ударенія въ папирусномъ спискѣ Алкманова Пареенія. *С. Н. Жданова.*—Синтаксисъ Аполлонія Дискола. I. *А. В. Добіаша.*

VII ТОМЪ. (Ц. 3 р.)

† Николай Яковлевичъ Аристовъ. (Некрологъ).—Къ вопросу о реформѣ логики. I. *Н. Я. Грота.*—Критическія и экзегетическія замѣтки. *С. Н. Жданова.*—Критическія замѣтки къ т. н. двумъ первымъ книгамъ Проперція. *Г. Э. Зенгера.*—Высшія учебныя заведенія съ интернатами въ Германіи и Франціи. Графа *А. А. Мусина-Пушкина.*—Дядька въ затруднительномъ положеніи. Комедія графа *Жиро.* Переводъ съ итальянскаго *Н. В. Гоголя.*—Памяти Гоголя. Матеріалы для библіографіи литературы о немъ. *С. И. Пономарева.*—Разборъ сочиненія Шушерина о жизни и дѣятельности патріарха Никона. *М. А. Казминскаго.*—Францискъ Ладиславъ Челяковскій. *В. Н. Шамраева.*—Оцѣнка литературной дѣятельности Андрея Сладковича. *Н. И. Иванова.*—О бытѣ, преданіяхъ и понятіяхъ Болгаръ, по памятникамъ народной словесности. *А. Я. Никольскаго.*

VIII ТОМЪ. (Ц. 2 р. 50 к.)

Нѣсколько замѣчаній объ употребленіи иностранныхъ словъ. *Р. Ѳ. Брандта.*—Объ исторіи, какъ народномъ самосознаніи. *М. Н. Бережкова.*—Памяти В. А. Жуковскаго. *М. Н. Бережкова.*—Критическія и экзегетическія замѣтки. *С. Н. Жданова.*— Синтаксисъ Аполлонія Дискола

П. *А. В. Добіаша.*—Къ вопросу о реформѣ логики П. *Н. Я. Грота.*—Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ. *Ф. Г. Миклошича.* Переводъ *Н. В. Шлякова*, подъ редакціею *Р. Ѳ. Брандта.* I.

IX ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.)

Критическія и экзегетическія замѣтки. *С. Н. Жданова.*—Эпиграфическія и другія замѣтки. *Г. Э. Зенгера.*—P. Terenti Afri Eunuchus, съ введеніемъ, объясненіями и критическимъ прибавленіемъ. I. *А. М. Фогеля.*—M. Tulli Ciceronis Laelius de amicitia. Текстъ съ объясненіями. *П. А. Адріанова.*—Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ. *Ф. Г. Миклошича.* Перев. *Н. В. Шлякова*, п. ред. *Р. Ѳ. Брандта.* II.

X ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.)

Критическія и экзегетическія замѣтки. *С. Н. Жданова.*—P. Terenti Afri Eunuchus. II. *А. М. Фогеля.*—*Миклошичъ*, Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ. Перев. *Н. В. Шлякова*, п. ред. *Р. Ѳ. Брандта.* III—IV.—Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. *Е. Ѳ. Карскаго.*

XI ТОМЪ. (Ц. 2 р. 50 к.)

Грамматическія наблюденія, *С. Н. Жданова.*—Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ. *М. И. Соколова.*—*Миклошичъ*, Сравн. морфологія слав. языковъ. Перев. *Н. В. Шлякова*, п. ред. *Р. Ѳ. Брандта.* V.—Titi Livii ab urbe condita lib. XXX, съ объясненіями. *А. М. Фогель.*—Разборъ книги: Основанія метрики у древнихъ грековъ и римлянъ, Я. Денисова. *Н. Ф. Фоккова.*

XII ТОМЪ. (Ц. 2 р. 50 к.)

Преподобный Сергій Радонежскій. *И. А. Сребницкаго.*—Троицкая Сергіева Лавра въ смутное время Московскаго государства. *М. Н. Бережкова.*—Церковно-государственное служеніе русской землѣ преп. Сергія и основанной имъ обители. *М. И. Лилеева.*—Матеріалы для исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII в. *М. И. Лилеева.*—Матеріалы и замѣтки по исторіи древней русской письменности (I) *Е. В. Пѣтухова.*

XIII ТОМЪ. (Ц. 2 р.)

Разборъ взгляда Шаршмидта на Платона *А. В. Добіаша.*—О важности изученія римской государственности и главнѣйшихъ характеристическихъ чертахъ ея. *И. Г. Турцевича.*—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII в. (гл. I—III). *М. И. Лилеева.*—Мате-

ріалы и замѣтки по исторіи древней русской письменности (II—III). *Е. В. Пѣтухова.*

XIV ТОМЪ. (Ц. 2 р. 50 к.)

Замѣтки по греческому синтаксису. (Очеркъ симасіологіи глагола). *А. В. Добіаша:* — M.Tullii Ciceronis Cato maior de senectute, съ объясненіями. *А. М. Фогеля.*—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII в. (гл. IV—VII). *М. И. Лилеева.*

XV ТОМЪ. (Ц. 3 р.)

Гимназія высшихъ наукъ Кн. Безбородко (1820—32). *Е. В. Пѣтухова.*—Лицей Князя Безбородко (1832—75). *И. А. Сребницкаго.*—Памятная книжка Ист.-фил. Института Князя Безбородко (1875—95).—Замѣтка о библіотекѣ Института. *А. В. Добіаша.*—Замѣтки о рукописяхъ, хранящихся въ библіотекѣ Института. *Е. В. Пѣтухова.*—Письма Гоголя къ Прокоповичу. *Е. В. Пѣтухова.* —О картинной галлереѣ Института. *І. Г. Турцевича.*—Нѣжинъ въ началѣ XIX в. *М. Н. Бережкова.*—Народныя историческія пѣсни, записанныя во Владимірской губ. *М. Н. Бережкова.* Культъ Весты въ древнемъ Римѣ (продолженіе). *И. Г. Турцевича.*—Нарѣчія: домой, долой. *Е. Ѳ. Карскаго.*—С. С. Бобровъ. *С. Н. Брайловскаго.*—Миѳологія Слова о полку Игоревѣ. *И. В. Сребрянскаго.*

XVI ТОМЪ. (Ц. 3 р. 50 к.)

А. М. Фогель. (Некрологъ). *С. Н. Жданова*—И. А. Левицкій. (Некрологъ) *М. Н. Бережкова.*—Опытъ симасіологіи частей рѣчи и ихъ формъ на почвѣ греческаго языка. *А. В. Добіаша.*—Замѣтки о рукописяхъ бѣлградскихъ и софійской библіотекъ. *М. Н. Сперанскаго.*

XVII ТОМЪ. (Ц. 3 р. 50 к.)

Душевное настроеніе Фридриха Великаго во время семилѣтней войны *Е. Н. Щепкина.*—О шестой пѣснѣ Энеиды Вергилія. *А. А. Брока.*—Культъ Весты въ древнемъ Римѣ (продолженіе). *И. Г. Турцевича.*—Исторія Сербіи съ половины XIV до конца XV в., т. I (критическое изслѣдованіе источниковъ). *В. В. Качановскаго.*

XVIII ТОМЪ. (Ц. 3 р.)

Научная цѣнность христіанскаго знанія. Свящ. *А. В. Лобачевскаго.*—Начало академической свободы въ западной Европѣ. *В. К. Пискорскаго.*—Объ одной историко-политической запискѣ временъ присоединенія Крыма. *М. Н. Бережкова.*—Homerica. *С. Н. Жданова.*—

Неизданное письмо Фр. Авг. Вольфа. *Б. Ф. Бурзи.*— Обращенія къ императору провинціальныхъ сеймовъ, городскихъ и другихъ обществъ въ первые три вѣка римской имперіи. *И. Г. Туриевича.*—Н. А. Лавровскій. *А. В. Добіаша.*—Описаніе рукописей библіотеки Института. Подъ ред.—*М. Н. Сперанскаго.*—Изъ исторіи сербской литературы. *В. В. Качановскаго.*—Что такое филологія и каково ея значеніе? *А. В. Добіаша.*

XIX ТОМЪ (Ц. р. 75 к.)

Описаніе рукописей библіотеки Института, окончаніе (см. XVIII томъ „Извѣстій"), сост. *М. Н. Сперанскій.*—Религія Лукреція, *А. А. Брока.* — Обращеніе къ императору провинціальныхъ сеймовъ, городскихъ и другихъ обществъ въ первые три вѣка римской имперіи, приложеніе (см. XVIII томъ „Извѣстій"), *И. Г. Турцевича.*—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв., выпуска II, части I-й стр. 1—90, *М. И. Лилеева.*—Задачи исторіи античныхъ литературъ, вступительная лекція *М. И. Мандеса.*—Памяти В. В. Качановскаго *М. Н. Сперанскаго.*

ОБЪ ИЗДАНІИ
КІЕВСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ
въ 1902 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—оффиціальную, протоколы, отчеты и т. п: 2)—неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—*критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники*, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1902 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ **Извѣстій** безъ пересылки **шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ,** а съ пересылкой **семь рублей**. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе **Университетскихъ Извѣстій** 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими или къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину (въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же), или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ *В. Иконниковъ.*

ИЗВѢСТІЯ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО

ВЪ НѢЖИНѢ.

ТОМЪ XX.

СОДЕРЖАНІЕ.

НѢЖИНЪ.
Типо-Лит. М. В. Глезера соб. д.
1902.

Печатано по постановленію конференціи Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко. Директоръ Института. Ф. Гельбке.

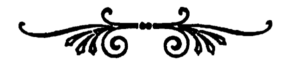
ОТЧЕТЪ

о состоянiи

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

КН. БЕЗБОРОДКО

за 1901—1902 учебный годъ.

НѢЖИНЪ.
Типо-литогр. М. В. Глезера.
1902.

Печатано по постановленію конференціи Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко. Директоръ Института. Ф. Гельбке.

ОТЧЕТЪ

о состоянiи Историко-Филологическаго Института Кн. Безбородко

за 1901—1902 годъ.

Въ личномъ составѣ Института произошли слѣдующiя измѣненiя:

Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству, послѣдовавшимъ 8 сент. 1901 г., ординарный профессоръ *А. А. Брокъ* назначенъ директоромъ училища при реформатскихъ церквяхъ въ С.-Петербургѣ.

Высочайшимъ приказомъ, послѣдовавшимъ 14 сент. 1901 г., магистръ славянской филологiи *К. Ѳ. Радченко* назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ Института по церковнославянскому и русскому языкамъ и славянскимъ нарѣчiямъ.

Высочайшимъ приказомъ, послѣдовавшимъ 14 сент. 1901 г., магистръ греческой словесности *М. И. Мандесъ* назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ Института по греческой словесности.

Приказомъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенiя отъ 20 сент. 1901 г. преподаватель Императорской Казанской I гимназiи *А. А. Мартовъ* назначенъ наставникомъ студентовъ и преподавателемъ греческаго языка.

Высочайшимъ приказомъ, послѣдовавшимъ 28 апрѣля 1902 г., ординарный профессоръ греческой словесности, докторъ греческой словесности, дѣйствительный статскiй совѣтникъ *А. В. Добiашъ*, за выслугою срока, согласно прошенiю, уволенъ отъ службы, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

21 мая 1902 г. избранъ Конференцiею на должность ученаго секретаря экстраординарный профессоръ *Б. Ф. Бурзи*.

Членами библiотечной коммиссiи въ отчетномъ году состояли профессора *М. Н. Сперанскiй*, *В. К. Пискорскiй*, *А. И. Покровскiй* и

Е. Ф. Бурзи, преподаватель *В. И. Рѣзановъ* и (съ 26 ноября 1901 г.) профессоръ *М. И. Мандесъ*.

Ординарный профессоръ *В. К. Пискорскій* Совѣтомъ Императорскаго Университета Св. Владиміра удостоенъ 28 окт. 1901 г. ученой степени доктора всеобщей исторіи.

Экстраординарный профессоръ *М. И. Мандесъ* Совѣтомъ Императорскаго Новороссійскаго Университета удостоенъ 9 декабря 1901 г. ученой степени доктора греческой словесности.

Опредѣленіемъ Историко-филологическаго факультета Императорскаго Харьковскаго университета отъ 13 Марта 1902 г. преподаватель Института *В. И. Рѣзановъ* признанъ выдержавшимъ испытаніе на степень магистра русской словесности.

Всемилостивѣйше пожалованы: чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника ординарный профессоръ *М. Н. Бережковъ*, и орденомъ св. Анны 2-й степени—и. д. экстраординарнаго профессора *И. Г. Турцевичъ*.

Къ началу 1901—1902 учебнаго года состояло въ Институтѣ студентовъ: въ I курсѣ 24, во II курсѣ 38, въ III курсѣ 16, въ IV курсѣ 10, а всего 88 студентовъ; сверхъ того, въ началѣ означеннаго учебнаго года, были приняты въ IV курсъ, согласно распоряженію Г. Товарища Министра Нар. Пр., 2 студента Императорскаго С.-Петербургскаго Историко-Филологическаго Института. 11 сент. 1901 г. скончался студентъ IV курса Дмитрій Корманъ. Въ началѣ отчетнаго года уволены, согласно прошенію, 2 студента II курса и одинъ студентъ III курса, для поступленія въ Университетъ.

Въ теченіе того-же учебнаго года одинъ студентъ III курса, по увольненіи изъ Института, назначенъ былъ Г. Попечителемъ Кіевскаго Учебнаго Округа учителемъ городскаго училища.

По результатамъ окончательныхъ и переводныхъ испытаній въ маѣ и іюнѣ 1902 года—1) удостоены званія учителя гимназіи всѣ 11 студентовъ IV курса, въ томъ числѣ 2 классика, 5 словесниковъ и 4 историка; 2) переведены изъ III курса въ IV всѣ 14 студентовъ (1 классикъ, 7 словесниковъ и 6 историковъ); 3) переведены изъ II курса въ III 36 студентовъ, при чемъ 1 студентъ переведенъ въ III курсъ съ обязательствомъ сдать экзаменъ по нѣмецкому языку на III курсѣ, и другой переведенъ въ III курсъ съ обязательствомъ сдать экзаменъ по

французскому языку на III курсѣ; 4) изъ 24 студентовъ I курса переведены во II курсъ 22; 2 студента I курса уволены изъ Института, согласно прошенію.

Въ началѣ 1902—1903 академическаго года одинъ студентъ III курса, съ разрѣшенія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, переведенъ въ С.-Петербургскій Историко-Филологическій Институтъ. Къ началу того-же учебнаго года заявили о своемъ желаніи поступить въ Институтъ 51 человѣкъ, въ томъ числѣ 2 бывшихъ студента Института, 4 студента Университетовъ, 32 воспитанника гимназій, 2 воспитанника коллегіи Галагана, 1 воспитанникъ духовной академіи, 9 воспитанниковъ духовныхъ семинарій, 1 экстернъ. Изъ нихъ приняты на II курсъ два бывшихъ студента Института, а на I курсъ: 1) по аттестатамъ зрѣлости, безъ повѣрочныхъ испытаній, 24 воспитанника гимназій (въ томъ числѣ 5 воспитанниковъ Гимназіи при Институтѣ) и 1 воспитанникъ Коллегіи Галагана, 2) по аттестатамъ зрѣлости и послѣ повѣрочныхъ испытаній по русскому и древнимъ языкамъ, изъ четырехъ, подвергавшихся означеннымъ испытаніямъ, воспитанниковъ гимназій—принятъ одинъ, а другой зачисленъ кандидатомъ на случай, еслибы до истеченія перваго учебнаго мѣсяца открылась вакансія, 3) по установленному для воспитанниковъ духовныхъ семинарій испытанію зрѣлости въ Институтской гимназіи—1 воспитанникъ духовной семинаріи. Такимъ образомъ, въ настоящее время состоитъ въ Институтѣ студентовъ: въ I курсѣ—27, во II курсѣ—24, въ III курсѣ—35 и въ IV курсѣ—14,—а всего 100 студентовъ.

Изъ 11 студентовъ, окончившихъ курсъ въ іюнѣ отчетнаго года, получили назначеніе *Федорченко*—въ Тобольскую гимназію преподавателемъ русской словесности и логики, *Смѣловскій*—въ Сгержское коммерческое училище, *Ермоленко*—въ Иркутскую гимназію воспитателемъ, *Левиттъ*—въ Бендинское коммерческое училище преподавателемъ русскаго языка, *Браже*—въ Асхабадскую гимназію преподавателемъ исторіи и географіи, *Ивченко*—въ Енисейскую женскую гимназію преподавателемъ русскаго языка и исторіи, *Лобичевскій*—въ Екатеринодарскую гимназіи преподавателемъ того-же предмета, *Товаровъ*—въ Екатериненбургское реальное училище преподавателемъ того-же предмета.

Преподаваніе въ Институтѣ, въ отчетномъ году, по отдѣльнымъ предметамъ, состояло въ слѣдующемъ:

По *Закону Божію*—законоучитель священникъ *А. В. Лобачевскій* на III курсѣ читалъ (при 2 часахъ въ недѣлю) въ первомъ полугодіи Основное и догматико-апологетическое Богословіе, во второмъ полугодіи—объ основахъ христіанскаго правоученія.

По *философіи*—п. д. экстраординарнаго профессора *Г. В. Малевансҝимъ* студентамъ I курса (при 2 часахъ въ недѣлю) прочитанъ былъ курсъ формальной логики; студентамъ II курса (при 2 часахъ въ недѣлю) прочитана была психофизическая часть психологіи; студентамъ III курса (при 3 часахъ въ недѣлю) прочитана была исторія древней философіи и исторія новой философіи до Канта включительно.

По *педагогикѣ*—преподаватель *М. И. Агѣевъ* излагалъ на III курсѣ (при 2 часахъ въ недѣлю) курсъ гимназической педагогики, а на IV курсѣ (также при 2 часахъ въ недѣлю) исторію педагогики отъ древнѣйшихъ временъ до Гербарта включительно.

По *греческой и римской словесности*—а) На I курсѣ ординарный профессоръ *А. В. Добіашъ* (при 5 часахъ въ недѣлю) толковалъ первые 50 параграфовъ Панегирика Исократа и излагалъ систему греческаго синтаксиса на симасіологической почвѣ въ связи съ устными и письменными упражненіями студентовъ въ переводахъ съ русскаго языка на греческій. Тѣмъ-же студентамъ преподаватель *А. И. Шнукъ* (при 4 часахъ въ недѣлю) объяснялъ въ первомъ полугодіи избранные отрывки изъ „Tristia" Овидія и во второмъ полугодіи—рѣчи и письма, сохранившіяся отъ сочиненія Саллюстія „Historiae"; кромѣ того преподаватель Шнукъ велъ упражненія въ устномъ и письменномъ переводахъ съ русскаго на латинскій языкъ (при 2 часахъ въ недѣлю).—б) На II курсѣ ординарный профессоръ *А. В. Добіашъ* (при 4 часахъ въ недѣлю) объяснялъ въ первомъ полугодіи XIX и часть XXIII пѣсни Одиссеи, а во второмъ полугодіи—діалогъ Платона Gorgias, и упражнялъ студентовъ того-же курса въ устныхъ и письменныхъ переводахъ съ русскаго языка на греческій На томъ же курсѣ экстраординарный профессоръ *Б. Ф. Бурзи* (при 2 часахъ въ недѣлю) излагалъ студентамъ исторію классической филологіи съ самаго начала до новаго періода включительно. На томъ-же курсѣ преподаватель *А. И. Шнукъ* (при 4 часахъ въ недѣлю) интерпретировалъ въ первомъ полугодіи избранныя оды Горація, во второмъ полугодіи—Цицерона „de oratore", I книгу, и въ теченіе всего года велъ практическія упражненія въ латинскомъ языкѣ (по 1 часу въ недѣлю).—в) На классическомъ отдѣленіи III и IV курсовъ (сводно) экстраординарный профессоръ *Б. Ф. Бурзи* объяснялъ (при

2 часахъ въ недѣлю) избранные отрывки греческихъ лириковъ, руководилъ тѣхъ-же студентовъ (при 2 часахъ въ недѣлю) въ семинарскихъ занятіяхъ по критическому разбору текста псевдо-ксенофонтовой *Ἀθηναίων πολιτεία*, и съ тѣми-же студентами велъ практическія упражненія въ переводахъ съ латинскаго языка на греческій (при 1 часѣ въ недѣлю). На томъ-же отдѣленіи тѣхъ-же курсовъ экстраординарный профессоръ *М. И. Мандесъ* прочиталъ (при 4 часахъ въ недѣлю) изъ исторіи греческой литературы исторію эпоса и драмы и (при 3 часахъ въ недѣлю) по исторіи римской литературы излагалъ начало римской литературы, римскую драму, начала сатиры, начала ораторскаго искусства и исторіи и поэзію Цицероновой эпохи. На томъ-же отдѣленіи тѣхъ-же курсовъ и. д. экстраординарнаго профессора *И. Г. Турцевичъ* (при 2 часахъ въ недѣлю) объяснялъ избранныя эпиграммы Марціала, (при 1 часѣ въ недѣлю) познакомилъ тѣхъ-же студентовъ съ важнѣйшими источниками, имѣющими отношеніе къ римскимъ древностямъ и (также при 1 часѣ въ недѣлю) на томъ-же отдѣленіи велъ упражненія въ переводахъ съ русскаго языка на латинскій.—г) На словесномъ и историческомъ отдѣленіяхъ III и IV курсовъ (сводно) и. д. экстраординарнаго профессора *И. Г. Турцевичъ* (при 2 часахъ въ недѣлю) объяснялъ избранныя письма Сенеки. Съ тѣми-же студентами преподаватель *А. А. Мартовъ* (при 2 часахъ въ недѣлю) читалъ комедію Аристофана „Πλοῦτος“.

По *русской словесности*—а) На I курсѣ ординарный профессоръ *М. Н. Сперанскій* (при 2 часахъ въ недѣлю) излагалъ курсъ русской литературы, и экстраординарный профессоръ *К. Ѳ. Радченко* (также при 2 часахъ въ недѣлю) читалъ курсъ сравнительной грамматики церковно-славянскаго языка, при чемъ чтеніе лекцій сопровождалось практическими занятіями, состоящими въ переводѣ и разборѣ отрывковъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ церковно-славянскаго языка.—б) На II курсѣ ординарный профессоръ *М. Н. Сперанскій* читалъ исторію русскаго языка (при 2 часахъ въ недѣлю), и преподаватель *В. И. Рѣзановъ*—исторію русской литературы съ XIII-го по XVIII вѣкъ (при 2 часахъ въ недѣлю).—в) На словесномъ отдѣленіи III и IV курсовъ (сводно) ординарный профессоръ *М. Н. Сперанскій* излагалъ (при 2 часахъ въ недѣлю) курсъ новой русской литературы, эпохи 40-хъ и 50-хъ годовъ; главнымъ образомъ разсматривалась дѣятельность Н. В. Гоголя въ связи съ дѣятельностью Тургенева и Пушкина. Экстраординарнымъ профессоромъ *К. Ѳ. Радченко* на томъ-же отдѣленіи тѣхъ-же курсовъ (при 2 часахъ въ недѣлю) въ первое полугодіе прочтенъ былъ курсъ грамматики сербо-

хорватскаго языка, а во второе полугодіе—курсъ грамматики болгарскаго языка; третій же часъ имъ посвященъ былъ въ первомъ полугодіи практическимъ занятіямъ по сербо-хорватскому языку, во второмъ полугодіи такимъ-же занятіямъ по болгарскому языку.—г) На словесномъ отдѣленіи III курса ординарный профессоръ *М. Н. Сперанскій* руководилъ семинарскими занятіями по разработкѣ спеціальныхъ вопросовъ изъ исторіи русской литературы (при 2 часахъ въ недѣлю).—д) На словесномъ отдѣленіи IV курса экстраординарный профессоръ *К. Ѳ. Радченко* въ семинаріи читалъ и переводилъ со студентами образцы новой чешской литературы (при 1 часѣ въ недѣлю).

По предмету *теоріи словесности*—преподаватель *В. И. Рѣзановъ* излагалъ студентамъ словеснаго отдѣленія III и IV курсовъ (сводно, при 2 часахъ въ недѣлю), историческое обозрѣніе развитія эпической поэзіи—древне-нѣмецкой, скандинавской, англійской, французской и испанской.

По *всеобщей исторіи*—на I курсѣ и. д. экстраординарнаго профессора *А. И. Покровскій* излагалъ греческую исторію и на II курсѣ римскую исторію (при 3 лекціяхъ на каждомъ курсѣ).—На историческомъ отдѣленіи III курса ординарнымъ професоромъ *В. К. Пискорскимъ* изложена была (при 1 лекціи въ недѣлю) исторія средневѣковыхъ городовъ въ Германіи, Франціи и Италіи, и (также при 1 лекціи въ недѣлю) велись практическія занятія по изученію памятниковъ средневѣковой исторіи городовъ.—На историческомъ отдѣленіи III и IV курсовъ (сводно) ординарный профессоръ *В. К. Пискорскій* читалъ курсъ исторіи новаго времени отъ 1648 до 1789 г. (при 4 часахъ въ недѣлю).

По *русской исторіи*—ординарный профессоръ *М. Н. Бережковъ* студентамъ I курса (при 2 часахъ въ недѣлю) излагалъ исторію Кіевскаго періода, студентамъ II курса (также при 2 часахъ въ недѣлю) исторію Россіи отъ Іоанна III до Петра Великаго включительно.—На историческомъ отдѣленіи III курса преподаватель *М. И. Лилеевъ* читалъ спеціальный курсъ по русской исторіи, а именно по исторіи царствованія Екатерины II, Павла I и Александра I (при 2 часахъ въ недѣлю).—На историческомъ отдѣленіи IV курса ординарный профессоръ *М. Н. Бережковъ* познакомилъ студентовъ (при 2 часахъ въ недѣлю) съ важнѣйшими источниками отечественной исторіи, т. е. лѣтописями, грамотами и частными записками современниковъ; въ связи съ тѣмъ велись практическія занятія по этому-же предмету. На томъ-же отдѣленіи того-же курса преподаватель *Е. И. Кашпровскій* читалъ о политическомъ и

территоріальномъ ростѣ Московскаго государства до Смутнаго времени (при 2 часахъ въ недѣлю).

По *географіи*—студентамъ историческаго отдѣленія III курса преподаватель *И. А. Сребницкій* излагалъ (при 2 часахъ въ недѣлю) геологическій отдѣлъ географіи и океанографію, а студентамъ историческаго отдѣленія IV курса (при 1 часѣ въ недѣлю)—методику гимназическаго курса географіи, съ обозрѣніемъ учебниковъ и пособій, и спеціальный курсъ географіи Европы.

По *французскому языку*—студенты I курса читали (при 2 часахъ въ недѣлю), подъ руководствомъ преподавателя *Л. Н. Мишеля*, статьи изъ Христоматіи А. Анспаха, и студенты II курса (также при 2 часахъ въ недѣлю) статьи изъ Faguet, Études littéraires sur le dix-huitième siècle.

По *нѣмецкому языку*—Директоръ Института на I курсѣ (при 2 часахъ въ недѣлю) руководилъ студентовъ чтеніемъ и объясненіемъ избранныхъ статьей изъ сочиненія А. фонъ Гумбольдта «Ansichten der Natur» и на II курсѣ читалъ со студентами (также при 2 часахъ въ недѣлю) сочиненіе Лессинга «Laokoon der über die Grenzen der Malerei und Poesie.

Въ теченіе отчетнаго года по каждому акроаматическому курсу было до трехъ собесѣдованій преподавателей со студентами по преподаннымъ отдѣламъ предметовъ.

Домашнія занятія студентовъ, кромѣ приготовленія переводовъ съ древнихъ языковъ и на древніе языки, состояли въ слѣдующемъ:

1) Студенты всѣхъ курсовъ занимались домашнимъ чтеніемъ древнихъ авторовъ. Студенты I курса подъ руководствомъ профессора Добіаша прочли I и IV книги Анабазиса Ксенофонта, и подъ руководствомъ преподавателя Шнука—въ первое полугодіе I книгу Цезаря «de bello civili» и во второе полугодіе IV книгу Исторіи Александра Великаго Курція Руфа. Студенты II курса прочли подъ руководствомъ профессора Добіаша I, V, VI и VII рапсодіи Одиссеи, и подъ руководствомъ преподавателя Шнука—въ первое полугодіе XXIII книгу Тита Ливія и во второе полугодіе рядъ отрывковъ изъ IX—XI пѣсенъ Энеиды Вергилія. Для руководства домашними чтеніями устраивались собесѣдованія —на I курсѣ еженедѣльно, на II-мъ—разъ въ двѣ недѣли, поочередно

по греческому и по латинскому языку; провѣрка домашнихъ чтеній производилась въ концѣ каждаго полугодія и состояла въ письменномъ переводѣ и комментированіи отрывковъ изъ прочитаннаго.—Студенты III и IV курсовъ, по указаніямъ профессоровъ Бурзи, Мандеса и Турцевича, сами избирали себѣ для домашняго чтенія то или иное произведеніе греческой и римской литературъ и каждое полугодіе представляли письменные рефераты на основаніи прочитанныхъ ими сочиненій; провѣрка домашнихъ чтеній производилась въ концѣ каждаго полугодія посредствомъ собесѣдованій съ каждымъ изъ студентовъ отдѣльно.

2) Студенты I курса писали профессору Сперанскому семестровыя сочиненія по исторіи русской словесности.

3) Студенты II курса писали профессору Покровскому курсовыя сочиненія по римской исторіи.

4) Студенты старшихъ курсовъ составляли рефераты по предметамъ ихъ семинарскихъ занятій: классики III и IV курсовъ—по греческой словесности, словесники III курса—по исторіи русской литературы, IV курса—по славянской филологіи, историки III курса—по исторіи среднихъ вѣковъ и IV—по русской исторіи.

5) Студенты IV курса представили преподавателю Лилееву курсовыя сочиненія по педагогикѣ.

6) Студенты IV курса писали слѣдующія кандидатскія сочиненія. Профессору Турцевичу студентъ *Сервиров* представилъ сочиненіе на тему «Объ оффиціальныхъ сношеніяхъ правителей римскихъ провинцій съ императорами въ первые вѣка имперіи». Студентъ *Федорченко* представилъ сочиненіе, написанное имъ на предложенную профессоромъ Ждановымъ тему «Исократъ, какъ мыслитель, политикъ и учитель». Профессору Сперанскому представлены были диссертаціи студентовъ: *Левитта*—«Жуковскій и идея народности въ русской литературѣ», *Ермоленка*—«Литературныя и общественныя теченія второй половины XVII в.», *Смѣловскаго*—«Вліяніе народной поэзіи въ литературѣ XVIII столѣтія», *Лобачевскаго*—«Тарасъ Бульба Гоголя, разборъ со стороны литературной и исторической»;—студентъ *Товаровъ* писалъ сочиненіе на тему: «А. Ѳ. Мерзляковъ, какъ критикъ, переводчикъ древнихъ и любитель народныхъ пѣсенъ». Профессору Бережкову представили сочиненія: студентъ *Молчановъ* на тему: «Думные и дворцовые чины по Котошихину», студентъ *Миляшкевичъ* на тему: «Дипломатическія сношенія Московскаго государства по Котошихину», и студентъ *Ивченко*—на тему: «Войско при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ

по Котошихину». Профессору Покровскому представилъ диссертацію студентъ *Браже*—на тему: «Аѳинскій βασιλεύς».

Практическія занятія студентовъ IV курса по преподаванію въ состоящей при Институтѣ Гимназіи велись въ слѣдующемъ порядкѣ. Съ 29 октября до 15 ноября студенты IV курса для ознакомленія съ методами преподаванія и съ гимназическими программами посѣщали въ часы, оставленные свободными отъ лекцій, по особому росписанію, уроки въ Гимназіи наставниковъ-руководителей І. В. Добіаша (по греческому языку), А. Ѳ. Абрамова (по латинскому языку), И. Н. Михайловскаго (по русскому языку) и И. А. Сребницкаго (по исторіи и географіи). 16, 17 и 19 ноября устроены были, подъ предсѣдательствомъ Директора Института, общія бесѣды, на которыхъ наставники-руководители сообщили студентамъ общія педагогическія и дидактическія указанія и толковали гимназическіе учебные планы. Изъ этихъ бесѣдъ двѣ были посвящены преподаванію древнихъ языковъ, одна—преподаванію русскаго и церковно-славянскаго языковъ и одна—преподаванію исторіи и географіи. Съ 23 ноября до 4 февраля студенты давали пробные уроки, подъ ближайшимъ руководствомъ наставниковъ-руководителей и въ присутствіи Директора, профессоровъ и преподавателей Института; каждымъ студентомъ даны были, въ присутствіи его товарищей по отдѣленію, 6 пробныхъ уроковъ; студенты классическаго отдѣленія дали по 3 урока греческаго языка въ IV, V и VIII классахъ, по 2 урока латинскаго языка во II и VIII классахъ, и по 1 уроку русскаго языка въ III классѣ; каждымъ студентомъ словеснаго отдѣленія даны были 4 урока русскаго и церковно-славянскаго языковъ и словесности во II, IV, VII и VIII классахъ, 1 урокъ греческаго языка въ IV и 1 урокъ латинскаго языка во II классѣ; каждый студентъ историческаго отдѣленія далъ 2 пробныхъ урока по исторіи въ III и IV классахъ, 2 урока географіи въ I и IV классахъ, 1 урокъ греческаго въ V и 1 урокъ латинскаго языка въ VI классѣ Для детальнаго обсужденія отдѣльныхъ, данныхъ студентами, уроковъ каждый изъ наставниковъ-руководителей устраивалъ разъ въ недѣлю частное собесѣдованіе; когда таким образомъ были разобраны всѣ данные студентами уроки, каждый въ отдѣльности,—были устроены (5, 7 и 12 февраля) общія бесѣды наставниковъ-руководителей со студентами,—тѣмъ-же порядкомъ, какъ и предварительныя бесѣды передъ началомъ пробныхъ уроковъ.

Съ разрѣшенія Г. Попечителя Учебнаго Округа 8 декабря 1901 года въ Институтѣ былъ устроенъ студенческій вечеръ, программа котораго состояла изъ вокально-музыкальной части, чтенія стихотвореній и реферата студента IV курса Левитта на тему „Мотивы поэзіи Никитина".

---

21 февраля 1902 г. отпразднованъ былъ въ Институтѣ юбилей великаго русскаго поэта, воспитанника Нѣжинской Гимназіи высшихъ наукъ, *Н. В. Гоголя*, по случаю исполнившагося 50-ти лѣтія со дня его кончины. Комиссія, образовавшаяся при Институтѣ для подготовленія празднованія писателя и состоявшая, подъ предсѣдательствомъ профессора *М. Н. Сперанскаго*, изъ депутатовъ Института, Историко-филологическаго общества, гимназій и общественныхъ учрежденій г. Нѣжина, издала Сборникъ, посвященный писателю, отъ имени Института и подъ цензурою Конференціи Института. Въ этомъ Сборникѣ напечатаны были статьи проф. *М. Н. Сперанскаго*: „Одно изъ послѣднихъ писемъ Н. В. Гоголя", бывшаго студента Института *П. А. Заболотскаго*: „Н. В. Гоголь въ русской литературѣ", преподавателя *И. А. Сребницкаго*: „Матеріалы для біографіи Н. В. Гоголя изъ архива Гимназіи высшихъ наукъ", и Каталогъ Гоголевской выставки. Въ помѣщеніи Институтской библіотеки устроена была выставка предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ чествовавшемуся писателю. Въ день юбилея, послѣ заупокойной литургіи и панихиды, въ залѣ торжественныхъ собраній состоялся актъ, на которомъ послѣ вступительныхъ словъ, сказанныхъ Директоромъ Института, произнесена была рѣчь проф. М. Н. Сперанскимъ: „О значеніи для творчества Гоголя его пребыванія въ Гимназіи высшихъ наукъ". Въ тотъ-же день въ помѣщеніи Института устроенъ былъ вокально-драматическій вечеръ: поставлена была на сцену воспитанниками Института при участіи членовъ Литературно-драматическаго Общества г. Нѣжина комедія Н. В. Гоголя „Ревизоръ" и прочитаны въ костюмѣ „Записки сумасшедшаго".

23 апрѣля 1902 г. Институтъ принялъ участіе во всероссійскомъ праздникѣ по случаю 50-ти лѣтія со дня кончины *В. А. Жуковскаго*. Послѣ заупокойной литургіи и панихиды состоялся въ залѣ торжественныхъ собраній актъ, на которомъ послѣ вступительныхъ словъ, сказанныхъ Директоромъ Института, произнесена была рѣчь В. И. Рѣзановымъ: „Школьные годы Жуковскаго"; И. Н. Михайловскимъ представлена была характеристика поэтическаго творчества Жуковскаго,

и воспитанниками Институтской гимназіи читаны были стихотворенія Жуковскаго.

Конференція Института имѣла въ отчетномъ году 21 засѣданіе, изъ коихъ въ пяти обсуждался вопросъ о реформѣ учебнаго плана Гимназіи состоящей при Институтѣ.

Фундаментальная библіотека Института, состоявшая въ началѣ отчетнаго года изъ 23,015 названій въ 56,035 томахъ, пополнялась покупкою книгъ по предложеніямъ профессоровъ и преподавателей и присылкою изданій русскихъ и иностранныхъ ученыхъ учрежденій и обществъ и учебныхъ заведеній, преимущественно въ обмѣнъ на „Извѣстія Института". Въ настоящее время въ фундаментальной библіотекѣ имѣется 23,301 названіе въ 56,419 томахъ.

Истекшій академическій годъ былъ выдающимся для рукописнаго отдѣленія фундаментальной библіотеки въ сравненіи съ предшествовавшими: въ него поступило 24 №№ рукописей и рѣдкихъ изданій.

I. Отъ преподавателя Института *В. И. Рѣзанова*:

1) Собраніе кононовъ Богородицѣ, рукопись въ 8 дл. на 60 л., частью 1-й половины (1747 г.), частью 2-й половины XVIII стол.

2) Дѣяніе соборное на Мартына еретика 1757 г.—полууставъ, 4° на 61 листѣ, 1-й половины XIX в.; письмо старообрядческое.

3) Степенная книга, ч. I. (первыя 10 степеней), рукоп. in f°, разныхъ рукъ, начала XVIII в.

4) Собраніе заговоровъ изъ Льговскаго уѣзда Курской губ., старая запись 50-хъ годовъ.

5) Два стихотворенія, (одно политическаго характера), того-же времени

II. Отъ бывшаго профессора Института *А. В. Добіаша*:

1) Латинская реторика, безъ начала и конца, временъ Анны Іоанновны.

III. Отъ подполковника въ отставкѣ *И. И. Барановскаго*:

1) Письмо Н. В. Гоголя къ отцу жертвователя, 1852 г.

IV. Отъ профессора Института *М. Н. Сперанскаго*:

1) Святцы 1732 г. на 102 л.—миніатюрная рукопись въ 64 д. л.

2) Тетрадка, письма начала XIX в., содержащая повѣсти:

а) о бражникѣ, б) бесѣду трехъ святителей.

3) Служебникъ нотный (служба съ сентября) конца XVII в., въ 4 д. л.

4) Тоже XVIII вѣка, въ 4 д. л.

5) Письмо Черногорскаго владыки Петра Нѣгоша II, 1813 г. 11 сентября,—автографъ.

V. Отъ студента Института *П. А. Незнамова*:

1) Сборникъ XVIII стол. въ 4 д. л.; въ немъ между прочимъ дневникъ путешествія одного изъ спутниковъ Петра Великаго съ отличіями отъ изданнаго.

2) Чинъ погребенія и за усопшихъ, рукопись XVIII в.

VI. Переданы изъ архива Гимназіи высшихъ наукъ бумаги, относящіяся къ Н. В. Гоголю:

1) Показанія учениковъ по дѣлу Бѣлоусова и Билевига, 1827 г.

2) Рисунокъ Н. В. Гоголя по фортификаціи.

3) Собственноручное прошеніе Н. В. Гоголя 1827 г.

4) Собственноручное письмо В. А. Гоголя 1821 г.

5) Отвѣтъ Конференціи Гимназіи на письмо № 4.

6) Списокъ учениковъ 1821 г. Гимназіи высшихъ наукъ.

7) Прошеніе М. Щербака объ отпускѣ Н. В. Гоголя.

8) Письмо графа Ал. Кушелева—Безбородко о принятіи Гоголя на казенный счетъ.

9) Протоколы Гимназіи за 1824 годъ.

Всего, такимъ образомъ, поступило 23 рукописи, что составляетъ съ находящимися и прежде поступившими—145 рукописей (въ числѣ ихъ 4 рукописи, принадлежащія Историко-Филологическому Обществу и находящіяся на храненіи въ рукописномъ отдѣленіи фундаментальной библіотеки).

Сверхъ того студентомъ Института *Орловымъ* подарено рѣдкое греческое ксилографическое изданіе Προσκυνητάριον τῆς ἁγίας πόλεως Ἱερουσαλήμ, составленное монахомъ Арсеніемъ въ 1749 г. и послужившее прототипомъ славянорусскаго лубочнаго изданія 1771 г.

Въ студенческой библіотекѣ до начала отчетнаго года было 925 названій въ 6780 томахъ, нынѣ въ ней имѣется 1027 названій въ 7083 томахъ.

Въ теченіе года напечатанъ XIX томъ *Извѣстій Института*, въ составъ котораго вошли Отчеты о состояніи Института за 1899—1900 и 1900—1901 учебные годы и слѣдующія статьи:

Профессора *М. Н. Сперанскаго*: „Описаніе рукописей библіотеки Ист.-Филолог. Института Кн. Безбородко въ Нѣжинѣ“ (оконч.).

Профессора *А. А. Брока*: „Религія Лукреція“ (актовая рѣчь).

Профессора *И. Г. Турцевича*: „Обращенія къ императору провинціальныхъ сеймовъ, городскихъ и другихъ обществъ въ первые три вѣка римской имперіи“.

Преподавателя *М. И. Лилеева*: «Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв.» (выпускъ II).

Профессора *М. И. Мандеса*: «Задача исторіи античныхъ литературъ» (вступительная лекція).

Профессора М. *Н. Сперанскаго*: «Памяти В. В. Качановскаго».

Сверхъ того въ отчетномъ году готовился къ печати XX томъ *Извѣстій Института*. Изъ ученыхъ трудовъ, предназначенныхъ къ помѣщенію въ этомъ томѣ, до настоящаго времени отпечатаны слѣдующія статьи:

Профессора *К. Ѳ. Радченка*: „Малоизвѣстное сочиненіе Евѳимія Зигабена, трактующее о богомилахъ“

Профессора *К. Ѳ. Радченка:* «Новооткрытая буквица Досиѳея Обрадовича».

Преподавателя М. *И. Лилеева:* «Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв.» (выпускъ III).

Бывшаго студента Института *А. И. Солнцева* кандидатское сочиненіе: „Отношеніе Великаго Курфюрста Фридриха Вильгельма къ земскимъ чинамъ Бранденбурга по вопросу объ акцизномъ налогѣ“.

Внѣ Извѣстій Института профессора и преподаватели напечатали слѣдующіе труды:

Профессоръ М. *Н. Бережковъ*: «М. Е. Марковъ и его рукописный сборникъ о Черниговской старинѣ». (Сборникъ Ист.-Фил. Общества при Инст. кн. Безбородко, т. IV).

Профессоръ *М. Н. Сперанскій*: 1) „Духовные стихи изъ Курской губ.“ (въ Этнограф. Обозр. 1901 г. кн. 3).—2) „Одно изъ послѣднихъ писемъ Гоголя“.—3) „О портретахъ Гоголя“.—4) „Гоголь въ народной книжкѣ“.—5) „Гоголевская выставка“. (№№ 2—5 напечатаны въ Гоголевскомъ юбилейномъ Сборникѣ, 1902 г.).—6) „Единъ югославенски прѣводъ отъ Завѣта на 12 патриархи“. (въ Сборн. за народни умотво-

ренія, кн. XVIII, София).—7) „Ein bosnisches Evangelium Srećković's". (въ Archiv für slav. Phil. XXIV, 1—2).—8) Рецензіи на книги: Погорѣлова, Сиповскаго, Гринченко, Стојановића, Спространова, Владимірова, Карскаго, Grigorowitz'a. (въ Archiv für slav. Phil. XXIII, 3—4; XXIV, 1—2.).—9) „Переводные сборники изреченій въ славяно-русской письменности". Изслѣдованіе и тексты, главы I—II и приложенія. (въ Чтеніяхъ въ Имп. Общ. Исторіи и Древн. при Московск. Унив. 1901 г. кн. 4.).—10) „Замѣтки о И. П. Котляревскомъ (въ Сборникѣ Галицко-русской Матицы во Львовѣ, 1902 г., кн. 2.).

Профессоръ *В. К. Пискорскій*: 1) „Исторія Испаніи и Португаліи", СПБ. 1902. (въ коллекціи „Исторія Европы по эпохамъ и странамъ", издаваемой подъ редакціей профессоровъ Карѣева и Лучицкаго), и 2) „В. Стэбсъ и В. Балагеръ" (въ Сборн. Ист.-Фил. Общ. при Инст. кн. Безб., т. IV).

Профессоръ *И. Г. Турцевичъ*: „Orbis in urbe. Центры и общества земляковъ и иновѣрцевъ въ императорскомъ Римѣ" (тамъ же)..

Преподаватель М. *И. Лилеевъ*: „М. П. Погодинъ, какъ профессоръ и историкъ" (тамъ же).

Преподаватель *И. А. Сребницкій*: „Матеріалы для біографіи Н. В. Гоголя изъ архива Гимназіи высшихъ наукъ" (въ Гоголевскомъ юбилейномъ сборникѣ).

Преподаватель *В. И. Рѣзановъ*: 1) „Матеріалы по этнографіи Курской губерніи" (=III томъ Курскаго Сборника), 2) „Гора Городище" и 3) „Жестокіе романсы въ народной обработкѣ" (въ Курскихъ Вѣдомостяхъ 1902 г.)

---

27 марта 1902 г. скончался въ Харьковѣ бывшій директоръ Института *Н. Е. Скворцовъ*. 31-го того же марта отслужены были въ Институтской церкви заупокойная литургія и панихида по покойномъ и его вдовѣ выражено было отъ имени Института и Гимназіи глубокое соболѣзнованіе по случаю постигшаго ее горя.

Въ состоящемъ при Институтѣ Историко-Филологическомъ Обществѣ въ отчетномъ году состояли 1 почетный и 62 дѣйствительныхъ члена. Составъ бюро былъ слѣдующій: предсѣдатель—М. Н. Бережковъ, товарищъ предсѣдателя—А. Θ. Абрамовъ, секретарь—М. И. Лилеевъ,

казначей—И. Н. Михайловскій, товарищъ казначея—Б. Ф. Бурзи, библіотекарь—Е. И. Кашпровскій, товарищъ библіотекаря—В. К. Пискорскій.

Общество имѣло въ отчетномъ году 7 засѣданій. Въ засѣданіяхъ читаны были слѣдующія сообщенія: 1) студентомъ Института *П. А. Незнамовымъ:* „О разрѣшительныхъ грамотахъ восточныхъ патріарховъ"; 2) М. *И. Лилеевымъ*:—«Объ археологической поѣздкѣ въ Конотопъ, Батуринъ и Крупецкой Николаевскій монастырь»; 3) М. *Н. Бережковымъ*—«Объ историческихъ трудахъ Мих. Егор. Маркова»; 4) *В. Р. Фохтомъ:* „Объ одномъ спорномъ мѣстѣ въ Меморабиліяхъ Ксенофонта (Xen. Memor. III 10,6 sq.)»; 5) М. *Н. Сперанскимъ*—«О неизданномъ письмѣ Н. В. Гоголя"; 6) *С. Н. Ждановымъ*—„Объ аттракціи относительнаго мѣстоименія въ греческомъ языкѣ"; 7) *М. И. Лилеевымъ*:—„Нѣсколько данныхъ изъ труда г. Дм. Грембецкаго о Черниговѣ въ началѣ XIX в." и 8) *Е. И. Кашпровскимъ*: «Время изданія такъ называемаго договора Смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Ригою, Готландомъ и нѣмецкими городами».

Въ отчетномъ году печатался IV томъ Сборника Общества.

Въ библіотекѣ Общества къ началу отчетнаго года было 304 названія въ 802 книгахъ; въ теченіе 1901—1902 академическаго года поступило а) старыхъ названій 46 книгъ; б) 22 новыхъ названія въ 23 книгахъ. Нынѣ въ ней имѣется 326 названій въ 871 книгѣ.

ОТЧЕТЪ

о дѣятельности состоявшей при Институтѣ Князя Безбородко

ВРЕМЕННОЙ „ГОГОЛЕВСКОЙ“ КОММИССІИ.

Составленъ И. А. Сребницкимъ.

НѢЖИНЪ.
Типо-литографія М. В. Глезера.
1902.

Печатано по постановленію Конференціи Историко-филологическаго Института Князя Безбородко.

Директоръ *Ф. Гельбке.*

Отчетъ

о дѣятельности состоявшей при Институтѣ Князя Безбородко временной Гоголевской Коммиссіи

составленъ бывшимъ секретаремъ Коммиссіи И. А. Сребницкимъ на основаніи протокола Коммиссіи отъ 2 марта 1902 г.

20 февраля 1900 года профессоръ Института князя Безбородко М. Н. Сперанскій вошелъ въ Конференцію Института съ запискою, въ коей, напоминая объ имѣющемъ исполниться 21 февраля 1902 года 50-лѣтіи со дня кончины Н. В. Гоголя и указывая на то, что чествованіе, по этому поводу, памяти великаго писателя имѣетъ особенный смыслъ и значеніе для Института, какъ мѣста воспитанія Гоголя, и для всего города Нѣжина, ходатайствовалъ объ образованіи при Институтѣ подготовительной коммиссіи для разработки вопроса о предстоявшемъ торжествѣ, при чемъ было имъ высказано желаніе, чтобы въ коммиссіи приняли участіе, черезъ своихъ представителей, всѣ учебно-просвѣтительныя и сословно-общественныя учрежденія г. Нѣжина и Нѣжинскаго уѣзда. Вполнѣ соглашаясь съ выраженными проф. Сперанскимъ мыслями, конференція обратилась къ указаннымъ учрежденіямъ съ соотвѣтственнымъ приглашеніемъ и съ просьбою способствовать всѣми зависящими отъ нихъ средствами успѣху гоголевскаго праздника. Отовсюду получены были выраженія полнаго сочувствія дѣлу, и вмѣстѣ съ тѣмъ указаны были лица, которыя уполномочивались отдѣльными учрежденіями быть ихъ представителями въ проектированной коммиссіи. Этими лицами оказались: отъ Института князя Безбородко—профессоръ *М. Н. Сперанскій* и преподаватель *В. И. Рѣзановъ*, отъ дворянства Нѣжинскаго уѣзда—

предводитель его *К. Е. Троцина* (онъ же и отъ Нѣжинскаго комитета народной трезвости), отъ Нѣжинскаго уѣзднаго земства—гласный *П. Ѳ. Кушакевичъ*, отъ Нѣжинскаго городского управленія—городской голова *И. Л. Дейкунъ*, отъ Нѣжинской мужской гимназіи—наставникъ—руководитель *И. Н. Михайловскій*, отъ Историко-филологическаго Общества при Институтѣ—преподаватель Института *И. А. Сребницкій*, отъ Нѣжинской женской гимназіи—преподавательница *Н. О. Шарко*, отъ народныхъ училищъ 2-го района Черниговской губерніи и отъ Александровскаго греческаго училища—директоръ послѣдняго, преподаватель Института *М. И. Лилеевъ*, отъ Нѣжинскаго отдѣленія Черниговскаго Епархіальнаго училищнаго совѣта—профессоръ Института *М. Н. Бережковъ*, отъ Нѣжинскаго 4-класснаго городского училища—учитель-инспекторъ его *Н. Д. Кармазинъ*, замѣненный впослѣдствіи, за выбытіемъ его изъ Нѣжина, его преемникомъ *Л. А. Манжосъ-Бѣлымъ*, отъ воскресныхъ школъ для взрослыхъ—*А. О. Овсѣенко* и отъ вечернихъ классовъ для взрослыхъ—*О. И. Савицкая*, а за выбытіемъ ея впослѣдствіи изъ Нѣжина, *М. И. Самойловичъ*. Когда такимъ образомъ опредѣлился составъ будущей коммиссіи, конференція Института 2 ноября 1900 года обратилась къ Г. Попечителю Кіевскаго у. Округа съ ходатайствомъ о разрѣшеніи образовать коммиссію изъ профессоровъ и преподавателей Института, съ участіемъ въ ней и представителей другихъ учебныхъ заведеній и учрежденій г. Нѣжина, для подготовленія гоголевскаго праздника и разработки его программы. Г. Попечитель предложеніемъ отъ 8 декабря 1900 г. увѣдомилъ конференцію, что Г. Министръ Нар. Просвѣщенія 29 ноября того же года разрѣшилъ образовать коммиссію въ томъ составѣ, какъ ходатайствовала конференція. 16 декабря 1900 г. Директоръ Института, собравши членовъ коммиссіи и сообщивъ содержаніе указаннаго предложенія Г. Попечителя отъ 8 декабря, предложилъ коммиссіи избрать предсѣдателя и секретаря. Въ предсѣдатели былъ избранъ М. Н. Сперанскій, а въ секретари—И. А. Сребницкій. Вступивши въ исполненіе обязанностей предсѣдателя, М. Н. Сперанскій ознакомилъ коммиссію съ задачами и планомъ предстоявшей ей дѣятельности. Затѣмъ, по его предложенію, въ видахъ большей подвижности въ дѣйствіяхъ коммиссіи, изъ состава послѣдней былъ выдѣленъ комитетъ для детальной разработки возникавшихъ въ коммиссіи вопросовъ, который свои соображенія

и проекты вносилъ на разсмотрѣніе и утвержденіе коммиссіи in pleno. Въ составъ комитета, кромѣ предсѣдателя и секретаря, вошли: Н. О. Шарко, Н. Д. Карамзинъ, В. И. Рѣзановъ и О. И. Савицкая (вмѣсто нея, впослѣдствіи, М. И. Самойловичъ). Смотря по надобности, въ засѣданія комитета приглашались какъ другіе члены коммиссіи, такъ и посторонніе лица, которыя могли оказать полезное содѣйствіе коммиссіи въ разработкѣ того или иного вопроса, какъ напр. предсѣдатель и нѣкоторые члены мѣстнаго драматическаго общества. За время ея существованія съ 16 декабря 1900 г. по 2 марта 1902 года коммиссія имѣла 10 засѣданій, частью въ полномъ своемъ составѣ, частью въ составѣ упомянутаго комитета, а именно: 1 февраля, 3 марта, 14 апрѣля, 8 сентября, 11 октября, 10 ноября и 21 декабря—1901 г. и 31 Января, 9 февраля и 2 марта 1902 года. Такъ какъ характеръ и размѣры задуманнаго коммиссіею празднованія зависѣли, помимо многихъ другихъ условій, отъ тѣхъ денежныхъ средствъ, какія могли оказаться въ распоряженіи коммиссіи, то послѣдняя съ самаго начала обратилась къ своимъ членамъ, представителямъ различныхъ учрежденій, съ просьбою освѣдомиться, какой суммою то или иное учрежденіе готово выразить свое содѣйствіе успѣху предстоящаго торжества. Коммиссія долгомъ считаетъ принести благодарность всѣмъ учебнымъ и общественнымъ учрежденіямъ г. Нѣжина, которыя, по мѣрѣ своихъ средствъ, снабдили коммиссію денежными субсидіями.

Субсидіи поступили:

1. Отъ правленія Института Князя Безбородко (изъ спеціальныхъ средствъ гимназіи)	350 р.
2. Отъ Попечительнаго Совѣта женской П. И. Кушакевичъ гимназіи	150 р.
3. Отъ городского управленія	300 р.
4. Отъ уѣзднаго земства	150 р.
5. Отъ комитета трезвости	100 р.
6. Отъ дворянства Нѣжинскаго уѣзда	100 р.
7. Отъ Ист.-фил. Общества при Институтѣ кн. Безбородко	50 р.
8. Отъ Нѣжинск. 4-класснаго городского училища .	50 р.

9. Отъ Александровскаго греческ. училища . . . 25 р.
10. Отъ Нѣжинск. отдѣленія Черниговскаго Епархіальнаго училищнаго совѣта . , ... 25 р.
11. Отъ воскресныхъ классовъ для взрослыхъ . . 25 р.
12. Отъ вечернихъ классовъ для взрослыхъ . . . 25 р.

Итого отъ разныхъ учрежденій . . 1350 р.

Руководясь намѣченнымъ въ первомъ засѣданіи планомъ, коммиссія въ своихъ засѣданіяхъ занималась обсужденіемъ и изысканіемъ способовъ выполненія своей задачи, каковую она формулировала въ четырехъ пунктахъ: 1) устройство гоголевской выставки, 2) изданіе гоголевскаго „Сборника", 3) раздача учащимся и народу произведеній Гоголя и 4) устройство собственно празднествъ и торжествъ въ юбилейные дни. По этимъ четыремъ пунктамъ коммиссіею сдѣлано слѣдующее.

А, *Выставка*. Слѣдуя прекрасному, въ настоящее время получившему распространеніе обычаю соединять съ литературнымъ чествованіемъ того или иного писателя устройство выставки, посвященной этому писателю, коммиссія рѣшила устроить выставку въ память Н. В. Гоголя, пріурочивъ ее къ 50-лѣтію со дня его кончины. По мысли коммиссіи, выставка должна была дать средства возможно полно и наглядно воскресить эпоху, когда жилъ Гоголь, среду, гдѣ онъ вращался, самую жизнь писателя, его дѣятельность. Не ограничиваясь этимъ, коммиссія находила полезнымъ дать мѣсто на выставкѣ всему тому, что могло бы способствовать и уясненію дѣятельности Гоголя нашею литературою, иллюстрировавъ по возможности и исторію изученія писателя. Принявъ въ основу такой планъ, коммиссія приступила къ собиранію матеріаловъ и на первыхъ же порахъ убѣдилась въ необходимости обратиться за содѣйствіемъ не только къ лицамъ, сочувствующимъ идеѣ, въ Нѣжинѣ, но и внѣ его. Призывъ къ содѣйствію встрѣченъ былъ съ сочувствіемъ: оказалось возможнымъ собрать на выставкѣ достаточно полный матеріалъ и даже получить предметы цѣнные и рѣдкіе. Разумѣется, на первомъ планѣ должна быть поставлена коллекція самого Института: ему принадлежатъ рукописи-автографы Н. В. Гоголя, въ его архивѣ сохранились подлинные документы времени ученія Гоголя въ гимназіи высшихъ наукъ. Немаловажныя услуги коммиссіи оказали также нѣкоторые московскіе коллекціонеры, какъ С. П. Виноградовъ, уступившій для выставки цѣ-

ный рядъ рисунковъ и портретовъ, А. И. Станкевичъ, А. И. Шуваловъ, В. Н. Рогожинъ, которому принадлежитъ величайшая библiографическая рѣдкость изъ бывшихъ на выставкѣ—„Ганцъ Кюхельгартенъ», изд. 1829 года. Такъ составилась Гоголевская выставка, достигшая, какъ явствуетъ изъ напечатаннаго ея каталога, численности 967 номеровъ. За неимѣнiемъ другого подходящаго помѣщенiя, выставку пришлось помѣстить довольно тѣсно въ Институтской библiотекѣ, и эта тѣснота лишала выставку того вида, который она могла бы имѣть въ болѣе просторномъ помѣщенiи. Выставка была открыта для обозрѣнiя ея публикою съ 21 февраля по 3 марта ежедневно отъ 11—2 и отъ 3—5 часовъ. Въ теченiе этого времени, по составленному предварительно росписанiю, выставку осматривали учащiеся всѣхъ учебныхъ заведенiй г. Нѣжина въ сопровожденiи своихъ учителей и учительницъ, которые при этомъ снабжались экземплярами печатнаго каталога выставки. Кромѣ того, на выставкѣ перебывало значительное количество публики изъ разнообразныхъ слоевъ общества. Посѣтителямъ выставки давались объясненiя какъ председателемъ и нѣкоторыми членами коммисеiи, такъ и приглашенными для сего студентами Института и учениками старшаго класса состоящей при немъ гимназiи.

Б, Гоголевскiй «Сборникъ».—Изданiе сборника, посвященнаго памяти Н. В. Гоголя, было предметомъ неоднократныхъ сужденiй коммиссiи. Коммиссiя считала это изданiе существенною частью своей задачи, но встрѣчала значительныя затрудненiя въ матерiальномъ отношенiи, такъ какъ изданiе «Сборника» въ томъ размѣрѣ, видѣ и количествѣ, какъ онъ теперь вышелъ, грозило поглотить чуть не цѣликомъ имѣвшiяся въ распоряженiи коммиссiи денежныя средства, требуя расхода до тысячи рублей. Изъ этого затрудненiя коммиссiя вышла благодаря сдѣлкѣ съ кiевскою типографiею С. В. Кульженко, по которой типографiя согласилась за напечатанiе 600 экземпляровъ «Сборника» получить отъ коммиссiи наличными деньгами только 500 рублей, а остальную слѣдующую ей сумму выручить отъ продажи предоставленныхъ ей 400 экз. «Сборника», причемъ оставшiеся непроданными, послѣ полнаго погашенiя долга, экземпляры поступаютъ въ собственность коммиссiи, наравнѣ съ 200 экз., выданными типографiею коммиссiи тотчасъ по напечатанiи изданiя. Изданный въ типографiи Кульженка «Гоголевскiй

Сборникъ» состоитъ изъ 28 печатныхъ листовъ и 8 фототипій и заключаетъ въ себѣ статьи М. Н. Сперанскаго, П. А. Заболотскаго и И. А. Сребницкаго и каталогъ выставки. Изъ выданныхъ коммиссіи 200 экз. «Сборника» роздано и разослано 112 экз. членамъ коммиссіи, учрежденіямъ, входившимъ въ ея составъ, лицамъ, доставившимъ предметы на выставку, высшимъ начальствующимъ лицамъ, университетскимъ и нѣкоторымъ другимъ правительственнымъ библіотекамъ, авторамъ статей, вошедшихъ въ «Сборникъ», а также студентамъ Института, принимавшимъ участіе въ устройствѣ гоголевскихъ торжествъ. Кромѣ того коммиссія заказала 200 оттисковъ каталога гоголевской выставки и приняла на счетъ своихъ средствъ уплату, въ суммѣ 22 рублей, за печатаніе П. А. Заболотскимъ 50 отдѣльныхъ оттисковъ помѣщенной имъ въ «Сборникѣ» статьи «Н. В. Гоголь въ русской литературѣ, библіографическій обзоръ».

В, Раздача произведеній Гоголя.—За истеченіемъ 50-лѣтія со дня кончины Н. В. Гоголя и прекращеніемъ права литературной собственности его наслѣдниковъ, произведенія Гоголя становятся общимъ достояніемъ, прежде всего достояніемъ той массы народной, которая до сего времени могла знакомиться съ произведеніями великаго писателя только въ болѣе или менѣе неудачныхъ и грубыхъ передѣлкахъ лубочнаго рынка. Къ гоголевскому празднеству появляется много изданій сочиненій Гоголя, въ томъ числѣ и дешевыхъ, назначенныхъ для распространенія въ массѣ народа. Коммиссія, включивши въ число своихъ задачъ раздачу сочиненій Гоголя учащимся въ низшихъ школахъ и народу, ознакомилась со многими изъ этихъ изданій и остановилась изъ нихъ на изданіи московскаго книгопродавца Сытина, въ виду дешевизны этого изданія, удовлетворительной его внѣшности, хорошихъ иллюстрацій и ручательства за внутреннія качества изданія въ лицѣ его редактора, проф. А. И. Кирпичникова. Коммиссія пріобрѣла 3000 экз. брошюрокъ различныхъ сочиненій Гоголя, а именно: «Сорочинская ярмарка», «Вечеръ наканунѣ Ивана Купалы», «Майская ночь, «Пропавшая грамота», «Ночь передъ Рождествомъ», «Страшная месть», «Заколдованное мѣсто», «Вій», «Шинель», «Ревизоръ», «Женитьба» и «Тарасъ Бульба». Изъ этого числа около 1300 экз. розданы учащимся всѣхъ низшихъ школъ г. Нѣжина и въ чайныя комитета трезвости, а 1766 экз. препровождены

въ земскую управу для раздачи въ уѣздѣ. Кромѣ того пріобрѣтено 20 экз. сборника сочиненій Гоголя для библіотекъ школъ г. Нѣжина. Учащимся въ мужской и женской гимназіяхъ были розданы портреты Гоголя, изд. Редакціею «Правительственнаго Вѣстника». Всего было выписано 1000 портретовъ, изъ этого числа 320 экз. передано въ мужскую гимназію, 400 экз.—въ женскую, а остальные 280 экзем. уступлены частнымъ лицамъ за покупную цѣну. Затѣмъ коммиссія пріобрѣла 3 гипсовыхъ бюста Гоголя: одинъ изъ нихъ былъ помѣщенъ на выставкѣ, другой въ Нѣжинскомъ Народномъ домѣ, а третій—въ женской Гимназіи. По окончаніи гоголевскихъ торжествъ, согласно постановленію, одинъ бюстъ остается въ Институтѣ, другой предназначается для имѣющей открыться лѣтомъ настоящаго года городской школы, которой предположено дать названіе «Гоголевской», а третій, по ходатайству К. Е. Троцины, переданъ въ читальню Комитета трезвости.

Г. Выработкѣ *программы гоголевскихъ празднествъ* и изысканію способовъ ея выполненія посвящена была большая часть засѣданій Коммиссіи. Совпаденіе гоголевскаго юбилея съ днями, свободными для учащихся и учащихъ отъ занятій, дало возможность разложить празднованіе на нѣсколько дней и привлекать къ участію въ немъ тѣ или иныя категоріи школъ. Съ другой стороны, активное участіе самихъ учащихся въ видѣ воспроизведенія ими сочиненій Гоголя встрѣчало затрудненія въ характерѣ и формѣ этихъ сочиненій. Послѣ продолжительныхъ обсужденій коммиссіею выработана была слѣдующая программа: 21 февраля отслужена была заупокойная литургія и паннихида по Н. В. Гоголѣ въ институтской церкви, при чемъ законоучителемъ Института, свящ. А. В. Лобачевскимъ, произнесено было слово «Гоголь, какъ христіанинъ». Въ тотъ же день, въ 12 ч. дня, въ залѣ торжественныхъ собраній Института происходилъ актъ, открытый вступительною рѣчью Директора Института Ф. Ф. Гельбке, объяснявшею значеніе торжества и его виновника, великаго писателя; потомъ слѣдовала рѣчь проф. М. Н. Сперанскаго «Гимназія высшихъ наукъ и нѣжинскій періодъ жизни Н. В. Гоголя», а послѣ нея секретаремъ Гоголевской Коммиссіи, И. А. Сребницкимъ, прочитанъ былъ отчетъ о дѣятельности Коммиссіи. Актъ былъ заключенъ хоровымъ пѣніемъ гимна въ честь Гоголя и чтеніемъ г. Директоромъ Института поздравительныхъ телеграммъ, полученныхъ Институтомъ и

Гоголевскою Коммиссіею отъ различныхъ учрежденій и лицъ. Вечеромъ того же дня въ одной изъ залъ Института,—въ той самой, въ которой устраивалъ театральныя представленія и Гоголь-гимназистъ,—представленъ былъ «Ревизоръ» и прочитаны «Записки сумасшедшаго» съ пѣніемъ, во время антрактовъ, хоровыхъ пьесъ. На представленіи этомъ, кромѣ лицъ преподавательскаго и воспитательскаго персонала Института и обѣихъ гимназій и учащихся (студентовъ Института, а также учениць и учениковъ старшихъ классовъ гимназій), присутствовали многочисленные представители мѣстнаго общества. Учащіеся среднихъ классовъ мужской и женской гимназій присутствовали на генеральной репетиціи „Ревизора" наканунѣ, 20 числа. Послѣ представленія въ Институтѣ, „Ревизоръ" былъ повторенъ, вечеромъ 22 числа, въ Народномъ домѣ для учащихся воскресныхъ и вечернихъ классовъ для взрослыхъ и для народа. Другое драматическое произведеніе Гоголя – „Женитьба"— представлено было въ Народномъ домѣ дважды: утромъ 23 числа—для учениковъ Городского 4—класснаго и Александровскаго Греческаго училищъ и утромъ 24 числа--для народа. Въ исполненіи драматическихъ произведеній Гоголя принимали участіе студенты Института, члены мѣстнаго драматическаго общества и другіе любители драматическаго искусства. Подготовка театральныхъ представленій—подборъ необходимыхъ для этого силъ, устройство сценической обстановки, костюмовъ и проч. потребовали отъ коммиссіи много времени, трудовъ и довольно значительныхъ денежныхъ затратъ.—Для учащихся низшихъ городскихъ и церковно-приходскихъ школъ въ народномъ же домѣ было устроено, утромъ 22 числа, чтеніе нѣкоторыхъ сочиненій Гоголя съ туманными картинами и съ сообщеніемъ біографическихъ свѣдѣній о писателѣ. Для учащихся мужской и женской гимназіи, кромѣ присутствія ихъ на генеральной репетиціи „Ревизора" въ Институтѣ, было устроено въ женской гимназіи вечернее собраніе 23 числа съ рѣчью проф. М. И. Мандеса о Гоголѣ, чтеніемъ учениками и ученицами отрывковъ изъ произведеній послѣдняго и исполненіемъ вокально-музыкальныхъ пьесъ на гоголевскіе сюжеты. Для учениковъ и учениць трехъ низшихъ классовъ гимназій было устроено подобное собраніе еще 16 числа, гдѣ читались біографія Гоголя и отрывки изъ его произведеній. Въ томъ же родѣ 17 числа устроено было чтеніе для народа въ Народномъ домѣ. На чтеніяхъ и

драматическихъ представленіяхъ въ народномъ домѣ число присутствующихъ обыкновенно было до 350.

Израсходовано Коммиссіею:

1) По устройству выставки.

а) Картонъ, кнопки, гвозди и пр. . .	35 р.	76 к.	
б) Столярныя работы	26 р.	72 к.	
в) Обойщику	10 р.	— к.	
г) Ситецъ и коленкоръ	22 р.	85 к.	
д) Пріобрѣтеніе 3-хъ бюстовъ Гоголя .	40 р.	57 к.	135 р. 90 к.

2) По печатанію „Сборника“.

а) Уплачено типографіи Кульженко . .	550 р.	— к.	
б) За печатаніе оттисковъ каталога выставки	49 р.	45 к.	
в) За печатаніе оттисковъ статьи П. А. Заболотскаго	22 р.	— к.	
г) Гонораръ наборщикамъ типографіи .	20 р.	— к.	641 р. 45 к.

3) По раздачѣ книгъ и портретовъ.

а) Уплачено Сытину за сочиненія Гоголя .	106 р.	65 к.	
б) За портреты уплачено	14 р.	50 к.	
в) Почтовые и телеграфные расходы . .	3 р.	30 к.	
г) Разсылка „Сборника“	12 р.	90 к.	137 р. 35 к.

4) По устройству празднествъ.

а) Устройство сцены: работы плотничныя и малярныя	44 р.	25 к.	
б) Устройство и прокатъ театр. костюмовъ, парикмахеръ, гриммъ и пр.	164 р.	52 к.	
в) Пріобрѣтеніе книгъ и нотъ	14 р.	73 к.	
г) Переписка и печатаніе ролей и нотъ .	24 р.	79 к.	
д) Прокатъ мебели	32 р.	— к.	
е) Прислугѣ	38 р.	90 к.	
ж) Устройство репетицій, освѣщеніе, чай и пр.	74 р.	99 к.	
з) Печатаніе программъ, билетовъ, приглашеній и пр.	36 р.	20 к	
и) Наемнымъ пѣвчимъ	5 р.	— к.	435 р. 38 к.
Итого . . .			1350 р. 8 к.

Изъ сопоставленія только что приведенной цифры съ цифрою, показанной на стр. 5 и 6 отчета видно, что расходъ превышаетъ доходъ на 8 коп. Но такъ какъ коммиссіею выручено:

а) отъ продажи каталоговъ выставки	20 р.	
б) отъ продажи театр. костюмовъ	18 р.	
в) отъ продажи картона отъ выставки	5 р.	
г) за портреты	2 р.	80 к.
а всего . . .	45 р.	80 к.

то въ концѣ концовъ образовался остатокъ въ 45 р. 72 к. Коммиссія постановила передать поровну (по 22 р. 86 к.) учредителямъ воскресныхъ классовъ для взрослыхъ и вечернихъ женскихъ классовъ для взрослыхъ для пополненія библіотекъ сихъ классовъ. Оставшіеся 88 экз. «Сборника» (см. стр. 8 отчета) и 86 экз. каталога выставки приняты Институтомъ въ складъ, при чемъ деньги, имѣющія быть вырученными отъ продажи, при посредствѣ правленія Института, означенныхъ книгъ, а также другихъ экземпляровъ «Сборника», которые, быть можетъ, поступятъ въ Институтъ изъ типографіи Кульженки (см. тамъ же), будутъ отданы для той же цѣли воскреснымъ классамъ для взрослыхъ.

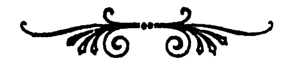
ПАМЯТИ

Николая Ефремовича

СКВОРЦОВА,

второго Директора Историко-Филологическаго Института въ г. Нѣжинѣ.

Страница изъ внутренней исторіи русской школы.

НѢЖИНЪ.
Типо-литогр. М. В. Глезера.
1902.

Печатано по постановленію конференціи Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко. Директоръ Института. Ф. Гельбке.

ПАМЯТИ

Николая Ефремовича Скворцова,

второго директора Историко-Филологическаго Института въ г. Нѣжинѣ.

Страница изъ внутренней исторіи русской школы.

> Ἐν τῷ βίῳ οἱ μὲν ἀνδραποδώδεις φύονται δόξης καὶ πλεονεξίας θηραταί, οἱ δὲ φιλόσοφοι τῆς ἀληθείας. (Пиѳагорейское изреченіе).

Нужно быть самому въ нѣкоторой степени философомъ, чтобъ умѣть основательно защищать или оспаривать то основоположеніе Гегелевской философіи, что всѣ порядки физическихъ силъ и явленій вещественнаго міра представляютъ въ послѣдней основѣ своей не что иное, какъ различные моменты діалектическаго раскрытія единой всеобъемлющей міровой идеи по нѣкіимъ непреложнымъ законамъ абсолютной логики, между тѣмъ какъ и не будучи вовсе философомъ, а обладая лишь простымъ вдумчиво-наблюдательнымъ смысломъ, скоро можно согласиться съ Гегелемъ, что нѣчто похожее на такую логику имѣетъ мѣсто по крайней мѣрѣ въ мірѣ духовномъ человѣческомъ и въ широкой сферѣ различныхъ общественныхъ группъ и въ узкой сферѣ отдѣльныхъ личностей, такъ какъ тутъ не разъ можно наблюдать такое явленіе, что когда та или другая имѣющая истинную цѣнность идея находитъ для себя надлежа-

жаще подготовленную воспріимчивую почву въ извѣстной человѣческой группѣ, въ извѣстной личности, то она внѣдрившись въ эту почву, какъ живое сѣмя, впитываетъ затѣмъ въ себя изъ нея все больше и больше жизненныхъ соковъ и совмѣстно съ этимъ сама растетъ, развиется въ рядѣ извѣстныхъ моментовъ, или фазисовъ съ такою почти непреложною діалектическою послѣдовательностію, которую личная такъ называемая свободная воля измѣнить въ направленіи или пріостановить не пытается, да кажется и не можетъ. Въ параллель съ этимъ обыкновенно и внѣшняя жизнь, вся жизненная судьба такой личности въ своемъ теченіи принимаетъ видъ своего рода фатальной діалектики, только діалектики, управляемой уже совсѣмъ инымъ закономъ—такимъ мудренымъ закономъ взаимодѣйствія житейскихъ человѣческихъ отношеній, составъ и смыслъ котораго даже философу не вполнѣ понятенъ,—вѣрнѣе, философу понятенъ менѣе, чѣмъ кому-бы-то ни было другому. Жизнь эта съ внѣшней стороны и съ обычной утилитарной точки зрѣнія большею частію бываетъ неудачна, иногда даже трагична по той причинѣ что какъ ни высока по своей истинной цѣнности та или другая идея, но ее на первыхъ порахъ всегда обыкновенно встрѣчаетъ непониманіе и косное противодѣйствіе большинства, съ которымъ ей приходится вести болѣе или менѣе продолжительную и упорную борьбу,—при чемъ она совсѣмъ не бережетъ, не жалѣетъ тѣхъ силъ, которыми владѣетъ и пользуется въ этой борьбѣ за господство. Такая законченная смертію двойственная діалектика той или другой личности для людей, понимающихъ только цѣнность всего видимаго и осязаемаго вещественнаго, конечно, совсѣмъ не интересна, непонятна даже странна; но она имѣетъ глубокій поучительный интересъ какъ своею такъ сказать теоретическою или метафизическою стороною для философа, такъ и своею психологическою и жизненною стороною для всѣхъ тѣхъ, которые болѣе или менѣе причастны той самой идеѣ и ея діалектическому процессу въ теоріи и въ жизни. Въ такомъ именно свѣтѣ и смыслѣ представляется намъ жизнь недавно скончавшагося втораго Директора нашего Института на основаніи оставшихся послѣ него его сочиненій, въ порядкѣ появленія ихъ въ печати, и вмѣстѣ въ порядкѣ раскрытія въ нихъ тѣхъ идей, надъ которыми преимущественно и неустанно работалъ его сильный и широкій, если не творческій то несомнѣнно организаторскій философскій

умъ, истину и цѣнность которыхъ отстаивалъ съ рѣдкимъ мужествомъ и дерзновеніемъ, для осуществленія которыхъ дѣлалъ все возможное съ удивительною послѣдовательностію и настойчивостію, не щадя ни времени, ни силъ, ни даже своего служебнаго положенія.

I. Николай Ефремовичъ Скворцовъ родился 13 Октября 1836 года въ Москвѣ, въ духовной семьѣ, и уже до поступленія въ школу т. е. до десятилѣтняго возраста,—кто нынѣ могъ-бы этому повѣрить?— занимался съ найбольшимъ интересомъ переложеніемъ съ русскаго на латинскій языкъ отдѣльныхъ фразъ и цѣлыхъ отрывковъ. Показавши однажды мнѣ, въ качествѣ самой драгоцѣнной старинной рукописи, нѣсколько синихъ исписанныхъ такого рода тетрадокъ съ выцвѣтшими латинскими письменами, онъ сказалъ: «не правда ли—вѣдь эта copia errorum на каждой строчкѣ не важна тѣмъ болѣе, что исправлять ихъ у меня некому было, а важно то, что я дѣлалъ это уже мальчикомъ proprio motu безъ всякаго посторонняго внушенія и направленія; можно подумать, что я родился съ маленькой латинской клепкой въ головѣ». Имѣющій такую странную тенденцію мальчикъ поступилъ въ школу,—сперва въ одно изъ московскихъ духовныхъ училищъ (Спасо-Андроніевское) сразу въ 3-й классъ, называвшійся тогда инфимой, а потомъ, чрезъ четыре года, въ московскую духовную семинарію, по окончаніи курса въ которой онъ однако не пошелъ по прямому начатому учебному пути, а направился въ московскій университетъ на филологическій факультетъ, и уже этимъ показалъ въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ, кромѣ научной пытливости, смѣлую и сильную волю, такъ какъ въ то время переходъ изъ духовныхъ заведеній въ свѣтскія соединенъ былъ съ немалыми формальными затрудненіями по увольненію изъ духовнаго званія, а въ данномъ случаѣ требовалъ кромѣ того основательной подготовки къ пріемному въ высшей школѣ испытанію. Можно пожалѣть не мало о томъ, что нашъ молодой студентъ не засталъ уже въ Университетѣ ни знаменитаго Грановскаго, ни подававшаго большія надежды Кудрявцева,—который какъ разъ осенью этого года (1856) получилъ заграничную командировку и больше, кажется, не читалъ уже лекцій, а еще больше о томъ, что философская каѳедра, послѣ М. Н. Каткова упраздненная, не была еще къ этому времени возстановлена. Но и безъ этого ему все еще было чему поучиться у такихъ профессоровъ какъ Шевыревъ, Буслаевъ, Бодянскій;

великій историкъ Соловьевъ, убѣжденнѣйшій и ретивѣйшій классикъ Леонтьевъ и др. Важнѣе же всего, что это было какъ разъ то время, когда идея ученой классической школы проникнувъ съ запада на нашу Русь святую и найдя себѣ тутъ—прежде всего въ самой сердцевинѣ ея—въ Москвѣ, свѣжую, сочную, непочатую неистощенную почву, начала тутъ діалестической процессъ первыхъ всходовъ и роста, точнѣе, когда московскій филологическій факультетъ, послѣ изданія классическаго сборника Пропилеевъ, сталъ (въ лицѣ Леонтьева, Каткова и др.) очагомъ умственнаго движенія въ пользу классицизма, какъ главной основы ученія въ средней и высшей школѣ,—и неудивительно, что нашъ студентъ попавъ въ сильную струю этого новаго теченія, отдался ему всецѣло, т. е. предался главнымъ образомъ классическимъ студіямъ. Съ этого момента классическая идея могла начать и въ немъ свой діалектическій процессъ тѣмъ удобнѣе и успѣшнѣе, что онъ, какъ даровитѣйшій изъ питомцевъ духовной школы, (хотя главнымъ образомъ богословской, но никогда не вычеркивавшей изъ своихъ учебныхъ плановъ и философіи) вынесъ изъ нея сильную склонность и большую незаурядную способность къ философствованію т. е. къ отвлеченному, логически-послѣдовательному, систематизирующему мышленію. Эту свою способность во время четырехлѣтняго университетскаго ученія онъ успѣлъ до такой степени развить и, конечно, въ своихъ студіяхъ фактически проявить, что по окончаніи курса оставленъ былъ при Университетѣ въ качествѣ стипендіата на два года для приготовленія къ профессорскому званію именно по каѳедрѣ философіи, и это не смотря на то, что философскихъ курсовъ въ строгомъ смыслѣ слова онъ не слушалъ и былъ въ философіи, какъ и самъ потомъ сознавался, автодидактомъ.

II. Однако, по минованіи двухъ стипендіальныхъ лѣтъ, ему не пришлось тотчасъ приложить къ дѣлу плоды своей спеціальной подготовки въ преподаваніи философіи съ университетской каѳедры: впродолженіе трехъ слѣдующихъ лѣтъ, правда, онъ имѣлъ дѣло и въ Университетѣ, но не по своей спеціальности и не профессорское, а туторское,—именно онъ занимался по найму греческимъ языкомъ съ недостаточно подготовленными въ семъ предметѣ студентами 1-го курса, а кромѣ того въ тоже время преподавалъ въ двухъ заведеніяхъ русскій языкъ и въ 1-й московской гимназіи латинскій языкъ въ званіи старшаго учителя.

Это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что московскій Университетъ, какъ только была возстановлена въ немъ философская каѳедра, не захотѣлъ ждать, пока его питомецъ пройдетъ всѣ стадіи, ведущія къ профессурѣ и поспѣшилъ пригласить на эту каѳедру готоваго извѣстнаго въ то время профессора философіи изъ кіевской духовной Академіи П. Д. Юркевича, въ лицѣ котораго нашъ молодой философъ имѣлъ нѣкоторое время прекраснаго руководящаго собесѣдника по своей спеціальности. Трудно сказать, отразилось ли и въ какой степени отразилось на немъ вліяніе этого опытнаго профессора, по мысленаправленію убѣжденнаго идеалиста, строгаго систематика, отличнаго знатока исторіи философіи, особенно новой, трудно потому что получивъ заграничную командировку, онъ послѣ этого еще два года слишкомъ продолжалъ свои занятія при нѣсколькихъ европейскихъ университетахъ, не менѣе полугода прожилъ въ Гейдельбергѣ, столько же въ Берлинѣ, гдѣ въ то время еще славился Тренделенбургъ, былъ нѣкоторое время въ Оксфордѣ, но дольше всего пробылъ въ Геттингенѣ, гдѣ слушалъ курсы знаменитѣйшаго изъ Гербартіанцевъ Г. Лотце и работалъ, пользуясь его руководящими совѣтами. Можно думать, что если московской профессоръ помогъ нашему молодому философу прочно заложить въ своемъ мышленіи первыя основы идеалистическаго міровоззрѣнія, то Геттингенскій профессоръ могъ только поддержать, укрѣпить его въ этомъ мысленаправленіи и облегчить дѣло дальнѣйшаго философскаго построенія на этихъ основахъ, а кромѣ того, самъ владѣя въ совершенствѣ особымъ діалектико-генетическимъ методомъ изложенія какъ въ живомъ преподаваніи философскихъ дисциплинъ съ каѳедры, такъ отчасти и въ своихъ печатныхъ произведеніяхъ, онъ несомнѣнно имѣлъ на него даже большое вліяніе именно въ этомъ методологическомъ или дидактическомъ отношеніи, т. е. помогъ ему выработать особую именно діалектическую манеру философствованія, усвоить особые способы постановки философскихъ вопросовъ, комбинированія и обработки ихъ въ логически-генетической послѣдовательности и связи, хотя впрочемъ усвоенію этой особой манеры могла съ своей стороны много способствовать особая, именно діалектическая форма Платоновыхъ произведеній, надъ которыми онъ уже въ то время очень много работалъ.

Интересно, что слушая у профессоровъ курсы разныхъ философскихъ дисциплинъ въ новой постановкѣ и обработкѣ, онъ въ своихъ домашнихъ

занятіяхъ такъ всецѣло отдавался изученію классической философіи по первоисточникамъ, что самъ Лотце счелъ нужнымъ нѣсколько охладить это его увлеченіе кропотливою работою надъ произведеніями греческихъ философовъ; но это было уже послѣ того, какъ онъ, оставивъ въ Россіи напечатанный свой переводъ «политики» Аристотеля, заграницей уже проштудировалъ нѣсколько діалоговъ Платона, перевелъ метафизику Аристотеля, сдѣлалъ сокращенное изложеніе почти всего его органна[1]). Подобно всѣмъ командированнымъ заграницу на казенный счетъ, и онъ долженъ былъ представлять и представлялъ обычные періодическіе отчеты о занятіяхъ; но, къ сожалѣнію, эти его отчеты не напечатаны полностію, такъ что мы не знаемъ, была ли въ нихъ рѣчь о содержаніи выслушанныхъ курсовъ, объ уровнѣ развитія изучаемыхъ наукъ, о постановкѣ ихъ, о дидактикѣ или методикѣ ихъ и т. п.; въ напечатанныхъ-же извлеченіяхъ фигурируютъ только готовые продукты его домашнихъ самостоятельныхъ занятій главнымъ образомъ по древней философіи, имѣющіе видъ ученыхъ журнальныхъ статей, или такъ называемыхъ рефератовъ. Одинъ изъ нихъ есть рецензія на новое, но уже въ то время получившее большую извѣстность въ философскомъ мірѣ трехтомное сочиненіе по исторіи древней философіи знаменитаго Грота—Plato and the other companions of Socrates, рецензія только принципіальная т. е. критикующая только основныя понятія автора о философіи вообще и греческой въ особенности, но не входящая въ оцѣнку изложенія разныхъ философскихъ системъ и доктринъ; такую оцѣнку онъ дѣлалъ уже позднѣе въ своихъ анализахъ то одного, то другого изъ Платоновскихъ діалоговъ, находя Гротовское пониманіе и изложеніе Платоновскихъ доктринъ во многихъ пунктнахъ нефилософскимъ, простымъ и яснымъ, но поверхностнымъ, какъ это есть и на самомъ дѣлѣ. Другой рефератъ есть анализъ—Платонова Протагора, анализъ болѣе глубокомысленный, чѣмъ соотвѣтствующій Гротовскій. Болѣе всѣхъ интересенъ тотъ рефератъ

---

[1]) Видѣлъ я собственными глазами у него и переведенную метафизику Аристотеля, и большую тетрадь сокращеннаго изложенія Органона съ такою припиской на концѣ: «сегодня заходилъ ко мнѣ Лотце и сказалъ, что я непроизводительно трачу время на это слишкомъ кропотливое дѣло,—я и бросилъ пока это дѣло.

(озаглавленный «литература и наука»), въ которомъ авторъ счелъ почему-то умѣстнымъ и нужнымъ оправдывать и защищать свое предпочтеніе студій по древней философіи всякимъ другимъ занятіямъ, даже занятіямъ новой философіей. Эта защита тоже принципіальнаго свойства и такъ характерна для ея автора, что не лишне будетъ привести изъ нея небольшую выдержку. «Что касается до современной философской литературы, данной въ произведеніяхъ такихъ писателей какъ Тэнъ, Жане, Робонъ, Литтре, да и О. Контъ, то я долженъ сознаться, что знакомство мое съ нею довольно ограниченно. Сознавая подлинную задачу философіи, понимая философію, какъ науку, которая, какъ всякая наука, имѣетъ свои предѣлы, свои принципы и свои источники, я изучаю философію не въ литературѣ, а въ источникахъ, стараясь сколько возможно овладѣть матеріаломъ. Какъ ни чужда, повидимому, для окружающей дѣйствительности та сфера, въ которой находится изучающій Платона, Аристотеля, Спинозу, Декарта, Канта и др. какъ ни скучно и странно повидимому разсуждать объ отношеніи понятія знанія къ понятію мужества и храбрости и т. п. въ то время, когда новая философская литература рѣшаетъ самые живые вопросы современной дѣйствительности; какъ ни странно повидимому читать Аристотеля, который, какъ оказывается, наговорилъ столько смѣшныхъ вещей въ своей физіологіи и психологіи, въ то время, когда физіологія готова оживить омертвѣлую клѣточку, заставить ее расти и двигаться и чуть ли не надѣется современемъ создать организмъ безъ обыкновеннаго процесса зачатія и рожденія; какъ ни странно, повидимому, повторять ученіе Канта о пространствѣ и времени нынѣ, когда таже физіологія готова доказать, что пространство и время самою натурою своею даны въ мозгу животнаго—въ тѣхъ пространственныхъ и послѣдовательныхъ сочетаніяхъ ганглій, происходящихъ отъ внѣшняго раздраженія, которыя могутъ быть выражены въ математическихъ фигурахъ и въ алгебраическихъ формулахъ; какъ ни странно, повидимому, изучать метафизику Платона и Аристотеля, когда Контъ, Литтре и другіе утверждаютъ, что періодъ метафизики прошелъ и наступилъ періодъ позитивизма, въ которомъ высшее знаніе явленій есть лишь знаніе исторіи ихъ—знаніе того, что за чѣмъ слѣдовало; какъ ни странно, повидимому, вникать въ глубину ученія Платона объ идеяхъ, которое онъ развиваетъ между прочимъ противъ Протагорова

homo mensura въ то время, когда новый философъ Гротъ защищаетъ Протагорову mensuram противъ идей Платона; какъ ни странно все это, но я убѣжденъ, что изучая Платона, Аристотеля, Канта, и не читая Тэна, Литтре и Конта, я не только не уклоняюсь отъ своей цѣли изучать философію, но только благодаря изученію этихъ *отцовъ философіи*, я имѣю возможность оцѣнить по достоинству и современную философскую литературу. Дѣйствительно,—чѣмъ болѣе въ глубь въ сущность философіи, тѣмъ свѣтлѣе становится взглядъ и на окружающее; чѣмъ шире захватываетъ моя философская студія, тѣмъ понятнѣе и проще становится для меня и философская эпопея современныхъ философовъ»[1]).

Внѣшнимъ образомъ это убѣжденное предпочтеніе философскихъ студій по древней классической философіи всякимъ другимъ выразилось у Н. Е. тѣмъ, что онъ уже заграницей обработавъ для печати свои изслѣдованія по двумъ діалогамъ Платона—Менону и Өеэтету, занялся печатаніемъ ихъ тотчасъ по возвращеніи въ Москву. Кромѣ того, уже гораздо позднѣе, въ цѣляхъ собственно гимназическаго ученія, онъ издалъ еще и третій діалогъ Платона Евтидемъ (греческій текстъ съ непрерывными къ нему примѣчаніями, съ предварительными объясненіями къ чтенію его и съ помѣщеніемъ по частямъ краткаго содержанія между текстомъ). Второй въ этой трилогіи діалогъ подъ заглавіемъ «Платонъ о знаніи въ борьбѣ съ сенсуализмомъ и разсудочнымъ эмпиризмомъ» былъ представленъ авторомъ въ совѣтъ Московскаго Университета въ качествѣ магистерской диссертаціи; ея рецензентомъ и при защитѣ главнымъ оппонентомъ былъ упомянутый выше П. Д. Юркевичъ. Намъ неизвѣстно, какую онъ далъ рецензію на эту диссертацію; по нашему же мнѣнію, это есть одно изъ капитальнѣйшихъ изслѣдованій во всей извѣстной намъ литературѣ по Өеэтету[2]) и вмѣстѣ есть лучшее изъ всѣхъ философскихъ произведеній автора, въ которомъ онъ обнаружилъ и огромную эрудицію (какъ въ предварительномъ критическомъ обозрѣніи лите-

---

[1]) Журналъ Мин. Нар. Просв. 1866 г. Октября стр. 2.3.

[2]) Намъ извѣстенъ только одинъ анализъ Теэтета болѣе обстоятельный и вмѣстѣ болѣе простой и ясный, это именно Untersuchungen über das System Plato's mit besonderer Rücksicht auf den Theätet v. D. Peipers 1880 г.), но появившийся десятью годами позже этого.

ратуры по исторіи греческой философіи вообще и по Θеэтету въ особенности, такъ и по частнымъ вопросамъ, которые возникали и рѣшались въ процессѣ изслѣдованія, и основательную критику и тонкую діалектику, вообще, полную зрѣлость и самостоятельность философскаго мышленія.

III. Предоставляя всѣ эти изслѣдованія о Платону суду вполнѣ компетентныхъ въ этой области лицъ т. е. филологовъ и философовъ, біографъ находитъ умѣстнымъ въ данномъ случаѣ отмѣтить лишь двѣ вещи—оригинальную характеристику платоновскаго мышленія и міровоззрѣнія, и оцѣнку произведеній Платона съ точки зрѣнія ихъ пригодности для цѣлей школьнаго философскаго образованія. «Прежняя критика Платоновыхъ произведеній, разсуждаетъ нашъ авторъ, была направлена не столько на содержаніе ихъ и философское значеніе, сколько на самого автора ихъ и на тѣ фигуры, которыя говорятъ за него въ его діалогахъ, интересовалась гораздо болѣе исторіею Платонова дѣла, чѣмъ самою его сущностію, болѣе сценическимъ эффектомъ его діалоговъ, чѣмъ ихъ философскимъ смысломъ, болѣе тѣмъ впечатлѣніемъ, какое они имѣли для своего времени, нежели тѣмъ значеніемъ, какое они должны имѣть въ общей системѣ нашего философскаго образованія. Высокое литературное достоинство произведеній Платона до того чаруетъ эту критику, что она видитъ въ нихъ драмы, рождаемые жизнію. Занимаясь этими драмами, она любитъ уноситься своею мыслію въ среду исторической дѣйствительности и старается вѣрно поставить діалоги Платона только какъ историческіе факты, какъ сцены исторической жизни, въ ряду другихъ фактовъ и сценъ прошедшаго времени. Увлекаясь кажущеюся драматичностію діалоговъ Платона, она какъ зритель, сочувствуетъ и одобряетъ однихъ изъ дѣйствующихъ лицъ, порицая и издѣваясь надъ другими»[1]. «Я же стоялъ и стою твердо на томъ убѣжденіи, что, при всемъ художественномъ достоинствѣ рѣчи Платона, въ произведеніяхъ его нѣтъ элементовъ подлинно драматическихъ, что діалоги его только кажутся драмами и что этотъ кажущійся драматизмъ требовался діалектическимъ ходомъ его собственнаго философскаго мышленія, что драматическая коллизія разговаривающихъ въ діалогахъ лицъ есть только выраженіе драматизма его собственнаго мышленія, что лица эти, вообще говоря, суть лишь служебныя орудія въ мышленіи

[1]) Менонъ XI.

философа—пассивные носители идей и представленій, которыя порождались его мышленіемъ въ путяхъ его діалектическаго хода. Тѣмъ рѣшительнѣе должно быть отвергнуто новѣйшее мнѣніе Грота, будто нельзя найти ни одного предиката примѣнимаго ко всѣмъ произведеніямъ Платона, будто нѣтъ никакой возможности ни всѣ различныя проявленія Платонова духа понять въ какомъ нибудь высшемъ единствѣ, ни высказать относительно Платона, какъ интеллектуальной личности, что либо такое, что было бы одинаково приложимо ко всѣмъ его діалогамъ—къ Протагору, Горгію, Пармениду, Федру, республикѣ, Тимэю, законамъ и др., такъ какъ впродолженіе 50 лѣтъ философской жизни онъ попеременно былъ и скептикомъ и догматикомъ, и религіознымъ мистикомъ, и математикомъ, и философомъ и поэтомъ (эротическимъ и сатирическимъ) и риторомъ и художникомъ. Я напротивъ рѣшительно утверждаю, что вся эта игра лучей, такъ разнообразно освѣщающая личность Платона, нисколько не мѣшаетъ ему оставаться тождественнымъ себѣ по настроенію, по мотивамъ и задачамъ своего мышленія, что мышленіе его по своей главной задачѣ, напротивъ, однообразно, даже скучно: занятое всецѣло собою, оно при всякомъ содержаніи формируется одинаково, такъ что даже указываемое Гротомъ разнообразіе и противорѣчіе существенно зависитъ отъ того однообразнаго хода, по которому почти всегда идетъ это мышленіе, что бы оно ни обсуждало. Дѣйствительно, на что бы ни обращалъ Платонъ свои умственные взоры, что бы ни касалось его мысли,—все одинаково располагается въ его мышленіи и одинаково подвергается тѣмъ же самымъ операціямъ діалектики. Всѣ феномены ощущенія, всѣ данныя и всѣ понятія опыта —все это бываетъ содержаніемъ мышленія Платона не непосредственно какъ оно есть, но какъ оно отражается въ немъ самомъ, какъ въ зеркалѣ. Это мышленіе ничему не учится у опыта, оно, какъ машина, какъ автоматъ, довлѣетъ однѣми своими силами и принимаетъ въ себя все что угодно, только пропускаетъ чрезъ себя все, какъ чрезъ горнило очищенія отъ «грязи опыта». Подъ вліяніемъ особаго тяготѣнія къ идеямъ, мышленіе Платона разъ навсегда разсчиталось съ міромъ опыта, какъ съ міромъ тѣней, и въ этомъ убѣжденіи оно не направляется къ опыту, не ищетъ въ немъ своихъ силъ и своего содержанія, но оно отражаетъ

его въ себѣ и знаетъ его только въ этомъ отраженіи—*διά τήν ἐν τοῖς λόγοις σκέψιν*, какъ выражается о немъ Аристотель»[1]).

Эта оригинальная характеристика интересна тѣмъ, что въ значительной степени примѣнима къ мышленію и міровоззрѣнію самого ея автора. О его мышленіи тоже можно сказать, что оно въ своемъ діалектическомъ ходѣ однообразно, въ смыслѣ строгой послѣдовательности и выдержки разъ принятыхъ понятій, положеній, убѣжденій, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ сильно тяготѣетъ къ идеямъ, или чувствуетъ себя столь сильнымъ, благодаря присущимъ ему идеямъ, что считаетъ возможнымъ и должнымъ относиться къ явленіямъ, даннымъ въ чувственномъ опытѣ, свысока—гораздо строже и безцеремоннѣе, чѣмъ какъ относится къ нимъ обычное эмпирическое мышленіе. Подобно тому какъ увеличительное стекло, чѣмъ оно сильнѣе, тѣмъ скорѣе и неотразимѣе разсѣеваетъ привычную намъ иллюзію красоты самаго красиваго лица, открывая невидимую простымъ глазомъ грубую структуру покрывающей его кожи,—и идея, чѣмъ она возвышеннѣе, цѣннѣе, чище, тѣмъ скорѣе и яснѣе открываетъ всякаго рода изъяны въ той области дѣйствительнаго, которая во свѣтѣ ея разсматривается. По этой причинѣ большею частію обратную сторону идеализма составляетъ пессимизмъ различныхъ видовъ, степеней и оттѣнковъ. Пессимизмъ можетъ быть радикальнымъ и всеобщимъ т. е. простираться на всѣ порядки бытія и жизни, но можетъ быть и частнымъ или спеціальнымъ т. е. простираться наприм. только на порядки жизни человѣческой, или даже только на одну какую нибудь сферу въ ней, напр. на военную, административную, судебную, учебную и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ натурахъ слабыхъ и робкихъ онъ бываетъ скептическимъ, безнадежнымъ и потому пассивнымъ, т. е. ничѣмъ съ ихъ стороны не проявляться, кромѣ простого и пустого недовольства, сопровождающаго покорное подчиненіе фактически существующему положенію, но въ натурахъ сильныхъ, энергичныхъ, мужественныхъ онъ бываетъ вѣрующимъ, надѣющимся и потому активнымъ, т. е. проявляется если не въ видѣ какихъ либо активныхъ попытокъ, практическихъ мѣропріятій, то по крайней мѣрѣ въ видѣ теорій, постулятовъ, плановъ, отъ осуществленія которыхъ ожидается исправленіе разныхъ недостатковъ,

[1]) Теэтетъ—стр. 29—32.

устраненіе разныхъ изъяновъ и золъ въ той или другой области дѣйствительнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ приближеніе ея къ своей идеѣ. У Платона напр. рядомъ со всеобщимъ, универсальнымъ идеализмомъ, и пессимизмъ былъ такой же, хотя все таки главнымъ образомъ простирался на всѣ порядки жизни человѣческой, и еще частнѣе эллинской; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ и активный, такъ какъ выразился въ цѣломъ рядѣ теорій, плановъ лучшаго, болѣе сообразнаго съ идеями устройства человѣческой жизни въ обществѣ и государствѣ,—при чемъ тѣ сошедшіе со сцены міра лица, которые въ діалогахъ Платона выступаютъ то противниками и критиками, то защитниками и провозвѣстниками этихъ теорій, плановъ, по убѣжденію нашего автора, суть лишь простыя орудія, безсамостные передатчики его собственныхъ мыслей, какъ онѣ выступали, формировались, связывались въ путяхъ его собственнаго діалектическаго мышленія. Пессимизмъ же, скажемъ лучше критицизмъ, нашего автора гораздо уже Платоновскаго; онъ, какъ увидимъ, простирался только на одну сферу человѣческой жизни,—на учебную, но зато онъ былъ чуть ли не активнѣе и энергичнѣе Платоновскаго[1]), такъ какъ для пониманія, истолкованія и осуществленія его теорій, плановъ требо-

---

[1]) Впрочемъ, было въ его жизни время, когда его пессимизмъ не очень былъ далекъ отъ того, чтобъ стать всеобщимъ и самоотреченнымъ. Это было въ срединѣ, или въ концѣ его преподавательской дѣятельности въ Кіевскомъ Университетѣ. Наличнаго въ то время профессора философіи въ Университетѣ С. С. Гогоцкаго онъ, кажется, не жаловалъ чуть ли не потому, что тотъ выдавалъ себя за истаго гегеліанца, но чрезъ своего коллегу по факультету, доцента русской словесности Линниченко, зятя извѣстнаго въ свое время профессора философіи кіевской Академіи I. Скворцова, познакомился со всею семьею этого послѣдняго, состоявшею изъ его сына профессора академіи и трехъ дочерей, которыя всѣ имѣли мужьями тоже профессоровъ академіи. Вотъ тутъ-то онъ не разъ, не тая своего пессимистическаго воззрѣнія на все земное и человѣческое, прямо высказывался, что готовъ покинуть міръ и принять монашескій санъ. Быть можетъ, онъ такъ и поступилъ бы съ собою, если бы на выручку не представилось ему такое новое живое дѣло, которое онъ счелъ стоющимъ того, чтобъ вложить въ него свой умъ и свою энергію.

вались живые лица настоящаго, не очень то склонные отрѣшаться отъ своихъ собственныхъ привычныхъ понятій и вдумываться въ чужія идеи, помыслы настолько, чтобы всецѣло ими проникнуться и сообразовать съ ними не только слова, но и дѣло. Inde irae... Уже Платонъ выяснилъ причины неблагопріятнаго, почти трагическаго положенія истинныхъ философовъ (т. е. раздѣлявшихъ его идеи его послѣдователей, въ противоположность мнимымъ философамъ—софистамъ, въ обществѣ и государствѣ[1]): такимъ оно бываетъ почти всегда и вездѣ, по тѣмъ же причинамъ.

IV. Держась крѣпко того убѣжденія, что все дѣйствительное человѣческое должно сообразоваться съ идеей, измѣряя идеей все чужое, нашъ философъ, понятно, долженъ былъ и къ самому себѣ приложить эту мѣрку тотчасъ послѣ защиты магистерской диссертаціи и послѣдовавшаго затѣмъ назначенія его доцентомъ по каѳедрѣ философіи въ кіевскій Университетъ св. Владимира, согласно избранію совѣта сего Университета (какъ разъ незадолго до начала 186⁸/₉ учебнаго года), тоесть, начертать для себя планъ преподаванія философіи идеальный и съ формальной т. е. дидактической стороны, и съ матеріальной т. е. со стороны содержанія. Что при составленіи этого плана съ той и другой стороны, онъ имѣлъ постоянно предъ глазами, въ качествѣ достойныхъ подражанія образцовъ, тѣхъ философовъ, на произведеніяхъ которыхъ главнымъ образомъ совершилъ свое собственное философское образованіе, т. е. Платона и Аристотеля, особенно перваго, это понятно само собою. «Что такое есть, спрашивалъ онъ себя, то философское образованіе, которое должно быть пріобрѣтено учащимися въ Университетѣ? Пріобрѣсти такое образованіе значитъ научиться понимать философскіе вопросы, значитъ самому философствовать каждому въ мѣру своихъ силъ. Все дѣло здѣсь въ образованіи правильнаго подлинно-философскаго мышленія, а потому методическое изложеніе философіи требуется, какъ необходимое условіе достоинства и пользы лекцій по философіи. Читать лекціи не

---

[1]) Plat. Resp., οὐ θαυμαστόν ὅτι οἱ φιλόσοφοι οὐ τιμῶνται ἐν ταῖς πόλεσι πολὺ ἂν θαυμαστότερον ἦν εἰ ἐτιμῶντο (489. φιλόσοφον γάρ ἦν εγὼ πλῆθος ἀδύνατον εἶναι: καὶ τοὺς φιλοσοφοῦντας ἀνάγκη ψέγεσθαι ὑπ' αὐτῶν (494).

значитъ еще учить, потому что лекція можетъ быть и не дидактическою въ томъ случаѣ, когда она состоитъ изъ простого оглашенія, предназначеннаго только для пассивнаго воспріятія слушателямъ. Хотя слушающему такую лекцію можетъ казаться, что онъ нѣчто познаетъ, но на самомъ дѣлѣ онъ обыкновенно мало чему изъ нея научается: слова какъ вѣтеръ обуреваютъ его мысль, саму ее не приводя въ надлежащее активное движеніе; содержаніе читаемаго проходитъ предъ слушателемъ въ своихъ частяхъ, какъ виды въ панорамѣ,—миражъ знанія исчезаетъ, какъ только закрывается панорама. Лекція же подлинно-дидактическаго свойства должна быть для слушателя наставленіемъ, руководящимъ и стимулирующимъ его собственную мыслительную дѣятельность въ рѣшеніи тѣхъ вопросовъ, которымъ она посвящена. Задача методическаго ученія состоитъ въ томъ, чтобы выработать въ мышленіи соотвѣтствующія предмету ученія понятія и развить въ немъ способность, на основаніи этихъ понятій, составлять самостоятельныя сужденія по содержанію изучаемаго и vice versa. Для такой обработки мышленія необходимо ставить его въ такія положенія, въ которыхъ оно чувствовало-бы себя въ сферѣ недоумѣній и вопросовъ, съ тѣмъ, чтобы путемъ раскрытія содержанія данныхъ въ задачѣ понятій оно овладѣвало самимъ предметомъ ученія. Такова была методика ученія Платона, такова же была истинно-дидактическая организація ученія Аристотеля, практиковавшаго такія формы учебной методы: ἀκροάσεις, προβλήματα, ἀπορίαι, θέσεις, тоесть, слушаніе научныхъ наставленій, задачи для рѣшенія соотвѣтсвующихъ вопросовъ, возраженія и темы для обсужденія и диспута, или такъ называемаго коллоквіума[1])».

Къ чему же, спрашивается, къ какому содержанію лучше всего можетъ быть примѣненъ этотъ дидактическій методъ, или, что должно служить такимъ учебно-философскимъ аппаратомъ, упражняясь на которомъ мышленіе учащихся выработывалось бы постепенно, какъ дѣятельная сила сама способная производить знаніе предмета т. е. правильно философствовать?. «Такимъ аппаратомъ всего болѣе могутъ служить творенія Платона и Аристотеля. Преимущественное значеніе ихъ предъ другими философскими ученіями заключается въ томъ, что по составу своему они пред-

[1]) Объ организмѣ гимназіи ч. 2. стр. 169. Объ унив. учен. 19—21.

ставляютъ образцовую методическую разработку философскихъ вопросовъ. Между произведеніями этихъ философовъ, особенно же Платона, есть такія, лучше которыхъ въ этомъ отношеніи нельзя ничего и придумать[1]). Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что образованіе въ Университетѣ безъ изученія философіи не можетъ быть истинно-университетскимъ образованіемъ. Но изученіе философіи по доктринамъ, какъ существуютъ онѣ въ настоящее время, безъ предварительной подготовки, представляется дѣломъ довольно труднымъ. Современная философія во всѣхъ своихъ частяхъ, безъ сомнѣнія, бога́че древней ученымъ опытомъ, а потому и самимъ содержаніемъ, но тѣмъ самымъ она болѣе спеціальна въ каждомъ изъ своихъ отдѣловъ и менѣе пригодна для цѣлей общаго философскаго образованія. Сознательное усвоеніе философскихъ наукъ въ ихъ современномъ состояніи требуетъ непремѣнно основательной философской пропедевтики, которую, какъ мы думаемъ, наилучшимъ образомъ можетъ доставить намъ философія Платона. Пусть философія Платона, какъ думаютъ нѣкоторые, представляетъ только элементы, или азбуку современнаго философскаго сознанія, но потому-то тѣмъ болѣе необходимо изученіе ея для современнаго философскаго образованія, что основныя силы всякой науки, безъ сомнѣнія, не въ чемъ иномъ, какъ въ ея элементахъ. Высокое образовательное значеніе произведеній Платона состоитъ не въ обиліи свѣдѣній и даже просто не въ свѣдѣніяхъ, которыя-бы можно было почерпнуть изъ нихъ, для того чтобъ не быть невѣждой въ томъ или другомъ, но въ свойствѣ тѣхъ задачъ, которыми озадачено въ нихъ мышленіе философа. Задачи эти таковы, что не тяготѣя по содержанію своему къ сферѣ той или другой науки, онѣ безразлично могутъ стоять на сторожѣ всякой науки, такъ какъ общій смыслъ ихъ тотъ, чтобы всѣ понятія и всѣ явленія измѣрять въ ихъ абсолютномъ достоинствѣ предъ тѣми законами разума, которымъ нѣтъ провѣрки ни въ чемъ, такъ что если они ложны, то истина не можетъ быть искома, т. е. не можетъ быть ни наукъ, ни правилъ, ни вопросовъ, ни задачъ... Разработкѣ этихъ то началъ нашего мышленія, этихъ абсолютныхъ критеріевъ нашего знанія и общихъ мѣрилъ его научности и посвящена философія Платона. Не зная никакой спеціальной цѣли

[1]) Объ организмѣ гимназіи ч. 2. стр. 170.

знанія и не считаясь ни съ какимъ примѣненіемъ его, философія Платона есть буквально философія—любомудріе по преимуществу. По силѣ этого ей, безъ сомнѣнія, принадлежитъ высокая педагогическая роль въ планѣ нашего высшаго образованія. Если справедливо, что классическое образованіе, совершаемое конечно не по рутинѣ, а по высоко-дидактическому плану, есть единственное истинно-раціональное образованіе, то самая почтенная роль въ этомъ планѣ образованія должна принадлежать философіи Платона, потому что она найлучшимъ образомъ функціонируетъ для насъ собою классическій міръ съ той стороны, съ какой онъ былъ и будетъ незамѣнимою средою нашего гуманнаго образованія т. е. со стороны его раціональности. «Полная задачъ современнаго ума, философія Платона, воспитавшая собою Аристотеля—этого перваго ученаго, по характеру его мышленія, и доселѣ въ состояніи воспитывать людей для наукъ и проливать ясный свѣтъ на тѣ основные въ нихъ вопросы, которые отъ тысячи причинъ часто такъ темнѣютъ въ сознаніи современнаго человѣка. Истинное значеніе Платона въ ряду просвѣтителей человѣчества состоитъ не въ томъ, чтобы онъ оставался для насъ неприкосновеннымъ объектомъ нашего удивленія и одобренія, но гораздо болѣе въ томъ, чтобы мы сами какъ можно лучше воспользовались его мудростію для успѣховъ нашего знанія, нашего собственнаго философскаго образованія»[1]).

«Однако, спрашивается, можно ли сразу начинать со студентами работу на этомъ учебно-философскомъ аппаратѣ?—Конечно, умъ, внутренно расположенный къ философскому воззрѣнію, самъ породившій въ себѣ философскія проблемы, можетъ сразу отдаться Платону, да и Аристотелю въ руководство для развитія въ своемъ мышленіи основательнаго философскаго сужденія, и ему, быть можетъ, нѣтъ надобности ни въ какомъ еще дидактическомъ посредникѣ. Но, какъ представить себѣ группу молодыхъ людей, внутренно не озадаченныхъ философіею, не затруднившихся, или, говоря проще, безъ надлежащей пропедевтической подготовки головъ къ постановкѣ въ нихъ философскихъ вопросовъ, какъ представить ихъ изучающими Софиста Платона, или его Теэтета, Федона, или метафизику, органонъ Аристотеля? Поэтому, нельзя не признать полезнымъ

---

[1]) Менонъ XI—XIV.

и необходимымъ, чтобы знакомству студентовъ съ философіею чрезъ изученіе твореній Платона и Аристотеля предшествовало пропедевтическое изложеніе философскихъ вопросовъ, преимущественно входящихъ въ составъ такъ называемой метафизики, съ поясненіемъ тѣхъ основныхъ точекъ взгляда, съ которыхъ они были разработываемы въ историческомъ развитіи философскаго мышленія, чтобы такимъ образомъ учащіеся въ состояніи были утверждать въ себѣ пониманіе этихъ вопросовъ чрезъ знакомство съ теоретическимъ развитіемъ ихъ въ діалектическомъ изложеніи Платона, или Аристотеля»[1]).

V.—Такъ на самомъ дѣлѣ и поступилъ авторъ этого идеальнаго плана, выступивъ доцентомъ философіи въ Кіевскомъ Университетѣ: послѣ блестящей[2]) вступительной лекціи, онъ сталъ читать, въ качествѣ философской пропедевтики, курсъ метафизики, опираясь въ своихъ чтеніяхъ главнымъ образомъ на одного изъ наиболѣе послѣдовательныхъ гербартіанцевъ Гартенштейна (точнѣе, на его матефизику Die Probleme und Grundlehren der allgemeinen Metaphysik). Не какую нибудь другую, а гербартіанскую метафизику онъ взялъ себѣ въ руководство, конечно, потому что она, какъ ему казалось, по своему діалектическому построенію имѣетъ нѣкоторое сходство съ діалектикою произведеній Платона и можетъ подготовить къ ихъ чтенію: «діалектическое мышленіе Платона, какъ мышленіе исканій, а не положительнаго знанія, нѣсколько приближается къ тому мышленію, которое мы имѣемъ въ метафизикахъ новѣйшихъ философскихъ школъ. Здѣсь, какъ напр. въ метафизикѣ Гербартовой, мышленіе, считающее своею задачею критику понятій общаго смысла, постоянно пользуется формою вопросовъ и отвѣтовъ, постоянно разговариваетъ само съ собою, стараясь выйти изъ тѣхъ недоумѣній, въ которыя оно ставитъ себя своей задачей»[3]).

На успѣшность и благоплодность такого дидактическаго метода и плана философскаго образованія учащихся молодой энергичный Доцентъ

---

[1]) Объ организмѣ гимназіи ч. 2. 173. 174.

[2]) Такой чрезвычайно лестный о ней отзывъ я слышалъ отъ нѣсколькихъ бывшихъ на ней студентовъ Академіи, довольно знакомыхъ съ философіею.

[3]) Менонъ. стр. 107.

могъ возлагать большія и крѣпкія упованія тѣмъ болѣе, что видѣлъ собственными глазами хорошіе результаты примѣненія его въ нѣмецкихъ университетахъ, особенно въ преподаваніи такихъ профессоровъ, какъ Тренделенбургъ въ Берлинѣ, уже въ гимназіи знакомившій своихъ будущихъ слушателей съ элементами Аристотелевской логики, какъ Лотце въ Геттингенѣ, не отрѣшавшійся вполнѣ отъ діалектическаго метода изложенія даже въ своихъ печатныхъ сочиненіяхъ чисто—систематическаго характера и уже никогда не отступавшій отъ него въ преподаваніи и живомъ обмѣнѣ мыслей со своими слушателями. Да и нынѣ что можно возразить противъ дидактическаго достоинства этого метода и плана? По идеѣ, или теоріи, вѣдь, и методъ этотъ, въ задачахъ философскаго образованія молодыхъ умовъ, есть, повидимому, самый лучшій, и аппаратъ для примѣненія его самый подходящій и пропедевтическій курсъ къ пользованію этимъ аппаратомъ наиболѣе пригодный. Но уже Платонъ справедливо замѣтилъ, что дѣйствительность даже въ лучшемъ случаѣ только приближается къ идеѣ больше или меньше, а гдѣ реальныя условія неблагопріятны, тамъ идея такъ и остается идеей, не теряя однако чрезъ это сама своей истинной цѣнности. И Тренделенбургъ, и Лотце, и другіе нѣмецкіе профессора вели свое дѣло успѣшно, конечно, прежде всего потому что сами были и отличные знатоки философіи и многоопытные дидакты, но едвали не больше еще потому что получали себѣ слушателей изъ такой средней школы, которая дѣйствительно развивала и обработывала молодые умы до степени способности продолжать свое образованіе въ высшей школѣ путемъ собственной самостоятельной мыслительной работы, нуждающейся лишь въ хорошемъ дидактическомъ руководствѣ. Что наша русская средняя школа 60-хъ годовъ, въ меньшемъ числѣ случаевъ (гимназіи съ двумя древними языками) была лишь блѣдною тѣнью западно-европейской научной школы, а въ гораздо большимъ числѣ ихъ была не болѣе, какъ жалкою на нее пародіей,—этого и въ свое время не отрицали люди способные понимать существо дѣла и говорить о немъ по чистой правдѣ, и если нынѣ многіе изображая эту бывшую школу чуть не какъ образцовую, какъ будто непритворно сѣтуютъ на происшедшую ея ломку и перестройку, то этому можно удивляться, но не очень. Если-бы венеціанская башня св. Марка лѣтъ сорокъ назадъ была въ нѣкоторой части своей сломана и перестрое-

на, какъ слѣдуетъ, какъ это и совѣтовали нѣкоторые болѣе опытные предусмотрительные архитекторы, то нынѣ венеціанцы, пожалуй, тоже жалѣли бы о произведенной ломкѣ и перестройкѣ, какъ объ излишней и ненужной, испортившей чудную старину; они и считали ее таковою вплоть до того дня и часа, когда башня рухнула имъ на головы... Легко понять, какъ трудно было въ то время представителямъ университетской науки держать на должной научной высотѣ преподаваніе ея слушателямъ, вышедшимъ изъ такой школы. Но хуже всего, должно думать, было положеніе представителя философіи, такъ какъ успѣхъ преподаванія этого предмета зависитъ не столько отъ знанія и умѣнія учащаго, сколько отъ внутренняго интереса къ философскимъ вопросамъ учащихся и отъ способности у нихъ самодѣятельно вникать въ смыслъ этихъ вопросовъ и переработывать ихъ нѣкіими особенно тонкими и эластичными пружинами интеллектуальнаго механизма; гдѣ нѣтъ на лицо этого послѣдняго условія, тамъ самое лучшее преподаваніе философіи ничего не успѣетъ. Затруднительное положеніе новаго доцента философіи увеличивалось еще и отъ того, что онъ въ дидактической постановкѣ своего преподаванія, мѣтившей на то, чтобы на каждомъ шагу діалектическаго возникновенія вопросовъ, построенія понятій, вывода заключеній вновь и вновь возбуждалась къ самодѣятельности мысль слушателей, былъ, строго говоря, піонеромъ, новаторомъ, такъ какъ всѣ прочіе предметы на историко-филологическомъ факультетѣ преподавались тогда тѣмъ методомъ, котораго онъ не признавалъ истинно-дадактическимъ, т. е. въ видѣ читаемыхъ сплошныхъ лекцій, нѣкоторыми изъ слушателей записываемыхъ и потомъ литографируемыхъ для общаго употребленія; о какихъ либо практическихъ самостоятельныхъ, или такъ называемыхъ семинарскихъ занятіяхъ тогда и помину не было. А одинъ въ полѣ—не воинъ, даже въ области дидактики.[1]) Не довольный, какъ

---

[1]) Первый годъ преподавательской дѣятельности въ университетѣ Н. Е-ча совпадаетъ съ послѣднимъ годомъ моего студенчества въ духов- Академіи, а его второй годъ—съ первымъ годомъ моей доцентской службы въ той же Академіи. Я имѣлъ случай неоднократно слышать отзывы о его преподаваніи contra и pro. Студенты изъ гимназистовъ находили его преподаваніе невозможнымъ главнымъ образомъ чуть ли не потому что

можно думать, успѣхами отъ лекцій по философской пропедевтикѣ, онъ взялъ на себя кромѣ того и преподаваніе греческой словесности, чуть ли не съ тою главнымъ образомъ цѣлію, чтобы пустить въ дѣло свой самый лучшій аппаратъ философскаго образованія—произведенія Платона. Но и тутъ не могъ онъ достигнуть того, чего желалъ. Интересуясь самъ болѣе философскими, чѣмъ чисто—филологическими вопросами и задачами, держась того убѣжденія, что «не столько нужно чтеніе твореній Платона въ интересахъ изученія греческаго языка, сколько наоборотъ знаніе греческаго языка потребно для того чтобы, въ интересахъ высшаго образованія, быть въ состояніи читать и понимать Платона»[1]), онъ могъ съ нѣкоторымъ успѣхомъ вести къ этой послѣдней цѣли своихъ слушателей только подъ условіемъ достаточнаго у нихъ знанія греческаго языка; а между тѣмъ у однихъ изъ нихъ это знаніе было очень слабо, а у другихъ его совсѣмъ не оказывалось, и если ранѣе въ московскомъ университетѣ профессоръ греческой словесноети въ его же лицѣ имѣлъ особаго специальнаго учителя, или репетитора для такихъ студентовъ, то тутъ ему пришлось самому для себя исполнять эту репетиторскую роль. Онъ и исполнялъ бы ее, еслибы у студентовъ было много охоты репетироваться, но ея у нихъ едвали хоть сколько нибудь было. Понятно само собою, что при такомъ положеніи дѣла не очень-то далеко могъ онъ довести своихъ слушателей въ чтеніи и пониманіи Платона, да и другихъ классиковъ, и онъ, послѣ двухъ лѣтъ такой сизифовой работы, бросилъ ее совсѣмъ,—бросилъ отчасти вслѣдствіе сознанія ея трудности и малоплодности, но главнымъ образомъ вслѣдствіе возникшей и созрѣвшей рѣшимости послужить учебному дѣлу русской школы инымъ болѣе плодотворнымъ способомъ, на иномъ болѣе важномъ поприщѣ.

онъ не давалъ имъ беззаботно и спокойно сидѣть на лекціи, тревожа то тогото другого вопросами. Двое же поступившихъ въ университетъ студентовъ академіи, знакомые уже отсюда съ философіей, напротивъ съ съ восторгомъ отзывались о его преподаваніи и признавали въ немъ не только серьезнаго ученаго и философа, но и мастера возбуждать другихъ къ философствованію. Ближе къ истинѣ, конечно, сужденіе этихъ двоихъ, какъ болѣе компетентныхъ въ данномъ случаѣ.

[1]) Менонъ XIII.

VI. Въ это время уже не имъ однимъ (на основаніи собственнаго опыта университетскаго преподаванія), а многими истинно—просвѣщенными людьми способными зорко наблюдать, ясно видѣть и правильно понимать вещи, сознано было, что печальное положеніе нашей средней школы дольше продолжаться не можетъ, не должно; въ это время уже задумывалась, обсуждалась та реформа ея, которая извѣстна подъ именемъ Толстовской. Вопросъ о составѣ и порядкѣ ученія въ новой предполагаемой школѣ не составлялъ тутъ большого затрудненія, такъ какъ сразу было рѣшено, что наша русская школа должна быть по возможности похожа на западно-европейскую; самою трудною была задача найти, или образовать дѣльныхъ усердныхъ работниковъ для новаго учебнаго дѣла, понимающихъ своимъ разумомъ подлинный смыслъ и внутренній строй его, а кромѣ того и—такихъ лицъ, которымъ бы этотъ разумъ былъ присущъ въ высшей потенціи и которымъ поэтому моглабы быть ввѣрена въ этомъ дѣлѣ самая главная функція централизующая, руководящая, архитектоническая, словомъ, для новой школы требовались неотразимо не только хорошіе учителя, но и опытные мудрые директора. И вотъ нашъ кіевскій доцентъ философіи, не слагая пока съ себя этой должности, испрашиваетъ и получаетъ вновь (съ 13 марта 1871 года) заграничную командировку, которая продолжалась цѣлыхъ 15 мѣсяцевъ. Къ сожалѣнію, намъ не удалось найти никакихъ слѣдовъ его отчетности по этой командировкѣ, но едвали мы ошибаемся думая, что и эту вторую продолжительную и затѣмъ третью короткую (двухмѣсячную въ 1873 году) онъ употребилъ уже не на слушаніе разныхъ философскихъ курсовъ, вообще не на усовершенствованіе себя въ философіи, а на подготовленіе себя къ самой важной педагогической роли въ новой школѣ путемъ внимательнаго наблюденія въ живомъ дѣйствіи всѣхъ главныхъ и второстепенныхъ, большихъ и малыхъ, сильныхъ и слабыхъ, явныхъ и скрытыхъ пружинъ западно—европейскаго школьного механизма, путемъ живого обмѣна мыслей съ директорами и учителями разныхъ гимназій, путемъ чтенія общихъ и спеціальныхъ сочиненій по педагогикѣ и училищевѣдѣнію, наконецъ изученія всей исторіи учебнаго дѣла въ западной Европѣ, особенно въ Германіи. По возвращеніи изъ этой командировки, онъ не читалъ уже лекцій по философіи: перемѣщенный на каѳедру греческой словесности, онъ препода-

валъ только одинъ этотъ предметъ и то не долго—всего два неполныхъ семестра; послѣ защиты (въ Декабрѣ 1871 года) въ С.-Петербургскомъ Университетѣ представленнаго въ Совѣтъ, въ качествѣ диссертаціи, самаго перваго изъ своихъ печатныхъ трудовъ («Политика Аристотеля» переводъ съ примѣчаніями и изслѣдованія. Москва 1865 г.), удостоенный степени доктора философіи, онъ, по увольненіи отъ службы въ Кіевскомъ Университетѣ, сперва причисленъ былъ къ Министерству Н. П. а затѣмъ былъ назначенъ директоромъ 2-й Харьковской гимназіи 11 марта 1872 года, т. е. какъ-разъ къ началу требовавшагося пересозданія старой школы въ новую. Тутъ-то реорганизуя старую школу, слѣдя внимательно за всѣми функціями и процессами этого вновь постепенно слагавшагося, возраставшаго и крѣпнувшаго организма, прилагая всѣ заботы о нормальномъ ихъ теченіи, направляя ихъ къ желаемой цѣли возможнаго совершенства, обмѣниваясь при этомъ своими педагогическими впечатлѣніями, наблюденіями, воззрѣніями какъ съ своими ближайшими сотрудниками-сослуживцами, такъ и съ членами основаннаго имъ общества классической филологіи и педагогики (въ которомъ онъ нѣсколько лѣтъ подрядъ былъ предсѣдателемъ),—онъ вмѣстѣ съ тѣмъ такимъ путемъ постепенно организовалъ—приводилъ въ органически—стройную систему свои мысли о русской новой гимназической школѣ, частію въ видахъ уясненія и оправданія главныхъ основъ ея и защиты всего того, что есть въ ней хорошаго, частію въ цѣляхъ указанія путей и способовъ восполненія въ ней недостающаго и улучшенія несовершеннаго. Эти свои мысли онъ изложилъ въ двухъ частяхъ сочиненія «объ организмѣ гимназіи», изъ коихъ первую издалъ еще во время директорства въ харьковской гимназіи (1881 г.), а вторую только изготовлялъ въ это время, обработалъ же и издалъ уже гораздо позднѣе (1889 г.)[1]).

---

[1]) Н. Е. Скворцовъ, бывшій 10 лѣтъ директоромъ нашего Института, къ сожалѣнію, не напечаталъ ни одной изъ своихъ педагогическихъ статей въ его печатномъ органѣ—въ „извѣстіяхъ". Мало того, въ нашей обширной библіотекѣ не имѣется ни одной изъ его книгъ этого содержанія, такъ что даже большинству бывшихъ его сослуживцевъ едвали его педагогическія воззрѣнія были извѣстны; новымъ же дѣятелямъ въ Институтѣ они и вовсе не извѣстны. Поэтому, мы сочли нелишнимъ изло-

VII. Пиша первую часть этого сочиненія, которая названа теоретическою, ровно через 10 лѣтъ послѣ такъ называемой Толстовской реформы, слѣдовательно во время, когда можно было уже сравнивать новую школу во всемъ ея составѣ и строѣ съ прежнею, онъ такую ставитъ себѣ задачу: «хотя нынѣ слѣдуетъ считать уже рѣшеннымъ организаторскій вопросъ о принципѣ—вопросъ о томъ, чѣмъ быть нашимъ гимназіямъ, европейскою ли ученой школой, или тѣмъ разсадникомъ пустоцвѣта, какимъ онѣ были до реформы, однако многое еще требуется для упроченія этой новой организаціи и для возможнаго ея усовершенствованія. Но объ этомъ рѣчь будетъ послѣ; теперь же, при скудости у насъ педагогической литературы и при излишествѣ разговоровъ и споровъ, въ которыхъ самымъ главнымъ аргументомъ у спорящихъ служитъ обыкновенно ссылка на „наше время", на то, «когда мы учились», намъ кажется необходимымъ углубиться по возможности внутрь самого дѣла ученой школы и коснуться какъ его принципа, на которомъ оно зиждется, такъ и тѣхъ условій, въ которыхъ оно существуетъ исторически. Согласно съ этимъ, въ виду существующаго мнѣнія объ обременительности и даже какбы фальшивости плана настоящей организаціи гимназическаго ученія, казалось интереснымъ уяснить это мнѣніе по его необходимости, или изъ роковыхъ условій, въ которыхъ исторически находится дѣло гимназіи. Такъ возникаетъ вопросъ о гимназическомъ ученіи, каково оно съ точки зрѣнія *истиннаго, или идеальнаго разумѣнія*, и каково съ точки зрѣнія *общаго смысла*. При семъ для мыслящаго, для того, кто въ состояніи видѣть внутри вещей и

жить его воззрѣнія съ возможною точностію и полнотою; это не излишне тѣмъ болѣе, что они касаются многихъ такихъ важныхъ вопросовъ по устройству учебнаго дѣла, которыхъ и нынѣ нельзя считать рѣшенными основательно и окончательно. Насколько извѣстно, въ последніе 20 лѣтъ никто изъ нашей институтской ученой коллегіи не выступалъ въ печати съ изслѣдованіемъ этихъ вопросовъ; но когда членамъ этой коллегіи будетъ извѣстно во всѣхъ главныхъ моментахъ предлагаемое здѣсь изслѣдованіе ихъ, то, быть можетъ, кто либо изъ нихъ надумается его восполнить и расширить, или подвергнувъ критикѣ, въ той или другой части исправить, а то и совсѣмъ опровергнуть. Да и внѣ нашей коллегіи, всякому вольно будетъ это сдѣлать.

явленій, истина классическаго образованія въ гимназіяхъ должна быть понятна, какъ непреложный историческій фактъ, а изъ методическихъ условій гимназическаго ученія онъ убѣдится въ его педагогической необходимости"[1])

Итакъ, прежде всего, что такое общій смыслъ и идеальное (т. е. основанное на идеяхъ) разумѣніе, какъ факторы, вліяющіе на организацію учебнаго дѣла, и которому изъ этихъ факторовъ должна по праву принадлежать въ ней роль высшей инстанціи судящей, рѣшающей, законодательствующей, словомъ руководящей?—Перенося сдѣланное Аристотелемъ на психологической почвѣ различеніе между νοῦς παϑητικός и νοῦς ποιητικός на широкую соціологическую почву, авторъ теоріи организма гимназіи даетъ такой отвѣтъ. „Нѣтъ основанія думать, чтобы общій смыслъ самъ по себѣ непосредственно былъ источникомъ лжи и зла на землѣ, и тѣмъ болѣе было бы странно желать устранить эту форму проявленія человѣческаго духа изъ какой-бы—то ни было сферы его дѣятельности, или, что тоже, считать кого нибудь свободнымъ отъ него. Общій смыслъ не былъ бы общимъ, еслибы онъ не проявлялся во всемъ и не былъ бы одинаково смысломъ всѣхъ. Онъ всецѣло подчиняется однимъ и тѣмъ-же неизмѣннымъ законамъ мышленія общимъ для всѣхъ мыслящихъ головъ, чрезъ что и есть общій. Общій смыслъ не есть какая либо особая сила или энергія духа; это есть форма, или сфера разумѣнія человѣческаго, это—самъ разумъ, каковъ онъ въ пассивномъ отношеніи къ непосредственнымъ впечатлѣніямъ отъ вещей и явленій окружающаго міра, стимулирующихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и волю. Характеръ общаго смысла состоитъ въ томъ, что онъ все понимаетъ только въ явленіяхъ, какъ они даны непосредственно. Объекты его суть вещи ощущаемыя, событія наглядныя,—тогда онъ проявляется собственно какъ привычка, какъ вѣра; но онъ можетъ возвышаться и до нѣкоторыхъ общихъ представленій,—тогда онъ является какъ предположеніе, какъ вѣроятность; далѣе задачею общаго смысла можетъ быть выводъ заключеній изъ того, что кажется или всѣмъ, или большинству, или людямъ образованнымъ тоже или всѣмъ, или большинству ихъ, или особенно интеллигентнымъ, какъ это отлично выразилъ еще Аристотель.

---

[1]) Предисловіе.

Въ этой сферѣ общій смыслъ является тѣмъ, что называется *мнѣніемъ*. На него работаетъ всякое эмпирическое мышленіе, ему же служитъ и діалектика софистовъ всѣхъ временъ и народовъ. Другая характерная особенность общаго смысла состоитъ въ томъ, что слагаясь въ себѣ подъ вліяніемъ впечатлѣній, стимулирующихъ непосредственно волю, онъ самъ становится часто въ служебныя отношенія къ хотѣніямъ воли. Въ самой характерной сферѣ своего проявленія—въ сферѣ діалектическихъ заключеній изъ того, что непосредственно кажется и что не провѣрено идейнымъ разумомъ, общій смыслъ преимущественно дѣйствуетъ слѣпо, повинуясь побужденіямъ воли. Кажущееся, естественно, такъ или иначе располагаетъ волю, и это-то расположеніе воли есть большею частію истинная causa movens всѣхъ соображеній и заключеній общаго смысла. Воля въ этомъ случаѣ есть личная воля субъекта, подвергшаяся такому или иному ряду случайныхъ впечатлѣній; естественно так. об., что она бываетъ часто волею, порвавшею связь съ тѣмъ, что безусловно, что имѣетъ значеніе всеобщей истины, вѣчнаго блага и преданной лишь личному міровоззрѣнію, или, какъ говорится, эгоистическому. Въ этомъ эгоистическомъ воззрѣніи истиннымъ и благимъ является то, что мнѣ кажется, что мнѣ угодно. Здѣсь нѣтъ никакого всеобщаго нравственнаго закона, какъ нѣтъ никакой безусловной и всеобщей истины. Такова софистика. Въ ней, какъ она была въ древнемъ мірѣ и какъ она существуетъ въ наши дни, нельзя различать теорію отъ практики, разумъ отъ воли, въ отношеніи ея нельзя обличать заблужденія разума и уважать побужденія воли, въ софистикѣ всегда теоретическая конструкція есть только формація того, чего хотятъ, что составляетъ содержаніе воли; а хотятъ здѣсь только близкаго себѣ, только кажущагося, только эгоистическаго. А вотъ признать и оцѣнить задачи разума, указать предѣлы ихъ возможнаго рѣшенія, не сортировать только явленія по признакамъ, но возвыситься до закона или идеи, управляющей имъ, уразумѣть безусловную связь явленій—этотъ «разумъ причины» (τῆς αἰτιάς λόγον), однимъ словомъ, понять истинное и подлинно-сущее, а не явленіе,—на все это общій смыслъ самъ по себѣ оказывается безсильнымъ,—все это есть уже дѣло теоріи, дѣло подлиннаго знанія ума *идейнаго, активнаго*, который извнутри себя, изъ мысли объ истинѣ задаетъ себѣ задачи знанія. Но, такъ какъ формы и законы того и другого знанія

одинаковы, то знаніе общаго смысла кажется часто тождественнымъ съ идейнымъ знаніемъ, а отъ этого происходитъ, что мнѣніе общаго смысла по тому или другому вопросу знанія въ глазахъ его самого, или, что тоже, въ глазахъ общества ничѣмъ не отличается отъ подлиннаго знанія и притязуетъ быть также истиннымъ, оспаривая истину у послѣдняго. Правильное отношеніе къ истинѣ со стороны общаго смысла и идейнаго пониманія состоитъ, очевидно, въ томъ, чтобы впечатлѣнія, какъ непосредственное содержаніе общаго смысла, и выведенныя изъ нихъ мнѣнія были провѣрены критически активнымъ умомъ, были очищены отъ всего кажущагося, чтобы общій смыслъ так об. не былъ патологическимъ явленіемъ человѣческаго духа, а просвѣтленный въ своемъ содержаніи критикою высшаго ума, былъ-бы *здравымъ смысломъ*. Внѣ этого общій смыслъ, какъ указалъ это еще Платонъ, «стоитъ по срединѣ между знаніемъ и незнаніемъ», ибо, какъ пассивный, онъ самъ по себѣ слѣпъ и безразличенъ къ истинѣ и лжи. Только оздоровленный идейнымъ разумѣніемъ, онъ становится тою догмою—царемъ, которой, по словамъ Пиндара, повинуются смертные и безсмертные. Потому вся задача просвѣщенія, поскольку она есть задача культуры общества, состоитъ именно въ томъ, чтобы оздоровить по возможности общій смыслъ, сдѣлать его по возможности носителемъ истины. Надъ этимъ работаетъ вся исторія человѣческой культуры, это и есть борьба разума съ невѣжествомъ во всѣхъ его видахъ, начиная съ простѣйшаго, который истину знаетъ только въ непосредственныхъ ощущеніяхъ, и кончая развитымъ невѣжествомъ ложныхъ мудрецовъ, или софистовъ».

«Что касается, въ частности, столкновенія общаго смысла съ идейнымъ разумѣніемъ по вопросу о планѣ общаго ученаго образованія, то и здѣсь общій смыслъ, вслѣдствіе естественнаго господства въ его содержаніи всякаго рода конкретныхъ понятій, оппонируетъ философскому смыслу, главнымъ об. тому его основному убѣжденію, что задача общаго ученаго образованія состоитъ въ разработкѣ идеальныхъ понятій. И въ самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія общаго смысла, задача образованія повидимому совершенно исполняется, когда мыслящій разумъ обогащается представленіями и понятіями о разныхъ предметахъ и явленіяхъ жизни, когда онъ снабжается сужденіями о нихъ, какъ стимулами для возбужденія воли къ соотвѣтствующему дѣйствованію. Но бросать этотъ пре-

красный міръ вещей и явленій, въ которомъ мы призваны жить и дѣйствовать, и уноситься своею мыслію въ міръ отвлеченныхъ понятій, въ среду воззрѣній часто совсѣмъ чуждыхъ окружающему міру, какъ того требуетъ классическая школа,—это, въ глазахъ общаго смысла, по меньшей мѣрѣ, есть неестественное принужденіе мыслящаго духа и какая-то иронія надъ естественными стремленіями къ пользѣ и осязательному благу. Таковъ общій смыслъ, каковъ онъ есть и былъ всегда въ отношеніи къ вопросу объ ученой школѣ одинъ самъ по себѣ, внѣ подчиненія критически—развитому философскому сознанію.

Существуютъ особенныя условія, которыя дѣлаютъ у насъ именно выдержку существующаго плана гимназическаго ученія противъ общаго смысла наиболѣе затруднительною для того, кто къ ней призванъ исторически. Смыслъ всѣхъ этихъ условій тотъ, что въ людяхъ русскихъ, имѣющихъ теперь непосредственное соприкосновеніе съ ученой школой— въ родителяхъ и родственникахъ нашихъ учениковъ очень мало живетъ преданій истинной школы. Теперь какая нибудь купчиха въ провинціальномъ городѣ, поучившаяся въ пансіонѣ, или въ самой женской гимназіи и слывущая уже за интеллигентность, не безъ задора спрашиваетъ: скажите пожалуста, зачѣмъ нужна эта мертвечина—классическіе языки? Это, конечно, низкая степень проявленія общаго смысла; но рядъ такихъ личностей составляетъ уже общество, образуетъ общественное мнѣніе, такъ что и съ нимъ приходится школѣ считаться. Искренними и, надо сказать, очень рьяными выразителями общаго смысла по школьному вопросу часто являются теперь въ самомъ дѣлѣ многія матери; при случаѣ онѣ очень могутъ вредить успѣху школы. Но возьмемъ степенью выше, возьмемъ людей нашего общества, которые учились въ 60-хъ годахъ, когда въ отечествѣ, прямо сказать, не было ни одной солидной школы, сохранившей связь съ историческими преданіями учебнаго дѣла, когда въ гимназіяхъ изучали правовѣдѣніе, а въ семинаріяхъ медицину да геодезію. Люди такого ученія составляютъ въ настоящее время не малую долю зрѣлой и дѣйствующей мужской интеллигенціи; это отцы дѣтей, учащихся въ нынѣшней школѣ. Вспоминая легкость своего ученія, они съ негодованіемъ и съ эгоистической діалектикой общаго смысла оппонируютъ существующему плану гимназическаго ученія. Не забудемъ, что люди такого закала дѣйствуютъ

теперь на каѳедрахъ, въ департаментахъ, въ редакціяхъ журналовъ, и мы поймемъ, что общій смыслъ въ настоящее время располагаетъ по школьному вопросу значительною арміей. Не забудемъ еще, что среди этой арміи общаго смысла тамъ и здѣсь есть люди стоящіе высоко, независимые, которымъ кажется, что имъ въ ихъ жизни недостаетъ только титула историческихъ людей... Самая характерная оппозиція существующему плану гимназическаго ученія принадлежитъ въ самомъ дѣлѣ у насъ теперь общему смыслу того уровня, на которомъ стоятъ такъ называемые люди интеллигенціи; и здѣсь общій смыслъ, какъ всегда, находится въ совершенномъ подчиненіи тому или другому хотѣнію, но это эгоистическое хотѣніе часто незамѣтно для самихъ его носителей,—оно заткано у нихъ какбы въ какія-то идеи и убѣжденія, связано съ цѣлымъ воззрѣніемъ на условія времени, на судьбы отечества и исторіи. Особенно ловко умѣютъ это дѣлать газетчики, въ большинствѣ кормящіеся лишь отъ щедротъ общаго смысла. Какой нибудь горемыка—издатель дешевой газеты, или болѣе счастливый чѣмъ онъ судьбою какой нибудь воротила большой редакціи, какъ истинно-коммерческіе люди, стараются всѣми мѣрами угодить своему покупателю. Сами они держатся Богъ знаетъ какихъ убѣжденій, да имъ некогда провѣрять ихъ, и вопросъ объ убѣжденіяхъ обыкновенно стоитъ у нихъ на самомъ заднемъ планѣ,—да и не въ томъ тутъ дѣло. Это люди хотѣнія, люди страсти; ихъ миссія на землѣ—утвержденіе царства общаго смысла. Стремясь къ этой цѣли какъ по другимъ вопросамъ, такъ и по учебному, они дѣйствуютъ однако не спроста,—тогда бы ихъ слово не имѣло вида слова государственной мудрости; нѣтъ, они не просто отвергаютъ классическую школу потому что она имъ не нравится; классическое образованіе, говорятъ они, дѣйствительно, прекрасно—что можно сказать противъ него? Но надо хоть немного имѣть государственнаго смысла, чтобы видѣть, что классическая школа намъ теперь несвоевременна, что нужды государства требуютъ развитія въ странѣ такого образованія, которое было бы болѣе приложимо къ вопіющимъ потребностямъ общественной жизни, захватывало-бы найбольшую площадь головъ. Понятно, какой эффектъ производитъ на всю армію общаго смысла, когда какой либо профессоръ, особенно-же когда самъ профессоръ римской словесности заявляетъ, что организованная теперь у насъ система гимназическаго

ученія не современна, не народна. Это оппозиція особая, какбы ученая; она идетъ съ каѳедры, или изъ-за каѳедры, оппозиція «спеціалиста»; она сама якобы всей душой предана классической школѣ, но хочетъ, чтобъ школа была дѣломъ жизненнымъ, народнымъ, чтобъ ученіе въ ней было легкимъ, умѣреннымъ» [1]).

„И этому нечего удивляться, если вспомнимъ, что даже въ Германіи въ концѣ сороковыхъ годовъ сила дѣйствія со стороны общаго смысла была столь велика, что въ числѣ противниковъ гимназическаго ученія, конечно, наиболѣе опасныхъ оказались и многіе изъ учащихъ. При такихъ условіяхъ, голосъ раціональной педагогики потерялъ всякій авторитетъ въ глазахъ публики, которая по путямъ общаго смысла шла, конечно, гораздо дальше и въ ближайшемъ будущемъ видѣла уже совершенное исчезновеніе гимназій чрезъ превращеніе ихъ въ реальныя училища. Такъ, кажется, хотѣлось бы нѣкоторымъ, чтобы было теперь и у насъ на Руси. По крайней мѣрѣ общій смыслъ, какъ онъ проявляется въ нашей періодической литературѣ и въ общественныхъ разговорахъ, давно уже рѣшилъ про себя, что бывшее у насъ недавно министерство просвѣщенія должно было быть правительственнымъ орудіемъ выполненія его безпутныхъ желаній“ [2]).

«По даннымъ условіямъ міра, нельзя, конечно, думать, чтобы наступила когда нибудь эпоха полнаго просвѣтлѣнія общаго смысла лучами идейнаго пониманія и подчиненія убѣжденіямъ активнаго философскаго разума; но это тѣмъ болѣе обязываетъ немногочисленныхъ носителей такого разума неустанно бороться за его интересы противъ общаго смысла и съ энергіею отстаивать его идеальныя требованія; въ этомъ, конечно, заключается какъ ихъ историческая заслуга, такъ и гарантія успѣха и долговѣчности того дѣла, которое они отстаиваютъ.—Вѣдь, для уразумѣнія учебнаго дѣла въ его собственномъ смыслѣ и интересѣ, независимо отъ связи его съ разными другими интересами общественной жизни, необходимо тщательное и продолжительное передумываніе всѣхъ относя-

---

[1]) Объ организмѣ гимназіи ч. 1. 35—40.

[2]) Тутъ, кажется, авторъ разумѣетъ кратковременное министерство А. А. Сабурова.

щихся къ нему вопросовъ. Между тѣмъ, не говоря уже о людяхъ просто только образованныхъ, которые въ свое время соприкасались, или чрезъ дѣтей своихъ учащихся соприкасаются и нынѣ съ учебнымъ дѣломъ,— даже люди ученые, если не посвящають своего ума нарочитому всестороннему обсужденію учебнаго дѣла, нерѣдко наклонны бываютъ высказывать по разнымъ относящимся къ нему вопросамъ одностороннія мнѣнія[1]). Въ числѣ лицъ, пишущихъ и говорящихъ по вопросамъ о среднемъ и высшемъ образованіи, только не многіе стоятъ умственно на высотѣ истиннаго смысла этихъ вопросовъ, изучая дѣло основательно теоретически и практически и рѣшая его не чрезъ готовыя фразы, не по личнымъ впечатлѣніямъ отъ столь дорогого и столь поучительнаго для нихъ опыта ихъ собственной учебной жизни, а на основаніи общихъ и непреложныхъ началъ самого дѣла, понимаемаго въ его современныхъ соціальныхъ условіяхъ»[2]).

Итакъ, что же можетъ и долженъ возразить противъ мнѣній, чаяній, поползновеній пассивнаго, точнѣе, страстнаго *общаго смысла*, носимаго огромнымъ большинствомъ даже интеллигентныхъ людей, активный, безстрастный, богатый теоретическимъ и практическимъ знаніемъ, умудренный широкимъ историческимъ опытомъ и собственною тщательною наблюдательностію, озаряемый свѣтомъ истины и движимый не эгоизмомъ, а идеею общаго блага архитектоническій *разумъ* этого незначительнаго меньшинства, что можетъ сказать онъ прежде всего въ защиту имъ-же придуманной и осуществленной конструкціи гимназическаго ученія на фундаментѣ классицизма? „Вопросъ о классицизмѣ т. е. о значеніи древнихъ языковъ, какъ средства общаго научнаго образованія, въ томъ видѣ, какъ онъ топырится въ обыкновенныхъ головахъ, не легко разрѣшимъ, такъ какъ онъ въ сферѣ общаго смысла принимаетъ обыкновенно метафизическую форму *почему*, почему классическое образованіе полезно, или нужно, и при такомъ чисто-теоретическомъ построеніи вопроса, отвѣтъ на него естественно оказывается какою-то неуловимою неосязательною величиной. Болѣе правильною, быть можетъ, постановка

---

[1]) Объ организмѣ гимназіи ч. 2 предисловіе.

[2]) Объ университ. ученіи... Предисловіе.

вопроса о классическомъ образованіи будетъ не въ формѣ почему, а въ такой приблизительно формѣ: что есть классическое образованіе, какъ живой опытъ гимназическаго дѣла? какія особенности свойственны древнимъ языкамъ, какъ учебному предмету въ ряду другихъ предметовъ гимназическаго ученія? Въ самомъ дѣлѣ, классическое образованіе есть прежде всего непреложный фактъ, данный въ живомъ опытѣ общаго научнаго образованія, какъ оно существуетъ исторически. Отъ этого-то факта и должна отправляться критическая мысль по вопросу о гимназическомъ образованіи, если она хочетъ быть практическою и дѣловою мыслію. Пусть философы разсуждаютъ о томъ, какъ возможно, чтобы изученіе древнихъ языковъ сѣяло въ головахъ сѣмена истиннаго ученаго образованія, пусть механическая психологія изобрѣтаетъ иной искусственный аппаратъ, практикуясь на которомъ разумъ юношей зрѣлъ бы и развивался въ формахъ ученаго сознанія, можетъ быть, лучше, чѣмъ чрезъ изученіе классическихъ языковъ,—все это хорошо; но педагогъ и политикъ должны быть консервативны и держаться факта, не по лѣни и удобности вести дѣло уже испытанное, а изъ опасенія, какъ-бы провѣренное исторически и имѣющее силу очевиднаго факта не упустить изъ за чего-то неосязательнаго и только искомаго. Изученіе древнихъ языковъ въ гимназіи, какъ центръ и основной факторъ формальнаго образованія, регулирующій всю программу гимназическаго ученія, всегда составлялъ тотъ консервативный элементъ ея, по силѣ котораго воспитывались и воспитываются по ней умы цѣлаго ряда поколѣній всѣхъ европейскихъ народовъ. Безъ этого основного консервативнаго элемента, допускающаго въ учебную программу рядомъ съ собою только тѣ учебные предметы, которые владѣютъ одинаковыми или подобными условіями изучимости, гимназическое ученіе осуждено было-бы по самому существу своему мѣняться постоянно, между тѣмъ какъ теперь оно мѣняется иногда лишь по случайнымъ причинамъ и чаще всего именно по недостатку въ немъ силы этого консервативнаго элемента, который одинъ даетъ возможность во всякое время поддержать организацію гимназическаго ученія въ планѣ, требуемомъ его существенною задачею. Задача-же его состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы память учащихся была обогащена возможно большею массою всяческихъ свѣдѣній, а въ томъ, чтобы умы ихъ посредствомъ методической обработки были надлежаще развиты для

всякаго рода умственной работы. Гимназическое ученіе есть приготовительное (къ университетскому), и въ результатѣ его должно получиться не накопленіе какихъ либо спеціальныхъ научныхъ знаній, а только такая зрѣлость духа, безъ которой невозможна никакая дальнѣйшая самостоятельная т. е. истинно-научная дѣятельность; тутъ одна только спеціальность-развитіе и обработка духовныхъ силъ учащихся для всякаго умственнаго труда. Отсюда—способность къ идейному пониманію, стремленіе къ истинѣ и навыкъ держать умственныя силы въ должной степени напряженія—вотъ цѣли, которыя должно преслѣдовать это ученіе. Въ силу этого гимназическое ученіе есть съ одной стороны общее, какъ подготовляющее ко всякаго рода научнымъ студіямъ, а съ другой—идеальное. Въ тоже время оно есть по преимуществу методическое и логическое, такъ какъ все оно существенно состоитъ въ развитіи способности правильнаго движенія мысли, или хода отъ одной логической формы къ другой, отъ одной логической задачи къ другой; а такъ какъ логика по существу своему формальна, то и это логическое ученіе, въ интересахъ общаго ученаго образованія, есть ученіе существенно формальное; внутренно, по задачѣ своей, оно есть не что иное, какъ логизація мыслящей головы, формализація мышленія въ логическихъ схемахъ. Метода гимназическаго ученія не хочетъ вести учащагося только къ тому, чтобъ онъ нѣчто зналъ и умѣлъ, но чтобы онъ нѣчто и былъ. Посему она пользуется учебнымъ матеріаломъ собственно какъ средствомъ для этой цѣли, она старается такъ его употребить, чтобы онъ дѣйствовалъ въ учащемся внутренно, чтобы духъ послѣдняго на немъ образовывался, крѣпъ и развивался. Ясное дѣло, что преобладающій факторъ всѣхъ отправленій методы гимназическаго ученія есть учащійся субъектъ; онъ-же есть и центръ всего ученія. Учитель, какъ дѣятель, здѣсь не впереди ученика, а позади его, какъ няня, поддерживающая сзади ребенка, когда онъ начинаетъ ходить, и направляющая его легонько туда или сюда, смотря по надобности и удобству, а ребенокъ самъ идетъ; такъ и гимназистъ долженъ самъ идти по путямъ ученаго мышленія, поддерживаемый только сзади учителемъ, который присутствіемъ своимъ бодритъ и энергируетъ его въ этихъ первыхъ шагахъ его ученаго опыта и питаетъ въ немъ увѣренность, что онъ не заблудится, не затеряется. Науки тутъ еще нѣтъ, наука впереди, она только предполагается, къ ней идутъ

еще, а когда учащійся дойдетъ до нея, то его оставитъ учитель лицемъ къ лицу съ нею, и онъ пойдетъ тогда въ сферѣ ея уже инымъ путемъ, иною методою, основнымъ факторомъ которой будетъ не онъ, а сама наука. Въ отличіе отъ описательной методы элементарнаго ученія, гдѣ господствующій мотивъ есть вѣра и отъ систематической методы академическаго ученія, въ которомъ все совершается по мотиву критики, здѣсь основная форма всей методы есть разсужденіе, имѣющее цѣлію поднять мысль учащагося отъ уровня конкретныхъ представленій и возвысить до пониманія абстрактныхъ и общихъ понятій. Для этой цѣли мышленіе его должно быть подвергнуто строгой методической обработкѣ, которая совершается чрезъ рядъ опредѣленныхъ умственныхъ задачъ, которыми мышленіе его, такъ сказать, озадачивается, ставится въ такія положенія, что чувствуетъ себя какбы въ сферѣ недоумѣній, но начиная работать, комбинируя то такъ, то иначе усвоенные прежде элементы знанія въ примѣненіи къ данному случаю, побѣждаетъ наконецъ свое недоумѣніе т. е. доходитъ внутри себя самого до рѣшенія даннаго вопроса. Основная задача гимназическаго ученія, состоящая въ развитіи разсудочной дѣятельности учащагося, объединяетъ собою всѣ разнообразные пріемы этого ученія и кладетъ на него печать того ученаго образованія, которымъ оно отличается отъ всякаго другого. Функція разсудка проходитъ по возможности по всѣмъ фазамъ этого ученія, начинаясь уже съ низшихъ классовъ, и этотъ судительный или умозрительный характеръ его на всемъ протяженіи его имѣетъ видъ исканія истины. Она не дается здѣсь какъ догма, какъ масса свѣдѣній, которая должна быть удержана памятію, но она должна быть найдена и пріобрѣтена въ собственность учащимся путемъ его собственной методической работы, руководимой его учителемъ».

«Но эта основная задача гимназическаго ученія осуществима главнымъ образомъ чрезъ изученіе древнихъ языковъ, такъ какъ это ученіе, преимущественно предъ всякимъ другимъ, таково, что начинаясь съ элементовъ доступныхъ воспріятію, послѣдовательно развивается въ рядѣ задачъ все болѣе сложныхъ и трудныхъ, но такихъ, для рѣшенія которыхъ не требуется мышленію искать опоры или руководства въ какой либо иной сферѣ познанія, а лишь въ себѣ самомъ, въ углубленіи въ самое себя. И въ самомъ дѣлѣ, какъ показываетъ вѣковой опытъ, заня-

тіе древними языками удивительно какъ развиваетъ и вмѣстѣ, такъ сказать, онаучиваетъ разумъ учащихся т. е. дѣлаетъ его способнымъ къ прохожденію съ энергіею и интересомъ по труднымъ путямъ наукъ. Поэтому, какъ ни парадоксально то мнѣніе (Латтмана), что гимназія, разсматриваемая сама по себѣ т. е. какъ ученая школа общаго формальнаго образованія, нуждается только въ одномъ учебномъ предметѣ—именно въ древнихъ языкахъ, однако оно хорошо выражаетъ идею гимназіи. Именно, для гимназіи, *какова она идеально,* изученіе древнихъ языковъ, *хорошо проведенное*, дѣйствительно есть основное средство для достиженія ею своей цѣли. Это значитъ, что задача гимназіи вполнѣ исполняется, если классическое образованіе совершается въ ней въ той степени силы и значенія, въ какой это необходимо для развитія въ учащихся идеальнаго смысла и критическаго сужденія. Классическое ученіе въ гимназіи точно опредѣляетъ въ общемъ планѣ ученія функціи и прочихъ дисциплинъ, въ которыхъ долженъ вращаться мыслящій разумъ для того, чтобы онъ созрѣлъ въ мѣру исполненія задачи всего гимназическаго ученія. Оно не дѣлитъ съ другими учебными предметами своей роли фактора, основнымъ об. исполняющаго задачу гимназіи; оно ставитъ всѣмъ имъ требованія, которыя должны быть выполнены каждымъ изъ нихъ въ своей сферѣ, въ виду одной общей цѣли ученаго образованія. Такое, основанное на классицизмѣ, ученое образованіе необходимо для всѣхъ желающихъ продолжать его въ высшей школѣ академическимъ путемъ, но оно еще необходимѣе для всѣхъ желающихъ получить высшее историко-филологическое образованіе, ибо можно сказать, что пока не придетъ новое небо и новая земля, пока гуманизмъ, какъ выраженіе логоса (разума) въ разнообразныхъ явленіяхъ человѣческаго образованія, въ которыхъ онъ раскрывалъ и раскрываетъ себя исторически, будетъ имѣть мѣсто въ здѣшнемъ мірѣ, дотолѣ древній классическій міръ долженъ быть основательно изучаемъ всѣми ищущими историко-филологическаго образованія въ высшей школѣ. Но для этого ими должна быть получена надлежащая подготовка въ школѣ средней т. е. въ гимназіи.»

«Но, говорятъ, классическое ученіе, пожалуй, само по себѣ по своей идеѣ недурно, да только оно слишкомъ трудно, да и не практично, а потому требуется по меньшей мѣрѣ значительное сокращеніе его, если

не полное упраздненіе. Господствующее теперь мнѣніе въ нашей періодической литературѣ и въ обыкновенныхъ разговорахъ по вопросу о гимназіи состоитъ въ томъ, что гимназическое ученіе, какъ оно организовано у насъ теперь, вообще тяжело, что оно не разсчитано на условія нашей общественной жизни и вообще на истинныя нужды нашего просвѣщенія и что поэтому планъ этого ученія долженъ быть реформованъ,— причемъ эта реформа представляется вообще въ видѣ облегченія учебнаго труда, а это облегченіе считается достижимымъ не иначе, какъ чрезъ устраненіе изъ гимназической программы, или сокращеніе въ ней всего того, что не примѣнимо непосредственно къ жизни т. е. древнихъ языковъ, съ расширеніемъ, вмѣсто ихъ, курса естествознанія, отечественной литературы и исторіи. Это мнѣніе людей не простыхъ: оно повторяется теперь людьми *интелигентными* и пробирается въ среду лицъ даже самого учебнаго вѣдомства. Въ рѣчахъ этихъ разнаго рода мудреныхъ людей оно и выражается, конечно, не просто: хотя, говорятъ обыкновенно, система классическаго ученія вещь очень хорошая, но она тяжела, она намъ не плечу, она не разсчитана на средній уровень способностей, она плодитъ вредныхъ недоучекъ какъ по существу своему, такъ и по формальному своему значенію, какъ система ученія, признаваемая за единственно приготовляющую къ университетскимъ курсамъ. Но на простомъ языкѣ тоже самое гораздо проще: переводите нашихъ дѣтей изъ класса въ классъ, давайте имъ аттестаты, да какъ можно поскорѣе—хоть послѣ семилѣтняго ученія, если ужъ нельзя выпускать ихъ въ университетъ послѣ шестилѣтняго курса, учите ихъ чему нибудь полезному, приложимому, впрочемъ учите пожалуй и по латыни, только немного, чтобъ ученье ихъ было легко, не обременительно, чтобы дѣти наши учились играючи, не потрясая своего здоровья и не обременяя себя излишними занятіями на дому.., Короче,—настоящее ученіе въ гимназіяхъ тяжело, обременительно,—хотимъ легкаго! Обременительность существующаго и легкость будущаго общаго ученаго образованія— вотъ, безъ сомнѣнія, истинное содержаніе желаній и мнѣній тѣхъ людей, которые годъ назадъ съ такимъ ликованіемъ привѣтствовали личную перемѣну министра народнаго просвѣщенія въ Россіи»[1]).

[1]) Тутъ тоже разумѣется министерство Сабурова.

«Жалобы на обременительность гимназическаго ученія, вредную якобы для здоровья учащихся тоже не новость. Даже въ классической странѣ гимназій—Пруссіи одно время онѣ были такъ громки и настойчивы, что дошли до самого короля тогдашняго Фридриха Вильгельма III, который повѣрилъ имъ и въ особомъ указѣ тогдашнему министру просвѣщенія приказывалъ доложить себѣ его мнѣніе какъ по содержанію жалобъ, такъ и по вопросу о мѣрахъ противодѣйствія злу. Министръ Альтенштейнъ былъ счастливъ тѣмъ, что имѣлъ, какъ основу для своихъ дѣйствій, вѣковую ученую школу полную живого опыта и руководящихъ преданій, на которую могъ смѣло опереться въ данномъ случаѣ, почему исполняя волю короля, предложилъ директорамъ и учителямъ гимназій высказаться по поводу этихъ жалобъ и нареканій. Руководясь полученными такимъ путемъ мнѣніями учебнаго міра и своими убѣжденіями, онъ составилъ затѣмъ записку, послужившую основаніемъ для особаго циркулярнаго по гимназіямъ распоряженія—документа, который и нынѣ можетъ служить образцомъ и руководствомъ какъ для распоряженій власти, такъ и для исполнительной дѣятельности учебнаго персонала. «Изъ мнѣній, доставленныхъ школьными коллегіями изъ всѣхъ провинцій, говорится въ немъ, министерство вынесло пріятное убѣжденіе, что состояніе здоровья юношества, учащагося въ гимназіяхъ, вообще удовлетворительно и что въ существующей организаціи этихъ учебныхъ заведеній нѣтъ никакого достаточнаго основанія къ безпокойству за оное. Если же и замѣчаются въ молодомъ поколѣніи нѣкоторыя болѣзненныя явленія духа и тѣла, то опытъ нимало не убѣждаетъ въ томъ, чтобы ихъ вызывало и поддерживало существующее устройство гимназій. Потому министерство не чувствуетъ никако серьезнаго побужденія измѣнять въ чемъ нибудь существенномъ настоящую организацію гимназій. Министерство всегда самымъ рѣшительнымъ образомъ высказывалось въ пользу того мнѣнія, что хотя ученикамъ гимназіи должны быть неизмѣнно присущи трудъ, рачительность и способность къ нѣкотораго рода жертвамъ, какъ условія жизни, посвященной ученію и службѣ государству, и что они съ раннихъ поръ должны быть пріучаемы къ уваженію своего призванія и укрѣпляемы въ готовности къ соединеннымъ съ нимъ трудамъ, но что вмѣстѣ съ тѣмъ должно безусловно избѣгать предъявленія имъ всякихъ такихъ требованій, которыя бы превышали мѣру ихъ силъ и способно-

стей. Посему, есть основаніе думать, что добросовѣстное исполненіе соотвѣтствующихъ такому взгляду распоряженій министерства не только не приноситъ никакого ущерба физическому и умственному здоровью учащагося юношества, но благодаря серьезности ученія и строгости дисциплины въ гимназіяхъ, оно должно быть сохранено здѣсь какъ отъ разрушительныхъ вліяній домашняго воспитанія, часто извращеннаго, такъ и отъ матеріальнаго направленія времени. Но, такъ какъ организація гимназій разсчитана не на слабыхъ и болѣзненныхъ юношей, то родители, помѣщающіе такихъ дѣтей въ гимназіи, тѣмъ болѣе должны быть удерживаемы отъ той опасности, какой они подвергаютъ ихъ въ этомъ случаѣ, чѣмъ чаще дѣти неспособные по слабосилію ни къ какому ремеслу, ищутъ себѣ пріюта въ гимназіи, не смотря на то, что вмѣстѣ съ отсутствіемъ физическихъ условій потребныхъ для умственнаго труда, они большею частію лишены бываютъ и всякаго внутренняго къ нему расположенія. Если же, съ другой стороны, въ гимназію поступаютъ ученики не достаточно обезпеченные, то гимназія не виновата въ томъ, что они даромъ тратятъ время на частные уроки и так. об. все болѣе и болѣе отстаютъ въ успѣхѣ своего гимназическаго ученія. Теперешніе предметы гимназическаго ученія составляютъ основу всякаго высшаго образованія и стоятъ въ натуральной необходимой связи съ цѣлію гимназіи; всѣ они, за исключеніемъ еврейскаго и французскаго языковъ, въ теченіи вѣковъ были всегда живыми членами живого организма; потому ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть изъятъ изъ законченнаго въ себѣ круга гимназическаго ученія безъ существеннаго вреда образованію. Число учебныхъ часовъ—32 въ недѣлю разсчитано, конечно, не на слабыхъ, но и не на особенно даровитыхъ, а на учениковъ съ обыкновенными физическими и и духовными силами. По свидѣтельству многолѣтняго опыта и по мнѣнію врачей, для такихъ учениковъ 4 учебныхъ часа до обѣда и четыре раза въ недѣлю по 2 часа послѣ обѣда вовсе не много. Что же касается домашнихъ работъ, которыя гимназія должна требовать отъ своихъ учениковъ, то и онѣ не могутъ причинять никакого вреда ихъ здоровью при такой порядочной домашней обстановкѣ, которая давала бы имъ возможность работать всегда въ опредѣленное время и вмѣстѣ съ тѣмъ охраняла-бы ихъ отъ разсѣивающаго общества и отъ несвоевременныхъ удовольствій». Такъ слѣдовало бы поступать и намъ, въ виду все усили-

вающихся жалобъ на обременительность гимназическаго ученія. Но, если признать даже значительную долю правды въ этихъ жалобахъ, то возникающій отсюда вопросъ объ облегченіи гимназическаго ученія долженъ быть обсужденъ съ особенною осторожностію и основательностію. Сдѣлать это ученіе менѣе труднымъ не значитъ еще измѣнить его составъ. ослабить, сократить и поставить по возможности внѣ всякаго труда т. е. чуть не превратить его въ дѣло забавы. Напротивъ, трудъ какъ можно большій трудъ—вотъ что всегда было истиннымъ условіемъ солиднаго духовнаго образованія. Съ этимъ положеніемъ тоже, пожалуй, согласятся; но, кто не понимаетъ, что собственно можетъ и должно быть предметомъ труда для гимназиста, тотъ легко, безъ всякой задней мысли причинитъ вредъ, готовъ замѣнить одинъ предметъ другимъ, думая, что и надъ этимъ другимъ такъ же можно трудиться съ пользою. Но въ этомъ-то и заключается вся опасность. Ученая школа со всѣми ея вопросами—объ отношеніи въ ней отдѣльныхъ предметовъ другъ къ другу и къ общему плану образованія, о числѣ учебныхъ часовъ, о мѣрѣ домашнихъ работъ и, въ основѣ всего, объ учебной методѣ, о концентраціи плана всего ученія, представляетъ такой сложный и стройный механизмъ, что для порчи его вовсе не нужно большой въ немъ ломки: достаточно наприм. убавить число уроковъ латинскаго и греческаго языковъ въ гимназіяхъ, положимъ до 4-хъ въ каждомъ классѣ, а взамѣнъ ихъ, особенно въ высшихъ классахъ, увеличить число уроковъ русскаго языка и словесности, дать въ нихъ полное право гражданства естествознанію, и соотвѣтственно съ гимназіями подогнать планъ реальныхъ училищъ, подсыпавъ въ ихъ программу розы или мензы, а центромъ всего поставить въ нихъ русскую словесность, съ противовѣсомъ здѣсь естествознанія древнимъ языкамъ въ гимназіяхъ,—при чемъ, само собою разумѣется. предоставить реальнымъ *гимназіямъ* право давать своимъ ученикамъ аттестаты на поступленіе въ медицинскій и естественный факультеты. и вотъ уже все сдѣлано: паровозъ, сбитый со своихъ историческихъ рельсовъ понесетъ молодое поколѣніе, а съ нимъ и судьбу отечества туда, гдѣ мы теперь, быть можетъ, и не думаемъ быть,—и какого нибудь десятка лѣтъ такого движенія совершенно достаточно для того, чтобы очутиться намъ тамъ, куда мы искренно вовсе не стремимся»[1]).

[1]) Весь это рядъ выдержекъ взятъ изъ 1 части «объ организмѣ гимназіи».

VIII.—Не такими, а совсѣмъ иными средствами и путями гимназическое ученіе можетъ быть сдѣлано и менѣе труднымъ и въ тоже время болѣе жизненнымъ, основательнымъ и плодотворнымъ. Эти средства и пути (указанные во 2-й части сочиненія «объ организмѣ гимназіи», которая названа практическою) суть слѣдующіе:

1) Составляющая душу школы, дающая ей опредѣленный характеръ и объединяющая собою все разнообразіе ея задачъ правильная, строго-выдержанная *метода* ученія, послѣдовательно и постепенно ведущая его отъ болѣе простого и легкаго къ болѣе сложному и трудному, соотвѣтственно съ умственнымъ возрастомъ учащихся, наблюдающая, чтобы все учебное содержаніе усвоялось ими и укладывалось въ ихъ головахъ какбы пластами, начиная съ внѣшней стороны учебнаго матеріала все глубже и глубже, или чтобы оно не складывалось въ нихъ чисто внѣшнимъ об. наподобіе мозаики, а внѣдрялось и возрастало въ ихъ сознаніи органически. Такая метода примѣнима, конечно, и во всѣхъ предметахъ гимназическаго ученія, но полнѣе, успѣшнѣе и плодотворнѣе всего она примѣнима въ преподаваніи главнаго, центральнаго предмета т. е. древнихъ языковъ. Такъ, весь элементарный курсъ ученія древнимъ языкамъ составляетъ первый пластъ его, запечатлѣнный характеромъ объяснительнаго ученія. Тутъ ученикъ прежде всего воспринимаетъ впечатлѣнія рѣчи, смыслъ которой и строеніе ему пока не понятны. Но мало по малу онъ научается различать въ ней части, узнаетъ флексіи свойственныя каждой изъ нихъ и знакомится съ простѣйшими оборотами языка. Весь этотъ матеріалъ начальнаго познанія онъ знаетъ настолько, насколько удерживаетъ въ своей памяти, ясно представляя себѣ каждую грамматическую форму, умѣя найти между ними сходство и различіе, воспроизвести ихъ въ порядкѣ и въ разбивку. Такого рода знаніе, возбуждая въ учащемся рядъ представленій прежде не бывшихъ, составляетъ тотъ первый пластъ ученія въ этой области, содержаніе котораго въ отношеніи къ цѣлой задачѣ знанія составляетъ его основаніе и тотъ постоянный въ немъ элементъ, который повторяется на всѣхъ ступеняхъ изученія этого учебнаго предмета. Какъ само это познаніе, такъ и орудія его—воззрѣніе и память суть силы не преходящія и дѣйствуютъ, конечно, не въ этомъ только возрастѣ, а и на всѣхъ ступеняхъ какъ учебной, такъ и вообще умственной дѣятельности, при всякой высотѣ познанія;

но въ этотъ періодъ онѣ только наилучшимъ образомъ могутъ быть воспитаны, и—бѣда той школѣ, которая пропуститъ его для этой цѣли. Но, вотъ ученику открываютъ книгу какого либо латинскаго, или греческаго автора, и вмѣстѣ съ этимъ открывается предъ нимъ поле для его разсудительности. Этотъ пластъ ученія представляетъ для познанія задачи уже иного рода. Ученикъ читая автора, долженъ постоянно дѣйствовать разсудкомъ, чтобы разобравши каждое слово въ отдѣльности, быть въ состояніи понять ихъ совмѣстный смыслъ. Отъ него требуется, чтобы онъ овладѣлъ словомъ какъ понятіемъ, и связью словъ какъ сужденіемъ, т. е. усвоилъ-бы изъ чтенія то, что доступно только мышленію, или разсудку,—и такъ какъ одна и таже мысль въ разныхъ языкахъ и въ одномъ и томъ-же языкѣ можетъ быть выражена различно, то чтеніе автора представляетъ ученику такую задачу, которую онъ можетъ рѣшить только приводя къ сознанію въ каждый данный моментъ заразъ много познаній, комбинируя ихъ между собою, образуя новыя представленія, повѣряя ихъ взаимно,—а это и есть разсужденіе. Этотъ пластъ разсудительнаго ученія существенно замыкаетъ въ себѣ всю задачу гимназическаго ученія. Но оно стремится (можно сказать инерціально по природѣ самого разсудка) и дальше въ глубь познанія, оно хочетъ довести учащагося до того пункта глубины, гдѣ онъ коснулся-бы чего-то общаго въ познаніи того καθ ὅλου, которое есть истина познаваемаго.— Такая же постепенная метода можетъ и должна быть проведена и въ преподаваніи всѣхъ другихъ предметовъ, особенно-же математики. Математическое образованіе въ „общемъ смыслѣ“ часто противополагается классическому; но развитому сознанію, которому доступно идеальное воззрѣніе, понятно, что ни одинъ учебный предметъ не обладаетъ столь сходными съ классическими языками условіями изучимости, какъ математика, притомъ такъ, что одно образованіе, или опредѣленіе мыслящаго духа со стороны древнихъ языковъ дополняется, или проникается другимъ образованіемъ, или опредѣленіемъ его со стороны математики. Математическое и классическое образованіе взаимно себя предполагаютъ; это два явленія одной и той же идеи—идеи зрѣлаго, владѣющаго своимъ содержаніемъ мыслящаго духа и дѣйствующаго чрезъ функціи того же мышленія то въ сферѣ воззрѣнія и конструктивнаго воображенія, то въ сферѣ даннаго факта и наблюденія. Оба эти предмета, каждый съ своей

стороны, открываютъ въ гимназическую программу доступъ другимъ учебнымъ предметамъ, необходимымъ въ ней въ интересѣ практическаго расширенія задачи всего гимназическаго ученія».

2) Продолжительность ученія достаточная для доведенія учащихся до требуемой умственной и нравственной зрѣлости, въ соединеніи съ правильнымъ распредѣленіемъ его по принципу строгой концентраціи т. е. сообразно съ силою, или дидактическимъ значеніемъ каждаго учебнаго предмета.

„Если сфера быта не остается безъ вліянія даже на взрослыхъ, то еще большее вліяніе она имѣетъ на растущихъ. Гимназія, какъ школа съ ея учебной ферулой, имѣетъ всѣ средства заставить юношу провѣрять достоинство каждой своей мысли, каждаго своего дѣйствія и такимъ об. методически воспитывать его въ самостоятельности. Болѣе продолжительное пребываніе растущаго молодого человѣка въ такой сферѣ, безъ сомнѣнія, полезно какъ вообще для болѣе прочнаго его духовнаго развитія, такъ и для болѣе вѣрной оцѣнки имъ самого себя—своихъ способностей и силъ, своихъ недостатковъ и немощей. Держать молодого человѣка насколько можно долѣе въ школьномъ положеніи значитъ продлить его юность и задержать наступленіе періода старости, которая всегда тѣмъ хуже, чѣмъ приходитъ раньше. Поэтому, лучше не начинать слишкомъ рано школьную жизнь, чѣмъ слишкомъ рано ее кончать. Это одинаково имѣетъ силу какъ относительно юношей, такъ и дѣвицъ. Тѣ физическія потребности, которыя хочетъ въ этомъ случаѣ уважить ложная педагогика, сокращая въ ихъ пользу школьное время, сами по себѣ, насколько суть *физическія,* вовсе не такъ неотвратимы, какими становятся иногда подъ вліяніемъ спѣшнаго и извращеннаго воспитанія. Что касается собственно до юношей гимназистовъ, то нѣтъ ничего лживѣе мнѣнія, будто бывавшіе до послѣдняго времени печальные случаи разнузданности и безчинства нашей университетской молодежи имѣли между прочимъ свою причину въ томъ, что они въ слишкомъ зрѣломъ возрастѣ вступаютъ теперь въ университеты и что поэтому гимназическій курсъ нужно укоротить, чтобы въ университетѣ было болѣе истинныхъ дѣтей... Люди, болтающіе такой вздоръ, не понимаютъ того, что возрастъ головы человѣческой не совпадаетъ съ возрастомъ тѣла, что для зрѣлости головы т. е. судительной способности ея, каковая зрѣлость нужна для головы студента, по-

требно болѣе дней, чѣмъ для зрѣлости тѣла. Это—фактъ, и въ виду этого факта мы полагаемъ, что *нормальный гимназическій курсъ долженъ быть* по крайней мѣрѣ *девятилѣтній*,—при чемъ эта продолжительность гимназическаго курса хотя даетъ возможность расширенія его, но необязываетъ къ тому, такъ что этимъ прибавочнымъ годомъ ученія прежде всего должно пользоваться для успѣха самого ученія. Вмѣстѣ съ симъ все гимназическое ученіе съ одной стороны такъ должно быть поставлено въ цѣломъ его курсѣ, чтобы особенно даровитымъ ученикамъ можно было проходить его въ восемь и даже менѣе, чѣмъ въ восемь лѣтъ (путемъ раздѣленія каждаго класса на два отдѣленія слабѣйшихъ и способнѣйшихъ учениковъ, съ предоставленіемъ послѣднимъ возможности перехода въ высшій классъ послѣ каждаго семестра), а съ другой, чтобы оно было доступно, безъ всякаго нарушенія его строя, и для юношей не очень даровитыхъ, особенно же для тѣхъ, которые во время ученія подвергаются болѣзнямъ[1]). Но этотъ 9-й годъ или классъ долженъ быть прибавленъ въ гимназіи не снизу—въ видѣ такъ называемаго приготовительнаго класса, такъ какъ гимназическое ученіе есть

[1]) Кромѣ того, можетъ, по мнѣнію автора, и должно быть увеличено и количество учебнаго времени въ году. Дѣло въ томъ, что нашъ учебный годъ слишкомъ малъ,—въ немъ на ученіе вмѣстѣ съ экзаменами употребляется 215—220 дней, а безъ нихъ 185—190 дней, между тѣмъ какъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ съ экзаменами 230, а безъ нихъ 214 учебныхъ дней. Поэтому, нашъ учебный годъ слѣдовало-бы увеличить чрезъ сокращеніе числа гулевыхъ и праздничныхъ дней, да и вакацій. Такъ, весенняя вакація въ 15 дней (состоящая изъ страстной и свѣтлой недѣли) можетъ быть оставлена безъ перемѣны, но зимняя можетъ быть сокращена до 10 дней (отъ 23 Декабря по 1-е Января), а лѣтняя не была-бы мала въ 48 дней (отъ 14 Іюня по 1-е Августа). Можно вообразить себѣ, какой всеобщій ропотъ поднялся бы, если бы кто нибудь взялъ смѣлость произвести такое сокращеніе гулевыхъ дней, которыми очень дорожатъ не одни только мальчики, любящіе подольше погулять на свободѣ. А что сказали-бы родители за прибавку 9-го года ученія, хотя и теперь гимназическій курсъ для многихъ продолжается 9, 10 и даже болѣе лѣтъ.

лишь то, которое основывается на древнихъ языкахъ, и гдѣ нѣтъ такого ученія, тамъ нѣтъ и гимназіи, и не сверху, потому что и нынѣ послѣдній 8-й классъ имѣетъ значеніе класса, завершающаго и закрѣпляющаго весь курсъ гимназическаго ученія, а въ срединѣ—въ тотъ моментъ развитія учащагося субъекта, когда слѣдовало-бы упрочить въ немъ его учебную дѣятельность и какбы задержать его отъ легкомысленнаго порыва впередъ, закрѣпить его за ученіемъ и укрѣпить въ немъ тѣ знанія, которыя должны служить ему опорными пунктами для всего его дальнѣйшаго учебнаго хода, заставить его осмотрѣться и рѣшиться или съ энергіею продолжать дальнѣйшій курсъ ученія, или оставить его для какой либо практической дѣятельности, или для другого рода ученія. Изъ числа классовъ гимназіи нынѣшній 4-й представляется именно тѣмъ моментомъ въ учебномъ развитіи ученика, на которомъ его слѣдуетъ задержать долѣе, или говоря точнѣе, который долженъ быть продолженъ для него на два года. Двухлѣтній курсъ 4-го класса (въ которомъ, конечно, и программа ученія должна быть организована иначе, чѣмъ въ другихъ классахъ, именно должна быть расширена внесеніемъ въ нее естествознанія) дастъ возможность гимназіи упрочить успѣхъ всего ея дѣла: онъ дозволитъ съ большею свободою выжидать развитія и окрѣплости умственныхъ силъ учащихся, что, какъ извѣстно по опыту, наступаетъ часто, именно въ возрастѣ 4-го класса; так. об. онъ задержитъ учащагося въ такомъ возрастѣ, когда интересъ къ ученію долженъ вполнѣ уже въ немъ сказаться, а если не скажется, то онъ оставитъ гимназическое ученіе для другого дѣла; этотъ классъ долженъ быть *критическимъ* для мало способныхъ и малорадивыхъ, и вообще для тѣхъ юношей, умственная жизнь которыхъ слагается внѣ интереса къ строго—научному ученію.—Кромѣ того, не только въ виду освобожденія гимназій отъ переполненія ихъ учениками, которые меньше всего ищутъ въ гимназіи того, къ развитію чего призвана эта школа самымъ существомъ своего дѣла, но и съ цѣлію дать разнаго рода прочимъ училищамъ хорошо прошколенныя головы, необходимо было бы отдѣлить низшіе классы гимназій отъ высшихъ ихъ классовъ. Существующія у насъ прогимназіи имѣютъ тяготѣніе и такъ поставлены, чтобы дѣлаться гимназіями. Напротивъ, нужно, кажется, принципіально поставить эти заведенія такъ, чтобы высшіе классы гимназіи стояли отдѣльно на плечахъ

теперишней прогимназіи, какъ голова ихъ, при чемъ руки этого туловища могли бы держать на себѣ разныя училища, существующія въ интересахъ культурной жизни. И конечно, въ интересѣ большей годности работы этихъ училищъ для нуждъ культурной жизни, а равно и въ интересѣ столь важнаго для дѣла образованія вообще единства умственной культуры головъ, гораздо лучше всѣ эти техническія, промышленныя, врачебныя и всѣ другія таковыя училища оперетъ на руки пятикласной гимназіи, чѣмъ на пяти—или шестиклассныя реальныя училища, потому что эти послѣднія лишены возможности создать внутри себя столь необходимую для дидактики всякой правильной школы концентрацію. По обстоятельствамъ, въ виду экономіи, низшіе классы гимназій могли бы быть подъ одною кровлею съ высшими, но не подъ однимъ режимомъ, разумѣя подъ ражимомъ тѣ формы управленія учащимися и ихъ самодѣятельности, въ которыхъ долженъ выразиться тамъ и здѣсь учебный и воспитательный порядокъ. Это различіе согласное съ существомъ дѣла, или съ дидактическимъ ростомъ ученія, требуется естественно и различіемъ возраста учащихся: психическое разстояніе между четырнадцати и восемнадцати—лѣтнимъ, безъ сомнѣнія, гораздо больше, чѣмъ между десяти и четырнадцати-лѣтнимъ и на это, въ интересѣ правильнаго духовнаго роста учащихся, надлежитъ обращать педагогамъ строгое вниманіе. Потому, принципіально разсуждая, должно утверждать, что лучше было бы, еслибы ученіе въ низшихъ и высшихъ классахъ было организовано въ формѣ учебныхъ заведеній, во всемъ совершенно отдѣльныхъ одно отъ другого[1]). Въ такомъ случаѣ 4-й старшій классъ (IV В.) долженъ быть

---

[1]) Николаю Е-чу представлялся подходящій, даже, можно сказать, вынуждающій случай осуществить на дѣлѣ эту мысль, когда онъ былъ уже директоромъ нашего института и состоящей при немъ гимназіи, обладавшей въ то время большой стипендіальной суммой на 120 такихъ гимназистовъ высшихъ четырехъ классовъ, на которыхъ, за получаемую казенную стипендію, лежало нравственное обязательство составить изъ себя лучшій отборный студенческій контингентъ института, но которые въ огромномъ большинствѣ случаевъ этого обязательства не выполняли. Зная, какъ неблагопріятно въ учебномъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ обставлена на частныхъ квартирахъ жизнь этихъ казенныхъ сти-

отнесенъ къ составу низшихъ классовъ, и тогда на протяженіи четы-

---

пендіатовъ—будущихъ студентовъ института и учителей и желая создать возможно болѣе подходящую къ такому ихъ назначенію обстановку, онъ естественно пришелъ къ мысли образовать для нихъ въ казенномъ зданіи интернатъ. А такъ какъ тутъ нельзя было найти свободнаго для этой цѣли помѣщенія, то онъ обратился въ министерство съ ходатайствомъ о разрѣшеніи выдѣлить изъ гимназіи ея четыре низшихъ класса въ особую прогимназію и перевести таковую въ особое зданіе, (кажется какъ на таковое, указывалъ на зданіе греческаго училища), а освободившуюся так. об. часть гимназическихъ помѣщеній превратить въ жилой интернатъ 80 стипендіатовъ, поставляя при этомъ на видъ, что такимъ путемъ съ од. стороны будутъ имъ даны всѣ способы возможно лучшей подготовки къ предстоящему имъ институтскому ученію, а съ другой этимъ самымъ будетъ въ нихъ усилена внутренняя потребность и нравственная обязанность посвятить себя, по окончаніи гимназическаго курса, этому именно, а не другому какому нибудь академическому ученію. Противъ этого ходатайства послѣдовали сильныя возраженія или протесты со стороны нѣжинской городской думы (убоявшейся напрасно, что замѣщеніе стипендіатами по 20 вакансій въ каждомъ изъ 4-хъ высшихъ классовъ закроетъ доступъ въ гимназію мѣстнымъ уроженцамъ) и со стороны Г. почетнаго попечителя института графа А. А. Пушкина (выразившаго тоже самое опасеніе и кромѣ того поставившаго на видъ, что устройство гимназическаго интерната было бы нарушеніемъ первоначальнаго устава учебнаго въ г. Нѣжинѣ заведенія съ именемъ князя Безбородко). По содержанію обоихъ этихъ протестовъ совмѣстно и каждаго въ отдѣльности, Н. Е. составилъ и представилъ по начальству обстоятельную и основательную записку, но и она оставлена безъ послѣдствій. Можетъ быть, это и лучше; но зато теперь, кажется, долженъ неминуемо возникнуть и быть рѣшенъ болѣе серьезный и трудный вопросъ не о выселеніи изъ гимназіи только четырехъ низшихъ классовъ ея, а о перемѣщеніи всей гимназіи въ новое особое зданіе, такъ какъ нынѣшнее помѣщеніе ея совмѣстно съ институтомъ, при нынѣшнемъ требованіи во имя гигіны большого количества кубическихъ саженей воздуха для каждой души, оказывается слишкомъ тѣснымъ. А когда гимназія получитъ новое помѣщеніе, то въ нынѣшнемъ какъ разъ останется мѣсто на интернатъ для 40 казенныхъ стипендіатовъ. Еще лучше,

рехъ классовъ отъ V до VIII можетъ быть развито дидактически гимназическое ученіе въ тѣхъ его пластахъ, въ которыхъ оно характеризуется собственно какъ научное ученіе. Такимъ об. вся гимназія въ цѣлости представляла бы три группы классовъ: 1-я отъ I до IV-го (двухгодового) съ преобладающимъ во всемъ ученіи грамматическимъ элементомъ,—2-я V и VI-й классы съ преобладающимъ въ ученіи историческимъ элементомъ и 3-я VII и VIII классы съ преобладающимъ въ ученіи философическимъ элементомъ, конечно, не въ смыслѣ изученія философскихъ дисциплинъ, а въ смыслѣ умозрѣнія, какъ характера самого ученія. Послѣднія двѣ группы, отдѣльно отъ первой могли бы быть названы *лицеями*, а классы низшіе, по отдѣленіи отъ высшихъ,—просто *гимназіями*, вмѣсто несоотвѣтствующаго названія прогимназій. Но, для развитія въ лицеяхъ собственно научнаго ученія, очень важно былобы установить, чтобы окончившіе курсъ ученія въ пятиклассной гимназіи, для поступленія въ лицей, подвергались отдѣльному вступительному испытанію, притомъ внѣшнему для самой гимназіи. Здѣсь опытный взглядъ, въ большинствѣ случаевъ, въ состояніи будетъ рѣшительно опредѣлить, кто изъ ищущихъ дальнѣйшаго ученія несетъ съ собою истинный способный къ развитію интересъ къ научному знанію, ибо въ этомъ именно возрастѣ учащихся, послѣ той заправки ихъ головъ, которую они получили въ грамматическихъ классахъ, какъ традиціи истинно-научнаго образованія семьи и рода, такъ и личныя дарованія должны сказаться здѣсь съ достаточною очевидностію».

Кромѣ увеличенія учебнаго времени, успѣхъ гимназическаго ученія обусловливается также правильнымъ распредѣленіемъ этого времени между разными учебными предметами. «Если признать, что сила учебнаго предмета, вообще говоря, прямо пропорціональна количеству употребляемыхъ на него учебныхъ часовъ, то та методическая концентрація ученія, на которой такъ настаиваютъ педагоги, былабы совершенно призрачнымъ дѣломъ, еслибы школа на практикѣ лишена была возможности располагать потребнымъ количествомъ учебныхъ часовъ по тѣмъ предметамъ,

---

если въ новомъ зданіи гимназіи будетъ устроенъ интернатъ; тогда можетъ быть значительно увеличенъ штатъ студентовъ института.

чрезъ занятіе которыми преимущественно она и осуществима. Сама метода гимназическаго ученія предполагаетъ большее количество учебныхъ часовъ по древнимъ языкамъ и меньшее по тѣмъ предметамъ, которые по условіямъ изучимости стоятъ дальше отъ нихъ, такъ что вообще можно сказать, что чѣмъ дальше какой либо предметъ въ этомъ отношеніи стоитъ отъ древнихъ языковъ, т. е. чѣмъ болѣе онъ занимаетъ мѣсто въ гимназической программѣ по какимъ либо инымъ побужденіямъ— болѣе практическаго свойства, а не по способности его содѣйствовать развитію судительной силы мыслящаго духа, тѣмъ меньшимъ количествомъ часовъ онъ можетъ располагать. Точнѣе, такъ какъ древніе языки должны быть центромъ всѣхъ учебныхъ занятій гимназиста и такъ какъ поэтому занятіе ими онъ долженъ продолжать во все время своего ученія изо дня въ день, то этимъ естественно опредѣляется для нихъ дидактическій максимумъ по 6-ти часовъ въ недѣлю для каждаго во всѣхъ 9 классахъ; меньше этого былобы уже причиною колебанія въ успѣхѣ ученія, а большее указывало-бы на дидактическіе недостатки самой дачи матеріала ученія. За древними языками, по степени дидактическаго значенія, слѣдуетъ математика, для которой должно быть удѣлено не менѣе 4 недѣльныхъ часовъ тоже во всѣхъ классахъ; затѣмъ для закона Божія— по 2 часа во всѣхъ классахъ, для русскаго языка—по 2 часа, но съ увеличеніемъ до 6-ти (въ двухъ высшихъ классахъ), для географіи и исторіи—по 2 часа, съ увеличеніемъ до 4-хъ (въ четырехъ высшихъ классахъ), природа (естествознаніе) и физика—2 часа съ увеличеніемъ до 6-ти (въ прибавочномъ V классѣ), новые языки по 3 часа, съ уменьшеніемъ до 2 и 1 часа (въ пяти старшихъ классахъ), чистописаніе по 1/2 часа ежедневно (въ I и II классахъ). Такимъ об. новый прибавочный годъ гимназическаго ученія даетъ возможность и для всѣхъ лѣтъ его назначить ровное, притомъ вполнѣ достаточное число уроковъ по всѣмъ предметамъ, и кромѣ того тѣмъ самымъ сообщаетъ ему нужное однообразіе. Однообразіе, такъ нелюбимое и такъ избѣгаемое въ праздной жизни, весьма желательно и необходимо для успѣха дѣловой и въ частности учебной жизни. Тождественность и нѣкоторая монотонность учебныхъ дней въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ сильнѣе и крѣпче втянетъ ученика въ ихъ злобу, нежели прихотливая перемѣна объема его занятій, требующая отъ него то болѣе то менѣе продолжительнаго напряженія

умственныхъ силъ. Притомъ эта монотонность выдѣляетъ жизнь и организуетъ бытъ учениковъ, какъ нѣкоторый особый міръ, стоящій въ сторонѣ отъ разсѣивающагося и слишкомъ подвижнаго въ своемъ содержаніи міра общественной жизни. Возможно большее однообразіе въ планѣ учебныхъ занятій гимназистовъ также выражаетъ съ своей стороны учебную силу всего курса, подобно тому какъ большее количество учебныхъ часовъ по какому либо предмету выражаетъ его учебную силу.

Наконецъ, ученая школа не можетъ ограничить свои задачи только тѣмъ, чтобы дать своимъ ученикамъ то или другое знаніе и умѣнье чрезъ уроки въ классное время; задача ея, особенно на высшей ея степени, на какой она должна быть въ старшихъ классахъ, состоитъ въ томъ, чтобы разработать въ мыслящемъ духѣ учащихся элементы научнаго сужденія. Для этой цѣли она не можетъ отказаться отъ своихъ требованій и на внѣклассное время учениковъ. Для нихъ, напротивъ, обязательно выполнять задачу ученой школы и внѣ ея, какбы независимо отъ нея; или, сказать иначе, задача гимназическаго ученія въ ея высшемъ проявленіи тогда только и исполняется, когда учащіеся, именно ученики высшихъ классовъ проявляетъ такую зрѣлость духа, что по даннымъ предметамъ ученія въ состояніи исполнять работы не какъ упражненія, а какъ удовлетворeніе живой потребности самостоятельнаго сужденія о предметѣ. Это и есть истинный показатель дѣйствительнаго успѣха гимназическаго ученія; тогда только несомнѣнно, что школа донянчила своего ребенка и должна уже оставить его самого идти въ сферѣ науки. Но самостоятельность и самодѣятельность, какъ форма свободы внѣучебныхъ или приватныхъ работъ учениковъ гимназіи, не исключаетъ вовсе участія въ нихъ самой школы. Былобы очень рискованно предоставить самимъ ученикамъ отыскивать себѣ такія работы; школа должна въ этомъ случаѣ придти на помощь ихъ самостоятельности. Роль школы, или дѣло учителя состоитъ здѣсь въ томъ, чтобы предложить ученикамъ рядъ строго обдуманныхъ и соразмѣренныхъ съ ихъ силами задачъ для рѣшенія. Такія задачи можно давать изъ области математики, исторіи, русской словесности, но предпочтительнѣе и въ этомъ случаѣ держаться сферы классическаго языкоученія, ибо мѣра занятія гимназистовъ древними языками не иначе можетъ быть выражена, какъ чѣмъ *больше, тѣмъ лучше*. Такъ какъ классное чтеніе древнихъ авторовъ бываетъ довольно умѣренно и идетъ очень мед-

ленно, то понятно, что только чрезъ приватное занятіе ученики могутъ удовлетворить требованію болѣе обширнаго, цѣлостнаго по содержанію и связнаго чтенія для выработки суждений по соотвѣтствующимъ вопросамъ, а такое именно чтеніе древнихъ авторовъ и должно быть вызываемо у учениковъ постановкою для нихъ задачъ для приватныхъ работъ.—Чтоже касается такъ называемыхъ вакаціонныхъ работъ, то и онѣ могутъ быть допускаемы въ извѣстныхъ случаяхъ и при извѣстныхъ условіяхъ,—именно, если онѣ имѣютъ цѣлію заставить учащихся повторить то, что они учили, но не твердо усвоили и побудить ихъ, особенно учениковъ старшихъ классовъ, посвятить свой досугъ чтенію и так. об. ознакомленію съ разными сторонами того или другого учебнаго предмета. Но, принципіально вакація должна быть вакаціей—временемъ отдыха, а потому вакаціонныя работы должны быть не задаваемы, какъ долговыя классныя, а только рекомендуемы ученикамъ старшихъ классовъ самимъ непосредственно, а ученикамъ младшихъ классовъ и чрезъ посредство ихъ родителей, или старшихъ.

3.—Раціональная организація всей школьной жизни учащихся, хорошо разсчитанная на правильное умственное и нравственное ихъ возрастаніе, или, какъ говорится по просту, толковая школьная дисциплина т. е. хорошее, основанное на твердыхъ истинно-разумныхъ началахъ школьное воспитаніе.

Эта еще болѣе высокая и важная воспитательная задача гимназіи еще труднѣе осуществима, чѣмъ чисто учебная прежде всего потому что тутъ еще сильнѣе даютъ себя чувствовать такъ называемыя вѣянія времени, указанія и тенденціи со стороны тогоже «общаго смысла», большею частію не имѣющія ничего общаго съ требованіями строгаго разума. Невольно по этому поводу припоминаются жалобы Платона на трудность, просто невозможность надлежащаго нравственнаго воспитанія юношества при такомъ строѣ общественной жизни, гдѣ всѣ вопросы о справедливомъ, истинномъ, прекрасномъ, о добрѣ, о благѣ рѣшаются съ бою большинствомъ болѣе крикливыхъ голосовъ, при чемъ эта неугомонная масса принимаетъ видъ какбы нѣкоего огромнаго животнаго, постоянно требующаго угожденія себѣ и удовлетворенія своихъ измѣнчивыхъ, прихотливыхъ желаній. У насъ, конечно, нѣтъ такой демократической массы, которая, внѣ истины—по своему лишь вкусу, установляла-бы

понятія справедливаго, честнаго, прекраснаго и т. п. и требовала, чтобы юношество воспитывалось не иначе, какъ въ установленномъ ею смыслѣ; но и у насъ есть своего рода домократизація, т. е. и у насъ въ дѣлѣ воспитанія, какъ и въ прочихъ дѣлахъ, нерѣдко получаетъ руководительное значеніе такое мнѣніе, которое, хотя стоитъ, быть можетъ, въ связи съ самыми лучшими желаніями, на дѣлѣ оказывается мало пригоднымъ или потому что само не состоятельно, или вслѣдствіе невѣрнаго пониманія его тѣми, которые имъ руководятся, или вслѣдствіе недостатка условій для разумнаго примѣненія его къ дѣлу. А между тѣмъ оно иногда настолько овладѣваетъ умами, что получаетъ смыслъ теоріи, убѣжденія, кажется чѣмъ то необходимо—истиннымъ, отступить отъ чего въ дѣйствіи представляется какбы выраженіемъ непониманія дѣла; на общественномъ языкѣ это значитъ тогда быть смѣшнымъ, по меньшей мѣрѣ отсталымъ, или страннымъ. Такъ и у насъ появляется иногда нѣкоторое большое животное, и нашими умами овладѣваетъ иногда общій большой софизмъ въ видѣ нѣкоторой доктрины, сложившейся часто внѣ сферы самого дѣла. Этотъ большой софизмъ, дѣйствительно, какбы нѣкоторое большое животное, и есть часто самый лютый врагъ того или другого нашего дѣла. Потому, и намъ съ нимъ, болѣе, быть можетъ, чѣмъ съ отдѣльными софистами надлежитъ считаться. Такъ, и въ дѣлѣ воспитанія, недостаточно, быть можетъ, отбиваться отъ клейменныхъ софистовъ, когда софистика, хотя безъ собственнаго клейма, въ насъ же самихъ, «въ нашемъ собственномъ мнѣніи». Самое главное условіе успѣха во всякомъ дѣлѣ, слѣдовательно, и въ учебновоспитательномъ есть доброкачественность матеріала, подлежащаго обработкѣ, или надлежащая удобная почва для дѣйствія. Гимназія, какъ гуманитарная школа, безъ сомнѣнія, должна быть открыта для всѣхъ желающихъ получить общее научное образованіе, безъ различія происхожденія и состоянія. Но это положеніе, имѣющее силу закона, устраняетъ относительно гимназіи только общее различіе гражданъ и семействъ ихъ по происхожденію и состоянію, но не уничтожаетъ того особеннаго различія, которое, хотя частію связано бываетъ иногда съ различіемъ по происхожденію и состоянію, основаніемъ своимъ имѣетъ иной признакъ, а не самое происхожденіе и состояніе. Дѣло въ томъ, что многіе изъ учениковъ, наполняющихъ теперь классы нашихъ гимназій, по своимъ бытовымъ

условіямъ, или по семейной обстановкѣ принадлежатъ къ такому обществу, жизнь котораго сложилась внѣ правильныхъ учебныхъ традицій и внѣ связи съ истинно-научнымъ образованіемъ. Изъ такой-то сферы дѣти ежедневно переходятъ на нѣсколько времени въ учебную сферу гимназіи;—какъ различно они должны себя чувствовать всякій разъ здѣсь и тамъ! Но, чувствовать—то себя они могутъ различно, сознаніе же ихъ мало по малу налаживается на какой нибудь одинъ ладъ. Рѣдко, конечно, пересиливаютъ въ ихъ сознаніи интересы сферы учебной, всегда почти оно слагается у нихъ по смыслу интересовъ совершенно чуждыхъ школѣ. А между тѣмъ все это хочетъ взять съ гимназіи то, что даетъ она вмѣстѣ съ ученіемъ, кромѣ только самого ученія. Понятно, что если такихъ въ классѣ и вообще въ гимназіи много, то лежащая на ней воспитательная задача оказывается чрезвычайно трудною. Тутъ естественно возникаетъ вопросъ, какъ согласить самъ по себѣ независимый отъ гимназіи и частный домашній порядокъ каждаго гиназиста съ общимъ для всѣхъ и необходимымъ порядкомъ учебной жизни. Ясно, что если гимназистъ половину дня живетъ и растетъ въ гимназіи, а половину дня—дома, то онъ въ одинъ и тотъ-же день живетъ и растетъ въ двухъ различныхъ порядкахъ. Чтобы этого раздвоенія не было, одинъ порядокъ долженъ быть подчиненъ другому, вопросъ только въ томъ, какой—какому? Люди, для которыхъ педагогика есть нѣкоторый предметъ сезонной болтовни, резонируютъ нерѣдко на ту тему, что школа та хороша, которая похожа на семью. Это наивное мнѣніе былобы, можетъ быть, кстати въ древнѣйшую эпоху господства материнскаго права, когда дѣти назывались по матери, а не по отцу,—только въ то время школы—то, кажется, и не было. Какъ школа внутренно, такъ и семья внутренно суть, конечно, формы опредѣленнаго нравственнаго порядка, но эти формы различны. Школа, или учебное заведеніе, какъ особый общественный институтъ, отдѣльный отъ института семьи, потому и образовался и давно уже существуетъ у людей что семья принципіально не можетъ быть тѣмъ для молодого ея поколѣнья, чѣмъ должна быть для него школа. Зачѣмъ же самой ей быть теперь похожей на семью? Не былоли бы это уродствомъ учрежденія и даже совершеннымъ его отрицаніемъ? Школа, говорятъ, уже потому похожа или должна быть похожа на семью что тамъ и здѣсь началомъ всѣхъ взаимоотношеній служитъ, или должна

служить любовь. Конечно, такъ, но только вопросъ, какая любовь здѣсь и тамъ, какія задачи и обязанности вытекаютъ изъ той и другой любви? Если различныя, то значитъ семья и школа, какъ формы жизненнаго порядка, различны по самымъ началамъ своимъ. Еще тотъ сказочный старикъ, который далъ своимъ дѣтямъ связанный пукъ прутьевъ, прекрасно изобразилъ смыслъ семьи, какъ установленія съ опредѣленнымъ нравственнымъ порядкомъ; именно, въ основѣ семьи, какъ формы нравственнаго порядка лежитъ взаимная *помощь*, а въ основѣ того нравственнаго порядка, который представляетъ школа, лежитъ обособленная *самодѣятельность*. Семья и школа перестали бы каждая быть нравственнымъ порядкомъ, еслибы какъ нибудь онѣ перемѣстились со своихъ основъ. Потому, нелѣпо требовать, чтобы школа искусственно была семьею. Напротивъ, если хотимъ, чтобы школа имѣла успѣхъ въ своемъ дѣлѣ, можно потребовать отъ семьи, чтобы она отдавая дѣтей въ школу, уступилабы, такъ сказать, себя школѣ, въ пользу ея дѣла. Это не значитъ непосредственно, что для дѣла школы необходимо дѣтямъ быть совсѣмъ изъятыми изъ сферы семейнаго порядка; это значитъ только, что школа, въ нашемъ случаѣ собственно гимназія, требуетъ отъ семьи такъ устроить бытъ ея учениковъ, чтобы они были самодѣятельными на поприщѣ своего умственнаго и нравственнаго развитія. Въ этомъ случаѣ семья, дѣйствительно, какбы уступаетъ себя школѣ, ибо помогать самодѣятельности учащихся—это значитъ развязать пукъ прутьевъ, значитъ—семеный порядокъ ученика, какъ нравственной личности, подчинить его учебному порядку въ томъ смыслѣ, чтобы начало этого порядка—самодѣятельность было господствующимъ началомъ всей учебной его жизни и дѣятельности. Но самодѣятельность возможна только въ сферѣ труда; потому, все ученіе должно быть расположено такъ, чтобъ учащіеся чувствовали, что все содержаніе ихъ учебной жизни есть трудъ, что здѣсь все—знаніе ли и умѣнье ихъ, или нравственное дѣяніе и даже удовольствіе должны быть результатами ихъ личнаго труда—напраженія ихъ собственныхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ. Безъ такой постановки дѣла, учебный порядокъ въ гимназіи, до какихъ бы мелочей онъ ни былъ разсчитанъ и установленъ его руководителями, всегда будетъ только мертвымъ и внѣшнимъ, а не живымъ и нравственнымъ порядкомъ. Съ указанною школьною тенденціею, отъ которой

гимназія не можетъ отказаться, не отказываясь отъ себя самой, семья и семейный порядокъ часто бываютъ не солидарны. Добровольное и цѣлесообразное подчиненіе одного порядка другому можетъ быть собственно только въ томъ случаѣ, когда въ самой семьѣ есть надлежащее пониманіе нравственнаго порядка школы. Безъ этого, сфера семейнаго порядка бываетъ обыкновенно такъ плотна, что не уступаетъ себя, а при полномъ господствѣ начала семейнаго порядка въ учебной жизни учениковъ, учебный порядокъ, какъ форма нравственнаго быта, для нихъ какбы не существуетъ. Эта излишняя плотность сферы семейнаго порядка встрѣчается одинаково какъ въ семьяхъ съ недостаточнымъ матеріальнымъ обезпеченіемъ, такъ и въ семьяхъ обезпеченныхъ; условіе одно и вредъ отъ того для устойчивости нравственнаго порядка въ школѣ одинаковъ. Но, едвали не большему еще разрушительному дѣйствію подвергается нравственный порядокъ гимназіи, когда въ семьяхъ учениковъ, имѣющихъ достаточное обезпеченіе, не только не содѣйствуютъ подчиненію ихъ должному учебному порядку, какъ это часто встрѣчается со стороны семей необезпеченныхъ, но иногда даже и противодѣйствуютъ ему. Поэтому, если не безъ успѣха можно защищать то положеніе, что благоразумные родители, не начитавшіеся разныхъ полуученыхъ книгъ по педагогикѣ, физіологіи и гигіенѣ, въ состояніи устроить жизнь учащихся юношей такъ, чтобы они ни въ какомъ отношеніи не стояли фальшиво къ своему дѣлу, то современное осложненіе условій семейной жизни позволяетъ съ рѣшительностію высказать и то положеніе, что для развитія, въ согласіи съ высокими интересами гимназическаго ученія, самодѣятельности учащихся, какъ основного начала всего порядка ихъ нравственной жизни, *постоянное изо дня въ день пребываніе ихъ въ учебномъ заведеніи вообще гораздо цѣлесообразнѣе*, чѣмъ дѣленіе ихъ жизни между двумя порядками—учебнымъ и семейнымъ. По крайней мѣрѣ устраненіе явленій, препятствующихъ правильному развитію въ учащихся начала самодѣятельности, жизнь юношей вполнѣ свободная, но въ такихъ формахъ свободы, которыя соотвѣтствуютъ степени развитія ихъ нравственной личности и сами способствуютъ дальнѣйшему ея развитію,—все это гораздо удобнѣе можетъ быть достигнуто при господствѣ одного порядка, чѣмъ при сомнительномъ, часто невозможномъ подчиненіи семейнаго порядка учебному. Во всякомъ же

случаѣ, если учащіеся во всякое время, когда учатся и когда не учатся, находятся тутъ же подъ руками у учебнаго начальства, то душамъ ихъ, какъ мягкому воску, безъ особеннаго труда можно дать мало помалу надлежащія формы сознательной нравственной жизни. Сомнѣваться въ этомъ можетъ развѣ тотъ, кто самъ, какъ нравственная личность, представляетъ собою мудреную систему компромиссовъ долга и здраваго смысла съ теоріями біологическими, психіатрическими и другими. Разные утописты и политическіе психопаты тѣмъ и берутъ, что дѣйствуютъ на молодежь въ извѣстномъ направленіи безъ всякихъ компромиссовъ. Впрочемъ, компромиссы компромиссами,—въ нихъ несомнѣнно большое и принципіальное зло, въ какой бы формѣ они ни встрѣчались въ дѣлѣ нравственнаго развитія нашей молодежи. Но есть и разныя объективныя причины, которыя затрудняютъ руководителей учебныхъ заведеній въ томъ, чтобы типически, по идеѣ нравственнаго порядка, развивать учащихся. Это именно то, что при разнообразныхъ, столь осложненныхъ въ наше время условіяхъ семейной жизни, часто ни имъ и *никому* не извѣстно, подъ дѣйствіемъ какихъ нравственныхъ впечатлѣній находятся учащіеся большую часть дня и всей своей учебной жизни. Но всего опаснѣе тотъ порядокъ, что многіе учащіеся живутъ на такъ называемыхъ частныхъ ученическихъ квартирахъ. И въ старое болѣе простое время эта форма быта учащихся была опасна, а теперь она никуда не годится, и какъ можно скорѣе должна быть замѣнена устройствомъ пансіоновъ при самихъ учебныхъ заведеніяхъ. Эта фальшивая quasi семейная обстановка съ quasi материнскимъ уходомъ квартирной хозяйки, съ прошнурованными квартирными журналами и съ не зашнурованною женскою прислугою,—вотъ именно тотъ порядокъ, въ которомъ если кто изъ учащихся уцѣлѣетъ, не ложно сказать съ Платономъ, что самъ Богъ его спасъ».

Что касается разныхъ мѣръ, рекомендуемыхъ въ цѣляхъ благотворно-воспитательнаго воздѣйствія на нравы учащихся, то всѣ онѣ могутъ въ извѣстной степени служить этимъ цѣлямъ лишь подъ извѣстными условіями и ограниченіями. Такъ, нужно, говорятъ, чтобъ ученики какъ можно больше читали и такимъ путемъ всесторонне развивались. Конечно, чтеніе книгъ—вещь хорошая; но читать книгу, какъ дѣло дѣлать, возможно только при томъ условіи, когда тѣмъ или другимъ методиче-

скимъ способомъ дидактическаго наставленія, или путемъ непосредственнаго опыта читающему самому, безъ книги, уже присущи элементы соотвѣтствующаго сужденія, которые данная книга должна помочь ему привести въ опредѣленную форму истины. Внѣ же этого условія, въ головѣ читающаго отъ чтенія книги, вообще говоря, не можетъ быть никакого сужденія, какъ формы отличія истины отъ лжи, а только нѣкоторый хаосъ изъ истиннаго и ложнаго. Въ примѣненіи къ ученику это правило значитъ, что книга, открываемая учаникомъ, должна точнымъ об. и въ опредѣленной мѣрѣ или дополнять его познанія, пріобрѣтенныя чрезъ уроки по наукамъ, или непосредственно научить его тому, что онъ долженъ знать, но что не пріобрѣтается чрезъ уроки и упражненія, а должно быть воспринято чрезъ непосредственное соприкосновеніе ума съ самимъ объектомъ, подлежащимъ познанію, какъ напр. въ области словесности только путемъ чтенія эпическихъ, лирическимъ и драматическихъ произведеній въ данныхъ лучшихъ образцахъ ученикъ можетъ понять, осязая, такъ сказать, своимъ умомъ то, что составляетъ лирическій, эпическій и драматическій элементъ въ поэзіи, и далѣе—въ предѣлахъ наприм. лирики отличить одинъ ея видъ отъ другого. А внѣ дидактическихъ надобностей и цѣлей, на чтеніе учениками книгъ нельзя смотрѣть какъ на дѣло законной для нихъ потребности; часто оно есть дѣло совершенно искусственное, и потому не столько подлежитъ поддержкѣ и развитію, сколько регулированію до крайнихъ предѣловъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать объ устройствѣ нарочитыхъ литературныхъ бесѣдъ учителей съ учениками и учениковъ между собою т. е. что эти бесѣды могутъ приносить нѣкоторую долю пользы только подъ тѣмъ условіемъ, если онѣ не имѣютъ вида простой забавы, или безцѣльнаго пустословія, а преслѣдуютъ такія или иныя дидактическія задачи. Особенно большую психологическую ошибку дѣлаютъ въ томъ случаѣ, когда такъ заботятся о публичности и громкости нѣкоторыхъ удовольствій учащихся, какъ то—концертовъ, спектаклей и т. п., думая въ этомъ имѣть сильное средство благотворнаго воздѣйствія на всю массу учащихся. Въ этомъ случаѣ не просто желаютъ дать молодежи возможность позабавиться въ свое удовольствіе, а думаютъ, что играя на сценѣ, или въ концертѣ, она стоитъ подъ знаменемъ чего-то возвышеннаго и благороднаго и проникается готовностію служенія всему такому. Между тѣмъ

окружаемые вниманіемъ къ тому, что дѣлаютъ внѣ своихъ обязанностей, молодые люди иллюзорно мнятъ себя дѣйствующими и вліяющими на другихъ, какъ будто уже сложившіяся нравственныя личности, имѣющія роль въ обществѣ. Личность ихъ еще только слагается, а между тѣмъ тутъ иллюзія самостоятельности усиливается у нихъ тѣмъ, что фикція дѣйствія и власти каждаго расширяется въ умахъ чрезъ представленіе о массѣ, и если каждый въ отдѣльности въ такомъ положеніи готовъ считать себя чѣмъ—то, то каждый въ массѣ и вся масса сознаетъ себя какъ силу, какъ начало нѣкотораго движенія и достиженія... Другія занятія, могущія сопутствовать гимназическому ученію, суть: пѣніе, музыка, верховая ѣзда, стрѣльба, фехтованье, плаваніе и проч. Какъ видно изъ самого этого перечня, они частію по самому существу своему доступны ученикамъ только въ опредѣленные возрасты, частію зависятъ отъ мѣстныхъ и временныхъ условій, вообще же опредѣляемыя со стороны успѣха какъ природными дорованіями, такъ и физическими средствами учащихся, должны быть разсматриваемы какъ предметы факультативные. Только пѣніе, какъ болѣе или менѣе доступное для всѣхъ средство эстетическаго воспитанія, должно быть введено въ общую программу гимназическаго ученія, если найдется хорошій учитель, а не диллетантъ или самоучка, любящіе устраивать ученическіе концерты. Можно дать мѣсто въ гимназическомъ быту и такимъ занятіямъ, какъ огородничество, цвѣтоводство и такимъ ремесламъ, какъ точильное, переплетное и т. п. Само собою понятно, что часы для всѣхъ этихъ занятій ученики должно найти въ своемъ досугѣ.—Въ числѣ средствъ нравственнаго воздѣйствія на учащееся юношество, съ цѣлію отвлеченія его отъ дурныхъ дѣлъ, упоминаются еще экскурсіи учениковъ съ учителями. На что же могутъ быть направлены экскурсіи гимназистовъ? Здѣсь едвали имѣется въ виду посѣщеніе учащимися прославленныхъ монастырей, обителей и иныхъ святынь, равно музеевъ и разныхъ хранилищъ рѣдкихъ произведеній ума человѣческаго, художественныхъ выставокъ, памятниковъ и просто историческихъ мѣстностей. Всѣ подобныя мѣста, безъ сомнѣнія, должны быть посѣщаемы учениками и съ родителями, и съ учителями, и единолично. Вопросу могутъ подлежать экскурсіи съ цѣлію, такъ сказать, научныхъ ученическихъ наблюденій, для чего однако нѣтъ, или только рѣдко можетъ встрѣтиться подходящій

объектъ. Тѣ объекты, которые обыкновенно выставляются съ этою цѣлію, какъ наприм. теченіе рѣки, впаденіе одной рѣки въ другую, истокъ и устье, индѣ приливъ и отливъ моря, нѣкоторыя ручныя техническія производства, разныя примѣненія дѣйствія пара или электричества на фабрикахъ и заводахъ и т. п., на дѣлѣ скорѣе оказываются только объектами все тойже благородной забавы, которая въ этой формѣ для научнаго, а еще болѣе для нравственнаго воспитанія, хорошо еще, если только безразлична. Подлежащіе наблюденію объекты плохо, или вовсе не наблюдаются, а только смотрятся и то, какъ говорится, изъ пятаго въ десятое, потому что они даны здѣсь для познанія не въ школьныхъ, не въ методическихъ его условіяхъ, а такъ свободно, какъ ученикъ изучать предметъ не привыкъ. Руководителю экскурсіи, при всемъ его желаніи, едвали удается держать на пути и на мѣстѣ смотрѣнія головы учениковъ въ такомъ же учебномъ настроеніи, какъ въ классѣ; напротивъ, дисциплина здѣсь легко ослабляется, а наклонность къ шалостямъ и продѣлкамъ съ одной стороны и къ пустому резонерству съ другой имѣетъ для себя въ этомъ случаѣ широкое поле. Все это такое зло, для избѣжанія котораго умный педагогъ откажется не отъ однихъ экскурсій. Безопаснѣе для дисциплины и нравственности и неразрывнѣе съ цѣлями ученія и воспитанія могутъ быть производимы ученическія экскурсіи, соединенныя съ дѣйствіемъ—ботаническія, минералогическія и другія. Въ этихъ случаяхъ опытный учитель въ той или другой задачѣ легко можетъ найти точку опоры для занятія учениковъ настоящимъ дѣломъ. Но, всего болѣе можно одобрить и рекомендовать экскурсіи (майскія), какъ рекреаціи; рекреація въ одинъ изъ будничныхъ учебныхъ дней, со всякими свободными непринужденными играми, есть лучшая форма освѣжающаго и ободряющаго отдыха для юношей учебнаго возраста.

4. Стоящая на высотѣ задачи гимназическаго ученія, дружно и согласованно дѣйствующая коллегія учителей, надлежаще подготовленныхъ къ учительству въ высшихъ школахъ.

Этотъ вопросъ о надлежащей подготовкѣ въ высшихъ школахъ учителей для гимназіи возникъ для Николая Ефремовича тотчасъ послѣ того, какъ онъ оставивъ университетскую каѳедру и ставъ директоромъ гимназіи, долженъ былъ фактически рѣшать серьезную задачу надлежащей постановки гимназическаго ученія посредствомъ наличнаго состава

учителей. Увидѣвъ на дѣлѣ, что учителя, учившіе въ прежней гимназіи, далеко не всѣ способны надлежащимъ об. вести ученіе въ реорганизованной гимназіи, отъ естественно задался вопросомъ о причинѣ этого печальнаго явленія и, по свѣжему воспоминанію своей собственной преподавательской дѣятельносои въ университетѣ, нашелъ эту причину въ излишней спеціализаціи факультетскаго ученія, претендующей давать спеціалистовъ, но не дающей людей научно-образованныхъ. Мысли свои по этому вопросу онъ изложилъ въ особой статьѣ (Гражданинъ 1874 г. № 16), въ которой между прочимъ такъ разсуждалъ: «стремленіе студентовъ къ узкой спеціализаціи въ циклѣ наукъ одного и тогоже факультета есть стремленіе разрушительное для истинно-научнаго факультетскаго ученія и само по себѣ недостаточно строго обдуманное. Вѣдь студенты нерѣдко уже съ перваго курса фактически представляютъ себя изучающими ту или другую спеціальность и называютъ себя спеціалистами. Ceteris paribus, эти спеціалисты наприм. по исторіи совсѣмъ не занимаются древними языками; обязанные получить на экзаменѣ изъ этихъ языковъ удовлетворительный баллъ, они отвѣчая не удовлетворительно, обыкновенно говорятъ „да я-жъ не спеціалистъ по древнимъ языкамъ, я не классикъ, а спеціалистъ по исторіи»; другой считая себя спеціалистомъ по латыни, не хочетъ быть спеціалистомъ по гречески, тотъ спеціалистъ по русской исторіи и не хочетъ знать ни всеобщей исторіи, ни русской литературы и наоборотъ. И, что всего хуже, каждый такой спеціалистъ смотритъ на себя свысока, а на другія науки съ недовѣріемъ и пренебреженіемъ, и изъ своего маленькаго кругозора озираетъ весь міръ. Такимъ об. духъ истинной ученности оскудѣваетъ, на факультеты смотрятъ какъ на склады, гдѣ каждый думаетъ запастись тѣмъ, что кому больше нравится. А такъ какъ этотъ порядокъ дѣлъ продолжается въ нѣкоторыхъ нашихъ университетахъ довольно давно, то наконецъ и на нихъ самихъ отражаются вредныя его послѣдствія: въ послѣднее время составъ профессоровъ, особенно-же преподавателей въ нихъ значительно пополнился такими спеціалистами sui generis; странно сказать, трудно повѣрить, но то фактъ, что въ числѣ профессоровъ есть люди, которые не безъ достоинства заявляютъ, что они вотъ не знаютъ и никогда не знали ни по—латыни, ни по—гречески,

а профессора-же»[1]). Обращая же взоръ свой на гимназію, получающую для учительской въ ней роли такихъ спеціалистовъ изъ университета, онъ гораздо уже позднѣе, на основаніи недавнихъ впечатлѣній отъ личнаго наблюденія, писалъ: «если силою умовъ въ самомъ факультетѣ едвали можетъ быть парализована сила вещей, слагающаяся изъ положенія наукъ въ немъ въ порядкѣ спеціальностей, то нѣтъ, кажется такой силы, которая уничтожила бы вредныя послѣдствія этого порядка для учебнаго дѣла гимназій. Не стыдно ли, въ самомъ дѣлѣ, что тамъ и здѣсь у насъ есть наприм. преподаватели латинскаго языка, не преподающіе т. е. не знающіе настолько языка греческаго, или наоборотъ? Это ли не плоды спеціализаціи? Это ли не нарочито приготовленные спеціалисты? Для гимназіи вредно не то, что въ ней разные учебные предметы преподаютъ разные учителя, а то собственно, что само гимназическое ученіе разваливается на части, независимыя одна отъ другой въ актѣ ученія и взаимно дѣйствующія развѣ только въ формѣ ариѳметическаго выраженія успѣховъ въ нихъ учащихся. Представители этихъ частей—спеціалисты по исторіи, по русской словесности и по самому латинскому языку, не говоря уже о предметахъ математическихъ, зная положимъ каждый свое дѣло, часто не понимаютъ дѣла общаго. Замыкаясь въ интересахъ своей спеціальности, тотъ и другой, естественно, съ своей особой точки зрѣнія относится ко всему плану гимназическаго ученія и потому каждый не только не содѣйствуетъ тому, чтобы знанія, пріобрѣтаемыя учащимися, концентрически слагались въ ихъ сознаніи въ одинъ фокусъ ихъ умственнаго и нравственнаго развитія, но нерѣдко нарушаетъ эту внутреннюю концентрацію. Во всякомъ-же случаѣ, при недоумѣніяхъ ли самого учителя относительно своего дѣла, при провѣркѣ ли самого его дѣла по какому либо поводу, у насъ большею частію учитель учителю не collega. Еще болѣе должно страдать гимназическое ученіе въ этомъ существенномъ его пунктѣ единства дѣйствія, когда

[1]) Въ этой статьѣ, озаглавленной „по вопросу объ ученомъ, или факультетскомъ образованіи въ университетѣ“ Н. Е. (по его словамъ въ объяснительной запискѣ, представленной 1884 г. Г. Министру Н. П.) имѣлъ въ виду противоположное мнѣніе въ пользу спеціальностей Н. А. Лавровскаго.

самъ директоръ заведенія, съ какою либо одною спеціальностію, хотябы съ тѣмъ-же латинскимъ языкомъ, бываетъ только нѣмымъ свидѣтелемъ квалификаціи успѣховъ и неуспѣховъ учениковъ, какъ она устанавливается по каждому предмету ученія учителями спеціалистами. Вслѣдствіе этого, все гимназическое ученіе—эта коренная основа истинной интеллигенціи въ странѣ, не смотря на всѣ хлопоты о немъ, доселѣ не можетъ у насъ упрочиться и окрѣпнуть, ибо надлежащую свою прочность и силу, какъ дѣло живое, оно можетъ получить только непосредственно, такъ сказать, изъ рукъ хорошо подготовленныхъ къ нему учителей»[1]).

IX. Итакъ, уже во время директорской службы въ харьковской гимназіи Н. Е-ча сильно интересовалъ вопросъ о надлежащемъ приготовленіи учителей гимназіи; но все же въ это время онъ относился къ этому вопросу, такъ сказать, издали, больше теоретически или академически, не имѣя возможности оказывать прямое реальное вліяніе на рѣшеніе его въ желательномъ направленіи и смыслѣ. Когда же, согласно высочайшему приказу отъ 3 ноября 1882 года, онъ принялъ въ управленіе спеціальный питомникъ будущихъ учителей гимназіи—нашъ И. Ф. Институтъ, то этотъ вопросъ сталъ для него насущнымъ жизненнымъ вопросомъ, овладѣлъ всѣми помыслами его ума, всѣми силами его души на столько, что поставилъ въ зависимость отъ себя прежде всего характеръ его отношеній къ управляемому заведенію, а потомъ и саму его служебную судьбу. Пока онъ вѣрилъ и надѣялся, что благопріятное разрѣшеніе этого вопроса т. е. надлежащее приготовленіе учителей достижимо чрезъ возможно лучшую организацію въ институтѣ филологическаго ученія, дотолѣ онъ прилагалъ весь свой умъ, всю свою энергію и педагогическую опытность на постоянное усовершенствованіе этой организаціи. Когда же эта вѣра и надежда стала у него ослабѣвать, а его умъ сталъ все яснѣе и отчетливѣе намѣчать совсѣмъ иной способъ наилучшаго рѣшенія этого вопроса, онъ сталъ мало по малу охладѣвать къ интересамъ и судьбѣ ввѣреннаго ему заведенія въ данномъ его видѣ и положеніи, и наконецъ, по чувству нравственнаго долга, совсѣмъ покинулъ его.

---

[1]) Объ оргаризмѣ гимназіи ч. 2 стр. 88.

Намъ уже извѣстно его воззрѣніе на специализацію факультетскаго ученія вообще и историко-филологическаго ученія будущихъ учителей въ особенности. Что такая спеціализація существуетъ и въ институтѣ въ видѣ трехъ отдѣленій—классическаго, словеснаго и историческаго, онъ, конечно, зналъ и раньше; но тутъ, всматриваясь въ существующій фактически строй и порядокъ ученія, онъ увидѣлъ ее лицемъ къ лицу, и сразу рѣшилъ если не уничтожить ее совсѣмъ, то по крайней мѣрѣ до возможной степени ее ослабить, сгладить. Для этой цѣли онъ, спустя всего три мѣсяца по вступленіи въ новую должность, вошелъ въ конференцію (24 Февраля 1883 г.) съ мнѣніемъ такого содержанія: «дѣленіе учебнаго курса въ нашемъ институтѣ на отдѣленія въ томъ видѣ, какъ оно есть нынѣ, неблагопріятно, кажется, отражается на всемъ ученіи студентовъ; въ немъ нѣтъ должной концентраціи, въ силу которой умъ студента могъ бы рости и крѣпнуть на занятіяхъ науками. Притомъ, институты наши учреждены собственно для того, чтобы дать отечеству людей способныхъ съ честію и правдою принять на себя трудъ все еще продолжающагося созиданія русской гимназіи. Итакъ, если съ одной стороны славяно-русская филологія и исторія, какъ науки и научныя дисциплины въ ихъ истинномъ смыслѣ, возможны только на основѣ классической филологіи, и если съ другой стороны гимназическое ученіе, къ преподаванію котораго готовятся наши студенты, есть собственно—классическое, то несомнѣнно, что въ нашемъ учебномъ курсѣ не должно быть отдѣленій, въ смыслѣ перегородокъ въ тѣхъ же предѣлахъ учебнаго курса отдѣляющихъ классическую филологію, чтобы дать въ нихъ просторъ другимъ наукамъ. Классическая филологія должна быть въ нашемъ курсѣ не общею только основою, на которой она же сама вмѣстѣ съ другими науками появляется спеціальностію, но существеннымъ содержаніемъ всего курса, его истинною спеціальностію—такимъ предметомъ ученія, который въ существенномъ его содержаніи былъ бы предметомъ ученія для всѣхъ студентовъ обязательнымъ въ равной мѣрѣ, безъ всякаго ущерба его въ пользу другихъ наукъ. Напротивъ, другія науки должны быть только дополненіемъ классической филологіи однѣ—обязательнымъ для всѣхъ студентовъ, другія—необязательнымъ, или факультативнымъ». Вмѣстѣ съ этимъ мнѣніемъ, онъ представилъ на обсужденіе конференціи составленный имъ

новый организаціонный планъ институтскаго ученія, въ которомъ значительно возвышена была учебная сила классической филологіи, въ видѣ увеличенія числа профессорскихъ лекцій по ея предметамъ и усиленія домашнихъ занятій студентовъ, при чемъ однако число лекцій по такъ называемымъ спеціальнымъ или факультативнымъ предметамъ оставлено въ прежнемъ видѣ и только распланировано нѣсколько иначе. Нечего удивляться, что этотъ организаціонный планъ, имѣвшій цѣлію сгладить обособленность трехъ отдѣленій въ учебныхъ занятіяхъ студентовъ, бывъ внесенъ въ конференцію, самихъ ея членовъ раздѣлилъ въ первое время на два отдѣленія, изъ коихъ въ одномъ оказались его сторонники и защитники—именно всѣ классики, а въ другомъ его противники всѣ неклассики—профессора тѣхъ дисциплинъ которымъ грозила участь, вмѣсто громкаго титула спеціальныхъ, получить скромное имя дополнительныхъ; всѣ они, кромѣ устныхъ возраженій въ засѣданіяхъ конференціи, представили письменно особыя мнѣнія, болѣе или менѣе обстоятельно и рѣшительно оспаривающія основательность, цѣлесообразность и осуществимость новаго плана ученія. Такъ какъ во всѣхъ почти этихъ мнѣніяхъ, въ качествѣ главнѣйшаго nervus probandi, поставлялось на видъ, что новый организаціонный планъ, мѣтящій на уничтоженіе отдѣленій, долженъ быть трактуемъ какъ попытка нарушенія институтскаго устава, узаконяющаго существованіе трехъ отдѣленій,[1]) то авторъ плана защищаясь объяснялся: «подозрѣніе меня въ стремленіи уничтожить отдѣленія есть одно простое недоразумѣніе; съ моей точки зрѣнія, я никоимъ об. не могъ придти къ такой мысли, потому что организація чего бы-то ни было состоитъ, по моему мнѣнію, не въ исключительномъ развитіи даннаго элемента, а въ стройномъ совмѣщеніи его съ другими соотвѣтствующими. Такова статика всякаго дѣла. Идея ея должна быть въ основаніи и учебной концентраціи того или другого факультета. Реформа въ планѣ институтскаго ученія направлена не противъ тѣхъ, или другихъ наукъ и не противъ тѣхъ, которые тяготѣютъ къ нимъ по своимъ склонностямъ,

---

[1]) Это поставлялось на видъ и въ запискѣ Г. почетнаго попечителя института графа А. А. М. Пушкина, поданной имъ Г. Министру Н. П. Делянову, который потребовалъ отъ новаго директора института объясненій по ея содержанію.

а противъ неправильнаго положенія наукъ въ факультетской семьѣ, какъ учебныхъ спеціальностей, противъ не замѣчаемаго, быть можетъ, перемѣщенія въ учебномъ курсѣ факультета центра тяжести ученія изъ основанія въ ту или другую сторону безпредѣльнаго пространства учености. Требуется именно установить такой порядокъ ученія, при которомъ не нужно было-бы, въ ущербъ той или другой области обширнаго дерева филологическаго образованія, закрывать и открывать въ институтѣ попеременно то одно то другое въ немъ отдѣленіе, напротивъ, чтобы при немъ можно было, при благопріятныхъ условіяхъ, даже расширять область филологическихъ занятій студентовъ, усиливать спеціальныя занятія ихъ соотвѣтственно ихъ наклонностямъ. Возможно-же это только въ томъ случаѣ, когда въ предѣлахъ цѣлой области филологическаго вѣдѣнія удерживается одно общее основаніе учености. Не нарушая ни въ одной филологической наукѣ самобытности ея въ ея спеціальной методѣ, это общее основаніе филологической учености должно объединять науки этой области въ такихъ познаніяхъ, которыя хранятъ въ себѣ данныя для всѣхъ ихъ. Такимъ об. хотя цѣльное факультетское ученіе, какъ оно устанавливается въ то или другое время, само по себѣ не исключаетъ нѣкотораго различія въ занятіяхъ учащихся, основаннаго на ихъ индивидуальности, но ни въ какомъ случаѣ это различіе не должно быть понимаемо въ смыслѣ какой-то безпочвенной спеціальности; оно возможно и полезно только какъ соотвѣтствующее возрасту студентовъ условіе личнаго серьезнаго отношенія ихъ къ наукѣ. Если это справедливо вообще относительно всякаго факультетскаго ученія, то еще болѣе справедливо относительно такого, для котораго существуетъ историко-филологическій институтъ. Именно, успѣхъ заведенія, имѣющаго цѣлію своею приготовленіе учителей гимназій, возможенъ, очевидно, только при самой строгой концентраціи ученія, по силѣ которой будущіе учители гимназій, не смотря на возможное различіе впослѣдствіи ихъ учебныхъ профессій, были бы по образованію своему людьми одного типа, одного образовательнаго культа, въ данномъ случаѣ—людьми, имѣющими, вообще говоря, достаточно—высокое филологическое образованіе. Къ какому—бы роду занятій ни имѣлъ тотъ или другой студентъ личныя наклонности, собственно ли къ филологическимъ, или къ лингвистическимъ, основное ученіе должно быть одно для всѣхъ, это именно изученіе древнихъ

языковъ и, конечно, какъ можно шире и съ наибольшею глубиною, чтобы такимъ об. студенты и славяно-русскаго отдѣленія и историческаго, по окончаніи институтскаго курса, не были лишены самимъ-же институтомъ возможности честно послужить гимназіямъ и государству въ своихъ учительскихъ должностяхъ».

Какъ ни твердо убѣжденъ былъ новый директоръ въ основательности и практической годности своего реорганизаціоннаго плана, но, встрѣтивъ сильное несочувствіе ему, или почти противодѣйствіе со стороны цѣлой половины членовъ конференціи, онъ не могъ не призадуматься, не впасть въ состояніе колебанія, и быть можетъ, въ такіе моменты не прочь былъ этотъ свой идеальный планъ такъ и оставить въ области идей, если бы его сомнѣнія относительно желательнаго уровня филолологическаго образованія институтскихъ студентовъ не оправдались фактически на произведенныхъ въ концѣ этого учебнаго года курсовыхъ и выпускныхъ испытаніяхъ. Можетъ быть, испытанія этотъ разъ произведены были нѣсколько обстоятельнѣе и серьезнѣе прежняго, но не найдя удовлетворительной степени знанія по древнимъ языкамъ въ иныхъ случаяхъ даже у выпускныхъ студентовъ, не говоря уже о прочихъ[1]), онъ этимъ былъ смущенъ и озадаченъ еще болѣе, чѣмъ несо-

---

[1]) Къ сожалѣнію,—когда въ высшихъ сферахъ людскихъ отношеній, вслѣдствіе возникшаго разногласія, какъ говорится, накопляется много электричества, то обыкновенно оно проникаетъ и въ ближайшія низшія сферы. Не будь этого обстоятельства въ данномъ случаѣ,—неудача, которую потерпѣли нѣкоторые студенты на экзаменахъ, хотя огорчила бы ихъ, но не вызвалабы сильной и широкой вспышки оскорбленнаго самолюбія, въ видѣ самоправдывающаго ропота, и этотъ ропотъ не распространился бы на тѣхъ, у которыхъ не было для этого никакихъ поводовъ. Итакъ, частію оскорбленное самолюбіе, а частію опасеніе, что новый проэктъ правилъ для экзаменовъ и другихъ способовъ усиленія учебныхъ занятій войдя въ силу, потребуетъ больше прежняго умственнаго напражненія и труда, вызвало небывалое бѣтство студентовъ изъ института въ университеты. Всегда пристрастная, всегда криводушная молва, конечно, поспѣшила обвинить въ этомъ новаго директора, мужду тѣмъ какъ, если судить объ этомъ фактѣ объективно sine ira et

чувствіемъ и несогласіемъ профессорской коллегіи, и тогда возлагая большія упованія на свой организаціонный планъ, онъ далъ ему надлежащій ходъ—представилъ на благоусмотрѣніе министерства. Планъ этотъ, разсмотрѣнный предварительно въ ученомъ комитетѣ и исправленный тамъ въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ частностяхъ, въ главной своей тенденціи и основѣ былъ Г. Министромъ (въ предложеніи отъ 6 Сентября 1883 г. № 11370) одобренъ—«признанъ въ принципѣ полезнымъ и цѣлесообразнымъ въ виду того, что *имъ устанавливается безусловно необходимая равная обязательность занятій всѣхъ студентовъ древними языками*. Но, такъ какъ проэктъ распредѣленія преподаванія недостаточно выработанъ и представляетъ лишь общую схему, то конференція должна въ текущемъ же полугодіи выработать подробное распредѣленіе занятій студентовъ по днямъ недѣли, каковое должно быть втеченіе настоящаго учебнаго года точно провѣрено на опытѣ и затѣмъ, по надлежащемъ исправленіи и обсужденіи въ конференціи, представлено на усмотрѣніе министерства съ подробными и обстоятельными объясненіями». Согласно этому предложенію, директоръ института, «по тщательномъ наблюденіи за ходомъ какъ ученія втеченіе года, такъ и экзаменовъ, приведя учебный порядокъ института въ систему въ формѣ учебной инструкціи для института, по обсужденіи оной въ конференціи, представилъ ее на усмотрѣніе министерства, съ присоединеніемъ пяти особыхъ мнѣній, оспаривающихъ въ разныхъ пунктахъ ея цѣлесообразность, и двухъ отзывовъ о томъ, какою оказалась новая организація ученія, по опыту ея примѣненія втеченіе истекшаго учебнаго года. По смыслу одного изъ этихъ отзывовъ (инспектора института), она даже въ этотъ короткій срокъ принесла не мало хорошихъ плодовъ, въ будущемъ же обѣщаетъ быть тѣмъ болѣе благоплодною, чѣмъ болѣе станетъ привычною, или чѣмъ болѣе упрочится основанная на ней учебная традиція. Ученый комитетъ, разсмотрѣвъ эту учебную инструкцію, нашелъ преждевременнымъ окончательное утвержденіе въ полномъ составѣ всѣхъ ея пунктовъ на томъ основаніи, что опыта одного учебнаго года слишкомъ

---

studio, то онъ былъ лишь естественнымъ печальнымъ слѣдствіемъ, или просто обнаруженіемъ предшествовавшей слабой организаціи въ институтѣ учебнаго дѣла и порядка.

мало для составленія опредѣленнаго заключенія о достоинствахъ и недостаткахъ совершившейся реорганизаціи ученія, и призналъ необходимымъ предложить конференціи продолжить опытъ еще на текущій учебный годъ, тѣмъ болѣе, что втеченіе этого года будутъ, вѣроятно, выработаны экзаменаціонныя требованія и учебные планы для историко-филологическихъ факультетовъ университетовъ, согласно новому уставу, и многое изъ нихъ можетъ оказаться пригоднымъ и для историко-филологическихъ институтовъ, по окончаніи же этого срока, всѣмъ членамъ конференціи изложить результаты своихъ наблюденій относительно годового опыта послѣдовавшей реорганизаціи ученія, какъ это сдѣлано пока только двумя изъ нихъ. Представленные въ силу этого пункта, въ концѣ учебнаго года, отзывы всѣхъ членовъ конференціи опять раздѣлились на двѣ группы, изъ коихъ въ одной практиковавшаяся уже два года реорганизація признана была вполнѣ раціональною, плодотворною и единственно способною осуществить надлежащую подготовку будущихъ учителей гимназіи, а въ другой она представлена, какъ слишкомъ недостаточная для этой цѣли по такимъ учебнымъ гимназическимъ предметамъ, какъ исторія съ географіей и русскій языкъ со словесностію, и вмѣстѣ съ этимъ выставленъ былъ рядъ желаемыхъ измѣненій въ составѣ и порядкѣ институтскаго преподаванія этихъ предметовъ, для достиженія учащимися болѣе полнаго и основательнаго въ нихъ знанія. Однако, такъ какъ существеннѣйшія изъ этихъ требованій были приняты въ соображеніе и уважены при составленіи учебнаго плана на предстоящій учебный годъ, то этотъ планъ, не смотря на то, что при немъ представлены были по назначенію всѣ упомянутые отзывы, пройдя чрезъ ученый комитетъ и получивъ тамъ нѣкоторыя неважныя поправки, былъ утвержденъ и рекомендованъ къ исполненію и руководству. Послѣ этого въ институской коллегіи не возникали уже никакіе такіе жгучіе вопросы, которые бы вызывали среди ея дебаты и споры; мало по малу вся она вошла, какъ говорится, въ ровную колею т. е. въ духъ и смыслъ совершившейся реорганизаціи ученія, тѣмъ болѣе, что первоначальный планъ этой реорганизаціи въ нѣкоторыхъ частностяхъ былъ уже измѣненъ частію по ея же настоянію, частію по требованіямъ живого опыта, а частію по силѣ указаній свыше, а вмѣстѣ съ тѣмъ реорганизованный строй студенческаго ученія все болѣе и болѣе входилъ въ силу, крѣпъ и путемъ обра-

зовавшейся учебной традиціи утвердился настолько, что нынѣ, спустя почти 20 лѣтъ, всѣ существенные моменты его остаются тѣже.

X. Но, если такимъ об. послѣ этого жизнь всей институтской коллегіи войдя въ обычную колею, приняла ровное, плавное движеніе, то мысли представителя этой коллегіи, отвлекаемыя въ сторону разными обстоятельствами, стали чуть ли не съ этого момента двигаться въ совсѣмъ иной колеѣ, по инымъ путямъ. Первымъ въ ряду этихъ обстоятельствъ было введеніе въ дѣйствіе (1895 г.) правилъ объ испытаніяхъ въ факультетскихъ комиссіяхъ[1]), и послѣдовавшее затѣмъ предло-

[1]) Прежде чѣмъ введены были въ дѣйствіе эти правила, они были присланы на разсмотрѣніе Н. Е-ча при такомъ предложеніи (отъ 20 Ноября 1894 г. № 16037) за подписью самого Г. министра И. Д. Делянова: «препровождая къ Вашему Превосходительству проэктъ правилъ объ испытаніяхъ въ историко-филологической комиссіи, имѣю честь покорнѣйше просить не отказать въ разсмотрѣніи этихъ правилъ, и о тѣхъ замѣчаніяхъ, какія Вы признали бы необходимымъ по нимъ сдѣлать, почтить меня вашимъ, М. Г. отзывомъ. При этомъ нахожу нужнымъ присовокупить, что замѣчанія Ваши желательно было бы получить не позже 20 Декабря сего года. Примите увѣреніе и проч.» Въ такой короткій срокъ (не больше трехъ недѣль) Н. Е-чъ, при сложныхъ директорскихъ обязанностяхъ, понятно, не могъ сдѣлать обстоятельнаго, во всѣхъ пунктахъ мотивированнаго разбора названнаго проэкта правилъ, и въ своей отвѣтной запискѣ онъ высказалъ далеко не все то, что печатно высказалъ впослѣдствіи по этому вопросу. Главныя мысли въ запискѣ слѣдующія: 1) проэктъ явно проникнутъ убѣжденіемъ, что научное образованіе, пріобрѣтаемое на историко-филологическомъ факультетѣ, хотя и различающееся по отраслямъ, должно быть одинаково твердо поставлено на одномъ общемъ основаніи—на знаніи предметовъ классической филологіи; въ такомъ положеніи классической филологіи, какъ предмета испытанія въ отношеніи къ прочимъ предметамъ, состоитъ вся истина дѣла. 2) Но устанавливаемые проэктомъ экзамены по группамъ филологическихъ предметовъ возбуждаютъ нѣкоторыя недоумѣнія, ибо съ одной стороны никакъ нельзя сказать, чтобъ эти экзамены были пріурочны къ опредѣленнымъ учительскимъ должностямъ, а съ другой едвали можно признать, что самыя группы предметовъ испытанія соот-

женіе Г. Министра Н. П. (отъ 12 мая 1886 г.), въ которомъ было выражено желаніе, чтобы требованія, предъявляемыя на испытаніяхъ къ студентамъ института, вполнѣ соотвѣтствовали тѣмъ, какія установлены для студентовъ историко-филологическихъ факультетовъ и чтобы объ этомъ было представлено подробное мотивированное мнѣніе. На это предложеніе директоръ института отвѣчалъ, что желаемое единство тре-

---

вѣтствуютъ какъ возможнымъ индивидуальнымъ наклонностямъ испытуемыхъ, такъ и дѣйствительному различію научныхъ задачъ и методовъ изслѣдованія. Поэтому, смѣю думать, что по крайней мѣрѣ въ первое время, пока еще, говоря вообще, такъ слаба въ нашихъ историко-филологическихъ факультетахъ эрудиція въ области классической филологіи и такъ сильно на каѳедрахъ и на студенческихъ скамьяхъ искусственное стремленіе къ крайнимъ спеціальностямъ, полезнѣе былобы установить одинъ экзаменъ въ историко-филологической коммиссіи, общій для всѣхъ испытуемыхъ. Во всякомъ случаѣ, при предположенномъ въ проэктѣ устройствѣ испытаній, есть опасность, что общая основа факультетскаго ученія не будетъ достаточно устойчива въ своемъ уровнѣ. 3) Вмѣстѣ съ симъ ясна и та глубоко лежащая и самая, быть можетъ, основная тенденція проэкта, чтобы чрезъ предъявленіе таковыхъ требованій на испытаніяхъ способствовать поднятію у насъ гуманныхъ наукъ, отъ процвѣтанія коихъ, безъ сомнѣнія, существенно зависитъ истинный успѣхъ и всего ученаго дѣла въ странѣ; тогда же, читается между строками проэкта, будутъ у насъ и вполнѣ годные преподаватели гимназій.—Спустя лѣтъ пять послѣ этого, выработанъ былъ въ министерствѣ новый проэктъ учебнаго плана для историко-филологическаго факультета университетовъ, а также новый проэктъ правилъ для испытаній въ историко-филологической комиссіи. Былъ ли и въ этотъ разъ оффиціальной бумагой потребованъ отъ Н. Е-ча совѣщательный голосъ,—не знаемъ; но между бумагами покойнаго оказалась черновая его мнѣнія и объ этомъ новомъ проэктѣ правилъ для испытаній. Такъ какъ къ этому времени онъ успѣлъ уже самостоятельно обработать вопросъ объ испытаніяхъ въ комиссіи съ своей точки зрѣнія, сообразно съ своими основными воззрѣніями на задачу этихъ испытаній, то въ его отзывѣ о новомъ проэктѣ признаніе правильности нѣкоторыхъ пунктовъ его значительно перевѣшивается критикою всѣхъ прочихъ пунктовъ.

бованій, условливаемое единствомъ дѣловой цѣли историко-филологическихъ факультетовъ и институтовъ, можетъ и должно выразиться не въ чемъ иномъ, какъ въ одинаковомъ для тѣхъ и другихъ студентовъ испытаніи въ государственной комиссіи, но что оно вмѣстѣ съ тѣмъ предполагаетъ возможное по учебнымъ силамъ института согласованіе ученія въ немъ съ учебнымъ порядкомъ историко-филологическихъ факультетовъ. Изъ этихъ двухъ положеній его мнѣнія само собою возникали для его организаторскаго ума два весьма важные вопроса: изъ мысли о томъ, что окончившіе курсъ иститутскаго ученія должны подвергаться испытаніямъ, наравнѣ съ окончившими курсъ на историко-филологическихъ факультетахъ, въ факультетской комиссіи, само собою возникалъ вопросъ о томъ, какъ должны быть организованы эти испытанія, сообразно съ предназначеніемъ испытуемыхъ для педагогическаго, точнѣе, учительскаго поприща, а изъ мысли о согласованіи ученія институтскаго съ факультетскимъ возникалъ даже двойной вопросъ,—возможно ли и необходимо ли такое согласованіе, а если или невозможно или не необходимо, то какъ въ точности должно быть устроено и въ формальномъ, или методическомъ и въ матеріальномъ отношеніи филологическое ученіе въ историко-филологическихъ факультетахъ для того, чтобы оно способно было доводить умственное развитіе учащихся до уровня высокихъ требованій отъ нихъ въ испытательныхъ комиссіяхъ и eo ipso могло пополнять ими, какъ умами высшаго научнаго порядка, контингентъ учителей гимназій?

Первый изъ этихъ вопросовъ онъ изслѣдуетъ въ послѣдней главѣ своего сочиненія объ организмѣ гимназіи (ч. 2 стр. 124—200). Тутъ онъ подробно расматриваетъ предметный составъ испытаній, требуемый нашими правилами (сравнительно съ новѣйшими прусскими), основательно мотивируетъ научную надобность каждаго изъ предметовъ, рекомендуетъ нѣкоторые добавочные предметы, устанавливаетъ приблизительно желательный объемъ знаній въ области каждаго предмета и т. п. Важнѣе всѣхъ этихъ интересныхъ подробностей для насъ его взглядъ на существенную задачу этихъ испытаній и на ихъ общій двусторонній характеръ. «Съ точки зрѣнія на задачу историко-филологическихъ факультетовъ приготовлять надлежащихъ учителей гимназіи, всѣ вопросы о составѣ испытаній въ факультетскихъ комиссіяхъ разрѣшаются правильно

только при той руководящей мысли, что учители гимназій должны быть по образованію своему людьми по возможности одного типа, одного умственнаго культа, вышедшими изъ одной школы умовъ высшаго научнаго порядка. При этомъ должно замѣтить, что научное образованіе учителя гимназіи, получаемое на историко-филологическомъ факультетѣ, хотя не безъ соображенія при этомъ съ его стороны о насущномъ хлѣбѣ, ни въ какомъ случаѣ не должно быть разсматриваемо, какъ нѣчто низшее и случайное для факультета, сравнительно съ тѣмъ образованіемъ, которое можетъ быть получаемо здѣсь кѣмъ бы-то ни было по простому влеченію къ образованію. Напротивъ, надлежащее учительское образованіе, безъ сомнѣнія, есть главнѣйшая и существеннѣйшая задача историко-филологическаго факультета. Есть мнѣніе, что наши историко-филологическіе факультеты доселѣ не хотѣли знать о существованіи гимназій; но нѣчто подобное могло быть доселѣ, пока испытаніе было только традиціонною формою конца ученія. Если же испытаніе, какъ это должно быть теперь, будетъ имѣть задачею, въ своемъ собственномъ порядкѣ, опредѣлить высоту научнаго подъема умовъ испытуемыхъ, то факультетскому ученію, при всей приличествующей ему академической свободѣ, придется только хорошо согласоваться съ задачею испытанія. Существенная мѣра всей нашей университетской реформы, несомнѣнно, есть установленіе испытаній въ факультетскихъ комиссіяхъ. Собственно говоря, эта реформа, поскольку она должна относиться къ ученію, можетъ совершиться только чрезъ правильную разработку на практикѣ задачи устройства этихъ испытаній. Тѣмъ болѣе, очевидно, слѣдуетъ желать, чтобы задача эта, въ истинномъ интересѣ университетскаго дѣла, была рѣшена такъ, чтобы чрезъ эту мѣру университетскіе факультеты стали истинными школами умовъ высшаго порядка, а не были бы просто мѣстомъ пребыванія молодыхъ людей отъ времени окончанія ими курса въ гимназіяхъ до времени испытанія въ экзаменныхъ комиссіяхъ. Для самого факультетскаго ученія умъ высшаго научнаго порядка есть нѣчто трансцендентальное, подобно тому какъ умственная зрѣлость есть нѣчто трансцендентальное для гимназическаго ученія. Опытно какъ въ гимназистѣ зрѣлый умъ, такъ въ студентѣ умъ высшаго научнаго порядка долженъ обнаружиться въ нѣкоторомъ такомъ точномъ знаніи, которое должно соотвѣтствовать цѣлому плану факультетскаго ученія, какъ оно въ

то или другое время составляется, посилѣ нѣкотораго прагматическаго отношенія между предметами ученія въ сферѣ ихъ дидактики. Но, хотя умъ высшаго порядка принципіально долженъ обнаружиться на испытаніи въ нѣкоторомъ точномъ знаніи, однако, по смыслу этого знанія, какъ умственнаго ценза для служебной дѣятельности, на испытаніи должно быть обращаемо вниманіе и на то, въ какой мѣрѣ самое усвоеніе знанія соотвѣтствуетъ дѣловому его употребленію. Такимъ об. получается нѣкоторый особенный моментъ испытанія, который, въ отличіе отъ общаго научнаго, можетъ быть названъ частнымъ, *техническимъ*. Впрочемъ, хотя въ этомъ техническомъ моментѣ испытанія тоже должно быть своего рода опредѣленное искомое, однако, еслибы этотъ моментъ былъ поставленъ какъ отдѣльное испытаніе, то это неминуемо повело бы къ пониженію у испытуемыхъ научнаго достоинства ихъ познаній. Конечно, въ практикѣ даже очень высокое научное знаніе часто требуется только въ формѣ простого техническаго умѣнья дѣлать нѣчто по извѣстному шаблону; но мы погубили бы все дѣло не только испытанія, но и самого факультетскаго ученія, еслибы въ нашихъ комиссіяхъ все испытаніе организовали только по смыслу техническаго его момента (какъ оно было, а отчасти и теперь есть въ государственныхъ испытаніяхъ въ Германіи)».[1]).

---

[1]) Еще прежде этой детальной разработки вопроса о составѣ и характерѣ испытаній въ историко-филологической комиссіи, уже послѣ упомянутаго выше предложенія министерства, чтобы требованія, предъявляемыя на испытаніяхъ къ студентамъ института, вполнѣ соотвѣтствовали тѣмъ, какія правилами установлены для студентовъ историко-филологическихъ факультетовъ. Н. Е-чъ, выразившій полное согласіе подчиниться этому требованію, все ждалъ оффиціальнаго призыва своихъ абитуріентовъ къ испытанію въ историко-филологической комиссіи. Поелику же объ этомъ все не было ничего слышно, то онъ считая это за обидный для институтовъ признакъ их игнорированія—нежеланія уравнять ихъ юридически съ историко-филологическими факультетами и вмѣстѣ съ тѣмъ полагая, что общество пожалуй въ правѣ косо и недовѣрчиво смотрѣть на учителей изъ института, какъ миновавшихъ обязательный для всѣхъ прочихъ кандидатовъ искусъ,—придумалъ и

Однако, откуда же, спрашивается, у испытуемыхъ въ комиссіяхъ можетъ взяться этотъ техническій моментъ знанія, откуда и

предложилъ (въ одной изъ своихъ докладныхъ записокъ въ министерство) вотъ какой выходъ изъ этого затрудненія: «безспорно, что испытанія нашихъ студентовъ въ институтѣ его преподавателями не могутъ имѣть того значенія, какое принадлежитъ теперь испытаніямъ въ историко-филологической комиссіи. Достоинство каждаго нашего студента открывается учебному персоналу заведенія постепенно во время самого ученія, а экзаменъ имѣетъ скорѣе дидактическое значеніе, служа для учащихся тѣмъ историческимъ моментомъ ихъ учебной жизни и дѣятельности въ институтѣ, въ который они провѣряютъ всѣ свои познанія, приводя ихъ въ своемъ сознаніи какбы къ нѣкоторому итогу. Нѣкоторое руководительное значеніе можетъ имѣть экзаменъ также и для учебной дѣятельности преподавателей, указывая имъ, что и какъ въ ихъ способѣ преподаванія, или въ самомъ матеріалѣ его должно быть измѣнено, чтобы результаты его были лучше. Но несомнѣнно, что болѣе правильныя наблюденія въ этомъ случаѣ наиболѣе доступны людямъ преданнымъ дѣлу, понимающимъ его и опытнымъ, но стороннимъ относительно самого его производства. Посему, если правительство не найдетъ нужнымъ нашихъ студентовъ привлечь въ свое время къ экзаменамъ въ комиссіи, что было бы всего болѣе желательно, то теперь, въ предѣлахъ существующаго порядка, нельзя искренно не желать, чтобы на экзаменъ въ институтъ нашъ были назначаемы, въ качествѣ друзей дѣла, люди опытные какъ въ экзаменованіи, такъ и въ преподаваніи изъ филологовъ профессоровъ университета, или иные таковые же съ тѣмъ, чтобы сдѣлавъ внимательныя наблюденія, они дали бы добрые совѣты, или высказали мнѣнія, вызывающія на размышленія.» Но и это оригинальное предложеніе оставлено безъ послѣдствій; а потому Н. Е-чъ рѣшился сдѣлать то самое меньшее, что не превышало правъ конференціи,—насколько возможно приблизить форму выпускныхъ испытаній въ институтѣ къ формѣ ихъ въ историко-филологической комиссіи: весь процессъ экзамена студентовъ—классиковъ протоколировался, а по спеціальнымъ дисциплинамъ, кромѣ устнаго испытанія, введено и письменное въ видѣ клявзурной работы на тему изъ болѣе или менѣе обширной области предмета. Въ послѣднее время жизни у Н. Е-ча восхищеніе испытаніями въ комиссіи совсѣмъ прошло; наслышавшись, какъ обыкновенно

какъ можетъ быть ими получена требуемая для ихъ будущей учительской роли техника? На этотъ вопросъ всякій не запинаясь сразу отвѣтилъ бы, что учительская техника, какъ и всякая другая, достижима не иначе, какъ путемъ практики, притомъ довольно продолжительной практики подъ опытнымъ руководствомъ. Къ такому рѣшенію нѣсколько позднѣе пришелъ и нашъ бывшій директоръ; но въ это время онъ еще такъ былъ отъ него далекъ, что такой предварительной практики въ университетскомъ строѣ ученія совсѣмъ и не предполагалъ, а той практикѣ, какая существуетъ въ обоихъ историко-филологическихъ институтахъ въ видѣ пробныхъ уроковъ, даваемыхъ въ гимназіи студентами IV курса подъ наблюденіемъ наставниковъ—руководителей, не усвоялъ никакого серьезнаго значенія. «Иное дѣло, разсуждалъ онъ теперь, бывшіе у насъ не такъ давно такъ называемые педагогическіе курсы, на которыхъ состояли студенты историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ, по окончаніи курса въ университетѣ обязанные практически заниматься учебнымъ дѣломъ, подъ руководствомъ назначенныхъ къ тому преподавателей гимназіи и подъ наблюденіемъ соотвѣтствующихъ профессоровъ. Къ сожалѣнію, учрежденіе это не развилось какъ должно, не попало въ надежныя руки, не было надлежаще понято, и съ самого начала, кажется, поставлено было неправильно; оттого оно и исчезло почти безслѣдно. Иное дѣло такъ называемый пробный годъ въ Германіи, несомнѣнно имѣющій значеніе дѣйствительнаго приготовленія къ учительству; а наши *«пробные часы»* развѣ могутъ имѣть какое либо серьезное значеніе въ этомъ отношеніи?! Во всякомъ случаѣ нельзя съ успѣхомъ возражать тѣмъ, которые утверждаютъ, что все время студентовъ нашихъ историко-филологическихъ факультетовъ и институтовъ должно быть посвящаемо ими на ученіе, на пріобрѣтеніе познаній, а не на фикцію учебной практики[1]), для того, чтобы ставъ

они производятся, онъ не мало скорбѣлъ о томъ, что и эти испытанія больше похожи на парадъ, чѣмъ на серьезное дѣло. Объ этомъ рѣчь впереди.

[1]) Подъ утверждающими авторъ разумѣетъ главнымъ об. самого себя. Мнѣніе свое по этому вопросу онъ давнѣе обстоятельно изложилъ въ объяснительной запискѣ на имя Г. Министра, составленной по поводу

дѣйствительными учителями, они учили своихъ учениковъ какъ должно, и что учась науками, учиться въ тоже время учить имъ другихъ есть дѣло само по себѣ совершенно несостоятельное. Ему не достаетъ нѣкотораго истиннаго начала; а гдѣ нѣтъ истинннаго начала, тамъ не можетъ быть истиннаго конца, или никакого дѣйствительнаго результата».

XI. Чтоже касается второго вопроса, то на первую половину его Н. Е-чъ далъ отвѣтъ, какъ директоръ института (согласно предложенію отъ 27 ноября 1886 г. № 10896), въ оффиціальной запискѣ на имя Г. Министра Н. П. такого содержанія: «изъ желанія министерства, чтобы экзаменныя требованія отъ студентовъ института вполнѣ соотвѣтствовали тѣмъ, какія проэктированы для студентовъ историко-филологическихъ факультетовъ, слѣдуетъ, что и учебные планы тамъ и здѣсь должны быть одинаковы. Но, такъ какъ институтъ былъ бы затрудненъ имѣть соотвѣтствующее факультетской программѣ число преподавателей, по недостатку его штата сравнительно съ штатомъ историко-филологическихъ

возраженій графа А. А. М. Пушкина противъ извѣстной намъ реорганизаціи институтскаго ученія, коснувшейся отчасти и пробныхъ уроковъ, даваемыхъ студентами въ гимназіи. Тамъ былъ выставленъ и другой мотивъ противъ нашихъ „пробныхъ часовъ": «нѣтъ пока у насъ такихъ авторитетныхъ педагоговъ, какъ Бернгарди (въ Берлинѣ) и Гербартъ (въ Кенигсбергѣ), руководству которыхъ ввѣряли-бы себя совершенно свободно по доброй волѣ готовящіеся быть учителями: поэтому, наши наставники-руководители не имѣли и не имѣютъ себѣ никакихъ руководителей, да и не особенно этого желаютъ, потому что сами руководители. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ беречь учебное время студентовъ института, что они часто являются въ него не подготовленными гимназическимъ ученіемъ, такъ что институту въ четыре года приходится и восполнять недостатки ихъ гимназическаго ученія, и укрѣплять въ нихъ истинно-научный смыслъ и интересъ къ наукѣ и дѣлать изъ нихъ совсѣмъ готовыхъ учителей съ запасомъ дидактическаго умѣнья. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, отъ какого изъ этихъ дѣлъ слѣдуетъ отказаться институту. Послѣднее не состоятельно не только по внѣшнимъ условіямъ, но и внутренно, какъ дѣло лишенное истиннаго духа, безъ личной силы дѣятелей, когда нѣтъ, быть можетъ, ни Гербарта, ни Бернгарди".

факультетовъ, то нѣкоторые изъ предметовъ факультетской учебной программы сравнительно-второстепеннаго значенія для дѣловой цѣли института, каковы славянская филологія, исторія славянскихъ народовъ и сравнительное языкознаніе съ санскритомъ, могли бы, безъ ущерба дѣлу, не входить въ программу институтскаго ученія, но зато послѣдняя можетъ и должна быть восполнена такими предметами, какъ исторія западно-европейскихъ литературъ, исторія искусствъ и исторія церкви. Такимъ об. въ составъ институтскаго курса вошли бы всѣ основные предметы историко-филологическихъ факультетовъ, а изъ дополнительныхъ—русскій языкъ и русская литература, западно-европейскія литературы, всеобщая исторія и исторія церкви. Такой учебный планъ безъ затрудненія могъ бы быть выполненъ въ институтѣ при существующемъ его штатѣ. Для сего потребовались бы семь преподавателей по основнымъ предметамъ и пять по дополнительнымъ—всего 12, изъ коихъ содержаніе двоихъ должно быть отнесено на сумму, ассигнуемую по штату за дополнительныя лекціи. При этомъ я считалъ бы особенно желательнымъ и необходимымъ постановленіе, 1) что для русскаго языка и литературы въ институтѣ долженъ быть одинъ преподаватель съ тѣмъ, чтобы русскій языкъ не былъ для учащихся гдѣ-то внѣ литературы, а литература, какъ предметъ ученія,—чѣмъ то отдѣльнымъ отъ языка, для западно европейской литературы—также одинъ преподаватель, для исторій—русской, всеобщей и церкви—три преподавателя, 2) чтобы лекціи по греческой и римской исторіи и по философіи Платона и Аристотеля были поручаемы филологамъ съ тѣмъ, чтобы съ преподаваніемъ сихъ предметовъ они соединяли и руководство студентовъ въ филологической интерпретаціи соотвѣтствующихъ авторовъ,—3) чтобы лекціи по исторіи искусствъ только въ крайнемъ случаѣ, при рѣшительной невозможности поручить ихъ одному изъ преподавателей филологіи, или одному изъ прочихъ, были поручены отдѣльному лицу, съ уплатою за нихъ изъ названной выше штатной суммы на дополнительныя лекціи. Чтоже касается раздѣленія дополнительныхъ предметовъ на двѣ группы—словесную и историческую, изъ коихъ ту или другую долженъ избрать себѣ каждый студентъ, какъ установлено это на историко-филологическихъ факультетахъ, то оно можетъ повлечь за собою нѣкоторое центральное значеніе той или другой группы предметовъ относительно всего ученія

тѣхъ студентовъ, кои ихъ избрали. Подобное положеніе дѣла было бы, кажется, всего менѣе пригодно въ институтѣ, гдѣ все ученіе должно быть направлено на то, чтобы выработать годныхъ филологовъ, такъ какъ учитель гимназіи, если онъ не математикъ, прежде всего долженъ быть филологъ, и уже на почвѣ филологическаго образованія, получивъ при этомъ надлежащее методическое направленіе въ наукахъ словесныхъ или историческихъ, онъ можетъ выступить въ гимназіи собственно какъ преподаватель словесности или исторіи, согласно со своими личными наклонностями».—Однако, по содержанію этой записки со стороны министерства никакого ни распоряженія, ни отвѣта не послѣдовало; она, очевидно, оставлена была безъ послѣдствій. Поэтому, учебные планы на 188⁷/₈ и 188⁸/₉ годы, составленные конференціею и утвержденные министерствомъ къ исполненію, не представляли никакой существенной разницы сравнительно съ планами передыдущихъ лѣтъ. Лишь въ распредѣленіе преподаванія учебныхъ предметовъ на 18⁸⁹/⁹⁰ годъ конференціею было внесено измѣненіе, притомъ такое важное и радикальное, которое повидимому свидѣтельствовало объ отреченіи ея предсѣдателя отъ прежняго систематическаго противодѣйствія тенденціямъ спеціализаціи, именно «допущено раздѣленіе студентовъ на три отдѣленія, начиная уже съ перваго курса, во избѣжаніе скученности предметовъ преподаванія и обремененія студентовъ большимъ количествомъ обязательныхъ лекцій», а отчасти, кажется, въ видахъ нѣкотораго по крайней мѣрѣ приближенія институтскаго учебнаго строя къ факультетскому. Но это слишкомъ смѣлое измѣненіе тоже не получило санкціи отъ министерства: «Г. Министръ (предложеніемъ на имя Попечителя отъ 18 Августа 1889 г. № 14199) увѣдомилъ, что въ министерствѣ разрабатывается новый проэктъ учебнаго плана на историко-филологическомъ факультетѣ университетовъ, а потому, впредь до утвержденія сего проэкта, который *несомнѣнно* будетъ примѣненъ и къ филологическимъ институтамъ, затрудняется дѣлать какія либо измѣненія въ существующемъ нынѣ въ нѣжинскомъ институтѣ распредѣленіи преподаванія». Спустя годъ послѣ этого, конференція, согласно неоднократнымъ напоминаніямъ отъ министерства, сама уже (11 Апрѣля 1890 г.) ходатайствовала о разрѣшеніи составить требуемое на слѣдующій учебный годъ росписаніе преподаванія въ институтѣ, согласно съ дѣйствующимъ въ настоящее время учебнымъ порядкомъ въ историко-

филологическихъ факультетахъ, съ тою однако оговоркою, что таковое соглашеніе одного учебнаго порядка съ другимъ возможно только относительно тѣхъ предметовъ, преподаваніе которыхъ утверждено уставомъ института. »Г. Министръ (предложеніемъ отъ 18 Августа 1890 г. № 13191) разрѣшилъ конференціи института составить на 18⁹⁰/₉₁ учебный годъ росписаніе преподаваемыхъ предметовъ, въ возможномъ согласіи съ дѣйствующимъ въ настоящее время учебнымъ порядкомъ на историко-филологическихъ факультетахъ университетовъ, но съ соблюденіемъ при этомъ требованій устава института, чтобы первые два курса были общими, а послѣдніе—спеціальными. Кромѣ того, такъ какъ, по § 38 правилъ для студентовъ института, студенты должны имѣть въ виду, что основательное знаніе древнихъ языковъ есть необходимое условіе для полученія правъ и преимуществъ, опредѣленныхъ уставомъ института, къ какому бы разряду студентъ ни принадлежалъ, то его сіятельство признаетъ чтеніе греческихъ и римскихъ авторовъ общеобязательнымъ для всѣхъ студентовъ во всѣхъ четырехъ курсахъ, независимо отъ разрядовъ». Нечего и говорить о томъ, что та основательная оговорка со стороны конференціи и эти тоже основательныя ограниченія со стороны министерства сдѣлали то, что опять все осталось по прежнему, что требуемое логическою и учебно-педагогическою послѣдовательностію согласованіе, или уравненіе институтскаго состава и порядка ученія съ факультетскимъ фактически не осуществилось.

Но голыми фактами удовлетворяется только умъ простой, эмпирическій, философскій же умъ, синтетизирующій и анализирующій одновременно, до тѣхъпоръ не можетъ успокоиться, пока не осмыслитъ факта, пока не уразумѣетъ его значенія въ ряду другихъ фактовъ и въ связи съ ними. Для такого ума это не осуществившееся фактически т. е. оказавшееся или невозможныхъ, или ненужнымъ, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ согласованіе двухъ учебныхъ порядковъ означало то, что центръ тяжести въ дѣлѣ «культа умовъ высшаго порядка» т. е. приготовленія учителей, перенесенный было, въ трудныхъ обстоятельствахъ русской школы, изъ историко-филологическихъ факультетовъ въ историко-филологическіе институты, перемѣщается на свое прежнее мѣсто. И вотъ мысли Н. Е-ча вдругъ очутились внѣ сферы институтскаго притяженія, и попавъ въ сферу притяженія университетскаго, стали быстро вращаться около его

центра: онъ задумалъ начертать, и обдумавши всесторонне, начерталъ такой планъ и строй университетскаго ученія вообще и историко-филологическаго въ частности, выполненіе котораго, по его убѣжденію, дѣйствительно обезпечивало-бы «культъ умовъ высшаго порядка», въ особомъ сочиненіи подъ заглавіемъ «объ университетскомъ ученіи вообще и историко-филологическомъ въ частности» Москва 1891. Сочиненіе это есть плодъ самаго высшаго полета его философскаго ума къ идеѣ и идеалу и въ тоже время есть какбы концентрированная эссенція его педагогическихъ познаній, соображеній, убѣжденій; его нужно читать цѣликомъ, чтобъ получилось надлежащее цѣлостное и ясное представленіе его подлиннаго смысла и значенія, дѣлать же изъ него отдѣльныя выдержки, значило бы только испортить впечатлѣніе. Довольно сказать только, что въ немъ дана такая конструкція факультетскаго историко-филологическаго ученія, которая во всѣхъ отношеніяхъ можетъ быть названа образцовою, идеальною. Всѣ части въ ней строго обдуманы, какбы отчеканены логически и размѣщены, по степени ихъ внутренняго значенія, однѣ въ глубинѣ въ видѣ краеугольныхъ камней, или корней и главныхъ стволовъ (λογος въ трехъ его видахъ, или явленіяхъ: *слово* въ точномъ смыслѣ, какъ оно дано въ языкахъ и литературахъ, слово какъ *разумъ*, данный въ явленіяхъ философскаго мышленія, слово, какъ *свобода* и практическая энергія разума въ формахъ культурной и государственной жизни,—въ явленіяхъ, конечно, первоначальныхъ и вмѣстѣ самыхъ типическихъ т. е. классическихъ, для изученія которыхъ должны быть три основныя дисциплины—классическая филологія, философія и исторія), другія на поверхности, въ видѣ надстроекъ, или лучше, вѣтвей и побѣговъ, въ пучкѣ которыхъ нашлось мѣсто и для такихъ дисциплинъ, какъ антропологія (оказывающаяся необходимою по силѣ логическаго требованія знать природу самого носителя всѣхъ этихъ явленій логоса-человѣка) и даже философская, построенная на этическихъ началахъ политика, нужная для полноты знанія о человѣкѣ, который есть не просто только ζῶον, но всегда еще и πολιτιχόν (нужная кромѣ того и по очень важнымъ практическимъ соображеніямъ, именно, частію въ видахъ сдѣлать историко-филологическій факультетъ, по образцу оксфордскаго университета, такою школою умовъ высшаго порядка, которая бы приготовляла людей годныхъ для отправленія всѣхъ важнѣй-

шихъ функцій въ государствѣ, а частію въ видахъ такого болѣе основательнаго и въ юридическомъ смыслѣ образованія будущихъ учителей, обладая которымъ сами, они и молодое поколѣніе воспитывали бы въ надлежащемъ политическомъ духѣ и такимъ об. были бы самою вѣрною и твердою опорою установленнаго государственнаго порядка). Столь-же тщательно и искусно выяснена и обработана и дидактическая сторона, или постановка ученія и по отношенію къ профессорскимъ лекціямъ, и по отношенію къ домашнимъ самостоятельнымъ занятіямъ студентовъ, (которыя должны идти съ правильною послѣдовательностію не только чрезъ пользованіе обстоятельными и точными годигетическими программами по каждому предмету, но и подъ живымъ постояннымъ руководствомъ и наблюденіемъ особыхъ профессорскихъ адъюнктовъ, наподобіе оксфордскихъ туторовъ) - именно такая, которая-бы, при свободѣ академическаго ученія Lehrfreiheit (т, е. такого преподаванія, которое само будучи продуктомъ свободнаго изысканія истины въ той или другой области знанія, никому не навязывается), надлежаще культивировала-бы и свободу учащихся Lehrnfreihet т. е. такимъ об. располагала ихъ къ ученію, чтобъ они чувствуя къ нему внутренній интересъ, или свободное влеченіе, предавались ему съ возможно большею интенсивностію и такимъ об. проявляли въ немъ возможно большую самодѣятельность и самостоятельность. Свобода эта, понятно, состоитъ вовсе не въ свободѣ одному учиться немножко больше (и то по необходимости—для экзамена) другому меньше, третьему а то и всему совсѣмъ не учиться; такая учебная свобода не въ университетѣ только, а и въ гимназіи возможна, съ тѣмъ однако различіемъ, что умственная зрѣлость въ гимназіи есть нѣчто созидаемое, а въ университетѣ нѣчто данное, и если въ университетѣ свобода *является* теперь большею частію въ искаженномъ видѣ, то въ гимназіи она почти совсѣмъ *не является*, но тѣмъ настоятельнѣе вызвать ее къ жизни даже въ гимназіяхъ, а тѣмъ болѣе—въ университетѣ. Она должна быть культивирована въ университетской средѣ дидактическою силою ученія, или иначе, не что иное какъ только само ученіе, согласованное съ учебною свободою, какъ съ постулятомъ, можетъ быть организующимъ началомъ свободы, какъ явленія въ учебной жизни университетовъ и ея директивомъ, а рычагомъ такой силы ученія можетъ быть только правильно поставленный въ немъ дидактическій элементъ.

Наконецъ начертанъ подробный, сообразованный съ обоими этими моментами ученія планъ его въ видѣ таблицы, съ обозначеніемъ предметовъ главныхъ и второстепенныхъ или факультативныхъ, съ назначеніемъ для каждаго изъ нихъ опредѣленнаго числа термъ, недѣльныхъ часовъ и т. д. Нечего удивляться тому, что когда авторъ этой грандіозной идеальной факультетской конструкціи, оторвавъ отъ нея свои мысленные взоры, обратилъ ихъ на окружающую дѣйствительность т. е. на имъ же самимъ организованное институтское ученіе, то ему тутъ и собственное дѣла показалось неудовлетворительнымъ, блѣднымъ, почти мизернымъ. «Мною въ свое время предложено было устроить учебный порядокъ въ институтѣ такъ, чтобы основнымъ и существеннымъ содержаніемъ всего учебнаго курса для всѣхъ студентовъ были предметы классической филологіи, а всѣ прочія науки только дополненіемъ къ нимъ, притомъ нѣкоторыя дополненіемъ обязательнымъ для всѣхъ, а другія необязательнымъ на выборъ учащихся, соотвѣтственно ихъ личнымъ наклонностямъ иролямъ въ учебной службѣ, при чемъ мнѣ приходилось тогда разсуждать въ предѣлахъ установленнаго порядка дѣленія институтскаго ученія на три отдѣленія. Но и тогда я ясно видѣлъ, что между основными и дополнительными предметами институтскаго ученія должна произойти нѣкоторая дидактическая путаница, что искомое мною объединеніе филологическаго образованія студентовъ одинаковыми познаніями ихъ въ классической филологіи не можетъ быть обезпечено никакою учебною схемою, пока классическая филологія будетъ избираема, какъ особое отдѣленіе, и въ порядкѣ ученія, какъ по нашимъ обычаямъ она можетъ быть избираема въ порядкѣ службы. Считалъ же я возможнымъ и нужнымъ устроить такой учебный порядокъ собственно потому, что отъ нашихъ историко-филологическихъ институтовъ, какъ показалъ опытъ, преимущественно требуются учителя древнихъ языковъ, такъ что даже большинство такъ называемыхъ словесниковъ и историковъ получало доселѣ должности учителей древнихъ языковъ. Но во всякомъ случаѣ явно, что такой учебный порядокъ даже въ институтѣ можетъ быть только *отъ нужды*, для историко-филологическихъ же факультетовъ университета онъ принципіально не годится.»[1]) «Придавая важное ди-

[1]) Объ универс. ученіи.... стр. 84.85.

дактическое значеніе годигетическимъ программамъ, я и въ институтѣ возбуждалъ вопросъ о составленіи таковыхъ по разнымъ наукамъ. Къ сожалѣнію, дѣло не встрѣтило въ конференціи института надлежащаго сочувствія. Зато теперь оно встрѣтило сочувствіе въ берлинской конференціи. Въ самомъ дѣлѣ, спустя много лѣтъ послѣ этого моего предложенія въ Нѣжинѣ, берлинская конференція какъ будто только повторила его, когда въ засѣданіи 16 (4) декабря 1890 года между прочимъ высказалась въ пользу того, чтобы посредствомъ установленія годигетическихъ плановъ дать студентамъ потребныя указанія въ ихъ научныхъ занятіяхъ. А дома казалось даже, что такіе планы, или программы для занятій студентовъ суть вредная для дѣла регламентація».[1])

XII. Однако самъ авторъ этой идеальной организаціи историко-филологическаго ученія въ университетскихъ факультетахъ мало повидимому надѣялся на скорое ея осуществленіе: «кто, послѣ основательнаго теоретическаго и практическаго изученія учебнаго дѣла, относится къ разнымъ сторонамъ его не по личнымъ впечатлѣніемъ опыта своей собственной учебной жизни, а на основаніи общихъ и непреложныхъ началъ самого дѣла, понимаемаго въ его современныхъ соціальныхъ условіяхъ, тотъ понимаетъ, что пока предположенія его объ улучшеніи учебнаго дѣла получатъ общее признаніе толко въ теоріи,—если вообще этому быть,—должны пройти, конечно, годы, а пока они будутъ исполнены на дѣлѣ, пройдутъ и десятки лѣтъ; посему, остается только не терять надежды на то, что мысли, изложенныя и въ настоящемъ сочиненіи со временемъ проложатъ себѣ путь».[2]) Итакъ, не говоря уже объ институтской, даже университетская нынѣшняя организація историко-филологическаго ученія далеко не вполнѣ удовлетворительна для выполненія самой существенной своей задачи—надлежащаго приготовленія учителей, и могутъ пройти цѣлые десятки лѣтъ прежде, чѣмъ это ученіе будетъ преобразовано и устроено «на основаніи общихъ и непреложныхъ началъ самого дѣла», а между тѣмъ потребность въ хорошихъ учителяхъ для средней школы вообще и для гимназій въ особенности есть существен-

---

[1]) Ibidem стр. 28.

[2]) Объ универс. ученія.... Предисловіе.

ная и неотложная. Какъ же быть?—Хоть что нибудь, но непремѣнно и возможно скорѣе должно быть устроено для удовлетворенія этой потребности. а что именно,—это изъ какого же другого усточника можно узнать, какъ не изъ того, къ которому мы русскіе всегда обращались за нужными свѣдѣніями, справками и указаніями почти по всѣмъ вопросамъ, касающимся учебнаго дѣла. Итакъ, нашъ бывшій директоръ снова погружается всѣми своими мыслями въ этотъ очень глубокій источникъ, снова перечитываетъ разные педагогическіе нѣмецкіе журналы, книги, статьи. протоколы директорскихъ и другихъ разныхъ конференцій, словомъ все, относящееся къ училищевѣдѣнію, все это синтетизируетъ, анализируетъ, и на основаніи всего этого вырабатываетъ слѣдующій организаціонный планъ учрежденія, имѣющаго своею спеціальною задачею систематическое строго-научное приготовленіе учителей (въ двухъ брошюрахъ «что дѣйствительно нужно теперь нашимъ гимназіямъ». Москва 1892 г. „О надлежащемъ приготовленіи учителей гимназіи“. Москва 1890).

„Древнее мнѣніе, которое впрочемъ доселѣ повторяли только философы, что судьба каждаго народа въ послѣдней инстанціи зависитъ отъ того образованія, какое получаетъ его молодое поколѣніе, стало теперь чуть ли не общимъ всѣхъ мнѣніемъ. Потому, педагогическіе вопросы, особенно-же вопросы гимназической педагогики занимаютъ теперь всѣхъ, кто думаетъ, что съ его дѣятельностію связано такъ или иначе будущее его народа. И земскія собранія, и городскія думы, и разныя общества, и врачи, и публицисты, и литераторы всякого рода—всѣ считаютъ учебное дѣло гимназій какбы своимъ дѣломъ;—и всѣ то болѣе или менѣе недовольны современными гимназіями. Гимназическое ученіе всѣмъ кажется несостоятельнымъ, и вотъ ищутъ причинъ этой несостоятельности: одни находятъ ихъ въ учебныхъ планахъ вообще, иные въ учебныхъ планахъ нѣкоторыхъ предметовъ, большею частію—древнихъ языковъ; отцы и матери, вслѣдъ за врачами, оправдываютъ неуспѣхъ своихъ дѣтей въ этомъ ученіи такъ называемымъ «переутомленіемъ»; такъ называемые «друзья юношества» причину несостоятельности гимназическаго ученія видятъ въ недостаткѣ гимнастическихъ упражненій учениковъ и вообще свободы движенія ихъ... Только не многіе понимаютъ, что если гимназическое ученіе дѣйствительно оказывается въ наше время несостоятельнымъ, то ближайшею причиною этого можетъ быть только

недостатокъ надлежащей подготовки къ своему дѣлу учителей гимназіи. «Это въ Германіи давно уже сознано, и вслѣдствіе этого *само правительство* (по словамъ Шиллера) *приложивъ свои руки къ дѣлу педагогическаго образованія учителей, выступило на практическій путь настоящей реформы гимназій, такъ какъ безъ способныхъ педагогически хорошо образованныхъ и въ школьное дѣло посвященныхъ учителей всякая реформа въ гимназическомъ ученіи чрезъ короткое время окажется пуфомъ*». Приложило-же правительство свои руки къ столь важному дѣлу учрежденіемъ на казенный счетъ, кромѣ существовавшихъ уже давнѣе 11 педагогическихъ семинарій, еще значительнаго количества такихъ-же заведеній, имѣя въ виду достигнуть со временемъ такого числа ихъ, чтобы между ними могли быть размѣщены всѣ кандидаты на учительскія должности по 5—10 человѣкъ въ каждой».

Какъ же спрашивается, намъ быть, нужны ли и намъ особыя педагогическія семинаріи, и если нужны, то какъ, на какихъ началахъ и въ какомъ видѣ т. е. учебномъ порядкѣ онѣ могутъ и должны быть устроены?

1) «Потребность въ особомъ приготовленіи учителей гимназіи, какъ въ дѣлѣ особаго учебнаго порядка, выступаетъ собственно не изъ недостатковъ соотвѣтствующаго университетскаго ученія, такъ что рядомъ съ нимъ должно существовать другое такое-же ученіе, но лучшее, а изъ условій самого научнаго образованія вообще, или изъ современнаго положенія наукъ, преслѣдующихъ свои спеціальныя задачи, независимо отъ примѣненія получаемыхъ изъ нихъ знаній учащимися къ учительской практикѣ. Потому, весь вопросъ состоитъ въ томъ, въ какомъ именно учебномъ порядкѣ должно быть совершаемо, при данныхъ условіяхъ научнаго образованія молодыхъ людей, приготовленіе ихъ, какъ учителей гимназій и иныхъ среднихъ учебныхъ заведеній?

Если для сей цѣли требуется такое учрежденіе, которое опираясь корнями въ университетъ, плоды свои непосредственно давало-бы гимназіи, то на практикѣ это можетъ осуществиться тогда, когда дѣломъ лицъ его составляющихъ—кандидатовъ на учительскія должности будетъ, при усвоеніи ими яснаго и точнаго пониманія задачи гимназическаго ученія вообще, раскрытіе и уясненіе научныхъ познаній, усвоенныхъ

ими чрезъ факультетское ученіе какъ въ матеріальномъ, такъ и въ методическомъ отношеніи въ такомъ планѣ, который-бы вполнѣ соотвѣтствовалъ цѣли гимназическаго ученія, такъ чтобы впослѣдствіи, въ положеніи учителей, они не были для своихъ учениковъ, какъ иногда теперь, или только передатчиками въ меньшемъ объемѣ того и такъ, чему и какъ сами учились въ университетахъ, или только репетиторами учебниковъ, но сами были бы для учениковъ, такъ сказать, живыми учебниками. Ясно, что дѣло кандидатовъ практически должно состоять въ изученіи ими природы и условій познающаго человѣческаго разума, въ непосредственномъ наблюденіи явленій его въ учебной сферѣ гимназіи, въ постановкѣ въ своемъ собственномъ мышленіи, на основаніи всего этого, соотвѣтствующихъ вопросовъ или задачъ и въ разрѣшеніи ихъ, и наконецъ въ опытѣ приложенія выработанныхъ такимъ об. педагогическихъ и дидактическихъ понятій къ дѣлу т. е. въ преподаваніи. Скажутъ, что при такомъ планѣ занятія кандидатовъ легко могутъ принимать обманчивый дѣловой характеръ, вращаясь въ сферѣ одной абстракціи: но дѣло руководителей и состоитъ въ томъ, чтобы возводя педагогическое пониманіе молодыхъ людей до общихъ и необходимыхъ мыслей, указывать примѣненіе ихъ къ конкретнымъ случаямъ педагогической практики. Согласно съ этимъ, основною сферою всѣхъ занятій кандидатовъ и условіемъ успѣха ихъ въ дѣлѣ, несомнѣнно, должно быть развитіе въ нихъ умѣнья производить наблюденія надъ умственною жизнію учащихся и руководить ею чрезъ ясное пониманіе выступающихъ здѣсь задачъ и способовъ ихъ рѣшенія. Дѣло кандидатовъ такимъ об. состоитъ не въ подражаніи, не въ заимствованіи, а въ разработкѣ каждымъ личныхъ своихъ силъ и въ развитіи способности къ творческому употребленію ихъ въ дѣлѣ своего призванія. Если же все это понятно и убѣдительно, то въ отвѣтѣ на вопросъ, нужны-ли такого рода учрежденія, никакого колебанія быть не можетъ. Факультеты не имѣли-бы надлежащаго государственнаго значенія, если-бы не были въ состояніи образовывать умы высшаго научнаго порядка, годные къ соотвѣтствующей государственной службѣ. Такимъ об. и будущіе учители требуемое для нихъ научное образованіе должны получать въ соотвѣтствующихъ университетскихъ факультетахъ. Но, такъ какъ по силѣ историческихъ условій научнаго дѣла, разстояніе между имъ и учебнымъ дѣломъ средней школы все

болѣе и болѣе увеличивается, то для ближайшаго приготовленія къ служебному дѣлу молодыхъ людей, получившихъ научное образованіе въ соотвѣтствующихъ учительскому призванію факультетахъ, *должны быть основаны особыя педагогическія семинаріи.* Контингентъ такихъ семинарій должны такимъ об. составлять окончившіе курсъ въ университетѣ по историко филологическому и физико-математическому факультетамъ и выдержавшіе установленное испытаніе въ соотвѣтствующихъ коммиссіяхъ.

2) Въ связи съ чѣмъ должны существовать эти семинаріи—съ университетами, или съ гимназіями?—Такъ какъ задача педагогической семинаріи для приготовленія надлежащихъ учителей состоитъ въ развитіи каждымъ кандидатомъ своихъ личныхъ силъ и способностей въ соотвѣтствующемъ дѣлу направленіи, то никакая гимназія, ни съ какимъ учительскимъ составомъ, конечно, не можетъ быть для нихъ источникомъ ихъ образованія; но всякая, или вообще гимназія должна быть для нихъ только средою его А какъ учрежденіе, имѣющее дѣло съ задачами научнаго свойства, семинарія для приготовленія учителей, несомнѣнно, должна черпать свои жизненныя силы въ наукѣ, или точнѣе, въ самостоятельномъ изученіи кандидатами относящихся къ ихъ дѣлу научныхъ вопросовъ; потому ближайше и непосредствено она должна быть связана съ университетомъ.

3) При каждомъ-ли изъ университетовъ должна быть педагогическая семинарія? Нѣтъ никакого основанія не отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно въ принципѣ. Но, въ виду очевидной невозможности создать учрежденіе заразъ при всѣхъ университетахъ, въ виду крайне необходимаго при этомъ желанія, чтобъ дѣло семинаріи слагалось внутренно самостоятельно и не состояло лишь въ формальномъ исполненіи предписаній, какъ это было съ педагогическими курсами, какъ со стороны педагоговъ, такъ со стороны учителей и профессоровъ, прилично дѣйствовать въ настоящемъ случаѣ очень осторожно и завести дѣло сперва при одномъ какомъ либо университетѣ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что больше прочности обѣщаетъ дѣлу педагогической семинаріи, если дано будетъ ему развиваться изъ себя самого внутренно, такъ какъ, по самой природѣ своей чисто интеллектуальнаго характера, истиннымъ дѣломъ оно можетъ быть только какъ нравственное дѣло людей,

посвятившихъ себя ему. Конечно, если такіе люди случатся одновременно въ различныхъ университетахъ, то ничто не мѣшаетъ основать педагогическія семинаріи заразъ при двухъ, трехъ университетахъ.

4) Каковъ долженъ быть внѣшній порядокъ педагогической семинаріи? Изъ отвѣта на предыдущій вопросъ прежде всего слѣдуетъ, что во главѣ учрежденія должно быть одно лицо. Хотя есть здѣсь и нѣкоторыя общія требованія, опредѣляемыя самымъ существомъ дѣла, однако какъ мѣра успѣха самого дѣла зависитъ всего болѣе непосредственно отъ личнаго руководства, такъ и пути этого успѣха, подъ руководствомъ того или другого лица могутъ быть различны. Правда, нѣтъ у насъ ни Гербарта, ни Вильмана и никого изъ подобныхъ тѣмъ лицамъ, которые выступали и выступаютъ въ другихъ странахъ свѣтилами въ дѣлѣ развитія правильныхъ педагогическихъ понятій въ учебномъ мірѣ; но всякое, внутренно-преданное этому дѣлу лицо, несомнѣнно, будетъ полезнѣе, чѣмъ наприм. педагогическій комитетъ, управлявшій педагогическими курсами и рѣшавшій педагогическіе вопросы большинствомъ голосовъ. Обязанности одного лица, имѣющаго так. об. значеніе директора семинаріи, слагаются изъ теоретическаго руководства семинаристовъ въ усвоеніи ими философскихъ, педагогическихъ, дидактическихъ и прочихъ понятій, относящихся къ сферѣ ихъ умственной дѣятельности, и изъ руководства ихъ собственными мыслями въ этой сферѣ, слагающимися въ нихъ какъ на основаніи усвоенныхъ ими вышеозначенныхъ понятій, такъ и на основаніи ихъ собственнаго наблюденія надъ дѣломъ; но это относится уже къ внутреннему порядку семинаріи. Въ семинаріи должны быть кандидаты на учительскія должности какъ по языко-исторической области преподаванія, такъ и по физико-математической. Для тѣхъ и другихъ, понятно, долженъ быть особый руководитель. При этомъ представляется нормальнымъ такой порядокъ, что если директоръ семинаріи филологъ, то его адъюнктомъ долженъ быть математикъ, а если директоръ математикъ, то адъюнктъ его—филологъ; въ томъ и другомъ случаѣ адъюнктъ избирается самимъ директоромъ семинаріи для того, чтобы чрезъ различіе основныхъ мнѣній не ослаблялась основная зиждительная сила семинаріи—единство направленія. Кромѣ того, при томъ или другомъ директорѣ, въ семинаріи долженъ быть еще одинъ адъюнктъ, притомъ всегда по языко-исторической области спеціальнымъ

занятій кандидатовъ, такъ что по этой области знанія всегда должно быть два лица, а по математической одно, весь-же составъ руководителей семинаріи слагается изъ трехъ лицъ—одного директора и двухъ адъюнктовъ. Составъ-же семинаристовъ не долженъ быть слишкомъ великъ: 10—20 семинаристовъ представляется найбольшимъ числомъ членовъ одной семинаріи, при чемъ для успѣха дѣла необходимо, чтобы они были достаточно въ матеріальномъ отношеніи обезпечены и, лучше всего, чтобы жили на полномъ содержаніи въ какомъ либо казенномъ зданіи, потому что во всякомъ случаѣ жизнь совмѣстная, для каждаго вполнѣ обезпеченная и всецѣло посвященная дѣлу, которому всѣ отдаются какъ своему призванію, гораздо болѣе соотвѣтствуетъ цѣли учрежденія, чѣмъ выдача семинаристамъ стипендій на хлопоты по содержанію себя. Семинаристы, постоянно посѣщающіе классы гимназіи, не должны быть здѣсь ни въ какомъ служебномъ положеніи, а потому ни подъ управленіемъ гимназическаго начальства и ни въ какой обязательной связи съ гимназическою коллегіею находиться не должны. Гимназія съ ея внутреннею жизнію нужна для нихъ только какъ сфера, въ которую они всецѣло погружаются своими мыслями. По общему порядку, для такого внутренняго, полнаго соотвѣтствующими дѣлу помыслами, погруженія ихъ въ эту сферу достаточно одного года; но по обстоятельствамъ, задерживающимъ противъ воли кого либо изъ нихъ провести весь годъ въ такомъ порядкѣ, слѣдуетъ предоставитъ оставаться въ семинаріи и два года, но никакъ не больше, при чемъ семинарское время, по поступленіи семинариста на службу, конечно, должно быть полностію засчитываемо ему на пенсію. Неуклонное посѣщеніе гимназіи необходимо должно измѣнить для семинаристовъ обычный вообще порядокъ обязательныхъ въ томъ или другомъ положеніи людей ихъ занятій. Именно, самостоятельныя и личныя занятія семинаристовъ науками въ формѣ-ли слушанія лекцій, въ формѣ-ли чтенія важныхъ и необходимыхъ для нихъ сочиненій, подъ руководствомъ директора или его адъюнктовъ, или наконецъ въ формѣ обсужденія такъ называемыхъ рефератовъ, должны падать на послѣ обѣденное время. Итакъ, три—четыре гимназическихъ урока для наблюденій и раза два—три въ недѣлю по два часа для внутреннихъ занятій въ семинаріи въ томъ или другомъ изъ указанныхъ видовъ,—вотъ внѣшній порядокъ занятій семинаристовъ.

5) Каковъ долженъ быть внутренній порядокъ педагогической семинаріи?—Началомъ всѣхъ занятій семинаристовъ должно быть непосредственное и постоянное наблюденіе явленій учебнаго дѣйствія въ гимназіи, а концомъ ихъ сознательная постановка и основательное рѣшеніе относящихся къ нему вопросовъ. Но, чтобы наблюденія ихъ надъ этими явленіями были содержательны и плодотворны для означенной цѣли, нужно, чтобы они понимали, что и какъ должно наблюдать, чтобы имѣли въ мышленіи нѣкоторыя общія руководящія понятія о дѣлѣ. Такимъ об. вмѣстѣ съ наблюденіемъ надъ учебнымъ дѣломъ требуется и теоретическое его изученіе. Устанавливая мало по малу въ сознаніи своемъ, путемъ такого изученія, теоретическія понятія педагогодидактической сферы, семинаристы должны, при свѣтѣ этихъ понятій, усматривать въ педагогической практикѣ надлежащіе пункты для наблюденій, и обратно, чрезъ пріобрѣтеніе такимъ путемъ педагогическаго матеріала, они должны, возбуждая вопросы по содержанію своихъ наблюденій, переходить отъ нихъ къ болѣе глубокому теоретическому пониманію дѣла. При такихъ условіяхъ, должно мало по малу сложиться въ семинаристахъ то нѣкоторое творческое отношеніе къ задачамъ учебнаго дѣла, безъ котораго результаты работы учителя всегда будутъ имѣть отпечатокъ машинной работы, безъ котораго и знающій свой предметъ учитель можетъ быть только функціею установленнаго учебнаго порядка, а не живымъ производителемъ въ своихъ ученикахъ разумнаго знанія, какъ нѣкотораго умственнаго ихъ капитала. Итакъ, дѣло семинаристовъ—наблюдать, но такъ, чтобы наблюдаемое порождало въ нихъ рядъ вопросовъ и задачъ педагого-дидактическихъ. Такое умственное погруженіе въ дѣло, въ отличіе отъ того положенія, когда бываютъ завалены дѣломъ, этотъ постоянный интересъ открытія въ дѣлѣ новыхъ сторонъ, постановки относительно его новыхъ вопросовъ, совершенно схолическое отношеніе къ нему, позволяющее критиковать его и въ его явленіяхъ и въ его основахъ, и все это подъ взаимнымъ другъ на друга воздѣйствіемъ умовъ одного высшаго научнаго порядка и подъ руководствомъ лица, достаточно владѣющаго относящимися къ дѣлу научными понятіями и живымъ его опытомъ,—вотъ внутренній порядокъ учебной жизни семинаристовъ. Частнѣе: прежде всего само собою понятно, что для правильнаго и содержательнаго наблюденія семинаристами учебнаго дѣла и

для таковыхъ-же постановки и рѣшенія вопросовъ, въ основу требуемой при этомъ умственной дѣятельности ихъ должна быть положена нѣкоторая зрѣлая философская мысль; отсюда занятіе философіею, именно тою ея частію, которая по содержанію своему всего ближе стоитъ къ умственнымъ задачамъ кандидатовъ т. е. теоріею познанія, очевидно, должно быть магистральнымъ ихъ занятіемъ. Въ ученіи о человѣческомъ познаніи должны открыться предъ ними твердыя философскія основанія педагогики и дидактики. Въ составѣ своемъ это ученіе должно быть таково, чтобы на широкой основѣ анализа явленій нашей познавательной дѣятельности оно выступало какъ синтезъ положеній, правилъ, принциповъ, законовъ, управляющихъ этими явленіями. Такимъ путемъ, подъ руководствомъ великихъ философскихъ умовъ, освѣтившихъ своею мыслію пути человѣческаго познанія, могутъ быть усвоены семинаристами совершенно точныя положенія, которыя они должны передумать самостоятельно, прояснить въ своихъ мысляхъ и овладѣть ими, какъ основными началами для руководства познаніями своихъ будущихъ учениковъ, а кромѣ того они должны основательно изучать и частную и общую методику человѣческаго познанія, ибо въ сферѣ общей методики имѣется уже рядъ необходимыхъ мыслей, твердо поставленныхъ и научно выраженныхъ, въ согласіи съ которыми въ умахъ лицъ, готовящихся такимъ способомъ къ учительству, должны сложиться совершенно точныя понятія и правила непосредственно годныя для предстоящаго имъ учебнаго дѣла. Этотъ актъ внутренняго порядка кандидатскихъ занятій на практикѣ ближайшимъ образомъ можетъ быть выраженъ въ обыкновенной формѣ лекцій директора. Но для болѣе активной разработки въ своихъ собственныхъ умахъ силъ синтетическаго мышленія, кандидаты обязательно должны сами изучать наилучшія философскія и собственно педагогическія, или дидактическія сочиненія, имѣющія отношеніе къ тѣмъ или другимъ задачамъ ихъ приготовленія къ учительству. Съ этою цѣлію долженъ быть установленъ особый видъ занятій кандидатовъ— устное толкованіе этихъ сочиненій какъ директоромъ, или его адъюнктами, такъ и самими кандидатами. Что же касается сферы наблюденій надъ учебнымъ дѣломъ, то хотя каждый кандидатъ долженъ въ этомъ случаѣ преимущественно сосредоточиваться на предметѣ своего будущаго преподаванія, однако ему необходимо наблюдать за развитіемъ знаній

въ ученикахъ и по прочимъ предметамъ. Это должно содѣйствовать расширенію пониманія каждымъ общаго дѣла, или учебнаго дѣла средней школы вообще и предохранять будущихъ учителей отъ столь вреднаго отношенія ихъ къ нему съ узкой точки взгляда своихъ специальностей. Наблюденіе за воспріятіемъ и развитіемъ знаній въ учащихся, понятно, не есть занятіе только подготовительное къ учительству; оно должно быть постояннымъ дѣломъ каждаго учителя во все время его преподаванія. Безъ умѣнья наблюдать за тѣмъ, какъ укладывается преподаваемое въ головахъ учениковъ, безъ умѣнья пользоваться такимъ наблюденіемъ для руководства мыслями учениковъ въ данной сферѣ ученія, преподаваніе будетъ, какъ есть большею частію теперь, только мертвою функціею знанія учителя и не можетъ имѣть для учениковъ никакого воспитательнаго значенія. Столь замѣтный въ настоящее время упадокъ просвѣтительнаго значенія научнаго образованія какъ въ гимназіяхъ, такъ и въ университетахъ нельзя, между прочимъ, не приписать именно крайнему механизму учебнаго дѣйствія въ этихъ школахъ, гдѣ учатъ или преподаютъ знанія, не производя въ учащихся увлеченія достиженіемъ истины, не возбуждая въ нихъ чувства удовольствія при достиженіи ея и не рождая въ душахъ ихъ никакого живого интереса знанія, который охватывалъ и замыкалъ бы собою все ихъ сознаніе. Съ полною увѣренностію можно сказать, что если бы научное образованіе въ рукахъ преподавателей наукъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ было такое, одухотворяющее умы учащихся, то не господствовало бы въ нихъ и это презрѣнное школьническое отношеніе учащихся къ наукамъ, обличающее отсутствіе въ молодыхъ людяхъ чувства истинной учебной свободы, и не было бы также этихъ жалкихъ волненій учащейся молодежи, ибо тогда учащіеся были бы *заняты* ученіемъ. Къ этому-то умѣнью преподавать такъ, чтобы учащіеся были *заняты* ученіемъ, кандидаты на учительскія должности и должны приготовляться въ педагогическихъ семинаріяхъ всѣми указанными способами.

6) Кто изъ окончившихъ университетскій курсъ и выдержавшихъ испытаніе въ историко-филологической и физико-математической комиссіяхъ можетъ быть принимаемъ въ педагогическую семинарію? Такъ какъ главнѣйшее условіе успѣха педагогической семинаріи то, чтобы членами ея были лица, относящіяся къ учебному дѣлу какъ къ своему призва-

нію, то желаніе кандидата быть въ семинаріи должно считаться достаточнымъ основаніемъ для принятія его въ нее. Если бы при учрежденіи семинаріи держались этого порядка, то быть можетъ въ первое время на учительскія должности пришлось бы назначать кое-кого тамъ и здѣсь и помимо семинарій; но, съ развитіемъ дѣла, слѣдовало бы перейти къ такому порядку, чтобы учителями гимназій ставить только бывшихъ семинаристовъ. Вообще, при устройствѣ педагогическихъ семинарій необходимо, кажется, убѣдиться прежде всего въ томъ, что учебное дѣло хотя есть дѣло государственное, но состоятельнымъ всегда было и будетъ только какъ дѣло личное. Нельзя отчаяваться, чтобы на обширной нивѣ университетскаго ученія не выросли умы и таланты, готовые и способные отдаться учебному дѣлу, какъ своему призванію.

7) Должно ли быть установлено отдѣльное испытаніе кандидатамъ, по окончаніи ими семинарскихъ занятій, или слѣдуетъ поступать какъ нибудь иначе? Безспорно, что экзаменъ вообще въ ряду учебныхъ дѣлъ имѣетъ очень важное значеніе и какъ способъ опредѣленія требуемаго знанія, и какъ средство возбужденія къ достиженію таковаго учащихся. Но въ данномъ случаѣ экзаменъ, повидимому, не можетъ имѣть такого значенія, потому что семинарскими занятіями, какъ они предположены выше, исчерпываются всѣ средства обнаруженія кандидатами требуемаго отъ нихъ знанія, такъ что всякое требованіе внѣ самихъ этихъ занятій никогда не можетъ соотвѣтствовать ни объему, ни содержательности того знанія, какое должно быть обнаруживаемо кандидатами въ ихъ семинарскихъ занятіяхъ. Такое внѣшнее требованіе способно только и и самое дѣло семинаристовъ превратить для нихъ изъ внутренняго во внѣшнее, изъ дѣла призванія въ дѣло навязанной необходимости, а тогда и приготовленіе ихъ къ учительству потеряетъ весь свой смыслъ. Предположенныя выше занятія кандидатовъ въ семинаріи по свойству своему и по содержанію таковы, что сами суть не что иное, какъ постоянное испытаніе и провѣрка знанія и пониманія ихъ, притомъ и непосредственно каждымъ своего собственнаго и взаимно одного другимъ. Въ этомъ порядкѣ дѣла экзаменъ, очевидно, не можетъ имѣть мѣста. Достоинство и успѣхъ дѣла тутъ должны обнаруживаться въ немъ самомъ, потому что участвовать въ дѣлѣ, не занимаясь имъ, имѣть сужденіе о дѣлѣ, не зная и не изучая его, конечно, невозможно, и всякій,

кто желалъ бы такъ отнестись къ дѣлу, тѣмъ самымъ поставилъ бы себя внѣ его. Но, если отдѣльный отъ занятій семинаристовъ экзаменъ имъ не нуженъ, то, по окончаніи ими этихъ занятій, представляется необходимымъ поставить ихъ въ такое отношеніе къ дѣлу, чтобы они и внѣ семинаріи продолжали, хотя бы по одиночкѣ, заниматься дѣломъ въ томъ же направленіи. Хорошимъ средствомъ для этого должно служить такъ называемое въ Германіи «пробное время» учительской службы молодыхъ людей. Важный и, можно сказать, общій недостатокъ теперишнихъ учителей нашихъ гимназій состоитъ въ томъ, что, занявъ мѣста, они прямо погружаются во всю суету службы и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе и более теряютъ живой интересъ къ самому дѣлу. Отсюда праздность, всяческое убиваніе времени, остающагося у нихъ въ большомъ количествѣ свободнымъ отъ уроковъ и отъ механическаго приготовленія къ нимъ; и это, пожалуй, есть преобладающій порядокъ жизни большинства нашихъ учителей. Этому часто способствуютъ, конечно, мѣстныя условія нашихъ провинціальныхъ городовъ, но тѣмъ менѣе учитель можетъ противостоять имъ, и создать себѣ жизнь соотвѣтствующую его призванію, что изъ періода приготовленія къ ней онъ большею частію не вынесъ никакого правильнаго представленія о задачахъ своего дѣла, никакого живого интереса къ нимъ. Встрѣчаясь здѣсь съ лицами подобными въ этомъ отношеніи ему самому, а равно иногда и различающимися отъ него составомъ и направленіемъ знаній, смотря по мѣсту ученія каждаго, молодой учитель теперь, или съ перваго же дня службы энтузіастически считаетъ себя на высотѣ своего положенія, съ которой ему кажется, что онъ долженъ только учить, а не учиться, или, не отказываясь при случаѣ и отъ такого мнѣнія о себѣ, вообще остается совсѣмъ равнодушнымъ какъ къ своему собственному усовершенствованію въ познаніяхъ, такъ и къ внутреннему успѣху ученія своихъ учениковъ. Учебное дѣло такимъ об. очень скоро сводится здѣсь къ простому инерціальному процессу службы безъ свѣта, безъ энергіи, безъ цѣли и безъ сердца. Создать сферу учительской дѣятельности, образовать міръ жизни учителя можетъ только такой порядокъ учительской службы, когда молодые люди, получивъ правильное настроеніе мыслей въ отношеніи къ задачамъ своего дѣла въ семинаріи, опредѣлившись такимъ об. въ направленіи своей дѣятельности, берутся за службу какъ за дѣло своего при-

званія, имѣя интересъ проявить здѣсь свою личность не внѣшнимъ или условнымъ исполненіемъ формальнаго долга предъ такимъ же формальнымъ начальствомъ, а внутреннимъ успѣхомъ его по существу, стараясь исполнять его прежде всего въ согласіи съ выработаными и ясно сознанными его началами, какъ дѣло живое. Конечно, такимъ характеромъ должна быть запечатлѣна вся служебная дѣятельность учителя, но пробное время, какъ нѣкоторый искусъ учителя въ дѣлѣ, требуется именно для того, чтобы онъ укрѣпилъ свою дѣятельность въ этомъ характерѣ, имѣлъ побужденіе устоять противъ разрушающихъ его вліяній и такимъ об. самою постановкою своею на службѣ былъ расположенъ исполнять ее не какъ функцію внѣшняго порядка, а какъ задачу своего призванія. Но пробное время не должно быть только пробнымъ годомъ; періодъ его долженъ быть продолжительнѣе, какъ требуютъ теперь этого и въ Германіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ для каждаго онъ можетъ быть различенъ. Какъ выраженіе конца пробнаго времени, должно быть установлено представленіе учителемъ въ соотвѣтствующій факультетъ сочиненія и, съ одобренія его послѣднимъ, какъ это принято вообще въ ученомъ мірѣ, публичная защита его въ факультетѣ. Ближайшимъ результатомъ знанія и правильнаго пониманія задачъ науки и дидактики ея, какъ это обнаружится въ сочиненіи и при защитѣ его, а равно и въ преподаваніи, должно быть полученіе учителемъ высшаго оклада жалованья и званіе *магистра*. Помимо многихъ очевидныхъ достоинствъ въ указанныхъ способахъ созиданія и промовированія учителя по смыслу надлежащаго его типа,—чрезъ занятія въ педагогической семинаріи, чрезъ пробное время въ учебномъ заведеніи и чрезъ представленіе въ соотвѣтствующій факультетъ и защиту въ немъ сочиненія, послѣднее имѣло бы за собою то благотворнѣйшее для всего нашего учебнаго дѣла значеніе, что чрезъ это образовалась бы непрерывная и живая связь между университетскими факультетами и гимназіями, отсутствіе которой теперь такъ разрушительно отзывается какъ на гимназіяхъ, такъ и на нѣкоторыхъ факультетахъ, особенно же на историко-филологическомъ».

XIII. Послѣ того какъ выработана была эта идеальная, или теоретическая конструкція педагогической семинаріи, авторъ ея уже на основаніи всѣхъ предыдущихъ посылокъ, по силѣ одной логической послѣдовательности, могъ придти къ мысли о возможности и необходимости

осуществленія этой конструкціи на дѣлѣ чрезъ преобразованіе по ея смыслу и плану ввѣреннаго ему историко-филологическаго института: если, могъ разсуждать онъ, институтъ, въ своей основной задачѣ служить питомникомъ учителей, оставляетъ желать многаго, то онъ несомнѣнно станетъ на высотѣ этой своей задачи, получивъ возможность всецѣло сосредоточиться на ей одной въ высшей формѣ педагогичекой семинаріи. Но и мы, вмѣстѣ со многими другими, впали бы въ грѣхъ поспѣшнаго осужденія такой логики, если бы преминули упомянуть, что тутъ, кромѣ діалектическаго хода логической мысли, сыграли не маловажную роль и нѣкоторыя такія внѣшнія обстоятельства, которыя, по всѣмъ соображеніямъ, не только дали послѣдній толчекъ къ попыткѣ практическаго осуществленія идеи педагогической семинаріи чрезъ преобразованіе въ таковую семинарію института, но даже саму эту идею и ея разработку вызвали. Однимъ изъ такихъ обстоятельствъ было слѣдующее: послѣ того, какъ періодъ скудости учителей, или обилія учительскихъ вакансій въ гимназіяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ миновалъ, вышедшіе изъ нѣжинскаго института кандидаты сперва получали учительскія мѣста довольно туго и—то худшія на далекихъ окраинахъ, а потомъ вдругъ цѣлому выпуску ихъ 1888 года, за неимѣніемъ никакихъ вакансій, велѣно было получить на руки документы, съ предоставленіемъ права устраиваться въ жизни кто, гдѣ и какъ хочетъ. Это такъ смутило и огорчило директора, всегда принимавшаго близко къ сердцу удачи и неудачи житейскія бывшихъ своихъ воспитанниковъ, что онъ послѣ этого неловкаго прощанья съ озадаченнымъ и опечаленнымъ цѣлымъ курсамъ ихъ, тотчасъ отправился въ Петербургъ для личныхъ объясненій и ходатайствъ, которыя однако не имѣли успѣха, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ въ учебномъ вѣдомствѣ оказалось повсюду превышеніе предложенія надъ спросомъ. Неизвѣстно, что онъ говорилъ по этому поводу въ объясненіяхъ съ лицами власть имѣющими, намъ же по возвращеніи домой не уставалъ съ сожалѣніемъ и ропотомъ говорить о томъ, какая непростительная оплошность допущена съ этимъ перепроизводствомъ учителей, которымъ отлично можно и должно было воспользоваться для поднятія уровня педагогической опытности кандидатовъ на учительскія должности, распредѣливъ всѣхъ таковыхъ накопившихся кандидатовъ по гимназіямъ и введя такимъ об. сразу въ

практику издавна существующее въ Германіи учрежденіе такъ называемаго пробнаго года. Другимъ обстоятельствомъ, которое стояло въ нѣкоторой связи съ этимъ, было то, что уменьшившійся (отъ такой малообѣщающей для питомцевъ института жизненной перспективы) значительно комплектъ студентовъ института далъ поводъ газетамъ писать о безцѣльности и ненужности заведенія, стоющаго казнѣ слишкомъ дорого въ сравненіи съ приносимою имъ пользою, а городу (который давно съ самого начала роптал на замѣну историко-филологическимъ институтомъ бывшаго юридическаго лицея) желать и громко заявлять о желаніи, чтобы институтъ былъ преобразованъ въ какое либо болѣе нужное для края высшее агрономическое, или техническое заведеніе[1]). Вотъ почему

[1]) Болѣе серьезнымъ и сильнымъ посягательствомъ на существованіе и.-ф. института въ Нѣжинѣ было ходатайство черниговскаго дворянства о преобразованіи его въ высшее сельско-хозяйственное учебное заведеніе,—ходатайство, доложенное въ 1896 г. лично княземъ Н. Д. Долгоруковымъ Его Величеству нынѣ царствующему Государю Императору, подавшему обѣщаніе лично заняться этимъ дѣломъ. Но, благодаря стойкости министерства, а еще болѣе благодаря энергичной защитѣ института со стороны Г. почетнаго попечителя его А. А. Мусина-Пушкина, высочайшаго соизволенія на это ходатайство не послѣдовало. Н. Е-чъ въ это время давно уже былъ не у дѣлъ—жилъ въ отставкѣ, какъ частный человѣкъ, но и его сильно затронуло это покушеніе на институтъ, и такъ какъ онъ не могъ допустить и мысли о замѣнѣ института такимъ заведеніемъ „безъ идеальныхъ элементовъ", какъ сельско-хозяйственное, то, узнавъ изъ газетъ, что черниговское дворянство радо было бы и замѣнѣ института „такимъ высшимъ общеобразовательнымъ заведеніемъ, въ которомъ бы получали образованіе дѣти мѣстнаго дворянства и другого состоянія людей (согласно завѣщательной волѣ основателей гимназіи высшихъ наукъ), въ желаніи дать этой мысли возможно лучшую постановку и форму, обратился къ князю Н. Д. Долгорукову съ письмомъ, которое оканчивалось такъ: „что касается желанія преобразовать институтъ въ сельско-хозяйственное заведеніе, то во 1-хъ едвали мѣстное дворянство будетъ въ значительной степени пользоваться имъ для образованія своей молодежи и, значитъ, устройство его тоже не будетъ соотвѣтствовать волѣ жертвователей и основателей учебнаго

директоръ института, какъ только окончилъ выработку извѣстнаго намъ плана педагогической семинаріи, поспѣшилъ (въ Декабрѣ 1900 года) обратиться чрезъ Г. Попечителя округа съ запискою на имя Г. Министра Н. П. такого вкратцѣ содержанія: 1) «съ прекращеніемъ въ распоряженіи министерства учительскихъ мѣстъ для предоставленія ихъ оканчивающимъ

заведенія въ Нѣжинѣ, а во 2-хъ учрежденіе сельско-хозяйственнаго института потребовало бы значительныхъ расходовъ и на первоначальное устройство и на постоянное содержаніе всего для него необходимаго. Что же касается желанія имѣть въ Нѣжинѣ высшее общеобразовательное заведеніе, то для такого заведенія нѣтъ типа, или, что—тоже, не можетъ быть подобранъ такой составъ наукъ, который соотвѣтствовалъ бы задачѣ высшаго общеобразовательнаго заведенія. По моему мнѣнію, какъ въ самомъ началѣ была въ Нѣжинѣ устроена гимназія высшихъ наукъ, такъ и нынѣ тамъ можетъ быть возстановлена такая же гимназія т. е. гимназія съ высшимъ преподаваніемъ въ ней наукъ (наподобіе существующихъ въ Германіи Furstenschule или gymnasia illustria). Такое заведеніе вполнѣ соотвѣтствовало бы и волѣ завѣщателей и теперишнимъ потребностямъ дворянства. Но для того, чтобы упрочить за будущей нѣжинской гимназіей возможно высшее преподаваніе въ ней наукъ и высшее образованіе въ ней молодого поколѣнья, очень желательно и потребно было бы, какъ это давно заводится въ Германіи, Франціи, Австріи и въ другихъ странахъ, учредить еще педагогическую семинарію для надлежащаго приготовленія учителей. Контингентъ такого педагогическаго учрежденія долженъ состоять изъ окончившихъ курсъ въ университетахъ и желающихъ быть учителями гимназій и другихъ учебныхъ заведеній. Отсутствіе у насъ такого рода учрежденій, которыя существуютъ даже въ Румыніи и въ Греціи, ведетъ къ тому, что ученіе въ нашихъ школахъ изъ живого дѣла все болѣе и болѣе превращается въ механическую работу учителей—чиновниковъ, вся служба которыхъ проходитъ въ задаваніи ученикамъ уроковъ, въ выставленіи имъ отмѣтокъ и въ представленіи начальству отчетовъ о мертвомъ дѣлѣ». По этому факту можно судить, какъ глубоко васѣла въ душѣ Н. Е-ча мысль о педагогической семинаріи. какъ онъ ее лелѣялъ и какъ крѣпко все время за нее держался, если рѣшился воспользоваться даже этимъ чисто-косвеннымъ дворянскимъ случаемъ для того, чтобъ изъ нея вышло дѣло.

курсъ института и съ послѣдовавшимъ по этой причинѣ въ 1888 году освобожденіемъ таковыхъ отъ обязательной службы по министерству народнаго просвѣщенія, число учащихся въ институтѣ стало быстро убавляться въ такой прогрессіи: до 1888 года оно восходило до 97, въ 1889 году было только 56, а нынѣ всего 41, и это не смотря на существованіе въ состоящей при институтѣ гимназіи стипендіатовъ, которые должны бы давать изъ себя главный контингентъ студентовъ, такъ какъ изъ нихъ въ среднемъ выводѣ поступаетъ въ институтъ лишь $^1/_7$; но и этихъ немногихъ, пожалуй, не понадобится для учебной службы. 2) Но хотя въ настоящее время институтъ оказывается явно менѣе нужнымъ, чѣмъ прежде, однако вмѣстѣ съ этимъ приходится сознать, что по крайней мѣрѣ въ мѣстныхъ условіяхъ нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя бы обезпечивали продолжительное и цвѣтущее существованіе въ Нѣжинѣ какого либо заведенія агрономическаго, или техническаго. Если учебное заведеніе въ Нѣжинѣ превратить въ его первоначальную форму гимназіи высшихъ наукъ, то это было бы нѣчто соотвѣтствующее тѣмъ знаменитымъ въ Германіи Furstenschulen или gymnasiis illustribus, которыя изъ вѣка въ вѣкъ доселѣ хранятъ въ себѣ самобытныя педагогическія преданія, самостоятельно разработывая дѣло на основаніи указаній живого опыта. Но устройству даже такого заведенія въ Нѣжинѣ, какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ, препятствуетъ въ настоящее время недостатокъ въ нашемъ учебномъ мірѣ лицъ, настолько подготовленныхъ къ педагогическому дѣлу, чтобы они могли вести его самостоятельно. 3) Ближайшею задачею преобразованія института могло бы быть осуществленіе не разъ уже выраженной въ соотвѣтстующихъ распоряженіяхъ министерства мысли о необходимости согласовать учебный порядокъ институтовъ съ учебнымъ порядкомъ историко-филологическихъ факультетовъ. Но въ настоящее время даже эти факультеты основательно не считаются уже вполнѣ надежными разсадниками учителей гимназіи и средней школы вообще; въ Пруссіи уже давно, а въ настоящее время особенно обращено вниманіе на учрежденіе педагогическихъ семинарій для приготовленія будущихъ учителей. Поэтому, самою рѣшительною мѣрою для поддержанія болѣе цѣлесообразнаго въ настоящее время существованія нѣжинскаго института было бы, по моему мнѣнію, преобразованіе его въ учительскій институтъ, въ которомъ моло-

дые люди, окончившіе курсъ въ историко-филологическомъ и физико-математическомъ факультетахъ, занимались бы годъ или два спеціально теоретически и практически изученіемъ педагогики, особенно же дидактики, въ примѣненіи къ избраннымъ ими предметамъ преподаванія. Въ сочиненіи «о надлежащемъ приготовленіи учителей гимназіи» я высказалъ, по крайнему своему разумѣнію, основныя положенія для соотвѣтствующаго учрежденія, и тѣмъ болѣе ходатайствовалъ бы въ настоящее время о принятіи ихъ во вниманіе, что устройство педагогическихъ семинарій, по примѣру Пруссіи, заразъ при многихъ гимназіяхъ представляется дѣломъ очень труднымъ и ненадежнымъ. Мое убѣжденіе таково, что если бы теперишній историко-филологическій институтъ въ Нѣжинѣ былъ преобразованъ въ подлинный учительскій институтъ, то онъ наиболѣе соотвѣтствовалъ бы современнымъ требованіямъ отъ учрежденія, имѣющаго цѣлію приготовленіе учителей гимназіи и что чрезъ достиженіе этой цѣли, поднимая учебное дѣло нашихъ гимназій, тѣмъ самымъ способствовалъ бы нѣкоторымъ об. и осуществленію мысли основателя въ Нѣжинѣ гимназіи высшихъ наукъ».

Записка эта, доведенная до свѣдѣнія Г. Министра, вызвала образованіе подъ его предсѣдательствомъ особой комиссіи по вопросу о предлагаемомъ преобразованіи нашего института, въ засѣданіи которой предсѣдатель ученаго комитета А. И. Георгіевскій, поддерживая основную мысль проэкта преобразованія института въ педагогическую семинарію, стоялъ на томъ мнѣніи, что эта семинарія должна готовить окончившихъ курсъ въ историко-филологическихъ факультетахъ къ учительству въ гимназіяхъ только по древнимъ языкамъ и русскому. Однако даже въ такомъ измѣненномъ, или сокращенномъ видѣ проэктъ признанъ трудно-осуществимымъ. Тѣмъ не менѣе эта неудача не охладила у автора проэкта увлеченія идеей педагогической семинаріи, а только заставила придумать иной планъ ея осуществленія,—планъ хотя не столь почетный и многообѣщающій для заведенія, ввѣреннаго его управленію, но зато по крайней мѣрѣ вполнѣ для него безобидный. Въ новой запискѣ на имя Г. Министра (поданной, или посланной въ маѣ 1892 года) онъ, обосновавъ въ извѣстныхъ уже намъ чертахъ планъ спеціальнаго для приготовленія учителей заведенія на примѣрѣ устройства прусскихъ педагогическихъ семинарій, предлагалъ осуществить этотъ планъ слѣдующимъ образомъ:

«въ виду явнаго перепроизводства въ настоящее время лицъ съ правомъ на учительскія должности и естественнаго вслѣдствіе этого сокращенія числа студентовъ въ обоихъ историко-филологическихъ институтахъ съ одной стороны, а съ другой въ виду не установившагося еще значенія историко-филологическихъ факультетовъ для приготовленія учителей, мнѣ кажется, можно было бы оба института оставить пока существовать, сокративъ только въ нихъ штатное число студентовъ со ста на 50. Тогда изъ бюджета обоихъ институтовъ въ распоряженіи министерства оставалось бы 25000 рублей—сумма почти достаточная для содержанія педагогической семинаріи, конечно, если при этомъ она получитъ даровое помѣщеніе въ какомъ либо изъ казенныхъ зданій для лекцій, конференцій и библіотеки. Семинарія можетъ быть устроена въ С.-Петербургѣ, или въ другомъ какомъ городѣ, гдѣ это удобнѣе, и занять мѣсто между университетомъ и гимназіей, или гимназіями». Тогдаже и приблизительно такогоже содержанія были имъ представлены, или посланы еще двѣ записки высшимъ лицамъ учебнаго управленія (одна—директору департамента Н. М. Аничкову, другая—предсѣдателю ученаго комитета А. И. Георгіевскому[1]).

[1]) Въ этой послѣдней запискѣ точнѣе указано значеніе выраженія „оба и. ф. института могутъ пока существовать". Въ ней между прочимъ говорилось: «съ практической или житейской стороны дѣла, конечно, можно желать, чтобы учительскій институтъ при университетѣ располагалъ непосредственно какою либо гимназіей, какъ средою живой практики, но на первое время, безъ всякаго вреда и даже съ пользою для дѣла, слѣдуетъ открыть кандидатамъ для ихъ практическихъ занятій не только разныя гимназіи, но и другія учебныя заведенія среднія и низшія. А со временемъ, когда всѣ и вѣроятно очень скоро убѣдятся, что чрезъ теперишніе наши историко-филологическіе институты мы дѣйствительно сдѣлали einen groszartigen Ruckschritt (какъ выразился въ рѣчи на берлиской конференціи Кликсъ) въ нашемъ учебномъ дѣлѣ, проэктируемый учительскій институтъ могъ бы имѣть при себѣ, какъ постоянную среду для своего дѣла, теперишнюю гимназію при и. ф. институтѣ, самъ ставши на его мѣсто. Ели первый проэктъ преобразованія въ педагогическую семинарію нашего института затрогивалъ интересы большинства служащаго въ немъ персонала, то эта задняя мысль

Препроводивъ всѣ эти три записки по ихъ назначенію, Н. Е-чъ тотчасъ по окончаніи испытаній въ институтѣ (въ Іюнѣ 1892 г.) отправился въ разрѣшенную ему еще ранѣе заграничную командировку, «съ цѣлію войти, по всѣмъ важнѣйшимъ педагогическимъ и дидактическимъ вопросамъ, въ личное общеніе съ извѣстнѣйшими руководителями учебнаго дѣла въ Германіи и Австріи и лично наблюсти постановку дѣла приготовленія учителей въ тамошнихъ педагогическихъ семинаріяхъ»,—отправился съ наивной философской надеждой, что брошенное имъ по осени въ мерзлую почву сѣвера сѣмя русской педагогической семинаріи если и не прорастетъ за зиму къ веснѣ, то по крайней мѣрѣ останется до его возращенія цѣлымъ, а затѣмъ по возвращеніи, при его старательномъ уходѣ, произрастетъ и принесетъ плодъ, забывъ, что люди, у которыхъ на первомъ планѣ стоятъ личные интересы и счеты, умѣютъ найти тысячи прямыхъ и непрямыхъ путей и средствъ причинить какъ можно большій вредъ тому, кто имѣлъ смѣлость прямо или только косвенно задѣтъ ихъ интересы, или даже только ихъ чувствительныя самолюбія, хотя бы при этомъ имъ руководили самые высокіе, безкорыстные и безобидные помыслы. Итакъ, въ послѣднемъ засѣданіи конференціи, предсѣдатель ея заявивъ, что уѣзжаетъ на цѣлый годъ заграницу, присовокупилъ: «годъ—не день, да и складъ нашей жизни не въ нашихъ человѣческихъ, а въ Божьихъ рукахъ; посему г.г. коллеги, прошу васъ не помнить меня зломъ, если кто считаетъ на мнѣ какую либо обиду, хотя у меня и въ мысляхъ никогда не было причинить кому либо таковую; напротивъ, и всегда я питалъ ко всѣмъ вамъ самыя лучшія чувства, и нынѣ съ таковыми-же разстаюсь съ вами, прощайте, а можетъ быть, только до свиданья»!

Не такъ, однако, складывались обстоятельства, чтобъ это было

при второмъ проэктѣ точно такимъ об. задѣвала интересы персонала служащаго при С.-петербургскомъ интститутѣ, пожалуй, не столь сильно въ виду того обстоятельства, что тутъ этотъ персоналъ состоялъ на большую половину изъ профессоровъ университета, но все же довольно чувствительно. Но философъ не былъ бы и философомъ, если бы допустилъ, чтобы его мыслями управляли личные житейскіе интересы вмѣсто общихъ началъ разума; за тожъ онъ и платится часто очень дорого.

только до свиданья, чтобъ эта разлука вышла только временной. Лишь къ свѣтлому празднику слѣдующаго 1893 года возвратился въ институтъ его директоръ,—похристосовался со всѣми, сдѣлалъ визиты, но въ должность не вступалъ и поѣхалъ (съ цѣлою кипою сдѣланныхъ за границею разныхъ замѣтокъ, набранныхъ отовсюду разныхъ учебныхъ плановъ, инструкцій и т. п.) въ Петербургъ, гдѣ должна была рѣшиться его служебная участь. Вотъ тутъ-то и разрѣшилась наконецъ давно начавшаяся для него коллизія между діалектикой философско-педагогической идеи и діалектикою мудреныхъ житейскихъ отношеній, разрѣшилась, какъ это большею частію бываетъ, рѣшительною побѣдою послѣдней надъ первою. Готовность Н. Е-ча представить обстоятельную записку съ отчетомъ о командировкѣ была отклонена, а вмѣсто того ему пришлось, словно на экзаменѣ, держать рѣчь о своихъ заграничныхъ впечатлѣніяхъ, наблюденіяхъ и основанныхъ на нихъ выводахъ, соображеніяхъ предъ цѣлымъ сонмомъ властныхъ мужей, въ особомъ засѣданіи подъ предсѣдательствомъ самого Г. Министра. Какова была эта его рѣчь и что должно было изъ нея выйти,—угадать не трудно. Если онъ уже давно, на основаніи лишь книжнаго изученія учебнаго дѣла заграницей и своихъ собственныхъ размышленій, пришелъ къ убѣжденію въ необходимости особаго учрежденія для приготовленія учителей, то теперь, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ внимательно осмотрѣнныхъ заграницей разнаго типа педагогическихъ семинарій, ему конечно думалось, что и безъ сложнаго аппарата доказательствъ для всѣхъ присутствующихъ, какъ для него самого, должно быть ясно, какъ день, что и для насъ русскихъ, если мы желаемъ имѣть хорошихъ учителей, а чрезъ нихъ хорошія школы, единственный путь спасенія заключается въ неотложномъ устройствѣ подобныхъ заграничнымъ семинарій. Противъ этого его убѣжденія принципіальныхъ возраженій въ засѣданіи не послѣдовало; напротивъ, устройство одной или даже нѣсколькихъ такихъ семинарій признано въ принципѣ вполнѣ цѣлесообразнымъ и очень желательнымъ, но только—не въ настоящемъ, а въ неопредѣленномъ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. А такъ какъ это его убѣжденіе и по смыслу всѣхъ его прежнихъ оффиціальныхъ записокъ, или проэктовъ, и по смыслу этихъ личныхъ объясненій почти равносильно было отрицанію въ историко-филологическихъ институтахъ способности надлежащимъ об.

приготовлять учителей, то прежде всего ему самому, а вѣроятно и нѣкоторымъ, если не всѣмъ членамъ засѣданія показалось непослѣдовательнымъ возвращеніе его къ управленію нѣжинскимъ институтомъ—заведеніемъ, въ хорошую будущность и даже въ цѣлесообразность котораго онъ такъ мало вѣрилъ. Словомъ, за отсутствіемъ даже зародыша педагогической семинаріи для какого либо изъ городовъ Россіи, выходъ Н. Е-ча въ отставку оказался для начальства политическою, а для него самого логическою и моральною необходимостію, которой онъ и подчинился, какъ настоящій философъ, безъ ропота и даже съ видомъ явнаго благодушія. Возвратившись изъ Петербурга, въ одинъ изъ вечеровъ, въ самомъ началѣ Іюня, онъ пригласилъ къ себѣ на чай всѣхъ членовъ конференціи, и тутъ, послѣ оживленныхъ разсказовъ о заграничныхъ знакомствахъ, впечатлѣніяхъ и наблюденіяхъ, приказавъ наполнить стаканы шампанскимъ сказалъ: «считаю долгомъ заявить вамъ г.г. коллеги, что завтра же чрезъ конференцію подаю прошеніе объ отставкѣ, желаю всѣмъ вамъ всего лучшаго, прощайте»; тутъ всѣ мы съ нимъ простились троекратнымъ лобзаньемъ. Возникла было тутъ-же мысль о прощальномъ обѣдѣ въ честь начальника, оставляющаго заведеніе послѣ десятилѣтняго управленія имъ, но она не осуществилась частію потому что онъ самъ ее не поощрялъ, ибо не любилъ оваціи вообще, а льстивыхъ дѣланныхъ въ особенности, а частію потому что она не встрѣтила живого единодушнаго отклика... Такъ, пожалуй, вышло и лучше, потому что пріятнѣе оставить за кѣмъ нибудь долгъ, чѣмъ самому остаться предъ кѣмъ нибудь въ долгу.

XIV.—Прежде чѣмъ послѣдовать за покинувшимъ нашъ институтъ бывшимъ его директоромъ, попытаемся хоть немногими, хоть грубыми штрихами начертать его образъ. Изъ всего предыдущаго, кажется, вполнѣ ясно и не сомнѣнно, что умъ его добрую половину жизни работалъ неустанно надъ различными вопросами, касающимися благоустройства русской школы во всѣхъ почти ея видахъ и моментахъ; но естественно возникаетъ вопросъ, отдавалъ-ли онъ также школѣ свою душу, свое сердце, любилъ-ли онъ ее фактически въ ея реальномъ живомъ составѣ тамъ, гдѣ онъ съ нею близко соприкасался?—Конечно, любилъ и даже очень, но любилъ тою любовію, которая допускалась и требовалась его строго-педагогическою теоріею, т. е. тою разумною, серьезною, похожею

на истинно-отцовскую, любовію, которая, въ желаніи дать надлежащую нравственную выправку питомцамъ, ради ихъ собственнаго блага и счастія, бываетъ по отношенію къ нимъ въ одномъ случаѣ снисходительна, ласкова, поощрительна, а въ другомъ требовательна, настойчива, побудительна, даже взыскательна, а не тою, похожею на материнскую слабость, любовію, которая даже въ узкой семейной сферѣ часто не ведетъ къ добру, а въ широкой школьной сферѣ даже лучшихъ и дѣльныхъ питомцевъ портитъ, а худшихъ уже окончательно развращаетъ, допуская ихъ первоначальнымъ чисто-школьническимъ шалостямъ чрезъ стадію вольничанья и баловства дойти до полной распущенности и разнузданности. По разсказамъ о его директорствѣ въ харьковской 2-й гимназіи, онъ на собственныхъ урокахъ былъ очень сосредоточенъ и серьезенъ, при чемъ не только у него, но и во всѣхъ классахъ царствовалъ полнѣйшій порядокъ и глубокая тишина; но внѣ класса, въ перемѣны между уроками, особенно-же въ гимназическомъ пансіонѣ, который посѣщалъ почти ежедневно, онъ былъ съ воспитанниками очень общителенъ, бесѣдовалъ съ ними запросто не по однимъ только учебнымъ вопросамъ, но и объ ихъ нуждахъ, желаніяхъ, затѣяхъ, а въ промежуточные между вечерними занятіями часы поощрялъ всякія приличныя развлеченія и игры; остававшихся-же въ пансіонѣ на праздники даже въ квартиру къ себѣ приглашалъ, предоставляя каждому волю развлекаться, какъ кому вздумается, такъ что чаще всего одинъ на роялѣ игралъ, а прочіе умѣлые и неумѣлые танцовали, а то разныя игры затѣвали, а по утрамъ одни что нибудь читали вслухъ, или писали, другіе рисовали. По словамъ надгробной рѣчи проф. Бузескула (воспитанника этой гимназіи), Н. Е—чъ въ то время „наряду съ наукой интересовался, даже увлекался искусствомъ—музыкой и подъ свое попеченіе бралъ гимназическій хоръ; не было въ немъ ничего чиновническаго въ отношеніяхъ къ ученикамъ, онъ не былъ сторонникомъ формализма, напротивъ любилъ даже проявленіе въ нихъ самостоятельности, и не разъ бывали случаи, когда провинившіеся нежданно для самихъ себя находили въ немъ своего защитника и покровителя. Но въ особенности мы были ему признательны за то вниманіе, съ которымъ онъ относился къ намъ уже впослѣдствіи по окончаніи нами курса въ гимназіи; онъ интересовался нашею дальнѣйшею судьбою, не разъ вступалъ въ пере-

писку съ своими бывшими учениками, радовался нашимъ успѣхамъ, гордился ими, давалъ совѣты, читалъ наставленія, и скорбѣлъ слыша о нашихъ неудачахъ". Такъ какъ нѣжинская гимназія состоитъ въ завѣдываніи особаго начальствующаго лица, то тутъ такихъ прямыхъ и близкихъ отношеній къ ея воспитанникамъ у Н. Е-ча и не могло быть; тутъ довольно съ него было и того, что благодаря его личному авторитету, а отчасти наблюденію и руководству, складъ школьной и домашней жизни гимназистовъ не выходилъ изъ рамокъ раціональнаго правильнаго учебнаго порядка. Однако, при случаѣ онъ высказывалъ и особую къ нимъ расположенность и участливость, какъ наприм. въ совѣтѣ почти всегда стоялъ за переводъ въ высшій классъ и малоуспѣвшихъ, считая малоуспѣшность не столько ихъ виною, сколько чужою, или когда находилъ въ заключеніи провинившихся, то освобождалъ ихъ своею властію т. е. отпускалъ съ миромъ домой, сдѣлавъ конечно подобающее случаю внушеніе и наставленіе, которое въ его устахъ было дѣйствительнѣе всякаго наказанія. Зная, какъ плохо, какъ неблагопріятно для ученія обставлена жизнь учениковъ на частныхъ квартирахъ, онъ очень хотѣлъ устроить при гимназіи пансіонъ по крайней мѣрѣ для казенныхъ стипендіатовъ и настойчиво ходатайствовалъ объ этомъ предъ высшимъ начальствомъ, и не его вина, что такого пансіона и доселѣ нѣтъ.—Къ студентамъ института онъ тоже не былъ особенно близокъ. Нельзя впрочемъ сказать, чтобы онъ вовсе не входилъ въ ихъ интересы, желанія, нужды; нѣтъ онъ входилъ, но толко большею частію чрезъ посредство ближайшаго помощника по управленію—инспектора, который зато и пользовался почетнымъ титуломъ студенческаго папаши; ему онъ охотно предоставлялъ эту болѣе интимную и пріятную роль, оставляя за собою лишь роль высшей наблюдающей и рѣшающей инстанціи, реально выступающей главнымъ об. въ сомнительныхъ случаяхъ возникновенія какихъ либо недоразумѣній, разногласій, при чемъ иногда становился и на сторону студенческихъ желаній, если они были основательны. Даже студенческій интернатъ онъ очень рѣдко посѣщалъ, но это потому что тогда между студентами, къ ихъ услугамъ всегда неотлучно былъ дежурный наставникъ, чрезъ посредство котораго онъ, благодаря проведенному въ дежурную комнату телефону, имѣлъ косвенное общеніе и со студенческимъ міромъ, каждую минуту могъ спросить и

узнать, какъ студенты себя чувствуютъ, кто изъ нихъ дома, кто отсутствуетъ и т. п. Не часто, но все-же иногда приглашалъ и къ себѣ студентовъ на вечерокъ, на танцы; въ свѣтлый праздникъ всегда разговлялся съ ними въ общей столовой, а равно и вся ученая коллегія. Но, вообще говоря, его отношеніе къ студентамъ было главнымъ об. учебно-дѣловое: онъ требовалъ, заботился и самъ и чрезъ посредство извѣстныхъ лицъ, чтобы занятія у студентовъ шли правильно и неукоснительно, и они на самомъ дѣлѣ шли такимъ образомъ. Въ его время литографированіе лекцій признано было конференціей излишнимъ и даже вреднымъ, и отчасти, быть можетъ, по этой причинѣ тогда всѣ студенты посѣщали и слушали лекціи неопустительно. Кромѣ слушанія, записыванія и составленія лекцій, было у нихъ довольно и домашнихъ занятій; но они садились за дѣло аккуратно въ 6, не позже 7 часовъ вечера, и не смотря на то что ложились спать не позже 11 часовъ, успѣвали сдѣлать все требуемое, какъ должно, и на обремененіе жалобъ отъ нихъ слышно не было; и на такъ называемыхъ собесѣдованіяхъ и на годичныхъ испытаніяхъ можно было ясно видѣть, что они трудились не мало, и не даромъ. Нельзя однако скрыть, что студенты какъ будто немножко даже дичились своего директора, и это именно въ сферѣ чисто учебныхъ отношеній. Но это чуть-ли не потому что тутъ онъ, можетъ быть, безъ всякаго умысла, часто практиковалъ дидактическую методу нѣсколько похожую на сократовскую маэвтику, которая и въ свое время многимъ очень не нравилась. Онъ самъ иногда преподавалъ тотъ или иной предметъ, читалъ наприм. годъ или два педагогику, комментировалъ Теэтета, Федона и др. и уже всегда присутствовалъ на собесѣдованіяхъ, участвовалъ въ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ, въ качествѣ предсѣдателя, въ концѣ каждаго учебнаго года. Такъ какъ у него самого въ умѣ всѣ положенія и воззрѣнія, относящіяся къ тэй или другой научной области, сложены были въ опредѣленной связи и въ опредѣленныхъ своеобразныхъ не совсѣмъ обычныхъ формахъ, то вопросами своими и на лекціяхъ и на экзаменахъ, особенно по философіи, онъ часто такъ озадачивалъ студентовъ, что иногда тотъ или другой становился, какъ говорится, въ тупикъ. А онъ считалъ это хорошимъ признакомъ того, что молодой умъ, „затрудненный и удивленный" незнаніемъ того, что казалось ему доселѣ извѣстнымъ, получаетъ въ этомъ психическомъ моментѣ стимулъ

къ болѣе энергической работѣ, для превращенія неяснаго или неполнаг знанія въ точное и всестороннее. За то по окончаніи курса въ инсти тутѣ бывшіе его питомцы, по большей части затрудненные пріисканіемъ мѣста, смѣло обращались къ своему бывшему директору съ просьбами о содѣйствіи и помощи, и находили въ немъ самаго усерднаго, энергичнаго и настойчиваго за нихъ ходатая.—Съ членами-же всей учительской и особенно профессорской коллегіи Н. Е-чъ былъ въ высшей степени общителенъ, не только для этого пользуясь ежедневными служебными встрѣчами, но и практикуя самое широкое радушное гостепріимство и хлѣбосольство. Ежегодно въ день своего ангела 6-го декабря онъ предлагалъ парадный обѣдъ всему мужскому служебному персоналу, не исключая и самыхъ низшихъ его ранговъ. Въ первые годы его директорства, въ двѣ недѣли одинъ разъ (по понедѣльникамъ), а потомъ нѣсколько рѣже всѣ мы съ семействами, по приглашенію, пили у него чай, послѣ чая кто чѣмъ хотѣлъ развлекался, затѣмъ ужинали, угощались, при чемъ самъ хозяинъ за столомъ былъ радушенъ и веселъ, велъ такую или иную бесѣду, всегда съ примѣсью самого живого юмора, пересыпая рѣчь пословицами, остротами, шутками да прибаутками, спорилъ, доказывалъ, и подогрѣвалъ до градуса веселія добрымъ виномъ то классическую и славянскую филологію, то русскую и всеобщую исторію, то изящную словесность и неизящную угрюмую философію. Душею-же и царицею всего женскаго ученаго персонала была достопочтеннѣйшая супруга его (Анастасія Ивановна, урожденная княжна Ратіева), какъ самая радушная, привѣтливая, любезнѣйшая хозяйка, очень часто, кромѣ всего прочаго, услаждавшая гостей своею прекрасною артистическою музыкою. Мы же всѣ семейные, а частію и одинокіе, конечно лишь въ незначительной мѣрѣ могли отплачивать нашему гостепріимному начальству: одинъ разъ въ годъ, обыкновенно въ день чьихъ нибудь именинъ и у каждаго изъ насъ собиралось все общество; того, что называется особенными интимными кружками, въ то время совсѣмъ не было. Конечно, этого нельзя было считать за выраженіе истиннаго и полнаго единодушія; но зато гдѣ такіе кружки образуются, то это уже служитъ признакомъ явнаго разномыслія.

Въ томъ же харьковскомъ питомцѣ (нынѣ профессорѣ) Н. Е-чъ оставилъ впечатлѣніе «личности крупной, своеобразной, натуры самосто-

ятельной и властной». Всѣ эти черты вѣрно подмѣчены впечатлительнымъ, умнымъ юношей; лишь терминъ «властный» требуетъ ближайшаго разъясненія. Если подъ «властностію» начальника разумѣть его особую способность свое собственное глубокое живое и постоянное сознаніе служебнаго долга, служебной отвѣтственности переносить въ сознаніе другихъ— коллегъ и подчиненныхъ и такимъ об. создать вокругъ себя особаго рода служебную атмосферу нѣсколько, быть можетъ, холодную, но здоровую, трезвящую и бодрящую, то нельзя отрицать, что Н. Е-чъ держалъ себя и въ Нѣжинѣ какъ «натура властная»: будучи самъ по службѣ въ высшей степени исполнительнымъ и аккуратнымъ, къ самому себѣ строгимъ, взыскательнымъ, онъ даже мыслію своею переварить не могъ, чтобъ кто нибудь изъ служащихъ смѣлъ допустить манкировку, небрежность, или какую нибудь фальшь въ отправленіи служебныхъ обязанностей; но потому-то именно при немъ если что нибудь подобное и случалось, то лишь весьма рѣдко и то въ самой слабой едва замѣтной степени, и такъ какъ это былъ вдобавокъ человѣкъ въ высшей степени прямой, беззастѣнчивый—истый москвичъ, то его прямота, конечно, не могла нравиться тѣмъ, кого она въ томъ или другомъ случаѣ касалась. Но этого рода властность ничего не имѣетъ общаго съ тою, которая часто соединяется съ карьеризмомъ, и тогда, для своего упроченія и повышеній, обратною своею стороною имѣетъ исканіе и поддержаніе связей съ лицами вліятельными, смиреніе и заискиваніе предъ людьми, большую власть имѣющими и т, п. Даже и тѣни чего либо подобнаго не было у Н. Е-ча: никакихъ такихъ связей онъ не имѣлъ, да и не искалъ, а предъ высшими властями свою самостоятельность т. е. свои иногда очень своеобразныя мысли, сужденія, планы по устройству учебнаго дѣла онъ высказывалъ и отстаивалъ еще съ большею прямотою, смѣлостію и твердостію, чѣмъ предъ своими коллегами—профессорами, или даже подчиненными. Затожъ онъ и милостями даже у ближайшихъ властей совсѣмъ не пользовался; въ представленіи къ наградамъ его обходили[1]), а иногда такъ и гораздо прямѣе давали чувство-

[1]) За 10 слишкомъ лѣтъ директорства въ харьковской гимназіи его удостоили только Станиславомъ 2-й степени; за первые четыре года директорства въ нашемъ институтѣ онъ получилъ орденъ Анны 2-й степени, а за послѣдніе шесть лѣтъ его ничѣмъ не наградили.

вать, что имъ не довольны. И это его, повидимому, не очень огорчало, по крайней мѣрѣ не въ такой степени, въ какой огорчала чья нибудь, по его мнѣнію, не достаточно обдуманная и безпристрастная критика какого либо его сочиненія, не правильная оцѣнка какого либо его мнѣнія, плана. Интересно, что когда онъ собирался уже въ послѣднюю заграничную поѣздку съ мыслію, что едвали придется вернуться въ Нѣжинъ на службу, и я зашелъ къ нему проститься, онъ, когда зашла рѣчь о его дальнѣйшей судьбѣ, только рукой махнулъ, а вмѣсто того много съ волненіемъ и горячностію говорилъ о томъ, какъ легко и поверхностно кто-то въ критической статьѣ отнесся къ одному его сочиненію (объ университетскомъ ученіи вообще и историко-филологическомъ въ частности), не потрудившись глубже войти въ смыслъ изложенныхъ въ немъ сужденій, положеній, плановъ. И наоборотъ, ничто, кажется, не доставляло ему такой радости, какъ признаніе истины того или иного его воззрѣнія со стороны такого лица, которое онъ признавалъ авторитетомъ въ наукѣ, считалъ „умомъ высшаго научнаго порядка". Такъ, убѣдившись изъ опыта, что не бываетъ славенъ пророкъ во отечествіи своемъ, онъ еще до поѣздки заграницу сталъ печатать на нѣмецкомъ языкѣ педагогическаго содержанія статьи въ Zeitschrift für Gymnasialwesen[1]), и былъ въ восторгѣ всякій разъ, когда получался о той или другой изъ нихъ сочувственный отзывъ какого либо изъ нѣмецкихъ педагоговъ, особенно же, если это былъ отзывъ Вильмана. Сама же эта поѣздка была въ этомъ отношеніи едвали не самымъ лучшимъ пріятнѣйшимъ временемъ его жизни. «Такъ какъ, вспоминалъ онъ потомъ, всѣ эти мои статьи касались самыхъ животрепещущихъ вопросовъ въ учебномъ нѣмецкомъ мірѣ, то естественно думая, что онѣ не остались въ немъ вовсе не замѣченными, я тѣмъ болѣе, признаюсь, стѣснялся явиться лично въ среду этого міра, что статьи мои могли быть составлены мною на нѣмецкомъ языкѣ только при добромъ содѣйствіи мнѣ въ стилизаціи нѣмецкаго текста со стороны лицъ, хорошо владѣющихъ нѣмецкимъ языкомъ, я же лично очень мало имѣю навыка и въ письменномъ и въ устномъ употребленіи

[1]) Въ статьяхъ этихъ и позднѣйшихъ нѣмецкихъ изложены тѣже его основныя мысли, воззрѣнія, что и въ русскихъ, только въ болѣе сжатомъ видѣ. Поэтому, оказалось излишнимъ ихъ цитировать.

нѣмецкой рѣчи. Но опасенія мои оказались напрасными: вниманіе со стороны всѣхъ, къ кому я ни обращался по интересующему меня дѣлу, было такъ велико, что заставило совсѣмъ забыть смущавшія меня опасенія. Такъ, въ Гейдельбергѣ директоръ одной изъ найлучшихъ въ Германіи гимназій Улихъ, къ которому я обратился съ просьбой допустить меня къ посѣщенію уроковъ, охотно согласился на мою просьбу, и съ крайнею предупредительностію втеченіе почти трехъ недѣль изо—дня въ день оказывалъ мнѣ самое внимательное содѣйствіе къ тому, чтобъ я могъ обстоятельнѣе ознакомиться съ постановкою и ходомъ ученія во всѣхъ подробностяхъ; на урокахъ нѣкоторыхъ учителей я былъ по нѣскольку разъ, а на урокахъ самого директора бывалъ чуть не каждый день»[1]). А далѣе да будетъ позволено взять изъ недавняго письма достопочтенной супруги его, сопровождавшей мужа и въ этой очень продолжительной поѣздкѣ, слѣдующія относящіяся сюда строки: «пребываніе Н. Е-ча за границей было между прочимъ въ высшей степени лестно для его самолюбія, повсюду онъ встрѣчалъ большую симпатію, ему оказали вниманіе такіе свѣтила какъ Вильманъ, съ которымъ онъ прежде да и послѣ того даже переписывался по разнымъ вопросамъ, Шиллеръ, Улихъ, Рейнъ, Кликсъ, который, не смотря на то, что заваленъ былъ дѣломъ, посвятилъ ему цѣлый день, возя его въ Берлинѣ то на государственные экзамены, то на разныя засѣданія; въ Іенѣ цѣлая корпорація студентовъ приходила приглашать его въ свое засѣданіе; въ Гиссенѣ, или въ Галлѣ, не помню, одинъ учитель былъ въ восторгѣ, узнавъ въ русскомъ посѣтителѣ его уроковъ автора хорошо извѣстныхъ ему статей въ нѣмецкомъ журналѣ». А вотъ что еще болѣе интересно: «есть въ числѣ бумагъ покойнаго мужа черновикъ длинной статьи объ устройствѣ учительской семинаріи (напечатанной въ томъ-же нѣмецкомъ журналѣ уже по возвращеніи изъ за границы); когда мужъ послалъ ее для печати въ Прагу къ Вилльману, то оказалось, что тотъ самъ началъ печатать свою статью по тому-же вопросу до такой степени сходную съ присланной не только въ основной идеѣ, но и во многихъ частностяхъ, даже въ отдѣльныхъ выраженіяхъ и терминахъ, что счелъ нужнымъ прислать отъ типографіи формальное удостовѣреніе о срокѣ,

[1]) Журналъ минист. нар. просв. 1894. Мартъ стр. 5. 6.

съ котораго начато печатаніе его статьи для того, чтобы мужъ не заподозрилъ его въ плагіатѣ». Это типографское удостовѣреніе, при письмѣ отъ Вилльмана, должно полагать, было для адресата вѣнцомъ всѣхъ его жизненныхъ радостей,—такою радостію, которую едвали во что нибудь цѣнятъ люди, знающіе и любящіе только реальную т. е. реально вознаграждающую власть; чисто-идеальную, абстрактную власть ума, господство въ той или другой области истины любятъ, и въ этой власти находятъ высшее чистѣйшее наслажденіе только умы съ выдающимися дарованіями, при истинно-философскомъ характерѣ. Вотъ этой власти Н. Е-чъ охотно всегда подчинялся, и самъ имѣть таковую, пожалуй, даже и очень не чуждался.

Можно-бы и еще въ этомъ направленіи продолжать далеко не законченный очеркъ духовной личности Н. Е-ча; но и другія черты въ ней это рода тоже представляли-бы нѣчто незримое, трудно уловимое и вообразимое; поэтому, лучше будетъ, въ заключеніе, указать на то видимое, осязаемое, реальное, которое для всякаго сразу очевидно и понятно. Въ самомъ дѣлѣ, не излишне припомнить, что Н. Е-чъ, витавшій своею мыслію въ высокой сферѣ идей, идеаловъ, слишкомъ далекихъ отъ низменной несовершенной дѣйствительности, и съ сею послѣднею умѣлъ справляться недурно,—показалъ немалыя и хозяйственныя свои способности въ управленіи нашимъ институтомъ: по его инициативѣ и указаніямъ, сдѣланы такія обновки и подѣлки, за которыя всѣмъ намъ можно и должно только добромъ его всегда поминать, какъ то—за передѣлку въ главномъ зданіи печей для топки каменнымъ углемъ, за устройство насоса, дающаго воду туда же и въ другія, особенно нуждающіяся въ водѣ помѣщенія, за устройство дорогой парадной каменной лѣстницы, а также лѣстницы желѣзной пожарной, за укладку паркетныхъ половъ, а при этомъ еще особенно за-то, что все это онъ какъ-то съумѣлъ устроить, не черпая слишкомъ много денегъ изъ специальной суммы сбора за ученіе, которую всячески берегъ, копилъ и довелъ почти до 30000 рублей, имѣя въ виду постройку особаго зданія для интерната стипендіатовъ. Кромѣ того, въ нашей церкви стоитъ у праваго клироса купленная имъ въ Москвѣ главнымъ об. на свои средства дорогая прекрасная плащаница; предъ нею было его постоянное мѣсто въ церкви, а на другой лѣвой сторонѣ было мѣсто его супруги, отличавшейся самою

искреннею глубокою набожностію, не опускавшей никогда ни одного богослуженія и выстаивавшей каждое отъ начала до конца; отъ нея-же имѣется въ церкви нѣсколько изящныхъ вещей, шитыхъ ея руками.

XV.—Распростившись съ нашимъ институтомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ выйдя въ отставку, Н. Е-чъ поселился на жительство не въ своей родной Москвѣ, куда и со службы онъ часто ѣзжалъ и подолгу живалъ въ общеніи со многими лицами профессорскаго кружка, а въ Петербургѣ, какъ можно думать, съ тою мыслію, что если не потребуется отъ него вновь какое либо прямое служебное или руководящее участіе въ учебномъ дѣлѣ, то тутъ ему по крайней мѣрѣ удобнѣе будетъ наблюдать дѣйствіе главныхъ пружинъ этого дѣла и хоть косвенно словомъ и перомъ содѣйствовать возможно лучшей, требуемой обстоятельствами времени, его постановкѣ. Первое время тутъ могло показаться, что ему дадутъ въ руки и прямое дѣло, притомъ самое для него дорогое и самое, по его убѣжденію, необходимое для русской школы дѣло, на которомъ въ послѣдніе годы сосредоточены были всѣ его помыслы, къ которому были направлены всѣ его завѣтныя желанія и чаянія. Статья его подъ заглавіемъ «современное педагогическое образованіе учителей нѣмецкихъ гимназій» (появившаяся въ журналѣ министерства нар. просв. Мартъ 1894 г.) представляла собою уже не отвлеченную конструкцію его личныхъ педагогическихъ воззрѣній и замысловъ, а цѣлый рядъ его тщательныхъ наблюденій надъ постановкою дѣла въ фактически существующихъ за границей спеціальныхъ учрежденіяхъ, пользующихся тамъ всеобщимъ уваженіемъ, играющихъ самую важную роль въ складѣ всего учебнаго дѣла, имѣющихъ прочную еще болѣе блестящую будущность; въ ней, безъ всякой искусственности, въ простой почти протокольной формѣ, но отчетливо и живо очерчена цѣлая группа педагогическихъ семинарій, фактичееки занятыхъ умственною и нравственною выработкою будущихъ учителей (семь берлинскихъ, галльская, лейпцигская, іенская, гиссенская, пражская), съ ихъ главными начальниками-руководителями и ихъ помощниками, съ комплектами семинаристовъ, съ указаніемъ главнѣйшихъ основъ совершаемаго ими педагогическаго дѣла и главныхъ задачъ, ими преслѣдуемыхъ, съ разсмотрѣніемъ состава и порядка семинарскихъ занятій и т. д. Эта живая иллюстрація должна была хоть отчасти съ одной стороны поколебать у оптимистовъ довольство даннымъ

положеніемъ у насъ учебнаго дѣла, считавшихъ излишнимъ всякое крупное въ немъ нововведеніе, а съ другой ослабить у мрачныхъ скептиковъ сомнѣніе и опасеніе относительно возможности и плодотворности какого-бы то ни было нововведенія. Должно было стать понятно и до очевидности ясно, что если въ Австріи, даже въ Германіи могло имѣть мѣсто недовольство положеніемъ учебно-воспитательнаго дѣла въ среднихъ школахъ, вызвавшее живое, всестороннее обсужденіе мѣръ и способовъ улучшенія его и разрѣшившееся наконецъ учрежденіемъ, въ качествѣ самой надежной для этого мѣры, цѣлаго ряда особыхъ учительскихъ семинарій, фактически существующихъ и блистательно оправдывающихъ возлагавшіяся на нихъ надежды, то у насъ такъ должно быть и того болѣе, потому что ни въ Австріи, ни въ Германіи «общій смыслъ» никогда въ такой степени не дѣлалъ притчею во языцѣхъ среднюю школу, какъ у насъ въ послѣднее время. Поэтому, хотя извѣстный намъ проэктъ педагогической семинаріи Н. Е-ча продолжалъ лежать подъ сукномъ, но зато вмѣсто его представленъ былъ въ министерство новый проэктъ педагогическаго института въ Петербургѣ лицемъ, которому и по праву и по служебной обязанности учебное дѣло было ближе, чѣмъ кому бы то ни было другому (Г. предсѣдателемъ ученаго комитета А. И. Георгіевскимъ). Этотъ проэктъ имѣлъ въ своихъ рукахъ и Н. Е-чъ, который внимательно прочитавъ его «нѣсколько разъ по частямъ и въ цѣломъ», сдѣлалъ цѣлый рядъ замѣчаній на важнѣйшіе изъ его параграфовъ, для соображеній автора. Въ проэктѣ этомъ, по словамъ Вейсмана (Жур. Мин. Н. П. 1894. Іюнь), педагогическая подготовка учителей задумана была широко; какъ теоретическія, такъ и практическія занятія исчерпывали все, что можно требовать въ этомъ отношеніи, между теоріей и практикой установлена необходимая связь, все веденіе дѣла сосредоточено въ однихъ рукахъ, для института требовалась особая гимназія наилучшимъ об. обставленная». Былъ ли этотъ проэктъ обсуждаемъ въ нарочитой комиссіи, и если да, то прошелъ ли онъ, а если прошелъ, то почему не приведенъ въ исполненіе,—намъ объ этомъ ничего неизвѣстно; вѣроятнѣе всего, что престарѣлый министръ, равнодушный уже ко всему земному человѣческому, побоялся затѣять новое дѣло, котораго могъ не кончить, оставилъ его въ наслѣдство своему преемнику, тѣмъ болѣе, что желанія „общаго смысла“ не къ тому клонились, чтобы дать учебному дѣлу

лучшую болѣе серьезную постановку, а скорѣе къ тому, чтобъ его сдвинуть съ твердыхъ основъ и сдѣлать какъ можно менѣе серьезнымъ и научнымъ. Какъ бы-то ни было впрочемъ, но несудьба этого новаго проэкта, полагаемъ, огорчила Н. Е-ча не менѣе, чѣмъ неудача, постигшая его собственный; предъ его глазами вновь было возникъ и въ яркихъ очертаніяхъ вырисовался обольстительный миражъ, но онъ быстро разсѣялся въ петербургской мглѣ,—выношенная въ сердцѣ, выработанная умомъ его идея, взлелѣянная мечта русской педагогической семинаріи такъ и осталось для него чистой идеей, простою мечтой.

Однако, онъ отъ этого не впалъ ни въ уныніе, ни въ апатическое бездѣйствіе, но снова обмакнулъ и пустилъ въ дѣло свое философское перо—-сталъ писать обширное сочиненіе, подъ заглавіемъ «недуги нашего учебнаго дѣла», направленное именно противъ нашего русскаго оптимизма, съ цѣлію снять съ его глазъ розовые очки и показать, что наша русская школа въ разныхъ ея типахъ страдаетъ отчасти своими особыми специальными, но главнымъ об. тѣми самыми недугами, которыми въ свое время болѣла, а отчасти еще и нынѣ болѣетъ западно-европейская школа, что поэтому лѣченіе недуговъ для нея необходимо и неотложно также, какъ и тамъ, и что лѣченіе это должно быть и у насъ приблизительно такое-же, какъ тамъ. Ни одинъ изъ типовъ нашей школы не свободенъ отъ такого или иного спеціальнаго недуга, болѣе или менѣе сильно подтачивающаго его учебныя силы, разстраивающаго его организмъ. Такъ

1) Если и въ германскихъ университетахъ не замѣчается особенной заботы о томъ, чтобы чистое служеніе наукѣ знатоковъ ея доводило до усерднаго серьезнаго занятія наукою учащихся, (такъ что и тамъ кромѣ учащихся есть полуучащіеся и даже совсѣмъ не учащіеся), или чтобы добываемыя профессорами научныя знанія были усвояемы учащимися въ интересѣ соотвѣтствующаго ихъ потребностямъ образованія, словомъ, если и тамъ преподаваніе не всегда и не вездѣ имѣетъ надлежащую дидактическую постановку, между прочимъ, вслѣдствіе издавна утвердившейся традиціи академической свободы преподаванія и учебной свободы слушателей, то у насъ этотъ недугъ, несомнѣнно, еще сильнѣе и глубже. „Но нѣмецкимъ студентамъ давно уже твердятъ, что ихъ учебная свобода вовсе не есть свобода не учиться, и теперь нѣмцамъ,

должно быть, не много уже ждать, пока всѣ ихъ студенты убѣдятся въ этомъ, тогда и будетъ у нихъ университетская учебная реформа. А мы? Мы не связаны въ своемъ университетскомъ дѣлѣ никакими преданіями стараго времени, намъ не должно быть жаль нарушить у нашихъ студентовъ учебную свободу не учиться, мы имѣемъ полную возможность, при устройствѣ учебнаго порядка въ нашихъ университетскихъ факультетахъ, не считаться ни съ какими колесами и рычагами въ нашей государственной машинѣ, которые, по инерціи какихъ либо преданій, могли бы противодѣйствовать надлежащей организаціи нашего университетскаго ученія; ужели же мы и въ самомъ дѣлѣ думаемъ, что учебное дѣло въ нашихъ университетахъ обезпечено теперь форменнымъ платьемъ студентовъ да расходомъ государственнаго казначейства на парадъ такъ называемыхъ государственныхъ экзаменовъ, для сдачи которыхъ студенты въ извѣстное время заучиваютъ на память литографированныя и печатныя лекціи профессоровъ и платныхъ приватъ—доцентовъ, читанныя имъ нерѣдко даже въ ихъ отсутствіе?!...»[1]).

2) Составляющая противоположность университетской школѣ, какъ высшей школѣ наукъ, *народная* школа въ нѣкоторыхъ государствахъ западной Европы не лучше, чѣмъ у насъ, а въ иныхъ пожалуй даже хуже. „Во Франціи наприм. народная школа есть просто административное учрежденіе безъ Бога, безъ надлежащей связи съ высшими интересами человѣческой жизни и внѣ авторитета народныхъ преданій; это—органъ, вывихнутый изъ своего мѣста въ организмѣ учебнаго дѣла. Въ Германіи она, слишкомъ отягченная разными элементами раціоналистическаго свойства, изнемогаетъ подъ непосильною для нея тяжестію, и если ее еще не съѣлъ, да вѣроятно и не съѣстъ раціонализмъ, то это только потому что нѣмцы умѣютъ быть раціональными и въ отношеніи къ самому раціонализму. Между тѣмъ, для правильнаго ученія какъ во всякой, такъ и въ народной школѣ необходимо, чтобы какая нибудь сфера мыслей, какая нибудь область понятій была взята за центръ мыслей учащихся, чтобы такимъ об. всѣ прочія понятія, сообщаемыя

[1]) Въ этомъ сочиненіи авторъ краток въ вопросѣ объ университетскомъ ученіи, конечно, потому что этому вопросу ранѣе посвящено было имъ особое извѣстное уже намъ сочиненіе.

чрезъ ученіе, всѣ мысли, слагающіяся въ учащихся, были въ томъ или другомъ отношеніи дополненіемъ и расширеніемъ центральнаго умственнаго ихъ содержанія. Основная сфера мыслей, соотвѣтствующая нуждамъ народнаго образованія, безъ сомнѣнія, есть сфера мыслей религіознаго характера. Всѣ другія мысли, соотвѣтствующія разнымъ потребностямъ жизни, слагаются въ народномъ сознаніи не какъ проблемы ума и сердца, а какъ практическія правила, которыми пользуются безъ всякихъ разсужденій. Къ нимъ непосредственно привязать образованіе народное, по смыслу задачи духовнаго усовершенствованія чрезъ него народа, нельзя; всѣ они случайны, мѣстны, преходящи, и потому центромъ ученія быть не могутъ. Но сфера религіозныхъ мыслей есть въ народномъ сознаніи та постоянная, при всѣхъ условіяхъ жизни народа, сфера, которую нужно только пошевелить извнѣ т. е. чрезъ ученіе, чтобы направить умъ и весь духъ учащихся прямо на задачу образованія, т. е. на духовное усовершенствованіе. Но, чтобы религіозное познаніе, подъ давленіемъ разныхъ житейскихъ заботъ, не оставалось у учащихся только на языкѣ, съ религіознымъ ученіемъ должны быть тѣсно и непрерывно связываемы религіозныя упражненія какъ практическія, состоящія въ занятіяхъ относящихся къ церковному культу вообще и къ мѣстнымъ религіознымъ традиціямъ и обычаямъ, такъ и теоретическія, состоящія въ чтеніи и размышленіи. Къ религіозному ученію должно примыкать все прочее образовательное ученіе въ народной школѣ, или какъ познанія, которыя непосредственно дополняли бы для народа религіозное образованіе, съ какою тенденціей и должны быть преподаваемы ему свѣдѣнія изъ отечественной исторіи, народной поэзіи, мѣстной природы, явленій звѣзднаго неба и проч., или какъ умѣнья, которыя и непосредственно образуютъ умъ формально, и въ тоже время служатъ средствомъ укрѣпленія и расширенія всѣхъ знаній и примѣнимы вообще къ потребностямъ жизни, какъ то—чтеніе, письмо, счетъ и т. п. Только при означенномъ условіи все ученіе въ народной школѣ не будетъ мертвымъ книжнымъ ученіемъ, которое забывается, оставляя въ головахъ учащихся только отрывочныя и смутныя представленія, а будетъ полнотою того живого человѣческаго образованія, которое состоя въ стремленіи человѣческаго духа согласить разнородные элементы жизни съ ея высшею цѣлію, исторически существуетъ прежде всякой книги и всякой школы и

которому, какъ вѣчной энергіи духа, сами книги и школы обязаны своимъ существованіемъ. Недугъ нашей народной школы, какъ органа учебнаго дѣла, состоитъ не въ томъ, что она находится въ административномъ управленіи разныхъ вѣдомствъ, а въ томъ принципіальномъ раздвоеніи ея на двѣ школы—свѣтскую и духовную въ самомъ сознаніи какъ этихъ вѣдомствъ, такъ и общества, слѣдствіемъ котораго явилась и доселѣ длится эта совершенно нечестивая, съ точки зрѣнія самого дѣла, борьба за народную школу между вѣдомствами и въ самомъ обществѣ. Такое положеніе дѣла будетъ продолжаться дотолѣ, пока не сознаютъ, что задача народной школы, во всѣхъ возможныхъ видахъ и положеніяхъ самой школы, должна быть одна—личное духовное усовершенствованіе народа, которое состоитъ не «въ подготовкѣ мужика къ напору новизны», а въ развитіи его мыслей и чувствъ въ согласіи съ идеями гуманизма, истинный смыслъ котораго заключается въ христіанскомъ воззрѣніи на человѣка. Это есть внутреннее основаніе, чтобы каждая такъ называемая свѣтская школа, по существу дѣла, была церковною не въ томъ только смыслѣ, что въ программу ея долженъ входить законъ Божій, какъ существенный предметъ ученія, а въ томъ, что все ученіе въ ней должно быть полемъ развѣтвленія религіознаго ученія. А кромѣ того само собою понятно, что для надлежащей постановки ученія въ народной школѣ нужны хорошо подготовленные къ своему дѣлу учителя. Такихъ учителей скорѣе всего могутъ давать наши духовныя семинаріи, которыя, не смотря на частую ломку ихъ учебнаго дѣла, доселѣ однако несомнѣнно хранятъ въ себѣ дидактическія преданія прежняго лучшаго времени. Во всякомъ случаѣ нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что эти учебныя заведенія еще и теперь даютъ учащимся основательное религіозное образованіе, при томъ, что особенно важно, образованіе не только умственное, или созерцательное, но и практическое, или активное. Требуется только, въ отношеніи къ доставляемому ими научному образованію, укрѣпить ихъ въ болѣе здоровыхъ дидактическихъ преданіяхъ прежняго времени, противъ заѣдающихъ теперь все наше учебное дѣло идей реалистической педагогики, и мы, несомнѣнно, можемъ имѣть въ нихъ наилучшіе разсадники какъ учителей, такъ особенно руководителей нашей народной школы».

3) Разныхъ видовъ *средняя школа свѣтскаго образованія* въ

Пруссіи, по смыслу недавняго узаконенія, есть такая школа, которая должна доставлять образованіе высшее сравнительно съ народною даже многоклассною школою, но все-же образованіе не ученое и кромѣ того преслѣдовать общія цѣли образованія, а не спеціальныя или прикладныя. Поставленная такимъ об., по своимъ учебнымъ задачамъ, выше задачъ народной школы и вмѣстѣ съ тѣмъ въ сторонѣ отъ учености высшей школы, средняя школа, во всѣхъ ея разнообразныхъ видахъ, призвана удовлетворять возрастающей въ обществѣ потребности образованія, примѣнительно къ нуждамъ его культурной жизни. Она есть производительница того свѣтскаго образованія, которое, въ отличіе отъ подлинно-ученаго, состоитъ въ усвоеніи учащимися нѣкоторыхъ правильныхъ научныхъ понятій о вещахъ и явленіяхъ—понятій какъ вообще пригодныхъ къ культурной жизни, такъ частію и примѣнимыхъ къ тому, или другому дѣлу. Средняя школа свѣтскаго образованія отличается отъ школы ученой въ 1-хъ тѣмъ, что въ ней ученіе есть главнымъ об. передача знаній, подлежащихъ воспріятію и усвоенію учащихся, между тѣмъ какъ въ ученой учащіеся сами должны постепенно вырабатывать свои познанія, а во 2-хъ тѣмъ, что ученіе въ ней обыкновенно характеризуется энциклопедичностію, наклонностію къ полиматіи и вмѣстѣ съ тѣмъ подвижностію своего состава, между тѣмъ какъ ученымъ образованіе можетъ быть только сосредоточенное и въ главныхъ основахъ своихъ устойчивое и, такъ сказать, консервативное. Популяризація наукъ чрезъ школы свѣтскаго образованія лишь дотолѣ не портитъ системы учебнаго дѣла, пока эти школы ограничиваются интересомъ только нѣкотораго посильнаго для учащихся ознакомленія ихъ съ научными предметами, и не простираютъ своей претензіи быть разсадниками истинно-ученаго образованія, потому что въ такомъ разѣ онѣ являются только очагами гибельнаго полуобразованія. Къ категоріи такого рода среднихъ школъ у насъ могутъ быть отнесены женскіе институты, женскія гимназіи, общіе классы тѣхъ заведеній, въ которыхъ есть еще и отдѣльные отъ нихъ спеціальные (военныя училища) и реальныя училища. Особеннаго вниманія заслуживаютъ лишь реальныя училища въ томъ отношеніи, что они не только въ Германіи, но и у насъ обнаруживаютъ тенденцію если не вытѣснить собою школу, приготовляющую къ высшему университетскому ученію, т. е. гимназію, то по крайней мѣрѣ всячески съ нею

конкуррировать по этой ея роли. Въ Пруссіи, кромѣ реальныхъ училищъ, есть и реальныя гимназіи т. е. училища съ латинскимъ языкомъ (по прежнему плану 54 урока. а по новому съ 1892 года 43). Но тамъ реальное училище даже этого латинскаго типа считается пока лишь нѣкоторымъ подобіемъ научной школы. и абитуріенты его допущены въ университетъ только на факультеты математическій, естественный и новыхъ языковъ. Лишь съ 1892 года получили доступъ къ соотвѣтствующему университетскому образованію и нѣкоторымъ соединеннымъ съ нимъ правамъ и абитуріенты Oberrealschulen, при чемъ (въ объяснительной запискѣ къ новымъ учебнымъ планамъ) министерство предоставило опыту рѣшить, кому принадлежитъ будущее, просто-ли реальной школѣ, или реальной гимназіи. Совсѣмъ иная перспектива на весь строй учебнаго дѣла и на его будущее открывается съ точки зрѣнія на прошедшее и настоящее нашихъ такъ называемыхъ реальныхъ училищъ, которыя ничего общаго не имѣютъ не только съ прусскими реальными гимназіями, но и съ высшими девятиклассными тамошними реальными училищами. Хотя они составлены вообще изъ тѣхъ же элементовъ учебнаго образованія, какіе исторически вошли въ составъ реальной школы въ Пруссіи, но элементы эти скомпонованы у насъ въ такомъ сокращенномъ составѣ, который казался, но далеко не былъ достаточнымъ «для общаго образованія, приспособленнаго къ практическимъ потребностямъ и къ пріобрѣтенію техническихъ познаній»; дать такое общее образованіе учащимся въ Пруссіи считалось возможнымъ лишь въ 9 лѣтъ, а у насъ для этого казалось довольно 7, а то и 6 лѣтъ. Наше тогдашнее учебное правительство, стоявшее несомнѣнно на высотѣ своей государственной задачи охранять идеальные интересы образованія, энергично насаждало въ гимназіяхъ соотвѣтствующіе этимъ интересамъ учебные элементы, противъ легкомысленнаго отношенія къ нимъ значительной части нашего общества, но въ тоже время оно само слишкомъ не идеально относилось къ образованію, которое должны доставлять реальныя училища. Въ борьбѣ съ своими противниками, оно упустило изъ виду, что и реальная школа существенно должна служить также идеальнымъ интересамъ образованія. При томъ боевомъ порядкѣ, въ которомъ ведено было тогда устройство нашихъ гимназій, на реальныя училища смотрѣли не какъ на самостоятельные органы учебнаго дѣла, которые своимъ учеб-

нымъ дѣйствіемъ дидактически соотвѣтствовали бы потребностямъ дѣйствительнаго образованія, а какъ на учебныя заведенія, которыя существованіемъ своимъ охраняли бы гимназіи отъ превращенія ихъ изъ классическихъ въ реальныя. Согласно съ этимъ, предположеніе нѣкоторыхъ ввести преподаваніе латинскаго языка въ реальныхъ училищахъ, хотя бы только для желающихъ, и открыть таковымъ доступъ къ прохожденію нѣкоторыхъ факультетскихъ курсовъ въ университетѣ было отвергнуто тогда учебнымъ правительствомъ какъ на основаніи того соображенія, что латинскій языкъ есть будтобы совершенно лишній предметъ для реальныхъ училищъ, такъ и въ виду того, что при этомъ порядкѣ правительству впослѣдствіи «затруднительно было бы отказывать домогательствамъ не только о допущеніи учениковъ реальныхъ училищъ къ поступленію на факультетъ юридическій, но даже и о превращеніи гимназій въ реальныя училища». Чтобы усилить за реальными училищами значеніе школъ практическаго образованія, въ нихъ не только было установлено раздѣленіе высшихъ классовъ на отдѣленія, но предположено было учреждать реальныя училища въ составѣ пяти, четырехъ, трехъ и даже двухъ классовъ. Ясно, что объ идеальныхъ интересахъ чрезъ реальныя училища думали вообще мало. По этому поводу нельзя не замѣтить, что хотя при организаціи у насъ реальныхъ училищъ много было сношеній всякаго рода съ Европой и въ частности съ Пруссіей, но всѣ они не привели тогда къ предусмотрѣнію теперишняго положенія прусской реальной школы въ системѣ всего учебнаго дѣла. И вотъ, между тѣмъ какъ въ Пруссіи реальная школа и съ латинскимъ и безъ латинскаго языка поставлена теперь въ учебной системѣ, вообще говоря такъ, что не только удовлетворяетъ потребности общества въ нѣкоторомъ свѣтскомъ образованіи, но въ будущемъ несомнѣнно опредѣлится и въ отношеніи къ гимназіи въ наилучшемъ порядкѣ для всего учебнаго дѣла, наше реальное училище доселѣ не имѣетъ надлежащаго органическаго положенія въ системѣ нашего учебнаго дѣла, и едвали и теперь еще не существуетъ только для охраны гимназіи отъ превращенія изъ quasi классической въ реальную; само по себѣ реальное училище, повидимому, никого не удовлетворяетъ ни внѣшнимъ соціально-правовымъ своимъ положеніемъ въ системѣ прочихъ учебныхъ заведеній, ни внутреннимъ дидактическимъ строемъ своего ученія. Суля учащимся какія-то

практическія поприща, реальное училище наше годилось и теперь, должно быть, годится только для тѣхъ, кому почему-либо нѣтъ мѣста въ гимназіи, или для тѣхъ, кто надѣется, что вотъ вотъ изъ нашихъ реальныхъ училищъ будетъ открытъ ущащимся доступъ въ университетъ. Но, при теперишнемъ въ нихъ дидактическомъ хаосѣ, объ этомъ и думать нечего; а кто сталъ-бы теперь думать объ этомъ, тотъ засвидѣтельствовалъ-бы только о своемъ невѣжествѣ по учебнымъ дѣламъ. Учебные планы нашихъ реальныхъ училищъ—это чисто механическое нагроможденіе одного на другой атомистическихъ элементовъ всякаго рода знаній, работа совсѣмъ не научная, не прошедшая въ своихъ частяхъ чрезъ ясное дидактическое сознаніе и вовсе не освѣщенная идеею образованія. Ученіе по этимъ планамъ, доставляя нѣкоторыя отрывочныя знанія, или полузнанія, по крайнему нашему разумѣнію, можетъ производить только полуобразованіе, которое, избави Богъ, въ лицѣ еще нашихъ реалистовъ вводить въ среду университетовъ. По этому пункту относительно нашихъ реальныхъ училищъ нельзя разсуждать, какъ разсуждаютъ теперь въ Германіи, что будущее должно точнѣе опредѣлить отношеніе реальной школы къ университету. Напротивъ, не только для удовлетворенія, насколько это теперь дидактически возможно, желанія нашего общества, чтобы ученики реальныхъ училищъ были допускаемы въ университеты, но прежде всего непосредственно для того, чтобы уберечь наше реальное ученіе отъ недуга полуобразованія, и такимъ об. въ интересѣ всего нашего учебнаго дѣла слѣдуетъ желать, чтобы теперишнія наши реальныя училища были передѣланы и чтобы такъ называемое реальное образованіе имѣло въ учебной нашей системѣ надлежащій органъ, функціонирующій въ ней въ правильномъ дидактическомъ порядкѣ дѣйствительное образованіе учащихся, а не мнимое.

4) Исторически школа, называемая гимназіей, была въ западной Европѣ очень часто даже матерію университета т. е. развиваясь и разростаясь, сама превращалась въ университетъ, но уже всегда первоначально была такою возлюбленною дщерію университета, которую онъ блюлъ какъ зѣницу ока и на которой сосредоточивалъ всѣ свои заботы и попеченія, сознавая болѣе или менѣе ясно, что отъ нея самое существованіе его зависитъ. Это потому что какъ университетское ученіе не возможно безъ предшествующаго ему нѣкотораго подготовительнаго ученія, такъ и

это послѣднее отдѣльно отъ него, или внѣ его не имѣетъ никакого смысла, а оба вмѣстѣ составляютъ въ организмѣ учебнаго дѣла такое сочлененіе, въ которомъ каждый членъ живетъ и дѣйствуетъ согласно и взаимно съ другимъ. Поэтому, гимназіи, въ силу ея органическаго положенія въ учебной системѣ, ставится совершенно справедливо задача и обязанность доставлять учащимся такое умственное, вообще духовно-нравственное образованіе, по силѣ котораго они были бы расположены и способны къ самостоятельнымъ научнымъ занятіямъ въ университетѣ. На выполненіи этой своей существенной обязанности гимназія и сосредоточивала все свое вниманіе вплоть до нарожденія въ XVIII вѣкѣ такъ называемаго новогуманизма, потребовавшаго отъ гимназіи развивать въ учащихся все истинно-человѣческое, проще говоря, давать имъ общее образованіе. Вслѣдствіе этого дѣло гимназіи, все болѣе и болѣе расплываясь въ безконечной сферѣ общаго образованія, должно было терять компасъ и регуляторъ какъ въ выборѣ учебнаго матеріала, такъ и въ способѣ его цѣлесообразной обработки. Въ гимназію стала вторгаться все болѣе и болѣе энциклопедическая полиматія изъ разныхъ модерныхъ элементовъ (новые языки, новая литература, исторія и т. д.), чрезъ которую она старалась конкуррировать съ прочими школами въ доставленіи ученикамъ своимъ общаго образованія и отъ которой слабѣла въ своей существенной функціи органа такого ученаго образованія, которое бы подготовляло къ университетскому ученію. Съ другой стороны, съ тѣхъ поръ какъ забывъ о главной задачѣ гимназіи, стали руководиться въ ея устройствѣ соображеніями объ общемъ образованіи, съ нею вступили въ конкурренцію разныя другія учебныя заведенія, и не безъ основанія опираясь на успѣхъ свой въ этой конкурренціи, стали претендовать и на приготовленіе учениковъ своихъ къ университету, чѣмъ опять заставляли гимназію чрезъ мѣру усиливать въ себѣ полиматическій элементъ. И современная гимназія, въ самомъ дѣлѣ въ ущербъ своему прямому дѣлу, втянута въ конкурренцію чуть не со всѣми такъ называемыми у насъ средними учебными заведеніями—съ женскими институтами, съ кадетскими корпусами и т. д. Сравниваютъ наприм. успѣхи гимназистовъ въ новыхъ языкахъ съ успѣхами въ нихъ учениковъ тѣхъ учебныхъ заведеній, въ коихъ они культивируются всего болѣе, и смотря на нихъ съ извѣстной точки зрѣнія, какъ на существенный элементъ общаго образо-

ванія, требуютъ, чтобъ гимназія культивировала этотъ предметъ такъ же, какъ культивируютъ его эти заведенія. Нерѣдко требуютъ онъ нея этого даже въ ущербъ учебнаго времени на занятія древними языками, даже просто на мѣсто древнихъ языковъ, какъ это сдѣлано кое гдѣ даже въ Германіи въ устроенной, пока лишь въ видѣ опыта, такъ называемой einheitliche Gymnasium. Конечно, это пока еще крайность, но вообще при господствѣ мнѣнія, что гимназія должна доставлять учащимся общее образованіе, ничего другого не можетъ и быть, какъ съ одной стороны конкурренція съ нею въ этомъ отношеніи другихъ учебныхъ заведеній, а съ другой банкротство гимназіи въ ея собственномъ дѣлѣ. Если общее образованіе, въ которомъ съ успѣхомъ конкуррируютъ съ гимназіею разныя другія учебныя заведенія, достигается каждымъ изъ нихъ своими средствами безъ древнихъ языковъ, то можно только удивляться, что эти послѣдніе доселѣ еще не выброшены вовсе изъ гимназической программы. Но уже и теперь не только въ обществѣ, но и въ средѣ самого учебнаго міра они считаются довольно излишними. Такое положеніе дѣла будетъ продолжаться дотолѣ, пока не возъимѣетъ силу то истинное мнѣніе, что по смыслу историческаго развитія всего организма учебнаго дѣла, гимназія имѣетъ въ немъ мѣсто собственно какъ школа, приготовляющая своихъ учениковъ къ академическому ученію въ университетѣ. А пока будутъ держаться того мнѣнія, что гимназія призвана прежде всего давать ученикамъ своимъ общее образованіе, дотолѣ будутъ не усовершенствовать ея положеніе въ учебной системѣ соотвѣтственно условіямъ даннаго времени, а, какъ доселѣ, только производить надъ нею разнообразные эксперименты, въ ущербъ и ей самой и всему учебному дѣлу. Такимъ то об. соединеніе въ гимназіи двухъ различныхъ функцій, преслѣдованіе ею двухъ различныхъ цѣлей, изъ коихъ одна достигается чрезъ однородный строго—концентрированный учебный курсъ, а другая, можно сказать, никогда не достигается, а ведетъ только къ расширенію курса, есть тотъ первый конституціонный недугъ гимназіи, на который прежде всего должно быть обращено самое серьезное вниманіе.

Обнаруживается этотъ недугъ главнымъ образомъ въ двухъ явленіяхъ, прежде всего въ томъ, что гимназическое ученіе все болѣе чувствуется теперь и чуть не всѣми трактуется съ одной стороны какъ не посильное для большинства учащихся, а съ другой какъ излишнее и

ненужное. Отсюда вопросъ о гимназической реформѣ, давно уже занимающій умы какъ частныхъ лицъ, такъ и правительственныхъ. Вопросъ не снятъ съ очереди и до настоящаго дня, не смотря на то, что недавно гимназическая реформа произведена почти одновременно (1890—1891 г.) въ трехъ государствахъ—во Франціи, Пруссіи и у насъ въ Россіи. Сравненіе этихъ реформъ хотя и указываетъ на большое различіе тамъ и здѣсь учебнаго дѣла, какъ въ его внутреннемъ составѣ, такъ и въ соціальномъ положеніи, но въ тоже время убѣждаетъ и въ томъ, что всѣ эти реформы направлены существеннымъ об. на указанный выше признакъ, или симптомъ современнаго недуга гимназіи—на обременительность ея ученія. Но, не говоря о томъ, что мѣры и средства, придуманныя теперь противъ обременительности гимназическаго ученія, сами по себѣ не всегда цѣлесообразны, а нѣкоторыя даже прямо гибельны для дѣла гимназіи, общій существенный недостатокъ послѣднихъ реформъ гимназическаго ученія состоитъ именно въ томъ, что онѣ направлены не на самый недугъ, а на его явленіе. Обременительность гимназическаго ученія есть собственно только симптоматическое явленіе того конституціоннаго недуга, которымъ страдаетъ теперь это учебное заведеніе, какъ живой органъ учебнаго дѣла. Потому лѣчить современную гимназію должно такими средствами, которыя-бы дѣйствовали на всю ея конституцію, возстановляя силы этого органа, по связи его функцій съ функціями другихъ органовъ; тогда указанный симптомъ исчезнетъ самъ собою т. е. не будетъ чувствоваться въ ней самой и не будетъ отражаться на функціяхъ другихъ органовъ учебнаго дѣла. Другое проявленіе недуга выступаетъ со всею рельефностію уже не въ самой гимназіи, а тамъ, гдѣ она должна давать свои плоды—въ университетѣ. Жалобы университетовъ на неподготовленность ихъ слушателей все увеличиваются. Дѣло дошло до того, что университетскіе преподаватели готовы чураться услугъ гимназіи въ приготовленіи для нихъ слушателей даже въ той области знанія, которая принадлежитъ ей исторически—въ классической филологіи. Профессоръ геттингенскаго университета Виламовичъ-Молендорфъ въ рѣчи своей (Philologie und Schulreform 1892) говоритъ между прочимъ, что абитуріенты гимназіи, «читавшіе какъ будто съ пониманіемъ и Тацита и Софокла, оказываются на дѣлѣ не понимающими даже легкаго греческаго или латинскаго писателя, такъ что отъ теперин-

наго гимназическаго приготовленія къ университетскому занятію классической филологіей безъ всякаго сожалѣнія можно отказаться». Конечно, это мнѣніе отдѣльнаго лица и даже, можно сказать, исключительное, но не выражаетъ ли оно въ тоже время нѣкотораго общаго порядка, въ которомъ дѣйствительно находится современная гимназія въ отношеніи къ своей органической функціи въ учебномъ дѣлѣ? «Голова теперишняго абитуріента, говоритъ Трейчке, подобно карманному энциклопедическому словарю, должна заключать въ себѣ выдержки изъ всего того, что достойно знанія, и вотъ, вмѣсто здороваго идеально настроеннаго юношества, мы воспитываемъ читателей газетъ и газетныхъ писателей. Естественнымъ слѣдствіемъ такой извращенной методы ученія является притупленіе въ студентахъ стремленія къ познаніямъ и даже порча самого характера молодыхъ людей. Послѣднее состоитъ въ томъ, что считая себя свѣдущими кое что во всѣхъ наукахъ, они очень легко впадаютъ въ страсть порицанія,—почти каждый изъ нихъ боится теперь прослыть за глупца, если не будетъ говорить свысока обо всемъ. Изъ прежней школы классическаго ученія вышло поколѣніе поэтовъ и философовъ, разносторонности ума которыхъ мы удивляемся и доселѣ, а пресловутая многосторонность новѣйшей гимназіи готовитъ только все новыя жертвы спеціализму нашихъ университетовъ». Въ самомъ дѣлѣ, между тѣмъ какъ современная гимназія болѣе и болѣе заботится о какомъ то общемъ образованіи учениковъ, годномъ на всякую потребу и развивающемъ *всѣ силы ихъ души и тѣла*, университетское ученіе все болѣе и болѣе распадается на спеціальности. «Здѣсь, говоритъ Вилльманъ, господствуетъ тотъ принципъ фабрики, что каждый можетъ дѣлать только одно что нибудь, а въ гимназіи принципъ политехники. Теперишнее гимназическое ученіе, по составу своему, есть какой—то компромиссъ гуманизма, реализма и романтики; оно тянетъ въ сторону знаній, а не умѣній, а жизнь дѣловая вообще и университетское дѣло въ частности требуетъ отъ студентовъ, какъ подготовки, интенсивнаго развитія умѣній. Отсюда этотъ безхарактерный эклектизмъ головъ современной молодежи, этотъ разладъ между тѣмъ, что они дѣлаютъ, и тѣмъ, чему ихъ учатъ. Отсюда и эта чуть не ненависть къ гимназіи, которую едва скрываютъ гимназисты и которой большею частію не скрываютъ студенты. Однимъ словомъ, разстройство гимназіи, какъ органа учебнаго дѣла, большое; требуется лѣче-

ніе и лѣченіе радикальное». Что этотъ недугъ нашихъ русскихъ гимназій проявляется въ обоихъ этихъ отношеніяхъ, особенно въ послѣднемъ, симптомами еще менѣе симпатичными, еще болѣе внушительными и грозными,—объ этомъ и говорить излишне...

Кромѣ этого конституціоннаго недуга, общаго всѣмъ гимназіямъ новаго времени, учебное дѣло въ нашихъ русскихъ гимназіяхъ не могло не страдать еще и отъ двухъ хроническихъ недуговъ, изъ коихъ первымъ слѣдуетъ считать нарушеніе соціально-педагогическаго, или національнаго принципа ученія. Ученіе вообще служитъ средствомъ перенесенія даннаго умственнаго содержанія изъ одного сознанія въ другое, при чемъ это содержаніе какъ съ одной стороны распространяется, такъ съ другой само необходимо развивается. Но, если такимъ об. ассимиляція посредствомъ ученія молодого поколѣнія старшему есть процессъ прогрессивнаго обновленія человѣческой жизни по ея духовному содержанію, то она возможна непосредственно только при условіи нѣкотораго единства сознаній учащихъ и учащихся. Это единство, несомнѣнно, есть національное единство. Языкъ народа, его религіозныя воззрѣнія и самыя формы религіозной практики, равно какъ преданія и обычаи—все это самыя значительныя условія для безсознательной и сознательной ассимиляціи юношества. Можно даже утверждать, что юношество, какъ выразился Вилльманъ, есть собственность народа: семья знаетъ *дѣтей*, разные общественные круги говорятъ *о молодомъ поколѣніи*, а юношество именуется по пароду—русское, нѣмецкое и т. д Съ соціальной точки зрѣнія на педагогическую задачу школы, дѣло школьнаго образованія есть прежде всего историческое дѣло жизни народовъ, какъ соціальныхъ организмовъ, или тѣлъ—имя, которымъ еще ап. Павелъ называлъ человѣческія общества (кориѳ. 1, 12). Поэтому, ясно, что постановка и утвержденіе учебнаго дѣла, въ согласіи съ соціально—педагогическимъ принципомъ, возможны только въ національной школѣ т. е. такой, гдѣ элементы дѣйствующіе принадлежатъ одной національности, а не суть сборные изъ разныхъ. «Этотъ принципъ, по словамъ Виллымана, одного изъ самыхъ глубокомысленныхъ истолкователей соціальнаго принципа педагогики, требуетъ, чтобъ школа дѣйствовала какъ органъ одного опредѣленнаго соціальнаго тѣла т. е. народа, который, въ силу географическихъ, историческихъ и другихъ условій, получилъ эту именно, а не

другую какую нибудь формацію, а изъ этого непосредственно слѣдуетъ еще другое требованіе, чтобы къ веденію дѣла школы были привлекаемы силы самого народа. Каждый народъ долженъ уважать и цѣнить свои школы, какъ *свои* кровныя школы (seine Schulen als seine Schulen), а это возможно только въ томъ случаѣ, если онъ самъ въ нихъ дѣйствуетъ; соціальное тѣло растетъ и крѣпнетъ въ своихъ органахъ, если оно питаетъ ихъ своими собственными силами». Это значитъ, что учителя въ школѣ должны быть сонаціональны учащимся во всемъ, прежде всего по языку, а потомъ и по вѣрѣ и по всѣмъ коренным національнымъ свойствамъ. На ихъ обязанности лежитъ прежде всего не только передавать ученикамъ то, чего они еще не имѣютъ, но и сохранять и развивать въ нихъ то, что они уже имѣютъ, какъ молодое поколѣнье своего народа, который не даромъ же жилъ до нихъ и говорилъ. Они должны знать, что безъ охраны въ ученикахъ этого, по наслѣдству перешедшаго къ нимъ интеллектуальнаго и моральнаго достоянія предковъ, т. е. родного языка, ученики не удержатъ въ себѣ передаваемыхъ имъ знаній, какъ *свои* знанія, или удержатъ ихъ только какъ безполезный балластъ своихъ головъ, а не какъ матеріалъ своего умственнаго и нравственнаго совершенствованія. Всю важность этого требованія, конечно, могутъ сознавать и иностранцы, учительствующіе въ нашей школѣ, но какъ они могутъ его выполнить, владѣя русскимъ языкомъ лишь кое какъ посредствомъ скороспѣлой выучки? А кромѣ того, воспитанные съ дѣтства въ другихъ бытовыхъ понятіяхъ, въ иныхъ нравахъ и обычаяхъ, на другихъ пѣсняхъ и сказкахъ, чужіе русскому юношеству люди,—они не могутъ быть достаточно чутки къ тѣмъ впечатлѣніямъ, какія желательно, чтобъ оно переживало въ тотъ или другой моментъ своего ученія. Ихъ сердце не можетъ быть настроено такъ, чтобы при данномъ содержаніи ученія оно отзывалось чувствомъ соотвѣтствующаго національнаго блага, при грамматическомъ наприм. содержаніи—чувствомъ русскаго языка, при чтеніи о подвигахъ легендарныхъ и историческихъ героевъ древняго міра и вообще иноземныхъ—чувствомъ довольства, что есть такіе же легендарные и историческіе герои и въ русскомъ народѣ и т. п. Будь это такъ,—тѣже самыя нравственныя настроенія, тѣже самыя отношенія къ ученію возбуждались бы и въ ученикахъ, такъ какъ въ классѣ всегда дѣйствуетъ какая-то тайная сила притяженія психическихъ элементовъ,

если они однородны. Ибо классъ есть также „дворъ овчій", подобный тому, о которомъ говорится въ евангельской притчѣ (Іоан. X. 1—5): овцы этого двора *слышатъ гласъ своего пастыря и по немъ идутъ, яко вѣдятъ гласъ его, по чуждемъ же не идутъ, яко не знаютъ чуждаго гласа*. Это значитъ, что сила притяженія отсутствуетъ въ классѣ при элементахъ разнородныхъ, и тогда самое ученіе вовсе не есть средство ассимиляціи молодого поколѣнія взрослому. Наконецъ, однимъ изъ основныхъ принциповъ современной педагогики требуется такое единство или объединеніе учебнаго дѣйствія въ школѣ, при которомъ она, какъ единый организмъ, живя во всѣхъ частяхъ своихъ одною жизнію, проникнута была бы одною идеею, однимъ духомъ и смысломъ. Объединеніе дифференціальныхъ функцій учебныхъ силъ въ школѣ достигается чрезъ интегрированіе ихъ. Средствомъ интеграціи служитъ сама организація школы—то монархическое, такъ сказать, ея устройство, которое, по сравненію школы со всѣми другими соціальными тѣлами, принадлежитъ ей по преимуществу. Ректоръ, или директоръ школы долженъ быть органомъ, собирающимъ и руководящимъ всѣ дѣйствующія здѣсь различныя силы къ искомому единству. Но это возможно, слѣдовательно и самое интегрированіе дифференціальностей достижимо вообще при томъ условіи, если всѣ учебныя силы школы сами внутренно суть одного духовнаго склада. Высшій интегралъ всѣхъ дифференціальныхъ функцій школы есть одинъ духъ учебнаго въ ней дѣла: одинъ родной языкъ, одни народныя преданія, одна вѣра предковъ, одно національное дыханіе, если можно такъ выразиться,—вотъ необходимыя условія для интегрированія естественныхъ различій между дѣйствующими въ школѣ учебными силами; только при этомъ условіи всѣ виды и формы ученія могутъ быть лучами единаго образованія, просвѣщающаго сознаніе однимъ свѣтомъ истины. Но понятно, что объединенное относительно дѣла сознаніе учителей тогда только можетъ быть дѣйствительнымъ средствомъ для объединенія ученія по цѣли его, т. е. для объединенія его въ сознаніи учащихся, если учители и ученики суть вмѣстѣ сыны одного народа, а иначе—если наприм. ученики русскіе, а учителя нѣмцы или французы, то и при объединеніи ученія въ средствахъ школы, не будетъ объединенія его въ цѣли, потому что у учащихся тогда будетъ вообще очень мало ассимиляціи съ учащими. Итакъ, одинъ духъ т. е. одно національ-

ное міровоззрѣніе всѣхъ элементовъ школы есть какъ высшій интегралъ дифференціальныхъ функцій учительской дѣятельности, такъ и условіе объединенія ученія въ сознаніи учениковъ. Безъ этого никакой директоръ, никакая власть, никакая централизація учебнаго дѣла не создасть въ школѣ единства ученія. Тогда можетъ царить въ школѣ только давящій дѣло шаблонизмъ, мертвящая его униформа, и директоръ школы будетъ тогда въ ней не живымъ органомъ объединенія ученія, а, если угодно ему,—только метранпажемъ учителей. Но тогда и учителя, конечно, подъ руководствомъ своего метранпажа, будутъ такъ-же равнодушны къ тому. что дѣлается въ сознаніи учениковъ чрезъ ихъ преподаваніе, какъ наборщики равнодушны къ тому, что дѣлается чрезъ ихъ наборную работу»[1]).

---

[1]) Всѣ эти мысли и положенія такъ прекрасны и основательны, что безъ всякихъ возраженій, кажется, могутъ быть приняты во вниманіе всѣми имѣющими болѣе или менѣе широкое и сильное вліяніе на устройство школы въ своемъ отечествѣ; онѣ должны имѣть руководящее значеніе во всякомъ настоящемъ для будущаго. Но намъ кажется, что авторъ и защитникъ ихъ, стоящій на высотѣ покойнаго, безстрастнаго философскаго умозрѣнія, напрасно далъ имъ, такъ сказать, обратное дѣйствіе, примѣнилъ ихъ къ недавнему прошедшему нашей русской школы, именно къ тому моменту въ ея исторіи, когда вызваны были, ради скорѣйшаго осуществленія реформы 1871 года, для учительства въ нашихъ гимназіяхъ иностранцы, почти исключительно славяне. Къ сожалѣнію, даже нашъ авторъ—философъ не удержался отъ суда надъ этими бѣдными славянами, хотя этотъ судъ его—очень осторожный, всячески мотивированный не имѣетъ ничего общаго съ верхоглядными судомъ газетныхъ и журнальныхъ писакъ, которые иногда не брезгали самыми густыми и грязными красками въ изображеніи этихъ къ намъ пришельцовъ. Что гораздо лучше было бы, если бы названная реформа осуществилась чрезъ учительскій персоналъ единокровный съ ученическимъ т. е. чрезъ чисто-русскій, это безспорно; но вся суть въ томъ, что такого персонала въ то время не было, и ждать его пришлось бы очень долго. При такихъ обстоятельствахъ, вызовъ учителей со стороны, былъ единственнымъ выходомъ изъ затрудненія, и если наше учебное правительство рѣшило вызвать не кого либо другого, а именно славянъ,

Нельзя не отмѣтить еще одного недуга нашей русской школы вооб-

---

то это была мысль счастливая, удачная, хотя вполнѣ естественная, и если на этотъ зовъ нашъ уроженцы славянскихъ земель отозвались съ такою полною сердечностію, что покинувъ родину, даже перемѣнивъ вѣроисповѣданіе, иные даже съ семействами явились къ намъ на учительское дѣло, то за это, по всей справедливости, слѣдуетъ имъ отъ насъ и отъ нашего потомства интеллигентнаго только самая полная и глубокая благодарность, и ничего болѣе. Лишь въ первое время могло затруднять ихъ и нѣсколько вредить успѣху ученія незнаніе всѣхъ идіомовъ русскаго языка и всѣхъ тонкостей построенія русской рѣчи; но всѣ эти трудности они скоро преодолѣли настолько, что если все-таки отличались отъ чисто-русскихъ въ говорѣ, то это только неправильною въ иныхъ случаяхъ интонацiей, да не русскимъ выговоромъ одной или двухъ согласныхъ. Но зато у нихъ не было недостатка ни въ энергіи и усердіи къ дѣлу, ни въ нужныхъ научныхъ познаніяхъ, ни въ правильной дидактической постановкѣ преподаванія. Можно сказать даже болѣе: сами пройдя гораздо лучшую, чѣмъ у насъ, среднюю и высшую (лейпцигскую семинарію) школу, они и учителями были хорошими, нерѣдко даже образцовыми, какъ это приходилось часто слышать и отъ директоровъ ихъ, безъ пристрастія судящихъ, и отъ коллегъ ихъ русскихъ учителей, и даже отъ такихъ учениковъ, которые отчасти уже во время гимназическаго ученія, особенно же по окончаніи его способны толково обсудить и рѣшить, кому изъ учителей сколько и чѣмъ обязаны въ дѣлѣ своего образованія. Если же ихъ учительство въ нашей школѣ не имѣло такой успѣшности и плодотворности, какая была бы желательна, то въ этомъ тоже не они виноваты; это объясняется отчасти не вполнѣ доброкачественною у насъ учебною средою т. е. составомъ классовъ изъ элементовъ не вполнѣ годныхъ къ ученію, а отчасти явнымъ нерасположеніемъ, почти ненавистію нашего общества къ реформированной гимназіи вообще и къ классицизму въ особенности. Это недоброе чувство ропота, конечно, не оставалось цѣликомъ за оградою школы, но значительною долею вторгалось и въ нее, направляясь главнымъ об. на классическое ученіе и тормозя его, а еще прямѣе на учителей классиковъ, особенно же—славянъ, ставя ихъ въ такое нелегкое положеніе, справляться съ которымъ они могли только подъ условіемъ большой педагогической опытности и серьезной нравственной

ще и гимназической въ особенности. Недугъ этотъ есть монотонность,

---

выдержки; и они всетаки съ этимъ труднымъ положеніемъ справлялись. А всяческіе укоры, насмѣшки, которыми наша пресса такъ щедро ихъ угощала, развѣ легко было сносить? И они сносили, терпѣли, дѣло свое спокойно и толково дѣлали, его не бросали, отъ насъ не бѣжали. Въ послѣднее время стали появляться часто въ печати вышедшіе изъ подъ пера плохо учившихся и ничему путному не научившихся гимназистовъ пасквили, имѣющіе цѣлію выставить на посмѣщище и директоровъ и учителей гимназіи, особенно, разумѣется, чеховъ, но почти не попадающіе въ эту цѣль: себя-то самихъ и свое товарищество эти борзописцы рисуютъ чертами, дѣйствительно возбудающими сожалѣніе, если не отвращеніе, а въ каррикатурѣ на учителей чеховъ почти нѣтъ такихъ чертъ, которыми бы могъ побрезгать всякій хорошій учитель, такъ какъ въ ней есть и знаніе дѣла, и неизмѣнная аккуратность въ его веденіи, и настойчивая требовательность, и рѣдкій педагогическій тактъ, и удивительно покойная, не возмущаемая даже всяческими продѣлками школярей выдержка. Чего же лучше? Развѣ лучше тѣ учителя, у которыхъ какого либо, или даже ни одного изъ этихъ качествъ не оказывается? Что это могло случиться съ однимъ—другимъ изъ учителей славянъ, это можно допустить, но развѣ такіе исключительные случаи даютъ право на поголовное порицаніе всѣхъ?—Вѣдь, чрезъ нашу лейпцигскую семинарію проскользали какимъ-то об. въ нашу русскую школу и не—славяне, и въ числѣ этихъ совсѣмъ ужъ незванныхъ гостей попадались такіе, которыхъ судьба обошла всѣми нужными для педагогической роли способностями и особенностями, и все таки приставила къ учебному дѣлу, по роковому ли недоразумѣнію, или нарочито ради злой шутки надъ ними и испытанія школы путемъ тяжкаго наказанія. И вотъ мечется такой злосчастный педагогъ въ школѣ словно бѣлка въ колесѣ, не подвигаясь ни шагу впередъ, и выходитъ тутъ у него не дѣло, не наука, а только мука, для школьниковъ же, за отсутствіемъ серьезно ведомаго трудоваго дѣла,—только легкая, веселящая забава—чуть не ежедневная потѣшная комедія, иногда столь оживленная, что даже бездушные предметы принимаютъ въ ней участіе—камни поднимаются на воздухъ и летаютъ, доска, скамьи, какбы музыкою Орфея одушевленныя, двигаются, точно пляшутъ, полупудовыя гимнастическія гири катаются, прыгаютъ и т. п. Къ сожалѣнію, комедія эта прерывается изрѣдка интермедіями совсѣмъ

безжизненность, шаблонность ученія, происходящая отъ слабаго участія въ устройствѣ учебнаго дѣла и наблюденія надъ нимъ лицъ найболѣе въ немъ компетентныхъ т. е. ученѣйшихъ и опытнѣйшихъ педагоговъ и отъ замѣны такого участія обязательными для всѣхъ служащихъ учебному дѣлу дискретными указаніями, идущими отвнѣ. У насъ была лишь одна попытка избѣгнуть этого недуга путемъ относительно—самостоятельнаго устройства учебнаго дѣла въ московскомъ лицеѣ Цесаревича Николая. Основатели этого учебнаго заведенія, поставляя на видъ, что оно есть заведеніе не казенное и не частное, а общественное и значитъ отвѣтственное предъ обществомъ (которое, понятно, можетъ быть факторомъ учебнаго дѣла не иначе, какъ чрезъ учащихъ), вполнѣ справедливо выговаривали себѣ и преемникамъ своимъ право „путемъ живого опыта развивать самостоятельно педагогическое и учебное дѣло и вырабатывать на практикѣ, *безъ предварительной регламентаціи*, безъ стѣсненія предварительно установленной программой, его основанія, пріемы и способы“. При тѣхъ личныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ находились они къ представителямъ учебнаго управленія, въ то горячее время, когда

иного тона—минорнаго, скорбнаго вслѣдствіе того, что одна изъ сторонъ участвующихъ въ комедіи, естественно попадаетъ въ трагикомическое положеніе трусливаго бѣгства и укрывательства отъ всякаго рода поруганій, издѣвательствъ, а другая—даже въ трагическое положеніе, создаваемое участникамъ постигающими ихъ всяческими наказаніями, включая сюда и изгнаніе изъ школы; тогда, конечно, вмѣсто потѣхи,—рыданіе, жалость и горе и вопль многъ. Однако-же наша пресса пока не обобщаетъ и даже не осуждаетъ такого рода фактовъ, конечно, изъ опасенія, что въ противномъ случаѣ очень нужный, по ея мнѣнію, въ новой школѣ элементъ разнообразія, забавы можетъ нѣсколько поубавиться; она не щадила и не щадитъ только учителей славянъ тоже, вѣроятно, главнымъ образомъ за то, что въ ихъ рукахъ ученіе было и, по мѣрѣ возможности, и нынѣ еще остается дѣломъ серьезнымъ, требующимъ и отъ нихъ и отъ учащихся вниманія, умственнаго усилія, труда. Быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ, для новой школы такъ и лучше—мѣшать дѣло съ бездѣльемъ и жить съ весельемъ, только бы это веселье не прерывалось ни трагическими, ни даже трагикомическими интермедіями.

вопросъ объ *истинномъ* образованіи такъ глубоко занималъ умы, слѣдовало не ставить одиноко одно учебное заведеніе „въ срединѣ между казенными и частными“ въ надеждѣ, что оно спасетъ все наше учебное дѣло, а настроить само учебное правленіе такъ, чтобы оно, какъ факторъ и регуляторъ учебнаго дѣла, управляя имъ въ своемъ правовомъ порядкѣ, не механизировало его внутренней жизни, а оставило-бы живыми и свободно развивающимися тѣ его явленія, которыя должны быть въ учебномъ дѣлѣ продуцируемы самимъ обществомъ чрезъ учителя. Нельзя не пожалѣть, что благопріятными условіями для урегулированія отношеній государства и общества въ сферѣ учебнаго нашего дѣла не воспользовались, и благопріятное для сего время упущено. Если-бы, вмѣсто одиноко стоящаго въ Москвѣ заведенія, безъ внутренней связи и взаимодѣйствія съ другими, мы имѣли теперь самостоятельное въ своемъ дѣлѣ учебное сословіе, состоящее изъ учительскихъ элементовъ разныхъ категорій, которые находились-бы между собою въ живомъ умственномъ, собственно дидактическомъ взаимодѣйствіи, то и казенныя наши учебныя заведенія имѣли-бы жизнь въ самихъ себѣ, и все учебное наше дѣло развивалось-бы самостоятельно, не подвергаясь колебаніямъ, которыя зависятъ отъ разныхъ случайностей и которыя дѣйствительно такъ много повредили ему у насъ. Впрочемъ, и то не подлежитъ сомнѣнію, что съ тѣхъ поръ, какъ государственная власть въ Европѣ взяла въ свои руки учебное дѣло (съ 18-го вѣка), относясь къ нему сперва главнымъ об. съ политико-экономической точки зрѣнія, она впослѣдствіи все болѣе и болѣе расширяла образовательную работу самого общества, и захвативъ въ это дѣло разнообразные интересы, создала много такихъ образовательныхъ учрежденій, которыхъ не могло вызвать къ жизни само общество, но, что всего важнѣе, нерѣдко становилась на защиту самаго существеннаго въ учебномъ дѣлѣ—идеальныхъ элементовъ образованія. Найвысшее значеніе государства, какъ фактора и регулятора образованія, выразилось въ это-же время въ томъ, что оно именно мощною своею рукою охранило въ школѣ классическія студіи отъ разгрома, которому онѣ тогда уже стали подвержены со стороны общества, Въ охранѣ этихъ благъ образованія, по словамъ Виллымана, заключается заслуга государства еще большая, чѣмъ даже въ тѣхъ новыхъ направленіяхъ, которыя оно въ это же время дало образованію въ сферѣ технической и

хозяйственной. Такую-же значительную услугу дѣлу образованія желала оказать государственная власть и у насъ въ Россіи, когда четверть вѣка назадъ она отстаивала, въ составѣ нашего гимназическаго ученія, идеальные его элементы также противъ отрицательнаго отношенія къ нимъ тогдашняго общества. И теперь, когда еще болѣе, быть можетъ, чѣмъ въ то время настроеніе нашего современнаго общества, особенно въ нѣкоторой части его таково, что всѣ задачи образованія оно готово свести къ однимъ матеріальнымъ интересамъ, когда образованіе народа отождествляется многими съ его производительностію, когда, вмѣсто греческихъ и латинскихъ писателей, многіе предпочли-бы видѣть въ рукахъ нашихъ гимназистовъ ремесленныя или сельско-хозяйственныя орудія,— государственная власть обязана предъ задачею и исторіею образованія охранить и твердо поставить въ школахъ соотвѣтствующіе каждой изъ нихъ идеальные элементы образованія, не поступаясь ими въ угоду курскихъ, или смоленскихъ хозяевъ, или цѣлыхъ земствъ. Въ этомъ заслуга государства, въ этомъ и задача его въ дѣлѣ образованія. Всѣ другія услуги его этому дѣлу, отъ большихъ денежныхъ пожертвованій на ученыя предпріятія до дарового обученія простого народа, не сберегутъ для общества образованія—этотъ принадлежащій ему вѣками скопленный капиталъ. Если государство своимъ участіемъ въ дѣлѣ образованія не будетъ поднимать абсолютную цѣнность этого капитала, заключающагося въ идеальныхъ его элементахъ, то капиталъ этотъ очень легко можетъ растрачиваться въ обществѣ по мелочамъ, а государство въ свою очередь будетъ лишено возможности, чрезъ управляемое имъ учебное дѣло, имѣть въ наукѣ и образованіи органъ своей силы, потому что тогда дѣло это можетъ имѣть въ государствѣ только случайное для него значеніе, а не органическое. Идеальные элементы образованія суть тѣ imponderabilia учебнаго дѣла, безъ которыхъ, какъ выяснилъ Бисмаркъ въ рѣчи своей предъ 800 нѣмецкихъ учителей (8 Апрѣля 1895 г.), благополучіе государства во всѣхъ отправленіяхъ его жизни не возможно. Такимъ об. для самого государства прежде всего крайне опасно умалять въ своемъ учебномъ дѣлѣ идеальные элементы образованія".

Но, хотя современное государство требуя, чтобъ образованіе служило ему органомъ его силы, дѣйствительно захватило его въ составъ своихъ интересовъ, однако,—не какъ вѣчную энергію человѣческаго духа, а

только какъ сумму знаній и умѣній и цѣлый рядъ сложившихся въ силу ихъ разнообразныхъ взаимныхъ отношеній людей между собою; дѣло же образованія само по себѣ какъ прежде, такъ и въ наше время слагается въ обществѣ независимо отъ государства силами человѣческаго духа, дѣйствующими непосредственно изъ своихъ собственныхъ побужденій, и государство регулируя дѣло образованія, самихъ силъ его производящихъ не производитъ; оно имѣетъ ихъ въ себѣ уже дѣйствующими прежде, чѣмъ само начинаетъ дѣйствовать въ сферѣ образованія. А это значитъ, что силы эти и подъ контролемъ государства не могутъ и не должны отрекаться ни отъ права инициативы, ни отъ права развиваться и дѣйствовать сообразно съ присущими ихъ природѣ тенденціями, съ своими собственными принципами, идеями. Опираясь на это естественное право, недавно наприм., по поводу послѣдней прусской реформы гимназій, говорилъ, обращаясь къ государству отъ лица всѣхъ учителей, не молодой какой нибудь учитель, или приватъ-доцентъ новичекъ въ веденіи учебнаго дѣла, а маститый педагогъ и ветеранъ педагогической науки, къ тому же самъ государственный дѣятель учебнаго дѣла—знаменитый Шрадеръ „оставьте насъ дѣло дѣлать, мы обѣщаемъ дѣйствовать лойяльно, и тѣ причудливыя выдумки, которыя вихремъ носятся теперь вокругъ нашего учебнаго дѣла, исчезнутъ подобно радужнымъ мыльнымъ пузырямъ, оставьте насъ дѣло дѣлать внутри непреложныхъ его границъ, и позвольте намъ въ предѣлахъ нашихъ скромныхъ требованій идти своими путями; иначе къ чему богатый опытъ учительскихъ коллегій, директоровъ, шульратовъ, если они должны заниматься исключительно только выполненіемъ общихъ предписаній, и не смѣютъ при этомъ самостоятельно изыскивать новые пути, новыя средства и условія"? И въ Пруссіи подобнаго рода заявленія не игнорируются; напротивъ, само министерство тамъ открыто признаетъ, что въ мнѣніяхъ учителей и директоровъ оно имѣетъ въ высшей степени важное и содержательное руководство для своихъ мѣропріятій и надѣется, что только чрезъ содѣйствіе понимающаго дѣло учителя оно въ состояніи будетъ довести начатую гимназическую реформу до надлежащаго конца. «Я отлично знаю, сказалъ недавно въ палатѣ господъ совѣтникъ министерства, чѣмъ я, (т. е. министерство) обязанъ возбужденіямъ по учебному дѣлу, исходящимъ какъ отъ директорскихъ конференцій, такъ и отъ учительскихъ

собраній». Поэтому, имѣя въ виду съ одной стороны энергію учебныхъ силъ въ Пруссіи, а съ другой благоразуміе ревнителей государственной педагогики, слѣдуетъ твердо надѣяться, что прусская гимназія, послѣ ослабленія въ ней реформою тѣхъ историческихъ факторовъ, которыми она была создана, путемъ новой реформы скоро опять будетъ выведена на свои историческіе рельсы. Отъ этого пути, несомнѣнно, далеко отстоитъ теперь наше учебное дѣло. Не столько, можетъ быть, мало развита въ нашемъ обществѣ потребность знаній и образованія ради ихъ самихъ, внѣ какихъ либо практическихъ отъ нихъ выгодъ, сколько мало все учебное дѣло ведется у насъ какъ дѣло общества. У насъ, вѣдь, не только нѣтъ сословія учителей, какъ нѣкоторой соціальной группы, но и отдѣльные разряды учителей народныхъ, учителей реальныхъ училищъ и другихъ подобныхъ такъ называемыхъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній и учителей гимназическихъ представляютъ собою каждый такую разнохарактерную компанію, не спѣвшуюся ни въ направленіи знаній, ни въ пониманіи задачъ своего дѣла, что каждому естественно въ пору думать только о себѣ... При этомъ условіи управлять учебными заведеніями, быть можетъ, и легче, но само учебное дѣло въ нихъ несомнѣнно вянетъ и нерѣдко приводитъ къ результатамъ въ отношеніи къ образованію учащихся такимъ, какъ если бы учебныя заведенія содержались государствомъ вовсе не для просвѣщенія молодого поколѣнія. Конечно, учебное дѣло есть и должно быть politicum, и дѣятельность всѣхъ служащихъ по учебному вѣдомству есть и должна быть государственною службою; но служба службѣ рознь... Для успѣха учебнаго дѣла недостаточно, если дѣятели его объединяются въ государствѣ только служебно; нужно, чтобы между ними самими было постоянное взаимодѣйствіе, чтобы въ обществѣ, какъ соціальномъ тѣлѣ, они группировались какъ одинъ его самостоятельный органъ, исполняющій въ разныхъ видахъ задачи народнаго образованія, какъ одну функцію этого тѣла».

XVI. Присылая, въ числѣ другихъ бывшихъ сослуживцевъ по Нѣжину, и мнѣ эту книгу, констатирующую составъ и устанавливающую діагнозъ главнѣйшихъ недуговъ нашего учебнаго дѣла, Н. Е-чъ писалъ, что у него начато нѣсколько работъ по разнымъ педагогическимъ вопросамъ, но что прежде всего ему предстоитъ обработать для печати требуемую въ генетическомъ порядкѣ статью, указывающую средства и

способы лѣченія указанныхъ недуговъ. Онъ и обработалъ ее и изготовилъ, но увидѣть ее напечатанною уже не суждено было ему[1]). Слѣдуетъ думать, что пиша ту и другую книгу, онъ не только не отчаявался въ судьбѣ болѣе всего интересовавшей его русской гимназіи, но и питалъ надежды увидѣть въ ней скоро нѣкоторыя найболѣе нужныя и наименѣе трудныя исправленія и улучшенія. Но прислушиваясь внимательнѣе къ людскому говору въ разныхъ слояхъ общества, вглядываясь ближе въ складъ и характеръ событій, онъ не могъ не замѣтить, что вмѣсто лучшаго надвигается цѣлая туча гораздо худшаго, что близится крушеніе всѣхъ его педагогическихъ теорій, замысловъ, надеждъ, что вотъ—вотъ пройдетъ буря и разразится страшная гроза прежде всего именно надъ самой важной и существенной въ порядкѣ учебнаго дѣла гимназической школой. Потокъ «общаго смысла» сталъ принимать столь бурное и грозное теченіе, что уже и старое закаленное въ борьбѣ съ нимъ министерство стало уступать его напору пядь за пядью, шагъ за шагомъ. Когда же въ новое министерство, сдѣлавшее сразу цѣлый рядъ въ его пользу уступокъ для облегченія, точнѣе, для ослабленія въ гимназіи классическаго ученія, въ созванной многосоставной комиссіи даже нѣкоторые изъ лицъ новаго времени, получившихъ классическое образованіе, да еще москвичи, или учительствующіе въ Москвѣ, или учащіе въ той самой университетской школѣ, которая тридцать лѣтъ тому назадъ взяла на себя энергическій починъ введенія въ русскую школу серьезно—классическаго образованія, высказались прямо одни за сокращеніе, другіе за полное устраненіе въ средней школѣ классицизма, тогда стало для всякаго ясно, что предъ силою этого потока не устоятъ сами основы гимназической школы, что онъ подмоетъ, сорветъ и унесетъ самые глубокіе

[1]) По письму почтенной супруги покойнаго, рукопись этой книги не напечатана по причинѣ какихъ-то цензурныхъ затрудненій. Къ сожалѣнію, мнѣ не прислана эта рукопись въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ рукописей покойнаго, и я не могу судить, насколько эти цензурныя затрудненія основательны. По словамъ того же письма, имѣется въ наличности, кромѣ этой, еще цѣлый ящикъ рукописей покойнаго. Между ними, слѣдуетъ думать, найдется не мало и чего нибудь цѣннаго; весьма желательно, чтобы разборъ этого ящика произведенъ былъ людьми знающими.

корни его. Это такъ потрясло убѣжденнѣйшаго, основательнѣйшаго и ревностнѣйшаго защитника гимназіи, какъ школы зиждущейся на классической основѣ, какъ живого организма съ центральною въ немъ функціею классическаго ученія, что даже его сильный, не знавшій доселѣ почти никакихъ болѣзней, организмъ не вынесъ столь сильнаго душевнаго потрясенія: Н. Е-ча поразилъ первый апоплексическій ударъ, впрочемъ настолько еще слабый, что оправившись послѣ него довольно скоро, онъ могъ еще хоть урывками не долго заниматься чтеніемъ книгъ по интересовавшимъ его вопросамъ, дѣлать разныя справки, короткія замѣтки и т. п. Доктора, лѣчившіе больного, сразу совѣтовали ему, бросивъ въ Россіи всѣ книги и тетради, отправиться за границу, тамъ отдаться основательному лѣченію, а затѣмъ пожить годъ, хоть полгода на полномъ покоѣ безъ всякихъ умственныхъ занятій, безъ заботъ и тревогъ о чемъ бы то ни было. Онъ какъ будто и готовъ былъ послѣдовать этому совѣту, но все медлилъ исполнить его, съ мѣсяца на мѣсяцъ, съ недѣли на недѣлю откладывалъ отъѣздъ изъ Россіи, какъ будто что то его удерживало, какъ будто онъ все еще чего-то ждалъ, на что-то надѣялся; не двигался же онъ съ мѣста, потому что не дошелъ еще до полнаго отчаянія въ судьбахъ русской школы, ждалъ и надѣялся на сносное по крайней мѣрѣ ея будущее тѣмъ болѣе, что новый министръ (первый у насъ въ Россіи прошедшій послѣдовательно всѣ учебныя и ученыя стадіи, ведущія къ этому высокому посту) оказался предъ напоромъ «общаго смысла» мужественнымъ и мудрымъ кунктаторомъ, соглашавшимся, что въ школѣ и школахъ должны быть сдѣланы всѣ возможныя поправки и улучшенія и даже на то, что должна быть произведена реформа гимназіи, но только не такая, которая равнялась бы потрясенію самыхъ основъ ея и похожа была бы на ломку и разрушеніе. Но вдругъ случилось невѣдомое и неслыханное въ лѣтописяхъ образованныхъ народовъ дикое, страшное событіе: просвѣщеннѣйшаго изъ нашихъ министровъ просвѣщенія, основательнѣйшаго знатока всего учебнаго дѣла, преданнаго всею душею интересамъ и пользамъ его, сдѣлавшаго цѣлый рядъ неотложныхъ улучшеній въ разныхъ типахъ школы, полнаго энергичными стремленіями и продуманными планами довести его до цвѣтущаго состоянія, во время исполненія служебныхъ обязанностей, на оффиціальномъ пріемѣ, поразила на смерть пуля пущенная злодѣемъ, убійцею, кѣмъ то

подученнымъ и подосланнымъ, поразила его за его мудрую осторожность, осмотрительность въ школьной реформѣ, да еще развѣ за то, что онъ имѣлъ мужество не потворствовать періодическимъ волненіямъ и забастовкамъ учащейся въ высшихъ школахъ молодежи, и склониться на разныя серьезныя мѣры противъ этого позорнаго для всѣхъ насъ явленія, тоже невиданнаго и не слыханнаго ни у одного изъ остальныхъ просвѣщенныхъ народовъ Европы. Такое событіе въ другой какой либо культурной странѣ, несомнѣнно, даже на «общій смыслъ» повліяло бы отрезвляющимъ и вразумляющихъ образомъ; у насъ же оно напротивъ окончательно затмило его и лишило его послѣдней капли смысла: онъ, повидимому, ни мало не возмутился этимъ ужаснымъ событіемъ, принялъ его за нѣчто обычное и естественное, если судить по тому, что наша газетная пресса, на счетъ его кормящаяся, ему служащая и угождающая, прошла мимо этого событія почти съ полнымъ гробовымъ молчаніемъ, какъ бы въ знакъ согласія и одобренія, и лишь трубила громогласно о томъ, что должно быть слѣдствіемъ того предъидущаго,—уже не объ ослабленіи или сокращеніи классицизма, а о полномъ его уничтоженіи, и о созданіи вмѣсто классической гимназіи, какъ школы серьезнаго ученія, какой то такой новой всеединой школы, въ которой ученіе пойдетъ безъ труда, безъ умственнаго напряженія и будетъ больше похоже на забаву и развлеченіе. Бурный потокъ «общаго смысла» такимъ об. все больше и больше мутился, ярился, и все увеличивался въ объемѣ, пока не принялъ видъ взбаламученнаго бушующаго моря, на которомъ вздымались все выше и катились все быстрѣе грозныя волны, и вотъ поднялся наконецъ чуть не до облаковъ нависшей тучи самый страшный девятый валъ, онъ захлеснулъ и погрузилъ въ глубину на самое дно всѣхъ тѣхъ немногихъ, которые имѣли смыслъ и мужество противостоять ему и бороться, а на гребнѣ своемъ вынесъ такихъ людей, которые, отдавшись стремительному движенію этого потока сверху внизъ, готовы были показать все свое усердіе, всю свою энергію, отвагу и рѣшительность, не останавливаясь ни предъ чѣмъ, не щадя никого и ничего, и на самомъ дѣлѣ все это показали—раздѣлались со школьнымъ дѣломъ такъ же быстро, смѣло и просто, какъ нѣкогда раздѣлался съ пресловутымъ гордіевымъ запутаннымъ узломъ македонскій герой. Свѣжо преданіе, а уже и нынѣ вѣрится ему съ трудомъ: учебное дѣло, сла-

гающееся не изъ одного, а изъ цѣлой тысячи узловъ и сплетеній такихъ же тонкихъ, деликатныхъ, мудрено запутанныхъ, концами скрытыхъ, изъ какихъ состоитъ самый высшій центръ нашей нервной системы—органъ нашего интеллекта, было будто бы распутано, разъяснено, разрѣшено съ головокружительною быстротою—всего въ четыре—пять засѣданій. Поистинѣ же оно какъ будто въ самомъ дѣлѣ было только разсѣчено во всѣхъ узлахъ своихъ однимъ взмахомъ остраго меча,—по одному взмаху пера, разрушено старое прочное зданіе классической школы, а взамѣнъ его почти мгновенно раскинута эфемерная палатка такой новой школы, образца для которой нѣтъ нигдѣ на всемъ протяженіи европейской исторіи. Между тѣмъ, кажется, немного требовалось рефлексіи чтобы уразумѣть, что даже въ то очень давнее время вся суть заключалась вовсе не въ удаломъ разсѣченіи гордіева узла и даже не въ рядѣ блистательныхъ побѣдъ, одержанныхъ македонскимъ войскомъ, такъ какъ это войско отъ южной нѣги скоро какъ бы растаяло въ массѣ восточныхъ народовъ, да и самъ предводитель его, первѣйшій во всемірной исторіи герой, какъ извѣстно, настолько сталъ рабомъ восточныхъ обычаевъ, восточной пышности, изнѣживающей роскоши и своей собственной чувственности, что уже въ цвѣтущемъ юношескомъ возрастѣ совсѣмъ разстроилъ свое здоровье и кончилъ жизнь, едва достигнувъ мужества. Нѣтъ, совсѣмъ не этимъ одержана была истинная побѣда еллиновъ надъ варварами востока, а тѣмъ, что на той самой гордіевой колесницѣ, при которой notabile erat jugum astrictum compluribus nodis in semetipsos implicatis et ita celantibus nexus, ut unde nexus inciperet quove se conderet nec ratione neve visu percipi posset, и на многихъ другихъ подобныхъ были привезены на востокъ произведенія Парменида, Эмпедокла, Гераклита, Платона, Аристотеля, Эсхила, Софокла, Эврипида, Аристофана, Геродота, Ѳукидида и проч. и проч. словомъ всѣ накопленныя сокровища еллинской мудрости и образованности, которыя заняли главное мѣсто въ такихъ библіотекахъ, какъ александрійская, пергамская и др., и дали возможность возникнуть и процвѣтать такимъ учрежденіямъ, которыя были очень похожи на европейскіе университеты, и въ которыхъ главнымъ предметомъ изученія были именно названныя произведенія. Слѣдуетъ думать, что только такимъ, а не инымъ путемъ вообще всегда и вездѣ достигается побѣда просвѣщенія и образованія надъ невѣжествомъ и вар-

варствомъ. Такъ по крайней мѣрѣ было во всѣхъ націяхъ западной Европы, почему же, спрашивается, у насъ должно быть иначе, почему это для нашей школы оказалось излишнимъ изученіе твореній еллинскаго и римскаго генія, и это послѣ того, какъ они стали уже намъ до нѣкоторой степени знакомы и близки? Однако, актъ проскрипціи ихъ совершился, и этого событія, со всѣми его печальными послѣдствіями, нельзя уже вычеркнуть изъ скорбной исторіи нашей школы. Прискорбнѣе всего, что оно вызвало почти по всей нашей матушкѣ Россіи громогласное ура, почти всеобщее рукоплесканіе т. е. буквально вакхическое ликованіе почти всѣхъ нашихъ, особенно найболѣе плохихъ, газетъ и журналовъ, по поводу совершившагося избавленія отъ угнетавшаго старую школу классицизма, а также чуть ли еще не отъ пріятной надежды, что новая школа, не имѣя этого слишкомъ тяжелаго балласта, чего добраго, поднимется на воздухъ и станетъ носиться наподобіе шара, ничего въ себѣ не содержащаго, кромѣ самыхъ легчайшихъ газовъ. Этотъ громъ побѣды «общаго смысла» надъ «идейнымъ разумомъ», должно полагать, привелъ въ трепетъ и уныніе всякаго, кому болѣе или менѣе близки интересы и вѣдомы начала учебнаго дѣла, а того, кто кажется, ни о чемъ больше и не помышлялъ, какъ только о возможно лучшемъ близкомъ къ идеалу устройствѣ русской школы, онъ не только потрясъ и поразилъ, но просто таки сразилъ: Н. Е-ча постигъ второй апоплексическій ударъ, который уложилъ его на долгое время въ постель, и отнялъ уже всякую возможность работать серьезно надъ чѣмъ нибудь своимъ мышленіемъ даже безъ книги, безъ пера съ черниломъ. Тогда ждать ему болѣе было уже нечего, надѣяться было не на что и онъ, какъ только сталъ на ноги и немного оправился, чтобъ не видѣть своими глазами фактически начавшагося разложенія и разрушенія гимназической школы, покинулъ Петербургъ, и сопровождаемый неотлучно своей супругой, направилъ путь свой на югъ, къ черному морю, въ Крымъ чрезъ Харьковъ. Тутъ, ради отдыха уставшаго отъ пути больного, сдѣлана была остановка на нѣсколько дней. На другой день послѣ пріѣзда, чтобъ подышать свѣжимъ воздухомъ, онъ, въ сопровожденіи супруги, въ покойномъ экипажѣ катался по знакомымъ улицамъ города, а чтобъ получить и духовное освѣженіе, велѣлъ везти себя къ той самой второй гимназіи, которою самъ десять слишкомъ лѣтъ управлялъ въ роли ея директора, и тутъ предъ ея фасадомъ медленно шагомъ

проѣхалъ то туда, то назадъ много—много разъ[1]): какова эта гимназія нынѣ, онъ не могъ, да едвали и хотѣлъ видѣть, ему желалось возстановить ее въ своей памяти въ томъ цѣлостномъ не искалѣченномъ видѣ, въ томъ лучшемъ обликѣ, въ какомъ онъ ее зналъ въ лучшее давно минувшее время, и какъ можно больше насладиться созерцаніемъ этого свѣтлаго образа. Лучше, конечно, было-бы если бы этотъ свѣтлый образъ былъ для него послѣднимъ видѣніемъ земной жизни; но ему на обратномъ пути пришлось увидѣть и мрачный образъ третьей гимназіи, въ которой духъ и смыслъ времени успѣлъ проявиться столь же рѣзкимъ варварскимъ образомъ, какъ и въ петербургской катастрофѣ, убійствомъ директора, причиненіемъ раны учителю рукою ученика, которая, быть можетъ, и дрогнула бы, если бы невозможность перевода въ высшій классъ, обозлившая его и вызвавшая покупку оружія, зависѣла отъ тупости и малоуспѣшности по какому нибудь другому предмету, а не по классицизму, всѣми осмѣянному и осужденному на погибель. Для изможденнаго болѣзнію организма всякое душевное волненіе гибельно: возвратившись къ вечеру домой въ гостинницу, больной почувствовалъ себя худо и пораженный въ третій разъ апоплексіею, послѣ полуночи, на рукахъ своей супруги, тихо скончался (27 Марта, 1902 года).

Вѣсть о его кончинѣ, быстро разнесшаяся по Харькову, собрала къ его гробу многихъ лицъ—прежде всего бывшихъ его учениковъ по харьковской гимназіи и по нашему институту, потомъ многихъ университетскихъ профессоровъ не только его прежнихъ знакомыхъ, но и такихъ, которые знали его только по его сочиненіямъ, наконецъ учительскую корпорацію и всѣхъ учениковъ второй гимназіи, въ церкви которой затѣмъ происходило торжественное отпѣваніе, сказано было нѣсколько надгробныхъ рѣчей, въ томъ числѣ наиболѣе теплая, характерная и правдивая рѣчь бывшаго ученикомъ покойника по гимназіи профессора Бузескула. Харьковская вторая гимназія такимъ об. была счастлива тѣмъ, что имѣла возможность воздать и воздала, какъ слѣдуетъ, послѣдній долгъ давнему своему директору, свидѣтелю и виновнику лучшихъ временъ своей исторіи.

[1]) Свѣдѣніе это заимствовано изъ упомянутой выше напечатанной рѣчи проф. Бузескула.

Къ великому сожалѣнію, нашъ институтъ, которымъ покойникъ управлялъ тоже десять слишкомъ лѣтъ, далеко остался въ этомъ позади харьковской гимназіи, хотя конечно не по своей винѣ. Когда А. П. Кадлубовскій, находящійся на службѣ въ Харьковѣ, бывшій ученикъ и по нѣжинской гимназіи и по институту, а потомъ долгое время сослуживецъ Н. Е-ча, далъ въ Нѣжинъ телеграммой знать о его кончинѣ, ему телеграммой же поручено было возложить надлежащій вѣнокъ на гробъ покойника отъ имени института и состоящей при немъ гимназіи, но Кадлубовскій, получившій эту телеграмму всего за часъ до отхода поѣзда, имѣвшаго увезти тѣло покойнаго на родину его въ Москву, не успѣлъ исполнить это порученіе. Кромѣ того, въ экстренномъ засѣданіи 29 Марта конференція института во 1-хъ почтила память второго его директора вставаніемъ, во 2-хъ постановила просить о. настоятеля церкви и законоучителя отслужить заупокойную литургію и панихиду по усопшемъ, въ 3-хъ просить телеграммой бывшаго давнѣе профессора института, а нынѣ профессора московскаго университета Р. Ѳ. Брандта выразить отъ имени института вдовѣ дѣйствит. ст. совѣтника Анастасіи Ивановнѣ Скворцовой чувства глубокаго сожалѣнія по случаю кончины ея супруга, каковое порученіе почтенный московскій профессоръ, конечно, охотно выполнилъ бы, но не выполнилъ вѣроятнѣе всего, по незнанію, гдѣ и какъ найти хорошо знакомую ему супругу своего давняго директора, и въ 4-хъ почтила меня порученіемъ составить для напечатанія въ «извѣстіяхъ института» некрологъ его.

Это порученіе я съ полной готовностію принялъ и выполнилъ по мѣрѣ силъ и умѣнья, но сознаю, какъ далеко въ этомъ своемъ длинномъ писаніи, такъ мало похожемъ на некрологъ, остался я позади лежавшей на мнѣ задачи. Требовался, конечно, некрологъ такой, который бы восполнилъ все прочее, не исполненное для воздаянія подобающей покойнику почести, и который бы выполнялъ какбы роль памятника на его могилѣ, цѣннаго по матеріалу и изящнаго по формѣ. А между тѣмъ что же вышло? Матеріалъ то употребленъ въ дѣло цѣнный, но весь набранъ по частямъ изъ произведеній покойника, и къ нему отъ себя мною почти ничего не прибавлено. Что дѣлать? Далеко мнѣ до Платона, который получивъ отъ своего учителя Сократа лишь сѣмена и зачатки нѣкоторыхъ дѣльныхъ мыслей, выростилъ изъ нихъ цѣлый цвѣтникъ

высокихъ идей, который могъ быть достойнѣйшимъ украшеніемъ могилы учителя: вложивъ въ уста Сократа всѣ свои самыя завѣтныя, самыя глубокія и возвышенныя мысли и убѣжденія, какъ благороднѣйшіе плоды его ученія, Платонъ въ своихъ діалогахъ, ведомыхъ главнымъ об. Сократомъ, воздвигъ своему учителю такой памятникъ, который простоялъ уже два слишкомъ тысячелѣтія и будетъ существовать, какъ лучшій чистѣйшій источникъ просвѣщенія человѣческаго ума, дотолѣ, пока какая либо катастрофа не смететъ съ лица земли всѣ культурные народы, оставивъ на ней начинать снова длинный путь цивилизаціи только однихъ дикарей. Я же ничего не нашелъ отъ себя присовокупить къ мыслямъ, идеямъ искренно чтимаго мною покойника тѣмъ болѣе, что какъ казалось мнѣ иногда, онъ стоя у меня за плечами, предостерегалъ „смотри, если не умѣешь сказать что либо лучше моего, то не мудрствуя лукаво пиши еже и якоже писахъ“. А форма, по крайней мѣрѣ форма—то сколько нибудь подходящая гдѣ же? Вѣдь, тутъ нѣтъ ничего похожаго на самый простой и плохой памятникъ, вѣдь это лишь рядъ набросанныхъ лопатой земляныхъ сугробовъ. Что же дѣлать, если авторъ не художникъ? Но, быть можетъ, эти сугробы будутъ когда нибудь согрѣты яркими лучами солнца, да напоены влагою небесной росы и благодатныхъ дождей; тогда они покроются зеленью и цвѣтами, и видъ тогда будетъ красивѣе, и цвѣты да травка, пожалуй, кѣмъ нибудь будутъ сорваны и употреблены на пользу...

Впрочемъ, даже это все вовсе не нужно самому почившему, такъ какъ только бренный прахъ его тѣла покоится въ могилѣ; самъ же онъ весь духомъ своимъ стоитъ уже надъ землею—предъ лицомъ самой истины вѣчной, чистой, неприкровенной, совершенной, стоитъ незазорно, безтрепетно, дерзновенно, надлежаще подготовленный къ чистому радостному созерцанію ея уже въ земной своей жизни, почти всю ее иждивъ на истинно-философское усиленное исканіе истины путемъ неустанной умственной работы и на энергичное отстаиваніе найденной истины съ постоянствомъ и мужествомъ близкимъ иногда къ самоотверженію. Вѣчная ему память!

НѢЖИНЪ. Г. М-ій.

20 Ноября 1902 года.

Б. Ф. Бурзи.

ОБЪ ИСТОЧНИКАХЪ АѲИНСКАГО ПРАВА.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ.

НѢЖИНЪ.
Типо-литогр. М. В. Глезера.
1902.

Печатано по постановленію конференціи Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко. Директоръ Института. Ф. Гельбке.

ОБЪ ИСТОЧНИКАХЪ АѲИНСКАГО ПРАВА.

Вступительная лекція.[1]

(прочитанная 1 сент. 1900 года).

Мм. Гг.

Къ тѣмъ задачамъ нашей филологической науки, которыя наступающее XX-ое столѣтіе получаетъ въ наслѣдство не рѣшенными и не выполненными отъ кончающагося XIX-аго, принадлежитъ между прочимъ и собраніе греческихъ законовъ: Corpus juris graeci. При значеніи этой работы и долговременности существованія нашей науки, въ которой, какъ кажется посторонним людямъ, каждое слово уже изслѣдовано и переизслѣдовано, такое явленіе можетъ показаться страннымъ. Но дѣло объяснится, если мы примемъ во вниманіе обстоятельства, мѣшающія подобному предпріятію, и даже дѣлающія его невозможнымъ.

Въ отличіе отъ Италіи Греція никогда не испытывала блага одной обширной, объединяющей всѣ области, имперіи. Какъ характеръ народа, такъ и сложившаяся иначе политическая исторія препятствовали такому объединенію. Между тѣмъ какъ римское право поражаетъ насъ своею систематичностью и прочностью, въ Греціи мы замѣчаемъ самыя различныя формы правленія, то демократическія, то олигархическія; въ предѣлахъ этихъ группъ каждая община ревниво оберегаетъ свою своеобразность. Поэтому слѣдовало-бы начать съ собранія

---

[1]) Рѣчь, произнесенная два года тому назадъ, печатается въ немного измѣненномъ видѣ. Нѣсколько сочиненій, появившихся послѣ произнесенія ея, заставили меня внести въ мою работу нѣкоторыя измѣненія.

аѳинскихъ, коринѳскихъ, милетскихъ и т. д. *мѣстныхъ* законовъ, а потомъ только можно-бы было приступить къ разработкѣ *общегреческаго* права. При этомъ мы всегда должны имѣть въ виду, что существованіе какого-нибудь закона въ одной общинѣ далеко не заставляетъ насъ предполагать существованіе его въ другой.

Но и собраніе этихъ мѣстныхъ законовъ, даже для наиболѣе извѣстной и выдающейся греческой общины, аѳинскаго государства, еще не исполнено, по крайней мѣрѣ не исполнено такъ, какъ слѣдуетъ. Правда, въ 60-хъ годахъ появился въ печати трудъ венгерскаго ученаго Télfy[2]) подъ заглавіемъ «Corpus juris attici»; но его работа не только не соотвѣтствуетъ современнымъ требованіямъ; она и въ свое время не могла быть признана удовлетворительной. Это доказываетъ уже бѣглый просмотръ книги. Телфи приводитъ рядъ цитатъ изъ самыхъ разнообразныхъ авторовъ, приводитъ ихъ какъ законы, между тѣмъ какъ они не имѣютъ никакихъ признаковъ, указывающихъ на такое ихъ значеніе. Распредѣленіе матеріала совершенно произвольно. Нигдѣ нѣтъ указанія, что законы въ Аѳинахъ распадались на общіе и частные, на νόμοι κοινοί и νόμοι ἴδιοι. Прямо невѣрно, что законы о должностныхъ лицахъ вошли въ число первыхъ, общихъ законовъ. Не доказано (я беру первый попадающійся подъ руку примѣръ), что забота Ареопага о наказаніи лѣнтяевъ[3]) опредѣлялась однимъ изъ законовъ о лѣни, если вообще существовалъ такой особый отдѣлъ въ аѳинскомъ corpus juris. Быть можетъ, на него было указано только при перечисленіи обязанностей Ареопага, т. е. между законами о должностныхъ лицахъ, περὶ ἀρχῶν.

Но хуже всего, то, что самыя мѣста древнихъ писателей списаны неточно, такъ что иной разъ получается смыслъ несоотвѣтствующій истинному. Въ доказательство приведу выписку, которую мы читаемъ въ сборникѣ Télfy подъ № 1561. Авторъ приводитъ цитату изъ первой рѣчи Лисія противъ Ѳеомнеста, пропуская безъ всякой причины и безъ обозначенія лакунъ цѣлое предложеніе, при чемъ пропускъ совершенно извращаетъ смыслъ[4]).

---

[2]) J. B. Télfy, corpus juris attici. Pest. et Lips. 1868.

[3]) Télfy, l. c. № 1192.

[4]) Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сопоставить подлинныя слова Лисія съ цитатою у Télfy. Изъ словъ Лисія (or. X § 6):

Подобное произвольное обращеніе съ подлинными текстами, въ работѣ, вся важность которой именно въ томъ и состоитъ, чтобы выписки были сдѣланы съ наибольшею тщательностью и точностью, не было позволительно и въ 60-хъ годахъ. Если уже при первомъ взглядѣ мы раскрываемъ неточности, то съ полнымъ основаніемъ можно предположить, что ихъ скрывается среди этихъ почти 2000 номеровъ гораздо больше. Всего осторожнѣе будетъ не обращаться за помощью къ сборнику Télfy. Эта книга скорѣе мѣшаетъ намъ, чѣмъ помогаетъ.

Прежде чѣмъ заняться собраніемъ сырато матеріала, мы должны знать основы и принципы греческаго законодательства, должны узнать, по какимъ категоріямъ распредѣлить законы, сводя ихъ въ одно цѣлое. А это не легкая работа и едва-ли, несмотря на многія уже выполненныя предварительныя работы, она подъ силу отдѣльному изслѣдователю.

Позвольте мнѣ, Мм. Гг., на нѣсколько времени обратить Ваше вниманіе на эту будущую задачу моей науки и познакомить Васъ въ общихъ чертахъ съ положеніемъ дѣла въ настоящее время и съ состояніемъ нашихъ свѣдѣній объ аѳинскомъ законодательствѣ вообще.

Наши источники аѳинскаго права можно раздѣлить на три группы, слѣдующія по своему значенію одна за другой въ такомъ порядкѣ.

1) Аѳинскіе законы, дошедшіе до насъ или въ подлинномъ видѣ на камняхъ и мраморныхъ доскахъ или въ видѣ вставокъ и прибавленій къ тѣмъ рѣчамъ аѳинскихъ ораторовъ, которыя прямо или косвенно, такъ или иначе, нуждаются въ подтвержденіи словами законовъ.

2) Самыя рѣчи аттическихъ ораторовъ. Они всегда опираются на законы и въ видѣ доказательствъ приводятъ ихъ и въ текстѣ. Очень часто, можетъ быть, нашъ современный взглядъ, незнакомый съ аѳинскими законами въ точности, безъ вниманія пробѣгаетъ мѣста, гдѣ древній

ἐρεῖ [sc. Θεόμνηστος].... ὡς οὐκ ἔστι τῶν ἀπορρήτων, ἐάν τις εἴπῃ τὸν πατέρα ἀπεκτονέναι. τὸν γὰρ νόμον οὐ ταῦτ' ἀπαγορεύειν, ἀλλ' ἀνδροφόνον οὐκ ἐᾶν λέγειν и (ib. § 12): καὶ αὐτὸς μὲν [sc. Θεόμνηστος] Θέωνι κακηγορίας ἐδικάσω εἰπόντι σε ἐρριφέναι τὴν ἀσπίδα. καίτοι περὶ μὲν τοῦ ῥῖψαι οὐδὲν ἐν τῷ νόμῳ εἴρηται, ἐὰν δέ τις εἴπῃ ἀποβεβληκέναι τὴν ἀσπίδα, πεντακοσίας δραχμὰς ὀφείλειν κελεύει Télfy составилъ слѣдующую фразу: Τῶν ἀπορρήτων ἐστίν, ἐάν τις εἴπῃ τὸν πατέρα ἀπεκτονέναι, καὶ ἐάν τις εἴπῃ ἀποβεβληκέναι τὴν ἀσπίδα, πεντακοσίας δραχμὰς ὀφείλειν.

читатель сейчасъ же чувствовалъ-бы намекъ на существующій законъ. Этотъ законъ, быть можетъ, упоминается только мимоходомъ и цитуется не въ подлинномъ, но въ искаженномъ видѣ, какъ это было сообразно съ намѣреніями оратора. Насколько видоизмѣненъ текстъ закона, очень трудно установить, если мы не имѣемъ подъ рукою оригинала, изъ котораго онъ заимствованъ.

3) Наконецъ мы встрѣчаемъ опредѣленія и объясненія разныхъ юридическихъ терминовъ въ позднихъ аттицистическихъ словаряхъ Гарпократіона, Полидевка, въ еще болѣе позднихъ сборникахъ Фотія и Свиды и въ анонимныхъ словаряхъ и схоліяхъ.

Изъ этихъ трехъ группъ конечно наибольшаго вниманія заслуживаетъ, по достовѣрности своей, первая, обнимающая всѣ законы, которые уцѣлѣли въ оригиналѣ. Но къ сожалѣнію такихъ законовъ, которые дошли въ томъ видѣ, какъ они были изданы, очень мало. Собственно говоря, мы имѣемъ только одинъ такой документъ, т. н. φονικὸς νόμος Драконта. Этотъ уголовный законъ Драконта спасся отъ всеобщей гибели только благодаря тому случайному обстоятельству, что аѳинское народное собраніе въ 409 г. приказало его снова переписать и вырѣзать на камень[5]).

Что касается другихъ документовъ той-же группы, т. н. ораторскихъ документовъ, то мы не знаемъ съ достовѣрностью, насколько неискаженными они дошли до насъ. Вѣдь они вопервыхъ подлежали тѣмъ-же судьбамъ, какъ и всѣ тексты нашихъ классиковъ: т. е. при переписываніи рукописей въ нихъ вкрались такія-же ошибки, какъ и во всѣ другіе тексты древности. Затѣмъ еще спрашивается, *когда* эти документы вставлены были въ текстъ оратора. Если вставка относится къ временамъ самого оратора, то они конечно выигрываютъ въ качествѣ историческаго документа. Если-же оказывается, что всѣ эти законы, свидѣтельства, договоры вставлены черезъ долгое время послѣ смерти оратора поздними грамматиками на основаніи не самихъ законовъ, но словъ данной рѣчи, то они конечно теряютъ всякое значеніе и представляютъ собою только результатъ измышленій какого-нибудь невѣдомаго, невѣже-

---

[5]) Michel. Recueil d'inscr. gr. № 78. Dittenberger. Sylloge inscr. gr. I² № 52.

ственнаго грамматика. Поэтому важно знать, какъ слѣдуетъ относиться къ такого рода документамъ.

Съ тѣхъ поръ какъ извѣстный ученый Дройзенъ неопровержимыми фактами доказалъ подложность документовъ, вставленныхъ въ знаменитую рѣчь Демосеена о вѣнкѣ, долгое время считали неподлежащимъ сомнѣнію, что всѣ вставки во всѣхъ рѣчахъ ораторовъ суть поддѣлки поздняго происхожденія. Но съ 60-хъ годовъ сталъ замѣчаться постепенный поворотъ во взглядахъ на значеніе этихъ памятниковъ. Поворотъ этотъ обусловленъ былъ эпиграфическими находками. Надписи подтверждали то, что говорили документы нашихъ ораторскихъ текстовъ. Въ рѣчи Андокида о мистеріяхъ напр. находятся списки т. н. гермокопидовъ т. е. граждан, обвиненныхъ въ низверженіи священныхъ статуй Гермеса; эти люди по разнымъ доносамъ подверглись изгнанію; ихъ имущества были конфискованы въ пользу казны. Были найдены камни, на которыхъ встрѣчались тѣ-же самыя имена, что и въ документахъ Андокида. Изъ этихъ надписей[6]) мы видимъ, что дѣйствительно въ 414 году съ публичнаго торга проданы были вещи, принадлежащія этимъ гермокопидамъ. Лучшаго доказательства подлинности списковъ Андокида нельзя и найти. Конечно, эта находка и подобныя другія вліяли на мнѣніе ученыхъ о другихъ ораторскихъ документахъ. Можно сказать, что въ настоящее время[7]) остановились на такомъ убѣжденіи: каждый ораторскій документъ считается дотолѣ подлиннымъ, пока не доказано противоположное; конечно съ той оговоркой, что нужно заранѣе тщательно обсудить, не противорѣчитъ-ли текстъ документа извѣстнымъ эпиграфическимъ даннымъ. А если даже замѣчаются нѣкоторыя противорѣчія, то и тѣмъ еще не доказана поддѣлка всего документа. Быть можетъ, самый текстъ все таки восходитъ къ подлиннымъ законамъ, и только часть его съ теченіемъ времени подверглась разнымъ искаженіямъ.

Еще осторожнѣе слѣдуетъ обращаться съ другою группою нашихъ источниковъ аеинскаго права, съ литературными произведеніями самихъ ораторовъ. Какъ ни важны они для ознакомленія съ существовавшимъ

---

[6]) Michel. Rec. d' inscr. gr. №№ 564—568.
[7]) E. Drerup. Jhbb. f. Phil. Suppl.-Bd. XXIV pg. 221 sq.

во время ораторовъ судебнымъ порядкомъ, съ дѣлопроизводствомъ процесса, съ административною жизнью грековъ, о точномъ текстѣ законовъ они рѣдко даютъ намъ ясное представленіе. Мы не знаемъ, сколько и что мы должны приписать произвольному толкованію автора рѣчи. Конечно онъ, какъ всякій адвокатъ нашихъ временъ, стремился истолковать смыслъ закона такъ, чтобы имѣть возможность примѣнить его къ данному вопросу; что часто вело къ извращенію первоначальнаго смысла закона. Примѣры подобнаго извращенія встрѣчаются не рѣдко, и еще теперь возможно прослѣдить софизмы, основанные на извѣстныхъ законахъ. Это побуждаетъ насъ осторожно и недовѣрчиво относиться къ такимъ словамъ ораторовъ. Мы отнюдь не имѣемъ права поступать такъ, какъ это сдѣлалъ въ указанномъ трудѣ Télfy, который приводитъ цѣликомъ безъ всякаго предварительнаго обсужденія всѣ слова ораторовъ, за которыми по его субъективному мнѣнію скрывается нѣчто въ родѣ закона.

Это недовѣріе къ словамъ ораторовъ вѣроятно и было причиною, почему до сихъ поръ мало обращали вниманія на эти источники аттическаго права и почему эта область еще принадлежитъ къ числу неразработанныхъ. При осторожномъ изслѣдованіи каждаго отдѣльнаго оратора и каждой отдѣльной рѣчи, при тщательномъ сличеніи того, что ораторъ хочетъ доказать съ тѣмъ, что законъ по словамъ оратора выражаетъ, мы однако и отсюда можемъ извлечь много интереснаго для будущаго Corpus juris attici.

Что касается наконецъ третьей группы нашихъ источниковъ, то здѣсь еще болѣе чувствуется недостатокъ въ предварительныхъ работахъ. Это явленіе стоитъ въ связи съ литературнымъ характеромъ этой группы. Сюда входятъ такіе писатели, которые уже не прямо черпаютъ изъ первоисточниковъ, изъ законовъ. Они пользуются своего рода передаточными станціями, напр. Аристотелемъ, Ѳеофрастомъ, Филохоромъ и др. Ихъ опредѣленія и объясненія иногда переходили отъ писателя къ писателю и подвергались разнымъ искаженіямъ, особенно сокращеніямъ. Лучше всего еще дѣло обстоитъ съ работами Гарпократіона и Полидевка, которые жили во II-омъ в. по Р. Хр. Эти, по крайней мѣрѣ, могли еще непосредственно черпать изъ первостепенныхъ источниковъ: Ἀθηναίων πολιτεία, Аристотеля, книги Ѳеофраста περὶ νόμων, συναγωγὴ ψηφισμάτων Кратера. Чѣмъ дальше мы отодвигаемся отъ древняго міра, тѣмъ хуже наше

положеніе. Гарпократіонъ и Полидевкъ еще могли пользоваться прямо Аристотелемъ, Θеофрастомъ, Кратеромъ, т. е. писателями, которые непосредственно обращались къ законамъ и помѣщали ихъ въ своихъ трудахъ. Но и эти грамматики уже иногда предпочитаютъ посредничество ученыхъ Александріи и Пергама: Дидима, Телефа, Цецилія и др.

А Свида и Фотій, жившіе въ IX-омъ в., анонимные словари XIII-аго в., схоліасты ораторовъ, Аристофана и Платона—тѣ никогда не восходятъ къ первоначальнымъ источникамъ, ихъ роль состояла въ дословномъ переписываніи своихъ предшественниковъ, которые сами уже успѣли сократить свои источники до неузнаваемости. Ихъ положительное или отрицательное значеніе зависитъ только отъ того, насколько слѣпо и добросовѣстно они слѣдуютъ своимъ оригиналамъ, насколько произвольно и небрежно обходятся съ ними. Эти глоссы постепенно настолько искажаются и сокращаются, что онѣ становятся совершенно непонятными. Глоссаторы совсѣмъ не понимали, что они объясняли, совершенно случайно они то выбрасываютъ одно слово, то вставляютъ другое; въ концѣ концовъ получается безсмыслица.

И всетаки они не лишены для насъ значенія, и это значеніе выяснилось особенно въ послѣднее время со дня открытія Ἀθηναίων πολιτεία Аристотеля. То обстоятельство, что между этими глоссами встрѣчаются безымянныя выписки,—довольно добросовѣстно сдѣланныя—изъ этого важнѣйшаго источника Аѳинскаго государственнаго строя, который въ этой части, какъ я это старался доказать въ своей магистерской работѣ[8]), восходитъ прямо къ законамъ—само по себѣ обнаруживаетъ ихъ значеніе. Разъ нашлись такіе драгоцѣнные отрывки, то мы можемъ надѣяться, что найдутся еще другіе такого-же значенія, которые до настоящаго времени скрываются подъ хламомъ византійской мудрости. И въ самомъ дѣлѣ, сличая эти позднія глоссы съ ораторскими документами, мы иногда находимъ удивительное сходство между словами закона у оратора и объясненіями позднихъ эпитоматоровъ. Я, конечно, не могу сегодня подробно остановиться на этомъ вопросѣ и привести точныя доказательства. Это было-бы дѣломъ особой научной статьи и выходило-бы изъ

---

[8]) B. Bursy, de Aristotelis Ἀθηναίων πολιτεία partis alterius fonte et auctoritate. Jurjewi (Dorp.), 1897.

рамокъ моей сегодняшней бесѣды. Во всякомъ случаѣ я нашелъ такія указанія[9]); мои наблюденія дѣлаютъ для меня несомнѣннымъ, что мы здѣсь имѣемъ передъ собою немаловажный источникъ для возстановленія будущаго corpus juris attici.

Если это такъ, если въ самомъ дѣлѣ можно, какъ сказалъ извѣстный филологъ Липсіусъ о Свидѣ, выразиться и обо всѣхъ этихъ словаряхъ, что они pecora, sed pecora aurei velleris, то пріобрѣтаетъ особое значеніе вопросъ о томъ, какимъ путемъ, черезъ чье посредничество эти перлы древнегреческой литературы перешли къ позднимъ писателямъ, или, лучше сказать, переписчикамъ.

Обыкновенно себѣ представляютъ дѣло такъ, что Александрія и Александрійскіе ученые, въ особенности Дидимъ Александрійскій, служили для позднихъ эксцерпторовъ посредниками древней учености. Послѣдній, современникъ Цицерона и приверженецъ школы Аристарха, извѣстнаго толкователя Гомера, за всю свою жизнь эксцерпировалъ и составилъ столько книгъ, что про него говорили, будто онъ часто забывалъ то, что онъ самъ когда-то утверждалъ; за его плодовитость ему дали прозвище χαλκέντερος, мѣдно-или желѣзно-утробный. Этотъ именно ученый, по общепринятому мнѣнію, главнымъ образомъ и передалъ потомству научный матеріалъ до-Александрійской эпохи. Надо признаться, подъ давленіемъ и вліяніемъ всеобщаго убѣжденія, я тоже держался этого взгляда и по этому, при составленіи моей работы объ источникахъ Аѳинской политіи Аристотеля, тоже оперировалъ съ этимъ мнѣніемъ, какъ съ общепризнаннымъ

---

[9]) Въ доказательство укажу на слѣдующіе встрѣчающіеся у ораторовъ законы, которые почти въ тѣхъ же выраженіяхъ приводятся у позднихъ писателей: [Dem.] 58. 6: ἐὰν ἐπεξιὼν τις μὴ μεταλάβῃ τὸ πέμπτον μέρος τῶν ψήφων, χιλίας ἀποτίνειν, κἂν μὴ ἐπεξίῃ... χιλίας ἑτέρας. ср. Theophr. ap. Schol. Dem. 22. 3: ἐὰν μὴ μεταλάβῃ τις τὸ πέμπτον μέρος, χιλίας ἀποτίνει и Lex. Cant. s. v. πρόστιμον: ἐὰν γραψάμενος μὴ ἐπεξέλθῃ, ὁμοίως.—Dem. 20. 104. μὴ λέγειν κακῶς τὸν τεθνεῶτα, μηδ' ἂν ὑπὸ τῶν ἐκείνου τις ἀκούῃ παίδων αὐτός. ср. Lex. Cant. s. v. κακηγορίας δίκη: ἐάν τις κακῶς εἴπῃ τινά τῶν κατοιχομένων, κἂν ὑπὸ τῶν ἐκείνου παίδων ἀκούσῃ κακῶς.—Dem. 37. 35: ἄν τις ἐξείλλῃ τινά τῆς ἐργασίας, ὑπόδικον ποιεῖ. ср. Harp. s. v. ἐξούλης: καὶ ἐπεργασίας δέ τις εἰ εἴργοιτο, δίδωσιν ὁ νόμος δικάζεσθαι πρὸς τὸν εἴργοντα ἐξούλης.

фактомъ. Но γηράσκω, ἀεὶ πολλὰ διδασκόμενος: я не могу больше вѣрить въ большое значенiе Дидима въ дѣлѣ сообщенiя *реальныхъ* фактовъ древности. Дѣло въ томъ, что большинство фрагментовъ Дидима, дошедшихъ до насъ, имѣютъ въ виду не реальное, предметное, но скорѣе грамматическое толкованiе авторовъ. Правда, въ числѣ четырехъ тысячъ книгъ, которыя написалъ Дидимъ, цитуется и статья περὶ τῶν ἀξόνων τῶν Σόλωνος, о законахъ Солона; но единственный уцѣлѣвшiй фрагментъ трактуетъ объ отцѣ Солона, такъ что мы не имѣемъ ни малѣйшаго представленiя о характерѣ этого труда.

Съ другой стороны мы знаемъ объ интересѣ, съ которымъ относились къ реальной сторонѣ древности Пергамскiе ученые, соперники Александрiйцевъ. Начиная съ Гомера, котораго они толковали съ этой точки зрѣнiя, опредѣляя описываемыя имъ мѣстности и отождествляя ихъ съ извѣстными древнимъ странами, они прежде всего обращаютъ при толкованiи автора вниманiе на т. н. древности. Кратеръ собираетъ законы и народныя постановленiя Аѳинъ. Цецилiй Калактинецъ, къ которому возводятъ псевдо-плутархово сочиненiе βίοι τῶν δέκα ῥητόρων, вводитъ ихъ въ свое изложенiе. Телефъ Пергамскiй пишетъ объ аѳинскихъ присутственныхъ мѣстахъ, объ аѳинскихъ законахъ и обычаяхъ. Нельзя отнести къ чистой случайности, что единственные два фрагмента послѣдняго сочиненiя сохранились именно въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ анонимныхъ словарей[10]). Вѣроятно мы со временемъ будемъ имѣть возмож-

---

[10]) Глосса ἐπωμοσία въ lex. Seg. IV Coisl. Marg. у Wentzel, Gött. gel. Anz. 1897 pg. 625=Eustath. 1660. 48, которая полнѣе читается въ Schol. Arist. Plut. 725: ἐπωμοσία ἐστὶν ἀπόδοσις ἀιτίας, δι' ἣν οὐχ ὑπαντᾷ τις πρὸς τὴν δίκην... οὕτως ὁ Τήλεφος и глосса ἐπιστάτης въ lex. Seg. IV. 188.22=Suid. II=Et. Gen.=lex. Dem. ed. Sakkelion въ Bull. de corr. hell. I pg. 13, полнѣе всего встрѣчающаяся у Eusthat. 1827.49: γίνεται γάρ, φησιν (sc. Τήλεφος Περγαμηνός) ἐπιστάτης Ἀθήνησιν ἐκ τῶν πρυτάνεων εἷς, ὃς ἐπιστατεῖ νύκτα καὶ ἡμέραν καὶ πλείω χρόνον οὐκ ἐξέστω οὐδὲ δὶς τὸν αὐτὸν γενέσθαι, τάς τε κλεῖς, ἐν οἷς τὰ χρήματά εἰσι, φυλάττει καὶ τὰ γράμματα τῆς πόλεως καὶ τὴν δημοσίαν σφραγῖδα, κληροῖ δὲ καὶ προέδρους ἐξ ἑκάστης φυλῆς ἕνα, πλὴν τῆς πρυτανευούσης, καὶ πάλιν ἐκ τούτων ἐπιστάτην ἕνα. Послѣдняя глосса есть точная выписка изъ Аристотеля Ἀθην. πολ. cap. 44,1—3.

ность, точнѣе различить и опредѣлить два направленія, передающія экстрактъ ученыхъ трудовъ древнихъ временъ потомству, одно риторически-реальное, исходнымъ пунктомъ котораго служитъ Пергамская школа, другое—критически-грамматическое, центромъ котораго является Александрія. Но пока и въ этомъ вопросѣ я долженъ ограничиться общими указаніями, потому что для выясненія его требуется сперва специальная разработка всего входящаго сюда матеріала. А въ этомъ отношеніи ровно ничего еще не сдѣлано.

Сгруппировавъ и оцѣнивъ наши источники аѳинскаго права по важности ихъ значенія, я перехожу, наконецъ, къ вопросу о томъ, какъ намъ слѣдуетъ распредѣлить весь этотъ матеріалъ, послѣ того, какъ мы его очистимъ отъ позднихъ интерполяцій и прибавленій. При этомъ мнѣ нужно сдѣлать маленькую оговорку. Я считаю ближайшей нашей задачей собраніе законовъ аѳинской демократіи времени полнаго ея развитія. Только слѣдующей за тѣмъ задачей должно быть установленіе и выясненіе основъ демократическаго законодательства и разысканіе путей его развитія.

Télfy намъ показалъ, какъ не должно поступать. Попробуемъ пойти по другому, болѣе вѣрному пути, который скорѣе приведетъ насъ къ цѣли. Современные ученые, по видимому, пока очень мало заботились о разрѣшеніи этого вопроса. Рудольфъ Шелль[11]) въ статьѣ, помѣщенной въ извѣстіяхъ Баварской Академіи, пришелъ къ слѣдующему результату: Сводъ аѳинскихъ законовъ представляетъ собою не что иное какъ инструкцію, наставленіе для руководства должностнымъ лицамъ. Виламовицъ[12]) вполнѣ присоединяется къ мнѣнію Шелля.

Такому взгляду не противорѣчатъ слова, которыя посвящаетъ этому вопросу Липсіусъ въ извѣстной переработкѣ труда Мейера и Шеманна объ аттическомъ судопроизводствѣ[13]). Онъ полагаетъ, что аттическіе законы преимущественно распредѣлены были сообразно компетенціямъ различныхъ должностныхъ лицъ, которыя предсѣдательствовали въ судѣ,

---

[11]) Schöll. Sitzber. d. Bayr. Akad. d. Wiss. Phil.-hist. Cl. 1886. I. pg. 83 sq., особ. 88 sq.

[12]) Aristot. u. Athen. I. pg. 258.

[13]) Meier-Schömann-Lipsius. Att. Proc. pg. 207 съ Anm. 21.

такъ что напр. законы, касающіеся т. н. ἐπίκληροι, т. е. дѣвицъ-наслѣдницъ отцовскаго имущества, забота о которыхъ, если онѣ были гражданками, лежала на архонтѣ-эпонимѣ, были вырѣзаны на тѣхъ-же мраморныхъ доскахъ, гдѣ помѣщена была вся инструкція этого архонта. Въ противоположность тому законы, обезпечивающіе положеніе метэковъ и чужестранцевъ въ Аттикѣ, отнесены были къ общей рубрикѣ законовъ архонта-полемарха. По этому я долженъ считать такое мнѣніе общепринятымъ и, такъ какъ не могу вполнѣ согласиться съ нимъ, долженъ привести свои возраженія.

Исходнымъ пунктомъ моего толкованія будетъ тотъ документъ, который вставленъ въ рѣчь Демосѳена противъ Тимократа[14]) и всѣмъ знатокамъ греческихъ древностей извѣстенъ подъ названіемъ ἐπιχειροτονία τῶν νόμων. Послѣ удачной защиты его Шеллемъ въ выше упомянутой статьѣ этотъ ораторскій документъ можно считать подлиннымъ закономъ, не позднею вставкою[15]). По словамъ этого закона въ Аѳинахъ каждый годъ въ извѣстное, опредѣленное время обсуждался вопросъ о полезности или безполезности существующихъ законовъ, что называлось юридическимъ терминомъ: ἐπιχειροτονία τῶν νόμων. Ревизія законовъ производилась въ слѣдующемъ порядкѣ: сперва разсуждали о νόμοι βουλευτικοί, затѣмъ о νόμοι κοινοί, потомъ о νόμοι τῶν ἐννέα ἀρχόντων, наконецъ о законахъ τῶν ἄλλων ἀρχῶν. Т. е. сперва обсуждались законы совѣта, затѣмъ общіе законы, наконецъ законы магистратовъ, при чемъ законы девяти архонтовъ имѣли преимущество передъ законами другихъ магистратовъ. Такое распредѣленіе законовъ, которое отдаетъ первое мѣсто совѣту, само по себѣ не имѣетъ ничего страннаго. Совѣтъ пятисотъ игралъ въ IV-омъ в. въ Аѳинахъ самую важную роль въ государствѣ. Это зналъ и Аристотель. Оттого онъ и въ своемъ теоретическомъ сочиненіи (πολιτικά) начинаетъ перечисленіе правительственныхъ органовъ каждаго государства именно съ него (τὸ βουλευόμενον) и согласно этому также въ систематическомъ обзорѣ Аѳинской политіи прежде всего толкуетъ о совѣтѣ.

---

[14]) Dem. 24. 20—23.

[15]) ср. Drerup. Jhbb. Suppl.-Bd. XXIV pg. 248 sq.

Нужно полагать, что ревизія законовъ держалась порядка, существовавшаго въ сводѣ законовъ. Подача голосовъ въ такомъ порядкѣ—1) о сенатскихъ, 2) объ общихъ, 3) о магистратскихъ законахъ—имѣетъ тогда только смыслъ, если этотъ порядокъ соотвѣтствовалъ тому, который соблюдался въ сводѣ законовъ.

Первый и третій отдѣлы въ самомъ дѣлѣ представляютъ собою лишь инструкціи должностнымъ лицамъ, первый—совѣту, третій—магистратамъ. Но второй отдѣлъ—νόμοι κοινοί—не подходитъ подъ это понятіе. Уже по самому смыслу слова „κοινός" законы этой группы не могли имѣть никакого отношенія къ спеціальнымъ инструкціямъ отдѣльныхъ магистратуръ, и даже къ инструкціи самаго общаго правительственнаго органа въ Аѳинахъ, народнаго собранія.

Въ этомъ отрицательномъ пунктѣ я схожусь съ Шеллемъ[16]). Но съ его положительнымъ толкованіемъ я не могу согласиться. По его мнѣнію, κοινοὶ νόμοι обозначаютъ узаконенія, обязательныя для всѣхъ магистратовъ въ совокупности. Къ нимъ – этимъ νόμοι κοινοί—принадлежатъ, такъ говоритъ Шелль, постановленія объ общихъ правахъ должностныхъ лицъ и объ общихъ формахъ судопроизводства. Я предпочитаю подойти къ рѣшенію этого вопроса окольнымъ путемъ.

Въ псевдо-демосѳеновой второй рѣчи противъ Стефана[17]) ораторъ приглашаетъ секретаря прочесть законъ объ ἐπίκληροι и вкратцѣ передаетъ его содержаніе. Законъ содержалъ постановленія о судьбѣ всѣхъ наслѣдницъ-дѣвицъ вообще, какъ чужестранокъ, такъ и туземокъ. По аѳинскому праву о гражданкахъ заботился архонтъ-эпонимъ, о чужестранкахъ архонтъ-полемархъ. Не смотря на это, если вѣрить словамъ оратора—а причины, не вѣрить имъ, нѣтъ никакой—законы, касающіеся наслѣдницъ-сиротъ, стояли всѣ на *одной* скрижали, хотя объ этихъ дѣвицахъ, смотря по ихъ принадлежности или непринадлежности къ гражданкамъ, судили то архонтъ-эпонимъ, то архонтъ-полемархъ.

---

[16]) l. c. pg. 94.

[17]) [Dem] 46.22. Τὸν τοίνυν νόμον ἐπὶ τούτοις ἀνάγνωθι, ὃς κελεύει ἐπιδικασίαν εἶναι τῶν ἐπικλήρων ἁπασῶν, καὶ ξένων, καὶ ἀστῶν καὶ περὶ μὲν τῶν πολιτῶν τὸν ἄρχοντα εἰσάγειν καὶ ἐπιμελεῖσθαι, περὶ δὲ τῶν μετοίκων τὸν πολέμαρχον, καὶ ἀνεπίδικον μὴ ἐξεῖναι ἔχειν μήτε κλῆρον μήτε ἐπίκληρον.

Въ инструкціяхъ отдѣльныхъ магистратовъ, архонта-эпонима и архонта-полемарха, они, конечно, должны были быть разъединенными. Мы должны, значить, предположить существованіе еще одного отдѣла въ сводѣ аѳинскихъ законовъ кромѣ отдѣловъ, посвященныхъ инструкціямъ отдѣльныхъ магистратовъ. Въ этомъ отдѣлѣ, надо полагать, порядокъ былъ совершенно другой. Законы здѣсь распредѣлены были не по отдѣльнымъ магистратурамъ, а на основаніи какого-то другого принципа.

Къ подобному-же результату ведетъ насъ другое наблюденіе. Исей[18]) приводитъ выписки изъ законовъ о наслѣдованіи и непосредственно послѣ того ссылается на *другой* законъ, законъ объ обидѣ. И тѣ и другія тяжбы, т. е. тяжбы, возникшія на почвѣ закона περὶ κληρονομίας, и тяжбы, возникшія на почвѣ закона περὶ κακώσεως, рѣшались подъ предсѣдательствомъ архонта-эпонима. Въ инструкціи, которой руководился этотъ магистратъ, оба закона вмѣстѣ составляли одно цѣлое съ законами, опредѣлявшими остальныя его обязанности. Дѣйствительно они и имѣются въ той выдержкѣ изъ инструкціи[19]) архонта-эпонима, которую мы читаемъ у Аристотеля[20]). Онъ перечисляетъ между прочимъ процессы по разнымъ родамъ κακώσεως и по ἐπιδικασίαι κλήρων καὶ ἐπικλήρων, какъ подлежащіе его суду. Исей напротивъ, повидимому, сдѣлалъ свои выписки изъ другого отдѣла свода законовъ, гдѣ они собраны были по другому принципу.

Если въ этомъ мѣстѣ Исея можно-бы было еще предположить, что ораторъ, быть можетъ, указываетъ на другой законъ той-же самой инструкціи, то подобное объясненіе неприложимо къ слѣдующему случаю. Авторъ рѣчи противъ Макартата снабдилъ свое произведеніе многочисленными, взятыми изъ архива, юридическими документами, которые по послѣднимъ изслѣдованіямъ считаются подлинными[21]). Между ними имѣется и законъ,

---

[18]) Jsae. 8.32. Οὐ τοίνυν ἐκ τούτου μόνον [sc. τοῦ νόμου περὶ τῆς κληρονομίας], ἀλλὰ καὶ ἐκ τοῦ περὶ τῆς κακώσεως νόμου δῆλόν ἐστιν.

[19]) Wilamowitz. Aristot. u. Athen I. pg. 250.

[20]) Aristot. 'Αθ. πολ. 56.6 γραφαὶ δὲ καὶ δίκαι λαγχάνονται πρὸς αὐτὸν [sc. τὸν ἄρχοντα]... γονέων κακώσεως... ὀρφανῶν κακώσεως... ἐπικλήρου κακώσεως.... οἴκου ὀρφανικοῦ κακώσεως... κλήρων καὶ ἐπικλήρων ἐπιδικασίαι.

[21]) Drerup. Jhbb. Suppl.-Bd. XXIV pg. 332.

запрещающій рубить оливковыя деревья. Самый текстъ закона не позволяетъ намъ думать объ инструкціи, какого-то ни было, магистрата, и вдобавокъ въ законѣ встрѣчается фраза[22]), которая дѣлаетъ такое предположеніе немыслимымъ. Юридическія формулы „δίκας εἶναι πρὸς τοὺς ἄρχοντας, ὧν ἕκαστοι δικασταί εἰσιν“ и немного далѣе „ἐγγραφόντων οἱ ἄρχοντες, πρὸς οὓς ἂν ᾖ ἡ δίκη“ могутъ имѣть мѣсто только въ законѣ, который оставляетъ открытымъ вопросъ о томъ, какому магистрату разборъ дѣла подлежитъ. Дѣла по срубанію священныхъ деревьевъ—περὶ μορίας—вѣдали, смотря по обстоятельствамъ, различные магистраты, то архонтъ-βασιλεύς, то ѳесмоѳеты[23]). Въ инструкціяхъ этихъ магистратовъ для такого закона мѣста не было.

Тоже самое слѣдуетъ изъ другого закона, который Демосѳеномъ вставленъ въ рѣчь нротивъ Аристократа[24]). И этотъ текстъ считается подлиннымъ по послѣднимъ изслѣдованіямъ и, потому, мы имѣемъ полное право ссылаться на него. Упомянутый законъ запрещаетъ оскорблять убійцу и вынуждать у него денежный выкупъ, и даетъ каждому право, при нарушеніи этого закона, вносить жалобу соотвѣтствующему магистрату. Оскорбленіе убійцы влекло за собою γραφὴ ὕβρεως, которая разбиралась подъ предсѣдательствомъ ѳесмоѳетовъ, вынужденіе-же у него денежнаго выкупа—γραφὴ ἀσεβείας, которая подсудна была архонту-базилевсу[25]). Поэтому ограниченіе, ὧν ἕκαστοι δικασταί εἰσι, было въ уголовныхъ законахъ совершенно умѣстно, неумѣстно-же въ инструкціи отдѣльнаго магистрата.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что законы περὶ ἐπικλήρων, περὶ κλήρων, περὶ κακώσεως, περὶ μορίας и φονικοί, не только были помѣщены между законами, опредѣлявшими обязанности отдѣльныхъ магистратовъ, но, помимо

---

[22]) [Dem.] 43.71. Τὰς δὲ δίκας εἶναι περὶ τούτων [sc. ἐάν τις ἐλάαν Ἀθήνησιν ἐξορύττῃ] πρὸς τοὺς ἄρχοντας, ὧν ἕκαστοι δικασταί εἰσι.... ὅτου δ'ἂν καταγνωσθῇ, ἐγγραφόντων οἱ ἄρχοντες, πρὸς οὓς ἂν ᾖ ἡ δίκη.

[23]) Drerup. Jhbb. Suppl.-Bd. XXIV pg. 269.

[24]) Dem. 23. 28. Τοὺς δ' ἀνδροφόνους ἐξεῖναι ἀποκτείνειν..., λυμαίνεσθαι δὲ μή, μηδὲ ἀποινᾶν... εἰσφέρειν δ'ἐς [cf. Schelling, de Sol. legg. pg. 68, codd: δὲ]τοὺς ἄρχοντας, ὧν ἕκαστοι δικασταί εἰσι, τῷ βουλομένῳ.

[25]) Drerup. Jhbb. Suppl.-Bd. XXIV pg. 269.

того, еще въ другомъ отдѣлѣ свода. Если перечисленіе отдѣльныхъ рубрикъ свода аѳинскихъ законовъ въ Timocratea Демосѳена[26]) полно, и въ немъ дѣйствительно указаны были только четыре главные отдѣла законовъ: *βουλευτικοί, κοινοί, τῶν ἐννέα ἀρχόντων, τῶν ἄλλων ἀρχῶν*, то названные выше законы помѣщались и въ отдѣлѣ *νόμοι τῶν ἐννέα ἀρχόντων* и въ отдѣлѣ *νόμοι κοινοί*.

Вопросъ о содержаніи послѣдняго отдѣла былъ-бы легко рѣшенъ, если-бы насъ не сбивало съ толку употребленіе спорныхъ словъ у ораторовъ не въ спеціальномъ, техническомъ смыслѣ, но въ другомъ значеніи. Демосѳенъ[27]) обозначаетъ этими словами и общіе законы природы, обязательные для всего человѣчества, тѣ-же самые, которые онъ въ другихъ мѣстахъ называетъ *τὰ τῆς φύσεως οἰκεῖα* или *τὰ ἄγραφα νόμιμα καὶ τὰ ἀνθρώπινα ἤθη*.

Спеціально объ аѳинскихъ дѣлахъ подробно распространяется Солонъ въ бесѣдѣ съ Анахарзисомъ у Лукіана[28]). Но онъ выражается въ слишкомъ общихъ красивыхъ фразахъ и врядъ-ли мы можемъ придавать его словамъ большое значеніе, когда онъ говоритъ, что граждане въ Аѳинахъ приспособляются къ политической дѣятельности, изучая общіе законы, которые написаны крупными буквами, выставлены для всеобщаго свѣдѣнія, и наставляютъ гражданъ въ томъ, что имъ слѣдуетъ дѣлать и отъ чего воздерживаться.

Мѣстныя аѳинскія условія имѣетъ несомнѣнно въ виду Динархъ[29]),

---

[26]) 24.20.

[27]) cf. R. Hirzel. *Ἄγραφος νόμος*. Lpz. 1900. pg. 25, ann. 3 и 4: Dem. 23.61: *οὐ μόνον παρὰ τὸν γεγραμμένον νόμον, ἀλλὰ καὶ παρὰ τὸν κοινὸν ἁπάντων ἀνθρώπων*. Dem. 45.53: *οὐ γὰρ τοὺς γεγραμμένους νόμους ὁ τοιοῦτος ἄνθρωπος μόνους, ἀλλὰ καὶ τὰ τῆς φύσεως οἰκεῖ' ἀναιρεῖ*. Dem. 18.275: *φανήσεται... ταῦτα... οὕτος οὐ μόνον τοῖς νόμοις, ἀλλὰ καὶ ἡ φύσις αὐτὴ τοῖς ἀγράφοις νομίμοις καὶ τοῖς ἀνθρωπίνοις ἤθεσιν διώρικεν*.

[28]) Lucian. Anacharsis. 22: *ῥυθμίζομεν οὖν τὰς γνώμας αὐτῶν νόμους τε κοινοὺς ἐκδιδάσκοντες, οἳ δημοσίᾳ πᾶσι πρόκεινται ἀναγινώσκειν μεγάλοις γράμμασιν ἀναγεγραμμένοι, κελεύοντες ἅτε χρὴ ποιεῖν καὶ ὧν ἀπέχεσθαι*.....

[29]) Din. 3. 4: *καὶ ὁ μὲν κοινὸς τῆς πόλεως νόμος, ἐάν τις ἑνί τινι* [Meier-Schömann-Lipsius. Att. Proc. pg. 425 ann. 659, codd: *ἐναντίον*] *τῶν πολιτῶν ὁμολογήσας τι παραβῇ, τοῦτον ἔνοχον εἶναι κελεύει τῷ ἀδικεῖν*.

называя т. н. νόμος ἀδικίου общимъ закономъ государства—κοινὸς τῆς πόλεως νόμος—и скорѣе всего мы склонны будемъ толковать упомянутыя слова въ техническомъ смыслѣ.

Рѣшающее значеніе имѣло-бы одно мѣсто Демосѳена, если-бы мы имѣли право понять въ немъ слова κοινοὶ νόμοι въ тѣсномъ, техническомъ смыслѣ. Рѣчь противъ Пантенета ораторъ[30]) написалъ въ защиту нѣкоего Никобула, который путемъ письменнаго протеста, т. н. παραγραφή, оспариваетъ правильность обвиненія своего противника. Пантенетъ, имѣя дѣло съ Никобуломъ по поводу рудника, смѣшивалъ въ своей жалобѣ самыя различныя обвиненія. Демосѳенъ при защитѣ прежде всего указываетъ на то, что всѣ эти обвиненія подсудны, каждое особому суду, а не стоятъ въ связи съ тѣмъ закономъ, который толкуетъ о тяжбахъ, связанныхъ съ рудниками, съ νόμος μεταλλικός. Развѣ, говоритъ ораторъ[31]), всякій, кто имѣетъ въ своемъ распоряженіи рудникъ, будетъ судиться по горнымъ законамъ и тогда, если онъ будетъ нарушать общіе законы,—νόμους κοινούς, καθ' οὓς καὶ διδόναι καὶ λαμβάνειν προσήκει δίκας, напр. ἐὰν δανείσηται παρά τού τι, ἂν κακῶς ἀκούσῃ, ἂν πληγὰς λάβῃ, ἂν κλοπὴν ἐγκαλῇ, ἂν προεισφορὰν μὴ κομίζηται, ἂν ὅλως ἄλλο τι.

Если-бы мы могли понять νόμοι κοινοί въ этомъ мѣстѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова, то мы-бы имѣли вмѣстѣ съ тѣмъ точное опредѣленіе этой группы законовъ, данное самимъ аѳинскимъ ораторомъ. Затѣмъ отсюда слѣдовало-бы, что горные законы, которые ораторъ строго различаетъ отъ общихъ, подпали подъ другую категорію; можетъ-быть, отнесены были къ законамъ, установляющимъ кругъ дѣятельности ѳесмоѳетовъ[32]). А если мы находимъ законъ объ оскорбленіи словами два раза упомянутымъ, во первыхъ среди общихъ законовъ—Dem. 37.37: ἂν κακῶς ἀκούσῃ—и во вторыхъ—какъ особый видъ этого закона: оскорбленіе словами свободнаго гражданина рабомъ—Arist.[33]) 'Αθ. πολ. 59. 5. δίκαι... δούλων, ἄν τις τὸν ἐλεύθερον κακῶς λέγῃ—въ инструкціи отдѣльнаго маги-

---

[30]) Dem. 37.

[31]) Dem. 37.37.

[32]) Meier-Schömann-Lipsius. Att. Proc. pg. 634.

[33]) Аристотель пользовался здѣсь архивными документами ср. В. Bursy, de Arist. 'Αθ. πολ. part. alt. fonte et auctoritate. Jurj. 1897 pg. 51.

страта, θесмоθетовъ, то мы должны это объяснить точно такъ-же, какъ мы объяснили троекратное упоминаніе закона объ ἐπίκληροι[34]). Законъ, заботящійся о всѣхъ ἐπίκληροι вообще, былъ одинъ изъ общихъ законовъ, законъ объ ἐπίκληροι-гражданкахъ былъ помѣщенъ въ инструкціи архонта-эпонима и наконецъ законъ объ ἐπίκληροι-чужестранкахъ въ инструкціи архонта-полемарха. Точно также мы должны были-бы предположить, что законъ κακηγορίας вообще считался однимъ изъ общихъ, а законъ объ особомъ случаѣ оскорбленія гражданина рабомъ находился въ инструкціи θесмоθетовъ.

Но такъ какъ мѣсто Демосθена допускаетъ и другое толкованіе выраженія, не въ смыслѣ terminus technicus, но въ общемъ значеніи, то осторожность насъ заставляетъ высказать свое мнѣніе не какъ вѣрный, непоколебимый выводъ, но какъ довольно вѣроятное предположеніе. Полное собраніе и всестороннее изученіе упомянутыхъ ораторами законовъ, можетъ быть, намъ доставитъ возможность, добиться въ рѣшеніи этого вопроса точнаго результата. Пока я долженъ ограничиться приведеніемъ такихъ общихъ соображеній и указаніемъ па возможность толкованія νόμοι κοινοί, различнаго отъ того, которое до сихъ поръ считалось общепринятымъ.

---

[34]) pg. 14 sq.

К. Радченко.

Новооткрытая „Буквица“ Досиѳея Обрадовича.

НѢЖИНЪ,
Типо-Литографія М. В. Глезера.
1902.

Печатано по постановленію Конференціи Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко

Директоръ *Ф. Гельбке.*

Новооткрытая „Буквица“ Досиөея Обрадовича.

Въ Хоповскомъ монастырѣ (въ Сремѣ) обратилъ мое вниманіе списокъ «Буквицы» Досиөея Обрадовича, судя по почерку, принадлежащій началу настоящаго столѣтія. По сличеніи съ напечатанными «Буквицами» оказалось, что помянутый списокъ представляетъ особую версію «Буквицы», совершенно отличную отъ этихъ послѣднихъ. Тѣмъ не менѣе нѣтъ никакихъ основаній отвергать принадлежность этой «Буквицы» Обрадовичу. По мыслямъ, заключающимся въ ней, еще болѣе по слогу Хоповская «Буквица» могла быть написана только авторомъ напечатанныхъ «Буквицъ»— только Обрадовичемъ. Правда, наша «Буквица» носитъ еще болѣе церковный характеръ, чѣмъ напечатанныя «Буквицы», но, на ряду съ чисто церковнаго характера сентенціями, находимъ не мало характеристичныхъ Досиөеевскихъ. Притомъ извѣстно, что Обрадовичъ написалъ нѣсколько «Буквицъ». Въ одной изъ напечатанныхъ «Буквицъ» онъ поминаетъ о своей «Буквицѣ», которая не понравилась монахамъ Крупскаго монастыря замѣчаніями по ихъ адресу. Эта «Буквица» до сихъ поръ остается неизвѣстной. Еще раньше была Обрадовичемъ составлена «Буквица» для дочери одного далматинскаго священника, пріятеля Обрадовича. Нужно имѣть и то въ виду, что исторія изданія «Буквицъ» остается не выясненной. Возможно, что «Буквицы», напечатанныя только въ текущемъ столѣтіи, а до того времени расходившіяся во множествѣ списковъ по Далмаціи (самъ Обрадовичъ поминаетъ о популярности своихъ литературныхъ первенцевъ въ Далмаціи), подвергались измѣненіямъ: сокращеніямъ, дополненіямъ и пр.

Вообще „Буквицы“ заслуживаютъ изученія по отношенію ихъ къ старинннымъ сборникамъ изреченій. Мы находимъ, что изреченія этихъ сборни-

ковъ повторяются у Обрадовича. Отъ тонкаго знатока народа, какимъ былъ Обрадовичъ, не ускользнуло пристрастіе народа къ краткимъ изреченіямъ. И апоѳегматическимъ способомъ выраженія Обрадовичъ нерѣдко пользуется въ своихъ сочиненіяхъ изъ того періода жизни, когда онъ, повидимому, совершенно разорвалъ со своимъ прошлымъ міровоззрѣніемъ (особенно въ „Басняхъ“ и «Собраніи разныхъ нравоучительныхъ вещей)».

Не имѣя возможности въ настоящее время подвергнуть „Буквицу“ подробному анализу я ограничусь указаніемъ болѣе любопытныхъ мѣстъ и немногими замѣчаніями по поводу ихъ.

«Буквица» заключаетъ статьи на каждую букву церковно-славянскаго алфавита.

А. Аз ћe рећи от перваго слова перво ученѣ дает ти ради познати себе... В. владай и управляй са собом; умети управити [са собом] болѣ е него многим народом и градовима. Бог учини человѣка да е цар на овоме свету, дада му ум и разум да се ш нима советуе и управля... не стои сигурна добродѣтел брез разума... зато попаштисе возлюблени друже с добротом соединити разум и разсужденіе да совершен будеш пред Богом и пред людма. Ф. туже сами на се они кои су могли што научити, а нису хотели... благороднiй славнiй человѣк или што чита или се с ким разговара све ради што примити и научити; худи хрће мрзе на ученѣ како ћюци на сунце; вавек погрешаваю кои не знаду што е добро што ли зло; истина е: ученѣ е една ствар света и достоина вечне похвале; ма учену быти а злу, лукаву и неправетну— ово е ученѣ горе от свакога неученя. Ж. живот даде намъ благи Бог, ма хоће да е словесан наш живот: зато нами е дао разум и слово. К. како велике рѣке, примаюћи воду из другіе меншіе рѣка, бываю све то веће и шире, ма не отмећю ни мале потоке, тако добри человѣк, ако е и много разуман и учен, нека се не отрече што добро научити, кад чуе од танега и простіега человѣка; много крат от веће потребе су намъ врази него друзи: зашто, не гледаюћи на хатар, реку нам оно, што е право. Н. наукъ добры ест храна уму: како тело не може быти здраво без хлеба и воде, тако и умъ брез науке; бежи из онога места, гдѣ гори заповедаю, а боліи слушаю. П. зла нарав херће человѣка, кад прими власт или кад се обогати, нити се споминѣ да е человѣк, као циганин, кад се оцарио. Т. ум стар брез науке ест една ствар слепа; злу человѣку наука служи да више зла морс учинити.

Въ одномъ мѣстѣ (под У) Обрадовичъ говоритъ, что не слѣдуетъ смотрѣть на ночь только, какъ на время, предназначенное для сна. Спать довольно будемъ по смерти. Прекрасно созерцать ночью небо, блистающее звѣздами. „Чудно дело великога и благога Бога звезде прелепо цвеће у великои башчи руком божіом насаћено небо! чудна книга престолом великога Бога написана, кою ми читајући можемо разумети велику премудрост онога, кой е такову книгу могао исписати—ма и у време ноћно валя е читати! О! красна ти е ствар у ноћи учити и мислити и книге прочитавати, и тако ум наш састајући се с книгом мудри люди напуняю се драгога камена, кое человѣк докле год живи, не губы; не валя по сву ноћ спавати. И въ позднѣйшей своей литературной дѣятельности Досиѳей всегда указываетъ на природу, какъ орудіе къ Богопознанію. Сравненіе природы съ книгой находимъ въ одномъ мѣстѣ „Живота“ (I, 80 изд. Задруги). Въ „Собраніи“ Обрадовичъ говоритъ, что естествоиспытатель и астрономъ—истинные учителя Богопознанія. Звѣздное небо особенно привлекало нашего философа. Такъ въ одномъ письмѣ къ епископу Шакабенте Обрадовичъ вспоминаетъ, какъ они шли вечеромъ изъ Раковца въ Карловцы и бесѣдовали о изукрашенномъ безчисленномъ множествомъ звѣздъ небѣ и мудрости непостижимаго Творца, зажегшаго такую славную и великолѣпную иллюминацію[1]).

Вообще приведенное мѣсто передаетъ живо личныя впечатлѣнія автора. Обрадовичъ, несомнѣнно, нерѣдко самъ переживалъ то, о чемъ писалъ.

Е. знай да е већа задужбина давати сиромахом и болесним, него калуђером и поповом, него у исту церкву, а добро е едно и друго.

Подъ Я. Обрадовичъ говоритъ о цѣли, которую имѣлъ въ виду, составляя „Буквицу“, и о томъ, какъ „Буквицу“ нужно читать.

Я пишући вами возлюбленніи ову Буквицу радио сам различне совете приложити, колико у име ствари душевних, толико у име телесніи и световніи, зашто ти желим, да перво угодиш Богу и да спасеш душу свою, а потом и на овоме свету да умеш разумно и благородно живити, хотео сам от много ствари метати на кратко на многа места отъ 2 или от три врсте, што сам у овой Буквици записао, мого би по целу

[1]) См. мое изслѣдованіе о Досиѳеѣ Обрадовичѣ, стр. 51.

образу листа оно мало речи разпространити или целу предику составити, ма хотео сам у малой Буквици много ствари метнути: за то потреба е да имаш велико вниманіе читаюћи и да се уставляш мислећи и разсуждаваюћи; за то ћеш наћи на толико места, да една врста о едном говори, а друга о другом, и не чуди се, ако гди найдеш, да сам о едной ствари често пута споменуо, како о дружеству, о доброти, о души, о поштеню и от прочи: то сам учинио за твою ползу, да налазиш о потребним стварима на више места; да болѣ упамтиш о добром и потребном, често валя споминяти и често говорити. Велика корист бы ти была, да научиш и за еданъ месац што е под едним словом на едной страни листа наизусти на памет, веруи ми: доста бы лепіе ствари научио.

Въ одномъ мѣстѣ находимъ намекъ на дѣйствительность. „Знаду седлари и папуџіе и све занатліе, што валя и потреба претрпити ніиову шегерту да научи свои занат, а не знаду за оно, што е трпити потреба, што сами нису учили: зато вы судите, да ученик конте де Паштрович чини што хоће, и нѣгов брат да му помаже, а я да се не смем' ни вешт учинити“—повидимому, случай изъ учительской дѣятельности Обрадовича!

Находимъ въ нашей «Буквицѣ» разсужденія о дружбѣ, о томъ, что нужно много думать и разсуждать, о неудобствахъ, сопряженныхъ съ богатствомъ, о избѣганіи лукавыхъ людей, о непостоянныхъ, о истинню добрыхъ людяхъ, о томъ, что люди не могутъ существовать безъ взаимной помощи и пр. – все темы, которыя повторяются въ послѣдующихъ сочиненіяхъ Обрадовича.

Помимо указанныхъ можно было бы привесть десятки мѣстъ, параллели которымъ (иногда очень близкія) находятся въ другихъ сочиненіяхъ Обрадовича, особенно въ изданныхъ «Буквицахъ» и въ «Басняхъ». Кругъ идей, предметы афоризмовъ нашей „Буквицы“ излюбленные Досиѳеевскіе, къ которымъ онъ неоднократно возвращается и въ послѣдующей литературной дѣятельности.

Въ концѣ «Буквицы» читаемъ: «Помени Доситеа читаюћи кои е ову Буквицу развео на пространно. Божія милость буди с нами».

Въ той же рукописи мы находимъ Преніе Панагіота съ Азимитомъ, Сказаніе о двѣнадцати пятницахъ, Слово Авраама Мудраго—по истинѣ иронія судьбы!

Мало найдется людей, которыхъ жизнь представляла бы такіе контрасты, какъ жизнь Обрадовича. Прослѣдить, какъ въ этомъ человѣкѣ совершилось чудо превращенія усерднѣйшаго, богомольнѣйшаго, чуть не чудотворнаго монаха въ самаго горячаго поклонника и послѣдователя философіи просвѣщенія, разгадать психологическую загадку, которой является еще теперь Обрадовичъ, представляетъ немалый интересъ по выдающемуся таланту его, какъ литературнаго дѣятеля, и по крупному значенію, какое Обрадовичъ имѣетъ въ сербской литературѣ новаго времени.

Его первые литературные опыты, написанные въ то время, когда онъ, хотя навсегда порвалъ съ монастыремъ, но не сходилъ еще съ церковной почвы, по крайней мѣрѣ, до нѣкоторой степени могутъ уяснить ходъ этой метаморфозы. Изъ нихъ видно, какъ Обрадовичъ подготовлялся къ этой послѣдней собственнымъ наблюденіемъ и прилежнымъ чтеніемъ книгъ. Къ сожалѣнію, критическаго изданія «Буквицъ» до сихъ поръ не вышло. Одна «Буквица», которая, судя по словамъ Обрадовича, заключала сатирическіе намеки на нравы Далматинскаго монашества, еще не найдена. А, между тѣмъ, какъ было бы важно изученіе этого произведенія для генезиса развитія въ Обрадовичѣ оппозиціоннаго отношенія къ монашеству вообще! Если въ наше время придается большое значеніе психологіи отдѣльныхъ личностей, и автобіографіи, дневники и т. п. стали моднымъ явленіемъ, то тѣмъ болѣе интереса представляетъ личность Обрадовича, который не только въ своихъ сочиненіяхъ, но въ своей собственной жизни, по отношенію къ самому себѣ является, пожалуй, еще болѣе рѣшительнымъ реформаторомъ, чѣмъ Петръ Великій для Россіи. Обрадовичъ намъ извѣстенъ главнѣйше изъ своихъ позднѣйшихъ сочиненій, въ которыхъ онъ уже является въ значительной степени сформировавшимся *новымъ* человѣкомъ. Только изрѣдка слышатся въ нихъ отголоски стараго Обрадовича. Автобіографія Обрадовича также мало уясняетъ ходъ развитія интеллектуальнаго и душевнаго міра ея героя, такъ какъ она писана по извѣстному шаблону, установившемуся въ тогдашней литературѣ автобіографій, является болѣе литературнымъ произведеніемъ, писаннымъ, притомъ, съ опредѣленными тенденціями, чѣмъ зеркаломъ, отражающимъ все пережитое и перечувствованное авторомъ. Для того темнаго и въ то же время въ высшей степени интереснаго періода жизни Обрадовича, когда онъ стоялъ еще на рубежѣ стараго и

новаго направленія, остаются единственнымъ надежнымъ источникомъ съ этой стороны «Буквицы», чѣмъ опредѣляется важное значеніе литературныхъ первенцевъ Обрадовича, которыхъ до сихъ поръ игнорировали лица, занимавшіеся Обрадовичемъ.

К. Радченко.

МАЛОИЗВѢСТНОЕ СОЧИНЕНІЕ

Евѳимія Зигабена,

трактующее о богомилахъ.

НѢЖИНЪ,
Типо-Литографія М. В. Глезера.
1902.

Печатано по постановленію Конференціи Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко

Директоръ *Ф. Гельбке.*

Малоизвѣстное сочиненіе Евѳимія Зигабена, трактующее о богомилахъ.

Занимаясь греческими рукописями Вѣнской Придворной Библіотеки я обратилъ вниманіе на интересное произведеніе Евѳимія Зигабена, озаглавленное: Εὐθυμίου μοναχοῦ τοῦ Περιβλέπτου μονῆς [στηλιτεύουσα μεριχῶς κατὰ τῶν ἀθέων καὶ ἀσεβῶν πλάνων τῶν φουνδαγιαγιτῶν ἤγουν τῶν βουγομίλων] σταλεῖσα ἀπὸ Κωνσταντινοπόλεως τῆς εἰρημένης μονῆς, πρὸς τὴν αὐτοῦ πατρίδα στηλιτεύουσα τὰς αἱρέσεις τῶν ἀθεωτάτων καὶ ἀσεβῶν πλάνων τῶν τε φουνδαγιαγιτῶν ἤτοι βουγομίλων καὶ μεσσαλιανῶν λεγομένων καὶ τὴν τῶν ἀρμενίων βέβηλον καὶ βδελυρὰν αἵρεσιν, καὶ τοὺς λοιποὺς καὶ ἀθέσμους καὶ πανβεβήλους αἱρέσεις [по др. ред. σταλεῖσα ἀπὸ Κωνσταντινοπόλεως πρὸς τοὺς ἐν τῇ αὐτοῦ πατρίδι.]. Посланіе это помѣщено въ двухъ рукописяхъ—№ 213—XIV вѣка и № 307 (248) начала XIV или конца XIII вѣка. Отрывокъ изъ «Посланія» напечатанъ и у Migne'а въ 131 томѣ «Cursus Patrologiae» подъ заглавіемъ: Εὐθυμίου μοναχοῦ τοῦ ἀπὸ τῆς σεβασμίας μονῆς τῆς Περιβλέπτου συγγραφὴ στηλιτευτικὴ τῆς τῶν ἀθέων καὶ ἀσεβῶν αἱρετικῶν τῶν λεγομένων φουνδαγιαγιτῶν αἱρέσεως (стр. 48).

При сходствѣ нѣкоторыхъ мѣстъ отрывокъ этотъ представляетъ многія отличія. Можно сказать, что отрывокъ и наши списки пополняютъ другъ друга. Что касается взаимнаго отношенія нашихъ списковъ, то они также представляютъ немало различій, но всѣ эти различія относятся къ отдѣльнымъ словамъ и выраженіямъ.

Въ настоящей статьѣ я ограничусь указаніемъ на содержаніе «Посланія» и приведеніемъ болѣе интересныхъ мѣстъ, оставляя анализъ всѣхъ сообщеній его о богомилахъ на будущее время въ связи съ задуманной мною работой о богомильствѣ въ его отношеніяхъ къ старымъ южнославянскимъ литературамъ и къ южнославянскимъ народнымъ легендамъ и повѣріямъ.

«Посланіе» Евеимія было написано имъ не позже восьмидесятыхъ годовъ XI столѣтія, такъ какъ онъ говоритъ о еретикахъ, дѣйствовавшихъ во времена Василія Болгаробойцы и Константина (976—1025), какъ лицахъ, принадлежащихъ ближайшему прошлому, и хорошо извѣстныхъ его адресатамъ[1]). Въ «Посланіи» Евеимій предостерегаетъ своихъ земляковъ противъ вновь появившейся ереси. Онъ разсказываетъ, какимъ образомъ ему удалось раздобыть свѣдѣнія о еретикахъ и ихъ ученіи. Однажды случайно на дорогѣ онъ встрѣтился съ богомиломъ, не зная, кто онъ. Богомилъ этотъ упорно отрицалъ воскресеніе мертвыхъ, ссылаясь на слова апостола Павла, что «плоть и кровь не наслѣдятъ царства небеснаго». Во время отсутствія Евеимія (онъ путешествовалъ по святымъ мѣстамъ) еретики совратили одного изъ его учениковъ. Когда, по своемъ возвращеніи домой, Евеимій узналъ объ этомъ, онъ сдѣлалъ видъ, что самъ хочетъ вступить въ ересь. Ученикъ призвалъ ересіарха, и отъ послѣдняго Евеимій вывѣдалъ о ученіи еретиковъ. Четыре ересіарха были схвачены, и всѣ по одиночку допрошены Евеиміемъ. На основаніи сообщеній всѣхъ этихъ еретиковъ Евеимій излагаетъ особенности ихъ ученія. Евеимій сообщаетъ при этомъ фантастическую исторію происхожденія богомильства (въ которой смѣшиваетъ богомильскихъ вѣроучителей съ армянскими, чѣмъ объясняются слова заглавія:... *καὶ τὴν τῶν ἀρμενίων βέβηλον καὶ βδελυρὰν αἵρεσιν*, хотя «Посланіе» собственно трактуетъ только о богомилахъ); даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о богомильствѣ въ XI вѣкѣ.

Въ сообщеніяхъ Евеимія о особенностяхъ ученія богомиловъ встрѣчаются противорѣчія. Это можно объяснить тѣмъ, что Евеимій имѣлъ дѣло съ представителями различныхъ толковъ въ богомильствѣ. Наиболѣе свѣдѣній онъ сообщаетъ о такъ называемыхъ люциферіанахъ. Свѣдѣнія эти вдвойнѣ драгоцѣнны. Они являются свидѣтельствомъ, что ересь лю-

---

[1]) Г. Сырку въ своемъ изслѣдованіи: «Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ т. I вып. 1 Спб. 1899» высказалъ мнѣніе, что эти посланія были написаны патріархомъ Евеиміемъ Тырновскимъ (sic!), причемъ, выражаетъ предположеніе, что это были опыты (?!) Евеимія на греческомъ (sic) языкѣ. Мнѣніе это настолько нелѣпо, что не заслуживаетъ опроверженія. См. цитов. изсл. стр. 552—553.

циферіанъ издавна существовала въ Византіи, и представляютъ дополненія къ скуднымъ извѣстіямъ о византійско-болгарскихъ люциферіанахъ XIV вѣка (см. о нихъ въ моей книгѣ: «Религіозное и литературное движеніе въ Болгаріи въ эпоху передъ турецкимъ завоеваніемъ. Кіевъ 1898», стр. 207—213, 216—217).

По Евѳимію еретики были истинные почитатели дьявола. Они вѣруютъ въ свою Троицу. Πατέρα καὶ Υἱὸν καὶ ἅγιον Πνεῦμα λέγοντες, οὐ τὴν ἁγίαν καὶ ζωοποιὸν καὶ ἀδιαίρετον λέγουσι Τριάδα ἣν ἡμεῖς οἱ ὀρθοδόξοι σεβόμεθα καὶ προσκυνοῦμεν, ἀλλὰ Πατέρα λέγουσι τὸν διάβολον... Υἱὸν λέγουσι τὸν υἱὸν τῆς ἀπολείας καὶ Πνεῦμα τὸ πνεῦμα τῆς πονηρίας (№ 248 л. 6 об.). А вотъ ученіе еретиковъ о сотвореніи міра. Τολμῶσι οἱ πάσης βλασφημίας ἀνάμεστοι πᾶσαν τὴν τοῦ θεοῦ δημιουργίαν τόν τε οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν καὶ τὴν θάλασσαν καὶ πάντα τὰ ἐν αὐτοῖς τοῦ διαβόλου λέγειν, καὶ δημιουργὸν τούτων τῶν ἁπάντων αὐτὸν εἶναι τὸν διάβολον, καὶ οὐ τὸν θεόν· οὐ μόνον, ἀλλ' ὅτι καὶ τὸν παράδεισον αὐτός φασι ἐποίησεν, καὶ τὸν ἄνθρωπον ἔπλασεν, δύο μόνον λέγοντες εἶναι τούτῳ ὁρωμένῳ κόσμῳ ἐκ τῆς τοῦ θεοῦ δημιουργίας· τὸν ἥλιον καὶ τὴν τοῦ ἀνθρώπου ψυχήν, καὶ ταῦτα πῶς, φασὶ ὅτι ὅταν ὠργίσθη ὁ θεὸς κατὰ τοῦ ἄρχοντος καὶ ἐξέβαλεν αὐτὸν τοῦ μὴ εἶναι ἔτι ἐν τῷ προσώπῳ αὐτοῦ· ἐκβαλομένου ἀπὸ προσώπου τοῦ θεοῦ ἔκλεψεν ἀπ' αὐτοῦ τοῦ θεοῦ τὰ δύο ταῦτα· τόν τε ἥλιον καὶ τὴν ψυχὴν τοῦ ἀνθρώπου, καὶ ὅτι ὀκτώ εἰσιν οἱ οὐρανοί· ἑπτὰ μέν, οὓς ἐποίησεν ὁ θεὸς καὶ καθέζεται ἐπάνω αὐτῶν, ὄγδοος δ'ἐστιν ὁ ὑπ' ὀκτὼ πάντων καὶ παρ' ἡμῶν ὁρώμενος, καὶ ὅτι ἐποίησεν αὐτὸν ὁ ἄρχων τοῦ κόσμου τούτου τοῦτ' ἐστιν ὁ διάβολος καὶ ὅτι ἐπαναπαύεται ἐπάνω αὐτοῦ καὶ οὗτός ἐστιν ὁ τῶν ἀσεβῶν σκοπὸς τῆς προσευχῆς τοῦ 'Πάτερ' αὐτῶν μᾶλλον καὶ οὐχ ἡμῶν ὡς ἐκ τοῦ οὐρανοῦ τὸν διάβολον ἐπικαλούμενοι (ib. л. 7). Ниже: φασὶ γὰρ καὶ τοῦτο οἱ δόλιοι καὶ ἄθεοι καὶ τοῦτο, ὅτι κατῆλθεν ἀπὸ τοῦ οὐρανοῦ ὁ ἄρχων διωχθεὶς παρὰ τοῦ θεοῦ καὶ ἐποίησεν τὸν ὁρώμενον τοῦτον οὐρανὸν καὶ ἔπηξε τοὺς ἀστέρας καὶ τὸν ἥλιον ὃν ἔκλεψεν ἀπὸ τοῦ θεοῦ καὶ τὴν σελήνην, καὶ ὅτι ἐποίησεν τὴν γῆν καὶ τὴν θάλασσαν καὶ πάντα τὰ ἐν αὐτοῖς, ἐφύτευσε δὲ καὶ τὸν παράδεισον καὶ τούτων πάντων γενομένων ἔπλασε καὶ τὸν 'Αδὰμ καὶ ἦλθε τοῦ βαλεῖν τὴν ψυχήν, ἣν ἔκλεψεν ἀπὸ τοῦ θεοῦ εἰς τὸν 'Αδὰμ ὃν ἔπλασεν, καὶ ἔβαλεν αὐτὸν ἐκ τοῦ στόματος, καὶ ἐξῆλθεν ἐκ τοῦ ἀφεδρῶνος καὶ πάλιν ἔβαλεν αὐτὴν ἀπὸ τοῦ ἀφεδρῶνος καὶ ἐξῆλθεν ἀπὸ τοῦ στόματος, καὶ τοῦτο πολλάκις ποιήσαντος ἐξήρχετο ἡ ψυχὴ μὴ καταδεχομένη οἰκῆσαι ἐν τῷ πλάσματι, ἀλλ' ἐξήρχετό ποτε μὲν ἐκ τοῦ στόματος, ποτὲ δὲ ἐκ τοῦ ἀφεδρῶνος: καὶ μὴ δυνηθεὶς συγκρατῆσαι αὐτὴν ἐν τῇ σκήνῃ, ἵνα ζωώσῃ τὸν 'Αδάμ, κατέλιπεν αὐτόν, καὶ ἔκειτο τὸ σῶμα ἄψυχον εἰς τριακόσια ἔτη καὶ μετὰ τοῦ-

το διενοήθη ὁ ἄρχων καὶ ἔφαγεν ἐκ πάντων τῶν ἀκαθάρτων ζώων οἷον ὄφιν καὶ σκορπίον καὶ κύνα καὶ κάττον καὶ βάτραχον καὶ ποντικὸν καὶ ἀλώπεκα καὶ λύκον καὶ λυκοπάνθηρον καὶ ὅσα τοιαῦτα, καὶ ὅταν ἔφαγεν ὁ θεὸς τῶν φουνδαγιαγιτῶν ἢ ὁ μιαρὸς δαίμων ἐκ πάντων τῶν μιαρῶν καὶ ἀκαθάρτων ζώων ὡς αὐτοὶ βεβαιοῦσι καὶ διδάσκουσι, τότε ἦλθεν εἰς τὸ τοῦ Ἀδὰμ πλάσμα ὅπερ αὐτὸς ἔπλασε καὶ ἔβαλε τὴν ψυχὴν ἀπὸ τοῦ στόματος καὶ ἔθηκε τὴν χεῖρα αὐτοῦ ὑποκάτω τοῦ ἀφεδρῶνος, ὅπως κωλύοι αὐτὴν τοῦ μὴ ἐξελθεῖν... καὶ ἀποκλείσας αὐτὴν ἐν τῷ πλάσματι ἐξέρασε τὰ μιάσματα ἐκεῖνα, ἃ ἔφαγεν ὁ μιαρὸς μιαρὰ ἀπὸ τοῦ στόματος τοῦ Ἀδὰμ ἐπάνω τῆς ψυχῆς, καὶ ἐμιάνθη ἡ ψυχὴ καὶ ἔμενεν εἰς τὸ σκῆνος καὶ ἐγεννήθη ὁ Ἀδὰμ, καὶ διὰ τοῦτο, ὅταν θυμωθῇ ὁ ἄνθρωπος, μαίνεται ὡς ὄφις καὶ ὡς κύων καὶ ὡς κάττος, λέγοντες, ὅτι ἡ ψυχὴ ἐξ ἐκείνου τοῦ μιάσματος ἐκ πάντων μετέχει θηριώδων. Ἐπελαθόμην δὲ τοῦ ἐπερωτῆσαι αὐτούς, ἀδελφοί, εἰ θυμοῦται καὶ ὡς ὁ ποντικὸς καὶ ὡς ὁ βάτραχος.... Эта легенда о происхожденіи человѣка напоминаетъ извѣстный народный разсказъ о происхожденіи вина, художественно воспроизведенный графомъ Л. Н. Толстымъ, и конечно имѣетъ источникъ, общій съ послѣднимъ разсказомъ.

Еретики утверждали, что воскресенія мертвыхъ не будетъ, не будетъ и второго пришествія. Дьяволъ награждаетъ райскимъ блаженствомъ своихъ друзей и подвергаетъ мученію недруговъ. Богъ же не мѣшается въ земныя дѣла. διδάσκουσι δὲ οἱ παμμίαροι, ὡς ἔφαμεν, νεκρῶν ἀνάστασιν μὴ προσδοκᾶν, τὴν δὲ δευτέραν παρουσίαν μὴ εἶναι κρίσιν θεοῦ, ἀλλ' ὅτι πᾶσα ἡ ἐξουσία τῶν ἐπιγείων εἴτε κόλασις καὶ ὁ παράδεισος (περίδεισος p.) εἰς ἐξουσίαν εἰσὶ τοῦ ἄρχοντος τοῦ κόσμου τούτου ἢ τοῦ διαβόλου, καὶ ὅτι τοὺς φίλους αὐτοῦ βάλλει εἰς τὸν παράδεισον, τοὺς δ' ἐχθροὺς εἰς κόλασιν, καὶ ὅτι οὐδὲν κοινὸν ἔχει μετὰ τοῦ θεοῦ, αλλ' ὅτι ὁ θεὸς ἄρχει τῶν ἐπουρανίων, καὶ ὁ τοῦ κόσμου ἄρχει τῶν ἐπιγείων (ib. л. 8).

Опускаю черты ученія еретиковъ, приведенныя Евѳиміемъ, общія всѣмъ богомиламъ. Они строятъ и церкви, но только, чтобы осквернить и профанировать ихъ. Любопытенъ разсказъ Евѳимія о постройкѣ еретиками церкви.... εἰς τὴν τοποθεσίαν τοῦ στενοῦ πρὸ τὸ ἱερὸν ἦν ἐκεῖσε ἐκ τῆς κακίστης θρησκείας ταύτης ὁ φαινόμενος μοναχὸς καὶ πρεσβύτερος ὅπερ οὐκ ἦν ἀλλὰ διάβολος καὶ πρόδρομος τοῦ ἀντιχρίστου... ὁ τοιοῦτος ἔκτισεν ἐκκλησίαν, ζωγραφήσας καὶ καλλωπίσας αὐτῆς τὰ ἔσωθεν καὶ τὰ ἔξωθεν ποικίλως καὶ παγκάλως· συνέβη οὖν τὸν τοιοῦτον κακὸν ἀλλητήριον ψωφῆσαι, εὗρον (передаетъ Евѳимію достойный вѣры человѣкъ) ἐν τῇ κτισθείσῃ παρ' αὐτοῦ τῇ εἰρημένῃ ἐκκλησίᾳ ὄπισθεν τῆς τραπέζης.... ὅτι ἐποίησεν λάκκον μέγαν καὶ ἔθη-

κεν ἐπάνω τοῦ λάκκου πλάκα ἀφεὶς μικρὰν ὀπὴν ὡς ὀμφαλὸν δῆθεν καὶ ἐποίησεν ἐν αὐτῷ τῷ λάκκῳ τῷ ὄπισθεν τῆς τραπέζης τῆς ἐκκλησίας τὴν σωματικὴν χρείαν ὁ κατάρατος. (ib. л. 5—5 об.). Между тѣмъ, въ другомъ мѣстѣ (л. 20) Евѳимій говоритъ, что еретики, ссылаясь на извѣстныя слова Спасителя о молитвѣ, отвергали церковныя службы. Кажущееся противорѣчіе объясняется притворствомъ еретиковъ, которые всегда выдавали себя за христіанъ. Объ этомъ притворствѣ еретиковъ Евѳимій говоритъ часто и подробно въ своемъ «Посланіи». Еретики утверждали, что ихъ владыка дозволилъ имъ въ случаѣ крайности отрекаться отъ него и анаѳематствовать его. ...πῶς ὑποκρίνεσθε πάντα τὰ τῶν χριστιανῶν; Καὶ ἀπεκρίθη ὁ τρισάθλιος εἰπών· ὅτι λέγει ὁ ἀπόστολος ὅτι πᾶν ὃ οὐκ ἐκ πίστεως ἁμαρτία ἐστίν· ἡμεῖς δὲ, εἰ καὶ ποιοῦμεν πάντα, ἀλλ' οὐ πίστει· οὐ ποιοῦμεν οὔτε βάπτισμα οὔτε ἱερωσύνην... οὔτε ἄλλο τι τῶν χριστιανῶν, ἀλλ' ἐπιδεικτικῶς μᾶλλον καὶ ἐμπαικτικῶς πάντα ποιοῦμεν πρὸς τὸ λανθάνειν· καὶ γὰρ ὁ ἄρχων ἡμῶν προτρέπεται ἡμᾶς οὕτως ποιεῖν λέγων, ὅτι ἕνεκεν ἐμοῦ μηδεὶς κινδυνεύσει, ἀλλὰ πάντα ὑποκρίνεσθε· ἐγὼ γὰρ οὐκ εἰμι ὡς ὁ Χριστὸς ἀπολαχών, ἵνα πρὸς τοὺς ἐμοῦ μαθητὰς ὡς ἐκεῖνος εἴπω· ὅστις δ'ἂν ἀρνήσεταί μου... ἀλλ' εἰς ἀνάγκην καὶ ἀρνεῖσθε καὶ ἀναθεματίζετέ μοι καὶ πάντα κατ' ἐμοῦ καὶ ποιεῖτε καὶ λέγετε καὶ τὰ τῶν χριστιανῶν ὑποκρίνεσθε καὶ πρὸς ἐμὲ πάλιν ὑποστρέφετε καὶ μετὰ χαρᾶς πάλιν ὑμᾶς δέχομαι (ib. л. 5).

Желая кого-либо совратить въ ересь, они не сразу открываютъ ему тайны своего ученія, но постепенно обнаруживаютъ свои умствованія. Ἐξ ἀρχῆς τὰ ῥηθέντα λῃρήματα καὶ ἀσεβήματα τῶν διδαχῶν αὐτῶν οὐ φανεροῦσιν, ἀλλ' εὐσέβειαν ὑποκρίνονται καὶ διδα (л. 8 об.) σκαλίαν ὀρθήν· καὶ γὰρ εἰ γνώσουσί τινα ἔχοντα μικρὰν γνῶσιν, δογματικῶς αὐτῷ διαλέγονται, ἐπεὶ καὶ τὰ δογματικὰ ἐπὶ στόματος φέρουσι καὶ πρὸς ὃ ἔχουσι νοῆσαι ἑκάστου γνῶσιν, οὕτως καὶ αὐτοὶ συγκαταβαίνουσι καὶ ἐκ τοῦ κατὰ μικρὸν ἀπογυμνοῦσι τοὺς λογισμοὺς αὐτῶν καὶ τότε παγιδεύουσι αὐτοῖς μετὰ σκοποῦ καὶ πολλῆς ἀκριβείας, ἵνα μὴ γνωσθῶσι οἱ δόλιοι καὶ φανεροὶ γένωνται καὶ κρατηθῶσι...

Они подкрѣпляютъ свои доводы ссылками на Священное Писаніе и Отцовъ Церкви, но впослѣдствіи, когда имъ удалось совратить кого-либо, научаютъ не вѣрить во всѣ эти писанія. Такъ допрошенный Евѳиміемъ ересіархъ «οὐ μόνον τὰ τοῦ ἁγίου εὐαγγελίου ῥητὰ καὶ τὰς ἐπιστολὰς τοῦ ἁγίου ἀποστόλου Παύλου ἔφερεν ἐπὶ στόματος, ἀλλὰ καὶ θεολογικὰ καὶ χρυσοστομικὰ καὶ ἀπὸ τοῦ ψαλτηρίου καὶ ἀπὸ τοῦ Πατερικοῦ λόγους ἁγίων γερόντων καὶ ἁπλῶς ἀπὸ πασῶν τῶν γραφῶν ὡς ὕστερον καὶ μὴ βουλόμενος

καθωμολόγησεν, ὅτι μετὰ τὸ πλανῆσαι ἄνθρωπον διδάσκει μὴ πιστεύειν ὡς ἁγίας γραφὰς μὴ προσέχειν ἃς ὕστερον προβάλλονται εἰς διδασκαλίαν (ib. л. 4).

Еретики утверждали, что имъ дано знать тайны Божіи; остальнымъ же только въ притчахъ; что евангеліе нужно только для несовершенныхъ. Καὶ... λέγουσι πρὸς τοὺς μαθητὰς αὐτῶν ὅτι ἡμῖν δέδοται γνῶναι τὰ μυστήρια τοῦ θεοῦ ὡς ἐν τῷ εὐαγγελίῳ γέγραπται, τοῖς δὲ λοιποῖς οὐχί, ἀλλ' ἐν παραβόλοις μόνον· ἅγια δε εὐαγγέλια καὶ ἐπιστολὰς τοῦ ἁγίου Παύλου πρὸς τοὺς μήπω τελείους ἐπακολουθοῦντας αὐτοὺς ὀνομάζουσι καὶ τὰς ῥήσεις αὐτῶν προσφέρουσι πρὸς αὐτούς (л. 8).

О обрядѣ вступленія въ ересь ересіархъ сказалъ Евѳимію слѣдующее: ...Πέτρου τινὸς αἱρετικοῦ καὶ δειλαίου τοῦ γναφέως τοῦ ἐπονομασθέντος Λυκοπέτρου ἔχομεν ἐπῳδὴν σατανικήν, ἣν καὶ λέγομεν. ὅτι ἐστὶν ἡ ἀποκάλυψις τοῦ ἁγίου Πέτρου, καὶ ὅταν ποιήσομεν διὰ ποικίλων διδαχῶν ἀποστῆναί τινα ἀπὸ τοῦ θεοῦ καὶ φέρομεν αὐτὸν εἰς τὸ ἡμέτερον θέλημα μᾶλλον εἰς αὐτοῦ διαβόλου καὶ γνῶμεν, ὅτι ἀπέστη ἀπ' αὐτοῦ ἡ χάρις τοῦ ἁγίου Πνεύματος, ἣν ἔλαβεν ἐν τῷ ἁγίῳ βαπτίσματι, τότε ἔχομέν φησι τύπον ἐπαναγιγνώσκειν τὴν αὐτοῦ σατανικὴν ἐπῳδίαν ἐπάνω τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ καὶ ταῦτα ἀναγιγνωσκόμενα· παρευθὺς ὡς ἐξελθούσης ἀπ' αὐτοῦ τῆς τοῦ ἁγίου Πνεύματος χάριτος ἣν λαμβάνει ἀπὸ τοῦ ἁγίου βαπτίσματος, καὶ γίνεται ἐνέργεια σατανικὴ εἰς τὸν πλανηθέντα.... На вопросъ Евѳимія, знаетъ ли объ этомъ совращенный, еретикъ отвѣчалъ, что нѣтъ. ...μὴ γιγνώσκει, ἀλλὰ δελεάζομεν αὐτὸν λέγοντες, ὅτι τό τετραευαγγέλιόν σοι θέλομεν ἐπαναγνῶναι, καὶ τίθεμεν τὸ βίβλιον ἐπάνω τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ καὶ ἀρχόμεθα ἀπὸ τοῦ ἁγίου εὐαγγελίου γνωρίμους λόγους πρὸς τὸ λανθάνειν αὐτὸν καὶ οὕτως λανθάνοντες σὺν τοῖς εὐαγγελικοῖς ῥητοῖς ἐπαναγιγνώσκομεν τὴν ἐπῳδὴν ἐπάνω τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ· τούτου δὲ γενομένου καὶ τῆς χάριτος τοῦ ἁγίου Πνεύματος ἐξ αὐτοῦ ὑποχωρούσης λαμβάνει τὴν σφραγίδα τοῦ διαβόλου καὶ ὑπεισέρχεται καὶ ἐμφολεύει εἰς τὴν καρδίαν αὐτοῦ πνεῦμα πονηρόν, καὶ τοῦ λοιποῦ οὐδεὶς τὸν τοιοῦτον δύναται ἐξελεῖν ἐκ τῶν τοῦ διαβόλου χερῶν... (л. 4 об.).

Поступаютъ же они такъ т. е. совращаютъ въ свою ересь, чтобы не лишиться пребыванія съ нечистыми духами. Εἴπομεν δὲ ἡμεῖς πάλιν πρὸς τὸν ἄθεον· ἐπεὶ σὺ ἑαυτοῦ καταμαρτυρεῖς ὅτι πεπλανημένος εἶ καὶ πλάνη ἐστὶν ἡ διδασκαλία σου καὶ τοιαύτη πάντων τῶν κακῶν μείζων, πῶς καὶ ἄλλους ἐξαπατᾷν σπουδάζεις; Καὶ ἀπεκρίθη ὁ κατάρατος, ὅτι οἱ ἐν γνώσει τοῦ κακοῦ γενόμενοι καὶ χειροτονηθέντες περὶ τοῦ διαβόλου ἀπόστολοι καὶ διδάσκαλοι, εἰ μὴ τοῦτο μετὰ σπουδῆς ποιοῦσι πολλῆς, ζωὴν μετὰ τῶν μιαρῶν δαιμόνων οὐκ ἔχουσιν (ib. л. 5).

О собраніяхъ еретиковъ для общихъ молитвъ Евѳимій говоритъ слѣдующее. Ὁ πρόκριτος τῶν ἀσεβῶν καὶ ἄρχεται λέγων· προσκυνοῦμεν πατέρα καὶ υἱὸν καὶ ἅγιον πνεῦμα, καὶ ἀποκρίνονται οἱ συνευχόμενοι· ἄξιον καὶ δίκαιον... Καὶ ἄρχεται τὸ 'Πάτερ ἡμῶν' κατα τὸν τρόπον ὃν προειρήκαμεν ποιοῦντες τὰς μετανοίας κατὰ τρόπον τοιόνδε· τὰς κεφαλας αὐτῶν ἀνάγοντες καὶ κατάγοντες οἱ δαιμονιζόμενοι εὔχονται οὐ κατ' ἀνατολὰς, ἀλλ' ὅθεν ἀνευρεθῶσιν ἱστάμενοι, κἂν τε πρὸς βορᾶν κἂν τε νότου κατὰ δύσιν κἂν τε καὶ κατ' ἀνατολὰς αὐτούς. (л. 19 об.). Въ другомъ мѣстѣ Евѳимій утверждаетъ, что обрядъ вступленія въ ересь заканчивался чувственнымъ поклоненіемъ дьяволу вновь поступившаго. Приведу все мѣсто, изъ котораго видно, какъ постепенно еретики открывали новопосвящаемому тайны своего ученія· ...οὐ γὰρ αὐτοὶ οἱ περὶ τῶν ἀσεβῶν μαθητευόμενοι δύνανται συντόμως ταύτην τὴν μιαρὰν ἀσέβειαν κατανοῆσαι ἀκούοντες εἰς αὐτοὺς ὄνομα Πατρος, Υἱοῦ καὶ αγιου Πνεύματος καὶ Πέτρου καὶ Παύλου... καὶ τὰς δεσποτικὰς καὶ ἀποστολικὰς ρησεις εἰς διδασκαλίαν ἑαυτῶν προτιθέντας καὶ διὰ ποικίλης μαγγανείας... οἱ ἄθεοι καὶ ὅταν γνῶσι, ὅτι ἀπέστη ἀπ' αὐτῶν τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον καὶ ὡς ἀλλωτριώθη τοῦ ἁγίου βαπτίσματος καὶ πνεῦμα ἀκαθαρτον εἰς αυτοὺς ἐνοικῆσαν διὰ τῆς μιαρᾶς επῳδῆς καὶ τότε ἀσφαλειαν καὶ ὅρκους αὐτοὺς ἀπαιτήσαντες τότε ἀπάρχονται τοῦ θαρρεῖν αὐτοῖς τὴν μιαρὰν τοῦ διαβόλου μυσταγωγίαν καὶ τὰ αυτοῦ μυστήρια πλὴν οὐ πᾶσι ὁμοῦ θαρροῦσιν, ἀλλ' ἑνὶ μόνον καὶ ὅταν ἴδωσι τὸν ἐλεεινον ἐκεῖνον παγεωθέντα εἰς τὸ ἓν ἐκεῖνο καὶ πρῶτον κακὸν, πάλιν λέγουσιν αὐτῷ ἕτερον, καὶ οὕτως ἐκ τούτου κατὰ μικρὸν ὡς ἐπὶ χρόνον ἢ καὶ δύο μόλις αὐτῶν πᾶσαν τὴν αἵρεσιν καὶ μανίαν αὐτῶν ἀποκαλύπτουσιν εἰς αὐτὸν, καὶ τοῦ λοιποῦ φέρουσιν αὐτόν καὶ προσκυνεῖ αἰσθητῶς τὸν διάβολον (л. 6).

Въ своемъ рвеніи распространять ересь еретики не отступаютъ предъ опасностями и даже смертью. ...πολλάκις καὶ κινδύνους καταφρονοῦντες καὶ αὐτὸν τον θάνατον πρὸς τὸ ἐκτελεσαι τὸ τοῦ διαβόλου ἔργον καὶ διαφθεῖραι τὴν τοῦ Χριστοῦ ποίμνην καὶ ἀπολέσαι ψυχάς.

Такимъ образомъ посланіе Евѳимія представляетъ новый и интересный матеріалъ для характеристики ученія одного изъ крайнихъ направленій богомильства—люциферіанства.

К. Радченко.

ОТНОШЕНІЕ ВЕЛИКАГО КУРФЮРСТА ФРИДРИХА ВИЛЬГЕЛЬМА къ земскимъ чинамъ Бранденбурга по вопросу объ акцизномъ налогѣ.

А. Солнцева.

НѢЖИНЪ,
Типо-Лит. М. В. Глезера соб. д.
1901.

Печатано по постановленію Конференціи Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко

Директоръ *Ф. Гельбке.*

Отношеніе великаго курфюрста Фридриха Вильгельма къ земскимъ чинамъ Бранденбурга по вопросу объ акцизномъ налогѣ.

I.

Вопросъ объ акцизахъ сыгралъ видную роль въ исторіи Прусскаго государства. Борьба изъ-за акцизнаго налога между Великимъ Курфюрстомъ и земскими чинами Бранденбурга имѣла несомнѣнно политическій характеръ. Характеризуя отношенія Фридриха Вильгельма къ земскимъ чинамъ по вопросу объ акцизномъ налогѣ, мы ограничиваемся его борьбою съ бранденбургскими чинами, обходя полнымъ молчаніемъ введеніе акцизнаго налога въ Пруссіи и прирейнскихъ городахъ. Такое ограниченіе мы позволили себѣ допустить во первыхъ потому, что не было подъ руками всѣхъ необходимыхъ для этого актовъ, а во вторыхъ потому, что борьба изъ-за акциза въ общемъ носила всюду одинаковый характеръ.

Въ жизни каждаго народа бываютъ такія эпохи, когда правовыя отношенія, выработанныя прежними историко-экономическими условіями, вступаютъ въ антагонизмъ съ зарождающимися новыми потребностями жизни. Борьба между отжившими формами жизни и новыми ея началами бываетъ тѣмъ упорнѣе и ожесточеннѣй, чѣмъ тѣснѣе связаны интересы представителей стараго порядка съ сохраненіемъ status quo, чѣмъ чувствительнѣе для нихъ потеря ихъ привилегированнаго положенія при новомъ порядкѣ, и чѣмъ безотраднѣе, съ другой стороны, положеніе народной массы, требующее немедленныхъ реформъ.

Задача историческаго дѣятеля, новатора, не только прислушаться къ голосу народившихся общественныхъ потребностей, привести ихъ въ сознаніе общества и пересоздать на новыхъ началахъ отживщій старый

порядокъ, но и облегчить приверженцамъ старины стоящій на очереди переходъ къ новому порядку вещей.

При вступленіи Фридриха Вильгельма на престолъ, его страна носила на себѣ почти всѣ отличительныя черты феодальнаго строя. Различіе сословій, ихъ замкнутость и обособленность, ихъ права и привилегіи, дѣлавшія ихъ независимыми отъ правителя страны и обезпечивавшія за ними рѣшительное вліяніе на дѣла политики, сохранились во всей силѣ. Первенствующая роль въ государствѣ принадлежала дворянамъ, которые находились въ постоянномъ антагонизмѣ съ курфюрстомъ. Всѣ помѣщики, прусское юнкерство, вообще всѣ владѣвшіе землею и въ то же время обладавшіе какою-либо полицейскою и судебною властью старались сдѣлаться «императорами въ своей землѣ»[1]). Каждая община, округъ и провинція стремились къ полной автономіи. Связь между ними—чисто внѣшняя, общенія почти не было. Клевскіе чиновники, напр., не могли получать назначеніе въ Маркахъ,[2]) а бранденбургскіе—въ земляхъ прусскихъ и клевскихъ[3]). Берлинскіе проповѣдники жаловались, что курфюрстъ Георгъ Вильгельмъ умеръ «на далекой чужбинѣ», im ferner Auslande» (въ Кенигсбергѣ).[4]) Обособленность провинцій доходила до того, что часто, при нападеніи непріятеля на одну изъ нихъ, другія медлили помощью, а иногда и совсѣмъ отказывались помогать своей несчастной сосѣдкѣ[5]). Объ единодушномъ, энергичномъ сопротивленіи врагамъ нечего было и мечтать. А между тѣмъ XVII вѣкъ былъ эпохой суровой національно-экономической борьбы. Болѣе крупныя государства того времени пользовались своимъ политическимъ могуществомъ для безпощадной борьбы противъ своихъ экономическихъ конкуррентовъ, а иногда даже для уничтоженія ихъ. Законныя права слабыхъ вызывали полное презрѣніе со стороны сильныхъ государей. Сынъ своего вѣка, великій Густафъ Адольфъ говорилъ: «Не ходите среднею дорогою, если хотите уберечь себя и государство. Спасеніе въ крайностяхъ[6])».

---

[1]) Лучицкій, К. У. И. 1881 г., № 2, стр. 81.

[2]) Eberty, 337.

[3]) Stenzel, II, 69.

[4]) Eberty, 281.

[5]) Droysen, II, 222. 225.

[6]) Грановскій, II. 283.

„Я не желаю ни знать, ни слышать ничего о нейтралитетѣ. Ваша милость (Георгъ Вильгельмъ) должны быть другомъ или недругомъ; tertium non datur"[1]). „При нейтралитетѣ, непріятели, по словамъ Фридриха Вильгельма, отнимали у жителей, не довольствуясь контрибуціей, также и ихъ имущество (das seinige).[2])

Вообще время было самое суровое: враги безпощадно уничтожали всѣхъ, кто не защищался и не могъ защититься. Со времени Вестфальскаго мира, узаконившаго разложеніе Германской имперіи, нѣмцы все болѣе и болѣе теряютъ старую торговлю. Одно за другимъ устья важнѣйшихъ нѣмецкихъ рѣкъ переходятъ въ чужія руки. Вполнѣ естественными являются, такимъ образомъ, въ Германіи жалобы на ничтожность германскаго императорскаго правительства, неспособнаго освободить подданныхъ отъ торгово-политической зависимости со стороны сосѣднихъ державъ[3]).

Отличаясь природнымъ умомъ и получивши прекрасное образованіе въ Лейденскомъ университетѣ, Фридрихъ Вильгельмъ прекрасно понималъ причины бѣдствій своихъ подданныхъ, всѣ преимущества и необходимость для своего времени крѣпко сплоченной, хотя бы и маленькой державы. Пребываніе въ Голландіи оставило на немъ неизгладимые слѣды. Съ удовольствіемъ онъ всегда вспоминалъ объ этой странѣ, которая, будучи мала и притомъ плохо заселена, тѣмъ не менѣе удачно защищала свое почетное положеніе среди европейскихъ народовъ и внушала уваженіе всѣмъ своимъ друзьямъ и недругамъ[4]). Его завѣтною мечтою было сплотить разрозненные элементы своего курфюршества, соединить ихъ въ одно органически связанное государство, которое могло бы легко и свободно удовлетворять свои насущныя потребности и отражать притязанія внѣшнихъ враговъ. Для этого необходимо было въ корнѣ перестроить курфюршество, сломить старыя феодальныя начала съ ихъ сословными привилегіями и преимуществами дворянъ.

Но дворяне не могли добровольно, безъ всякаго протеста, согласиться на лишеніе ихъ исконныхъ льготъ. Они составляли главную силу въ

---

[1]) Eberty, 255.
[2]) Isaacsohn, 390.
[3]) Шмоллеръ, 27.
[4]) Eberty, I, 300.

курфюршествѣ. Помимо того, что родовая аристократія сама пользовалась большимъ вліяніемъ на дѣла государства, она могла всегда ссылаться на авторитетъ сословныхъ собраній, въ которыхъ дворяне имѣли рѣшительный перевѣсъ надъ другими сословіями[1]). Защищая свое привилегированное положеніе, свободу отъ налоговъ и почти полную независимость отъ верховнаго правителя, дворяне могли выставить себя защитниками вѣковой свободы страны отъ обложенія и монархическаго деспотизма. Насколько сильнымъ орудіемъ противъ курфюрста служили земскіе чины, видно уже изъ клятвы, даваемой каждымъ новымъ курфюрстомъ при его вступленіи на престолъ: курфюрстъ обязывался свято соблюдать всѣ права земскихъ чиновъ, подтверждалъ также ихъ право сопротивляться всѣмъ его распоряженіямъ, клонящимся къ нарушенію сословныхъ интересовъ[2]). Открытая борьба съ дворянами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и со всѣми земскими чинами, повидимому, грозила курфюрсту полнымъ пораженіемъ.

II.

Браденбургское курфюршество въ XVII вѣкѣ далеко не отличалось закругленностью своихъ владѣній. Бранденбургъ, Пруссія, прирейнскія земли, изъ которыхъ оно тогда состояло[3]), лежали отдѣльными группами и обладали громадною пограничною линіей сравнительно съ площадью страны.

Расположенное на сѣверо-германской равнинѣ, курфюршество не имѣло естественныхъ границъ, за которыми могло бы укрыться отъ внѣшнихъ враговъ. Вообще оно было поставлено въ такія условія, въ которыхъ малые и слабые легче всего являются добычею того, кто великъ и силенъ.

Неудобство и опасность географическаго положенія бранденбургскихъ владѣній особенно наглядно обнаружились во время тридцатилѣтней войны. Несмотря на всѣ усилія нѣкоторыхъ курфюрстовъ держаться нейтралитета, ихъ марки и клевскія земли служили тогда ареною вторже-

---

[1]) Лучицкій, К. У. И. 1880 г., № 11, стр. 327. Ср. Buhl. 24 стр.

[2]) Лучицкій, К. У. И. 1880 г., № 11, стр. 325.

[3]) См. карты Фримана, II т. Р. С. 26, 27.

ній со стороны воюющихъ народовъ. При вступленіи Фридриха Вильгельма въ правленіе страною, ни одно изъ его владѣній не было свободно отъ враговъ. Шведы, повидимому, и не думали слагать оружіе и возвращаться въ свою страну. Не желая отказываться отъ вмѣшательства въ чужія дѣла, они переговорами воспользовались лишь для того, чтобы выиграть во времени и извлечь отсюда себѣ пользу.[1]) Участіе Бранденбурга въ заключеніи Пражскаго мира они приняли за объявленіе войны и подъ этимъ предлогомъ удержали за собою весьма важную для курфюршества область Померанію, которая, по смерти Болеслава XIV, должна была, согласно договору, заключенному между нимъ и бранденбургскимъ правителемъ, достаться послѣднему[2]). Мало того, шведскія войска все еще продолжали грабить и опустошить курфюршество до воротъ Берлина[3]). Въ то же время въ клевскихъ земляхъ, доставшихся Бранденбургу, хозяйничали голландскія и гессенскія войска, занявшія крѣпости подъ предлогомъ защиты ихъ отъ испанцевъ. Согласно договорамъ 1632, 35 и 36 г. бранденбургскій курфюрстъ обязанъ былъ даже заботиться о содержаніи голландскихъ гарнизоновъ въ Везелѣ, Эммерихѣ и Реѣ, выдавая имъ ежегодно по 120,000 талеровъ. Наконецъ, Пруссія находилась подъ сильнымъ вліяніемъ со стороны Польши[4]); герцогъ прусскій былъ въ то же время вассаломъ короля польскаго.

Положеніе дѣлъ представлялось настолько критическимъ, что молодой курфюрстъ считаетъ миръ со шведами для себя необходимымъ и заключаетъ его 17 іюля 1642 г. на самыхъ невыгодныхъ для себя условіяхъ: шведы по прежнему оставались господами Старой Марки и удерживали свои гарнизоны во Франкфуртѣ, Кроссенѣ, Ландсбергѣ, Дризенѣ и Гарделегенѣ; на содержаніе этихъ гарнизоновъ подданные курфюрста должны были ежемѣсячно вносить по 10000 тал. и 1000 шеффелей хлѣба[6]); кромѣ того, курфюрстъ, вопреки Пражскому миру, обязался не

---

1) Isaacsohn, 50.
2) Eberty, 290, 327—328.
3) ib., 302.
4) Stenzel, B. II. 17; cp. B. I, 527
5) Eberty, 284.
6) Isaacsohn 151.

давать прохода чрезъ свои владѣнія никому изъ враговъ шведовъ, даже германскому императору; и все это только за то, что шведы обѣщали при своихъ военныхъ передвиженіяхъ, по возможности, обходить предѣлы Марки, вступать въ нее лишь въ самомъ необходимомъ случаѣ, своихъ мародеровъ считать за разбойниковъ и наказывать ихъ[1]). Не менѣе дорогою цѣною купилъ курфюрстъ у польскаго правительства и право на прусское герцогство: онъ обязался не заключать нейтральнаго договора ни съ кѣмъ изъ враговъ королевства, комендантами Пиллау и Мемменя назначать лицъ, одобренныхъ королемъ, признать право апелляціи отъ прусскихъ судебныхъ трибуналовъ къ польскимъ[2]), ежегодно вносить польскому королю по 30000 гульденовъ, а въ случаѣ войны-двойную сумму[3]). Согласиться навсегда съ такими тяжелыми и унизительными условіями было невозможно.

Вестфальскій миръ немногимъ улучшилъ положеніе курфюршества: къ бранденбургскимъ владѣніямъ была присоединена только часть Восточной Помераніи, Минденъ и Каминъ[4]). Но эти пріобрѣтенія мало придавали округленности курфюршеству: Пруссія съ своими чинами, тянувшими къ Варшавѣ, все еще была отдѣлена отъ него польскимъ королевствомъ, клевскія владѣнія, по отношенію къ которымъ Голландія играла такую же роль, какую Польша—по отношенію къ Пруссіи, попрежнему лежали вдали, словно островъ, окруженный голландскими, баварскими, ганноверскими и другими землями. Въ Помераніи и Маркахъ продолжали оставаться шведы, возложивши содержаніе своихъ войскъ на туземныхъ жителей[5]). Согласно Нюренбергскому миру курфюрстъ уплатилъ имъ 141,670 тал., лишь бы только они очистили Минденъ, Гальберштадтъ и всѣ города, занятые ими въ маркахъ[6]). Но они долго медлили уходить отсюда.

---

[1]) Eberty, 306.
[2]) Ibid., 308.
[3]) Ibid., 309.
[4]) Ibid., 332.
[5]) Ibid., 337.
[6]) Ibid., 341.

Положеніе курфюрста являлось въ высшей степени затруднительнымъ. Особенно яблокомъ раздора служила Померанія: шведы не хотѣли отказаться отъ нея и всѣми силами старались утвердиться здѣсь. Согласиться на потерю Помераніи великій курфюрстъ не могъ. Въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ бы отказаться отъ мысли видѣть когда-либо свою страну среди первостепенныхъ державъ: бранденбургское курфюршество навсегда отказалось бы отъ моря и было бы обречено на опасное сосѣдство со шведами. Пріобрѣтеніе Помераніи было завѣтною мечтою Фридриха Вильгельма[1]). Только въ іюнѣ 1653 г. шведы очистили Кольбергъ, главную крѣпость той части Помераніи, которая досталась Бранденбургу[2]). Въ 1654 г. великій курфюрстъ былъ вовлеченъ въ войну шведовъ съ Польшею.

Оставаться простымъ зрителемъ между двумя воюющими державами онъ не могъ, такъ какъ опытъ Георга Вильгельма[3]) ему наглядно показалъ, что значитъ слабому государству поддерживать нейтралитетъ среди сильныхъ непріятелей[4]). Великій курфюрстъ долженъ былъ лавировать среди воюющихъ сторонъ въ теченіе всей пятилѣтней войнѣ шведовъ съ поляками, и только благодаря своему уму и дипломатическому искусству онъ благополучно вышелъ изъ затруднительнаго положенія[5]). Съ заключеніемъ Оливскаго мира 21 апр. 1660 г. наступаетъ затишье, которое и продолжалось до 1671 г. Въ 1671 г. Фридрихъ Вильгельмъ опять принужденъ былъ выступить на поприще военной дѣятельности. Онъ не могъ допустить, чтобы Франція, побѣдивши Голландскую республику, въ ослабленіи которой Людовикъ XIV видѣлъ необходимое условіе своего собственнаго могущества,[6]) открыла дверь въ нѣмецкую имперію и стала опаснымъ сосѣдомъ Бранденбурга. Поэтому, хотя французы и просили держаться нейтралитета, обѣщая покровительство его странѣ, полное вознагражденіе за всѣ убытки, которые она могла бы понести благодаря войнѣ; хотя, затѣмъ, великому курфюрсту прихо-

---

1) Eberty, 660.
2) Ibid., 370.
3) Ibid., 256—258
4) Ibid., 416.
5) Грановскій, 294—295.
6) Ibid., 297.

дилось выступать противникомъ не только Франціи, но и ея союзниковъ— Англіи, Швеціи и многихъ нѣмецкихъ князей, однако онъ считалъ своимъ долгомъ, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, отстаивать интересы своей страны. Онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы выяснить предъ нѣмецкими князьями всю опасность, грозившую Германіи со стороны Франціи. Одинъ только императоръ, на котораго онъ дѣйствовалъ угрозами, обѣщая, въ случаѣ отказа, примкнуть къ Франціи, послалъ свои войска къ берегамъ Рейна, но и тотъ далъ имъ тайное приказаніе избѣгать сраженій. Положеніе великаго курфюрста ухудшалось еще тѣмъ, что Голландія не платила обѣщанной субсидіи, поляки и шведы грозили войною, прирейнскіе князья жаловались на убытки, причиненные прусскими войсками въ ихъ земляхъ и требовали у курфюрста вознагражденія за эти убытки. Неоднократно курфюрстъ находился въ критическомъ положеніи: чувствовался недостатокъ въ деньгахъ и жизненныхъ припасахъ; солдаты отъ трехъ до четырехъ дней не получали хлѣба и должны были питаться рѣпою, которую они находили на поляхъ; появились болѣзни среди нихъ[1]). Сознаніе опасности и необходимость положить конецъ завоевательнымъ стремленіямъ Франціи не позволяли курфюрсту падать духомъ. Но вотъ въ предѣлы марокъ вторглись шведы: ихъ вызвалъ Людовикъ XIV, надѣясь, что это заставитъ Фридриха Вильгельма оттянуть войска отъ французскихъ границъ[2]). Курфюрстъ отступилъ[3]). Началась тяжелая шведская война, продолжавшаяся пять лѣтъ. Изъ нея бранденбургскій правитель вышелъ со славой. Императоръ, родственники и союзники курфюрста, завидовавшіе его возвышенію[4]), заставили его прекратить войну,—такъ впослѣдствіи съ горечью заявлялъ Фридрихъ Вильгельмъ[5]). С.-Жерменскій миръ не улучшилъ внѣшняго положенія курфюршества: съ императоромъ и Голландіей сношенія были прерваны. Союзники Фридриха Вильгельма—Мюнстеръ и Люнебургъ—заключили союзъ съ Франціей и Швеціей. Ганноверъ и Сак-

---

1) Eberty, 578—592.
2) Ibid., 595.
3) Ibid., 599—613.
4) Ibid., 386.
5) Ibid., 644.

сонія тоже склонились въ сторону шведовъ. Послѣднему наиболѣе вѣрному союзнику, королю датскому, великій курфюрстъ самъ далъ полное основаніе къ неудовольствію, заведя безъ совѣта съ нимъ переговоры о мирѣ съ Франціей и заключивши С.-Жерменскій миръ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда самъ требовалъ отъ Даніи наступательнаго союза противъ Франціи[1]). Шведы хозяйничали въ Маркѣ, Помераніи и Пруссіи. Клеве и Минденъ находились еще въ рукахъ французовъ, которые, несмотря на миръ, занимали крѣпости своими гранизонами и собирали съ жителей контрибуціи[2]).

Короче говоря, ни миръ Вестфальскій, ни Нимвегенскій, ни Оливскій ни С.-Жерменскій не доставили спокойствія бранденбургскому курфюршеству. Почти все время приходилось ему принимать дѣятельное участіе въ войнахъ, испытывать на себѣ ненависть шведовъ, для которыхъ война служила промысломъ; постоянно приходилось чувствовать завистливый взглядъ ревнивой Австріи, недоброжелательство Польши и Франціи.

III.

При такомъ положеніи дѣлъ все спасеніе Бранденбургскаго курфюршества заключалось въ арміи. Въ виду постоянно угрожавшихъ Бранденбургу опасностей необходима была регулярная армія, которая всегда готова была бы отразить враговъ и предотвратить возможность своевольныхъ движеній непріятельскихъ войскъ чрезъ бранденбургскія владѣнія; для большей быстроты дѣйствія эта армія должна была находиться въ полной зависимости отъ главы курфюршества. Только владѣя такою арміей, курфюрстъ могъ успѣшно отстаивать свою самостоятельность, поднять свою страну въ политическомъ отношеніи и достигнуть необходимаго закругленія бранденбургскихъ владѣній.

Потребность въ сильной арміи, подсказываемая самою жизнью, начинала входить въ сознаніе общества. Совѣтникъ курфюрста, графъ Шварценбергъ, писалъ земскимъ чинамъ: „Если разсудить, то окажется, что Его Величество, не имѣя солдатъ, въ концѣ концовъ

---

[1]) Eberty, 646.

[2]) Ibid., 645.

не будетъ имѣть ни страны, ни людей, ни чиновъ, ни подданныхъ; нагляднымъ доказательствомъ тому служатъ старыя времена"[1]).

Значеніе регулярной арміи, необходимость скорѣе организовать ее, несмотря ни на какія препятствія, прекрасно понималъ и сознавалъ великій курфюрстъ[2]). Организацію арміи онъ поставилъ задачею своей жизни, и его заботы о ней проходятъ красною нитью чрезъ все его правленіе. При вступленіи Фридриха Вильгельма въ правленіе страною, бранденбургское войско состояло изъ наемниковъ, навербованныхъ на средства императора; присягали они одному императору; имѣли императорскія знамена[3]). Наемники буйствовали, не хотѣли знать никакой дисциплины и не признавали надъ собою власти курфюрста[4]). Курфюрстъ потребовалъ отъ нихъ присяги себѣ, но встрѣтилъ отказъ. Тогда онъ распускаетъ ихъ и удерживаетъ только 2000 человѣкъ пѣхоты и 200 гвардіи. Къ нимъ впослѣдствіи присоединилось еще 900 человѣкъ пѣхотной лейбъ—гвардіи. Составилась, такимъ образомъ, армія въ 3100 человѣкъ, присягнувшихъ курфюрсту[5]); въ 1646 г. она была увеличена до 8000 человѣкъ[6]), а въ 1651 г. до 16000[7]); ко времени шведско-польской войны, т. е. чрезъ три года (въ 1654 г.), курфюрстъ располагалъ уже 26000-й арміей съ 72 пушками[8]), во время войны со шведами его армія доходила до 40000 человѣкъ[9]); подъ конецъ своей жизни Фридрихъ Вильгельмъ располагалъ 25000-нымъ войскомъ[10]).

Сначала содержаніе арміи (одежда, вооруженіе, провіантъ, вознагражденіе высшимъ и низшимъ чинамъ) брали на себя за извѣстную

---

1) Isaacsohn, 71.

2) О взглядѣ курфюрста на значеніе арміи можно судить по тѣмъ спорамъ, которые велъ онъ съ чинами относительно войска. Isaacsohn, 305, 309, 313, 322 и 326.

3) Eberty, 275—276.

4) Isaacsohn, 34.

5) Eberty, 304.

6) Eberty, 315.

7) Stenzel, II, 63.

8) ib., 63.

9) ib., 222.

10) Eberty, 562.

плату ея главные начальники. Курфюрстъ не вмѣшивался во внутреннюю жизнь арміи[1]), требовалъ только отъ начальниковъ присяги, повиновенія ему[2]) и строгаго выполненія ихъ обязательствъ относительно количества поставляемаго войска. Но съ 1658 г. онъ требуетъ уже назначенія офицеровъ, одобренныхъ имъ, наказанія и увольненія ихъ съ его вѣдома и позволенія. Съ 1660 г. Фридрихъ Вильгельмъ даетъ званіе полковника лицамъ, не имѣвшимъ собственныхъ наемныхъ солдатъ, а съ 1668 г. всѣхъ военныхъ подчиняетъ особому военному суду[3]). Кромѣ знаменъ и оружія, великій курфюрстъ съ 1660 г. доставляетъ солдатамъ одежду, причемъ вводитъ однообразную форму[4]). Мало-по-малу армія, которую Фридрихъ Вильгельмъ приказываетъ вербовать изъ туземныхъ жителей[5]), входитъ въ полное распоряженіе курфюрста.

IV.

Гдѣ было взять необходимыя для арміи средства? „Питаться однимъ воздухомъ солдатъ не можетъ“, говорилъ курфюрстъ[6]). Неаккуратная выдача солдатамъ жалованья должна была гибельно отражаться на остальныхъ курфюршескихъ подданныхъ, такъ какъ голоднаго солдата ничѣмъ нельзя удержать отъ грабежа. Естественнѣй всего покрывать расходы на войско государственными доходами. Но тогдашнее состояніе бранденбургскихъ финансовъ не позволяло этого. Дворъ не отдѣлялся отъ государства; доходы и расходы курфюрста и всей страны не были строго разграничены[7]); государственные чиновники были въ то же время и чиновниками дворцоваго хозяйства, что порождало, по словамъ Брейзига, массу конфликтовъ, ослабляло чувство отвѣтственности и тѣмъ поощряло халатное отношеніе къ дѣламъ[8]). Невыгодно отражалась также

---

[1]) Wolff, 7.
[2]) Eberty, 302—304.
[3]) Wolff, 8.
[4]) ib., 8.
[5]) ib., 9.
[6]) Isaacsohn, 110.
[7]) Breysig, 55—59.
[8]) ib., 95.

на государственныхъ доходахъ господствовавшая въ то время система натуральнаго хозяйства: крестьяне вносили оброки натурою[1]); чиновники получали жалованье тоже натурою[2]). Естественно открывался большой просторъ всякаго рода злоупотребленіямъ и растратамъ[3]). Изъ этихъ двухъ недостатковъ, вмѣстѣ съ обособленностью главныхъ бранденбургскихъ владѣній, вытекало весьма вредное для финансовъ отсутствіе централизаціи. Правда, было двѣ главныхъ кассы—Hofrentei и Schatulle[4]). Но эти кассы далеко не служили показателями общей доходности страны: счеты въ нихъ велись весьма безпорядочно; въ Schatull'ѣ итоги подводились только разъ въ три четверти года, а казначей Hofrentei (Hofrentmeister) не имѣлъ даже черновой тетради; точности итоговъ не преслѣдовали[5]); даже не было подсчетовъ, сколько жалованья получалъ въ годъ каждый чиновникъ, сколько приносилъ дохода отдѣльный округъ, принадлежавшій курфюрсту, та или другая таможенная станція (Zollstelle)[6]). Сюда стекались доходы изъ однѣхъ марокъ, да и то не всѣ. Изъ остальныхъ земель въ главныя кассы шла весьма незначительная часть доходовъ. Такъ, въ началѣ правленія Фридриха Вильгельма лишь одна седьмая ихъ часть доходила до центральныхъ кассъ, которыя, такимъ образомъ, не были мѣстомъ собранія всѣхъ доходовъ и служили только для покрытія опредѣленныхъ расходовъ, именно, по содержанію двора и берлинскихъ присутственныхъ мѣстъ[7]). Подведенію общихъ счетовъ препятствовало также существованіе, наряду съ главными кассами, окружныхъ палатъ, „Amtskammer", вѣдавшихъ контролемъ и счетомъ натуральныхъ запасовъ и не дѣлавшихъ никакихъ донесеній этимъ кассамъ относительно своихъ расходовъ[8]). Наконецъ, не вносилось въ общій счетъ весьма много суммъ, которыя курфюрстъ приказывалъ второстепеннымъ

---

[1]) Breysig, 303.
[2]) ib., 61.
[3]) ib., 63.
[4]) ib., 55.
[5]) ib., 59.
[6]) ib. 60.
[7]) ib., 60.
[8]) ib., 63.

кассамъ выдавать непосредственно въ руки получателей. Курфюрстъ прибѣгалъ къ такому средству въ тѣхъ весьма нерѣдкихъ случаяхъ, когда въ главныхъ кассахъ денегъ въ наличности не имѣлось, а самъ онъ испытывалъ въ нихъ крайнюю нужду, требовавшую немедленнаго удовлетворенія[1]). Все зло заключалось въ томъ, что эти суммы, будучи записаны во второстепенныхъ кассахъ, никѣмъ не контролировались[2]), благодаря чему открывался широкій доступъ злоупотребленіямъ[3]). Слѣдствіемъ крайней расшатанности финансовой организаціи было отсутствіе строгаго контроля всѣхъ доходовъ и расходовъ[4]) и невозможность по отчетамъ центральныхъ кассъ судить объ объемѣ матеріальныхъ силъ, находившихся въ распоряженіи правительства. Этимъ объясняется та ненормальность, что государственный бюджетъ изъ года въ годъ колебался отъ 5% до 100% и больше[5]). Необходимы были реформы.

При безпорядочности финансовой организаціи, курфюрстъ не могъ ожидать большихъ доходовъ, тѣмъ болѣе, что главный источникъ ихъ— коронныя имѣнія находились въ упадкѣ. Въ распоряженіи Фридриха Вильгельма, при его вступленіи въ правленіе страною, было не болѣе 28 округовъ[6]). Да и эти немногіе округа носили на себѣ глубокіе слѣды разрушительныхъ войнъ. Яркимъ примѣромъ печальнаго состоянія доменовъ можетъ служить Беескo-Сторковскій округъ, который тогда принадлежалъ Новой Маркѣ и почти на половину состоялъ изъ коронныхъ имѣній: въ 1641 г. въ немъ 11 деревень были совсѣмъ опустошены, а остальныя такъ разорены, что по новому податному кадастру, составленному на 1641 г., въ 24 беесковскихъ деревняхъ было только 95½ гуфъ, въ 24 сторковскихъ деревняхъ числилось гуфъ еще меньше: на каждую деревню приходилось здѣсь среднимъ числомъ только по одной податной гуфѣ[7]). Разоренные войною домены, въ правленіе Фридриха Вильгельма

---

1) Breysig, 84.
2) ib., 65.
3) ib., 66.
4) ib., 246.
5) ib., 66.
6) ib., 132.
7) ib., 241.

заложенные и перезаложенные[1]), не могли приносить много дохода, чему немало способствовала и плохая система администраціи[2]). Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, за покрытіемъ необходимыхъ расходовъ, совсѣмъ ничего не оставалось[3]). Въ 1638 г. на содержаніе двора недоставало 545 виспелей ржи, 200 ячменя, 163 овса и 69 виспелей хмеля[4]). Въ 164$^3/_4$ г. чистаго дохода со всей Курмарки было 5200 талеровъ[5]). Въ 1648 г. 48354 гуфы доменныхъ земель приносили въ казну не больше 60000 тал. чистаго дохода[6]).

Принимая все это во вниманіе, а также и отсутствіе развитой торговли[7]), вполнѣ становится понятно, почему курфюрстъ нерѣдко былъ не въ состояніи уплачивать счеты по содержанію двора, представляемые ему купцами и ремесленниками[8]). Въ 1640 г. государственные доходы не превышали 35000 тал.[9]). Въ 1659 г., при требованіи 9100 тал. на содержаніе двора, дохода поступило только 43000 тал.[10]) Въ 1669 г. подсчетъ доходовъ изъ Пруссіи, Помераніи, Старой и Новой Марки, Гальберштадта, Миндена, Равенсбурга и Клеве наводитъ Канштейна на размышленіе, гдѣ найти средства для существованія[11]). Въ 1673 г. курфюрстъ въ своемъ распоряженіи объ основаніи дворцовой кассы (Hofstaatskasse) писалъ, что не хватаетъ средствъ даже на жалованіе необходимаго числа придворныхъ слугъ[12]). Насколько были плохи финансы бранденбургскаго правителя, показываетъ утвержденіе Канштейна, что въ правленіе Фридриха Вильгельма до 1659 г. выдано около 37 закладныхъ и другихъ письменныхъ обязательствъ; правда,

1) Молчановскій, 21, 22.
2) Breysig, 241—245.
3) ib., 237.
4) ib., актъ 79.
5) ib., 238.
6) Молчановскій, 21
7) Isaacsohn, 65.
8) Breysig, 77.
9) Молчановскій, 21.
10) Breysig, 344.
11) ib., № 19.
12) ib., № 22.

между ними находилось много такихъ, въ которыхъ дѣло шло относительно небольшихъ клочковъ земли, крестьянскихъ дворовъ, но были также обязательства, касавшіяся цѣлыхъ деревень и мызъ (Vorwerke).[1]) Къ 1660 г. домены были перезаложены, а страна обременена огромнымъ долгомъ: въ 1661 г. считалось долгу больше 14 тоннъ золота; за кассою, вѣдавшею поступленіемъ дохода съ акциза на пиво (Biergeld), числилось долгу 1, 183, 282 тал., за кассою, въ которую шли поземельныя подати (Hufenschoss),—237, 380 тал.[2]). При такомъ состояніи финансовъ, когда на содержаніе курфюршескихъ гарнизоновъ, напр., въ 1643 г., по вычисленію земскихъ чиновъ, не считая другихъ расходовъ, требовалось 97, 638 тал.), тогда какъ доходъ не превышалъ 42, 260 тал. 13 гр. 9½ пф.[4]), обойтись безъ новыхъ налоговъ, очевидно, не было никакой возможности. Но здѣсь курфюрсту пришлось столкнуться съ интересами земскихъ чиновъ.

V.

Введеніе новыхъ налоговъ зависѣло не столько отъ курфюрста, сколько отъ земскихъ чиновъ. Курфюрстъ долженъ былъ сначала испросить согласіе у чиновъ и только тогда могъ облагать страну налогами. Чины имѣли полное право отказать курфюрсту въ его просьбѣ, если находили эту просьбу несогласною съ интересами страны. Ни правовой, ни моральной обязанности не составляло для нихъ непремѣнно оказывать курфюрсту поддержку въ вопросѣ о финансахъ. Если они иногда въ этомъ отношеніи и дѣлали что-либо для правителя, то дѣлали только, какъ подарокъ, и всегда это старались отмѣтить[5]). Правда, заботы о войскѣ касались интересовъ всей страны и потому, какъ вполнѣ вѣрно говорилъ Фридрихъ Вильгельмъ, вся страна должна доставлять средства

---

[1]) Breysig, 336.
[2]) Isaacsohn, 385.
[3]) ib., 110.
[4]) Breysig, актъ 15.
[5]) Buhl, 10.

на содержаніе арміи[1]). Сами чины, взявши на себя, по договору 1 мая 1620 г., содержаніе 300 всадниковъ и 1000 пѣхотинцевъ въ теченіе 3 мѣсяцевъ[2]), показали, что они берутъ на себя заботы о доставленіи средствъ, необходимыхъ для безопасности страны. Но все же нельзя было ожидать добровольнаго согласія земскихъ чиновъ на новые налоги для сильной арміи.

Начало земской организаціи относится къ тѣмъ далекимъ временамъ, когда вассалы не успѣли еще ограничить власть правителя страны и строго исполняли всѣ свои обязанности по отношенію къ нему. Правитель страны нерѣдко прибѣгалъ въ своихъ постановленіяхъ къ совѣту и согласію «особыхъ мужей». Кругъ призываемыхъ для этого лицъ ограничивался дворянствомъ и духовенствомъ; города появляются въ такой роли сравнительно поздно. Конечно, эти совѣтники, мнѣнія которыхъ правитель спрашивалъ, еще не имѣли значенія сословныхъ представителей[3]). Отношеніе къ нимъ правителя страны было случайнымъ. Они могли даже не быть его подданными, происходить не изъ его страны. Совѣта и согласія у нихъ могли спрашивать, но могли и не спрашивать. Правители приглашали только «достойныхъ», которые обязаны были, какъ ленники, подавать имъ совѣты[4]). Но были обстоятельства, способствовавшія возникновенію института земскихъ чиновъ изъ «совѣта особыхъ мужей». Уже въ самое раннее время правитель страны не имѣлъ права единолично увеличивать военныя повинности и вводить новые налоги[5]). Отсутствіе этого права, при тенденціи феодальнаго государства къ децентрализаціи, было роковымъ для правителя. Представители средневѣковаго общества, приглашаемые правителемъ для обсужденія военныхъ и денежныхъ нуждъ, не преминули воспользоваться своимъ правомъ для пріобрѣтенія себѣ независимости отъ господина и рѣшительнаго голоса въ дѣлахъ внутренней и внѣшней политики. Заботясь о безопасности своей страны, отражая нападавшихъ на нее враговъ,

---

1) Isaacsohn, 316.
2) ib., 23.
3) Below, 168.
4) ib., 169.
5) ib., 170.

верховный правитель, чтобы получить разрѣшеніе на военныя повинности и налоги, иногда принужденъ былъ соглашаться на всѣ условія, предъявляемыя къ нему со стороны подданныхъ, лишь бы только достать у нихъ необходимыя средства. Нерѣдко правитель изъ-за тѣхъ же военныхъ нуждъ впадалъ въ крупные долги у своихъ подданныхъ, что ускоряло процессъ усиленія сословій. Сначала дворянство и духовенство, затѣмъ также и города начинаютъ посылать своихъ представителей, которые мало-по-малу становятся необходимыми совѣтниками правителя, получаютъ названіе «земскихъ чиновъ»[1]), принимаютъ участіе во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ, отстаиваютъ старыя сословныя права и завоевываютъ новыя вь ущербъ власти «господина».

Не избѣжали этой участи и бранденбургскіе курфюрсты, которыхъ рано заставили обременительныя войны превратить въ наличныя деньги ихъ права и доходы. Въ 1540 г. представители сословій приняли на себя 1000000 гульденовъ курфюршескаго долга, въ 1549 г. — почти 2000000 гульд.[2]), въ 1564—около 950000 гульд., въ 1602 г.—600000 тал., обѣщая, кромѣ того, деньги для выкупа заложенныхъ доменовъ; въ 1608 г. чины приняли на себя большую часть долга 3, 689,000 гульд.[3]), въ 1620 г. дали 668,481 тал.[4]). Помогая курфюрсту выпутываться изъ финансовыхъ затрудненій, чины не выпускали изъ вида собственныхъ выгодъ, обезпечивая за собою различные источники курфюршескихъ доходовъ и расширяя свои права: на ландтагѣ 1540 г. они выговорили себѣ право пользоваться податями городскими и поземельными («Hufen und Stadtischen Schoss»), завѣдывать, какъ этими, такъ и всѣми остальными доходами и регаліями[5]). «Кромѣ того, мы обязуемся», писалъ курфюрстъ, безъ вѣдома чиновъ не заключать никакого союза и не дѣлать никакихъ постановленій, затрогивающихъ интересы страны»[6])... Въ ка-

---

[1]) Unger, IV, § 92.
[2]) Isaacsohn, 11.
[3]) Молчановскій, 20.
[4]) Isaacsohn, 351.
[5]) ib., 11.
[6]) ib., 11,

чествѣ обезпеченія долга 1549—1550 г., чины выговорили себѣ четырнадцатилѣтнее пользованіе акцизами на пиво („das Neue Biergeld"), подтвержденіе всѣхъ своихъ прежнихъ правъ и, кромѣ того, самостоятельное исключительное управленіе всѣми налогами[1]). Земскимъ собраніемъ 1602 г. были освобождены дворяне отъ всѣхъ таможенныхъ пошлинъ, ввозныхъ и вывозныхъ, на сушѣ и на водѣ. За дворянствомъ было признано далѣе право самостоятельно регулировать свои хозяйственные интересы и отношенія;[2]) запрещено было назначать новые налоги, не заручившись согласіемъ земскихъ чиновъ, или земскихъ депутацій (Ausschuss), равно какъ предпринимать, безъ согласія чиновъ, какія бы то ни было нововведенія, касающіяся интересовъ страны[3]). За ссуду денегъ въ 1620 г. чины снова получили въ залогъ доходы съ акцизнаго налога на пиво („Neue Biergeld"), кромѣ того, доходы ленценской таможни и значительныя старо-марковыя коронныя имѣнія: Зальцведель, Аристзее, Дисдорфъ и Нейендорфъ[4]).

Въ правленіе Георга Вильгельма (1619—1640) вопросъ о погашеніи долговъ занималъ если не первое, то и не послѣднее мѣсто[5]). Въ 1623 г. на доменахъ лежало до 2000000 тал. долга. Впослѣдствіи этотъ долгъ прогрессировалъ, и при великомъ курфюрстѣ были заложены и перезаложены всѣ домены[6]).

VI.

Фридрихъ Вильгельмъ засталъ въ своей странѣ вполнѣ законченную сословную организацію и очень широкія сословныя права. Уже въ половинѣ XVI в. представители сословій составляли особую привилегированную корпорацію, которой принадлежало рѣшительное вліяніе въ области

---

[1]) Isaacsohn, 11.

[2]) ib. 13.

[3]) ib., 14, 16.

[4]) ib. 351, 21, 379. Зальцведель, Аристзее, Дисдоръ и Нейендорфъ продолжали находиться въ рукахъ чиновъ и при Фридрихѣ Вильгельмѣ (Isaacsohn, 222).

[5]) ib., 22.

[6]) Молчановскій, 21, 22.

финансовъ и во внутренней политикѣ курфюршества[1]). У нихъ были свои уполномоченные для завѣдыванія податями съ гуфы, доходами съ акцизнаго налога и городскими кассами, свои кассиры и контролеры (Gegenschreiber), свои сборщики и экзекуторы. Высшее управленіе финансами сосредоточивалось въ рукахъ особыхъ выборныхъ отъ чиновъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были представителями чиновъ въ политической жизни[2]). Эти выборные составляли изъ себя два комитета (Ausschuss)—малый и большой; въ послѣднемъ было отъ 40 до 50 членовъ[3]). Комитеты выборныхъ зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы права и привилегіи земскихъ чиновъ оставались нетронутыми. Органомъ верховной власти служило земское собраніе (Landtag), постановленіямъ котораго каждый курфюрстъ обязывался безпрекословно повиноваться. Земское собраніе обыкновенно созывалось по иниціативѣ курфюрста, и въ своихъ рѣшеніяхъ оно совершенно отъ него не зависѣло. Представители сословій въ совѣщаніяхъ дѣлились на двѣ палаты—на высшую и низшую. Первую (Oberstände) составляли прелаты, господа (Herrn) и рыцари (Reitern), вторую (Unterstände)—города[4]). Когда палаты, засѣдая отдѣльно, заканчивали обсужденіе вопросовъ, онѣ приступали къ соглашенію между собою. Низшая палата обыкновенно ожидала мнѣнія высшей. Если въ своихъ мнѣніяхъ палаты расходились, то начиналось обстоятельное обсужденіе дѣлъ. Иногда споры затягивались, но, въ концѣ концовъ, палаты все же должны были приходить и приходили къ одному, общему, обязательному для всѣхъ рѣшенію[5]). Въ своихъ частныхъ интересахъ сословія, конечно, могли расходиться. Однако личные интересы никогда не мѣшали имъ преслѣдовать одну цѣль—ревниво оберегать свободу страны отъ притязаній курфюрста. „Никто не долженъ оставаться равнодушнымъ“, писали чины Неймарки въ 1573 г., если правители страны дѣлаютъ то, что имъ нравится; ...если они для того, чтобы растраченную казну пополнить кровью подданныхъ, обольщаютъ чиновъ

[1]) Isaacsohn, 12.
[2]) ib., 11.
[3]) ib., 11.
[4]) Below, 221.
[5]) ib., 238—239.

сладкими объщаніями, стращаютъ ихъ угрозами, принуждаютъ силою"..[1]).

Земскіе чины были несомнѣнно истинными представителями интересовъ своихъ сословій; они давали клятву въ томъ, что неусыпно будутъ заботиться о благѣ страны. Кромѣ того, кругъ ихъ дѣятельности былъ строго ограниченъ инструкціями, которыя давались имъ по каждому вопросу, подлежавшему обсужденію собранія[2]). Характеръ совѣщаній по палатамъ уменьшалъ возможность давленія одного сословія на другое. Но далеко не всѣ сословія одинаково умѣли пользоваться обстоятельствами, при всякомъ удобномъ случаѣ умѣли вымогать себѣ отъ курфюрста привилегіи и добиваться во время споровъ уступокъ отъ другихъ сословій. Институтъ земскихъ чиновъ съ ихъ правами и полномочіями особенно выгоденъ былъ для дворянъ, которые, будучи издавна привилегированнымъ сословіемъ, представляли собою плотную компактную фалангу, объединенную дружбою, родствомъ, традиціями и единствомъ интересовъ. Дворяне были и судьями, и администраторами. Они, главнымъ образомъ, поставляли военную силу и занимали первыя мѣста въ войскѣ. Можно сказать: дворяне, опираясь на институтъ земскихъ чиновъ, были главными распорядителями судебъ своей страны. Они даже выговорили себѣ свободу отъ налоговъ[3]). Неудивительно поэтому, что нерѣдко, когда шла рѣчь о привилегіяхъ чиновъ, имѣлись въ виду почти исключительно привилегіи дворянъ. Не могли дворяне допустить въ интересахъ своего сословія, чтобы земскіе чины дали великому курфюрсту средства на содержаніе его арміи. Они понимали, какимъ опаснымъ орудіемъ для ихъ привилегій могла служить армія въ рукахъ курфюрста. Конрадъ фонъ Бургсдорфъ прямо высказывалъ, что свободѣ дворянъ наступитъ конецъ, если курфюрстъ получитъ возможность независимо отъ чиновъ распоряжаться регулярнымъ войскомъ; съ помощью такого войска онъ будетъ исполнять всѣ свои прихоти и выдумки; откроется большой просторъ для произвола. «Поэтому, говорилъ фонъ Бургсдорфъ, ни въ какомъ случаѣ нельзя соглашаться на требованіе курфюрста относительно новыхъ налоговъ, особенно налоговъ постоянныхъ, которые навсегда избавятъ его отъ необ-

---

[1]) Buhl, 10.
[2]) Unger, V, B. IV., § 186.
[3]) Лучицкій, К. У. И., 1880 г., №316—317,

ходимости, въ случаѣ нужды, обращаться къ чинамъ за разрѣшеніемъ новыхъ наборовъ»[1]). Тяжело было также и другимъ сословіямъ согласиться на новые налоги.

VII.

Едва ли какая другая страна болѣе пострадала въ періодъ тридцатилѣтней войны, чѣмъ курфюршество Бранденбургское. Какъ села, такъ и города страшно обезлюдѣли и обѣднѣли. Бѣдствія продолжительной жестокой войны и ея необходимыя слѣдствія—голодъ, заразныя болѣзни, въ западныхъ провинціяхъ унесли съ собою большую часть жителей. Изъ 300000 жителей въ Маркѣ осталось 160000[2]). Сотни деревень превратились въ пепелъ[3]). Шведы и имперскія войска угнали рабочій скотъ; все, не исключая и зерна, необходимаго для посѣва, было отнято на прокормленіе армій, такъ что, если и оставались гдѣ рабочія руки, то не было возможности возстановить земледѣліе[4]). На пути отъ Дрездена до Берлина одинъ курьеръ въ 1639 г., какъ онъ самъ жаловался, въ теченіе цѣлаго дня нигдѣ не могъ достать себѣ ничего поѣсть[5]). „Дѣлъ нѣтъ!" пишетъ 21 іюля 1640 г. наслѣднику—принцу Берлинская дума. „Нечѣмъ жить. Бываетъ, что на разстояніи цѣлыхъ четырехъ миль пути не встрѣтишь ни человѣка, ни скотины, ни собаки, ни кошки[6])". Еще болѣе ужасную картину рисуетъ въ своемъ донесеніи отъ 9 февраля 1639 г. Пренцловская дума: «Такъ какъ война уже много лѣтъ не даетъ земледѣльцу работать, то жизнь до того вздорожала, что теперь повсюду слышны стоны, крики и вой голодающихъ. Люди питаются самыми непотребными вещами: ѣдятъ собакъ, кошекъ и даже на улицахъ, среди бѣла дня, гложутъ кости мертвыхъ. Говорить ли все до конца? Голодъ свирѣпствуетъ съ такою жестокостью, что въ деревняхъ

---

1) Eberty, 380.
2) Лависсъ, 170.
3) Eberty, 281.
4) ib., 281.
5) Лависсъ, 170.
6) Лависсъ, 170, ср. Eberty, 288.

и даже въ самомъ городѣ люди бросаются другъ на друга; болѣе сильные убиваютъ тѣхъ, кто слабѣе, жарятъ ихъ и ѣдятъ»[1]). Въ не менѣе печальномъ состояніи находились остальныя курфюршескія провинціи. Одна только Пруссія пользовалась со времени шведско-польскаго перемирія нѣкоторымъ спокойствіемъ. Но за то она должна была съ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ доставлять необходимыя для страны и двора средства. Что касается городовъ, то они переживали не менѣе тяжелыя времена, чѣмъ села. По словамъ Ранке, во многихъ городахъ погибла половина, въ другихъ двѣ трети, въ иныхъ—даже пять шестыхъ всѣхъ жилыхъ построекъ; въ Берлинѣ не осталось ни одного предмѣстья (Vorstädte); всего гражданъ насчитывалось въ немъ около 300[2]). Дѣло дошло до того, что Берлинъ-Кельнъ не могли снабжать всѣмъ необходимымъ даже столъ курфюрста и двора, вслѣдствіе чего курфюрстъ принужденъ былъ отпустить часть своей свиты[3]). Очевидно, не помогли Берлину предоставленныя ему всякаго рода льготы и привилегіи[4]). О другихъ городахъ и говорить нечего: въ 30 главныхъ городахъ Средней Марки, Уккермарки и Руппина въ 1643 г. числилось гражданъ немного больше 2000, да и тѣ по большей части нуждались въ насущномъ хлѣбѣ[5]). Главный источникъ городскихъ доходовъ, торговля, почти совсѣмъ иссякъ вслѣдствіе частыхъ грабежей[6]). Ни одинъ суконщикъ—а выдѣлкою сукна занималось большинство гражданъ—не могъ самъ пропитаться своимъ трудомъ[7]), не говоря уже объ исправномъ платежѣ налоговъ. При такомъ всеобщемъ разореніи страны, тяжесть податного бремени увеличивалась ненормальностью практиковавшейся тогда системы обложенія.

---

[1]) Лависсъ, 170; ср. Eberty, 283.

[2]) Ranke, III, 278.

[3]) Eberty, 355.

[4]) ib., 284.

[5]) Isaacsohn, 115.

[6]) ib., 65.

[7]) Въ этомъ немало также были виновны дворяне, которые, будучи свободны отъ пошлинъ, вывезли всю шерсть изъ страны, вслѣдствіе чего цѣна на нее сильно поднялась (Isaacsohn, 115).

Все податное дѣло находилось въ полномъ распоряженіи земскихъ чиновъ. Чины завѣдывали также и такъ назыв.—контрибуціями, которыя имѣли въ виду исключительно удовлетвореніе нуждъ арміи и обнимали собою всѣ необходимые для этого налоги, подати и повинности[1]). Обыкновенно сословія выдавали курфюрсту опредѣленную круглую сумму денегъ, послѣ чего курфюрстъ не имѣлъ къ податнымъ лицамъ никакого отношенія; чины сами раскладывали эту сумму на плательщиковъ и взыскивали ее[2]). Но въ этомъ столь отвѣтственномъ дѣлѣ земскіе чины, подъ давленіемъ привилегированныхъ сословій, оказались далеко не безпристрастными: налоги и подати распредѣлялись весьма неравномѣрно[3]). Дворяне, прелаты и люди болѣе состоятельные, напр., богатые городскіе купцы, должны были вносить весьма незначительныя суммы[4]). Свобода отъ подушной подати была объявлена привилегіей дворянъ[5]); исключеніе составляли одни прусскіе дворяне, которые не были освобождены отъ несенія государственнаго тягла[6]). Въ виду этого и выходило, что на того, который имѣлъ больше, по словамъ Шварценберга, возложено было меньше[7]). Намѣстникъ Виттгенштейнъ упрекалъ дворянъ даже въ томъ, что они не внесли въ пользу страны ни гроша контрибуціи[8]). Вся тяжесть налоговъ падала, такимъ образомъ, преимущественно на плечи бѣдныхъ людей. Этимъ несправедливость тогдашней податной системы не ограничивалась. Вмѣсто прежней поимущественной системы обложенія чины ввели подати—подушную, подымную и съ гуфы, причемъ совсѣмъ не принимались во вниманіе стоимость и доходность облагаемаго предмета[9]). Далѣе, несмотря на перевороты, произведенные тридцатилѣтней войною въ отдѣльныхъ хозяйствахъ, чины продолжали взимать по-

---

1) Wolff, 12, Молчановскій, 24, ср. Isaacsohn, 35, 74.
2) Молчановскій, 24.
3) Isaacsohn, 461.
4) Eberty, 382.
5) ib., 518.
6) Молчановскій, 21.
7) Isaacsohn, 74.
8) ib., 325.
9) Молчановскій, 20.

дати и налоги по старому кадастру, начало котораго относится къ XVI в.[1]); благодаря чему и выходило, что, напр., городъ Берлинъ, въ которомъ пустовало, благодаря тридцатилѣтней войнѣ, около трети домовъ, при Фридрихѣ Вильгельмѣ долженъ былъ вносить почти ту же сумму, какую онъ вносилъ до этой опустошительной войны; налоги, вѣдь, взимались по количеству земли и числу домовъ[2]); или нерѣдко случалось, что хорошо населенный округъ приносилъ столько же дохода, сколько приносилъ одинъ городъ или опустошенные и еще не заселенные округи[3]).

Слѣдствіемъ ненормальной организаціи податного дѣла было то, что малѣйшее увеличеніе налоговъ болѣзненно отражалось на бѣдныхъ непривилегированныхъ людяхъ, которые особенно нуждались въ помощи или, по крайней мѣрѣ, въ облегченіи податного бремени. Правы были земскіе чины, утверждая, что средства, которыя потребуетъ постоянная готовность курфюрста къ войнѣ, могутъ быть доставлены вѣрными подданными только при вздохахъ и стонахъ[4]): отдѣльнымъ лицамъ, подвергшимся ужасамъ войны, приходилось платить столько же, сколько во времена гораздо лучшія не могли вносить цѣлыя коммуны[5]). Такимъ образомъ, не только механизмъ государственной жизни, но также и бѣдственное состояніе страны противорѣчили завѣтной мечтѣ великаго курфюрста организовать себѣ хорошую армію.

Фридрихъ Вильгельмъ понималъ это. Въ то же время онъ понималъ, что одной арміи для блага отечества не достаточно: не могло курфюршество въ томъ видѣ, въ какомъ онъ его засталъ, оказывать энергичное сопротивленіе внѣшнимъ врагамъ, еслибы даже въ рукахъ курфюрста находилось значительное войско.

Въ основѣ стараго курфюршества лежали два начала, не связанныя никакимъ высшимъ элементомъ и даже противорѣчившія другъ другу. Мотивируя свои поступки, курфюрстъ заявлялъ, что онъ имѣетъ въ виду «*свои интересы и интересы страны*». Точно также чины въ

---

1) Молчановскій, 24, Wolff, 13.

2) Wolff, 13.

3) Isaacsohn, 245.

4) Eberty, 386.

5) Isaacsohn, 80.

своихъ рѣшеніяхъ, напр., относительно налоговъ, обыкновенно оттѣняли мысль, что рѣшеніе ихъ направлено ко благу *«страны и правителя»*[1]). Далѣе, наряду съ кассою курфюрста существовала земская касса (Landeskasse), съ собственной администраціей[2]). Курфюрстъ былъ защитникомъ страны отъ внѣшнихъ враговъ; но могли также и земскіе чины имѣть свое войско, не зависящее отъ правителя страны. Курфюрстъ велъ дипломатическія сношенія съ иностранными державами; какъ представители сословій, земскіе чины также считали себя вправѣ непосредственно обращаться къ иностранному монарху и сноситься съ иностранными чинами[3]). Вступая въ правленіе страною, курфюрстъ принималъ присягу отъ своихъ подданныхъ, которые клялись ему вѣрно служить; въ то же время онъ выражалъ свое полное согласіе на то, что сословія могутъ отказаться отъ присяги его наслѣднику, если онъ не будетъ охранять свободу страны[4]); курфюрстъ признавалъ за чинами даже право противодѣйствія всѣмъ его постановленіямъ, несогласнымъ, по ихъ мнѣнію, съ интересами страны[5]). Жители принадлежали двумъ различнымъ сферамъ: съ одной стороны, это были члены страны, имѣющей представительство въ лицѣ своихъ выборныхъ чиновъ; безъ согласія этихъ чиновъ курфюрстъ не могъ предпринять ничего важнаго; съ другой стороны, они были подданными курфюрста и, какъ таковые, обязаны были ему вѣрностью и повиновеніемъ[6]). Курфюрстъ не могъ сказать: «государство—это я»; онъ долженъ былъ всегда считаться съ представителями сословій, которые подозрительно относились къ его власти, строго контролировали его распоряженія и не прочь были расширить свои права и привилегіи въ ущербъ самостоятельности и независимости верховнаго правителя. Такой дуализмъ права не отвѣчалъ духу XVII в., съ его войнами и правомъ сильнаго распоряжаться имуществомъ слабыхъ. Субъекты права—курфюрстъ и страна—взаимно парализовали свою дѣятельность. Быстроты,

---

1) Below, 248.
2) ib., 253.
3) ib., 253.
4) ib., 250.
5) Лучицкій, К. У. И. 1880 г., № 11, 325.
6) Below, 248.

энергичности и единодушія нельзя было ожидать отъ курфюршества. Силы курфюршества гибли отъ вреднаго дуализма. Одно начало должно было подчиниться другому: курфюрстъ чинамъ, или чины курфюрсту. Но чины были защитниками разложившагося средневѣковаго общества. Будущее, поэтому, принадлежало курфюрсту.

Великій курфюрстъ сознавалъ всю необходимость перестроить курфюршество. Задачею своей жизни онъ поставилъ проведеніе необходимыхъ реформъ. Поставилъ себѣ великій курфюрстъ и другую цѣль: сдѣлать свои реформы, которыя должны были лишить сословія, особенно, дворянъ, многихъ вѣковыхъ правъ и привилегій, по возможности безболѣзненными и нечувствительными для нихъ.

VIII.

Жизнь, выдвинувшая необходимость реформъ, указала вмѣстѣ съ тѣмъ и средства, облегчавшія проведеніе этихъ реформъ. Фридрихъ Вильгельмъ умѣлъ прислушиваться къ ея голосу. Первою потребностью курфюршества, требовавшею немедленнаго удовлетворенія, было организовать войско; для войска нужны были деньги. Экстраординарныя субсидіи чиновъ служили только палліативомъ. Земля (Grundstücken), движимость (Vermögen), съѣстные продукты (Nahrungsbetrieben) сильно пали въ цѣнѣ[1]). Увеличеніе прямыхъ налоговъ не могло привести къ желательнымъ результатамъ, не могло доставить средствъ на армію. Оставалось одно: найти новый источникъ доходовъ, который пополнилъ бы курфюршескую казну и въ то же время не отразился особенно гибельно на подданныхъ. Въ бытность свою въ Нидерландахъ Фридрихъ Вильгельмъ видѣлъ, съ какимъ успѣхомъ практиковалась тамъ система акцизныхъ налоговъ. Естественно, у него возникла мысль, не ввести ли также и въ своемъ курфюршествѣ акцизный налогъ, т. е. косвенный налогъ на предметы внутренняго производства, выдѣлываемые и продаваемые частными лицами, налогъ, взимаемый собственно съ потребителя. Съ введеніемъ этого налога увеличившійся государственный доходъ долженъ былъ покрывать издерж-

---

[1]) Stenzel, II, IV, 422.

ки на армію; кромѣ того, устранялась въ значительной мѣрѣ несправедливость тогдашней податной системы. Акцизу чужды недостатки, свойственные подымному и поземельному обложенію, которые особенно тяжело отзываются на населеніи во время и послѣ тяжелыхъ опустошительныхъ войнъ, когда подати и налоги продолжаютъ взиматься по прежнему кадастру. При налогѣ на предметы потребленія никто не свободенъ отъ несенія податного тягла, въ томъ числѣ лица состоятельныя и привилегированныя. Такимъ образомъ, акцизъ стоитъ ближе ко всеобщей поимущественной системѣ обложенія, чѣмъ практиковавшіяся тогда прямыя подати, и потому при немъ податное бремя для содержанія большой арміи не могло быть столь чувствительнымъ для бѣдняковъ, какъ это было при контрибуціяхъ. Затѣмъ, всѣ доходы съ акциза должны были стекаться въ одну кассу, что давало возможность курфюрсту постоянно имѣть свѣдѣнія о наличности средствъ, приблизительно вѣрно судить о поступленіяхъ въ казну въ слѣдующемъ году, а также возможность ввести большій порядокъ и контроль въ области финансовъ. Было и еще одно удобство и выгода акцизнаго налога, особенно важная и цѣнная для великаго курфюрста: непосредственное завѣдываніе акцизомъ дѣлало курфюрста полнымъ хозяиномъ въ дѣлахъ финансовъ; курфюрстъ могъ, по мѣрѣ надобности, безконтрольно возвышать обложеніе, не дожидаясь собранія и согласія чиновъ. Чины утрачивали свое вліяніе въ области финансовъ, утрачивали вмѣстѣ съ тѣмъ и вліяніе на внутреннюю политику курфюрста. Введеніе акцизнаго налога, слѣдовательно, служило первымъ шагомъ къ подчиненію земскихъ чиновъ власти верховнаго правителя—курфюрста. Такимъ образомъ, акцизъ весьма отвѣчалъ потребностямъ бранденбурго-прусскаго государства. Можно даже сказать, все спасеніе курфюршества заключалось въ веденіи необходимаго для содержанія арміи акцизнаго налога, который представлялъ значительный шагъ впередъ сравнительно съ прежнею системой обложенія и заключалъ въ себѣ необходимыя данныя для устраненія правового дуализма.

Къ налогу на потребленіе, какъ средству выпутаться изъ финансовыхъ затрудненій, бранденбургскіе правители начали прибѣгать сравнительно очень рано. Есть извѣстіе, что уже въ 1467 г. горожане обязались платить въ теченіе шести лѣтъ вмѣсто поголовной и поземельной подати по одному гульдену съ каждой бочки пива, ввезенной въ го-

родъ[1]); причиной новаго обложенія была война изъ-за Помераніи. Въ 1488 г. этотъ налогъ на пиво, въ размѣрѣ 12 пфениговъ съ бочки, былъ возобновленъ[2]), и хотя съ конца XV в. для бранденбургскаго маркграфства наступаютъ болѣе спокойныя времена, однако акцизъ на пиво прекращается только на короткое время[3]). Въ 1549 г. въ виду финансоваго разстройства страны налогъ на пиво поднимается до 96 пфен. съ бочки, а во второй половинѣ XVI в., вслѣдствіе все увеличивавшейся задолженности казны, акцизъ распространяется также на хлѣбъ и на муку[4]). Дальнѣйшее расширеніе акциза было предложено Георгомъ Вильгельмомъ на земскомъ собраніи 1623 г., но отклонено чинами[5]). Въ 1640 г. города Средней Марки уже сами добиваются замѣны контрибуціи налогомъ на предметы потребленія[6]). Ихъ петиція показываетъ, что настало время вводить акцизы: ненормальность податного обложенія, какъ одна изъ главныхъ причинъ народныхъ бѣдствій, уже понятна горожанамъ, для которыхъ введеніе акциза представляется весьма желательнымъ.

IX.

Великій курфюрстъ рѣшилъ ввести въ своей странѣ акцизный налогъ. Страстность, энергичность и упрямство, выказанныя имъ въ проведеніи податной реформы, и тѣ средства, къ которымъ онъ прибѣгалъ при этомъ, наглядно показываютъ, что курфюрстъ глубоко понялъ и оцѣнилъ все значеніе, выгоды и преимущества акцизной системы налоговъ. Въ намѣреніи провести податную реформу великій курфюрстъ въ въ первый же годъ своего правленія приказываетъ составить комиссію для собранія свѣдѣній относительно сельскаго и городского населенія, относительно податного тягла, распредѣленія прямыхъ налоговъ и отношенія ихъ къ косвеннымъ[7]). Когда города Средней Марки возобновили просьбу

[1]) Isaacsohn, 9.
[2]) Молчановскій, 19.
[3]) Isaacsohn, 9.
[4]) Молчановскій, 19.
[5]) Isaacsohn, 492.
[6]) ib., 477.
[7]) ib., 352.

о введеніи акцизовъ, онъ охотно соглашается[1]) разрѣшить акцизы на извѣстные предметы потребленія въ Берлинѣ и Кельнѣ[2]). Еще раньше, въ числѣ другихъ предложеній, которыя должны были подлежать обсужденію земскаго собранія, онъ выставилъ также введеніе акциза[3]), что видно изъ донесенія къ нему маркграфа Эрнста отъ 11 авг. 1641 г.. Приглашая впослѣдствіи чины на земское собраніе 24 янв. 1652 г., съ цѣлью обсудить вопросъ о мѣрахъ къ облегченію податныхъ лицъ и о болѣе справедливомъ способѣ взиманія налоговъ, курфюрстъ имъ предлагаетъ предварительно подумать, не будетъ ли выгодно ввести акцизный налогъ, который падетъ не только на бѣдныхъ, но и на богатыхъ и замѣнитъ собою контрибуцію, и не полезно ли учредить кассу спеціально для него [4]). Въ то же время въ своей инструкціи тайнымъ совѣтникамъ относительно предстоящаго 23 марта 1652 г. земскаго собранія онъ приказываетъ всячески стараться убѣдить чины въ превосходствѣ акцизнаго налога предъ контрибуціей: онъ, курфюрстъ, „увѣренъ, что акцизы поведутъ къ подъему страны“, тогда какъ старая податная система вызываетъ выселеніе изъ нея[5]). Но этотъ рядъ попытокъ встрѣтилъ рѣшительное сопротивленіе земскихъ чиновъ. Въ своемъ отвѣтѣ курфюрсту чины рѣшительно высказались противъ введенія налога на потребленіе[6]). Въ цѣляхъ болѣе надежнаго огражденія себя отъ акцизовъ, они постановили даже на собраніяхъ 1643 г. и 1653 г., чтобы одно сословіе безъ вѣдома и согласія другого не вводило у себя налога на потребленіе[7]). Впослѣдствіи горожане не хотѣли признавать этого постановленія, сдѣланнаго земскими чинами подъ давленіемъ дворянъ.

Очевидно, дворяне, представители и поборники старыхъ укладовъ жизни, такъ же, какъ и курфюрстъ, прекрасно понимали, что вопросъ о способѣ обложенія находился въ тѣсной связи съ вопросомъ объ ихъ

---

1) Isaacsohn, 105.
2) ib., 477.
3) ib., 102.
4) ib., 222, 223.
5) ib., 228.
6) ib., 230—231.
7) ib., 569.

иммунитетѣ, правахъ и привилегіяхъ[1]), и потому они постарались обезпечить себя солидарностью другихъ сословій. Желаніе Фридриха Вильгельма ввести акцизы побудило дворянъ зорко слѣдить за каждымъ его шагомъ, при всякомъ удобномъ случаѣ заявлять о своихъ правахъ и привилегіяхъ и требовать отъ него подтвержденія всѣхъ постановленій земскихъ собраній 1540, 1602, 1611 и 1615 г.г. Въ 1651 г. чины Старой Марки безъ оффиціальнаго приглашенія съѣхались на окружной сеймъ, чего не имѣли права дѣлать. Поводомъ къ такому нарушенію общественнаго порядка созыванія сеймовъ послужило самостоятельное поведеніе курфюрста, который не исполнялъ ихъ просьбъ относительно уменьшенія войска и безъ ихъ согласія ввелъ монеты меньшей цѣнности[2]). На земскомъ собраніи 23 марта 1652—1653 г. чины возобновили свои требованія о соблюденіи ихъ привилегій, согласно которымъ курфюрстъ не смѣлъ предпринимать ничего важнаго безъ согласія чиновъ, обязанъ былъ созывать чины на собраніе для обсужденія общественныхъ нуждъ и долженъ былъ предоставить въ ихъ полное распоряженіе все податное дѣло[3]). Въ 1654 г. чины самовольно устроили сеймъ депутатовъ[4]).

Сила и право пока были на сторонѣ чиновъ. Необходимы были подготовительныя мѣры, которыя расчистили бы путь къ акцизамъ. Великій курфюрстъ старается постепенно пріучить земскіе чины къ мысли, что они—его подданные, что онъ—главный защитникъ и представитель интересовъ страны и, какъ таковой, можетъ даже нарушать права и привилегіи чиновъ въ виду общаго блага своихъ подданныхъ. Въ 1641 г., въ отвѣтъ на требованіе сословій подтвердить ихъ привилегіи и постановленія собраній 1540, 1572, 1602, 1611 и 1615 г.г.[5]), курфюрстъ потребовалъ отъ нихъ для просмотра оригиналы этихъ постановленій, подъ предлогомъ, что лишь въ такомъ случаѣ онъ можетъ вполнѣ основательно подтвердить права и привилегіи чиновъ[6]). Въ 1650 г. для

1) Isaacsohn, 542.
2) ib., 210—211.
3) ib., 229—243, 13, 14.
4) ib., 291.
5) ib., 78.
6) ib., 93.

обсужденія вопроса относительно увеличенія контрибуціи въ виду войны со шведами, курфюрстъ созываетъ не всѣхъ депутатовъ отъ чиновъ (Deputationstag) или большой комитетъ (Ausschuss)[1]) въ полномъ его составѣ, а только незначительное число депутатовъ, на благонамѣренность которыхъ по отношенію къ нему онъ разсчитывалъ. А когда созванные депутаты отказались исполнить его просьбу подъ предлогомъ, что не имѣютъ полномочій, и стали просить курфюрста о созваніи земскаго собранія, онъ оставилъ ихъ просьбу безъ отвѣта и распустилъ собраніе[2]). Далѣе, Фридрихъ Вильгельмъ безъ вѣдома чиновъ вводитъ новую монету меньшей цѣнности[3]). Представителей Старой Марки, самовольно собравшихся на окружной сеймъ, великій курфюрстъ упрекаетъ въ нарушеніи обычая съѣзжаться на сеймъ только по оффиціальному приглашенію, напоминаетъ имъ объ ихъ вѣрноподданническомъ долгѣ и приказываетъ, чтобы впредь ничего подобнаго не было[4]). Съ такимъ же гнѣвомъ и упреками обратился Фридрихъ Вильгельмъ и къ остальнымъ земскимъ чинамъ, когда тѣ послѣдовали примѣру Старой Марки[5]). Только разъ великій курфюрстъ сдѣлалъ чинамъ значительныя уступки: на земскомъ собраніи 23 марта 1652 г. чины выразили ему съ своей стороны рядъ неудовольствій и обязали его строго держаться постановленій прежнихъ собраній и ничего не рѣшать безъ совѣта и согласія чиновъ въ дѣлахъ, касающихся продажи или закладыванія коронныхъ имѣній и угодій (Ämter und Tafelgütern)[6]). Никакія ухищренія не помогли курфюрсту. Долго онъ

---

1) Ausschusstag собирался періодически, ежегодно въ опредѣленное время, сначала весною, а затѣмъ осенью.

Сеймъ депутатовъ (Deputationstag) занималъ среднее мѣсто между большимъ комитетомъ и земскимъ соборомъ и собирался по мѣрѣ надобности для рѣшенія особенно важныхъ вопросовъ. Будучи гораздо обширнѣе большого комитета, сеймъ депутатовъ состоялъ изъ уполномоченныхъ отъ дворянъ—по два изъ каждаго округа, и отъ главныхъ городовъ—по одному депутату (Isaacsohn 48).

2) Isaacsohn, 181—186.

3) ib., 204—209.

4) ib., 213—214.

5) ib., 291—292.

6) ib., 229—243, 13, 14.

откладывалъ день окончательнаго рѣшенія, надѣясь сломить упорство чиновъ, и все-таки въ концѣ концовъ долженъ былъ дать торжественное обѣщаніе исполнить ихъ требованія[1]). Только и удалось ему отстоять пріобрѣтенное имъ право безконтрольно распоряжаться расходами по содержанію войска[2]). Уступчивость Фридриха Вильгельма обусловливалась крайнею нуждою, какую онъ испытывалъ тогда въ деньгахъ. 1652—1653 гг. были какъ разъ временемъ, когда бранденбургскій правитель особенно нуждался въ денежной субсидіи со стороны чиновъ для военныхъ нуждъ и на содержаніе вдоль померанскихъ границъ особыхъ гарнизоновъ[3]), которые всегда были бы готовы отразить надменнаго сосѣда, желавшаго завладѣть Помераніей. Въ этомъ конфликтѣ Фридриха Вильгельма съ земскими чинами характерно для курфюрста то, что, соглашаясь на уступки, онъ, очевидно, тогда же имѣлъ въ виду не исполнять обѣщанія. Недаромъ вскорѣ послѣ того земскіе чины находятъ необходимымъ, безъ приглашенія, собраться на совѣщаніе и настаивать на возможно скорѣйшемъ исполненіи обѣщаній курфюрста[4]).

Неудача 1652—1653 г. показала курфюрсту всю опасность для него земскаго собранія. Поэтому, съ 1652—1653 г. онъ уже не созываетъ земскихъ чиновъ на общее собраніе, а ограничивается большимъ комитетомъ и сеймомъ депутатовъ, на которыхъ, при ихъ малочисленности, ему легче было влять своими увѣщаніями и угрозами[5]).

Постоянно нарушая права и привилегіи чиновъ, мѣшавшія введенію акцизовъ, Фридрихъ Вильгельмъ въ то же время старался привлечь дворянъ на свою сторону или, по крайней мѣрѣ, купить ихъ молчаніе, такъ какъ понималъ, что дворяне служатъ главнымъ тормазомъ податной реформы. Съ этой цѣлью курфюрстъ по возможности расширяетъ дворянскія права всюду, гдѣ только они не особенно противорѣчили интересамъ абсолютной власти. Такъ, онъ подтвердилъ и

---

[1]) Isaacsohn, 229—280.
[2]) ib., 244.
[3]) ib., 169.
[4]) ib., 286—290.
[5]) ib., 508.

расширилъ права дворянъ надъ крестьянами. Въ постановленіяхъ земскаго собора 1653 г. говорится: «наказанія за несправедливыя жалобы крѣпостныхъ на своихъ господъ остаются тѣ же, что были раньше; крестьяне, виновные въ этомъ, заключаются въ башню; а горожане въ тюрьму, которую, по ихъ желанію, можно замѣнить денежнымъ штрафомъ въ пользу благотворительныхъ учрежденій. Равнымъ образомъ, сохраняется также право дворянъ отчуждать своихъ крестьянъ отъ земли путемъ денежныхъ сдѣлокъ или въ качествѣ наказанія за важный проступокъ. Въ послѣднемъ случаѣ отчужденіе отъ земли происходитъ, впрочемъ, не иначе, какъ послѣ формальнаго разслѣдованія дѣла и по приговору суда; при чемъ обвиняющій и судья одно и то же лицо. Что касается изгнанія виновныхъ совсѣмъ изъ страны, то такое наказаніе возможно лишь при согласіи курфюрста, которому принадлежитъ право смягчать его въ виду особыхъ соображеній. Крѣпостная зависимость остается въ прежней силѣ. Если кто изъ крѣпостныхъ крестьянъ заявитъ притязаніе на свободу, то онъ долженъ доказать согласіе на это со стороны господина»[1]). Фискъ отказывался отъ ius praelationis; чиновники, принадлежавшіе фиску, могли только разслѣдовать и доносить, но не произносить приговоровъ относительно помѣщичьихъ крестьянъ[2]). Дворянамъ курфюрстъ предоставилъ даже исключительное право на должность гауптмана и на занятіе другихъ окружныхъ должностей[3]).

Такими мѣрами Фридрихъ Вильгельмъ преслѣдовалъ двоякую цѣль: вознаграждалъ дворянъ за лишеніе старинныхъ привилегій и въ то же время старался отвлечь ихъ вниманіе отъ дѣлъ государственныхъ. Предоставляя дворянамъ полную самостоятельность въ частныхъ дѣлахъ, особенно, по управленію крѣпостными крестьянами, онъ имѣлъ въ виду ослабить ихъ стремленіе къ дѣятельному участію во внутренней и внѣшней политикѣ курфюршества.

Подготовляя дворянъ и вообще земскихъ чиновъ къ мысли, что они должны отказаться отъ своихъ притязаній на вліяніе въ области политики и согласиться на необходимую податную реформу, курфюрстъ

---

[1]) Isaacsohn, 277, 22.
[2]) ib., 277, 27.
[3]) ib., 277, 26.

пока откладывалъ рѣшительное проведеніе этой реформы, такъ какъ его вниманіе отвлекалось постоянными заботами о внѣшней безопасности страны; но съ 1660 г. наступаетъ для бранденбургскаго курфюршества давно желанный миръ.

Больше откладывать реформы было не возможно. Депутаты отъ чиновъ, указывая на крайнее истощеніе всего населенія, писали курфюрсту 18 мая 1660 г.: «...Не считая частыхъ, а иногда даже почти ежедневныхъ экстраординарныхъ налоговъ, ваши подданные, при всей своей бѣдности, должны ежемѣсячно вносить, перелагая хлѣбъ на деньги, по 100,000,000 тал. контрибуціи, которая, въ теченіе уже многихъ лѣтъ, тяжелымъ гнетомъ ложится на нашу бѣдную страну. Страшный неурожай, падежъ скота[1]) увеличиваютъ народное бѣдствіе. Отъ непосильной тяжести налоговъ число подданныхъ, вносящихъ контрибуцію, все уменьшается. Податное бремя, такимъ образомъ, становится тяжелѣе и тяжелѣе, такъ что въ городахъ ничего не услышишь, кромѣ громкихъ воплей, и ничего не увидишь, кромѣ ужасной нужды. Весьма многіе не могутъ избавить отъ голода себя и близкихъ родныхъ, даже не знаютъ, чѣмъ помочь бѣдѣ, если вы не окажете имъ поддержки и не облегчите податного бремени»[2]). «Всѣ округа и города опустошены, почва совершенно истощена; подданные должны влагать въ нее всѣ свои силы, чтобы сдѣлать ее плодородною[3])»... Особенно близки были къ окончательной гибели города. Берлино-кельнскіе ремесленники доносили: «...Много почтенныхъ горожанъ лишились своихъ благоустроенныхъ домовъ и всего состоянія. Много вдовъ и сиротъ стали нищими. Много домовъ пустуетъ. Много пустырей и необитаемыхъ переулковъ появилось въ нашемъ и другихъ городахъ»[4])... «...На насъ лежитъ обязанность», заявляли городскіе депутаты, «приложить всѣ усилія къ тому, чтобы никакого новаго бремени не было возложено на города, такъ какъ въ противномъ случаѣ, мы увѣрены, гибель городовъ неминуема»[5])... Даже дворяне, всегда почти находившіеся въ ссорѣ съ горо-

[1]) Isaacsohn, 498.

[2]) ib., 345.

[3]) ib., 490.

[4]) ib., 558.

[5]) ib., 336.

дами по поводу податной раскладки, и тѣ соглашались, что горожане не менѣе разорены и истощены, чѣмъ сельскіе жители[1]). Вообще состояніе страны было таково, что чины, отклоняя въ 1661 г. всякую мысль о податныхъ реформахъ, считали совершенно невозможнымъ для подданныхъ вносить ежемѣсячно даже по 30000 тал.[2]). Въ самомъ дѣлѣ, эту сумму приходилось выплачивать населенію страшно обѣднѣвшему, въ которомъ было не больше милліона душъ и въ которомъ благоденствующее меньшинство—прелаты, дворяне, княжескіе совѣтники, часть ихъ городскихъ родственниковъ—было почти свободно отъ податей. Тяжесть обложенія тѣмъ была чувствительнѣй, что благородный металлъ цѣнился тогда страшно дорого[3]).

Распущеніе арміи, на чемъ особенно настаивали чины, было не болѣе, какъ палліативомъ. Наступилъ рѣшительный моментъ борьбы изъ за акциза.

Самою надежною опорою привилегій дворянъ служило право земскихъ чиновъ разрѣшать прямые налоги и опредѣлять величину контрибуціи (das Recht der Bewilligung). Защищая это право, дворяне могли дѣлать видъ, что защищаютъ не только свои права, но также интересы и свободу остальныхъ подданныхъ, интересы тѣхъ, которые платятъ. Съ точки зрѣнія этого права имъ легко было предъ народною массою обвинить курфюрста, настаивавшаго на введеніи акциза, въ корыстолюбивыхъ планахъ, въ стремленіи къ произволу и тираніи, легко было, такимъ образомъ, имѣть на своей сторонѣ остальныя сословія.

Прежде чѣмъ добиться согласія чиновъ на введеніе акциза, курфюрсту необходимо было показать имъ, что онъ стоитъ выше ихъ права завѣдывать налогами, можетъ не только просить, но даже требовать согласія на ту или другую сумму контрибуціи. Достигаетъ онъ этого весьма искусно. Приказываетъ тайнымъ совѣтникамъ пригласить депутатовъ отъ чиновъ на собраніе въ Берлинъ 18 ноября 1661 г. Зная, какъ опасно большое собраніе, онъ въ своемъ приказѣ совѣтникамъ прибавляетъ, что число депутатовъ должно быть по возможности незначительно. Въ числѣ дру-

---

1) Isaacsohn, 525.
2) ib., 497.
3) ib., 478.

гихъ полномочій великій курфюрстъ предлагаетъ чинамъ снабдить депутатовъ инструкціями по слѣдующимъ вопросамъ: какъ распредѣлить доставку продовольствія, необходимаго для остающихся войскъ, чтобы вызвать возможно меньше жалобъ со стороны подданныхъ. «...Самое имя «контрибуція» почти ненавистно; многіе изъ-за нея боятся селиться у насъ... А между тѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ почти столько же, даже больше, вносится контрибуціи; однако тамъ народъ не только не бѣдствуетъ, но даже изо дня въ день размножается и богатѣетъ. Въ виду этого не ввести ли и въ нашей странѣ акцизный налогъ, практикуемый у тѣхъ народовъ? Доходы съ этого налога пошли бы на содержаніе солдатъ и защиту страны»[1]).

Въ назначенный срокъ депутаты отъ чиновъ собрались. Тотчасъ же поднялся у нихъ съ курфюрстомъ споръ о средствахъ помочь бѣдственному состоянію страны. Въ своей объяснительной запискѣ курфюрсту депутаты рисуютъ яркими красками ужасное положеніе страны, стоящей на краю гибели. Считая главнымъ виновникомъ такого положенія курфюрста, они просятъ его о христіанскомъ состраданіи къ своимъ совершенно истощеннымъ подданнымъ, о томъ, чтобы онъ далъ имъ возможность насладиться сладкими плодами мира, пріобрѣтеннаго благодаря особой милости Божіей. Депутаты просятъ уменьшить войско настолько, чтобы число солдатъ и гарнизоновъ соотвѣтствовало состоянію страны[2]). Недостатковъ существовавшей податной системы они не замѣчали или, вѣрнѣе сказать, не желали замѣчать». «...Не можетъ быть», писали они курфюрсту, «никакого лучшаго, болѣе надежнаго и практичнаго средства и способа распредѣленія податей, кромѣ бывшаго до сихъ поръ въ употребленіи и остающагося еще теперь въ силѣ. Если контрибуція практиковалась въ военное время, то тѣмъ болѣе она возможна теперь, въ мирное время, особенно, если принять во вниманіе, что въ такомъ способѣ собиранія необходимыхъ средствъ нѣтъ ничего несправедливаго. Правда, раздается много жалобъ на то, что большинство не можетъ справиться съ своими паями (Quoten); но это происходитъ не отъ способа распредѣленія, а отъ безпрерывныхъ бѣдствій, которыя терзали страну

---

1) Isaacsohn, 488—489.

2) ib., 498.

въ теченіе 35 лѣтъ и болѣе[1]). Вопросъ объ акцизѣ поднимался и раньше. Онъ былъ предложенъ чинамъ въ 1623 г., затѣмъ на земскомъ соборѣ, начало котораго относится къ 1652 г. Но чины привели такія убѣдительныя основанія противъ акциза, что Вы, какъ блаженной памяти Вашъ отецъ, больше не настаивали на своемъ предложеніи. Да и въ самомъ дѣлѣ, при введеніи налога на потребленіе пойдутъ большія перемѣны и новшества, очень опасныя для общественнаго дѣла и рѣдко достигающія своей цѣли. Особенно надо подумать о томъ, принесетъ ли пользу акцизное обложеніе и послѣдуетъ ли за нимъ улучшеніе торговли въ такомъ курфюршествѣ, которое со всѣхъ сторонъ окружено другими курфюршествами и княжествами. Мы, конечно, не можемъ обойтись безъ торговли съ сосѣдями. Но если намъ и теперь трудно конкуррировать съ другими, такъ какъ мы далеко удалены отъ торговыхъ центровъ и не имѣемъ дешевыхъ водныхъ путей сообщенія, то при акцизномъ налогѣ, который необходимо поведетъ къ повышенію рыночныхъ цѣнъ, конкурренція для насъ будетъ немыслима[2])... Пока нѣтъ крайней необходимости мѣнять способъ обложенія подданныхъ. Нуждающимся могутъ оказать помощь тѣ изъ ихъ товарищей, которые находятся въ нѣсколько лучшемъ положеніи... Неслыханное будетъ дѣло, если, по возстановленіи мира, на собраніи, созванномъ для рѣшенія вопроса о поднятіи благосостоянія страны, рѣшатъ ввести новый способъ обложенія... Гораздо безопаснѣе, если все останется попрежнему, особенно, когда идетъ вопросъ о свободѣ дворянъ отъ пошлинъ: при акцизѣ благороднымъ сословіямъ придется нести податное ярмо наравнѣ съ низкою чернью. Предлагаемая Вашимъ Величествомъ реформа не достигнетъ своей цѣли: Вамъ она не дастъ средствъ необходимыхъ для содержанія арміи, а Вашимъ подданнымъ не принесетъ облегченія, котораго они такъ горячо требуютъ и съ такимъ болѣзненымъ нетерпѣніемъ ожидаютъ[3])...Успѣхъ акцизовъ находится въ тѣсной связи съ торговлей, еще не установившейся («ein gar auf—und absteigendes Werk ist»). Слѣдовательно, величина доходовъ съ акцизнаго налога не можетъ быть постоянною. При томъ, несомнѣнно, акцизная система не

---

1) Isaacsohn, 492.
2) ib., 492,—493.
3) ib., 493.

можетъ быть у насъ такъ-же доходна, какъ въ Нидерландахъ и другихъ мѣстностяхъ, расположенныхъ около моря. Далѣе, расходы на введеніе новаго налога, на содержаніе многочисленныхъ чиновниковъ, которые потребуются по всей странѣ, особенно, на границахъ, въ городахъ и мѣстечкахъ для наблюденія за акцизами, весьма значительно сократятъ собою доходы. Объ этомъ можно судить по примѣру недавно введенной монополіи на соль, показывающему, какъ дорого обходится содержаніе чиновниковъ по монополіи. Примѣръ этотъ доказываетъ также, что при существованіи большого числа чиновниковъ неизбѣжны будутъ съ ихъ стороны большія злоупотребленія. Акцизная система обложенія внесетъ въ нашу жизнь много несправедливаго. Облагать предметы первой необходимости запрещаетъ общественное право. Тяжесть акцизовъ падаетъ, главнымъ образомъ, на бѣдныхъ, которые должны покупать все необходимое. Человѣкъ, котораго Господь благословилъ дѣтьми, у котораго большая семья, принужденъ будетъ платить больше другого, не имѣющаго такой семьи... Наконецъ, многіе предметы, подлежащіе акцизу, уже обложены налогами, предназначенными для погашенія долговъ; ихъ придется, такимъ образомъ, вдвойнѣ облагать»... Въ виду такихъ соображеній, сущность которыхъ почти вся была ими высказана на собраніи 1652—1653 г., земскіе чины еще разъ просятъ лучше оставаться при плохой старой системѣ, чѣмъ вводить неизвѣстный новый налогъ. Взамѣнъ акциза они предлагаютъ курфюрсту нѣсколько мѣръ, которыя должны, по ихъ мнѣнію, увеличить доходы. Напр., совѣтуютъ назначать завѣдующими курфюршескими доменами способныхъ мѣстныхъ хозяевъ и т. д.[1]).

Прочитавши записку чиновъ, курфюрстъ ограничивается простымъ заявленіемъ: «Благосостояніе, безопасность и процвѣтаніе нашей страны требуютъ, чтобы мы имѣли на ногахъ такую армію, которая могла бы занять всѣ крѣпости необходимыми гарнизонами и съ успѣхомъ отражала бы всякое неожиданное нападеніе непріятелей. Поэтому, мы, сдѣлавши для облегченія страны все, что могли, сокративши численность своей арміи, упразднивши генеральные и другіе штабы, намѣреваясь предпринимать и дальнѣйшія сокращенія, въ то же время просимъ чины на содержаніе

[1]) Isaacsohn, 494.

оставшихся войскъ ежемѣсячно вносить по 25000 тал.»[1]) (Эту сумму впослѣдствіи онъ сбавилъ до 20000 тал.[2])). «Правда, такая сумма при теперешнемъ состояніи страны покажется слишкомъ большою и обременительною, но мы не имѣемъ возможности ограничиться меньшей суммой для арміи; мы увѣрены, что эта довольно значительная субсидія не помѣшаетъ процвѣтанію страны, если только будетъ введенъ съ большою пользою практикуемый въ другихъ странахъ акцизный налогъ, съ его равномѣрнымъ распредѣленіемъ податной тяжести»[3]). Рекомендуемыя чинами мѣры для увеличенія доходовъ курфюрстъ съ порицаніемъ отвергаетъ[4]).

Отвѣтъ Фридриха Вильгельма, который, повидимому, даже не хотѣлъ опровергать ихъ доводовъ, вызываетъ сильное раздраженіе со стороны чиновъ. Чины видѣли, какъ сильная, искусная рука великаго курфюрста все больше и больше удаляла ихъ отъ государственнаго кормила, лишала ихъ прежняго привилегированнаго положенія и дѣлала зависящими отъ личной воли верховнаго правителя. Не могли они не отвѣтить рѣзкостью на дѣйствія курфюрста, который осмѣлился, безъ предварительнаго совѣщанія съ ними, самовольно назначить сумму контрибуціи въ 20000 тал. «Всюду», пишутъ они ему, «правительство до тѣхъ поръ ведетъ переговоры съ своими вѣрными чинами, пока обѣ стороны не придутъ къ рѣшенію, вполнѣ соотвѣтствующему платежнымъ силамъ (Vermögen) страны. Къ намъ же прямо предъявляется требованіе такой большой суммы, согласиться на которую нѣтъ никакой возможности... Ваше Величество, соблаговолите обратить вниманіе на то, какъ тяжело Вашимъ покорнымъ чинамъ и подданнымъ видѣть, что всѣ сосѣднія марки и курфюршерства вполнѣ наслаждаются плодами мира; даже тѣ страны, которыя въ Римской Имперіи добровольно подчинились иностранной династіи и до сихъ поръ еще находятся подъ жестокимъ игомъ, теперь пользуются почти полнымъ облегченіемъ; за цѣлый годъ онѣ вносятъ столько, сколько отъ насъ требуютъ за полъ-мѣсяца. Въ послѣдніе годы мы ежемѣсячно вносили по 100000 тал., считая въ томъ числѣ и хлѣбъ. Но

1) Isaacsohn, 495—496.
2) ib.
3) ib.
4) ib.

теперь вносить по 20000 тал. для страны тяжелѣе, чѣмъ раньше по 100000 тал. Вѣдь тогда, во время войны, Господь благословилъ страну урожаемъ; въ туземныхъ монетахъ чувствовался избытокъ... Теперь же у бѣдныхъ людей нѣтъ даже хлѣба въ достаточномъ количествѣ, скотъ вымеръ; все приходится пріобрѣтать за деньги, тогда какъ благодаря паденію цѣны монетъ, которыя стали ходить по своей дѣйствительной цѣнности, страна въ одинъ мѣсяцъ понесла убытокъ въ 8 или 9 тоннъ золота; чувствуется страшный недостатокъ въ деньгахъ[1])... Въ виду всего этого чины покорнѣйше просятъ Ваше Величество не отвращать своего отцовскаго сердца и милости отъ своей страны, при обсужденіи вопроса о количествѣ необходимаго войска, обращать вниманіе также на бѣдную, совершенно истощенную страну съ ея жителями и не рѣшать его безъ всякихъ переговоровъ съ своими чинами»[2]).

Горячее посланіе чиновъ не смутило курфюрста. Онъ обходитъ полнымъ молчаніемъ ихъ жалобы на то, что его требованіе 20000 тал. нарушаетъ ихъ право относительно контрибуціи, и дѣлаетъ имъ строгій выговоръ за докладъ, наполненный непозволительными выраженіями и непростительными нареканіями. «Его Величество вполнѣ согласенъ, что странѣ тяжело будетъ платить требуемую сумму денегъ, но въ то же время находитъ, что эта трудность обусловливается не столько величиною суммы, сколько неравномѣрностью раскладки и несправедливостью контрибуцій, которыя давятъ главнымъ образомъ бѣдныхъ людей. Для избѣжанія такой несправедливости, курфюрстъ предлагаетъ акцизный налогъ, которому одинаково будутъ подлежать, какъ бѣдные и нуждающіеся, такъ богатые и состоятельные люди, по большей части теперь свободные отъ налоговъ. Если депутаты примутъ во вниманіе равномѣрность обложенія при новомъ налогѣ, то найдутъ, что, въ случаѣ ихъ согласія на этотъ налогъ, не послѣдуетъ окончательной гибели страны; люди небогатые, нуждающіеся, даже вдовы и сироты не будутъ окончательно разорены и не будутъ плакаться на неравномѣрность раскладки... Его Величеству особенно прискорбно то, что депутаты, вопреки фактамъ и голосу совѣсти, неизвѣстно изъ какого побужденія, не только не бо-

---

[1]) Isaacsohn, 498.

[2]) ib., 499.

ятся сравнивать кроткое и милостивое его правленіе съ тяжелымъ игомъ, подъ которымъ до сихъ поръ еще находятся нѣкоторыя страны, но даже считаютъ его жесточе и злополучнѣе этого ига. Его Величество не заслужилъ тяжелаго упрека со стороны своихъ подданныхъ. Депутатовъ и всѣхъ виновныхъ которые не попросятъ извиненія, онъ считаетъ необходимымъ подвергнуть строжайшему наказанію за такое рѣзкое обвиненіе»... За грубости великій курфюрстъ дѣлаетъ депутатамъ строжайшій выговоръ и вмѣстѣ съ тѣмъ напоминаетъ имъ о надлежащемъ къ нему уваженіи[1]).

Строгая резолюція курфюрста подѣйствовала на депутатовъ. Депутаты чувствуютъ его силу и начинаютъ опасаться, какъ бы не пришлось имъ пострадать за общее благо. Они спѣшатъ извиниться и увѣрить курфюрста въ своемъ вѣрноподданничествѣ; стараются предупредить курфюршескій гнѣвъ лично противъ нихъ; заявляютъ, что среди остальныхъ подданныхъ они самые усердные; всѣ налоги и повинности они покорно исполняли и повиновеніе правителю страны ставили выше всякихъ другихъ соображеній[2]). Продолжая настаивать на невозможности для страны ежемѣсячно вносить по 20000 тал., депутаты особенно стараются убѣдить курфюрста, что корень народной нужды лежитъ не въ способѣ распредѣленія налоговъ, а въ ихъ высотѣ[3]).

Курфюрстъ дѣлаетъ видъ, что уступаетъ убѣжденіямъ чиновъ. Онъ принимаетъ извиненія депутатовъ. Относительно акцизнаго налога объявляетъ: «Если акцизы не нравятся чинамъ, то пусть они устроютъ податное дѣло такъ, чтобы каждый платилъ по своему состоянію и никто не могъ имѣть повода жаловаться на излишнее обремененіе налогами. Онъ ничего не имѣетъ противъ. Но согласиться на сокращеніе арміи теперь, когда курфюрстъ «охраненіе своихъ чиновъ и страны возлагаетъ на Бога и на оружіе», невозможно. Сумма меньшая 20000 тал. недостаточна. «Его Величество надѣется, что чины не будутъ больше настаивать на уменьшеніи контрибуціи»[4]). Выказанная курфюрстомъ готов

---

[1]) Isaacsohn, 500, 501, 502.

[2]) ib., 502.

[3]) ib., 503.

[4]) ib., 504.

ность взять назадъ свое предложеніе относительно новой податной системы наполняетъ депутатовъ радостью. Они забываютъ о томъ, противъ чего главнымъ образомъ возставали въ началѣ переговоровъ съ курфюрстомъ; забываютъ, что курфюрстъ не имѣетъ права самовольно опредѣлять величину контрибуціи. Вторично просятъ они у него извиненія за свое оскорбительное письмо и соглашаются ежемѣсячно вносить по 20000 тал., лишь бы не было ненавистнаго для нихъ акцизнаго налога. Депутаты позволяютъ себѣ только высказать надежду, что въ будущемъ курфюрстъ позаботится предпринять всевозможныя мѣры къ облегченію своихъ подданныхъ. Причемъ они покорнѣйше просятъ, чтобы эта помощь и облегченіе податного бремени были оказаны раньше, чѣмъ начнется агонія страны, когда всякая помощь будетъ уже напрасна[1]).

Добившись согласія депутатовъ на ежемѣсячную контрибуцію въ 20000 тал., великій курфюрстъ сдѣлалъ значительный шагъ впередъ къ достиженію своей главной цѣли—проведенію податной реформы. Своей уступкой представители сословій показали, что они начинаютъ мириться съ необходимостью, мириться съ фактомъ, что прошло то время, когда чинамъ принадлежало исключительное право опредѣлять величину обложенія; теперь они должны раздѣлять это право съ верховнымъ правителемъ страны, который можетъ даже потребовать отъ нихъ согласія на постоянные налоги, обязать ихъ ежемѣсячно вносить извѣстную сумму талеровъ[2]). Конечно, Фридрихъ Вильгельмъ не могъ не сознавать, какъ тяжело было податное бремя для его бѣдныхъ подданныхъ. Но иначе поступать онъ не видѣлъ никакой возможности. Пока всѣ чины находились подъ вліяніемъ дворянъ, и среди нихъ курфюрстъ ни въ комъ не имѣлъ поддержки, до тѣхъ поръ онъ не могъ прибѣгнуть ни къ какимъ рѣшительнымъ мѣрамъ. Онъ слышалъ вопли и стоны своихъ подданныхъ и не въ силахъ былъ облегчить ихъ положеніе. Онъ старался только помогать тѣмъ, которые особенно нуждались въ помощи.

X.

Первыми на краю гибели, какъ мы видѣли, находились города. Не говоря уже объ уменьшеніи населенія, упадкѣ торговли, о страшной нуж-

---

[1]) Isaacsohn, 505.

[2]) ib., 390.

дѣ жителей, города находились сверхъ того въ большихъ долгахъ. Въ 1643 г. за городами Средней марки, Уккермарки и Руппина, въ которыхъ насчитывалось жителей немногимъ больше 2000, долгу числилось 13 тоннъ золота[1]). Съ тѣхъ поръ они едва-ли могли что-либо выплатить, такъ какъ несправедливость контрибуцій, войны и бѣдствія продолжались. Въ шестидесятыхъ годахъ, когда безотрадность положенія горожанъ, въ сравненіи съ положеніемъ другихъ подданныхъ курфюршества, признавали и дворяне, тяжесть обложенія особенно чувствительно должна была отражаться на городахъ. Необходимы были рѣшительныя мѣры для устраненія гибели городовъ. Но эти мѣры могли имѣть благія послѣдствія только въ томъ случаѣ. если въ основѣ ихъ лежало вѣрное пониманіе главной причины зла, дѣлавшаго положеніе горожанъ хуже положенія сельскихъ жителей.

Вѣрные себѣ дворяне, боявшіеся измѣненія податной системы, видѣли корень зла исключительно въ плохой городской администраціи. Противъ нихъ весьма основательно возражали горожане: «...магистраты въ городахъ не имѣютъ никакого отношенія къ контрибуціи; доходы и расходы находятся въ рукахъ самихъ горожанъ; простые горожане завѣдуютъ также составленіемъ кадастровъ и раскладкой податей. Всѣ бургомистры и ратманы, отказываясь отъ льготъ, вносятъ контрибуцію и платятъ больше 10—12, даже 20 простыхъ горожанъ[2])... Деревни, принадлежащія городамъ, гораздо лучше заселены, чѣмъ значительное большинство дворянскихъ деревень»[3])... Очевидно, дворяне были неправы, заявляя, что магистраты разорили своихъ горожанъ. «Для ревизіи городского управленія снаряжены были комиссіи; магистраты оказались невиновными»[4]).

Корень зла лежалъ глубже. Уже давно у городовъ съ дворянами шли споры относительно величины контрибуціи, приходившейся на долю тѣхъ и другихъ[5]). Жалуясь на то, что городамъ приходится платить двѣ трети контрибуціи, городскіе депутаты въ 1643 г. заявля-

---

[1]) Isaacsohn, 114—115.
[2]) ib., 530.
[3]) ib., 531.
[4]) ib., 531,
[5]) ib., 114—120, 318—322.

ли: «...Ни въ какихъ книгахъ нельзя вычитать, чтобы дворяне въ случаяхъ общественной нужды освобождались благодаря своей знатности отъ податного бремени. Между тѣмъ у насъ возможны такія ненормальности: городъ Бранденбургъ, въ которомъ не больше 1065 трубъ и 475 гражданъ, изъ 100000 тал. долженъ платить 4464 тал. 10 гр. 8 пф.; а гавелландское и цанховское дворянство изъ 100000 тал. вноситъ только 3149 тал 4 гр. 3 пф., тогда какъ въ составъ его входятъ 1) нѣсколько городовъ, напр., Цизарь, Креммenъ, Вердеръ, Фризакъ, въ которыхъ гражданъ больше, чѣмъ въ Бранденбургѣ; далѣе, 2) мѣстечки: Заармундъ, Притцербъ, Ретцинъ, Беллинъ, Плаценъ и Риновъ; кромѣ того, 3) болѣе 240 деревень и 6397 1/7 гуфы[1]).

Первыми обратились къ курфюрсту за помощью города, занятые гарнизонами. Они просили распредѣлить равномѣрно по всѣмъ округамъ страны тѣ натуральныя повинности, которыя они одни несутъ[2]). Своею властью курфюрстъ не могъ имъ помочь: ихъ просьбу онъ передалъ чинамъ. Чины отвѣтили отказомъ. Дворяне опасались раскола среди сословій и ихъ представителей. Они боялись, что примѣру этихъ городовъ, если уважить ихъ просьбу, послѣдуютъ другіе города, которые, пожалуй, въ своихъ желаніяхъ пойдутъ дальше и станутъ добиваться пересмотра податного дѣла. Поэтому, дворяне хотѣли отбить у нихъ охоту жаловаться и вызвать у курфюрста недовѣріе къ жалобамъ горожанъ. Подъ давленіемъ дворянъ, депутаты отъ чиновъ выражаютъ курфюрсту свое удивленіе по поводу такой наглости городовъ, которые безпокоятъ Его Величество постоянными жалобами, безъ вѣдома своего начальства—думы и своихъ согражданъ[3]).

Отвѣтъ депутатовъ показалъ курфюрсту, что добровольнаго согласія на помощь нуждающимся горожанамъ онъ не можетъ ожидать со стороны дворянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ у него должно было зародиться подозрѣніе, дѣйствительно ли депутаты отъ городовъ являются выразителями настроенія городской массы. Впослѣдствіи это подозрѣніе подтвердилось. Въ городахъ все сильнѣе и сильнѣе стали раздаваться протесты противъ контрибуціи. Въ пользу акциза идетъ дѣятельная агита-

---

[1]) Isaacsohn, 104.

[2]) ib., 505.

[3]) ib., 506.

ція[1]). Всюду появляются оскорбительные памфлеты на магистратовъ, которые держали сторону дворянъ въ вопросѣ о налогѣ на потребленіе[2]), справедливо опасаясь, что при акцизѣ придется нести тяжелое бремя налоговъ не только бѣдному населенію, но и самимъ магистратамъ, бывшимъ до того времени свободными отъ податного тягла[3]). Къ курфюрсту начинаютъ поступать отъ городскихъ гильдій, напр. штендальскихъ, прошенія о введеніи акцизовъ[4]). Несомнѣнно, интересы горожанъ расходились съ интересами дворянъ. Курфюрсту это было очень выгодно: въ проведеніи задуманныхъ податныхъ реформъ онъ могъ теперь опираться на городскую массу. Раньше дворяне выставляли себя защитниками интересовъ народа; доказывая вредъ акциза, они обвиняли своего правителя даже въ эгоистическихъ стремленіяхъ. Теперь Фридрихъ Вильгельмъ имѣлъ полную возможность открыто выступить съ предложеніемъ податной реформы, какъ защитникъ городского населенія.

Великій курфюрстъ пользуется обстоятельствами и рѣшительнѣе идетъ къ своей цѣли: контрибуція въ 20000 тал. поднимается до 22000 тал.; чины съ горечью увидѣли, что ежемѣсячный взносъ этой суммы стоитъ уже внѣ добровольнаго согласія сословій; контрибуція дѣлается постояннымъ налогомъ[5]). Вскорѣ затѣмъ курфюрстъ присвоиваетъ себѣ также право своевольно повышать контрибуціи. «По моему мнѣнію», писалъ онъ тайнымъ совѣтникамъ 18 іюля 1666 г., «теперь нѣтъ намъ нужды созывать сеймъ для рѣшенія вопроса о величинѣ контрибуціи; достаточно письменно извѣстить ихъ о своемъ рѣшеніи, особенно, если дѣло идетъ о незначительной прибавкѣ или измѣненіи вносимой ими ежемѣсячной суммы... Вѣдь мы не можемъ каждый мѣсяцъ устраивать собраніе чиновъ. Это требуетъ издержекъ, которыя слишкомъ тяжело отзываются на благосостояніи нашей страны. О количествѣ контрибуціи за этотъ мѣсяцъ (іюль) мы дадимъ знать депутатамъ[6]); тѣ извѣстятъ сословія, и такимъ образомъ новое собраніе излишне»[7]).

---

[1]) Isaacsohn, 514.
[2]) ib., 515.
[3]) ib. 571.
[4]) ib., 514.
[5]) ib., 390.
[6]) ib., 508.
[7]) ib., 509.

Больно было чинамъ и особенно дворянамъ видѣть, что у нихъ, которые нѣкогда вершили дѣлами внутренней и внѣшней политики, теперь «не спрашиваютъ совѣта и, если спрашиваютъ, то поздно,—и это даже въ такихъ дѣлахъ, которыя могли повлечь за собою гибель страны. Законъ естественной справедливости требуетъ, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда чины и подданные должны жертвовать своимъ имуществомъ, ничего не предпринималось безъ ихъ совѣта и согласія, такъ какъ только они могутъ вѣрно судить, насколько сильна или слаба ихъ страна и ея жители...»[1]). А между тѣмъ курфюрстъ, несмотря на плачевное состояніе страны, самовольно увеличивалъ контрибуцію. Горько было чинамъ видѣть, какъ желѣзная рука Фридриха Вильгельма все больше и больше стѣсняла ихъ свободу. Они выразили свой протестъ противъ нарушенія ихъ права повышать налоги[2]). Великій курфюрстъ отвѣтилъ: „Если чины заявляютъ, что въ апрѣлѣ внесено страною контрибуціи больше обычныхъ 22000 тал. на 15875 тал., а въ іюнѣ на 11000 тал., то они ошибаются: при наведеніи справокъ окажется, что, хотя подобное распоряженіе и могло быть, однако оно было отмѣнено, или во всякомъ случаѣ требуемыя суммы были значительно уменьшены“[2]).

Выходило, такимъ образомъ, что курфюрстъ имѣетъ право возвышать контрибуцію, лишь бы только это не было тяжело для страны. Дорога къ акцизамъ была расчищена. Великій курфюрстъ начинаетъ уже собирать необходимыя для податной реформы свѣдѣнія: своимъ министрамъ и комиссарамъ приказываетъ прислать ему опись городовъ, мѣстечекъ, деревень и находящагося въ нихъ населенія[3]). Опасеніе чиновъ, какъ бы такое его распоряженіе не разогнало рабочихъ изъ страны, курфюрстъ оставляетъ безъ отвѣта[4]). Единственнымъ препятствіемъ къ податной реформѣ служило только то, что она должна была сдѣлать податными лицами также и высшія сословія, сравнять знатныхъ съ незнатными. Здѣсь лежалъ камень претткновенія всѣхъ усилій курфюрста. Не могли дворяне, испо-

---

1) Isaacsohn, 389—390.
2) ib. 392—393.
3) ib. 391.
4) ib. 392, 393.

конъ вѣка не знавшіе тягости обложенія, добровольно наложить руку на свою свободу.

Однако, великій курфюрстъ смѣло вступаетъ въ борьбу съ чинами, ловко пользуясь всѣми средствами, обѣщавшими успѣхъ. Для окончательнаго проведенія реформы онъ созываетъ сеймъ депутатовъ. Чтобы ослабить силы противниковъ, вызываетъ лишь незначительное число депутатовъ[1]) и до самаго собранія сейма не сообщаетъ чинамъ, о чемъ будетъ идти рѣчь. Въ своихъ предложеніяхъ сейму великій курфюрстъ больше не поднимаетъ вопроса о томъ, какъ помочь странѣ, что дѣлалъ раньше, но прямо предлагаетъ введеніе акцизнаго налога. «Его Величество—говорится тамъ—вынужденъ обратить особое вниманіе своихъ чиновъ на великую нужду, испытываемую людьми бѣдными и обнищавшими подъ тяжестью налоговъ, на которыхъ почти исключительно ложится бремя контрибуцій и которые ежедневно, даже ежечасно, надоѣдаютъ курфюрсту своими стонами и жалобами. Онъ ничего такъ не желаетъ, какъ войти въ положеніе бѣдняковъ, совершенно уничтожить контрибуцію или во всякомъ случаѣ настолько ее уменьшить, чтобы не слышать больше ихъ жалобъ. Но надѣяться на уменьшеніе контрибуціи нѣтъ никакой надежды, такъ какъ странѣ отовсюду угрожаетъ опасность со стороны враждебно настроенныхъ иноземцевъ. Чины съ этимъ вполнѣ согласятся, если обсудятъ настоящее положеніе дѣлъ[2])... Единственный выходъ изъ затрудненія Его Величество видитъ въ замѣнѣ теперешней податной системы, съ ея неравномѣрнымъ обложеніемъ, новою системою, которая не такъ сильно будетъ угнетать бѣдныхъ, будетъ простираться на всѣхъ подданныхъ безъ исключенія. Лучшаго средства сохранить страну, не довести ее до полнаго разоренія и въ то же время не лишиться средствъ, необходимыхъ для защиты отечества, курфюрстъ не знаетъ. Чинамъ хорошо извѣстно, что до сихъ поръ Его Величество строго держался всѣхъ старыхъ порядковъ; не было ни одного случая, чтобы кто-нибудь подвергся обложенію вопреки обычаю. Еще менѣе имѣютъ основанія дворяне жаловаться на нарушеніе своего иммунитета. Но теперь въ виду настоятельной нужды Его Величество предлагаетъ ввести

---

[1]) Isaacsohn, 511.

[2]) ib., 509.

такую систему податей, при которой всякій долженъ вносить что-либо, и никто не освобождался бы отъ тягла. Если чины поймутъ пользу новой системы и въ замѣнъ ея ничего лучшаго не придумаютъ, то можно надѣяться, что примѣра правителя страны, который подвергнется обложенію наряду съ другими своими подданными, будетъ достаточно для чиновъ, чтобы согласиться на предлагаемую курфюрстомъ мѣру. Въ виду всего этого, Его Величество еще разъ обращаетъ вниманіе чиновъ на критическое положеніе дѣлъ и высказываетъ надежду на ихъ согласіе относительно акцизнаго налога. Эта мѣра замѣтно подыметъ благосостояніе страны, прекратитъ жалобы и поведетъ къ общему благу»[1]).

Предложеніе Фридриха Вильгельма встрѣтило стойкій отпоръ со стороны депутатовъ. Они рѣшительно отказываются приступить къ обсужденію предлагаемой мѣры, ссылаясь на то, что въ распоряженіи курфюрста относительно сейма ни однимъ словомъ не упоминалось объ акцизахъ, вслѣдствіе чего они по вопросу о новой системѣ не имѣютъ никакихъ полномочій отъ своихъ избирателей. «...Сами депутаты считаютъ возможнымъ облегченіе страны только при уменьшеніи войска... Если даже курфюрстъ держится иного мнѣнія, пусть однако не требуетъ отъ нихъ согласія насчетъ новаго, небывалаго въ Бранденбургскомъ курфюршествѣ налога. Дѣло это весьма важное, требуетъ обсужденія цѣлой страны, а ихъ, депутатовъ, немного, потому что съ каждаго округа, согласно распоряженію Его Величества, пришло не больше, какъ по одному или по два депутата. Въ виду такихъ соображеній депутаты просятъ курфюрста извинить ихъ, позволить имъ увѣдомить остальныхъ чиновъ о предложеніи и желаніи Его Величества и, такимъ образомъ, дать имъ возможность хорошенько взвѣсить и обдумать все необходимое для рѣшенія вопроса объ акцизахъ»[2]).

Вполнѣ резонный отказъ депутатовъ, всецѣло стоявшихъ на почвѣ исконнаго обычая, заставляетъ курфюрста уступить ихъ требованіямъ. 6 февраля 1667 г. онъ дѣлаетъ распоряженіе округамъ прислать къ концу февраля въ Берлинъ депутатовъ для обсужденія вопроса о новой податной системѣ. Причемъ, какъ бы не сомнѣваясь, что всѣ должны

---

[1]) Isaacsohn, 510.

[2]) ib., 511.

раздѣлять его взглядъ на акцизъ, приказываетъ снабдить депутатовъ полною довѣренностью и полномочіями (Gewalt) такъ, чтобы акцизный налогъ могъ быть введенъ безъ дальнѣйшей потери времени[1]). Рѣшительный тонъ и самоувѣренность Фридриха Вильгельма должны были смутить чиновъ, побудить ихъ къ уступкамъ.

Но привилегіи и вѣковая свобода дворянъ отъ податного бремени представляли еще сильное препятствіе для проведенія финансовыхъ преобразованій. Въ своемъ отвѣтѣ на предложеніе курфюрста чины высказываются противъ податныхъ реформъ и просятъ курфюрста остаться при прежней системѣ налоговъ. Мотивируя свой отказъ, они пишутъ: «...Особенно тяжело отъ акцизнаго налога придется дворянамъ: у нихъ онъ отниметъ свободу, пріобрѣтенную весьма дорогою цѣною, наложитъ на нихъ и на ихъ потомковъ вѣчное податное ярмо, разоритъ дворянъ и доведетъ ихъ до того, что отъ дворянскихъ привилегій останется одно только имя. Раньше во время самой войны чинамъ было предоставлено право распредѣлять налоги, на которые они дали согласіе. Тѣмъ болѣе, надѣются они, это право будетъ предоставлено имъ теперь. Депутаты отъ дворянъ считаютъ совершенно безосновательнымъ упрекъ со стороны курфюрста, будто бы дворяне при теперешней системѣ контрибуцій ничего не платятъ: всюду, гдѣ податныя лица оказывались не въ состояніи нести свои повинности, дворяне заступали ихъ мѣсто; кромѣ того, дворяне приняли на себя также уплату многихъ экстраординарныхъ налоговъ»[2]). Повторяя прежніе доводы противъ акциза, депутаты настаиваютъ особенно на томъ, что введеніе налога на потребленіе подниметъ цѣны на продукты и неизбѣжно вызоветъ столкновенія и ссоры между сословіями. «При всемъ этомъ новая система не достигнетъ своей цѣли. Нельзя ожидать, чтобы при ней всѣмъ пришлось платить пропорціонально ихъ состоянію[3]): съ теченіемъ времени окажется, что купцы всю тяжесть обложенія перенесутъ на покупателей, повысятъ цѣны на товары, и выйдетъ, что сами они будутъ совершенно свободны отъ налога, акцизы будутъ оплачивать одни только бѣдные и нуждающіеся люди, которые перебиваются со дня на день, главнымъ

[1]) Isaacsohn, 512.
[2]) ib. 522.
[3]) ib. 523.

образомъ—духовенство, пасторы, учители, получающіе небольшое вознагражденіе за свои труды; затѣмъ, всѣ служащіе при благотворительныхъ заведеніяхъ и госпиталяхъ и вообще всѣ лица, которыя живутъ на жалованье, не исключая министровъ. Но высшіе чиновники курфюрста будутъ только нѣкоторое время испытывать на себѣ тяжесть акцизовъ; дворяне же податному тяглу будутъ обречены, если не навсегда, то надолго. Такимъ образомъ, имъ на родинѣ придется жить въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ гдѣ-либо въ другой странѣ, такъ какъ всюду дворянамъ предоставлена возможность пользоваться своими привилегіями. Дворянамъ не вѣрится, что люди, изъ среды которыхъ вышло много важныхъ министровъ и храбрыхъ генераловъ, благодаря акцизамъ должны быть приравнены къ крестьянамъ—земледѣльцамъ и горожанамъ и лишены своего иммунитета, пріобрѣтеннаго ими за службу и за услуги, оказанныя правителю страны». «Нашему курфюршеству нельзя брать примѣра съ Пруссіи[1]), гдѣ акцизная система введена въ пятидесятыхъ годахъ[2]), и съ тѣхъ странъ, въ которыхъ тоже практикуется эта система». «Хотя торговля въ Пруссіи процвѣтаетъ вслѣдствіе удобнаго мѣстоположенія этого герцогства, хотя почва тамъ плодородная, жителей много, однако прусское дворянство горько жалуется на акцизный налогъ и горячо желаетъ освободиться отъ него. Тѣмъ болѣе нельзя сравнивать нашу страну съ Силезіей, дворяне которой находились совершенно въ иныхъ отношеніяхъ къ городамъ, чѣмъ мы, а также съ другими странами, вродѣ Италіи[3]) и Голландіи: въ этихъ странахъ, вслѣдствіе судоходства рѣкъ и близости моря, затѣмъ, вслѣдствіе большого притока иностранцевъ, населеніе всегда имѣетъ хорошій заработокъ. А наши купцы—не болѣе какъ факторы иностранцевъ; торговлю они ведутъ не на свои, а на иноземные капиталы; иностранцевъ и путешественниковъ у насъ бываетъ тоже мало»[4]).

---

[1]) Въ Пруссіи акцизы были введены въ началѣ сѣверной войны города прирейнскіе уже давно имѣли у себя акцизную систему обложенія (Isaacsohn, 478).

[2]) Isaacsohn, 478.

[3]) ib., 524.

[4]) ib., 525,

Земскіе чины все еще представляли собою значительную силу, съ которою приходилось считаться бранденбургскому правителю. Не могъ великій курфюрстъ ввести новый налогъ при громкомъ протестѣ всѣхъ чиновъ. Онъ отказывается отъ мысли о всеобщемъ налогѣ. Къ тому же главная потребность страны была удовлетворена: курфюрстъ имѣлъ регулярную армію, которая могла каждую минуту отразить нападеніе непріятелей; на содержаніе арміи вносилась постоянная контрибуція, величина которой зависѣла отъ курфюрста. Правда, бремя налоговъ, увеличенное расходами на армію, было слишкомъ тяжело для населенія, истощеннаго войнами и ненормальностями податного дѣла. Но что могъ сдѣлать курфюрстъ, если распустить армію не позволялъ духъ времени, а измѣнить податную систему чины отказались? Фридрихъ Вильгельмъ рѣшилъ не отступать отъ того, чего достигъ путемъ упорной борьбы съ чинами; онъ рѣшилъ средства, необходимыя для арміи, выжимать изъ своихъ подданныхъ, не взирая на ихъ жалобы; всеобщую податную реформу отложить на неопредѣленное время, а пока предоставить сословіямъ полную свободу вносить контрибуцію, какимъ только способомъ они пожелаютъ.

XI.

Какъ разъ въ это время въ городахъ шла усиленная агитація въ пользу акциза, гораздо болѣе дѣятельная и широкая, чѣмъ раньше: гильдіи и цехи Штендаля отправляютъ письмо къ гильдіямъ Зальцведеля и Гарделегена, приглашая ихъ принять участіе въ общей просьбѣ къ великому курфюрсту о введеніи акцизовъ и послать вмѣстѣ съ ними ходоковъ, надѣливши послѣднихъ необходимыми полномочіями и средствами[1]). Подобное движеніе происходитъ и въ другихъ городахъ, гдѣ оно началось гораздо раньше, такъ что въ Бранденбургѣ, Берлинѣ, Потсдамѣ публично называли города Старой Марки даже ренегатами[2]).

Движеніе горожанъ было очень выгодно для курфюрста: для него открывалась перспектива введенія акциза въ городахъ, гдѣ сосредоточивалась главнымъ образомъ торговля страны. Городская реформа

---

[1]) Isaacsohn, 517—518.
[2]) ib., 520.

податей въ значительной степени могла замѣнить собою всеобщій акцизъ: спасая города отъ окончательнаго разоренія, она должна была увеличить курфюршескіе доходы, особенно, если во-время подать горожанамъ помощь. Давая курфюрсту средства на армію, дѣлая его такимъ образомъ независимымъ отъ дворянъ, городской акцизъ облегчалъ его главную задачу—ослабить политическое значеніе дворянъ и устранить правовой дуализмъ.

Великій курфюрстъ беретъ горожанъ подъ свое покровительство: милостиво принимаетъ городскихъ ходоковъ, обѣщаетъ имъ свою помощь и тѣмъ даетъ надежду на успѣхъ и полную возможность безопасно агитировать въ пользу реформы. Помня прежнюю неудачу горожанъ, просьбу которыхъ не поддержали ихъ депутаты, курфюрстъ предъявляетъ къ ходокамъ только одно требованіе, чтобы въ ихъ прошеніи было побольше подписей горожанъ и по возможности подтвержденіе думою желательности акциза[1]). Напрасно городскіе магистраты Старой Марки старались предотвратить податную реформу, невыгодную для всѣхъ состоятельныхъ людей. Напрасно они указывали на невозможность акциза въ ихъ маркѣ, гдѣ самые главные города расположены такъ, что большую часть своихъ издѣлій должны были распродавать не внутри страны, а внѣ ея, у сосѣдей, подданныхъ княжествъ Магдебургскаго, Брауншвейгскаго и Люнебургскаго[2]). Напрасно также они, отрицая пользу акцизовъ для своего округа, объясняли просьбу горожанъ происками нѣсколькихъ лицъ: будто-бы «нѣкоторые граждане Штендаля, особенно суконщикъ Яковъ Дейтце, преслѣдуя исключительно личную выгоду, привлекли къ себѣ штендальскія гильдіи; затѣмъ, безъ вѣдома и согласія магистратовъ, привлекли другіе города, посылая имъ письма отъ имени всѣхъ гильдій Штендаля, а на самомъ дѣлѣ не было ни одной гильдейской печати, ни подписи старшины (Gilde-Meisters); одинъ только Дейтце приложилъ свою руку и печать[3])». Магистраты пытались даже запугать курфюрста, указывая на опасность подобнаго положенія дѣлъ, когда частному человѣку и черни, или же гильдіямъ и цехамъ будетъ предоставлена свобода не только устраивать

---

1) Isaacsohn, 520.
2) ib., 514.
3) ib., 514.

сходки и сборища въ своемъ городѣ, но даже входить въ сношенія съ другими городами, къ какому бы округу они ни принадлежали, и всюду возбуждать возстаніе противъ должностныхъ лицъ. «Въ такомъ случаѣ пожаръ перейдетъ также въ другіе округа и распространится по всей странѣ, такъ что въ концѣ концовъ вспыхнетъ вторая крестьянская война». Для предотвращенія подобныхъ бѣдствій, магистраты просили курфюрста запретить своевольныя собранія горожанъ и гильдій, гарантировать неприкосновенность власти должностныхъ лицъ и возстановить ихъ авторитетъ изданіемъ указа о тѣлесномъ наказаніи и даже о смертной казни всѣхъ тѣхъ, которые осмѣлятся оскорблять городскія власти и агитировать противъ нихъ[1]); они просили также учредить фискальную инквизицію, чтобы при ея помощи искоренить зло[2]).

Все было напрасно. Курфюрстъ не желалъ и не могъ придавать значенія такимъ опасеніямъ городскихъ магистратовъ. Онъ понималъ, что акцизъ многимъ магистратамъ приходится не по душѣ, такъ какъ, при этой системѣ налоговъ, и они должны были принимать участіе въ несеніи общаго бремени, которое раньше падало почти исключительно на бѣдныхъ[3]). 23 марта 1667 г. онъ принимаетъ прошеніе отъ городовъ Марокъ, которые заявляютъ, что для нихъ акцизный налогъ представляется весьма желательнымъ: «...налогъ на потребленіе, вытѣснивши собою другіе налоги и контрибуцію, устранитъ многочисленныя жалобы, опасныя столкновенія между сосѣдями, спасетъ страну отъ окончательной гибели, подниметъ ея культуру, привлечетъ сюда многихъ жителей изъ другихъ странъ; бѣднымъ подданнымъ, какъ горожанамъ, такъ и крестьянамъ—земледѣльцамъ окажетъ христіанскую помощь, сдѣлавши податное бремя для нихъ менѣе чувствительнымъ[4]). Спустя пять дней на имя курфюрста поступаетъ новое прошеніе городовъ, въ которомъ они стараются, главнымъ образомъ, доказать несостоятельность доводовъ, приводимыхъ дворянами противъ акциза[5]).

---

[1]) Isaacsohn, 516.
[2]) ib., 517.
[3]) ib. 571.
[4]) ib., 520, 521.
[5]) ib., 528.

Но прежде чѣмъ ввести акцизную систему въ городахъ, Фридрихъ Вильгельмъ хотѣлъ поправить ихъ подорванное благосостояніе. Для этого необходимо было выхлопотать у чиновъ субсидію въ пользу обѣднѣвшихъ горожанъ. Зная по опыту, какъ трудно добиться у дворянъ помощи городамъ, курфюрстъ прибѣгаетъ къ хитрости. По его порученію, тайные совѣтники 25 марта 1667 г. сообщаютъ депутатамъ отъ дворянъ: «Его Величество изъ донесенія депутатовъ узналъ, по какимъ мотивамъ они отклоняютъ акцизъ... Такъ какъ сами чины согласны, что большинство городовъ... не въ силахъ участвовать въ общей податной ношѣ, то... дворяне, какъ изъ чувства христіанской любви и сострѣданія, такъ и изъ собственной выгоды и интересовъ должны помочь городамъ[1]). Въ противномъ случаѣ они не должны жаловаться, если Его Величество введетъ въ городахъ акцизы, а дворянъ оставитъ при старой системѣ... Своимъ рѣшеніемъ относительно субсидіи, отъ которой зависитъ ихъ собственное благосостояніе и благосостояніе всей страны, дворяне должны поспѣшить[2])». Дворяне поддаются обману и немедленно соглашаются помочь городамъ, лишь бы только избавиться отъ опаснаго для нихъ, ненавистнаго акцизнаго налога. 2 апрѣля они предлагаютъ въ пользу горожанъ пособіе въ количествѣ 24000 тал.[3]). Довольный успѣхомъ, великій курфюрстъ эдиктомъ отъ 12 апрѣля 1667 г. объявляетъ, что отказывается отъ податныхъ реформъ и соглашается на субсидію, обѣщанную дворянами въ пользу горожанъ, въ размѣрѣ 24000 тал.[4]). При этомъ онъ увѣряетъ дворянъ, что ихъ согласіе на субсидію не послужитъ во вредъ ихъ правамъ и привилегіямъ, въ частности, не повлечетъ за собою нежелательныхъ дворянамъ измѣненій въ податной системѣ[5])...

Эдиктъ 12 апрѣля 1667 г. ни къ чему не обязывалъ Фридриха: не нарушая постановленія земскихъ соборовъ, которыя такъ ревниво охраняли дворяне, курфюрстъ могъ ввести акцизы въ городахъ, разъ они этого пожелаютъ; вѣдь каждому сословію представля-

---

1) Isaacsohn, 525.
2) ib., 526.
3) ib., 540.
4) ib., 535.
5) ib., 536.

лась свобода въ выборѣ способа собиранія податей, лишь бы только они исправно вносили свои паи[1]). Дворяне видятъ опасность и стараются предотвратить ее. Они просятъ курфюрста при формулировкѣ постановленія (Recessus) особенно оттѣнить, что «взносъ 24000 тал. совершенно устраняетъ вопросъ о налогѣ на предметы потребленія и впослѣдствіи не должно быть даже напоминанія объ акцизахъ». Не довѣряя курфюрсту, они просятъ проектъ постановленія предварительно сообщить имъ, чтобы это столь важное для дворянъ постановленіе не пришлось потомъ измѣнять[2]).

Между тѣмъ къ курфюрсту начинаютъ поступать одно за другимъ заявленія городовъ, которые просятъ ввести акцизы, хотя бы въ однихъ городахъ, на время, въ видѣ опыта[3]). Фридрихъ Вильгельмъ начинаетъ тогда дѣйствовать уже рѣшительнѣе Онъ съ недоумѣніемъ спрашиваетъ дворянскихъ депутатовъ, почему они такъ сильно возстаютъ противъ новой системы, къ которой стремятся города и которая въ худшемъ случаѣ причинитъ сельскимъ жителямъ самые незначительные убытки: акцизы будутъ имѣть своимъ объектомъ преимущественно горожанъ, введены будутъ лишь на время, чтобы доставить хоть какое-нибудь облегченіе бѣднымъ людямъ; если же не послѣдуетъ улучшеніе положенія бѣдняковъ, они немедленно будутъ уничтожены[4]). Въ тотъ же день 15 апрѣля 1667 г. курфюрстъ издаетъ распоряженіе относительно акциза: «Съ перваго іюня въ городахъ вводится акцизный налогъ на всѣ напитки, на хлѣбъ, мясо, скотъ, соль (4 гр. за тонну) и зерна для посѣва (1 гр. за шеффель). Акцизному обложенію, какъ поголовной подати, будетъ подлежать также трудъ художниковъ, мастеровыхъ, поденщиковъ (12 гр. за четверть года) и подмастерьевъ (8 гр. за четверть года). Впрочемъ, по отношенію къ мастеровымъ и поденщикамъ налогъ этотъ войдетъ въ силу не прежде, чѣмъ города почувствуютъ отъ него дѣйствительное облегченіе; а до того времени мастеровые и поденщики, равно какъ купцы, торговцы москательными товарами и лавочники под-

---

1) Isaacsohn, 533.

2) ib., 540.

3) ib., 537—538, ср. 533.

4) ib., 540—541.

лежать старой системѣ обложенія. Старая податная системѣ должна существовать наряду съ новою и пополнять доходы съ нея, пока въ результатѣ нововведенія не окажется улучшеніе положенія горожанъ[1]).»

Вводя акцизный налогъ въ городахъ, Фридрихъ Вильгельмъ не прилагалъ особыхъ усилій къ тому, чтобы оправдаться предъ чинами. Очевидно, для него достоточно было сознанія необходимости реформъ и согласія горожанъ. Въ своемъ объясненіи по поводу распоряженія объ акцизѣ, онъ не приводитъ никакихъ новыхъ мотивовъ въ сравненіи съ тѣми, что приводилъ раньше въ пользу городской реформы, попрежнему высказываетъ удивленіе, почему дворянамъ не нравится эта реформа, и въ заключеніи выражаетъ увѣренность, что они не будутъ больше протестовать противъ реформы и дадутъ городамъ возможность отдохнуть и поправить свои платежныя силы. «Что касается 24000 тал., на которые депутаты дали свое согласіе, то Его Величество надѣется, что дворяне поймутъ необходимость субсидіи и одобрятъ рѣшеніе своихъ уполномоченныхъ, особенно, когда это согласіе дано только на одинъ годъ. Его Величество живетъ надеждою, что въ будущемъ обстоятельства позволятъ ему уменьшить количество взноса»[2]).

Но дворяне продолжали протестовать противъ введенія акцизовъ въ городахъ. Имъ и поселянамъ, зависѣвшимъ отъ нихъ, приходилось нести въ такомъ случаѣ тройное бремя: не только вносить контрибуцію вмѣстѣ съ обѣщанными 24,000 тал., но и оплачивать также косвенный налогъ; вѣдь они не могли обойтись безъ многихъ предметовъ, достать которые можно было только въ городахъ. Но главною причиною неудовольствія дворянъ было то, что городскимъ акцизомъ нарушался ихъ иммунитетъ и привилегіи: косвенному обложенію, вмѣстѣ съ другими, подлежали также и дворяне. Раньше, даже въ самыя тяжелыя времена ничего подобнаго не было: всюду и всегда высшія сословія были изъяты отъ обложенія. Кромѣ того, дворяне имѣли основаніе опасаться, что акцизная система распространится съ теченіемъ времени и на села. Это представлялось тѣмъ болѣе правдоподобнымъ, что платить акцизы принуждены были также епископскіе и дворянскіе города[3]).

---

[1]) Isaacsohn, 541.

[2]) ib., 541—542.

[3]) ib., 554.

Привилегіямъ дворянъ грозилъ конецъ. Считая главнымъ виновникомъ своего несчастья городскихъ агитаторовъ, дворяне прежде всего стараются на будущее время оградить себя отъ подобной агитаціи. Они обращаются къ курфюрсту съ покорнѣйшею просьбой остановить агитацію среди простыхъ горожанъ и поселянъ изданіемъ строгаго эдикта[1]), назначить примѣрныя наказанія за тайныя собранія и за все то, что можетъ дать поводъ къ мятежу; людей, которые изъ личныхъ выгодъ подстрекаютъ неопытныхъ горожанъ и поселянъ, тщательно разыскивать и привлекать къ отвѣтственности[2]) Затѣмъ, пока не поздно и пока распоряженіе объ акцизахъ не вошло еще въ силу, дворяне пытаются доказать Фридриху Вильгельму, что онъ не имѣлъ права издавать подобное распоряженіе. «Ваше Величество—пишутъ они—предоставили намъ на выборъ одно изъ двухъ: помочь городамъ денежною ссудою или согласиться на введеніе акцизнаго налога... Соглашаясь на субсидію городамъ въ размѣрѣ 24,000 талер., мы были увѣрены, что наши права и привилегіи останутся нетронутыми. Ваше Величество подали намъ надежду, что мы останемся при прежней податной системѣ; это мы приняли съ величайшей благодарностью. Но въ Вашей резолюціи, равнымъ образомъ, въ объясненіи по поводу этой резолюціи ни слова не упомянуто о томъ, что вопросъ объ акцизахъ при субсидіи городамъ будетъ совершенно снятъ съ очереди. Это увеличиваетъ сомнѣніе дворянъ, что Вы поступите согласно ихъ желанію совсѣмъ не видѣть въ своей странѣ акцизнаго налога. Мы просимъ Ваше Величество въ итересахъ благосостоянія городовъ не прибѣгать ни къ какимъ побочнымъ средствамъ. Дѣло въ томъ, что введеніе акцизной системы въ городахъ особенно тяжело отразится на селахъ, на дворянахъ и, главнымъ образомъ, на крестьянахъ: имъ придется вносить контрибуцію не только за себя, но отчасти и за города, придется, такимъ образомъ, страдать за всѣхъ, почти однимъ нести общее бремя. А между тѣмъ мы находимъ, что состояніе городовъ нисколько не печальнѣе нашего.

Въ отвѣтъ дворянамъ курфюрстъ указываетъ, что они изъявили свое согласіе выдать въ этомъ году 24000 тал. ему, а не городамъ. Подат-

[1]) Isaacsohn, 543,

[2]) ib., 544.

ною реформою въ городахъ онъ не преслѣдовалъ никакой другой цѣли кромѣ общаго благоденствія подданныхъ[1]).—Дворяне, однако, не падаютъ духомъ и не хотятъ слагать оружія. не испытавши всѣхъ средствъ. Они подходятъ къ спорному вопросу съ другой стороны: пытаются доказать, что для бѣдной части горожанъ невыгодна акцизная система и для нѣкоторыхъ городовъ совершенно нежелательна; курфюрстъ неправъ, считая акцизы необходимымъ условіемъ благосостоянія горожанъ; акцизная система повлечетъ за собою, напротивъ, много ненормальнаго: пивовары, пекари и мясники всю тяжесть акциза перенесутъ на свой товаръ, и такимъ образомъ оплачивать налогъ на потребленіе придется однимъ покупателямъ, которые должны будутъ тратить на это всѣ свои заработки; сами же пивовары, пекари и мясники окажутся свободными отъ всякаго платежа и взноса на общее благо, тогда какъ раньше они оплачивали значительную часть контрибуціи. Жалобы со стороны бѣдняковъ при акцизѣ еще больше усилятся. Узнавши, что такое акцизъ, они уже начали роптать. Подъ предлогомъ акциза всѣ мастеровые высоко подымутъ цѣны на свои издѣлія, такъ что сельскіе жители и вообще всѣ нуждающіеся въ этихъ издѣліяхъ принуждены будутъ за нихъ платить вдвое, въ противномъ же случаѣ должны будутъ доставать ихъ съ большими неудобствами изъ чужихъ странъ. Пользы отъ регламентаціи цѣнъ для устраненія такого зла нельзя ожидать, такъ какъ извѣстно, что эта мѣра никогда не достигаетъ своей цѣли. Жалобы и пересуды поэтому будутъ все возрастать. Если даже и можно устранить злоупотребленія мастеровыхъ при помощи хорошихъ законовъ, то все же неизбѣжно другого рода зло: гоняясь за количествомъ, мастеровые перестанутъ обращать вниманіе на прочность издѣлій. Далѣе, дворянамъ извѣстно, что многіе города не хотятъ акцизной системы, главнымъ образомъ, потому, что въ болѣе населенныхъ городахъ въ пользу жителей будутъ оставаться излишки доходовъ отъ акциза, а города съ небольшимъ населеніемъ, наиболѣе нуждающіеся, должны будутъ всѣ доходы отдавать въ общую кассу[2]). Такая неравномѣрность вызоветъ среди городовъ большія несо-

---

[1]) Isaacsohn, 550.
[2]) ib., 554.

гласія и споры[1]). Опроверженіемъ приводимыхъ дворянами доводовъ противъ городского акциза служило письмо городовъ Средней Марки, Уккермарки и Руппина, которые рѣшительно заявляли, что налогъ на потребленіе, если будетъ введенъ безъ всякихъ ограниченій и исключеній, увеличитъ число участниковъ тягла, замѣнивши собою контрибуцію, облегчитъ податныхъ лицъ, подниметъ также цѣну на землю и съ Божьей помощью привлечетъ въ города новыхъ жителей[2]).

Споръ между дворянами и городами значительно облегчалъ трудное дѣло бранденбургскаго правителя. На ихъ прошенія курфюрстъ отвѣчаетъ распоряженіемъ о введеніи акциза во всѣхъ городахъ безъ исключенія[3]). Дворяне принуждены были уступить. Правда, они не перестаютъ повторять протесты по поводу реформы, отстаивая права и привилегіи, принадлежащія имъ согласно постановленіямъ прежнихъ земскихъ собраній; попрежнему видятъ во всемъ исключительно «происки городовъ, которые замѣтно стараются прижать высшее сословіе», попрежнему высказываютъ надежды, что ихъ требованія будутъ выслушаны по закону. Но теперь они возстаютъ уже не противъ акциза вообще въ городахъ, а только противъ акциза на дворянъ, вынужденныхъ жить въ городахъ, противъ акциза въ мѣстечкахъ и въ городахъ, искони принадлежавшихъ дворянамъ; дворяне опасаются, какъ бы эти города и мѣстечки не были оторваны отъ дворянскаго сословія и не перешли къ городскому сословію[4]). У курфюрста, впрочемъ, еще пока не было фактическихъ данныхъ, которыя наглядно доказывали бы желательность акциза. Онъ не хотѣлъ допустить, чтобы дворяне могли его обвинять въ эгоистическихъ стремленіяхъ. Ему хотѣлось бороться съ дворянами на почвѣ тѣхъ же законовъ страны, на которые постоянно ссылались они, протестуя противъ мѣропріятій курфюрста.

Искони каждому сословію предоставлялась свобода выбирать способы обложенія. Фридрихъ Вильгельмъ и предоставилъ городамъ полную свободу вводить акцизы, смотря потому, находятъ ли они акцизный налогъ полез-

---

1) Isaacsohn, 555.
2) ib., 551, 552.
3) ib., 555—557.
4) ib. 556, 557.

нымъ для себя или нѣтъ; въ случаѣ желательности реформы, города пусть сами рѣшатъ, какъ далеко реформа должна въ нихъ простираться и насколько высоко должно быть акцизное обложеніе. Курфюрстъ заявляетъ, что онъ вовсе не желаетъ, чтобы акцизъ былъ гдѣ-нибудь введенъ вопреки желаніямъ гражданъ. Наряду съ городами, онъ предоставляетъ также и дворянамъ полную свободу вводить или нѣтъ акцизы въ принадлежащихъ имъ городахъ[1]). Дѣлая эту уступку, курфюрстъ откладываетъ взносъ 24000 тал. съ мая на августъ[2]).

Прошло три мѣсяца. Достоинства и недостатки реформы должны были понемногу выясниться. Заинтересованный акцизами Фридрихъ Вильгельмъ приказываетъ произвести допросъ о состояніи и результатахъ новой податной системы въ городахъ. Что именно отвѣтили всѣ города, неизвѣстно. Актовъ относительно этого, по крайней мѣрѣ, въ сборникѣ Isaacsohn'a нѣтъ. Помѣщена только инструкція, данная ремесленными корпораціями Берлина и—Кельна своимъ депутатамъ: просить Его Величество оставить у нихъ акцизы. Возможно, что и остальные города дали подобные отвѣты. Въ противномъ случаѣ великій курфюрстъ не рѣшился бы въ новомъ распоряженіи объ акцизѣ объявить (15 ноября 1667 г.): «..вслѣдствіе прекрасныхъ результатовъ, которые дала акцизная система уже въ первые четыре мѣсяца своего существованія, уничтожается девятый пунктъ правилъ 15 апрѣля, предоставляющій усмотрѣнію думы и горожанъ упразднить новый налогъ по истеченіи трехъ лѣтъ»[3]).

Прося курфюрста сохранить новую систему, берлинскія и кельнскія корпораціи вмѣстѣ съ тѣмъ просили сдѣлать въ ней нѣкоторыя измѣненія. Еще раньше онѣ жаловались своей думѣ: «...Акцизы, введенные согласно распоряженію 15 апр., противорѣчатъ благимъ намѣреніямъ курфюрста: 1) благодаря имъ, вся тяжесть налоговъ теперь падаетъ на бѣдныхъ, которые должны покупать хлѣбъ у пекарей, мясо фунтами въ мясной лавкѣ, пиво въ пивной; 2) на счетоводовъ, писцовъ, аптекарскихъ помощниковъ и торговыхъ прикащиковъ ничего не наложено, а на ремес-

[1]) Isaacsohn, 557.
[2]) ib., 561.
[3]) ib., 562.

ленныхъ подмастерьевъ 8 грошей; 3) купцы совершенно свободны отъ акциза[1]). Корпораціи просятъ курфюрста устранить такую несправедливость; просятъ никого не освобождать отъ обложенія на предметы потребленія, привлечь къ акцизу и купцовъ, какъ туземныхъ, такъ и иностранныхъ. «...Пивовары, виноторговцы, пекари и мясники, а также винокуры, которые заявляютъ, что акцизы ихъ разорятъ, не имѣютъ никакого основанія для подобныхъ жалобъ. Говоря это, они преслѣдуютъ единственную цѣль—уклониться отъ общаго бремени. Никакого вреда акцизный налогъ имъ не принесетъ. Ихъ просьбѣ должно отказать. Такова наша общая воля»[2]).

Просьба корпорацій вполнѣ отвѣчала личному желанію Фридриха Вильгельма. Въ распоряженіи отъ 16 ноября 1667 г. онъ распространяетъ акцизный налогъ на всѣ съѣстные припасы и предметы ремесленнаго производства. «...Налогу на потребленіе», пишетъ онъ, «подлежатъ всѣ горожане безъ исключенія: цѣловальники, пивовары, пекари, мясники и винокуры; купцы туземные платятъ 2½% стоимости своихъ товаровъ, а иностранные—3%...» Право производить дальнѣйшія измѣненія и расширенія правилъ объ акцизѣ, равно какъ распоряжаться доходами съ него, курфюрстъ сохраняетъ за собой.[3])

Со времени введенія акцизовъ Фридрихъ Вильгельмъ беретъ города подъ свою особую опеку. Указомъ отъ 1 ноября 1667 г. онъ предписываетъ дворянамъ немедлить больше съ субсидіей городамъ: «...Если къ концу ноября раскладка 24,000 тал. не будетъ ими произведена, то она будетъ поручена курфюршескимъ чиновникамъ, а деньги собраны посредствомъ военной экзекуціи[4])...» Въ слѣдующемъ году, когда многіе города значительно поправились, великій курфюрстъ уменьшилъ сумму субсидіи до 10,000 тал., причемъ она собиралась уже не съ однихъ селъ, но со всей страны[5]). Курфюрстъ вни-

---

[1]) Isaacsohn, 558.
[2]) ib., 561.
[3]) ib., 562.
[4]) ibidem.
[5]) ib., 566.

мательно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы ассигнованныя городамъ деньги дѣйствительно шли имъ на пользу. Опасаясь всегда возможныхъ злоупотребленій, онъ самъ распредѣлялъ субсидію городамъ соразмѣрно ихъ нуждѣ. Своимъ тайнымъ совѣтникамъ онъ приказываетъ 21 февр. 1667 г. навести справки, каковы результаты вспомоществованія городамъ, доходятъ ли до бѣдныхъ и нуждающихся тѣ деньги, которыя посылаются, чтобы улучшить ихъ положеніе, и вообще какова городская администрація. «...Мы не намѣрены помогать деньгами тѣмъ городамъ, писалъ онъ», «которые злоупотребляютъ нашею милостью или съ своей стороны не прилагаютъ никакихъ усилій, чтобы наша помощь достигла цѣли»...[1]).

Отношеніе дворянъ къ горожанамъ обостряется. Въ интересахъ дворянъ было подорвать успѣхъ податной реформы и черезъ это заставить курфюрста отказаться отъ акциза. Они не могли простить городамъ, что благодаря имъ приходится высшимъ сословіямъ лишаться своего привилегированнаго положенія и признать надъ собою верховную власть курфюрста. Выставляя себя защитниками интересовъ крестьянъ, дворяне всячески стараются повредить горожанамъ. Ассигнованные въ пользу городовъ 24000 талеровъ они вносятъ только благодаря опасенію крутыхъ мѣръ со стороны курфюрста. 10000 тал. были впослѣдствіи пожалованы дворянами собственно не городамъ, а курфюрсту, послѣ того какъ тотъ заявилъ, что эти деньги необходимы лично для него[2]). Когда же выяснилось, что эта сумма идетъ городамъ, дворяне заявили протестъ. Ихъ депутаты писали отъ 28 янв. 1670 г.: «...Увеличивать и безъ того тяжелое бремя налоговъ невозможно: наша страна такъ обѣднѣла, что ни одинъ почти округъ больше не въ силахъ справляться съ своими теперешними паями; всѣ жаждутъ облегченія[3]). Намъ поручено передать, что дворяне готовы выпить чашу бѣдствія до дна, но не согласятся больше обременять себя изъ-за городовъ. Мы со своей стороны думаемъ, что въ настоящее время города не нуждаются въъ помощи; они достигли всего, чего хотѣли: посредствомъ мятежа почти всюду ввели у себя акцизный налогъ[4]). Если хорошенько прослѣдить, то окажется,

---

[1]) Isaacsohn, 567.

[2]) ib., 568.

[3]) ib., 568.

[4]) ib., 569.

что города поступають вопреки благимъ намѣреніямъ Вашего Величества и изданнымъ Вами распоряженіямъ: отъ сельскихъ жителей, переселяющихся въ городъ и желающихъ тамъ продать свое имущество, чтобы внести контрибуцію и пріобрѣсти все необходимое для горожанина, требуютъ акциза столько же, сколько и отъ коренныхъ горожанъ. Такая безсердечность вызываетъ много жалобъ. Мы покорнѣйше просимъ Ваше Величество сдѣлать надлежащее распоряженіе городскимъ магистратамъ и чиновникамъ, завѣдующимъ акцизами, чтобы они впредь не облагали поселянина высокими акцизами»[1]) Въ тѣхъ же цѣляхъ огражденія поселянъ отъ вліянія городскихъ акцизовъ, дворяне просятъ курфюрста ограничить этотъ налогъ предметами, которые предназначаются исключительно для горожанъ[2]).

Курфюрстъ ревниво защищаетъ интересы горожанъ. Въ своемъ отвѣтѣ дворянамъ, онъ вполнѣ соглашается, что и села обременены налогомъ, но въ то же время заявляетъ, что «жалобы сельскихъ жителей далеко не столь важны, какъ жалобы бѣдныхъ горожанъ, которымъ, если не будетъ оказано немедленно помощи, грозитъ окончательное разореніе. Субсидіи городамъ онъ требуетъ только какъ милости и притомъ, какъ надѣется, на короткое время. Ни одному городу, гдѣ введены акцизы, ничего не дается изъ денегъ, которыя ассигнованы на помощь горожанамъ. А польза отъ акцизовъ всюду, особенно въ столицахъ, очевидна. Эти города не находились бы въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, если бы не воспользовались выгодами новой податной системы. Акцизная система не имѣетъ никакого отношенія къ сельскимъ жителямъ и падаетъ почти исключительно на городскихъ потребителей; если она и затрогиваетъ нѣкоторыхъ поселянъ, живущихъ вблизи городовъ, то лишь весьма немного[3]). Такимъ образомъ, поселянамъ безразлично, платятъ ли горожане контрибуцію или дѣлаютъ взносы посредствомъ акциза. Нельзя опасаться, чтобы акцизный налогъ вызвалъ слишкомъ высокія цѣны на товары. Это зло предусмотрѣно нами, и въ опубликованномъ распоряженіи объ акцизахъ обозначены цѣны на сѣмена и товары...[4]) Ежедневный опытъ и примѣры

---

[1]) ib., 570.

[2]) ib., 572.

[3]) ib., 570.

[4]) ib., 572.

другихъ странъ показываютъ, что акцизы представляютъ самую христіанскую и справедливую податную систему между всѣми другими способами обложенія...[1]) Поэтому, Его Величество питаетъ надежду, что земскіе чины, не рѣшаясь ввести налогъ на потребленіе у себя, среди сельскихъ жителей, прекратятъ однако жалобы на податную реформу въ городахъ[2]).

Факты скоро показали, что Фридрихъ Вильгельмъ имѣлъ вѣскія основанія отстаивать податную реформу. Благодаря, главнымъ образомъ, городскому акцизу, сумма государственнаго дохода въ 1678 г. поднялась до 653.000 тал., въ 1683 г. до 1.000.000 тал, а въ 1688 г.—до 1.700.000 тал. Правда, въ составъ этой суммы входили также и доходы съ доменовъ, съ почтъ и др., дававшіе въ годъ до 700 тысячъ талеровъ[3]). Но несомнѣнно, со времени реформы паи стали вноситься полнѣе. Система контрибуцій подавляла жизненный ростъ бранденбургскаго населенія: съ уничтоженіемъ ея и съ введеніемъ акцизовъ города стали застраиваться и обновляться. Изъ сосѣднихъ мѣстностей, гдѣ продолжала дѣйствовать прежняя система стали переселяться въ города ремесленники и купцы[4]). Конечно, наплывъ населенія въ города обусловливался не одной только податной реформой. Росту городовъ способствовали также покровительство Фридриха-Вильгельма торговлѣ и промышленности, его заботы о колонизаціи. Однако, очевидно, налогъ на предметы потребленія представлялся горожанамъ наиболѣе желательнымъ, чѣмъ контрибуціи: не стали бы въ противномъ случаѣ города просить о томъ, чтобы акцизъ былъ у нихъ оставленъ.

Въ виду благопріятныхъ результатовъ акцизной системы, великій курфюрстъ находитъ возможнымъ расширять ее. Въ 1680 г. онъ повышаетъ налогъ на предметы потребленія,[5]) а въ 1682 г. издаетъ распоряженіе о введеніи акциза безъ исключенія во всѣхъ городахъ, находящихся въ коронныхъ имѣніяхъ и во владѣніяхъ дворянъ[6]). Спра-

[1]) Isaacsohn, 572.
[2]) ib., 573.
[3]) Stenzel, II, 4, 454, 455.
[4]) Isaacsohn, 577—578; Droysen, III, 3, 287.
[5]) ib., 577.
[6]) ib., 581—582.

шивать согласія чиновъ относительно повышенія и расширенія налога теперь ему было уже нечего. Курфюрстъ дѣлался самостоятельнымъ господиномъ въ области налоговъ. Освободившись отъ вліянія высшихъ сословій въ сферѣ финансовъ, Фридрихъ Вильгельмъ рѣшительно присваиваиваетъ себѣ тѣ ихъ права, которыя препятствовали ему быть единымъ неограниченнымъ защитникомъ внѣшней безопасности курфюршества: назначаемые курфюрстомъ военные комиссары теперь не только завѣдывали размѣщеніемъ солдатъ по квартирамъ, но также самостоятельно предписывали, сколько человѣкъ для арміи долженъ выставить тотъ или другой городъ, дворянство и вообще вся страна[1]).

XII.

Такимъ образомъ, дворяне потерпѣли полное пораженіе въ своемъ стремленіи удержать за собой вліяніе на финансы и внутреннюю политику. Конечно, чувствительнымъ ударомъ для нихъ было то, что подати и налоги назначались и повышались безъ всякаго участія ихъ[2]). Слишкомъ трудно было имъ примириться съ акцизною системой, которая отнимала у нихъ, если не прямо, то косвенно прежнюю свободу отъ податей, прежнія права и привилегіи. Дворяне собираютъ свои послѣднія силы и дѣлаютъ рядъ попытокъ уничтожить акцизъ и вернуться къ добрымъ старымъ временамъ, когда чины, а не курфюрстъ, правили страной. Но попытки эти, можно сказать, были конвульсіями умирающаго организма дворянскихъ привилегій.

Въ апрѣлѣ 1680 года дворяне Средней Марки, Уккермарки и Руппина, по иниціативѣ гауптмана Дитриха Германа фонъ-Шуленбурга, самовольно собрались въ Берлинѣ на сеймъ, для обсужденія своихъ нуждъ. Такое самоволіе они объясняли необходимостью обсудить вопросы о податяхъ и повинностяхъ въ пользу гарнизоновъ, находившихся въ крѣпостяхъ, о раскладкѣ жалованья войску и нѣкоторые другіе вопросы.[3]) Когда курфюрстъ рѣшительно заявилъ имъ, что они не имѣютъ права безъ его позволенія собираться въ мирное время, чины соглашаются съ

---

[1]) Isaacsohn, 587.
[2]) ib., 586.
[3]) ib., 573.

нимъ, просятъ извиненія, но въ то же время продолжаютъ собираться, заявляя, что настоящее ихъ собраніе нельзя считать за новое; оно ничто иное, какъ только продолженіе послѣдняго сейма, на которомъ многіе вопросы остались нерѣшенными; эти вопросы они и думаютъ теперь обсудить[1]). Въ своей докладной запискѣ курфюрсту, депутаты отъ дворянъ просятъ его разрѣшить общее собраніе чиновъ, чтобы обсудить такое важное дѣло, касающееся исконныхъ учрежденій страны, какъ введеніе акциза. «...Никогда намъ и въ голову не приходила мысль о томъ, пишутъ депутаты, чтобы мы или наши предки могли подать поводъ Вашему Величеству заподозрить насъ въ чемъ-либо нехорошемъ. Положительно нѣтъ никакихъ основаній думать, будто дворяне теперешнимъ сеймомъ замышляютъ что-нибудь идущее въ разрѣзъ съ интересами Вашего Величества или противорѣчащее благосостоянію страны. Не только прошлыя времена, но и общественные акты служатъ доказательствомъ врожденной любви и вѣрноподданническихъ чувствъ Вашихъ чиновъ, особенно чиновъ марокъ. У всѣхъ на памяти забота дворянъ о спасеніи страны при послѣднемъ нашествіи шведовъ, когда Ваше Величество, исполняя долгъ вѣрнаго сына Римской Имперіи, ушли съ своимъ храбрымъ войскомъ на защиту Имперіи... Богъ, вѣдающій все сокровенное, знаетъ, что и въ настоящемъ случаѣ мы ничего не преслѣдуемъ, кромѣ блага отечества...» Депутаты просятъ курфюрста позволить имъ собраться согласно постановленіямъ соборовъ 1540, 1572, 1602, 1653 гг. и представить свои просьбы на усмотрѣніе Его Величества[2]).

Просьба депутатовъ не была уважена. Депутаты разъѣхались. Жалобы на акцизъ и протестъ противъ него тогда берутъ на себя члены большого комитета. Несмотря на категорическій отказъ Фридриха Вильгельма входить съ ними въ объясненія по поводу новаго городского налога, члены комитета посылаютъ ему 20 октября 1681 г. записку, въ которой сначала просятъ объ уменьшеніи контрибуціи: «Комиссары вполнѣ согласны, что Ваше Величество можете довольствоваться гораздо меньшей контрибуціей для содержанія своего военнаго штата, если будете

---

[1]) Isaacsohn, 574—576.

[2]) ib., 576.

увѣрены, что города будутъ аккуратно вносить свои паи. А уменьшеніе контрибуціи было бы очень полезно для страны, такъ какъ очевидно, что при акцизѣ сельскій житель чуть ли не болѣе вноситъ налога, чѣмъ горожанинъ. Этого не отрицаютъ и нѣкоторые изъ акцизныхъ чиновниковъ; очевидно, податное бремя въ значительной части переложено съ городовъ на сельскихъ жителей, которымъ приходится почти однимъ нести всю тяжесть налоговъ[1]). Вслѣдствіе возникающихъ отсюда жалобъ необходимо уменьшить величину ежемѣсячной контрибуціи. Далѣе, мы увѣрены, что города прекрасно знаютъ все это, а также и то, что акцизный налогъ не окажетъ имъ никакой помощи. Это подтвердятъ наиболѣе благоразумные изъ среды магистратовъ, если имъ позволятъ открыто и по совѣсти высказать свое мнѣніе; на мнѣніе же неразумной, непослѣдовательной черни нельзя обращать вниманія»)... Свои доводы противъ акцизовъ члены комитета оканчиваютъ заявленіемъ, что отъ акцизной системы ничего другого нельзя ожидать, кромѣ смутъ, безпорядковъ (Confusionen und Verwirrungen) и злоупотребленій; печальные примѣры многихъ европейскихъ странъ служатъ нагляднымъ доказательствомъ этого»[2])...

Въ отвѣтъ комитету великій курфюрстъ попрежнему высказываетъ свою полную увѣренность, что безъ замѣны контрибуцій акцизнымъ налогомъ не было возможности спасти города. Результатами податныхъ реформъ Его Величество вполнѣ удовлетворенъ; мѣра эта не только предупредила паденіе городовъ, но и уменьшила сумму необходимой для нихъ субсидіи. Просьбу комитета относительно контрибуціи курфюрстъ не можетъ исполнить. Единственно, что онъ можетъ сдѣлать для облегченія поселянъ, это издать распоряженіе, чтобы въ ихъ пользу отчислялись всѣ излишки городскихъ доходовъ отъ новаго налога, начиная съ 1682 г. Къ такой мѣрѣ Его Величество давно прибѣгнулъ бы, если бы не помѣшала страшная зараза (contagio), которая, по волѣ Божіей, свирѣпствовала въ двухъ провинціяхъ—Гальберштадтѣ и Магдебургѣ»[3]).

Въ 1683 г. дворяне сдѣлали послѣднюю и самую отчаянную попытку вернуть свои привилегіи. Предварительно испросивши у

---

[1]) Isaacsohn, 578.
[2]) ib., 579.
[3]) ib., 581—582.

курфюрста позволенія собраться, они устроили сеймъ депутатовъ[1]). Сеймъ 1683 г. наглядно показалъ дворянамъ всю ихъ слабость и невозможность возвратить старое. Исходя изъ того вполнѣ вѣрнаго положенія, что прежній вѣсъ чиновъ основывался на общности интересовъ всѣхъ подданныхъ и на единодушіи чиновъ, депутаты отъ дворянъ задумали привлечь на свою сторону города. Но попытка эта окончилась полною неудачей[2]). Депутаты отъ городовъ разошлись съ ними по самому главному вопросу, по вопросу объ акцизахъ. Интересы горожанъ требовали, чтобы курфюршескій эдиктъ, предоставлявшій имъ исключительное право пивоваренія и винокуренія, былъ приведенъ въ исполненіе[3]). Дворяне возставали противъ такой монополіи, которая была слишкомъ убыточна и стѣснительна для всѣхъ сельскихъ жителей. Депутаты отъ дворянъ на сеймѣ оказались настолько безсильны, что должны были согласиться даже на предсѣдательство Штилле, назначеннаго курфюрстомъ. Ничего подобнаго раньше не бывало. Всѣ мечты дворянъ разрушились. Интересное прошеніе послали ихъ депутаты на имя курфюрста: «Ваше Величество!»—писали они между прочимъ.— «Вся страна глубоко сочувствуетъ Вашему горю и несчастью. Покорные чины не могутъ описать, сколько слезъ пролили всѣ вѣрные подданные, моля Всевышняго ниспослать Вамъ полное выздоровленіе, и какъ они были утѣшены, когда желаніе ихъ было исполнено. Но отца отечества подданные могутъ познавать только въ его отеческихъ милостяхъ: всѣ увѣрены, что лучами Вашего милосердія они будутъ еще больше утѣшены въ своей печали. Поэтому, всѣ отъ души желаютъ, чтобы Богъ осыпалъ Ваше Величество своими милостями, какъ увѣнчалъ Вашу главу лаврами побѣды. Разрѣшая чинамъ собраться, Вы даете новое доказательство своихъ заботъ. Это ободряетъ чины и даетъ имъ смѣлость... повергнуть къ Вашимъ стопамъ нужды и жалобы страны[4])... Ваше Величество въ своей резолюціи Старой Маркѣ объявили, что милостиво выслушаете возраженія чиновъ противъ новаго налога[5]); при этомъ Вы увѣ-

[1]) Isaacsohn, 582.

[2]) ib., 599—605.

[3]) Ranke, III, 283.

[4]) Isaacsohn, 606.

[5]) Рѣчь идетъ о штемпельной бумагѣ.

ряли, что своимъ распоряженіемъ относительно штемпельной бумаги ничего не преслѣдуете, кромѣ блага подданныхъ, желаете облегчить положеніе свой бѣдной страны и ея жителей. Мы съ благодарностью приняли это объясненіе. Но, вопреки Вашему обѣщанію, желаннаго облегченія не послѣдовало, тяжесть контрибуціи не уменьшена. Мы покорнѣйше просимъ Ваше Величество отмѣнить новый налогъ и сдѣлать распоряженіе, чтобы не только Вамъ, но также и вѣрнымъ чинамъ были представлены счеты доходовъ съ новаго налога со дня его введенія, съ указаніемъ, куда разошлись эти доходы, которые должны были пойти на уменьшеніе контрибуціи»[1]).

Недовѣріе чиновъ и обвиненіе въ эгоизмѣ обидѣло Фридриха Вильгельма. Вотъ что онъ писалъ тайнымъ совѣтникамъ, прося ихъ составить отвѣтъ на прошеніе дворянъ; отвѣтъ этотъ долженъ былъ затѣмъ поступить на утвержденіе курфюрста. «...Вамъ, между прочимъ, придется въ немъ упомянуть о томъ, что наше трудное, наполненное безчисленными опасностями сорокалѣтнее правленіе, постоянная отеческая любовь и заботы, среди которыхъ мы не щадили себя, лишь бы только сохранить страну, достойны большей благодарности со стороны подданныхъ. И безъ того мы утомлены тревожными временами и многолѣтними заботами; слишкомъ много жалобъ совершенно излишнихъ приходится намъ выслушивать... Мы не сомнѣваемся, что въ своемъ отвѣтѣ вы наглядно изобразите опасное время, въ которое Богъ поручилъ намъ править страною, время мятежей и войнъ. Чины отсюда ясно поймутъ всю неосновательность своихъ протестовъ: у Его Величества не было и нѣтъ намѣренія стѣснить ихъ или разрушить. Это не согласно съ любовью, питаемой нами къ своимъ вѣрнымъ подданнымъ. Главная виновница ихъ жалобъ—нужда, которую Господь, словно въ наказаніе, послалъ въ нашу страну, и предъ которою безсильны всѣ законы, постоянно указываемые чинами. Мы желали бы имѣть отъ Бога лучшія времена и такихъ сосѣдей, какихъ имѣли въ Бозѣ почившіе наши предки. На этомъ свѣтѣ намъ ничего не будетъ пріятнѣе, какъ увѣнчать своихъ подданныхъ полнымъ и безмятежнымъ покоемъ. Его Величество съ удовольствіемъ пожертвовалъ бы жизнью, лишь бы только доставить своей

[1]) Isaacsohn, 608—609.

странѣ и подданнымъ дѣйствительное облегченіе, котораго они такъ часто требовали. А что въ немъ не было мысли умалять права и привилегіи чиновъ, утвержденныя постановленіями земскихъ собраній, въ этомъ они могутъ убѣдиться также изъ того, что курфюрстъ теперь позволилъ имъ собраться и выслушалъ ихъ нужды[1])... Свои распоряженія мы издавали исключительно въ цѣляхъ процвѣтанія страны»[2])...

Введя акцизы и обезпечивши себя средствами, необходимыми для содержанія арміи, Фридрихъ Вильгельмъ уже не церемонится съ дворянами. Онъ прямо приказываетъ имъ прекратить свои жалобы и протесты[3]). Въ 1683 г. онъ лишаетъ дворянъ послѣдней опоры ихъ привилегій: значеніе большого и малаго комитетовъ, которые завѣдывали кредитнымъ дѣломъ и въ то же время оказывали большое вліяніе на финансы и внутреннюю политику курфюрста[4]), было сведено курфюрстомъ къ нулю; число членовъ ихъ было сокращено; безъ вѣдома Его Величества члены не имѣли права устраивать никакихъ собраній и могли обсуждать только дѣла, относящіяся къ кредиту[5]). Поводомъ къ такимъ распоряженіямъ относительно комитетовъ были не умолкавшіе въ послѣднее время протесты ихъ членовъ противъ акциза.

Такъ постепенно, шагъ за шагомъ, Фридрихъ Вильгельмъ ввелъ податную реформу и отстранилъ высшія сословія отъ участія во внутренней и внѣшней политикѣ, нарушилъ самыя важныя ихъ привилегіи, предоставленныя имъ земскими собраніями 1540, 1572, 1602, 1615 и 1653 г.г.; дворяне должны были отказаться отъ прежняго широкаго вліянія на государственную жизнь и ограничиться узкою сферою управленія крѣпостными крестьянами.

XIII.

При взглядѣ на общее положеніе Бранденбургскаго курфюршества въ XVII в. и на подробности борьбы изъ-за акциза между великимъ

---

1) Isaacsohn, 611—612.
2) ib., 613.
3) ib., 612—113.
4) ib., 49.
5) ib., 456, 622—623.

курфюрстомъ и земскими чинами ясно становится, что это была нестолько борьба Фридриха Вильгельма съ чинами, сколько борьба новаго времени, выразителемъ котораго являлся Фридрихъ Вильгельмъ, со старымъ порядкомъ, защитникомъ котораго были земскіе чины, главнымъ образомъ, дворяне.

Отличительныя особенности стараго курфюршества въ политическомъ отношеніи представляли правовой дуализмъ, привилегированное положеніе дворянъ и система контрибуцій. При такихъ условіяхъ политическій ростъ курфюршества, возвышеніе его въ международныхъ отношеніяхъ было невозможно. Необходимо было уничтожить сословныя привилегіи, измѣнить податную систему и организовать хорошую регулярную армію.

Удовлетворяя насущной потребности своего времени, великій курфюрстъ всѣ усилія направилъ къ тому, чтобы имѣть у себя подъ руками армію, всегда готовую къ бою. Для содержанія этой арміи, онъ и старался ввести акцизный налогъ.

Налогъ на предметы потребленія, доставляя средства на армію, дѣлалъ вмѣстѣ съ тѣмъ курфюрста совершенно независимымъ въ финансовомъ отношеніи отъ дворянъ и вообще отъ земскихъ чиновъ. Акцизнымъ налогомъ устранялось, такимъ образомъ, то, что служило въ рукахъ дворянъ сильнымъ оружіемъ противъ курфюрста.

Дворяне употребили все свое вліяніе на остальныхъ земскихъ чиновъ, чтобы разбить планы великаго курфюрста относительно регулярной арміи и акцизной системы обложенія.

Споры между чинами и курфюрстомъ велись очень горячо. Среди доводовъ, приводимыхъ дворянами противъ акцизнаго налога, были, несомнѣнно, очень вѣскіе. Напр., нельзя было не согласиться съ дворянами, что налогъ на потребленіе долженъ былъ вызвать вздорожаніе рыночныхъ продуктовъ, и что акцизы на предметы первой необходимости всею тяжестью падутъ главнымъ образомъ на бѣдное населеніе.

Но всѣ соображенія и возраженія дворянъ не могли разубѣдить великаго курфюрста въ необходимости акциза. Налогъ на потребленіе давалъ ему необходимыя средства для арміи, служилъ сильнымъ оружіемъ для борьбы съ дворянами.

Понимая всю выгоду для себя податной реформы и смотря на

власть правителя страны, какъ на могучее средство политическаго возвышенія своего народа, Фридрихъ Вильгельмъ твердо и неуклонно шелъ къ ослабленію политическаго значенія дворянъ и введенію акциза. При этомъ великій курфюрстъ обнаружилъ большую находчивость и искусство пользоваться обстоятельствами. Онъ не скупился на обѣщанія, которыхъ обыкновенно не исполнялъ, вообще не останавливался предъ обманомъ, лишь бы только вырвать у дворянъ признаніе за нимъ хоть нѣкоторыхъ суверенныхъ правъ. Нерѣдко курфюрстъ прибѣгалъ къ угрозамъ и подкупамъ; вознаграждая потери дворянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ желая отвлечь ихъ вниманіе отъ внѣшней и внутренней политики, онъ расширилъ ихъ права надъ крестьянами, закрѣпостивши послѣднихъ. Однако энергичный протестъ, обнаруженный дворянами противъ акциза, заставилъ курфюрста отказаться отъ всеобщей податной реформы. Но курфюрстъ не падалъ духомъ: голосъ жизни, къ которому онъ всегда чутко прислушивался, подсказывалъ ему мысль ввести акцизы въ однихъ городахъ.

Обложеніе предметовъ потребленія, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, было однако для того времени прогрессивною мѣрою. Если дворяне не хотѣли допустить акцизный налогъ, главнымъ образомъ, потому, что онъ противорѣчилъ ихъ привилегированному положенію, то подобный мотивъ отсутствовалъ у горожанъ, а бѣдственное состояніе городовъ побуждало ихъ настаивать на томъ, чтобы тяжелое бремя налоговъ падало и на дворянъ. Акцизы, хотя и не были налогомъ пропорціональнымъ имущественной состоятельности каждаго подданнаго, однако имѣли ту хорошую сторону въ сравненіи съ контрибуціями, что при нихъ къ несенію податного тягла привлекались до нѣкоторой степени и дворяне, и городскіе магистраты, которые при системѣ контрибуцій были совершенно свободны отъ обложенія. Поэтому, вполнѣ естественной являлась та горячая агитація, которая велась въ городахъ, особенно среди бѣднѣйшихъ классовъ, въ пользу акциза.

Фридрихъ Вильгельмъ пользовался этой агитаціей и ввелъ акцизный налогъ въ однихъ городахъ, хотя ограниченіе податной реформы одними городами, какъ полумѣра, не могла дать такого облегченія горожанамъ, котораго они добивались.

Податная реформа великаго курфюрста, замѣнившаго контрибуціи

въ городахъ акцизами, имѣла весьма большое значеніе для дальнѣйшей жизни бранденбурго-прусскаго государства: спасая курфюршество отъ гибели, она 1) предрѣшила исходъ политической борьбы съ дворянами въ пользу курфюрста и 2) внесла ненормальный антагонизмъ между городомъ и селомъ.

Акцизная система въ однихъ городахъ связала интересы фиска исключительно съ интересами горожанъ. Со времени введенія акцизнаго налога всѣ мѣропріятія курфюрста были направлены къ тому, чтобы содѣйствовать развитію торговли и вообще благосостоянію горожанъ. Курфюрстъ оставляетъ цеховую организацію, ограждавшую интересы городского населенія, и поддерживаетъ основные цеховые институты[1]). Многочисленные акты показываютъ, какъ заступался курфюрстъ за своихъ кенигсбергскихъ купцовъ въ Лондонѣ и Гаагѣ[2]). Но, заботясь о горожанахъ, великій курфюрстъ мало обращалъ вниманія на крестьянъ. Весьма нерѣдко его распоряженія шли совершенно вразрѣзъ съ интересами поселянъ. Напр., желая оградить мѣстную промышленность отъ конкурренціи съ иностранной, Фридрихъ Вильгельмъ запретилъ вывозъ хлѣба заграницу[3]): онъ разсчитывалъ, что такое запрещеніе повлечетъ за собою дешевизну рабочихъ рукъ и сократитъ, такимъ образомъ, издержки производства[4]). Далѣе, курфюрстъ издалъ распоряженіе относительно того, чтобы всѣ подданные, не только горожане, но и поселяне продавали свои товары на городскомъ рынкѣ[5]); пивовареніе и винокуреніе въ селахъ было строго запрещено[6]).

Такія запрещенія курфюрста, весьма стѣснительныя и убыточныя для земледѣльческаго населенія, ухудшавшія и безъ того плачевное положеніе селъ, несомнѣнно, находились въ непосредственной связи съ введеніемъ въ городахъ акцизной системы. Дѣло въ томъ, что акцизы

[1]) Великій курфюрстъ отрицательно высказывался только противъ Zunftzwang'а, который уменьшалъ собою число лицъ, подлежащихъ акцизу (Молчановскій, 134—135).

[2]) Droysen, III, 3, 89.

[3]) Isaacsohn, 591.

[4]) Преемники великаго курфюрста слѣдовали его политикѣ и запретили сбытъ всего сырья заграницу (Молчановскій, 107).

[5]) Isaacsohn, 595.

[6]) Ranke, III, 3, 283.

давали курфюрсту возможность распоряжаться до нѣкоторой степени имуществомъ горожанъ; поэтому, процвѣтаніе городовъ было въ его прямыхъ интересахъ, между тѣмъ какъ въ селахъ оставлена была безъ измѣненія старая, невыгодная для него, система контрибуцій. Очевидно, Фридрихъ Вильгельмъ, всячески покровительствуя горожанамъ, пренебрегалъ интересами поселянъ.

Покровительство Фридриха Вильгельма городамъ въ ущербъ интересамъ селъ, обусловливаемое сущностью акцизнаго налога и двойственностью податной системы, опредѣлило характеръ дальнѣйшей политики прусскихъ правителей и положило начало двойственности въ промышленной жизни государства.

Источники и пособія

Below. Territorium und Stadt. System und Bedeutung der landständischen Verfassung. Historische Bibliothek. 1900.

Breysig. Geschichte der brandenburgischen Finanzen in der Zeit von 1640 bis 1697: Darstellung und Acten, 1-ter Band. Leipzig. 1895.

Buhl. Die Bedeutung der Provinzialstände in Preussen. Berlin. 1842.

Droysen. Geschichte d. Preussischen Politik. II—III Bände. Berlin. 1855.

Eberty. Geschichte des Preussischen Staats bis zum Regierungs-Antritt Friedrichs des Grossen. 1-ter Band (1411—1686). Breslau 1867.

Фриманъ. Историческая географія Европы. Переводъ М. В. Лучицкой. Москва. 1892.

Грановскій. Сочиненія. II часть.

Isaacsohn. Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg: Ständische Verhandlungen. 2-ter Band (Mark Brandenburg). Berlin. 1880.

Лависсъ. Очерки по исторіи Пруссіи. Переводъ А. Тимофеевой. Москва, 1897.

Лучицкій. Крестьянская реформа въ Западной Европѣ. К. У. И. 1879 и сл.

Молчановскій. Цеховая система въ Пруссіи XVIII в. и реформы цеховъ при Штейнѣ и Гарденбергѣ.

Ranke. Zwölf Bücher Preussischer Geschichte. Leipzig. 1874.

Шмоллеръ. Меркантильная система въ ея историческомъ значеніи. Научное Обозрѣніе. 1901 г.

Stenzel. Geschichte des Preussishen Staats. Zweiter Theil.

Unger. Geschichte der deutschen Landstände. Hannover. 1844.

Wolff. Grundriss der preussisch-deutschen socialpolitischen und Volkswirtschafts—Geschichte (1640—1898). Berlin. 1899.

Примѣчанія.

Къ страницѣ: 7 — *Талеръ*=92,36 коп. сер. (Петрушевскій, «Общая Метрологія», 413).

Шеффель берлинскій=2'087 чтк., (ib., 407).

8 — *Гульденъ*=61,88 коп. сер. (ib., 77).

15 — *Гуфа*=30 моргамъ. *Моргъ* малый или обыкновенный=561 русск. кв. саж. Моргъ большой=1246 русск. кв. саж., (ib., 411).

16 — *Виспель*=24 шеффелямъ, т. е. 50,088 чтк. (ib., 407).

17 — Бочка (Tonne)=405 фнт.. (ib., 77).

25 — Контрибуціей называлась собственно дань, платимая непріятелю населеніемъ занятой или завоеванной имъ территоріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ названіе «контрибуція» прилагалось вообще ко всѣмъ налогамъ, податямъ и повинностямъ. имѣвшимъ исключительною цѣлью удовлетвореніе нуждъ арміи. Обыкновенно земскіе чины единовременно разрѣшали курфюрсту опредѣленную сумму денегъ, которую затѣмъ въ видѣ контрибуціи взыскивали съ податныхъ лицъ (Молчановскій, 24). Въ своей работѣ мы имѣли въ виду контрибуцію, именно, въ послѣднемъ смыслѣ.

Замѣченныя опечатки:

Стр.	Строки.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
4	15	Маркахъ	маркахъ
4	17	im	«im
5	24	могко	могло
6	17	соетояло	состояло
7	12	опустошить	опустошать
—	18	талеровъ	талеровъ [4])
—	19	Польши [4])	Польши [5])
9	16	войнѣ	войны
11	8	гранизонами	гарнизонами
14	3	Естествен по	Естественно,
15	33	[6]) ib., 132	[6]) ib., 192
16	14	9100	91000
17	11	тал.)	тал. [3])
19	22	ландтагѣ	общемъ собраніи
21	16	(Herrn)	(Herren)
—	—	(Reitern),	(Ritterschaft),
—	27	если	«если
22	34	№ 316—317	№ 11, 316—317.
23	20	Пренцловская	Пренцлавская
32	15	чины	чиновъ
—	20	земскіе чины	земскихъ чиновъ
36	8	ваши	Ваши
—	18	вы	Вы
48	9	жители...»	жители...
52	28	войны	войны;
55	18	Марокъ	марокъ
57	13	рѣшительнѣе	рѣшительнѣе.
63	22	немедлить	не медлить
64	8	городамъ	городамъ»
—	—	онъ»	онъ

М. Лилеевъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ
РАСКОЛА НА ВѢТКѢ
И ВЪ СТАРОДУБЬѢ
XVII—XVIII вв.

ВЫПУСКЪ II.

(Продолженіе).

НѢЖИНЪ.
Типо-литогр. М. В. Глезера.
1902.

Печатано по постановленію конференціи Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко. Директоръ Института. Ф. Гельбке.

Въ сороковыхъ годахъ XVIII в. это стремленіе, вмѣсто Вѣтки, тогда еще не оправившейся послѣ перваго ея жестокаго разгрома, стало проявляться съ особенною силою у Стародубскихъ и Гомельскихъ раскольниковъ, преимущественно у послѣдователей такъ назыв. Діаконовскаго согласія. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, мысль о недостаточности старообрядческой іерархіи тревожила иногда знаменитаго и сугубо авторитетнаго среди Стародубской и зарубежной Діаконовщины попа Патрикія, переселившагося въ слободу Зыбкую еще въ 1739 г. Онъ, какъ и другіе представители этого толка, совершенно справедливо разсуждалъ, что только та церковь свята и истинна, въ которой сохраняются всѣ три чина духовной іерархіи; но впрочемъ ни откуда не видно, чтобы онъ принималъ какія-либо практическія мѣры для осуществленія этой мысли. Изъ Діаконовскихъ же общинъ Стародубья въ началѣ 1745 г. раздался сильный и убѣдительный голосъ о томъ, чтобы имѣть «тщаніе о лучшемъ, си есть, елико сила *ходатайствовати святительство, источникъ священства*»... Неизвѣстный авторъ этого Діаконовскаго письма, сохраненнаго о. Журавлевымъ въ его «Историческомъ извѣстіи о раскольникахъ» и адресованнаго къ нѣкоему о. Тихону, въ то время жившему гдѣ-то внѣ Стародубья, убѣждалъ послѣдняго взять на себя иниціативу въ этомъ великомъ дѣлѣ, и только его, Тихона, считалъ единственно способнымъ положить твердое начало тому. Въ епископствѣ авторъ письма видѣлъ лучшее и единственное средство собрать „во едино стадо расточенное, многоразличными язвами обложенное, междоусобными браньми изнуренное", а вмѣстѣ съ тѣмъ и найти «сокровище девятьдесятилѣтнимъ пепломъ загребенное». Онъ же повидимому хорошо представлялъ и понималъ и всѣ трудности проектируемаго имъ дѣла, какъ и его важность и необходимость. Главнѣйшее препятствіе въ достиженіи цѣли онъ видѣлъ въ самыхъ старообрядцахъ, въ ихъ косности и закоренѣлости, въ ихъ невѣжествѣ и крайнемъ небреженіи о церкви и своемъ спасеніи. «Ищемъ святую православную церковь», говоритъ онъ, „но посреди свѣта слѣпотствуемъ. Неплодствуетъ наша страна, отче, видится бо дѣйствомъ познати,—о намѣренномъ тщательми и о помощи рачительми. Аще убо вамъ возможно, вы о лучшемъ потщитеся, и якоже васъ Богъ вразумитъ, церкви полезное стройте. У насъ бо имѣвшіи тщаніе, таковы же пребыша, а имѣвшіи нѣцыи, еже имѣша, отложиша; не

во множѣхъ людехъ содержится, но ими мню, аще безъ васъ, ничтоже совершится: въ Бозѣ и въ васъ надежду полагаемъ, начало и конецъ дѣла вамъ поручаемъ; въ презрѣніи бо дѣло отъ многихъ обрѣтаемъ; источникъ священства едва не всѣми пренебрегаемъ... Не разумѣша цѣнити народъ нашъ седмь таинствъ и святительство паче торговъ и земледѣльства; неразумѣша цѣнити духовнаго паче тѣлеснаго и Божія паче человѣча... Каково было то время, въ неже невозможно бяше христіаномъ ни пищи купити, ни воды почерпати, ни на стогны града изыти; обаче и тогда аще и въ сокровеніи, но множество епископовъ бяше и жертвовашеся. Нынѣ же откуду намъ (свободствующимъ многими житейскими строеньми) не имѣти святительства и жертвы богопреданныя службы? О окаменноосердечія мню и крайняго небреженія, еже не вмѣняти за нужду то, еже Богъ законоположи! Но не вкусившіи сладости не разумѣютъ, не внимающіи не познаютъ... Спасительно начало, донелѣже еси въ живни сей; не мню бо строитися дѣлу, тебѣ отшедшу. Сотворивъ же дѣло всѣмъ полезно, знаменито и велико, отъидеши отсюду, пріемля въ родѣ и родѣ память, яко нынѣшнихъ временъ инъ никтоже. Аще въ началѣ нѣцыи и не пріимутъ, но хотящіи добротъ духовныхъ съ радостію и благодарити тя имутъ. По времени же негли и прекословящіе купности взыщутъ". Такъ разсуждалъ авторъ этого Діаконовскаго письма о святительствѣ, источникѣ священства, и въ заключеніе просилъ Тихона хотя бы и «съ малыми людьми потщаніе сотворити» о епископѣ, предлагая и свою посильную помощь для дальнѣйшаго устроенія дѣла. Письмо это датировано январемъ 1745 г. и видимо не имѣло никакихъ практическихъ послѣдствій[1]).

То, что не осуществилось по собственному почину Діаконовцевъ, сдѣлалось фактомъ благодаря интригѣ другаго старообрядческаго авантюриста XVIII в., самозванная раскольническаго епископа *Афиногена* или *Луки*, бывшаго іеродіакона Новоіерусалимскаго Воскресенскаго монастыря Амвросія. Судьба свела его съ знаменитымъ и вліятельнымъ въ Стародубьѣ попомъ Патрикіемъ въ 1749 г. въ слободѣ Зыбкой, когда проходимецъ задумалъ объявить себя епископомъ, и явился сюда, чтобы при-

---

[1]) Мельниковъ: Ист. оч. поповщины. 1, 159, 161. Журавлевъ: Ист. изв. о раскольникахъ, IV, 18—23. Изд. 1890 г., стр. 225—227.

влечь на свою сторону авторитетнаго среди Діаконовцев Патрикія и сдѣлать его участникомъ своихъ замысловъ. Цѣль эта скоро была достигнута. Ловкій и сановитый монахъ, обладавшій притомъ нѣкоторою ученостью, краснорѣчіемъ и знаніемъ церковнаго устава, такъ понравился попу Патрикію, называвшемуся даже иногда современниками въ Стародубьѣ „патріархомъ", за свой бойкій умъ и обширныя свѣдѣнія, а главнымъ образомъ за свою показную набожность и напускное подвижничество, что Патрикій полюбилъ его какъ сына и въ простотѣ душевной говорилъ и писалъ, что «его самъ Богъ ровно съ небесъ послалъ къ намъ». Добродушный старикъ прочилъ Аѳиногена себѣ въ преемники. Немудрено, что при такихъ условіяхъ проходимецъ — пришлецъ пріобрѣлъ себѣ большую извѣстность среди какъ стародубскихъ, такъ и зарубежныхъ слобожанъ-раскольниковъ; рекомендація Патрикія сдѣлала то, что всѣ заграничные старообрядцы принимали его съ большимъ почетомъ. Поселившись въ зарубежной въ то время Борской слободѣ и освятивъ построенную тамъ церковь на принесенномъ имъ же антиминсѣ, Аѳиногенъ привлекъ къ себѣ особенное вниманіе и уваженіе всѣхъ жителей побужскихъ слободъ, не имѣвшихъ до сихъ поръ церкви. Положеніе старообрядческаго священноинока, которымъ онъ назывался въ Стародубьѣ, уже неудовлетворяло честолюбиваго монаха: онъ объявилъ себя самозваннымъ епископомъ Лукой, сочинивъ при этомъ цѣлую легенду о хиротоніи отъ Сибирскаго митрополита Антонія и о своемъ пребываніи „при нѣкоемъ великоважномъ темничникѣ" (ех-императорѣ Іоаннѣ Антоновичѣ). Скоро молва о новопоявившемся старообрядческомъ епископѣ распространилась по всѣмъ зарубежнымъ раскольническимъ общинамъ, не говоря уже о Стародубскихъ, какъ и среди раскольниковъ сосѣдней съ Побужьемъ Молдавіи, куда самозванный епископъ скоро и перебрался по зову тамошнихъ старообрядцевъ, страстно желавшихъ имѣть у себя епископа. Въ Яссахъ удалось ему убѣдить господаря и митрополита, что онъ дѣйствительно русскій епископъ; мало того, господарь, для свободнаго проѣзда въ польскія владѣнія и обратно въ Молдавію, далъ ему особую грамоту. Аѳиногенъ сдѣлался героемъ дня среди зарубежныхъ старообрядцевъ—поповцевъ; изъ Волощины и Польши пріѣзжали къ нему для поставленія поповъ, исдюшенія мура и антиминсовъ. Слава и богатство его росли не по днямъ, а по часамъ. Скоро однако изъ Стародубья пошли другіе слухи, невыгод-

ные для Аѳиногена, что онъ не Аѳиногенъ и не Лука, не епископъ, даже не попъ, а іеродіаконъ Амвросій, ех-ключарь новоіерусалимскаго монастыря, притомъ еще проворовавшійся. Такія свѣдѣнія собралъ о немъ Зыбковскій попъ Патрикій. Это было въ 1753 г. Положеніе авантюриста сразу сдѣлалось критическимъ и весьма опаснымъ: прежніе сторонники и покровители рѣшительно отшатнулись отъ лжеепископа, а ревностнѣйшіе ревнители стараго обряда стали не двусмысленно высказываться въ томъ смыслѣ, что самозванца слѣдуетъ убить за произведенный имъ соблазнъ среди ревнителей древляго благочестія, или же схватить и выдать русскому правительству. При такихъ условіяхъ Аѳиногенъ поступилъ рѣшительно: „услыша многое на него отъ раскольниковъ роптаніе, изъ Волощины въ польскій пограничный городъ Каменецъ-Подольскій бѣжалъ, и, оставя тамъ епископскій чинъ, принялъ католицкій расколъ и записался въ томъ городѣ въ гарнизонъ жолнеромъ, а нынѣ находится капитаномъ и посланъ оттуда въ Краковъ, гдѣ и до сего времени жительство имѣетъ съ женою и дѣтьми“. (Доношеніе коллегіи иностранныхъ дѣлъ св. Синоду, отъ 27-го мая 1757 г.)[1]). Такова соблазнительная исторія втораго старообрядческаго епископа.

Аѳиногенъ былъ выдвинутъ въ качествѣ старообрядческаго епископа послѣдователями такъ назыв. Діаконовщины, и дѣйствовалъ главнымъ образомъ въ зарубежныхъ общинахъ этого поповщинскаго толка. Нѣтъ никакихъ указаній въ тоговременной раскольничьей литературѣ, чтобы этотъ самозванный епископъ находился въ какихъ либо отношеніяхъ къ послѣдователямъ Вѣтковскаго согласія и съ возстановленнымъ на Вѣткѣ въ концѣ сороковыхъ годовъ Покровскимъ монастыремъ; не видно даже, чтобы на первыхъ порахъ онъ и старался войдти въ связь съ Вѣтковцами, какъ въ Стародубьѣ, такъ и за рубежомъ. Сохранившіяся посланія вліятельнаго въ Стародубьѣ и за рубежомъ среди Діаконовцевъ попа Патрикія ясно говорятъ намъ, что Аѳиногенъ былъ рекомендованъ послѣднимъ только діаконовскимъ общинамъ и скитамъ, разсыпаннымъ

---

[1]) Подробности см. въ «Историч. изв. о раск.» Журавлева, ч. IV, стр. 23—46; Мельниковъ, «Историч. оч. поповщ. 1, гл. V. Субботинъ, Н. И.: «Ист. такъ назыв. Австрійскаго или Бѣлокриницкаго священства. В. I. М. 1886 г. стр. 24—25.

за тогдашнею польскою границею въ разныхъ мѣстахъ, главнымъ же образомъ въ Побужьи, а не вообще поповщинскимъ или вѣтковскимъ. Послѣднія во всякомъ случаѣ были многочисленнѣе первыхъ. Тѣмъ не менѣе протоіерей Журавлевъ свидѣтельствуетъ, что Аѳиногенъ въ Волощинѣ „хитрымъ образомъ приманивалъ къ себѣ всѣхъ согласіевъ поповщину, уговаривая, чтобы они представляли ему достойныхъ людей для постановленія во священники, діаконы и пр. Онъ же, на основаніи извѣстныхъ ему данныхъ, увѣряетъ, что «слава объ Аѳиногенѣ по всей Воловщинѣ проходила великая», и что „онъ съ своей стороны во всѣ мѣста и по всѣмъ согласіямъ, потаенно разсылалъ отъ себя лестныя письма. въ которыхъ хитро давалъ знать о себѣ нѣчто великое." Тотъ же о. Журавлевъ въ другомъ мѣстѣ и прямо говоритъ, что отъ Вѣтковцевъ въ Борскую и Волощину пріѣзжали къ Аѳиногену «со ставленниками въ попы и діаконы, которыхъ онъ и посвящалъ; но при посвященіи въ угодность Вѣтковцамъ началъ было кадить по вѣтковки троекратно, за что въ народѣ сдѣлался мятежъ», причемъ «досталось было и лжеепископу». Это свидѣтельство о связи Аѳиногена съ послѣдователями Вѣтковскаго толка необходимо предполагаетъ и то, что онъ имѣлъ приверженцевъ, увѣренныхъ въ правильности его архіерейства и среди послѣдователей послѣдняго толка, а между тѣмъ на Вѣткѣ, въ только что тогда возстановленномъ Покровскомъ монастырѣ, Аѳиногенъ по всѣмъ имѣющимся даннымъ никогда не бывалъ, ограничившись только посѣщеніемъ сосѣдняго съ Вѣткой Пахоміева монастыря Діаноковскаго согласія, находившагося въ 8 в. отъ Вѣтковской слободы. Извѣстно, что оба эти толка, Вѣтковскій и Діаконовскій, начиная съ двадцатыхъ годовъ XVIII в., когда Діаконовцы отдѣлились отъ Вѣтковцевъ, нерѣдко не имѣли между собою общенія ни въ яствѣ, ни въ питьѣ, какъ и въ моленіи, и только во второй половинѣ XVIII в. появились попытки примиренія между ними.

Съ Аѳиногеномъ связывается судьба другаго старообрядческаго самозваннаго епископа, называвшагося впослѣдствіи «архіепископомъ Кубанскимъ и Хотинскія Раи» и «всего православія». Это былъ *Анѳимъ*, родомъ съ Дону, бывшій іеромонахъ Кременскаго монастыря—нынѣ Донской епархіи, откуда и бѣжалъ къ старообрядцамъ, два раза былъ пойманъ и бѣжалъ снова—въ послѣдній разъ съ одной богатой вдовой и двумя ея воспитанницами прямо на Вѣтку, гдѣ и объявилъ Вѣтковскимъ

отцамъ, что онъ въ предѣлахъ великороссійскихъ получилъ священный санъ архіерейства и просилъ отцовъ принять въ общеніе съ собою по древлецерковному благочестію. Это было въ 1750-мъ году. Вѣтковцамъ въ то время была еще весьма памятна исторія съ Епифаніемъ, научившая ихъ быть крайне осторожными и разборчивыми въ этомъ отношеніи. На предложеніе Аноима принять его какъ епископа древлецерковнаго благочестія Вѣтковцы отвѣчали, что въ скоромъ времени сдѣлать этого не могутъ и что предварительно должны навести справки, въ какомъ онъ городѣ былъ епископомъ и кѣмъ рукоположенъ. Такое недовѣріе со стороны Вѣтковцевъ не понравилось Аноиму, и, обругавъ за то Вѣтковцевъ, онъ переселился въ мѣстечко Боровицы, владѣнія князя Чарторыйскаго, за шесть миль отъ Вѣтки, и тамъ на средства московской барыни устроилъ два скита, мужской и женскій, и рѣшился во что бы то ни стало сдѣлаться архіеремъ. Въ это время между зарубежными старообрядцами проживалъ самозванный епископъ Аѳиногенъ подъ именемъ Луки. Къ этому-то «нарицающемуся епископу Аѳиногену» за хиротоніей и обратился Аноимъ. Получивъ за значительную сумму денегъ отъ Аѳиногена архимандритство, Аноимъ уже не стѣснялся въ своихъ правахъ: ставилъ поповъ и разсылалъ ихъ по старообрядческимъ общинамъ. Но такъ какъ подобныхъ поповъ многіе старообрядцы не принимали, и изъ Гуслицъ прислали ему даже замѣчаніе: «почто ты, о. архимандритъ Аноимъ, поповъ поставляешь?» то Аноимъ снова обратился съ письмомъ къ Аѳиногену, прося архіерейской хиротоніи. Рѣшено было совершить эту хиротонію заочно, по бывшему въ древности единственному примѣру заочной хиротоніи, совершенной епископомъ Федимомъ, надъ св. Григоріемъ неокесарійскимъ.[1]) По словамъ Мельникова дѣло происходило такъ: «Благодать св. Духа, писалъ Аноимъ Аѳиногену, всегда немощная врачую-

---

[1]) Фактъ заочнаго возведенія въ архимандрита былъ и въ русской церковной практикѣ при п. Адріанѣ. 1-го іюля 1699 г. изъ подъ Азова Петръ прислалъ указъ патріарху о возведеніи иг. Іоасафа, бывшаго подъ Азовымъ, во архимандриты заочно и о присылкѣ ему архимандритской шапки. Патріархъ исполнилъ распоряженіе царя, хотя это видимо ему и не нравилось. *Шляпкинъ*, Ив. Ал. Св. Димитрій Ростовскій и его время. Спб. 1891 г., стр. 271.

щая и неоскудѣвающая, не стѣсняется предѣлами земными, но вездѣ и присно дѣйствуетъ. Служи божественную литоргію въ предстоящій великій четвертокъ въ своей церкви и въ положенное время читай молитвы святой хиротоніи; азъ же смиренный въ тотъ самый часъ буду возлагать на себя одежды архіерейскія". При посланіи приложено было золото. Аѳиногенъ согласился. Увѣдомилъ онъ Анѳима, чтобы готовился къ хиротоніи и возлагалъ бы на себя священныя одежды архіерейскаго сана въ великій четвертокъ 11 апрѣля 1753 г. Наступилъ этотъ день. Анѳимъ началъ въ Боровицкой церкви служить литурію соборнѣ съ своими попами какъ архимандритъ. Послѣ малаго входа съ евангеліемъ вошелъ онъ въ алтарь и сталъ на колѣни предъ престоломъ, наклонивъ голову. Въ церкви было молчаніе. Знали, что въ эти минуты тамъ, далеко за Днѣстромъ, въ иномъ (турецкомъ) государствѣ, епископъ Аѳиногенъ, положивъ руку на разгнутое евангеліе, возглашалъ молитву хиротоніи... Анѳимъ всталъ, священники подали ему омофоръ, егколпій, митру, и онъ надѣвалъ ихъ при пѣніи клира *аксіосъ*. Тогда же Анѳимъ посвятилъ попа и діакона». Въ законности посвященія не сомнѣвались. Послѣ того многіе на Анѳима стали смотрѣть какъ на архіерея и на Вѣткѣ, гдѣ сначала, какъ мы видѣли, равнодушно и совсѣмъ не любезно къ нему отнеслись; теперь явились и тамъ толки, не слѣдуетъ ли теперь сего «страдальца за древлее благочестіе» признать дѣйствительнымъ епископомъ старообрядства. Скоро однако разнеслась другая молва, что «въ тое мнимое Анфимово поставленіе уже Аѳиногенъ не епископомъ, но у нѣкоего попа капитаномъ сотворися»..., и «нарицающійся епископъ» не только въ указанное время не сослужилъ Анѳиму, но и перевернулся изъ самозваннаго старообрядческаго епископа и древле православнаго человѣка въ бритаго католика и польскаго жолнера въ щегольскомъ кунтушѣ. Когда вскрылась и огласилась исторія этого мнимаго архіерейства, Анѳимъ, «видя себе обличена», говоритъ авторъ «*Сказанія о архимандритѣ Анѳимѣ*», бывшій его постриженникъ, «остави свой монастырь и церковь (въ Боровицахъ) и всѣхъ старцовъ... и убѣжа на Донъ, и до днесь тамо. Мы уже, убогшіе, пострижены отъ него, осталися и пришли на Вѣтку, и судили намъ, что не дѣйствительно быти постриженіе его; мы же и сняли съ себя и стали простыми и до днесь, а иные и донынѣ въ томъ пребываютъ». Позже Вѣтковскіе отцы разослали

посланіе, въ которомъ они увѣряли своихъ единовѣрцевъ, что Аноимъ сущій обманщикъ и никогда въ архіереи законнымъ образомъ посвященъ не былъ, что онъ даже и въ іеромонахи то никогда посвященъ не былъ и сказался священникомъ ложно. Это посланіе сильно подорвало вѣру въ Аноимово архіерейство и у зарубежныхъ раскольниковъ. Тѣмъ не менѣе Аноимъ не хотѣлъ разстаться съ предвосхищеннымъ имъ епископскимъ саномъ, и старался выдавать себя зарубежомъ то за епископа, посвященнаго отъ русскаго синода, то за епископа, посвященнаго Лукою (вымышленное имя Аѳиногена), до его еще перехода въ католичество. Послѣднее онъ подтверждалъ потомъ на исповѣди жившему на покоѣ въ Буковинѣ, въ монастырѣ Драгомирнѣ, православному митрополиту Мисаилу, бывшему прежде Радауцкому, высказывая смущеніе совѣсти по поводу заочнаго поставленія. Тоже говорилъ онъ и браиловскому м. Даніилу, и просилъ его довершить хиротонію. Дѣйствительно, Даніилъ во время служенія литургіи въ хотинскомъ соборѣ «возложилъ на Аноима руку и прочиталъ молитву благословенія»; но самъ Аноимъ и послѣ этого не отказывался, что онъ посвященъ Лукою или Аѳиногеномъ, а м. Даніилъ только благословилъ его съ руковозложеніемъ. Получивъ это публичное благословеніе, Аноимъ нѣкоторое время былъ принимаемъ на Кубани[1]) и у Некрасовцевъ; но нашелъ себѣ и тамъ сильныхъ обличителей за сожительство съ двумя дѣвицами, которыхъ онъ увезъ изъ Москвы,—воспитанницами покровительствовавшей ему московской барыни. Не даромъ его противники, въ особенности попы не его поставленія, насмѣхаясь говорили: «вотъ Аноимъ ужъ впрямь архіерей по чину Мельхиседекову. У него, что у турка—двѣ жены, коли не завелъ третію». Не укрѣпило положеніе Аноима среди старообрядцевъ и его письменное обращеніе къ митрополитамъ Браиловскому и Ясскому и даже самому Константинопольскому патріарху, при помощи которыхъ онъ хотѣлъ заставить тамошнихъ старообрядцевъ признавать его своимъ духовнымъ главой. Они еще болѣе его возненавидѣли и объявили еретикомъ.

---

[1]) На Кубани будто бы Аноимъ посвятилъ двухъ епископовъ, которыхъ даже и имена неизвѣстны, не говоря уже о ихъ дѣятельности. Существованіе ихъ болѣе чѣмъ сомнительно.

Не укрылась дѣятельность этого старообрядческаго епископа среди зарубежныхъ раскольниковъ и отъ центральнаго русскаго правительства. Въ ноябрѣ 1756 г. канцлеръ графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ получилъ отъ русскаго резидента въ Турціи донесеніе, что „живущіе на Кубани и въ Волощинѣ россійскіе люди, раскольники, имѣли стараніе о посвященіи къ нимъ епископа: во первыхъ у живущаго въ Крыму митрополита да у волосскаго архіерея, живущаго въ монастырѣ, называемомъ Гушахъ, но ими не посвященъ; напослѣдокъ живущимъ надъ Дунаемъ, въ турецкомъ владѣніи, въ монастырѣ, называемомъ Рени, греческимъ митрополитомъ Даніиломъ желаемый тѣми раскольниками епископъ посвященъ, коему имя Автиногенъ, и жительство имѣетъ въ близости Хотипа, въ монастырѣ Вѣтрянка, гдѣ тѣхъ раскольниковъ въ жительствѣ много имѣется, а на Кубани учреждена тѣмъ раскольническимъ епископомъ архимандрія и поставленъ отъ него архимандритъ, и по слободамъ многое число поповъ, и даны имъ отъ него универсалы, и имѣютъ они по своимъ обрядамъ церковное служеніе, и что для того съ Дону крымскою областію на Кубань, и отъ Смоленска Польшею, уходя къ тому епископу, приходятъ и поселяются на житье, по близости того монастыря, гдѣ тотъ епископъ находится“. Коллегіей иностранныхъ дѣлъ развѣдываніе о этомъ заднѣстровскомъ раскольническомъ архіереѣ поручено было кіевскому губернскому начальству. Извѣстный кіевскій вицегубернаторъ, тайный совѣтникъ Костюринъ, согласно указу коллегіи иностранныхъ дѣлъ, отправилъ немедленно надежныхъ агентовъ на развѣдки въ Могилевъ на Днѣстрѣ, Хотинъ и Яссы. Послѣдніе узнали, что Аѳиногена у раскольниковъ уже нѣтъ, а есть Анѳимъ, и что этого послѣдняго старообрядцы архіереемъ уже не признаютъ, и что живетъ онъ въ Вѣтрянкѣ и въ церкви этой слободы служитъ по архіерейски, окруженный десяткомъ поповъ и дьяконовъ, поставляетъ поповъ для старообрядцевъ и пр. Въ свою очередь Ясскій митрополитъ Іяковъ выдалъ агентамъ Костюрина переписку Анѳима съ нимъ и грамоту послѣдняго 1755 г., которою онъ объявилъ себя „архіепископомъ всего православія» въ слободѣ Славѣ. По доведеніи всего этого дѣла до свѣдѣнія св. Синода, послѣдній въ 1757 г. поручилъ Кіевскому митрополиту Тимоѳею Щербацкому войдти въ непосредственныя сношенія съ молдавскимъ митрополитомъ и отъ него самымъ энергическимъ образомъ

требовать, чтобы онъ прекратилъ возникшее въ его епархіи незаконное и ложное старообрядческое архіерейство. Результатъ этихъ сношеній неизвѣстенъ; извѣстно только то, что самъ виновникъ всей этой исторіи вскорѣ погибъ трагически отъ руки Некрасовцевъ: именно былъ посаженъ въ куль, брошенъ съ моста въ Днѣстръ и утопленъ въ рѣкѣ, какъ Фараонъ, говоритъ Іона Курносый[1]).

---

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ Анѳимѣ представлены Мельниковымъ въ «Оч. попов.», гл. VI, стр. 188—250. Глава эта составлена имъ на основаніи слѣд. источниковъ: а, Дѣла св. синода о раскол. архіереѣ Анѳимѣ 1757 г.; б, исторіи о бѣгствующемъ священствѣ Ив. Алексѣева; в, исторіи о бѣств. свящ. Іоны Курносаго; и г, Историч. изв. о раскольникахъ протоіерея Журавлева. Въ книгѣ проф. Н. И. Субботина: «Ист. такъ назыв. Австрійскаго или Бѣлокриницкаго священства (В. I. М. 1886 г.) указанъ еще старообрядческій сборникъ, содержащій въ себѣ три *Сказанія* о раскольническихъ лжеепископахъ—Епифаніи, Аѳиногенѣ и Анѳимѣ, не имѣющія впрочемъ особый историческои важности для характеристики этихъ лицъ и ихъ дѣятельности, такъ какъ свѣдѣнія, излагаемыя въ этихъ сказаніяхъ, въ общемъ согласны съ тѣмъ, какія извѣстны изъ оффиціальныхъ и другихъ того—временныхъ источниковъ. Это: 1) *Сказаніе о епископѣ вѣтковскомъ Епифаніи Реуцкомъ, гдѣ родися и отъ коего рода;* 2) *о епископѣ Амвросимѣ* (Аѳиногенѣ), *иже бысть на Волыни;* 3) *о архимандритѣ Анѳимѣ.* Всѣ эти *Сказанія* напечатаны проф. Субботинымъ въ приложеніяхъ къ I т. его „Исторіи Бѣлокриницкой іерархіи“ (М. 1874). Авторъ сказаній былъ современникомъ вышеупомянутыхъ раскольническихъ епископовъ; Анфима же зналъ лично, былъ его постриженникомъ, и писалъ еще при жизни послѣдняго въ Москвѣ, перешедши изъ поповщины въ безпоповщину, какъ предполагаетъ проф. Субботинъ, на основаніи его рѣзкихъ отзывовъ о старообрядческихъ архіереяхъ и раскольническихъ попахъ, а равно о Вѣтковской и иныхъ поповщинскихъ церквахъ; «ибо, говоритъ онъ, на какомъ онѣ (церкви) основаніи уфундованы, о семъ мы убозіи, самовидѣвшіи и при таковомъ дѣлѣ трудившіися свидѣтели есмы въ правду». Въ первомъ *Сказаніи* о еп. Епифаніи довольно впрочемъ подробно и повидимому близко къ истинѣ разсказывается о лицахъ, участвовавшихъ въ похищеніи Епифанія въ 1733 года у караульныхъ солдатъ и первоначальномъ обученіи его старо-

Мысль объ отысканіи себѣ епископа въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ XVIII в. не оставлялась и другими поповщинскими общинами, какъ въ Стародубьѣ, такъ и за польскимъ рубежомъ. Извѣстно, что въ концѣ сороковыхъ годовъ старались о томъ Гомельскіе и стародубскіе раскольники Вѣтковскаго согласія. Старанія эти не прошли не замѣченными ни для св. Синода, ни для мѣстной гражданской власти. Изъ указа св. Синода Черниговскому и Новгородсѣверскому епископу Амвросію Дубневичу, отъ 16-го декабря 1748 г., видно, что еще въ первой половинѣ 1747 г. началось въ стародубской полковой канцеляріи довольно сложное дѣло о злынковскомъ раскольникѣ Михаилѣ Марковѣ и раскольническомъ попѣ Семенѣ Калининѣ,—дѣло, въ которомъ видное мѣсто занималъ вопросъ о поставленіи Гомельскими и стародубскими раскольниками—поповцами себѣ епископа. Дѣло это началось по инипіативѣ богатаго и вліятельнаго слобожанина, заводчика скипидарныхъ дѣлъ, Никиты Андре-

---

обрядчеству. Именно здѣсь говорится: „Тогда согласяся Ѳедоръ Козминъ да Герасимъ Козминъ Калужане, и москвичи Потапъ Матвѣевъ и Власъ старецъ и съ прочими Москвичи, того Епифанія на дорогѣ у караульныхъ отбили, и Егоръ иконникъ привезъ его Епифанія за границу къ Ивану Иванову, прозваньемъ Работниченку, а отъ него взялъ себѣ *Лаврентій* въ пустыню и въ келіи училъ его благочестію»... Далѣе въ *Сказаніи* говорится, что Лаврентій «христіаниномъ нарекъ его, и потомъ на Вѣтку представилъ о немъ Павлу казначею и всему народу, и по нѣкоемъ времени повелѣша ему на Вѣткѣ въ церкви служити и всѣ дѣйства правити; онъ же Епифаній нача вся правити, и поповъ поставляти и вся дѣйствовати". Относительно пустынника *Лаврентія* срав. сдѣланныя нами замѣчанія въ первомъ выпускѣ о времени основанія Лаврентьева монастыря и личности его основателя, стр. 367—370. Зато относительно мѣста рожденія Епифанія и его родителей, вопреки вполнѣ удостовѣреннымъ даннымъ, авторъ представляетъ видимо измышленный въ раскольничьей среди разсказъ. „Рожденіе его бѣ близь мѣстечка Полоннова, въ Польшѣ, а отъ рода жидовска и отъ жены нѣкія нечистыя жидовки, хуждши и послѣдняго рода и нищенскаго житія. И по шести лѣтѣхъ рожденія своего изъ Польши вышелъ и близь Чернигова города жительство имѣчъ, и ту обливаніемъ крещенъ, и потомъ пріиде въ Кіевъ".

сеи Коренева, въ началѣ сороковыхъ годовъ обратившагося въ православіе. Этотъ-то слободской заводчикъ, игравшій въ то время роль правительственнаго слободскаго агента, доносившаго о дѣлахъ раскольниковъ въ полковую и министерскую канцеляріи и даже прямо въ св. Синодъ, въ началѣ 1747 г. сдѣлалъ большой важности доносъ стародубскому полковнику Ѳедору Максимовичу. Въ своемъ доносѣ, какъ онъ формулируется въ синодскомъ указѣ, онъ писалъ «о поставленной въ Польшѣ близь рубежа въ Гомельской слободкѣ Спасовой раскольниками церкви раскольнической, о препровожденіи въ слободы поповъ тайно и творящихъ по раскольнически исправленія церковная, о прибавленіи еще вновь церквей раскольниками, описныхъ стародубовскихъ слободъ жители, и о сысканныхъ антиминсахъ, и о *поставленіи себѣ епископа*, и о живущихъ въ тѣхъ раскольничьихъ слободахъ, публичныхъ часовняхъ и при нихъ колоколахъ, и отправленіи вечерней, утреней и часовъ и погребеніи мертвыхъ, о живущихъ въ тѣхъ слободахъ прикровенно попахъ, изъ которыхъ одинъ по показанію Семенъ Калининъ и пойманъ, и о другихъ въ тѣхъ слободахъ живущихъ раскольникахъ же, кои-де желаютъ себѣ православныхъ іереевъ изъ Россіи съ нѣкакими резонами и хотящихъ соединитися св. церкви». Все это дѣло по доношенію Коренева изъ стародубской полковой канцеляріи было передано въ министерскую малороссійскую канцелярію, потомъ въ московскую синодальную контору, а изъ послѣдней перешло въ канцелярію тайныхъ разыскныхъ дѣлъ. По донесеніи о томъ московской синодальной конторы св. Синоду, послѣдній опредѣлилъ все дѣло о раскольникѣ Михаилѣ Марковѣ и попѣ Семенѣ Калининѣ направить для надлежащаго слѣдствія и разсмотрѣнія, какъ и самихъ Маркова и Калинина, равно и всѣ представленія Коренева, «какія отъ него, Коренева, о раскольникахъ и церквахъ отъ нихъ построенныхъ, такожъ *о епископѣ* и попахъ въ помянутой министерской канцеляріи представлены были и что по тѣмъ представленіямъ учинено», къ мѣстному Черниговскому и Новгородсѣверскому епископу Амвросію Дубневичу. Результатъ слѣдствія и разсмотрѣнія неизвѣстенъ[1]).

---

[1]) Указъ св. Синода отъ 16 декабря 1748 г. напечаталъ въ «Ист. стат. опис. Черниг. еп.» кн. VII, стр. 218—231. Тамъ же см. о Кореневѣ и Марковѣ, кн. 1, стр, 137—138.

По свидѣтельству старообрядческаго безпоповщинскаго историка Ивана Алексѣева, Гомельскіе, Вѣтковскіе и Стародубскіе раскольники и въ пятидесятыхъ годахъ XVIII в. по прежнему собирались на совѣщанія и толковали о необходимости имѣть своего епископа «древляго благочестія». Между прочимъ, по тому же свидѣтельству, въ это время была даже сдѣлана попытка пріобрѣсти таковаго «отъ великороссійскихъ архипастырей». Именно Иванъ Алексѣевъ разсказываетъ, что въ 1755 г. «Гомельскіе и Вѣтковскіе по заграничью жители, къ нимъ же приложишася послѣ и въ Малороссіи обрѣтающійся въ слободахъ, написаша бо тіи челобитныя просяще, да отъ великороссійскихъ архипастырей поставится во епископа имъ человѣкъ, на совершенства антиминса, мура и на произведеніе поповъ, при томъ же и да благословятъ возградити сугубыя обители» (Лѣт. рус. литер. III, стр. 66). Къ кому именно изъ великороссійскихъ архипастырей были обращены эти челобитныя о законномъ дарованіи самостоятельнаго епископа, поповъ и обителей, и что отвѣчали на эти челобитныя—неизвѣстно было старообрядческому историку; онъ только замѣчаетъ по этому поводу: «по сей челобитной еще извѣстнаго нѣсть». Неизвѣстно это и изъ другихъ источниковъ. Во всякомъ случаѣ едвали можно сомнѣваться въ самомъ фактѣ, передаваемомъ Ив. Алексѣевымъ, такъ какъ его «Исторія о бѣгствующемъ священствѣ» отличается рѣдкой у раскольничьихъ писателей правдивостью въ изложеніи событій. Да и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что у нѣкоторыхъ Вѣтковскихъ, Гомельскихъ и Стародубскихъ раскольниковъ—поповцевъ, послѣ неоднократныхъ неудачныхъ попытокъ отъискать себѣ епископа при помощи Востока, явилась наконецъ мысль о томъ, чтобы великороссійскіе архипастыри рукоположили выборнаго отъ нихъ человѣка, который, какъ настоящій ихъ пастырь, и поставлялъ бы для нихъ потомъ поповъ, освящалъ муро, антиминсы и совершалъ прочія свойственныя епископу «дѣйства». Какъ разъ именно въ это время у нѣкоторыхъ послѣдователей поповщины въ Стародубьѣ (Сусловщина) выработалось какъ твердое положеніе то, чтобы отыскиваемый ими архіерей былъ непремѣнно по происхожденію великороссійскаго рода, обязательно крещенный въ три погруженія и хиротонисованный архіереями—великороссіянами по восходящей линіи до временъ патріарха Іосифа, безъ всякаго посредства архіереевъ—малороссіянъ, давно уже заподозрѣнныхъ въ обливанствѣ и

склонности къ Риму. Подобной же незавидной репутаціей давно пользовались у раскольниковъ и греки. По всей вѣроятности вышеуказанная мысль была, конечно, далеко не общимъ достояніемъ всего мѣстнаго старообрядства, а дѣломъ только извѣстной части старообрядческаго духовенства-монаховъ, поповъ и ихъ ближайшихъ сторонниковъ, такъ или иначе заинтересованныхъ правильнымъ устройствомъ раскола старообрядства въ церковномъ и іерархическомъ отношеніяхъ, и притомъ части старообрядческаго духовенста болѣе сравнительно выдающейся по пониманію своего церковнаго положенія; міряне, если и не были во все въ сторонѣ въ этомъ дѣлѣ, то во всякомъ случаѣ принимали только сравнительно незначительное участіе въ немъ. Такъ это было и на Вѣткѣ въ моментъ водворенія тамъ Епифанія, какъ потомъ и въ Стародубьѣ при Никодимѣ и послѣ него, въ послѣдней четверта XVIII в. Такъ это было по всей вѣроятности и въ 1755 г.

Стремленіемъ Стародубскихъ и Вѣтковскихъ старообрядцевъ имѣть у себя архіерея, какъ видно изъ нѣкоторыхъ данныхъ, въ пятидесятыхъ годахъ XVIII в. воспользовалась и политическая интрига. Въ этомъ отшеніи интересно дѣло тобольскаго посадскаго человѣка Ивана Зубарева, содержавшагося въ началѣ пятидесятыхъ годовъ въ Сыскномъ приказѣ, потомъ бѣжавшаго оттуда и жившаго за границей, а по возвращеніи изъ за границы схваченнаго въ стародубской раскольничьей слободѣ Лужкахъ. Зубаревъ показалъ въ тайной канцеляріи, что послѣ бѣгства изъ Сыскного приказа онъ жилъ у раскольниковъ въ слободѣ Вѣткѣ, откуда въ 1755 году, послѣ праздника Богоявленія, поѣхалъ извощикомъ въ Кенигсбергъ съ товарами русскихъ зарубежныхъ раскольниковъ. Здѣсь прусскіе офицеры, по обычаю, начали вербовать его въ солдаты, въ прусскую гвардію, и когда онъ согласился, то его отвезли въ Потсдамъ. Чрезъ посредство Манштейна, бывшаго адъютантомъ у Миниха, и, по воцареніи Елизаветы Петровны, перешедшаго въ Прусскую службу, Зубареву было будто бы предложено ѣхать къ раскольникамъ и возмущать ихъ въ пользу ех-императора Ивана Антоновича. «Послужи за отечество свое», говорилъ Манштейнъ Зубареву, «съѣзди въ раскольничьи слободы и уговори раскольниковъ, чтобъ они сами склонились къ намъ и помогли вступить на престолъ Ивану Антоновичу, а мы, по ихъ желанію, будемъ писать къ патріарху, чтобъ имъ по-

святить епископа. У насъ былъ ихъ одинъ попъ, да обманулъ насъ и уѣхалъ. А какъ посвятимъ епископа, такъ онъ отъ себя своихъ поповъ по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ есть раскольники, разошлетъ, и они сдѣлаютъ бунтъ. Ты подай только вѣсть Ивану Антоновичу, а мы въ будущемъ 1756 году весною пошлемъ туда къ Архангельску корабли подъ видомъ купечества, чтобъ выкрасть Ивана Антоновича. А какъ мы его выкрадемъ, то чрезъ епископовъ и старцевъ сдѣлаемъ бунтъ, чтобъ возвесть Ивана Антоновича на престолъ. А Иванъ Антоновичъ старую вѣру любитъ. Когда сдѣлается бунтъ, то и мы придемъ съ нашимъ войскомъ къ русской границѣ. А Донскіе козаки къ намъ совсѣмъ склонны, и у насъ они есть, которые бывали со мною въ походахъ, и мнѣ они надежны. Когда будешь въ Польшѣ, заѣзжай въ раскольничьи слободы опять и объяви тамошнимъ наставникамъ, чтобъ они безъ всякой боязни къ намъ были склонны[1])».

Зубаревъ согласился принять оба порученія—ѣхать къ слободскимъ зарубежнымъ раскольникамъ и, согласясь съ ними, ѣхать въ Холмогоры и дать знать Ивану Антоновичу, что за нимъ будетъ присланъ корабль изъ Пруссіи. Онъ же показалъ, что былъ даже представленъ самому Фридриху II и получилъ тысячу червонныхъ и двѣ медали, по которымъ принцъ Антонъ долженъ былъ ему повѣрить; письменнаго же удостовѣренія, что именно онъ, Зубаревъ, исполнитель ввѣренной ему важной миссіи, не хотѣли ему дать. Появившись въ

---

[1]) Между прочимъ Манштейнъ говорилъ будто бы Зубареву: «Вотъ де мы какъ тебя отсюда отправимъ, такъ-де пошлетъ королевское величество въ Варшаву къ своему резиденту письмо, что какъ кто отъ раскольниковъ въ епископа выбранъ будетъ, тогда бъ де онъ его, ни мало не мѣшкавъ, отправилъ въ Потсдамъ; а чтобъ де отъ Россіи не было причинено тѣмъ раскольникамъ въ выборѣ епископа помѣшательства, такъ де мы будемъ писать къ князю Чарторижскому, чтобъ онъ ихъ защищалъ». Чарторыйскій былъ въ то время владѣльцемъ Гомеля и всѣхъ сосѣднихъ съ Вѣткою раскольничьихъ слободъ и скитовъ и пр. Въ вѣрности исполненія возложеннаго на Зубарева порученія, Манштейнъ, въ присутствіи короля, «снявъ съ окошка образъ Богородицинъ, заставилъ его присягнуть, что тотъ и сдѣлалъ».

раскольничьихъ слободахъ, Зубаревъ началъ исполнять свое порученіе. Вѣтковскаго монастыря попу Ивану Зубаревъ говорилъ; «Былъ-де я у самого Прусскаго короля, и его—де величество приказалъ васъ, святыхъ отцовъ, спросить, что желаете ль вы, чтобъ былъ на престолъ возведенъ по прежнему Иванъ Антоновичъ? И оный попъ на то сказалъ: «я-де о томъ подумаю». И онъ, Зубаревъ, сказалъ, что де его величество приказалъ вамъ сказать всѣмъ, чтобъ вы выбрали въ епископы и прислали къ нему въ Потсдамъ; а его-де величество пошлетъ отъ себя къ патріарху о поставленіи того епископа просить для того, что какъ-де будетъ епископъ, то-де вашу вѣру гонить такъ, какъ нынѣ есть, не станутъ; его величество по Ивана Антоновича послалъ къ городу Архангельскому корабли... А когда-де Ивана Антоновича и отца его оттуда увезутъ, то тогда его величество начнетъ съ Россіею войну, а вы чтобъ тогда ему помогли и сдѣлали бунтъ и для его арміи могли заготовить провіантъ и прочее... А когда-де уже у васъ хотя и до того времени будетъ епископъ, такъ онъ можетъ во всѣ мѣста, гдѣ оной вашей старой вѣры люди въ Россіи есть, дать знать, что будетъ на царствѣ Иванъ Антоновичъ и вѣра ваша гонима тогда не будетъ»... Попъ Иванъ на всѣ разглагольствованія Зубарева отвѣчалъ одно: «добро-де, я подумаю».

Болѣе сочувственно къ миссіи Зубарева отнеслись въ другихъ раскольничьихъ монастыряхъ около Вѣтки: Лаврентьевѣ и Спасскомъ. Игуменъ Лаврентьева монастыря Досиѳей (Евстиѳей), выслушавъ Зубарева, сказалъ: «Да какъ же вы Ивана Антоновича посадите на царство?— «Также посадимъ, какъ и государыня сѣла: на хабонъ»! отвѣчалъ Зубаревъ. Относительно епископа игуменъ говорилъ: «Лучше бы было, еслибъ его величество изволилъ прислать сюда епископа греческаго, чтобъ онъ здѣсь, кого мы выберемъ, посвятилъ; а то-де туда ѣхать весьма далеко». Въ томъ же смыслѣ высказался и Спасскій игуменъ Варлаамъ, а равно и Спасскаго монастыря попъ Семенъ. По возвращеніи Зубарева въ Лаврентьевъ монастырь, онъ, Зубаревъ, говорилъ съ Лаврентьевскимъ игуменомъ о своихъ разговорахъ въ Варлаамомъ при живущихъ въ монастырѣ старцахъ Макаріи и Стефанѣ, и жилъ въ монастырѣ дней съ пять[1]). Наконецъ игуменъ сталъ говорить ему: «Пора

[1]) По показанію Василія Ларіонова на Злынковскомъ форпостѣ въ

тебѣ Иванъ Васильевичъ ѣхать, выручать Ивана Антоновича; а какъ Богъ васъ вынесетъ, то мы стоять готовы». При отбытіи Зубарева изъ монастыря «для скраденія принца», игуменъ Досиѳей и старцы Макарій и Стефанъ пѣли молебенъ Богородицѣ. Но Зубаревъ вмѣсто Холмогоръ скоро попалъ въ Петербургъ въ Тайную канцелярію. Показанія его имѣли слѣдствіемъ то, что Ивана Антоновича перевезли тайкомъ изъ Холмогоръ въ Шлюссельбургъ[1]).

Невольно вспоминаются при показаніи Зубарева тѣ загадочные разговоры, которые велъ въ слободѣ Зыбкой въ 1749—1750 г. молодой чернецъ Аѳиногенъ. Онъ говорилъ попу Патрикію, что у него въ Петербургѣ есть сильные враги, власть имѣющіе, которые никоимъ образомъ не простятъ ему того, что онъ позналъ «древлее благочестіе» и ушелъ странствовать, опасаясь, чтобы онъ, Аѳиногенъ, не разсказалъ кое-чего ему извѣстнаго, отчего-де по государству пойдетъ великая крамола, и многимъ сильнымъ людямъ не сносить тогда головы. Говорилъ онъ и о томъ, какъ, при бывшихъ недавно перемѣнахъ въ правленіи, многія высокія по положенію лица падали и ссылались на вѣчное житье въ Сибирь, что даже самъ бывшій императоръ Иванъ Антоновичъ и мать его, бывшая правительница государства, томятся гдѣ-то въ тѣсномъ заключеніи. А если бы,—таинственно передавалъ онъ,—Анна Карловна (такъ звали въ народѣ Анну Леопольдовну) съ Божіею помощію возвра-

---

іюлѣ 1755 г., игуменъ Евстифѣй далъ тому Ивану балахонъ да рубашку, такожъ и другимъ, не знамо чѣмъ, дарилъ его.

[1]) Дѣло о Зубаревѣ напечатано въ «Историч. бумагахъ» К. И. Арсеньева, изданныхъ Пекарскимъ. Сб. отд. Рус. яз. и слов. И. А. Н. т. IX, стр. 375—408. Иванъ Антоновичъ въ Шлюссельбургъ переведенъ былъ 23 Января 1756 г.; указъ о томъ на имя начальника караула Вындомскаго былъ писанъ рукою начальника тайной канцеляріи графа Александра Шувалова и подписанъ Елизаветою Петровною; 22 января 1756 г. былъ послѣдній допросъ Зубареву. Кромѣ того устроена была западня для пруссаковъ, въ случаѣ пріѣзда ихъ въ Архангельскъ. См. также: Дополнительныя извѣстія касательно показаній Ивана Зубарева. Стр. 445. Досиѳей былъ игуменомъ Лаврентьевой пустыни и въ 1760 г. еще. А. М. К. при Х. У. № 6643.

тилась, и сѣлъ бы на престолѣ царь Иванъ Антоновичъ, процвѣло бы тогда «древлее благочестіе» также какъ и при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, потому что и Анна Карловна и царь Иванъ Антоновичъ, въ несчастіи находясь, истинную вѣру познали[1]). Все это очень смахиваетъ на разсказъ Зубарева.

---

[1]) Мельниковъ, П. И. Оч. поповщ. стр. 161—162. 169—171. По словамъ Мельникова «въ 1744 г. было покушеніе похитить трехлѣтняго Ивана Антоновича и увезти за границу. Покушеніе это сдѣлалъ какой-то монахъ. Его и Ивана Антоновича поймали въ Смоленскѣ. Что сдѣлалось съ монахомъ—незвѣстно, а несчастнаго ребенка переименовали въ Григорія и увезли въ Шлюссельбургъ. (Ср. Бейдемейера Обз. главнѣйшихъ происшествій въ Россіи. Спб. 1835, т. III, стр. 96)». Оффиціальныя данныя говорятъ слѣдующее о пересылкѣ семейства этого принца изъ одного города въ другой въ царствованіе Елисаветы. По инструкціи 28 ноября 1741 г., подписанной императрицей и данной генералъ-адъютанту Салтыкову, Анна Леопольдовна съ семействомъ препровождались «чрезъ Нарву, Дерптъ и Ригу за границу Россійской Имперіи даже до Митавы». 13 декабря 1742 г. семейство заключенныхъ перевезено изъ Риги въ Дюнамюндъ—шанецъ. 9 января 1744 г. Салтыкову объявлено, что оно должно быть перевезено въ Ораніенбургъ, причемъ сына правительницы Ивана Антоновича велѣно везти въ отдѣльномъ возкѣ. 14 января 1744 г. Салтыкову вмѣнено въ обязанность выѣхать чрезъ Псковъ, Смоленскъ, Вязьму, Калугу, Тулу, Скопинъ въ Ораніенбургъ 21 января; при этомъ принцъ Іоаннъ окончательно отдѣленъ отъ отца и матери. 27 іюля 1744 г. новое распоряженіе—везти все семейство къ Архангельску. Сначала было предположено поселить его въ Соловецкомъ монастырѣ; но 5 декабря 1744 г. велѣно семейство оставить до весны въ Холмогорахъ, а 29 марта 1745 г. окончательно оно поселено въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ, гдѣ Иванъ Антоновичъ и пребывалъ до вышеупомянутаго указа 23 января 1756 г. Выидомскому. Сб. отд. рус. яз. и слов. Им. Ак. Н. Т. IX, стр. 404—405. Ср. Максимовъ, С. В. Годъ на сѣверѣ, изд. IV. Спб. 1890 стр. 657—659 и д. Есть извѣстіе, что въ 1749 г. во время серьезной болѣзни Елизаветы Петровны въ Москвѣ явилась мысль провозгласить императоромъ Іоанна Антоновича. Васильчиковъ А. А. Сем. Разумовскихъ т. I, стр. 108. Попытки возстановленія Ивана Антоновича на престолѣ были и раньше

По поводу показаній въ Тайной канцеляріи посадскаго Зубарева была тамъ составлена записка слѣдующаго содержанія. «Въ тайной канцеляріи чрезъ нѣкоторое обстоятельство извѣстно, что живущіе въ польской области раскольники желаютъ, чтобъ имъ поставленъ былъ патріархомъ цареградскимъ епископъ и о постановленіи того епископа посылано отъ нихъ было къ прусскому королю, на что прусской король чрезъ посланнаго отъ себя бѣглаго изъ Россіи человѣка раскольникамъ слѣдующее велѣлъ представить: 1) что онъ о поставленіи епископа стараться будетъ и для того велѣлъ къ себѣ прислать раскольническаго попа. 2) Ежели поставленъ будетъ епископъ, то бъ тѣ раскольники поповъ своихъ въ россійскія границы къ таковымъ же раскольникамъ послали для разглашенія, чтобъ возвести на престолъ принца Ивана съ тѣмъ, что оный принцъ вѣры ихъ раскольнической гонить не будетъ, а во всемъ можетъ дана имъ быть вольность[1]). 4) Для возведенія жъ онаго прусской король намѣренъ привесть къ границамъ свое войско, чтобъ въ провіантѣ и въ прочемъ раскольники дали вспоможеніе. 5) Означенный бѣглый россійскій человѣкъ всѣ вышеобъявленныя отъ прусскаго короля предпріятія объявлялъ въ Вѣткѣ раскольническимъ старцамъ, которые, слыша оное объявленіе, почти отъ того всего не отрекались и нѣсколько явились къ тому склонны.....“[2])

1744 г., напр. въ 1742 г. Производилось дѣло о камеръ-лакеѣ Турчаниновѣ, прапорщикѣ Преображ. полка Петрѣ Ивашкинѣ, сержантѣ Измаиловскаго полка, составившихъ заговоръ захватить и умертвить Елисавету и племянника ея и возвести на престолъ свергнутаго Ивана Антоновича; они говорили, что Елисавета и сестра ея Анна прижиты внѣ брака и потому не законныя дочери Петра Вел. Соловьевъ, XXI, 199—200. Поповъ, Н. Придворные проповѣдники въ ц. Елис. Петр. Лѣтоп. Рус. Лит. 1859, стр. 25. Ср. также дѣло подполковника Ив. Степ. Лопухина 1773, ibidem, 286—291, 300.

[1]) Пунктъ 3-й не помѣщенъ г. Пекарскимъ почему-то и въ «Дополнительныхъ извѣстіяхъ касательно показаній Ивана Зубарева».

[2]) Историч. бумаги К. И. Арсеньева. Стр. 406—407. Въ той же запискѣ интересно и слѣд.: „А послѣ онаго по другому слѣдующемуся дѣлу открылось: «Московской Рогожской Ямской слободы ямщикъ Василій Коржавинъ показалъ: въ бытность де его, Василья, въ Россійскихъ

Все это Зубаревское дѣло,—быть можетъ одно изъ звеньевъ интриги, которою Австрія старалась привлечь на свою сторону императрицу Елизавету, чтобы вовлечь ее въ борьбу съ Пруссией,—имѣло послѣдствіемъ усиленіе ненависти императрицы къ Фридриху II. Вотъ что король писалъ по этому предмету въ своихъ Запискахъ: «Австрійцы, избавившись отъ стѣснительнаго для нихъ присутствія прусскаго посланника въ Петербургѣ, принялись интриговать: не стыдясь распускали ложные слухи и самую отвратительную клевету, лишь бы только возстановить императрицу Елизавету противъ короля. Они ее увѣрили, что прусскій король замышляетъ лишить ее жизни и возвести на престолъ Ивана Антоновича. Императрица повѣрила имъ на слово и возненавидѣла короля[1]).

Хлопоты объ отъисканіи епископа еще болѣе усилились у раскольниковъ—поповцевъ въ царствованіе Екатерины II, когда наконецъ пор-

---

городахъ отъ слободскихъ раскольниковъ слыхалъ, и въ 1745 году будучи въ польскомъ мѣстечкѣ Гомлѣ и... въ слободѣ Вѣткѣ, отъ Россійскихъ людей, бѣжавшихъ изъ Россіи и живущихъ тамо довольнаго числа видѣлъ всеусердное желаніе паки выѣхать въ Россію только съ тѣмъ, ежели высочайшая ея импер. величества будетъ до нихъ милость, чтобъ въ религіи ихъ имъ дать на волю и священниковъ откуда похотятъ, чтобъ также дать на волю и ежели они похотятъ на свой коштъ, чтобъ церковь построить, то бъ дозволить; и чтобъ ихъ на прежнія жилища не отсылать, и по прежнему помѣщикамъ и прочимъ командамъ не вѣдать, и отвели бъ имъ мѣсто въ Россійскомъ государствѣ, гдѣ они похотятъ, и вѣдомствомъ быть купцами или крестьянами е. и. в. и чтобъ промыслы и торги имѣть и заводы заводить имъ было вольно, а отъ солдатскова набору, также какъ и въ Стародубскихъ и Черниговъ. раскольническихъ слободахъ уволены, ихъ уволить. И ежели учинено будетъ съ ними въ силу е. имп. в. милость, то по крайней мѣрѣ до ста тысячъ въ скоромъ времени выѣдутъ... А поселиться имъ, по его, Коржавина, мнѣнію, весьма простойно ниже пороговъ по Днѣпру и при томъ мѣстѣ портовой городъ учредить; а другой выше пороговъ также не въ дальномъ разстояніи. Отъ того воспослѣдуетъ не малая казенная прибыль, а и люди оные пропавшіе будутъ государственные, отъ которыхъ нынѣ плода въ Россіи нѣтъ. Ibidem.

[1]) Mémoires de Frédéric II, p. 38.

валась плотно облегавшая расколъ цѣпь репрессалій, и раскольникамъ, какъ религіозной общинѣ, предоставлена относительная свобода въ гражданскомъ, общественномъ и религіозномъ положеніи. До 60-хъ годовъ XVIII в. мысль объ отъисканіи себѣ епископа болѣе занимала раскольниковъ зарубежныхъ и окраинныхъ; со временъ же Екатерины II эта мысль сдѣлалась почти общимъ достояніемъ русскихъ раскольничьихъ общинъ. Объ отъисканіи епископа стали теперь заботиться раскольники Московскіе, Петербургскіе, Стародубскіе, Тверскіе, Торжковскіе и др., конечно, въ болѣе развитой и понимающей свое церковное положеніе части, а не въ своей болѣе инертной и устойчивой въ старообрядствѣ массѣ. Лѣтописецъ Бѣляевъ разсказываетъ, что и въ Москвѣ, въ началѣ 60-хъ годовъ, когда тамъ «полномочнымъ изъ священниковъ» былъ *Іаковъ*, впослѣдствіи Климовскій, на всѣ толки объ архіерействѣ онъ одно твердилъ: „не надо намъ архіерея,—бѣда будетъ!“ Точно также, когда будто бы *Димитрій Сѣченовъ*, митрополитъ Новгородскій, обѣщался поставить Московскимъ раскольникамъ „архіерея по старопечатнымъ книгамъ и рукою мощей Филиппа митрополита, онъ же не согласился, и отъ того и въ дѣло не произведено: потому что онъ въ тѣ поры былъ полномощенымъ изъ священниковъ» (Лѣтоп. стр. 46). Къ первымъ же годамъ царствованія Екатерины II относится замѣчательное совѣщаніе о старообрядческомъ архіерействѣ, происходившее также въ Москвѣ, по нѣкоторымъ указаніямъ въ 1765 г., въ которомъ участвовали не только поповцы Московскіе и Стародубскіе, но и представители главнѣйшихъ безпоповщинскихъ согласій—Поморскаго и Ѳедосѣевскаго. Представители поповщинскаго согласія, Діаконовской фракціи, съ молодымъ инокомъ Никодимомъ во главѣ, въ виду общей снисходительности тогдашняго русскаго правительства къ раскольникамъ, предлагали обратиться къ православнымъ великороссійскимъ архипастырямъ для поставленія въ старообрядческіе епископы избраннаго общимъ совѣтомъ кандидата; но на такую мѣру, очевидно, не могли согласиться безпоповцы, признававшіе незаконнымъ даже принятіе бѣгствующихъ отъ православной церкви священниковъ,—и имъ-то, по всей вѣроятности, принадлежала высказанная на этомъ совѣщаніи мысль, чтобы «нужды ради сдѣлать премѣненіе закону». „Цѣлое миновало столѣтіе“, говорили послѣдніе, «какъ православная церковь постепеннаго священства лишилась, и мы остаемся безъ спасительныхъ таинствъ и

безъ пастырей. Въ смутное Никоново время, хотя и оставался Павелъ епископъ, за древлее благочестіе изгнаніе претерпѣвшій, но преемниковъ по себѣ никого намъ не оставилъ. Также при жизни его и послѣ, хотя и обрѣтались кое-гдѣ православные древніе священники, но и тѣ всѣ, Богу такъ опредѣлившу, прешли въ вѣчные кровы. Мы же, хотя последователи и ученики ихъ, но руковозложенія и освященія къ служенію въ Божіей церкви таинствъ ни единъ изъ насъ ничего не имѣетъ. И потому мы въ крайней нуждѣ и настоящемъ расточеніи находимся, нужда же всѣхъ средствъ, какія ведутъ къ точному исполненію всего въ законѣ, хранить и исполнять не обязана, но свободна»... Явилась мысль обойтись безъ посредства іерархіи въ дѣлѣ поставленія себѣ епископа, почему и стали искать церковныхъ правилъ, которыя могли бы оправдать такую постановку вопроса, и, конечно, не нашли. Нѣчто ободряющее наконецъ было найдено въ практикѣ древней отечественной церкви. Въ 1147 г. великій князь Изяславъ по своимъ соображеніямъ предложилъ русскимъ епископамъ поставить въ Кіевскіе митрополиты Климента Смолятича безъ сношенія съ Константинопольскимъ патріархомъ. Русскіе епископы въ большинствѣ находили невозможнымъ такое поставленіе. Тогда Черниговскій епископъ Онуфрій указалъ на такой выходъ: «есть у насъ глава св. Климента, якоже ставятъ греки рукою св. Ивана», что и было осуществлено. Представители старообрядческаго совѣщанія ухватились за этотъ фактъ, и рѣшили воспользоваться главою Іоанна Златаустаго, находившеюся въ Успенскомъ сособорѣ. Нашлись однакоже и на старообрядческомъ совѣщаніи люди, указывавшіе на нѣкоторую несообразность предпринимаемаго дѣла. Именно говорили: «произведеніе Климентово было не по закону, а по волѣ великаго князя Изяслава, и при томъ какъ сія тайна назыв. хиротонія, т. е. руковозложеніе, то лучше рукою св. Іоны митрополита или другаго нѣкоего святителя сіе учинить, подведя къ мощамъ ставленника, и отъ мощей руку на главу его возложа, и читавши принадлежащія молитвы, облачить новопоставленнаго во вся архіерейская». Предложеніе было принято всѣми. Увѣренность въ возможности осуществленія этого предложенія была такъ велика, что начали даже готовить архіерейское облаченіе, какъ будто архіерей уже былъ на лицо, и мечтать, что при существованіи старообрядческаго архіерея прекратится распаденіе раскола

на толки и скитающійся и разсыпанный мѣстами и мыслями народъ соберется во едино стадо, подъ властію одного архипастыря. Скоро однако послѣ того возникли новыя и еще болѣе серьезныя недоумѣнія. Если рукоположеніе и возможно совершить, читая молитвы и возлагая облаченія, то тотъ святитель, чья рука будетъ возложена, безъ сомнѣнія будетъ молчать, а это молчаніе способно привести въ сомнѣніе, согласенъ ли онъ на все то, что мы дѣлаемъ? Во вторыхъ, кто изъ насъ станетъ при этомъ «руковозлагательныя молитвы» читать, которыя не могутъ и не должны быть читаны никѣмъ, кромѣ архіерея? Всѣхъ поразило это возраженіе, и замыселъ о чрезвычайномъ поставленіи епископа былъ оставленъ; всѣ сознались, что такое поставленіе было бы несогласно ни съ словомъ Божіимъ, ни съ правилами св. отецъ[1]).

Со времени послѣдней попытки 1765 г. совмѣстныя усилія поповцевъ съ безпоповцами къ учрежденію старообрядческой іерархіи прекратились; замыселъ о соединеніи старообрядческихъ церквей во едино подъ верховнымъ руководствомъ старообрядческаго епископа былъ оставленъ, какъ неосуществимый. Извѣстно, что одинъ изъ безпоповщинскихъ представителей Московскаго совѣщанія 1765 г. Иванъ Васильевъ, впослѣдствіи монахъ Венедиктъ Чугуевскій, сильно вооружался потомъ противъ представителей поповщины, главнымъ образомъ противъ Вѣтковскихъ поповцевъ признававшихъ «вѣчную хиротонію», преемственную отъ св. апостолъ, и желавшихъ заимствовать себѣ архіерейство отъ православной іерархіи, по примѣру бѣгствующихъ священниковъ. Кромѣ извѣстнаго своего «Извѣщенія разглагольствія Тарасія съ Трифиліемъ» 1768 г., онъ написалъ еще два сочиненія противъ поповцевъ, именно: 15 вопросовъ къ старообрядцамъ поповщинскаго толка «О ихъ суевѣрномъ заблужденіи по предметамъ хиротоніи и крещенія Россійской церкви» и «Показаніе въ двухъ столбцахъ разности древней

---

[1]) Подробности о совѣщаніи 1765 г. даютъ: Виталій о церкви и раск., Макарьевская рукоп. К. Д. Ак., гл. 16, л. 75 об. и 105—108. Журавлевъ: Историч. изв. о раскол. М. 1890 г. ч. II, стр. 155 -158. ч. IV, стр. 287—288. Мельниковъ: Оч. поповщ. гл. VII, стр. 257—265. Субботинъ, Н. И. Ист. такъ назыв. Австрійскаго или Бѣлокриницкаго свящ. М. 1886 стр. 29—32. Макарій: Ист. раск. стр. 386—389.

и новой церкви». Общій тонъ этихъ его произведеній—отрицательное отношеніе какъ къ представителямъ православной іерархіи, такъ и ко всему ихъ ученію. Въ представителяхъ іерархіи онъ не видѣлъ подражателей Христова смиренія и преемниковъ его божественнаго ученія ни по ихъ житію, ни по ихъ дѣйствіямъ и богословскому ученію[1]).

---

[1]) О сочиненіяхъ Ив. Васильева подробности см. въ Опис. рукоп. А. И. Хлудова, составл. А. Поповымъ. М. 1872. № 288, стр. 556—558. Чт. Общ. Ист. и древ. Росс. 1873 г., кн. 1, стр. 37. Между прочимъ Иванъ Васильевъ въ первомъ сочиненіи разсказываетъ о своихъ *разговорахъ* въ 1767 г. съ нѣкоторыми православ. *школярами*. «Въ разговорахъ тѣхъ.... была у насъ рѣчь о церковныхъ преданіяхъ и о другихъ случаехъ бывшихъ въ древнія времена въ каѳолической церкви, которое бытіе доказывалъ я отъ правилъ апостольскихъ и соборныхъ, отъ честь миней и отъ прологовъ... На тѣ мои предложенія и доводы отвѣтствовали мнѣ они слѣд. образомъ: много де такихъ пустошей и бездѣлицъ напечатано есть въ церковныхъ книгахъ; да и въ самыхъ апостольскихъ и соборныхъ правилахъ не мало пустыхъ бредней находится, и мы де все то, кромѣ свящ. Библіи, почитаемъ за выдумки и человѣческая преданія, и ежели бы пожелалъ ты съ нами болѣе разговаривать, то бъ показали мы тебѣ и въ самой свящ. Библіи много такихъ мѣстъ, недостойныхъ пріятія; ибо и тамъ есть такіе апокрифы, которые отнюдъ не принадлежатъ до богодухновеннаго писанія. Однимъ словомъ сказать: я почти все то же самое нашелъ въ нихъ, что и въ лютерокальвискихъ списаніяхъ имѣется: не признаютъ они никакихъ мытарствъ воздушныхъ, ни рѣкъ огненныхъ, ни езеръ, ни тартара студенаго... А о воскресеніи мертвыхъ и о будущемъ судѣ и о безконечномъ царствіи чуть ли не тоже мудрствуютъ, что и Ориченъ проклятый въ книгахъ своихъ баснословитъ". Сказавъ о современныхъ ему философахъ и богословахъ, что они думаютъ, авторъ переходитъ далѣе къ разсказу о томъ, что они дѣлаютъ. „Самые престоловъ апостольскихъ намѣстницы и Христова смиренія подражатели и ученія его божественнаго преемницы, когда изволятъ путешествовать до храма Божія къ священнослуженію, тутъ доказываютъ они себя людьми духовными...: ѣдетъ онъ въ преогромной каретѣ въ самомъ тучномъ видѣ, въ сіяющемъ благолѣпіи, отъ персей его сыплются блистительные искры, ибо достоинства его знакъ весь осыпанъ есть бриліантами. Къ колесницѣ припряженъ

Со всѣмъ иныя мысли о православной церкви и православной іерархіи стали проводить съ тѣхъ поръ поповцы, въ особенности же инокъ Никодимъ, одинъ изъ представителей сначала московской поповщинской общины, а потомъ съ 1773 г. житель Стародубскаго посада Злынки, гдѣ онъ устроилъ Троицкую пустынь, болѣе извѣстную подъ именемъ Никодимовой. Они ясно теперь сознавали, что правильное устройство церкви заключается въ трехчинной іерархіи, что раздѣленіе раскола на толки и согласія произошло по причинѣ ихъ церковнаго неустройства, и что только правильнымъ устройствомъ церковной іерархіи и возможно возстановить разсыпанную храмину. Въ этихъ видахъ послѣ московскаго совѣщанія опять начались у поповцевъ усиленные «происки» о пріобрѣтеніи отъ православной церкви епископа. Извѣстно, что вскорѣ послѣ совѣщанія 1765 г. московские поповцы отправили инока Никодима съ купцомъ Иваномъ Андреевымъ Кузнецовымъ и монахомъ Іоакимомъ въ Гру-

---

шестероконный цугъ великаго удивленія; передъ нимъ то вершники скачутъ, то жезлоносцы предваряютъ, то кучеръ кричитъ. Когда онъ войдетъ въ храмъ Господень, какая тутъ ему бываетъ преужасная стрѣча: не успѣетъ онъ еще переступить ногою за прагъ церковный, то учрежденный на то хоръ піитовъ вдругъ какъ воскликнутъ великими голосами, то кажется что и мѣсто тое отъ своихъ основаній восколеблется. И такой то шумъ празднующихъ чрезъ всю церковную саужбу совершается... Здѣсь то сердце сокрушенное, здѣсь то духъ умиленія по Бозѣ! церковная пѣнія во устахъ, а увеселительная табака въ ноздряхъ... Для вящшаго у нихъ благоговѣнія къ Богу епископы и попове, и діакони подстригаютъ у себя усы; поддіаконы и діаки и пономари вычищаютъ бороды. Велможные люди, кто что любить, иной въ парикѣ, иной въ путрѣ, и въ разномъ видѣ одеждъ съ нѣмецкихъ манеровъ, женщины откровенными главами и обнаженною грудью, купцы, подъячіе и адвокаты тому же слѣдуя, пересыпавши свою волосы мукою, и съ подбритою бродою, туды же спѣшатъ и тащатся (л. 83). На семъ мѣстѣ подобало бы еще глаголати мнѣ о богомерзскихъ ихъ играхъ и забавахъ, и сатанинскихъ сборищихъ, идѣже совершаются у нихъ блудные маскарады, театральныя мечты, и мужеженскія фракомасоновъ ложы; но сего глаголати и писати отнюдъ невозможно...: срамно есть цѣломудренному слуху слышати». (Л. 84).

зію, надѣясь, что таможній католикосъ Антоній, совершенно независимый отъ Россійской церкви, рукоположитъ имъ самостоятельнаго епископа. На Грузію указалъ имъ Грузинскій же митрополитъ Аѳанасій, жившій въ то время въ Москвѣ и служившій при Архангельскомъ Кремлевскомъ соборѣ, котораго они предварительно просили о томъ же, и который, состоя подъ вѣдѣніемъ св. Синода, не счелъ возможнымъ удовлетворить ихъ желанію, какъ не имѣвшій самостоятельной каѳедры. Посольство отправилось на Кавказъ въ 1768 г.; но отъ предгорій Кавказа должно было поворотить назадъ, такъ какъ тамъ, въ виду первой турецкой войны, стояла уже русская армія подъ командно генерала де-Медема, не пропускавшая никого. Извѣстно также, что жившіе за Днѣпромъ поповцы около этого же времени отправляли отъ себя пословъ къ Крымскому митрополиту, прося его поставить имъ епископа, но и этотъ митрополитъ не согласился исполнить ихъ просьбу безъ разрѣшенія Константинопольскаго патріарха. Есть также извѣстіе, что около того же времени поповцы обращались и къ нѣкоторымъ великороссійскимъ архіереямъ, жившимъ на покоѣ, въ томъ числѣ къ святителю Тихону Воронежскому и др., съ приглашеніемъ поступить къ нимъ. Само собою понятно, что всѣ эти предложенія не могли имѣть успѣха. Говорятъ, что святитель Тихонъ на сдѣланное ему предложеніе отвѣтилъ: «къ чему же я приступлю? Пока вы сами еще пусты!».

Къ началу 80-хъ годовъ XVIII в. принадлежатъ еще двѣ попытки къ отъисканію на востокѣ и при помощи востока старообрядческаго архіерея, въ которыхъ дѣятельное участіе принималъ стародубскій инокъ Никодимъ, пришедшій тогда же къ мысли о болѣе правильномъ устройствѣ старообрядческаго раскола другимъ путемъ—открытою просьбою у русскаго духовнаго и гражданскаго правительства о законномъ священствѣ отъ великороссійской церкви съ епископомъ во главѣ. Время первой попытки относится къ 1780 г., второй—къ 1781 г.

Относительно той и другой попытки болѣе подробныя свѣдѣнія сообщаются лѣтописцемъ Яковомъ Бѣляевымъ. По его словамъ, 7 августа 1780 г., съ согласія чернаго попа Михаила Калмыка, Никодима, Московскаго купца Ивана Андреева Кузнецова и инока Герасима, „тайно отъ слобожанъ“, сугубо не долюбливавшихъ тѣхъ, кто заботился о пріобрѣтеніи старообрядческаго архіерея, отправленъ былъ на Востокъ го-

ловщикъ лѣваго крилоса Климовскаго Покровскаго монастыря Іоасафъ вмѣстѣ съ монахомъ Рафаиломъ, не разъ уже бывавшимъ въ Іерусалимѣ. Въ этой попыткѣ принимали участіе и Елисаветградскіе старообрядцы, въ особенности «первостатейный» между ними купецъ Иванъ Ивановъ Масленниковъ. Цѣлью путешествія Іоасафа и Рафаила было отысканіе на Востокѣ „стариннаго архіерея". Предполагалось, что Покровскіе монахи съумѣютъ кого либо изъ восточныхъ іерарховъ склонить, если не къ поставленію для старообрядцевъ особаго епископа, то по крайней мѣрѣ къ переходу въ старообрядчество и переселенію въ Россію. Такимъ образомъ это попытка очень напоминаетъ попытку сороковыхъ годовъ XIX в., окончившуюся пріобрѣтеніемъ такъ называемой Австрійской или Бѣлокриницкой старообрядческой іерархіи. По словамъ другаго современника, инока Виталія, обратившагося потомъ въ единовѣріе и написавшаго уже извѣстное намъ сочиненіе «О церкви и старообрядцахъ», попытка эта была двоедушна. Если Калмыку и Никодиму, какъ и другимъ искреннимъ сторонникамъ этой затѣи, было желательно найти на Востокѣ «стариннаго архіерея», то, съ другой стороны, головщику Іоасафу улыбалась возможность самому тамъ сдѣлаться архіереемъ, такъ какъ отъ Калмыка и Кузнецова, по словамъ Виталія, онъ былъ снабженъ «не одного тысящею золотыхъ». Въ Константинополѣ Іоасафу не удалось ничего добиться; за то посчастливилось на Аѳонѣ, гдѣ онъ 20-го мая 1781 г. былъ рукоположенъ во іеромонаха Герасимомъ, епископомъ Герсовскимъ и святогорскимъ Аѳонской горы, въ обители Симона Петра; но въ дальнѣйшихъ степеняхъ ему было отказано безъ согласія на то патріарха. Еще благопріятнѣе оказались сношенія Іоасафа съ антіохійскимъ патріархомъ Даніиломъ, отъ котораго онъ получилъ санъ архимандрита и посланъ былъ съ грамотою обратно для испрошенія милостиннаго подаянія. Грамота эти впослѣдствіи черезъ князя Потемкина въ 1790 г. предъявлена были Новородскому и С.-Петербургскому митрополиту Гавріилу, а послѣднимъ свят. синоду, въ переводѣ съ греческаго, и была издана потомъ Н. И. Григоровичемъ въ Рус. Архивѣ 1869 г., кн. X, стр. 1607—1609. Между прочимъ здѣсь патріархъ писалъ: „Да будетъ вѣдомо всѣмъ, что предъявляющій сію грамоту іеромонахъ Іоасафъ, уроженецъ области Лехискія, посвященъ рукоположеніемъ нашего о св. Духѣ брата и сослужителя, боголюбезнѣйшаго епископа св. Горы

господина Герасима во іеродіакона и пресвитера, какъ явствуетъ изъ даннаго ему отъ того же епископа свидѣтельства. И пришедъ на поклоненіе св. Гроба, былъ и у насъ въ Дамаскѣ и, видя несносныя подати, кои съ насъ взыскиваютъ, крайнюю скудость и лишеніе наше, враговъ—пакостителей, кои озлобляютъ насъ ежедневно, недостатокъ и малое число людей сего престола, побуждаемъ будучи милосердіемъ и являя христіанскую ревность къ православію, самопроизвольно восхотѣлъ нарѣщися человѣкомъ нашего апостольскаго престола и совершивъ обыкновенный обѣтъ возвратиться во свои предѣлы ради милостыни и помощи сему во упадокъ приходящему престолу. Въ разсужденіи сего, согласясь на его произволеніе и возлюбивъ божественное его намѣреніе, почтили и мы его, производя архимандритомъ нашего апостольскаго престола ради его честности. Итакъ, когда онъ возвратится во свои предѣлы, просимъ, чтобы, принявъ его съ радостнымъ и веселымъ лицомъ, споспѣшествовали помощію и милосердіемъ сему первоначальному апостольскому престолу, и чтобы каждый изъ васъ по произволенію подавали милостыню и помощь помянутому архимандриту Іоасафу, съ добрымъ намѣреніемъ и радостію»..... 1782 г., апрѣля 20. По словамъ лѣтописца Бѣляева и инока Виталія, Іоасафу былъ обѣщанъ и епископскій санъ, если онъ привезетъ 3 тысячи рублей или тысячу червонцевъ «на искупленіе плѣнныхъ». Такія рѣчи распускалъ самъ Іоасафъ въ Волощинѣ и въ Стародубьѣ. А обратно «ѣхалъ Іоасафъ Волощеною, на которыя слободы и посвятить его обѣщались», прибавляетъ при этомъ лѣтописецъ. Такова внутренняя подкладка Асафова архіерейства.

21-го ноября 1782 г. Іоасафъ возвратился съ востока «тайкомъ» въ слободской Покровскій монастырь, и нашелъ, что большинство его прежнихъ сторонниковъ, въ томъ числѣ инокъ Никодимъ, находились уже подъ другимъ вліяніемъ. Правда, нѣкоторые изъ нихъ съ жаромъ ухватились за будущее его архіерейство; но большинство стояло на сторонѣ того же инока Никодима, какъ разъ пришедшаго въ то время къ мысли, просить священство отъ той церкви, отъ которой прежде старообрядцы отлучились, а потому, чтобы быть сынами Россійской церкви, и находили дѣло Іоасафа «законопротивнымъ» и «нетвердымъ» по фундаменту. Видя неудачу въ Стародубьѣ, Іоасафъ съ Кузнецовымъ вскорѣ отправился въ Москву «ради совѣту съ Московскими купцами и съ про-

чими и о собраніи вышереченныхъ денегъ», надѣясь тамъ привлечь къ своему дѣлу болѣе сочувствующихъ. Надежда его не обманула; сочувствующіе явились, какъ частію и деньги. Скоро до Стародубья стали доходить вѣсти, что „со многихъ странъ хотѣли съѣхаться ко Асафу, чтобы посылать его при свидѣтельствѣ въ тѣ мѣста, гдѣ онъ нашелъ благочестіе, поставить во архіепископа". При такихъ условіяхъ сторонники «Никодимова предпріятія благословеннаго священства» начали всѣми зависящими отъ нихъ средствами противодѣйствовать дѣлу Іоасафа и ускорять свое собственное дѣло. На одномъ изъ многочисленныхъ собраній сторонниковъ Никодима въ Покровскомъ монастырѣ въ мартѣ 1783 г. рѣшено было «Асафову ложь публично обличить и, сочиня о немъ исторію, послать въ знатныя мѣста придержащимся старообрядчества, понеже всѣ прельстились повсюду фальшею его, что онъ вездѣ разславилъ, якобы нашелъ христіанскихъ архіереовъ, отъ которыхъ и посвятился во архимандриты, и при томъ сбиралъ деньги якобы ради проѣзду въ такія мѣста и ради произведенія во архипастыря, а самымъ дѣломъ, какъ Рафаилъ доказывалъ, чтобы собрать собственныя въ такихъ проѣздахъ исхарченныя деньги свои сотъ до пяти»... Исторію сочинилъ Никодимъ съ Яковымъ Бѣляевымъ и Герасимомъ и представилъ въ скорости въ Покровскій монастырь на свидѣтельство. 16-го марта на такомъ же собраніи сторонниковъ Никодима было порѣшено: „Исторію яко достовѣрную подписавши соборне обнародовать; Никодимово дѣло, ни мало не упущая времени, яко всенужное представить св. Синоду; ѣхать въ С.-Петербургъ: Никодиму, о. Евдокиму, Якову Бѣляеву и Ивану Григорьеву... Да на томъ же собраніи приказано: Никодиму къ графу Румянцову съѣздить спроситься и помощи въ предпріятомъ дѣлѣ попросить». Когда вскорѣ возвратился Іоасафъ изъ Москвы, то уже не посмѣлъ самъ явиться въ Покровскій монастырь, удалившись въ польскія раскольническія слободы, а только прислалъ своего казначея--Кузнецова, скоро перешедшаго на сторону Никодима и собранными для Іоасафа деньгами помогавшаго потомъ предпріятію Никодима.

Относительно второй стародубской старообрядческой попытки 1781 г. добыть себѣ епископа имѣются слѣд. данныя. 13-го Января 1781 г. Никодимъ получилъ извѣстіе отъ діаконовцевъ слободы Борской, что въ

Могилевѣ Подольскомъ проживаетъ греческій м. *Евсевій*, съ которымъ и вошли въ сношеніе Борскіе діаконовцы о поставленіи старообрядческаго архіерея. Ознакомившись сначала черезъ толмача, а потомъ и письменно съ вѣрою старообрядцевъ, Евсевій будто бы увѣрился, что ересей они никакихъ не содержатъ, а потому и рѣшился посвятить имъ изъ ихъ же среды епископа, и даже далъ о томъ за своего рукою письмо. Съ этимъ благопріятнымъ извѣстіемъ и явились депутаты Борскихъ діаконовцевъ 13-го января къ Никодиму, чтобы посовѣтоваться съ нимъ и съ Покровскою обителью о такомъ важномъ для старообрядства дѣлѣ. Когда Никодимъ съ посланными изъ Борской депутатами и иноками Рождественскаго діаконовскаго монастыря явился въ Покровскую обитель и объявилъ о цѣли ихъ пріѣзда, строитель послѣдней Калмыкъ собралъ въ своей часовнѣ «для совѣта» иноковъ совмѣстно съ прибывшими. На этомъ собраніи прежде всего устьщикъ Рождественскаго монастыря Авраамій торжественно заявилъ что «они всѣ (иноки монастыря) соборнѣ согласны поставить архіерея, и что съ ними согласна слобода Злынка и Зыбковскіе нашего согласія и прочихъ слободъ діаконовцы». Иныя рѣчи послышались отъ иноковъ и бѣльцевъ Покровской обители; хотя нѣкоторые и изъ нихъ выражали желаніе имѣть своего архіерея, но и тѣ желали добыть его, во-первыхъ, «согласно съ законами», во-вторыхъ желали «испытать» о митрополитѣ, «не подозрительный ли онъ» и «не состоитъ-ли подъ какою-либо виною». По словамъ лѣтописца, «цѣлая половина иноковъ-простаковъ» была не на сторонѣ новой затѣи; если бы „самъ ап. Петръ, сшедши съ небесъ, рукоположилъ имъ архіерея, то они не повѣрили бы и по привычкѣ своей сказали бы: намъ лучше безъ архіерея! Иной сказываетъ: со архіереемъ гоненіе будетъ, а иной боится страха, въ чемъ страха нѣтъ, и раздору не было бы». Когда зашла рѣчь о кандидатахъ на архіерейство, то какъ Вѣткотцы, такъ и Діаконовцы старались выдвинуть своего кандидата; послѣдніе боялись, чтобы Вѣтковскій кандидатъ «не притѣснилъ ихъ кажденія» и не поворотилъ все дѣло старообрядства по своему. Съ своей стороны Вѣтковцы не хотѣли уступить своего «первенства» Діаконовцамъ. Въ видахъ примиренія интересовъ тѣхъ и другихъ Никодимъ предложилъ послать по кандидату въ архіереи изъ трехъ монастырей—Покровскаго, Рождественскаго и Успенскаго, и чтобы самъ митрополитъ потомъ выбралъ любаго

изъ нихъ по жеребью. И это предложеніе не прошло, такъ какъ ни та ни другая сторона не соглашались поступиться своими правами при выборѣ кандидата во архіереи, и «Никодимъ болѣе на дьяконову сторону тянулъ, того ради умышленно и опровергалъ, якобы тотъ недостоинъ и оной тоже». Вдобавокъ тутъ столкнулись и личныя честолюбивыя намѣренія со стороны Никодима и Калмыка. О Никодимѣ лѣтописецъ Бѣляевъ разсказываетъ, что ему самому «посвятиться хотѣлось» и что „хотя онъ на то и достоинъ, только на него не соглашались съ нашей стороны, что много простымъ людямъ стало имя его горько и вси изъ него сомнѣвались". Не прочь былъ архіерействовать и Калмыкъ; „отцы и говорили о. Михайла послать", но боялись, что „за природу (калмыцкую) не посвятитъ митрополитъ". Такъ и на этотъ разъ у Вѣтковцевъ съ Діаконовцами расклеилось совмѣстное искательство архіерея. Дѣло продолжали одни Діаконовцы, и 1-го февраля 1781 г. повезли въ Могилевъ выбраннаго ими кандидатомъ во архіереи священноинока Іосифа Островскаго, «а на подставу о. Тихона; поѣхалъ же съ ними и казначей инокъ Герасимъ, да двое съ разныхъ слободъ вѣры достойные люди, ради свидѣтельства, со общаго ихъ между собою совѣта, какъ иночествующихъ, такъ и мірскихъ. А денегъ съ собою повезли слишкомъ пятьсотъ; Никодимъ при мнѣ», разсказываетъ лѣтописецъ, „далъ сто рублей на Каменкѣ о. Іосифу въ руки, да своихъ взяли монастырскихъ; иные тожъ богатые въ помощь давали»[1]).

Почти одновременно съ отправленіемъ Іосифа въ Могилевъ отправленъ былъ Никодимомъ слобожанинъ Артамонъ Макаровъ съ товарищемъ въ Нѣжинъ, Кіевъ и другія мѣста для собиранія свѣдѣній о самомъ м. Евсевіи. Въ Нѣжинѣ Макаровъ нашелъ какого-то «серебренника, полугрека», жившаго будто бы у Евсевія въ Могилевѣ и сообщившаго развѣдчикамъ что «Евсевій лѣты не старъ, развѣ есть 40 лѣтъ»; что онъ

---

[1]) Іосифа Островскаго—діаконовскаго кандидата во архіереи—инокъ Виталій такъ характеризуетъ: „Іосифъ мужъ старъ лѣты, сѣдинами украшенъ, самой простой позитуры и ума коловратнаго, въ разговорахъ неучливъ и запинателенъ, къ тому же и малограмотенъ, притворное воздержаніе имѣлъ, да часто обѣдни литургисалъ, за то много народъ приверженность къ нему имѣлъ". гл. XIV, стр. 109—110.

роду богатаго, икаріакъ; что мать его прежнему султану турецкому мамкой была; что, пользуясь покровительствомъ своего молочнаго брата, Евсевій получилъ званіе митрополита или экзарха „Ипетскаго, еже сказуется Сербскаго", и что по смерти этого султана онъ безъ вины былъ патріархомъ отставленъ отъ митрополіи и бѣжалъ въ Яссы, а оттуда въ Варшаву, Кіевъ и потомъ Могилевъ. Изъ Кіева развѣдчики писали Никодиму 10-го марта, что они развѣдывали о появившемся въ Подоліи митрополитѣ греческомъ въ Софійскомъ монастырѣ и узнали, что онъ «не запрещенъ и неизверженный», что подъ нимъ было 10 епископовъ, что жилъ онъ въ Кіевѣ «безъ опредѣленія» въ Никольскомъ и Кириловскомъ монастыряхъ, и, не захотѣвъ жить подъ началомъ, удалился изъ Кіева въ Польшу. Въ Кіевѣ же развѣдчики узнали, что въ Польшѣ король далъ Евсевію грамоту „устроить церковь", что на него была жалоба Кіевскому митрополиту отъ Переяславскаго епископа за незаконное вмѣшательство Евсевія въ дѣла его епархіи, въ составъ которой входили и всѣ православныя церкви въ Подоліи, что по опредѣленію св. Синода указано было ему жить въ Андроніевомъ монастырѣ съ жалованьемъ въ 300 руб. Послѣдующихъ писемъ Макарова съ товарищемъ лѣтописецъ не приводитъ.

Свѣдѣнія, добытыя Макаровымъ о Евсевіи, отчасти совпадаютъ съ оффиціальными о немъ свѣдѣніями, указанными въ статьѣ протоіерея П. Орловскаго: «Странствующій архіерей (1777—1778 гг.)» (Кіев. Стар. 1896 г., кн. 1, стр. 78—100), за исключеніемъ сказки о молочномъ родствѣ съ султаномъ, о чемъ не говорилъ самъ Евсевій протоіерею Бѣлявскому, собиравшему о немъ свѣдѣнія по порученію м—та Гавріила въ 1778 г., какъ и дѣйствительности его архіерейства. Статья главнымъ образомъ основана на дѣлѣ Кіевской духовной консисторіи 1778 г., № 13, на 53 л., «о пріѣздѣ съ заграницы м. Призремскаго Евсевія, временномъ его здѣсь прожитіи и неизвѣстности выѣзда его съ города» и свѣдѣніяхъ о Евсевіи, собранныхъ покойнымъ М. О. Кояловичемъ въ синодальномъ архивѣ и помѣщенныхъ имъ въ книгѣ - «Исторія возсоединенія западнорусскихъ уніатовъ старыхъ временъ». Спб. 1873. Изъ этихъ данныхъ оказывается, что Евсевій былъ весьма сомнительнымъ митрополитомъ. Таковые нерѣдко появлялись въ православныхъ предѣлахъ Польши XVIII в. Евсевій въ Кіевѣ не представилъ митрополиту своей архіерейской гра-

моты и тѣхъ открытыхъ патріаршихъ грамотъ, которыми якобы ему разрѣшалось вездѣ священнослуженіе. О сомнительности его архіерейства говоритъ и его буйный нравъ и разныя скандальныя похожденія, какъ въ Кіевѣ, такъ и въ бытность его въ Подольской губерніи.

По словамъ лѣтописца Бѣляева, старообрядцамъ не удалось Іосифа въ архіереи поставить потому, что не застали м. Евсевія въ Могилевѣ: онъ «отлучился по требованію отъ своего патріарха грамотою увѣщательною, обѣщавающею ему паки престолъ свой держать». По словамъ тогдашняго намѣстника Немировской протопопіи Василія Саржинскаго, Евсевій поѣхалъ въ Варшаву съ жалобой на уніатовъ, съ которыми у него въ то время сильно обострились отношенія и дошли даже до вооруженной борьбы. Изъ Варшавы ему не удалось снова пробраться въ Подолію; въ маѣ 1781 г. видѣли его уже въ Сочавѣ. Въ сентябрѣ того-же года о предпріятіи Іосифа узналъ и Сенатъ и предписывалъ графу Румянцову, какъ намѣстнику Малороссіи, а послѣдній Кіевской губернской канцеляріи, «о таковомъ раскольниковъ впредь въ православной церкви предпріятіи имѣть примѣчаніе» (Лѣт., стр. 279)[1]).

---

[1]) О появленіи и дѣятельности *Евсевія* въ предѣлахъ Россіи имѣются слѣд. свѣдѣнія. Первоначально онъ встрѣтился въ Молдавіи съ фельдмаршаломъ гр. Румянцовымъ, назвалъ себя Призремскимъ м-томъ, спасающимъ бѣгствомъ свою жизнь отъ смертной казни, къ которой былъ приговоренъ за Черногорское возмущеніе Портой, и былъ на нѣкоторое время оставленъ при арміи въ качествѣ проводника, хорошо знакомаго съ придунайскими мѣстностями. Еще до выхода отсюда русской арміи, около половины 1777 г., съ разрѣшенія гр. Румянцова, онъ отправился въ предѣлы нынѣшней Подол. губ. и до 28 мая 1778 г. проживалъ сперва въ Могилевѣ на Днѣстрѣ, а потомъ въ Немировѣ. Здѣсь, какъ признанный въ архіерейскомъ санѣ русскимъ фельдмаршаломъ, онъ беспрепятственно священнодѣйствовалъ и посвящалъ въ священника всѣхъ желавшихъ. Появленіе въ Подоліи православ. архіерея было крайне не по душѣ тамошней уніатской іерархіи, значительно усилившейся послѣ усмиренія Колiивщины и Гайдамацкаго бунта въ Чигиринщинѣ, Смѣлянщинѣ и Уманьщинѣ, такъ какъ разстраивало планы послѣдней о полномъ истребленіи православія въ краѣ. Смущало оно и высшую русскую іерархію. Въ силу секретнаго предписанія Петер-

Всѣ эти неудачи и препятствія къ отъисканію старообрядче-

бургской коллегіи ин. дѣлъ, основаннаго на ходатайствѣ св. Синода. обезпокоеннаго появленіемъ среди православнаго населенія Подоліи сомнительнаго архіерея, гр. Румянцовъ приказалъ генералъ-маіору Ржевскому переселить Евсевія изъ Могилева въ Немировъ, а потомъ въ Кіевъ, куда онъ и прибылъ 29 мая 1778 г. Здѣсь онъ былъ сперва помѣщенъ и продовольствованъ въ Пустынно—Никольскомъ монастырѣ въ теченіи 436 дней, потомъ, вслѣдствіе его жалобы на недостаточность своего продовольствія и содержанія, былъ переведенъ въ Кирилловскій. откуда тайкомъ скоро и убѣжалъ въ Польшу (14 окт. 1779 г,). Въ началѣ 1780 г. Евсевій былъ уже въ Варшавѣ, получилъ отъ короля Станислава Понятовскаго какую-то грамоту, дозволявшую ему архіерействовать надъ православными въ Подоліи и Брацлавщинѣ, съ которою и явился вскорѣ въ Могилевъ на Днѣстрѣ. Здѣсь онъ пріобрѣлъ домъ, служилъ въ греческой церкви и рукополагалъ ставленниковъ; но, тѣснимый уніатскимъ оффиціаломъ Любинскимъ, въ октябрѣ 1780 г. переселился въ Немировъ, гдѣ было не мало грековъ, сербовъ и волоховъ, которымъ покровительствовалъ гр. Викентій Потоцкій, въ видахъ развитія торговли и промышленности. Тутъ у Евсевія явилась мысль устроить свою Консисторію, а также разослать правосл. священникамъ приказъ явиться къ нему и представить обстоятельные репорты объ обидахъ, наносимыхъ православнымъ отъ помѣщиковъ, посессоровъ и уніатскихъ поповъ. Явившимся священникамъ онъ объявилъ, что «онъ— митрополитъ, отъ е. в. короля польскаго имѣетъ у себя грамоту о бытіи ему тамо и защищеніи православныхъ отъ уніатовъ». Кромѣ Немировской протопопіи онъ литургисалъ и рукополагалъ и въ Брацлавской. И въ Немировѣ враждебное отношеніе уніатовъ къ Евсевію и православнымъ не прекращалось и наконецъ выразилось въ открытомъ столкновеніи между ними. Вышеупомянутый Любинскій съ 60-ю уніатскими попами и дьячками поѣхалъ въ с. Войтовцы», приходъ намѣстника протопопіи Саржинскаго, «отбилъ приходскую его православную церковь..., жену, дѣтей и домашнихъ разогналъ и все имѣніе заарестовалъ». Защищать намѣстника и православныхъ въ Войтовцахъ явился самъ Евсевій, имѣя при себѣ около 10 немировскихъ грековъ, вооруженныхъ саблями и пистолями, и велѣлъ народу бить уніатовъ за гвалтовныя нападенія на православныя церкви. Послѣ того, по возвращеніи въ Неми-

скаго архіерейства не ослабляли энергіи Никодима, а скорѣе болѣе

ровъ, Евсевій отправился въ Варшаву съ жалобой на дѣйствія уніатовъ Польскому королю. Такъ доносилъ потомъ еп. Переясловскому Иларіону о. Саржинскій. Въ слѣдъ за донošеніемъ намѣстника, еп. Переяславскій вошелъ въ св. Синодъ съ жалобой на Евсевія на незаконое вмѣшательство въ дѣла его епархіи, въ составъ которой входили и всѣ православ. церкви въ Подоліи и Брацлавщинѣ. Вслѣдствіе переписки св. Синода съ иностр. коллегіею, русскій посолъ въ Варшавѣ получилъ предписаніе домогаться высылки Евсевія изъ Польши, и домогательство это имѣло рѣшающее вліяніе на исходъ дѣла. Почти одновременно съ жалобой переяслав. епископа и Славенскій и Херсонскій архіеп. Никифоръ Өеотоки прислалъ въ св. Синодъ доношеніе Елисаветградскаго протоіерея Димитрія Смолодовича: «Слухомъ мнѣ извѣстно учинилось, что нѣякой волоскій архіерей, кой назыв. себя роднымъ братомъ волоскаго жъ господаря, казненнаго Турками, проживая нынѣ въ Польскомъ мѣстечкѣ Могилевѣ, нѣсколько человѣкъ произвелъ во священство. Раскольники Стародуб. слободъ, прослыхавъ о таковомъ его дѣйствіи, просили его о поставленіи имъ епископа и, будучи онъ разными образы уласканъ отъ раскольниковъ, обѣщался просьбу ихъ исполнить, а раскольники таковымъ его обнадеживаніемъ будучи обрадованы, прошедшаго февраля среднихъ чиселъ 1781 г. повезли къ нему для посвященія во епископа іером. Іосифа изъ діаконовскаго раскольническаго скита, чему очевидніи у насъ суть свидѣтели. Но поелику оный архіерей въ мартѣ первыхъ чиселъ изъ Могилева отъѣхалъ въ Варшаву къ Польскому королю съ жалобой на духовную уніатскую власть, то раскольники, не заставъ его въ Могилевѣ, дожидаются съ кандидатомъ своимъ въ с. Борскомъ его прибытія». (М. О. Кояловичъ. Ист. возсоедин. уніатовъ, стр. 178). Объ этой попыткѣ упоминаетъ и о. Журалевлевъ въ своемъ «Полн. историч. изв. о раск.» (М. 1890 г. ч. IV, стр. 288), вѣроятно на основаніи синодскаго дѣла о томъ. Сомнѣвались въ архіерействѣ Евсевія въ Кіевѣ во время его тамошняго пребыванія, какъ потому, что онъ велъ себя не такъ, какъ подобало архіерею (неумѣренное пьянство и буйный, особенно во хмѣлю, нравъ), такъ и вслѣд. непредставленія м. Гавріилу архіерейской грамоты и патріаршихъ грамотъ на разрѣшеніе священнослуженія. Самозванство Евсевія признано было потомъ и св. Синодомъ, именно въ 1794 г., предъ возсоединеніемъ украинскихъ уніатовъ съ православною церковью.

и более ее усиливали и выдвигали къ осуществленію давнюю его мысль, что церковь безъ епископа не есть истинная церковь, что правильное устройство раскола возможно только при посредствѣ епископа и законнаго священства. Обстоятельства благопріятствовали и практическому ея осуществленію. Вскорѣ послѣ извѣстнаго Московскаго перемазанскаго собора 1779—1780 г.,—по вопросу о чинопріятіи бѣгствующихъ отъ Россійской церкви іереевъ, на которомъ Никодимъ весьма убѣдительно раскрылъ несостоятельность защищаемаго Рогожскимъ Кладбищемъ обычая подвергать мгропомазанію священниковъ, принимаемыхъ отъ церкви «въ сущемъ ихъ санѣ», вслѣдствіе чего Діаконовцы вмѣстѣ съ Михаиломъ Калмыкомъ отдѣлились отъ Рогожскаго Кладбища и составили меньшинство въ тогдашней поповщинѣ,—Славенскій и Херсонскій архіепископъ Никифоръ Ѳеотоки разрѣшилъ раскольникамъ устроить храмъ съ правомъ служить по старопечатнымъ книгамъ. Это разрѣшеніе было дано 14-го февраля 1780 г., а въ іюлѣ мѣсяцѣ того-же года, когда церковь была устроена, самъ освятилъ ее въ с. Знаменкѣ, Александрійскаго уѣзда, нынѣшней Херсонской губерніи, и такимъ образомъ грекъ—архіепископъ сталъ въ данномъ

30-го іюня преосв. Викторъ Садковскій, выдавая одобренную св. Синодомъ инструкцію игуменамъ и протоіереямъ, на которыхъ былъ возложенъ трудъ возсоединенія Украинскихъ уніатовъ, въ § 10 ея такъ писалъ: „въ случаѣ недостатка и необходимой надобности въ священникахъ, для снабдѣнія оными новоприсоединенныхъ прихожанъ и церквей, назначить до дальшаго времени и священниковъ, рукоположенныхъ волоскими православными архіереями, кромѣ извѣстнаго сумнительнаго митрополита Евсевія, буде, при разсмотрѣніи о священствѣ ихъ документовъ и др. письменныхъ видовъ, въ запрещеніи священнослуженія и подобныхъ тому важныхъ сумнѣніяхъ не окажутся“... Далѣе, не только сомнѣвался въ архіерействѣ Евсевія Черногорскій м-тъ Савва Петровичъ, но положительно не признавалъ его архіереемъ. Евсевій странствовалъ по Черногоріи въ концѣ 1774 г. Въ журналѣ „Магазинъ Сербско-Далматинскій“ за 1872 г. напечатана грамота, выданная Евсевіемъ 12 января 1775 г. о производствѣ имъ въ санъ протоіерея сербскаго священника Иліи Поповича. Такого производства не признавалъ дѣйствительнымъ Черногорскій м-тъ и предписалъ Поповичу свою протоіерейскую грамоту выслать ему въ Станевичскій монастырь, такъ какъ „она выдана Евсевіемъ не архіереемъ“...

случай на ту дорогу, которая въ XVII в., при образованіи раскола, была засорена греками же. Вѣсть о Знаменской церкви быстро распространилась между старообрядцами, и въ особенности въ Стародубьѣ произвела довольно сильное движеніе въ кружкѣ Никодима и его ближайшихъ сторонниковъ. Уже въ концѣ 1780 г. близкій человѣкъ къ Никодиму, Яковъ Бѣляевъ, лѣтописецъ, знакомый съ современными условіями и теченіями старообрядческой тогдашней жизни, писалъ въ своемъ «Нѣкоторомъ Предувѣдѣніи»: Я думаю надо быть архіерею у насъ въ недолгомъ времени или отъ Царяградской стороны, или отъ Россійской. А если Всевышняго судьба опредѣлила не быть архипастырю, то будутъ священники у насъ подъ титлою архипастырства Россійскаго изъ нашихъ поставлены достойные, съ вѣдома синодальнаго, на нашихъ воляхъ, въ старообрядочествѣ, *на подобіе Знаменской церкви»*... И какъ только «остановится отъ государей» такая церковь, мечтаетъ лѣтописецъ, «милость увидитъ, и станетъ расти отъ силы въ силу, и будетъ всѣхъ исправнѣй за тѣмъ, что сильные учители будутъ у этой церкви святой и совершенно обличатъ всѣ несогласующіяся съ собою секты, какъ то безпоповскія и ерженскія и прочихъ, и побѣдить ихъ не могутъ... Скажу, что въ свѣтѣ чистѣйшей той церкви сыскать не надѣюсь, за тѣмъ, что съ древнѣйшею церемоніею чистѣйшее священство... И станутъ всѣ эти лѣта стодвадцать за простоту считать—ни правыхъ, ни виноватыхъ, но судьбы-де Божіи такъ произвели, и за то скорбѣть не станутъ»... (Лѣт., стр. 202—203). Самъ Никодимъ въ бесѣдахъ среди своихъ сторонниковъ въ Покровскомъ и своемъ монастырѣ, частію записанныхъ лѣтописцемъ, «предуготовляя нѣкоторыхъ мысли, облегчалъ Россію, и всѣ тѣ дѣйствы, которыя нашими представлялись за великія ереси, тѣ онъ подъ политикою хитро выводилъ, что это церкве дано и суть церемоніи, и церковь власна перемѣнять», что «архіерейство въ Россіи безпорочное, хотя де и есть нѣкоторые недостатки, однако можетъ благодать дѣйствовать» (Лѣт., стр. 191 и др). Въ началѣ 1781 г. Никодимъ заводитъ уже сношенія чрезъ своего старца Арсенія, бывшаго за милостыней въ С.-Петербургѣ, съ Новгородскимъ и С.-Петербургскомъ архіепископомъ Гавріиломъ о возможности соединенія старообрядцевъ съ православною Россійскою церковію. (Лѣт., стр. 225). На возможность такого соединенія съ церковію въ концѣ іюля тогоже года обратилъ вниманіе Никодима и намѣстникъ

Малороссіи, графъ П. А. Румянцовъ, когда онъ былъ у графа въ Вишенкахъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ Михаиломъ Калмыкомъ и инокомъ Діаконова монастыря Аврааміемъ, по дѣлу «о свободѣ окладныхъ денѣгъ на иноковъ и рекрупкаго набора». Въ разговорѣ графъ при случаѣ сказалъ имъ, что „пора вамъ присоединиться ко св. церкве; вамъ дано будетъ на всѣхъ старообрядочествахъ, только будьте съ церковью согласны. Я бы о васъ постарался». По пріѣздѣ отъ графа, разсказываетъ лѣтописецъ, «Никодимъ явно открылся при всѣхъ, что я согласенъ Россійское священство приглашать публично, только бы допущено было съ нашимъ старообрядчествомъ» (Лѣт., стр. 254). Еще раньше того Никодимъ поручилъ отправлявшемуся въ Москву и Петербургъ иноку Герасиму Князеву обратиться къ членомъ Синода и просить у нихъ наставленія, какъ имъ, старообрядцамъ, приступить къ исполненію своего предпріятія. Въ Москвѣ Герасимъ былъ у архіепископа Платона, въ Петербургѣ—у архіепископовъ Гавріила, Иннокентія, членовъ Синода, и князя Г. А. Потемкина, и вездѣ къ мысли Никодима будто бы относились сочувственно и совѣтовали подать прошеніе о томъ въ св. Синодъ. Въ сношеніяхъ Герасима съ синодальными членами и княземъ Потемкинымъ принималъ участіе и Зыбковскій житель Григорій Ѳедоровъ Ворона, въ 1780 г. присоединившійся изъ раскола въ С.-Петербургѣ къ церкви и имѣвшій „не малую милость у генерала Потемкина". По пріѣздѣ изъ Петербурга въ слободской Покровскій монастырь 20-го августа, этотъ Ворона «по краткихъ словесахъ началъ раздавать книжицы новопечатныя Іоанна Златоустаго, изъ бесѣдъ выбранныя, о почтеніи священническаго сана и о церкве, да еще тетрадку Кипріяна священномученика изъ книги о архіерействѣ, и роздалъ ихъ до десятка». Пріѣхавшій же вмѣстѣ съ нимъ Герасимъ разсказывалъ, „какъ онъ былъ въ Синодѣ и у всѣхъ членовъ синодальныхъ, какъ просилъ священства у Гавріила, Иннокентія и Платона архіереевъ, также у Потемкина, которые безпримѣрную милость обѣщались показать, самымъ дѣломъ дать хоть архіерея, если большое число будетъ согласныхъ, а малому священниковъ, которыхъ посвящать изъ нашихъ и на всѣхъ нашихъ старообрядочествахъ быть, какъ по старопечатнымъ книгамъ служить, такъ и въ два перста молиться... и клятву на насъ бывшую отъ вселенскихъ патріарховъ разрѣшить..., и раскольниками не называть», требуя, съ своей стороны, чтобы старообрядцы молились только за св. Си-

нодъ и Благовѣрную Государыню. Мало того, Потемкинъ обѣщалъ даже будто бы выпросить для старообрядцевъ у Государыни 20т. на церковь и прочія милости (Лѣт., стр. 259—260). Вѣсти, привезенныя изъ Петербурга Герасимомъ и Вороной, дали основаніе Никодиму въ сентябрѣ 1781 г. войти въ письменныя сношенія съ архіеп. Гавріиломъ и княземъ Потемкинымъ по вопросу о соединеніи старообрядцевъ съ православною Россійскою церковію. Переписка эта давно извѣстна изъ книги протоіерея Т. Верховскаго: „Исканіе старообрядцами въ XVIII в. законнаго архіерейства". Спб. 1868. Вошла она и въ издаваемую нами „Лѣтопись" Якова Бѣляева. Велась она черезъ вышеупомянутаго Ворону. Сущность этой переписки сводится къ тому, что нѣкоторые старообрядцы съ Никодимомъ во главѣ желаютъ войти въ условное соединеніе съ церковію, или, какъ выражается самъ Никодимъ въ письмахъ къ архіеп. Гаврiилу и кн. Потемкину, желаютъ „быть подъ паствою архипастыря съ тѣмъ, дабы у насъ неотложну быть древлегрекороссійскія церкви чиносодержанію по старопечатнымъ книгамъ, со отложеніемъ пореченіевъ и клятвъ на то чиносодержаніе, о чемъ въ новоизданныхъ книгахъ напечатанныхъ явственно показуется". Эти „пореченія" и „клятвы" издавна смущали совѣсть старообрядцевъ; смущали онѣ и Никодима и его сторонниковъ. Что отвѣчали на просьбу Никодима архіеп. Гавріилъ и кн. Потемкинъ—неизвѣстно; извѣстно только то, что со времени извѣстнаго намъ сообщенія Герасима и отправленія Никодимомъ вышеупомянутыхъ писемъ происходили у Никодима и его сторонниковъ частыя совѣщанія, по большей части тайныя, такъ какъ и среди стародубскихъ иноковъ было большинство не на сторонѣ Никодима, не говоря же о массѣ старообрядческой, видѣвшей тутъ какую-то «новую вѣру». На этихъ совѣщаніяхъ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ замѣчаній лѣтописца, рѣчь шла главнымъ образомъ о разныхъ «сумнительствахъ о великороссійской церкви». «Еще же», говоритъ Бѣляевъ въ письмѣ къ Воронѣ отъ 10-го сентября, „отцамъ искомо было службу отправлять по старопечатнымъ книгамъ и въ нашихъ собственныхъ старообрядочествахъ; второе: если-де они (православные) поливательное крещеніе съ погружательнымъ считаютъ за равносильное, и то-де намъ сомнительно; третіе: подалибъ де намъ вмѣсто клятвы благословеніе; четвертое: отвели бы наше сомнѣніе въ нѣкоторыхъ новопечатныхъ книгахъ написанное, какъ въ

Розыскѣ о равноухомъ, во Обличеніи отъ нѣкоего горшаго черта двоеперстное сложеніе, а во иныхъ арменскимъ порицается, которое какъ къ приступу путь преградило—сказать нельзя». (Лѣт., стр. 268). Всѣ эти «сумнительства» и рѣшился изложить Никодимъ въ извѣстныхъ «Вопросахъ Никодимовыхъ», называемыхъ лѣтописцемъ „Предложеніями“ или просто «Предложеніемъ». Не всѣ однако же сторонники Никодима одобряли это его намѣреніе, напр. Герасимъ Князевъ, боявшійся, чтобы не оскорбить тѣмъ «начальныхъ властей», а равно и не отдалить принятіе Россійскаго священства, вскорѣ затѣмъ и непосредственно присоединившійся къ православной церкви; другіе, какъ Яковъ Бѣляевъ, настаивали по написаніи этихъ «Вопросовъ» или «Предложеній».

О времени написанія «Предложеній» лѣтописецъ сообщаетъ весьма обстоятельныя данныя. Онъ прямо говоритъ, что вопросы о своихъ сумнительствахъ задумалъ Никодимъ писать въ 1781 г, послѣ возвращенія въ слободы Арсенія и Герасима изъ Петербурга, а началъ самымъ дѣломъ писать съ 1-го ноября 1781 г. сначала въ сообществѣ Герасима, Арсенія и Бѣляева, а потомъ исключительно самъ. Въ томъ же ноябрѣ съ 1-го по 27, по словамъ лѣтописца, было „отправлено 27 статей: 1-я о воплощеніи Бога Слова; 2-я о прародительскомъ грѣсѣ; 3-я о имени Іисусовѣ; 4-я о крещеніи Христа Спасителя; 5-я о крещеніи обливательномъ; 6-я о благословеніи Христовѣ; 7-я о глаголѣ крещенія; 8-я о сложеніи трехъ перстовъ; 9-я о сложеніи двухъ перстовъ; 10-я о внесеніи двуперстнаго сложенія въ печатныя книги; 11-я о благословеніи Мелетіевомъ; 12-я о Ѳеодоритѣ; 13-я о Максимѣ грекѣ; 14-я о Константинѣ Панагіотѣ; 15-я о аллилуіи; 16-я о крестѣ; 17-я о иконахъ; 18-я о книгахъ старопечатныхъ; 19-я о великомъ входѣ; 20-я о пресуществленіи; 21 о просфорахъ; 22 о откровеніи главъ на „пріимите и ядите“; 23 о звонѣ на словеса Христова; 24 о желѣ; 25 о душахъ святыхъ; 26 о занятіи человѣчествѣмъ; 27 о благихъ дѣлахъ.“ Впослѣдствіи нѣкоторыя изъ этихъ статей были соединены вмѣстѣ или со всѣмъ уничтожены, а на мѣсто ихъ внесены другія (Лѣт., стр. 278—279). Въ письмѣ къ Воронѣ отъ 2-го ноября 1781 г. Бѣляевъ писалъ, что «Никодимъ мученически трудится» надъ книгой, и извиняетъ ея нескорое написаніе во первыхъ тѣмъ, что онъ «сочиняетъ одинъ»; во вторыхъ, что «библіотека у насъ нужная, а иную книгу едваль и найти можно»; въ

третьихъ тѣмъ, что онъ «обязанъ игомъ начальства» и другими хлопотами; но что «къ декабрю мѣсяцу книга къ окончанію придетъ». «А книга будетъ въ тридесяти показаніяхъ, а при томъ и формальное доношеніе въ дванадесяти пунктахъ нашихъ желаній». Книга была дѣйствительно и окончена 4-го декабря „совсѣмъ и съ исправкою“. Затѣмъ началось ея переписываніе инокомъ Нифонтомъ; сначала Никодимъ предполагалъ только одинъ экземпляръ поднести преосв. Гаврілу, а потомъ «разсудилось» написать второй экземпляръ для преосв. Платона, а третій «покинуть у себя съ тѣмъ», говоривалъ о. Никодимъ, «что если возращусь, то выдать на свѣтъ, а если удовольствуютъ насъ, то ни подъ какимъ видомъ обнародована не будетъ». Переписка эта затянулась до Пасхи 1783 г., тѣмъ болѣе, что Нифонтъ тайно отъ Никодима писалъ «скорописью» еще экземпляръ для себя. Такимъ образомъ несомнѣннымъ является, что Никодимъ началъ писать свои «Предложенія» въ то время, когда уже вошелъ въ сношенія съ преосв. Гавріиломъ и княземъ Потемкинымъ по вопросу о дарованіи благословеннаго священства, а нераньше этого времени, какъ нѣкоторые предполагали. Отсюда становится понятнымъ и то, почему Никодимъ, высказывая въ своихъ «Предложеніяхъ», положенія, не особенно пріятныя для православія, выражается однако же при этомъ всегда почтительно и благовидно, употребляетъ выраженія, необычныя для раскольника и прямо свидѣтельствующія о томъ, что авторъ, сильно ратуя за старые отряды и обычаи въ церкви, къ которымъ издавна привыкъ, въ тоже время съ уваженіемъ относится и къ церкви и ея представителямъ, въ лицѣ архіеп. Гавріида. И въ предисловіи, и въ концѣ книги есть не мало выраженій, которыя не могли быть высказаны настоящимъ раскольникомъ, а только человѣкомъ, рѣшившимся на союзъ съ православною церковію. Мало того, имъ выражается даже мысль, что книга написана съ цѣлью показать «вины» своего отлученія и неприсоединенія, къ Грекороссійской церкви и прямо указывается на особенное, составленное авторомъ, прошеніе, въ которомъ онъ проситъ не только о вниманіи, но и о милосердіи. На одномъ изъ собраній сторонниковъ Никодима въ декабрѣ 1782 г. было высказано, что «всѣ тридесять показаніевъ зазору за Россійскою церковію, показанныя Никодимомъ, не могутъ поколебать столпа соборныя церкви; а иные сказывали, что они суть вещи среднія и взошли побочно и таинства нарущить и благодати

св. Духа обнажать не могутъ»..., что „различіе обрядовъ свободѣ церковной подлежитъ"... (Лѣт., стр. 225, 262, 278)[1]). Въ частности лѣтописецъ Бѣляевъ, свидѣтельствовавшій книгу Никодима, высказывается о ней такъ: «по благосклонному благоволенію сочинителя сея книги, глаголемой *Предложенія*, о. Никодима, допущенъ былъ я до свидѣтельства, которую (книгу) не безъ прилежанія и читалъ, и вызналъ, что сіе сочиненіе вѣчною пользою послужить можетъ въ доказательство истенны и во обличеніе неправды, во утвержденіе ея любителямъ и въ нѣкоторое противленіе соборной и апостольской церкви, въ показаніе строгаго ученія и во уваженіе смиряющимся. Есть бо въ ней съ нашей стороны явны всѣ сомнѣнія, которыхъ мы опасающеся трепещемъ

---

[1]) Подробности о «Предложеніяхъ» или «Вопросахъ Никодима» см. въ кн. архим. Павла: «Замѣчанія на книгу извѣстную подъ именемъ «Вопросовъ Никодима». М. 1887. Отдѣльный оттискъ изъ №№ 14—20 1886 г. и изъ №№ 1—2 1887 г. журнала «Брат. Слово». По словамъ о. Павла правильнѣе было бы назвать книгу «Омышленіемъ о новоизданныхъ книгахъ», такъ какъ въ ней рѣчь идетъ главнымъ образомъ о книгахъ, изданныхъ съ 1656 г., Скрижали, Соборномъ свиткѣ, Жезлѣ, Увѣтѣ, Розыскѣ, Пращицѣ, Обличеніи и пр. Въ своихъ „Предложеніяхъ" Никодимъ во многомъ почти рабски слѣдовалъ изв. Поморскимъ отвѣтамъ, довѣряя имъ почти безъ всякаго съ своей стороны изслѣдованія. Такъ, вслѣдъ за Поморскими отвѣтами, онъ съ полнымъ довѣріемъ ссылается на рукопись Никона Черногорца, хранящуюся въ Чудовѣ монаст. и якобы содержащую свидѣтельство о двуперстіи, котораго тамъ вовсе нѣтъ, также на свидѣтельство о двуперстномъ перстосложеніи отъ такихъ иконъ, на которыхъ находится перстосложеніе именословное, напр. на икону Корсунскую Петра и Павла въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, на иконы Московскихъ соборовъ—Успенскаго и Благовѣщенскаго. См. «Статьи, или показанія Никодима и соотвѣтствующія имъ статьи Поморскихъ отвѣтовъ» въ кн. архим. Павла, стр. 6—8. Срав. соображенія о времени написанія Никодимовыхъ «Предложеній» или «Вопросовъ» Н. И. Субботина въ предисловіи къ книгѣ архим. Павла, также въ ст. Н. И. Петрова: «Расколъ и единовѣріе» (Тр. Кіев. Дух. Ак. за 1881 г., авг., стр. 373) и покойнаго проф. И. Ѳ. Нильскаго въ его лекціяхъ.

приступать къ великороссійской церкви. И скажу: путь есть и дверь разумѣвающимъ входа во едину соборную и апостольскую церковь; малоразумнымъ же не безъ соблазна и претыканія... И при испрошеніи удовлетворенія въ наше желаніе, взявъ всю эсенцею сея книги, изъ чего у насъ вылилось формальное доношеніе, а изъ формальнаго доношенія надобно быть кондиціи, по которой бы могъ отвориться входъ въ единую соборную и апостольскую церковь»... (Лѣт., стр. 299—300). Таково было общее умонастроеніе лучшихъ слободскихъ старообрядцевъ по отношенію къ православной церкви въ то время.

Въ началѣ слѣдующаго 1783 г., именно въ январѣ и февралѣ, было составлено и такъ назыв. лѣтописцемъ «формальное доношеніе», т. е. извѣстное прошеніе Никодима съ 12 пунктами о соединеніи старообрядцевъ съ православною Россійскою церковію. Въ первой редакціи, которую и приводитъ лѣтописецъ, было только 10 пунктовъ; потомъ на одномъ изъ совѣщаній прибавлено было еще 3 пункта, именно, чтобъ брадъ не брить и нѣмецкаго платья не носить, хотя и въ судіяхъ; второй: освященныя церкви оставить освященными; третій: чтобъ дозволено было каждому, подавши въ канцысторію, присоединиться къ сему нами пріятому священству». Въ позднѣйшую редакцію, состоявшую изъ 12 пунктовъ, два послѣдніе пункта во все не вошли и замѣнены п.п. 11 и 12 при чемъ въ 11-мъ говорится: «Дозволить впредь желающимъ соблюдать старообрядчество церковное состоять подъ паствою имѣемаго быть при старообрядчествѣ епископа», а 12 выраженъ такъ: «Какъ здѣшнихъ, такъ и въ прочихъ Великороссійскихъ городахъ, купцовъ и мѣщанъ имѣемыхъ состоять подъ паствою того епископа, къ бритію бородъ и ношеніи нѣмецкаго платья не принуждать». Интересно, что Никодимъ, по свидѣтельству Бѣляева, былъ противъ нѣкоторыхъ пунктовъ, именно двухъ—«о возбраненіи входа на молитву брадобривцевъ» и самостоятельнаго старообрядческаго епископа, находя, что «на малое число народа стыдно его просить» и даже считалъ то «дѣломъ невозможнымъ», и потому желалъ «заимствовать» отъ православной церкви только священниковъ. Введеніе этихъ пунктовъ въ формальное доношеніе Бѣляевъ приписываетъ своему настоянію. Пунктъ о „возбраненіи входа на молитву брадобривцевъ“ въ первой редакціи выраженъ такъ (п. 9): „отъ окрестныхъ, поелику мы въ Малой Россіи жительство имѣемъ, какъ духовныхъ, въ разсужденіи соблазняющихся о

обливательномъ крещеніи, такъ и свѣцкихъ, ради бритія, ради сообщенія въ молитвенныхъ храмахъ, насъ свободными предписать" (п. 8 2-й ред.). Относительно епископа въ первой редакціи нѣтъ ни слова о хорепископѣ, сельскомъ или слободскомъ, какъ во второй редакціи (п. 3), а прямо сказано: прислать при указѣ Е. И. В. (изъ) св. правит. синода поставленнаго епископа великороссійской природы"... (п. 1). Пункты 2 - 4, касающіеся обязанностей епископа—освящать церкви, посвящать во іеродіаконы, іеромонахи, священники и діаконы и пр., соотвѣтствуютъ 4—6 второй редакціи. Далѣе п. 5 о мурѣ отъ св. Синода для освященія церквей и крещенія младенцевъ соотвѣтствуетъ 7, пунктъ 8, соотвѣтствующій 9-му второй редакціи, выраженъ нѣсколько сокращеннѣе: „іеромонаховъ, священниковъ и іеродіаконовъ прежде всего въ разсужденіи соблюденія старообрядчества отлучившихся отъ грекороссійской церкви, которые по справкѣ явятся, что правельному запрещенію не подлежатъ, таковыхъ изъ подъ наименованія, по состоящемуся въ 1776 г. указу св. Синода, свѣтскихъ исключить и позволить имъ отправлять всякое по ихъ званію священнодѣйствіе церковное, постриженныхъ же при старообрядчествѣ священниковъ и монаховъ не перестригать".[1]) П. 10, касающійся освобожденія отъ подушныхъ окладовъ и рекруцкаго набора монашествующихъ въ старообрядческихъ монастыряхъ и пр. въ обѣихъ редакціяхъ выраженъ одинаково. Пп. 1 и 2 второй редакціи, касающіеся клятвъ и пореченій на двоперстное сложеніе и пр., какъ и положенныхъ въ 1720 г. и во Увѣщаніи 1765 г. пріемовъ отложившимся грекороссійской церкви,—послѣднія старообрядцы просили отложить, а первыя разрѣшить сношеніемъ съ восточными патріархами,—соотвѣтствуютъ 6 и 7 пунктамъ первой редакціи[2]). Такимъ образомъ Никодимъ и его сторонники предлагали такія условія соединенія съ церковію: 1) чтобы

---

[1]) Указъ св. Синода отъ 22 января и 22 іюня, о непризнаніи въ духовномъ чинѣ священниковъ бѣжавшихъ къ раскольникамъ и исправлявшихъ у нихъ богослуженіе, а равно и о непризнаніи построенныхъ раскольниками церквей за храмы Божіи.

[2]) Пункты второй редакціи напечатаны въ Чт. общ. ист. и древ. Росс. М. 1860. кн. IV. Смѣсь стр. 287—292.

изреченныя соборами клятвы и порѣченія на двоеперстное сложеніе и прочее чиносодержаніе древней грекороссійской церкви были разрѣшены чрезъ сношеніе съ восточными патріархами; 2) чтобы положенныя 1720 и во Увѣщаніи 1765 г. пріемы отлучившимся отъ грекороссійскія церкви отложить; 3) дать старообрядцамъ особаго епископа съ тѣмъ, чтобы онъ не имѣлъ никакого отношенія къ мѣстному епархіальному епископу, а былъ былъ непосредственно подчиненъ св. Синоду; 4) дать ему право освящать церкви, благословлять устроеніе ихъ, совершать богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ, изданнымъ при п. Іосифѣ, поставлять іеромонаховъ и іеродіаконовъ, священниковъ и діаконовъ и для другихъ старообрядческихъ общинъ, кромѣ живущихъ въ Малой Россіи; св. муромъ пользоваться отъ св. Синода; бѣглыхъ священниковъ, бывшихъ въ Стародубьѣ, исключить изъ свѣтскаго званія, т. е. признать за ними санъ священства, вопреки Синодскому указу 1776 г.; въ старообрядческіе монастыри никого посторонняго не присылать подъ началъ, какъ и старообрядствующую братію не разсылать по другимъ монастырямъ. Еще рѣзче намѣревались старообрядцы обособиться отъ мѣстной малороссійской церкви и ея исповѣдниковъ, въ особенности по первой редакціи формальнаго доношенія, по которой мы выше привели этотъ пунктъ. Таково былъ планъ у Никодима и его сторонниковъ, на основаніи котораго они сами хотѣли войти въ общеніе съ церковію и ввести другихъ. Изготовивши „формальное доношеніе“, сторонники Никодима 16-го марта 1783 г. рѣшили обратиться съ просьбой о помощи „въ предпріятомъ дѣлѣ“ къ графу Румянцову, что и было сдѣлано Никодимомъ 6 апрѣля. По словамъ лѣтописца, отъ графа Румянцова Никодимъ „великую милость получилъ; графъ за собственною рукою и отъ своего лица далъ Никодиму на двухъ монаховъ пашпортъ до св. Синода и обѣщался о нашемъ дѣлѣ стараться и синодальнымъ членамъ письмы писать“. У сторонниковъ Никодима раньше поѣздки къ гр. Румянцову было рѣшено, чтобы ѣхать въ св. Синодъ безъ письменнаго списка желающихъ присоединиться къ церкви, „потому что народъ“, по словамъ лѣтописца, „хотя предпріятое дѣло добромъ считалъ, однако дважды сумнителенъ былъ: первое—неимовѣрили, что недадутъ; второе: мы уже открывались явно, что быть одной церкви и присоединиться къ соборной церкви; третіе: всѣхъ тверже была во всякомъ привычка, которая никого смѣло всту-

пить не допускала“. Въ этихъ видахъ сторонники Никодима и рѣшили только заявить св. Синоду ихъ желаніе просоединиться къ церкви на вышеуказанныхъ условіяхъ, и еслибы согласились на нихъ, «то бы подписали или имяннымъ повелѣніемъ, или свят. Синодомъ, и тогда бы за руками ѣхать, къ чему бы и смѣлѣе прикладоваться». Графъ смотрѣлъ на это дѣло иначе, и велѣлъ «руки» собирать: «я, говоритъ, за руками прямо въ Кабинетъ представлю»... Съ пасхи и начали собирать эти руки по иниціативѣ графа (Лѣт., стр. 312—313).

27-го апрѣля Никодимъ видѣлся въ Добрянкѣ въ первый разъ съ княземъ Потемкинымъ и подалъ ему извѣстное доношеніе въ 12 пунктахъ. Сказка, пущенная Мельниковымъ и о. Верховскимъ, что Никодимъ въ началѣ 1782 г. былъ въ Петербургѣ, видѣлся съ Потемкинымъ и архіеп. Гавріиломъ, былъ даже представленъ первымъ Екатеринѣ и горячо ее молилъ не допускать болѣе милліона своихъ подданныхъ до несчастія жить безъ церкви и іерархіи и пропадать для Бога и будущей жизни изъ за одного различія обрядовъ, отвергнутыхъ церковію, не имѣетъ за собой ровно никакихъ фактическихъ основаній. Достовѣрно извѣстно, что въ началѣ 1782 г. Никодимъ былъ только въ Москвѣ въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, возвратившись въ Стародубье на первой недѣлѣ великаго поста, и велъ тамъ тѣже бесѣды, какъ и въ Покровскомъ монастырѣ, о воздательной благодати или о ключахъ, что бѣгствующіе отъ Россійской церкви священники воздательную благодать пріемлютъ отъ великороссійскихъ архипастырей, и что кромѣ архипастырскихъ рукъ она не входитъ въ священство и пр. (Лѣт., стр. 286—87).

Въ Добрянкѣ же Потемкинъ говорилъ Никодиму, что ему давно слѣдовало быть въ С.-Петербургѣ, а для дальнѣйшихъ переговоровъ предложилъ ему побывать у него въ Кременчугѣ, куда Никодимъ и выѣхалъ 18-го мая съ Яковомъ Бѣляевымъ и нѣкіимъ Иваномъ Григорьевымъ, монастырскимъ жителемъ. Никодимъ нашелъ князя въ Херсонѣ и дѣйствовалъ здѣсь главнымъ образомъ черезъ Торжковскаго купца Ивана Евстратьева Свѣшникова, имѣвшаго къ князю «безвозбранной входъ» и бывшаго въ великомъ фаворѣ у него за то, что, по словамъ протоіерея Верховскаго, самоучкою выучился словеснымъ наукамъ и зналъ многіе языки (Ibidem, стр. 314; Иск. старообр. въ XVIII в. законнаго архіер., стр. 21). По словамъ Бѣляева, «князь сперва думалъ, что мы якобы архіерея просимъ

изъ своихъ посвятить, того ради не очень охотно склонялся къ ходатайству архипастыря. А притомъ помышлялъ князъ, что мы хотимъ, взявши архіерея, и отстать единства соборныя церкви; но мы увѣряли такъ, что не менѣе сіе почитаемъ священства, чтобы быть въ единствѣ съ соборною апостольскою церковію по таинству вѣры, и доказывали, что и просьба наша въ томъ состоитъ, чтобы прислать готовопоставленнаго и котораго за благо дастъ св. прав. синодъ, и намъ приступить чистосердечно подъ такое духовное правленіе. И то князь понявши, началъ наклонятся на слѣдствіе нашей просьбы, да и Иванъ Евстратьевъ весьма старался. Да почти у князя его весь разумъ былъ въ этомъ дѣлѣ, потому что Ив. Евстратьевъ нашего секта бывалъ, и вѣдаетъ наши поведеніи» (Лѣт., стр. 318). Монахъ Герасимъ Картамышевъ въ письмѣ изъ Кременчуга, отъ 3-го августа, къ монахамъ слободскаго Покровскаго монастыря со словъ Бѣляева писалъ о томъ же дѣлѣ, что князь Потемкинъ «объясненіе Никодима, поданное ему, послалъ прямо къ Милостивой Государынѣ и св. Синода членамъ, преосвящ. архіереямъ Гавріилу и Иннокентію и Вяземскому (генералъ—прокурору) съ прошеніемъ, дабы о томъ по поданному отъ него, Никодима, формальному прошенію было сдѣлано удовольствіе, и приказалъ ему собрать къ вѣрющему приговору рукъ тысячъ до трехъ, а по крайней мѣрѣ тысячу, съ чѣмъ бы явиться къ просьбѣ и съ тѣмъ ѣхать въ Петербургъ», куда и самъ обѣщалъ прибыть къ сентябрѣ.

Поѣздка къ кн. Потемкину въ Кременчугъ и Херсонъ сопровождалась и тѣмъ, что тамъ среди тамошнихъ старообрядцевъ Бѣляеву удалось собрать 1200 лицъ, выразившихъ подписью своихъ рукъ согласіе на соединеніе съ православною церковію. Гораздо хуже съ подпискою рукъ шло дѣло въ Стародубьѣ; здѣсь не только мало собиралось этихъ «рукъ», но еще собирались сходки противъ просимаго Никодимомъ архіерея и даже писались доношенія въ этомъ смыслѣ графу Румянцову (Зыбкая); подписавшихся брали въ ратуши, какъ въ Злынкѣ, «порицали пьяницами и къ новизнѣ сходными, налоги чинили, часовни отлучали» и пр. Никодима за собираніе рукъ въ Добрянкѣ ругали діаволомъ, антихристомъ, еретикомъ, прелестникомъ и пр. Въ Покровскомъ монастырѣ, «столицѣ староверства», подписавшихся всего было три инока. Все это действовало на Никодима охлаждающимъ образомъ и онъ впалъ въ великое уныніе,

по словамъ лѣтописца. Не смотря на всѣ старанія, подписей подъ довѣренностью, данной Никодиму для ходатайства, было собрано всего только 1400. Извѣщая графа Румянцова 20 октября 1783 г. о числѣ лицъ, подписавшихся подъ довѣренностію, присоединивъ и формальное доношеніе изъ 12 пунктовъ, Никодимъ просилъ у графа содѣйствія своему предпріятію, вслѣдствіе чего и явились отъ 26 октября представленія графа въ св Синодъ и Сенатъ по прошенію Никодима „о присоединеніи старообрядцевъ при ихъ старообрядчествѣ къ Грекороссійской церкви чрезъ посредство прописанныхъ въономъ пунктовъ“. Въ довѣренности указана сущность просьбы старообрядцевъ и условія ихъ соединенія съ церковію, при чемъ въ концѣ прибавлено, что если бы какой либо изъ условныхъ пунктовъ потребовалъ измѣненія, то самъ Никодимъ, безъ вѣдома довѣрителей, неимѣлъ права этого сдѣлать.

13-го ноября Никодимъ выѣхалъ изъ Покровскаго монастыря въ Москву и Петербургъ. Въ Москвѣ присоединился къ нему раньше отправившійся туда лѣтописецъ Яковъ Бѣляевъ и др. Въ Москвѣ прежде всего Никодимъ «посылалъ письма на кладбище къ старостѣ Дмитрію Ѳедорову и богатому мужику Никитѣ Павлову, прося у нихъ отвѣта на вопросы: а) надо ль намъ архипастыря? б) за нужное-ль то самое почесть можно? в) прочетши пункты наши, въ просьбу сочиненные, довольны ли вы ими или недовольны и чѣмъ недовольны?»... На всѣ эти вопросы Никодимъ не получилъ отвѣтовъ; „а примѣчательно или изъ нихъ пересказываютъ, въ тѣхъ мысляхъ остались“, говоритъ Бѣляевъ, «мы-де готоваго посмотримъ, что выдетъ, и тогда-де можно приступить на дѣло глядя... А просьбу подписовали или стараніе имѣли самые охотники, или сказать болѣе просвѣщенные“. Такъ относились къ дѣлу по большей части и въ слободахъ. Велись также въ Москвѣ бесѣды и „съ перекрещиванцами“, т. е. съ безпоповцами (Лѣт., стр. 329).

9-го декабря Никодимъ съ Бѣляевымъ, старцемъ Евдокимомъ и Василіемъ Ѳедоровымъ были у архіепископа *Платона*. Лѣтописецъ въ данномъ случаѣ сообщаетъ любопытныя подробности. «Мы сперва уговорились, говоритъ онъ, добросовѣстно къ благословенію идти; но, какъ пришли, онъ за столикомъ сидѣлъ на канапѣ; мы поклонились въ землю, и онъ привставши поклонился же; тогда мы его не посмѣли, а онъ насъ, и такъ лишились благословенія. Немедленно о. Никодимъ въ руки подалъ ему

докладъ, которой онъ немедленно сталъ читать, и какъ дошелъ до 3-го пункта о сельскомъ архіереи, и сталъ говорить: «Вы и сами не знаете, что просите» (понеже у насъ прошеніе, чтобъ быть ему подъ вѣдѣніемъ св. Синода, а не подъ епархіальнымъ архіереемъ). Того ради онъ сталъ говорить, что въ греческой церкви были такіе прежде, только они всегда подлежали епархіальному архіерею или той страны митрополиту. Итакъ сталъ читать до конца и по прочтеніи якобы со гнѣвомъ по столу кинетъ: «это, говоритъ, какъ Россійскій Дворъ съ Султаномъ Турецкимъ уговоръ дѣлаетъ, такъ вы съ церковію. Позабыли бы вы такія доношенія подавать прежде сего лѣтъ за 20-ть; а нынѣ ваша воля, отъ чего вы и испортились». Тутъ сталъ о. Никодимъ послѣ робости отвѣчать: «Ваше Преосвященство, что успѣла прежняя строгость? Только вредомъ послужила Россійскому государству». Преосвященный: «Та строгость была немѣрная, а нынѣ ослаба немѣрная жъ». Итакъ стали очень довольно говорить, такъ какъ часа три всего разговору было о разныхъ винахъ, которыя я только оглавлю. Никодимъ: „В. П., мы въ вѣрѣ и во всемъ съ 7 вселен. и 9 помѣстными соборами со вселенскою церковію не разглашаемся". Преосв.: «Нѣтъ, другъ мой, я въ томъ-то и вѣру-то мою полагаю, что я оказываю себя чрезъ видимыя дѣла вѣрнаго всей церкви христіанина; а внутреннимъ моимъ невидимымъ духомъ отчетъ я дамъ одинъ о себѣ невидимому моему Богу». Итакъ далѣе говорено было о открытіи церкви, что не можно того сдѣлать: «наши всѣ къ вамъ обратятся. Вотъ у меня, въ моей епархіи, 14 тысещь записныхъ, вдвое того потаенныхъ, итого составляетъ 42 тыс., да еще въ которомъ времени къ вамъ, по открытіи церкви на старинныхъ обрядахъ, отойдутъ». Я (лѣтописецъ) сказалъ ему: „Ваше Преосвященство, извольте вы къ намъ". И онъ усмѣхнулся и сказалъ: „Примете—ль меня"? Мы отвѣщали: «Такъ, какъ самаго Христа». Итакъ я и о. Никодимъ даже до устанку говорили о церкви, о просьбѣ, о сложеніи перстовъ, о Мартинѣ еретикѣ, о нашихъ сектахъ, о кладбищѣ и кладбищенскомъ мироварении, о условіи—можно-ли дать къ старообрядочеству архипастыря, и о всемъ толкованіе производили, и такъ окончали. Наконецъ изволилъ сказать: «Слушайте же! Если коснется до меня сіе дѣло, да и думаю, что св. Синодъ спросится насъ, то я знаю, что отвѣчать. А одинъ я сего дѣла сдѣлать не могу». Итакъ, веселымъ духомъ проводя насъ, распрощались (Лѣт., стр. 340—341).

Сохранилось письмо въ свой монастырь и самаго Никодима, въ которомъ онъ разсказываетъ о своей бесѣдѣ съ преосвящ. Платономъ. Платонъ повидимому отнесся къ предпріятію Никодима если не съ подозрительностію, то съ большою осторожностію, особенно на первыхъ порахъ. «Былъ я у Платона, пишетъ Никодимъ, и нашелъ его весьма неприступна». Затѣмъ, когда Никодимомъ были представлены нѣкоторыя доказательства, говорящія въ пользу его дѣла, «онъ явилъ себя весьма благосклонна и говорилъ: просьба ваша, быть можетъ, будетъ исполнена, но съ условіями: 1) если св. Синодъ дастъ вамъ архіерея, дадите ли вы подписку, что всѣ обряды православной церкви признаете правильными и православными?; 2) если бы я или другой архіерей пріѣхалъ къ вамъ въ монастырь, гдѣ будетъ жить вашъ архіерей, и вздумалъ бы служить съ нимъ вмѣстѣ по своему обряду (вашъ архіерей пусть служитъ по своему), согласны-ли вы на это? и 3) дадите-ли подписку не принимать въ старообрядчество никого изъ православныхъ, кромѣ записныхъ раскольниковъ?» По словамъ самого Никодима, онъ на первый вопросъ отвѣчалъ утвердительно, на второй весьма уклончиво или скорѣе отрицательно: «служеніе ваше было бы несовмѣстное нашему простому народу»; а на третій отвѣтилъ, что если будетъ предложено требованіе, то согласное. Въ томъ же письмѣ Никодимъ высказалъ и то впечатлѣніе, которое произвелъ на него архіепископъ еще Платонъ: «о Московскомъ святителѣ нетуне идетъ слава по всей Россіи; на сколько я успѣлъ замѣтить—это политичный кавалеръ».[1]).

Любопытныя подробности лѣтописецъ передаетъ и о пребываніи Никодима въ С.-Петербургѣ и его переговорахъ съ кн. Потемкинымъ и м. Гавріиломъ по занимающему его дѣлу. Титулъ архіепископа Гавріилъ носилъ до 22 октября 1783 г. Къ князю Потемкину онъ явился 2-го января 1784 г., и на другой же день они условились быть въ Невскомъ монастырѣ у м. Гавріила вмѣстѣ съ остальными стародубскими депутатами или ходатаями по дѣлу о соединеніи съ церковію. Князь пріѣхалъ къ митрополиту „уже къ вечеру, и сперва взошелъ къ Преосвященному въ комнату одинъ, и былъ съ часъ, а потомъ кликнули Ни-

---

[1]) О м. Платонѣ и отношеніи его къ старообрядцамъ см. наше Опис. ркп. Черниг. духовной семинаріи, стр. 164, 166.

кодима, и были трое часа съ два. А по провожденіи князя преосвященный къ намъ вышелъ, и мы были у благословенія, а благословлялъ онъ насъ по своему. Итакъ разыдошася. А Никодиму князь приказалъ ни къ кому не ходить, ни къ генераламъ, ни къ преосвященнымъ; а почему онъ такъ поступалъ, намъ не сказано, только примѣчаемъ, что князь отличною охотою о нашемъ дѣлѣ старался, и много (разъ) самъ говаривалъ: «Такъ вотъ я самъ ихъ поуговорю». Итакъ съ этихъ поръ Никодимъ никуды, кромѣ князя, не ходилъ; а къ князю каждой день дважды явиться надо, пополудни и по полунощи: онъ болѣе тутъ бываетъ свободенъ. Итакъ Никодима возлюбилъ, что нечаятельно котораго бы другаго такъ любилъ, что каждой день одинъ на одинъ пополунощи часу 2 и 3 съ княземъ говоритъ, и о всемъ распрашиваетъ... Князю всѣ наши поведеніи и обычаи изъяснены подробно, и князь, повторяю, всемѣрно старался наше желаніе выполнить, котораго словеси никто, кромѣ великаго князя и императрицы, въ противность говорить не смѣлъ; онъ сказовалъ, что и великаго князя уговорилъ быть согласну. И однимъ словомъ сказать, что о своемъ дѣлѣ такъ бы стараться не сталъ» (Лѣт., стр. 343). Дѣло дошло до того, что даже былъ нареченъ вышеозначеннымъ старообрядцамъ епископъ, котораго 29-го января и просилъ Никодимъ князя дозволить позвать къ себѣ. Это былъ *Веніаминъ*, архимандритъ Новгородскаго Антоніева монастыря и ректоръ Новгородской школы. „Князь, призвавши его къ себѣ, просилъ такимъ словомъ: „Прошу васъ, о. Веніаминъ, посѣтить сихъ старичковъ. А потомъ и отъ Гавріила дозволенія просилъ, и я 30-го на парѣ звать въ Невской монастырь ѣздилъ, и привезъ къ *Ив. Ив. Милову* на имянины, С.-Петербургскому купцу, гдѣ онъ, Веніаминъ, обращался съ нами веселымъ лицемъ. Также и наши пріятнымъ сердцемъ его чествовали. А опослѣ обѣда къ *Кирилъ Филипычу Попову*, первой гильдіи С.-Петербургскому купцу, ѣздили чаю пить, и всѣ наши, которые отъ роду не были подъ благословеніемъ, тѣ ходили, хотя онъ ихъ по ихъ вкусу благословлялъ. И, по пріѣздѣ онъ въ свой монастырь, былъ у Преосвященнаго, который его спрашивалъ, какъ онъ у насъ былъ. У Кирила Филипыча казали ему крестовую, которая знатною рукою была убрана, и книгъ довольно казали старопечатныхъ, которыя онъ похвалялъ“ (Лѣт., стр. 346).

26-го февраля кн. Потемкинъ потребовалъ, чтобы ему снова были поданы извѣстные 12 пунктовъ, такъ какъ поданные ему въ Херсонѣ въ прошломъ году у него «затерялись». Пункты были поданы на этотъ разъ съ слѣдующимъ извѣстнымъ надписаніемъ: «Но какъ Монархиня наша водима духомъ евангельской кротости позволяетъ непрепятственное разныхъ вѣръ въ Россіи обитающихъ, то кольми паче мы надѣемся великодушнаго воззрѣнія, гдѣ много тысящь народа, находясь теперь внѣ соединенія св. церкве, почувствуютъ такое снисхожденіе, готовыми будутъ отдать себя наивсегда со всеглубочайшею преданностію подъ паству святѣйшихъ архіереевъ вселенской церкви, имени же раскола и дѣйствія онаго, другъ отъ друга отвращенія ниже слѣда да воспомянется. Сіе послужитъ къ пользѣ отечества привлеченіемъ въ Россію разсыпанныхъ внѣ государства ея сыновъ, къ безсмертной славѣ Великой Императрицы и матери нашей; ибо таковъ будетъ плодъ ея кротости. Мы же, при безконечной вѣрности и благодаренія соединенія вѣры и причастія св. Духа испросивше, сами себе другъ друга и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ. 26 февраля 1784 г. Вашея свѣтлости всенижайшій слуга убогій Никодимъ». И это надписаніе или доношеніе, какъ выражается Бѣляевъ, было представлено княземъ въ кабинетъ самой императрицы, «по которому и судили, и слышно было, что главные сенаторы согласны были. А со стороны Синода Гавріилъ митрополитъ согласенъ же, а Иннокентій и Платонъ не были согласными, по той причинѣ, боялись, что вся Россія при открытии ихъ церквей придетъ въ замѣшательство. Того ради мы пунктъ открытія церквей въ Россійской имперіи уступили, затѣмъ, что изъ Россіи къ просьбѣ и рукъ не было, а при томъ и сами думали, чтобы за однимъ пунктомъ и всего не лишиться. А князь совѣтовалъ такъ, что онъ, т. е. архипастырь, будетъ именоваться *Херсонской и Слобоцкой*, гдѣ будутъ и церквы открыты, понеже во удаленіи и между по большой части Малороссійцовъ, отъ которыхъ не можетъ ни одинъ человѣкъ намъ послѣдовать и отстать отъ соборной церкви» (Лѣт. стр. 344). Между прочимъ, на экземплярѣ 12 пунктовъ, представленномъ кн. Потемкину 26 февраля 1784 г., и сдѣланы были извѣстныя замѣтки князя, напечатанныя въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ въ «Чтеніяхъ общ. ист. и древн.» за 1860 г., № 4, вмѣстѣ съ прошеніемъ или «формальнымъ доношеніемъ» Никодима. Противъ 3 пункта, въ

которомъ излагается просьба о хореепископѣ или сельскомъ епископѣ, сдѣлано здѣсь княземъ слѣдующее замѣчаніе: „Епископы сельскіе, сирѣчь хоръ—епископы, отмѣнены соборами". Противъ 6 пункта, въ которомъ излагаются обязанности означеннаго епископа, заключавшіяся въ томъ, чтобы онъ имѣлъ духовное попеченіе и управленіе надъ всѣми старообрядцами, живущими какъ въ Малой, такъ и въ Великой Россіи, – замѣчено: «сего дозволить не можно, потому что такой архіерей будетъ какъ патріархъ вселенскій».

Сохранились письма Никодима въ свой монастырь и о его пребываніи и сношеніяхъ по дѣлу съ сильными міра въ Петербургѣ. Въ первомъ январьскомъ письмѣ онъ говоритъ, что его проектъ о дарованіи старообрядцамъ епископа встрѣтилъ «отеческое раченіе» со стороны князя, что онъ «согласуетъ испросить епископа» и даже назначаетъ одного „изъ смиренныхъ и боящихся Бога", что „послѣ 6-го января хотѣлъ въ докладъ Милостивѣйшей Государынѣ представить". Дѣло повидимому принимало благопріятный оборотъ. Февральское письмо того же Никодима имѣетъ уже иной тонъ. Оно сообщаетъ, что „въ предпріятомъ нашемъ дѣлѣ многоразличныя, какъ отъ свѣтскихъ, такъ и отъ духовныхъ, происходятъ разсужденія"; что князь отпросился въ отпускъ, и „безъ него дѣло наше происхожденіе имѣть не можетъ", а потому „и намъ дѣлать нечего" до мая, когда онъ снова возвратится въ Петербургъ. Особенно какъ бы подчеркиваетъ Никодимъ мысль, что безъ князя „намъ и въ прошеніе входить было невозможно" по сенату и синоду. Со стороны духовныхъ властей все дѣло повидимому ограничилось только одними разсужденіями. Письма Никодима напечатаны о. Верховскимъ (стр. 27—28).

3-го февраля выѣхалъ м-тъ Гавріилъ въ Новгородъ, а 12-го марта и князь Потемкинъ вмѣстѣ съ Никодимомъ до Москвы «на почтѣ». того ради, по словамъ лѣтописца, «и во все наше дѣло стало». Таковъ результатъ поѣздки Никодима съ товарищи въ С.-Петербургъ. Между тѣмъ 11-го марта послѣдовало Высочайшее повелѣніе о дарованіи старообрядцамъ священниковъ для служенія по древнему обряду, впредь до дальнѣйшаго распоряженія по представленнымъ отъ Бѣлорусскихъ, Малороссійскихъ и Екатеринославскихъ старообрядцевъ просьбамъ, т. е. по постановленію имъ особаго епископа и пр. Это Высочайшее повелѣніе, данное на имя Новгородскаго и С.-Петербургскаго митрополита Гавріила, несом-

нѣнно имѣетъ связь съ просьбою Никодима, такъ какъ въ немъ при оказано: «Вслѣдствіе прошенія, поданнаго отъ имени жительствующих въ Бѣлорусскихъ, Малороссійскихъ и Екатеринославскихъ намѣстничествахъ старообрядцевъ, мы желаемъ, чтобъ ваше преосвященство сообщили преосвященнымъ архіепископамъ Могилевскому и Славянскому о дачѣ священниковъ старообрядцамъ по ихъ прошеніямъ, и о дозволеніи имъ службу Божію отправлять по ихъ обрядамъ, давъ знать симъ архіереямъ, что таково есть наше соизволеніе, покуда общее, по представленнымъ отъ означенныхъ старообрядцевъ просьбамъ, послѣдуетъ дальнее распоряженіе». Такъ, высочайшею волею дано было для старообрядцевъ—поповцевъ бѣлорусскаго, малороссійскаго и екатеринославскаго намѣстничествъ, и для новороссійскаго края по настоянію кн. Потемкина, а не въ качествѣ общаго закона для старообрядцевъ всей имперіи, новое серьезное право—право на общественное богослуженіе, впервые тогда высказанное властію. Для всей имперіи это былъ законъ сеператный, не общій. Дальнѣйшее расширеніе это право получило въ замѣчательномъ прошеніи московскихъ старообрядцевъ 1799 г. и извѣстныхъ по поводу его 16 пунктахъ м. Платона 1800 г., составляющихъ основу такъ назыв. *единовѣрія* или *условнаго единенія* съ православною церковію подъ условіемъ содержанія старыхъ обрядовъ и книгъ. Въ нихъ высказался взглядъ церковной власти на общество согласниковъ, получившихъ съ этого времени названіе *единовѣрцевъ*. Такъ мало по малу установились правила для дальнѣйшаго существованія и утвержденія единовѣрія, признанныя церковною и гражданскою властію. Такимъ образомъ вмѣсто просимаго старообрядцами хоре—епископа имъ позволили имѣть только священниковъ, и это сдѣлала сама императрица собственною своего монаршею властію, повидимому безъ сношенія съ св. Синодомъ, находя невозможнымъ вполнѣ удовлетворить старообрядцевъ въ ихъ просьбѣ.

Какъ смотрѣла Екатерина на вопросъ о старообрядческомъ архіереѣ, показываетъ обнародованная въ Сборникѣ Историческаго общества недатированная ея записка къ князю Г. А. Потемкину на докладъ его по этому вопросу, очевидно относящійся къ началу 1784 г. Въ ней она писала: «Я разсуждаю, что, конфирмовавъ сей докладъ подамъ поводъ ко многимъ подобнымъ отъ раскольниковъ проше-

ніямъ, изъ чего родиться можетъ церкви нашей непріятно; иногда раскольникамъ родъ привилегіи таковой, что раскольники, всегда избѣгая мѣстныхъ архіереевъ установленной власти, захотятъ быть у избранныхъ ими архіереевъ, чего тогда избѣгнуть и инако не можно будетъ, какъ развѣ подчинивъ всѣхъ раскольниковъ въ Россіи единому архіерею, чрезъ что войти могутъ въ состояніе прочихъ въ Россіи христіанскихъ исповѣданій, кои не нашей вѣры. Сей пунктъ понынѣ всегда избѣгаемъ былъ съ ними, и по сю пору о семъ никто, а наипаче духовный чинъ, слышать не хотѣлъ, и для того совѣтую безо всякой огласки и безъ формальнаго установленія, чтобы посредствомъ вашихъ архіереевъ Херсонскаго и Московскаго (Могилевскаго) между собою сдѣлали такъ, чтобъ овцы были цѣлы, а волки сыты. О дѣлахъ же церкви едва ли и прилично установлять что-либо, минуя Синодъ» (т. XLII, стр. 399).

Итакъ, на основаніи вышеуказанныхъ данныхъ, можно считать за несомнѣнное, что князь Потемкинъ обѣщалъ старообрядцамъ, вступающимъ въ соединеніе съ церковію, отдѣльнаго епископа, и нѣкоторыя лица, близкія къ Потемкину и вмѣстѣ заинтересованныя дѣломъ „соединенія“, какъ напр. Свѣшниковъ, разсуждали, что дарованіе согласившимся на соединеніе съ церковію отдѣльнаго епископа и «*не опасно*, поелику они не собою, но св. Синодомъ избраннаго требуютъ, и *полезно* для *приведенія* и *примиренія* тѣхъ, которые теперь еще о томъ и не думаютъ». (Письмо И. Е. Свѣшникова, Лѣт. стр. 356—358). Какъ относилась къ дѣлу Никодима высшая духовная власть и давала ли какія-либо положительныя обѣщанія по этому предмету—невидно, потому что она ни однимъ словомъ не отозвалась на прошенія Никодима, поданныя имъ м. Гавріилу, а потомъ въ началѣ января 1784 г. и прямо въ св. Синодъ. По крайней мѣрѣ, на основаніи послѣдующаго хода событій, можно думать, что власть духовная не находила удобнымъ давать старообрядцамъ отдѣльнаго епископа. Въ 1787 г., черезъ три года послѣ смерти Никодима, по ходу обстоятельствъ, согласники, въ письмѣ своемъ къ м. Гавріилу, говорили между прочимъ слѣдующее: «мы просили на старинные обряды архипастыря, но вы не соблаговолили», и въ томъ же письмѣ уже высказывали желаніе молить Бога за Синодъ и *за епархіальнаго архіерея* и быть подъ властію архіерейскою, ежели получатъ священ-

ство. Митрополитъ Платонъ позже такъ резсуждалъ по данному вопросу въ письмѣ къ архіепископу Амвросію 1799 г., когда позволено было имѣть священниковъ и Московскимъ старообрядцамъ: „Сіе дѣло (дарованіе священниковъ для старообрядцовъ) весьма важное: чрезъ 160 лѣтъ церковь противу сего стояла; потребенъ совѣтъ обще всѣхъ пастырей Россійскія церкве, и общее положеніе; и при томъ соблюсти честь церкве, что она не напрасно столько противу подвизилася и осуждала толиками опредѣленіями, толиками провозглашеніями, толиками изданными сочиненіями, толикимъ установленіемъ присоединенія ихъ къ церкви; дабы не остаться намъ въ стыдѣ и противники не возгласили бы прежнее: *побѣдихомъ*, да уже и кричатъ. Не они старообрядцы, а мы: они же новообрядцы; а ежели ихъ *не называть раскольниками*, по крайней мѣрѣ новообрядцами... Какія изъ сего слѣдствія произойдутъ, время откроетъ; а только думаю, что скоро я, но и вы облегчены будете. *Ибо ихъ намѣреніе точное, чтобъ учинивъ сей первый шагъ, и въ немъ получивъ удачу, далѣе идти, а именно имѣть своихъ раскольническихъ епископовъ*“ (53 и 54 письмо м. Платона къ архіеп. Амвросію. Прав. обозр. 1869 г., авг., стр. 41). Отсюда ясно, что и м. Платонъ совсѣмъ не сочувственно относился къ учрежденію раскольнической іерархіи. Да и самъ Потемкинъ, обѣщавшій повидимому старообрядцамъ отдѣльнаго архіерея, смотрѣлъ ли серьезно на эти обѣщанія, и надѣялся ли на ихъ осуществленіе, не обѣщалъ ли онъ на словахъ того, что считалъ дѣломъ несбыточнымъ и противѣчащимъ канонамъ церкви? На эту мысль наводятъ вышеприведенныя его замѣтки на извѣстномъ прошеніи Никодима съ 12 пунктами. Правда, и тутъ Потемкинъ не говоритъ прямо, что онъ не согласенъ дать старообрядцамъ отдѣльнаго архіерея; но высказавшись, съ одной стороны, противъ сельскаго епископа или хоре-епископа, а съ другой, отрицая тѣ права, какихъ просили для него старообрядцы, онъ тѣмъ самымъ говоритъ не въ пользу ихъ. Вообще трудно представить, какое понятіе имѣлъ Потемкинъ о старообрядческомъ епископѣ, если онъ дѣйствитльно думалъ объ этомъ серьезно, и въ какія условія онъ хотѣлъ поставить его. Изъ недатированной вышеуказанной записки самой Екатерины къ Потемкину и замѣтки лѣтописца относительно Потемкина о Херсонскомъ и Слободскомъ архипастырѣ можно заключать, что онъ представлялъ себѣ повидимому дѣло такъ, что

бы одинъ или два православныхъ архипастыря приняли въ свое завѣдываніе старообрядцевъ, согласившихся войти въ соединеніе съ церковію, и посвящали имъ священниковъ на старинные обряды въ предѣлахъ его генералъ губернаторства, гдѣ и церкви будутъ открыты. При такомъ взглядѣ на дѣло, по замѣчанію Екатерины, и «овцы были цѣлы и волки сыты».

Такимъ образомъ предпріятіе Никодима завершилось такъ назыв. *единовѣріемъ* или *благословеннымъ священствомъ*. Св. Синодъ нашелъ возможнымъ допустить, чтобы тѣмъ изъ старообрядцевъ, которые изъявятъ желаніе присоединиться къ церкви, при сохраненіи въ тоже время такъ назыв. старыхъ обрядовъ, даваемы были епархіальными архіереями священники, которымъ разрѣшалось совершать для ихъ прихожанъ богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ, т. е. изданнымъ до п. Никона. Со времени учрежденія единовѣрія «происковъ» архіерейства въ старообрядствѣ уже не было довольно сравнительно долгое время: наиболѣе искренніе искатели правильно устроенной іерархіи нашли себѣ удовлетвореніе въ единовѣріи; большинство же поповцевъ примирялось съ бѣгствующимъ священствомъ. Вслѣдствіе предоставленной старообрядцамъ свободы въ царствованіе Екатерины II, какъ потомъ и въ царствованіе Александра I, при помощи своихъ матеріальныхъ средствъ, старообрядцы не имѣли недостатка въ бѣгствующихъ священникахъ, и мысль о пріобрѣтеніи своего собственнаго епископа были ими оставлена на время. Эта мысль снова возникла у старообрядцевъ тогда, когда строгія мѣры правительства положили конецъ свободному доступу къ нимъ бѣгствующихъ отъ церкви священниковъ, и завершилась въ концѣ концовъ такъ назыв. Бѣлокриницкой старообрядческой іерархіей или австрійской. Изъ конца XVIII в. намъ извѣстно только одно прошеніе русскихъ старообрядцевъ на Дунаѣ къ Константинопольскому патріарху о поставленіи имъ епископа (на языкѣ славянскомъ съ точнымъ греческимъ переводомъ) и переписка съ патріархіей по этому поводу отъ 1793 г. Это прошеніе и переписка хранятся теперь въ русскомъ Аѳонскомъ монастырѣ св. Пантелеймона или просто—Руссикъ (Христ. Чт. 1889 г. Сент.—Окт., прилож., стр. 204). Когда же въ 1846 г. явилась незаконная австрійская старообрядческая іерархія, вопросъ о старообрядческомъ епископѣ, какъ извѣстно, пріобрѣлъ право на

вниманіе и со стороны нашей церковной власти. По крайней мѣрѣ въ Собраніи мнѣній и отзывовъ Московскаго м. Филарета неоднократно встрѣчается сужденіе по поводу этого вопроса. Въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, Московскій святитель, въ противодѣйствіе австрійской іерархіи, неоднократно предлагалъ св. Синоду дать ему въ Москву второго викарія, который совершалъ бы богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ, жилъ при единовѣрческомъ приходѣ и при случаѣ рукополагалъ бы священниковъ и діаконовъ, и не для Московской только епархіи. Если это считалось возможнымъ въ половинѣ XIX в., то тѣмъ болѣе было возможно въ концѣ XVIII в.

ГЛАВА IX.

Очеркъ миссіонерскихъ мѣръ по обращенію въ православіе Стародубскихъ и Черниговскихъ раскольниковъ въ XVIII в.

Противораскольническое миссіонерство среди Стародубскихъ раскольниковъ началось очень рано. Есть основаніе полагать, что миссіонерская дѣятельность, со стороны мѣстнаго православнаго духовенства, началась почти одновременно съ поселеніемъ раскольниковъ въ Стародубьѣ. Извѣстно, что еще архіепископъ Черниговскій Лазарь Барановичъ въ 1676—1677 г. посылалъ изъ Новгородсѣверска «къ русскимъ людямъ слободки Демянкувской», т. е. къ раскольникамъ, нѣкоего «честнаго отца Сіомашка», который при этомъ забралъ у нихъ старопечатныя книги и „положилъ въ церквѣ Рождества Пресвятыя Богородицы стародубовской". Въ іюлѣ 1677 г. эти книги были возвращены снова раскольникамъ по принадлежности чрезъ стародубскаго священника Якова Хапчинскаго, бывшаго до священства архіепископскимъ конюшимъ. По всей вѣроятности о. Сіомашко былъ посланъ не затѣмъ только, чтобы забрать раскольничьи старопечатныя книги, и не затѣмъ, чтобы ознакомиться съ раскольниками, ихъ вѣроученіемъ и практикой церковной. Преосвященный Лазарь Барановичъ, самъ бывшій въ числѣ членовъ собора 1666—1667 гг., хорошо зналъ сущность великороссійскаго раскола и его главныя положенія; былъ отчасти знакомъ и съ возникавшей въ то время противораскольнической литературой. По возвращеніи изъ Москвы, онъ писалъ къ кіевскимъ игуменамъ о составленномъ въ то время противъ раскольниковъ „Жезлѣ Правленія" Симеона Ситіановича Полоцкаго, первомъ противораскольническомъ опытѣ книжнаго увѣщанія: „Мнѣ, по милости отцевъ собора, данъ одинъ....(кій), который я храню для потребнаго слу-

чая, по обѣтованію: господствуй среди враговъ твоихъ. Онъ, какъ палка, стоитъ у меня въ углу, на сторожѣ, чтобы иногда не одождилась ересь Никитина и Лазарева, на которую и грозятъ этимъ кіемъ"[1]). Вотъ почему не представляется намъ невѣроятнымъ, что фактъ забранія старопечатныхъ книгъ былъ результатомъ предварительныхъ миссіонерскихъ собесѣдованій о. Сіомашки съ Демянковскими раскольниками, основывавшими, какъ и всѣ раскольники, свое старообрядчество на старопечатныхъ книгахъ.

Другихъ фвктовъ противораскольническаго миссіонерства изъ конца XVII и начала XVIII в. мы не знаемъ; по всей вѣроятности ихъ и не было до времени Черниговскаго епископа Иродіона Жураковскаго, когда миссіонерство среди стародубскихъ раскольниковъ было возложено Св. Синодомъ на извѣстнаго іеромонаха-миссіонера Іосифа Рѣшилова. Далѣе извѣстно, что какъ Лазарь Барановичъ и его ближайшіе по архіерейству преемники, такъ и православные малороссійскіе монастыри, въ томъ числѣ и Черниговскій Троицко-Ильинскій, находившійся въ прямой зависимости отъ Черниговскаго архіерея, смотрѣли на раскольниковъ не столько какъ на разномыслящихъ въ дѣлахъ вѣры, сколько какъ на удобныхъ и полезныхъ поселенцевъ на свободныхъ и обширныхъ монастырскихъ земляхъ. Изъ царскаго указа, отъ 5-го октября 1720 года, открывается другой любопытный фактъ, что Черниговская Троицко-Ильинская типографія печатала «учебные часословы по желанію раскольническому, которые явились чрезъ розыскъ калужаниномъ Ерастомъ Кадминымъ, что онъ такіе часословы въ прошлыхъ годахъ подряжалъ печатать проискомъ своимъ и

---

[1]) Письма Преосв. Лазаря Барановича. Изд. 11. Черниговъ. 1865. Стр. 43. Въ томъ же письмѣ преосв. Лазарь Барановичъ писалъ: «годичнымъ пѣшеходъ соборный за подписомъ всѣхъ архіереевъ остался тамъ, въ хранилищѣ государственномъ. Думаю, что изданъ будетъ въ свѣтъ, потому что освѣщенъ столь многими свѣтилами. Я разумѣю *Жезлъ:»*...... Ср. также письмо его же къ о. архимандриту Печерскому, стр. 46—47. Жезлъ Правленія былъ напеч. въ Москвѣ въ 1666 г. и разосланъ по церквамъ отъ имени п. Іоасафа. Библіографич. замѣтки о книгѣ въ Христ. Чт. 1860 г., 11, 482.

продавалъ ихъ на ярманкахъ»[1]). Въ отвѣтахъ на вопросные пункты,

[1]) П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. т. I. № 197, ст. 249. Въ Черниг. Губ. Вѣдом. за 1850 г., № 37, стр. 349—351, напечатанъ другой указъ Петра Великаго, отъ 22 декабря того же года, по которому Черниговская типографія отдана въ разсужденіи «смотрѣнія и надзиранія» мѣстному архіепископу. Здѣсь снова указывается «на учебные часословы», напечатанные по желанію раскольническому, а также и на книгу «Богомысліе», напечатанную въ 1710 г., въ которой «явилась многая лютеранская противность». Интересно, что этотъ царскій указъ, хранящійся въ ризницѣ Черниговскаго Троицко-Ильинскаго монастыря, не вошелъ въ каталогъ грамотъ царей и патріарховъ, составленный вѣроятно въ томъ же монастырѣ въ началѣ прошлаго или въ концѣ даже XVIII в. вѣка и писанный стариннымъ языкомъ. Типографщикомъ Семеномъ Ялинскимъ еще при Лазарѣ Барановичѣ тайно печатались тысячи экземпляровъ грамматикъ, часослововъ, элементарей и пр. Пис. Лаз. Барановича, 152. Интересно и то, что дѣло Калужанина Ераста Кадмина, обвинявшагося въ распространеніи раскольническихъ книгъ и въ противности къ св. восточной церкви, производилось въ сенатѣ, даже безъ всякаго сношенія съ духовными властями. Сенатъ самъ призывалъ Кадмина предъ себя, увѣщевалъ его принесть повинную въ своихъ противностяхъ, на что Кадминъ отвѣчалъ, «что де онъ противности не имѣетъ, а утверждается на старопечатныхъ книгахъ. А о сложеніи перстовъ ко изображенію креста показалъ противность въ томъ: правою рукою сложеніе по старопечатнымъ книгамъ, а лѣвою по новоисправнымъ. И о томъ спрашиванъ же, для чего онъ такъ противно церкви и новоисправнымъ книгамъ чинитъ, на что онъ сказалъ: правою рукою такое сложеніе перстовъ имѣетъ для того, что де старое, а лѣвою для того, что новое». Сенатъ 1719 г., 7-го апрѣля, приказалъ: «ево, Кадмина, за тое его противность, покамѣсть онъ исправитца, какъ св. церковь пріемлетъ, послать на каторгу; и онъ въ той противности себя признаетъ и принесетъ повинную, о томъ доложить въ сенатѣ и о томъ въ Адмиральтейскую Коллегію (завѣдывавшую каторжниками) послать его великаго государя указъ» Ист. Рос. Соловьева, т. XVI, стр. 24—25, 336—353; П. С. З. №№ 3663, 2602, 3400; А. М. Ю. кн. 1/1, л. 299—302; кн. 11/108, л. 3; кн. 4/156, л. 287; кн. 8/78, л. 1039—1042; кн. 20/26, л. 1735; кн. 10/80, л. 472—479; кн. 9/125, л. 168—176. О вмѣшательствѣ Сената въ дѣла вѣры и нравственности подробности см. въ историко—юридическомъ изслѣдованіи г. С,

по указу Св. Синода отъ 16 мая 1723 г., предложенные Златоустовскому архимандриту Антонію по дѣлу о забраніи въ Москвѣ со Спасскаго моста разныхъ запрещенныхъ книгъ и тетрадей, онъ, между прочимъ, писалъ, что „у московскихъ книгопродавцевъ явились подозрительныя книги, а именно книга печатная Псалтырь, которая печаталась въ Черниговѣ воровски съ могилевской печати, также и могилевскихъ старопечатныхъ книгъ и тетрадей, на которыхъ утверждаются раскольники, явилось не малое число, въ которыхъ и разные смѣхотворные и сквернословные"[1]). Да если бы и предпринимались въ указанное время какія либо миссіонерскія мѣры противъ раскольниковъ со стороны мѣстной духовной власти, то врядъ ли онѣ могли принести какую либо дѣйствительную пользу, или даже просто произвести благопріятное впечатлѣніе на раскольниковъ. Извѣстно, какъ раскольники относились къ малороссійскимъ священникамъ и монахамъ. „Пріѣзжіе нехаи", т. е. малороссы, пріѣхавшіе въ Москву малороссийскіе ученые монахи, «свели съ ума Никона и его справщиковъ», говоритъ первый раскольническій челобитчикъ Савватій[2]). О Лазарѣ Барановичѣ раскольники еще въ 80-хъ годахъ XVII в. говорили, что, благодаря ему, «въ Москвѣ въ церквахъ стала Польша, поютъ будто въ гудки и въ волынки и въ шеламайки и въ органы играютъ, и стали де церкви костелами», и что эти шаламайки тоненькія и басы присланы были первоначально Лазаремъ Барановичемъ въ Москву патріарху изъ Новгородка сѣверскаго[3]). Въ первой половинѣ

Петровскаго: *о Сенатѣ въ царствов. Петра Вел.* М. 1876 г. стр. 318—326. (Описаніе документовъ и бумагъ, хранящ. въ Москов. архивѣ Минист. Юстиціи Кн. 3. М. 1876 г.).

[1]) Опис. док. и д. син. арх. т. 1, 169, № 178—163; 111, № 311, стр. 296—297.

[2]) Три челобитныя, изд. Кожанчикова, стр. 27.

[3]) Доп. къ А. И., т. XII, № 17, стр. 149. М. А. М. Ин. Д. Дон. Д. Св. XVII, 1688, № 5 (очная ставка Павла Чекунова съ попомъ Самойлой и повинная казака-раскольника, есаула Ивашки Рабынина). См. *Дружининъ, В. Г.;* Расколъ на Дону въ концѣ XVII в. Стр. 123, 303 и 315.

XVIII в. у раскольниковъ выработалось даже положеніе, что правильные попы и архіереи должны быть непремѣнно великороссійскаго происхожденія, а не малороссійскаго, и притомъ такіе, которые бы рукоположеніе имѣли по восходящей линіи постоянно отъ „архіереевъ-великороссовъ“, несомнѣнно въ три погруженія, а не обливательно крещенныхъ, до временъ патріарха Іосифа, безъ всякаго участія архіереевъ-малороссіянъ, поголовно подозрѣваемыхъ въ обливанствѣ. Такой взглядъ на малороссійскихъ архіереевъ и іереевъ вышелъ первоначально изъ малороссійскихъ раскольническихъ слободъ и сдѣлался потомъ общимъ достояніемъ великороссійскаго старообрядчества, поповщинскаго толка по преимуществу. Естественно, что при указанныхъ условіяхъ противораскольническое миссіонерство малороссійскихъ архіеревъ и іереевъ не могло имѣть благопріятныхъ послѣдствій у стародубскихъ раскольниковъ, если бы среди ихъ и нашлись дѣятели, пригодные для этой тернистой нивы. Не легко было и опытнымъ миссіонерамъ «съ невѣждами и неучами» упражняться въ «нерегулярныхъ диспутахъ и въ упорныхъ ихъ невѣжескихъ словопреніяхъ»[1]).

Позднѣйшая исторія миссіонерства среди стародубскихъ раскольниковъ связывается съ общими миссіонерскими мѣрами противъ раскольниковъ, начавшимися со времени царствованія Петра I, когда сдѣлалось возможнымъ болѣе или менѣе правильное противораскольническое миссіонерство. Первоначальникомъ на поприщѣ этого миссіонерства былъ основатель Саровской пустыни іеросхимонахъ Іоаннъ, въ монашествѣ Исаакій. Во время путешествій для собственнаго назиданія по разнымъ приволжскимъ монастырямъ еще въ концѣ XVII в., онъ, между прочимъ, сталкивался съ людьми, зараженными расколомъ, вступалъ съ ними въ разговоры, вслѣдствіе чего у него и явилась потребность узнать какъ раскольническое ученіе, такъ и опроверженія его по ученію св. православной церкви. Собственно ареной миссіонерской его дѣятельности были заволжскіе раскольничьи скиты на Керженцѣ. Повѣствованіе его о „разглагольствіяхъ о вѣрѣ“ съ раскольниками, обращеніе ихъ и поѣздки о. Исаакія въ заволжскіе скиты составляютъ содержаніе извѣстнаго его «Сказанія о обращеніи раскольниковъ заволжскихъ», обнимающаго собою

1) П. с. п. и р. по вѣд. пр. исп. 1, № 152, ст. 207.

періодъ времени съ 1700 г. по 1705 г.[1]). И потомъ, когда прекратилъ о. Исаакій свои путешествія въ раскольничьи скиты и селенія, раскольники сами приходили къ нему для собесѣдованій и нерѣдко обращались и оставались съ нимъ иночествовать, какъ показываетъ царская грамота отъ 28 марта 1711 г., которою предоставлялась ему власть надъ раскольниками такая же, какая дана потомъ Питириму грамотою отъ 20 августа 1711 г. Именно въ царской грамотѣ, данной о. Исаакію, въ заключеніе говорилось: «и какъ къ тебѣ сія наша, Великаго Государя, грамота придетъ, а также раскольники и самовольники монахи впредь въ тѣхъ нашихъ сторонахъ буде явятся..., и тебѣ въ обращеніи ихъ чинить разговоръ съ ними съ прилежаніемъ.... А на ослушниковъ и противниковъ писать тебѣ къ намъ, Великому Государю..., и упорныхъ присылать за провожатыми къ Москвѣ для подлиннаго свидѣтельства и наказанія». И самъ Питиримъ, поставившій завѣтнымъ желаніемъ и душевнымъ стремленіемъ своимъ «о обращеніи заблудшихъ душъ человѣческихъ попеченіе имѣти», величаемый за свою противораскольническую дѣятельность «равноапостольнымъ», введенъ былъ на поприще своего равноапостольнаго подвига о. Исаакіемъ въ 1705—1706 г., когда онъ просилъ Питирима, въ то время еще скромнаго строителя Переславльскаго Николаевскаго монастыря, что на болотѣ, вмѣсто него ѣхать къ раскольникамъ за Волгу—«учить и ко обращенію ихъ приводить». Со времени первой поѣздки Питирима на Керженецъ, не позже мая 1706 г.,

---

[1]) «Сказаніе» напечатано въ 3 кн. «Братскаго Слова» за 1875 г. и отдѣльною книжкою, подъ заглавіемъ: «Іеросхимонаха Іоанна, основателя Саровской пустыни, сказаніе о обращенія раскольниковъ заволжскихъ. 1700—1705 г.г.» (М. 1875. т. 8). Критическій обзоръ этого «Сказанія» см. въ Христ. Чтеніи» за 1875 г., кн. XII. Кромѣ того въ приложеніи къ «Тамбов. епарх. Вѣд.» за 1878 г. напечатана «Похвала на обращеніе заволжскихъ раскольниковъ и увѣщаніе ко обращающимся», трудъ того же іеросхимонаха. «Похвала» вышла и отдѣльной брошюрой. О мисс. дѣятельности іеросхимонаха Іоанна Саровскаго см. ст. въ Правосл. Обозр.» Н. А. Сахарова за 1874 г., кн. XI и XII, и критическую замѣтку іеромонаха Порфирія за 1887 г., кн. XII, подъ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ объ Іоаннѣ Саровскомъ какъ дѣятелѣ противъ раскола», стр. 800—804.

начинается его миссіонерская дѣятельности среди раскольниковъ, сблизившая его съ Петромъ Великимъ и оставившая свой слѣдъ на законодательствѣ Петра I противъ раскольниковъ, дѣйствовавшемъ потомъ почти цѣлое полстолѣтіе въ Россіи, вплоть до Петра III и Екатерины II.

Съ учрежденіемъ Св. Синода обращено было болѣе серьезное вниманіе и на раскольниковъ. Для обращенія и примиренія ихъ съ церковію были приняты разнаго рода мѣры, положительныя и отрицательныя. Прежде всего имѣлось въ виду остановить дальнѣйшее распространеніе и усиленіе раскола, ослабить вліяніе всѣхъ тѣхъ средствъ, которыя питали расколъ Въ этихъ видахъ въ 1721 г. состоялось синодальное опредѣленіе о томъ, чтобы забираемы были въ приказъ церковныхъ дѣлъ въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ продаваемые листы разныхъ священныхъ изображеній, службы, каноны и молитвы, письменныя и несвидѣтельствованныя, старопечатныя и харатейныя книги, покупаемыя раскольниками, «противныя церкви святой и не безъ порицанія». Тогда же состоялось опредѣленіе объ изъятіи изъ церквей иконъ раскольническихъ и книгъ старопечатныхъ до-іосифовскихъ; при нахожденіи иконъ и книгъ въ мірскихъ домахъ предписывалось жителей по желанію записывать въ расколъ и брать двойной окладъ, или же при сопротивленіи передавать свѣтской власти, а раскольничьи вещи и мнимыя таинства, какъ непотребныя, нисповергать въ воду или огонь и сосуды забирать въ приказъ[1]). Въ 1722 г Св. Синодъ издалъ печатное объявленіе, которымъ расколоучители приглашались въ Синодъ для свободнаго собесѣдованія по разнымъ вопросамъ вѣры; мало того, имъ самимъ даже предоставлялось право назначать мѣсто и время для этихъ разглагольствованій о вѣрѣ. Этимъ путемъ имѣлось въ виду скорѣе примирить ихъ съ церковію, чѣмъ практиковавшимся дотолѣ путемъ прямаго ихъ преслѣдованія, согласно извѣстнымъ статьямъ царевны Софьи Алексѣевны 1685 г., когда раскольниковъ, какъ враговъ церкви и государства, повелѣвалось разыскивать, ловить и жечь съ ихъ жилищами. Но и эта мѣра, повидимому радикально измѣнявшая отношеніе церковной власти къ раскольникамъ, не сопровождалась успѣхомъ и не измѣнила ихъ отношеній къ

[1]) Опис. докл. и д., хран. въ арх. Св. Син. т. 1, №№ 170—163 и 180—252. П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. IV, № 1367, стр. 207.

церкви: расколоучители въ Синодъ не являлись и даже совершенно игнорировали это приглашеніе. Въ тѣхъ же видахъ обращенія и примиренія съ церковію рѣшено было испробовать еще одну мѣру воздѣйствія на раскольниковъ, именно—послать въ главные пункты раскольничьихъ поселеній особыхъ духовныхъ миссіонеровъ для собесѣдованій съ ними о вѣрѣ, обличенія ихъ заблужденій и увѣщанія къ примиренію ихъ съ церковію[1]).

Тонъ противораскольническому миссіонерству въ то время задавалъ Нижегородскій еп. Питиримъ. Онъ былъ самымъ дѣятельнымъ и ревностнѣйшимъ борцомъ противъ раскола, посвятившимъ на это дѣло всю свою жизнь. Считая раскольниковъ противниками церкви и государства, видя ихъ размноженіе и усиленіе, онъ хорошо понималъ, что прежде всего необходимо «размноженіе остановить, чтобы нигдѣ они не учили. А гдѣ станутъ раскольщики учить, и тѣхъ хватать и наказовать, а не худо и учителей неявнымъ образомъ смирять». Особенный вредъ видѣлъ справедливо онъ въ размноженіи по лѣсамъ раскольническихъ скитовъ, мужскихъ и женскихъ, бывшихъ дѣйствительно сильнымъ орудіемъ распространенія раскола, почему и рекомендовалъ узаконить, чтобы старцы и старцы жили только въ извѣстныхъ градскихъ и пустынныхъ монастыряхъ, а «въ лѣсахъ, и въ поляхъ, и въ погостахъ, и въ мірскихъ домахъ никому жить не велѣть подъ смертною казнію», развѣ только съ позволенія мѣстнаго архіерея. Онъ же находилъ, что «подъ тѣсноту штрафовъ и окладовъ удобнѣе къ церкви присоединять». Не довольствуясь однако внѣшними мѣрами противъ раскола, онъ хотѣлъ дать и болѣе твердыя и положительныя начала противораскольнической миссіонерской дѣятельности. Лучшимъ средствомъ въ этомъ отношеніи было заведеніе училищъ и распространеніе образованія. Заботы Питирима объ образованіи извѣстны. Въ 1721 году, въ слѣдъ за обнародованіемъ духовнаго регламента, онъ открылъ въ Нижнемъ Новгородѣ «двѣ граматическія школы, еллиногреческую и славянороссійскую»; въ 1730 г. открылъ въ

---

[1]) П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. т. 11, №№ 377, 380, 385, 450, т. IV, № 1436, стр. 296—298.—Полн. Соб. З. Р. Имп. т. VI, №№ 3891, 3925. Принимались въ то время и мѣры литературнаго воздѣйствія на раскольниковъ. П. с. п. и р. по в. прав. исп. 111, № 1089, стр. 131; IV, № 1246, стр. 104—105.

Юрьевцѣ-Поволжскомъ «славянороссійскую школу»; а въ 1738 г., преобразовавъ прежде основанныя школы, присоединилъ къ нимъ высшую славяно-латинскую. Кромѣ того извѣстенъ еще его проектъ объ открытіи 13 школъ, осуществленный уже послѣ его смерти въ 1739 году. Въ тѣхъ же видахъ прочнаго утвержденія православія, онъ преобразовалъ и устроилъ нѣсколько монастырей, преимущественно въ мѣстахъ, зараженныхъ расколомъ, и образовалъ при себѣ спеціальныхъ противораскольническихъ миссіонеровъ. Это были: Филаретъ, обращенный изъ раскола еще Исаакіемъ, Неофитъ, Андроникъ, Іосифъ Рѣшиловъ и др. Этими усердными помощниками Питирима и воспользовался Св. Синодъ, когда рѣшилъ послать въ главные пункты раскольническихъ поселеній особыхъ миссіонеровъ «для увѣщанія и обращенія раскольниковъ къ церкви». Между ними и распредѣлены были для миссіонерства главные центры раскола: Поморье досталось на долю Неофита, Поволжье Филарету, а Стародубскіе раскольничьи слободы выпали на долю Іосифа Рѣшилова[1]) Одновременно съ ними дѣйствовалъ въ Курляндіи и Лифляндіи еще Маркеллъ Родышевскій, хотя и вышедшій изъ другой школы, но ни мало не отличавшійся по характеру своихъ миссіонерскихъ дѣйствій отъ учениковъ Питирима. Онъ хвалился предъ Св. Синодомъ тѣмъ, что „прилежнымъ тщаніемъ вездѣ здѣсь крывшійся бородатыхъ раскольниковъ въ бородахъ ихъ гнѣздившійся пекельный змій съ онымъ гнѣздомъ своимъ, еже есть бородами, истребленъ и всегда истребляется, и суевѣріе всякое отъ среды ихъ извъемлется“. Рижскихъ раскольниковъ и неисповѣдывавшихся въ четыредесятницу, съ помощію нѣмецкихъ солдатъ, «загонялъ онъ какъ овецъ въ цидодѣлю» и приказывалъ имъ «говѣть нѣсколько дней и всѣхъ сподобить св. таинъ Христовыхъ» попу Рижскаго русскаго рынка[1]).

---

[1]) Чт. въ общ. ист. и древн. Росс. 1860 г. IV, смѣсь, стр. 281. Доношеніе Питирима о раскольникахъ.—П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. т. I, № 150 (131), стр. 207—208; т. II, № 410, стр. 60. Ср. Опис. док. и д., хран. въ арх. Св. Син. 1, № 65—28, стр. 46. Христ. Чт. 1874 г. т. III. 295, 298. Странникъ 1881 г. Сент. Ст. Н. Сахарова: Дѣятельность Питирима Нижегородскаго противъ раскола, стр. 116—118.

[1]) Опис. док. и д., хран. въ арх. Св. Син. III, ст. 445—446. П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. IV, № 1361, стр. 204—205.

Іосифъ Рѣшиловъ, по его собственному показанію, былъ родомъ изъ г. Бѣлева и происходилъ изъ раскольничьей семьи. Отецъ его, въ качествѣ крѣпостнаго человѣка мѣстнаго Преображенскаго монастыря, отправлялъ обязанности дворника на монастырскомъ подворьѣ. По всей вѣроятности подъ вліяніемъ монастыря Рѣшиловъ выучился грамотѣ и пріобрѣлъ нѣкоторое церковное образованіе, а потомъ, какъ человѣкъ грамотный, начитанный, способный, въ особенности же какъ жаркій ревнитель древняго благочестія, онъ скоро успѣлъ завоевать и выдающееся положеніе среди мѣстныхъ раскольниковъ, пріобрѣсть ихъ любовь и уваженіе. Еще будучи молодымъ человѣкомъ, онъ сдѣлался раскольничьимъ наставникомъ и отправлялъ обязанности раскольничьяго попа: „обоего пола людей, крещенныхъ въ православное исповѣданіе, по раскольничьему мудрованію перекрещивалъ, и младенцевъ крестилъ, и исповѣдывалъ, и пріобщалъ полученными яко бы божественными дарами отъ раскольническаго учителя игумена Іова, и въ монахи и въ монахини постригалъ, и мертвыхъ погребалъ, и родильницамъ молитвы читалъ, а литургію по раскольническому мудвованію никакъ не служивалъ“[1]). Быстрый успѣхъ среди мѣстныхъ раскольниковъ вскружилъ молодую и честолюбивую голову Рѣшилова; онъ сталъ заботиться о расширеніи поля своей дѣятельности. Сдѣлавшись пропагандистомъ раскола, онъ скоро нашелъ себѣ обширный кругъ послѣдователей и учениковъ «въ разныхъ епархіяхъ и мѣстахъ», какъ онъ самъ высказывался о себѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ побывалъ и во всѣхъ тогдашнихъ главнѣйшихъ центрахъ раскола, въ томъ числѣ въ Стародубьѣ, на Вѣткѣ и въ другихъ заграничныхъ мѣстахъ, гдѣ жили раскольники. Изъ слѣдственнаго дѣла о тверскомъ архіепископѣ Ѳеофилактѣ Лопатинскомъ и о соприкосновенныхъ къ нему лицахъ 1734—1739 гг., именно изъ показанія архимандрита Іоасафа Маевскаго видно, что Рѣшиловъ, будучи раскольникомъ, былъ съ учениками своими раскольническими въ Венграхъ, на

---

[1]) Чистовичъ. Рѣшиловское дѣло. Спб. 1861, стр. 25.—Раскольничій учитель игуменъ *Іовъ* (†1680 г.) пользовался особеннымъ уваженіемъ среди Бѣлевскихъ раскольниковъ, такъ какъ среди ихъ болѣе 20 л. насаждалъ расколъ одинъ изъ его учениковъ—чернецъ Никодимъ.

Подолѣ и на Волыни, жилъ подъ протекціею князя Любомірскаго, не далеко отъ мѣстечка Полоннаго[1]).

Въ 1719 г. мы встрѣчаемся съ Рѣшиловымъ на Керженцѣ. Въ то время какъ прибыло сюда начальство для переписи раскольниковъ въ двойной окладъ, со стороны Рѣшилова и его учениковъ—монаха Діонисія и монахини Аполлинаріи—послѣдовало заявленіе, что „въ двойной окладъ они записываться не хотятъ, а пусть де насъ отправятъ къ преосвященному Питириму для разговоровъ изъ писанія“ (Рѣшиловское дѣло. стр. 30). Желаніе ихъ было исполнено. Разговоры и увѣщанія преосвященнаго Питирима произвели то, что Рѣшиловъ съ учениками перешелъ изъ раскола въ православіе, принялъ монашество и рѣшился доказать искренность своего обращенія въ миссіонерской борьбѣ съ ревнителями старой вѣры.

Обращеніе Рѣшилова съ учениками къ православной церкви считалось важнымъ миссіонерскимъ пріобрѣтеніемъ еп. Питирима. Недаромъ его называли «всѣхъ толковъ раскольническихъ учителемъ».

Съ 1720 г. начинается уже собственно православная миссіонерская дѣятельность монаха Іосифа Рѣшилова. Она началась при слѣдующихъ обстоятельствахъ: онъ присланъ былъ въ Москву преосвященнымъ Питиримомъ вмѣстѣ съ Діонисіемъ для обращенія въ православіе тѣхъ, которыхъ раньше привлекъ «къ раскольнической прелести» въ Бѣлевскомъ, Глуховскомъ и въ другихъ уѣздахъ, по его собственному вызову на это дѣло. Въ московскомъ приказѣ церковныхъ дѣлъ захотѣли

---

[2]) Извлеченіе изъ слѣдственнаго дѣла о тверскомъ архіепископѣ Ѳеофилактѣ Лопатинскомъ и о прикосновенныхъ къ нему лицахъ, въ особенности о іеромонахѣ Іосифѣ Рѣшиловѣ и архим. Іоасафѣ Маевскомъ, 1733—1735. Сообщ. архим. Макарій, 8⁰, брош. Было напечатано первоначально въ Чт. общ. ист. и древн. Росс. при Моск. унив. 1863 г., кн. IV, отд. V, стр. 56. Срав. Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ. т. 106, стр. 496 г. Пис. кабинетъ-министровъ, отъ 8 окт. 1733 г., къ гр. Салтыкову, о посылкѣ, двухъ оберъ-офицеровъ въ Твер. епархію въ Покровской Раковъ и въ Успенскій Старицкій, да въ Смолен. еп. въ Бизюковъ монастыри для слѣдствія объ ономъ Рѣшиловѣ и отысканія писемъ его. Есиповъ, Г. Раск. дѣла XVIII в. т. 1. Спб. 1861 г. стр. 41—43.

прежде всего воспользоваться бывшимъ „всѣхъ толковъ учителемъ" для собесѣдованія съ мѣстными раскольниками, для чего и вызваны были въ приказъ нѣкоторые изъ записныхъ раскольниковъ Хамовой слободы, а именно: Иванъ Дубовскій, Панкратъ Анисимовъ, Иванъ Степановъ Мыльниковъ, петербургскій житель, и раскольническій дьячекъ Алексѣй Никитинъ. Собесѣдованіе было назначено на 8 декабря 1720 г. Раскольники въ приказъ явились, но при этомъ заявили, что съ Рѣшиловымъ безъ именнаго царскаго указа разговоровъ о вѣрѣ имѣть не будутъ, и что ихъ „въ раскольнической мѣрѣ уволилъ быть царское Величество, о чемъ публиковано было и указами по градскимъ вратамъ". Такъ и не состоялось миссіонерское собесѣдованіе Рѣшилова въ Москвѣ. Оказались почти безрезультатными его и послѣдующія миссіонерскія попытки здѣсь[1]).

Сравнительно большимъ успѣхомъ сопровождалась миссіонерская дѣятельность Рѣшилова въ Бѣлевѣ, на мѣстѣ его родины. Поданный

[1]) П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. т. 1, № 252 (257). Тамъ же т. II, № 473; III, № 1086, стр. 126—127. Опис. док. и д. арх. св. син. т. 1, № 180—252, стр. 179—180. Извѣстно только обращеніе раскольника дьяконова согласія, жителя Московской Таганной слободы Ив. Елис. Бѣляева. Онъ былъ «сговоренъ» въ расколъ въ 1705 г. учителемъ Діаконова согласія въ Москвѣ Θедоромъ Мясниковымъ, въ 1709 г. увезенъ въ Польшу и до 1721 г. жилъ въ разныхъ мѣстахъ. Увидя въ раскольническихъ толкахъ многія несогласія, распри, раздоры, ереси и противности св. церкви, пришелъ въ Москву и въ мартѣ 1721 г. обратился «къ раскольническому обращателю» Іосифу Рѣшилову, который, по разглагольствіи отъ св. писанія, увѣрялъ и увѣщевалъ его, потомъ объявилъ о немъ въ Москов. Тіунской Палатѣ архим. Антонію, и послѣ допроса онъ съ письмомъ былъ отправленъ на Варварскій Крестецъ къ наказному попу Трифону Агафонову, гдѣ раскольническую ересь «отъ всего желанія своего» проклялъ и къ св. церкви присовокупленъ. Съ августа 1724 г. онъ сдѣлался келейникомъ іеромонаха І. Рѣшилова; 4 іюня 1725 г. Рѣшиловъ выѣхалъ изъ Александроневскаго монастыря къ Тверскому архіерею, отославъ келейника. Бѣляевъ въ томъ же іюнѣ по прошенію отосланъ въ Александроневскій монастырь. Опис. д. и д., хран. въ арх. св. Син. т. V, ст. 343—344.

имъ Крутицкому митрополиту Игнатію, во время пребыванія въ Москвѣ, реестръ о Бѣлевскихъ раскольникахъ и личныя указанія на мѣстѣ повели къ обнаруженію здѣсь широко распространенной «раскольнической прелести», которою были заражены почти сплошь не только Бѣлевскіе посадскіе люди и крестьяне, но и окрестные помѣщики и даже священники. Въ Бѣлевъ были посланы: самъ Рѣшиловъ, приказный монахъ Крутицкаго архіерейскаго дома Бѣляевъ и подъячій Иванъ Кондратьевъ; самое разслѣдованіе о мѣстныхъ раскольникахъ по реестру Рѣшилова поручалось произвести архимандриту Бѣлевскаго Преображенскаго монастыря Павлу. «И оные Бѣляевъ и архимандритъ по оной росписи слѣдовали и по ихъ слѣдованію показанные раскольники скрылись, а иные чинились противны и посыльныхъ били смертно»... Въ числѣ скрывшихся были—мать, сестра и другіе сродники Рѣшилова, а бившими слѣдователей были Бѣлевскіе помѣщики Воейковы, у которыхъ въ домахъ жили многіе раскольники, чернецы черницы и бѣльцы, и которые и сами и люди и крестьяне жили въ расколѣ. Завзятымъ раскольникомъ оказался и другой Бѣлевскій помѣщикъ, вмѣстѣ съ семействомъ, дворовыми людьми и крестьянами, именно Василій Кондратьевъ Павловъ, петровскій генералъ-рекетмейстеръ, какъ и другіе мѣстные помѣщики. Въ числѣ захваченныхъ слѣдователями раскольниковъ былъ чернецъ Никодимъ, издавна распространявшій здѣсь расколъ и бывшій ученикомъ знаменитаго въ исторіи поповщинскаго раскола игумена Іова Тимоѳеева, извѣстнаго сѣятеля раскола какъ въ средней Россіи, такъ и на Дону († 1680)[1].

---

[1]) Подробности объ Іовѣ см. въ изслѣдованіи *В. Г. Дружинина*: Расколъ на Дону въ концѣ XVII в. Спб. 1889. П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. т. II, № 939; т. III, № 1036.—Показанія Никодима имѣютъ историческій интересъ, почему мы ихъ и приведемъ здѣсь. По его показанію онъ былъ постриженъ въ монашество въ пустынѣ, что на Льговѣ, между Рыльскомъ и Курскомъ, и жилъ въ той пустынѣ лѣтъ съ шесть, и что въ той пустынѣ литургію служили на 7 просфорахъ, а на нихъ знаменіе—крестъ съ подножіемъ и Адамовою главою. Далѣе онъ показалъ, что изъ пустыни съ Іовомъ и съ начальнымъ отцемъ монахомъ Нифонтомъ и прочими монахами, всего 130 человѣкъ, вышли они на Донъ въ лѣсъ, построили тамъ церковь во имя Покрова Пре-

Съ 1721 года монахъ Рѣшиловъ, какъ противораскольническій миссіонеръ, становится извѣстнымъ и св. Синоду. Дѣло было такъ. Въ то время въ московскомъ Приказѣ церковныхъ дѣлъ были сильно заняты вопросомъ объ искорененіи обнаружившейся въ Калугѣ „раскольнической прелести“ и искали послать туда „изъ архимандритовъ или изъ игуменовъ или іеромонаха, добраго и учительнаго человѣка“, который бы могъ своимъ ученіемъ обращать раскольниковъ къ православной церкви. Подходящаго человѣка въ Москвѣ не оказалось: потому что, доносилъ св. Синоду Златоустовскій архимандритъ Антоній, судія приказа церковныхъ дѣлъ, хотя „которые отъ книгъ Божественнаго писанія и весьма довольство имѣютъ, но токмо ихъ раскольническихъ паденіевъ въ тонкость познать и съ ними разговоровъ вдаль имѣть не могутъ“. Въ качествѣ вполнѣ подготовленнаго къ такой дѣятельности человѣка архим. Антоній рекомендовалъ св. Синоду Рѣшилова, находя, что онъ «раскольническіе падежи всѣ знаетъ и нести оное дѣло можетъ безъ нужды,— понеже онъ доволенъ чтенія книгъ и другихъ языковъ» (sic!), и про-

святыя Богородицы. Съ Дона чрезъ три года Никодимъ ушелъ въ Карачевскіе лѣса, въ пустынь Милѣеву, и жилъ въ ней лѣтъ съ 7 съ строителемъ іеромонахомъ Досиѳеемъ, а изъ той пустыни вышелъ въ Бѣлевскій уѣздъ, въ д. Маршикову, къ помѣщику Алексѣю Гаврилову Кошелеву. У послѣдняго онъ пробылъ съ полгода и взятъ былъ въ с. Яхонтово, лѣтъ 20 назадъ, по его словамъ, помѣщикомъ Аѳ. Дм. Воейковымъ, устроившимъ ему съ братіей въ саду особыя кельи, въ которыхъ онъ отправлялъ по старопечатнымъ книгамъ вечерни и утрени, часы и правила. Для моленія, кромѣ домашнихъ Воейкова и его крестьянъ, пріѣзжали сюда и Бѣлевскіе посадскіе люди, которымъ онъ давалъ за причастье освященную Досиѳеемъ «св. великую воду», ѣздилъ и самъ въ Бѣлевъ. «А крестится онъ, Никодимъ, двѣмя персты, и въ церковь де онъ никогда для новыя службы не хаживалъ, и ходить, и слушать, и исповѣдываться, и св. таинъ причащаться, и благословенія архіерейскаго воспріять не хощетъ и до кончины жизни своей, для того, что де онъ самъ себѣ церковь». Такъ Никодимъ и умеръ безъ покаянія подъ карауломъ въ Бѣлевскомъ Преображенскомъ монастырѣ. Подробности о раскольствѣ генералъ-рекетъмейстера В. К. Павлова въ Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Син. т. II, ч. 2, ст. 473—497.

силъ его послать для обращенія раскольниковъ въ Калугу и другіе города—въ Вязники, во Ржеву Володимірову, въ Тверь, Торжокъ и прочія тамошнія мѣста. Св. Синодъ согласился съ соображеніями архим. Антонія и 29 сентября 1721 г. постановилъ, что «если Питириму въ монахѣ Іосифѣ Рѣшиловѣ нужды нѣтъ, и во обращеніи раскольниковъ ко св. церкви исправляться безъ него возможно, то отправить его, Рѣшилова, для лучшаго въ такомъ же обращеніи раскольниковъ спомоществованія, въ Москву, къ Златоустовскому архимандриту, не отложно». Въ январѣ 1722 г. Рѣшиловъ уже былъ въ Москвѣ и состоялъ въ распоряженіи Златоустовскаго архимандрита.[1]) Скоро однако вмѣсто Калуги и другихъ сосѣдственныхъ съ нею мѣстъ, по его собственному вызову, ему назначено было другое мѣсто для миссіонерства—Стародубье, гдѣ и самъ онъ прежде нѣкоторое время жилъ, находясь въ расколѣ.

5-го марта 1722 г. Рѣшиловъ подалъ въ св. Синодъ доношеніе, по поводу будущей своей миссіонерской дѣятельности, изъ котораго видно, что онъ хорошо зналъ условія жизни мѣстныхъ раскольниковъ и препятствія на пути своего миссіонерства среди ихъ. Онъ писалъ, что по своему прежнему пребыванію въ этой мѣстности онъ знаетъ, что отсюда «многочисленное число народа», великороссійскаго и малороссійскаго, бѣгутъ за польскую границу, въ Вѣтковскіе скиты и далѣе. Перечисливъ мѣста, черезъ которыя проходятъ бѣглецы, именно—Любечь, Радуль, Лоевскій перевозъ, Добрянку, Злынку, Тимошкинъ перевозъ и др., Рѣшиловъ просилъ, чтобы по указаннымъ трактамъ повелѣно было поставить крѣпкія заставы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ, чтобы св. Синодъ, для сбора положенныхъ съ раскольниковъ штрафовъ, „придалъ ему изъ отставныхъ офицеровъ или отъ гражданства человѣка добраго", а для обращенія и утвержденія обращающихся къ церкви раскольниковъ указывалъ на необходимость построить церковь въ слободѣ Зыбкой, тогдашнемъ центрѣ мѣстнаго раскольничьяго управленія, по примѣру преосвященнаго Питирима, устроившаго церковь въ 1721 г. въ Чернораменскихъ

---

[1]) П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. т. 1. №№ 45 (334), стр. 56—59; 252 (257), стр. 308; 332; ср. 386; т. III, № 1112, стр. 415—417. Ср. № 473. Опис. док. и д., хран. въ арх. св. син. т. 1, стр. 180—332—334, 572—573. Ср. Приложеніе XXV.

и Керженскихъ лѣсахъ, въ Балахонскомъ уѣздѣ[1]). О назначеніи офицера, „такъ какъ и Питириму, еп. Нижегородскому, опредѣленъ г. Ржевскій, какъ къ сборамъ денежнымъ, такъ и къ разыскнымъ дѣламъ, просилъ Рѣшиловъ потомъ почти во всѣхъ своихъ доношеніяхъ. Объ этомъ онъ, между прочимъ, просилъ частнымъ письмомъ отъ 2 ноября 1722 г. члена св. Синода, Чудовскаго архим. Ѳеофилакта. О необходимости «афицера», подобнаго Ржевскому, Синодъ нѣсколько разъ писалъ безуспѣшно и въ сенатъ[2]).

Предусматривая возможныя случайности своего будущаго положенія и зная по опыту образъ дѣйствій раскольниковъ, Рѣшиловъ при доношеніи приложилъ 11 пунктовъ и требовалъ отъ св. Синода надлежащихъ резолюцій. Пункты эти слѣдующіе.

1. Обрѣтающихся въ Стародубьѣ раскольниковъ вновь переписать надлежитъ ли и кому у той переписи быть, понеже съ записныхъ раскольниковъ со всѣхъ слободъ годовой окладъ 1200 р., а нынѣ въ тѣхъ слободахъ подъ вышеписаннымъ обрѣтаются незаписные таящіеся раскольники?

2. Ежели изъ оныхъ раскольниковъ, отъ дерзости ихъ мерзкой, похулятъ или въ словахъ продерзостно, подъ какими либо злохитроственными видами, упоминать будутъ Его Императорское Величество, что съ такими чинить?

3. Ежели запорубежные раскольники умысломъ, чрезъ подрядчиковъ,

---

1) П. с. п. и р. по в. пр. исп. т. II, № 406. Опис. док. и д., хран. въ арх. св. син. т. I, ст. 573. Здѣсь такъ перечислены мѣста, черезъ которыя проходятъ бѣглецы: «на Днѣпрѣ р., на Любецкомъ перевозѣ лѣтомъ, а зимою въ городѣ, обоя мѣста не далеко, въ верстѣ; на Радулѣ, слободѣ раскольнической, отъ города Любеча 15 в.; на Лоевскомъ перевозѣ на р. Днѣпрѣ, а городъ Ловье (Лоевъ)--польской, а по другой сторонѣ рѣки земля Государева; на перевозѣ Ериловичахъ г. Мена на р. Сожѣ; на Добрянкѣ, слободѣ раскольнической, г. Березна; на Злынкѣ, слободѣ расколнической, г. Стародубъ; на Доброшѣ г. Черниговъ; на Тимошкинѣ перевозѣ, раскол. слободѣ, г. Стародубъ; на Бобовичахъ застава Почепская городовая». См. примѣчаніе.

2) Опис. док. и д., хран. въ арх. Св. Син. т. I, 580 Полн. соб. пост. и расп. по вѣд. прав. исп. въ Росс. Имп. т. IV, № 1323, стр. 151.

малороссійскихъ людей, учнутъ провозить всякіе запасы, таковыхъ возбранять-ли?

4. Знатныхъ раскольничьихъ учителей къ записнымъ раскольникамъ, которые обрѣтаются въ Стародубьѣ, жить попускать-ли или подъ началъ отдавать?

5. Посылаемымъ изъ Стародуба за дѣлами въ разныя мѣста пашпорты чтобы давать отъ духовныхъ персонъ, понеже де торговые зарубежные люди пролыгаются стародубцами и тако проѣзжаютъ.

6. Учениковъ его, Рѣшилова, которые обрѣтаются въ разныхъ епархіяхъ въ расколѣ и непокорными себя объявляютъ, и тѣхъ подъ началъ ссылать-ли и пожитки ихъ на Императорское Величество описывать-ли?

7. Ежели кто изъ раскольниковъ обратится отъ раскола, тѣмъ войтами надъ слободами быть-ли?

8. О опредѣленіи указовъ, егда случится въ подводахъ нужда, о послушаніи по городамъ и селамъ синодальнымъ и свѣтскимъ камандамъ и о довольствованіи въ нужнѣйшихъ мѣстахъ пищею къ кому надлежитъ послать указы?

9. Которые обращающіеся раскольники изъ-за рубежа не могутъ выдти въ Россію, по оныхъ изъ казаковъ для выводу ихъ посылать-ли?

10. Обращающихся отъ раскола ко св. церкви, какъ монашескаго чина, такъ и безженныхъ, гдѣ ихъ опредѣлять и пищею и одеждою откуду ихъ довольствовать?

11. Ради перваго случая дабы дано было ему, Рѣшилову, казаковъ колико, по дѣлу смотря потребно будетъ, которые возмутся на Вѣтку за рубежъ для перезыву обращающихся въ Россію.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ томъ же доношеніи, Рѣшиловъ выразилъ желаніе имѣть при себѣ священника съ запасными дарами для обращающихся изъ раскола.

Собственно докладные пункты Рѣшилова были оставлены св. Синодомъ по существу безъ разсмотрѣнія, вѣроятно потому, что они не могли быть разрѣшены безъ сношенія съ сенатомъ; только на представленіе о священникѣ св. Синодъ 15 марта постановилъ: произвесть самаго Рѣшилова въ іеромонахи, что и было поручено исполнить Ѳиваидскому архіерею.

3-го мая 1722 г. назначенъ былъ въ Черниговъ новый архіерей, Иродіонъ Жураковскій, Въ виду этого обстоятельства, въ другомъ своемъ доношеніи, отъ 28-го мая, Рѣшиловъ ходатайствовалъ предъ Св. Синодомъ, чтобъ ему быть въ паствѣ у Иродіона, епископа Черниговскаго, отъ него получать дневную пищу и жалованье и его стараніемъ построить церковь въ слободѣ Зыбкой, и чтобъ ему, Рѣшилову, быть въ стародубскихъ слободахъ у проповѣди слова Божія въ такомъ же положеніи, какъ и у Питирима въ Керженскихъ лѣсахъ «опредѣленные іеромонахи живутъ и надлежащее по волѣ его отправляютъ, и сборы сбирая съ раскольниковъ, ему, епископу, отдаютъ, и всякое раскольническое беззаконіе усматриваютъ и по винамъ ихъ наказываютъ". 8 іюня Св. Синодъ утвердилъ это послѣднее представленіе іеромонаха Рѣшилова, поручивъ озаботиться построеніемъ церкви въ Зыбкой новоназначенному Черниговскому епископу, а 13 іюля назначилъ жалованье Рѣшилову «противъ дачи іеромонаха Неофита», по 60 руб. въ годъ, изъ суммъ предполагаемаго съ раскольниковъ сбора. Съ своей стороны и еп. Иродіонъ, повидимому вполнѣ солидарный съ Рѣшиловымъ въ предположенныхъ имъ мѣрахъ по обращенію стародубскихъ раскольниковъ, подалъ въ Св. Синодъ отъ 6 іюля доношеніе, въ которомъ просилъ, чтобы были посланы послушные указы кіевскому губернатору и малороссійскому гетману „объ охраненіи и о заставахъ въ пограничьѣ..., дабы въ соединеніи св. вѣры стародубскихъ раскольниковъ пресѣченія не было, также бъ и Кіевскому губернатору надъ раскольниками чтобы ни въ чемъ, кромѣ его архіерейства, власти не имѣть". Такимъ образомъ, не ограничиваясь мѣрами духовнаго воздѣйствія на раскольниковъ и заботами о соединеніи ихъ съ церковію, Черниговскимъ противораскольническимъ миссіонерамъ хотѣлось, чтобы раскольники были въ полномъ ихъ распоряженіи не только въ церковномъ отношеніи, но и гражданскомъ. Св. Синодъ, по доношенію еп. Иродіона, 9-го іюля постановилъ: послать указы къ Кіевскому губернатору и въ малороссійскую коллегію, а къ гетману Скоропадскому—грамоту, „о охраненіи и о заставахъ, дабы ни откуду въ сыску и во увѣщаніи онымъ Рѣшиловымъ пресѣченія не было", и для вспоможенія въ розыскахъ раскольниковъ требовать отъ Сената назначить изъ офицеровъ „человѣка добраго", по примѣру назначенныхъ въ Нижній-Новгородъ и другія мѣста.

Предъ отправленіемъ въ Стародубье Рѣшиловъ былъ снабженъ Св. Синодомъ, по его собственнымъ указаніямъ, рукописными и старопечатными книгами, пользовавшимися у старообрядцевъ особымъ уваженіемъ, сочиненіями русскихъ пастырей, для церковнаго служенія ризницей, тѣмъ и другимъ въ счетъ суммъ предполагаемыхъ съ стародубскихъ раскольниковъ сборовъ. Для разглагольствованій съ раскольниками, кромѣ богослужебныхъ книгъ, онъ считалъ необходимыми и слѣд. книги: 1) Библію, Острожской печати, 2) Евангеліе недѣльное, толковое, 3) Апостолъ толковый, письменный, 4) Апостольскія бесѣды съ Дѣяніемъ, кіевскія, 5) Псалтырь толковую Еронимову, Кассіодорову и пр., 6) Пророчество толковое, 7) Лексиконъ словенской, кіевской печати, 8) Алфавитъ азбучной, письменной, 9) Минеи—четьи, 10) Діонисія Ареопагита, 11) Кормчую, 12) Требникъ Іосифовскій, печатный, 13) Стоглавъ, 14) Максима Грека, 15) Григорія Амирицкаго, 16) Катихизисъ малый, печатный, П. Могилы, 17) Книгу о вѣрѣ, Москов. печ., 18) Книгу о вѣрѣ, Острож. печ., 19) Катихизисъ большой Москов. печ., 20) Номоканонъ—кіевскій, Петро-Могилинскій, 21) Кирилла Іерусалимскаго, Острож. печ., 22) Соборникъ Московскій, 23) Служебникъ Сергія Радонежскаго, 24) Маргаритъ, 25) Ефрема Сирина, 26) Хронографъ стараго письма, 27) Анастасія Синаита, 28) Лѣтописецъ Кіев., 29) Баронія, 30) Лѣствичникъ, 31) Іосифа Волоцкаго, 32) Николая Черногорца, 33) Симеона Ѳессалоникскаго, 34) Грамматику Московскую, 35) Матѳеовы правила, 36) Увѣтъ, 37) Пращицу, 38) Григорія Назіанзина, 39) Служебникъ І. Волоцкаго, 40) Прологи, 41) Козьмы Дикоплова, 42) Пѣснь пѣсней, толковую, 42) Евангеліе повседневное, 44) Апокалипсисъ толковый, 45) Служебникъ Іовлевскій, 46) Скрижаль, 47) О блаженствахъ, 48) О брадахъ, 49) О антихристѣ, 50) Благовѣстникъ, 51) Аѳанасія Алекс., 52) Регламентъ, 53) О соединеніи церквей молебное пѣніе.[1]) Уже одно то, что Рѣшиловъ старался

---

[1]) Опис. докум. и д., хран. въ арх. св. Син. т. 1, ст. 575—576. Ср. тамъ же книги, которыя требовалъ Неофитъ для собесѣдованія съ выгорѣцкими раскольниками, ст. 473 и д. III, 475. 1725 г. августа 17, по приказу св. Синода. изъ Синодальной канцеляріи іером. Іосифу Рѣшилову отдано было изъ книгъ Новгородскаго посадскаго человѣка *Михаили Сердюкова*, подозрѣваемкго въ расколѣ, двѣ минеи мѣсячныхъ служебныя.

запастись такимъ значительнымъ количествомъ старопечатныхъ и рукописныхъ книгъ, по большей части уважаемыхъ и старообрядцами, довольно выгодно характеризуетъ его, какъ миссіонера. Есть и другія указанія, свидѣтельствующія, что онъ хорошо понималъ условія миссіонерской дѣятельности среди раскольниковъ и старательно подготовлялся къ ней. Недовольствуясь своимъ практическимъ знакомствомъ съ расколомъ и раскольниками, не довольствуясь своимъ знакомствомъ и начитанностью въ старопечатныхъ книгахъ и рукописяхъ церковнаго характера, онъ, какъ человѣкъ богословски не образованный, искалъ содѣйствія и помощи у болѣе его вѣдущихъ и знакомыхъ съ богословіемъ и церковной практикой по существу. Извѣстно, что во время пребыванія своего въ Москвѣ онъ близко сошелся съ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, въ то время архимандритомъ Чудова монастыря и синодальнымъ совѣтникомъ, вѣдавшимъ, между прочимъ, раскольничьи дѣла въ Св. Синодѣ. Ѳеофилактъ былъ для него непререкаемымъ богословскимъ авторитетомъ; къ нему онъ нерѣдко обращался за совѣтомъ и разрѣшеніемъ недоумѣнныхъ для него церковнобогословскихъ вопросовъ. Такъ въ письмѣ отъ 2 ноября 1722 года, уже изъ Стародуба, напоминая Ѳеофилакту, какъ онъ при отъѣздѣ его, Рѣшилова, въ Черниговъ, сказалъ: «я твой стряпчій и ходатай; пиши ко мнѣ о своихъ нуждахъ“,—просилъ у него „отвѣтствованій

февраля да апрѣля мѣсяцевъ, по обрѣзу вызолочены; уставъ церковный, два требника, псалтирь со возслѣдованіемъ; два шестоднева, минея—четья генваря мѣсяца письменная въ десть, а псалтирь въ полдесть; итого 10 книгъ. Да присланныхъ изъ Псковской епархіи отъ поручика Зиновьева—соборникъ, да двѣ минеи служебныхъ февраль да апрѣль; всего 13 книгъ. Книги эти были частію старопечатныя, частію рукописныя и всѣ до—Никоновскія. По присхожденію Сердюковъ былъ изъ Мунгальскаго народа, родился при р. Селингѣ; въ 1691 г., 13 л., онъ былъ полоненъ „Черкасскаго гетмана дѣтьми, Петромъ да Яковомъ Самойловы“, напавшими тогда войною на Мунгальскій народъ. Енисейскій козакъ Иванъ Волосовъ привезъ его въ Енисейскъ и продалъ тамъ за 10 руб. Московскаго гостя Остафья Иванова Филатьева прикащику, Ивану Михайлову Сердюкову, который потомъ окрестилъ, отдалъ учиться словенской грамотѣ и научилъ купечеству. Опис. д. и д., хран. въ арх. Св. Син. III, 466—475.

противъ презлѣйшихъ раскольниковъ, за що гаждають церковь святую, какъ великороссійскую, такъ и малороссійскую, о св. крещеніи»,—отвѣтствованій, которыя какъ «громогласныя трубы» вопіяли бы „противу супостатовъ"[1]). Позже онъ пришелъ даже къ мысли поражать раскольниковъ указаніями на памятники церковной старины. Въ доношеніи Св. Синоду, отъ 23-го іюня 1725 г., онъ просилъ послать указъ Кіевскому архіерею, «чтобы онъ описалъ персонально на бумагѣ олтарь Софійской, который мусіею изображенъ, слово въ слово, для того, что въ бытность мою въ Кіевѣ самъ видѣлъ у святителей и Михаила и Гавріила небесныхъ силъ на жезлахъ крестъ четыреконечный; много такихъ также и руки благословляющія по преданію восходныя церкве: большій перстъ положенъ на перстѣ, что подлѣ малаго, а малый стоящь, а средній мало наклопенъ, и то будетъ во обличеніе раскольникамъ, понеже оныя изображенія отъ благовѣрныхъ князей россійскихъ старинныя". Св. Синодъ согласился съ этимъ представленіемъ и сдѣлалъ постановленіе о томъ, чтобы «помянутой въ Кіевѣ Софійской олтарь срисовать доброму живописцу, и, сверхъ того рисунка, для лучшаго разсужденія, учинить литерами обстоятельную тому всему опись"...[2]) Къ сожалѣнію, всѣ эти

---

[1]) Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Син. 1, 580. При раздѣленіи дѣлъ между Синодальными членами въ 1722 г., февраля 28, Синодальному совѣтнику Ѳеофилакту Лопатинскому вмѣстѣ съ асессоромъ Аѳанасіемъ Кондоиди поручено было вѣдѣніе раскольническихъ дѣлъ, на такихъ же основаніяхъ, какъ Гавріилу Бужинскому вѣдѣніе школъ и типографій съ тѣмъ, чтобы о важныхъ дѣлахъ они предлагали съ своимъ мнѣніемъ на общее разсужденіе Синода, а которыя не важны и разсмотрѣніемъ ихъ рѣшены быть могутъ, рѣшали безъ предложенія Синоду по св. правиламъ, государственнымъ правамъ и по содержанію присяжной вѣрности.

[2]) П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. т. V, № 1592. Постановленіемъ, отъ 24 января 1726 г., рѣшено было „присланное сентября 20-го прошлаго 1725 г. преосв. Варлаама, архіеп. Кіевскаго, доношеніе съ описью о настѣнномъ письмѣ св. образовъ и крестовъ въ алтарѣ Кіевскія соборныя церкве, въ которомъ мусіею изстари отъ благовѣрныхъ князей россійскихъ писаны у Святителей и у Михаила и Гавріила архангеловъ на жезлахъ, держимыхъ въ рукахъ, кресты четвероконеч-

благія его миссіонерскій намѣренія, какъ увидимъ ниже, не имѣли мѣста

ные, также и руки благословящія по преданію восходныя церкве, чему и рисунокъ пріобщенъ для извѣстія ко обращательству раскольниковъ — передать вицепризеденту св. Синода Ѳеофилакту, архіепископу Тверскому и Кашинскому, вѣдавшему дѣла по обращенію раскольниковъ. Тамъ же, № 1714. Рисунки и описанія Софійскаго алтаря присланы были архіеп. Варлаамомъ съ такими замѣчаніями: «А гдѣ въ олтарѣ для древности повыпадала мусія, красками простыми иконы не такъ уже давно изображены; въ олтарѣ тылко въ верху Богоматере большій образъ, ниже же на правой и лѣвой страницахъ Хр. Спасителя и 12 апостолъ, да еще нижае святителей и архидіаконовъ Стефана и Лаврентія иконы муссіею суть написаны и нынѣ въ цѣлости обрѣтаются; а по страницамъ правой и лѣвой св. трапезы, отъ самаго низу даже до верху, муссіи уже нѣтъ, и Богъ вѣсть, какъ она и когда пала. тылко многихъ святыхъ иконы на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было прежде изстари муссіею писано, простыми красками еще сказываютъ за П. Могилы, м. кіевскаго, написаны подводы зѣло не искуснымъ мастерствомъ. Какіе были для обветшалости красокъ, тѣ иконы много постиралися, гдѣ Михаилъ и Гавріилъ архангели не мусіею, но красками были написаны зъ крестами четвероконечными. Да еще внѣ олтаря на столпѣхъ, гдѣ иконостасъ стоитъ, на фрамугахъ по обоимъ сторонамъ муссіею же изстари выписаны суть иконы сорокъ святыхъ, которые въ рукахъ держатъ четвероконечные жъ кресты. Того для по свѣтломъ Воскресеніи сего 1725 г., по приговору всей братіи нашей Софейской, списавши тѣ постиравшіяся мѣсцами красками писанныя иконы для памяти на бумагу новыя на тѣхъ мѣстахъ пописали изряднѣйшимъ писаніемъ живописнымъ иконы, прежде полученія сего указа». Опис. д. и д., хран. въ арх. св. Син. V, ст. 350—351. П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. № 1592. Позже, въ началѣ 40-хъ годовъ XVIII в., при разсмотрѣніи книги Ѳеофилакта Лопатинскаго на Выговскіе раскольническіе вопросоотвѣты, *Арсеній Мацієвичъ*, митрополитъ Тобильскій (впослѣдствіи Ростовскій), донесъ Синоду, «что ко исправленію ея требуется съ рукъ преподобныхъ Кіевопечерскихъ изображеніе, на которыя раскольщики ссылались и особенно съ руки преп. Марка гробокопателя необходимо срисовать копію, которая хотя ко исправленію той книги и не нужна, однако къ сочиняемой имъ, въ дополненіе той же книги, къ другой книгѣ жъ весьма

въ его миссіонерской практикѣ, въ которой онъ взялъ себѣ за образецъ

нужна и потребна, понеже оный преподобный руку тако прямо стоящую съ треперстнымъ сложеніемъ держитъ, какъ во Псалтири или Катихизисѣ печатается, и какъ рука св. апостола Андрея Первозваннаго имѣется. Да и я же,—продолжалъ Маціевичъ,—о той чудотворной преп. Марка гробокопателя рукѣ довольно проповѣдувалъ, какъ здѣсь въ Ростовѣ и Ярославлѣ, такъ и гдѣ толко мнѣ случилося бывать, послѣ отлучки съ Кіевопечерскаго монастыря въ 1729 г. въ октябрѣ мѣсяцѣ. И въ ту пору въ цѣлости подлинно тая рука обрѣталася, такожъ и послѣ того, уже во время бытія моего въ С. Питербурхѣ, было достовѣрное о цѣлости той руки извѣстіе. А нынѣ Кіевопечерскій архим. Тимоѳей пишетъ, что у оного де преп. Марка гробокопателя всей правой руки не имѣется, а отъ котораго времени и съ какова случая--неизвѣстно, о чемъ не толко мнѣ, но и всякому, надѣюся, правовѣрующему не безъ болѣзни и сожалѣнія. А всеконечно сдѣлался таковъ случай, по моему мнѣнію, проискомъ раскольническимъ, за слабымъ тамошнимъ смотрѣніемъ». Получивъ доношеніе Маціевича, св. Синодъ предписалъ архим. Тимоѳею прислать непремѣнно точную копію съ перстосложенія правой руки у преп. Марка гробокопателя, засвидѣтельствованную архимандритомъ и братіею. Потомъ архим. Тимоѳей донесъ, что правой руки преп. Марка гробокопателя дѣйствительно не имѣется, а съ какого времени--неизвѣстно, и дознать это онъ не могъ, потому что бывшіе при пещерахъ начальники померли, а нынѣшніе, какъ недавніе, равно и простые старцы не знаютъ. Вмѣсто копіи съ правой руки изъ Кіева прислана была въ Синодъ копія съ перстосложенія лѣвой руки преп. Марка, засвидѣтельствованная архимандритомъ и блюстителемъ пещеры преп. Антонія. Въ дѣлѣ находится и подлинный рисунокъ лѣвой руки преп. Марка. При доношеніи Кіевопечерскаго архим. прибавлено, что рисунки съ рукъ съ треперстнымъ сложеніемъ преп. Моисея Угрина, Иліи Муромца, Іосифа и Пимена многоболѣзненнаго посланы м. Арсенію; „но у другихъ святыхъ руки или къ персямъ согбены прямо, у нихъ простерты къ корпусу прямо жъ, а у иныхъ на рукахъ пальцы разрушены и рисунковъ снять невозможно». Св. Синодъ отправилъ копію съ рисунка, изображающаго лѣвую руку преп. Марка, къ м. Арсенію, а Кіевопечерскому архим. съ братіею предписалъ имѣть неослабное наблюденіе за цѣлостію св.

миссіонерскую дѣятельность своего учителя Питирима, и считалъ болѣе удобнымъ приводить къ церкви „путемъ штрафовъ и окладовъ“, чѣмъ словомъ убѣжденія и принаровленною къ понятіямъ заблуждающихся проповѣдью. Замѣчательно, что Рѣшилову предъ отправленіемъ въ Стародубье, въ качествѣ противораскольническаго миссіонера, не дано было никакой инструкціи, съ которой бы онъ могъ сообразовать свою противораскольническую дѣятельность въ слободахъ. Впрочемъ вопросъ о инструкціи былъ поднятъ одновременно съ назначеніемъ его какъ миссіонера въ Стародубье; еп. Иродіонъ въ упомянутомъ выше доношеніи Св. Синоду, отъ 6 іюля 1722 года, между прочимъ просилъ дать инструкцію „на пункты іеромонаха Рѣшилова“. Однако эту послѣднюю определено было дать только въ концѣ 1723 г., по новому представленію еп. Иродіона, чтобы „ему, Рѣшилову, для надлежащаго въ дѣлахъ отправленія, дана была инструкція, какъ и посланному для такого же отправленія іеромонаху Неофиту“. Прислана же она была при указѣ Свят. Синода, отъ 30 іюля 1724 г., т. е. почти въ тотъ самый моментъ, когда уже заканчивалась его миссіонерская дѣятельность въ стародубскихъ слободахъ, и была по общему своему смыслу и содержанію повтореніемъ инструкціи, данной іермонаху Неофиту. По этой инструкціи, Рѣшилову, какъ и Неофиту, предписывалось производить публичныя разглагольствованія съ раскольниками, въ присутствіи мѣстныхъ властей и обывателей, главнымъ образомъ священниковъ и діаконовъ, и въ разглагольствіяхъ съ расколоучителями поступать всегда умѣренно и осмотрительно. При этомъ рекомендовалось пользоваться «такими вопросо-отвѣтами, которые по правому св. церкви содержанію согласны и утвердительны, противному же ихъ раскольническому ученію обличительны, и въ тѣхъ вопросоотвѣтахъ и во отвѣщаніяхъ утверждатися книгами“, укрѣпляющими истину благочестія и разрушающими и опровергающими раскольническое сусмудріе. Относительно вопросовъ трудныхъ, недоумѣнныхъ и сомнительныхъ,

---

мощей. Опис. док. и д., хран. въ арх. Св. Синода. т. I (1542—1721 г.). Спб. 1868. Дѣло арх. св. Син. № 403—262 о напечатаніи составленныхъ миссіонеромъ Неофитомъ и дополненныхъ преосвящ. Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ вопросоотвѣтовъ и о сочиненіи Арсеніемъ Мацѣевичемъ дополненія къ труду Лопатинскаго. Ст. 483—485.

рекомендовалось «дерзостно и самомнѣнно не поступать», вопросо-отвѣты тщательно обдумывать, и даже, въ случаѣ надобности, обращаться за разрѣшеніемъ ихъ въ Св. Синодъ. И раскольниковъ въ подобныхъ случаяхѣ рекомендовалось „къ скорому и неосмотрительному отвѣту непринуждать, но отлагать на время удобное, въ которое возможно бы было имъ о тѣхъ сумнительствахъ справиться съ книгами». Противъ раскольниковъ упорныхъ и св. церкви непокорныхъ предписывалось не употреблять никакой жестокости и свободы ихъ не пресѣкать, и только «для вѣдома» записывать ихъ имена и ихъ разговоры, за исключеніемъ непреклонныхъ къ повиновенію раскольническихъ учителей, которые «токмо по домамъ ходя или укрываяся народъ прельщаютъ и къ своей противности привлекаютъ». Этихъ послѣднихъ, прельщающихъ и къ своей противности привлекающихъ простой народъ, повелѣвалось подчиненнымъ миссіонеру священникамъ и причетникамъ, «какъ возможно имая», проводить къ нему, «за что имъ, священнослужителямъ, хотящее быть отъ Св. Синода награжденіе обѣщевать». «А ежели никакими способы раскольническихъ учителей на разговоры достать будетъ невозможно, то навѣдываться такихъ мѣстъ, гдѣ наипаче прельщены отъ нихъ, кромѣ собственныхъ ихъ раскольничоскихъ становъ, обрѣтаются, и навѣдався ѣхать въ тѣ мѣста... и увѣщавать ихъ благоусмотрительно такими увѣщаніями, которыя бы могли пользу принести и отъ заблужденія къ познанію истины обратить»... Вообще по инструкціи во всемъ рекомендовалось поступать «умѣренно и постоянно», чтобы дѣло обращенія и увѣщанія раскольниковъ было «безпорочно» и свободно отъ «противныхъ, недостовѣрныхъ и подозрительныхъ дѣлъ»...[1]).

Инструкція по общему своему смыслу совершенно ясна; она составлена въ чисто православномъ духѣ: увѣщевать, наставлять, объяснять—вотъ задача, которую она ставитъ православному миссіонеру у

[1]) Инструкція цѣликомъ напечатана въ Ист. стат. опис. Черн. еп. кн. 1, стр. 130—137. Она состоитъ изъ 17 пунктовъ. – Инструкція Неофиту напечатана въ Брат. Словѣ 1889 г., № 14, стр. 443–451; помѣщена она и въ сочиненіи архим. Павла: «Замѣчанія на Поморскіе отвѣты». Въ рукописномъ видѣ она обыкновенно помѣщается при «Помор. Отв».

раскольниковъ. Не видно, чтобы тогдашніе противораскольническіе миссіонеры руководствовались основными ея началалами въ своей миссіонерской дѣятельности; какъ Неофитъ, такъ и Рѣшиловъ поступали во всемъ противно основному ея духу. Іеромонахъ Неофитъ, по прибытіи въ Петрозаводскъ, началъ съ того, что послалъ Выговцамъ, по примѣру еп. Питирима, 106 вопросовъ. Выговцы, получивъ вопросы, ревностно принялись за составленіе отвѣтовъ, и долго отклонялись отъ разглагольствія подъ тѣмъ предлогомъ, что отвѣты еще не написаны. Такъ дѣло письменными словопреніями и окончилось. Еще неудачнѣе повелъ дѣло Рѣшиловъ въ Стародубскихъ раскольническихъ слободахъ. Прежде всего онъ сталъ заботиться о томъ, чтобы бородачи и раскольщики никакого иного платья не носили, какъ старое, а именно зипунъ съ стоячимъ клейнымъ козыремъ и ферези и однорядки съ лежачимъ ожерельемъ; чтобы, въ случаѣ упорнаго нежеланія отстать отъ своей раскольнической прелести, платили двойной окладъ и пр. Словомъ, въ противность общему смыслу и направленію синодальной инструкціи, онъ, какъ бы намѣренно, употреблялъ всяческія мѣры, чтобы отклонить и отвратить раскольниковъ отъ православія, и вовсе не заботился о тихомъ, кроткомъ и безопасномъ разглагольствіи съ раскольниками, о ихъ несогласіяхъ съ православною церковью, какъ требовалъ 1 пунктъ синодальной инструкціи. Увѣщанія и разговоры съ раскольниками, по предмету ихъ несогласій съ церковью, онъ видимо считалъ дѣломъ второстепеннымъ, если не третьестепеннымъ, по крайней мѣрѣ въ своей стародубской противораскольнической дѣятельности ставилъ ихъ позади другихъ мѣръ воздѣйствія. Денежный штрафъ, тюремное заключеніе, палки—обычные пріемы всей миссіонерской дѣятельности іеромонаха Іосифа Рѣшилова[1]). Вообще она отличалась болѣе полицейскимъ, чѣмъ миссіонерскимъ характеромъ, т. е. сборомъ денегъ, розыскомъ раскольниковъ, съ допущеніемъ понудительныхъ и насильственныхъ мѣръ. Епископъ Иродіонъ, въ дирекціи котораго состоялъ Рѣшиловъ, былъ, вообще говоря, плохимъ директоромъ, какъ потому, что не зналъ раскола и раскольниковъ, такъ и потому, что повидимому онъ больше всего былъ занятъ расширеніемъ своей архіей-

[1]) Опис. докум. и д., хран. въ арх. Св. Синода. II, прилож. XII. П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. IV, № 1386, 241—242.

ской власти, вмѣшиваясь во все и всюду, чѣмъ о надлежащемъ ея исполненіи. Св Синоду въ то время приходилось нерѣдко умѣрять разбрасывающуюся въ разныя стороны дѣятельность своихъ миссіонеровъ, и обращать ихъ вниманіе на ихъ прямыя обязанности—«имѣть усердное и нелѣностное попеченіе во обращеніи раскольниковъ увѣщаніями кроткими, а не принужденіями, и до надлежащихъ съ нихъ за тѣ расколы сборовъ не касаться»[1]).

Миссіонерская дѣятельность Рѣшилова въ Стародубьѣ началась приблизительно съ ноября 1722 г., когда ему еп. Иродіономъ были назначены помощники «для сыска и увѣщанія раскольниковъ», а также и для сбора штрафныхъ денегъ съ неисповѣдывавшихся по Черниговской епархіи съ 1718 г. Этими помощниками были: намѣстникъ Каташинскаго монастыря Александръ и Стародубскій протопопъ Ѳедоръ Подгурскій. О послѣднемъ съ особенною похвалою отзывался еп. Иродіонъ въ одномъ изъ своихъ донесеній Св. Синоду, называя его человѣкомъ „разумнымъ, въ божественномъ писаніи искуснымъ“ и горячимъ поборникомъ православія[2]). Къ участію въ сыскѣ и обращеніи раскольниковъ были привлечены и другія лица изъ мѣстнаго стародубскаго духовенства: протопопскій намѣстникъ Игнатій Стрійковскій, Петропавловскій священникъ Игнатій, а также и сельскіе священники: Стефанъ Сацковскій, Савва Замишевскій, Иванъ Курковичскій и др., наиболѣе соприкасавшіеся съ мѣстными раскольниками. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Стародубѣ образовался Приказъ или Коммиссія духовныхъ дѣлъ, управителями которой были: протопопъ, его намѣстникъ, Петропавловскій священникъ Игнатій; самъ Рѣшиловъ подчиненными ему священниками и другими лицами назывался «комисаромъ Св. Правительствующаго Синода». При коммиссіи состояла для письменныхъ дѣлъ и особая контора или канце-

---

[1]) П. с. п. и р. по в. прав. исп. V, № 1789. О преосв. Иродіонѣ прекрасная статья помѣщена въ Ист. опис. черн. еп. 1, стр. 75—89. Это былъ человѣкъ съ рѣзкимъ и неуступчивымъ характеромъ, хотя и любилъ св. церковь ревностно и безкорыстно, по словамъ автора указанной статьи.

[2]) По другимъ современнымъ свидѣтельствамъ протопопъ Подгурскій плохо понималъ обязанности своего духовнаго званія. См. Журналъ Судіенки, стр. 106.

лярія, въ которую подъячимъ былъ назначенъ наказнымъ полковникомъ П. Корецкимъ нѣкій Михаилъ Яновскій, состоявшій предъ тѣмъ при стародубскомъ магистратѣ; къ ней же были причислены и особыя лица «для поимки бородачей и раскольниковъ», особый караульщикъ для арестованныхъ и пр.

Противораскольническое миссіонерсквo Рѣшилова въ Стародубьѣ открылось призывомъ въ стародубскій магистратъ представителей слободъ—бурмистра и войтовъ, и объявленіемъ имъ здѣсь слѣдующихъ указовъ: «первое—о платежѣ за расколъ двойнаго оклада; второе—о образцовомъ старомъ платьѣ, которое велѣно носить раскольникамъ и борадачамъ; третіе—о приходѣ къ опредѣленному по раскольничьимъ дѣламъ іеромонаху Іосифу Рѣшилову на увѣщанія и разговоры». Слободскіе представители указы выслушали, заявили готовность подчиниться имъ, приняли съ нихъ и копіи, обязавшись ихъ распубликовать по всѣмъ слободамъ, и въ томъ дали подписку бурмистръ и войты въ числѣ 17 человѣкъ. Мало того, слободской бурмистръ Ерема Карповъ обѣщалъ Рѣшилову, что на «разглагольствія» съ нимъ онъ представитъ не только мѣстныхъ учителей и начетчиковъ, но и «учителей вѣтковскихъ премудрыхъ и смыслъ святаго писанія вѣдущихъ», и говорилъ при этомъ, что если «не послушаютъ меня и не придутъ во отвѣтствіе за всѣхъ за насъ, о упованіи нашемъ, то де учинятся намъ весьма непотребны и ненадобны». Скоро однако раскольники совершенно измѣнили свои отношенія къ Рѣшилову и стали открыто ему противодѣйствовать.

Главнымъ центромъ слободскаго раскольническаго управленія съ 1716 г., т. е. со времени образованія описныхъ государевыхъ раскольническихъ слободъ, какъ извѣстно, сдѣлалась слобода Зыбкая; въ ней находилась волостная или „судная изба“ и жилъ слободской бурмистръ Ерема Карповъ. Совершенно понятно, что Рѣшиловъ съ своими сотрудниками главное вниманіе обратилъ на эту слободу, и отъ успѣха въ ней справедливо ожидалъ дальнѣйшихъ благопріятныхъ результатовъ въ своемъ миссіонерскомъ дѣлѣ по другимъ слободамъ. Но здѣсь то именно онъ и натолкнулся прежде всего на препятствія разнаго рода. Когда онъ въ послѣднихъ числахъ ноября того же 1722 г. съ протопопомъ Подгурскимъ и другими лицами прибылъ въ слободу Зыбкую

для переписи раскольниковъ, имѣя собственно въ виду только пополнить перепись Ергольскаго и узнать количество новоприбылыхъ съ 1716 г., то сразу же долженъ былъ убѣдиться, что почва для его миссіонерской дѣятельности была неблагопріятна и не обѣщала хорошихъ плодовъ и въ будущемъ. Оказалось, что объявленные въ стародубскомъ магистратѣ раскольникамъ указы не были публикованы „въ судной ихъ избѣ“ и по слободамъ, и что они вовсе не хотѣли подчиняться этимъ указамъ, наивно называя ихъ только «списками». Самъ бурмистръ Ерема Карповъ, «презельный злохитрецъ и на вѣру православную гонитель и протчимъ раскольникамъ нечестиваго еретическаго зломудрствованія учитель», какъ аттестовалъ его Рѣшиловъ, скрылся, и никакіе розыски, даже чрезъ посредство мѣстныхъ казаковъ, не могли обнаружить, гдѣ онъ находится. Миссіонеры, опираясь на данныя имъ Св. Синодомъ полномочія, рѣшились прибѣгнуть къ силѣ, чтобы на первыхъ же порахъ сломить упорство раскольниковъ; но и это крайнее средство оказалось недѣйствительнымъ и повело еще къ большему озлобленію слобожанъ противъ нихъ. Имъ удалось только запечатать домъ бурмистра Карпова, арестовать его сына, еще двухъ человѣкъ изъ Зыбковскихъ раскольниковъ; до переписи «незаписанныхъ, таившихся раскольниковъ», ихъ недопустили собравшіеся во множествѣ мѣстные слобожане; въ толпѣ были раскольники и изъ сосѣднихъ раскольничьихъ слободъ. Впослѣдствіи Зыбковцы обвиняли Рѣшилова съ товарищами въ разореніи слободы Зыбкой «противъ указовъ» и въ грабительствѣ бурмистрова двора[1]).

[1]) П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. IV, стр. 167, ст. 2. Противъ этаго раскольничьяго обвиненія въ стародубскій магистратъ подалъ протестъ свящ. Игнатій Петропавловскій, въ которомъ говорилъ, что де въ послѣднихъ числахъ ноября 1722 г., когда Іосифъ Рѣшиловъ и протопопъ съ товорищами были для описи въ слободѣ Зыбкой, въ то же время „противъ указовъ“ тамошней слободы разоренія и двору бурмистрову грабительства не было. 13-го Февраля 1724 г. «отписной Е. И. В. волости войты—Семенъ Ягуновъ, Никита Ивановъ, Василей Ивановъ, Яковъ Артемовъ, Ѳедоръ Семеновъ, Ив. Ивановъ, Ив. Ѳедоровъ“ писали слѣд. доношеніе Стародубскому полковнику Ив. Леонтьевичу Кокошкину: „Въ прошломъ 721 г., Е. И. В. указъ, каковъ состоялся о переписке

Еще болѣе неудачно и печально окончилась попытка устроить въ слободѣ Зыбкой, съ разрѣшенія Св. Синода, православную церковь, „ради обращенія обращающихся раскольниковъ“. Стародубскіе миссіонеры и въ данномъ случаѣ дѣйствовали быстро и рѣшительно, не соображаясь съ общимъ настроеніемъ мѣстныхъ раскольниковъ: они наняли плотниковъ и отправили ихъ въ слободу, чтобы осмотрѣть прежде всего «мѣсто, гдѣ удобнѣе всего построить церковь». Собравшіеся толпой раскольники не допустили плотниковъ до своей слободы, били ихъ «смертнымъ боемъ» и говорили, «чтобы ихъ въ воду посадить, или до смерти убить». Такъ церковь въ Зыбкой въ то время и не была построена[1]).

Но что особенно сильно вооружило слободскихъ раскольниковъ противъ Рѣшилова и сдѣлало его ненавистнымъ среди нихъ, такъ это требованіе двойнаго оклада за расколъ, да при томъ еще съ 1716 г. Если требованіе двойнаго оклада крайне раздражало всѣхъ раскольниковъ, вездѣ вызывало бунты и даже кровавыя столкновенія съ представителями власти, то тѣмъ болѣе оно должно было тяжело отозваться на стародубскихъ раскольникахъ, уже привыкшихъ къ извѣстному привилегированному положенію сравнительно съ другими раскольниками, жившими во внутренней Россіи и сѣверовосточной и юговосточной ея окраинахъ. Не напрасно же по всей вѣроятности въ то время говорилъ умный крестьянинъ Максимъ Медвѣдевъ, что «отъ двойнаго оклада вся

раскольниковъ... и о положеніи двойнова окладу, которые обрѣтаются въ купечествѣ и гражданскихъ жителей, окромѣ пограничныхъ слободъ, которыя Е. И. В. отграничены. А сего 1724 г. іером. Іосифъ Рѣшиловъ, которой присланъ въ Стародубъ для изысканія бѣглыхъ, а нынѣ оной Рѣшиловъ требуетъ переписки во отписныхъ Е. И. В. слободахъ, которые указами Е. И. В. отграничены, и оному Рѣшилову оныя слободы переписывать невелѣно, а двойной окладъ плотятъ отъ 717 г. и понынѣ. Того ради просимъ вашего благородія, дабы оному Рѣшилову указомъ Е. И. В. отсрочили до пріѣзду бурмистра Еремы Карпова, и чтобы намъ отъ него, Рѣшилова, порознь не разойтися». Ibidem, № 1385, стр. 242.

[1]) Тамъ же, IV, 158, 167. Плотники протестовали противъ «смертнаго боя» въ Стародубскомъ магистратѣ: такъ протестомъ дѣло, повидимому, и окончилось.

Россія разрушилась», что многіе отъ него ушли изъ россійскихъ городовъ въ Польшу и прочія иностранныхъ государствъ мѣста[1]). Стародубскіе миссіонеры на первыхъ же порахъ такъ вооружили противъ себя раскольниковъ однимъ этимъ требованіемъ двойнаго оклада, что явилась опасность за личное ихъ существованіе «среди раскольническаго непріязнества». Еп. Иродіонъ уже въ своихъ первыхъ донесеніяхъ Св. Синоду указывалъ на затруднительность положенія миссіонеровъ именно съ этой стороны и настаивалъ на необходимости личной ихъ охраны при посредствѣ солдатъ. Это же требованіе, вмѣстѣ съ другими миссіонерскими мѣрами церковно-гражданскаго характера, ограничивавшими привилегированное положеніе раскольниковъ въ Стародубьѣ и власть надъ ними кіевско-стародубскаго великороссійскаго начальства, которому слободскіе раскольники были подчинены въ 1716 г. по резолюціи Петра I, вооружило противъ Рѣшилова и его помощниковъ Кіевскаго генералъ-губернатора и Стародубскаго комендата. Къ этимъ своимъ прямымъ начальникамъ слобожане теперь и обратились, прося у нихъ себѣ помощи и защиты отъ присланнаго Св. Синодомъ православнаго миссіонера, чтобы избѣжать „находящихъ обидъ“.

Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ въ то время былъ князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой. Ходатаемъ предъ нимъ отъ лица всѣхъ слобожанъ явился самъ бурмистръ, извѣстный намъ Ерема Карповъ, человѣкъ умный, хитрый и толковый, умѣвшій ладить съ властными людьми. Онъ обратился къ кн. Трубецкому съ письменнымъ доношеніемъ, въ которомъ просилъ разъяснить, насколько справедливы и законны требованія миссіонера Рѣшилова, обращенныя имъ къ слобожанамъ, относительно двойнаго оклада за расколъ, образцоваго платья и т. д. Обращеніе слобожанъ къ кіевскому генералъ-губернатору было не напрасно; князь Трубецкой оказалъ имъ большую помощь и самымъ очевиднымъ образомъ сталъ на ихъ сторону. На донесеніе Карпова князь Трубецкой от-

---

[1]) Опис. док. и д., хран. въ арх. Св. Синода, VI, стр. 24. Онъ не считалъ себя раскольникомъ, хотя и крестился двуперстно, полагая, что дѣлаетъ такъ по преданію св. отецъ; что «въ церковь ходить, исповѣдываться и причащаться желаетъ, да попы до того не допускаютъ за истинное крестное знаменіе» ...

вѣчалъ письмомъ на его имя; сущность этого письма въ донесеніи Св. Синоду еп. Иродіона изложена такъ: «письмо де ваше, притомъ (копіи) съ двухъ указовъ, присланныхъ изъ Синода къ Черниговскому епископу о раскольникахъ, обрѣтающихся въ гражданствѣ и купечествѣ, которые объявилъ вамъ іеромонахъ Рѣшиловъ, и хощетъ въ вашихъ слободахъ людей и всякіе пожитки переписывать и съ 716 году двойной окладъ имать, получилъ... Ежели де оной Рѣшиловъ имянно о нихъ (стародубскихъ раскольникахъ) изъ Синода указъ имѣетъ, то и спорить не надлежитъ; а ежели онъ такого указу, кромѣ помянутыхъ, не имѣетъ, то объявить ему, что по тѣмъ указамъ до васъ не касается; понеже де вы Его Императорскаго Величества указомъ обложены денежнымъ окладомъ съ 716 году,—а по указамъ де, присланнымъ въ Кіевскую губернію изъ правительствующаго сената, изображено о раскольникахъ, кромѣ тъхъ, которые при границахъ обрѣтаются, и о семъ де надлежитъ вамъ объявить, гдѣ надлежитъ»[1]). Такимъ образомъ, по толкованію князя Трубецкаго выходило, что тѣ указы, которые объявлены были 1 ноября 1722 г. Рѣшиловымъ представителямъ раскольничьихъ слободъ въ стародубскомъ магистратѣ, до нихъ вовсе и не касались. Такое заявленіе главнаго для слободскихъ раскольниковъ начальника, какъ и естественно, должно было послужить рѣшительнымъ противовѣсомъ дѣйствіямъ Рѣшилова, и окончательно поколебать его миссіонерскій авторитетъ. Вдобавокъ оно было сдѣлано почти въ самомъ началѣ его миссіонерской дѣятельности въ Стародубьѣ. А 22 іюня 1723 г. князь Трубецкой предписывалъ стародубскому коменданту Ильѣ Пашкову: „описныхъ слободъ обывателей отъ находящихъ обидъ охранять, и до разоренія и ни до какого убытка и налога не допускать..., и къ помянутому Рѣшилу никого не отсылать, и объявить ему, дабы онъ, Рѣшиловъ, до тѣхъ отписныхъ слободъ ни въ чемъ не интересовался, ибо оныя слободы имяннымъ Его Императорскаго Величества указомъ отписныя и въ диспозиціи нашей зостаютъ... А

---

[1]) П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. IV, стр. 155, ст. 1. Тамъ же въ справкѣ приведено и извлеченіе имянного указа 14 февраля 1716 г. Этимъ указомъ повелѣвалось положить въ двойной окладъ купцовъ и крестьянъ изъ раскольниковъ, кромѣ тѣхъ, которые живутъ близь рубежа. 1-е П. С. З. Р. имп. т. V, № 2991.

ежели помянутой Рѣшила въ тѣ слободы болѣе станетъ вступать, то онаго прикажемъ не честью оттоль выслать вонъ, ибо тѣ слободы къ великороссійскимъ не приличествуютъ...[1]) Положеніе было таково, что самому директору (еп. Иродіону) приходилось останавливать то дѣло, къ которому онъ былъ призванъ вмѣстѣ съ іеромонахомъ Рѣшиловымъ высшею духовною властію, или по крайней мѣрѣ умѣрять излишнюю миссіонерскую притязательность своихъ ближайшихъ помощниковъ относительно раскольниковъ. Весьма характеристично въ этомъ отношеніи письмо еп. Иродіона къ Рѣшилову, отъ 29-го августа 1723 г. Вотъ что писалъ епископъ—директоръ: „Подъ часъ бытія моего въ Кіевѣ у превосходительнаго господина генерала—губернатора, князя Ивана Юрьевича Трубецкаго, когда при разговорѣ змѣнка сталася о честности твоей, дался его превосходительство съ тимъ чюти: велѣлъ де я того монаха тамъ въ Стародубѣ выбити, что подкомандннымъ нашимъ великое звѣрство чинитъ. Чего ради остерегаю честность твою: будь отселѣ опасенъ, дабы ни чести своей и на здоровью ущербу какого не дозналъ, излишество всякое и жестокость оставивши, умѣренно поступай, дабы къ намѣренію своему противніи ваши не имѣли откуду причины на честность твою сыскать»...[2]).

Князь Трубецкой, какъ надо полагать, не былъ по существу противникомъ соединенія раскольниковъ съ православною церковію; онъ повидимому только несочувственно относился къ тѣмъ миссіонерскимъ пріемамъ, какіе практиковали при увѣщаніи и обращеніи раскольниковъ Рѣшиловъ и его сотрудники. По всей вѣроятности его обижала и оскорбляла также и излишняя притязательность іеромонаха Рѣшилова и еп. Иродіона, которые заботились не только о соединеніи старообрядствующихъ раскольниковъ съ православною церковію, но и претендовали получить надъ ними полную и рѣшительную власть во всѣхъ отношеніяхъ; желали, чтобы слобожане были въ полномъ ихъ распоряженіи не только въ церковномъ, но и гражданскомъ отношеніи. Что князь Трубецкой на первыхъ порахъ не былъ противникомъ Рѣшилова и его противораскольническаго миссіонерства, показываетъ его первоначальная пере-

[1]) Тамъ же, IV, № 1386, стр. 241, ст. 1—2.

[2]) Тамъ же, стр. 242, ст. 1.

писка о томъ съ епископомъ Иродіономъ. Письмомъ, отъ 11 октября 1722 г., епископъ—директоръ извѣщалъ Кіевскаго генералъ—губернатора о назначеніи Рѣшилова противораскольническимъ миссіонеромъ въ Стародубьѣ, о построеніи церкви въ злободѣ Зыбкой и о пресѣченіи доступа раскольникамъ за границу. Въ отвѣтномъ письмѣ, отъ 13 октября, князь Трубецкой весьма категорично высказался, что съ его стороны затрудненій въ соединенію раскольниковъ съ православною церковію и къ построенію церкви въ слободѣ Зыбкой быть не можетъ и не будетъ, и только относительно пресѣченія доступа раскольникамъ заграницу замѣтилъ: «непропускомъ пограничныя заставы запирать безъ позволительнаго намъ Его Императорскаго Величества указу не надлежитъ.»[1]) Въ началѣ 1723 года, подъ вліяніемъ доношеній слободскаго бурмистра Карпова и стародубскаго коменданта Ильи Пашкова, главнаго мѣстнаго начальника слобожанъ-раскольниковъ, кіевскій генералъ—губернаторъ совершенно измѣняетъ свое отношеніе къ миссіонеру: онъ повелѣваетъ комендату охранять слободскихъ обывателей «отъ находящихъ обидъ, не допоскать ихъ до разоренія и ни до какого убытка и налога», и даже грозитъ «выбить» миссіонера „не честью“ изъ Стародубья за то, «что подкомандныиъ нашимъ великое звѣрство чинитъ». Съ точки зрѣнія князя Трубецкаго дѣятельность іеромонаха Рѣшилова съ помощниками была противна Высочайше установленному положенію о стародубскихъ раскольникахъ, подчиненныхъ «диспозиціи» кіевскаго генералъ—губернатора и положенныхъ по царскому указу въ денежный окладъ, не въ примѣръ прочимъ раскольникамъ, неприрубежнымъ. Между тѣмъ, какъ увидимъ ниже, миссіонерская дѣятельность Рѣшилова съ помощниками нерѣдко выражалась въ томъ, что миссіонеры «описныхъ слободскихъ обывателей по торгамъ и по дорогамъ ловили и грабили», чинили имъ «не малыя разоренія и обиды, били и мучили» и творили другія «подозрительныя дѣла», забывая, что во всѣхъ своихъ миссіонерскихъ «дѣйствахъ», «яко вину конечную», должны были полагать «славу Божію и спасеніе душъ человѣческихъ» (15 п. инструкціи). Вотъ почему намъ представляется по меньшей мѣрѣ крайнимъ то мнѣніе, что князь Трубецкой «высоко цѣнилъ интересы раскола» и былъ жалкимъ сыномъ

[1]) Тамъ же, стр. 237, ст. 2; стр. 238, ст. 1-2; стр. 245, ст. 1-2.

истиннаго православія. Порицателямъ князя Трубецкаго замѣтимъ, что онъ высоко цѣнилъ интересы православія и дѣятельно поддерживалъ ихъ, какъ Кіевскій генералъ—губернаторъ, защищая западнорусскихъ православныхъ людей въ предѣлахъ Польши, какъ показываютъ его представленія русскимъ дипломатамъ въ Польшѣ, напр. Ягужинскому[1]).

Кромѣ того князь Трубецкой былъ точнымъ, строгимъ и умѣлымъ исполнителемъ всѣхъ распоряженій высшаго начальства какъ гражданскаго, такъ и духовнаго. Такъ не далѣе какъ въ слѣдующемъ 1724 г. князь Трубецкой доносилъ св. Синоду о томъ: долженъ ли онъ, по силѣ именнаго Его Величества указа 12 августа 1724 г., вновь переписывать раскольниковъ, живущихъ на польскомъ рубежѣ, и слѣдуетъ ли ихъ въ платежѣ, за содержаніе раскола, денегъ подчинить опредѣленію св. Синода 30 сентября того же года? Въ разрѣшеніе перваго изъ возбужденныхъ княземъ Трубецкимъ вопросовъ св. Синодъ велѣлъ ему вѣдомость съ прежней 1718 г. переписи отослать въ Розыскную Раскольническихъ дѣлъ канцелярію, а о второмъ доложить Его Императорскому Величеству; но было-ли послѣднее исполнено—неизвѣстно. По переписи же 1718 г. въ Черниговскомъ и Стародубскомъ полкахъ раскольниковъ значилось 3112 челов.; всѣ они, кромѣ 1519 р. общихъ государственныхъ повинностей, за принадлежность къ расколу денегъ не платили[2]). Въ томъ же 1724 г. князь Трубецкой отправилъ въ правительствующій сенатъ донесеніе о дѣйствіяхъ іеромонаха Іосифа Рѣшилова и стародубскаго Петропавловскаго священника Игнатія по обращенію ими въ православіе Стародубскихъ и Черниговскихъ раскольниковъ. Вслѣдствіе донесенія князя Трубецкаго, что іеромонахъ Рѣшиловъ и попъ Игнатій, находившіеся въ Черниговской епархіи для увѣщанія раскольниковъ, «чинятъ Стародубскихъ слободъ обывателямъ обиды и разореніе и въ мѣстечкахъ того Стародубскаго, также и Черниговскаго полковъ по

---

1) Прибавл. къ Черниг. епарх. изв., 1884 г., № 22, стр. 914—915. О представленіяхъ князя Трубецкаго Ягужинскому Ист. Рос. Соловьева, т. XIX, 57.

2) Опредѣленіе св. Синода отъ 30 сентября 1724 г. см. въ Полн. соб. пост. и росп. по вѣд. прав. исп. т. IV, № 1378. П. С. З. т. VII, № 4553. Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Син. IV, ст. 131.

торжкамъ и по дорогамъ тѣхъ обывателей грабятъ, правительствующій сенатъ постановилъ: «Слѣдовать по тому доношенію въ Малороссійской коллегіи, понеже въ сообщенномъ изъ св. Синода въ сенатъ іюня 2 дня 1724 г. вѣдѣніи объявленъ Его Величества указъ, что повелѣно челобитчиковъ. которые бьютъ челомъ на духовныхъ, удовольствовать и суду той Малороссійской коллегіи быть тѣмъ духовнымъ послушнымъ». Св. Синодъ съ такимъ опредѣленіемъ сената не согласился, объявилъ, что процитованный сенатомъ указъ «въ Малороссійской коллегіи дѣйство чинить повелѣваетъ объ однихъ токмо тамошнихъ обывателяхъ—Малороссійцахъ, а не о посылаемыхъ изъ св. Синода управителяхъ, о такихъ партикулярныхъ дѣлахъ, какъ дѣло Рѣшилова, по состоявшемуся на докладныхъ синодскихъ пунктахъ 15 марта 1721 г. Е. И. В. собственноручному указу, велѣно челобитчикамъ на духовныхъ нигдѣ не бить челомъ, токмо въ Синодѣ». На этомъ основаніи св. Синодъ 13 января 1725 г. постановилъ: «по вышеозначеннымъ на іеромонаха Рѣшилова и на попа Игнатія доносамъ въ Малороссійской коллегіи слѣдованія не производить, а допросить его, Рѣшилова, о всемъ противъ доносовъ въ Синодальной канцеляріи, обстоятельно, съ подлинною очисткою, по пунктамъ (Полн. Собр. постан. и росп. по вѣд. прав. исп. т. IV, № 1454). О таковомъ опредѣленіи св. Синодъ сообщилъ Сенату. Какъ принялъ сенатъ синодское вѣдѣніе и былъ ли допрошенъ Рѣшиловъ—изъ дѣла не видно[1]).

Само собою понятно, что при указанныхъ условіяхъ никто изъ стародубскихъ раскольниковъ для споровъ и разговоровъ о вѣрѣ къ Рѣшилову не являлся. Не удалось ему вызвать раскольниковъ на разглагольствія о вѣрѣ и во время своихъ поѣздокъ по слободамъ, какъ онъ о томъ ни старался. Оставалось испытать еще одно средство—написать увѣщательное и обличительное посланіе къ раскольникамъ по поводу ихъ отдѣленія отъ православной церкви. Посланіе было написано и послано по назначенію; но, понятно, не произвело желаемыхъ результатовъ среди стародубскихъ раскольниковъ. Это первое увѣщательно-обли-

[1]) Опис. доп. и д., хр. въ арх. св. Син. т. IV, № 444—214, ст. 456—457. П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. IV, № 1223. П. С. З. т. VII, № 4523.

чительное посланіе іеромонаха Рѣшилова, обращенное ко всѣмъ стародубскимъ слобожанамъ и адресованное на имя бурмистра Карпова, не сохранилось и по своему частнѣйшему содержанію не извѣстно. По всей вѣроятности Рѣшиловъ, подобно Неофиту, поставилъ въ немъ нѣсколько вопросовъ и требовалъ отъ раскольниковъ, чтобы они, обсудивъ эти вопросы по существу, съѣхались съ нимъ потомъ для разглагольствованій о вѣрѣ. На такой характеръ посланія указываетъ отчасти и коллективное раскольничье письмо отъ 19 мая 1723 года, служащее повидимому отвѣтомъ на посланіе. Въ немъ раскольники писали: «Г. І. Х. С. Б. п. н. а. Отъ многогрѣшныхъ рабовъ Божіихъ, именно отъ Еремѣя Карпова съ товарищи и отъ войтовъ и отъ всѣхъ мірянъ вашей честности господину іеромонаху Іосифу съ товарищи здраствовать на вѣки. Вѣдомо вашей честности буди, получили мы, многогрѣшныя сироты, вашей честности письмо, чтобы мы съѣхались для разглагольствованія ради духовныхъ дѣлъ. И ваша честность, пожалуй, на насъ не гнѣвайтесь: которые у насъ были люди на такое духовное дѣло способные, и тѣ, отъ твоего прежняго страху и утѣсненія, всѣ разбѣжались безъ вѣсти, и при нихъ разбѣжалось многое число и простыхъ людей. А у насъ теперь съ вашей честностію разглагольствовать въ духовной бесѣдѣ не кому; а, ваша честность, о нашей вѣрѣ съ нашими людьми разглагольствія у милости твоей множество было въ прежнемъ житіи твоемъ, и, ваша честность, нашу вѣру всю въ конецъ самъ знаешь. И теперь мы въ той же вѣрѣ стоимъ и надежду имѣемъ на всемилостиваго Бога: кто ее до конца сохранитъ, молящихъ Господь Богъ не оставитъ; а иной вѣры мы не желаемъ. А ваша честность спасайся, какъ знаешь»[1])

Приведенное отвѣтное письмо слобожанъ на первое посланіе Рѣшилова вызвало съ его стороны другое отвѣтное обличительное посланіе. Въ немъ онъ прежде всего обличалъ раскольниковъ, что у нихъ нѣтъ учителей, способныхъ на духовное дѣло, и писалъ именно: «Господину Еремѣю Карпову съ товарищи вѣдомо буди: письмо ваше заручное всѣхъ войтовъ получилъ мая 21 дня, и, прочетши намъ въ коммисоіи, послали

---

[1]) Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Синода, т. 1, стр. 588 Г—Д.— П. с. п. и р. по вѣд. пр. исп. IV, № 1323, стр. 169, ст. 1; № 1386, стр. 242, ст. 2.

къ епископу въ Черниговъ съ прочими письмами, сообща вашу противность указамъ монаршимъ..., ваши отговорки, что не имѣете мудрыхъ учителей днесь. И то ваше укрывательство и не правда: любяй убо неправду, ненавидитъ свою душу; потребитъ Господь вся глаголющая лжу; лживыхъ и чародѣйцовъ часть есть въ езерѣ огненномъ. А лжа ваша явна есть: первый принципалъ и учитель вашъ пустопопъ Борисъ, правяше козличное стадо, смѣшанное съ дивіими звѣрми, житель Воронковскій или Вавилонскій; вторый принципалъ попчище мужиковщина... Дмитрій, житель Лужка. А то де вы правду писали, что я все ваше дѣло знаю,—и попросту рещи, что дворъ, то учитель, а что баба, то типикъ; не соромъ вамъ молчати, коли нечего сказати». Обличивъ заявленіе раскольниковъ, что будто бы у нихъ нѣтъ учителей, Рѣшиловъ далѣе указываетъ неосновательность и тщету ихъ упованій спастись въ расколѣ. «Кую себѣ надежду вы стяжали продерзливіи и тажко винные»? спрашиваетъ обличитель. «Сами вы вѣсте и вся Украина, что я не свою волю творю, но пославшаго мя Государя. А вы пишете въ письмѣ своемъ, надѣетеся спастися въ своемъ расколѣ, а оное и поважное благочестіе, иже Императоръ нашъ благочестивый содержитъ со всѣмъ сословіемъ православіемъ, посполито отвергли сими словесы: мы де иной вѣры не желаемъ,—явѣ, что поругнулись спасенію Государеву. Се ли подданство ваше его власти монаршой! Се ли повиновеніе и раболѣпіе!» Сдѣлавъ затѣмъ выводъ, что раскольники являются «богопротивными богоучиненной власти» и «богоборцами», обличитель разсматриваетъ расколъ съ церковно—догматической стороны и приходитъ къ тому же заключенію, что въ расколѣ спастись невозможно, такъ какъ въ немъ нѣтъ всѣхъ седьми таинъ церковныхъ», и что невозможно „быть христіанину безъ епископа и безъ церкви и безъ св. мура“ Интересны для характеристики современнаго стародубскаго поповщинскаго раскола и тѣ заключительныя мысли обличительнаго посланія Рѣшилова, въ которыхъ онъ весьма мѣтко и обстоятельно обрисовалъ раскольниковъ—поповцевъ, неизмѣнившихся и неизмѣнившихъ свой способъ дѣйствованія и понынѣ. «Вѣмъ», писалъ миссіонеръ, «черноцы, мужики выборные и войты ваши держатъ мѣсто епископское, прельщаютъ нашихъ поповъ православныхъ, невѣдущихъ писанія, и впадаютъ въ мрежи ваши, и заводите ихъ въ лѣсы, и повелѣваете имъ отрицатися своего рукоположившаго епископа.

Извѣстія Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко
ТОМЪ I—XX.

Содержаніе неоффиціальныхъ отдѣловъ.

I ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.)

Очеркъ государственной дѣятельности и частной жизни Перикла. *П. И. Люперсольскаго.*—Философскіе этюды А. А. Козлова. *Н. Я. Грота.*—Анализъ составныхъ частей славянскаго слова съ морфологической точки зрѣнія. *А. С. Будиловича.*—О землѣ Половецкой. *Н. Я. Аристова.*—Замѣтка о текстѣ русскихъ былинъ. *Н. А. Лавровскаго.*—Изслѣдованія въ области греческаго мѣстоимѣнія. *А. В. Добіаша.*

II ТОМЪ (распроданъ).

Сновидѣнія, какъ предметъ научнаго анализа. *Н. Я. Грота.*—Нѣсколько поправокъ къ тексту Горація. *Г. Э. Зенгера.*—Первобытные славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ, по даннымъ лексикальнымъ. I, 1. *А. С. Будиловича.*

III ТОМЪ (распроданъ).

Дипломатическія сношенія и борьба Императора Александра I съ Наполеономъ. *П. И. Люперсольскаго.*—Состояніе образованія въ Россіи въ царствованіе Александра I. *Н. Я. Аристова.*—Гимназія высшихъ наукъ Князя Безбородко въ Нѣжинѣ (1820—1832 г.). *Н. А. Лавровскаго.*—Рѣчь М. Туллія Цицерона о консульскихъ провинціяхъ. *Р. А. Фохта.*—Патмосскія схоліи къ Демосѳену. *П. В. Никитина.*—Первобытные Славяне. I, 2. *А. С. Будиловича.*

IV ТОМЪ Вып. I. (Ц. 75 к.)

Заговоръ графовъ Петра Зринскаго и Франца Франкопана. *А. С. Будиловича.*—Историко-литературный разборъ поэмы Ивана Гундулича

„Османъ". *Р. Ѳ. Брандта.*—Еще нѣсколько замѣтокъ о трудныхъ мѣстахъ у Горація. *Г. Э. Зенгера.*

IV ТОМЪ. Вып. II. (распроданъ).

Психологія чувствованій I. *Н. Я. Грота.*

V ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.).

Политическая и литературная дѣятельность Цицерона. *П. А. Адріанова.*—Психологія чувствованій. II. *Н. Я. Грота.*—Начертаніе славянской акцентологіи. *Р. Ѳ. Брандта.*

VI ТОМЪ (распроданъ).

Къ біографіи Н. В. Гоголя. *Н. А. Лавровскаго.*—Гоголь, какъ національный русскій поэтъ-художникъ. *И. А. Сребницкаго.*—Первобытные Славяне. II, 1. *А. С. Будиловича.*—Еще по поводу вопроса о психологіи чувствованій. *Н. Я. Грота.*—Новыя догадки о порченныхъ чтеніяхъ у Горація. *Г. Э. Зенгера.*—Критическія замѣтки. О знакахъ ударенія въ папирусномъ спискѣ Алкманова Парѳенія. *С. Н. Жданова.*—Синтаксисъ Аполлонія Дискола. I. *А. В. Добіаша.*

VII ТОМЪ (распроданъ).

† Николай Яковлевичъ Аристовъ. (Некрологъ).—Къ вопросу о реформѣ логики. I. *Н. Я. Грота.*—Критическія и экзегетическія замѣтки. *С. Н. Жданова.*—Критическія замѣтки къ т. н. двумъ первымъ книгамъ Проперція *Г. Э. Зенгера.*—Высшія учебныя заведенія съ интернатами въ Германіи и Франціи. Графа *А. А. Мусина-Пушкина.*—Дядька въ затруднительномъ положеніи. Комедія графа *Жиро.* Переводъ съ италіянскаго *Н. В. Гоголя.*—Памяти Гоголя. Матеріалы для библіографіи литературы о немъ. *С. И. Пономарева.*—Разборъ сочиненія Шушерина о жизни и дѣятельности патріарха Никона. *М. А. Казминскаго.*—Францискъ Ладиславъ Челяковскій. *В. Н. Шамраева.*—Оцѣнка литературной дѣятельности Андрея Сладковича. *Н. И. Иванова.*—О бытѣ, преданіяхъ и понятіяхъ Болгаръ, по памятникамъ народной словесности. *А. Я. Никольскаго.*

VIII ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.).

Нѣсколько замѣчаній объ употребленіи иностранныхъ словъ. *Р. Ѳ. Брандта.*—Объ исторіи, какъ народномъ самосознаніи. *М. Н. Бережкова.*—Памяти В. А. Жуковскаго. *М. Н. Бережкова.*—Критическія и экзегетическія замѣтки. *С. Н. Жданова.*—Синтаксисъ Аполлонія Дискола.

II. *А. В. Добіашъ.*—Къ вопросу о реформѣ логики. II. *Н. Я. Грота.*—Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ. *Ф. Г. Миклошича.* Переводъ *Н. В. Шлякова*, подъ редакціею *Р. Ѳ. Брандта.* I.

IX ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.).

Критическія и экзегетическія замѣтки. *С. Н. Жданова.*—Эпиграфическія и другія замѣтки. Г. *Э. Зенгера.*—P. Terenti Afri Eunuchus съ введеніемъ, объясненіями и критическимъ прибавленіемъ. I. *А. М. Фогеля.*—M. Tulli Ciceronis Laelius de amicitia. Текстъ съ объясненіями. *П. А. Адріанова.*—Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ *Ф. Г. Миклошича.* Перев. *Н. В. Шлякова*, п. ред. *Р. Ѳ. Брандта.* II.

X ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.).

Критическія и экзегетическія замѣтки. *С. Н. Жданова.*—P. Terenti Afri Eunuchus. II. *А. М. Фогеля.*—*Миклошичъ*, Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ. Перев. *Н. В. Шлякова*, п. ред. *Р. Ѳ. Брандта.* III—IV.—Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. *Е. Ѳ. Карскаго.*

XI ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.)

Грамматическія наблюденія. *С. Н. Жданова.*—Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ. *М. И. Соколова.*—*Миклошичъ*, Сравн. морфологія слав. языковъ. Перев. *Н. В. Шлякова*, п. ред. *Р. Ѳ. Брандта.* V.—Titi Livii ab urbe condita lib. XXX, съ объясненіями. *А. М. Фогеля.*—Разборъ книги: Основанія метрики у древнихъ грековъ и римлянъ, Я. Денисова. *Н. Ф. Фоккова.*

XII ТОМЪ. (распроданъ.).

Преподобный Сергій Радонежскій. *И. А. Сребницкаго.*—Троицкая Сергіева Лавра въ смутное время Московскаго государства. *М. Н. Бережкова.*—Церковно-государственное служеніе русской землѣ преп. Сергія и основанной имъ обители. *М. И. Лилеева.*—Матеріалы для исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII в. *М. И. Лилеева.*—Матеріалы и замѣтки по исторіи древней русской письменности (I) *Е. В. Пѣтухова.*

XIII ТОМЪ (распроданъ).

Разборъ взгляда Шаршмидта на Платона. *А. В. Добіаша.*—О важности изученія римской государственности и главнѣйшихъ характеристическихъ чертахъ ея. *И. Г. Турцевича.*—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII в. (гл. I—III). *М. И. Лилеева.*—Матеріалы и замѣтки по исторіи древней русской письменности (II—III). *Е. В. Пѣтухова.*

XIV ТОМЪ. (Ц. 2 р. 50 к.)

Замѣтки по греческому синтаксису. (Очеркъ симасіологія глагола). *А. В. Добіаша.*—M. Tullii Ciceronis Cato maior de senectute, съ объясненіями. *А. М. Фогеля.*—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII в. (гл. IV—VII). *М. И. Лилеева.*

XV ТОМЪ. (Ц. 3 р.).

Гимназія высшихъ наукъ Кн. Безбородко (1820—32). *Е. В. Пѣтухова.*—Лицей Князя Безбородко (1832—75). *И. А. Сребницкаго.*—Памятная книжка Ист.-фил. Института Князя Безбородко (1875—95).—Замѣтка о библіотекѣ Института. *А. В. Добіаша.*—Замѣтки о рукописяхъ, хранящихся въ библіотекѣ Института. *Е. В. Пѣтухова.*—Письма Гоголя къ Прокоповичу. *Е. В. Пѣтухова.*—О картинной галлереѣ Института. *І. Г. Турцевича.*—Нѣжинъ въ началѣ XIX в. *М. Н. Бережкова.*—Народныя историческія пѣсни, записанныя во Владимірской губ. *М. Н. Бережкова.*—Культъ Весты въ древнемъ Римѣ (продолженіе). *И. Г. Турцевича.*—Нарѣчія: домой, долой. *Е. Ѳ. Карскаго.*—С. С. Бобровъ. *С. Н. Брайловскаго.*—Миѳологія Слова о полку Игоревѣ. *И. В. Сребрянскаго.*

XVI ТОМЪ. (Ц. 3 р. 50 к.)

А. М. Фогель. (Некрологъ). *С. Н. Жданова.*—И. А. Левицкій. (Некрологъ) *М. Н. Бережкова.*—Опытъ симасіологіи частей рѣчи и ихъ формъ на почвѣ греческаго языка. *А. В. Добіаша.*—Замѣтки о рукописяхъ бѣлградскихъ и софійской библіотекъ. *М. Н. Сперанскаго.*

XVII ТОМЪ. (Ц. 3 р. 50 к.).

Душевное настроеніе Фридриха Великаго во время семилѣтней войны. *Е. Н. Щепкина.*—О шестой пѣснѣ Энеиды Вергилія. *А. А. Брока.*—Культъ Весты въ древнемъ Римѣ (продолженіе). *И. Г. Турцевича.*—Исторія Сербіи съ половины XIV до конца XV в., т. I (критическое изслѣдованіе источниковъ). *В. В. Качановскаго.*

XVIII ТОМЪ (Ц. 3 р.).

Научная цѣнность христіанскаго знанія. Свящ. *А. В. Лобачевскаго.*—Начало академической свободы въ западной Европѣ. *В. К. Пискорскаго.*—Объ одной историко-политической запискѣ временъ присоединенія Крыма. *М. Н. Бережкова.*—Homerica. *С. Н. Жданова.*—Неизданное письмо Фр. Авг. Вольфа. *Б. Ф. Бурзи.*—Обращенія къ императору провинціальныхъ сеймовъ, городскихъ и другихъ обществъ въ первые три вѣка римской имперіи. *И. Г. Турцевича.*—Н. А. Лавров-

скій. *А. В. Добіаша.*—Описаніе рукописей библіотеки Института. Подъ ред. *М. Н. Сперанскаго.*—Изъ исторіи сербской литературы, *В. В. Качановскаго.*—Что такое филологія и каково ея значеніе? *А. В. Добіаша.*

XIX ТОМЪ (Ц. 1 р. 75 к.)

Описаніе рукописей библіотеки Института, окончаніе (см. XVIII томъ „Извѣстій"), сост. *М. Н. Сперанскій.*—Религія Лукреція. *А. А. Брока.*—Обращеніе къ императору провинціальныхъ сеймовъ, городскихъ и другихъ обществъ въ первые три вѣка римской имперіи, приложеніе (см. XVIII томъ „Извѣстій"). *И. Г. Турцевича.*—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв., выпуска II, части I-й стр. 1—90. *М. И. Лилеева.*—Задачи исторіи античныхъ литературъ, вступительная лекція. *М. И Мандеса.*—Памяти В. В. Качановскаго. *М. Н. Сперанскаго.*

XX ТОМЪ (Ц. 2 р.).

Отчетъ о дѣятельности временной „Гоголевской" коммиссіи, составилъ *И. А. Сребницкій.*—Памяти Н. Е. Скворцова. Проф. Г. *В. Малеванскаго.*—Объ источникахъ Аѳинскаго права. Проф. *Б. Ф. Бурзи.*—Новооткрытая „Буквица" Досиѳея Обрадовича. Проф. *К. Ѳ. Радченка.*—Малоизвѣстное сочиненіе Евѳимія Зигабена, трактующее о богомилахъ. Проф. *К. Ѳ. Радченка.*—Отношеніе Великаго Курфюрста Фридриха Вильгельма къ земскимъ чинамъ Бранденбурга по вопросу объ акцизномъ налогѣ. Бывш. студ. *А. И. Солнцева.*—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв. Выпускъ II. (Продолженіе). *М. И. Лилеева.*

Историко-филологическій Институтъ Князя Безбородко въ Нѣжинѣ. 1875—1900. Преподаватели и воспитанники. (Ц. 1 р.).

Гоголевскій Сборникъ (Юбилейный). изд. состоящей при Истор.-Филол. Инстит. Гоголевской Коммиссіей подъ ред. М. Сперанскаго. Кіевъ 1902. (Ц. 2 р.).

1) *М. Н. Сперанскій*: Одно изъ послѣднихъ писемъ Н В. Гоголя.

2) *П. А. Заболотскій*: Н. В. Гоголь въ русской литературѣ.

3) Гоголевская выставка.

4) *И. А. Сребницкій*: Матеріалы для біографіи Н. В. Гоголя изъ архива Гимназіи высшихъ наукъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ
КІЕВСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ
въ 1903 году,

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлію, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и посторонниxъ слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10 Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборъ дисертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части: 1)—оффиціальную, протоколы, отчеты и т. п.—2)—неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—*критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники*, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ

при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1903 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ **Извѣстій** безъ пересылки **шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ**, а съ пересылкой **семь рублей**. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе **Университетскихъ Извѣстій** 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими или къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину (въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же), или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ *В. Иконниковъ.*
